

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир
Земля Обетованная

Том четвёртый

18+

Татьяна Николаевна Зубачева

Аналогичный мир. Том четвёртый. Земля обетованная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64229192

SelfPub; 2021

Аннотация

В великом множестве и разнообразии обитаемых миров встречаются порой удивительные совпадения... Место действия – не Земля или не совсем Земля. Этот мир не хуже и не лучше любого другого «земного» мира. Может, он параллелен нашей Земле, а может, перпендикулярен... А может, это просто один из вариантов. Любой мир велик и безграничен для живущих в нём, конечно же, людей, называющих свою планету Землёй, а светило – Солнцем, и убеждённых в своей значимости и неповторимости. Но все миры схожи и история разных человечеств схожа, потому что закономерности развития планет и обществ при всём разнообразии форм схожи и аналогичны, иногда до мелочей. Однако аналогия – не тождество!

Содержание

Книга 9	5
Тетрадь шестьдесят шестая	5
Тетрадь шестьдесят седьмая	128
Тетрадь шестьдесят восьмая	231
Тетрадь шестьдесят девятая	358
Тетрадь семидесятая	494
Тетрадь семьдесят первая	595
Тетрадь семьдесят вторая	759
Книга 10	908
Тетрадь семьдесят третья	908
Тетрадь семьдесят четвёртая	1006
Тетрадь семьдесят пятая	1078
Тетрадь семьдесят шестая	1136
Тетрадь семьдесят седьмая	1315
Тетрадь семьдесят восьмая	1415
Тетрадь семьдесят девятая	1705

Татьяна Зубачева
Аналогичный мир.
Том четвёртый.
Земля обетованная

Книга 9
Страсти по Андрею
122 год
Весна-Лето

Тетрадь шестьдесят шестая

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

событие. Настолько значительное, что готовились к нему заранее. Здание было построено, вернее, кардинально перестроено, в приличном районе, но недалеко от Цветного квартала, нашли учителей, согласных учить, не взирая на расу, и теперь предстояло набрать учеников. Об этом писали в газетах, говорили в церквях, судачили в лавках и спорили в барах. Дело-то неслыханное! Чтоб белые и цветные вместе учились! Писали, что примут всех, а экзамены только чтоб класс определить, что за неимущих платят мэрия и благотворители, а определяет кто? Заявку пишешь, и совет попечительский решает. А в совете-то, там кто? А... тут самым популярным был ответ: «Кто их знает?!» с разными модификациями и уточнениями. Готовились все. И волновались все.

В день приёмного собеседования детей с утра отмывали, причёсывали, одевали, давали последние наставления.

Ларри был уверен в Марке. И сам он с ним занимался, и пансион многое дал мальчику, и всё же... Ларри повязал перед зеркалом галстук, надел пиджак и оглядел сына. Марк стоял перед ним навытяжку, демонстрируя полную готовность. Брюки со стрелками, в ботинки можно смотреться, как в зеркало, белоснежная рубашка с нагрудными карманами с клапанами застёгнута на все пуговицы и повязан галстук-шнурок, чёрные кудряшки лежат ровной расчёсанной шапочкой. Ларри улыбнулся.

– Всё хорошо, Марк. Пора идти.

Их новый дом ещё только строился, и они по-прежнему

жили у Майэллы, но все документы уже оформлены.

– Пап, – они уже шли по коридору, – а какой адрес мне называть, если спросят?

– Этот, Марк, – вздохнул Ларри. – Мы не завтра переедем.

Марк тоже вздохнул. Новый дом, а отец уже дважды брал его с собой смотреть, как идёт стройка, ему очень понравился. Даже было странно, что весь дом в два этажа, с подвалом и просторным чердаком будет только их. А ещё перед домом лужайка и маленький дворик сзади.

Дядюшка Пинки пожелал им удачи, не спросив, куда они – такие нарядные – отправились в субботу. А чего спрашивать, когда и так всё и всем известно и понятно.

Чем ближе к школе, тем больше вокруг родителей с детьми, и все шли в одном направлении. С некоторыми Ларри обменивался приветствиями. Марк тоже здоровался со знакомыми по пансиону. В просторном школьном дворе было уже тесно и стоял ровный тихий гул детских и взрослых голосов. Ни смеха, ни беготни. Белые и цветные старались держаться ближе к своим, но всё равно перемешивались.

Ровно в девять на крыльцо вышел директор школы – худощавый седой мужчина в очках с такими толстыми стёклами, что его глаза казались гораздо больше обычных, белый, но по толпе сразу пошёл быстрый шум, что этот, как его, ну, директор, был против Империи и рабства и чуть ли не в тюрьме сидел за это, а вот это уже брехня, живыми оттуда, кто против Империи, не выходили, а ну тихо вы... Директор за-

говорил, и наступила такая тишина, что каждое слово было слышно. Он поблагодарил пришедших и сказал, что дети сейчас пойдут в школу, в зал. Родители должны ждать во дворе. Списки по классам будут вывешены завтра в десять утра.

Марк снизу-вверх посмотрел на отца.

– Не беспокойся, пап, я справлюсь.

– Я знаю, – кивнул Ларри и отпустил руку Марка. – Удачи, сынок.

Марк старательно улыбнулся ему и очень решительно шагнул вперёд. Он шёл, выпрямившись, высоко подняв и даже чуть закинув назад голову, чтобы набухшие на глазах слёзы не выкатились наружу.

Белые и чёрные, мулаты и трёхцветки всех цветов, мальчики и девочки, подростки и совсем малыши, в хороших костюмах, нарядных платьицах и тщательно отстиранных, подшитых и заштопанных одежках, лаковых туфельках и заплатанных башмаках, – все они поднимались по белым широким ступеням и скрывались за отмытыми до зеркального блеска дверями.

Негритянка в цветастой шали на плечах промокнула глаза зажатым в мозолистом кулаке платочком. Коренастый белый мужчина с сединой в желтоватых волосах, нервно ломая спички, закурил. Постепенно родители разбрелись по двору, рассаживались на каменной ограде и скамейках на игровой площадке. Никто не ушёл.

Всех будущих учеников привели в большой, уставленный стульями зал. И когда они, настороженно косясь друг на друга и стараясь держаться рядом со знакомыми, расселись, их стали вызывать. Сначала увели всех малышей, которые шли в первый класс, потом вызвали белых подростков, которые раньше учились в других школах, потом... ещё, и ещё, и ещё... И наконец:

– Левине Маркус.

– Я, – встал Марк.

– В седьмой кабинет, – улыбнулась ему и ещё десятку цветных мальчиков примерно одного возраста белая молодая женщина в очках – секретарь школы мисс Джулианс.

Седьмой кабинет ничем не отличался от класса в пансионе, даже учебные столы-парты такие же, и Марку стало легче. Они сели, как им сказали, по одному, и перед каждым положили ручку и несколько листков в линейку и в клеточку.

– Наверху пишете полностью фамилию и имя, – сказал им молодой светловолосый мужчина.

Марк достал свою ручку – подарок отца и к тому же свой инструмент надёжнее – и старательно склонился над листком.

Сначала писали диктант. Десять предложений. Вначале до смешного лёгкие, он такие ещё в имении писал под диктовку дяди Стефа, а потом посложнее, а два последних предложения длинные, с длинными словами. В одном слове он был не уверен, но исправлять не решился, да и непонятно, что и

как исправлять. Вот чувствует, что неправильно написал, а найти ошибку не может.

Написав диктант, отложили листы в линейку, взяли в клеточку и решали примеры и задачи. Двадцать примеров и три задачи. Здесь так же: первые очень лёгкие, а потом сложнее и сложнее. Последняя задача была очень хитрой, чтобы подобраться к ответу, пришлось три дополнительных действия сделать.

Сдавая свои листки, Марк заметил, что последнюю задачу решили не все.

После всего этого они вернулись обратно в зал. Малышей не было, и самых старших тоже. И сначала шёпотом, а потом всё смелее они стали разговаривать. Кто как написал какое слово, как решал задачи. Возвращались в зал ещё вызванные. Шум становился всё сильнее. А когда стали появляться старшие, пришла секретарь и по списку вызвала первую группу на собеседование. Попал в эту десятку мальчиков и Марк. С тремя из вызванных он вместе писал диктант и решал задачи, ещё двоих – Риччи и Дика – знал по пансиону. Четверо остальных были белыми.

В этом кабинете за длинным столом сидели директор и ещё учителя. Среди них Марк увидел того светловолосого, что диктовал им, и почему-то успокоился. Они сели за парты и выходили по одному к столу, рассказывали о себе и отвечали на вопросы. От волнения Марк плохо слушал, о чём спрашивают и что отвечают, от напряжённо ждал своей оче-

реди.

– Молодец, садись, – отпустили на место рыжего мальчишку в новеньких ярко-голубых джинсах. – Следующий.

Следующим был Марк. Вздрогнув, он встал и вышел к столу.

– Назови своё полное имя.

– Маркус Левине, сэр.

– Ты уже учился в школе?

– Нет, сэр. Когда мы жили в имении, со мной занимался отец, и ещё дядя Стеф, а здесь я ходил в пансион мистера Эдуарда Хольмстона.

Одобрительные улыбчивые кивки. И Марк перевёл дыхание: пронесло. В начале-то он совсем по... по-детски сказал, только к концу фразы выправился. Потом его попросили назвать свой полный адрес, спросили, какие графства и штаты он ещё знает, а знает ли про океаны, горы и другие страны. Вопросы были лёгкие, и отвечал Марк уверенно и даже не удержался от лёгкого хвастовства:

– Я могу показать это на глобусе, сэр.

– Молодец, – рассмеялись в комиссии.

Ещё несколько вопросов, и его отпустили. Марк сел на место и перевёл дыхание. Кажется, он на все вопросы ответил правильно. Покосился на соседей. У стола теперь стоял Дик, отвечал правильно, только раз от волнения сбился и вместо «сэр» сказал «масса», но на него, похоже, не рассердились.

Дик отвечал последним. Когда он сел на своё место, встал

директор.

– Спасибо, ребята. Вы все молодцы, отвечали очень хорошо. Теперь можете идти отдыхать, а завтра после десяти приходите смотреть списки. Вы всё поняли?

– Да... да, сэр, – закивали они вразнобой.

– Пройдёте налево по коридору и прямо в центральный холл. Не заблудитесь?

– Нет... нет, сэр... до свидания, сэр...

Они дружно повскакали с места, едва директор кивнул, и вылетели, толкаясь, за дверь, даже не расслышав смеха за столом комиссии.

По коридору и холлу они пробежали все вместе, уже не разбираясь, кто какого цвета, и только во дворе остановились, выглядывая родителей.

– Папа! – Марк со всех ног кинулся к отцу.

Ларри встал ему навстречу, обнял.

– Ты в порядке, сынок?

– Да, – Марк прерывистым вздохом перевёл дыхание. – Пап, я всё решил. И написал, и на вопросы ответил.

– Молодец, – Ларри погладил его по голове.

– Пап, я в одном слове не знаю...

– Давай посмотрим, – Ларри достал из кармана блокнот с ручкой и дал Марку. – Ну-ка, напиши.

Марк, даже не обратив от волнения внимания, что отец разрешил ему взять свой инструмент, старательно написал то слово. Получилось криво: он ещё не умел писать на весу.

Посмотрев, Ларри вздохнул и исправил. Целых две буквы!

– Папа...! – выдохнул Марк.

– Ничего, сынок, – Ларри спрятал блокнот и улыбнулся сыну. – Я думаю, это не страшно.

Марк уже спокойно вздохнул и огляделся. Народу во дворе стало заметно меньше. Ну да, списки завтра, сегодня чего ждать...

– Пойдём домой, пап?

– Как хочешь, – лукаво улыбнулся Ларри. – Сегодня твой день, решай сам.

Маршрут, включавший посещение кафе-мороженого, кино и чего-нибудь ещё, был у Марка уже давно продуман. И сейчас, идя рядом с отцом, он его излагал во всех подробностях. К его полному удовольствию, отец не только согласился, но и внёс целый ряд очень приятных дополнений.

Удовольствия начались прямо за школьной оградой, где как из-под земли появились тележки-лотки со сладостями, игрушками и всякой канцелярско-школьной мелочью. Рассмотрев всё очень внимательно, купили яркий мячик-головолонку и отправились за хорошим мороженым.

Марк шёл рядом с отцом, крепко держась за его руку и уже спокойно рассказывая об экзамене. Какой был диктант, какие примеры и задачи.

Хорошее кафе-мороженое находилось в этом же квартале. И Ларри решил рискнуть: вряд ли рядом с Общедоступной школой им откажут в обслуживании.

Люди часто думают одинаково. Ларри убедился в этом, увидев в кафе множество запомнившихся по ожиданию на школьном дворе лиц. Почти все, кому позволяли деньги, привели своих детей сюда поесть по-настоящему хорошего мороженого. Ларри и Марк остановились на пороге, выглядывая свободное место.

– Эй! – окликнули их.

Марк сразу узнал рыжего мальчишку, который отвечал перед ним. А окликнул их его отец, такой же рыжий и голубоглазый.

– Давайте сюда, – помахал он им, а когда они подошли, широко улыбнулся Ларри. – Гарольд Свенсон, можно просто Гарри.

– Лоуренс Левине, Ларри, – представился Ларри, отвечая на рукопожатие и усаживаясь напротив.

Покосившись на отцов, мальчишки одновременно протянули друг другу руки.

– Нильс.

– Марк.

Подошедшая к ним официантка сразу предложила фирменного шоколадного с кокосовой стружкой по три шарика, а мужчинам по коктейлю, тоже фирменных специальных праздничных. Они согласились.

– А повезло с погодой, – начал Гарри.

– Да, вы правы, – кивнул Ларри.

После нескольких фраз о погоде перешли на экзамены.

Марк и Нильс помалкивали, наслаждаясь мороженым. Обсудив экзамены, что сложные, конечно, но в меру и по силам, отцы заговорили о политике. Оба сходились во мнении, что мэр важнее президента, а с мэром Колумбии повезло, поговорили и о футболе, что «Колумбийские ястребы» раскатают луизианских земноводных в лепёшку, те только назвались «Акулами», а так-то... Так, неспешно попивая коктейли – к удовольствию Ларри, весьма слабоалкогольные – они побеседовали, пока мальчишки доели мороженое, и, вполне дружески распрощавшись, расплатились и разошлись.

– Пап, – Нильс, когда они достаточно отошли от кафе, дёрнул отца за руку. – А чего ты с этим чёрным так?

Гарольд усмехнулся.

– Умный, сынок, никогда не будет ссориться с сильным.

– Он что? – не поверил своим ушам Нильс. – Сильнее тебя?! Ты ж ему так врезать можешь...!

– Сильнее, – вздохнул Гарри. – Мне на костюм, как у него, за год не заработать. Деньги – главная сила, запомни, – и повторил: – С сильным не ссорятся.

– И что мне, – Нильс обиженно надул губы, – с этим чёрным дружить, что ли?

– Можешь не дружить, – усмехнулся Гарри. – Он сам по себе, ты сам по себе. И всё.

Нильс кивнул, и дальше они шли молча.

После такого необыкновенного мороженого обедать совсем не хотелось. Марк так и сказал отцу, когда они вышли

из кафе.

– Хорошо, – улыбнулся Ларри. – Обедать не будем.

– А теперь в кино?

– Как и решили.

Они уже подходили к Цветному кварталу. Излишества опасны – Ларри это хорошо знал и считал, что продолжать праздник лучше среди своих.

Возле кинотеатра они встретили почти всех цветных, кто был сегодня на школьном дворе. Разговоры, обсуждения...

– Ох, уж и не знаю, – качала головой негритянка в цветастой шали, державшая за руку маленькую смуглую девочку. – Как она там будет? С белыми-то...

– Ну, что вы, – мягко возразил Ларри. – Среди них есть очень приличные люди.

– Бывает по-всякому, – согласились с ним.

– Да уж, что мы – каждый наособицу, что они...

Очередь двигалась медленно, и, пока добрались до кассы, обсудили всё во всех деталях.

И кино было очень хорошее, про зверюшек, что жили в лесу, хотя иногда и ссорились, но от охотников друг друга спасали. Это ж надо, какое кино у русских, что детям, что родителям интересно.

На следующий день в школьном дворе опять не протолкаться. Многие пришли сразу после церкви и потому были в своей лучшей одежде. Марк и Ларри тоже «по-воскресно-

му». Самому Марку, конечно бы, не пробиться к спискам, но отец, во-первых, выше всех, а во-вторых, знает, где искать.

– Мы записывались в третий класс, сынок. Вот и давай смотреть.

Всех классов было по два. Маркус Левине значился в третьем «А». А когда просмотрели весь вписок, нашли там и Дика, и Риччи, и Нильса Свенсона.

– Здорово, правда, пап?

– Конечно, – согласился Ларри.

Насладившись видом своей фамилии в списках, помогли разобраться другим и стали выдираться из толпы. Увидев Эдуарда Хольмстона, Ларри подошёл к нему. Поблагодарить за отличную подготовку. Сдерживая счастливую улыбку, Хольмстон признательно склонил голову.

– Спасибо. Марк способный и был уже подготовлен. Я только отшлифовал.

– Я ювелир, – улыбнулся Ларри, – и знаю, что самый лучший камень мало стоит без умелой огранки и шлифовки.

– Ну, булыжник как ни шлифуй, бриллианта не получится, – ответно рассмеялся Хольмстон.

К Хольмстону подошли ещё родители – их дети, занимавшиеся в пансионе, так же удачно выдержали экзамен – и Ларри, ещё раз поблагодарив, распрощался и отошёл. Надо дать и другим поговорить.

Толпа у списков то редела, то снова сучивалась. Тут же знакомились и дети, и взрослые. Все классы оказались сме-

шанными: девочки и мальчики, белые и цветные, а в некоторых классах и разновозрастные. Но ведь школа потому и называется «Общедоступной».

Стоя у окна, директор и учителя следили за этой толпой. Вчера они допоздна сидели, сортируя работы и свои записи, и распределяли учеников по классам, ломая головы, как сделать старшие классы не сплошь белыми: цветных детей с соответствующей подготовкой фактически не было. Ну что ж... Директор обернулся и оглядел свою команду, почти – он усмехнулся – боевое подразделение. Хотя, почему «почти»? Война продолжается, и до полной победы ещё далеко.

– Ну, надо выйти, поговорить. Вперёд?

Ему ответили кивками и улыбками.

Появление на крыльце директора и учителей вызвало мгновенное замешательство.

– Пап, – Марк дёрнул отца за руку. – Вон тот, это он нам диктовал. И в комиссии сидел, – и неуверенно предложил: – Подойдём?

Ларри посмотрел на высокого светловолосого юношу в строгом «учительском» костюме. Почувствовав его взгляд, тот обернулся. Они сразу узнали друг друга и одновременно пошли навстречу.

– Рад видеть вас, мистер Левине.

Он протянул руку, и Ларри свободно ответил на рукопожатие.

– Я тоже очень рад видеть вас, сэр. Мистер Кроуфорд?

– Да, совершенно верно, – Сидней улыбнулся стоящему рядом Марку, – Молодец, всё правильно решил и диктант очень прилично написал. Всего две ошибки.

Марк смущённо улыбнулся. А тут ещё выяснилось, что Сидней Кроуфорд будет заниматься как раз с их классом.

– Да, третий «А» – мой класс.

– Очень приятно, сэр.

Как-то незаметно, будто само собой, вокруг Кроуфорда собрался почти весь третий «А».

Сидней старался держаться как подобает учителю, и, судя по почтительным взглядам и обращениям, ему это удалось. Ещё только увидев списки предварительной записи, он обратил внимание на редкую фамилию Левине, а вчера убедился. Да, тот самый. И Ларри в госпитале говорил ему о сыне. Конечно, то, что Марк – вряд ли его зовут полным именем – попал в его класс, случайность, но... но всё predetermined свыше, как любит говорить мама, и он очень рад, что так случилось. Ему, как начинающему учителю, дали разновозрастной класс, чтобы ко всем трудностям не прибавлять ещё и разрыв в возрасте.

Вопросов было много, но Сидней, к счастью, знал, что отвечать. Что специальной формы для школы не нужно, а вот для занятий спортом костюм понадобится, что тетради, альбомы для рисования, карандаши... родители пытливно выспрашивали о мелочах, таких важных и значимых.

Наконец, вопросы иссякли, и разговор закончился общим

решением собраться уже, скажем, через неделю, чтобы выбрать, кто от их класса войдёт в попечительский совет школы, да, конечно, школа известит, позвонит или даже пришлёт письмо, адреса-то есть. И на этом распрощались.

– Пап, – рискнул спросить Марк, когда они отошли от школы, – а откуда ты его знаешь?

– В русском госпитале наши палаты были рядом, – улыбнулся Ларри. – Он очень хороший человек. Думаю, Марк, тебе повезло с учителем.

Марк кивнул.

Сидней вернулся в учительскую с такой радостной улыбкой, что директор понимающе рассмеялся.

– Удачно познакомились с классом?

– Да, сэр, – расплывался в улыбке Сидней. – Отличные ребята. И родители.

– Рад за вас, – кивнул директор.

Что ж, будем надеяться, что в третьем «А» и дальше всё будет в порядке. В окно он видел, как непринуждённо Кроуфорд обменялся рукопожатием с высоким негром и с остальными разговаривал свободно, без натуги.

– Вы молодец, Сидней.

– Спасибо, сэр, – улыбался Сидней.

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

После сумасшедшей гонки и напряжения дремотная суэта имения. Просыпаешься от рассветного птичьего гомона и петушиного крика, в открытое окно тянет прохладными запахами земли и молодой листвы.

Фредди потянулся и, отбросив одеяло, рывком встал. Привести себя и комнату в порядок – дело пяти минут. Чего-то у Джонни тихо, не иначе, как ещё дрыхнет. И, выйдя на террасу, он, прежде чем спускаться по ступенькам, грохнул кулаком в дверь Джонатана.

– Спишь, лендлорд?

– И чего тебе, ковбой? – спросил, выходя из-за кустов, Джонатан.

– Хорош! – ухмыльнулся Фредди. – Крапивная ванна с утра – самое оно.

Джонатан показал ему оттопыренный большой палец. Он проснулся, услышав, как ворочается Фредди, и вылез в окно в одних трусах, пока тот ещё полусонный. Старинная ковбойская подначка «кто успел, тот всё и съел» на этот раз у Фредди не получилась.

Оставив Джонатана приводить себя в порядок, Фредди пошёл к загонам.

Постукивал на автомате движок, из барачной трубы валил дым, значит, Мамми уже встала, замычала одна из коров.

Фредди потянулся, упираясь кулаками в поясницу, и ковбойской развалкой направился к конскому загону, где уже фыркал, встречая его, Майор.

От барака прошли в коровник Дилли и Гвен – жена нового скотника Эйба, а через минуту и сам Эйб. Дилли уже опять работала, правда, не в полную силу, всё-таки младенец у груди, а Молли дохаживала последний месяц, но что-то по птичнику всё-таки делала.

Эйба и Гвен они наняли ещё в феврале, чтобы присмотр за скотом был, Роланду ж не разорваться. И тогда же решили, что нужен человек, всерьёз занимающийся садом и огородом. Садовника было найти сложнее, но им повезло. Умело пущенный через Мамми слух достиг нужных ушей, и в име-

нии появился Саймон тоже с женой – Эрси. Эрси возилась на птичнике и помогала мужу. Детворы сразу стало намного больше, в бараке заняты все выгородки, кроме выгородок Чака и Ларри. Стеф, передав первое письмо для Ларри через Фредди, наладил переписку. С Чаком никто переписываться не собирался, но его выгородка сохранялась за ним.

С шумом, визгом и гомоном вылетела из дверей барака ребятня. Май уже, не весна, а лето, и потому все босиком в рабских рубашонках и штанишках.

Фредди невольно усмехнулся, сразу вспомнив зимнюю распродажу...

...Дверь вещевой кладовки распахнута и перегорожена столом-прилавком. К их с Джонатаном крайнему изумлению, не просто пришли покупатели, но даже очередь – и не маленькая – получилась, и Мамми, гордо покрикивая, торгует с неожиданными бойкостью и сноровкой. Куртки, штаны, юбки, рубашки и кофты, шапки и платки... – прямо-таки в улёт уходят, а уж на сапоги спрос...

Чтобы не смущать покупателей, они с Джонни во время распродажи старались не маячить на виду. Но шум стоял такой, что они, и не видя, всё знали. А через три дня Мамми подошла к Джонатану с тетрадью, которую ей сделал Стеф специально для торговли, и узелком с деньгами.

– Вот, масса Джонатан, расторговались...

...Да, этого они с Джонни никак не ждали. Шестьсот двадцать кредиток. Доля Роба – тридцать одна кредитка, Мам-

ми – сто двадцать четыре, и им – четыреста шестьдесят пять. Пустячок, как говорится, но приятно. И это сколько ещё оставили. На всякий случай. А Роба стоит учить всерьёз. И, когда Роланд обиняком заговорил о деньгах, дескать, как их лучше потратить, он сказал в открытую:

– Оставь сыну на учёбу.

Роланд радостно закивал, а с Джонни в тот же день сам обговорил...

...Горит огонь в камине, сквозь плотные шторы слышны скрипы и постукиванья ветвей.

– Что думаешь делать с Робом?

– У него есть родители, – фыркает Джонни. – Пусть они и думают.

– До колледжа они сами не додумаются.

Джонни удивлённо смотрит на него поверх стакана.

– Может, ты и факультет подобрал?

– Через двадцать лет имение на Стефа не оставишь, – пожимает он плечами.

Джонни молчит, отхлёбывает из стакана и наконец кивает.

– Резонно. Цепняк теперь не нужен, а толковый управляющий...

...Да, всё так. Джерри уже сидит на ограде загона и чмокает, подзывает лошадей, показывая кусок хлеба. До чего ж настырен чертёнок.

Похлопав по шее Майора, Фредди прошёл мимо конюш-

ни на скотную. Ага, Джонни уже там, проверяет горлышки у бидонов. Мерно стучит движок Стефа, Монти уже выпустили в загон, и он опять гоняет ведро, хотя вымахал уже во взрослого быка, а дурашлив по-телячьи, пронзительно верещит, сзывая кур, Эрси, Сэмми с Билли и Диком – старшим сыном Эйба – шумно ломают перегородки в Большом доме.

– Фредди, проводка искрит.

– Опять?! Ну, на хрена такую дрянь было ставить?!

Осмотрев коров и поговорив с Эйбом и Гвен, Джонатан пошёл по остальным службам. Так, проводку Фредди сделает, конечно, но ведь опять заискрит в другом месте, а почему? Изоляция хреновая?

– Из ошмётков сляпано, вот и прорывает.

– Ляпали мы сами, вспомни.

– Угу. А ты вспомни: у нас тогда живые деньги были? – язвит Фредди. – Заказывай полный набор, лендлорд, заплатки не помогут. Пока не полыхнуло и мы здесь, всё и сменим.

– Резонно, – кивает Джонатан. – Сгоняю сейчас в Краунвилль. Кого из электриков позовём?

– О Мюллере неплохо отзывались. Если свободен сейчас, пусть со всей бригадой и едет.

– Их кормить и обслуживать надо, не забывай. И у него бывших пленных много.

– Не жмотничай, Джонни, на ремонтах больше потеряем. А пленные... ну, если кто и не довоевал, то не слышал, чтоб у Мюллера проблемы были.

Джонатан кивнул и пошёл к конскому загону за Лордом.

Обычные хозяйственные хлопоты, и кольт в кобуре для привычной тяжести на бедре. Опасности нет никакой. Ага, молоко понесли на кухню, и Вьун уже тут как тут, сопровождает. А Лохматка где? Уже у кухни сидит. Двух щенков привёз из очередной поездки в город ещё зимой Роланд. И клялся-божился, что не видел, как паршивцы залезли в фургон. Но когда Стеф сказал, что за кражу отвечать по закону придётся: породистые собаки бесхозными не бывают, заваруха давно кончилась, Роланд оправдался, что купил их честно и даже бумаги из кармана достал. Пока что дети дипломированных крысоловов предпочитали подлизываться к Мамми и демонстрировали любые таланты, кроме охотничьих. А кошка сама по себе пришла и прижилась в бараке. А чего ж нет, еды-то всем хватает, а мышей тоже кто-то должен гонять. Дармовая кошка осталась безымянной, а за Вьюна и Лохматку Джонатан отдал деньги Роланду: собаки-то для хозяйства куплены, и даже их бумаги со смешным названием: «Щенячьи карточки» забрал и спрятал у себя в сейфе.

Джонатан уже заседлал Лорда, когда Фредди подошёл к нему.

– Раз уж мы связываемся с Мюллером, подумай о хорошем холодильнике.

– Пока погреба хватает, но подумаю, – кивнул Джонатан, посылая Лорда вперёд.

Закончив свой обход в конюшне, Фредди пошёл на кухню.

Здесь на углу стола на салфетке его уже ждали большая фарфоровая кружка с горячим кофе, тарелка с кашей и лепёшка. Шумно хлебавшие кашу с молоком из своих мисок, Вьюн и Лохматка повиляли ему хвостами, не отрываясь от еды. Мамми домывала посуду от общего завтрака, и ей помогала Джой – дочка Эрси и Саймона. Ей исполнилось десять лет, с Томом и Джерри она не водилась и даже на Роба свысока посматривала: через два года она уже на устном контракте работать будет, а они – ещё малышня голопузая, вот Билли и Дик – другое дело, те уже работают. Да ещё на ней маленькие: своя сестричка и Малыш-Джонни – сын Дилли. Только успевай поворачиваться.

– Спасибо, Мамми, – Фредди допил кофе и встал.

– А и на здоровьичко, масса Фредди, – заулыбалась Мамми и незаметно подтолкнула Джой.

– На здоровье вам, масса, – послушно сказала она.

Ей Фредди ответил кивком: большего пока не положено.

Выйдя из кухни, Фредди надел шляпу, сдвинув её на затылок и оглядел двор. А смотри, как споро всё закручивается. Когда команда с умом подобрана, то и дальше идёт поумному.

Великая Равнина

Союз племён

Весна всегда была плохим временем. Голодным, мокрым... прежде всего, голодным. А когда зимние запасы не просто съедены, а их вообще не было... Оголодавшие за зиму охотники ничего не могут добыть, пушнины для торговли нет – много ли добудут голодные, а силы нужны для охоты жизни... Всё так, но, если к этому добавить боли, когда негнушующая полумёртвую ногу сводит болевой судорогой, головокружения от контузий при каждом наклоне к капкану, и... и это можно пережить. Страшно другое. Ты – обуза, не просто никому не нужен, а мешаешь. Ничего нет хуже жизни из милости. То, что ты можешь – не нужно, а нужного ты не можешь. И ты один. Есть род, но нет семьи. И не будет.

– Ты всё-таки уходишь.

Спящий Олень не спрашивает. Но он кивает в ответ.

– Мы не гоним тебя.

– Я знаю.

Жена и дочь Спящего Оленя, не поднимая голов, перебирают лоскуты кожи и клочки меха, шьют куртку единственному сыну и брату. Парень уже охотится наравне с отцом,

этим летом на Большом празднике Солнца пройдёт посвящение и получит имя. Он – настоящий индеец, завидный жених... Громовой Камень затянул завязки на вещевом мешке и достал сигареты, последнюю пачку. Спящий Олень кивнул, соглашаясь покурить на прощание.

Они сидели у огня и курили, глядя в огонь. Говорить не хотелось, да и не о чем. Из рода уходили и до него, будут уходить и после. Как и из других родов. Некоторые возвращались, но он не вернётся. Это тоже всем ясно. И его возвращения никто не будет ждать.

Громовой Камень докурил, выбросил крошечный окурок в огонь и встал, взял мешок и привычным движением надел его на плечи. Теперь в левую руку небольшой чемодан – тетради, карандаши, кое-какие книги, ещё всякая школьная мелочёвка. Купил, когда ехал из госпиталя, думал, что будет учительствовать. Не пришлось. Теперь в правую руку палку. Без костылей он обходится, а без палки... шагов десять по гладкому и ровному пройдёт, и не больше.

– Вы остаётесь, я ухожу, – ритуальная фраза прощания.

Пригнувшись, он вышел из типи и, не оглядываясь, пошёл к дороге. Снующие между типи ребятишки, занятые хозяйством женщины, отдыхающие у шатров мужчины – никто не окликнул его, не посмотрел ему вслед. Мужчина решает сам. И решает окончательно.

До дороги недалеко, здоровому час с небольшим идти, а ему... но род собирался откочевать ещё дальше, так что от-

кладывать уход было нельзя. Надо дойти до дороги. Там есть шанс найти попутку. Добраться либо до ГОКа, либо до Юрги, а уже оттуда автобусом до Эртиля.

Он шёл медленно, тщательно выбирая место для следующего шага. Ему нельзя падать. Каждое падение – это потеря сил и времени. Назад он не оглядывался. Зачем? Чтобы увидеть, как близко стойбище, и понять, насколько медленно он идёт? Хромая улитка – вот кто он теперь. Громовым Камнем его назвали за меткую стрельбу. И умение молча терпеть любую боль. Как камень. И то, и другое при нём и сейчас. Но для полноценной жизни не просто в стойбище, а вместе с родом – мало. Вон ту кочку надо обойти: нет места для палки, вот так, и взять левее, где просвет пошире. Вот так. Ну, до чего же болит, стерва, сырая весна, все старые раны ломит. И ещё шаг, и ещё... Вот так, всё путём, всё идёт, как надо. Армейские сапоги, конечно, тяжелее мокасин, и, когда идёшь, не чувствуешь земли, ломаешь веточки, шумишь прошлой листвой, но они лучше защищают ноги и не промокают, а обходить ещё и лужи он не может: слишком много лишних шагов.

Он шёл медленно и шумно, распугивая птиц и зверьков, то-то они небось потешаются над таким охотником. Нет, его охота кончилась...

...– Тебе повезло, парень.

Они курят в укромном углу госпитального сада. Присесть тут не на что, и они висят на своих костылях, прочно уперев

их в мёрзлую землю. Он невольно кивает: у его собеседника ног нет. Обе до колена ампутированы, вот и привыкает теперь к протезам. Но всё-таки возражает:

– Больно хреновое везенье, – и нехотя поясняет: – Не охотник я теперь.

И вполне логичный, вполне разумный ответ:

– Не одной охотой жив человек.

И ему нечего возразить. Он не может сказать, что человеком, мужчиной считают только охотника. Каков охотник – таков и человек. Ему... ему стыдно сказать об этом.

– Ты до армии кем был?

Он усмехается.

– Школьником. Закончил, получил аттестат и добровольцем.

Собеседник кивает.

– Понятно. А хотел кем?

Он вздыхает.

– Учителем.

– Ну, так чего ж ты?! Учитель – самое милое дело. Тут же голова, а не ноги нужны.

Он согласно кивает, не возражая вслух. Но знает: учителя слушают, когда тот охотник...

...Нет, он знал всё, всё понимал и всё равно, демобилизовавшись по полной, пошёл на учительские курсы. Два педагогических класса и годичные курсы... право преподавания в начальных классах и язык в средней школе. И его возвра-

щение в свой род, и... и его поражение. На что он надеялся, возвращаясь? На память о Синем Облаке. Но отец умер слишком давно, отцовские ровесники – дряхлые старики – тоже жили из милости. Но те хотя бы были когда-то охотниками и их уважали за их прошлые заслуги. Братья отца? Их тоже не осталось. Годы взяли своё. Век индейца и без войны недолог. Нет, его не гнали, Спящий Олень говорил правду, его терпели. И не больше.

– Ты из нашего рода. Живи, – сказал вождь.

Ему никто не мешал, он не может жаловаться в Совет. Не на что. А на помощь он и не должен был рассчитывать.

Ладно, это уже прошлое. А вон и дорога видна. Серая бетонная лента. За дорогой земля другого рода. А дорога ничья. Или общая. Это уж кто как думает.

На обочине Громовой Камень остановился и перевёл дыхание. Всё-таки дошёл! А если повезёт и его нагонит колонна с ГОКа, то и довезут. До Юрги уж точно.

Почему-то идти легче, чем стоять. То ли меньше болит, то ли не обращаешь внимания на боль. И он, перебравшись через узкий кювет, не спеша – быстро у него всё равно не получится – пошёл по направлению к Юрге...

...Громовому Камню опять повезло. Где-то через час с небольшим его нагнал не грузовик, а военный «козлик». Нагнал и, пискнув тормозами, остановился в метре впереди.

– В Юргу, браток? – высунулся из кабины голубоглазый метис в гимнастёрке без погон, но с нашивками.

Два лёгких, одно тяжёлое – определил Громовой Камень и улыбнулся.

– А до Эртиля если?

– А без если! Садись.

Забравшись в машину и разместив вещи, ногу и палку, Громовой Камень улыбнулся.

– Спасибо, браток.

– Спасибо в Эртиле будет.

Машина рывком прыгнула с места.

– Пехота? – бросил, не глядя, метис.

– Да, – кивнул Громовой Камень. – А ты?

– Автобат. Михаил Нутрянкин, честь имею.

– Громовой Камень. Очень приятно.

Чтобы обменяться рукопожатием, Михаил бросил руль, но машина у него словно сама по себе шла. Говорил он по-русски, очень естественно вмешивая слова на шауни.

– Решил, понимаешь, мамкину родину посмотреть, – охотно рассказывал Михаил. – Ну, дембельнулся вчистую, приехал, родню кое-какую отыскал. За давностью лет мамкин побег ей простили, да и не судят покойников, живи, говорят. А я прикипел. Смехота, а так и есть.

– На ГОКе работаешь?

– В автокомбинате. Мы везде, где надо, – Михаил весело хохотнул. – И где не надо, тоже.

– Имя получил уже? – не удержался Громовой Камень.

Михаил вздохнул.

– Год на это нужен, да и... охотник из меня... сам понимаешь. Нет, с мелкашкой хожу, в общем загоне с роднёй ходил, но на испытание – это ж с луком надо. Да ещё самому его сделать. И ещё всякое там. А работать за меня некому. Зима голодная была, на моей зарплате вся семья держалась.

Громовой Камень кивнул.

– А что, в Эртиле тоже охотой живут?

– Кто чем может, тем и живёт, – Михаил снова вздохнул. – Ну, да в каждом доме своего по кому... А, ч-чёрт!

Михаил затормозил так резко, что их бросило вперёд, и Громовой Камень еле успел подставить руку.

– В кювет, пехота!

Вывалиться из машины и броском откатиться в кювет удалось неожиданно легко. Привычно вжимаясь в землю, Громовой Камень не так услышал, как ощутил. Верховые, семь всадников, три и следом четыре... Уходят... Выстрелов не было, без огнестрела? Перестав ощущать топот копыт, он встал и тяжело вылез на дорогу. Михаил, злобно сопя, осматривал машину.

– Ну, – встретил он Громового Камня, – видал подлецов? Делать им нечего, межплеменную затеяли!

– Дорога же нейтральна, – Громовой Камень дохромал до машины и привалился к ней.

– Потому и уцелели. Меня-то они знают, и что за мной семья и автокомбинат мой, тоже знают. А вот ты... Не в племенном. Да им, браток, уже кровь глаза залила, стреляют, не

глядя, – и виновато улыбнулся. – Не простил бы я себе. Ладно, садись, браток.

Возле распахнутой дверцы в щели у подножки торчала стрела. Громовой Камень выдернул её, едва не обломив наконечник, и сел. Михаил захлопнул капот и сел за руль. Покопался на стрелу в руках Громового Камня.

– Боевая.

– Да, – кивнул Громовой Камень. – Не пойму только, чья.

– С той стороны небось. Новосёлы чёртовы. Допрыгаются, что Совет шуганёт их к чёртовой бабушке.

– До первой крови Совет не вмешается.

– А трупа нет, и вмешаться не из-за чего. А они, сволочи, трупы прячут. Вот и получается, что все знают, а ни хрена не докажешь. Весной вытаивали, так и волки, и лисы, иди проверь от чего, то ли на шатуна нарвался, то ли на двуногого. Они ж, гады, только холодняком, чтоб с гильзами не возиться.

Громовой Камень кивнул. Споры из-за земли – вечные споры. А тут ещё когда прошлым летом пошли эшелоны с той стороны... много всякого было.

– А ты как, пустой? – не удержался он.

– Голым не езжу, – серьёзно ответил Михаил. – Табельное с собой. Но... на крайняк, – и хохотнул: – Слишком хорошо стреляю.

На пустой дороге Михаил гнал на пределе. Вспомнили войну, перебрали фронты и госпитали – обоих помотало во-

енной судьбой, но раньше не встречались.

Когда на горизонте появились дымы Эртиля, Михаил спросил:

– В Эртиле у тебя есть кто?

– Ты меня к гостинице подбрось.

– Э-э, нет, – Михаил решительно вывернул руль. – У меня заночуешь.

Вперемешку огороды, сараи, типи, избы, кирпичные, дощатые и щитовые домики – каждый в Эртиле устраивался как хотел, как мог и как получалось. Спорить Громовой Камень и не пытался: законы гостеприимства и фронтового братства нерушимы.

Из-под колёс выскакивали куры, свора щенков с лаем гналась за машиной, безуспешно пытаясь укусить колёса, по сторонам трепещущее на натянутых верёвках разноцветное бельё, рамы с натянутыми для выделки шкурами, стайки детей... поворот, ещё поворот, ряд одинаковых щитовых домиков, даже покрашены все в один цвет.

– Тут все наши, с автокомбината, – Михаил помахал курившему на лавочке у дома мужчине и затормозил у домика с белым тотемным рисунком на голубых ставнях. – Рося!

Из дома выбежала молоденькая индианка и замерла, увидев незнакомого.

– Вот, Росинка, Громовой Камень у нас поживёт. Давай, браток, устраивайся, я пока машину в гараж отгоню.

И, когда Громовой Камень выбрался из машины, рванул

её с места и мгновенно исчез за углом. Росинка немного смущённо улыбнулась Громовому Камню.

– Мир вам и дому вашему.

– И тебе мир, – радостно откликнулась она ритуальной фразой.

Внутри домик был так же мал и казался просторным из-за отсутствия мебели. В единственной комнате вдоль стен просторные низкие лежаки, застеленные шкурами и узорчатыми одеялами, посередине низкий круглый столик, в прихожей вешалка, а на кухне печь с плитой, умывальник, стол-шкафчик, обычный стол и четыре табуретки.

Громовой Камень снял и повесил шинель, поставил под неё вещмешок и чемодан, положил палку, разуваться не стал и, пройдя через кухню в комнату, тяжело опустился на край правого лежака. Судя по ставням и рубашке Росинки, они из семинолов. А одеяла... разные, видно, прикуплены, или подарки.

За окном было уже темно. Вбежала Росинка, задёрнула занавеску и убежала на кухню. Громовой Камень достал сигареты и закурил. От печки, углом вдававшейся в комнату, ощутимо тянуло теплом. За стенами домика вечерний шум, в общем-то, тот же, что и в стойбище. Голоса женщин, созывающие детей, изредка лай собак. Хлопнула наружная дверь, и весёлый голос Михаила возвестил о его прибытии. Громовой Камень невольно улыбнулся, услышав его.

– Ну, как ты, браток? – заглянул в комнату Михаил. – Да-

вай, ужинать будем.

Ужинали на кухне, сидя за столом, ели с тарелок, и Росинка, вопреки обычаям сидела с ними. Хотя... он плохо знает, как с этим у семинолов. И еда русская – щи и прогретая на сковородке тушёнка.

Как положено, Громового Камня ни о чём не спрашивали, возведя этим в ранг гостя. Даже если бы выяснилось, что он из недружественного племени, это бы ничего не изменило. Гость неприкосновенен.

Ели молча. Еда – всегда серьёзное дело, а в голодный год... Поев, они с Михаилом ушли в комнату, предоставив Росинке самой управляться с посудой. Михаил зажёл лампу под потолком.

– Обещали и к нам линию протянуть, да какой-то дурак столбы на дрова попилит.

– Нашли?

Михаил покачал головой.

– Где там! Не будешь же по всем сараям шуровать. Теперь только через полгода, не раньше.

Они закурили, обменявшись сигаретами. Вошла Росинка, села с ногами на лежак за спиной мужа и занялась шитьём.

– Жить можно, – Михаил говорил теперь медленно и только на шауни, разглядывая сигаретный дым. – Жить везде можно.

– Да, – кивнул Громовой Камень. – Может, этот год будет удачным.

– Старики говорят, что по приметам так выходит, а там, – он невесело усмехнулся – Там как Гитчи-Маниту решит, так и будет.

Громовой Камень молча кивнул. Да, Гитчи-Маниту – Великий Дух, он над всеми и всем. Его не умилоставишь жертвой, он всё решает сам.

Докурив, стали устраиваться на ночь. Громовому Камню постелили на том же, правом «гостевом» лежаке. За окном шумел ветер, взлаивали собаки, где-то очень далеко прошумела машина.

Громовой Камень заснул сразу, но и сквозь сон ощущал боль в натруженной ноге и дыхание людей на соседнем лежаке.

Утро было пасмурным, но тёплым. За завтраком Громовой Камень сказал, что у него дела в центре.

– По начальству поход, – понимающе кивнул Михаил. – Меня если не пошлют куда, к пяти буду.

Громовой Камень благодарно улыбнулся. Как гость он не обязан отчитываться, но и хозяева не обязаны под него подстраиваться. А так и ему удобно, и хозяевам необременительно.

И из дома они вышли вдвоём. Вернее, первым вышел Громовой Камень и закуривал на крыльце, чтобы не мешать Михаилу проститься с Росинкой и решить свои кое-какие проблемы.

– Тебе на Центральную? – вышел на крыльцо Михаил.

– Да.

– Пошли, браток.

Вместе они дошли до конца улицы. Михаила то и дело окликали знакомые. Практически все шли в том же направлении и, видимо, как догадывался Громовой Камень, в то же место. Ну да, Михаил же так и говорил, что эту улицу автокомбинат для своих строил.

– Вот так, браток, держи по этой стороне, а там увидишь. До вечера.

– Спасибо, до вечера.

Прозвучало это уже в спину Михаила.

Странный всё-таки город – Эртиль. Тотемные столбы и знаки у домов, смешанная одежда и язык у прохожих, всадники и машины... всё здесь вперемешку. Так было, когда он учился. Правда, тогда он не видел, вернее, не понимал этой странности, думал, что так в городе и положено. Только наглядевшись на другие города, русские и с той стороны, целые и разбитые в щебёнку боями, понял. А сейчас... Эртиль остался собой, это он стал другим.

Дома становились двухэтажными, настоящими городскими, с магазинными витринами, вполне городские фонари, а вот поликлиника та же, и школа... До центральной площади осталось два квартала, и у школьной ограды он остановился. Передохнуть. И вспомнить. Он стоял и смотрел на бегущих и бредущих детей. Тогда он бежал. И мечтал, что когда-ни-

будь сам станет учителем.

– Громовой Камень? – удивлённо-радостно спросили за его спиной.

Он резко обернулся, едва не потеряв равновесие. И она не изменилась?!

– Вероника Львовна?! Здравствуйте, как вы?

– Здравствуй. Спасибо, по-прежнему, – улыбалась она. – А как твои дела?

Громовой Камень невольно опустил голову. Сухая ладонь учительницы легла на рукав его шинели.

– Всё будет хорошо.

– Спасибо, Вероника Львовна, – он заставил себя поднять голову и улыбнуться. – Я тоже так думаю.

Она задумчиво кивнула.

– У меня на пятом уроке окно.

– Спасибо, – он сразу понял. – Я не знаю, как освобожусь, но я обязательно найду.

– Удачи тебе.

– Спасибо. И вам... здоровья и удачи.

Он оттолкнулся ладонью от ограды и молодецки захромал дальше, чувствуя на спине её внимательный, необидно сочувствующий взгляд.

Вероника Львовна преподавала русский язык и литературу, а в педагогических классах и методике, общую и частную. И это её он увидел на границе в Кратово, когда после демобилизации и курсов возвращался на Равнину, а она уез-

жала в Россию в отпуск. Тогда пересеклись на вокзале, поздоровались, перекинулись парой фраз, и всё. Конечно, он зайдёт к ней, поговорит о школе, о прошлом. Оба сына Вероники Львовны и её муж с войны не вернулись. Он помнит тот день, когда она получила третью похоронку. На младшего. Она молча сидела и смотрела в окно, а они – тогда десятиклассники – сидели и читали, или делали вид, что читают. И тогда он не решил, нет, понял, что пойдёт воевать. Добровольцем. А если род не отпустит, то сбежит, порвёт с родом, уедет с Равнины, но добьётся своего. Но род спорить не стал. Год был сытным, молодых охотников много, а он уже пять лет жил в Эртиле, приезжая в стойбище только на каникулы, и сам чувствовал, что становится чужим. Отца уже не было, матери не стало ещё раньше, а отцовская родня уменьшалась с каждым его приездом. Он прошёл Посвящение, получил имя и уехал. Обещал вернуться и вернулся. А толку...

Вот и Центральная площадь с домом канцелярии и большим шатром Совета. Громовой Камень остановился перед ними, будто решая, куда идти. Хотя выбирать не из чего. Входное полотнище шатра опущено, из верхнего отверстия не видно дыма. Так что, в канцелярию. А чего это... пристройку, что ли, делают? Ну да, из резерваций столько приехало, дел у Совета куда больше стало. А что за дела без бумаг? Это пуля по прямой летит куда послали, а бумага сама цель ищет.

Он поднялся по неудобным крутым ступеням, толкнул

резную, украшенную тотемами племён и родов дверь. И здесь всё так же. Белые стены с орнаментами у карнизов и плинтусов, стрёкот пишущих машинок... Канцелярия. И... ну, сегодня точно день встреч.

– Комбат?!

– Гитчи-Маниту! Ты?! Сержант! Жив!

Они обнялись и так застыли. Выглянувшие из дверей на шум тут же исчезли, зная, что мешать нельзя.

Постояв так несколько минут, они наконец разомкнули объятия.

– Ну... – Гичи Вапе сглотнул. – Ну, рад тебя видеть, Громовой Камень.

– Я тоже рад тебя видеть, Большое Крыло, – улыбнулся Громовой Камень. – Ты здесь...

– Заездом, – рассмеялся Гичи Вапе. – Навестить родню, повидать друзей, ну, и по делам заодно. Будем тянуть дорогу от границы, железную дорогу, представляешь? Пока до ГОКа.

– Старики согласились? – изумился Громовой Камень.

– Ещё не совсем. До Эртиля упёрлись ввёртвую, а до ГОКа добьём.

– Слушай, комбат, а она так уж нужна? Может, шоссеек прибавить?

– Нужна. Шоссейки само собой, да и наезженных пока хватает, а у железки свои плюсы. С ГОКа увеличится вывоз, а это наш, – Гичи Вапе подмигнул, – экспорт, серьёзный и

основной, а не пушнина, денег сразу прибавится, а на них у нас почти всё и держится, это раз. С той стороны слишком многие охотиться не умеют, не могут и не хотят, это два. Вот они и смогут работать на стройке, а потом на обслуживании.

Громовой Камень нахмурился, соображая.

– Такие сложности, комбат?

Гичи Вапе вздохнул.

– Если бы только эти, сержант. С охотой ещё ладно, к тому же и добычи кое-где уже на всех не хватает, а землю расширять нам не дадут, да и некуда расширяться. А вот что они ни обычаев, ни языка не знают, никакой квалификации нет, и учиться не хотят...

– Ну, – Громовой Камень усмехнулся, – в последнем они не самобытны.

Гичи Вапе внимательно посмотрел на него.

– Солоно пришлось, сержант.

Он не спрашивал, но Громовой Камень кивнул и поправил:

– Хреново. Я же не охотник теперь.

– Так, понятно. И куда теперь думаешь?

– В Эргиле или Юрге поищу.

– Учителем?

– А кем ещё я могу работать, комбат? Я – учитель, я учился на это.

– Педкласс?

– Два года. И ещё год на курсах после дембеля.

– Так, – Гичи Вапе задумчиво кивнул. – Пойдём. Посидим и поговорим спокойно.

К удивлению Громового Камня, у Гичи Вапе был свой ключ от одного из кабинетов. Канцелярский стол со стульями и шкаф в одном углу и застеленный узорчатым одеялом низкий диван-лежак в другом. Так сказать, две цивилизации рядом.

– Отец сейчас в стойбищах, – улыбнулся Гичи Вапе. – Нам не помешают, устраивайся.

Они сели на лежаке.

– Ты курсы где кончал?

– В Прокопьевске. Я там долечивался, ну, и заодно.

До сих пор они говорили на шауни с редкими русскими словами, но Гичи Вапе перешёл полностью на русский, и Громовой Камень поддержал его.

– Начальные классы?

– И шауни в средней школе. А что, комбат, есть место?

– Есть дело, – поправил его Гичи Вапе. – Понимаешь, дело. Серьёзное и долгое. Не все из резерваций поехали к нам, многие осели в России, особенно те, кого там называли интегрированными. Понимаешь?

– Представляю.

– И ещё многие уезжают с Равнины. И из новосёлов, и из старых родов. И тоже... интегрируются.

– Асфальтовые индейцы, – усмехнулся Громовой Камень.

– Да. И нужно, чтобы они оставались индейцами. И чтобы

их дети... оставались с нами. Хотят жить в России? Пусть живут. Хотят пахать землю, стоять у станков, строить дома? Тоже пусть. Но нельзя, чтоб забыли язык, утратили обычаи, культуру. Понимаешь?

– Угу. Что важнее: существительное или прилагательное, так?

– Вот именно. Ты – молодец, всё правильно сообразил. Пусть асфальтовые, но индейцы. Ну как, возьмёшься?

– А не много меня одного на всю Россию будет? – деловито спросил Громовой Камень.

Гичи Вапе изумлённо посмотрел на него и захохотал. Засмеялся и Громовой Камень. Отсмеявшись, Гичи Вапе хлопнул его по плечу.

– А ты всё тот же. Скажешь, так скажешь. Но я серьёзно.

– Я тоже.

Громовой Камень достал сигареты. Гичи Вапе встал и принёс со стола глиняный черепок-пепельницу, поставил на лежак между ними, тоже достал сигареты. Ритуально обменялись и закурили. В общем, уже всё ясно и понятно, но надо не так договориться, как выговориться.

– Понимаешь, – Гичи Вапе как-то смущённо усмехнулся, – когда мы по резервациям ездили, ты, кстати, хоть одну видел? – Громовой Камень молча мотнул головой. – Жуткое зрелище, а по сути ещё страшнее. Так вот, я там с одним парнем столкнулся, индеец, но жил не в резервации, а работал пастухом у какой-то местной сволочи-лендлорда. И вот,

представь, ни за что не хотел уезжать.

– Почему? – удивился Громовой Камень.

– Говорил, что ему и так хорошо. Ну, это, понятно, одни слова, да и смотря с чем сравнивать, но дело было не в жратве. А в том, что он не хотел быть индейцем, представляешь? Не веришь? Я ему говорю, что с племенем лучше, а он мне, что на хрена ему игры с перьями. Представляешь? Вся культура наша ему... игры с перьями! И не метис, индеец, чистый.

– Не уговорил ты его?

– Куда там! Я для него не авторитет. Ни погоны, ни ордена мои... Ну, этого, положим, и остальные не понимали. Но такое... И вот, понимаешь, зацепил он меня. Не могу забыть. Я потому и стал думать о таких. Навёл справки в беженском комитете.

– Это где Бурлаков заправляет?

– Он в комитете узников и жертв. Но это формально, а фактически всю репатриацию контролирует. Все угнанные – это же жертвы. Ну и...

– Слушай, – перебил его Громовой Камень. – Нашему бы, ветеранскому комитету, да бурлаковские деньги. А? Чтоб кроме дембельских ещё бы на обустройство получить.

– Размечтался! – хмыкнул Гичи Вапе. – У нас рохля в председателях, вот и получаем вместо ссуды тёплые слова и наилучшие пожелания. А откуда у бурлаковцев деньги... болтают разное. В основном, одобрительно. Дескать, грабит

Империю.

– Её можно, – кивнул Громовой Камень. – И нужно.

– Да, жалко, что наш Совет не успел присоединиться, но тут уж... кто за трофеями не успел, тот и опоздал. Ладно, это в сторону, так вот, которые едут через его комитет, это интегрированные одиночки, до нас они не доезжают.

– Так ты ж сам говоришь, интегрированные, мы им не нужны.

– А они нам? И ещё. Мы им нужны, а что они этого ещё не поняли... Ну, так это и будет твоей работой.

Громовой Камень медленно, но уверенно кивнул.

– Понял. И куда мне ехать? В Кратово?

– Там уже всё есть. Но нам на уровне, – Гичи Вапе ткнул пальцем в потолок, – удалось договориться о шауни, как о втором иностранном по желанию. Первым оставляют английский, мало ли что, а шауни внесли в перечень вторых. Как узнали, многие и с той стороны, и от нас поехали в Ижорский Пояс. И ещё поедут. Там стройки, заводы... А точнее скажут в Ижорске. Ну?

– Не нукай, не запряг, – ответил по-русски Громовой Камень и рассмеялся. – Слушай, а если б ты не встретил меня?

– Я бы приехал к тебе в стойбище, – твёрдо ответил Гичи Вапе и упрямо повторил: – Ну?

– Без «ну», комбат, – Громовой Камень шевельнул плечами, намекая на стойку «смирно». – Приказы не обсуждают.

– Я не могу тебе приказывать, – тихо сказал Гичи Вапе.

– Ну, это я сам решаю, – отмахнулся Громовой Камень. – А Ижорский Пояс... смутно что-то. Он далеко?

– Смотря откуда, – улыбнулся Гичи Вапе. – Ну что, пойдём оформляться?

– Пошли, – кивнул Громовой Камень, гася окурок и подтягивая к себе палку.

Своего комбата он мог не стесняться: хоть не воевали вместе, но в одном госпитале лежали, а что Гичи Вапе из настоящих шеванезов, и его род был в числе тех пяти первых, что, спасаясь от резерваций, ещё до Империи, будь она проклята, ушёл в Россию и обосновался на Великой Равнине, а он сам – шеванез по названию, его род пришёл гораздо позже и получил разрешение поселиться, всё это для них, фронтовиков, по фигу. Есть племенное родство, а есть фронтовое братство.

– Тут ведь ещё проблема, – Гичи Вапе шёл медленно, словно раздумывая, а не подстраиваясь к его шагу. – Дети. Понимаешь, мы теряем детей уехавших. Приехали-то мужчины, женщин и детей в резервациях почти не оставалось, там не этноцид, геноцид шёл в полном объёме, – Громовой Камень кивнул, показывая, что знает и понимает разницу. – А здесь пошли конфликты, и многие уезжают именно из-за этого. Там они женятся на русских, и... словом, это называется оскудением генофонда.

– Ты, комбат, меня не убеждай, я всё уже понял.

Гичи Вапе кивнул и, открывая перед ним очередную

дверь, тихо сказал на шауни:

– Спасибо, собрат.

Было уже совсем темно, когда Громовой Камень тяжело взобрался на высокое крыльцо дома Михаила. Оформление бумаг, как в любой канцелярии, дело не быстрое, а потом они с Гичи Вапе посидели в чайной, а ещё потом он зашёл к Веронике Львовне, поговорил о прошлом и проконсультировался по кое-каким методическим и дидактическим вопросам. Так что и находился, и насиделся, и наговорился он сегодня досыта.

В прихожей, освещённой из кухни, он снял и повесил шинель, сел на табуретку и с натугой, но довольно удачно стащил сапоги. Выбежавшая из кухни Росинка подала ему мягкие простые мокасины и забрала на просушку портянки, а Михаил громко позвал:

– Давай, браток, как раз вовремя.

Стол был уже накрыт к ужину и... даже стопочки стояли. Громовой Камень подошёл к умывальнику, вымыл руки, ополоснул лицо и вытерся чистеньким полотенцем, висящим рядом на гвозде.

– У меня отгул завтра, – объяснил Михаил, открывая бутылку водки. – Так что можем себе позволить.

– Давай, – согласился, усаживаясь за стол Громовой Камень. – У меня там в карманах ещё.

Михаил кивнул возившейся у печки Росинке, и та, выбе-

жав в прихожую, тут же вернулась с двумя консервными банками.

– О! – восхитился Михаил. – Гуляем, браток!

– Гулять, так гулять, – улыбнулся Громовой Камень.

Росинка с явно привычной ловкостью открыла банки, выложила на тарелки залитых маслом и густым красно-оранжевым соусом рыбёшек и, как и вчера, села за стол.

– Ну, – Михаил разлил водку. – Не праздник, так что за знакомство и на удачу.

Они чокнулись и выпили. Громовой Камень до дна, а Михаил оставил глоток Росинке, чтоб и она отметила знакомство. Выпив, набросились на еду.

Когда утолили первый голод, Михаил жестом показал на бутылку. Дескать, по второй? Громовой Камень, отказываясь, мотнул головой, и Михаил кивнул Росинке, чтобы та убрала бутылку и стопки.

– Ну как, браток, удачно сходил?

– Да, – улыбнулся Громовой Камень. – Завтра получу подъёмные, литер и вперёд.

– С Равнины уезжаешь? – удивился Михаил. – Отпустили?

– Посылают, – поправил его Громовой Камень.

– А! – понимающе кивнул Михаил. – Ну, наше дело солдатское. Куда пошлют, туда и пойдём.

Росинка, как и вчера, ела с ними, но молчала, участвуя в разговоре только взглядом и улыбкой. Ели кашу с тушёнкой. Потом долго пили чай. И неспешно говорили о всяких жи-

тейских делах. Заработках, ценах, огородах. Войну не вспоминали. Не с чего и незачем. Не день Памяти или Победы. Вот тогда – другое дело, и четыре положенных тоста, и разговор соответствующий, а сегодня-то чего ж...

– Завтра ты как?

– Автобус в десять-десять, – улыбнулся Громовой Камень. – А канцелярия с восьми.

– Понятно, – кивнул Михаил. – Всё успеешь. Давай на боковую тогда?

– Давай, – согласился Громовой Камень.

В самом деле, день был долгим, надо отдохнуть.

Легли, как и вчера. Вытягиваясь под колючим не вытертым одеялом, Громовой Камень поудобнее уложил раненую ногу и мгновенно заснул, ни о чём уже не думая.

Спал он без снов и проснулся на рассвете, как по сигналу. По-фронтовому быстро привёл себя в порядок, попрощался с Михаилом и Росинкой.

– Счастливо оставаться.

– Счастливого пути.

– Удачи тебе, браток.

– Спасибо вам за всё, – и ритуальное: – Вы остаётесь, я ухожу.

Выйдя на крыльцо, он глубоко вдохнул по-утреннему прохладный воздух – всё-таки поздняя в этом году весна, ведь по-русски май уже – и не спеша пошёл по уже знакомой дороге к центру.

«Наше дело солдатское», – сказал Михаил. Всё так, всё правильно. Он – не беглец с Равнины и не дезертир с фронта просвещения, а посланец. На него возложена, говоря высоким штилем, миссия. А по-простому, то боевое задание. Он не беглец, а кутойс – учитель. Интересно, какое племя дало это слово? От скольких племён не осталось ничего, кроме нескольких слов, непонятных имён, необъяснимых обычаев. И как Великая Равнина принимала остатки племён и просто случайно спасшихся одиночек, и они становились шеванезами, так и язык шеванезов – шауни – принял эти слова и имена. И сделал их своими. Как и множество русских слов, и даже английских. И остался собой – шауни.

А вот и канцелярия. Дохромал незаметно. Громовой Камень на секунду остановился перевести дыхание и стал взбираться на крыльцо. Отвык он за зиму в стойбище от ступенек. А всё-таки в городе лучше: сколько вчера, да и сегодня ходил, а ни разу не упал. Так, а что сначала – литер или подъёмные?

Оказалось, что и то, и другое в кассе. Конечно, сначала его немного погоняли по столам и кабинетам, но всё, что надо, он подписал, где положено, зарегистрировался, и вот – все документы и деньги на руках. И здесь он выслушал напутствия и пожелания. Всех поблагодарил, всем пожелал счастливо оставаться. Гичи Вапе не было, да он и не искал. Вчера всё обговорили. Адрес свой Гичи Вапе ему дал, чтоб если что, связаться по-быстрому, а не через Совет. Ну, всё, отре-

зано, пора в дорогу, а там будь что будет.

И до автовокзала Громовой Камень добрался быстро. Ну, автовокзал – это, конечно, громко сказано. Деревянный домик диспетчерской, кассы, комнаты для водителей и зала ожидания для пассажиров. Всё маленькое, простенькое, но с табличками на шауни, красиво написанным расписанием... Словом, всё, как положено.

Кассирша была метиской. Как и большинство девушек в канцелярии Совета.

– До Кратово, – протянул он ей свой литер.

Она быстро и точно оформила ему билет.

– Уезжаете? – спросила она по-русски, возвращая ему литер.

– Да, – кивнул Громовой Камень, пряча литер в нагрудный карман гимнастёрки.

– Счастливого пути, – вздохнула она и улыбнулась. – Отправка строго по расписанию.

– Спасибо.

Громовой Камень взял и сунул в карман шинели билет, подобрал свой чемодан и пошёл к выходу.

– Фёдор, – позвала по-русски за его спиной кассирша. – Иди, отправка через три минуты.

– Ну, куда иди, куда? – возразил так же по-русски низкий мужской голос. – Пассажиров-то сколько?

– Отправка по расписанию!

– Да на кой расписание? Воздух возить?!

Конца перепалки Громовой Камень не слышал. Автобус, маленький, но чистенький, уже стоял у вокзала, и к нему собирались пассажиры. Вместе с Громовым Камнем их было пятеро. Двое парней в обтрёпанных чёрных куртках и стоптанных сапогах, немолодая, закутанная в шаль с вдовьей каймой женщина и хмурый подросток в кожаной рубашке, леггинсах и мокасинах. Всё новое, крепкое, но без бахромы и вышивки. Чего ж так? В столицу приехал всё-таки, а побудничному. Или это мать его с собой взяла, чтобы помощь за потерю кормильца получить? Тогда понятно. Деньги просить в праздничном не ходят.

Почти сразу за Громовым Камнем подошёл и водитель.

– Билеты у всех?

Он быстро собрал их билеты, проверил и вернул, прошёл и сел на своё место. Дверь открылась с мягким чмокающим звуком.

– Заходите. Отправка по расписанию.

Громовой Камень пропустил остальных вперёд, сначала поднял и поставил на пол автобуса чемодан, положил палку, а потом уже, подтягиваясь на руках и влез сам. И хоть ему ехать до Кратово, в конец салона не пошёл, сел во втором ряду. Водитель, безразлично поглядывая по сторонам, подождал, пока он уложит чемодан, мешок и палку, плотно сядет, и только тогда стронул машину.

Автовокзал на окраине Эртиля, и они сразу выехали на шоссе. День обычный, серый. Лес, с только появившейся

лиственной то подступал к обочине, то рассыпался на отдельные деревья, открывая плавно холмистую равнину до горизонта.

Ехали молча, даже те двое парней, что явно ехали вместе и сели рядом, молчали. Только иногда вздыхала вдова, и сидевший у окна подросток осторожно, чтобы никто не заметил, придвигался к ней и касался своим плечом её плеча, пытаясь этим утешить.

Громовой Камень смотрел в окно, не столько разглядывая пейзаж, сколько наслаждаясь ощущением езды, не требующей от него никаких усилий. Ну что ж, он не думал, что так быстро всё решится и уладится. Вот и ещё одна его жизнь. Третья по счёту. Первая до армии, вторая – фронт, а теперь – третья. Ему не на что жаловаться и не о чём жалеть. Он окончил школу и на Празднике Посвящения получил имя, прошёл фронт и выжил, стал инвалидом, а не калекой. Так что и в третьей ему должно повезти. «Бог троицу любит». Так говорил Сашуня перед очередной перебежкой и всякий раз пояснял: «Два раза пронесёт, а на третий бог заснёт». Сашуню накрыло при обстреле. А его самого тогда зацепило, но слегка. Скольких он помнит. И мёртвых, и живых.

Автобус затормозил, и водитель открыл дверь. Немолодой индеец в украшенной вышивкой и бахромой рубашке, с ожерельем из волчьих и медвежьих клыков, но в солдатских кирзовых сапогах неожиданно умело вошёл в автобус и протянул водителю деньги.

– До Красной Лошади, – сказал он на шауни.

– Хорошо, – так же на шауни ответил водитель, дал билет и отсчитал сдачу.

Новый пассажир спокойно сел на свободное место, и автобус тронулся.

Ехали не быстро, останавливаясь, чтобы впустить или высадить пассажиров. До конечной, как вскоре сообразил Громовой Камень, ехали трое – он сам и те двое парней в чёрных ватных куртках. Видно, из переселенцев. Не прижились. Что ж, Гичи Вапе как раз и говорил о таких. В родном стойбище Громового Камня переселенцев не было, но рассказы о неумёхах и невеждах «с той стороны» и даже анекдоты, конечно, слышал и не раз. Говорили о них всякое, но в основном осуждающе. Хотя... кто-то же прижился.

В Кратово они приехали уже в сумерках.

Формальный, но обязательный, хорошо знакомый по прежним поездкам, сразу и пограничный, и таможенный контроль. Здесь ничего не изменилось, даже, похоже, капитан всё тот же. Громовой Камень вышел на площадь и уверенно захромал к вокзалу, уже железнодорожному, когда его окликнули:

– Хей!

– Хей, – он обернулся, уже догадываясь, кто это.

Да, те двое парней из автобуса.

На чудовищной смеси английского, русского и шауни они стали объяснять, что едут на заработки, род их отпустил, им надо добраться до Корчева, там уже трое из их резервации,

они знают, те на стройке устроились, так вот, как им доехать?

Громовой Камень помог им разобраться с картой, расписанием и кассой. Маршрут получался не особо сложный, с двумя пересадками. Названия они заучили с его голоса. Билеты взяли самые дешёвые – сидячие: денег-то в обрез.

– А есть что будете?

– Пеммикан, – улыбнулся один, показывая подвешенный к поясу мешочек.

А второй мотнул головой, рассыпая по плечам неровно обрезанные пряди волос.

– No problem.

Пеммикан – растёртое в порошок сушёное мясо, смешанное с ягодным порошком – не самое сытное, но хоть что-то. И потом – это действительно не его дело. А ему совсем в другую сторону, а денег... денег тоже в обрез.

И зная это, он всё-таки, выправив себе билет и выяснив, что до его поезда ещё два часа с лишним, сдал мешок и чемодан в камеру хранения и вышел из вокзала на площадь. Кратово – невелик городок, всё рядом. Он успеет.

Баня, как и раньше, была неподалеку, небольшая, но с душевым отделением, парикмахерской и главное – открыта до полуночи.

Сначала в парикмахерскую. Да, длинные волосы положены мужчине, да, одежда, причёска, обычаи – часть культуры, но только часть, и он не считает длину волос самой главной частью, это первое, ему жить среди русских, где длинные во-

лосы у мужчины не приняты, это второе, и если бы он был в племенном костюме, а когда на тебе военная форма, пусть и без погон, то длинные волосы просто смешны, это третье.

– Подстричь? – переспросил парикмахер и улыбнулся. – По призывному или отпускному?

– По отставному, – улыбнулся Громовой Камень. – Отвоёвался я.

Это он тоже помнил. Стрижка призывника – наголо, отпусник – подлиннее и с форсом.

– Сделаем, – парикмахер окутал его простынёй. – Голову давно мыл?

И, не дожидаясь ответа, развернул кресло к раковине.

Подстригли его быстро и толково. И за половинную плату.

– Фронтвикам скидка.

И по внезапно отвердевшему лицу старика Громовой Камень понял, что ни спрашивать, ни уточнять нельзя. Он расплатился, а вторую половину положил в блюдце для чаевых.

В бане пришлось купить мыло и мочалку, взять напрокат простыню. Траты, конечно, но раз не позаботился достать из вещмешка, то траться. Хорошо, что работали душевые кабины. Дороже общего зала, но ему не хотелось мыться на чьих-то глазах. Всё-таки... одно дело – госпитальная баня, там ещё лучше многих был – во всяком случае – целее, а здесь... среди здоровых и нормальных... да и моешься в душе быстрее, чем в общем зале.

Оставшихся до отправления двадцати с небольшим минут

ему хватило, чтобы дойти до вокзала, забрать из камеры хранения вещи и найти свой поезд, вагон и место. Народу было немного, и проводник сам поменял ему место с верхнего на нижнее, принёс постель.

– Спасибо, отец, – поблагодарил Громовой Камень.

– Ладно тебе, – отмахнулся проводник. – Все мы с понятием.

Громовой Камень никак не ждал, что его форма и медали по-прежнему действуют. Ведь полтора года, как кончилась война, а до сих пор... В племени он привык к другому отношению. Ну всё, ехать ему до конечной, можно спать спокойно. Он разулся, снял и положил в сетку гимнастёрку, оставшись в нижней рубашке, и вытянулся под одеялом. Всё, отбой. Спи, Громовой Камень, сержантом ты был, кутойсом ещё не стал, спи пока.

Стук колёс под полом, мелкое подрагивание полки. Он едет. Пока от него ничего не зависит, и, значит, дёргаться пока нечего. Солдат спит, а служба идёт. Даже на фронте прощесения.

Американская Федерация

Атланта

Особняк Говардов

Пустой письменный стол. Пустые квадраты на стенах от проданных картин. Не почтительная, а мёртвая тишина за дверью. Но распорядок неизменен. И эти часы он проводит в своём доме, в своём кабинете, за своим рабочим столом, чёрт возьми!

Рей Спенсер Говард, снова просмотрел последние котировки, аккуратно пометил несколько заинтересовавших его позиций. Да, в этом направлении можно было бы поработать, но нужны свободные средства. А их нет. И взять... нет, у кого взять – в избытке, проблема с как. Ни один из прежних, многократно осуществлённых на практике, способов сейчас – и надо это честно признать – не сработает. Более того. Попытка их использовать не только не даст результата, но и откроет остальным его слабость. Ты можешь ослабеть, но этого никто не должен заметить. Иначе – добьют.

Говард усмехнулся. Пока удаётся держать марку. Никто не

смеет занимать его кресло в Экономическом Клубе. Его вну-чек принимают в лучших домах Атланты. Правда, таких до-мов не так уж много, но это же война, господа. Только война. И русские. Правда, последнее лучше вслух не произносить. А то... нет, как русские провернули операцию со «Старым Охотничьим Клубом», надо отдать им должное. Тихо, ак-куратно, точечными изъятиями и пожалуиста: многолетней, нет, что там, многовековой опоры порядка не существует. О том, что он сам неудачным реваншем в прошлогодний Хэл-лоуин «засветил» и клуб, и остатки Белой Смерти, Говард предпочитал не вспоминать. Ну... нет, не ошибся, немного не рассчитал, бывает. Из Хэмфри руководитель, как из негра учёный. Посидит в тюрьме – поумнеет. Возможно. И Систе-му не удалось взять под контроль. Найдф оказался таким ду-раком, что дал себя зарезать в уголовной разборке. А ведь казался таким осмотрительным, столько лет безукоризненно работал. И сорвался. Решил взять сразу со всех. Вот и ре-зультат. Но оставим прошлое прошлому. Вывод: надеяться и рассчитывать только на себя.

А пока надо приспособливаться к новым условиям и но-вым правилам. Атланта стала захолустьем, всё жизнь теперь в Колумбии, а вот там... там у него пусто. Старые связи и привязки ликвидированы, а новые заводить не на чем. Зна-чит... значит, надо думать, планировать, готовить. И не спе-шить.

Говард отложил котировки и взял газету. Сами статьи и

заметки его нисколько не интересовали, но бумажный шелест в кабинете внушает необходимый трепет и уверенность в незыблемости остальным обитателям дома. Казаться не менее важно, чем быть. Жаль, что Маргарет этого до сих пор не поняла и не прочувствовала.

За дверью поскреблись, и голос Мирабеллы робко предложил:

– Дедушка, ваш лимонад.

– Да, – откликнулся он, мельком посмотрев на часы.

Да, всё точно. Именно в это время стакан домашнего лимонада. Порядок, заведённый ещё его дедом. Порядок – основа и фундамент бытия. И никакого беспорядка нет и быть не должно. Порядок может меняться, но остаётся порядком.

Кто-то невидимый открыл дверь перед Мирабеллой, и она внесла поднос с кувшином и стаканом. Поставила на столик перед диваном.

– Благодарю, – Говард поощрил внучку взглядом и лёгким намёком на улыбку.

– Да, дедушка, спасибо, дедушка, – пролепетала Мирабелла.

– Ступай, – милостиво кивнул ей Говард.

А когда за ней закрылась дверь, досадливо поморщился. И это Говард?! Конечно, и такое можно использовать. Скажем, женой для умеренно нужного человека. Интриговать не будет, свою игру вести не сможет, и даже не додумается до этого, неплохая хозяйка при хорошем контроле, жена и мать...

Да. И с этим можно было бы поиграть, но... проклятые русские! Родство с Говардами теперь не преимущество, а компрометирующее обстоятельство. Недаром ни одна из любовниц сыновей и зятя не только что-то там заявить, появиться не посмела. Хотя тут, правда, и меры, соответствующие, принимались давно.

Как всегда, воспоминание о русских заставили его поморщиться. Самое... самое обидное, что он так до сих пор не нашёл, не вычислил того, кто так... виртуозно переиграл его. Да, надо признать, он совершил только одну ошибку. Одну из двух важных, но важнейшую. О которых предупреждал ещё дед. «Самая страшная ошибка – это переоценка своих сил, – Говард снова услышал звучный, несмотря на возраст голос деда, – но есть вторая ошибка, ещё страшнее. Это недооценка противника. Запомни».

Чтобы успокоиться – сознание своих ошибок всегда приводило его в раздражение, мешающее трезвому планированию мести и реванша – Говард налил в стакан нежно-жёлтой смеси апельсинового и ананасного сока и выпил маленькими глотками. Вот так. Успокоился? Теперь думай. Нет? Ещё полстакана.

Итак, подведём черту. Русские – не противники, а враги. Это первое. Они это тоже знают. А значит, любые ошибки вдвойне опасны. С противником играют на победу. С врагом воюют на уничтожение. Что они сделали, ты уже понял. Тебе оставили жизнь и ровно столько, чтобы ты ощущал раз-

мер потерь. Неплохо. И даже – не забываем об опасности недооценки противника – остроумно. Но зачем? И – вот об этом думать не хочется, но, похоже, сделано именно так. Ты – приманка. За тобой следят, вернее, за теми, кто приходит к тебе, и потом идут уже за ними, а у тебя нет ни денег, ни силы, чтобы купить чьё-либо молчание.

Говард заставил себя поставить опустевший стакан на стол без стука. Ты можешь злиться или радоваться, но показывать это надо ровно настолько, насколько не можно, нет, а нужно. Вот так. Игра проиграна? Да. Но это только одна из множества проведённых тобой игр. И общий счёт пока в твою пользу. Значит... значит... значит, надо подумать и найти новых союзников, приспособить к себе новые правила и начать новую игру.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Хорошая это штука – выходной. Андрей, не открывая глаз, потянулся под одеялом. Тело сладко ломило. Отвык он

вкальывать. Ну да, с Хэллоуина, можно сказать, валялся и бездельничал. А тут как навалилось всё сразу. Четверг, пятница, суббота... не продохнуть. А всё равно – хорошо! Сумасшедшие дни были. И хорошо-о-о...

...Андрей боялся проспать: ведь не подёнка, где сам решаешь, когда прийти, а цех, бригада, да ещё в первый же день, нет, не дай бог, а потому несколько раз за ночь просыпался, смотрел на новенький будильник и снова засыпал, а под утро разбудил его Эркин, одновременно со звоном будильника потрянув за плечо.

– Вставай! Пора!

Андрей подскочил, отбросив одеяло.

– Ага, я мигом.

Утренняя суета, обычная для Эркина и Жени и новая для Андрея. Побриться, умыться, чай с бутербродами...

– Андрюша, ключи...

– Ага, спасибо.

Связка из двух ключей на простеньком кольце. Пряча их в карман, Андрей подумал, что надо купить брелок, а ещё лучше, как видел однажды – цепочка с карабином, чтобы пристегнуть к поясу.

– Андрей, готов? Женя, мы пошли.

– Счастливо.

– До вечера.

Из дома Эркин и Андрей вышли вместе и до второго перекрёстка шли рядом. Эркин привычно задержался у киоска

купить газету. Андрей ограничился тем, что окинул взглядом пёструю витрину, кое-что приметил, но покупку отложил на вечер.

– Ладно, до вечера.

– До вечера, – кивнул Эркин.

И они разошлись.

Андрей шёл быстро. И не боясь опоздать, а просто радуясь утреннему прохладному воздуху, только-только поднимающемуся солнцу, встречным и попутным прохожим. И перед своим начальством он предстал с той же радостной улыбкой.

– Здравсьте!

Начальство особого восторга не выразило.

– Так. Ты и есть Андрей Мороз?

– Ага, – по-прежнему радостно согласился Андрей.

Ну, ничего он не мог поделаться с глупейшей, как сам понимал, ухмылкой во всё лицо.

Его отправили получить спецовку – штаны с нагрудником и множеством карманов, показали шкафчик в бытовке, где он может оставить свои вещи, и наконец вручили орудие производства – метлу, а также провели краткий, но весьма доходчивый инструктаж, сводимый в общем-то к одной фразе: «Делай, что велят, и не рыпайся».

– Всё понял?

– Ага.

– Тогда действуй.

Что ж, Андрей всё понимал, и работа «принеси-подай»

его вполне устраивала, давая возможность оглядеться, всё вызнать и запомнить: что, где и как. Но... ботинки рабочие ему нужны, как жить, и рубашек, тёмных, три смены не меньше, так что... Сосредоточенно орудуя метлой, Андрей быстро прикидывал, сколько у него денег с собой, чтобы сегодня же, не откладывая, после работы всё купить. И замочек на шкафчик. Ибо давно сказано: «Не вводи вора дыркой в искушение». Работая, он чувствовал, что за ним зорко и неприметно присматривают. Тоже ясно-понятно, но взгляды не злобные, а так... внимательные.

До обеда он подметал цех и время от времени бегал по чьим-нибудь поручениям. Похоже, его работой в общем остались довольны.

Обедали здесь же, расходясь по бытовкам выпить чая с принесёнными из дома бутербродами. У Андрея ничего с собой не было, и он прикидывал не сбегать ли ему до ближайшего трактира. Но оставшиеся, как и он, во дворе не спеша стягивались к «задним» воротам, и Андрей пошёл с ними. Больше из интереса, и чтобы не выделяться. А там уже возле распахнутой боковой калитки, но с уличной стороны, как из-под земли возникло несколько тёток с укутанными в тряпье кастрюлями и стопками мисок. Вот к ним и тянулись оставшиеся во дворе. Вместе со всеми и Андрей купил миску шей с мясом за пятиалтынный и выхлебал её, сидя на стопке старых покрывшек. Тётки во двор не входили, а работники опять же не покидали территорию. Охранник в будке

откровенно и даже, как показалось Андрею, демонстративно дремал. Горячими щи, конечно, не были, но достаточно тёплые и густые, кусок мяса тоже, скажем так, достаточный, и чистота ложки вполне удовлетворительная. Бывало в его жизни и куда хуже, но... но это хлебово прямо чуть ли не на земле ему не понравилось, слишком уж походило на тот лагерь... да и... похоже, не самые... уважаемые так обедают, а как себя с начала поставишь, так оно потом и пойдёт. Нет, завтра он из дома бутерброды возьмёт, и чаю, нет, насчёт чая, это он ещё посмотрит и разузнает, как оно здесь заведено, вскладчину, или ещё как... Он вернул торговке миску с ложкой, отметив мимоходом, что она не положила их обратно в стопку, а скинула в другую корзину.

– А на здоровьичко, – ответила она на его рассеянную благодарность.

Ещё раз бегло оглядев сотрапезников, Андрей понял, что в этой компании ему лучше не светиться, и отправился в бытовку своего цеха.

Там под чай шёл вялый трёп о всяких хозяйственных и житейских делах.

– Чай да сахар, – улыбнулся, входя, Андрей.

Все оторвались от чаепития и смотрели на него внимательно, но без недоброжелательности. Старший мастер кивнул, а сидевший с самого краю рыжий веснушчатый парень быстро сказал:

– Едим да свой, а ты рядом постой.

И глумливо заржал.

– Хуже нет на халяву жить, – кивнул Андрей, усаживаясь с другого края – чуть-чуть уголок лавки торчит, как специально для новичка оставили – и доставая пачку дорогих сигарет.

Он закурил, небрежно выложив, но не бросив пачку в центр стола. Сидоров усмехнулся, а сидевший рядом с ним черноусый мужчина с шрамом на лбу сказал:

– Что, Митроха, умыли тебя?

Митроха огрызнулся невнятным ругательством, а черноусый продолжил:

– Тебя как звать, парень?

– Андреем, – миролюбиво ответил Андрей.

Сцепляться в первый же день с теми, с кем придётся потом вместе работать, глупо, но и ставить себя надо. Так что... Митрохе осадку дать можно, тот, похоже, тоже... не высоко-го полёта, а вот с остальными надо поосторожнее.

– Ну, что ж, кружку свою завтра принесёшь, – черноусый говорил не спеша, перемежая слова глотками. – Кипяток в титане, а заварку с сахаром, по большой пачке на неделю, по очереди приносим. Твой черёд в понедельник. Всё понял?

– А чего ж тут непонятного? – улыбнулся Андрей.

Он внимательно, но по возможности незаметно оглядывался и следил за остальными. Титан, раковина рядом, каждый моет за собой сам, но посуда, заварка и сахар в общем шкафчике... заваривают... что, прямо в кружке? Пойдёт...

Сахар крупный, пьют вприкуску... Замётано... Чай... пачка большая, зелёная с золотом... Замётано.

Допив чай, закурили и остальные. Митроха взял сигарету последним. Разговор становился общим. По-прежнему неспешно расспрашивали Андрея. Кто, да откуда, как приехал, есть ли семья да родня? Андрей так же неспешно, но без лишних подробностей отвечал. Что да, с той стороны, из Пограничья, мальчишкой попал в оккупацию, потом в угон, родню порастерял, вот только уже после Победы брата отыскал, а там Хэллоуин и снова разбросало, вот, только теперь нашёл, ну и приехал. Брат семейный, жена, дочь, на заводе работает, живёт в «Беженском Корабле».

– У брата, значит, поселился?

– Ага.

– А работал кем?

– На мужской подёнке, – усмехнулся Андрей. – Всякая работа была.

– Ладно, – кивнул Сидоров. – Кончай перерыв, мужики, пора, – и черноусому: – Василий, сегодня закончить надо.

– Раз надо, значит, сделаем, – Василий встал. – Пошли, Андрюха.

Скрывая улыбку, Андрей встал и пошёл за Василием.

И уже бегал по его поручениям, держал, подавал и вообще был на подхвате. Но метлу никто не отменял, и закончил Андрей смену опять уборкой цеха.

Выйдя на улицу, Андрей отправился на поиски магазина.

Рабочую одежду в торговых Рядах не покупают, голому ежу понятно. Итак, чего и сколько... рубашки, ботинки, брюки запасные, хоть спецовку и выдали, а всё равно нужны, замок висячий, а то он пока петли проволокой замотал, узел, правда, хитрый, кто полезет, то будет долго маяться, но замок надёжнее. Так, на всё это у него деньги есть. И ещё чего-нибудь в дом. Вкусенького. Посмотрим. Торт – не торт, а скажем... шоколаду. В честь первого рабочего дня. И ещё: надо ж ему те деньги дотратить, чтоб уж окончательно с прошлым расплеваться.

В маленьком магазинчике в соседнем квартале он купил всё необходимое. Три тёмные – непонятного бурого цвета – рубашки, три голубые майки – видел сегодня многих в таких же, и крепкие простые ботинки. Замков здесь не было, это в хозяйственном. А это ему как раз по дороге. Свёрток получился увесистый и не очень дорогой, меньше двадцатки ушло.

Андрей шёл, небрежно покачивая на пальце свёрток с покупками и благодушно оглядывая улицы и прохожих. Работа, считай, на полдня и по силам. Вот только руки натёр, за полгода сошли мозоли, ну да это пустяки, своя шкура – она такая, ага, вспомнил регенерирующая, а по-простому самозрастающая. За два дня натрём, наростим. А сейчас он идёт домой, к семье. Нет, жизнь прекрасна и удивительна. Это он ещё до лагеря слышал. И никогда не оспаривал.

Когда Эркин пришёл домой, Андрея и Жени ещё не было. Алиса встретила его радостным визгом и, как всегда, пока он раздевался, выкладывал покупки и мыл руки, рассказывала ему о своих делах и занятиях.

– Ты ела? – Эркин вклинился в её быстрый, как у Жени, говор.

– Ела, – кивнула Алиса и, быстро сообразив, в чём тут дело и какой подвох, добавила: – И спала. Правда-правда, чес-с слово.

Эркин улыбнулся.

– А если я проверю?

– Ну-у, – Алиса задумчиво оглядела потолок. – Ну, постель я не разбирала. Ну, – и увидев, что он улыбается, опять зачестила: – Ну, я не хочу спать, ну, правда, ну, Эрик...

– Раз не хочешь, то и не надо, – кивнул Эркин. – Но только не ври.

– Ладно, не буду. А ты чего делать сейчас будешь?

– Я обед буду делать. А ты гулять пока пойдёшь.

– Ага-ага, – закивала Алиса. – Я и маму встречу, и дядю Андрея, и все вместе большим обедом пообедаем, да, Эрик?

– Да, – кивнул он. – Оденешься сама?

– Ну, я же не маленькая, – гордо ответила Алиса, отправляясь в прихожую.

В самом деле, уже тепло, ботики не нужны, а ботинки, пальто и беретик она сама наденет. Но Эркин вышел и проверил, всё ли у неё получилось правильно.

– Хорошо. Иди, гуляй.

Алиса вприпрыжку убежала по коридору к лестнице, а Эркин вернулся к хозяйственным делам. Как-то незаметно он за эти месяцы научился готовить, да и Женя оставляла всё нужное так, что только и нужно в кастрюлю сложить и на огонь поставить.

Так. Это он сделал. К приходу Жени всё будет готово. А Андрей... пора бы и ему вернуться. Хотя если у него прописка... правда, в первый день не прописывают, присматриваются сначала, ну, не неделю, но пару дней точно. А ладно! Всюду свои порядки.

Эркин выпрямился, оглядывая оттертую до блеска ванну. Как всегда, оставаясь один и тем более в ванной, он раздевался до трусов. И привычной, и легче, и костюм не снашивается. И вообще-то жарко уже в нём, шерстяной всё-таки. Ладно, он тогда его вывесит на кухонную лоджию проверить, как Женя его зимнюю робу, а потом уберёт, а дома будет старые джинсы носить. И ковбойки.

Он уже заканчивал уборку ванной, когда в замке заворочался ключ. Чертыхнувшись, Эркин бросился в спальню одеваться и столкнулся в прихожей с Андреем.

– О, это ты!

– Ага, – согласился Андрей, сваливая на пол свёртки. – Во, всего накупил! А ты что, так и ходишь? В трусах?

– Нет, – засмеялся Эркин. – Я ванную мыл, сейчас оденусь.

– Ага. А на кухне что горит?

Эркин кинулся на кухню, но смех Андрея остановил его.

– Ну, чертяка, ну...!

Они немного потузили друг друга в прихожей и уже решили, что пора бы привести себя и прихожую в порядок, когда пришли Женя с Алисой. Начались неизбежные шум, суета и беспорядок, когда все говорят и всё делают одновременно. Тем более, что жаркое и впрямь начало гореть.

Наконец, все были умыты и переодеты, стол накрыт, а покупки рассмотрены и в целом одобрены. И сели за стол.

– Ну, – Женя с удовольствием оглядела стол и едоков, – Алиса, не вози по тарелке, ешь нормально. Хорошая бригада, Андрюша?

– А-атличная! – радостно ответил Андрей. – У меня так хорошо, что как в сказке.

– А что, столовой у вас нет? – Эркин доел салат и мотнул головой, отказываясь от добавки.

– Не-а, – Андрей вилкой повозил по тарелке последнюю картофелину, чтобы подобрать соус.

– Так что, голодный весь день? – ужаснулась Женя.

– Нет, Жень, что ты. Там торговки приходят, щи у них, каша. Я на пятнадцать копеек от пуза наелся.

– А для бутербродов тогда коробку зачем купил? – Эркин встал, собирая посуду. – Нет, Женя, кастрюля тяжёлая, я сделаю.

– Я лучше с бригадой чай пить буду, – серьёзно ответил

Андрей и улыбнулся, – вприкуску.

Эркин поставил кастрюлю с супом на стол, и Женя разлила по тарелкам.

– Андрюша, а ты щи любишь?

– Я вообще к еде неравнодушен, – Андрей бережно принял от Жени тарелку. – А щи или суп... Я не мелочен, всё сойдёт.

Женя так рассмеялась, что едва не выронила тарелку. Смеялся и Эркин, хотя до него не сразу дошло, настолько серьёзно говорил Андрей. Алиса ничего не поняла, но смеялась до упаду.

– Нет, от бригады отрываться нельзя, – вернулся к прежней теме Эркин. – Это ты правильно решил.

– Угу. Женя, у меня слов нет, как вкусно.

– Ещё? – улыбнулась Женя.

– Для остального места не останется, – удручённо вздохнул Андрей.

Эркин поставил на стол кастрюлю с жарким и полез в шкафчик за мелкими тарелками.

– Алиса, достань огурцы, они под окном, – распорядилась Женя, раскладывая жаркое.

– Ага, мам, я знаю.

Андрей, к радости Жени, оказался таким же любителем «хрустких» огурцов, как и Эркин с Алисой.

После жаркого пили чай. С остатками вчерашнего торта и конфетами. Андрей купил себе не просто кружку, а пода-

рочную, наполненную конфетами.

– Андрюша... – начала было Женя.

Но Андрей её перебил.

– У меня первый рабочий день, Женя. Надо же отметить.

– Ну, хорошо. А завтра...

– Завтра мы с Эркином гуляем, так?

– Да, – кивнул Эркин. – Женя, я завтра после работы с бригадой... Ну, я рассказал им про Андрея.

– Ну, конечно, – кивнула Женя. – Конечно, идите.

– Слушай, Андрей, – Эркин разгладил фантик и по столу подвинул его к Алисе. – А у тебя когда прописка?

– В понедельник, наверное, – Андрей размешал сахар и облизал ложечку. – Сказали, мой черёд приносить чай и сахар. Думаю, и прописка тогда же.

– Наверное, – кивнул Эркин. – Меня в пятницу, на второй день, прописывали.

– Дорого? – деловито спросил Андрей.

– Пива всем поставил и бутербродов, – Эркин улыбнулся воспоминанию.

– Не проблема, – Андрей залпом допил свою чашку.

– Андрюша, ещё? – предложила Женя.

Но тут ответить Андрей не успел, потому что неожиданно вмешалась Алиса.

– Так ты дядя Андрей или дядя Андрюша?

– Я Андрюха, – быстро ответил Андрей и озорно засмеялся удивлению Жени и Эркина. – Меня так в бригаде назвали.

Мне нравится.

– Мне тоже, – решительно заявила Алиса, слезая со стула. – Мама, я всё. Андрюха, пошли играть.

– Какой он тебе Андрюха? – возмутилась Женя.

– Хороший! – Алиса взяла хохочущего Андрея за руку и повела из кухни. – Мама, Эрик, закончите с посудой и приходите. Мы вас ждём.

– Точно, племяшка, – согласился Андрей. – Так что, не задерживайтесь.

Когда Женя с Эркином пришли в комнату Алисы, там бушевало веселье и не присоединиться к нему было невозможно. Наигрались так, что за ужином Алиса стала клевать носом и чуть не заснула прямо за столом.

А когда Алису уложили спать, Женя налила три чашки, и они снова сели за стол. Уже для спокойного и по делу разговора.

– Ну так, Андрюша, у тебя...

– У меня всё отлично, Женя, правда.

Андрей бережно обхватил обеими ладонями свою чашку, улыбнулся совсем не похожей на его обычную ухмылку мечтательной, даже нежной улыбкой.

– Всё хорошо, – убеждённо повторил он, – и лучше не бывает.

– Ты, как Эркин, – засмеялась Женя, – он тоже так всегда говорит.

– А чего ж нет, – улыбка Андрея стала озорной. – Брат у

меня умный, старший, грех не слушаться.

– Это когда ты меня слушался? – удивился Эркин.

– Всегда, – Андрей подмигнул Жене. – Когда ты не дурил.

– Та-ак, – Эркин демонстративно нахмурился, но тут же улыбнулся, потому что Женя засмеялась. – Ладно, посмотрим, как ты меня слушаешься. Как у тебя с деньгами?

– До получки хватит, – лицо Андрея стало серьёзным. – Мне восемьдесят рублей положили. Моя доля в хозяйстве...

– Андрюша...

– Андрей...

– Нет, Эркин, Женя, подождите. Хозяйство у нас общее или мне на квартиру съезжать?

– Ну как ты можешь?

– Могу, Женя. И могу, и хочу. Я работаю и, поймите, не буду я за ваш счёт жить. Даю, сколько могу.

– Андрюша... ладно, – теперь Женя остановила его. – Хорошо, давай так. Реши, сколько ты можешь давать в месяц. Тебе же ещё на работе есть надо, и одежду покупать, и...

– Тридцатку в месяц, – сразу, но как явно продуманное сказал Андрей. – Пятидесяти мне на всё остальное хватит.

– Хорошо, – кивнула Женя.

И тогда нехотя кивнул Эркин.

– Ну вот, – Андрей допил чай и встал. – Всё решили, я спать пойду. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя, а когда Андрей ушёл, тихо засмеялась. – До чего же вы похожи.

– Да-а? – вырвалось у Эркина.

– Ну конечно, – Женя взлохматила и тут же пригладила ему волосы. – Вы же братья.

– И деньги с него берём, да? – Эркин резко встал. – Нет, Женя, пойду поговорю с ним.

Женя покачала головой, но промолчала.

Эркин быстро вышел из кухни, пересёк тёмную прихожую, большую комнату, из-под двери маленькой комнаты световая полоска. Он невольно замедлил шаг, поднял руку, будто хотел постучать, но ограничился тем, что позвал:

– Андрей...

– Ага, – сразу откликнулся Андрей. – Заходи.

Эркин толкнул дверь и вошёл. Андрей стоял у раскрытого шкафа, раскладывая на полках свои рубашки, рядом на стульях приготовлены стопки маек и трусов.

– Андрей, – Эркин прикрыл за собой дверь. – Послушай. Я... я не хочу... так...

– Это как?

Андрей положил рубашку и обернулся к нему.

– Ты о чём, Эркин?

– Ну... ну, ты мне брат, и я буду с тебя деньги брать? Нет, я не хочу так.

– Ага, понятно, – кивнул Андрей. – А я на твои деньги жить не хочу. С этим как?

Эркин первым отвёл глаза, вздохнул.

– Не знаю. Но... нехорошо как-то, Андрей.

Они стояли друг против друга и молчали. И, наконец, Андрей заговорил.

– Знаешь, я ещё в лагере думал, что если найду тебя, если будем вместе, то как будем. И знаешь... есть три варианта, понимаешь? Три решения.

Эркин кивнул, внимательно глядя на Андрея. Таким... серьёзным он его не помнил.

– И какие решения? – наконец спросил он.

– Первое. Я даю часть зарплаты на общее хозяйство, а остальное трачу, как хочу. Второе. Я отдаю всю зарплату, а если мне что надо, то прошу у вас из общих денег. И третье. Я уйду на своё хозяйство. Найду себе жильё, а к вам, – он улыбнулся, – буду в гости ходить. Решай, Эркин. Ты – мой брат. Старший брат. Как ты решишь, так и будет.

Эркин, сосредоточенно хмурившийся, пока Андрей говорил, с каждым его словом всё больше мрачнел. И Андрей, глядя в упор на это потемневшее и как-то отяжелевшее лицо, твёрдо, хотя внутри всё дрожало, повторил:

– Решай, брат.

Эркин молчал долго, и Андрей так же молча ждал.

– И по-другому не хочешь? – напряжённо спокойным голосом спросил Эркин.

– Не могу, – так же внешне спокойно ответил Андрей.

– И ты думаешь, у меня есть выбор?

– Есть, – твёрдо ответил Андрей. И упрямо повторил: – Решай.

Эркин судорожно сглотнул и заставил себя улыбнуться.

– Первый, конечно, – и улыбнулся уже свободно. – Стервец ты, неужели я бы дал тебе уйти.

– Ага-а, – торжествующе ухмыльнулся Андрей и, шагнув вперёд, обнял Эркина. – Только сейчас догадался, что ли?

– О чём?

– А что я стервец.

Эркин обнял его и мягко, в последний момент удержав руку, хлопнул по спине.

Они постояли так, обнявшись, и одновременно разорвали объятия.

– Ладно, – Эркин сглотнул удержанные слёзы. – Ладно, не проспи завтра.

– Да не в жисть! – Андрей тряхнул кудрями. – И в пивную завтра, я помню.

– Да, – улыбнулся Эркин и, мягко толкнув Андрея в плечо, пошёл к двери. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул ему вслед Андрей.

И, когда Эркин вышел, он тяжело сел на диван, свесив сразу набрякшие усталостью кисти рук. Нелегко ему дался этот разговор. А если бы Эркин упёрся? Или выбрал бы третий вариант? Тогда как? Но... ладно, обошлось. Надо с бельём закончить. На завтра он уже собрал всё, так что... и в самом деле, пора спать. Он оттолкнулся от дивана и встал. Быстро, без удовольствия, а просто потому, что надо, разложил вещи, постелил себе и пошёл в ванную. Всё-таки устал

он сегодня.

Женя ждала Эркина, как всегда расчёсывая на ночь волосы у зеркала в спальне, и, когда он вошёл, спросила, не оборачиваясь:

– Ну как?

Эркин привычно повернул задвижку на двери, сбросил на пуф халат и подошёл к Жене. Встал за её спиной и, наклонившись, зарылся лицом в её волосы.

– Всё хорошо, Женя. Как ты и говорила. Андрей будет давать на хозяйство.

Голос его был невесёлым, и Женя повернулась к нему, обняла.

– Ну, что ты, Эркин, ну...

– Умом я понимаю, Женя, – вздохнул Эркин. – А всё равно... Женя...

– Ничего, – она поцеловала его. – Всё хорошо, Эркин, вспомни, как ты сам всегда говорил, ну, что не хочешь на халяву жить, ну же, Эркин, и Андрей так же...

Она говорила и целовала его, и, почувствовав, что он успокоился, поцеловала ещё раз, и погладила по плечу.

– Ну, всё, Эркин, давай спать, поздно уже, а тебе в первую.

– Да, – наконец выдохнул Эркин. – Да, спасибо, Женя.

И когда они легли, протяжно вздохнул, как всхлипнул.

Пятница для Андрея прошла в той же беготне по разным

мелким поручениям, уборке двора и цеха. Правда, как он подозревал, кое за чем его гоняли в кладовку для проверки. Знает ли он, как что выглядит и называется. За энергией пока не посылали, и заготовленный ответ пропадал впустую.

В обед он пил со всеми чай с бутербродами. Участвовать в общем разговоре наравне со всеми ещё не мог. И по возрасту, и по стажу ему пока помалкивать положено. Да и в городе он недавно, не знает ничего. Митроха к нему не цеплялся, поглядывал искоса, но молчал. Да и, как заметил Андрей, Митроха тоже на побегушках и подхвате, так что особо задираться тому невыгодно: на равных они, отплатить, значит, может с лихвой и будет в своём праве. Бутерброды его были, в принципе, как у всех, чашка только поновее и понаряднее, да ещё коробка. У остальных бутерброды в свёртках. Но прошло без особого внимания. Вообще-то Андрей боялся только одного. Что зайдёт речь о прописке и чтоб именно сегодня. В понедельник-то он пожалуйста, со всей душой и полным удовольствием, а сегодня-то никак. Но... обошлось. То ли к нему ещё присматривались, то ли здесь прописка чаем и сахаром... ну, на это ему плевать, деньги есть. От тех денег у него ещё тридцатка с мелочью осталась, а через неделю уже зарплата.

Тридцать с мелочью. Рубль в день – еда и сигареты. Это семь рублей. За эту неделю он на хозяйство не давал и дать не сможет – это идти на серьёзный скандал с Эркином и Женей. Ладно, купит чего-нибудь из еды или там в хозяйство. На

это... ну, десятку, ну, пятнадцать рублей. Теперь, что ему в своё хозяйство нужно? С одеждой пока завяжем. На лето всё есть, а об осени и зиме позже подумаем. В комнату... Так. Из мебели... вроде ничего не надо. Пепельницу, пожалуй, а то курить захотелось – в форточку окурков кидал, в ладонь пепел стряхивал. А вообще-то... спешить ему некуда, можно не пороть горячку и обживаться спокойно...

Занятый этими мыслями и подсчётами, Андрей доработал до конца смены, быстро переоделся, запер шкафчик, и, пока остальные ещё только собирались в бытовку, его и след простыл.

До завода Андрей бежал. Кончает-то Эркин, как и он, в три, пока переоденется, то да сё, так ведь и он себя в порядок приводил, нехорошо получится, если его ждать будут.

Из проходной уже сплошным потоком выходили люди, и Андрей огорчённо выругался. Вот непруха! Ищи теперь Эркина в этой каше. Он остановился и закурил, огляделся уже спокойно и внимательно. Так... так лучше не искать, а встать на видном месте, чтоб тебя увидели и окликнули.

Они увидели друг друга одновременно. Андрей сплюнул окурочек в ближайшую урну и пошёл к Эркину, окружённому толпой кряжистых мужчин.

– Вот, – счастливо улыбнулся Эркин. – Вот он.

– Ну-ка, покажись...

– Воскрес, значит...

– Ну-ка...

– Ну, на счастье...

– Раз хоронили, значит, долго жить будешь...

Андрею жали руки, хлопали по плечам и спине, тут же перезнакомились и дружной толпой отправились в пивную. Вёл по праву угощающего Эркин. И пиво с бутербродами на всех он брал. По большой кружке и два бутерброда. И Андрей от себя маленькую и бутерброд. И тоже на всех и каждому.

– Ну, гуляем!

– А что, так и надо.

– Ну, здоровья тебе, пареньь.

– И удачи.

Андрей охотно смеялся, отшучивался, благодарил. Хорошая ватага у Эркина, повезло брату, он же видит, что к Эркину с полным уважением.

– Как же так вышло, пареньь?

– А просто, – Андрей встряхивает кудрями. – Ранило меня. Ну, нашлись добрые люди, подобрали, выходили.

– А о себе чего ж не давал знать?

– Брат тут извёлся прям.

Эркин смущённо покраснел.

– Да уж, переживал он за тебя, – кивнул Саныч. – Чего ж таился?

И на этот вопрос у Андрея был заготовлен ответ. И ответил он серьёзно и почти правду.

– Подставить боялся. Я-то уехал и всё, а им там жить.

Когда говоришь правду, то верят сразу. Понимающие кивки, сочувственное хмыканье.

– Ну, понятно тогда.

– Да уж.

– За добро добром надо.

– Чего уж там.

И вдруг щуплый – и чего доходягу в грузчиках держат? – мужичонка, с жадностью хлебавший пиво, хмыкнул:

– Слышь, вождь, а тот майор тебя, значитца, когда зимой мотал, знал уже?

Эркин ответить не успел. Медведев отдельно произнёс:

– Ря-ха!

Саньч удивился:

– Ты это про что? Не помню, чтоб такое было.

А Лютыч веско объяснил:

– Готов Ряха. Допился, что казаться стало.

– Ну-у?! – вылупил глаза Серёня. – А говорят, там чертей зелёных ловят, ну, кто допился.

– Или слонов видят, – кивнул Петря. – Розовых.

– Кому черти, кому слоны, – заржал Колька, – а Ряхе майоры.

Поржали, и на этом инцидент был исчерпан и забыт. Андрей сделал вид, что не обратил внимания, ну, мало ли что спьяну сболтнут. Но Эркин знал, что ни слова брат не упустил и будет спрашивать. А рассказать о майоре – это рассказывать и о Бурлакове. Ну... ну, что ж, может, и к лучше-

му, чтобы так...

А разговор пошёл своим чередом. Не спеша, обстоятельно допили пиво. Большую кружку Эркина под шумок утащил Ряха, все этого презрительно не заметили, а сам Эркин и маленькую не допил. И уже стали расходиться, снова желая Андрею и Эркину здоровья и удачи, когда Колька сказал:

– Ну, счастливо, Мороз.

– Завтра с утра, – кивнул Эркин.

– Так ты ж с братом, небось, – удивился Колька.

– Вдвоём и придём, – улыбнулся Эркин.

– Придём, – сразу согласился Андрей. – А зачем?

– Курятник ладить будем, – объяснил Эркин.

– Замётано, – энергично кивнул Андрей.

И Эркин счастливо улыбнулся.

Уходили они не первыми, но и не последними. К удивлению Эркина, на улице уже смеркалось.

– Однако, засиделись мы.

– Ага, – Андрей с улыбкой оглядывал улицу. – Хорошая у тебя ватага.

– Да, – улыбнулся Эркин. – Я... знаешь, я не думал, что так может быть. Так хорошо.

Андрей кивнул. Они шли рядом по голубой от медленных сумерек улице. Вечер пятницы, преддверие выходных. Все добрые и весёлые, будто слегка хмельные. Андрей ждал, но Эркин сам не начинал разговора.

– Так что это за майор? – спокойно, даже небрежно спро-

сил Андрей.

Эркин вздохнул.

– Ты помнишь, на выпасе ещё, в резервацию приезжали, ну, на переезд уговаривать. Только он тогда не в форме был.

– Ага-а, – протянул Андрей.

Он по-прежнему улыбался, но улыбка стала другой.

– А на этот раз кто свистел?

– Никто, – усмехнулся Эркин. – Он... словом, зуб у него на меня. Ещё с выпаса. Да и в тюрьме он ко мне цеплялся.

– Это когда ты в тюрьгу попал?

– А на Хэллоуин, – Эркин стал перемешивать русские и английские слова. – Нас всех, кто в Цветном был, загребли. В грузовик и в тюрьгу. Трое суток держали, допрашивали.

– Сильно били? – глухо спросил Андрей.

– Пальцем не тронули. Меня лейтенант Орлов, я запомнил, допрашивал. Ну, только название, что допрос, просто про свору спрашивал, про Хэллоуин. Нормально. Потом сказали, что необходимая самооборона, и отпустили, – Эркин усмехнулся. – Перетрухал я, конечно. На мне много трупов висело. За тебя, за Женю... отпустил я душу тогда.

– Понятно, – кивнул Андрей. – А майор этот?

– Ну, заявился он, как раз первый допрос был. Узнал и вцепился с ходу. Я только не понял, кто ему был нужен. И по тебе, и по... лендлорду, и по старшему ковбою. Ну, – Эркин зло усмехнулся. – ну и по мне... потоптался.

– Это как?

– А он знал уже, что я... спальник. Ну и начал. Зачем Бредли меня к Жене в постель подложил.

– Чи-го-о-о?! – изумился Андрей.

– То самое и есть. Сам не знаю, как смолчал.

– А Джонатан с Фредди ему зачем?

– Не знаю, – Эркин вздохнул. – Покуражился он надо мной, конечно... по-надзирательски. Страху я нахлебался... Как положено. Но... обошлось. Вспоминать неохота.

– Ладно, раз обошлось, – согласился Андрей.

Раз Эркин не хочет сейчас говорить, не надо. Но вот это прояснить, не откладывая.

– А зимой что было?

Эркин вдруг рассмеялся.

– А ничего и не было. Он меня на рабочем дворе в обед заловил. Иду я себе из столовой, тянусь на ходу потихоньку... и тут он! Нос к носу. Я вот до сих пор понять не могу, зачем он меня в профсоюз пригнал. А там... бригада подоспела. И старшой с ходу: где ордер? Нет ордера – и парня, меня, значит, нет. И всё!

Эркин подмигнул Андрею, и тот с удовольствием заржал. Но странно: обычно Эркин рассказывает подробно, со всеми деталями и так, что сам как видишь всё, а сейчас... что-то брат не договаривает. Что-то там ещё было. И в Хэллоуин, и зимой уже здесь. Что? Но... он просил не спрашивать его ни о чём, а сам... Андрей покосился на Эркина.

– Слушай, а... парк тут или ещё чего такое есть?

– Есть, – удивлённо кивнул Эркин. – На площади у Культурного Центра. Там для детей горки всякие, качели. Так и называется. Детский парк.

– Нет, – вздохнул Андрей. – Не пойдёт.

– А что?

– Да... посидеть, поговорить.

– Ну, – Эркин огляделся. – В чайной можно. Или ты пива хочешь?

– А ну его! А чайная... то, что надо.

Маленькая чайная нашлась быстро. Пятница, правда, народу много. Но место отыскалось, и удачное – в углу. Так что никто не подсядет и не помешает разговору. Им принесли четыре пузатых фарфоровых чайника. Два больших с кипятком и два маленьких с заваркой. Чашки, блюда. И вазочку с кусками твёрдого колотого сахара.

– Пироги у нас отменные. С творогом и вареньем сегодня особенно хороши. Прикажете?

– Давай, – кивнул Андрей. – Тоже по такому и такому, – и когда половой побежал за пирогами, с усилием поднял на Эркина внимательные и серьёзные до строгости глаза. – Что было-то, брат?

Эркин сглотнул.

– Я... я не знаю, как тебе об этом сказать. Столько всего...

– Всё и скажи. Зимой майор этот опять про меня спрашивал?

– Он ни о чём спросить не успел. Я ж сказал, бригада при-

бежала. А там, в профсоюзе, Селезнёва была, Лидия Александровна, она у нас на заводе профсоюзом занимается. И Бурлаков. Председатель Комитета.

– Та-ак, – протянул Андрей и широко улыбнулся. – А вот и пироги, – но, как только половой, поставив перед ними пироги, отошёл, снова стал серьёзным. – И что Бурлаков?

И тут же выругал себя, что неосторожно спросил. Надо было сначала про Селезнёву, но не может он играть с Эркином.

– Он... председатель Комитета, в лагере у нас выступал, – Эркин остановился, глядя на Андрея, словно ждал его ответа.

– У нас тоже, – кивнул Андрей.

– Тогда... ты видел его?

– Ну, видел, – пожал плечами Андрей.

– Он... – Эркин не смог договорить.

– Ну? – Андрей внимательно смотрел на него. – Ну, профессор, доктор исторических наук, ну...

– Он твой отец, – тихо сказал Эркин.

Андрей заставил себя допить чашку, заесть пирогом, налить новую. Руки у него не дрожали.

– Это каким ветром тебе надуло?

Но ни его слова, ни вызывающе насмешливый тон не обидели Эркина.

– Это не ветер. Он... он пришёл к нам в тот же вечер, домой. Показал фотки. И попросил отобрать те, что на тебя

похожи. Я смотрел, Женя, даже Алиса. И мы нашли, ну, похожих на тебя. А это были его фотографии, и его родных, его отца, жены, её брата. Вот и сошлось.

– Вот и сошлось, – медленно повторил Андрей.

– Да, – Эркин облегчённо перевёл дыхание. Вот и сказано самое страшное. Дальше будет легче.

– И что он ещё сказал?

– Что тебя зовут Сергеем. На самом деле. И что все остальные, ну, из вашей семьи, погибли.

– Ясненько, – кивнул Андрей. – Зимой это было?

– Да, в январе, после Нового года точно. А... а ты когда его видел?

– В лагере, – улыбнулся Андрей.

Его улыбка не понравилась Эркину. Но... но он обещал Андрею ни о чём не спрашивать.

– Андрей... – нерешительно начал Эркин.

– Да, браток, – сразу откликнулся Андрей и улыбнулся. – Да, я – Андрей, всё правильно, Андрей Фёдорович Мороз.

– Так... ты не помнишь его?

– Помню или не помню, дело не в этом теперь. Ладно, – и улыбнулся уже по-другому. – Спасибо, брат.

– За что?

– А что сказал.

– И как ты теперь?

– Что как?

Непонимание Андрея казалось искренним, и Эркин вы-

говорил самое страшное:

– Уедешь к нему?

– Ещё чего?! – возмутился Андрей.

И увидев мгновенную улыбку Эркина, с радостной уверенностью продолжил:

– Да на фиг он мне сдался.

Эркин с требовательной суровостью посмотрел на него.

– Он твой отец, Андрей.

– Я ему тоже на фиг, – успокаивающе сказал Андрей.

– Но...

– Без «но», браток. Раз говорю, значит, знаю, – Андрей стал уже совсем прежним. – Ладно, браток. Если этот майор опять сунется, отобьёмся. Нас же двое теперь. Да твоя бригада, да моя. Замочим за милую душу. Технически. Сделаем, чтоб ни кончика не торчало.

Эркин засмеялся.

– Ряха ему обещал под маневровый паровоз попасть. Рельсы скользкие, – передразнил он Ряху.

– А что, – сразу согласился Андрей. – Стоящее дело. Стада-то здесь не найдёшь. Ну, чтоб бычки прошлись. Помнишь, на перегоне?

– Да, – кивнул Эркин.

Андрей заметил, что согласился Эркин без особого энтузиазма. Чего это с ним? И про перегон вспоминает неохотно. И... ладно, это потом обдумаем. Два дела сразу не делают.

– Слушай, а ничего пироги, а?

– Да, – обрадовался смене темы Эркин. – Совсем даже ничего. И чай хороший.

– Угу, – Андрей с аппетитом доедал свою порцию. – С творогом, по-моему, получше был.

– А мне оба понравились, – засмеялся Эркин.

Так за разговором о еде они закончили чаепитие, расплатились и вышли.

Было уже совсем темно, горели фонари, светились окна домов. Они шли рядом, как когда-то в Бифпите и Джексонвилле.

– Застегнись, продует.

– Ни хрена мне не будет, – весело ответил Андрей, но ветровку застегнул: вечер прохладный, а куртка только по названию, плевком прошибёшь, сюда бы его джинсовку... – Слушай, браток, а шмотьё моё что? Томсониха не отдала тебе? Ну, хозяйка моя.

Эркин искоса посмотрел на него, опустил голову.

– Та-ак, – протянул Андрей. – Ну, давай, Эркин, чего уж там. Чего она...?

– Её убили, Андрей, – тихо сказал Эркин. – Не думай о ней плохо.

– И кто её? – очень спокойно спросил Андрей.

– Свора. А дом соседи разграбили. Ничего не уцелело, – Эркин вздохнул. – Я, когда из тюрьмы вернулся, зашёл, так... так даже тряпок не осталось. А, нет, рубашка твоя, помнишь, в голубую полоску, от неё рукав, что ли, валялся.

– Понятно, – хмуро кивнул Андрей. – Ладно, земля ей пухом, как говорится. Значит, свора. А грабили соседи, говоришь?

– Думаю, да.

– Ну, ясно, – Андрей зло сплюнул, достал сигареты и закурил.

– Нашу квартиру тоже... – тихо говорил Эркин. – Сарай расшарашили. Ни полена, ни картофелины, ни гвоздя. А квартира... Я зашёл, так страшно стало. Женя посуду и постели не взяла, так одни черепки и перья повсюду.

– Понятно, – повторил Андрей и улыбнулся. – Ладно, браток. О прошлом не горюй, о будущем не думай, а... живи себе попросту.

– Согласен, – улыбнулся Эркин. – А вон и «Корабль» наш.

Андрей окинул взглядом расцвеченную огнями окон громаду и кивнул.

– Красиво. А... наши окна где?

– А вот, – показал ему Эркин. – От башни отсчитывай. На кухне свет горит и у Алисы. Ждут нас.

И, не сговариваясь, оба одновременно прибавили шагу.

Андрей ждал, что Женя хоть как-то выскажется об их загуле. Но им просто обрадовались. От чая они дружно отказались.

– Женя, мы после пивной ещё в чайной посидели, – объяснил Эркин. – Поговорили.

– Ну ладно, – согласилась Женя. – Андрюша, поешь че-

го-нибудь?

– Звучит невероятно, но я сыт, – засмеялся Андрей.

– Андрюха, я тогда твою конфету тоже съем? – решила уточнить Алиса.

– На фиг! – возмутился Андрей. – Свои конфеты я сам ем.

– Ты же сыт!

– А конфеты – не еда! – победно возразил Андрей. – И почему тоже? Чью ещё конфету ты съешь?

– Эрика, – сокрушённо вздохнула Алиса. – Вы же вместе были, он тоже сытый.

Эркин от смеха не мог стоять и сел на табурет у вешалки. Смеялась, держась за дверной косяк, и Женя. Ободренная этим смехом, Алиса перешла в наступление.

– Так обе конфеты мои, замётано.

Теперь заржал и Андрей.

Но, к разочарованию Алисы, конфет ей всё равно не дали. Правда, Эрик поиграл с ней в щелбаны. А потом в щелбаны играли Эрик с Андрюхой, а она и мама болели, и Эрик выиграл и щёлкал Андрюху по лбу.

Наконец Алису уложили спать. Женя поставила на стол чашки, налила чай. Андрей, потирая лоб, покосился на Эркина.

– Однако рука у тебя, братик, того...

– Ты давно не играл, что ли? – Эркин с наслаждением глотнул чаю. От смеха у него пересохло в горле. – Скорость не та стала.

– Да, – кивнул Андрей, – с Хэллоуина не играл. А ты с кем тут дуешься?

Эркин усмехнулся.

– Есть тут один... малец. Учимся вместе, и вот на переменах иногда.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Да, слушай, у этого, Кольки, инструмент-то есть? Курятник курятником, но одной пятернёй не сработаешь.

Эркин предвкушал, как он завтра ошеломит Андрея уцелевшим ящиком. Нет, в разговоре он промолчал не нарочно, просто не пришлось к слову, а потом, когда вспомнил, разговор уже шёл о другом, вот тогда он и придумал разыграть Андрея, но раз так повернулось, то тянуть нечего. Он мягко отодвинул чашку и встал.

– Я сейчас.

Подмигнул Жене и вышел.

– Ну, и чего он задумал? – подчёркнуто громким шёпотом спросил Андрей.

Женя в ответ сделала таинственно многозначительную мину, прислушиваясь к шуму за дверью.

Эркин вошёл в кухню. Андрей резко повернулся к нему и замер, полуоткрыв рот.

– Узнаёшь?

Эркин поставил ящик на пол. И, издав приглушенный, чтобы не разбудить Алису, восторженный вопль, Андрей кинулся к своему сокровищу.

Эркин и Женя молча смотрели, как он перебирает, перекладывает инструменты, пробуя на ногте лезвия, поглаживая рукоятки. Наконец, он оторвался от ящика, поднял на Эркина влажно блестящие глаза.

– Ну... ну, нет слов... Как ты смог, Эркин? Как выцарапал?

– Мне отдали, – Эркин сел к столу, отпил чая.

Сел к столу и Андрей, лицо его стало серьёзным.

– Я, когда утром шёл в комендатуру, – начал Эркин, – сделал крюк, мимо твоего дома прошёл. И меня окликнул. Старик, до подбородка мне не достаёт, дома через два от тебя, по другой стороне.

– Забор зелёный?

– Был зелёным, – поправил его Эркин. – Такой штакетник редкий, мне по пояс.

– Тогда помню, – кивнул Андрей. – Ну...

– Окликнул меня, – повторил Эркин. – Позвал в дом. И отдал ящик. И я ушёл. Вот и всё. Да, ещё он сказал, что знает, что это такое – инструмент.

– Он знает, – Андрей ладонями потёр лицо. – Я работал как-то у него. С проводкой помогал. Он знает. Ну, – он счастливо улыбнулся. – Ну, теперь живём.

Женя ласково улыбнулась им.

– Вот и отлично.

– Да-а, курятник мы завтра отгрохаем, – Андрей даже причмокнул. – Люкс-экстра.

Он залпом допил чай и встал.

– Спасибо, Женя, вкусно до обалдения. Я спать пойду, – кивком показал на ящик. – Эркин, ты где его держишь?

– В кладовке, – встал и Эркин. – Идём, покажу.

Женя стала убирать со стола.

Оглядев кладовку, Андрей тихонько присвистнул.

– Ну, ты размахался. Классно сделано, браток. И долго делал?

– Один день, – рассмеялся Эркин. – Знаешь, сколько народу ко мне на беженское новоселье пришло? И рассчитали, и сделали. Сам бы я, может, до сих пор колупался бы, и так здоровско всё равно не вышло бы. А брус и доски мне бригада подарила.

– Беженское новоселье, – задумчиво повторил Андрей и улыбнулся. – Ладно, завтра по дороге расскажешь, ага?

– Замётано! – Эркин легонько шлёпнул его по спине, подталкивая к двери.

– Разбуди меня завтра, – попросил Андрей, выходя в прихожую. – Женя, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – выглянула из ванной Женя.

Войдя в свою комнату, Андрей быстро постелил, разделся. Эркин наверняка мыться пошёл, ну, что ж, ладно, подождём. Он подошёл к шкафу. Книжные полки, считай, пустые. На одной учебники Эркина, на другой – те две книжки, что из библиотеки. Взял в среду, сегодня пятница кончает-

ся, а он и четверти не осилил. Андрей открыл дверцу, взял «Битву на Великой» и сел к столу. Но свет оказался за спиной. Надо будет лампу купить. Настольную. И... и торшер, пожалуй. Чтоб читать лёжа. Он сел боком и раскрыл книгу. Предисловие пропустим, попробуем без подсказок. Ну его, профессора, обойдёмся своим умом.

Одолев два десятка страниц, Андрей заметил, что тишина вокруг совсем ночная, посмотрел на маленький будильник на столе и чертыхнулся. Однако, засиделся он. Ладно, завтра почитает. Он закрыл книгу, убрал её в шкаф и пошёл в ванную. В квартире тихо и темно, и он оставлял за собой открытые двери, чтобы не зажигать лишнего света.

Ни Женя, ни Эркин не слышали, когда он лёг. Эркин в спальне сказал Жене, что Андрей знает об отце.

– Я сказал ему, Женя.

– Ну и молодец.

Он лежал, как всегда, на спине, а Женя рядом, и её ладонь на его груди.

– И как он, Эркин?

– Он... он не хочет... Понимаешь, Женя, Андрей говорил мне, ещё там, на выпасе, он не помнит, ну, что было... до лагеря. Он ни имени своего не помнил, ни где жил. Я ему сказал, рассказал, как Бурлаков приходил к нам, показывал фотки, фотографии. Я не знаю, Женя, но Андрей сказал, что... что он не нужен... отцу. И отец ему не нужен. Я... я не знаю, Женя, так бывает?

Женя вздохнула, погладила его по груди.

– Не знаю. Я придумала, Эркин. Я напишу Бурлакову. Пусть он придет. Когда они увидят друг друга... Я уверена, Эркин, всё получится, как надо.

– Хорошо, – Эркин накрыл ладонь Жени своей, мягко прижал. – Хорошо, Женя, пусть будет так.

– Ну вот, – она поцеловала его в висок. – Спи, милый.

– Ага-а, – протяжным сонным выдохом согласился Эркин.

Обычно в субботу Эркин, как всегда, просыпаясь на расвете, тут же засыпал снова. Но сегодня, помня, что им идти к Кольке, он осторожно, чтобы не разбудить Женю, вылез из-под одеяла и подошёл к окну. Проверяя себя, выглянул на улицу. Да, для субботы рано, а для дела – вовремя. Он по-прежнему бесшумно прошёл к комоду, достал и натянул чистые трусы. Хоть и должен был бы уже привыкнуть к белью, но каждый раз, как что-то в мозгу щёлкало, что надо одеться. И надо будет помочь Жене со стиркой, а то белья много становится.

Женя сонно потянулась под одеялом.

– Уже утро? Эркин?

Эркин подошёл к ней и, наклонившись, коснулся губами её виска.

– Я здесь. Поспи ещё Женя.

– А чего ты вскочил так рано? Я сейчас...

– Спи, Женя, – повторил Эркин. – Я чайник поставлю.

Когда вскипит, я разбужу тебя.

– Ладно, – вздохнула Женя, засыпая.

Эркин ещё раз поцеловал её, поправил, укутывая, одеяло, и вышел, привычно захватив по дороге халат.

В ванной натянул джинсы и рубашку, на кухне поставил чайник на огонь и пошёл будить Андрея.

Дверь Андрей на ночь не запер, и Эркин, входя, ограничился лёгким стуком костяшек по косяку. Андрей спал, завернувшись, как всегда, в одеяло так, что макушка еле виднелась. Эркин мягко тронул его за плечо.

– Андрей, вставай.

Из-под одеяла донеслось невнятное бурчание. Эркин рассмеялся и подошёл к окну, раздвинул шторы.

– Что, утро уже?

Эркин обернулся. Взлохмаченный Андрей сидел на диване, протирая кулаками глаза, зевнул с подвывом и улыбнулся.

– Доброе утро, браток.

– Доброе утро, – ответно улыбнулся Эркин. – Давай, чайник уже греется.

– Мг-м, – Андрей ещё раз зевнул и встал, взялся за халат.

– Алиса и Женя спят ещё, так что дуй так по-быстрому, – рассмеялся Эркин.

– Ага, то-то я слышу, тихо как. Я мигом, браток.

Что Андрей умеет, когда надо, управляться быстро, Эркин и раньше знал. Он только-только успел всё достать для

яичницы, как Андрей явился на кухню уже свежевыбритым и одетым, на расчёсанных кудрях надо лбом искрились капли воды.

– А вот и я!

– Ты яичницу умеешь делать?

– Не знаю, не пробовал, – фыркнул Андрей. – А что?

– Тогда я сам. А то Алису пора будить.

– Давай, разбужу, – с воодушевлением предложил Андрей.

– Уже, – в кухню вошла, затягивая поясок на халатике, Женя. – Доброе утро, Андрюша. Ой, яичница, ты молодец, Эркин. Алиска, ты меня слышишь? Не копайся. Андрюша, для хлеба в шкафчике возьми, Алиса, умываться, Эркин, я сейчас сделаю, ты чаю свежего завари...

Не подчиниться этому вихрю распоряжений невозможно. И вот уже все сидят за столом, трещит на тарелках яичница, дымитесь в чашках чай, громоздятся на тарелке бутерброды и конфеты в вазочке...

Женя с гордостью оглядела стол и села есть. Подгонять никого не приходилось. И тут же обговорили, что, разумеется, Алису поведёт на занятия Женя.

– И не дёргайтесь, когда придёте, тогда придёте.

– Угу, – Андрей прожевал яичницу, скорчил рожу Алисе и ответил наипочтительнейшим тоном. – Как скажешь, Женя, так и сделаем.

Эркин поперхнулся чаем и так кашлял, что Андрей и Же-

ня вдвоём шлёпали его по спине к полному восторгу Алисы.

Отсмеявшись, Эркин допил чай и встал.

– Спасибо, Женя. Андрей, пошли.

Андрей встал из-за стола с явным сожалением и из кухни выходил чуть ли не задом наперёд, демонстрируя, что не в силах глаз оторвать от остающейся на столе еды. Женя хохотала до слёз, Алиса визжала от восторга.

На улице Эркин смог продышаться. Андрей шёл рядом, гордо оглядывая улицу и неся свой ящик.

– Ну, ты даёшь, – наконец выговорил Эркин.

– Бери на здоровье, братик, – фыркнул Андрей. – Мне для тебя ничего не жалко.

И Эркин снова заржал. О вчерашнем они не поминали. Эркин свой долг выполнил, рассказал, а теперь Андрею решать. Это его отец, его кровь, и Эркин примет любое решение.

Залитые утренним солнцем улицы безмятежно спокойны. Молодая, ярко-зелёная листва, ослепительно голубое, ещё не выцветшее от летней жары небо. Эркин надел вместо непромокаемой куртки джинсовую, когда-то выигранную в Бифпите. Андрей покосился на него и улыбнулся. Ничего, брат, выжили мы назло всем, из такого дерьма, что и подумать страшно, выбрались, так что теперь... всё наше!

В Старом городе никакой сонной тишины. Во всех садах, огородах, дворах кипит работа. Весенняя страда. День упустишь – за год не наверстаешь. Андрей с жадным интересом

вертел головой, разглядывая, удивляясь и восхищаясь.

И в Колькином дворе было шумно. Колька в одной тельняшке разбирает груды досок и бруса, горланит пёстрый петух, путался в ногах Колобок.

– О! – восхитился Колька, увидев Эркина и Андрея. – В самый раз, братишки!

– Главное – к жратве не опоздать, – засмеялся Андрей. – А остальное само приложится. Ну, где тут куриный дворец?

Рассмеялась и вышедшая на крыльцо Эсфирь.

– Во, Мама Фира, – радостно заорал Колька. – Какой брат у Мороза.

– Честь имею представиться, – тряхнул шевелюрой Андрей. – Андрей Мороз собственной персоной.

Улыбнулся и Эркин своей «настоящей» улыбкой, но спросил нарочито строго:

– Мы дело делать будем?

– А куда ж мы денемся?! – хохотнул Андрей.

И Эркин, сразу вспомнив привычку Андрея работать под трёп, счастливо засмеялся.

Женя быстро убрала на кухне, заглянула в комнату Андрея – полный порядок, в спальню – ну, Эркин, как всегда, всё успел.

– Алиса, одевайся.

А к осени Алиска, похоже, вырастет из матроски, для школы надо будет купить что-нибудь попрacticalнее, или

форма будет? Там, в её школе-пансионе, была форма. И не сказать, чтобы удобная и красивая, но обязательная, это в колледже уже кто в чём, а здесь... это надо будет уточнить. Сегодня совсем тепло и сухо, так что можно без ботишков, а беретик... нет, беретик для комплекта.

– Алиса, альбом и краски взяла? Карандаши?

– Ну, мам, вот же, я ещё вчера всё сложила.

Женя уложила Алискино хозяйство в сумку, проверила свою сумочку. Ключи, деньги – всё на месте.

– Алиса, пошли.

На улице светило солнце и было так тепло, что Женя растегнула плащ. Алиса шла рядом, и сама гордо несла сумку с набором для рисования. Догнали Зину с Димом и Катей. И, как обычно, дети пошли впереди, а мамы сзади. Тем более, что Зине надо было поделиться с Женей потрясающей новостью. Вчера она опять была у врача, всё хорошо, всё слава богу, а новость в том, что в Культурном Центре новые курсы, для будущих мам, и не по желанию туда, а по направлению врача, и ходить надо обязательно.

– Это же очень хорошо, – авторитетно заявила Женя.

– Думаешь? – засомневалась Зина. – Всё ж-таки раньше-то без этого обходились, и рожали, и выращивали.

– Ну, так мало ли что раньше было и чего не было.

– А ты ходила, когда Алиску носила?

– Нет, – Женя сразу и вздохнула, и улыбнулась. – Но я ещё раньше, в колледже, прошла такой курс.

– Ну да, ну да, – закивала Зина. – Конечно, раз надо, так, значит, и надо.

Помолчав, заговорили о школе. Дима тоже записали в новую школу.

– На три языка, – и, как всегда говоря о Тиме, Зина торжественно вздохнула. – Мой так и сказал, что знания лишними не бывают.

– Да, – с жаром согласилась Женя. – И ещё один язык – всегда хорошо.

– Свою-то тоже в тот класс записала?

– Ну да.

– Я вот думаю только, – Зина вздохнула уже не гордо, а озабоченно, – не тяжело будет? Головка-то маленькая.

Дим сердито обернулся на эти слова, но промолчал.

– Да не думаю, – улыбнулась Женя. – Два языка они уже учат, и ничего.

– Говорят, этот, как его...

– Шауни, – подсказала Женя.

– Ну да, – кивнула Зина. – Трудный он, говорят, ну, ни на что не похожий.

– Всё трудно, когда не знаешь.

– И то, – согласилась Зина.

О том, что шауни – дикарский язык и на хрена такое дикарство – об этом она тоже уже много слышала и даже внутренне была согласна – Зина благоразумно промолчала: Мороз-то – индей, понятно, что жена со всем индейским соглас-

ная. И ещё ей хотелось расспросить Женю о её девере, что из мёртвых воскрес, но они уже пришли.

Поднимаясь по широким пологим ступеням главного входа, они обогнали черноволосого парня в военной форме без погон. Он шёл медленно, опираясь на резную палку. Дим уважительно оглянулся на позвякивание его медалей.

Отправив детей в класс, Женя и Зина разошлись. Зина пошла на свои курсы – ну, так удачно, что в то же время, что и у детей, не надо дважды ходить. А Женя побежала на почту. Там никто не помешает.

Работа шла весело. Очень легко Андрей занял ведущее место, покрикивая на Кольку и Эркина. Но, как и раньше, у него это получалось так весело и необидно, а сам он настолько явно знал своё дело, что работа спорилась и взрывы хохота не мешали стуку молотков и визгу пилы. Колобка Эсфирь забрала, чтоб не лез под руки, и солёные шутки Андрея заставляли Кольку приседать и корчиться от смеха.

– Ну, – Колька вытер слёзы и взял молоток. – Ну, ты даёшь, братишка.

– Я ещё и не то могу, – многообещающе сказал Андрей. – Давай, Эркин, не до вечера же колупаться, курочки же бездомные, петух обижается.

– Не смехи, – попросил Эркин, подавая ему сбитый щит. – Дыхалка же сбивается.

И когда Эсфирь пришла звать их обедать, доделать оста-

валось сущие пустяки.

– Пожрать – это всегда хорошо, – Андрей ударом молотка вогнал доску в паз и спрыгнул вниз. – Ну вот, после обеда покроем и пусть себе кудахчут.

– Когда с яйцом, то квохчут, – поправил его Колька, помогая собрать инструмент в ящик.

– Скажи, какие тонкости! – восхитился Андрей.

За работой так разогрелись, что остались в одних рубашках. Но рукавов Андрей по старой привычке не закатал и, умываясь, только манжеты расстегнул.

Сели за стол, и Эсфирь разложила по тарелкам винегрет и селёдку. Колька разлил по стопкам водку.

– Ну, за здоровье и за удачу.

– Чтоб всем всего и побольше, – потрянул шевелюрой Андрей.

– И сразу, – добавил Эркин, чокаясь с Андреем и Колькой.

Стопка маленькая – на один глоток, и Эркин выпил спокойно.

После селёдки ели борщ, макароны с мясом и пили компот из сухофруктов. Андрей шумно и весело восторгался каждым блюдом. Колька сиял так, будто сам готовил. Но выяснилось это в конце обеда. Когда вставали из-за стола, Колька сказал:

– Ну, спасибо, Мама Фира, по-флотски накормила.

– Это как? – спросил, выходя во двор, Андрей.

– Ну, – стал объяснять Колька. – На флоте, ну, на кораблях

такое. Борщ, макароны с мусором, ну, мясным фаршем, и компот. Вкуснота.

– Точно, – серьёзно кивнул Эркин. – Ты как, Андрей? Работать можешь? Или полежишь, отдохнёшь?

– Во! – восхитился Андрей. – Вот брат у меня. Другой такой язвы не найдёшь.

– Ну, до тебя мне далеко, – рассмеялся Эркин.

Колька с удовольствием заржал.

Работы и впрямь оставалось немного. И солнце стояло ещё высоко, когда Андрей с шиком заорал:

– Принимай работу, хозяйка!

А Колька залихватски свистнул. Колобок, как из-под земли выкатившийся им под ноги, попытался тоже свистнуть, но у него даже шипения не получилось. От обиды он чуть не заплакал, но тут его сгрёб в охапку Андрей и стал показывать столицу, подбрасывая в воздух. Колобок упоённо визжал. Ещё Андрею хотелось посмотреть, как у кур новоселье пройдёт, оценят ли они, что всё по науке сделано, по затрёпанной, многократно подклеенной книге «Птицеводство». Но Эсфирь позвала их пить чай.

– Обойдутся без тебя куры, – шлёпнул Андрея по спине Колька. – Им петух всё разобъяснит.

Снова умылись, отмыли уже основательно руки и... и Андрей опять всё перекрутил. Чтоб пить чай не на кухне, а в горнице. Долго ли стол перетащить? Да им, троим, тут и плюнуть некогда. Сразу сообразив, зачем он это затеял, Эркин

досадливо прикусил губу. Какой же он в самом деле... чурбан бесчувственный. Ведь понимал, что все эти «я подремлю... идите ешьте...» – это всё, чтоб им не мешать, а Андрей и понял, и вон, придумал, чтоб и Семён с ними со всеми чаю попил.

И пили чай долго, с шутками и смехом, с хозяйственными разговорами. И Андрей вёл разговор так, чтоб всем было хорошо. А потом стол утащили обратно в кухню и сидели уже просто так. И опять Эркин играл на гитаре и пел. И один, и на два голоса с Андреем, и Кольке подыгрывал, когда тот пел свои флотские песни.

И ушли уже в темноте.

И всё наоборот. В Старом городе усталая тишина, а за путями праздничный шум субботнего вечера.

– А здоровско ты играешь.

– Знаешь, – счастливо улыбался Эркин, – я же пять, нет, шесть лет гитары не держал, думал, забыл всё, и руки не те. Сам удивился, что получается. И что раньше играл, помню, и новое подбираю.

Андрей кивнул.

– Да, если что знал или умел, то уж не забывается.

Эркин быстро искоса посмотрел на него и отвёл глаза. Андрей словно не заметил этого и продолжил:

– Знаешь, я о шмотье, ну, вот нисколечко не жалею и не жалел, а за инструмент психовал. И ножи жалко. И призовой, и расхожий. А твой? Цел?

Эркин вздохнул.

– Когда нас арестовывали, оружие отбирали. И... и я рукоятку отломал.

– Чего?! – изумился Андрей. – Как это?

– Ну, о колено.

– Силён ты, братик, – покачал головой Андрей. – Я ж на совесть делал. А дальше что?

– Ну, я здесь уже кольцо приклеил и на ремешке с собой носил. А... а когда отец твой приезжал, я ему отдал, – уже твёрдо закончил Эркин.

– Это Бурлакову, что ли? – хмыкнул Андрей.

– Он твой отец, Андрей. Неужели... ты совсем ничего не помнишь?

– Помню, не помню... Не в этом дело, Эркин. Он сам по себе, я сам по себе. Он – Бурлаков, а я – Мороз.

– Андрей...

– Нет, братик, ни я ему, ни он мне не нужны. И хватит об этом, ладно?

Эркин пожал плечами.

– Ладно, – не очень уверенно согласился он.

Андрей благодарно тряхнул головой, подтолкнул брата плечом.

– А хорошие они, – с весёлой убеждённостью сказал он.

– Кто?

– А Колька, Семён, Мама Фира, а полностью она как?

– Эсфирь, – вспомнил Эркин. – А отчество... А, вспом-

нил, Соломоновна.

– Ну и ладно. И Колобок, – Андрей рассмеялся, – хоть куда пацан. Слушай, я не совсем понял, ну, Колька с Семёном – братья, а она им...? – он сделал выжидающую паузу.

– Они все трое – братья. Колька, Семён и Колобок. Я только не знаю, но Семён, вроде, старший. У них отец один, а матери разные.

– А? Ну да, понял, – Андрей покачал головой. – Надо же. А у Семёна с Колькой матери, значит, погибли. Ну... ну, бывает.

Несколько раз Эркина окликали знакомые, здоровались. Краткие обычные разговоры. Замечая быстрые любопытные взгляды, брошенные на Андрея, Эркин представлял его, знакомились, обменивались рукопожатиями, парой фраз на житейские темы и прощание. После очередной такой встречи, отойдя шагов на пять, Эркин негромко рассмеялся.

– Ты чего? – предвкушая шутку, спросил Андрей.

– А вспомнил. Я, когда из тюрьмы вышел, добрался до лагеря, где Женя с Алисой были, так Алиса меня вот так же по лагерю за руку водила. Это Эрик, он вернулся, – пропищал Эркин очень похоже на Алису.

Андрей с удовольствием заржал.

– Да, слушай, а тебя чего все по фамилии зовут?

– А пускай, – отмахнулся Эркин. – Я же знаю, что это я.

Ну, вот и пришли.

«Беженский Корабль» расцвечен огнями в окнах, кое-где

на лоджиях светятся огоньки сигарет, слышны голоса, но слов не разобрать.

Эркин и Андрей вошли в свой подъезд, не спеша поднялись по лестнице. Коридор второго этажа пуст, но из-за дверей плывут запахи еды, и тишина живая, тёплая.

Эркин достал ключи и открыл дверь.

– Эрик! Андрюха! – сразу обрушился на них радостный визг Алисы. – Мама, они пришли! А у нас гости, вот!

Эркин, уже снявший кроссовки, медленно выпрямился. Гости? Кто?

– Вот и молодцы, – в прихожую вышла Женя. – Всё хорошо, да? Сейчас чаю попьем.

– Кто у нас? – тихо спросил Эркин, целуя Женю в щёку.

– Да ты знаешь её, – Женя быстро поправила ему воротничок рубашки. – Из машбюро, Андрюша, идём.

– Обож-жаю гостей, – пробормотал Андрей. – Особенно...

Договорить он не успел, потому что из кухни выпорхнула пухленькая блондинка.

– Ой, да что вы, да я пойду уже, здравствуйте, ой, Андрюша, да? Ой, мне про тебя уж нарасказали, – трещала она. – Да Любой можно, ну, с возвращением, ой, спасибо, Женя, я уж пойду, поздравляю вас, чудо-то какое!

Она даже успела поцеловать в щёки и Эркина, и Андрея, пригласить Андрея в гости и с обещанием скорой встречи попрощалась и вылетела за дверь.

– Это Люба Деружкина, – смеялась Женя. – Она на огонёк заглянула и вот...

– И сидела, и всё про Андрюху спрашивала, – влезла Алиса.

– Ценная информация, – кивнул Андрей. – Спасибо, племяшка. За чай спасибо, Женя, отказываться не в моих правилах.

– Дают – бери, а бьют – беги, да? – вмешалась Алиса.

– Это как получится, племяшка, – засмеялся Андрей.

Эркин уже спокойно отнёс ящик в кладовку, вошёл в ванную и, потеснив плечом Андрея, стал мыть руки.

После умывания и обрызгивания сели за стол. Женя налила всем чаю. Конфеты, печенье. Андрей живописно рассказывал, какой курятник они отгрохали.

– Куры лично благодарили, – очень серьёзно вставил Эркин. – А петух лапой шаркал.

Алиса от восторга пустила в чашку пузыри, а Андрей подчёркнуто уважительно посмотрел на Эркина.

– Да-а, браток, ты даёшь. Вот, Женя, как меня все ценят. Свидетельство очевидца!

Женя отсмеялась, похлопала по спине Алису, чтобы вела себя прилично.

– Андрюша, ещё чаю?

– Спасибо, Женя, но... рад бы, да не лезет, – и встал, опёршись на мгновение ладонью о плечо Эркина.

– Спать пойдёшь? – вскинул на него глаза Эркин.

– Почитаю немного, – улыбнулся Андрей. – Спокойной ночи, Женя.

– Спокойной ночи, Андрюша.

Андрей ещё раз легонько хлопнул Эркина по плечу и вышел. Женя отправила Алису в уборную и умываться на ночь, а Эркин стал готовить их вторую, «разговорную» чашку. И, помедлив, поставил на стол третью чашку. Вдруг Андрей захочет прийти.

Уложив Алису, Женя заглянула в кухню.

– Эркин, – позвала она.

– Да, иду, – сразу откликнулся он.

Он вошёл в комнату Алисы. Она уже закрыла глаза, но, когда он коснулся губами её щёчки, вздохнула:

– Э-эрик...

– Спи, маленькая, спокойной ночи.

И когда он договорил, Алиса уже спала. Эркин бесшумно вышел, мягко прикрыв за собой дверь, и вернулся на кухню. Женя уже ждала его. Эркин сел и взял свою чашку, отпил и блаженно вздохнул.

– Хорошо-о.

Женя улыбнулась.

– На здоровье, милый. У нас тоже было всё хорошо. Алиску похвалили. А знаешь, Диму тоже записали в класс с тремя языками. Мне Зина сказала.

Эркин усмехнулся: ну да, Тим костями ляжет, но не допустит, чтоб его хоть в чём-то обошли.

– Это я Тиму про Алису сказал.

– А-а, – понимающе рассмеялась Женя. – Ну, тогда понятно. На рынок я сегодня не ходила, у нас и так всё есть.

– Может, завтра? – предложил Эркин.

– Завтра и тебе, и Андриюше надо выспаться, – решительно сказала Женя, а, чтобы он не вздумал возражать, добавила: – И мне тоже.

– Понял, – Эркин допил чай и встал.

Быстро, ловкими и точными движениями он собрал и вымыл посуду. На секунду замер, прислушиваясь, и подхватил Женю на руки.

– Пошли спать, да?

– Ты идёшь, – Женя поцеловала его в переносицу, – а меня несут.

– Свет выключи, – попросил Эркин, пронося её в дверь.

В квартире было тихо. Алиса спит, из комнаты Андрея не доносилось ни звука. Но Эркин старался не шуметь и, когда вошёл в спальню, облегчённо вздохнул:

– Проскочили!

Женя, рассмеявшись, взъерошила ему волосы. Эркин положил её на кровать и, целуя в глаза, строго сказал:

– Тебе надо выспаться.

– Угу, – Женя поцеловала его в шею, отчего он сразу вздрогнул и замер. – Ты в душ пойдёшь?

– Д-да, – Эркин медленно выпрямился. – Ты ложись, не жди меня, ладно?

– Ладно-ладно, – тихо засмеялась Женя и, потянувшись, включила лампу на тумбочке.

Выходя из спальни, Эркин оглянулся на Женю и улыбнулся ей.

В ванной он неожиданно столкнулся с вытиравшимся Андреем.

– Ты чего не закрылся?

– От кого закрываться? – засмеялся Андрей. – От тебя?

Эркин задумчиво кивнул и стал раздеваться.

– А... а если б это Женя была? – уже раздевшись, спросил он.

Андрей сразу стал серьёзным.

– Чёрт, не подумал. Извини, браток.

– Да ладно, – улыбнулся Эркин. – Ничего. Занавеси плотные, мы специально такие делали. Когда задёрнуто, ничего не видно.

– Понял, – кивнул Андрей.

Он затянул пояс на халате и, уже взявшись за ручку двери, обернулся:

– Спокойной ночи, браток.

– Ага, спасибо, – ответил уже из-под душа Эркин.

Вернувшись, к себе, Андрей погасил свет, сбросил на стул халат и лёг. Блаженно вытянулся под одеялом. Ну вот, завтра воскресенье, законный выходной, ноют натруженные мышцы, саднят свежие мозоли на ладонях. Можно спать хоть до полудня.

Эркин намылился и, блаженно покряхтывая, растирал себя под тугой струёй. И вдруг ощутил внезапную тесноту. Рядом с ним кто-то ещё?!

– Кто?! – дёрнулся он.

– Это я, – тихо рассмеялась Женя. – Ты меня не узнал?

– Женя? Зачем?

– Спишу тебе потереть, – смеялась Женя. – Я тебя весь день не видела.

Эркин гибко повернулся, обнял её.

– А я тебя.

– Что?

– Помою. Давай? Ну, Женя, ты мне ни разу не разрешала.

– А я мочалку не взяла.

– А я ладошками.

И, не дожидаясь ответа Жени, не сомневаясь в нём, приступил к делу. Его намыленные ладони скользили по телу Жени, гладили и разминали.

– Эркин, – Женя обхватила его за шею и, отфыркиваясь от заливавшей лицо воды, поцеловала. – Как хорошо.

– А так? – Эркин поцеловал её в шею. – А теперь смоем.

– Ага. А потом я тебя намылю и помою.

– Давай, – сразу согласился Эркин.

И теперь он стоял, положив руки на плечи Жени, а её ладони гладили, намыливая, его тело.

Они долго топтались в душе, уже просто обнимаясь и целуясь под заливавшими их лица струями.

Наконец, Эркин со вздохом выключил воду.

– Уже поздно, да? Ты устала, а я...

– А я сама пришла, – рассмеялась Женя. – Поздно, конечно, но завтра воскресенье, выспимся.

– Ага.

Эркин завернул Женю в мохнатую простыню и вытирал мягкими промокающими прикосновениями.

– А я тебя, – Женя вывернулась и сдёрнула с вешалки дру- гую простыню. – Ну-ка, подставляйся.

– Ага.

Потом наводили в ванной порядок, надевали друг на дру- га халаты, и наконец Эркин унёс Женю в спальню, снова раз- дел, уложил под одеяло.

– А сам? – лукаво спросила Женя.

– Уже.

Эркин сбросил халат на пуф, лёг и потянулся выключить лампу. Женя тут же обняла его за шею и потянула на себя.

– Попался?!

– Ага, – радостно согласился Эркин.

Лампу он всё-таки выключил. И они немного покатались и побарахтались под одеялом, пока Женя внезапно не засну- ла, уткнувшись носом в шею Эркина. «Как Алиса», – успел подумать, засыпая, Эркин.

Андрей поёрзал, перекатился с боку на бок, стараясь не просыпаться. Воскресенье – законный выходной, спи хоть до

обеда. Пока есть не захочется, он не встанет. И с этим решением заснул.

Разбудим его самым бесцеремонным образом, дёргая то за плечо, то за волосы. Дёргали слабо, но надоедливо. Андрей злобно замычал и полез под подушку. Тогда с него стали стягивать одеяло. Озверев, он лягнул воздух, отобрал одеяло и завернулся в него. И тут до него сквозь ставший непрочным сон прорвался голос:

– Ну, Андрюха, ну, вставай, ну, утро уже.

Андрей чертыхнулся шёпотом и высвободил голову.

– Алиска, ты, что ли?

– Я! Андрюха, вставай.

Андрей с интересом оглядел румяную растрёпанную Алису в ночной рубашке до пят и спросил:

– А зачем?

– Как зачем?! – возмутилась Алиса. – Утро уже!

– Не-а, – мотнул головой Андрей. – Темно.

– Как темно?!

Алиса бросилась к окну и стала дёргать штору. Пока она воевала с тяжёлой тканью, Андрей быстро надел и туго подпоясал халат.

– Ну вот, – Алиса наконец справилась с непослушной шторой, и комнату залил золотой утренний свет. – Вот видишь, утро! А мама с Эриком ещё спят. Я к ним стучалась, стучалась, а они заперлись и не выходят. Андрюха, идём их будить.

– Интересно, но не заманчиво, – пробормотал Андрей.

– Чего? Я не поняла, Андрюха. Пошли, ну!

– Не нукай, не запрягла, – внушительно остановил её Андрей.

Чёртова девчонка, ведь не отстанет – это ясно, а сунься сейчас к Эркину... ей ничего, а ему Эркин точно башку отвинтит. И не объяснишь ведь малявке, зачем «мама с Эриком заперлись». Надо выкручиваться.

– Утро, говоришь, уже?

– Андрюха, светло же совсем!

– Ага, а ты чего тогда по-ночному?

Потрясённая таким вопросом, Алиса молча уставилась на него. Андрей решил закрепить успех.

– Хочешь утра, так иди и одевайся.

– Ладно, – после недолгого раздумья согласилась Алиса. –

Будем делать утро, да?

– Будем, – вздохнул Андрей.

Когда Алиса убежала, он дотащился до стола и посмотрел на будильник. Восьмой час в начале. Спать да спать, так ведь не даст.

По дороге в свою комнату Алиса на всякий случай постучала в дверь спальни.

– Мама, Эрик!

Из-за двери донеслось мамино:

– Алиска, отстань. Мы спим.

– И не надо! – сказала закрытой двери Алиса. – Мы с Андрюхой будем делать утро.

И убежала.

В спальне приятный полумрак, сонная тёплая тишина. Женя сладко потянулась под одеялом, и сразу вздохнул и шевельнулся Эркин.

– Уже утро? Женя?

– Ага, – Женя снова потянулась, погладила его по взлохмаченной голове. – Спи, милый. Сегодня воскресенье.

Эркин поёрзал, повернулся набок и потёрся щекой о подушку.

– Там Алиса, что ли?

– Как всегда, милый, – Женя поцеловала его в переносицу. – Спим ещё...

– Мг-м, – согласился Эркин и всё ещё сонным голосом уточнил: – Она про Андрея говорила, или мне приснилось?

– Говорила, – так же сонно ответила Женя и вдруг рывком: – Господи, что они там творят?!

И мгновенно, Эркин головы поднять не успел, как Женя уже накинула халатик и вылетела из спальни. Эркин вздохнул, вылез из-под одеяла и пошлёпал к комоду одеваться.

На кухне оказалось всё не так страшно, как почудилось со сна Жене. Андрей с Алисой готовили завтрак, а что при этом у них пара кастрюль упала, так это ж пустяки.

Женя влетела в кухню в тот момент, когда Андрей показал Алисе, как жонглировать картошкой, и она теперь пыталась это повторить. Картошка летала по всей кухне.

Утренняя тишина закончилась решительно и бесповорот-

но. Суета, беготня, хохот Андрея и восторженный визг Алисы, сияющая «настоящая» улыбка Эркина – Женя, распорядившись, ахая и покрикивая, от души всем этим наслаждалась.

За завтраком решили, что сегодня никуда не пойдут. Такая неделя была, что надо и отдохнуть, и дел домашних накопилось.

– Так в кино мы не пойдём?! – возмутилась Алиса.

– Придумаем чего-нибудь поинтереснее, – утешил её Андрей.

Женя подозрительно посмотрела на него, и Андрей изобразил такое невинное удивление, что Эркин едва не поперхнулся чаем.

Алиса уже вылезла из-за стола и побежала в свою комнату: будить кукол и вообще наводить порядок, а Эркин допивал чай, когда Женя сказала:

– Андрюша, я вчера написала Бурлакову.

Андрей быстро вскинул на неё глаза, покосился на Эркина и очень спокойно сказал:

– Интересно. И зачем?

– Что ты живой, здоровый. Что приехал.

– Я спросил: зачем, а не о чём, Женя.

– Он твой отец, – Женя говорила тоже очень спокойно. – Он имеет право, он должен знать. И это мы сказали ему, что ты погиб, значит, нам и о воскресении твоём говорить.

Лицо Андрея оставалось неподвижным, но лежащие на столе ладони сжались в кулаки.

– Так, – наконец кивнул он. – Понял. И когда ждать ответа?

– Тогда я ему писала, ответ через неделю пришёл.

– Хорошо, – Андрей даже улыбнулся. – Подождём неделю. А пока не будем об этом, – он не хотел, но последние слова прозвучали с просительной интонацией.

Женя и Эркин одновременно кивнули.

– Ты... – медленно заговорил Эркин, – ты не думай. Мы... мы всегда... за тебя, на твоей стороне.

– Спасибо, брат, – тихо ответил Андрей.

И после секундного, но показавшегося очень долгим молчания вскочил на ноги.

– Так, Женя, что делать? Чем помочь?

И Женя рассмеялась: такая готовность была в его лице и в голосе. Улыбнулся и Эркин.

– Пойду, хозяйством займусь.

– Во! – обрадовался Андрей. – Инструмент переберём.

Вообще-то Эркин боялся, вернее, побаивался, что Андрей будет недоволен его самоуправством: и в ящике рылся, и инструмент брал. Но, пока у Кольки работали, Андрей ему ничего не сказал. Так что, авось обойдётся.

– А гулять? – всунулась в кухню Алиса.

– Сейчас пойдёшь, – Женя быстро мыла посуду. – Одевайся.

– А все вместе?

– А обед кто будет готовить? – Женя отряхнула руки. –

Давай быстренько.

Андрей по-хозяйски уверенно расположился за верстаком, разложив точильные бруски и круги. Эркин прикрыл дверь, быстро разделся и натянул свои рабские штаны.

– Ты это чего? – спросил, не оборачиваясь, Андрей.

– Пол буду натирать, – ответил Эркин и, не удержавшись, спросил: – Сильно я? Ну, инструмент попортил?

– Всё путём, браток, – Андрей попробовал на ногте лезвие стамески и прижал его к бруску. – Когда инструмент не в работе, он болеть начинает, – и повторил: – Всё путём.

Эркин кивнул, взял банку мастики, щётку, суконку и вышел, оставив дверь полуприкрытой.

Тетрадь шестьдесят седьмая

122 год

Весна

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

За этой улицей так и осталось название Новой. Новенькие, ещё пахнущие краской и штукатуркой, домики, свежий асфальт, новые блестящие фонари. Такой улицы в Цветном ещё не было. Строила мэрия, домики в долгосрочную аренду с возможным выкупом. Первый десяток домов уже заселялся, а во втором десятке шла окончательная отделка под жильцов. Перед домом газон, за домом – хозяйственный дворик. Два этажа, подвал, чердак. Внизу кухня со столовой и кладовкой, гостиная с холлом, наверху спальни с ваннами, в подвале и на чердаке всякие приспособления для хозяйства.

Это у всех, а детали... каждый сам придумает, а не можешь придумать или не знаешь, так есть архитектор с дизайнером. Помогут. За дополнительную плату, разумеется.

Стоя на крыльце своего дома, да, уже своего, Ларри оглядывал покрытый нежно-зелёной травой и усыпанный одуванчиками газон. Сделать дорожку к крыльцу, пару клумб... Всё равно это ещё не газон, а зелёный пустырь, здесь ещё полоть, подсевать, стричь, поливать... работы много. Хватит и ему, и Марку.

– Пап, – позвал его из дома Марк. – Ты где?

– Я здесь, – откликнулся Ларри. – Иди сюда, сынок.

Марк выбежал на крыльцо и встал рядом, взял его за руку.

– Дом такой большой, пап.

– Ничего страшного, – улыбнулся Ларри. – Ты привыкнешь. Я думаю, Марк, мы сделаем не просто клумбу, а альпийскую горку.

– Давай, пап, – сразу согласился Марк. – Сейчас? А что это?

– Нет, – рассмеялся Ларри. – Не всё сразу, Марк. – он обнял сына за плечи, и Марк прижался к нему, но обхватить не смог: слишком уж большим для его рук был отец.

– У нас впереди много времени, – продолжал Ларри. – Мы всё успеем, Марк. Устроим и дом, и сад.

– Ага, – кивнул Марк и тут же поправился: – Хорошо. А сейчас что?

– Пойдём дальше устраиваться, – Ларри ласково потрепал

его по кудряшкам.

Дом был построен, отделан, но не обставлен и не обустроен до конца. И всё же Ларри решил не откладывать переезд. И как только завезли самую необходимую мебель, они переехали. Ларри понимал, что пороть такую горячку совершенно незачем, но ждать не хотел. Это его дом. Пусть стены и полы ещё голые, пусть всего не хватает, но дом обживают, когда в нём живут.

Дом гулок и просторен, и очень светел. Они поднялись по лестнице в верхний узкий холл.

– А здесь тоже будет ковёр, пап?

– Дорожка, Марк. Ты же видел на фотографиях. Тебе понравилось?

– Да, – кивнул Марк.

Они вошли в его спальню.

– Ну, Марк, решай. Что ещё тебе нужно?

– Ну, пап...

Марк оглядывался и тихо перечислял:

– Кровать есть, стол, стулья, шкаф для одежды, шкаф для всего остального... тумбочка... Всё есть. Пап, ковёр ещё, да?

– Да, Марк. Зимой бывает холодно, думаю, в спальнях полы покрыть ворсолином. Помнишь, мы видели образец.

– Помню. Зелёный, да?

– Надо было, конечно, – вздохнул Ларри, – сделать это до мебели, но я ещё не знал про ворсолин.

– Ничего, пап, я думаю, мы справимся. Пригласим масте-

ров, да?

– Конечно, сынок.

Марк был счастлив, что отец обсуждает всё с ним, как с большим, и старался говорить степенно, по-взрослому. Но получалось не всегда.

Обсудив комнату Марка, перешли в другую спальню, побольше, которую Ларри делал для себя. Мебель сюда только сегодня привезли, расставили, но комната ещё казалась нежилой. Так, картинка из каталога.

– Пап, – Марк ещё раз оглядел спальню и повернулся к отцу. – А ты скоро женишься, да?

– Женюсь? – Ларри удивлённо смотрел на сына. – Почему ты так думаешь?

– Ну, кровать такая большая, – объяснил Марк. – Я слышал, в магазине такую называли супружеской, а супруги – это муж и жена, правильно?

Ларри кивнул и сел на край кровати. Марк сразу подошёл и сел рядом.

– А ты хочешь, чтобы я женился, Марк?

– Ну-у, – вздохнул Марк. – Я знаю, что это надо, пап. В доме должна быть... – он не хотел говорить слово «хозяйка» и, помявшись, тихо закончил начатую про себя фразу: – А у меня была бы мама.

Ларри кивнул. Да, он давно думал об этом. Ещё в имении, когда они на кухне спорили о детях, ему все говорили, что один он не потянет ребёнка, только Стеф его поддержал. А

потом, когда они как-то были вдвоём, сказал:

– Отец – это великое дело. Но человеку нужна мать. Будешь выбирать когда, то ищи не себе жену, а сыну мать.

Тогда он просто согласился со Стефом, но сейчас... поглядев вокруг и подумав...

Ларри обнял сына.

– Правильно, Марк. Ты всё решил правильно.

Марк вздохнул, потёрся головой о его плечо.

– Пап, ты её уже нашёл?

– Пока нет. Потерпи, Марк.

– Хорошо. А она... она будет добрая?

– Конечно, Марк.

Марк вздохнул.

– И... и у меня будет брат? Или сестра?

– Будет, – твёрдо ответил Ларри. – У нас будет настоящая семья.

– Конечно, пап. Мы же не хуже других, – убеждённо сказал Марк.

Ларри рассмеялся, на мгновение прижал к себе сына и встал.

– Всё правильно, сынок. А теперь идём. Надо разобраться с кухней.

– А вещи?

– А потом и вещи. Пошли.

– Пошли, – вскочил Марк.

На кухне мебель уже расставлена. Теперь надо распако-

вать и разложить утварь и посуду. Конечно, самое необходимое, что они купили ещё когда жили в мебелирашках, они перевезли, но Ларри твёрдо решил, что дом у него будет по всем правилам. И теперь в кухне стояли две больших картонных коробки. Одна с кухонной утварью, а другая – со столовой посудой. Как и мебель, Ларри заказал всё по торговому каталогу с доставкой и оплатой по счёту. Ну, некогда ему ходить по магазинам, к тому же можно и нарваться, что совсем не желательно. И покупал он потому не самое дорогое, без особых претензий, не броское, но в надёжных фирмах. Там тоже все всё понимали и, услышав адрес, присылали заказ с бригадой цветных грузчиков.

Сначала Ларри открыл коробку для кухни. Он вынимал и расставлял на столе блестящие эмалью кастрюли, сковородки, жаровни, потом всякие хитрые приспособления и тут же объяснял Марку для чего это. Марк шумно радовался, но явно не понимал, зачем такие сложности, когда можно купить уже готовой еды или поесть в кафе.

– Нет, – улыбнулся Ларри, – будем готовить по всем правилам. Я тебя научу.

– Ага, – согласился Марк, – хорошо.

А когда из второй коробки появился нарядный белый с узкими золотыми ободками по краям большой столово-кофейный сервиз, восторг Марка вырвался в ликующем вопле. Ларри рассмеялся и не сделал замечания.

– Пап, – вдруг вспомнил Марк, – а наши кружки?

Ещё в первый день в Колумбии Ларри купил себе и Марку самую необходимую посуду из толстого фаянса. Марк очень любил свою кружку с облизывающимся котёнком. И вся та посуда такая весёлая, в картинках...

– А её... – упавшим голосом спросил Марк, – выкинем?

– Ну, что ты, Марк, зачем? Это для вечера, большого обеда или, когда у нас будут гости. А утром и... и просто так будем брать другую посуду, старую. Так что твой котёнок, – улыбнулся Ларри, – без работы не останется.

Марк смущённо улыбнулся.

Они вместе расставили посуду и утварь. И кухня сразу стала другой. Ларри с удовольствием огляделся.

– Ну вот. Сейчас я приготовлю нам чего-нибудь поесть. Поедим и займёмся вещами.

– Пап, я, – Марк даже приплясывал от нетерпения, – я сбегая на угол? За... за чем-нибудь. А?

Ларри рассмеялся и достал из кармана кредитку.

– Хорошо. Купи два больших хлебца.

– Ага, я мигом, – сорвался с места Марк.

Маленький магазинчик на углу Новой улицы открылся только вчера и чего там только не было. Ну, улицу переходить не надо, до магазина только три дома, поэтому Ларри легко отпустил Марка.

Мона поправила на столе кружевную салфетку и оглядела гостиную. Стало очень уютно, Найджу понравится. Сего-

дня суббота, он работает до ленча, у неё уже всё готово, как только Найдж придёт, сядут за стол, потом субботний вечер, завтра с утра они, как все, пойдут в церковь, всей семьёй.

Мона с удовольствием думала о том, что её так раздражало, даже злило дома. Ровная размеренная жизнь, тихие будни и тихая радость редких праздников, чинные выходные... А ей тогда хотелось яркого, необыкновенного, потому она и уехала в Колумбию. И что получилось? А хорошо получилось! Мой Бог, как она волновалась, когда они с Найджелом поехали к её родителям. И удивительно, насколько хорошо всё получилось...

...Они поехали в субботу, сразу после ленча. Работа есть работа, дело не должно страдать. Тут она полностью согласна с Робертом. Только от уборки Найджела освободили.

– Беги в душ, без тебя справимся, – хлопнул его по плечу Роберт.

– Всё равно вместе есть будем, – отказался Найдж и обернулся к ней. – Мы мигом, Мона.

– Долго ли вшестером, – улыбнулся Кеннет.

Кеннет, Митч и Дик начали работать у них недавно, но легко вошли в общий ритм работы. Поселились они в Цветном квартале, сняв вскладчину одну квартиру на троих в хорошей мебелировке, у Майэллы, и приходили за полчаса до открытия, вместе с братьями убирали, работали, делали вечернюю уборку, мылись в душе и уходили. Ленч общий, а завтрак и обед у каждого свой. Робу пришлось поломать го-

лову, высчитывая их зарплату: они ж не компаньоны, а по контракту. И ленч она теперь готовила на семерых, с ней считая. Парни они были весёлые, компанейские, работали хорошо, а лечебный массаж знали даже лучше братьев. И хоть работали вшестером, то и дело в холле образовывалась очередь.

Она поднялась наверх, в кухню, и стала ждать. Вот внизу всё стихло, топот ног по лестнице и холлу, стукнула дверь ванной... Она встала и расставила на столе тарелки, салат уже можно раскладывать.

– Мона, – окликнули её из холла.

Она вышла и увидела Кена, Митча и Дика.

– До свидания, Мона, удачи.

– Счастливо, Мона.

Она поняла, что они знают о поездке, и улыбнулась им.

– Спасибо, и вам счастливо.

– До понедельника, Мона.

– До понедельника, Кен.

Они попрощались и ушли, а из ванной уже вышел, почти выбежал Найджел.

– Вот и я, Мона. Сейчас поедим и отправимся, да?

– Да, конечно, – улыбнулась она. – А вон и Роб с Метом, идите есть, у меня всё готово.

Ленч прошёл как обычно, с шутками и похвалами её стряпне. Посуду взялся вымыть Метьюз.

– Идите, а то ещё на поезд опоздаете.

Она чувствовала, что и Мет, и Роб действительно волнуются за них. Роберт даже сказал:

– Если что понадобится, Найдж, не дёргайся. Только дай знать.

Найджел обнялся с ними на прощание.

– Спасибо, братья.

И она тоже, конечно, волновалась. Да, она написала всё, ну, почти всё, попросила маму подготовить отца, мама поймёт и всё сделает, и всё-таки... Отца она не то чтобы боялась, он всегда был заботлив, внимателен, но... ну, ладно – подумала она, – может быть, всё обойдётся.

И обошлось. Доехали они благополучно, не во втором классе, конечно, но и не в самом дешёвом. Народу было немного: ведь в выходные все наоборот едут, в город развлекаться. А от Джемстауна до её родного Стретфорда они добрались на рейсовом автобусе. Они боялись, что придётся изображать случайных попутчиков, ну, на всякий случай, но на них никто не обращал внимания, так что и здесь обошлось. Найдж удивительно умеет поставить себя. Ни приниженности, ни вызова... И Роб с Метом тоже... Она подумала об этом, глядя, как Найджел в Джемстауне пошёл купить ей мороженого. И здесь, когда их автобус остановился на главной и единственной площади Стретфорда, Найджел дождался, когда все выйдут, провёл её к двери, помог сойти, и шофёр – а она отлично помнит, какой брюзга и ругатель мистер Мик – даже улыбнулся им.

– Тебя не укачало? – тихо спросил Найджел, когда они ли через площадь. – Ты в порядке?

– Да, всё хорошо, – храбро улыбнулась она. – Спасибо, Найдж. Нам вон туда.

– Ага, понял.

Их маленький домик стоял в самом конце улицы, но в белом квартале. Бедном, но не нищем, всё же не «белая рвань», а приличные люди. Здесь всё по-прежнему. Играющие в пыли – их улицу так и не замостили – дети, на верандах мужчины в креслах-качалках со стаканчиками предобеденного виски в руках, сдержанно-любопытные взгляды. А вот и её дом. И на веранде... да, мама! Найджел помог перебраться через низкую каменную ограду, отделявшую их газон от улицы.

– Мама! – Мона выдернула руку и побежала к дому.

– Мона! Девочка моя!

Они обнялись и замерли, но уже подходил Найджел, а в дверях показался отец.

– Здравствуйте, – Найджел, улыбаясь, поднимался по ступенькам.

– Мама... ой, папа, это Найджел, мы...

– Сначала здороваются, потом входят в дом, – отец говорил строго, но улыбаясь. – И все разговоры дома.

– Да, папа, я...

– Заходите в дом, – отец поздоровался с Найджелом за руку и мягким хлопком по плечу подтолкнул того к двери.

– Счастлив познакомиться, мистер Теннисон, – улыбнулся Найджел.

И её отец, всегда такой требовательный к правилам этикета, говорит:

– Ладно тебе, парень. Я – Чарльз.

И мама радостно смеётся и тоже жмёт руку Найджелу.

– Мона писала о тебе, Найджел, проходи, я – Айрин.

И в дом они входят все вместе...

...Мона улыбалась воспоминанию. Она, конечно, надеялась, что Найдж понравится её родителям, но что настолько понравится и что случится это так быстро...

...Из кухни так пахло, что она не удержалась:

– Мама, фафлики?!

– Твои любимые, – рассмеялась мама. – Я же знала, что раз ты пишешь про воскресенье, то приедешь в субботу.

В гостиной отец подошёл к бару достал стаканы.

– Чего тебе с дороги, Найдж?

– Сока, если можно, Чарльз, – улыбнулся Найджел.

Отец кивнул, смешал апельсиновый сок с газированной водой, протянул стакан Найджелу.

– Совсем не пьёшь?

– Стараюсь обходиться без этого, – серьёзно ответил Найджел и улыбнулся. – Мне и так хорошо.

– Понятно, – кивнул с улыбкой отец, наливая себе виски и добавляя содовой.

– Мона, – позвала её мама. – Ну-ка, помоги мне.

И когда она вошла на кухню, мама улыбнулась.

– Пусть мужчины побудут одни, – и посмотрела на неё с ласковой требовательностью. – Ты ничего не хочешь сказать мне?

И она решилась.

– Я беременна, мама.

– Я так и подумала, – кивнула мама. – И какой месяц?

– Третий. Мама, как ты догадалась?

– Он так поддерживал тебя, когда вы перебирались через ограду, и на ступеньках, – и вдруг: – Ребёнок его?

Она вспыхнула.

– Это не имеет значения!

Она ответила резче, чем хотела, но... но она даже маме не разрешит копаться в этом.

– Имеет, – твёрдо ответила мама. – Расскажи ему всё, Мона.

– Но...

– Запомни. От шантажа одна защита – правда.

– Кто нас будет шантажировать, мама? И зачем?

– Мне не понравился тот парень, о котором ты писала раньше. Нил, кажется, – мама говорила спокойно, и будто, не замечая её покрасневшего лица. – Конечно, решай сама. Но Найджел... он не заслужил твоего обмана. Он любит тебя, это сразу видно. И простит тебе всё. Кроме обмана. Запомни, Мона. А теперь возьми салат и отнеси в столовую.

– Хорошо, мама.

Она бережно, двумя руками подняла памятную с детства тёмно-зелёную стеклянную салатницу и понесла в столовую. Проходя мимо, оглянулась на гостиную. Отец и Найджел о чём-то разговаривали, и отец смеялся. Мой бог, отец смеётся! Это же... это же чудо!

– Мама, папа смеётся!

– Я слышу, – улыбнулась мама, выкладывая жаркое на блюдо и накрывая его крышкой с лепными фарфоровыми фигурками. – Нет, это я сама, тебе тяжело.

– Но, мама...

– Не спорь, Мона. Первые месяцы – самые опасные. Возьми лучше стаканы и воду. Вот так.

Они вместе накрыли на стол, и мама позвала отца и Найджела. Отец прочитал молитву и разрезал мясо. Мама разложила гарнир и салат.

– Как вкусно, – восхищался Найджел. – Мона, у тебя очень всегда хорошо, но не обижайся, здесь великолепно. Вы знаете, Мона, здорово готовит, нам всем нравится, но это... совсем необыкновенно.

Мама рассмеялась.

– Спасибо, Найдж. А у Моны ещё всё впереди.

– Я стараюсь, – ответила она голосом «послушной девочки».

И никогда ещё такого весёлого, такого хорошего обеда не было. А «фафлики» – вафельные трубочки с кремом привели Найджела в полный восторг.

– Мм! Я даже не знал, что такое бывает.

– Это наши фамильные, – улыбалась мама. – Меня ещё бабушка учила их печь.

– И я научусь, – храбро заявила она.

– Конечно, научишься, – кивнула мама. – Хозяйка дома должна это уметь.

И Найджел влюблённо смотрит на неё. А потом они все вместе сидели в гостиной, и Найджел рассказывал отцу и маме об их семейном деле, как они – три брата – начинали...

...Мона вздохнула, словно просыпаясь. Да, просто удивительно, как всё было хорошо. А через две недели уже отец приехал к ним. И она опять волновалась: понравится ли он братьям Найджела. Но и тут всё обошлось. И тогда же окончательно решили с домом. Они даже все вместе сходили на Новую улицу, посмотрели дом, ещё недостроенный, и, когда вернулись, отец сказал:

– Давай, Найдж. На мебель мы дадим, – и гордо припечатал: – Мона не бесприданница.

И вот он – их дом. Её и Найджела, мистера и миссис Слайдер. Конечно, мебель только самая необходимая и дешёвая, а спальня для гостей и детская стоят пустые, но это дом. И мамин коврик они повесили в спальне, над кроватью. Найджелу он тоже нравится. Самое главное – у них есть дом, свой дом. И в воскресенье после церкви Роб и Мет приходят к ним в гости. О! Вот и Найджел!

Мона выбежала на крыльцо.

– Найдж!

– Вот и я! – он легко взбежал по ступенькам, обнял её, мягко коснувшись губами её щеки. – Привет, Мона. Как ты?

– Я в порядке. А у тебя?

– Отличный был день.

По-прежнему в обнимку они пошли на кухню. Найджел рассказывал о сегодняшних событиях и восхищался обеденными запахами, а Мона счастливо смеялась его шуткам и восторгам.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Во вторник им идти в школу. Оба в первую смену, заканчивают в три, а уроки с четырёх.

– Поесть успеешь, Андрюша?

– Без проблем, Женя. Что-что, а это я всегда успеваю, – Андрей с наслаждением отхлебнул из чашки.

Они пили на кухне вечерний «разговорный» чай. Спит угомонившаяся Алиса, уютно шумит за окном весенний

дождь, яркий, но не режущий глаза свет, нарядные чашки с дымящимся чаем... как же хорошо! Андрей сказал об этом вслух, и Эркин сразу согласно кивнул.

– Да, очень хорошо.

– Эркин, – Женя, улыбаясь, подвинула к нему печенье. – А бывает так, чтоб ты был недоволен? – и не давая ему ответить, вернулась к занимавшей её теме. – Андрюша, тебе ещё куртка нужна, твоя слишком тонкая. И промокает.

– Не срочно, – отмахнулся Андрей. – Лето идёт, не замёрзну. С одеждой я разберусь, Женя. Без проблем.

– Ну, у тебя всё по problem, – кивнула Женя. – Лампу ты очень хорошую купил.

– Спасибо, Женя. Я знал, что ты оценишь.

Андрей допил чай и встал.

– Ну, спасибо и спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыbnулась Женя. – Я вымою, оставь.

– Да-а, – плаксиво протянул Андрей, – так Эркину мыть посуду можно, а мне нельзя, да? Нечестно, я не согласен.

И пока Женя и Эркин смеялись над его тирадой, он быстро вымыл свои чашку, блюдце и ложечку, рассовал их по отделениям сушки и победно хмыкнул:

– Вот так и никак иначе! Всё, я на боковую, до завтра, братик.

– До завтра, – кивнул Эркин.

У себя в комнате Андрей быстро постелил, прислушался.

Вроде Эркин в душ пошёл. Ладно, не будем мешать братику, почитаем пока. Он поправил шторы, включил лампу на столе и погасил верхний свет. А что, и в самом деле, хорошо. Стекланный абажур, не белый, а чуть кремовый, и свет от него мягкий, не режущий глаза. Он достал из шкафа «Битву на Великой» и сел к столу. Надо дочитать, всего... листов двадцать осталось.

Проходя из ванной в спальню через тёмную прихожую, Эркин увидел на полу слабый отсвет и догадался, что это у Андрея свет горит. Пойти, что ли, напомнить, а то ещё проспим завтра, но тут же передумал. Андрей может обидеться, что им так... командуют. Если что, утром он его сам поднимет.

В спальне тоже темно. Женя уже легла и даже свет погасила. Эркин привычным движением повернул задвижку на двери, сбросил халат на пуф и не лёг, а проскользнул под одеяло. Всё это он проделал абсолютно бесшумно, но Женя сразу повернулась к нему, обняла и поцеловала в щёку.

– Хорошо, да?

– Да, – ответил он, мягко прижимая ладонь Жени к своей груди. – Очень хорошо.

– Да-а? – протянула Женя. – А не проспим?

– Да не в жисть! – убеждённо ответил Эркин усвоенным уже здесь присловьем, укладывая Женю на себя и выгибаясь на арку.

Женя ахнула, принимая его. Но Эркин ощущал сонную

тяжесть тела Жени и придержал, а потом и отодвинул подступавшую чёрно-красную волну. Мягко покачав на себе Женю и не разрывая замка, он повернулся набок, уложив Женю рядом с собой.

Женя сонно вздохнула, поёрзала щекой по подушке.

– Спим, милый...

– Спим, – так же сонно отозвался Эркин.

И как Андрей проходил из своей комнаты в ванную и обратно, они уже не слышали.

К удивлению Эркина, Андрей не проспал. И, когда Эркин утром пришёл в ванную повесить халат, там Андрей – уже в брюках и майке – сосредоточенно брился. Увидев в зеркале Эркина, он улыбнулся. Улыбнулся и Эркин.

– Доброе утро. Пойду чайник поставлю.

Занятый бритьём, Андрей ограничился кивком.

Женя хлопчет на кухне, обжигаяще горячий чай, вчерашние чуть разогретые оладьи, Андрей быстро делает бутерброды и закладывает их в свою коробку, Эркин уже встаёт из-за стола.

– Андрей, готов?

– Да, пошли. Женя, спасибо, всё вкусно, до вечера.

В прихожей Женя быстро целует Эркина в щёку, успевает дотронуться до плеча Андрея, и вот уже их нет.

Женя бегом вернулась в кухню. На лоджию в одном халатике не выйдешь: ещё холодно, но ей и из окна хорошо

всё видно. Вон они, идут рядом, высокие статные, красивые. Эркин обернулся и помахал ей рукой. Обернулся и Андрей. Она помахала им и снова закутилась в водовороте утренних дел.

За магазином Мани и Нюры они разошлись: Андрей уже нашёл более удобный и короткий путь на свой автокомбинат. Ночной дождь давно кончился, даже облака разошлись, утреннее солнце играет на мокрой молодой листве. До чего же всё-таки хорошо!

Несмотря на солнце было ещё прохладно, и Андрей подтянул молнию под горло и прибавил шагу. Ничего, на работе согреется, да и холод не страшный, на лето всё-таки время идёт. Куртку, конечно, покупать нужно, но спешить незачем, не такая уж ветровка промокающая. Так, сегодня в школу, Эркин вчера часа два сидел, уроки делал. Ну, Эркин если за что берётся, то работает без булды, смотрел он его тетради: ни подчисточки, ошибки честно исправлены и переписаны, а здорово Эркин успел выучиться, на двух языках читает и пишет почти без ошибок, ну, ничего, братик, я не подведу, не бойсь, не посрамлю – Андрей улыбнулся – фамилию.

Так, улыбаясь, он и вошёл в ворота. Как все, переоделся в бытовке, аккуратно убрав в шкафчик ветровку, брюки и рубашку, переобулся.

– Ну, как гульнул в воскресенье, Андрюха, а?

Тон у Митрохи достаточно миролюбивый, и ответил Андрей так же:

– Лучше всех!

Митроха заржал.

– Видели тебя у нас, ну, в Старом городе, как ты гулял. Хорошо заплатили-то хоть?

– С друга денег не берут, – уже серьёзно ответил Андрей.

– Ну да, – кивнул Митроха, – с жидовки много всё равно не возьмёшь, это ладно. А так-то смотри, Тихоныч тебе враз ноги-руки переломает.

– Ну, это ещё кто кому, – хмыкнул Андрей, поправляя лямки комбинезона. – Его-то какая печаль?

– А он плотник, – Митроха вздохнул и пошёл к двери. – Ну, он давно на этот курятник ладился, цену выжимал, а тут в субботу и шумнули, дескать, мимо рта пролетело, подрядила жидовка какого-то.

Митроха шёл впереди Андрея и не видел его прицельно злого прищура, продолжая болтать.

– Он, значитца, туда, а там и Колька-Моряк, и индей с завода, а кулаки у обоих – дай бог, видели их и на «стенке», и на кулачках. Ну, Тихоныч и утёрся. Но сказал, поймают... – Митроха заржал.

Они уже вышли во двор, где Андрея ждала его метла, и сказать придуманное не пришлось. Ну, ничего, он своё ещё возьмёт, у него не заржавеет. И до обеда с лица Андрея не сходила злая насмешливая улыбка. Ну, пусть только сунется этот хрен старый, так вмажем... что долго плотничать некому будет.

Но в обед спокойно пили чай и говорили о нашумевшем, даже в газетах прописали, как в соседней Сомовке невесту из-под венца дружок увёз, и в Кузьмино, а там уже поп наготове ждал, ну, и обвенчал по-быстрому, а жениха сомовского куда, а ему и выйти из церкви не дали, там дружка невестина встала и говорит, что венчай, дескать, с кем есть, а попу не один хрен кого с кем венчать, ему вперёд заплатили, ну, так отработать надо, так, считай, две свадьбы и отыграли зараз... Андрей охотно ржал со всеми над незадачливым женихом, но оставался настороже. О субботе никто не поминал, и Митроха, похоже, сказал и забыл. Так что... так что, поживём, посмотрим, может, и увидим кое-что интересное.

– Пошли, Андрюха, – Василий убрал в шкафчик свою чашку.

– Перерыв же ещё! – возмутился Митроха.

– Не тебя зову, раз, седи себе до штрафа, два, и твой номер восемь, молчи, пока не спросим. Андрюха, готов?

– Как штык, – весело ответил Андрей.

Пока Василий отчитывал Митроху, он успел управиться с чаем, убрать чашку и коробку и стоял уже у двери.

– То-то, – улыбнулся Василий.

Работать с Василием Андрею нравилось. Тот не спешил, не суетился, но всё было точно и вовремя. И командовал он необходимо, не гонял попусту, и объяснял, не дожидаясь вопросов. Думать о Митрохе и Тихоньче было уже некогда.

В полтретьего Василий отпустил его на уборку, бросив на-

последок:

– А ничего, соображаешь.

И Андрей счастливо улыбнулся. Похвала Василия – он уже это понимал – многого стоила. К трём всё было сделано, и, когда прозвенел сигнал, он пошёл в бытовку со спокойной душой. Там он застал Митроху, но начать разговор – чтоб без свидетелей – не успел. Появился бригадир и погнал Митроху доделывать, что велено. Митроха, бурча себе под нос ругательства, натянул уже снятый комбинезон и ушёл. Подходили остальные из их смены, сразу стало шумно и тесно.

Андрей переоделся, убрал рабочую одежду в шкафчик, расправил влажное полотенце и захлопнул дверцу.

– И куда ж это ты, Андрюха, так торопишься, а?

– На Кудыкину гору, – весело ответил Андрей.

Коробку в карман ветровки, ключи, кошелёк, сигареты... на месте.

– До свидания всем.

– Валяй, пареньь.

– До завтра.

– До завтрава.

На улице так тепло, что Андрей расстегнул и распахнул куртку. Ну вот, теперь к Культурному Центру, а по дороге ещё и пожрать. Ну-ка, что там за вывеска?

Трактир был небольшой и не особо пьяный. Щи, каша и квас. Остальное – водка и закуска к водке. Пообедать удалось за полтинник. Не сказать, чтоб очень вкусно, но доста-

точно сытно и быстро. И недорого. Вот теперь всё в порядке и быстренько в школу...

...— Дети в школу собирайтесь, петушок пропел давно.

— Мама, а дальше?

— Дальше сам читай. Ну, Серёжа, это какая буква?...

...Мамин голос, мамины руки... Ладно, я иду в школу, мама, ты так волновалась, что из-за оккупации мы останемся без образования. Ну вот, мама, видишь? Всё в порядке, образование я получу.

На широких пологих ступенях Культурного Центра Андрей остановился и закурил. Они с Эркином так и договаривались, что кто придёт первым, то стоит и ждёт. Народу всё прибывало. День тёплый, солнечный, и в классы никто не торопился. Здоровались, спрашивали, кто что успел или не успел сделать, чего пропустил уже неделю, по физике придирается, гоняет почём зря, англичанка ничего, тексты большие, всю ночь сидел пока разобрался... Андрей, независимо попыхивая сигаретой, слушал, пытаясь угадать, кто в одном классе с Эркином, а, значит, и с ним. Смотри-ка, негры, мулаты, а это, похоже, трёхкровка. Ну, всё путём.

Артём обычно не курил: втянешься, так на одни сигареты ползарплаты уйдёт. И сегодня он не так курил, как просто стоял, но с зажжённой дымящейся сигаретой в руке и изредка неглубоко затягивался. Чтоб не хуже других смотреться.

Подходя, Эркин издали заметил Андрея и радостно улыбнулся, прибавив шагу.

Артём, удивившись, чего это Мороз так рад встрече, загашил и выкинул в урну окурок, шагнул навстречу, но...

Но Эркин, пройдя мимо, с мягкой лаской хлопнул по плечу белокурого кудрявого парня в ветровке.

– Привет, давно пришёл?

– Нет, – улыбнулся Андрей и показал окурок. – Вот, и одной выкурить не успел.

– Ага, ну, пошли.

Артём молча непонимающе смотрел на них. Эркин обернулся и увидел его.

– О, привет, малец.

– Привет, – кивнул Артём.

– Привет, – улыбнулся ему Андрей и протянул руку. – Андрей Мороз.

– Артём Савельцев, – в тон ответил Артём, по-прежнему ничего не понимая.

– Пошли, – дёрнул Андрея за рукав Эркин. – Уладим сейчас всё.

Артём молча смотрел им вслед.

Андрей шёл за Эркином, с интересом оглядываясь по сторонам.

– Да, – вспомнил он вдруг, – тетради ещё...

– Я взял для тебя, – отмахнулся Эркин.

У двери в преподавательскую он остановился и перевёл дыхание. Конечно, надо к директору, но лучше бы сначала переговорить с Полиной Степановной: если она разрешит

Андрею сидеть на уроках, будет легче.

Эркин осторожно приоткрыл дверь и заглянул. Ага, удачно как, Полина Степановна уже здесь. Он негромко кашлянул, привлекая внимание, и, когда она обернулась, улыбнулся и открыл дверь.

– Полина Степановна, здравствуйте.

– Здравствуй, – улыбнулась она. – Ну, заходи, что случилось?

Эркин вошёл, улыбнулся ещё раз, уже и остальным. Здесь были почти все учителя, и все они, оторвавшись от своих книг и тетрадей, смотрели теперь на него и вошедшего следом за ним Андрея.

– Здравствуйте, – тряхнул кудрями в полупоклоне Андрей.

Ему ответили улыбчивыми кивками, но явно ждали объяснений.

– Вот, – Эркин улыбнулся своей самой неотразимой улыбкой. – Это мой брат, его погибшим считали, а он выжил и приехал. Я в пятницу из-за этого не пришёл, извините. Он тоже будет учиться, можно?

– Конечно, можно, – после секундной паузы ответила Полина Степановна. – Как тебя зовут?

– Андрей Мороз, – Андрей снова изобразил полупоклон.

– Раньше учился? – по-прежнему спокойно продолжала Полина Степановна.

– Два класса я точно закончил, – Андрей заговорил се-

рѣзно. – В третьем немного поучился. Ну, и потом... нахватался.

– Хорошо, сейчас проверим.

Она встала, привычным движением поправив на плечах платок. И тут же зазвенел звонок. Андрей и Эркин посторожились, пропуская Полину Степановну и вышли следом.

В классе Полина Степановна властным жестом отправила Эркина на его обычное место рядом с Артёмом, а Андрею указала на первый стол, прямо перед собой.

– Садись сюда. Тетрадь есть?

– Да, – ответил Эркин, доставая из сумки тетради и учебники. – Держи, Андрей.

– Ага, спасибо.

Под перекрёстными любопытными взглядами он взял у Эркина тетрадь, достал – хорошо, что догадался ещё вчера купить – ручку и, пока Полина Степановна раздавала остальным задания, надписал тетрадь. Для... русского языка... ученика Мороза Андрея... вот так. Поглядев, как он старательно и в то же время бегло пишет, Полина Степановна раскрыла сборник диктантов.

– Готов? – тихо спросила она.

Андрей кивнул.

– Да.

– Тогда пиши дату. Одиннадцатое мая. На следующей строчке... диктант.

Она диктовала тихо, и как ни был занят Эркин своим

упражнением, но, прислушиваясь, переживал за Андрея. Текст сложный, намного сложнее, чем он сам писал в прошлый раз.

Закончив диктовать, Полина Степановна дала Андрею прочитать написанное и взяла тетрадь на проверку. Не только Эркин, но и остальные прервали работу, следя за движениями красной ручки. Тим успел сказать, что это брат Эркина, так что вдвойне интересно. Вот красная ручка нырнула вниз, коснулась тетради. Есть ошибка! И ещё раз... вторая! И... и всё?! Две ошибки на целую страницу. Вот это да! Слова-то длинные какие, и фразы непростые. Но Андрей смущённо покраснел.

– Ничего страшного, – успокоила его Полина Степановна, возвращая тетрадь. – Перепиши эти слова теперь правильно. По строчке каждое.

И стала проверять работу у остальных. Из-за пропущенной субботы, Эркин не то, чтобы отстал, а другие его нагоняли, Тим так уже почти вровень. И у всех уже не буквари, а учебники.

Переписав ошибки, Андрей тоже получил упражнение. Учебника у него не было, и Полина Степановна дала ему свой, показав, какой номер надо сделать.

До звонка все трудились, не поднимая голов. Ошибок у всех мало, но и рубашки к лопаткам прилипают. И когда прозвенел звонок, все так же дружно повскакали с мест. Полина Степановна улыбнулась и кивнула.

– Отдыхайте, – и вышла, чтобы не мешать им.

Эркин всем представил Андрея уже привычным:

– Брат мой. Считали погибшим, а он выжил и приехал.

– Ну, с приездом, коли так, – улыбнулся Трофимов и протянул Андрею руку. – Олег.

– Андрей, – твёрдо ответил тот на рукопожатие.

Быстро перезнакомились и гурьбой повалили в коридор. Покурить. Вообще-то курить разрешалось только в туалете, но все всё равно курили в коридоре. Андрея расспрашивали, как доехал, где устроился... об Алабаме, как выжил и выбрался, не говорили: все – люди опытные, понимают, что не просто так полгода о себе знать не давал.

– Рабочим в цеху... не разгуляешься.

– Я ещё подсобник, – Андрей улыбнулся. – Пока.

– А потом?

И спокойно, как о давно решённом, Андрей ответил:

– Буду на шофёра тянуть.

– Дело, – кивнул Тим. – Ты у кого в бригаде?

– У Сидорова. А ты?

– Был в первом, у Михалыча.

– А теперь?

– На машину сажусь, – с небрежной гордостью ответил

Тим.

Андрей уважительно присвистнул. Остальные тоже отнеслись с полным пониманием. Работа шофёра – это уже и квалификация другая, и заработок...

Со звонком вернулись в класс. Андрей собирался пере-сесть поближе к Эркину, но Полина Степановна оставила его у своего стола.

Стали читать Пушкина. «Сказку о царе Салтане». И когда Полина Степановна вызвала читать Андрея, Эркин, слушая его свободное правильное чтение, улыбался так гордо и счастливо, будто это он сам выучил брата. Читали, говорили о прочитанном, отвечали на вопросы Полины Степановны и сами спрашивали. А потом Полина Степановна рассказывала им о Пушкине и читала его стихи. И все наизусть, ни разу не заглянув в книжку.

Когда урок уже заканчивался, она дала Андрею учебники. «Русский язык» и «Русская литература». Совсем не такие, как у Эркина, толстые и потрёпанные. Сказала, какие упражнения надо сделать, и выучить правило, и прочитать о Пушкине, и выучить стихотворение.

– И всё к пятнице?! – не выдержал Эркин.

– Тебе тоже двойное задание будет, – успокоила его Полина Степановна, улыбаясь. – Не беспокойся, он справится.

– Конечно, справлюсь, – тряхнул кудрями Андрей, бережно принимая книги.

Когда Полина Степановна ушла, Андрей отдал учебники и тетрадь Эркину.

– Убери к себе. Сейчас что, английский?

– Да, держи тетрадь.

– Ага, спасибо. А по английскому кто?

– Дженнифер Джонс, – ответил Тим и улыбнулся. – Тоже из Алабамы. В нашем доме живёт.

– Молодая? – спросил Андрей.

Все дружно заржали: с таким смешным интересом он это сказал.

В учительской Полина Степановна сразу сказала остальным:

– Нахватан парень прилично. По русскому вполне в «Б» может учиться.

– Переведём? – сразу предложил Аристарх Владимирович.

– Нет, – покачала головой Полина Степановна. – Пусть пока останутся вместе, но чтоб рядом не сидели. А то, похоже, жох-парень, начнёт Мороза будоражить.

– Это такой высокий кудрявый блондин? – уточнила Джинни. – Я, кажется его видела. В «Беженском Корабле».

Сидя в углу, Громовой Камень молча внимательно слушал. Объявление, что в субботу в девять утра начинаются занятия по языку шауни, он написал и повесил рядом с общим расписанием, а вчера говорил с детьми в группе подготовки к школе – ему дали полчаса, и он рассказывал о Великой Равнине и Союзе Племян. Слушали его хорошо. А завтра он пойдёт к дошкольникам. Там тоже не должно быть особых проблем. Со взрослыми, конечно, будет сложнее, его уроки никак не встают в расписание, а субботние занятия – по желанию, кто захочет прийти. Сколько их придёт в свой

выходной день? И кто придёт?

Прозвенел звонок, и учительская опустела. В принципе, ему нечего делать, он может идти домой, но Громовой Камень не двигался, сидел и слушал. Школа, школьный шум... что ж, его третья жизнь начинается не так уж плохо. Комната с пансионом недалеко от работы, хотя здесь всё недалеко, все удобства, вроде неплохая хозяйка и посильная плата. Отнесли к нему и в Ижорске, и здесь тоже очень хорошо, так что... так что всё хорошо.

Войдя в класс, Джинни приветливо улыбнулась, поздоровалась, раздала всем задания и стала проверять Андрея. Диктант, спеллинг, чтение...

– Очень хорошо. А теперь вот это упражнение, пожалуйста.

И занялась остальными.

И опять Эркин, ревниво следивший, как отвечает Андрей, не мог сдержать радостной, даже торжествующей улыбки: у Андрея получается не хуже, чем у Тима, а, может, и лучше.

Сосредоточенно хмурившийся Тим отвечал старательно, как никогда. В английском его никто раньше и не пытался обойти, даже не приближались. Ну, ничего, ему всё-таки английский – родной, а Мороз сам говорил, что его брат русский, так что... потягаемся.

Как и на русском один урок пишут, делают упражнения, а на втором часу читают и говорят о прочитанном. Андрей и здесь не подкачал. Джинни никак не ожидала услышать пра-

вильную с еле заметным и очень приятным акцентом культурную речь. До этого у неё чисто, без обычных неправильностей и даже жаргона, говорили трое: Мороз, Тим и Артём, остальных до сих пор приходится поправлять. Да, Полина Степановна права: уровень... Андрея выше, ему, разумеется, место не в начальном классе, а в среднем, но они же сами оставили в этом классе Чернова, а тот владеет языком на уровне выпускного класса, так что...

– Спасибо, садитесь.

Артём, гордо улыбаясь, сел на место, покосился на Эркина и тут же ощутил лёгкий дружеский толчок коленом под столом в знак одобрения.

На перемене балагурили и смеялись. Природоведение не в пример легче. Писать ничего не надо, сиди да слушай. Ну, и отвечай, конечно, когда спрашивают.

– Сейчас меня опять проверять будут, – усмехнулся, садясь на своё место, Андрей.

– Сам же сказал, что нахватался, – улыбнулся Эркин.

Но Агнесса Семёновна – худенькая маленькая женщина в круглых очках – никак не выделяла Андрея, спрашивая его наравне со всеми. Чему Андрей был в душе рад: он чего-то устал и досиживал уже через силу, удерживая внимание просто чтобы не подводить Эркина: а то брат так переживает за него.

А после уроков пришлось опять идти в преподавательскую, чтобы директор внёс его в списки. Эркин ждал в ко-

ридоре, и уходили они после всех, когда уже даже свет в коридоре погашен.

Но в полутёмном вестибюле Андрей вдруг остановился у доски с расписанием.

– Эркин, смотри.

– А что? – обернулся уже от двери Эркин.

– Не было этого, когда входили, я помню, – Андрей быстро прочитал объявление и присвистнул: – Ух ты-и!

Эркин подошёл и тоже прочитал. Что в субботу в девять часов занятия по шауни, и внизу пояснение: «Язык и культура шеванезов».

– Ни фига себе! – не мог успокоиться Андрей. – Пойдём?

– Обязательно, – твёрдо ответил Эркин и добавил: – Ты как хочешь, Андрей...

– Чего?! – немедленно возмутился Андрей. – Это я братнего языка знать не буду?! На фиг! И не вздумай один ходить, не выйдет.

– Не вздумаю, – улыбнулся Эркин. – Пошли, поздно уже.

На улице было темно и прохладно. И Андрей застегнул ветровку до горла.

– Знаешь, братик, давай портфель купим.

– Как у Тёмки? – улыбнулся Эркин.

– Это малец, что с тобой сидит? – уточнил Андрей. – Зачем такой же, лучше.

– Покупай, конечно, – кивнул Эркин. – Мне одному сумки хватало, а теперь книг-то больше будет.

Они не спеша шли по тёмным пустынным улицам. Пахло мокрой землёй и листвой, неожиданно громко прошумел вдалеке поезд.

– Устал? – спросил Эркин.

– Есть немного, – улыбнулся Андрей. – Ничего, втянусь.

А ты здорово выучился.

– Меня Женя ещё зимой читать научила, – улыбнулся Эркин. – По-русски. А английский, да, уже в школе.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Шекспира не читали ещё?

– Нет, – сразу понял его Эркин. – Не рассчитывай, игры не будет.

Андрей негромко рассмеялся.

– А здоровско было сделано. Скажешь, нет?

– Ну да, – нехотя согласился Эркин.

Андрей искоса пытливо посмотрел на него.

– Что случилось, Эркин?

– Ничего, – пожал тот плечами, явно не желая продолжать тему.

– Я же вижу, – не отступил Андрей.

– Ни черта ты не видишь! – перебил его Эркин. – И видеть тут нечего.

– Нет, Эркин, послушай...

– И слушать не хочу, – Эркин угрюмо помолчал и как-то жалобно попросил: – Не надо об этом.

Андрей прикусил губу. Вот оно, вернулось. Его «не спрашивай» вернулось и ударило. Нет, пусть Эркин простит, но

он не отступит.

– Так что у тебя с Фредди вышло?

Эркин промолчал, словно не услышал вопроса. Но Андрей упрямо продолжил:

– Он же друг наш, Эркин.

И снова в ответ упрямое молчание. Они уже подходили к дому, когда Эркин разжал губы.

– Был. Был он другом.

Горечь в его голосе подстегнула Андрея.

– И с чего перестал?

– Стрелял он в меня.

Эркин взялся за ручку двери, толкнул её. И, пропуская его вперёд, Андрей спросил:

– Чего ж ты тогда живой?

Эркин не ответил. Он понимал, что Андрей не отступит, понимал, что расскажет. Кому-то же он должен это рассказать. И Андрей имеет право знать. Но... но не сейчас.

И словно почувствовав это, Андрей не настаивал на продолжении разговора. Молча они поднялись по лестнице и прошли по коридору.

Алиса уже спала, и когда они втроём ужинали и пили чай на кухне, ни Андрей, ни, тем более, Эркин ни словом об этом не обмолвились. Рассказывали о школе, кто как отвечал. Женя, узнав об уроках шауни, горячо одобрила их решение ходить на эти занятия.

– И очень удачно, что в одно время с Алиской, – Женя

оглядела стол. – Андрюша, возьми ещё печенья. А я спокойно дома уберусь и на рынок схожу.

– На рынок тогда в воскресенье, – возразил Эркин. – Одной тебе тяжело.

Женя кивнула.

– Ладно, – и лукаво подмигнула. – Найду себе занятие.

У неё получилось очень похоже на Эркина, и Андрей тут же выразил самое горячее одобрение и полный восторг. Смеялся и Эркин.

Потом последовала обычная вечерняя суета с мытьём посуды, и наконец пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

У себя в комнате Андрей поставил в шкаф книги, уложил тетради в ящик стола. В пятницу русский, математика и история... Надо будет тетради купить. И портфель. Даже два. Себе и Эркину: не всегда же у них будут смены совпадать... Мысли были усталые, рваные. Нет, не будет он сегодня читать. Устал.

Он быстро постелил себе, прислушался. Вроде, тихо, ну, если он и столкнётся с Эркином – не страшно. Но что же всё-таки произошло? Гнида эта трепала, что Фредди лицо не удержал. Стрелял и не попал? Впритирку бил? Зачем? Во что Эркин вляпался, что Фредди пришлось так его гнать? Ну, ладно, не сегодня, так завтра-послезавтра он из Эркина всё вынет.

В ванной пусто, и халата Эркина на месте нет, значит, раз-

минулись. Андрей быстро вымылся, привычно здесь же выстирал трусы и носки – не будет же он и это на Женю сваливать – и повесил их на сушку. А вообще-то надо что-то со стиркой придумать. Ладно, потом обдумаем. Всё потом.

Он вернулся к себе и лёг, вытянулся на приятно прохладной простыне под тёплым мягким одеялом. Как же он всё-таки устал. Даже думать не может. Ничего, всё образуется. Всё будет хорошо.

Россия

Царегородская область

Алабино

Алабино, где разместился госпиталь, совсем, по мнению парней, не походило на Спрингфилд. До столицы час езды на электричке, зелёные от садов улицы, маленькие одно- и двухэтажные домики, главная улица с магазинами, рыночной площадью и церковью, двадцать минут на автобусе до любого из соседних таких же то ли городков, то ли посёлков. «Дачная местность», «Зелёный пояс», – объясняли парням. Но не всё ли равно, как называется то место, где тебе хорошо

и удобно. И Спрингфилд – это там, в Алабаме, а Алабино – тут, в России. Ну, совсем ничего похожего.

Крис с Люсей снимали полдома с отдельным входом и маленьким садиком. Веранда, прихожая, кухня и комната, из прихожей лестница на чердак, где можно в дождь сушить бельё и вообще приспособить под какие-нибудь хозяйственные нужды, возле кухни кладовка и крохотные ванная с уборной. «Алабино – не деревня», – гордо объяснила им хозяйка. И водопровод, и канализация – всё как положено. Печь, правда, на дровах и угле, но есть и газовая плита, а баллоны для плиты и горелки в ванной привозят по абонементу. Пустые заберут, полные подключат. Конечно, удобно. Часть мебели им дала хозяйка, кое-что прикупили. Крис как репатриант получил три тысячи ссуды, и Люся столько же, так что деньги есть, но столько всего надо... и по пустякам растратить тоже нельзя. Но... но всего же хочется. Говорят, кто через Комитет репатриировался, так те совсем обалденные ссуды получили, а они – Люся невольно вздохнула – вместе с госпиталем, а это и ведомство, и нормативы другие. Но чтоб через Комитет – это из госпиталя уволиться и в Комитете регистрироваться безработными и бездомными, а потом ещё и виз ждать, да... опять же говорят, что месяцами в лагере в Атланте маринуются. Ну их, эти ссуды комитетские, никакие деньги такой нервотрёпки не окупят – успокаивала себя Люся слышанными многократно рассуждениями опытных и знающих людей.

Как всегда, Люся по дороге с работы – её смена заканчивалась раньше – заходила в магазин или на рынок. Купить чего-нибудь вкусенького или в дом по хозяйству. Первые дни она боялась, что её – урода горелого – и обслуживать не захотят, но всё обошлось раз, другой... и вот уже будто всегда так было.

– И вот этих конфет фунтик.

– Пожалуйста, три шестьдесят.

Люся уложила пакет из тиснённой бумаги в сумку и расплатилась. Дорого, конечно, но Кирочка их больше всяких других уважает. Ничего лучше трюфелей нет. Теперь домой.

За скобяной лавкой она свернула в их проулок. Над заборами свисают гроздья сирени, поют птицы, а вон уже их дом, её дом.

Через вырез в калитке Люся откинула крючок и вошла. Дорожку от калитки к крыльцу Кирочка расчистил, бурьян с лопухами по всему саду выполол. У них в саду яблоня, вишня, два куста малины, два крыжовника, а смородины – три, по одному каждого цвета, и за домом огородик в десяток грядок. Хозяйство немалое. Но зато и овощи с ягодами да фруктами свои будут. Всё прибыток.

Люся взбежала по ступенькам, нашарила в сумке ключ и отперла дверь. Веранда у них тёплая, застеклённая. Пустая, правда, но будем жить, так и добра наживём. Вторая, обитая для тепла войлоком, дверь тоже с хорошим замком. Маленькая прихожая с новенькой полупустой вешалкой...

В чистенькой – Кирочка до блеска всё отмыл, «по-хирургически» – кухне Люся выложила на стол покупки и пошла в комнату переодеться. Халатик, домашний полотняный платок, чулки не нужны, тепло уже, пусть кожа дышит, а переобулась она ещё в прихожей, теперь на кухню. Кирочка к пяти придёт, так чтоб обед уже был.

Готовить ей раньше не приходилось, так только... чай вскипятить да заварить. Чему-то выучилась со слов у Тёти Паши и девочек, а на прошлой неделе купила книгу по кулинарии, но по написанному тяжело, много слов непонятных, вот и получается не всегда. Кирочка, правда, хвалит, как ни стоговлено, но она-то сама понимает, что это он по доброте и любви, а мужика кормить надо.

– Люся?!

– Да! – откликнулась она. – Я здесь.

Вперевалку вплыла Тётя Шура, соседка слева, и села на табуретку, как припечаталась к ней.

– Уф-ф, жарынь-то какая сегодня.

– Да уж, – охотно ответила Люся. – Как летом.

– Ты, Люсь, огурцы-то как, высадила?

– Нет ещё, вот грядки доделаем, – Люся несколько смущённо рассмеялась. – Мы ещё и не придумали, чего сажать. Картофеля раннего только грядку сделали и зелени немного.

– Рассаду если готовую брать, – начала очередное поучение Тётя Шура, – это к Кравчинихе, у неё какой только нет, и крепкая вся. Всё лучше, чем самой из семян выгонять.

Люся ссыпала в кастрюлю нарезанный лук, накрыла крышкой и поставила на огонь. Теперь картошку. Мясо с луком и картошкой Кирочке очень нравится.

– Не мелко порубила? Разварится ведь.

– Не, Тётя Шур, я делала уже. А перед домом цветник делать будем.

– И правильно, – кивнула Тётя Шура. – Гляжу, уже под клумбу расчистку сделали. Больно толсто кожуру режешь, Люсь.

– Всё в дело пойдёт, – улыbnулась Люся. – Кира для компоста уже короб заготовил.

– Великое дело, когда мужик с руками, – вздохнула Тётя Шура.

И перешла к обычным жалобам на своих мужиков, что не допросишься сделать чего, на непочтительных невесток и непослушных внуков. Люся сочувствовала, ахала, возмущалась, ей нетрудно, а Тёте Шуре приятно, но всерьёз не слушала. Своей боли хватает, чтоб ещё чужую к сердцу подпускать. Под рассказ Тёти Шуры она поставила тушиться картошку с мясом и стала делать салат. А суп она перед самым Кирочкиным приходом разогреет, вчера так хорошо у неё получилось, и много – на полных два дня.

Наговорившись, Тётя Шура ушла, и Люся стала убирать и накрывать на стол. Ели обычно на кухне. Конечно, когда Тётя Паша пришла к ним посмотреть, как устроились, её поили чаем в комнате. Оглядев кухню, Люся удовлетворённо

вздохнула. Ну вот, у неё всё готово. Она вышла на веранду, залитую солнцем, просторную и такую чистую, что она и пустая не казалась бедной. А вон и Кира.

Люся глубоко вздохнула, глядя, как он легко и красиво идёт вдоль забора, открывает калитку. Какой же он красивый, глаз не отвести...

Крис легко взбежал по ступенькам, толкнул дверь.

– Вот и я, Люся, здравствуй.

– Здравствуй, Кирочка.

Крис обнял её, поцеловал в здоровую щёку.

– Всё хорошо, Люся?

– Да, – она счастливо улыбнулась. – Идём, обед уже готов.

– Ага, я переоденусь только.

Свои старые армейские брюки, которые ему дали в госпитале, как и другим парням, когда они вышли из «чёрного тумана», Крис теперь носил дома, особенно когда возился в саду, а на работу ходил в джинсах. И рубашку менял. Как всегда, он быстро, не зажигая горелки, ополоснулся в душе, переоделся и вышел в кухню уже «по-домашнему».

Сели к столу. Люся подкладывала, подливала, придвигала поближе то солонку, то перечницу. Крис ел и восхищался.

– Как всё вкусно, Люся. Ты здорово готовишь.

– Ну уж ты скажешь, – застеснялась Люся. – Как умею, ты ешь, Кирочка, ешь, ещё картошки?

Крис покачал головой.

– Нет, Люся, спасибо. Как у тебя сегодня?

– Всё хорошо. А у тебя?

И Крис стал ей рассказывать, как он сегодня работал с Юрием Анатольевичем, и уже Люся ахала и восхищалась.

– Ну вот, – Крис облизал ложку. – Вот ещё что, Люся. В сентябре школа начнётся, я хочу за лето за начальную сдать, тогда сразу на трёхлетний курс попадаю, на аттестат. Пони-маешь?

– Конечно, – кивнула Люся, наливая ему в чашку компот.

– А будет аттестат, – Крис отхлебнул и причмокнул, – чудо-компот, Люся, потрясающе, так вот, будет аттестат, смогу учиться дальше, – и выдохнул заветное: – На врача.

– Конечно, Кирочка, – поддержала его Люся. – Так и делаем.

Не станет она из-за такой ерунды спорить с Кирой, и потом... почему бы ему и не стать врачом? Он же ничем не хуже тех студентов, что на практику в госпиталь приезжают. Видела она их, врачей будущих, да Кирочка любому из них сто очков вперёд даст. И Юрий Анатольевич Киру хвалит, и потом... все говорят, что без дела мужик дуреет, а это такое дело... но вслух она только соглашалась.

– Вот так, – Крис допил компот, выбрал ложкой ягоды и встал из-за стола. – Спасибо, Люся. Потрясающе вкусно.

– На здоровье, – счастливо улыбнулась Люся. – Давай чашку, я помою. Ты в сад сейчас пойдёшь?

– А ты куда хочешь, чтоб я пошёл? – улыбнулся Крис, ласково обнимая её.

– Ой, Кирочка, – Люся прижалась к нему. – Днём-то... а если зайдёт кто?

– А мы запрёмся, – в тон ей ответил Крис.

– А посуда? – спросила Люся, продолжая игру.

– Подождёт посуда.

Люся поцеловала его в щёку.

– Ты только дверь запри, ладно? А я занавески задёрну.

Но только Крис, поцеловав её, разжал объятия и повернулся к двери, как со двора послышалось:

– Люсь! Ты дома?

Крис замер на полушаге, и лицо у него стало такое, что Люся невольно фыркнула, но вслух откликнулась:

– Да, входи, Баба Лиза.

Баба Лиза – соседка с другой стороны, тоже... если не старуха, то в возрасте и одинокая, приходит всегда за каким-нибудь пустяком, но главное – поговорить.

– Здравствуй, Люся, а, и хозяин дома, доброго тебе здоровья.

– Здравствуйте, – Крис заставил себя приветливо улыбнуться. – Люся, я в саду буду.

В самом деле, ему сидеть с ними незачем, а чем заняться он всегда найдёт. Не гнать же эту Бабу Лизу, с соседями надо по-соседски жить, это если б кто из парней припёрся, то шуганул бы сразу, а здесь нельзя... Он ещё раз улыбнулся, уже успокаивая улыбкой Люсю, и вышел.

Люся кивнула ему вслед. Она мыла посуду и слушала

нескончаемый рассказ Бабы Лизы о всяких алабинских событиях.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

В среду Андрей после работы зашёл в магазин купить тетради, всякую школьную мелочёвку и портфель, а потом ещё в книжный завернул, так что, когда наконец добрался до дома, Эркин уже увёл Алису на занятия. Квартира была тихой и очень пустой.

Андрей повесил ветровку на вешалку, переобулся и прошёл в свою комнату. Ну вот, теперь разложим покупки. Тетрадки в линейку и клеточку, толстые и тонкие, кто ж знает, какие понадобятся, пузырёк чернил, две линейки, скрепки, ножницы, клей – он купил всё, что помнил о своём столе, у них, у каждого, даже у Милочки, был свой рабочий стол, правда, тогда ещё были краски, цветные карандаши, альбом для рисования и специально для лепки дощечка и... вспомнил, пластилин, но тот был ещё цареградский и быстро кон-

чился, а нового мама не купила, не до того стало, ну, без этого он обойдётся, пока обойдётся, а там видно будет. Теперь чистая бумага, большие листы, и тоже в клетку, линейку и гладкая. А книги в шкаф. «Энциклопедический словарь», дорогой стервец, тяжеленный, но на настоящую энциклопедию у него кишка тонка, и так на него как на чудо-юдо вылупились, когда он покупал, и «Краткая всемирная история» в двух томах, еле допёр, думал: ручка у портфеля оборвётся, но выдержала. Так, библиотечные книги на отдельную полку, ну вот, сделал. А портфель просто на пол рядом со столом.

– Андрюша, ты дома? – позвал его голос Жени.

– Да, Женя, иду, – сразу откликнулся он.

Когда он вышел на кухню, Женя разбирала покупки.

– Здравствуй, Андрюша, ты обедал?

– Я сыт, Женя, правда.

– Не выдумывай, сейчас я тебя покормлю, а Эркин с Алисой придут, будем ужинать.

Спорить с ней было невозможно, да и незачем. Андрею ничего не оставалось, кроме как вымыть руки и сесть за стол.

– Женя, тебе помочь? – на всякий случай предложил он.

– Нет-нет, я сама, – и успокаивающая улыбка. – Я тоже поем.

Андрей уже знал, что Женя всё делает быстро, но что настолько... В самом деле, вроде она ещё распихивала свёртки и перекладывала, переставляла банки и коробки, а стол уже накрыт, дымится в тарелках суп, разогревается картошка с

мясом, маслянисто блестит квашеная капуста.

– Ну вот, – Женя села за стол. – Приятного аппетита, Андрюша.

– Угу, спасибо, и тебе того же.

Женя с удовольствием смотрела, как аппетитно ест Андрей.

– Подложить ещё, Андрюша?

– Давай, – бесшабашно махнул рукой Андрей. – Добьём кастрюлю.

И Женя вылила ему в тарелку остатки супа.

Как всегда, по средам, Эркин, придя с работы, разогрел приготовленный Женей обед, они вдвоём с Алисой – Андрея ждать некогда, да и неизвестно, когда он придёт – поели, потом Эркин быстро вымыл посуду, а Алиса переделалась, сама, он только помог ей застегнуть крючки на матроске, в сумку Эркина уложили английский букварь, тетрадку, пенал, коробку пластилина со специальной дощечкой и красный мячик для игры в «что такое, кто такой», оделись и пошли.

Крепко держась за руку Эркина и подпрыгивая на ходу, Алиса без умолку трещала обо всём сразу. Отвечая ей, Эркин внимательно оглядывался по сторонам. Да, заметно больше стало цветных. Зимой на всё Загорье было двое: он и Тим, а теперь... Не каждый второй и даже не третий, но попадаются. И индейцев много стало. Он только в лицо уже пятерых знает, да ещё те трое со второго рабочего двора. Но

на занятия ни один из них не ходит, дураки.

– Эрик, а мороженого купим?

– Мороженое летом едят, сейчас ещё холодно.

Они поднялись по ступенькам в просторный гулкий вестибюль. Эркин помог Алисе раздеться, сдал свою куртку и её пальтишко в гардероб.

– Я сама, – взяла у него сумку Алиса.

Но Эркин всё-таки проводил её до детского класса, поздоровался с Джинни – сегодня первым уроком был английский – и пошёл в библиотеку. Обычно два часа Алисиных занятий он ходил по окрестным магазинам: всегда найдётся, чего в дом купить, но сегодня... Листок объявления о занятиях по шауни на месте, нет, он не хочет прийти в субботу, ничего не зная, он – индеец, и ничего тут изменить нельзя.

В читальном зале было тихо и почти пусто. У худенькой девушки в очках за столом, знакомым ему по лагерной библиотеке, Эркин записался и попросил чего-нибудь о Великой Равнине. Она дала ему большую тонкую книгу. Эркин сел к окну и стал смотреть. Карты, фотографии, подписи по-русски, но много непонятных слов. Он внимательно, даже придирчиво рассматривал фотографии, проговаривал про себя, беззвучно шевеля губами, непривычные слова.

Агаша исподтишка следила за ним. Первый индеец, что пришёл к ним. Ой, нет, второй, а тот, как его, да, Громовой Камень, пришёл ещё в прошлую субботу, записался и в абонемент, и в читалку, набрал книг, но он – учитель, ему по-

ложено, а этот... Она, правда, знает его, вернее, о нём, он – грузчик на заводе, дружит с Колькой-Моряком, что через два дома от них, и этот – она посмотрела на формуляр – Эркин Мороз приходил к нему, и зимой она его видела, на «стенке» и в кулачном – варварское, конечно, развлечение, но ей приятно, что он там так показал себя. Очень приятное лицо, странно даже: индеец – а так красив, и совсем не похож на остальных индейцев.

Эркин так увлёкся, что ничего не замечал и, чисто случайно посмотрев на часы, чуть не охнул вслух. Без пяти семь. У Алиски уже занятия кончаются! Он захлопнул книгу и вскочил на ноги.

– Вот, возьмите пожалуйста, спасибо большое, до свидания.

И вылетел за дверь, не дожидаясь ответных слов. Бегом по коридору в вестибюль...

Он успел вовремя. Алиса растерянно озиралась по сторонам, прижимая к себе сумку со своими вещами, и ещё не успела ни испугаться, ни заплакать.

– Алиса!

– Эрик! – сразу просияла Алиса. – А я четыре пятёрки получила.

– Молодец.

Он забрал из гардероба их вещи, проследил, чтобы Алиса застегнула все пуговицы на пальто, поправил ей беретик и взял сумку. Из Культурного Центра они вышли последними.

На улице было уже темно и зажигались фонари. Алиса шла рядом, держась за его руку, и рассказывала:

– А я говорю, это петушок, и мисс Дженнифер говорит, правильно, и пять поставила, у меня уже шесть пятёрок по английскому, а ещё к нам Кутойс приходил.

– Кто? – удивился Эркин незнакомому слову.

– Кутойс, – не поняла его удивления Алиса. – Он нам про Великую Равнину рассказывал, как там живут и на оленей охотятся.

Великая Равнина? Этот... Кутойс что, индеец, что ли?

– Он индеец, Алиса?

– Ну да. Он воевал ещё, Димка как увидел, так и вылез сразу, ну, про медали спрашивать.

Кутойс... странное имя... индейское. И наверняка он и в субботу будет. С медалями, воевал. Тот, что тогда на выпасе приходил к ним, тоже был с наградами, мы просто тогда не знали и не понимали ничего в этом. И как всегда, воспоминания о выпасе потянули за собой воспоминание о Фредди. Эркин досадливо тряхнул головой. Ведь Андрей не отвяжется, выспросит, а говорить об этом очень не хочется.

– Вот и пришли. Не устала?

– Не-а!

Они вошли в подъезд, поднялись на свой этаж, коридор был пуст и тих, все уже по домам. Эркин достал ключи и открыл дверь.

– А вот и мы! – влетела в квартиру Алиса.

– Вот и молодцы, – вышла из спальни Женя. – Ну-ка, раздевайтесь, мойте руки, сейчас будем ужинать, Алиса своё всё к себе отнеси, положи на стол, потом разберёшь, Андрюша, ужинать, Эркин, позови его, всё удачно, да?

Эркин поцеловал Женю, повесил куртку и, переобуваясь, громко позвал.

– Андрей!

– А я уже тут! – вышел в прихожую Андрей. – Чтоб я к еде опоздал?! Да не в жисть!

– Руки! – строго напомнила Женя. – Все в ванную!

Умывание с обрызгиванием прошло шумно и весело. Наконец все сели за стол. Женя с удовольствием оглядела их и стала раскладывать по тарелкам котлеты с картофельным пюре. Андрей восторженно застонал, закатив глаза.

– Женя-а! Божественно!

– На здоровье, – рассмеялась Женя. – Алиса, не копайся. Эркин, ещё?

– Мм, – мотнул он головой. – Спасибо, Женя, они сытные очень.

Он легко встал и подошёл к плите.

– Женя, вскипел, я заварю.

– Да, спасибо.

Андрей сыто откинулся на спинку стула и расслабленно вздохнул:

– Хорошо-о-о, – покосился на Алису, и та сразу насторожилась, не зная, чего ожидать.

Но Женя собирала тарелки, а Эркин поставил на стол вазочку с конфетами, и Алисе сразу стало ни до чего. Андрюха никуда не денется, а конфеты она за пятёрки получает. Если пятёрок четыре, то конфет должны дать...

Дали одну, но любую по её выбору. И Алиса выбрала самую большую с медвежатами.

– А я её себе приглядел, – вздохнул Андрей.

– А ты получи столько пятёрок, и тебе дадут, – посоветовала Алиса, надкусывая конфету.

– Точно, племяшка! – рассмеялся Андрей. – Вот в пятницу и постараюсь.

– Не получится, – улыбнулся Эркин, – три всего предмета.

– А вот и четыре! Русский, литература, математика и история, – весело загибал пальцы Андрей.

– А по истории тебе за что ставить? Ты ж в первый раз будешь.

– А я такие книги, братик, купил! – Андрей причмокнул, будто пробуя что-то очень уж вкусное.

– А какие? – спросили в один голос Алиса и Эркин.

– Алиса, завтра посмотришь, – распорядилась Женя.

– Ну, мам, ну, я только одним глазом...

Андрей и Эркин поддержали её, и Женя согласилась. Тем более, что она сама этих книг ещё не видела.

Словарь и всемирная история привели всех в восторг. Алисе очень понравилось, что книги такие большие и тяжёлые, на весу не удержишь, надо на стол класть.

Потом Женья увела Алису мыться на ночь, и Эркин с Андреем остались вдвоём.

– Ну как, братик?

– Здоровско, – выдохнул Эркин, бережно ставя книгу в шкаф. – Слушай, это ж сумасшедшие деньги.

– Книги – не шмотки, – отмахнулся Андрей. – На это не жалко.

Эркин задумчиво кивнул. Да, конечно, с такими книгами Андрею на истории бояться нечего.

– Здоровско, – повторил он. – Ты... уже прочитал их?

– Ещё нет, – улыбнулся Андрей. – Только начал. Слушай, ты «Битву на Великой» прочёл? А то я сдам их.

– Нет, – покачал головой Эркин. – Я медленно читаю, и... нет, сдавай, конечно.

– Тебе не понравилось? – догадался Андрей.

– Ну-у, – Эркин как-то нерешительно повёл плечом и, помедлив, честно признался: – Трудно очень. Слова, имена... князя какие-то, холопы... Непонятно.

Андрей кивнул.

– Ладно. Так я сдаю?

– Сдавай, – твёрдо сказал Эркин и улыбнулся. – Я лучше словарь буду читать. Он полезнее.

– Резонно, – хмыкнул по-английски Андрей.

И нахмурился: такой... вежливой была улыбка Эркина. Что, у него и на Джонатана зуб? Здесь-то что? Хотя... Джонатан и раньше был для брата только лендлордом.

Женя позвала Эркина поцеловать Алису на ночь, и он сразу ушёл. Но Андрей и не собирался начинать этот разговор именно сейчас. Успеется. Он поставил книги на место и пошёл на кухню, где его уже ждала вечерняя «разговорная» чашка.

Пили чай и неспешно обсуждали всякие хозяйственные дела. Андрей принёс показать портфель: как-то забыли о нём, занявшись книгами. Покупку посмотрели и одобрили.

– Эркин, тебе тоже такой нужен, – твёрдо заявила Женя.

Эркин согласно кивнул, но уточнил:

– Когда у меня столько же книг будет.

– Хорошо, – не стала спорить Женя. – А тебе, Андрюша, нужна куртка. Непромокаемая.

– Не помешает, – Андрей не спорил с очевидным. – Посмотрю в субботу.

– А если завтра дождь?

– Я ж не сахарный, Женя.

– Это точно, – авторитетно подтвердил Эркин.

– Во, братик-то уж наверняка знает, – поддержал Андрей. – Так что не растаю, а то завтра уроки делать, в пятницу в школу, а в субботу после занятий и пройдуся.

– Да, так будет самое разумное, – согласилась Женя.

– Ну и договорились, – Андрей встал. – Кто куда, а я на боковую.

– Спокойной ночи, Андрюша, – ласково улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

– И вам спокойной ночи.

Андрей быстро вымыл свою чашку, поставил её на сушку и, одарив Женю и Эркина на прощание широченной улыбкой, вышел. Женя негромко рассмеялась.

– До чего ж он хороший, да, Эркин?

– Да, – ответно улыбнулся Эркин. – Отличный, – и, помедлив, тихо спросил: – Женя, тогда... ответ точно через неделю пришёл?

Женя вздохнула.

– Не помню. Вроде даже чуть меньше.

Эркин опустил ресницы, скрывая глаза.

– Что ж, – наконец сказал он. – Будем ждать.

– Да, – Женя протянула руку, погладила его по плечу.

И, как всегда, он перехватил её руку и поцеловал, потёрся о неё лбом и встал.

– Я уберу всё, ты иди, ложись.

Женя кивнула с улыбкой. Эркин не мыл посуду после ужина и чая только после вечерней смены. Женя и не пыталась с ним спорить. Она ещё раз поцеловала его в щёку и пошла в ванную.

В спальне Женя сбросила на пуф свой махровый халат, погасила верхний свет и зажгла лампочку на тумбочке, быстро разобрала постель и достала ночную рубашку, батистовую, с оборочками и кружевами. Господи, раньше бы ей и в голову не пришло купить такую, и не в деньгах ведь дело,

а ей просто было незачем, не для кого – нашла она нужное слово и тихо счастливо рассмеялась. Вынула из узла шпильки и, тряхнув головой, разбросала по плечам волосы: Эркину так больше нравится.

Когда Эркин – тоже в махровом халате – вошёл в спальню, Женя уже лежала. Эркин сбросил халат и потянулся под любующимся взглядом Жени, заиграл мускулами груди и пресса.

– Какой ты красивый, Эркин, – вздохнула Женя.

Эркин счастливо улыбнулся. Конечно, он и сам себе нравился, когда разглядывал себя в большом зеркале в ванной, но одно дело – ты сам, а совсем другое – слово Жени.

Когда он лёг, Женя выключила лампу и повернувшись набок, обняла его и поцеловала в висок. Эркин мягко прижал её к себе и положил на себя. Женя засмеялась, впуская его.

Эркин качал Женю на себе плавными медленными движениями, и волна сегодня была тягучей и плавной. Когда уже заснувшая прямо на нём Женя соскользнула и легла рядом, Эркин вздохнул, распуская мышцы, и распластался под мягкой тяжестью одеяла.

И уже засыпая, он, как всегда, прижал ладонь Жени к своей груди и повернул голову так, чтобы её дыхание было совсем рядом...

...Вернувшись из ванной, Андрей быстро постелил себе, выключил свет и лёг. Ну вот, ещё один день миновал. Сегодня среда, а письмо Женя отправила в субботу. Так что пси-

ховать ещё рано, и из-за чего психовать? На чёрта профессору и председателю блатарь-недобиток? Как он тогда сказал? Шваль уголовная? Нет, мусор или сор. Ну вот, мусору где место? На помойке, а не в приличном доме. Так что... и психовать некому: какое дело Андрею Морозу до профессора Бурлакова? Никакого. Так что выкинь эту дребедень из головы, Андрей Мороз, и спи, тебе завтра в первую смену.

А с утра обычная, но удивительно приятная суматоха и бегодня. Умыться, побриться, сделать бутерброды, поесть...

– Женя, купить чего-нибудь?

– Нет, Эркин, всё есть. Обед я оставлю, придёте, разогреете.

– Женя, ты не беспокойся, мы его и сырьём. А что, нельзя?!

– Андрюша, – Женя, смеясь, укоризненно покачала головой. – Ну, какой же ты...

– Ха-ароший, – закончил за неё Андрей и вышел из кухни: пусть Женя спокойно там с Эркином поцелуется.

Но Эркин на кухне не задержался.

Как уже стало обычным, они вместе вышли на улицу, обернулись помахать глядящей на них их окна Жене и за магазином Мани и Нюры разошлись, перекинувшись коротким:

– Бывай.

– До вечера.

С утра прохладно, но Эркин не жалел, что надел джинсовку и кроссовки, в куртке и сапогах днём бы совсем запарился. Хороший май – тёплый, солнечный. И все говорят, что давно такой весны не было. Как же всё-таки всё хорошо, вот только... Эркин недовольно тряхнул головой. Конечно, не очень хорошо получилось, но он честно пытался читать эту книгу, и было не то, что трудно, а... неинтересно, что ли. Андрею это всё-таки своё, и читает он гораздо лучше, ему легче, нет – Эркин невольно вздохнул – такие книги ещё не для него.

– Эй, Мороз, привет!

– Привет.

Он уже шёл в общем потоке заводских. С ним здоровались, здоровался и он. Скольких он уже здесь знает, и все они так же знают его.

– Как дела?

– Лучше всех!

Ну, Колька сдохнет, а не признается ни в чём, даже если и припекает.

– Эй, слышали?

– Об чём?

– А этот чмырь и взаправду...

– А я ей говорю...

– Я кровь проливал, а они...

Идя в общей толпе, Эркин ловил обрывки фраз, кому-то отвечал, а вон Маленький Филин со своими.

– Хей!

– Привет, – охотно откликнулся Эркин. – Как дела?

Незначащие слова, улыбки и каждому в свою сторону. И в бытовке тот же весёлый шум, что-то треплет Ряха, дразнят Петрю и Серёню, заспанных, как скажи... И под дружный хохот так же толпой валят во двор.

Тепло, но работал Эркин в рукавицах, брезентовых, что ещё зимой получил: берёт руки. Работа несложная, зачастую он и без Медведева догадывается какой контейнер куда катить. А этот... Ладно, если опять, то же самое, то он на всякий случай ещё джексовиллскую пару из дома прихватил, те потоньше и лучше комкаются.

– Старшой!

– Чего?

– А этот куда?

Медведев сбивает на затылок старую обтрёпанную кепку и рассматривает табличку с врезкой. Чертыхнувшись, вытаскивает из кармана блокнот, листает, сверяя цифры и буквы на табличке со своими записями, и наконец машет рукой.

– Пускай постоит пока. Заткни его куда-нибудь, чтоб не мешал.

– Угу, – кивнул Эркин. – Я его с понедельника взад-вперёд катаю.

– И чего? – Медведев уже смотрел в другую сторону.

Эркин чуть прищурил глаза.

– Дай мне пять минут, старшой.

– Бери, – бросил через плечо Медведев, срываясь с места, и уже на бегу: – Вернёшься, к Генычу.

– Понял, – крикнул ему в спину Эркин, берясь за скобу.

Придумал он это ещё во вторник, но не решился, а сегодня остервенел. Риск, конечно, и неохота подставлять Медведева, но сказано: «Заткнуть». Вот он и заткнёт. И... и чего с индейца, тупаря краснорожего взять!

Вернувшись, Эркин сразу подошёл к Генычу, ворочавшему зашитые в мешковину ящики.

– Ага, – прохрипел Геныч. – Ща мы их, сволочей, сделаем.

– Точно, – согласился Эркин, сдёргивая рукавицы: здесь голой ладонью удобнее.

Работая, он прислушивался, но за лязгом, грохотом и прочим рабочим шумом ничего разобрать не мог.

Они управились с ящиками, и Медведев поставил их на бочки с платформы. И всё как обычно. Эркин уже даже решил, что сорвалось, хотя он эту дурынду стальную надёжно закрепил, так просто выкатиться она не могла.

Время было уже к обеду, когда к ним подкатился Ряха.

– Эй, вождь, старшой зовёт!

– Куда? – поднял голову Геныч.

– Не тебя, – хихикнул Ряха и заверещал: – Ща вождю отмерят! Во, вишь, знает, куда да зачем не спрашивает.

Эркин и в самом деле уже шёл через двор, даже не оглядываясь на повалившую за ним бригаду.

Шума было даже больше, чем он рассчитывал. У серебри-

сто-серого контейнера, намертво закупорившего дверь заводоуправления стояла целая толпа, а в её центре пятеро мужчин в тёмных костюмах-тройках и белых рубашках с галстуками. Эркин с первого взгляда признал в них начальство и немалое. Рядом потный взлохмаченный Медведев с зажатой в кулаке кепкой.

Эркин вошёл в круг и с бездумной привычностью встал по-рабски: руки за спину, глаза опущены.

– Твоя работа?

Эркин из-под ресниц покосился на спросившего. Та-ак, это что же, он на директора нарвался? Но бежать поздно и некуда.

– Моя.

– И зачем?

Эркин вздохнул и, не поднимая глаз, ответил правду:

– Я его с понедельника по двору катаю. Ну и... раз он не нужен, я сюда и привёз. Пусть скажут, куда его. А то мешается.

И опустил голову, ожидая наказания. Пока он говорил, стало совсем тихо, и вдруг... вдруг смех! Хохот!

Эркин удивлённо вскинул глаза. Да, смеются, всё начальство, и Медведев, и все вокруг. И не выдержал, улыбнулся сам, своей «настоящей» улыбкой.

– Ну, сообразил, – отсмеялся наконец спрашивавший. – Ну, молодец. Давай теперь, выдёргивай его, будем разбираться.

– А он ни с места, – сказал Сеньчин, тоже топтавшийся здесь со всей своей бригадой. – Ты стопор сломал, что ли?

– Нет, закрепил, – ответил Эркин.

Ему пришлось почти лечь, чтобы выдернуть из стопорного паза скатанную в тугой комок рукавицу. Вытащив её, он лёгким щелчком убрал стопор, одним мягким рывком выдернул из дверного проёма контейнер и так же мягко скатил его по ступенькам. Хохот грянул с новой силой. Начальство столпилось вокруг контейнера, засуетилась с бумагами в руках какая-то женщина в белом халате и в очках, подбежало несколько молодых бородатых парней тоже в халатах.

– Безобразие!

– Потерять комплектующие!

– Его вместо второго цеха на второй двор отправили, вот же...

– Зачем?

– Как он на первом оказался?

– Ничего не знаю, сопроводилка где?

– Да это же...!

– Разгильдяйство если не хуже...

– А первый отдел куда смотрел?

Медведев крепко хлопнул Эркина по плечу.

– Ну, Мороз, ты отмочил, ну...

– Старшой, – совсем тихо, почти по-камерному спросил

Эркин, – а вон тот, кто?

Медведев, прикрыв рот кулаком с кепкой, ответил:

– Директор, генеральный, а рядом, седой, главный конструктор. Ну и кашу ты заварил, Мороз.

Эркин, вздохнув, кивнул.

– Так, раз это ваше добро, то сразу и забирайте, – прервал суету у контейнера директор.

И глядя, как бестолково затормошились белохалатные, Эркин снова не выдержал. Шагнул вперёд, раздвинув их, и взялся за скобу.

– И куда его?

– Сюда, сюда, пожалуйста, – засуетилась женщина в очках.

– Когда управисься, на обед, слышишь, Мороз? – услышал он за спиной голос Медведева и кивнул, не оборачиваясь.

А сзади уже опять хохотали и что-то кричали. И никто не услышал тихой беседы двух бригадиров.

– Так это ты его мне скинул. Я запомню.

– А ты докажи.

– По мелкой пакостишь.

– Могу и по-крупному.

– Ну, твоё здоровье – не моя печаль.

– О своём подумай.

Эркин шёл за очкастой, волоча контейнер, вокруг как конвоем – слова «эскорт» Эркин не знал – шагали белохалатные парни. И где-то сбоку будто сам по себе и по своим делам немолодой в форме без знаков различия.

Внутри Эркину ещё ни разу не приходилось бывать, и те-

перь он быстро на ходу поглядывал по сторонам. Но ничего особого. Светлый коридор, белые стены, широкие белые двери...

– Сюда, пожалуйста.

Эркин остановился у очередной двери.

– Спасибо, большое спасибо.

Ага, внутрь его не пускают, ну, так и не надо.

– Пожалуйста, – вежливо ответил Эркин и повернул обратно.

Дорогу он в общем-то запомнил и шёл уверенно. Немногие встречные удивлённо смотрели на него, но ничего не говорили. Ещё когда по дороге сюда дважды проходили посты, Эркин догадался, что это те самые секретные цеха, о которых он уже слышал, и подумал, что ему здесь шляться совсем не положено, и, ещё не беспокоясь, прибавил шагу. И уже когда до выхода по его прикидкам оставалось не больше двух поворотов, он – ну, просто так – поглядел направо, в другой такой же безлико-белый светлый коридор. И резко, будто налетев на невидимую стену, остановился. Потому что в коридоре стояли двое. Высокий светловолосый мужчина, которого он помнил ещё по Джексонвиллу, и... Женя. Она слушала, что ей говорят, и смеялась.

И увидев Женю, весёлую, смеющуюся, Эркин невольно сам расплылся в улыбке. Почувствовав его взгляд, Женя обернулась.

– Ой, Эркин! – и подбежала к нему. – Что случилось? По-

чему ты здесь?

– Контейнер привёз, – Эркин озорно улыбнулся. – А то его потеряли у нас на первом рабочем.

– Что? – подошёл к ним Гуго. – Здравствуй, что за контейнер? Какой индекс?

– Здравствуй, – вежливо отвечал по порядку Эркин. – Контейнер обычный. Индекс? Это цифры на врезке? Сейчас вспомню.

И Эркин начал добросовестно перечислять. На четвёртой цифре Гуго закричал:

– Was?! – и схватил Эркина за куртку на груди. – Mein Gott! Где он?!

– Там, – уже не слишком вежливо Эркин оторвал от груди чужие руки.

– Где там?! Куда ты его дел?!

– А куда сказали, туда и отвёз, – начал злиться Эркин.

Гуго кричал по-английски, да ещё с какими-то совсем непонятными словами, и Эркин отвечал тоже по-английски и тоже криком. Из дверей по обеим сторонам коридора начали высовываться любопытные лица.

– Кто сказал? Кто?!

– А очкастая!

– Тихо! – встала между ними Женя. – Гуго, это наверняка в седьмом, Эркин, ты иди, всё в порядке.

Она буквально растолкала их. Гуго умчался по коридору, А Эркин, видя, что становится слишком шумно илюдно, да

и пообедать он может уже и не успеть, чмокнул Женю в висок и убрался от греха.

Всё произошло очень быстро. Ксюша – чертёжница из пятой кабины – выйдя на шум, спросила:

– Жень, а это кто?

Женя машинально ответила:

– Муж мой, контейнер со двора привёз.

– А-а, – понимающе протянула Ксюша. – А вы тут... Ну, понятно...

– Чего тебе понятно? – удивилась Женя.

Но Ксюша сделала многозначительную мину и нырнула обратно в свою кабинку. Женя недоумевающе посмотрела на закрывшуюся дверь и тут до неё дошло, как всё это могло выглядеть со стороны, когда Эркин и Гуго трясли друг друга за грудки и орали, а она расталкивала их. Ей стало смешно и, закрыв лицо ладонями, чтобы не захохотать в полный голос, она бросилась в свою кабинку...

В столовую Эркин влетел, когда бригады уже не было, а за столами сидели со второго рабочего – сеньчинские. Зная, что их обеды не совпадают, Эркин торопливо набрал себе первого попавшегося под руку, расплатился и сел за свободный стол.

– Хей, – сказали над ним.

Эркин кивнул, не отрываясь от еды. Маленький Филин подсел к нему.

– Зачем ты это сделал?

Эркин, быстро жуя, вскинул на него глаза и улыбнулся.

– А надоело, чего он путается. Мешает, понимаешь?

Маленький Филин кивнул. Может, он ещё бы о чём спросил, но Эркин уже доедал, и было ясно, что ни на секунду не задержится.

Когда Эркин выбежал во двор, Медведев уже заканчивал расстановку и, увидев его, кивнул.

– Ага, вовремя. Давай к Санычу.

Эркин подбежал к указанной платформе. Саныч встретил его тем же:

– Ага, вовремя. Пошёл?

– Пошёл, – взялся за бочку Эркин.

Катать их оказалось недалеко, рукавицы надёжно защищают руки, ни дождя, ни ветра, и жары особой нет. И от той дурынды очень удачно избавился...

Саныч поглядел на его улыбающееся лицо и невольно улыбнулся сам.

– Что, Мороз, хороша жизнь?

– Лучше не бывает! – искренне ответил Эркин.

– Ну, чтоб и дальше хуже не было, – кивнул Саныч.

– Спасибо на добром слове, – ответил Эркин уже привычной фразой.

К ним подошли Колька и Серёня, присланные Медведевым.

– А с контейнером ты здорово отмочил, – сразу начал

Колька.

– А чего он под ногами путается? – ответил в том же тоне

Эркин.

Серёня попытался было узнать, куда он его отвёз, но Саныч осадил:

– Заглохни. Не знаешь и знать незачем.

– Точно, – ухмыльнулся Колька. – Военная тайна, секретный режим.

Но Саныч так грозно посмотрел на него, что Колька, щёлкнув каблуками, молча откозырял ему.

До конца смены они провозились с этими бочками и закончили перед самым звонком.

– Подавай, – махнул паровозному машинисту Медведев, а им: – Всё, мужики.

– Ещё б не всё, – Саныч сдёрнул рукавицы и закурил. – Звенит уже.

Эркин, как всегда, мотнув головой, отказался от сигареты, а Серёня задымил с таким независимым видом, что Саныч усмехнулся, а Колька съязвил:

– Слышь, Серёня, тебя мамка давно за уши драла, чтоб не курил?

Серёня покраснел, залихватски сплюнул, но ответил по-детски:

– Да не, это чтоб я на сеновале не курил, так я ж не дурной.

– Не дурнее Петри, – хмыкнул Саныч.

За разговором дошли до бытовки и стали переодеваться.

С наступлением тепла Эркин перешёл на трусы и менять штаны старался быстро. На всякий случай. Остальные-то позимнему, а быть не как все... не-ет, этого он вдосталь нахлебался. А что он после смены под краном обливается, так к этому ещё зимой привыкли.

Переодевшись, Эркин убрал робу, рабочую рубашку, сапоги и казённые рукавицы в шкафчик, аккуратно расправил на крючке полотенце.

– Хозяйственный ты мужик, Мороз, я смотрю, – сказал, глядя на него, Лютыч.

– А что, – улыбнулся Эркин. – Чего зря одежду трепать.

– Точно, – кивнул Геныч. – Сам не позаботишься, никто и не подумает.

Эркин захлопнул шкафчик и щёлкнул замком. У всех на дверцах замки, даже Ряха свой шкафчик запирает, хотя часто уходит домой, не переодеваясь, а в чём работал. А запираются не потому, что не доверяют друг другу, а так уж положено. Не нами заведено, так не нам и ломать.

– До завтра всем.

– До завтра.

– Миняй, идёшь?

– Иду.

Как всегда, когда Эркину не в школу и не по магазинам, он шёл с Миняем – они ж соседи. И как всегда говорили о хозяйстве и детях. Старшая дочка Миняя тоже шла в первый класс, припозднилась, конечно, но что за школа в угоне, а

здесь уже зимой всё болела, то ушки, то ещё что, врачиха и сказала, чтоб дома передержали, пока не окрепнет.

– А сейчас как?

– Сейчас-то во! – Миняй показал оттопыренный большой палец и сплюнул через плечо, отгоняя сглаз. – Свою-то записал?

– А как же, – и с невольной прорвавшейся в голосе хвастливой гордостью, – в тройной класс, ну, с тремя языками.

Так за разговором дошли до дома и распрощались.

Встретить Андрея Эркин не рассчитывал, тот наверняка по магазинам пошёл. Но у подъезда, когда он уже взялся за ручку, сзади свистнули. Эркин, узнав и вспомнив, мгновенно обернулся. Да, он!

– Привет, братик, – озорно улыбнулся Андрей. – Ну как?

– Привет! – ответно улыбнулся Эркин. – Всё хорошо, а у тебя?

– Как всегда, отлично!

– Ну, чтоб у тебя да по-другому, – рассмеялся Эркин.

Вместе они вошли в подъезд, поднялись по лестнице.

– Сейчас поедим, и Алиса гулять пойдёт, – говорил Эркин по дороге. – Ну, там по хозяйству ещё, и...

– И за уроки, – закончил за него Андрей. – Я открою.

И Эркин кивнул, понимая, как важно для Андрея достать ключи и открыть дверь.

Алиса встретила их радостным визгом и рассказом о сегодняшних событиях. И Андрей с весёлым удивлением смот-

рел, как Эркин, разговаривая с Алисой, накрывает на стол. Однако до чего ж... домовитый Эркин, нет, семейственный.

Поели, Эркин заботливо проверил, сколько осталось для Жени, и Андрей не рискнул даже в шутку попросить добавки.

– Алиса, гулять пойдёшь?

– Ага! – прыгнула она со стула. – Я пойду маму встречать.

– Хорошо.

Эркин вышел с Алисой в прихожую, и, пока он её одевал, Андрей сгрёб и свалил в мойку посуду. Что ж, пока никого нет, то самое время. И когда Эркин вернулся на кухню и встал рядом с ним, вытирая и раскладывая посуду, Андрей уверенно спросил:

– Так что у тебя с Фредди вышло?

Эркин замер, но тут же досадливо тряхнул головой.

– Андрей, не надо.

– Надо, – упрямо возразил Андрей. – Мне надо это знать.

– Зачем? – глухо спросил Эркин.

Андрей перевёл дыхание. Спроси Эркин: «Почему?», – ответить было бы сложнее, на «зачем» уже продумано.

– А затем, чтоб если встретимся, я бы знал, что делать.

– А мы не встретимся, – отрезал Эркин.

– Это почему? – прищурился Андрей.

– Он там, а мы здесь. Или ты, – Эркин насмешливо оглядел его, – обратно собрался?

– Ну, ладно. Мы туда не поедem, – покладисто сказал Ан-

дрей. – Хотя не зарекайся, братик, всякое может быть. А Фредди никто не указ, а ну как занесёт его сюда и дорожки пересекутся, тогда что?

Эркин недоверчиво покачал головой.

– А с чего ему сюда ехать? Нет, Андрей, если он и поедет, то не дальше Пограничья. Зачем ему наше Загорье, сам подумай.

– И ты подумай. Всё может быть. Эркин, раз спрашиваю, значит – надо. Расскажи. Пока нет никого. Мы двое будем знать. И всё.

Эркин вздохнул, и Андрей еле сдержал улыбку, чувствуя, что победил, и повторил уже мягче:

– Расскажи, брат.

Эркин снова вздохнул.

– Так нечего рассказывать. Я в центральном лагере уже был, да, в Атланте. Мы в город пошли, – усмехнулся. – Столицу посмотреть.

– Мы – это кто?

Эркин улыбнулся.

– Фёдор, Грег, то есть Гриша, мы ещё в региональном вместе были, ну, и я. Ну, идём, глазеем, у Фёдора ещё дело одно было, ну, рассчитаться он с кем-то хотел, долг взять, он играл понемногу, в промежуточном когда были, каждый день в город уходил.

Несколько путаное многословие было нехарактерно для рассказов Эркина, но Андрей понимающе кивал, быстро до-

думывая всё недосказанное. Темнит чего-то братик, но основное пока понятно. Ободренный его молчаливыми кивками, Эркин продолжил:

– До самого дела так и не дошло. Идём мы, тихо идём, никого не трогаем, да и народу на улице немного, и тут, – Эркин вдруг на мгновение стиснул зубы, будто пересиливая себя, – тут вижу, Андрей, я сразу его узнал, сука надзирательская, Полди, рассказывал я о нём, помнишь? – Андрей снова молча кивнул. – Он меня тоже узнал и от меня. Я за ним. Гриша с Федькой за мной. Он в бар этот чёртов, ну, и мы следом. И встали. Бар битком, беляки, – Эркин, до этого только слегка перемешивавший русские и английские слова, заговорил только по-английски, – сволочь на сволочи, сразу видно, и Фредди, с каким-то хмырем за одним столом. Ну, ладно, мало ли с кем пить приходится, я вон... с Ряхой, ну, когда всей бригадой в пивную ходим, ну, чтоб компанию не ломать, а тут... тут этот гнусняк, Полди, рядом с Фредди и верещит: «Это спальник! Убей его!» И Фредди... Фредди по его слову пушку достал и в голову мне. Гриша, он фронтовик, раньше успел, оттолкнул меня и на себя принял.

– Убило его? – очень спокойно спросил Андрей.

– Нет, кожу на виске содрало. Ну, мы Гришу подняли и ушли. И всё.

– Не всё, – Андрей улыбнулся с ласковой насмешкой. – Не темни, Эркин, я же знаю тебя.

– Всё, – твёрдо повторил Эркин. – Чего тебе ещё?

– Хорошо, сам спрошу. Полди этого ты после встретил?

– Ну да, – даже как-то недоумевающе ответил Эркин. –

В тот же вечер, там же дождался, – и улыбнулся со злой насмешкой. – Не боись, следов не оставил.

– А свидетелей? – ехидно спросил Андрей.

– Федька будет молчать, – серьёзно ответил Эркин, и пояснил: – Да и чего он видел? Тот замахнулся, я упал, и тот упал. Упал и шею сломал.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Тут, допустим, и чисто. За несчастный случай сойдёт, если копать не будут. А Фредди? Виделся с ним после?

Эркин нехотя кивнул.

– Да. И тоже... В тот же вечер. Нет, уже ночь была. Он пришёл в лагерь. Ну, за ограду не рискнул. Поймал двух мальцов, за сигаретами дураки полезли, так он одного под пулю поставил, а второго за мной послал, – Эркин замолчал.

– Ну, – подтолкнул его Андрей.

– Что ну?! Вышел я, – Эркин говорил неохотно, кусая губы. – Мальцов он отпустил, ну и... Ну, о тебе спросил.

– И чего спрашивал?

Голос Андрея обманчиво спокоен.

– Знаю ли я, что тебя убили и кто убил.

– И ты?

– Сказал правду. Что убили тебя белые. И ещё... он деньги мне вздумал давать, – голос Эркина зазвенел. – Это ж за кровь Гришину деньги! – он остановился, задохнувшись.

– И ты? – Андрей по-прежнему спокоен.

– Что я? За кровь друга запахло! – Эркин вздохом перевёл дыхание. – Сказал, что мы в расчёте, и ушёл. И всё.

– И всё, – задумчиво повторил Андрей. – Что ж, я тебе одно скажу. Как Фредди стреляет, ты сам в Бифпите видел. Не хотел он в тебя попасть, впритирку бил. Ты сам так кулаком умеешь. Помнишь, показывал мне.

– А потом? Мальцов под дуло...?!

– А ты что, ждал, что он на проходной светиться будет? – язвительно спросил Андрей. – Он же чистильщик, забыл?

– Киллер и шулер, – задумчиво сказал Эркин и потрянул головой, отгоняя свои мысли. – Ладно. Не хотел, ну, значит, не хотел, только Гришу мы еле до лагеря довели.

– Да пойми ты, если б он всерьёз бил, он бы вас всех троих одной пулей положил!

Эркин молча дёрнул плечом, и Андрей не стал дожимать: брат у него умный, дальше сам додумает. Но осталось только ещё одно... один нюанс уточнить.

– А этот хмырь, что с Фредди сидел, какой из себя?

– Сволочь белобрысая, нож наготове, – уверенно ответил Эркин, и уже спокойно с привычной обстоятельностью, выдал почти полный словесный портрет, по которому знающий мгновенно опознал бы собутыльника Фредди.

– И чем-то на охранюгу смахивает, – закончил Эркин и уточнил: – Но я его раньше не видел. И потом тоже.

– Твоё счастье, – очень серьёзно сказал Андрей и радостно

заорал: – Ага, вот и Женя пришла!

– Вот и мы! – откликнулась из прихожей Женя. – Как вы тут?

Эркин переглянулся с Андреем и быстро вышел в прихожую.

– У нас всё хорошо, Женя. Давай сумку.

Как всегда, с приходом Жени по квартире пронёсся вихрь дел и распоряжений, разнёсший всё и всех по местам. И в частности Эркин и Андрей оказались в комнате Андрея. Эркин достал тетради и сел за стол делать русский и математику, а Андрей лёг на диван с учебником литературы.

– Эркин, – после недолгого молчания позвал он, – курить будешь?

– Нет, – ответил, не поднимая головы, Эркин.

– Кинь мне тогда.

Эркин нехотя отложил ручку. О чём просит Андрей? А, вот же. Пепельница и рядом пачка сигарет с коробком спичек. Он сложил сигареты и спички в пепельницу и ловким броском отправил её на грудь Андрея. Тот крякнул.

– Ох, и на чёрта я такую тяжёлую покупал. Спасибо.

– На здоровье, – вернулся к работе Эркин.

Андрей поставил пепельницу на пол рядом с диваном и закурил. Пушкин... смутно-смутно помнится... не слова даже, а голос. И книга, очень большая, обложка тёмно-красная с золотыми буквами. Сказки. А. С. Пушкин. Да, ему читали, и сам читал...

Андрей тряхнул головой. Нет, это на потом, а сейчас... покосился на Эркина. Старается братик. Брат. Старший брат. Не беспокойся, не подведу. Он погасил сигарету и стал перечитывать нужный параграф.

Эркин никак не ожидал, что заниматься не на кухне, а за письменным столом, с настольной лампой будет настолько удобнее. И дыхание Андрея за спиной, шелест страниц... быстро как Андрей читает.

Дважды перечитав биографию Пушкина, Андрей перешёл к стихотворению. Его он раньше не знал, это точно. Так что придётся постараться.

Сделав русский, Эркин отложил тетрадь – потом попросит Женю проверить – и взялся за математику. Здесь полегче, хотя задачи эти... даже если и сообразишь сразу, так пока по действиям распишешь, потом умоешься.

Приготовив всё к ужину, Женя занялась стиркой. Ох, до чего ж Андрей на Эркина похож, такой же упрямец. Вот упёрся, что своё он сам стирает, и ни с места.

– Мам, – влезла в ванную Алиса, – а мне чего делать? Я к Андрюхе пойду.

– Нельзя, – строго сказала Женя. – Он уроки делает.

– А Эрик? Тоже уроки?

– Конечно.

– Да?! – возмутилась Алиса. – Это нечестно! У них уроки, у тебя стирка, а я без ничего?!

Женя невольно засмеялась.

– Хорошо, будешь мне помогать.

И, когда Алиса убежала собирать кукольные одёжки для стирки, вздохнула. Конечно, от Алисы больше помехи, чем помощи, но надо же её чем-то занять, чтобы не лезла к Эркину и Андрею.

– Уф-ф! – Андрей отложил книгу и встал. – Выучил! Ты как?

– Дописываю.

Андрей потянулся, несколько раз свёл и расправил лопатки и подошёл к Эркину, заглянул через его плечо. Удовлетворённо кивнул.

– Здоровско получается.

– Слова все правильные? – Эркин поставил точку и поднял голову.

– Все, – убеждённо сказал Андрей. – Давай, вылезай и иди на диван.

– Угу.

Эркин встал и потянулся, сцепив пальцы на затылке. Андрей сел за стол, переложил тетради. Эркин взял свой учебник и сел на диван. И снова сосредоточенное молчание.

Андрей писал быстро, но старательно, заставляя себя часто останавливаться и перечитывать. Нельзя ему небрежничать, надо, чтоб не хуже, чем у брата получалось.

Закончили они одновременно.

– Всё! – Андрей шумно захлопнул учебник. – Свалил. Ты как?

– Сделал.

Эркин встал и подошёл к столу, взял свои тетради и вдруг нерешительно предложил:

– Проверишь?

Андрей снизу вверх посмотрел на него и улыбнулся.

– Лучше Жене покажи. Как думаешь, она мои посмотрит?

– Конечно! – улыбнулся Эркин.

Андрей ловко вывернулся из-за стола и быстро, пока Эркин собирал тетради, распахнул дверь.

– Эге-гей! Есть кто живой?

Ему ответил радостный визг Алисы.

– Ма-ам! Андрюха орёт!

Как всегда, Алиса постаралась, чтобы было шумно, а, значит, и весело. Но сразу, как только Женя села проверять тетради, замолчала, удобно устроившись на коленях Эркина. Они все сидели вокруг стола, и Эркин с Андреем молча следили за Женей.

– Молодцы! – наконец улыбнулась Женя. – Ни одной ошибки.

– Ура-а-а! – закричала Алиса, спрыгивая с колен Эркина. – А теперь играть!

– Успеешь, – внушительно сказал Андрей. – Женя, я ещё стихи выучил. Проверь.

– Давай, – сразу согласилась Женя.

Андрей откашлялся и вдруг, к изумлению Эркина, встал и вышел на середину комнаты. Ещё раз откашлялся. Лицо

его стало непривычно серьёзным.

– Пушкин, – начал он. – Зимнее утро. Мороз и солнце... день чудесный... ещё ты дремлешь, друг прелестный...

Эркин слушал и незаметно для себя покачивался в ритме стихов. Да, он и раньше слышал стихи, да того же Пушкина им читала Полина Степановна, и тоже наизусть, не заглядывая в книгу, но Андрей читает так...

Додумать он не успел.

– Молодец, Андрюша!

Женя даже в ладоши захлопала, и Андрей шутливо поклонился.

– Ну, теперь-то будем играть?! – требовательно спросила Алиса.

– Пошли, – тряхнул кудрями Андрей. – Сгоняем в щелканы.

Когда они вышли, а Эркин с Женей остались вдвоём, Женя улыбнулась и встала, погладила Эркина по плечу.

– А Шекспира ты читаешь лучше.

Эркин, как всегда, перехватил её руку и поцеловал.

– Спасибо, Женя.

Женя потянулась и поцеловала его в щёку. И совсем тихо, почти беззвучно Эркин спросил:

– Письма не было?

– Нет, – так же тихо ответила Женя и вздохнула. – Будем ждать.

Эркин ответно вздохнул.

– Будем ждать.

Женя ещё раз поцеловала его, и он, мгновенно почувствовав, что она хочет отодвинуться, разжал объятие. Когда Женя вышла, он аккуратно сложил учебники и тетради в две стопки. Да, пожалуй, стоит купить ещё один портфель. Но... это потом. Вон его зовут.

– Э-эри-ик, – звенел голосок Алисы. – Эрик, ты где?

– Здесь! – откликнулся он, выходя в большую комнату. – А вы где?

После общей шумной и весёлой игры – вернее, Эркин подыгрывал, подстраивался под Андрея и Алису – сели ужинать. И Женя с привычным уже удовольствием оглядывала накрытый стол, румяные улыбающиеся лица. Какая же замечательная у неё семья, как всё хорошо. И... и, если всё это разрушится... нет, она не хочет думать об этом. Когда случится, тогда и будет переживать, думать и решать, а сейчас – не хочет.

Доев, Алиса без разговоров вылезла из-за стола и отправилась в уборную. А потом в ванную. Женя вышла помочь ей. Эркин стал убирать со стола, оставив только их чашки. Андрей сыто жмурился, откинувшись на спинку стула.

– Что? – улыбнулся Эркин. – Хорошо?

– Лучше некуда, братик.

Эркин кивнул. Да, лучше некуда, не надо лучше, лишь бы так и оставалось.

– Эркин, – позвала Женя.

– Да, иду, – сразу откликнулся он.

Поцелуй на ночь, удовлетворённый вздох Алисы, и вечерняя «разговорная» чашка чая. Разговор о предстоящих покупках, что в воскресенье новый фильм в Культурном Центре, что... да мало ли о чём можно вести неспешный благодушный разговор.

И как обычно, первым встал Андрей.

– Читать будешь? – улыбнулся Эркин.

– Да нет, прочитал уже, – Андрей потянулся. – Завтра смеяю, возьму ещё чего-нибудь. Ну, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

И, когда Андрей ушёл, улыбнулся Жене и стал собирать посуду.

– Ты иди, Женя, ложись, ты устала, наверное. Я всё уберу.

– Спасибо, милый.

Женя встала и поцеловала его в щёку. Он быстро ответно поцеловал её и повторил:

– Ты устала, иди ложись.

Женю всегда удивляло, как точно Эркин чувствует её состояние. Лучше, даже чем она сама. И потому не спорила с ним.

Эркин возился на кухне – мыл и расставлял посуду, убирал на столе, пока не услышал, как хлопнула дверь ванной, а потом спальни, и тогда пошёл в ванную. Халатов Жени и Андрея нет. Он быстро разделся и шагнул в душ. Поддон и

занавес ещё влажные, пахнет любимым мылом Жени, а его мыло и мочалка уже лежат на бортике. Это Женя позаботилась. Эркин тщательно расправил занавес и пустил воду. До чего же хорошо!

Вымывшись, он быстро навёл в ванной порядок и пошёл в спальню. Женя уже легла, но свет не погасила. Привычно заперев за собой дверь, Эркин сбросил на пуф халат и лёг. Женя положила на тумбочку у своего изголовья журнал и погасила лампу, повернулась набок к Эркину, положив руку ему на грудь. Эркин протяжно, блаженно вздохнул. Женя тихо рассмеялась, погладив его по груди.

– Всё хорошо, Эркин. И будет хорошо.

– Ага, – Эркин повернул голову, коснулся губами её лба, мягко поцеловал.

– Спасибо, Женя, – и совсем тихо, уже во сне. – За всё спасибо.

Утро было тёплым, но пасмурным, и все книги и тетради сложили в портфель Андрея, чтоб в случае чего не промокли.

– В классе встретимся.

– Замётано. До вечера, братик.

– До вечера.

Андрей свернул в свой проулок и прибавил шагу. Не потому, чтоб так уж спешил или боялся опоздать, а просто... из любви к быстрому движению. А похоже, что затянул он

с покупкой куртки. Если польёт всерьёз, то ветровка его не спасёт. Хотя... покупали-то её на раз, ну, на два выхода от силы, так что... он усмехнулся: ладно, и с паршивой овцы хоть клочок шерсти да возьмём, не поморщимся, так и с этой гниды... сколько прослужит, столько прослужит. Вот и забор родимый, и Митроха маячит, ишь... не торопится.

– Привет.

– Привет.

– Ты это чего под начальство, с портфелем, как скажи...

– А мне в школу сегодня.

– Охота тебе мозги трудить.

Они уже входили в бытовку, и за Андрея ответил Василий.

– Оно так, конечно, тебе, Митроха, трудить нечего, – и уже Андрею: – Давай в темпе, срочная сегодня.

– Понял.

Андрей открыл свой шкафчик, поставил туда портфель – с трудом влез, не приспособлено для портфелей, как это... да, не стандарт – и быстро переоделся, захлопнул дверцу, звякнув замком.

– А двор? – буркнул Митроха.

– Ты и подметёшь, – бросил не терпящим возражений голосом бригадир. – Давайте живей, хватит валандаться.

Маленькая зелёная машина, напомнившая Андрею комендатурские, памятные ещё по перегону, была раздолбана весьма капитально, а им к обеду надо её сделать как с конвейера, с обеда её на регулировку и обкатку заберут, а к ночи

заказчику выдадут. Выслушав объяснения Василия, Андрей тряхнул кудрями.

– Сделаем.

– Не хвались на рать едучи. Подводи под раму.

– Понял.

И началась работа – как быстро понял Андрей – уже не учёба и не проверка, а на полном серьёзе. В сторону не поглядишь и о своём не подумаешь. Андрей даже как-то не сразу заметил, что их уже трое.

Третьим оказался Тим. Встретившись глазами с Андреем, он улыбнулся, не разжимая губ, и объяснил:

– Я обкатывать буду.

И Андрей понимающе кивнул. Понятно, чего уж тут. Работал Тим сосредоточенно, с красивой точностью, а по уважению в голосе Василия, когда тот обращался к Тиму, Андрей догадался, что место Тима в негласной, но весьма влиятельной внутренней иерархии далеко не последнее.

Чтобы не подвести и не задержать, Андрею пришлось вкалывать изо всех сил. Да, он на подхвате, его дело – не трепыхаться и делать, что скажут... А Тим посильнее Василия будет, у Василия какой разряд? Восьмой? Тогда у Тима десятый, а то и двенадцатый. Если есть такие.

– Так, посмотрим, – Тим сел за руль и медленно с тронул машину, проехал до выездных ворот во двор и задним ходом вернулся обратно на яму, точно въехав на направляющие. – Терпимо, давайте дальше.

– Давай, Дмитрич, – кивнул Василий.

И Андрей не сразу даже сообразил, что это Тима так называли, не Тимохой, и не Тимофеем, а по отчеству. Ни хрена себе! Но и мастерство Тима он сам видит. А он – Андрюха, ему до Андрея расти и расти, а уж до Фёдоровича... и загадывать нечего.

До обеда они работали как проклятые, и со звонком Тим выпрямился и, вытирая руки, улыбнулся Андрею.

– Закрывай. Сделали.

Выпрямился и Василий.

– Пошли, попарим нутро.

Тим мотнул головой, сразу и благодаря, и отказываясь.

– Я к себе.

До бытовки Андрей шёл рядом с Василием, но в дверях пропустил того вперёд. Хмурый Митроха пил чай, уткнувшись в свою пол-литровую кружку с выщербленным краем. Андрей достал полотенце, отмыл руки, достал из общего шкафчика свою чашку, заварил крепкого, но обычного чаю и поставил чашку на стол, чтоб настоялось, убрал полотенце и достал коробку с бутербродами. Делал он всё ловко и быстро, но Митроха хмыкнул:

– Солидно устраиваешься.

– А чего ж нет? – весело ответил Андрей, усаживаясь за стол.

Ели, как он заметил ещё в первый день, каждый своё, друг друга не угощали. Как всегда, когда еды мало, а опасности

нет, ел Андрей медленно, чтоб каждый кусок прочувствовать, чтоб и крошкой насытиться.

– Вкусно ешь, – усмехнулся, глядя на него, Василий.

– Стараюсь, – улыбнулся Андрей.

Тяжело ломило спину и плечи, звенело в ушах и где-то под черепом... непросто ему далась эта гонка. И распоряжение бригадира об уборке двора даже обрадовало его. Ещё полдня такого напряжения он мог и не выдержать.

Как вернулся из поездки Тим, он не видел, может, тот и в другой двор въехал, хозяйство же немалое. Хорошо было бы, конечно, с ним съездить, поучиться вприглядку, но на хрена он – неумёха и невежа – нужен Тиму в такой поездке, ну, да ладно, у него всё впереди, он своё ещё возьмёт.

К концу смены Андрей уже почти пришёл в норму и в бытовку шёл как обычно. Умыться, переодеться, собраться.

– До понедельника!

– Бывай!

– Ну, до свиданья всем!

– Андрюха, опять бегом?

– Так с работы же! – подчёркнуто удивляется Андрей. –

Вдруг догонят и добавят.

И под общий дружный хохот выскакивает за дверь. Интересно, скажи он про школу, так же бы смеялись? Но экспериментировать не стоит.

В воздухе стоит мелкая водяная пыль, и вроде как-то даже похолодало. Нет, завтра же купит себе куртку. Андрей при-

бавил шагу. Ага, вон и тот трактир, обед за полтинник. Сгодится.

Еда, как всегда, и согрела, и развеселила его. И хоть погода та же, но шёл он уже улыбаясь и небрежно слегка помакивая портфелем.

Эркин никак не ждал, что его вчерашняя выходка будет обсуждаться. Встретили его дружным гоготом и шлепками по спине и плечам. Хотя веселиться было особо некогда, но смех и подначки продолжались и во дворе. Эркин охотно отшучивался, но смутно чувствовал, что есть что-то ещё, о чём впрямую не говорят, а намёков он не понимал.

Но думать об этом быстро стало некогда. Смена выдалась суматошная, приходилось много бегать с места на место, работать то в паре, то в цепочке, то одному.

Звонок к обеду застал его на платформе с мешками. Эркин опустил очередной мешок обратно и выпрямился.

– Эй, Мороз! – окликнул его Колька. – Айда!

– Иду!

Эркин спрыгнул с платформы и широко зашагал к Кольке. И только тут заметил, что лужи во дворе рябят от мелкого дождя.

– Дождь? – удивлённо спросил он.

– Только заметил?! – заржал Колька. – Ну, ты даёшь!

– А он всё последним замечает, – вклинился Ряха. – Все уж давно знают, а он пока на горячем не застукал, ни хрена

не замечал.

– Чего? – насторожился Эркин.

Обычно он трепотню Ряхи будто не слышал, и, польщённый его вниманием, тот заверещал:

– Ну, ты же вчера благоверную свою жёнушку с инженером этим, ходулей белёсой, немчурой, на горячем застукал, прямо в коридоре, ему ты там приварил, а ей дома небось...

Последние слова он прохрипел по инерции, потому что пальцы Эркина железной хваткой стиснули его горло и приподняли над землёй. Не замечая вцепившихся в него, отрывающих от Ряхи рук, Эркин сдавленно, будто и его кто-то душил, отдельно сказал:

– За-тк-ни-сь, – со свистом выдохнул сквозь зубы и продолжил: – Её не трогай, убью.

Бледный до голубизны, Ряха тряпочно висел в воздухе. Остальные, сгрудившись вокруг, загораживая собой Эркин и Ряху от возможных свидетелей, молча пытались оторвать Эркина. Но тот сам, явно через силу разжал пальцы и, не поглядев на упавшего Ряху, стряхнул с себя все эти руки и вышел из круга.

Как заведённая машина, ничего не видя и не замечая, он шёл вперёд. Куда? Зачем? Он не знает, он ничего сейчас не знает и не понимает, и как когда-то готов бить каждое возникшее перед ним лицо. И убивать. Если получится с первого удара. Кто-то взял его за плечо. Он, не оборачиваясь, чтобы не убить, стряхнул эту руку. Но его снова взяли, уже

плотнее, развернули. Саныч?! Он узнал, понял и в последнее мгновение удержал кулак.

– Пошли, – властно распорядился Саныч.

И Эркин с бездумной покорностью пошёл за ним, не сопротивляясь и ни о чём не спрашивая.

– А вы на обед идите, – бросил куда-то в сторону Саныч. – Нечего тут.

Эркин не обратил на это внимания.

Саныч привёл его в их бытовку и лёгким толчком усадил за стол.

– Отдышись.

Посмотрел на Эркина и сел сам. Надо прочистить парню мозги. Ряха, конечно, сам напросился, но и ты себя помни.

Эркин сидел молча, неотрывно глядя на свои сцепленные до побелевшей кожи пальцы. Саныч ждал. И когда Эркин выдохнул сквозь стиснутые зубы, кивнул.

– Очунелся?

Незнакомое слово заставило Эркина вскинуть глаза. Саныч, внимательно глядя на него, продолжил. Следующую фразу Эркин совсем не понял. Какие-то странные, даже... не русские слова. И не английские. И на индейские непохоже. Его удивление заставило Саныча снова кивнуть. Что ж, раз уже соображает, можно говорить. Теперь, чтобы понимал, можно и по-русски, по-ижорски, конечно, крепче будет, да не знает парень нашего языка...

– Ты мужик или тряпка?

Эркин оторопело моргнул. Такого он никак не ждал.

– Ты чего руки распускаешь? – продолжил Саныч.

– Он... – начал Эркин.

Но Саныч перебил.

– У Ряхи язык без головы, а у тебя руки, так, что ли? Обиделся он, понимаешь.

– За неё убью, – упрямо ответил Эркин.

– Угу. Вот ты её осчастливишь, как в тюрьму за убийство сядешь. Об этом подумал?

Эркин хмуро мотнул головой.

– Нет, – и вздохнул. – Не успел.

– Заметно, – хмыкнул Саныч и опять стал серьёзным. – Было что там или чего не было, это только твоё и её дело, понял? А на каждый роток не накинешь платок, слышал такое? Мало ли кто что болтает, понял?

– Понял, – кивнул Эркин. – Меня он пусть хоть как поливает, я ж молчу, а её... – и замолчал, чтобы не повторять запретного: «Убью».

– Упрямый ты. Что за честь жены стоишь, то молодец, а что себя в этом не помнишь – дурак. А тебе дурить нельзя. На тебе семья.

Эркин вздохнул и опустил голову.

– Меня уволят? – глухо спросил он.

– Авось обойдётся, – Саныч встал. – Пошли. Работать пора. Сдюжишь без обеда?

– Сдюжу, – Эркин, с силой оттолкнувшись от стола, встал.

Голода он не чувствовал. Было странное ощущение пустоты, тяжёлой пустоты. Но он должен работать, зарабатывать деньги. На нём семья.

Они со звонком вышли во двор. Эркину опять выпало работать с Колькой. Работал он молча, со своей обычной сосредоточенностью, но уже внимательно прислушиваясь, не попробует ли кто пошутить, но желающих не находилось. И Колька молчал, не балагурил, как обычно. И Эркин неожиданно для себя почувствовал, что это молчание мешает ему, как тяжесть лишняя. Неужто... за Ряху на него? Хотя... за него самого бригада же заступилась, а он... получается против своего попёр, чудом насмерть не придушил, но... но ведь не за себя, за Женю, жену свою. Ну, как он объяснит, что Женя... нет, не сможет он. И не хочет ничего объяснять. Выгонят его, ну... ну, на подёнку уйдёт, хотя какая здесь подёнка, а уезжать... некуда, а... а ч-чёрт!! Задумавшись, он не успел выдернуть из скобы пальцы и едва не вывихнул себе кисть. Колька молча подождал, пока он ощупает и разомнет пальцы и запястье и натянет рукавицу. И по-прежнему молча они вставили контейнер в паз на платформе и пошли за следующим.

Колька искоса посматривал на сосредоточенно шагавшего рядом Эркина. Надо же... говорят, все индейцы такие: чуть что – за нож и уже до конца, либо своего, либо... И чего Мороза так перекрутило? Всё ж нормально было, чего он на Ряху кинулся? И ведь придушил бы, Ряха вон, до сих пор не

отдышится, больной мухой ползает. Но Мороз силён, так на одной руке поднять... это не одной силой делается, тут и – он усмехнулся – навык нужен.

К звонку они управились, но обычной радости от сигнала к окончанию работы у Эркина не было. Да и остальные шли в бытовку молча, без гогота и подначек.

В бытовке молча расселись за столом. Все понимали, что расходиться сейчас нельзя. Раньше за драку в бригаде, да ещё прямо на заводе, выкидывали за ворота без жалости, работа у них такая, что друг за друга стоять надо, а тут... И Мороза жалко, хороший ведь парень, и Ряха ж его, можно считать, с первого же дня доводит, цепляет по-всякому, так и Ряха ж тоже... человек, и тоже свой, а коли бог тебя силой такой наградил, так и соблюдай себя, ну, врежь, если так уж припекло, а душить-то зачем? Это ж убийство уже, и статья другая, хоть и по неосторожности можно, а всё равно. Ряха – дурак, конечно, так сам головы не теряй.

Говорили не спеша, не перебивая друг друга. Молчали только Эркин и Ряха. Наконец Медведев, веско припечатав ладонью об стол, подвёл итог:

– Ладно. Гнать не будем, пусть и дальше работают. Оба. Но чтоб больше... ни-ни. Один пусть за языком своим следит, а другой за руками. И чтоб зла друг на друга не держали.

– Дело, Старшой, – кивнул Саныч. – Давайте, мужики, оба, ну...

Лёгкими необидными толчками их подняли и поставили

друг против друга. Эркин впервые открыто посмотрел на Ряху, маленького, щуплого, с бледными дрожащими губами... да раз такого надо терпеть, чтобы в бригаде остаться, стерпит он, конечно, смолчит, не в новинку ему терпеть и молчать, ещё в первом питомнике выучили. И он первым протянул Ряхе руку. Ряха судорожно схватился за неё.

– Ты... того... я ж не хотел... ты не думай... – лепетал он.

– Ладно, – Эркин заставил себя говорить спокойно. – Я тоже виноват.

– И всё, – встал Медведев. – И забыли.

Как только Ряха отпустил его руку, Эркин кинулся к своему шкафчику. Скорее, он же в школу опоздает, да ещё и поесть надо, хоть чего-то у лотошников по дороге купить.

– Ты это куда, как по тревоге? – не выдержал, видя его спешку, Колька.

– В школу, – ответил Эркин, запирая замок.

И вылетел за дверь, даже не слушая, кто там чего сказал. И бегом по коридорам мимо проходных.

– Куда спешишь?

– Эй, парень, без тебя не выпьют!

Он только отмахнулся в ответ.

На улице перевёл дыхание и, проверяя себя, поглядел на часы. Если не есть и бежать, то успеет впритык. Но хоть чего-то перехватить надо. И, как назло, ни одного лотошника по дороге. Дождь их, что ли, разогнал?

В маленькой булочной-пекарне он купил себе калач. Вре-

мя потерял, конечно, но устоять перед запахом горячего хлеба не смог. А бежать и жевать тоже неудобно. Ладно, если и опоздает, то ненамного.

Эркин шёл спокойно, но быстро, на ходу откусывая от ноздреватого, словно дышащего хлеба. О сегодняшнем он уже не вспоминал. Старшой велел забыть, и он забыл. Обошлось, не выгнали – и слава богу. Доев калач, он прибавил шагу. Конечно, после полной смены без обеда, да перед учёбой одного калача мало, но ничего, приходилось и хуже.

Поднимаясь по ступеням Культурного Центра, он услышал, как в глубине здания заливаются звонок и хлопают двери. Всё-таки опоздал! Досадливо чертыхнувшись, Эркин сдал мокрую куртку на вешалку и побежал в класс.

Когда прозвенел звонок, а Эркина всё не было, Андрей переглянулся с остальными и, показывая недоумение, пожал плечами: сам, дескать, не знаю. А ведь и в самом деле непонятно. Открылась дверь и вошла Полина Степановна. Андрей вместе со всеми встал.

– Здравствуйте, – улыбнулась Полина Степановна, – садитесь, – и села за свой стол.

И вот тут, они только тетради раскрыли, в дверь постучали.

– Да, – повернулась к двери Полина Степановна.

– Здравствуйте, – в дверях стоял Эркин. – Можно войти?

– Здравствуй, – кивнула Полина Степановна. – Проходи,

садись.

Эркин сел на своё место, и Андрей передал ему его тетради и учебник.

– Ну вот, – с удовольствием оглядела класс старая учительница. – Все в сборе. Начнём.

Эркин перевёл дыхание и раскрыл тетрадь, покосился на Артёма.

– Всё нормально, малец, – сказал он камерным шёпотом.

А обернувшись к нему Андрею кивнул с улыбкой. Переброситься словом не удалось: началась проверка домашних заданий, и стало ни до чего. Хотя Женя и сказала, что ошибок нет, но мало ли что...

Андрей работал сосредоточенно и спокойно. Всё в порядке, Эркин пришёл, в библиотеке он взял себе две новые книги, в классе тепло, и рубашка прямо на нём высохла, – ну, всё прям-таки отлично. Эркин, правда, какой-то... взъерошенный, видно, бегом бежал, ну, если у брата проблема, то любую решим. Нас теперь двое, мы – сила.

Эркин очень старался, но что-то у него сегодня не ладилось. Он то и дело ошибался, зачёркивал, исправлял. Полина Степановна уже дважды удивлённо смотрела на него. Эркин тряхнул головой, отбрасывая прядь со лба, и, сильно нажав ладонью, разгладил страницы учебника так, что хрустнул корешок. И вдруг неожиданное:

– Мороз.

– Да! – вскинул он глаза на Полину Степановну.

Она доброжелательно улыбалась ему.

– Сходи, умойся и отдышись, – и, так как он медлил, кивнула. – Иди-иди.

– Да, мэм, – еле слышно сказал Эркин, вставая.

Сказал так тихо, что для всех только губы шевельнулись, но Артём услышал и испуганно посмотрел на него. Нахмурился, перехватив этот взгляд, Андрей. Но Эркин ничего не заметил.

По непривычно тихому и пустому коридору он прошёл в туалет. Здесь тоже было тихо и безлюдно. Только сильно пахло табаком.

Эркин огляделся и решительно расстегнул рубашку. Нет, обливаться, конечно, глупо, ни солнца, ни полотенца нет, но умыться и обтереть грудь... Может, и полегчает. Он сам не понимает, что с ним.

Он умылся, надел и застегнул рубашку, и уже заправляя её в джинсы, когда за спиной стукнула дверь, а в зеркале он увидел Андрея.

– Эркин...

– Что?

– Что случилось?

– Ничего, – ответил, не оборачиваясь, Эркин.

– Я же вижу, – Андрей встал рядом, и они теперь говорили, глядя друг на друга в зеркало. – Если замочить кого надо, то я...

– Уже, – мрачно перебил его Эркин.

– Чего? – оторопел Андрей. – Ты это всерьёз?

Эркин вздохнул.

– Ну, чуть не убил. Сам не знаю, как остановился.

– Уже легче, – кивнул Андрей. – Свидетелей много?

– Вся бригада.

Андрей невольно присвистнул.

– Уже хуже.

– Нет, – Эркин наконец закончил возиться с рубашкой и повернулся к Андрею. – Нет, Андрей, они... они поняли, оставили в бригаде. Они... – он невесело усмехнулся, – словом, руки мы друг другу пожали, и Старшой велел всё забыть.

– Ясненько, – задумчиво кивнул Андрей. – Ну, раз обошлось, то и забудь, – оглянулся на дверь, за которой заливался звонок и уже слышались голоса и топот ног, и тихо сказал: – Не психуй, брат, мы вместе.

И Эркин улыбнулся ему.

– Спасибо, брат.

В туалет уже ввалился плотный ком из самых нетерпеливых. Эркин и Андрей с трудом протолкались в коридор.

Как обычно в дни учёбы Эркина Женя старалась нигде не задерживаться. Магазины, всякие дела – всё потом. Алиска дома одна.

– Жень, – окликнули её.

Она обернулась.

– Люба?

– Ага, – Люба перевела дыхание. – Ты куда так бежишь? Еле догнала.

– Домой, – улыбнулась Женя. – Алиска дома одна.

– Ага, – кивнула Люба. – Загулял, что ли, твой? Да ты, Жень, не тушуйся, обычное же дело.

– Нет, не угадала, – засмеялась Женя. – Они оба в школе сегодня.

– Ну, мужик и не такого придумает, лишь лыжи из дому навострить, – отмахнулась Люба. – Так и ты не теряйся. Инженер-то этот, Гуго, вроде, он совсем даже ничего.

– Да что вы все как сговорились! – Женя даже рассердилась на мгновение. – Не было у нас ничего и нету. Стояли и разговаривали. По делу, между прочим.

– Ну да, конечно по делу. Всем известному, – съязвила Люба. – И твой вот так за между прочим увидел и по стенке инженера размазал. Ты ж сама их разнимала. Все знают.

– Да ну вас всех, – фыркнула Женя. – Выдумали и поверили! Я-то лучше знаю, как оно было.

– Ну и ладно, – не стала спорить Люба. – И то ведь, всех не переслушаешь, иной раз такое выдумают...

И зорко посмотрела на Женю: знает ли она, слышала ли что. Но Женя просто, без каких-либо намёков согласилась, что люди много выдумывают, и дальше они шли, болтая о всяких пустяках. Люба всё выпрашивала об Андрее. А Женя не хотела так сразу говорить и дразнила Любу, не пони-

мая намёков. И только у самого дома будто случайно проговорилась, что Андрей завтра будет в Культурном Центре, а потом собирался в торговые ряды. А то ведь Люба и в гости напросится, она настырная, ей лишь бы всё вызнать да выспросить, а дома и без гостей полно дел.

Дома, как всегда, радостный визг Алисы, неизбежные домашние хлопоты и опять полный ящик стирки. А ещё постельное пора менять. С этими пододеяльниками столько возни! Стирка даже ещё ничего, а вот сушка и глажка... Женя выгребла из ящика трусики, платица, чулки, носки, ещё всякую скопившуюся мелочь, быстро разобрала и замочила. Её, Эркина, Алиски... Андрей – упрямец – сам своё стирает. Трусы там и носки ладно, а рубашка... Она критически осмотрела висящую на сушку бело-голубую рубашку, решительно сдёрнула её и положила к рубашкам Эркина. Вот так! А вообще-то...

Женя вытерла руки и пошла на кухню. Перебрала стопку старых газет, где-то она видела объявление. Да вот же оно! «Лебёдушка». Прачечная, адрес, перечень услуг. Если это не слишком дорого, то подойдёт. Во всяком случае для постельного. Ну, и скатерти там, полотенца. Вот завтра же и сходит.

На литературе Эркин работал уже спокойно, а на математике и истории стал совсем прежним.

Андрей старался изо всех сил, но пятёрки по истории не получилось. Правда, утешал себя тем, что никому сегодня не

ставили. И по математике только похвалили, без оценки. Да, тут ему за Эркином и Тимом не угнаться. Пока не угнаться – утешил он сам себя, собирая портфель.

Дождь кончился, но в воздухе стояла мелкая водяная пыль. Шли не спеша. Завтра суббота, выходной, можно отоспаться за всю неделю. Какое-то время шли все вместе, потом стали расходиться: кому в Старый город, кому в другую сторону, попрощался и быстро ушёл Тим, хотя им и по дороге. Эркин и Андрей остались вдвоём.

– Ты... ты ничего мне не скажешь? – тихо спросил Андрей.

– А нечего говорить, – вздохнул Эркин. – Ну... Ряха, помнишь его? – Андрей кивнул. – Ну, он всегда цепляется ко мне, я и не слушаю, а тут... понимаешь, он... он Женю... задел, – с трудом выговорил Эркин. – Ну... ну, я схватил его... за горло, ну, чтоб заткнулся... и тиснул... слегка, не до конца. Вот и всё, Андрей.

– Вот и всё, – повторил Андрей, покачал головой. – Да-а, могли быть дела. Чудом обошлось.

– Чудом, – кивнул Эркин.

Они шли рядом по тёмной пустой улице. Дождь, да и поздно уже, вот все по домам и сидят, хоть и пятница.

– Андрей, я... я всё могу стерпеть, – Эркин говорил тихо, незаметно для себя перемешивая русские и английские слова. – Меня по-всякому и обзывали, и подначивали, и задирали. Тогда молчал и сейчас смолчу. А за неё... – и с жёст-

кой убеждённо: – За неё убью, – и тут же поправился: – Могу убить. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Андрей и вздохнул: – Всем глотку не заткнёшь.

– Знаю, – хмуро ответил Эркин. – В том-то и дело, Андрей. Я ж... сам не знаю, как удержался, – невесело усмехнулся. – Как вспомню, как он у меня на руке висел... самому страшно.

Андрей как-то неопределённо хмыкнул и после недолгого молчания убеждённо сказал:

– А это хорошо.

– Что? – удивился Эркин.

– А что страшно. Вот этот страх тебя в другой раз и удержит.

– Разве что так, – задумчиво кивнул Эркин.

Тетрадь шестьдесят восьмая

122 год

Весна

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

В дождь хорошо спится. У придумавшего этот афоризм явно ничего ни сломано, ни прострелено не было. Громовой Камень усмехнулся и осторожно потянулся под одеялом. Нет, вроде отпустило. В комнате приятный полумрак. Проверяя себя, он высунул из-под одеяла руку и взял со стула у изголовья часы. Да, только шесть, можно ещё поспать, но не хочется. Он ещё раз потянулся и откинул одеяло. Да, боль вполне терпима.

Громовой Камень встал и подошёл к окну, отодвинул шторку. Солнце уже взошло, и молодая листва казалась золоти-

стой. Похоже, день будет ясный. Уже легче. Ну что, спать не хочется, значит, будем потихоньку приводить себя в порядок. Спешить некуда. Занятия начинаются в девять, на месте надо быть за пятнадцать минут до начала.

Умыться, побриться, одеться... Завтрак с половины восьмого. Обед после трёх, вечерний чай, он же ужин в девять. Тихий семейный пансион. Правда, двадцать рублей в неделю, но и условия, скажем так, весьма приличные. Даже ванная есть. Еда, уборка, стирка, тихие интеллигентные соседи... Чего ещё хотеть?

Громовой Камень оглядел себя в зеркале. Вполне и даже очень, как говаривал тот танкист в госпитале, справившись со своей щетиной между рубцами и ожогами. Громовой Камень собрал свой прибор, повесил полотенце и вышел из ванной. Обычно в это время он уже встречался со своими соседями, но сегодня суббота, и те, видимо, решили поспать подольше. Вполне естественно и законно, это вот ему не спится. И до восьми ещё уйма времени.

У себя в комнате он сам убрал постель и огляделся, как в первый раз. Кровать, комод, шкаф, стол у окна и три стула. Всё как у всех. А вот этажерку для книг и тетрадей ему поставили, узнав, что он учитель. Громовой Камень улыбнулся, вспомнив, как он пришёл сюда впервые...

...Адрес ему дали в городской Управе, где он, уже оформившись в отделе образования, зашёл в квартирное бюро.

– А с жильём, – полуседая женщина в очках смотрела на

него с лёгкой настороженностью, но в то же время достаточно доброжелательно, – вам ведь, наверное, лучше с пансионом, чтобы без хозяйственных хлопот. Вы... вы ведь один?

– Да, – кивнул он.

– Ну, тогда зайдите к Егоровой. У Капитолины Алексеевны очень приличный пансион, и сейчас есть как раз свободная комната...

...Пансион, зарегистрированный в Управе, это уже какая-то гарантия. Конечно, можно было бы устроиться и в Старом городе, и намного дешевле, но ходить на работу через пути ему неудобно, и условия там не те, и учителю надо держать марку. А здесь единственное неудобство – лестница, но он уже приспособился и ходит что вверх, что вниз медленно, но без палки. Отнеслись к нему настороженно, но форма с медалями и то, что он пришёл из бюро...

...Капитолина Алексеевна ещё раз оглядела его и повела показывать комнату. Условия, оплата понедельно, стирка личных вещей, женщин не водить, дополнительные услуги... обговорили всякие житейские мелочи и нюансы, и он пошёл на вокзал за вещами. Её настороженность не удивила и не обидела. Он уже привык, что от индейцев ждут... скажем так, необычного. Недоверие, вызванное непониманием, что в свою очередь обусловлено незнанием. Он сам понял это в армии, когда слышал удивлённое:

– Слушай, ты ж нормальный парень.

И потом, другими словами, но это же, и не раз. И о себе,

и о других. И это его вторая, а, может, и первая задача. Сделать свой народ понятным. И не дети «асфальтовых», а все дети, всех цветов – его ученики. И в первый день в пансионе он вышел к обеду в форме, с наградами, и называл себя по-русски. Чтоб понимали...

...– Громовой Камень? – переспросил назвавшийся Алексеем инженер с завода. – А как-нибудь покороче можно?

Он улыбнулся. Манера русских сокращать любое имя до двухсложного, чтобы не больше четырёх, ну, пяти букв, была ему известна ещё по школе, и он знал, как к ней приспособиться.

– В роте меня Гришей звали.

И внёшая в этот момент в столовую поднос с большой фарфоровой супницей пожилая женщина в белом фартуке и кружевной косынке – потом он узнал, что её зовут Ефимов-ной, и она хоть и прислуга, но слово её значит очень много – удовлетворённо кивнула...

...Так он стал здесь Гришей и, приходя из города, переодевается, как все. У них спортивные костюмы, домашние куртки и брюки, а у него леггинсы и лёгкая, без бахромы и вышивки кожаная рубашка, и по дому ходит не в тапочках, а в мокалинах без шнуровки с мягкой подошвой. И ничего, привыкли.

Но сейчас он сразу после завтрака пойдёт на работу. Туда в форме. С детьми форма удачно сработала, мальчишки сразу стали спрашивать, мгновенно возник контакт. И со

взрослыми форма ему всегда помогала. И... и больше ему надеть нечего. В племенном – рано, а на «учительскую» форму – костюм-тройку – он ещё не заработал.

Но все эти мысли, воспоминания и соображения не мешали ему наводить порядок, разбирать тетради, проверять планы для занятий на следующую неделю, ещё раз перечитывать сегодняшний конспект.

Ну вот, уже семь. Ещё час впереди, а он, можно считать, готов. Заливаются птицы, в открытую форточку тянет запахом листвы и земли. Громовой Камень отодвинул тетради и взял книгу. «Мифы древних славян». Смешно, но он – первый читатель, формуляр был чист. Почитаем, подумаем, найдём точки соприкосновения, переклички...

И, как всегда. Начал читать и зачитался. Случайно поглядев на часы, Громовой Камень вскочил на ноги. Восемь! Пора. Он быстро переоделся, убрал леггинсы, рубашку и мокасины в шкаф. Бельё, брюки, намотал портянки и натянул сапоги. Начистил он их с вечера, аж блестят. Как и медали, и поясная пряжка. Надел гимнастёрку, подпоясался, по-уставному расправив и распределив складки. Пригладил, глядя в зеркало на комод, волосы. Ну вот, пора вниз. Он взял нужную тетрадь, ещё раз оглядел комнату и вышел, мягко прихлопнув за собой дверь.

В столовой кипит самовар, в плетёной корзинке под белым вышитым полотенцем горячие калачи. Капитолина Алексеевна приветливо улыбнулась ему.

– Доброе утро.

– Доброе утро, Капитолина Алексеевна.

Он сел на своё место. Капитолина Алексеевна положила ему на тарелку кашу, налила из самовара чаю.

– Берите масло, Гриша.

– Спасибо.

Он ел быстро, но без спешки, и Капитолина Алексеевна, любившая, когда едят с аппетитом, с удовольствием наблюдала за ним.

– Вы сегодня работаете?

– Да, у меня утренние занятия.

Но, говоря это, Громовой Камень чувствовал себя обманщиком. Ещё неизвестно: будут ли у него занятия, придут ли к нему ученики. Ну, ничего страшного, он тогда пойдёт на занятия к малышам, просто посмотрит, как работают другие, поучится...

– Доброе утро, – поздоровался, входя в столовую, долговязый белобрысый мужчина.

– Доброе утро, – ответил Громовой Камень.

– Доброе утро, Гуго, – улыбнулась вошедшему Капитолина Алексеевна. – Ваш кофе.

– Спасибо.

Гуго сел напротив Громового камня.

– Приятного аппетита.

– Спасибо, вам того же, – улыбнулся Громовой Камень.

Четверо остальных жильцов вошли в столовую, когда Гро-

мовой Камень уже допил чай и встал. Быстрый обмен приветствиями, и он вышел в прихожую. На общей вешалке среди плащей и курток его шинель. Но сегодня тепло, можно в одной гимнастёрке. А вот без палки ему не обойтись.

– Доброго утра. Чего так рано, Гриша?

– Доброе утро, Ефимовна, – улыбнулся Громовой Камень. – На работу пора.

– Ну, удачи тебе, – серьёзно пожелала Ефимовна, закрывая за ним дверь.

Умение Ефимовны всюду успевать и не спешить, готовить на всех, убирать, провожать и встречать – не удивляло Громового Камня. Он видел таких женщин в стойбищах. Те тоже успевали всё, хотя никто не видел их спешащими или суетящимися.

Улицы пустынные. Ну да, сегодня суббота, выходной, все отсыпаются. Но ближе к Культурному Центру стало оживлённее.

Громовой Камень поднялся по удобным пологим ступеням, в прохладном, пахнущем свежевывмытыми полами, вестибюле поздоровался с маленькой всегда весёлой Валерией Иннокентьевной.

– Доброе утро.

– И вам доброе утро. Какая погода чудесная!

– Да, – улыбнулся Громовой Камень.

Вместе они поднялись в преподавательскую. Валерия Иннокентьевна весело трещала сразу обо всём. Громовой Ка-

мень улыбался и кивал, даже не пытаясь вставить хоть слово. В преподавательской было пусто и тихо. Громовой Камень взял ключ от кабинета и пошёл готовиться к уроку.

Он вошёл в класс и сел за учительский стол, положил перед собой тетрадь. На часах без десяти девять – он сверил свои часы с настенными в преподавательской – и издалека уже слышны детские голоса. Ему остаётся сидеть и ждать. Может быть кто-то придёт.

По субботам из-за Алискиных занятий вставляли по будильнику, и Алису приходилось будить.

– Алиса, вставай, – Женя уже начинала сердиться. – Так в воскресенье ни свет, ни заря вскакиваешь, а когда надо, так не добудишься.

– Ну ма-ам, ну, я только сон досмотрю, – канючила, жмурясь, Алиса.

И тут же подскочила от громкого – на всю квартиру – голоса Андрея.

– Пусть спит, все конфеты мои будут!

– Андрюха – жадина!

Алиса в ночной рубашке вылетела в прихожую, но тут же была схвачена Андреем и кинута обратно.

– А ты же спишь, ну, и спи себе дальше.

Андрей попытался засунуть её обратно под одеяло, Алиса его немного побила подушкой, пока Женя, отсмеявшись, не разогнала их.

И за завтраком Андрей хитро посматривал на Алису. Та настороженно следила за ним и, когда Женя поставила на стол вазочку с конфетами к чаю, быстро заявила:

– А что во сне съела, то не считается!

– Ты смотри, догадалась, – с искренним разочарованием сказал Андрей.

– Ну, так ты ж не умнее, – спокойно, смеясь только глазами, заметил Эркин.

– Ну, братик, – Андрей показал ему оттопыренный большой палец, – ну, спасибо.

– Кушай на здоровье, – уже открыто рассмеялся Эркин.

– Всё, – Женя вытерла выступившие от смеха слёзы и встала. – Собирайтесь, а то опоздаете.

– Да не приведи господи, – вскочил с преувеличенным страхом Андрей. – Алиска, живо!

– А ты не командуй, – с достоинством ответила Алиса, выходя из кухни.

– Алиса! – остановила её Женя. – Как надо правильно?

– Не командуй, – поправилась Алиса.

Когда Эркин, Андрей и Алиса ушли, в квартире стало так пусто и тихо... Женя даже вздохнула.

Как всегда, выйдя на улицу, они – все трое – обернулись и помахали Жене. И Женя помахала им с лоджии.

Алиса шла между Эркином и Андреем, крепко держась за их руки. Когда им встречалась оставшаяся от ночного дождя лужа, Алиса тянула их на неё и, поджимая ноги, пролетала

над ней.

И, опять же как всегда, на полдороге их нагнали Тим с Димом и Катей. Обмен приветствиями, и дети пошли впереди, а мужчины за ними. Шли молча, но молчание было если не дружеским, то доброжелательным.

Центр уже гудел и звенел от детских голосов. Приветствия, неизбежная толкотня у раздевалки. Большинство родителей, сдав на вешалку пальтишки и курточки и в последний раз сказав о хорошем поведении и старательности, торопились к выходу. Тим уже у дверей зачем-то обернулся и увидел, что Эркин и Андрей так же разделись и направились к лестнице. Чего это им там понадобилось? Сегодня же не их день.

– Эй! – не выдержал он. – Вы куда?

– На занятия, куда же ещё? – с небрежной гордостью ответил Андрей.

– Какие занятия? – изумился Тим. – Сегодня же суббота. Ты что, дни перепутал? – он усмехнулся. – С чего бы это?

– Сегодня по шауни занятия, – с напряжённым спокойствием сказал Эркин. – Ты не видел объявления?

– Видел, – пожал плечами Тим. – Ну и что? На хрена дикарство это? – перешёл он на английский.

И осёкся, увидев неожиданно жёсткие глаза Андрей и отяжелевшее лицо Эркина.

Сглотнув и явно пересилив себя, Эркин тоже по-английски сказал:

– Не нужно – не ходи.

– Знания, понимаешь, – елейно заговорил Андрей, – это такая штука, что не всякому доступны. Тут думать надо, мозги иметь. Так что, ты иди себе, гуляй.

– Заткнись, – тихо сказал Тим.

– И то верно, – кивнул Андрей, – чего время впустую терять.

– Пошли, – решительно сказал Эркин. – Опоздаем.

Они повернулись и стали подниматься по лестнице. Тим, прицельно сощурившись, посмотрел им вслед и пошёл к раздевалке. Нет, он не хуже, не может быть хуже. Чтоб этот поганец знал, а он нет... Не будет такого.

Эркин и Андрей поднялись на свой этаж.

– Написано было в классе «А», – разжал губы Эркин.

– Туда и идём, – кивнул Андрей.

О Тиме они не говорили и, когда он их догнал, словно не заметили этого.

Задребезжал звонок. Со звоном Андрей открыл дверь, и они вошли.

За учительским столом сидел смуглый черноволосый парень – вряд ли старше их – в военной форме, без погон, но с медалями и смотрел на них.

– Здравствуйте, – улыбнулся Андрей. – Мы на занятия пришли. По объявлению.

– Здравствуйте, – улыбнулся и парень. – Проходите, садитесь.

С жадным любопытством Громовой Камень разглядывал усаживающихся перед ним парней. Как специально подобранные: индеец, белый и негр. Ну вот, самого страшного – никто не придёт – не случилось. Теперь отступить нельзя.

– Меня зовут...

Начал он по-русски: всё-таки двое из троих точно не знают языка, но, когда назвал себя на шауни, то недоумевающие взгляды были у всех троих, а повторил своё имя в русском переводе и сразу понимающие кивки, интересно, это что же, парень настолько «заасфальтирован», что элементарно ничего не помнит, это ж во сколько уехал с Равнины, если ребёнком увезли, то хоть от родителей хоть что-то мог узнать и запомнить. Ладно, значит пока и продолжим по-русски.

– А как зовут вас?

Громовой Камень смотрел на негра, и тот ответил первым.

– Тимофей Чернов.

– Андрей Мороз, – тряхнул светлой шевелюрой самый молодой из троих.

– Эркин Мороз, – назвал индеец.

Громовой Камень даже не успел удивиться совпадению фамилий, так его удивило имя.

– Эркин? Ты из какого племени? Не шеванез?

Вот оно! То, чего Эркин опасался с самого начала. Он опустил ресницы и очень спокойно ответил:

– Я не знаю своего племени.

Громовой Камень почувствовал, что уточнять не следует,

и просто кивнул. Хотя про себя решил, что надо будет на-
прячь память, пошуровать в записях о племенах, что-то там
не просто с этим. Но пока... ладно, оставим.

Андрей покосился на Эркина и спросил:

– А какие ещё есть племена? Ну, шеванезы, а ещё?

– Уг, – кивнул Громовой Камень и повторил по-русски: –
Хорошо.

Он думал начать с другого, но так тоже неплохо. Шеване-
зы и другие племена. От которых остались только названия,
слова с давно потерянным смыслом, обрывки легенд...

– Хау, – закончил он рассказ и тут же перевёл: – Я сказал.

Неуверенные кивки. И снова Андрей взял разговор на се-
бя.

– Это... в конце говорят?

– Да, – Громовой Камень улыбнулся. – Можно и в начале.

А что-нибудь на шауни вы знаете?

– Нет, – твёрдо ответил Тим.

– Нет, – качнул головой Эркин.

– Уже два слова, – лукаво улыбнулся Андрей. – Уг и хау.

– Молодец, – рассмеялся Громовой Камень.

– Это и я запомнил, – недовольно сказал Тим.

Эркин кивнул и очень старательно выговорил:

– Уг, хау, – и по-русски: – Хорошо. Я сказал.

– Правильно, – кивнул Громовой Камень.

Да, так он и думал. Самое расхожее. Поздороваться, по-
благодарить, попрощаться. Что это? Это – человек. Это – ру-

ка, это – лицо... нет, это – голова, а лицо – ...

Они повторяли за ним, старательно копируя его голос, тут же переводя на русский. Игра? Да, игровая по сути методика, но эти трое взрослых людей играют с детской искренностью и увлечением. Громовой Камень стал уже опасаться, не слишком ли много лексики для первого раза, когда Эркин, посмотрев на часы, охнул:

– Ой, пора уже.

Андрей посмотрел на часы над дверью и присвистнул:

– Ого!

А Эркин, извиняясь, улыбнулся и объяснил:

– У меня дочка здесь, на занятиях.

– И у меня двое, – кивнул с улыбкой Тим и встал. – Большое спасибо...

И прежде чем он успел назвать его имя, Громовой Камень перебил его, вставая.

– Я – кутойс, учитель.

Эркин улыбнулся и тоже встал.

– Да, Алиса говорила мне. – и тщательно выговорил на шауни: – Спасибо, кутойс.

– Спасибо, кутойс, – повторил за ним, также вставая, Андрей.

Прощание на шауни, уговор о встрече в следующую субботу по-русски и окончательное прощание.

Оставшись один, Громовой Камень медленно подошёл к окну. Ну вот, три часа как пять минут. Его первый урок. У

негра русское имя. У Эркина здесь дочка, да, сегодня как раз дошкольники занимаются, но... с дошкольниками занятие уже было, ни индианки, ни даже метиски не было, это точно, сразу бы обратил внимание...

Окно выходило на площадь перед Центром, и Громовой Камень видел, как расходились дети с родителями. Интересно. Вон Чернов ведёт за руки мальчика и девочку, их он видел, да, Дима и Катя, но мальчик сам себя называл Димом, что для русского языка не характерно. Ага, а вот и Эркин, с ним Андрей, да, интересно, они – однофамильцы, или... пока это неважно. Эркин с девочкой, совсем белой, так это его дочь?! Что ж, в жизни всё бывает. Да, он ещё когда слышал, что у репатриантов приёмшей больше, чем родных.

Когда площадь опустела, Громовой Камень оттолкнулся от подоконника, взял со стола свою, так и не понадобившуюся тетрадь и пошёл к двери, едва не забыв на радостях палку.

На улице Андрей весело сказал:

– Ну, вы домой, а я по магазинам.

– А мы с тобой! – заявила Алиса, крепче вцепляясь в руку

Андрея.

Но Эркин покачал головой, и она нехотя разжала пальцы.

Андрей озорно улыбнулся.

– Ничего, племяшка, мы ещё чего-нибудь придумаем.

– Иди уж, – рассмеялся Эркин. – К обеду тебя не ждать?

– Как управлюсь, – на мгновение стал серьёзным Андрей

и тут же рассмеялся. – Я своё всегда возьму.

Он быстро ушёл к Торговым Рядам, а Эркин с Алисой неспешно пошёл домой. Алиса рассказывала о занятиях, подпрыгивала на ходу и кружилась, будто ей было мало тех танцев.

– Не напрыгалась? – так и спросил Эркин.

– Не-а, – весело ответила Алиса. – Эрик, а можно я буду балериной?

– Балериной? – переспросил Эркин, удивлённый новым словом.

– Ну да, они всегда танцуют, и я так буду. Можно?

– Не знаю, – честно ответил Эркин. – Спросим маму.

– Ладно, – вздохнула Алиса.

Что мама разрешит, она особо не рассчитывала, а вот если попробовать другое...

– Эрик, а давай чего-нибудь вкусенького купим.

– Давай, – согласился Эркин к её полному удовольствию.

И они свернули в проулок, где была маленькая, но уж очень «вкусная» кондитерская. Там они купили печенье – рассыпчатого, цветочками с сердцевинкой из варенья и смешным названием «курабье», даже непонятно, на каком это языке – и не спеша пошли домой.

Яркая листва, блестящее, промытое ночным дождём небо, весёлый шум выходного дня. Эркин словно заново удивлялся, как же всё хорошо. А о письме, что вот-вот придёт и заберёт Андрея, он и не думал. Конечно, он выучит шауни, не

сложнее русского, а то в самом деле, что он за индеец? Двух слов сгзать не может. А вот выучит, узнает всё, и хрен его тогда ткнёшь или заденешь.

– Эрик, а завтра в кино пойдём?

– Отчего ж нет? – улыбнулся Эркин. – Пойдём.

Алиса удовлетворённо кивнула. Против кино мама ничего не скажет.

Дома их встретили весёлая Женя и умопомрачительные запахи.

– Андрей за покупками пошёл, – сказал Эркин, вручая Жене коробочку с печеньем.

– Хорошо, мы его подождём, как думаешь?

Эркин неуверенно пожал плечами.

– Ну... час, я думаю, так?

– Хорошо, – Женя поцеловала его в щёку.

Эркин выложил в комнате Алисы её вещи, чтобы она с Женей разобрала и разложила всё по местам, и пошёл в дальнюю комнату.

Наверное, для шауни тоже нужна тетрадь. Правда, этот... кутойс им ничего не сказал, но он же и сам соображает, не первый день в школе, а шауни – такой же язык, как русский или английский. Эркин сел за стол и достал чистую тетрадку. Ручка... в ящике. Тщательно, проговаривая полушёпотом, он записал в тетрадь узнанные сегодня слова, как в словаре: слово и рядом перевод на русский. Записав, перечитал, недовольно морщась: почему-то получилось не так. Он не

мог понять, что именно, но похоже одни слова он написал правильно, а другие – нет, а где ошибка – непонятно. Всё ещё хмурясь, Эркин сунул тетрадь в стол, в «свою, тумбу».

Уходить из этой комнаты ему не хотелось. Он постоял у стола, у окна и нерешительно, будто ожидая окрика, подошёл к шкафу, открыл створку с книжными полками. Вот учебники, а эти две книги Андрей взял в библиотеке, а здесь их книги, собственные, томик Шекспира, вот... он вытащил увесистый том «Энциклопедического словаря» и вернулся с ним к столу.

Здесь тоже было много непонятных слов, но зато и картинок много. Эркин листал наугад, рассматривал картинки, фотографии, читал подписи. Прибежала Алиса, постояла рядом и убежала. Заглянула Женя. Он почувствовал её взгляд и обернулся.

– Читай-читай, – улыбнулась Женя и ушла.

И Эркин перелистнул сразу несколько страниц, шёпотом прочитал: «Животный мир Южного материка», – и стал разбираться в подписях под большой, во весь лист, картинкой.

За этим занятием его и застал Андрей. Эркин даже вздрогнул, когда ладонь Андрея легла на его плечо.

– Интересно?

– Да, – Эркин быстро вскинул на него глаза. – Как сходил?

– Лучше некуда, – улыбнулся Андрей. – И деньги потратил, и людей посмотрел, и себя показал. Со всем управился. Жратвы мне оставили?

– Мы не садились ещё.

Эркин легко встал, закрыл книгу и погладил обложку.

– Здоровская книга.

– Н-ну! – польщённо выдохнул Андрей.

В комнату влетела Алиса.

– Эрик, Андрюха! Мама обедать зовёт.

– Идём, – улыбнулся Эркин.

Алиса ловко увернулась от попытавшегося схватить её Андрея и спряталась за Эркина.

– Ла-адно, – протянул Андрей. – После обеда поймаю.

– А после обеда спать положено, вот! – отпарировала Алиса.

Но до ванной она – на всякий случай – шла, держась за руку Эркина.

Наконец сели за стол, и Женя разложила по тарелкам салат, как всегда любуясь накрытым столом и едоками. Андрей сказал, что купил себе куртку с подстёжкой и сапоги с вкладышами.

– И правильно, – кивнула Женя. – Алиса, доедай. А то твоя ветровка, Андрюша, для лета.

– А сейчас что? – поинтересовался Андрей, придвигая к себе тарелку с супом. – О, картофельный? Обожаю картофельный суп.

– Сейчас ещё весна, – Женя оглядела стол: не нужно ли кому чего. – Мне говорили, что даже в июне могут быть заморозки.

– Заманчивая перспектива, – хмыкнул Андрей.

– А ещё что было? – спросил Эркин.

– Ну-у, – улыбка Андрея стала лукавой. – Ну... словом, я сегодня в гости иду.

– Мам, а что я надену? – сразу спросила Алиса.

– Э нет, – рассмеялся Андрей. – Тут я, племяшка, без тебя справлюсь.

Женя уточнила:

– Это ты Любу встретил? – и, не дожидаясь его ответа, рассмеялась. – Конечно, иди.

Рассмеялся, догадавшись, и Эркин.

– Ключи не забудь.

– Да не в жисть! – весело ответил Андрей.

Алиса обиженно надула губы, что её не берут в гости, но, выяснив, что мама и Эрик тоже остаются дома, успокоилась.

После обеда Алиса легла спать, тем более, что обед был позже обычного. Эркин, как всегда в выходной, занялся посудой. Женя, уложив Алису – дневной сон обходился без поцелуев – и плотно прикрыв ей дверь, тоже пришла на кухню и села к столу, любуясь Эркином, его ловкими уверенно-красивыми движениями. Эркин, почувствовав её взгляд, обернулся с мгновенно осветившей его лицо улыбкой.

– Хорошо, Женя, да?

– Да, – кивнула она. – А вы как позанимались?

– Отлично, – с интонацией Андрея ответил Эркин и начал перечислять узнанные слова, тут же переводя их на русский.

К его радостному удивлению Женя повторяла их за ним.

– Женя?! – ахнул Эркин, – Ты... ты хочешь знать? Это?

Ну, шауни?

– Хочу, конечно, – улыбнулась Женя.

Эркин вытер руки, аккуратно повесил полотенце и сел рядом с Женей.

– Женя, ты... ты будешь ходить с нами?

Женя на секунду задумалась и покачала головой.

– Нет, – и улыбнулась его огорчению. – Лучше ты будешь учить меня.

– Я?! – изумился Эркин. – Но... но, Женя, я не умею.

– Ты справишься, – Женя погладила его по плечу, и он сразу перехватил её руку и поцеловал в ладонь.

– А... а ты что делала? – неуверенно спросил он.

– А я ходила в прачечную, – стала рассказывать Женя.

Идею сдавать постельное бельё в стирку, а не мучиться с ним дома Эркин одобрил горячо и безоговорочно. Он уже давно думал, что Жене тяжело столько стирать, пытался как-то помочь, а поведение Андрея, упрямо стиравшего свои носки и трусы, только укрепляло его в мысли, что что-то не так, но он не знал, как исправить. И вот всё решилось. Женя хорошо придумала.

– Здоровско, Женя! Слушай, а полотенца, скатерти, салфетки...

– Конечно, Эркин. Они всё берут.

– А... а мои рубашки, Женя? Что тебе с ними мучиться?

Женя ласково взъерошила ему волосы.

– Это совсем другое, Эркин.

– Хорошо, Женя, – сразу кивнул он.

Он обнял её, привлекая к себе, но посадить к себе на колени не рискнул: они не в спальне, сюда Андрей в любую минуту может зайти.

Женя тихо засмеялась, положила голову ему на плечо. Эркин прислушался и ловко, одним плавным движением встал на ноги, поднимая Женю на руки. Она, по-прежнему смеясь, обхватила его за шею и поджала ноги, сворачиваясь в маленький уютный комочек у него на груди. Прижимая к себе Женю, Эркин быстро и бесшумно вышел из кухни, пересёк прихожую и вошёл в спальню.

С привычно изумившей Женю ловкостью он, придерживая её одной рукой, закрыл дверь на задвижку. Женя поцеловала его в щёку и спрыгнула на пол.

– Сегодня я первая.

– Ага, – радостно согласился Эркин, подставляя себя её рукам.

Женя расстегнула на нём рубашку, распахнула.

– Так? Да?

– Ага.

Привстав на цыпочки, она поцеловала его в губы, положила руки ему на плечи, сдвинула с них рубашку. Шевельнув плечами, Эркин сбросил её, накрыл своими ладонями руки Жени и прижал их к своему телу, помогая расстегнуть

пряжку. Её ладонями сдвинул вниз джинсы и трусы.

Раздев его, Женя отступила на шаг.

– Какой ты красивый, Эркин.

Эркин, улыбаясь, шагнул к ней, мягко обнял за плечи, сдвигая с них халатик, и так, оглаживая, раздел Женю.

– Ты такая красивая, Женя. Лучше всех.

Он каждый раз говорил так убеждённо, что она слышала это, как впервые. Они стояли, обнявшись, и Эркин мягко покачивал Женю, кружил под неслышную музыку. И Женя тихо смеялась, целуя его в шею и грудь. Эркин наклонился, и их губы встретились. И, как всегда, Эркин на мгновение задохнулся, как он боли. Но боль эта была сладкой.

Они целовались долго. Эркин знал, что у них не так уж много времени: проснётся Алиса и начнёт к ним ломиться, но оторваться от губ Жени, от её тела не мог.

Постель разбирать они не стали, и Эркин уложил Женю на ковёр. Они немного покатались и побарахтались, пока Женя не потянулась, блаженно раскинув руки. Эркин лежал рядом на боку, опираясь на локоть, и любовался ею.

– Как хорошо-о! – протянула Женя.

– Ага, – кивнул Эркин. – Ты не устала?

– Не-а, – совсем как Алиса, ответила Женя. – Эркин, а сколько времени?

Проверяя себя, Эркин потянулся и взял со своей тумбочки часы – он сам не помнил, когда он их снял и положил туда.

– Скоро Алиса проснётся.

Женя снова вздохнула и потянулась. И повторила:

– Как хорошо.

Эркин тоже вздохнул, прислушался и, скатившись с кровати, быстро оделся.

– Я сейчас, Женя. Ты лежи, отдохни.

Об этом он подумал ещё за обедом, поняв, в какие гости собрался Андрей, но, тогда как-то к слову не пришлось, да и Алиса тут же сидела, а при ней лучше о таком не надо, а вот сейчас, если он не ошибся, самый подходящий момент.

Эркин не ошибся. В ванной был Андрей, и задвижка открыта.

Стоя перед зеркалом в одних штанах, Андрей сосредоточенно брился и, когда Эркин вошёл, сказал, не оборачиваясь.

– Я сейчас.

– Не трепыхайся, – неожиданно для самого себя ответил Эркин по-ковбойски.

Андрей на секунду остановился, но тут же возобновил бритьё, воздержавшись от комментария.

Давая Андрею закончить, Эркин пощупал и перевесил полотенца, заглянул в ящик для грязного белья. И, услышав, как Андрей моет и собирает прибор, подошёл к нему.

– Ну-ка, покажись.

– Смотри, – улыбнулся Андрей.

Эркин достал с полочки под зеркалом свой флакон с лосьоном и протянул Андрею.

– Держи. Налей на ладонь и протри. Ну, где брил.

– Ага, – кивнул Андрей.

Флакон этот он заметил ещё в первые дни и удивился: зачем Эркину лосьон после бритья? Он же не бреется. Может, Жене зачем-то нужен? И потому не брал его.

– Хороший запах, – сказал он, завинчивая пробку.

– Подожди, – остановил его Эркин. – А теперь шею себе протри и грудь.

– Там-то зачем? – удивился Андрей.

– Кожа будет приятная, ну, на ощупь. И запах, сам сказал, хороший.

– Так... – Андрей проглотил, на всякий случай, конец фразы.

И так всё понятно. Хорошо Эркин придумал.

– Ну вот, – улыбнулся Эркин, оглядывая брата. – Хорош.

– Я всегда лучше всех, – подчёркнуто напыщенно ответил Андрей и подмигнул Эркину. – Ни одна не устоит.

Эркин рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Иди одевайся, а то опоздаешь.

– Подождёт и радостнее встретит, – пропел Андрей и вышел из ванной.

И Эркин невольно рассмеялся ему вслед.

Ещё сонная Алиса перехватила Андрея в прихожей.

– Андрюха, играть будем?

– Завтра, – он шутливо дёрнул её за нос и ушёл в свою комнату.

– Алиса! – Женя сердито улыбнулась. – Ты долго в ночнушке бегать будешь?! Живо переодевайся.

– Ну, мам, ну так интереснее.

– Никакого интересно! – уже всерьёз рассердилась Женя. И Алиса, надув губы, поплелась к себе.

Но за чаем не то, чтобы утешилась, а как-то забыла о своей обиде. Андрюха был таким серьёзным, не дразнил её, не подначивал. И чай пил, положив на колени полотенце. Ну, это-то понятно, это, чтобы брюки не закапать, а вот ест он зачем?

– Андрюха, ты в гости идёшь?

– Мм, – кивнул Андрей, жуя бутерброд.

– А зачем ты тогда ешь?

– Чего? – едва не поперхнулся Андрей.

Женя и Эркин тоже удивлённо смотрели на Алису, и она стала объяснять:

– Ну, в гости голодным надо ходить. Чтоб больше влезло. В гостях всегда вкусное дают, а ты сытый и есть не можешь. Это же обидно.

Андрей хохотал взахлёб, до слёз. Заливалась смехом Женя. Смеялся Эркин. Алиса оглядела их и тоже засмеялась.

– Ну, племяшка, – Андрей отсмеялся, залпом допил свою чашку и встал. – Ну, спасибо, в следующий раз обязательно.

– Это когда? – сразу спросила Алиса, решив попроситься в компанию.

– Это когда я к тебе в гости на конфеты приду, – ответил

Андрей, выходя из кухни.

– Фигушки! – завопила Алиса, срываясь с места.

Отсмеявшись, Эркин и Женя вышли в прихожую, где Андрей уже застёгивал свою новенькую зелёную и блестящую, как молодая листва, куртку.

– Правильно, Андрюша, – кивнула Женя. – Отличная куртка.

– У меня всё отличное, и я сам отличный. Верно, племяшка?

Алиса настороженно кивнула: мало ли что Андрюха с неё слупит за согласие, но ведь и спорить не с чем. Но вот ещё что надо уточнить, а то он, похоже, забыл.

– А какой ты подарок купишь? В гости с подарком ходят.

– А я сам по себе подарок!

Андрей шутливо ущипнул её за нос и, прощально взмахнув рукой, вышел.

– Так, – прервала возникшую тишину Алиса. – Андрюха ушёл, кто со мной играть будет?

– Ты сама, – тут же ответила Женя.

– Да?! – возмутилась Алиса. – И в будни сама, и в выходной сама?! Это нечестно!

Эркин улыбнулся.

– Идём.

Играть с Алисой ему было не то чтобы приятно, а... интересно. Ещё с тех самых первых дней, когда Алиса притаскивала к нему, больному, на кровать своих кукол и учила его

играть в «гости», а потом в «ласточкин хвостик».

Сегодня они играли в мозаику. Делали большой красивый венок – самую сложную картинку. А потом к ним пришла Женя, и они играли все вместе. А когда закончили, за окном уже были сумерки.

Женя посмотрела, как Эркин укладывает в коробку оставшиеся без дела частички мозаики, и улыбнулась:

– А если мы сейчас пойдём прогуляться?

– Ура-а! – завопила Алиса, кидаясь в прихожую, чтобы быстренько одеться, пока мама не передумала.

Эркин быстро переобулся, и, когда Женя, надев туфли, выпрямилась, он уже держал перед ней плащ. Женя церемонно кивнула и позволила себя одеть. Эркин надел куртку, не джинсовую, а непромокаемую зелёную, как у Андрея, но чуть темнее. Женя поправила Алисе беретик и воротник пальто, и они вышли в коридор. Эркин запер дверь и спрятал ключи в карман.

На улице пахло влажной землёй и вечерней, хотя солнце ещё не село, свежестью, в овраге шумел ручей. В роще было уже совсем сумеречно, и потому гулять пошли вдоль оврага по своей стороне. Алиса, приплясывая и подпрыгивая, бежала впереди, а взрослые шли за ней. Эркин вёл Женю под руку, и она время от времени нарочно спотыкалась, чтобы снова и снова ощутить, как мгновенно напрягается, становится твёрдой и надёжной его мягкая ласковая рука.

– А давайте в салки играть! – налетела на них Алиса. –

Чур-чур, вожу не я!

И они играли в салки, и Эрик долго не мог её осалить, а потом поймал и подкидывал высоко-высоко, до самого неба, а потом они с мамой ловили Эрика, а он увёртливый...

За игрой они дошли до конца оврага, постояли на берегу речки, куда впадал ручей, и медленно пошли обратно, и уже не сумерки, а вечер, и роща за оврагом совсем тёмная. Алиса – на всякий случай – взяла Эркина за руку.

– Эрик, а здесь волки есть?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Наверное нет. Волки в городе не живут.

– Да-а, а вон лес, – Алиса показала на тихо шумящую под ветром громаду за оврагом.

– Это не лес, а роща, – улыбнулась Женя. – И вон уже наш дом. Видишь, как окна светятся?

– Ага, – разочарованно кивнула Алиса.

Она только собралась немного побояться, чтобы Эрик взял её на руки, а мама всё испортила. Правда, Эрик её ещё немного на кулаке покатал, что тоже совсем не плохо.

Дома Женя даже не стала особо готовить, поужинали бутербродами, и Алиса отправилась спать.

Поцеловав её на ночь, Эркин немного постоял над ней, слушая её дыхание, всей кожей ощущая и впитывая тишину и покой. Он не завидовал Алисе, что у неё есть то, чем так жестоко – он всегда это и чувствовал, и понимал – обделили его. Глупо завидовать. Он родился в питомнике, родился

красивым, и это определило всю его жизнь. До того дня, когда он встретил Женю. Теперь, после той книжки, что ему в Джексонвилле прочитала Женя, он знал, что и питомник, и красота его были так и задуманы, что его судьбу спальника определили ему ещё до рождения. И ничего изменить нельзя, что было – то было. Но жизнь Алисы определяет он. Да, вместе с Женей, но он.

Вернувшись на кухню, он прислушался к шуму в ванной. Значит, Женя в душе, ладно, ванну он ей в другой раз сделает. Эркин улыбнулся. Хоть Женя и старалась мыться без него, но пару раз он под каким-нибудь предлогом проникал в ванную и... словом, было шумно и весело. А пока... Да, он же газету вчерашнюю так и не прочитал.

Он вышел в прихожую, нашёл на подзеркальнике вешалки газету, погасил свет и вернулся на кухню. Сел к столу. Знакомые уже названия, имена, опять статья о больнице. Город растёт, нужна настоящая больница... Будущей весной выборы в городскую Управу, в выборах участвуют все прожившие в городе не менее года на день выборов... Это... это значит, что им с Женей придётся выбирать. А Андрею? Андрей приехал четвёртого мая – он точно помнит, а выборы когда? Он стал снова перечитывать статью.

За этим занятием его и застала Женя.

– Что-то интересное, Эркин?

– Да, – вздрогнул он. – Вот, Женя, посмотри.

Женя наклонилась, опираясь на его плечо, так, что их го-

ловы соприкоснулись и Эркин ощутил запах её волос и кожи. Он даже на секунду соображать перестал, задохнувшись в этом облаке.

– Да, Эркин, правильно, – удивлённо сказала Женя. – Будем выбирать. Как интересно.

– А Андрей? Я не нашёл, когда выборы. Здесь вот: просто весной.

– Ну, – засмеялась Женя, – целый год впереди, ещё узнаем.

– Да, – сразу согласился Эркин и встал, обнимая Женю. – Какая ты... пушистая.

Женя засмеялась и поцеловала его в щёку.

– Иди, мойся, я подожду.

– Ага, – радостно выдохнул Эркин.

Женя ещё раз поцеловала его и отпустила.

– Я буду в спальне.

– Понял!

Когда он выбежал из кухни, Женя сложила газету и убрала её к прочитанным. Солидная уже стопка накопилась, нужно подумать, куда их девать. Она ещё раз оглядела кухню, выключила свет и пошла в спальню.

Эркин быстро вымылся, тянуться не стал: Женя ждёт – вытерся и взял флакон с лосьоном. Ого! Опять на донышке, ладно, в понедельник ему во вторую, с утра ходит и купит. Он протёр лицо, шею, грудь и плечи. А что если заодно и кремы посмотреть? Ладно, всё потом. Он завинтил пробку

и поставил флакон на место, обтёр слегка влажные ладони о живот и бёдра. Придирчиво оглядел себя в зеркале и надел халат.

В квартире тихо и темно, только под дверью спальни узкая светящаяся полоска. Эркин замедлил шаг и осторожно открыл дверь, шагнул вперёд.

– Ага-а! – Женя сзади обхватила его за шею. – Попался?!

– Попался! – воодушевлённо согласился Эркин, ловко падая на кровать и увлекая в падении за собой Женю.

– А-ах! Так кто попался? Эркин?

– Взаимно.

Эркин, обхватив Женю под халатом, перекатился по кровати.

– Ах так?

– Ага, так!

– Вот я тебя сейчас, – смеялась Женя, тиская и тузя хохочущего Эркина.

В этой возне они сняли и сбросила на пол халаты, скомкали ковёр, но не заметили этого.

– Ох, Женя...

Эркин лежал навзничь, раскинув руки, а Женя сидела рядом, поджав под себя ноги, и гладила его по груди, обводя пальцем плиты грудных мышц.

– Что, Эркин?

– Я вот что подумал, – он озорно прищурил глаза и перешёл на английский. – Ты давно не каталась на лошадке.

– И ты хочешь пригласить меня на верховую прогулку, – подхватила тоже по-английски Женя. – Премного признательна, сэр, не смею отказываться.

– Своим согласием вы оказываете мне честь, миледи, – Эркин протянул ей руку.

Женя церемонно опёрлась на неё, и Эркин помог ей встать над ним, тут же напряг мышцы и выгнулся, упираясь в кровать плечами и ступнями.

– Прошу, мэм.

Мягким рывком он посадил Женю на себя, войдя точным уверенным ударом. Женя радостно ахнула. Эркин, придерживая руками бёдра Жени, опустился на кровать, согнул ноги в коленях, увеличивая упор.

– Женя, ты на мои ноги обопрись, ага, так, тебе удобно? И поехали, – и опять по-английски: – Шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп... шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп... и в галоп...

Смеясь, Женя перехватила его руки.

– И в галоп... ой, Эркин...

Она легко, с радостно изумившей Эркина ловкостью, и сама подпрыгивала на нём, ловила его удары встречными толчками. И чёрно-красная волна всё ближе подступала к нему, покачивала и подбрасывала, выгибая тело дугой. Эркин уже не боялся волны, не боялся, что потеряет в ней Женю, её руки, её дыхание рядом, она смеётся, ей нравится... Волна подбросила его, выгибая на полную арку, и захлестнула...

– Женя!

– Эркин, я здесь, Эркин...

– Я здесь, Женя!

Женя почти упала на него, билась, выгибаясь в его руках. Эркин обхватил её, прижал к себе, теперь они вместе, волна несёт их обоих, вдвоём...

Когда Эркин отдышался, Женя спала рядом с ним, по-прежнему обнимая его. Эркин глубоко вздохнул, переводя дыхание, и осторожно высвободился из объятий Жени. Она вздохнула, потянулась, не открывая глаз, и снова свернулась клубочком. Эркин мягко, осторожно поглаживая Женю, вытащил из-под неё ковёр, одеяло, уложил и укрыл. Быстро сложил и бросил на пуф ковёр, подобрал с пола и положил на обычное место их халаты, погасил лампу и уже в темноте обошёл кровать и лёг под одеяло со своей стороны, вытянулся рядом с Женей.

– Эркин, ты? – ладонь Жени легла на его грудь.

– Ага, я, – ответил он протяжным выдохом.

– Спи, милый, – поцеловала его в щёку Женя.

– Ага, – согласился Эркин, прижимая её ладонь к себе.

– Замечательная была поездка, – вдруг шепнула ему на ухо Женя.

– Да? – сразу проснулся Эркин. – Тебе понравилось?

– Конечно, – засмеялась Женя. – А сколько миль мы про-скакали?

– Ну-у? – к такому вопросу Эркин был не готов, но на-

шёлся. – Главное, что мы куда надо приехали.

Женя рассмеялась и поцеловала его в висок. Эркин повернулся набок, лицом к Жене, осторожно погладил её по голове, зарывшись пальцами в её волосы. В спальне темно, но он убеждённо сказал:

– Какая ты красивая, Женя.

– Ты же меня не видишь, – притворно удивилась Женя.

– Я... тебя... чувствую, – с расстановкой между поцелуями ответил Эркин.

– А я тебя.

Женя, вытянувшись всем телом, прижалась к нему, обняла.

– Эркин, ведь это ты, Эркин?

– Да, я, – сразу, даже не удивившись её вопросу, ответил Эркин. – Я здесь, Женя, весь.

– И я вся. Мы вместе, Эркин. Навсегда. Да?

– Да, Женя, я... я всегда буду с тобой, – Эркин сглотнул. – Будешь гнать меня, я всё равно не уйду. Я с тобой, – и повторил: – Мы вместе. Навсегда.

Они так и заснули. Обнявшись.

Солнце ещё не взошло, но небо уже посветлело. Загорье спало, даже петухи в Старом городе, прокричав своё, угомонились, а уж за путями... будто вымерли все, и только его шаги отдаются эхом на пустынных улицах.

Андрей зевнул и пошёл быстрее. Сейчас завалится и бу-

дет спать... до обеда. Нет, всё было хорошо, как и должно было быть. Всё честно, без обмана. Жениться он не хочет и не будет, а дальше... как она решит. Согласна – хорошо, не согласна? Так чаю попили и разбежались. Она согласилась. Он не первый у неё – сразу видно-понятно – и не последний. Грех – это когда обманом или насильно, а по доброму согласию и в общее удовольствие – греха нет. Так что всё у него тип-топ. А вон и «Корабль».

Величественное здание было тихим и голубоватым в предутреннем свете. За оврагом чуть слышно зашелестела и тут же стихла листва. Тишина была живой тишиной глубокого спокойного сна. Андрей мягко, без хлопка прикрыл за собой дверь и взбежал по ступенькам. Тихий, безмятежно спящий коридор. И чтобы не нарушить этой тишины, Андрей, достав ключи, зажал связку в кулаке, выставив только ключ от верхнего замка, и бесшумно открыл дверь.

Та же сонная тишина. Андрей по-прежнему бесшумно закрыл за собой дверь. Света зажигать он не стал. Быстро снял и повесил куртку, разулся и в одних носках пошёл к себе. Хорошо, что в гостиной шторы не задёрнуты, а то бы наткнулся ещё, зашумел.

Но и у себя он не стал включать свет. Быстро разделся, швыряя как попало одежду, постелил и уже было лёг, как вспомнил об Алисе. Выругавшись вполголоса, Андрей заставил себя встать, дотащиться до двери и повернуть задвижку. А к дивану он возвращался уже спящим. Лёг и, уже оконча-

тельно засыпая, успел подумать: «А письма-то нет», – но не додумал, заснув окончательно.

Россия

Цареградская область

Ивино

Как уже бывало не раз, он опять зачитался до полуночи, и теперь никак не мог проснуться, хотя безошибочное, как у любого спальника, чувство времени уже будило его. И тоже уже привычная первая мысль, которой он отгонял всё ещё повторявшиеся сны о прошлом: «Кто я? Я – Андрей Кузьмин». Андрей безнадежно вздохнул и открыл глаза. Ну, что за паскудство: ляжешь рано – так всякая гадость снится, зачитаешься до песка под веками – спишь хорошо, но утром не встанешь. Ладно, вставать так вставать. Вон уже солнце какое.

Он ещё раз вздохнул и встал. Сцепив на затылке пальцы, выгнулся, встав на арку, и выпрямился. Низкий скошенный потолок и теснота заставляли тянуться без размаха, всячески выкручиваясь вокруг самого себя. Но это было единствен-

ным и вполне терпимым неудобством. Во всём остальном новое жильё его устраивало.

Маленькая, оклеенная светлыми обоями комната, у стены кровать, узкая, но по его плечам, напротив комод и шкаф на одну створку, этажерка для книг, у окна письменный стол, а напротив окна в другом торце за двойной занавеской душ. Так что даже чтоб вымыться не надо вниз бегать. Нет, он своей комнатой очень доволен. И хозяйкой. И сам бы он ни за что так здоровско не устроился...

...Доктор Ваня остановил его в коридоре.

– С жильём устроился, Андрей?

– Нет, – растерянно ответил он. – Я ещё не думал об этом.

И совершенно неожиданный ответ.

– Отлично.

– Почему? – не удержался он.

Но доктор Ваня будто не услышал вопроса.

– Вещи твои где?

– Я их в раздевалке оставил.

И опять:

– Отлично. После смены с вещами подожди меня.

Доктор Ваня убежал по коридору, а он остался стоять дурак дураком. Нет, он понимал, что ничего плохого ему доктор Ваня не сделает, но было почему-то не по себе. Смена суматошная, тыркаешься много впустую, да ещё они прямо с поезда. Он доработал до конца и устало побрёл в их раздевалку. Там было тесно и шумно. Переодевались, менялись

шкафчиками, разбирали сваленные в общей груди чемоданы, сумки и мешки.

– Я в общежитие, – дёрнул его за рукав Алик.

Он молча мотнул в ответ головой.

– Ну, как знаешь, – Алик обиженно надул губы.

Им ещё до выезда сказали, что общежитие будет маленькое, на десять человек, не больше, а остальным придётся устраиваться самостоятельно. И, пока ехали в поезде, они решили, что в общежитие пойдут те, кто хуже знает язык и вообще... второпях уезжал.

– Андрей, – окликнул его Майкл. – С нами?

– А вы куда?

– В квартирное бюро.

– Нет, – он уже убрал свой шкафчик, запер его и теперь разыскивал свой чемодан. – Меня доктор Ваня ждёт.

– Тогда ладно, – милостиво кивнул Эд.

Они что, и здесь... «присматривать» вздумали?! Вот чёртов беляк, напоследок, но нагадил. Он взял чемодан и мешок и вышел. Где же доктор Ваня? А, вон же! Доктор Ваня курил, сидя на перилах служебного крыльца и, увидев его, кивнул.

– Пошли.

– Куда? – рискнул он спросить, когда они уже вышли за ворота. – Куда мы идём, Иван Дормидонтович?

– Не идём, а едем, – улыбнулся доктор Ваня.

И он не стал ни о чём больше спрашивать. Хотя у доктора Вани с собой только большой потрёпанный портфель, но ше-

вельнулась у него сумасшедшая мысль, и он, боясь спугнуть, а Тётя Паша говорит: «сглазить», отбросил её и просто шёл рядом. Доктор Ваня рассказывал о Царьграде, где учился в Университете. На остановке они сели в маленький тряский автобус, и доктор Ваня сказал кондуктору:

– Два до Ивино.

И кондуктор – немолодая женщина с усталым лицом – дала им два бумажных билета-талончика.

– Ивино, – переспросил он. – Это... город?

– Как тебе сказать, Андрей. Вроде Алабино, но, – доктор Ваня улыбнулся, – немного поменьше. Пятнадцать минут отсюда на автобусе и полчаса на электричке до Царьграда.

Доехали и вправду очень быстро. Маленький – он уже понимал это – городок. От площади, на которой остановился автобус, разбегались лучами улицы. Церковь, аптека, магазин, школа – успел он заметить, идя рядом с доктором Ваней. Деревянные резные заборы, белые и сиреневые кисти...

– Иван Дормидонтович, это... – он вдруг забыл, как будет по-русски сирень. – Это lilac?

– Да, – кивнул доктор Ваня. – Это сирень. Вот и пришли.

Доктор Ваня толкнул низкую зелёную калитку и вошёл в маленький, но ухоженный садик. Он шёл следом – не из страха, а потому что дорожка узкая, и, если он своим чемоданом заденет цветы... это же нехорошо будет.

– Эгей! – весело позвал доктор Ваня, поднимаясь на крыльцо веранды. – Есть тут кто? Или уже встретить неко-

му?

– Это кто ж тут такой шумный? – вышла навстречу им из дома маленькая совершенно седая старушка и, ахнув, всплеснула руками. – Господи, Ваня, живой!

– Ещё какой живой! – рассмеялся доктор Ваня, сгибаясь пополам, чтобы она смогла обнять и поцеловать его. – Здравствуйте, Серафима Панкратьевна.

– Господи, Ваня! – она даже слегка отпрянула от него. – Это когда ты меня переименовал? А ну, перестань дурить.

– Перестал, тётя Сима, – засмеялся доктор Ваня.

– То-то. Давай я тебя ещё поцелую. Устя, Устюшка, посмотри, кто приехал!

Веранда была маленькой, и он стоял внизу у крыльца и смотрел. Так доктор Ваня привёз его к своей родне?! Но... нет, конечно, хорошо и даже здорово, но жаль, что доктор его не предупредил, и он ничего не купил по дороге, в гости же с гостинцами положено, он знает. А тем временем на веранду вышла другая старуха, такая же худая, но высокая и вся в чёрном, и тоже стала целовать доктора Ваню, приговаривая:

– Ну и слава Богу, ну и молодец.

Расцеловавшись с ней, доктор Ваня обернулся и кивнул ему:

– Поднимайся, Андрей, – и когда он поднялся по ступенькам, – Вот, Андрей Кузьмин, мой крестник, прошу любить и жаловать.

Он смущённо поклонился.

– Здравствуйте.

– Здравствуй-здравствуй, – улыбнулась ему Серафима Панкратьевна.

А та, что в чёрном – потом он узнал, что полным именем её зовут Устиньей Капитоновной – кивнула и строго сказала:

– Вещи здесь оставь. Голодные же оба небось.

– Прямо со смены, – засмеялся доктор Ваня.

– Ну, так за стол, – распорядилась Серафима Панкратьевна. – Сейчас обедать будем. Как, Устюшка, накормим молодцов?

– Конечно, накормим.

Он сообразил, что их же не ждали, а, значит, на них и не готовили, но сказать ничего не смог. А потом они сидели в маленькой столовой и обедали. Он помалкивал и слушал. Оказывается, Серафима Панкратьевна не родственница доктору Ване, вернее, очень дальняя родственница, он даже не понял, но запомнил, что по сводной сестре второго мужа доктор Ваня ей троюродный племянник. И доктор Ваня жил у неё, квартировал, когда учился в университете и в аспирантуре.

– Ну, так как ты устроился, Ванечка?

– Отлично, тётя Сима. В Центральном военном и часы в военно-медицинской дают.

– Не демобилизовался?

– Нет, тётя Сима, – покачал головой доктор Ваня и стал

серьёзным. – Работа у меня нужная, шрамы на душах разглаживать.

Серафима Панкратьевна кивнула, а Устинья Капитоновна, как раз убиравшая со стола перед чаем, вздохнула:

– Да уж, война души корёжит, а которые и вовсе ломает.

Шрамы на душах? Он задумался над этим: что же это такое, как-то отвлёкся и не сразу заметил, что говорят уже о нём.

– Тётя Сима, ему надо учиться и всерьёз, а в общежитии легко задурить.

– Да уж, – кивнула Устинья Капитоновна, стоя у стола.

– Вот я и подумал, что лучшего места не найти. Как, тётя Сима?

– Конечно, Ваня, – Серафима Панкратьевна налила ему ещё чаю. – Мансарда свободна, – и улыбнулась. – Я была уверена, Ваня, что ты вернёшься, и крестнику твоему всегда и стол, и кров будет, – и ему: – Бери варенье. Это крыжовенное. Ел?

– Нет, – он улыбнулся. – Спасибо. Очень вкусно.

– Ну так ещё клади, и печенья бери, не стесняйся.

Он пил чай с ярко-зелёным вареньем и маленькими золотистыми кругляшами и слушал. А потом... потом он понёс свои вещи наверх, в мансарду. Комната ему сразу понравилась, он только подумал – тоже сразу – как это доктор Ваня в ней помещался? Или тогда похудее был? Вещи разбирать он не стал, просто поставил на пол чемодан, положил рядом

мешок и стоял, оглядываясь по сторонам. Так... так он теперь кто? Квартирант, жилец? Доктор Ваня назвал его своим крестником, да, но... но ведь это тоже родство, значит – он только сейчас подумал об этом – значит, он и доктор Ваня что, родственники? Значит... он не додумал, потому что его позвали вниз.

– Проводи меня до автобуса, Андрей.

– Конечно, Иван Дормидонтович.

И когда они вышли на улицу, он сразу спросил:

– Иван Дормидонтович, кто я им?

Доктор Ваня улыбнулся.

– Умеешь ты вопросы задавать, Андрей. Понимаешь, одному тебе будет слишком трудно, а в общежитии тебе не дадут нормально учиться.

– Нет, Иван Дормидонтович, я не о том. Я... квартирант, да? Я не хочу жить задаром. Сколько я должен платить?

– Сто в месяц осилишь?

Он на секунду задумался, прикидывая, и кивнул.

– Да. Но...

Доктор Ваня улыбнулся.

– Со временем ты всё поймёшь, Андрей.

И тут у него вырвалось:

– Я думал, мы вместе будем жить... – и осёкся, слишком поздно сообразив, как это можно понять.

Но доктор Ваня не обиделся.

– Нет, Андрей. Тебе пора начинать самостоятельную

жизнь. Я буду жить в Царьграде, – и улыбнулся. – Ничего, найдём время для философии.

Они ещё постояли на остановке, ожидая автобус. Доктор Ваня помог ему разобраться в расписании, подошёл автобус, доктор Ваня сел и уехал, помахав ему на прощание в окно рукой, а он побрёл обратно. Было уже сумеречно, не вечер, а перед вечером, из-за заборов голоса и смех... Вот так, теперь он будет здесь жить. Ему надо привыкнуть, убедить себя, что это хорошо, что он не хочет другого...

...Андрей выключил воду, аккуратно сдвинул внутренний занавес из прозрачной плёнки и перешагнул из душа на пушистый коврик, снял с крючка такое же мохнатое полотенце и стал вытираться. Сквозь цветастую наружную занавеску просвечивало, и он выключил лампу в душе. Круглый стеклянный шар на стене сразу стал из молочного серым. В цветном полумраке он вытерся, натянул трусы и, широко отдернув занавеску, стал убирать комнату. Застелил постель, аккуратно расправив зелёное, как молодая листва, покрывало. Вот так, а спущенный край закрывает задвинутый под кровать чемодан. Так-то у него всегда порядок, книги на этажерке, одежда в шкафу, бельё в комод... всего, правда, по чуть-чуть, но и он же только начал своё обзаведение. Оделся он «по-воскресному». И вовремя.

– Андрюша, – позвал его снизу голос Устиньи Капитоновны.

– Иду, – откликнулся он, скатываясь по узкой поскрипы-

вающей лестнице. – Доброе утро.

– Доброе утро, – улыбнулась Устинья Капитоновна. – Долго спишь, самовар уж когда готов был.

Говорила она строго, но улыбаясь. И Андрей улыбнулся в ответ.

И Серафима Панкратьевна улыбнулась ему и тоже сказала, что он долго спит.

– Опять, небось, до полуночи читал.

Она не спрашивала, но Андрей с улыбкой кивнул и сел за стол.

– Да, очень интересная книга.

– Ну, и слава богу.

Андрей сообразил, что опять забыл, садясь за стол, перекреститься и у себя с утра не помолился, а ведь ему Устинья Капитоновна говорила... Серафима Панкратьевна заметила и поняла его смущение.

– Ничего, Андрюша.

– Ничего, – эхом подхватила Устинья Капитоновна, ставя на стол блюдо с пирожками. – Главное – жить по-божески, Бог всё видит, а к обедне с нами сходишь, там и замолишь грех.

Андрей молча кивнул: рот был занят горячим и необыкновенно вкусным пирожком.

– Крёстный твой тоже редко в церковь заглядывал, а человек божеский.

Божеский человек... Андрей смутно представлял смысл

похвалы, но это похвала, и он снова кивнул, соглашаясь и с похвалой доктору Ване, и с предложением пойти к обедне. В церкви ему было интересно, и хор красивый, и... и не каждое же воскресенье, у него и другие дела есть, дежурства там, поездки в Царьград, ещё что-нибудь... но сегодня, конечно, пойдёт.

– Как всё вкусно, большое спасибо.

– На здоровье, Андрюша. Ещё творожку возьми.

– Спасибо, – Андрей с улыбкой покачал головой. – Я уже сыт, правда.

Его всегда, угощая, не заставляли, и сейчас Серафима Панкратьевна только и сказала:

– Ну, как сам знаешь, Андрюша. Отдохни пока. А как заблаговестят, и пойдём.

– За...? – переспросил он, запнувшись на первом же слогe.

– А как зазвонят, – объяснила Устинья Капитоновна, убирая со стола. – Благовест называется, понял?

– Д-да, – не слишком уверенно ответил Андрей.

Столько новых слов... Иногда он терялся в них. Устинья Капитоновна сейчас займётся обедом, а Серафима Кондратьевна... пойдёт в сад?

– Я... я могу помочь?

– Спасибо, Андрюша, отдыхай.

– В воскресенье грех работать, – веско подтвердила Устинья Капитоновна, накрывая стол вышитой скатертью и ставя в центр вазочку с цветами.

– А... а как же, а если дежурство?

– Ну, так это ж людям помощь, Андрюша, здесь греха нет.

Андрей кивнул, соглашаясь. Оглядев убранную столовую, Устинья Капитоновна ушла на кухню. Андрей, ещё раз поблагодарив за завтрак, поднялся к себе, в свою комнату. Да, это действительно его комната. Странно, ведь он – жилец, квартирант, а комната – его. Там, в Спрингфилде, он ни на минуту не забывал, что жильё временное, не его, а здесь... надо будет спросить парней, скажем, Эда или Майкла, как это у них. У Криса-то всё ясно: где Люся, так ему и дом, и Родина.

В углу – Андрей уже знал, что его называют «красным», но всё ещё не понимал почему – висела икона, обрамлённая вышитым полотенцем. Андрей встал перед ней и, старательно крестясь, прочитал заученную ещё с голоса Тёти Паши молитву: «Богородице-дево, радуйся...». Слова он понимал плохо, да и не старался понимать, а делал всё это: ходил в церковь и молился, чтобы доставить удовольствие Серафиме Панкратьевне и Устинье Капитоновне. Ему нетрудно, а им приятно. Чем же заняться? Почитать? Но солнце такое, и тепло... Его неудержимо потянуло в сад. А... а, ну, если работать нельзя, он в беседке с книгой посидит.

Андрей перебрал книги на этажерке. Рейтера... нет, это он читает серьёзно, с выписками, проверяя себя по словарям, покупному и своему самодельному, а в сад... ага, вот это. Он вытащил томик «Занимательно о серьёзном» и по-

шёл вниз.

Серафима Панкратьевна сидела на веранде в плетёном кресле и перематывала шерстяную пряжу. Андрей остановился, посмотрел и нерешительно предложил:

– Я помогу...

– Спасибо, Андрюша, – Серафима Панкратьевна с улыбкой показала глазами на книгу в его руке. – В библиотеку собрался?

– Нет, я думал в беседке читать, – и уже смелее: – Давайте... давайте я буду... нитки держать.

– Это пасма называется, – кивнула Серафима Панкратьевна. – Ты аккуратненько, чтоб не спутать, сними, ну вот, и на руки себе надень, нет, только на пальцы, чтоб легче сходили.

Под её указания Андрей устроился на стуле напротив Серафимы Панкратьевны, держа на растопыренных пальцах пушистые серо-голубые нити.

– Это пасма, – повторила Серафима Панкратьевна и стала объяснять: – Вот я её в клубок смотаю, вязать буду. Видел, как вяжут?

– Да, – кивнул Андрей. – Тётя Паша, моя... крёстная, она вязала носки, я видел.

– Ну вот, – улыбнулась Серафима Панкратьевна.

Клубок быстро вращался в её руках, увеличиваясь на глазах. Андрей замороженно следил за ним и, когда нить кончилась, невольно разочарованно вздохнул. Серафима Панкратьевна засмеялась, видя его огорчение.

– Тебе понравилось?

– Да, – кивнул Андрей.

Он не кривил душой, ему в самом деле нравилось вот так сидеть и смотреть, как Серафима Панкратьевна и Устинья Капитоновна что-то делают, хлопочут по хозяйству. Нравилось помогать им. Ещё в первые дни, да, это был третий или четвёртый день, он вернулся из госпиталя и увидел, что Устинья Капитоновна собирается мыть ванну.

– Здравствуйте, я сейчас! – крикнул он, взбегая по лестнице.

Быстро, швыряя одежду на кровать, переоделся в старые армейские брюки и скатился вниз. Решительно, сам удивляясь своему нахальству, отобрал у Устиньи Капитоновны щётку и тряпки, чуть ли не вытолкнул её из ванной и взялся за дело. Нет, он всё-таки не совсем голову потерял и штаны снять не рискнул. И так... они обе даже слегка испугались. А когда он отмыл ванную и уборную, долго ахали и восхищались. И он никак не ожидал, что их похвала настолько его обрадует. Тогда же он и решил: что-что, а мытьё полов и кафеля он знает... по-настоящему. И натирку полов тоже. Вышколили его в питомнике так, что на всю жизнь хватит. Так что это его делом и будет.

– Я пойду в сад, хорошо?

– Конечно, Андрюша.

В саду солнечно и не очень жарко, шумят птицы, пахнет землёй и листвой, а в беседке сиренью. Он уже знает сирень,

жасмин, шиповник... Ему рассказали, что сады здесь не для пропитания или дохода, а для красоты. Цветов побольше, овощи – только то, что для себя и на каждый день, ягоды, яблоки, груши с вишнями – тоже по одному, много по два дерева или куста. А беседка похожа на ту, что была в госпитале в Спрингфилде, только поменьше. Андрей сел за стол и раскрыл книгу. Ну-ка, что такое климат? Почитаем.

Из кухонного окна Устинья Капитоновна видела его чёрную, склонённую над книгой голову. Серьёзный какой парен, не в пример своему крёстному. Ваня, конечно, тоже и читал, прямо глотал книги, но и погулять был мастер, а Андрюша, как девица, домосед, скромный, не пьёт, не курит... в самом деле, будто и не парень, а... дитя он ещё. Она вздохнула, возвращаясь к работе. Ваня говорил, что парень – сирота, рабом был, ни дома, ни семьи не знает. А вот душа видно, что не застужена, тёплая душа. Это уж Ваня, конечно, постарался, отогрел. А когда Андрюша про крёстную свою, тётю Пашу, говорит, то аж слёзы на глазах блестят. Мягкий он, ласковый, каково-то ему в жизни потом будет? Нарвётся на какую-нибудь шалаву, прости, Господи, прегрешение невольное...

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Выборы школьного совета провели, не дожидаясь августа – столько дел накопилось, и, к удивлению Ларри, от их класса выбрали его. Хотя... хотя, чему тут удивляться? Он богат, самому себе можно не врать, богаче всех в классе, диплома, правда, и даже аттестата нет, только справка о функциональной грамотности, но, что образованнее многих, тоже ясно. Одно «но» – что он негр, чёрный, бывший раб, но... и опять же – на то и школа такая, новая и общедоступная. На прошлом заседании они только познакомились, да и были не от всех классов, и может потому толком ничего не решили.

Ларри позвонил домой Марку, чтобы тот пообедал без него, он задержится по делам.

– Пап, я лучше тебя подожду.

– Хорошо, – не стал спорить Ларри. – Но не сиди голодным, чего-нибудь поешь.

– Я... возьму орехов, хорошо?

Ларри улыбнулся и, хотя Марк не мог его видеть, кивнул.
– Хорошо. И обязательно выпей молока.

Попрощавшись с Марком, Ларри быстро всё убрал и вышел из салона. Маркет-стрит уже затихала. Обычно он уходил на час позже и шёл сразу в Цветной, но сегодня маршрут другой и время не то, и обменяться привычным кивком было не с кем.

Ларри шёл быстро, но без спешки, изредка быстро поглядывая на магазинные витрины. Дом он обустраивал по памяти и каталогам, но фотография – это одно, а в витрине те же шторы совсем по-другому смотрятся.

Заседания школьного совета проходили в конференц-зале, во всяком случае, именно там они собирались в первый раз, и, войдя в школу, Ларри сразу пошёл туда.

– Добрый день, Левине, – приветствовал его румяный седой Шольц от седьмого «а». – Завидная точность.

– Здравствуйте, Шольц, – ответно улыбнулся Ларри.

Прошрое заседание вёл директор и так повернул, что они сразу стали называть друг друга по фамилии, но без мистеров и сэров. И не официально, и без фамильярности.

Собрались быстро. На этот раз были все. Директор занял своё место, представил отсутствовавших в прошлый раз, и приступили к работе. Обсуждали устав, стипендии, поступление пожертвований, маршруты школьных автобусов, которые будут собирать учеников по утрам, а после уроков развозить по домам... Всё шло ровно и деловито.

Ларри чувствовал себя уже совсем уверенно, если бы не сидевшая напротив и чуть наискосок от него женщина. Он всё время ощущал на себе её взгляд. Не враждебный, но очень упорный, изучающий. Будто она пыталась узнать его, вспомнить. Но... но он раньше не видел её, он уверен. Она... Она... внешне белая, но что-то... нет, если и есть какая-то примесь, то очень и очень малая, незначашая, и дело не во внешности, а... нет, что-то... Её взгляд тревожил, но не раздражал, как обычные «белые» взгляды. Под конец заседания Ларри окончательно убедился в своём предположении, что она хочет поговорить с ним и не просто хочет, а ей этот разговор важен и нужен. Ну, что ж, после заседания – пожалуйста. И, когда их глаза в очередной раз встретились, Ларри мягко улыбнулся и кивнул. Она поняла и тоже кивнула.

Наконец всё обсудили, стали вставать и прощаться. Ларри задержался, обсуждая с директором и выбранной казначеем Эллен Эриксон из десятого «а» поступившие целевые пожертвования на стипендии. Решили, что конкретные вопросы станут решать, как только наберётся достаточная для решения сумма.

Она ждала его в коридоре и, как только он вышел из конференц-зала, сама подошла к нему.

– Вы... извините, вы – Левине? Да?

– Да, – кивнул Ларри, – Лоуренс Левине, – и улыбнулся, – к вашим услугам.

– Я – Эстер Чалмерс, – она запнулась.

– Да, – пришёл ей на помощь Ларри. – Первый «А», я не ошибся?

– Нет, – благодарно улыбнулась она. – Но... простите, я понимаю, это глупо, но я хочу вас спросить.

Ларри молча ждал.

– Вы... простите, – и с внезапно прорвавшейся решимостью, – Какое вы имеете отношение к тем Левине? Я знаю, вы – ювелир, ювелир Левине – это... это же не случайно?

– Да, – очень спокойно кивнул Ларри. – Вы правы. Я пятнадцать лет... прожил в доме сэра Маркуса Левине, был его учеником и подмастерьем. А...

– А я, – перебила она его, – я – сестра Дэвида, мужа...

– Мисси Рут?! – вырвалось у Ларри.

– Да, – она горько улыбнулась. – Вы... вы знали её?

– Я видел её только один раз, – извиняющимся тоном сказал Ларри. – Но... но мне рассказывали о ней. И о сэре Дэвиде.

Разговаривая, они незаметно для себя вышли во двор.

– Я была совсем девочкой, родители погибли, – она говорила с привычной скорбью. – И когда Дэвид женился, Рут заменила мне мать. А потом... – она прерывисто вздохнула. – Потом, когда кольцо стало сжиматься... Словом, Дэвид сумел выправить мне документы, и я стала условной, почти цветной, но свободной и в услужении. Это стоило больших денег. Очень больших. Меня он спас. А сам... Вы знаете?

– Да, – кивнул Ларри. – Я знаю. И о сэре Соломоне тоже.

– Там... никто не уцелел?

– Нет, – коротко ответил Ларри и с удивившей его самой решимостью предложил: – Я провожу вас?

– Спасибо, – просто ответила она. – Я живу в Цветном. Ларри постарался скрыть вздох облегчения.

Они шли рядом, но взять её под руку он всё-таки не рискнул. Она рассказывала ему о брате – дизайнере, талантливом художнике, о Рут, какая у них была дружная хорошая семья, как Дэвид и Рут решили спасти её.

– Это Рут настояла, чтобы я жила отдельно и приходила на день, будто на работу. И не входила в дом, если не видно условного знака. А потом... был погром. И я... меня не нашли. Но я осталась в чём была. На квартире знали, что я, – она улыбнулась с горькой насмешкой, – работаю на жидов, и я побоялась вернуться. Да и все мои вещи были у Дэвида, а их дом разграбили. Я не знаю, что бы со мной случилось, если бы не Эд, Эдвард Чалмерс.

– Ваш муж? – рискнул спросить Ларри.

– Да. Он был тоже... условный, и мы жили в Цветном. Эд считал, что там легче... выжить. Среди своих, – и, искоса посмотрев на Ларри, сказала: – Он погиб. Его вместе с другими цветными мобилизовали на работы, и в бомбёжку... в Атланте.

Они подходили к Цветному кварталу. Ларри вдруг понял, что сейчас они простятся и... и ему будет не хватать её. Хотя они просто шли рядом, она рассказывала о себе, но...

– Я живу на Новой улице, третий дом слева от перекрёстка.

– У вас большая семья? – заинтересованно спросила она. Интерес этот был обычным женским, но у Ларри вдруг перехватило дыхание.

– Нас двое. Я и сын. Он в третьем «Б».

– А... его мать?

Ларри улыбнулся.

– Прошлым летом я нашёл сына. Я работал в имении, а сюда мы приехали этой весной.

– А...? Ну да, – кивнула она. – Я поняла, простите.

– Что вы? – удивился Ларри. – Вам не за что просить прощения. Я был рабом. После... смерти сэра Маркуса меня продали с торгов, и три года, до самого Освобождения...

На этой стороне Цветного грудились многоквартирные дома-коробки, поделённые на множество клетушек, ни клочка зелени, пыльная мостовая с выщербленным, в ямах и трещинах асфальтом. Но это по меркам Цветного не самый плохой и даже совсем не плохой квартал. У большинства живущих здесь есть работа, пьют по выходным, скандалят по-семейному. Встречные вежливо и даже уважительно здоровались со спутницей Ларри, а его оглядывали с живым, но не враждебным интересом.

У одного из домов – длинного двухэтажного с облупившейся местами штукатуркой, но достаточно крепкого – она остановилась. И сразу на втором этаже с треском распахну-

лось окно, а звонкий детский голос на всю улицу провозгласил:

– Мама!

Эстер подняла голову и строго погрозила пальцем.

– Не высовывайся! Упадёшь!

– Я поймаю, – рассмеялся Ларри, глядя снизу вверх на кудрявую, похожую на Эстер девочку.

Увидев незнакомого, та сразу подалась назад, будто хотела спрятаться.

– Я сейчас поднимусь, – сказала ей Эстер, – не трогай замок, – и повернулась к Ларри. – Большое спасибо, что проводили.

– Да... я... я надеюсь, мы ещё встретимся?

– Конечно, – она помедлила и нерешительно продолжила: – Следующее заседание через месяц.

– Да, но, – Ларри сам на себя удивлялся, но остановиться не мог и не хотел. – Но мы, я и сын, будем счастливы видеть вас у себя. Вы согласны?

– Да, но...

– Я приглашаю вас с дочкой на обед. В воскресенье. Или... – он вдруг вспомнил. – Или в субботу?

Она благодарно улыбнулась ему.

– Спасибо. Давайте, как у всех. В воскресенье.

– Вы оказываете мне большую честь, – склонил голову Ларри. – Я благодарю вас и не смею задерживать. До свидания, миссис Чалмерс.

– До свидания, мистер Левине.

Они обменялись рукопожатием, и Ларри поспешил домой.

Сразу нахлынуло множество мыслей и соображений. Марк наверняка совсем заждался его. В воскресенье... надо будет приготовить хороший обед... а если... Энни научила его, и если купить хорошую рыбу, тогда он сделает настоящую фаршированную... Тогда салат, скажем... если рыба, то куриный салат, или... нет, салат с курицей, а на десерт... пирожные или желе... сегодня четверг, в субботу они сделают большую уборку и всё подготовят, да, десерт надо сделать в субботу, иначе не успеет с рыбой...

После шума и пыли центральных улиц Цветного квартала Новая улица поражала тишиной, зеленью газонов и живых изгородей, блеском отмытых окон. Её уже заселили на десять домов с каждой стороны от перекрёстка, и шум продолжающейся стройки не беспокоил живущих в начале улицы, да и время уже позднее, стройка затихла до утра.

Марк сидел на ступеньках крыльца. Увидев отца, он вскочил на ноги кинулся навстречу.

– Пап! Ты пришёл! Я газон полил! Сам! Из шланга!

– Вижу, – рассмеялся Ларри, обнимая сына.

Лужи на газоне подтверждали слова Марка.

– Хорошо, Марк, ты поел?

– Да, орехов с молоком и... я себе сэндвич сделал, – и шёпотом: – С ветчиной.

– И не порезался? – лукаво спросил Ларри и рассмеялся. – Ты молодец, сынок.

Так, в обнимку, они и вошли в дом. Ларри сразу поднялся в свою спальню переодеться и спустился вниз уже босиком в джинсах и ковбойке.

– Ну, давай готовить.

– Давай, – согласился Марк и невольно поёжился.

Отец никогда не ругал его, что он много ест, но ветчины он себе отрезал... чересчур. И, когда Ларри открыл новенький холодильник, Марк затаил дыхание. Но отец только улыбнулся.

– Тебе понравилось?

– Пап, я...

– Всё в порядке, Марк, еда нужна для еды.

Марк вздохнул.

– Она такая вкусная.

– Потому я её и купил, – Ларри подмигнул Марку. – Половину ты мне оставил, не так ли?

– Пап...

– Всё, Марк, хватит об этом. Смотри, яичницу по-французски делают так...

Ларри учил Марка так же, как его самого когда-то учила Энни. И Старый Хозяин. И Фредди. И... их было много. Ему всегда везло на хороших людей. Марк будет знать всё, что знает он сам. И много больше. Потому что Марк будет учиться в нормальной школе. И у Марка будет нормальная

семья.

– В воскресенье у нас будут гости.

– Дядя Чак?

В голосе Марка особого восторга не было. Чака он, как и все малыши в имении, боялся и не любил. Нет, при отце Чак ему ничего сделать не посмеет, но всё-таки... лучше от него подальше.

– Нет, – успокоил сына Ларри. – К нам придёт миссис Чалмерс с дочерью. Будет праздничный обед. А в пятницу...

– Большая уборка, да? Пап, а в субботу ты пойдёшь в мастерскую?

– Конечно, работа есть работа, – и не дожидаясь вполне логичного вопроса: – Пойдёшь со мной.

Радостный вопль Марка потряс стены. Ларри рассмеялся. Восторг Марка перед мастерской и его работой был таким трогательным. И рука у Марка заметно окрепла: заметно по рисункам. Так что... но не надо загадывать. И будем надеяться, что Чак на этот раз не явится с визитом. Как в тот раз...

...Они только-только закончили возиться с альпийской горкой и теперь сидели на крыльце, любясь результатом.

– Ну вот, теперь они начнут расти, и через пять лет у нас будет настоящая горка.

– Так долго ждать, пап?

– Красота долго делается и долго радует. Да и куда нам спешить?

Марк не слишком уверенно кивнул. До сих пор в их доме всё делалось сразу. Привезли и постелили ковры. Привезли и поставили мебель... а тут надо ждать. Зачем?

– Пап, – начал Марк.

И не договорил. Потому что у их калитки остановился высокий широкоплечий негр в джинсах и светлой рубашке, чёрная кожаная куртка небрежно перекинута через плечо.

– Привет.

– Привет, Чак, – он встал и улыбнулся. – Заходи.

– Что, – Чак вошёл, быстрым внимательным взглядом охватив газон и крыльцо, – устроился уже?

– Жить можно, – ответил он и повторил: – Заходи.

Марк молча ходил за ними, пока он показывал Чаку дом. Закончили осмотр, где и начали – в гостиной.

– Выпьешь чего-нибудь?

– Спиртное держишь? – насмешливо удивился Чак. – И попа не боишься?

– Не знал, что ты в церковь ходишь, – ответил он с такой же чуть-чуть насмешливой интонацией и открыл бар. – Так чего тебе?

Чак промолчал, оглядывая бутылки, и он смешал два коктейля по своему вкусу.

– И это умеешь.

Чак не спрашивал, но он кивнул в ответ.

– Да, ты ж домашним был, – усмехнулся, беря стакан, Чак, отхлебнул и тоном знатока: – А неплохо. В самом деле, уме-

ешь. И устроился... не хуже беляков.

– Так и мы ж не хуже.

Он развёл огонь в камине, и они сели у огня в креслах, хотя было ещё тепло. Марк не уходил, и он говорил сдержаннее, чем хотелось. Нет, ссориться с Чаком он не собирался, им нечего делить, Чак тоже работает у сэра Джонатана, но... но вот так и подмывает отщёлкать Чака. Но он привычно сдержался. Незачем и не из-за чего. А что у Чака характер тяжёлый и даже, как говорится, поганый, уже весь Цветной знает.

– Здорово поиздержался?

– Прилично.

– В кредит брал?

– Что-то в кредит, а что-то и за наличные.

Чак понимающе кивнул, отпил и, погоняв во рту, проглотил, повертел стакан.

– Что ж, не боишься долгов?

– Когда заработок стабильный, долги не страшны.

– Не люблю долгов, – отрезает Чак.

Он пожимает плечами, а Чак со злой непонятной усмешкой продолжает:

– Берёшь под один процент, а возвращаешь по совсем другому. И хуже нет, когда ни срока, ни процента не знаешь, – и тряхнув стаканом так, чтобы лёд ударился, зашуршал по стенкам. – Аренда большая?

Он называет, И Чак присвистывает.

– Ну и дерёт мэрия!

– Так цена по товару, – смеётся он.

– Тоже верно.

Чак допивает и встаёт.

– Ладно, бывай.

– До свидания.

Они прощаются, и Чак уходит...

...Ларри не мог понять, зачем Чак говорил по-простому, он же умеет вполне правильно, и вот... сам он так говорил те три года и потом в имении. Но там-то понятно, а от кого прячется Чак? Но это уже проблемы Чака, а не его.

– Пап, ты мне считаешь?

– Сначала всё уберём.

Они навели на кухне порядок и пошли в гостиную. Ларри задёрнул шторы и разжёг огонь в камине – Марку эту операцию он ещё не доверял.

– Неси книгу, сынок.

Марк достал из книжного шкафа большой том.

– Вот, мы не дочитали.

– Хорошо.

Ларри сел в кресло, и Марк удобно устроился рядом на широком подлокотнике, прижавшись подбородком к отцовскому плечу. Ларри открыл книгу. «Илиада» Гомера. Мерные чеканные строки, боги, герои, битвы. Большие, во весь лист иллюстрации.

Ларри читал, пока не почувствовал, что тело Марка сонно

обмякает, и тогда мягко без хлопка закрыл книгу.

– Пора спать, сынок.

– Ага-а, – протяжным вздохом согласился Марк. – Пап, а...

– Спать, Марк, – чуть строже повторил Ларри.

Марк снова вздохнул и встал.

– Ладно, пап. Ты зайдёшь ко мне.

– Конечно.

Марк убежал наверх, а Ларри остался сидеть у камина, рассеянно перелистывая страницы. Потом встал, поставил книгу в шкаф, оглядел догорающие поленья и пошёл наверх.

В комнате Марка темно и тихо, только сонное детское дыхание. Ларри послушал его, стоя на пороге, и бесшумно отступил, закрыв дверь. Теперь спуститься, проверить закрыты ли входная и кухонная двери, прогорели ли поленья в камине, выключить всюду свет и подняться к себе, в свою спальню. Не слишком ли велик для двоих такой дом? Но ведь их не всегда будет только двое. А, скажем, четверо или даже пятеро. Да, трое детей – это... это разумно. Если всё дальше пойдёт нормально, то так и будет.

Ларри выключил лампу у изголовья и закрыл глаза. Да, пусть так и будет. Странное, пьянящее чувство уверенности...

Это чувство не оставляло Ларри и в последующие дни. Но за полчаса до обеда он уже не был ни в чём уверен. Всё

готово, дом блестит, рыба, чтобы не остыла, в духовке, желе в холодильнике, Марк в своём лучшем костюме, и он сам... и всё, как говорится, на уровне. И разумеется, она придёт, но будет ли? Будет ли то, в чём он уже почти убедил себя?

– Пап, – Марк смотрел на него снизу вверх. – Ты... – слова «боишься» он себе не позволил, но сообразил заменить самым подходящим: – Ты нервничаешь, да?

– Да, – кивнул Ларри и улыбнулся. – Это наш первый званный обед, понимаешь?

– Да, – кивнул Марк и ткнулся лбом в руку отца. – Я стараюсь.

– Спасибо, – очень серьёзно сказал Ларри.

Они стояли на крыльце, но увидел гостей первым не Ларри, а Марк.

– Пап, смотри, это они?

Ларри вздрогнул и ответил Марку, когда женщина в строгом тёмно-сером – самый немаркий цвет – костюме, держа за руку такую же темноволосую девочку в розовом платье, уже стояла у их калитки.

– Да, – Ларри с натугой вытолкнул из себя: – Это они, – улыбнулся и повторил уже свободнее: – Это они.

Чистый, новенький и безусловно роскошный, по меркам Цветного, дом, а на крыльце высокий негр в строгом тёмном костюме и рядом с ним мальчик тоже в костюме, только вместо галстука повязан ковбойский шнурок с кисточками. «Это... это... – даже про себя не смогла выговорить Эстер

уже понятное и принятое: – Это моя судьба».

– Мам, мы сюда шли?

– Да, Рути. Будь умницей.

– Хорошо, – вздохнула Рут.

По дорожке, выложенной блестящими, будто тоже отмытыми с мылом, плоскими камнями, они подошли к крыльцу.

– Добрый день, миссис Чалмерс.

– Добрый день, мистер Левине, – она протянула руку для пожатия и улыбнулась. – Просто Эстер, хорошо... Лоуренс?

– Да, Эстер.

– А это моя дочь.

Эстер выразительно посмотрела на дочку, и та, закинув голову, чтобы видеть лицо Ларри, представилась:

– Рут Чалмерс.

И даже слегка присела. Марк, не дожидаясь слов или взгляда отца, склонил голову.

– Марк Левине. Очень приятно.

Все вместе вошли в гостиную. Ларри на мгновение растерялся, но Эстер сказала:

– Очень мило. Вы недавно переехали?

И Ларри понял, что надо делать. Надо показать дом. И сделанное, и несделанное, и только задуманное.

Они прошли по всему дому. Ларри ничего не скрывал, но и не хвастался. Да, дом сделан и в нём можно жить, но его можно ещё делать. Строгая, но очень... добротная простота убранства понравилась Эстер. Во всех спальнях пол затянут

подобранном под цвет стен ковром, и стены не покрашены, а оклеены обоями, по европейской традиции, комната Марка более... детская, мальчишеская комната, хотя безукоризненно убрана. Две спальни совсем пустые, только ковёр и занавеси, но ванны – у каждой спальни своя – оборудованы полностью.

– Да, – Ларри ответил на её невысказанные слова. – Пустовато, я понимаю. Но дом надо обживать.

Они стояли вдвоём в его спальне. Марк остался у себя показывать Рут свои игрушки.

– Я понимаю, – кивнула Эстер. – Вы правы, Лоуренс. Картины, украшения, памятные вещи... дом обростает всем этим со временем.

– А для этого в доме должны жить, – Ларри прислушался к детским голосам и улыбнулся. – Пусть играют?

– Да, конечно, – улыбнулась Эстер, оглядывая спальню и невольно, даже не сознавая этого, прикидывая: что и как она изменит, прикупит, переставит, чтобы картинка из журнала или каталога стала живой комнатой.

Они вышли из спальни и, не зовя детей – пусть играют, прошли по небольшому коридору и спустились в гостиную. Ларри подошёл к бару.

– Чего-нибудь выпьете, Эстер?

– Чего-нибудь, – улыбнулась Эстер. – Я не любительница и не знаток спиртного.

– Тогда спиртного не будет, – весело ответил Ларри, по-

давая ей стакан.

Она взяла и с храброй осторожностью пригубила.

– Оу! Как вкусно!

– Нравится? – обрадовался Ларри.

– Да, – она отпила ещё и засмеялась так по-детски радостно, что и Ларри засмеялся.

– Мама! – прозвучало сверху.

– Я здесь, Рут, – повернулась к лестнице Эстер.

Но Рут и Марк уже сбегали вниз. Ларри вернулся к бару и сделал ещё два коктейля из соков.

– Вот, – Рут протянула матери зажатую в кулачке коробочку. – Посмотри.

Эстер взяла коробочку. Это была головоломка. Под стеклом пейзаж с воротцами и извилистой тропинкой между ямками-дырочками. Эстер покачала головоломку, но шарик у неё провалился на второй же ямке.

– А у Марка он пять дырочек проходит, – тараторила Рут. – А у меня шесть прошёл, и я выиграла, и Марк мне её подарил, вот!

Марк быстро покосился на отца и, увидев его улыбку, успокоился. Ларри кивком показал сыну на стаканы с коктейлями. Марк взял оба и повернулся к Рут.

– Попробуй, Рут, очень вкусно.

Рут доверчиво взяла стакан и отпила. Облизнула губы.

– Как вкусно! Никогда не пила такого. А что это?

Марк снова посмотрел на отца и, улыбнувшись, пожал

плечами.

– Не знаю. Папа умеет так смешивать, что смесь вкуснее, ну, того, из чего смешали.

Рут посмотрела на Ларри.

– Большое спасибо, мистер Левине, очень вкусно.

– Рад слышать, что понравилось, – улыбнулся Ларри.

Допив коктейли, перешли в столовую к уже накрытому столу. Усадив гостей, Ларри предложил им салат. Марк, очень старательно копируя его интонации и движения, ухаживал за Рут.

– А кто вам готовит, Лоуренс? И убирает?

– Мы всё делаем сами, Эстер. Ну, в стирку я отдаю. А с остальным справляемся.

– Вы отлично готовите, Лоуренс.

– Спасибо, Эстер. Меня учила Энни, она была кухаркой у сэра Маркуса.

– О, Рут рассказывала мне о ней.

– Это моя тётя, – шепнула Рут Марку. – Меня в её честь назвали.

– А меня в честь сэра Маркуса.

Марк встал помочь отцу сменить тарелки и приборы. А когда Ларри торжественно поднял тяжёлую крышку и облако душистого пара вырвалось наружу, Эстер ахнула.

– Какая прелесть! Что это?

– Это настоящая фаршированная рыба. По всем правилам.

К радости Рут, эта рыба была совсем без костей. И её можно было свободно есть вилкой.

– Мой бог, – покачала головой Эстер, – я столько лет не ела фаршированной рыбы. Вы потрясающе готовите, Лоуренс.

– Я старался, – улыбнулся Ларри. – И потом, мне помогали.

– Кто?

– Марк, конечно.

Ларри подмигнул сыну и очень серьёзно продолжил:

– Пряности в фарш он отмерял.

Рут посмотрела на Марка с уважением, и Марк вскочил со стула.

– Пап, я десерт принесу.

– Дай сначала доесть, Марк.

– Нет, пусть несёт, – рассмеялась Эстер. – Тебе помочь, Марк?

– Я сам, – донеслось уже из кухни.

Блюдо с подрагивающими куполами желе Марк доставил до стола вполне благополучно. Рут даже взвизгнула и захлопала в ладоши. Ларри помог Марку поставить блюдо на стол.

– Вот, – перевёл дыхание Марк и посмотрел на отца.

Доставая желе из формочек, он немного перекосил их и теперь... но Ларри кивнул.

– Ты молодец, сынок.

И Марк, успокоившись, сел на своё место.

– Рут, тебе клубничного или апельсинового?

Рут вздохнула. Ей хотелось и того, и другого, но Марк ждёт её слова, а мама явно не разрешит сказать правду. Она ещё раз вздохнула.

– Клубничного.

И Марк положил ей на тарелку розовую подрагивающую башенку.

После обеда вернулись в гостиную, и Ларри снова сделал всем по коктейлю.

– Спасибо, Лоуренс, – Эстер отпила и тоном светской дамы продолжила: – В следующее воскресенье вы обедаете у нас.

– Да! – сразу подхватила Рут. – Марк, ты тоже приходи.

– Благодарю за приглашение, – склонил голову Ларри. – Это большая честь для нас.

И Марк, восхищённо и благодарно посмотрев на отца, повторил его полупоклон.

Попрощались они на крыльце. У калитки Рут обернулась и помахала им зажатой в кулачке головоломкой.

Марк и Ларри постояли на крыльце, пока Эстер и Рут не скрылись из виду, и тогда вернулись в дом.

– Будем убирать, пап?

– Да, только переоденемся сначала.

Марк кивнул и побежал наверх. В самом деле, не в праздничном же костюме мыть посуду.

Он старался всё сделать быстро, но, когда переодевшись и

повесив костюм в шкаф, спустился, отец уже всюду хлопотал на кухне.

– Принеси мне из столовой тарелки, Марк.

– Ага, да, пап, сейчас.

Тарелки на столе были уже собраны в стопки, и Марк управился быстро.

– Пап, – он старательно вытирал вымытые отцом тарелки из парадного сервиза. – А они тебе понравились?

– Не нажимай так сильно, Марк, не три, а промокай воду, вот так, правильно. Да, понравились. А тебе?

– Ну... Рут – нормальная девчонка, не плакса. И не зануда. Ну... мы пойдём к ним?

– Конечно. Нас же пригласили, – улыбнулся Ларри. – А Эстер, миссис Чалмерс, тебе понравилась?

– Ну-у, – протянул Марк и, вдруг догадавшись, вскинул на отца глаза. – Ты хочешь на ней жениться, правда?

– Правда, – после недолгого молчания очень серьёзно сказал Ларри и так же серьёзно продолжил: – Но, если ты против... Понимаешь, сынок, я не могу сделать это без твоего согласия.

Марк столь же серьёзно кивнул.

Молча они убрали на место парадный сервиз, навели порядок в столовой и гостиной.

– Пап, ничего, что я подарил Рут «дорожку»?

– Это твои вещи, Марк, и ты вправе ими распоряжаться. А что? Тебе уже жалко?

– Нет, – мотнул головой Марк. – Она хорошая. Ты считаешь мне?

– Как всегда, Марк.

И когда вечером они сели у камина дочитывать «Илиаду», всё было, как всегда. Как обычно.

Неделя была заполнена судорожными попытками как-то приукрасить их убогую квартирку и выкроить деньги на приличный обед. Новое платье Рут сильно подкосило их выверенный до цента бюджет. Нет, Эстер понимала, что ей – скромному клерку из захудалой фирмочки – тягаться с ювелиром с Маркет-стрит... просто смешно. И так... что именно «и так», она не додумывала, отмывая, начищая, перекладывая заново подушки на диване, стирая, крахмалая, снова и снова пересчитывая деньги... Рут увлечённо занималась головоломкой и словно не замечала материнских стараний и волнений.

И вот квартира отмыта и убрана, Рут в новом платье, она сама... тоже в наилучшем виде, обед готов. Всё готово.

Эстер стояла у окна, разглядывая их тихую в этот час улицу. Они должны прийти с той стороны. Пора бы... или нет, ещё целых тринадцать минут до... до званого воскресного обеда. Ведь это... это должно быть именно так, они были в гостях, а сегодня ответный визит. Всё как у людей, как и положено людям.

– Мама...

– Что, Рут? – ответила Эстер, не оборачиваясь.

– Мам, а когда ты женишься?

– Выйду замуж, – привычно поправила она и, не вдумываясь в дочьи слова, попросила: – Поговорим об этом потом, хорошо?

– Хорошо, – согласилась Рут, из-под её руки выглядывая в окно. – А вон и они идут! И с подарками!

Эстер тоже увидела их, но ничего не сказала: у неё почему-то перехватило горло. Вот Марк дёрнул отца за руку, и тот поднял голову, увидел её. Их глаза встретились. Мужчина улыбнулся, и она ответила ему улыбкой.

Подарками были цветы. Пунцовая роза на длинном стебле для неё и маленький букетик весенних фиалок для Рут. А у неё ни вазы, ни даже вазочки нет, пришлось срочно оборачивать цветной бумагой какие-то бутылку и баночку.

Эстер покраснела до слёз, и Ларри смутился, но потом всё как-то само собой уладилось и утряслось. Показывать квартиру Эстер не хотела, да и что демонстрировать? Старую «удачно» купленную по дешёвке мебель? Нет уж! Но и сразу садиться за стол тоже неприлично. Рут занимала Марка своими куклами, а Эстер и Ларри, сидя на диване рядом, но соблюдая минимальную – из-за размеров дивана – приличную дистанцию, смотрели на детей и говорили. О каких-то школьных делах, о нашумевшей на всю Колумбию истории мошенничества и краха какой-то фирмы, о том, что осенью будут выборы в мэрию и в Федеральную Палату, о чём-то

ещё... Потом они оба никак не могли вспомнить ни предмета, ни результата разговора.

Наконец Эстер, разгладив на коленях юбку, сказала:

– Ну, пора к столу, не так ли?

Ларри легко встал и в полупоклоне подал ей руку. Будто им предстояло пройти через анфиладу, а не сделать два маленьких шага от дивана к уже накрытому столу.

– Дети, – неожиданно для самой себя позвала Эстер, – Марк, Рути, к столу.

И Ларри, и Марк тоже отнеслись к этому так, будто... будто так и надо.

Расселись за столом, и Эстер разложила по тарелкам селедочный форшмак. И все дружно приступили к еде.

– Очень вкусно, Эстер. У Энни так не получалось.

– А у вас, Лоуренс?

– У меня тем более, – рассмеялся Ларри.

После форшмака Эстер поставила на стол блюдо с мясом под кисло-сладким соусом и предложила Ларри, как старшему мужчине, разрезать и разложить его. Ларри с благодарным кивком взял нож и большую двузубую вилку.

Рут старательно орудовала ножом и вилкой, про себя негодуя, что мама забыла заранее нарезать мясо на маленькие кусочки, чтобы раз – и в рот, а теперь... Но всё обошлось благополучно: без пятен на скатерти и платье.

– Рути, помоги мне.

Вдвоём они убрали на кухню столовую посуду и накрыли

стол для кофе, соков и печенья.

Золотистые кругляши в тёмных крапинках корицы таяли во рту. Марк мужественно держался, стараясь не тянуться к блюду слишком часто.

– Вы великолепно готовите, Эстер.

– Отвечу вашим же: я старалась.

Ещё какие-то незначащие разговоры и... и пора вставать из-за стола. Но они медлили.

– Эстер... спасибо за чудесный обед, и... и, если вы не против, я хотел бы просить вас, Эстер, о встрече... на неделе.

– Хорошо, – сразу кивнула она. – В среду я заканчиваю в четыре.

– Да, – обрадованно подхватил Ларри. – В полпятого в «Чёрном лебеде», хорошо?

«Чёрный лебедь» считался если не лучшим, то самым приличным заведением в Цветном, и показаться там, да ещё днём было вполне допустимым. И Эстер кивнула.

– Хорошо, в полпятого в «Чёрном лебеде».

А затем неизбежное прощание. Рут протягивает Марку маленького фарфорового медвежонка.

– Вот, возьми себе, – и вздыхает.

– Спасибо, Рути.

Марк бережно ставит медвежонка на ладонь, гладит по голове указательным пальцем и восхищённо повторяет:

– Спасибо, Рути, большое спасибо.

И всё, надо расставаться. И, как Ларри с Марком прово-

жали их, стоя на крыльце, так Эстер с Рут теперь стояли у окна, глядя, как Ларри и Марк скрываются за углом.

– Мам, – Рут дёрнула рукав кофточки Эстер. – Ну, мама же!

– Что, Рути? – наконец оторвалась от окна и своих мыслей Эстер. – Что тебе?

– Ну, так, когда вы поженитесь?

– Что?! – изумилась Эстер.

– А чего тянуть? – пожала плечами Рут. – Всё же ясно-понятно. Ну, мам?

Эстер заставила себя улыбнуться.

– Рути, что тебе ясно? Ничего же не было.

– Ну так сделай, чтобы было. Вот девочки говорили, что мужик пока не переспит...

– Рут, – Эстер пыталась говорить строго и с каждым словом у неё получалось всё лучше. – Это взрослые дела, и не лезь в них. И мало ли кто что говорит. Незачем повторять всякие глупости.

Рут обиженно надула губы, но промолчала. А то мама заругается и не пустит на улицу к другим девочкам, а ей столько нужно им рассказать.

Когда они уже подходили к дому, Марк убеждённо сказал:

– Пап, я думаю, тебе не стоит упускать этот шанс.

– Спасибо, сынок, – так же серьёзно ответил Ларри и вздохнул. – Если она согласится.

Марк снизу вверх посмотрел на отца.

– Пап, она согласится, – и так как Ларри внимательно смотрел на него, объяснил: – Она же добрая.

Ларри улыбнулся и потрепал сына по голове. Что ж, раз Марк согласен... нет, он не хитрил, когда говорил, что без согласия сына не пойдёт на такое. А что ему нужно жениться, что ребёнку нужна мать, а дому – хозяйка, и вообще... нужна нормальная семья, да об этом ему говорили многие. И даже отец Артур. А священника в Цветном квартале уважали. Не было ещё случая, чтобы он кому-то во вред посоветовал. Так что... так что надо завершить задуманное.

Дома они, как всегда, сразу переоделись, и Марк стал устраивать подаренного ему Рут медвежонка. И дальше вечер покатился как обычно.

Работа есть работа. И что бы ни происходило, заказы должны быть готовы в срок. И... и должен быть порядок. Во всём. Ларри выкроил время, нашёл материал, ещё в первое рукопожатие, ощутив в своей ладони её пальцы, определил размер. И вот оно – узкое золотое колечко с фигурным завитком, окружившим два маленьких безукоризненных бриллианта. Оно изящно, элегантно и должно понравиться. И всё хорошо, всё правильно, но... но как он его запишет? В расходную книгу... золота по весу, камни первого класса, индекс, размер в каратах... это-то просто и понятно, но как ему заполнить графу, куда записывается имя заказчика или про-

дажный номер? Ларри помедлил над раскрытой книгой и решительно вписал: «для миссис Чалмерс». Вот так. А теперь книга выдачи. Номер, стоимость материала, работы, футляра, проба, налог, общая стоимость. «Внесено наличными». Он достал из кармана бумажник, отсчитал нужную сумму и выписал счёт. Вот так. Деньги в кассу, счёт себе, корешок в подшивку. К сожалению... Ларри понимал, что это можно и наверняка нужно было устроить как-то по-другому, но он не знает – как. И спросить некого. Фредди будет в Колумбии только в конце месяца, а ни к кому другому он с таким вопросом обратиться не сможет. Но... что сделано, то сделано. И надо действовать дальше.

Ларри спрятал коробочку с кольцом в карман и стал наводить порядок. Как бы ему не опоздать. Это женщина может... задержаться, а мужчина приходит вовремя. Тем более в «Чёрный лебедь». Заведение, конечно, приличное, но это всё же ресторан, и одинокая женщина за столиком в ожидании... могут понять неправильно. Нет, этого допускать нельзя.

Закрыв дверь, он по привычному маршруту пошёл в Цветной. Подумал было купить цветы, но тут же отказался от этой идеи: он не знает, что и как положено делать в такой ситуации, и лучше быть... проще, пожалуй. Лучше совсем не сделать, чем сделать не то. Здесь ошибка непоправима.

В «Чёрном лебеде» он раньше не бывал, но встретили его если не как старого знакомого, то как желанного гостя. Ни о

чём не спрашивая, проводили к столику, откуда хорошо просматривалась входная дверь, подали чистой холодной воды в запотевшем высоком стакане с выгравированным лебедем.

Ларри сидел, неотрывно глядя на дверь, и, вздрогнув, встал, когда она неожиданно вошла. В том же тёмно-сером костюме, но уже не в розовой, а в светло-салатовой блузке. Обвела взглядом зал, увидела его, улыбнулась и пошла к нему.

– Здравствуйте, Лоуренс.

– Здравствуйте, Эстер.

Он пожал ей руку, отодвинул стул, помогая сесть, и сел после неё. И почти тут же подошёл официант. Эстер вопросительно посмотрела на Ларри.

– Всё, что хотите, Эстер, – храбро сказал Ларри.

– Я доверяю вашему выбору, – улыбнулась она.

– Ну, тогда...

Ларри сделал заказ и тут же забыл о нём. Может, и нельзя так торопиться, надо бы подождать, но он не хочет и не может ждать. Надо решать. Здесь. Сейчас. Немедленно.

– Эстер.

– Да, – она оторвалась от своего стакана с водой и вопросительно подняла на него глаза.

– Я хочу... хочу вас спросить.

– Пожалуйста, Лоуренс.

– Вот.

Он достал из кармана маленькую коробочку из красного

бархата и протянул ей. Эстер удивлённо взяла её, разглядывая на крышке вензель из двух переплетённых «L».

– Что это, Лоуренс?

Он молчал, и она догадливо улыбнулась.

– Это и есть ваш вопрос, да?

Ларри молча – у него вокруг перехватило горло – кивнул. Эстер открыла коробочку и тихо ахнула: так сверкнули и заиграли бриллиантики. Она осторожно достала кольцо и долго рассматривала его. И когда Ларри уже начал беспокоиться, Эстер подняла на него строгие, влажно блестящие глаза.

– Я отвечаю на ваш вопрос, Лоуренс. Вот мой ответ, – и решительно надела кольцо.

Ларри благодарно склонил голову.

Им принесли салат и что-то ещё. Они ели, не замечая вкуса и даже не совсем понимая, что именно едят. Оба сразу с каким-то азартом бросились в обсуждение житейских вопросов. Свадьба, переезд, Эстер надо уволиться, но две недели лучше отработать, иначе слишком большая неустойка, пустяки, стоит ли, но неустойка большая, но разве она не на годовом контракте, нет, если она завтра же скажет, что уходит, свадьба в субботу, да, комнату Рути он сделает, в воскресенье, нет, в пятницу уже всё будет готово, это же лишние деньги, пустяки, они уже в субботу начнут новую жизнь...

После салата они ещё чего-то съели, выпили ещё по стакану чего-то сладкого, Ларри механически, не обратив внимания на сумму, расплатился, и они вышли на улицу.

– А теперь... Ларри?

– К священнику, Эсти.

Совершенно естественно и незаметно для себя они перешли на уменьшительные имена. И так же естественно Ларри взял Эстер под руку.

– Хорошо, Ларри, но такая спешка...

– Какая спешка? Четверг, пятница – целых два дня, Эсти, я же с ума сойду от ожидания.

Эстер рассмеялась. А Ларри, сам себя не узнавая, то сыпал шутками, то напористо обсуждал проблемы переезда. И с отцом Артуром, которого они нашли в церковном саду, он говорил не просто решительно, а с весёлой уверенностью в успехе.

Отец Артур выслушал их и кивнул.

– Хорошо, дети мои.

Обговорили всякие необходимые мелочи и детали. Эстер сразу сказала, что часть своих вещей передаст в фонд пожертвований. Ведь она уже в воскресенье переедет к Ларри.

– Спасибо, дочь моя.

Попрощались и ушли.

– Уже поздно, Ларри, Рут одна дома.

– Я провожу тебя, Эсти.

– А Марк?

Ларри улыбнулся.

– Он уже большой.

Но Эстер настояла.

– Нет, Ларри, я не хочу, чтобы из-за меня Марк оказался ущемлённым.

Ларри вздохнул, но спорить не стал. Таким ласковым и в то же время строгим был тон Эстер. И ведь она в самом деле права. К тому же ему надо столько успеть.

Они попрощались и разошлись.

Ещё два дня, целых два дня ожидания и всего два дня на подготовку. Но чувство уверенности уже не покидало его.

Два дня хлопот, суеты, а ещё же надо работать, работа – главное всего, но у него всё получалось в эти дни.

Комнату Рут сделали рядом со спальней Марка.

– Я думаю, пап, ей понравится, – сказал Марк, стоя посреди и оглядываясь.

Грузчики только-только ушли, в комнате пахло лаком и ещё тем особым запахом новой мебели.

– Хорошо бы, – хмыкнул Ларри.

Хотя... выбор по каталогу на этот раз он полностью доверил Марку. И получилось, кажется, совсем неплохо. Весёлая детская комната. Да, Марк уже начинает чувствовать цвет. А в спальне ничего менять не стали. Спальня теперь супружеская, пусть Эстер сделает её по своему вкусу. На завтра всё вроде продумано. Праздничный обед он заказал в том же «Чёрном лебеде», они пойдут туда прямо из церкви. И уже после обеда домой. А в воскресенье с утра они с Марком помогут перенести самые необходимые вещи. По правилам, им

с Эсти нельзя видеться последние сутки, он знает, но... но это же только обычай, если и нарушат, то не страшно.

– Пап, – Марк взял его за руку, – ты не нервничай, всё будет хорошо.

– Спасибо, сынок, – потрепал его по кудряшкам Ларри. – Я очень на это надеюсь.

Марк улыбнулся.

– Пап, а в своей спальне ты ничего менять не будешь? Почему?

– Пусть это сделает она сама. Ей будет приятно.

– А! Так поэтому для Рут картинок не купили, да? – догадался Марк.

– Да, – кивнул Ларри. – Свою комнату ты же сам делал. Но если хочешь... Нарисуй ей что-нибудь. В подарок.

– Ага! – сразу согласился Марк.

И Ларри не поправил его, чтобы говорил правильно.

Эстер перебирала вещи, свои и Рут, аккуратно раскладывая их на три стопки. Что нужно уже завтра отнести на новую квартиру, нет, в новый, но свой дом, что полежит здесь ещё два-три дня, а от чего можно и надо избавиться. Что-то, что лучше, отдать в церковь как пожертвование, а остальное... просто вынести и положить на видное место, чтобы разобрали.

– Рути, ты все игрушки берёшь?

Рут вздохнула.

– Мам, а мне тоже нужно... раздарить? Это обязательно?

– Решай сама, – улыбнулась Эстер.

Рут ещё раз вздохнула и стала разбирать свои сокровища: фантики, камушки, цветные стёклышки и фарфоровые чашечки.

– Куколок я всех возьму, – приговаривала шёпотом Рут, – и этот камушек, он счастливый, я им всегда выигрываю.

Эстер достала сумку и стала укладывать отобранное для завтрашнего... переезда. Ну что... в конторе она всё уладила ещё вчера...

...Сигал удивлённо посмотрел на неё, когда она вошла в его кабинет.

– В чём дело, Чалмерс?

– Я пришла сказать вам, мистер Сигал, – начала она заготовленную и продуманную речь, – что с понедельника не смогу более работать на вас.

– Вот как? – он с насмешливой недоброжелательностью оглядел её. – И где же вам будут платить больше? Или... вы меняете профессию?

Она улыбнулась: мужчины ревнивы, а кого и к кому ревновать – им уже неважно. Босс может увольнять, но не допускает самовольного ухода. Но сейчас она его успокоит.

– Ни то, ни другое, мистер Сигал. Я выхожу замуж, – и, шевельнув рукой, показала, как бы ненароком, обручальное кольцо.

– Мм? – он окинул её уже совсем другим взглядом, при-

смотревшись к искре бриллианта в кольцо. – Что ж, тогда понятно. Ладно, Чалмерс, – Сигал задумчиво кивнул своим мыслям и принял решение. – Ладно. И когда свадьба?

– В субботу, сэр.

– Хорошо. В пятницу расчёт, сдадите дела и всё. Идите, Чалмерс, – и уже ей в спину: – Желаю счастья.

– Спасибо, мистер Сигал, – ответила она, выходя.

И, вернувшись к своему столу, занялась делом. Надо всё разобрать, подвести итоги, чтобы тот или та, кто сядет за её стол в понедельник – интересно, а где Сигал найдёт бухгалтера, согласного на зарплату рядового клерка? У неё тогда все другие варианты были ещё хуже, но сейчас... но это проблемы Сигала...

...Что ж, она всё сделала, как задумала. Навела порядок, сдала все бумаги доверенному лицу Сигала, попрощалась с соседками по комнате, получила расчёт. В конце концов ей было совсем не плохо, платили, правда, меньше, чем остальным, но только до Капитуляции, а потом столько же, и расплатился Сигал с ней честно, и даже – Эстер улыбнулась – не только не требовал неустойки, но даже выдал премию в размере дневного заработка. Неужели это вид кольца так подействовал? Видимо, как человек опытный, решил не ссориться с дарящим столь ценные вещи. Поистине, бриллианты – лучшие друзья! Ну вот, это она сделала, и с квартирой уладилось. Ещё неделю квартира за ней. Она всё спокойно сделает, всем распорядится.

– Рут, ты готова?

– Да, – вздохнула Рут. – Я погуляю пока, ладно? Попрошайсь.

– Конечно, Рут, – улыбнулась Эстер. – Только далеко не уходи.

И когда Рут убежала, медленно огляделась. Ну вот, сегодня их последняя ночь в этом доме. Нет, им было здесь неплохо, даже хорошо. Эд... но Эд мёртв уже два года. Ей не в чем себя упрекнуть, она всегда была верна Эду и благодарна. Да, Эд спас её, нищую голодную девчонку, отравленного зверька. «Поделим нужду на двоих, и каждому достанется поменьше». Эд старался шутить, брался за любую работу, чтобы она училась, а как радовался рождению Рут. И на переезд в Колумбию Эд настоял ради неё и дочери. Сам бы он везде прокормился, а они... И в Колумбии...

Эстер вздохнула. Но... но жизнь продолжалась. Эда забрали на работы, мобилизовали на защиту Империи, Рут только-только год исполнился. Эд даже ухитрился что-то им присылать, ей, как жене мобилизованного удалось устроиться на приличную работу. Да, трудно, да, война, Колумбию хоть и не бомбили, но тоже хватало всякого, но русские побеждали и цветным, а, значит, и ей становилось чуть легче. И страшный конверт. Эдвард Чалмерс, условный, двадцати восьми лет, мобилизованный на работы, погиб за Империю. И ни как, ни что, ни могилы... а через месяц Капитуляция. Всего месяца не хватило...

Эстер встряхнула головой. Всё, уже отболело. Завтра у неё такой день, а она... Ещё бы плакать вздумала. А Ларри... Лоуренс Левине... да, он – негр, да, она окончательно теряет расу, теряет шанс выбраться когда-нибудь из Цветного, теряет... вот и все потери, а всё остальное – уже приобретения. Ларри богат. Разумеется, она согласилась не поэтому. Ларри добрый, о нём все говорят очень хорошо, он будет хорошим отцом для Рут. А деньги... нет-нет, ей нравится сам Ларри, и, если бы он был беден, она бы всё равно согласилась. Нет, самое главное то, что он – Левине. Он... свой.

Она быстро закончила возню с вещами, подошла к окну позвать Рут домой. И ахнула. Ларри?! Стоит под окном и смотрит на неё, закинув голову, а рядом Марк и Рут. Ну... ну что же это такое?! Сразу и смеясь, и хмурясь, Эстер высунулась в окно и крикнула:

– Поднимайтесь!

И три радостные улыбки в ответ.

До сих пор она видела Ларри только в строгом чёрном костюме и белой рубашке с галстуком, а сегодня он в джинсах и ковбойке, как ходят почти всем мужчины в Цветном, у кого постоянный заработок.

– И чего нести? – Марк старательно изображал грузчика, заставляя Рут хохотать до взвизгов.

Рассмеялась и Эстер.

– Мой бог, Ларри, мы же не должны видеться до свадьбы.

– Эсти, – Ларри осторожно взял её за руки, – я много че-

го был не должен, я не могу дожидаться, я два дня тебя не видел, и ещё... должна же Рут увидеть свою комнату. Если ей что-то не понравится, успеем переделать.

– Ларри...

– И тебе же завтра с утра надо идти за платьем, – добил остатки её сопротивления Ларри. – Ну же, Эсти.

– Мы готовы, – вмешалась Рут.

Эстер и Ларри обернулись к ним. Рут прижимала к груди своего старого вытертого медвежонка, А Марк держал коробку с остальными игрушками и книжками.

Эстер рассмеялась и кивнула.

Ларри быстро перепаковал всё собранное в одну коробку, и они пошли. Через весь Цветной.

Вечер пятницы – предпраздничный. Всем, кто не на подёнке, а имеет постоянную работу, выдали зарплату, и завтра отдых, целых два дня, а кто будет работать, так те получат двойную плату. Так что, всё сегодня хорошо, а завтра будет ещё лучше! И Ларри, и Эстер многие знали, окликали, здоровались и, лукаво подмигивая, желали счастья.

– Откуда они все узнали? – тихо спросил Ларри, попрощавшись с очередным знакомым. – Я никому ничего не говорил, правда.

– Я тоже, – улыбнулась Эстер. – Но всё равно все знают. И потом, Ларри, я сказала, что съезжаю с квартиры, заказала платье у Колетт, мы были у священника... люди не слепые, Ларри, и сложить два и два труда не составит.

Ларри кивнул.

– Да, Эсти. И... и я не сказал тебе главного. Завтра с утра, а в церковь мы идём в полдень, завтра с утра я буду работать.

– Конечно, – Эстер на ходу погладила его по руке. – Я понимаю, работа прежде всего, и всё равно мы должны встретиться только в церкви.

Ларри обрадованно перевёл дыхание. Они уже миновали угловой магазинчик и шли по Новой улице. А вот и их дом. Эстер шла за Ларри через газон к крыльцу с тем странным чувством, с каким когда-то, давным-давно, поднималась по тёмной крутой лестнице за Эдвардом в их колумбийскую квартиру.

На крыльце Ларри поставил коробку на пол и достал ключи.

Дом был пуст и чист. Значит, та чистота, что поразила её в первый раз, привычна. Что ж, она это запомнит.

Они поднялись на второй этаж и сразу зашли в комнату Рут.

Золотистая светлая комната потрясла Рут.

– Это... это моё? Это мне? – наконец выдохнула она.

– Да, – кивнул Ларри.

Эстер мягко потянула его за локоть.

– Пойдём, пусть сами.

Ларри кивнул и отступил к двери. Они тихо оставили детей вдвоём и перешли уже в их спальню. Ларри поставил на пол коробку с вещами, которую так и держал в руках, и

неуверенно предложил.

– Я пойду сварю кофе, хорошо?

– А я разберу вещи, – подхватила Эстер.

Но сказав это, оба остались стоять рядом, будто ждали ещё чего-то, ещё чьих-то слов.

Ларри сглотнул.

– Я... я не стал ничего менять. Пока... я думал... ты сделаешь по-своему.

– Спасибо. А... а что бы ты хотел?

– Я не думал об этом, – тихо ответил Ларри.

Эстер задумчиво кивнула.

– Я думаю... занавеси и обои оставим, мне нравится этот цвет, – Ларри просиял, и Эстер продолжала уже увереннее. – Всё очень мило, Ларри, я думаю... Ты любишь цветы?

– Да, – радостно кивнул Ларри. – И... и ты видела мою... нашу альпийскую горку?

– Да, очень красиво. Знаешь, давай вот здесь поставим лиану. Она вырастет и оплетёт окно.

Они обсудили спальню, и Эстер ахнула.

– Оу, уже темнеет!

– Да, – кивнул Ларри и заторопился: – Я сделаю яичницу. Ты... ты как любишь? Омлет или глазунью?

– А глазунья – это что? – прозвенел тоненький голосок.

На пороге спальни стояла Рут, а за ней Марк.

– Вот и познакомьтесь, – рассмеялся Ларри.

Ему снова всё стало легко и просто. Он кивнул Эстер.

– Когда закончишь, спускайся, Эсти, – и детям: – Пошли вниз, поможете мне.

Когда они ушли, Эстер огляделась. Уже не рассматривая, а вглядываясь. Открыла шкаф и ахнула. Рядом с двумя костюмами и ветровкой с десятков пустых, явно предназначенных для дамских нарядов плечиков. У неё и нет стольких платьев. А за другой створкой? Стопка белых рубашек, стопка ковбоек, а остальные полки пусты и ждут её. И отдел для обуви. Парадная лаковая пара, пара простых чёрных ботинок и всё.

Она быстро разложила и развесила свои вещи, но шкаф и комод полнее от этого не стали. Взяла вещи Рут и пошла в её комнату.

Куклы уже рассажены, на столе рассыпана мозаика, на кровати валяется кверху лапами медвежонок. Всё ясно: Рут дорвалась! Надо будет ей объяснить, что, хотя комната и её, но должен быть порядок. И именно поэтому. Она положила под подушку на кровати лучшую пижамку Рут, поставила домашние шлёпанцы, но они так жалко смотрелись на новом ковре, что она задвинула их под кровать и напоследок посадила медвежонок правильно. Платьице и кофточку в шкаф, две пары трусиков в комод. Теперь ванная... там порядок. Эстер удовлетворённо оглядела результаты своих трудов и пошла вниз.

Они ели потрескивающую яичницу, пили холодное и тоже необыкновенно вкусное молоко.

И Ларри решительно сказал, что уже темно, он проводит Эстер и Рут домой, а Марк подождёт его.

– И тебе не страшно? Ну, одному? – Рут с уважением посмотрела на Марка.

Сама она боялась темноты, вернее, одной в тёмной комнате. Марку тоже бывало не по себе, когда отец задерживался, и он оказывался один в сумеречном и пустом доме, но сейчас он гордо вскинул голову.

– Пустяки, Рут, – и неожиданно выпалил затаённое: – Один же вечер.

– Да, – кивнул Ларри и улыбнулся. – Завтра уже всё будет по-другому, – и, поглядев на Марка, решил: – Одевайся, Марк, пойдём все вместе.

Марк стремглав бросился наверх в свою комнату за ветровкой.

Эстер рассмеялась:

– Рути, а ты? В одном платье прохладно.

Рут растерянно посмотрела на мать. И Эстер снова рассмеялась, поняв, что Рут попросту забыла о принесённых вещах.

– Ну, идём, покажу, – и обернулась к Ларри: – А ты? Принести тебе?

– Да, – улыбнулся Ларри.

И, стоя внизу, с наслаждением слушал смех, голоса и топот наверху. Его дом ожил! Наконец все трое спустились. Марк в ветровке, Рут в вязаной кофточке и Эстер тоже в вя-

заном сером жакете. Эстер протянула Ларри его ветровку.

– Спасибо, – Ларри быстро оделся, оглядел... свою семью, да, именно так. – Пошли?

– Пошли, – кивнула Эстер.

Когда они все вместе вышли на крыльцо, Ларри, идя последним, выключил свет, захлопнул и запер дверь.

Вечер пятницы не сравним по размаху гульбы с субботним, но всё равно шуму, толкотни и пьяных хватает и даже с избытком. Но до дома Эстер они добрались вполне благополучно. Подниматься наверх Ларри не стал, простившись с Эстер у подъезда. Теперь они увидятся только в церкви. Подождав, пока Эстер и Рут покажутся в окне и помашут им, Ларри и Марк пошли домой.

Субботнее утро было солнечным и тихим. Эстер проснулась рано и, лёжа в постели, смотрела в потолок, привычно размечая по событиям предстоящий день. Сейчас она встанет, приготовит завтрак, разбудит Рут и... и после завтрака пойдёт за платьем. Вернётся домой. Переоденется, переоденет Рут, нет, выкупает и переоденет Рут, примет душ, оденется, и они пойдут в церковь. Встретится там с Ларри. Отец Артур обвенчает их в гулкой пустой церкви, они же никого не приглашали, разве только случайно кто-нибудь заглянет, зевака, которому некуда деть себя субботним днём. Из церкви они пойдут в «Чёрный лебедь» на праздничный обед. И потом домой. На Новую улицу. В свой дом.

Эстер сладко вздохнула и потянулась под одеялом. Как всё быстро, как стремительно всё совершилось. Будто с горки сбежала. Ну... ну всё, пора вставать. Хоть и хочется ещё полежать, понежиться и помечтать, но пора. Она откинула одеяло и встала. В одной рубашке босиком подошла к окну и отдернула штору. И комнату залил утренний золотистый свет.

– Мам, – сонно позвала Рут, – уже утро?

– Да, – ответила, не оборачиваясь, Эстер. – Если хочешь, вставай.

Рут вздохнула и, зарываясь в подушку, ответила:

– Я ещё поваляюсь.

Обычно Эстер ей это не разрешала, но сегодня, в такой день...

– Хорошо.

Удивлённая её согласием, Рут села в постели.

– А почему?

Эстер наконец оторвалась от окна и рассмеялась.

– Потому что потому.

И вполне удовлетворённая ответом, Рут опять нырнула под одеяло. Но лежать ей быстро расхотелось, она вылезла из кровати и в пижамке зашлёпала на кухню.

– Мам, а чего...?

– А чего ты неумытая и неодетая? – не дала ей договорить Эстер.

И Рут облегчённо вздохнула: мама была обычная, как всегда.

После завтрака Эстер собиралась за платьем, но Рут заявила, что пойдёт с ней. Все её куклы и игрушки уже там, здесь ей играть не во что. Эстер пришлось согласиться, что сидеть одной дома дочке скучно, а оставить её играть на улице – так потом отмывать замучаешься, а время сегодня дороже денег. И они пошли вместе.

Колетт Перри утверждала, что она француженка, по крайней мере наполовину, и с ней никто не спорил, хотя она больше походила на трёхкровку. Но шила она хорошо, ловко делая из дешёвой материи и блёсток сногшибательные туалеты. А уж из чего-то приличного она просто чудеса творила.

Платье было не белым и не серым, а нежно-жемчужным, переливчатым. Нижняя юбка из той же ткани, длинная с оборкой до пола, делала его свадебным, а без неё – элегантное платье для визитов, и юбку можно носить отдельно, как просто нарядную.

– Спасибо, Колетт, – Эстер медленно оглядывала себя в большом трёхстворчатом зеркале.

– Да, мой бог, Эстер, – Колетт по-свойски подмигнула ей в зеркале, – такой шанс раз в жизни выпадает, я же понимаю. Как покажешься в первый раз, так потом и пойдёт, уж поверьте, мы, француженки, в этом понимаем. Говорят, что мужчину надо удивлять, ну, чтоб не остыл, вы понимаете, а я скажу, что мужчины – толстокожи, как слоны. Его надо удивить один раз, но так, чтобы хватило надолго, чтоб как обалдел, так и не очухался. А каждый раз новое выдумывать,

так обязательно где-нибудь, да дашь промашку.

Эстер слушала её болтовню и улыбалась своему отражению, узнавая и не узнавая себя.

– Мам, ты так и пойдёшь? – подала голос Рут.

– Не сейчас, – ответила Эстер.

И вздохнула: так не хотелось снимать эту роскошь. Но Колетт уже хлопотала с коробками: для платья, для юбки, для цветов.

– Мой бог! – ахнула Эстер. – Как я донесу?!

– Мам, я цветы возьму, – предложила Рут.

– Хорошо, – кивнула Эстер, застёгивая своё «будничное, но приличное» платье.

– Да не бери в голову! – Колетт оглядела коробки и позвала: – Жанно! Ты где, бездельник? – и, когда в примерочную вошёл смуглый голубоглазый подросток, распорядилась: – Отнесёшь заказ мадам.

Эстер взяла свою сумочку и достала деньги. Она их при готовила ещё дома, дважды пересчитала, обернула бумажной полоской наподобие банковской, но всё никак не могла поверить, что отдаст, ведь... ведь это почти, да что там, больше её месячных трат вместе с квартирой и электричеством. И... и деньги не её, их дал Ларри. Ещё в ресторане, когда они обсуждали предстоящую свадьбу, он достал из бумажника, дал ей, не пересчитывая, а сколько достала рука, и очень просто сказал:

– Вот. Купи всё, что нужно, – и улыбнулся: – И всё, что

хочешь.

И она пошла к Колетт, и заказала шикарный фасон из дорогой материи, и с надбавкой за срочность.

Эстер протянула Колетт деньги. Ты взяла их, быстро, не разворачивая обёртки, пересчитала и сунула то ли за пазуху, то ли во внутренний карман.

– Ну же, Жанно, поторапливайся.

Жанно легко и ловко взял обе коробки, покосился на Рут, бережно прижимавшую к груди коробку с цветами, и буркнул:

– Пошли, что ли.

– Ты что это себе позволяешь, поросёнок?! – шлёпнула его по затылку Колетт. – Ступай и будь вежлив, тогда и тебе перепадёт. Грубияну чаевых не видать! Ни конфет, ни мороженого не будет.

Жанно ухмыльнулся: умеет мать так повернуть, чтоб и ему перепало. Теперь-то уж точно не забудут. А с таким заказом меньше кредитки не отвалят.

Они шли по улице целой процессией. А возле их дома топтался негритёнок лет восьми с коробкой из цветочного магазина.

– Во, ваш букет, мэм, – выдохнул он, преданно распахивая до предела глаза.

Эстер рассмеялась и кивнула.

– Молодец, отнесёшь наверх – получишь на конфету.

Негритёнок расплылся в блаженной улыбке, но тут же на-

стороженно покосился на Жанно: как бы тот не отнял чайных. Эстер перехватила и поняла этот взгляд. И, когда они поднялись и вошли в квартиру, сразу забрала букет, дала монетку и отпустила малыша.

– А теперь ты, – она улыбнулась Жанно. – Положи их вот сюда, на диван. Спасибо, держи.

Увидев целых две кредитки, Жанно радостно покраснел и, шаркнув ногой, склонил в полупоклоне – как мать учила – голову.

– Рад был услужить, мадам, заходите ещё, мадам.

И не вылетел, как та мелюзга голопузая, а степенно вышел, с вежливой бесшумностью прикрыв за собой дверь.

Ну вот, Эстер посмотрела на свои часы, дешёвые, но надёжные мужские часы на потёртом кожаном ремешке. Их оставил ей Эд, уезжая на работы.

– Всё равно отберут, – сказал он на прощание. – А ты, если припрёт, продашь. Всё деньги.

Она не продала, сохранила. Ладно. Эстер тряхнула головой. Вымыть и причесать Рут, вымыться самой, переодеть Рут и переодеться, и... и будет пора идти. И как она в таком платье пойдёт через весь Цветной к церкви? Но Ларри обещал, что проблем не будет. Ладно, посмотрим.

– Рут, пора мыться.

– Уже?!

– Да, уже. Давай, девочка, не упрямясь.

В принципе, Рут была послушной, только иногда, как бы

играя, капризничала. Но сегодня не тот день.

Вымыв Рут, Эстер велела ей сидеть и сушить волосы и стала мыться сама. У неё оставалось ещё немного дорогого душистого мыла, и она решительно извела весь кусок.

Когда она, вымывшись и на ходу вытирая голову, вышла из ванной, Рут сидела у открытого окна, гримасничая и с кем-то болтая.

– Так, – спокойно сказала Эстер.

– Ой, мама! – сразу обернулась Рут. – А я тут...

– Я вижу, – кивнула Эстер, обматывая полотенце как чалму вокруг головы. – Давай расчёсываться.

– Я ещё не высохла!

– Тем более.

Рут вздохнула и пересела на валик-подлокотник дивана, где её обычно расчёсывали. Эстер разобрала, расчесала ещё влажные спутанные кудряшки, заплела в две косы.

– Мам, а у меня коса выросла?

– Да, на четверть дюйма.

Обычный вопрос и столь же обычный ответ, означающий конец расчёсывания.

– А теперь одевайся.

В розовом новом платье, нарядных белых туфельках и белых гольфах Рут была чудо как хороша, и Эстер немного полюбовалась ею, притворяясь, что расправляет оборки на подоле и рукавах-фонариках.

– Ну вот, а теперь посиди, пока я буду одеваться.

– Ладно, – согласилась Рут, усаживаясь на край стула и расправляя вокруг себя пышную юбочку.

Эстер стала одеваться. Ей пришлось купить себе новые лифчик и трусики, пару тонких чулок-паутинок: нельзя же под такое платье надевать абы что, «приличное» старьё, хорошо, её нарядные, ещё Эд покупал, белые туфли по-прежнему хороши, правда, она и надевала их... да, сегодня в третий, нет, в пятый раз, и так... да, это с ума сойти, сколько она потратила, но – Эстер лицемерно вздохнула – но это же не просто так, она должна быть на уровне, держать марку. Сколько у неё осталось от денег, полученных на работе и тех, что дал Ларри, она старалась не думать. У неё свадьба, она – невеста и должна быть счастлива, а счастье не в деньгах, говорил Дэвид, счастье – не думать о них. Она и не думает. Хотя бы сегодня.

Эстер причесалась, цветы она приколет, когда оденется, надела юбку, платье, застегнула молнию на спине и стала прикалывать цветы. Фату она решила не делать, и Колетт с ней согласилась: в самом деле, ну, какой символ невинности у вдовы, и тратить материю на то, что потом никак не сможешь использовать, просто глупо, а вот сумочка-ридикюль из обрезков – это совсем другое дело.

О том, как она в такой юбке пойдёт, вернее, во что эта юбка превратится, пока она по пыли и грязи дойдёт до церкви, Эстер тоже не думала. И потом, вчера, когда зашла об этом речь, Ларри попросил её не волноваться. Она и не волнуется.

Хотя с него станется явиться сюда и донести её до церкви на руках. И силы, и безрассудства у него на это хватит. Эстер засмеялась, представив себе эту картину.

Ну вот, она готова. Эстер достала из шкатулки на комодке свои серёжки, простенькие позолоченные колечки, вдела их в уши, из коробочки с вензелем кольцо. Им сегодня их обвенчают. Ну...

На улице вдруг раздался такой детский визг, что Рут сорвалась с места и кинулась к окну. Выглянула и тоже завизжала с таким восторгом, что Эстер подбежала к ней и замерла.

Под окном стоял украшенный цветами экипаж, и даже у лошади между ушами был пристроен маленький букетик. И Доббин, сидя на козлах, поднял голову и широко улыбнулся.

– Так что мы уже туточки, милости просим, вмиг домчу.

Так...так вот что сделал Ларри! Нанял Доббина, что обычно возит белых гуляк по центру Колумбии, всяких богатых психов, которым такси надоело, и... и сегодня же суббота, самая работа у Доббина, сколько же ему Ларри заплатил? Мой бог, с ума сойти!

– Иду! – крикнула Эстер, быстро закрывая окно. – Рути, собирайся. Быстренько.

– А я готова!

Рут уже стояла у двери в обнимку с букетом. Эстер быстро сунула в сумочку кошелёк с остатком денег, пудреницу, носовой платочек, поглядела в зеркало – хорошо ли прико-

лоты цветы.

– Всё, Рут, идём.

Два привычных поворота ключа, ключ в сумочку, и она, непривычно придерживая длинную юбку, спускается по лестнице. Рут уже обогнала её и вылетела на улицу.

О мой бог, да вся их улица уже собралась вокруг. Её поздравляют, желают счастья, Рут уже восседает на переднем сиденье, крутится как юла. Доббин помог Эстер забраться в коляску, подождал, пока она заберёт у Рут свой букет и возьмётся свободной рукой за поручень, молодецки вскочил на козлы и звонко щёлкнул кнутом.

– О-ёй, Малышка, вперёд! Дорогу самой красивой невесте, дайте дорогу, а то жениху уже невтерпёж! – его чёрное лицо лоснилось и блестело.

Тёмно-гнедая вычищенная до блеска Малышка, потряхивая головой, быстро перебирала ногами, а Эстер казалось, что она, и коляска, и Рут, и Доббин медленно, как это бывает во сне, плывут над землёй.

Ларри ждал их у входа в церковь. В чёрном костюме от Лукаса, лаковых ботинках, и смущавшими его своей непривычностью белым мохнатым цветком в петлице и белым галстуком-бабочкой. Сам он предпочёл бы свой обычный сдержанно тёмный галстук, но раз так положено... бабочка у него получилась только с третьего захода, и он очень боялся, что опоздает, нехорошо заставляя невесту ждать, да и у отца

Артура масса дел в субботу.

Но он успел. И только поздоровался с отцом Артуром, отдал ему своё кольцо – самое простое, сделал, получив согласие Эстер, и, разумеется аналогично оформил по книгам и счетам – и ещё раз напомнил Марку, что тот должен вести себя достойно событию, как послышался шум множества голосов, перестук копыт и весёлый клич Доббина.

– О-ёй, Малышка!

Откуда-то у церкви собралась целая толпа. Знакомые, ползнакомые и вовсе не знакомые, но все весёлые и доброжелательные. И подъехавшую Эстер встретили такими шумными приветствиями, что Малышка испуганно застригла ушами, и Доббин, быстренько спрыгнув на землю, взял её под уздцы, а то ещё понесёт, не дай бог...

Ларри помог Эстер выйти из коляски и повёл в церковь. Марк, подражая отцу, подал руку Рут. А следом, толпясь и почтительно затихая в дверях, повалили все остальные. А когда расселись, все места на скамьях оказались заняты, и опоздавшие вставали вдоль стен и в дверях. Ларри и Эстер такое многолюдство смущало, но отец Артур уже начал службу, и им стало ни до чего.

Отец Артур сказал прочувственную, вызвавшую вздохи, а у многих женщин и слёзы, речь и начал обряд. Вопросы о согласии и препятствиях, клятва, обмен кольцами и наконец:

– Муж и жена, поцелуйте друг друга.

Ларри и Эстер послушно поцеловались, вернее соприкос-

нулись лицами. И церковь зашумела поздравлениями и пожеланиями, кто-то даже в ладоши захлопал.

– А теперь, – звонко закричала Мона Слайдер, она не утерпела и тоже прибежала в церковь, – теперь букет, Эсти! Кидай букет!

Многие не знали этого обычая и недоумевающе смотрели на Мону. Раздурманенная, с заметно уже выпирающим животом, она стала объяснять:

– Невеста кидает букет, а кто поймает, та уже в этом году замуж выйдет.

Эстер, смеясь, кивнула, и отец Артур, улыбаясь, согласился. Мона решительно развернула Эстер за плечи спиной к скамьям.

– Вот, вверх и за спину, не глядя кидай.

За спиной Эстер шла ожесточённая борьба за место впереди. Хорошо, что отец Артур ещё не ушёл, а то языки у девушек из Цветного... не дай бог попасться, такое о себе услышишь!

Сильно размахнувшись, Эстер подбросила букет и быстро обернулась посмотреть, кому посчастливилось. Но букет ещё чуть ли не в воздухе поймали и растеребили, и теперь боролись, почти воевали хоть за цветочек, хоть за листик. Смеялся и отец Артур: такими по-детски невинными были эти шум и борьба.

И снова поздравления. Колетт поцеловала Эстер в щёку и пожала руку Ларри, с удовольствием выслушав благодар-

ность за такое восхитительное платье.

А когда наконец вышли из церкви, их встретил... Доббин и пригласил в коляску.

– Это уже от меня. В подарок, – важно сказал он, усаживаясь на козлы.

Взвизгнув от восторга, Марк и Рут полезли в коляску. Ларри посадил Эстер и сел сам.

И хоть от церкви до ресторана рукой подать, и Ларри, и Эстер потом казалось, что ехали они долго.

В «Чёрном лебеде» их встретили у входа и проводили к заказанному уже накрытому столу.

Они никого не приглашали, но к их столу то и дело подходили знакомые, полужнакомые и совсем не знакомые люди, и Ларри с Эстер вставали, принимая поздравления. Из-за этого обед длился очень долго. К десерту Рут и Марк уже устали вести себя хорошо, и Эстер пришлось строго посмотреть на них. Но обед уже заканчивался. Эстер улыбнулась Ларри, взяла сумочку и встала.

– Мы сейчас. Рути, пойдём.

Рут поглядела на мать и полезла из-за стола, держа наотлёт испачканные шоколадным кремом руки, чтобы не задеть платье. Воспользовавшись тем, что отец смотрит им вслед, Марк быстро облизал пальцы и уже тогда вытер их салфеткой.

В дамской комнате Эстер умыла Рут и сняла длинную юбку. Ну вот, теперь всё в порядке. Служительница помогла ей

уложить юбку в большой бумажный пакет.

– Мама, а теперь домой? – спросила Рут.

– Да, – кивнула Эстер, расплачиваясь со служительницей.

Возвращаться в зал, ставший уже шумным и дымным – всё-таки субботний вечер – ей не хотелось, но, когда они вышли из дамской комнаты в вестибюль, Ларри и Марк уже стояли здесь и ждали их.

Субботний вечер – самое лучшее время. Бары, салуны, кафе, дансинги – всё переполнено, всюду музыка, огни, весёлые и, хотя бы на один вечер, но богатые люди, женщины обворожительны, а мужчины щедры. Они шли сквозь этот гул и пёстрый свет, и Рут держалась за руку Ларри, а Марк взял за руку Эстер, и получилось это само собой. Они все вместе, одна семья.

Стоя у стойки бара, Чак в открытую дверь видел, как Ларри со своей... жёнушкой прошёл мимо. Смешно, но совсем мужик обалдел, нашёл в кого втрескаться, она же не на него, на деньги его нацелилась. Любому недоумку ясно, что на хрена ей, условно-недоказанной, негр черномазый, могла и получше подцепить. Ну, так не зря говорят, что она то ли у жидов служила, то ли чуть ли не сама жидовка. Хотя вряд ли, жидов всех кончили, ещё Старый Хозяин на это своего ублюдка, старшенького, который в СБ заправлял, ставил. Жиды – они богатые, а Старый Хозяин не терпел, чтобы чужое богатство к нему не перешло. Ну, так значит, служила, там и набралась жидовского духа, влип Ларри, выдоит она

его, а дурак втрескался по уши и ни хрена не соображает, аж лоснится от счастья. Нет, одному куда лучше. Чак допил свой стакан, не глядя бросил на стойку кредитку и пошёл к выходу. Ладно, пройдётся сейчас по барам, найдёт себе на ночь, баба – не проблема, когда деньги есть. А хомут себе на шею вешать... это для дураков. Вроде Ларри.

Когда Ларри с Эстер и детьми подходили к своему дому, стало уже совсем темно. И дом был тёмный и пуст. Ларри достал из кармана ключи и открыл дверь. В холле Эстер посмотрела на Рут и рассмеялась:

– Мой бог, Рути, ты же уже спишь.

Рут только вздохнула в ответ.

– Рут, Марк, – Эстер порывисто бросила свою сумочку на столик, – быстро наверх, спать, – и, видя, что у Марка тоже закрываются глаза,хватила их обоих за плечи и повела наверх, что-то быстро и ласково приговаривая на ходу.

Ларри тоже устал, но он положил рядом с сумочкой Эстер её пакет и заставил себя пройти в гостиную к камину и разжечь огонь, потом достал из бара и поставил на столик бутылку шампанского и два бокала, и уже на последнем усилии подошёл к окну, задёрнул шторы, вернулся к камину и сел в кресло. Эсти уложит детей и спустится. Он подождёт её здесь. Она придёт.

Уложив и поцеловав Рут, Эстер выключила в её комнате свет и зашла в комнату Марка. Тот уже разделся и лёг, но не

спал. Эстер подошла к кровати и наклонилась над ним.

– Спи, Марк, уже поздно.

– Да, – он упрямо таращил слипающиеся глаза. – Я только спрошу...

– Ну, конечно, – она бережно подоткнула ему одеяло: судя по голым плечам, он спит без пижамы. – Вот так, а то ещё продует. Так, что ты хочешь узнать, Марк?

– Я уже могу звать тебя мамой?

– Ну, конечно, сынок, – Эстер осторожно коснулась губами его лба. – Спи, сынок. Оставить тебе свет?

– Нет... мама. Я... сплю.

Марк повернулся набок, свернулся клубком. Эстер плотнее укутала его, ещё раз поцеловала и вышла, погасив свет. А где Ларри? В спальне? Нет, там темно. Тогда... внизу? Эстер прошла к лестнице и стала спускаться. На полу холла лёгкий отсвет из... гостиной? Какой большой дом, как бы не заблудиться – улыбнулась она.

Ларри всё-таки даже не задремал, а заснул. И разбудили его лёгкое прикосновение к плечу и голос:

– Устал, милый?

Ларри вздохнул и открыл глаза.

– О, Эсти, прости.

– Нет, что ты, всё в порядке, – Эстер села в кресло напротив. – Дети спят.

– Да, спасибо, – Ларри потряс головой и сел прямо.

– Это тебе спасибо, Ларри, – улыбнулась Эстер. – Всё бы-

ло так чудесно.

– Ты... – Ларри сглотнул, – ты очень красивая, Эсти.

Решимость и уверенность в успехе, поддерживавшие его все эти сумасшедшие дни, вдруг исчезли. Он совсем не знал, что говорить и делать, как оттянуть страшный момент их прихода в спальню, наступления первой брачной ночи, его первой ночи с женщиной.

– Эсти, я не стал заказывать шампанского в ресторане из-за детей, – начал он зачем-то объяснять. – Я думал... лучше здесь.

– Да, – кивнула Эстер. – Да, конечно, – и потянулась к бутылке. – Конечно, давай выпьем. Я открою...

– Нет, – Ларри оттолкнулся от кресла и встал. – Это должен сделать я.

Он достаточно быстро справился с пробкой и налил в бокалы золотистый, сразу вспухающий чуть шелестящей пеной напиток, поставил бутылку и взял бокал. Эстер взяла свой и тоже встала.

– За наше счастье, Ларри, – весело сказала она, видя, что он молчит. – За счастье наших детей.

– Да, – кивнул Ларри. – Да, спасибо, Эсти, за счастье.

Ларри пил шампанское третий раз в жизни – в первый раз в имении на Рождество, во второй на приеме в день открытия салона – и знал его коварство. Сначала ничего, вроде обычной несладкой шипучки, а потом горячая волна по телу, и ты уже пьяный. Но... но он и хочет сейчас быть пьяным,

ведь трезвым он не скажет ей того, что надо, что обязан сказать, побоится, а пьяный – всегда храбрец. Всё это мелькнуло в его сознании, когда он касался губами края бокала и делал первый глоток. Второго он так и не сделал. Потому что Эстер сказала:

– И поцелуемся. Ты ещё ни разу не целовал меня.

Он послушно шагнул к ней, наклонился, потому что макушка Эстер доходила ему точно до подбородка. Эстер сама обхватила его левой рукой за шею, держа бокал в правой, и запрокинула голову, подставляя ему свои губы.

А вот целоваться Ларри не умел и потому просто прижался своими губами к губам Эстер. Странно, но ничего такого особенного, что не слишком внятно описывалось в книгах, он не ощутил. Это было приятно, но... нет, наверное, он уже пьянеет, вот и не ощущает.

Оторвавшись от его губ, Эстер глотнула из своего бокала. Шампанское уже приятно кружило голову. Тогда, единственный раз, Эд тоже принёс шампанское, они выпили и пошли в спальню, сделав целых три шага от стола к кровати, а Ларри... в чём дело? Она ему не нравится? Но... но она знает, что это не так, что...

Ларри чувствовал её растерянность и понимал: это он что-то сделал не так, неправильно. Но... но... мой бог, как же всё это... глупо. Нет, он должен сказать, сказать всё, всю правду. И если Эстер рассердится, нет, обидится и уйдёт... ну, что ж, значит... значит, не судьба.

– Что с тобой, Ларри? – тихо спросила Эстер.

– Эсти, – Ларри судорожно вздохнул. – Я... я не знаю, что делать.

– А что, Ларри? В чём проблема?

– Эсти, я... я не знаю, ничего не знаю, – и обречённо: – Я в первый раз... ну, – она молча смотрела на него. – Ну, я никогда не был... с женщиной.

И, к его изумлению, после секундной безумно долгой паузы Эстер рассмеялась. Не обиделась, не удивилась, а рассмеялась.

– Ох, Ларри, а я уже невесть что подумала. Ларри, это всё неважно.

– Да? – недоверчиво переспросил он. – А что важно?

– Что мы любим друг друга, что мы муж и жена. Ведь так?

– Да, – обрадовался он. – Да, всё так.

– А тогда, – она заговорщицки улыбнулась ему, – пошли?

– Пошли!

Ларри залпом допил свой бокал и поставил его на стол.

Дрова в камине уже догорали, но Ларри всё-таки разбил их, размял кочергой, чтобы они тихо дотлели. В гостиной сразу стало сумрачно, почти темно, только платье Эстер различимо. Ларри взял её за руку и уверенно, снова чувствуя правильность совершаемого, повёл в холл, вверх по лестнице и по коридору в их спальню. И только там включил свет. И опять растерялся. А теперь что?

– Эсти...

– Всё в порядке, Ларри. Так, – Эстер решительно огляделась. – Ты иди, мойся, а я пока переоденусь.

Ларри послушно пошёл в ванную.

Какое счастье – наконец разуться и снять галстук! Ларри разделся и тут сообразил, что ему некуда повесить костюм. Он осторожно выглянул. Эстер не видно, скорее всего ушла вниз за пакетом с юбкой – сообразил Ларри. Он быстро, пока её нет – а то он уже голышом – повесил костюм в шкаф, поставил на место лаковые ботинки, бросил бабочку на комод и юркнул в ванную, когда дверь спальни уже стала открываться.

Войдя в спальню, Эстер достала из пакета и расправила юбку. Да, потом она будет носить её с кофточкой. Открыв шкаф, она увидела костюм Ларри и улыбнулась. Ну да, правильно, вон слышно, как в ванной шумит вода. Она быстро разделась, повесила платье и юбку в шкаф, поставила вниз туфли, цветы... пока на комод, рядом с бабочкой Ларри. Чулки, бельё... всё стирать. Прямо на голое тело накинула халат и стала доставать из комода ночную рубашку. За её спиной приоткрылась дверь ванной.

– Ты ложись, я сейчас, – сказала, не оборачиваясь, Эстер.

Прижимая к груди под халатом свою лучшую рубашку, она прошла мимо кровати в ванную.

Ларри лежал и слушал, как журчит в ванной вода. Да, конечно, Эстер устала, а он со своими глупостями, всё тело ломит, как будто он опять весь день на дворовых работах от-

пахал, а он не пьяный совсем, хмель уже кончился. Ларри тоскливо вздохнул. Всё совсем не так, как он когда-то читал, и не так, как трепали по ночам в рабском бараке. Так уж у него жизнь сложилась, Эсти поймёт, должна понять.

Эстер обмылась под душем, вытерлась, надела рубашку и оглядела себя в большом настенном зеркале. Что ж, вполне и даже очень. Надела халат. Ещё раз оглядела себя, и, храбро улыбнувшись, вошла в спальню, выключив по дороге свет в ванной.

Ларри ждал её, лёжа в постели, укрытый по грудь одеялом. Могучие руки лежат вдоль тела. Без пижамы, как и Марк – мимолётно подумала Эстер.

– Я погашу свет? – предложила Эстер, решив, что в темноте им будет удобнее.

– Как хочешь, Эсти, – готовно согласился Ларри.

Эстер выключила свет, сбросила халат в изножье кровати и легла. Нашарила ладонь Ларри и сжала её.

– Ну же, Ларри.

– Да, Эсти, – он порывисто повернулся к ней. – а, я...

Они были совсем рядом, и он обнял её, уже смелее поцеловал в губы. Руки Эстер обвилились вокруг его шеи. Ларри, уже плохо соображая, не понимая, что с ним происходит, и не желая это понимать, прижимал к себе Эстер, наваливался на неё.

– Сейчас, Ларри... Вот так...

Высвободив руку, Эстер потянула вверх рубашку. И Лар-

ри понял, не понимая, что ему надо раздеть Эстер. Комкая, сминая ткань, он тянул, толкал её вверх, пока их тела не соприкоснулись, и он не ощутил своей кожей кожу Эстер. Она тихо засмеялась, и он – уже смелее – ткнулся в неё.

Согнув и разведя ноги, чуть-чуть подправив руками, Эстер помогла ему войти. От страшного неиспытанного раньше напряжения Ларри зажмурился. Он ничего не видел и не сознавал, как в беспамятстве. Это не он, а кто-то другой, словно прятавшийся все эти годы где-то внутри него, а сейчас властно завладевший его телом.

И вдруг всё кончилось. Ларри удивлённо вздохнул, как всхлипнул, и откинулся, упав на спину. Рядом так же тяжело, постепенно успокаиваясь, дышала Эстер. Ларри сглотнул, переводя дыхание, и тихонько позвал:

– Эсти...

– Да, Ларри, – выдохнула Эстер и потянулась. – Как хорошо.

– Да, – согласился Ларри. – Хорошо.

Ему захотелось спросить, что это такое было, но он постеснялся. И по-настоящему не было сил ни говорить, ни шевелиться. Смутно он ощущал, что с ним что-то случилось, он изменился, стал другим. И... и это хорошо, он не понимает, но уверен в правильности совершившегося, и ощущение лёгкости, опустошённости даже приятно. Губы Эстер касаются его щеки.

– Спи, милый, спасибо.

Ларри хотел ответить, что это он благодарен ей, но он уже спал и только бесшумно шевельнул губами в ответ. Эстер осторожно, чтобы не разбудить его, оправила рубашку и натянула на плечи одеяло. Ну вот. Вот теперь они – муж и жена. У неё семья, дом, как бы Рут, проснувшись, не испугалась темноты, надо было оставить ей свет, да, купить ночнички, во все спальни, Марку нужна пижамка, и халата она не видела, и Ларри тоже... Мой Бог, какие траты впереди, а они так шиканули... шикарная была свадьба. Эстер улыбнулась, не открывая глаз.

На рассвете Рут проснулась и села в кровати, удивлённо оглядываясь по сторонам. Это... это же совсем другая комната! А где мама?

– Я сейчас испугаюсь, – предупредила она неизвестно кого и вылезла из кровати.

Тапочки у кровати были её, старые, уютные с вышитыми кошачьими мордочками. А вон её куклы. И медвежонок. А! Так, значит, они вправду переехали. И Марк, и тот, большой... Наверное, ей можно звать его папой, значит, они ей не снились. А где они все?

Сумрак в комнате совсем не страшный, за окном пели птицы, но Рут на всякий случай взяла с собой медвежонка и уже тогда вышла из комнаты.

В коридоре было темно, и Рут позвала:

– Мама... Марк... Где вы все? – и, помедлив: – Папа...

Ей ответила тишина. Она осторожно толкнула дверь рядом, и та открылась.

Эта комната была очень похожа на её, только кукол нет, а на кровати спал совсем чёрный мальчишка. Это же Марк! Рут подошла к кровати и подёрнула его за плечо.

– Марк!

– А?! – Марк рывком сел на кровати. – Кто здесь?

– Это я, – засмеялась Рут. – Ты забыл меня?

– Рути? – улыбнулся Марк. – Как здорово! А где...?

– Не знаю, – поняла его вопрос Рут. – Спят, наверное.

Пойдём их искать?

– А зачем?

Марк вылез из-под одеяла и пошлёпал к комоду за трусиками. Что мальчик не должен ходить голым при девочке, как их учили в пансионе, он вспомнил, уже натянув их. Щекам даже жарко стало от прихлынувшей к ним крови. Но, кажется, Рут не обиделась и даже не заметила его оплошности, сидя на кровати и разглядывая картинки на стене.

Марк отдернул шторы, и в комнате сразу стало светлее.

– А зачем? – повторил Марк. – Пусть спят. Сегодня воскресенье, выходной.

– Да, – кивнула Рут. – И у них это, первая брачная ночь. Я слышала, что тогда нельзя мешать.

– Да, – согласился Марк, – я тоже слышал. Давай лучше пойдём вниз. Я знаю, где молоко и орехи. Поедим.

– Давай, – охотно спрыгнула с кровати Рут, оставив там

медвежонка.

Мама строго-настрого уже давно запретила ей шарить по буфету и брать без спроса что-либо, но Марк же старше, она не сама по себе, а с ним.

– А не заругают? – решила она всё-таки уточнить, когда они уже входили в кухню.

– Папка говорит, что еду покупают для еды, – гордо ответил Марк, залезая в холодильник. – Кружки вон в том шкафу, Рут.

Чтобы дотянуться до дверцы, Рут пришлось залезть на стул. Кружек было четыре, все белые с яркими, но разными картинками.

– Марк, твоя какая?

– С котёнком, а с лошадкой папкина.

– Тогда моя с птичкой.

Они сели за стол, и Марк разлил по кружкам молоко, а орехи высыпал из пакета прямо на стол.

– Вкуснота!

– Ещё бы!

Рут блаженствовала, болтая ногами. Завтракать неумытой, в пижамке, и вот так: орехами и молоком – нет, на старой квартире мама бы сразу проснулась и ничего бы этого не разрешила. Хорошо, что дом такой большой, и мама на другом этаже и, значит, их не слышит.

Эстер потянулась, просыпаясь. Как хорошо! Сквозь веки

пробивался свет, и она нехотя открыла глаза. Да, уже утро. Она ещё раз потянулась и села. Сегодня воскресенье, можно спать сколько хочешь. Церковь... ну, им – она невольно хихикнула – сделают поблажку, все же всё понимают. Рядом тихо спокойно дышал Ларри. Эстер посмотрела на него, на улыбающиеся во сне большие широкие губы, осторожно поправила одеяло, укрывая могучую грудь, и встала. Надо посмотреть, как там Рут? И Марк? Даже странно: обычно в воскресенье Рут вскакивает ни свет ни заря, а сегодня...

Эстер накинула халат, нашарила, не глядя, ступнями тапочки и вышла из спальни.

Двери спальни Рут и Марка открыты, а снизу... снизу доносятся детские голоса и смех. Ага, значит, они на кухне.

Эстер тихо и медленно – не от желания застать детей врасплох, а просто потому, что лень быстро двигаться – спустилась по лестнице и вошла в кухню.

Там царило веселье. На столе банки с анчоусами, пикулями и джемами, а Марк и Рут экспериментировали, пробуя всё вперемешку, засовывая друг другу прямо в рот самые лакомые кусочки. Пижамку Рут уже украшали пятна от соусов и джемов. На Марке – как сразу догадалась Эстер – пятен было просто незаметно, он сидел в одних трусах.

Стоя в дверях, Эстер молча смотрела на них. Она знала, что надо рассердиться, но не могла.

Первой её заметила Рут.

– Ой, мама! А мы тут...

– Вижу, что вы тут, – улыбнулась Эстер. – Неумытые, неодетые.

– Мам, а так вкуснее, – храбро возразила Рут.

Мама улыбается, значит, не сердится, а что они испачкались, так это пустяки, и не последнее съели в холодильнике ещё много всего. Она всё это сразу и высказала. Марк только кивал и поддакивал.

– Нет, – наконец отсмеялась Эстер. – Идите оба наверх, умойтесь и переоденьтесь. Марк, у тебя даже на трусах джем.

– Мам, а ты?

– А я сварю папе кофе.

– Он уже встал?! – соскочил со стула Марк.

– Нет, он спит, – крикнула им вслед Эстер. – Не будите его.

Ларри не спал, он был в той сладкой памятной с госпиталя дремоте, когда вроде всё слышишь, но тебя это как бы не касается. Всё, что было ночью, казалось теперь странным, даже неправдоподобным, но это было, и было с ним. И было... хорошо. Он многое слышал об... этом: трепотню в рабских бараках, болтовню на кухне в имении. Всё так и не так. И читал тоже об этом. В книгах всё было по-другому, но об этом же. И вот... это случилось с ним. Да, так получилось, что Эстер стала его первой женщиной, и он рад этому. Рад, что всё было именно так. По-человечески, а не по-рабски. В его доме, в спальне, после венчания в церкви, а не украдкой и второпях, как будто заглываешь ворованное. И не по хо-

зыйскому приказу, что совсем уж погано. И как же ему хорошо, именно поэтому хорошо.

– Ларри.

Он медленно открыл глаза и улыбнулся. Перед ним стояла Эстер. В розовом халате, волосы рассыпаны по плечам...

– Принести кофе сюда, или ты спустишься вниз?

Ларри медленно покачал головой.

– Ты не хочешь кофе? – удивилась Эстер.

Ларри улыбнулся ей, так же медленно, словно ещё во сне.

– А... дети... где?

– Дети? – Эстер улыбнулась и села на край кровати. – Представляешь, они потихоньку встали и такой разгром в кухне устроили, перемазались все, я их мыться отправила. Ладно, – она наклонилась и поцеловала его, – лежи, я сейчас принесу кофе.

Ларри хотел было обнять её, но Эстер легко встала и убежала, а в приоткрытую дверь всунулась голова Марка.

– Пап, ты спишь?

– Уже нет, – улыбнулся Ларри.

Марк – уже в джинсах и ковбойке, но босиком – вбежал в спальню. За ним вошла Рут в цветастом, но явно «будничном» платье. Марк с размаху сел на кровать, а Рут остановилась рядом. И Ларри с неожиданной для самого себя решимостью раскинул руки и обнял их, сразу обоих, и прижал к себе, поцеловал и отпустил.

– Ну вот, – Эстер вошла в спальню с подносом в руках. –

А теперь идите, поиграйте во дворе.

– На улице? – уточнила Рут.

– Нет, во дворе, на улицу не ходите. Марк, обуться не забудь. Ларри, вот кофе.

Рут дёрнула Марка за руку.

– Пошли, – и шепнула: – А то ещё мама передумает.

Эстер поставила поднос на кровать и смотрела, как он ест. Кофе, хлеб с маслом... Ларри с наслаждением отпил.

– Мм-м, как вкусно. Эсти, – вдруг вспомнил он. – Эсти, ведь это я должен был подать тебе кофе.

– Я просто раньше проснулась, – рассмеялась Эстер. – Но ты не огорчайся, в другой раз это сделаешь ты.

– Да, – кивнул Ларри, – обязательно. Эсти...

– Да, Ларри.

– Эсти, ночью... – он запнулся, не зная, как сказать об этом.

Но Эстер его поняла.

– Ночью всё было восхитительно.

– Тогда, – Ларри поставил кружку на поднос. – Тогда, Эсти, почему бы нам... не повторить? Ну, это. Ну, раз тебе понравилось.

– А тебе нет? – спросила Эстер, переставляя поднос на тумбочку.

– Очень понравилось, – Ларри сам удивлялся, откуда у него что берётся, но остановиться не мог и не хотел. – Но я не распробовал.

– Ах ты, лакомка, – рассмеялась Эстер, целуя его и одновременно ловко уворачиваясь от его рук. – Я только дверь закрою, а то дети...

Сидя в кровати, Ларри смотрел, как Эстер прошла к двери, повернула задвижку, но... но повернула к окну. Зачем?

Дёрнув за шнур, Эстер раздвинула шторы, и спальню залил утренний весёлый свет.

– А это зачем? – спросил Ларри.

– А разве ты не хочешь меня видеть? – ответила вопросом Эстер.

Она медленно шла от окна к нему, развязывая на ходу пояс халата.

– Хочу, – кивнул Ларри.

Он решительно откинул одеяло и встал ей навстречу.

– А ты? Ты хочешь видеть меня?

– Конечно, Ларри.

Они обнялись. И Ларри уже смело, уверенный в своей правоте, столкнул халат с плеч Эстер. Тот упал на пол к их ногам. Эстер обняла Ларри за шею, потянулась вверх к его губам, и Ларри наклонился: иначе ей не достать, он слишком высок. Их губы встретились. Поцелуй в книгах – как хорошо помнил Ларри – не описывался, просто «слились в страстном поцелуе», но Ларри уже не боялся сделать что-то не так. И рубашку с Эстер он снял, не запутавшись и ничего не порвав.

Губы Эстер прижимались к его шее, груди, плечам. Она целовала его, бесстрашно подставляя своё тело его губам и

рукам. Так, целуясь, они опустили на кровать. И Эстер уже не пришлось помогать ему.

Он сам не ждал, что будет так... просто. Да, его снова сотрясала дрожь напряжения всего тела, но это напряжение ощущалось даже приятным. Тело Эстер было податливым, он это вдруг как-то сразу ощутил и понял, что она не сопротивляется, что ей тоже приятно. И делает он всё правильно, как должно.

Эстер вдруг тихо застонала, но не от боли – это он тоже сразу понял, у него самого клокотал в горле и рвался наружу крик. Напряжение стало невыносимым, снова как ночью он зажмурился... и вдруг... вдруг странное ощущение вырвавшейся наружу силы, и сразу лёгкость и пустота внутри, и сладкое обессиленное оцепенение.

Ларри хрипло выдохнул и, распластавшись, соскользнул с Эстер, лёг рядом. Все мышцы дрожали, дёргались мелкой затихающей дрожью. Ларри вздохнул и открыл глаза. И увидел влажно блестящее лицо Эстер, её глаза.

– Эсти... – всхлипнул он. – Спасибо тебе, Эсти.

Она протянула руку и погладила его по лицу.

– За что, Ларри?

– Что это ты, что ты есть.

Преодолевая усталость, он повернулся набок и осторожно положил руку на её плечо.

– Ты... ты необыкновенная, Эстер, ты самая лучшая, самая красивая.

Он говорил медленно, и Эстер чувствовала, что он не вспоминает, не повторяет чьё-то, а это его, его собственные слова, он в самом деле так думает.

Осторожно-осторожно Ларри дотронулся до лица Эстер, провёл кончиками пальцев по её щеке.

– Какая ты красивая, Эсти, – повторил он.

– И ты красивый, – улыбнулась Эстер.

– Да? – удивился Ларри и совсем по-детски: – Мне этого никто не говорил.

– Ну что ты, – Эстер восхищённо погладила его по плечам и груди. – Ты очень красив. Я люблю тебя, Ларри.

Ларри лежал и слушал, как она объясняла ему, какой он хороший, умный, красивый, сильный, добрый... и по-детски удивлённое выражение не сходило с его лица. Нет, что он сильный, он слышал после русского госпиталя, что он умный, ему как-то сказал ещё Старый Хозяин, а всё остальное... да и эти, уже слышанные слова об уме и силе у Эстер звучали, ну, совсем по-другому. И от них как-то даже щеко-тало внутри.

Эстер рассмеялась, глядя на него, и он тоже рассмеялся. Оцепенение и опустошённость прошли, хотелось двигаться и говорить.

– Эсти, ты же голодная, я-то ел, а ты... – он легко вскочил с кровати и встал над ней, огромный, ослепительно чёрный, блестя зубами и белками глаз. – Я сейчас пойду, приготовлю завтрак.

– Ты сейчас приведёшь себя в порядок, – Эстер сладко потянулась и встала. – И я тоже. А готовить надо уже ленч.

Ларри рассмеялся этому, как шутке, но, поглядев на часы, понял, что жена – да, правильно, именно жена – права.

Пока он мылся и брился в ванной, Эстер убрала постель и открыла окно, чтобы проветрить спальню, убрала в ящик комода его галстук-бабочку и свои цветы, что со вчерашнего дня так и валялись наверху. Да, надо отнести ему в ванную бельё... но Ларри уже вышел из ванной в обмотанном вокруг бёдер полотенце.

– Я сейчас, – Эстер взяла свои вещи и ушла в ванную.

Она старалась управиться как можно быстрее, но, когда вышла, Ларри уже не было, а его полотенце лежало на стуле. Эстер убрала полотенце на сушку в ванной, оглядела ещё раз спальню и побежала вниз.

Тетрадь шестьдесят девятая

122 год

Май

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Козу называли Баськой. Знаменитой на всё Загорье Буське, что оренских кровей, она приходилась младшей роднёй. Баська была дымчато-серой с мягкой бородкой и пронзительно-жёлтыми глазами. В стадо её, как и положено, пустили с третьего дня, как на дворе пообвыклась, и теперь бабка торжественно наливала им по вечерам по стакану густого пахучего молока. Баська как раз отмеряла в дойку по два стакана и стояла спокойно, да и Ларька был тут как тут, подкармливая её листиками и корочками, за что получал право первого глотка.

Первая майская зелень жёстко топорщилась на грядках, разворачивались листки и тянулись вверх стебли. Артём с утра до вечера копался бы в огороде, но работа, школа, уроки... правда, ни Санька, ни Лилька от работы особо не увиливали. На себя ж пашешь, не на хозяина.

Нет, Артём был вполне доволен жизнью. И с деньгами дед здорово придумал. Сразу каждому его долю на отдельную книжку положил. Чтоб, когда вырастут и отделяться на своё хозяйство вздумают, чтобы было на что. Лучше всех Ларьке, конечно: он пока вырастет, у него такие проценты набегут, что о-го-го! Но и себя Артём обделённым не считал. Он – старший, и всё хозяйство его по праву и обычаю – объяснял дед, а бабка согласно кивала.

– Старший брат в отца место.

– Это как? – спросил Артём, облизывая медовую ложку.

– Ну, как отец ты младшим, – бабка походя ткнула Ларьку по затылку, чтоб вне очереди к туеску не лез. – Ты в заботе об них, и они к тебе со всем почтением должны.

– Во, слышали?!

Артём строго посмотрел на Саньку и Лильку, и те дружно прыснули в ответ. Таким не всерьёз грозным было его лицо. Хмыкнул в бороду и дед.

Чай пили не спеша, от души. У деда на шее висит полотенце, чтоб пот утирать. Субботний чай после бани – это тебе не просто так. Гостей не ждали, комитетских проверок тоже, и сидели потому вольготно.

Допив свою чашку, Артём перевернул её вверх дном и посмотрел на деда. Тот кивнул, и Артём встал из-за стола, старательно перекрестился на икону. Он всё время забывал, когда это положено: до или после еды, и потому крестился дважды.

– Пойду уроки учить.

– С богом, – напутствовал его дед.

В горнице Артём взял с комода учебник истории и сел на лавку у окна, чтоб хоть остатки света прихватить. По истории и природоведению им теперь не только рассказывали, но и задавали читать и учить по книгам. Попадалось много незнакомых, а то и просто странных слов, но где догадаешься, где у деда – он это любит – или в классе спросишь, так что справиться со всем можно.

Заглянула в горницу Лилька.

– Тёма!

– Потом, – отмахнулся он, не поднимая головы.

– Тебя там зовут.

– Кто ещё? – нехотя оторвался он от книги.

– А Максюта с Петрухой.

Артём закрыл книгу и встал.

– Ладно уж.

Максюту и Петруху он знал ещё с масленичных боёв. Оба не смогли его выбить, а он им навтыкал крепко, но зубы и носы в целости оставил. Потом они ещё пару раз дрались, но уже вместе против Серого Конца. Опять на драку, что ли,

зовут?

В кухне никого не было – дед, значит, у бабки, ну и хорошо. В сенях Артём натянул на босу ногу сапоги, накинул куртку и вышел на крыльцо.

Солнце уже клонилось, и землёй пахло по-вечернему. Максюта и Петруха – тоже в пиджаках внакидку, из-под растёгнутых до середины груди рубашек красуются по новой моде тельняшки, кепки ухарски сбиты на ухо – стояли с той стороны калитки, лузгая семечки.

– Привет, – сказал, подходя к ним, Артём.

Максюта кивнул, а Петруха протянул над калиткой кулак с семечками. Артём подставил горсть, и Петруха отсыпал ему. Постояли молча, и Максюта начал:

– Серяки-то... того... задираются.

– Не мало им было? – сплюнул прилипшую к губе шелуху Артём.

– Значитца, ещё хотят, – хохотнул Петруха.

– Ну, так что?

– А завтрава... вечером... – Максюта любил говорить коротко.

– Идёт, – кивнул Артём. – У берёз?

– А где ж ещё? – Петруха оглядел быстро темнеющие улицы. – Мы ща на прошвыр. Ты как?

Артём мотнул головой.

– Завтра.

– Лады.

Дружески хлопнули друг друга по плечам и разошлись. Максютя с Петрухой дальше по улице, а Артём в дом. У берёз на поляне собирались попеть, поплясать под гармошку, там же и дрались из-за девок. Кто на чью да как поглядел. Артём компании не ломал, не нами заведено, не нам и менять, ну и коль со всеми, так и будь как все. А вот по вечёркам Артём не ходил: душно, тесно и все на виду, и лапаются... как в Паласе на разогреве. На фиг ему эта канитель?! А у берёз простор. Кто пляшет, а кто смотрит да зубоскалит. И завести на драку там куда легче. И не кино, где милиции навалом.

В доме было уже совсем темно, и, войдя в горницу, он включил свет. А малышня где? Но только успел подумать, как они – все трое – ввалились и затеребили его.

– Вы это где были?

– А на сеновале, – Лилька выдернула из косички соломинку.

– Понесло вас, – хмыкнул Артём, берясь за книгу и садясь уже к столу под лампочку. – У Ларьки репяха на макушке, не видишь, что ли, выдери.

– Да-а, – заныл Ларька, отодвигаясь от Лильки. – Лучше ты.

– Ну, иди, – вздохнул Артём.

Ларька залез к нему на колени, и Артём осторожно выпутал из его тонких прямых волос сухой прошлогодний репейник.

– Совсем ты, Лилька, без ума. После бани да на сеновал.

Сеновал и чердак были любимыми местами для игр. Обычно Артём не вмешивался, а пару раз и сам там возился с ними. Хорошо там, кто ж спорит, но не после же бани.

– За книжки садитесь, обое, – распорядился Артём.

– Не обое, а оба, – важно поправила его Лилька, беря с комода свой с Санькой общий учебник по русскому.

– Повыпендривайся мне, – улыбнулся Артём. – Санька, а ты арифметику бери.

– А мне? – потребовал Ларька, всегда ревниво следивший, чтоб его хоть в чём не обделили.

– А тебе «Светлячок». Лилька...

– Да взяла уж. Держи, пискля.

Лилька дала журнал Ларьке, и тот удовлетворённо сел за стол со всеми. Про «Светлячка» Артём узнал у Эркина и рискнул раскошелиться. Пёстрый яркий журнал понравился всем, и дед решил, что стоит покупать, пусть малой смотрит и приучается. И к старшим не лезет, когда те с уроками сидят. А как-то Артём случайно подсмотрел, что и бабка листает «Светлячок», рассматривая картинки.

В горнице наступила сосредоточенная тишина. Бабка заглянула из кухни в горницу и снова ушла. Было слышно, как она негромко возится на кухне. Похоже, и дед там, но Артём не прислушивался. Он уже вчитался в текст и не мог, да и не хотел отвлекаться.

В открытую дверь дед видел склонённые над столом головы. Одна чёрная, две светло-русые и одна совсем белая. Что

ж, пусть оно так и будет, а чего ж ещё? От добра добра не ищут, а у них сейчас всё по-доброму. И ежели что, не дай бог, конечно, но всяко может случиться, так Тёмка поднимет малышню, деньги на это есть. Земля, усадьба, полное обзаведение, дом... тысяч тридцать уйдёт, не меньше. Остаётся... Сколько останется, так тоже поделить поровну и добавить к тем, но это уже когда уходить будут, а пока пусть лежат, процентами обрастают.

Возится, звякая посудой, к ужину бабка, покряхтывает, да изредка ругнётся вполголоса дед, подшивая санькины расхожие ботинки, бормочет над картинками, играя сам с собой, Ларька. Тишина и благолепие, семейный вечер.

В понедельник Эркин шёл на работу не в самом лучшем настроении. Да, старшой заставил их подать друг другу руки, но в пивную, чтоб окончательно всё уладить, он не пошёл, убежал в школу. Как-то теперь оно будет? А если потребуют, чтобы он перешёл в другую бригаду? Неохота ему к Сеньчину, тот за масленичный позор ещё не рассчитался, будет отыгрываться.

Но про пятницу никто не поминал, и работать его бригадир поставил с Колькой и Санычем. Похоже, обошлось.

Обычные разговоры, сытный и вкусный обед, и погода солнечная, но не жарко ещё. Так что работа идёт в охотку и даже в удовольствие.

– Пошёл!

– Беру!

– Левее, мать твою!

– Пошёл!

– Ещё подай!

Эркин и не заметил, когда подвалили ещё контейнеры, и уже не по двойкам и тройкам, а всей бригадой работаем. Бегом, не тряхнуть, не стукнуть... Опять платформы, где контейнеры крепят в распорку на тяжах.

– Эй, Мороз, ты к директору ничего не укатил?! – смеётся Колька.

Эркин нарочито серьёзно оглядывает двор.

– Да нет, все при деле, – и сам смеётся.

И в бытовке всё было уже как обычно. Только Ряха против обыкновения молчал о вождях и томагавках и избегал смотреть на Эркина. Но и Эркин очень естественно не замечал его.

Хотя темнело теперь значительно позже, но смена-то до одиннадцати, и, пока работаешь – незаметно, к тому же прожекторы на рабочем дворе сильные, а за проходную вышли... ночь уже.

Как обычно после второй смены Эркин шёл вместе с Миняем, разговаривая о всяких хозяйственных делах. Миняй затеял растить на лоджии овощи.

– Ящички с землёй поставил, посеял, – рассказывал он.

Эркин слушал, кивал, но не мог понять: зачем это Миняю.

– Слушай, – не выдержал он. – А зачем это? Ведь купить

можно.

– Эх, – вздохнул Миняй, – не понимаешь ты. Это ж своё, со своей земли. Пусть горсточка, но своя.

– И что, намного дешевле получается? – после недолгого молчания спросил Эркин. – Ну, если не покупать, а выращивать.

– Так ещё вырастить надо, – невесело рассмеялся Миняй. – Да не в деньгах тут дело. Ты вот сам вырастил когда-нибудь хоть что?

Эркин покачал головой.

– Нет, я скотником был.

– Ну вот. А земля... это ж не умом понять, а нутром почувать надо.

Миняй глубоко вздохнул и замолчал. У Эркина вертелось на языке спросить, чего ж тогда Миняй брал квартиру, а не дом. Ссуду-то наверняка же получил. Но не спросил. Значит, не смог. Но Миняй заговорил сам.

– Земля сама не родит, на ней покорячиться надо, потом умыться, да не раз. А дом поставить да обиходить, а хозяйство... Моя-то в угоне надорвалась, там-то не смотрели, что баба, да на сносях, дети с голодухи угонной не отошли, а тут зарплата, да полдня твои, и квартиру обиходить не в пример легче. Ну, мы и прикинули... Не в гроб же ложиться. Земля – она, конечно, да жизнь-то дороже.

– Да, – кивнул Эркин. – Ничего нет дороже жизни.

За разговором дошли до дома, попрощались и разошлись

по своим подъездам.

«Беженский корабль» спал. Спокойная тишина безмятежного сна. Бесшумно ступая, Эркин прошёл по коридору к своей двери и достал ключи. Прислушался. За дверью тишина, спокойная живая тишина. Эркин открыл дверь, стараясь не звенеть ключами, и вошёл.

В прихожей свет выключен, но открыты двери из ярко освещённых кухни и кладовки. Андрей не спит? И, стаскивая с плеч куртку, Эркин заглянул в кладовку. Андрей сидел у верстака и правил нож.

– Привет, – сказал он, не поднимая головы. – Смотри, купил сегодня. Не сравнить с тем, но я его до ума доведу, – и, когда Эркин вошёл и наклонился к верстаку, тихо сказал: – Не было письма.

Эркин кивнул, и Андрей совсем тихо, тише камерного сказал, как добил:

– И не будет.

Эркин мягко хлопнул его по плечу и вышел.

– Эркин? Пришёл? Ну, молодец, – выглянула из кухни Женья. – Мой руки. Андрюша, чай на столе.

– Иду, – откликнулся Андрей, гася лампу над верстаком. – Завтра доделаю.

Вымыв руки, Эркин сначала заглянул в комнату Алисы, а когда пришёл на кухню, Андрей уже сидел на своём месте и уверял Женю, что ничего лучше чая, ну, и всего остального, что на столе стоит, нет и быть не может.

– Эркин, садись, ну, как?

– Всё в порядке, – весело ответил Эркин и, поймав быстрый взгляд Андрея, улыбнулся и повторил: – В порядке полном и абсолютном.

– Ну, и отлично, – улыбнулась Женя. – Эркин, Андрюша уже сказал тебе?

– Мг-м, – кивнул Эркин, рот у него был занят.

– Мне очень нравится, а тебе?

– Что? – поперхнулся чаем Эркин. – Женя, ты про письмо?

– Какое письмо? – не очень искренно удивилась Женя. – Андрей часы себе купил.

– Ненаблюдательный братик у меня, – хмыкнул Андрей.

– Ну-ка, покажи! – ухватился за возможность замять свою оплошность Эркин.

– Смотри, – гордо вытянул над столом руку Андрей.

Плоские большие часы с секундной стрелкой были осмотрены и одобрены. И хотя Женя явно не хотела говорить о письме, а Эркин – тем более, Андрей всё же упомянул:

– Я пришёл, к коменданту заглянул. Нету. Ну, и на радостях купил себе. Часы и нож, – подмигнул Эркину. – Гулять, так гулять.

Эркин неопределённо повёл плечом, а Женя сказала:

– Андрюша, ну... ну, может, он занят.

– Знаю я, чем он занят, – хохотнул Андрей. – Я ж сказал. Нет и не будет. Не нужен я ему.

– Ну, Андрюша, – неуверенно настаивала Женя.

– Ладно, Женя, – спорить с ней при Эркине Андрей не рискнул. – Давай так. Ждём до... ну, ещё месяц. А... а давай на спор!

– Это как? Пари? – невольно рассмеялась Женя. – И что с проигравшего?

– Я проиграю, ну, придёт письмо, покупаю торт, большой и красивый. А не придёт письмо, так ты пирог печёшь, тоже большой. Идёт?

– Ну, ты и хитрый! – восхитилась Женя и протянула над столом руку к Андрею. – Идёт! Эркин, разбей.

С русскими правилами спора Эркин был уже знаком и, легонько стукнув ребром ладони по сцепленным пальцам Жени и Андрея, подтвердил условия пари.

– И до того дня молчок, лады? – Андрей отхлебнул чая и сам себе ответил: – Лады.

Эркин и Женя кивнули. Залихватское веселье Андрея обмануло бы любого, но не Эркина. И не Женю. Из-за чего психует Андрей, Эркин понимал смутно, но ощущал его... недовольство, обиду, ну, и просто сочувствовал. Да, конечно, хорошо, что письма нет, что Андрей остаётся с ними, но... но и обидно.

Допили чай, разговаривая о всяких мелочах, и Андрей встал.

– Ну, пора и честь знать. Кто куда, а я на боковую. Спокойной всем ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась ему Женя и тоже встала, собирая посуду.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин. – Про школу не забудешь?

– Не держи за фраера, – камерным шёпотом ответил Андрей по-английски и выскочил из кухни. Но Эркин успел дать ему лёгкого тычка в спину.

Если Женя что и услышала за шумом воды, то не подала виду.

– Эркин, ты иди, ложись, я сейчас.

– Да, Женя.

Эркин тяжело встал из-за стола. О письме, обиде и прочем он уже не думал. Всё же решено: ждём месяц, а там... там видно будет, но лучше бы пирогом закончилось.

У себя в комнате Андрей быстро разделся и лёг. Часы положил на письменный стол. У Эркина, конечно, часы куда лучше, но они же офицерские, были в магазине похожие, но уж слишком дорого. Эркин сказал, что ему подарили. Шикарный подарок, что и говорить. Нет, те часы ему, в принципе, по деньгам, ссуда же, но и чересчур выпендриваться нельзя. И так... а нож ничего, не совсем то, но на совсем то разрешение в милиции надо выправлять. А вот этого совсем не надо.

Андрей потянулся и, уже окончательно засыпая, привычно завернулся в одеяло.

Майские тёплые, то солнечные, то дождливые дни, школа, работа, магазины, домашние хлопоты, отвести Алису на занятия, сделать уроки... дела и заботы наплывали на него, и Эркин, не сопротивляясь, плыл в этом потоке. И у него действительно всё хорошо, по-настоящему. И ему не нужно другого. Пусть ничего не меняется. И хоть видел он Андрея теперь только утром и поздно вечером, но... но ведь это неважно. И в бригаде у него всё наладилось.

Эркин шёл быстро, улыбаясь своим мыслям. Сегодня пятница, он с утра отучился, а Андрею после работы в школу, а вот завтра на шауни они уже вместе пойдут.

Впереди разлегалась поперёк тротуара лужа, и Эркин по-мальчишески перепрыгнул через неё. И в школе у него всё хорошо. Что русский, что математика, что история с природоведением. Ну... ну никак не думал, что учиться – это удовольствие. Удивительно даже. Удовольствие – это сытость, безопасность, хорошая работа, надёжное жильё, ну... ну, ещё можно набрать. Но учёба... он раньше даже не слышал о таком.

Как всегда, в дни, когда у него школа, он до или после уроков – смотря по смене – заходил пообедать к «Соловьям». Его здесь уже хорошо знали: а как же, вторник и пятница, в одно и то же, ну, примерно, время, и так уже почти три месяца. Половой сразу провёл его к столу, за которым он обычно сидел, обмахнул столешницу салфеткой.

– Как всегда?

– Как всегда, – кивнул Эркин.

Как всегда – это полный обед. И так тоже повелось с первого раза. Когда его спросили: «Чего тебе?», – и он ответил: «Пообедать».

Здесь не курили, еда была вкусной и сытной, и в развешенных по стенам клетках пели птицы. Как-то, заметив, что он вслушивается в птичье пение, сидевший за соседним столом немолодой, судя по обильной проседи в ухоженной бороде, но крепкий кряжистый мужчина с гордостью показал ему на клетку с самым голосистым.

– Мой это, – и стал объяснять: – Вот, принёс, чтоб молодые учились. Они ж друг у дружки перенимают.

– Так это школа, – радостно удивился Эркин.

– Это ты точно сказал, парень, – кивнул мужчина. – Ну, а мой учителем. Я его к самому Рогожину возил, чтоб от его певунов вот это колено взять.

Слово за слово, услышав, что Эркин из Алабамы, бородач требовательно сказал:

– Не слышал тамошних. Ну-ка, покажи.

Эркин, как смог, тихонько посвистел, подражая слышанному на выпасе. К его удивлению, все птицы сразу замолчали, словно тоже прислушивались, а от соседних столов стали заинтересованно оборачиваться. И под одобрительные кивки людей Эркин закончил уже практически в полный голос. Конечная трель у него не очень получилась: не хватило дыхания, но бородач кивнул.

– Понятно. Небогато, конечно, наши больше колен дают, но одно там очень ничего было.

– Лешева дудка с каким переливом, заметил? – откликнулись от соседнего стола. – Надо подумать.

– Подумаем, – кивнул бородач.

Эркину уже надо было бежать в школу, и он простился с бородачом, даже не спросив его имени и не представившись. Но теперь, когда они иногда сталкивались в трактире, то кивали друг другу, и Эркин с удивлением заметил, что относиться к нему здесь стали заметно приветливее, видно, бородач занимал здесь не последнее место.

Сегодня его не было. Эркину хотелось спросить о нём, но как, не зная имени, объяснить, о ком речь, да и пора уже. Он расплатился и ушёл.

И снова шёл быстро. Не от боязни опоздать, нет, он был уверен в своём чувстве времени, а от ощущения своей силы и ловкости, от радостного чувства владения своим телом. Да, он набрал свою силу, взял всё, что ему было отпущено, и гибкость его, разработанность суставов, то, что уже сам сделал, – всё его. И уже возле завода пошёл в общей толпе.

– Хей! – окликнул его Маленький Филин.

И изумлённо уставился на Эркина, услышав вместо русского «Привет» или «Здравствуй» приветствие на шауни.

– Ты ж... ты ж не знаешь... – наконец выдохнул он.

– Не знаю, – кивнул Эркин. – Но я учусь.

Маленький Филин открыл было рот, но они уже у проход-

ной. Пропуска... табельные номера... а дальше уже каждый к своей бытовке, а они у всех бригад не просто разные, а зачастую в разных коридорах.

У себя Эркин быстро переоделся. Совсем тепло, но чего-то небо опять хмурится, и он сунул в карман куртки свою рабскую шапку. Среди замызганных кепок и выцветших пилоток она смотрелась нормально, он потому и принёс её на смену ушанке.

– Мужики, готовы? – Медведев уже стоит в дверях. – Тогда айда.

Пятничная смена особая. Впереди два дня выходных, неделя свалена, так что... так что давай, старшой, полчаса побегаем – глядишь, на минуту раньше уйдём.

– Мороз, давай сюда. Откати их к путям, щас платформу подгонят.

– Ага, понял.

– Миняй, куд-ды ты её, давай левее.

У Медведева из-под кепки выбиваются слипшиеся от пота волосы. Ему пятничная смена – лишняя головная боль: задела оставлять нельзя, всё за смену разгрести надо.

Начали смену при солнце, а уже прожекторы включили.

– А насколько по асфальту катить легче.

– Ага, это ты сообразил, а тормозить? То-то!

– Ряха, мать твою, не мельтеши под ногами!

– Саныч, давай дурынду сюда!

– Мороз, без тебя закатят! Давай на мешки!

– А куда их?

– Геныч там. Увидишь!

И оглушающий звон обеденного сигнала. И хотя многие бросали свою ношу там же, где их застал звонок, Эркин всё-таки дотащил и свалил в штабель свой мешок.

– Упрямый ты, – хмыкнул Геныч, помогая выровнять ряд.

– Ага, – выдохнул Эркин, восстанавливая дыхание. – Айда?

– Айда, – согласился Геныч.

В столовой тоже всё как всегда вечером в пятницу. Выбор поменьше или вообще бери, что осталось, и народу немного.

Эркин, как обычно, сел с Колькой. Потом к ним подсели Петря с Серёней. Они собирались в воскресенье на танцы с дракой и договаривались кто кому втыкать будет. Эркин переглянулся с Колькой, и тот хохотнул:

– Как бы вам не навтыкали.

Петря пренебрежительно сплюнул, а Серёня вдруг согласился:

– Если с Николина конца, то могут. Там Тёмка, ну, он на масленичных всех перестоял.

– Он вам и навтыкает, – понял, о ком говорят, Эркин и встал.

Своё он уже съел, а впустую сидеть за столом не любил. Засмеялся, вставая, и Колька.

– Это уж точно.

К выходу они шли не спеша, чтобы всё отведённое на пе-

перыв время использовать на полную катушку.

– А ты? – спросил Эркин. – Пойдёшь на танцы?

Колька пожал плечами.

– Не знаю, – и тихо. – Так на земле наломаешься...

Эркин кивнул. В самом деле, Колька один и кормилец, и добытчик, и работник, какие уж тут танцы. Это молодым гулять, силу тешить да перед девками красоваться. Они – парни, а Колька – хоть и холостой, а мужик. И неожиданно для себя спросил:

– Жениться не думаешь?

– Пока обхожусь, – хмыкнул Колька и нехотя пояснил: – На моё хозяйство не любая пойдёт, – и твёрдо закончил: – И не всякую позову.

Эркин кивнул. Понятно, что такой груз не каждой по силам, а уж про желание и говорить нечего. Это своя ноша не тянет, а чужая...

– Эй, мужики, – окликнул их Саныч. – Давай, что ли, становимся.

– Становимся!

Эркин плечом толкнул Кольку в спину и, доставая на ходу рукавицы, пошёл на своё место. Колька недоумевающе оглянулся на толчок, но, тут же поняв, кивнул с улыбкой.

Начал моросить дождь, и Эркин вытащил из кармана и натянул на голову шапку.

– Берись?

– Взял! – ответил он Генычу, взваливая на спину очеред-

ной мешок.

Привычная работа не мешала думать. Вот так же, подталкивая плечом в спину, он водил Зибо в рабскую кухню на еду, когда Зибо уже совсем ничего не видел. Они шлёпали через двор напрямик, по лужам, потому как, чтоб обойти, это Зибо надо за руку или за плечо вести, а тогда все увидят и всё сразу поймут, и окажется Зибо на Пустыре. Что-то Зибо всё-таки видел или просто помнил, но в кухне сразу шёл к столу, садился на своё место и вцеплялся обеими руками в миску. Он сидел рядом, и таскать у Зибо еду никто не смел, даже не рыпнулись ни разу.

Эркин недовольно тряхнул головой, отгоняя всё это, не нужное, мешающее сейчас. Ну, было это, ну, так что? Сейчас-то ему это совсем ни к чему. Зибо сколько лет уже в Овраге и вообще... с чего это ему в голову полезло?

Дождь всё сильнее, мокрый асфальт становится скользким, злее ругань... и наконец звонок и усталый голос старшего:

– Шабашим, мужики!

Эркин помогает шофёру закрыть борт грузовика и закрепить брезент.

– Всё, езжай.

– Счастливо отдохнуть.

– Гладкой дороги.

И не оборачиваясь на рокот мотора, Эркин пошёл к бытовке. Устал он чего-то. Ну, ничего, сейчас оботрётся холод-

ной водой, немного потянется – привыкли уже все к этому, не цепляются – и сгонит усталость, чтоб до дома дойти.

В бытовке шумно и тесно. Умываются, собирают сменку в стирку, переодеваются, Ряха опять что-то треплет под обший гогот. Эркин особо не вслушивался, но смеялся вместе со всеми. Чепуха, конечно, но смешно. Пару раз Ряха опасно на него покосился, но Эркин отвечал тем спокойным прозрачно-невидящим взглядом, как обычно на него смотрел. В самом-то деле, пока Женю не задевают, ему на Ряхину трепотню плевать трижды и четырежды. То есть, это если сначала на три умножить, а потом что получится ещё на четыре? Много выходит. Хорошо сказано.

– Мороз, идёшь?

– Иду, – Эркин запер шкафчик и пошёл к ждавшему его у двери Миняю. – Всем до понедельника.

– И тебе!

– Бывай!

– Счастливо, Мороз.

Дождь уже кончился, пахло мокрой землёй и зеленью. Миняй длинно тоскливо вздохнул. И Эркин сказал тихо, словно извиняясь.

– Я скотником в имении был. Пять лет.

Миняй кивнул.

– Понятно. Я ж не в обиду, землю... её чувствовать надо, – и снова вздохнул.

Эркин не знал, что сказать, и ограничился таким же со-

чувственным вздохом. И до самого дома они шли молча, но рядом.

Как всегда, Женя ждала его. Андрей был у себя, но, когда Эркин вымыл руки и сел за стол, появился на кухне со словами:

– А мне чего-нибудь дадут?

– Андрюша, – укоризненно сказала Женя, наливая ему чай. – Услышит кто, так может подумать, что тебя голодом морят.

– Я не подумаю, – заверил её Эркин. – Я его знаю.

– До чего ж братик у меня отзывчивый да заботливый, – восхитился Андрей. – Как у тебя сегодня?

– Всюду отлично, – улыбнулся Эркин, сразу догадавшись, что Андрей говорит о школе. – А у тебя?

– Кругом пять!

– Какие вы оба молодцы! – восхитилась Женя. – А завтра шауни?

– Точно! – рассмеялся Андрей.

Эркин с улыбкой кивнул.

– Да, Женя.

– Спорим, – вдруг сказал Андрей, – завтра мы вдвоём будем.

– Тим придёт, – покачал головой Эркин. – Тим сдохнет, а не отступит.

– Думаешь? – задумчиво спросил Андрей.

Эркин убеждённо кивнул. Андрей напряжённо свёл бро-

ви, думая о чём-то своём, быстро покосился на Женю и тряхнул головой.

– Ладно, его проблема, – быстро допил чай и встал. – Спасибо, Женя, вкусно, как никогда. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

Когда Андрей вышел, Женя протянула руку и погладила Эркина по плечу. Он перехватил её руку и поцеловал.

– Устал, милый?

Эркин ещё прижимал пальцы Жени к своим губам и потому только молча помотал головой. Он действительно не ощущал усталости, но совсем не хотелось шевелиться, вот так сидел бы и сидел, уткнувшись лицом в тонкие и такие сильные пальцы, вдыхая любимый запах.

Он ещё раз потёрся лицом о её руку и отпустил, легко встал.

– Уже поздно, Женя, ты устала.

– Ничего, – Женя встала, мягко отбирая у него посуду. – Ты иди, ложись, я всё уберу и приду. Ну же, Эркин.

– Да, иду.

И – как не раз уже бывало – усталость настигла его по дороге в спальню. Он сбросил на пуф халат и, как-то тупо удивившись тому, что ковра на кровати уже нет, и когда это Женя успела, рухнул на постель и провалился в сон. И даже не проснулся, когда Женя поправила ему одеяло и поцеловала в висок.

– Спи, милый, спи, мой родной.

Эркин во сне шевельнул губами, словно отвечая ей.

Утро выдалось тёплым и солнечным. Алиса шла между Андреем и Эркином, держась за их руки и тараторила без умолку.

– Ну, и завод у тебя, племяшка, – восхищался Андрей. – Язык не болит?

– Не-а! – радостно ответила Алиса. – Он у меня без костей, вот! И я его тренирую, ещё вот!

Тут засмеялся и Эркин.

– Ну да, – Алиса сочла вопрос исчерпанным. – Эрик, а мы завтра тянуться будем?

– Будем, – кивнул Эркин.

А Андрей удивился.

– Чего-чего?

– А мы с Эриком и мамой, – стала гордо объяснять Алиса, – по воскресеньям тянемся, ну, как зарядка, только интереснее, чтобы быть сильными и ловкими.

– Фью-ю! – присвистнул Андрей. – А я где был?

– А ты отсыпался, – буркнул Эркин.

Рассказ Алисы об их утренних занятиях почему-то смутил его. Андрей искоса посмотрел на него и заговорил с Алисой о другом.

Уже на подходе к Центру они нагнали Тима. Сегодня с ним и детьми шла и Зина – её лекции были через субботу.

Желание Тима учиться индейскому языку она не поняла, но спорить не стала, а потом и сообразила: как же иначе он за Димой уследит, Диму-то на три языка записали, а когда в школу пойдёт, то уроки проверять придётся, так что Тимочка всё правильно решил. Она степенно поздоровалась с Эркином и Андреем, и в Центр они вошли все вместе.

После недолгой суеты у раздевалки они все разошлись по своим классам.

Громовой Камень улыбнулся входящим.

– Я вижу вас, – медленно, чётко выговаривая слова, чтобы им было легче понять, сказал он на шауни.

– Мы видим тебя, кутойс, – не очень уверенно, но правильно ответили они, усаживаясь перед ним.

Громовой Камень, готовясь дома к уроку, планировал, что пол-урока он будет разучивать с ними обыденные, необходимые в общении слова и обороты, и жестовой язык тогда же начнёт, а ещё пол-урока отвёл на рассказ об истории шеванезов и других племён, там тоже лексика пойдёт, но уже другого уровня. Песни и танцы пока в сторону, у малышей это идёт очень хорошо, но со взрослыми пока не годится. И был уверен, что на этот раз всё пойдёт по его плану, но и сегодня получилось по-другому.

После первых же фраз о погоде Эркин полез в свою сумку и вытащил тетрадь.

– Вот, посмотри, кутойс, – сказал он на шауни и тут же

перешёл на русский. – Я понимаю, что написал неправильно, но не знаю, как исправить.

Удивился не только Тим, но и Андрей. А Громовой Камень, к их изумлению, спокойно взял тетрадь Эркина и стал читать, исправляя красным тонко очиненным карандашом ошибки. И когда он вернул тетрадь, они втроём сгрудились над ней. К некоторым буквам пририсованы точки, закорючки, штрихи.

– Это как же так? – высказался вслух Андрей.

А у Тима вырвалось:

– Так у индейцев грамота есть?!

– Письменность, – поправил его Громовой Камень и кивнул. – Да, есть.

– Но как же так? Они же...

Тим вовремя остановился, проглотив слово «дикие», но Громовой Камень улыбнулся.

– Я понял. Я расскажу вам. Эным, – и тут же перевёл традиционный зачин на русский: – Говорят. Когда шеванезы пришли на Равнину...

Он рассказывал по-русски, изредка вставляя слова на шауни. О подвиге Евграфа Окладникова, разработавшего новый алфавит, о тех русских и шеванезах, что записывали легенды и просто рассказы обо всём, составляли словари и учебники...

– Хау, – закончил Громовой Камень и перевёл дыхание.

– И что же, – после недолгого молчания спросил Ан-

дрей: – И книги печатают?

– На шауни? – уточнил Громовой Камень и кивнул. – Да.

– Тогда давайте учить. Эркин, дай листок.

Эркин кивнул и вырвал из тетради два листка: Андрею и Тиму. Ручки у них были. Громовой Камень кивнул, закрыл и отодвинул свою тетрадь, встал и пошёл к доске.

Да, не от буквы к слову, а от слова к букве. Как в стойбищах на ликбезе, только здесь ещё надо переводить. Но начнём с уже известных слов.

Он медленно крупно писал на доске и тут же читал и переводил написанное. И, оборачиваясь, видел то склонённые над бумажными листами головы, то внимательные сосредоточенно напряжённые глаза.

Проверяя себя, Громовой Камень посмотрел на часы и, улыбаясь, положил мел.

– Хватит на сегодня, давайте повторим.

Он показывал на слово, а они наперебой читали и переводили. С шауни на русский, с русского на шауни... Он даже успел их записи просмотреть, поправить штрихи придыхания, объяснив, что с другим наклоном – это другое звучание, а, значит, и само слово уже другое.

– Спасибо, кутойс, – Тим аккуратно сложил и убрал в карман свой листок.

Андрей отдал свои записи Эркину, чтоб тот в тетрадь вложил, и тоже встал.

– Спасибо, кутойс.

Последним поблагодарил и попрощался Эркин.

Оставшись один, Громовой Камень взял свою тетрадь с конспектом, подержал и со вздохом бросил на стол. Опять он промахнулся. Но получилось хорошо. Да, он даже рад, что его план сорвался, что третий урок надо писать и готовить заново. Так, учебники... букварь, книга для чтения... это у него есть. Прописи... ладно, сделает сам и на первое время хватит. Он снова взял тетрадь, ключ от кабинета и пошёл к двери, едва не забыв палку. Так обрадовался, что и боль стала совсем незаметной.

На улице Андрей обиженно сказал Эркину:

– Мог и сказать. Эгоист ты.

– Кто я? – со спокойным интересом спросил Эркин.

– Ну, только о себе думаешь.

– А-а! Понятно, – кивнул Эркин.

Объяснить, почему он не показал тетрадь Андрею, чего постеснялся, он не мог, а потому счёл тему закрытой и спросил Андрея уже о другом, благо, Алиса бежала вприпрыжку впереди.

– Сегодня в гости идёшь?

– Обойдётся, – хмыкнул Андрей. – Я у неё на неделе был, и хватит, а то привыкнет ещё, – покосился на Эркина и улыбнулся. – Порядок, брат, я у неё далеко не первый и совсем даже не последний. Так что... Она сама так поставила, я и спорить не стал. Так что сегодня я дома, или ты против? – и

еле увернулся от затрешины.

Спохватившись, Эркин быстро оглянулся: не заметил ли кто. Но, кажется, никто внимания не обратил. Да и немного народу: время-то уже обеденное.

– Пошли, – Эркин невольно прибавил шагу. – Женя ждёт уже.

– Айда, – охотно согласился Андрей и подмигнул. – Чтоб я да к жратве опоздал? Да не в жисть!

Эркин засмеялся, и Андрей довольно ухмыльнулся.

Алиса уже ждала их у подъезда.

– Ну, где вы?! Я жду, жду...

– А чего спешить? – рассмеялся Андрей. – Без нас не начнут. Или ты за свой суп боишься? Так я тебе свой отдам.

Алиса недоверчиво посмотрела на него.

– А в обмен чего?

– А что на сладкое будет.

– Фигушки! – возмутилась Алиса. – Это нечестно. Эрик, скажи, да?

Эркин пожал плечами.

– Не хочешь – не меняйся.

– Ну, Эрик...

– А что Эрик- смеялся Андрей. – Ты сама решай. Давай, соглашайся быстренько, пока я не передумал.

Они уже поднимались по лестнице. Алиса с надеждой посмотрела на Эркина. Но он молчал. Алиса ещё раз задумалась, даже покраснела от напряжения, так что брови стали

совсем белыми, и, наконец, покачала головой.

– Нет, я не буду меняться.

– Ну, как знаешь, – нарочито разочарованно вздохнул Андрей.

Они уже подходили к своим дверям. Эркин достал ключи, и, пока он открывал дверь, Андрей за его спиной дёрнул Алису за хвостик и увернулся от её кулачка.

– Вот и молодцы! – встретила их обычным возгласом Женя. – Быстренько раздевайтесь, мойте руки и за стол, у меня уже всё готово.

Но Эркин сразу заметил, что Женя... не такая, и встревоженно спросил:

– Что случилось? Женя?

Алиса уже убежала в ванную, а Андрей остановился, переводя взгляд с Эркина на Женю и обратно.

– Ничего, – улыбнулась Женя. – Ничего особенного. Потом.

– Нет уж, женя, давай сразу, – твёрдо сказал Андрей.

Эркин молча кивнул.

– Ну, ладно, – сказала Женя.

И взяла с подзеркальника – и как это они его сразу не заметили – конверт.

– Письмо?! – вырвалось у Эркина.

Андрей резко шагнул вперёд и почти вырвал конверт из пальцев Жени.

– Ну-ка, – протянул он угрожающе.

Конверт был вскрыт, но, доставая письмо, Андрей разорвал его почти пополам и бросил на пол, развернул сложенный вдвое листок.

Женя подошла к Эркину и, стоя сзади, обняла его. И, покосившись на неё, Эркин увидел, что она улыбается. Он уже совсем ничего не понимал.

Быстро пробежав глазами текст, Андрей как-то ошалело посмотрел на Женю и стал читать вторично.

Удивлённая странной тишиной, вышла из ванной Алиса и остановилась, внимательно глядя на них.

Наконец, Андрей закончил читать и шумно выдохнул:

– Ну... ну, Женька... ну, купила... как есть купила!

– Ага! – радостно засмеялась Женя.

– Ну, я тебя!

Андрей кинулся на Женю и налетел на Эркина. Тот, загоразивая Женю, перехватил Андрея, не всерьёз сжал в захвате и спросил:

– От кого письмо?

– От девчонок, – Андрей счастливо заржал. – Ну, от Даши с Машей, помнишь их, рыжие! Ну?

– Помню, – засмеялся Эркин, отпуская Андрея.

Андрей поднял с пола письмо и остатки конверта, дал их Эркину.

– На, прочитай.

Эркин взял письмо и стал читать, напряжённо сведя брови и шевеля губами. Даша и Маша писали, что у них всё в

порядке, они хорошо устроились, нашли работу, учатся в вечерней школе, у них всё хорошо... а это что? Эркин перечитал ещё раз фразу о танцах и хороших парнях и кивнул.

– Понял, – сказал он вслух и посмотрел на Андрея.

– Я тоже, – кивнул тот и пожал плечами. – Всё так и должно быть.

– За стол, живо за стол, – не дала им углубиться в проблему Женя.

– Ладно, я только за тортом сбегаю.

– Что?! – изумилась Женя. – Зачем?!

– Я же проиграл, – ухмыльнулся Андрей. – Письмо-то пришло.

– Но не то!

– Вот это и надо отпраздновать! Женя, Эркин, я мигом. И выскочил за дверь так, будто за ним гнались.

Эркин посмотрел на Женю, Алису и решительно сказал:

– Ждём. Да, Женя?

– Конечно.

Женя взяла у него письмо, улыбнулась.

– Ну, что ты, Эркин? Всё же хорошо.

– Да, – кивнул Эркин. – Я просто растерялся. Я... я пойду, перечитаю, ну, и тетради уберу.

– Ну да, конечно. Алиса, ты всё своё убрала?

Эркин достал из сумки и отдал Алисе её вещи, взял тетрадь по шауни и письмо и ушёл в маленькую комнату. Сел к столу и уже спокойно перечитал письмо. Даша и Маша...

конечно, он их помнит, помнит ту ночь в Джексонвилле, когда они услышали о смерти Андрея... Он сидел неподвижно и, когда за его спиной стукнула дверь, спросил, не оборачиваясь:

– Напишешь им?

– Затылком видишь? – усмехнулся Андрей и, подойдя к столу, легко оперся ладонями на его плечи. – Не знаю.

– Они думают, что ты погиб.

– Знаю. Так чего будоражить? У них своя жизнь, у меня – своя.

Андрей говорил серьёзно, и так же серьёзно ответил Эркин.

– Врать им я не буду.

– Я сам им напишу, – Андрей улыбнулся. – Не бойсь, су-мею.

В комнату заглянула Алиса.

– Эрик, Андрюха, мама обедать зовёт.

– Идём, – Андрей оттолкнулся от Эркина и ловко поймал Алису в охапку. – А ну, признавайся, в торт нос совала?

– Не-а! – вывернулась из его рук Алиса и спряталась за Эркина.

– Чего ж это ты такая нерасторопная? – огорчился Андрей.

– А меня мама не пустила. Эрик, пойдём.

Эркин рассмеялся и встал.

– Пошли.

Наконец сели за стол. О письме больше не говорили: ведь всё понятно, а сегодня выходной, и завтра. Завтра пойдём в кино, все вместе, всей семьёй. А что небо хмурится, и вдруг дождь пойдёт, так ну и что, выходной – это всегда праздник.

После обеда Алиса отправилась спать без спора. Андрей встал.

– Пойду почитаю.

У себя в комнате он взял книгу и лёг на диван. Но читать не стал. Просто лежал и думал.

Даша и Маша... хорошие девчонки, близнецы... Он пришёл к ним сразу, как вернулся из Бифпита, принёс связку сушек и фунтик конфет. Нет, он заглянул в больницу днём, нашёл их и договорился, а вечером, как стемнело, перелез через забор, прокрался к их окну. Его ждали и открыли створки, как только он поскрёб ногтем по стеклу. Он влез в окно, закрыл его за собой, втроём они натянули маскировочную штору и уже тогда зажгли свет. В комнате тесно, бедно, но чисто. У них даже плитка своя, и чайник вот-вот закипит. Он положил на стол сушки, конфеты и гордо достал из кармана пачку чая. Девчонки дружно ахнули и в два голоса наперебой, но негромко стали его ругать за мотовство.

– Одна живём! – смеялся он. – Да не дороже денег.

Потом они сидели и пили чай, он им рассказывал про олимпиаду, Бифпит, перегон. Они ахали, восхищались, смеялись. И рассказывали ему о себе. И даже пели полузабытый русский песни. Но тихо, даже не в половину – в четверть го-

лоса...

...Андрей вздохнул, потянулся. В тот раз ничего у них не было, посидели, попили чая, и он тем же путём – через окно – ушёл. Смешно, но даже всё помня, он не может понять: как же это у них получилось? Ну, целовались, ну... одна за водой побежала, а он стал с другой целоваться. И так... да, раза три, пока не сообразил, что они специально меняются...

... «Нет, – решил он, – так не пойдёт».

– Даша, а Маша где?

Она слегка отстраняется от него, глядит в упор серо-зелёными строгими глазами.

– Она тебе больше нравится, да?

– Вы мне обе нравитесь.

Даша медленно кивает и встаёт с его колен, подходит к двери и выглядывает в коридор, оборачивается к нему.

– Идёт.

Входит Маша с чайником, пытливо оглядывает их. И он, желая всё прояснить, сразу говорит:

– Вы меняться-то бросьте.

– А что? – насмешливо щурится Маша.

– А то, что как захотим, так и будет, – отвечает он.

– А ежели вместе? – вызывающе вскидывает голову Маша.

– А чего ж нет, – улыбается он и уже серьёзно: – А дурить меня нечего.

– А никто и не дурит! – Маша с размаху грохает чайник

на плитку, но не включает её, подходит и встаёт перед ним рядом с Дашей...

...А дальше... дальше какая-то суета, он помнит, что попросил выключить свет и девчонки охотно согласились, тоже застеснялись. Наверное. А что и как было... было хорошо, это точно. Они так и заснули, втроём, обнявшись. И ушёл он от них уже перед рассветом. И потом, когда он к ним приходил, им было хорошо. Пусть... пусть и дальше так будет. У него перед ними долга нет. И они перед ним чисты. Так и напишет им. Спасибо за всё, и будем дальше жить каждый сам по себе.

Андрей закрыл книгу и встал с дивана. Решил – делай. И сел к столу, достал бумагу, конверт. Купил тогда вместе с тетрадями почтовый набор. На всякий случай. Вот и пригодились.

«Здравствуйте, Даша и Маша», – он писал быстро и уверенно, зная, что поймут его как надо.

Русский порядок, когда обед вместо ленча, а ужин вместо обеда, уже стал вполне привычен, а русский полдник отлично заменял английский пятичасовой чай, который Норма накрывала в гостиной.

- Джинни, – позвала она, оглядев готовый стол.
- Да, мама! Иду, – сразу откликнулась Джинни.
- Войдя в гостиную, Джинни засмеялась.
- Мамочка, от одних запахов голова кружится.

– Вот и отлично, – улыбнулась Норма. – Зажги камин, детка.

– Сейчас включу, – лукаво поддразнила мать Джинни.

Пить чай в креслах перед камином – это уже если не роскошь, то, во всяком случае, аристократизм. И Норма с удовольствием предавалась этому чувству. Да, камин электрический, но, мой Бог, в многоэтажном многоквартирном доме традиционный с дровами был бы просто неудобен. Единственное, что она себе позволяла, это «зажигать» его, а не «включать». Маленькие невинные разногласия с Джинни, чтобы той было возможно продемонстрировать самостоятельность и независимость без ущерба для остальных отношений. И хорошо, что они по совету Джен не стали спешить с гостиной. Зато теперь... камин, перед ним удобные кресла с маленьким столиком, ковёр, удобная мягкая мебель, изящная тумба под проигрыватель с пластинками, пианино, шкаф-витрина для нарядной посуды и безделушек – Джинни опять начала собирать коллекцию. У неё уже есть смешной стеклянный ёжик и очень трогательный фарфоровый львёнок знаменитого на всю Россию, а говорят, что и в Европе, петропольского завода.

– Мама, сходим завтра в кино?

– Конечно, Джинни. А разве ты никуда не пойдёшь вечером?

– Нельзя же праздновать каждую неделю, – засмеялась Джинни. – Это уже будет работой.

Норма с улыбкой кивнула. Конечно, вечеринки хороши как развлечение, но, когда месяц подряд... ну, вот так уж получилось, что все приятельницы Джинни или родились весной, или у них именины. Очень интересный, кстати, русский обычай – праздновать день имени. Нужно будет подумать, посоветоваться, наверное, лучше всего с Бабой Фимой и выбрать день для именин Джинни.

– Джинни, а когда ты пригласишь их к нам?

– Мм, – задумалась Джинни. – Наверное недели через две, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Норма.

Джинни откинулась на спинку кресла, задумчиво повертела чашку.

– И о чём ты задумалась? – улынулась Норма.

– Знаешь, мама, – голос у Джинни мечтательно разнеженный. – Знаешь, я, кажется, влюбилась.

– Очень хорошо! – искреннее восхитилась Норма. – И в кого?

Но Джинни не ответила, а лицо её вдруг стало таким растерянным, что Норма встревожилась.

– Джинни, девочка, что с тобой?

– Мама, – Джинни поставила на стол чашку и закрыла лицо ладонями. – Я поняла, мама, он... Я действительно влюбилась, я только сейчас поняла. Это Мороз, мама...

– Кто?! – потрясённо переспросила норма.

– Эркин Мороз, – Джинни уронила руки на колени, по-

вернула к матери залитое слезами лицо. – Да, мама, он, наш сосед, мой ученик, отец моей ученицы, я всё понимаю, мама, но я... я люблю его. Я знаю. Он женат, он – индеец, я понимаю... – её голос прервался.

Норма перевела дыхание и постаралась улыбнуться. Да, муж Джен поразительно красив, она сама всегда любитесь им.

– Я понимаю тебя, Джинни, – вздохнула Норма. – Но...

– Мама, – Джинни улыбнулась сквозь слёзы. – Ему же никто не нужен, кроме его Джен.

– Да, – кивнула Норма. – Это видно.

– Не волнуйся, мама, – Джинни взяла свою чашку и отпила. – Я в порядке.

Норма так же взяла свою чашку. Кажется, Джинни уже успокаивается, слава богу.

– Безответная любовь – тоже любовь, правда, мама?

Норма кивнула, но возразила:

– Это не любовь, а влюблённость, Джинни.

– Может быть, – пожалала плечами Джинни. – Но, пока я не полюбила другого, буду думать о нём.

– Джинни... – не выдержала Норма.

– Нет, мама, я всё помню, я – учительница, а он – мой ученик, его дочка – моя ученица, он – наш сосед. Я ничего такого себе не позволю, мама, не волнуйся, – Джинни изобразила чопорную светскую даму и рассмеялась.

Рассмеялась и Норма. Слава богу, самого страшного не

произошло. А такая влюблённость... через неё все проходят. Это не страшно и даже полезно. И если... да нет, никаких если, он неплохо воспитан, безусловно влюблён в свою жену и ничего себе не позволит. А что он красив... причем не просто сам по себе, а он и двигается красиво, когда он тогда пришёл к ним на беженское новоселье и взялся мыть и натирать полы, она сама впервые увидела, что такое простое действие может быть настолько... завораживающе красиво. И он не рисовался, не играл, а просто работал. И даже немыслимо грязные старые штаны, в которые он переоделся для работы, не портили его. Да, что бы он ни делал, всё получается красиво. Даже просто идёт по улице, а как танцует. А улыбнётся если..., то всё отдашь, лишь бы... лишь бы он улыбнулся тебе.

– Мама, а тебе нравится его брат?

– Что? – вздрогнула Норма. – Прости, ты о ком, Джинни?

– Об Андрее, – терпеливо ответила Джинни. – Он тоже красивый, правда?

– Правда, – улыбнулась Норма. – Но ещё больше он обаятелен.

– Да, – засмеялась Джинни. – И знаешь, они и в самом деле похожи, хотя...

– Джинни, – остановила её Норма. – Не надо. В нашем доме о крови не стоит говорить.

Джинни задумчиво кивнула. Да, обилие приёмных детей и названных родственников поразило их ещё в лагере. И в

самом деле, разве так важно, что у Чернова и сын, и дочь белые, он же им отец на деле, по поступкам, а у того же Мороза, а... да у всех, ну, почти у всех.

– Да, мама, – Джинни улыбнулась, допивая чай. – Конечно, ты права. Знаешь, у нас новый учитель, индеец, его зовут Громовой Камень, – и тут же перевела на английский для матери: – Thunder Stone. Правда, красивое имя?

– Да, ты мне говорила.

– Я... я думаю, его тоже пригласить, – неуверенно предложила Джинни.

– Ну, конечно, – Норма удивлённо посмотрела на дочь. – А в чём проблема?

– Он... он воевал, мама. И носит военную форму. С медалями. Тебе... тебя это не заденет?

– Нет, – твёрдо ответила Норма. – Раз мы приехали сюда, то это не должно нас задевать. Мы должны жить как все. И быть. Как все.

– Мама, – Джинни поставила чашку и порывисто вскочила на ноги, обняла и поцеловала мать. – Ты прелесть! А если в следующую субботу? Давай?

Последнее слово она сказала по-русски, и Норма, охотно рассмеявшись, ответила тоже по-русски:

– Давай.

И они стали обсуждать, что приготовят и в каком стиле сделают вечеринку.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

После их поездки в Россию Джонатан на месяц залёг в имении, и Фредди поехал в Колумбию один. Пройтись по точкам, подкрутить «Октаву» и вообще немного поболтать-ся, кое-кого посмотреть и кое-кому себя показать. На всё про всё недели, ну, полторы, хватит, а там обратно в имение.

Салон Ларри он оставил напоследок. Здесь ему не работать, а отдохнуть и поговорить. Судя по банковской информации, дела у Ларри крутятся... лучше и не надо. У Слайдеров капает потихоньку и даже чуть обильнее, как взяли ещё троих – и сообразил же Роб! – не в дело, а по найму. И в «Октаве» тоже... нормально.

К салону Ларри Фредди подошёл без пяти четыре и, входя, едва не столкнулся в дверях с пожилым благообразным джентльменом в костюме от «Лукаса». А ведь эту холёную морду где-то видел, в какой-то газете, вроде, немалая шишка. Ну, если у Ларри такие клиенты, то совсем даже неплохо.

Ларри за прилавком уже убирал бумаги. Увидев Фредди, он широко радостно улыбнулся.

– Добрый день, сэр. Счастлив вас видеть, сэр.

– Здравствуй, Ларри. Я тоже рад тебя видеть, – улыбнулся Фредди.

И хотя он ещё на входе заметил в углу охранника, протянул Ларри руку, здороваясь, даже именно поэтому. Ларри уверенно ответил на рукопожатие. И Фредди, пожимая ему руку, ощутил на пальце Ларри кольцо. Он не сразу понял, что оно обручальное, решил сначала, что Ларри сделал себе такое же, как у них с Джонни, с печаткой.

Из кабинета донёсся бой часов, Ларри кивком попрощался с охранником и сказал Фредди:

– Проходите в кабинет, сэр, прошу вас. Я только опущу жалюзи.

– Хорошо, Ларри, – кивнул Фредди.

В салоне всё было, как и раньше, ничего не изменилось и в кабинете. Фредди подошёл к шкафу-витрине и стал рассматривать расставленные за стеклом безделушки.

– Открыть, сэр? – спросил, неслышно подойдя, Ларри.

– Нет, – вздрогнул Фредди. – Спасибо, Ларри, обойдусь. Всё в порядке?

– Да, сэр, спасибо.

Они сели к столу, и Ларри стал показывать книги и счета.

– Сейчас небольшое затишье, сэр, но в июне будет получше.

– И то, что есть, неплохо.

– Благодарю вас, сэр, – улыбнулся Ларри.

Он раскрывал перед Фредди книги, перелистывал подшитые счета, и Фредди успел разглядеть, что кольцо у Ларри гладкое, похоже, и в самом деле, обручальное. С чего бы это?

Бумаги у Ларри в полном порядке.

– Спасибо, Ларри. Если честно, то я не ждал, что будет так хорошо.

– Спасибо, сэр, ваше одобрение оказывает мне честь.

– Ладно тебе, Ларри. Ещё что есть?

– Сэр, я тогда рассказал в Ювелирной Лиге о смерти сэра Маркуса.

– Да, ты говорил, я помню.

– Сэр, меня спросили, знаю ли я, где сейчас майор Натаaniel Йорк.

– А откуда ты можешь это знать, Ларри?

– Спасибо, сэр, – понимающе кивнул Ларри.

– С этим всё. И что ещё? – Фредди улыбнулся и, так как взгляд Ларри стал непонимающим, кивком показал на его руку. – Я про это, Ларри.

– Это? – Ларри тоже посмотрел на свою руку. – Сэр? Вы о кольце? Но я оформил и оплатил это как заказ.

– Я не об этом, Ларри. Ты женился?

– Да, – Ларри счастливо улыбнулся. – Да, сэр.

– И нам ни слова? – с насмешливым упрёком сказал Фредди.

Он шутил, но вежливый ответ Ларри заставил его покраснеть.

– Я должен был просить разрешения, сэр?

– Извини, Ларри, я... я не хотел тебя обидеть, – Фредди смущённо улыбнулся. – Я рад за тебя, Ларри. Но... но пойми, мне надо знать, дело-то серьёзное, кто она, Ларри. Пойми, ведь если что, не обижайся, но, – он перешёл на ковбойский говор, – от домашнего вора нет запора.

Ларри улыбнулся.

– Да, сэр, я понимаю. Но вы можете не беспокоиться. Её брат, сэр Дэвид был мужем дочери сэра Маркуса, Эстер выросла в их семье.

– Тогда другое дело, – облегчённо улыбнулся Фредди. – Её зовут Эстер?

– Да, сэр. И у меня теперь есть ещё и дочь. Рут.

– Поздравляю, Ларри, честно, рад за тебя. И Джонни, я уверен, будет рад. Жаль, не знали, гульнули бы у тебя, – Фредди был необычно многословен, то и дело сбиваясь на ковбойский. – Здоровско гуляли?

– Да, сэр, у нас была очень хорошая свадьба. Настоящая, – улыбался Ларри. – Для нас была бы высокая честь видеть вас. Не будет ли дерзостью с моей стороны, сэр, просить вас и сэра Джонатана посетить наш дом.

Фредди восхищённо крякнул на такой оборот.

– Спасибо, Ларри. Как будем оба в Колумбии, так обязательно.

– Благодарю вас, сэр, – склонил голову Ларри и стал собирать книги.

Фредди встал.

– Счастливо Ларри. Да, себе-то ты мог и без бумажек сделать. Ну, просто записал бы в расход, и всё, – закончил он несколько шутливым тоном.

– Сэр, я много думал об этом, – Ларри говорил очень серьёзно. – И решил не путать документацию. Выполненная работа и израсходованный материал должны быть учтены и оплачены, – и улыбнулся, позволив себе ответить так же не правильным, а простецким говором: – Задаром только неприятности.

Фредди с удовольствием рассмеялся.

– Это ты молодец, Ларри. Ну, а насчёт документации... Ты – хозяин, тебе и решать.

Ларри перевёл дыхание, как после удара, и склонил голову.

– Спасибо, сэр.

Когда Фредди ушёл, он быстро убрал книги в сейф. Работать сейчас он не сможет, так что... Обычная ежедневная уборка успокоила его. Он сообщил в полицию, что уходит, всё запер и отправился домой.

Было ещё совсем светло, но шум уже вечерний. Небо затягивали тонкие, но сплошные облака, и Ларри подумал, что ночью может начаться дождь и тогда завтра придётся взять зонтик. Новый чёрный зонтик ему купила Эстер. Смешно,

конечно, вспоминать: насколько он был уверен, что чего-чего, а одежды у него и Марка на все случаи жизни, а Эсти нашла кучу нехваток. Разумеется, это траты и весьма немалые, но ведь всё нужное. Тот же зонтик... это ему практически на весь год и не на один. И Эсти, конечно, права: лучше один раз потратиться на хороший зонтик, чем часто покупать новый костюм, потому как подмочки они – хорошие костюмы – не любят. А вот плащ и пальто вполне подождут до осени. Шлёпанцы и купальные халату ему и Марку, ещё один костюм, строгий, но лёгкий, на летнюю жару, и ещё...

Ларри улыбнулся своим мыслям и прибавил шагу, хотя и так шёл быстро. Его же ждут. Его семья: жена и дети. Да, он и раньше спешил домой к Марку, но сейчас совсем по-другому. Он уверен, что дети сыты и ухожены, что в доме всё в порядке, и спешит... спешит увидеть их, увидеть Эсти.

– Привет! – окликнули его.

– О! – улыбнулся Ларри. – Здравствуй, Найдж, как дела?

– Отлично! – улыбнулся Найджел. – Чего к нам так и не заглядываешь? – и подмигнул. – На массаж.

– Работа, Найдж. Разве только... в субботу вы работаете?

– А как же! До ленча, а ради хорошего гостя, – Найджел снова подмигнул, – и задержаться можем. Так что заходи. Привет твоим.

Найджел с ходу перепрыгнул через невысокую каменную кладку, ограждавшую газон у его дома.

– И твоим привет! – крикнул ему вслед Ларри. До чего же

приятный парень. И жена у него симпатичная. С соседями тоже повезло. А вот и дом, его дом, и навстречу бегут Марк и Рут, чистые, сытые, весёлые... его дети. А на крыльце стоит Эсти.

– Здравствуй, дорогой.

Быстрый скользящий поцелуй в щёку.

– Всё удачно? Иди, переодевайся, я накрываю. Дети, руки мыть, будем обедать.

Ларри поцеловал Эстер и взбежал наверх. В спальне приятно пахнет цветами, у окна в красивом терракотовом горшке молодая лиана выкинула ещё пару листьев и усик закрутился колечком, надо будет сделать ей крепление, а в вазе на столике букет сирени. Ларри снял и повесил костюм в шкаф, обтёр и поставил на место ботинки, и пошёл в ванную.

Здесь тоже как будто светлее стало, и запах приятный. Это Эстер купила специальный освежитель для воздуха. Ларри с наслаждением, но быстро ополоснулся под душем, вытерся, натянул джинсы и ковбойку, но обуваться не стал: таким приятным было ощущение чистого прохладного пола под ногами.

Так, босиком, он и спустился вниз. Сегодня будни, и потому обедают на кухне. Эстер, увидев, что он не обулся, с ласковой укоризной покачала головой, но ничего не сказала. Да и в самом деле, тепло, полы чистые, никого они не ждут, и спорить из-за такой мелочи глупо. А что Марк, войдя в дом, тоже сразу разуваётся, ну... ну, ничего, всё утрясётся.

– Садись, Ларри, всё хорошо?

– Да, Эсти, спасибо.

Салат, овощной суп, баранье жаркое и яблочный компот.

И разговор о всяких домашних хозяйственных мелочах и событиях.

– Спасибо, Эсти, всё необыкновенно вкусно.

– На здоровье, – Эстер встала из-за стола. – Рут, помоги мне. Пойдёшь в сад, Ларри?

– Да, – он немного смущённо улыбнулся. – Повожусь немного.

Марк выскочил из-за стола, крикнув на бегу:

– Я принесу, я мигом.

Эстер и Ларри рассмеялись, но и минуты не прошло, как Марк влетел в кухню с отцовскими кроссовками в руках. Что в городе босиком не ходят, он уже хорошо усвоил.

– Спасибо, сынок.

Ларри быстро обулся, закатал рукава ковбойки выше локтей.

– Пойдём, сынок, рассада уже нас заждалась.

– И я с вами! – Рут бросила полотенце, которым вытирала посуду. – Пап, да?

– Конечно, дочка, – улыбнулся Ларри.

Эстер удивлённо покачала головой. Подумать только, раньше Рут никогда не любила возиться с землёй, прямо удивительно, как быстро она привязалась к Ларри. Ну вот, жизнь уже входит в обычную колею. Первая неделя была

трудной, суматошной. Ларри вёл хозяйство... не слишком экономно, скажем так. Чтобы всё закупить... она потратила уйму денег, даже вспомнить страшно. Но зато в доме теперь есть запас, а то Ларри с Марком на одних полуфабрикатах сидели, что, в конечном счёте, только дороже. И с одеждой так же. Так шлёпанцы, значит, Ларри не понравились. Ничего страшного, присмотрим ему для дома что-нибудь другое. Вот так.

Эстер оглядела кухню. Ну, всё в порядке. Пойти посмотреть, чем они заняты? Да, это интересно и даже где-то полезно. И раз Ларри так заботится о саде, ей нельзя пренебрегать этим невинным хобби.

В саду провозились до сумерек, потом дети выпили своё молоко, Эстер проверила, как они вымылись на ночь, Ларри зашёл к ним поцеловать на сон грядущий, и вот они наконец вдвоём в своей гостиной.

– Выпьешь чего-нибудь, Эсти?

– Да, Ларри, сделай мне свой фирменный, – Эстер улыбнулась. – И себе тоже.

Ларри смешал два стакана соков и опустился в кресло. Эстер села рядом на подлокотник и обняла его. Ларри вздохнул, приваливаясь головой к её боку.

– Устал, милый?

– Нет, Эсти. Мне просто хорошо. Разжечь камин?

– Нет, вечер тёплый.

– Эсти, – Ларри отпил, облизал губы, – сегодня приходил сэр Фредди. Я пригласил его и сэра Джонатана к нам на обед.

– Конечно, милый. На воскресенье?

– Нет, я думаю, где-то недели через две, когда они оба будут в Колумбии.

– Хорошо, ты только скажи мне заранее, чтобы я успела всё приготовить.

– Конечно, Эсти, – Ларри снова вздохнул. – Понимаешь, я должен был известить их... о нашей свадьбе.

– Но их же не было в Колумбии, – Эстер наклонилась и поцеловала курчавую макушку. – А всё решилось так быстро. Ты просто не успел. Не беспокойся, милый, всё будет в порядке. Они... – она запнулась.

Вообще-то Ларри рассказывал ей о них. Что Фредди когда-то целый месяц жил в доме Маркуса Левине, и она по нескольким обмолвкам Ларри поняла, что Фредди скрывался от полиции, что потом, уже после Капитуляции и Заварухи, Фредди подобрал его, умирающего, и привёз в имение, что потом Джонатан отправил его в русский госпиталь лечиться, и наконец, что он – не работник, а компаньон Бредли. Всё это было достаточно странно и в то же время абсолютно понятно. Что ювелиры, уголовники и полиция тесно связаны, и не всегда понятно, кто с кем и против кого, она слышала с детства. Кто такие Бредли и Фредди... Ну, это достаточно увидеть Чака, чтобы обо всём догадаться. Кем может быть человек, нанявший Чака шофёром, тут и гадать

нечего. Всё ясно. Но благополучие, даже сама жизнь и Ларри, и детей, и её самой зависят от расположения Джонатана и Фредди. И значит, она всё делает как надо. Её сильный и добрый Ларри может на неё рассчитывать.

Она снова поцеловала мужа.

– Не беспокойся, милый. Всё будет в порядке.

– Спасибо, Эсти. Они... они всегда были добры ко мне. И знаешь... сэр Фредди сегодня назвал меня хозяином, – Ларри смущённо рассмеялся. – Так и сказал, что я – хозяин, и мне виднее, как лучше вести книги.

– Ну, конечно, Ларри. А что, – Эстер погладила его по плечу, смягчая вопрос, – у тебя проблемы с документацией?

– Да нет, Эсти, вроде, всё в порядке.

– Ларри, а что, если... слушай, я же – бухгалтер, давай, я посмотрю.

– Это будет замечательно, Эсти! Тогда... – Ларри запнулся, что-то обдумывая, и решительно допил свой стакан. – Тогда в субботу пойдём все вместе.

– Решено, – сразу согласилась Эстер и тоже допила коктейль. – Иди наверх, милый, и ложись. Я сейчас всё уберу и поднимусь.

– Хорошо, Эсти.

Но Ларри медлил, не желая её беспокоить, и Эстер встала первой. Взяла у него стакан.

– Иди, милый, уже поздно.

Ларри поцеловал её в щёку и пошёл наверх. В доме сон-

ная живая тишина. Он заглянул к Рут и Марку, послушал х дыхание, стоя в дверях. В спальне задёрнул шторы, включил лампу у изголовья кровати и прошёл в ванную. Ковбойку в ящик для грязного белья, джинсы на вешалку для расхожего. Надо что-то придумать с обувью, а то Эсти обижается, что он ходит дома босиком, но шлёпанцы – это только в спальне хорошо, надо что-то придумать, вроде тех, в каких ходил у Старого Хозяина. А вот купальный халат – отличная штука.

Он вернулся в спальню, сбросил халат в изножье кровати и лёг. Где же Эсти?

– Я здесь, – она будто услышала его беззвучный зов, входя в спальню. – Я сейчас, Ларри.

Она прошла в ванную, и он услышал плеск воды. Может, он и задремал, потому что вдруг ощутил присутствие Эстер рядом. Медленно, преодолевая вязкую истому, он повернулся к ней. Эстер обняла его и поцеловала.

– Всё будет хорошо, Ларри.

– Да, я знаю.

Ларри губами нашарил её губы, поцеловал. Эстер тихо засмеялась, прижимаясь к нему, погладила по затылку. С каждой ночью Ларри становился всё смелее и, к радостному удивлению Эстер, внимательнее. И охотно откликался на её предложения и даже выдумки. Только однажды спросил:

– Тебе это нравится, Эсти?

– А тебе нет? – ответила она вопросом.

Он долго молчал, а потом, когда она уже чуть ли не забыла

за поцелуями, о чём говорили, Ларри очень серьёзно сказал:

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты была счастлива, Эсти. И я сделаю для этого всё.

– Ларри... Ларри, но я хочу, чтобы и тебе было хорошо. Я нравлюсь тебе?

– Да, – сразу ответил он. – Очень.

И поцеловал её...

...Когда Ларри заснул, Эстер, потянувшись через него, выключила лампу, уже в темноте погладила Ларри по голове и заснула, касаясь щекой его плеча.

Россия

Цареградская область

Алабино

Центральный военный госпиталь

Смена заканчивалась в четыре, и Андрей специально поболтался по госпиталю, чтобы прийти в раздевалку после пересменки.

Он угадал точно. Кто на работу, кто с работы, но разошлись все. Андрей открыл свой шкафчик и стал переодеваться. А теперь ему надо спешить, а то опоздает на автобус, не идти же пешком до Ивина.

Переодевался, убирал в шкафчике, запирает его, бежал к автобусной остановке, – всё это Андрей делал с механической бездумностью, думая о своём.

Да, конечно, он всё знает, всё понимает, и рад, искренне рад за Колюню. И всё же...

...День тёплый, безветренный, смена спокойная, и его отпустили к Колюне без звука.

– Колюня, – вошёл он в палату, – айда в сад?

– Айда, – радостно согласился Колюня.

Он помог Колюне пересесть в кресло и вывез его в коридор, а оттуда на веранду.

– Пахнет как, – засмеялся Колюня.

– Это сирень, доцветает уже.

Он аккуратно скатил кресло по пандусу и подвёз Колюню к кустам. Наклонил ветку, чтобы тяжёлая сизая гроздь коснулась лица Колюни.

– Чуешь?

– Ага, спасибо, Андрюша. А пятилучевые есть?

– Сейчас найду.

Эту примету он уже знал. Найти цветок с пятью лепестками и съесть. На счастье. Одну руку Колюне уже сделали, ложку теперь сам держит, шарики катает для реабилитации,

но такую тонкую работу не сделает. Ага, вот она, а вот ещё, и ещё.

– Держи, Колюня.

– А себе?

– Я нашёл, – рассмеялся он в ответ. – А ты съел. Вот и поровну.

– Хитёр ты, – рассмеялся Колюня и, прижав к губам ладонь, втянул в рот, как вдохнул три цветка.

Пели птицы, и Колюня стал их называть ему. Даже удивительно, откуда их столько знает. И вот тут, когда они уже сами вовсю свистели по-птичьи – у Колюни здорово получается – их и окликнули.

– Ага, вот вы где!

Это был голос Жарикова, и он легко, не ожидая подвоха, обернулся.

– Иван Дормидонтович, мы здесь.

Рядом с Жариковым маленькая худенькая женщина, вся в чёрном, и её лицо кажется совсем белым, даже голубоватым.

– Здравствуй, Колюня, – весело сказал Жариков. – Как ты?

– Здравствуйте, доктор, – улыбнулся Колюня. – Я в порядке.

– Вот и отлично. Принимай гостей.

– Гости? – удивленно переспросил Колюня, растерянно вертя забинтованной головой.

Подбородок, нос и часть щёк Колюне уже сделали, и бин-

ты закрывали теперь только лоб и глаза, вернее, глазницы. Он помог Колюне сесть повыше и за плечи повернул лицом к женщине. У неё дрожали губы, из широко раскрытых глаз неудержимо текли слёзы, она молча протягивала к Колюне руки, не трогаясь с места.

– Кто? – спросил Колюня. – Кто пришёл? Точно, ко мне?

– Коля... – наконец выдохнула женщина. – Коленька...

И отчаянный крик Колюни:

– Мамаля!

И от этого крика он сорвался, убежал...

...Андрей тряхнул головой и встал. Ему уже выходить.

В Ивине вышел он один. Пение птиц, шум листвы под лёгким ветерком, перекликающиеся голоса и детский смех... Андрей шёл по уже знакомой улице, здороваясь с многочисленными встречными. И пытаюсь понять: чего он так психанул? Ведь видел уже такое. И не раз. А к Седому приехала жена. С сыном. И тоже плакали, и обнимались, и он был просто рад за них, за Седого...

...– А это Андрей, – Седой берёт его за руку, разворачивая лицом к сидящим у кровати женщине и парню, оба в военном без погон, но с нашивками за ранения и медалями. – Он меня с того света вытаскивал. Я жить не хотел, А Андрей упёрся: живи, дескать, и ни в какую, – смеётся Седой.

И женщина с парнем обнимают его, целуют и благодарят...

...Ну вот. И за Колюню он рад, искренне, по правде. И... и

не увезут Колюню прямо завтра. И послезавтра тоже. Колюне ещё лежать и лежать. Восстанавливаться. Так что... всё-таки тем, за кем никто не приехал, ещё хуже. У которых всё было и которые всё потеряли. Родня – это великое дело. А его родня – его крёстные, доктор Ваня и Тётя Паша. И Серафима Панкратьевна с Устиньей Капитоновной к нему как к родному...

И калитку он открывал если не успокоившись, то улыбаясь. Чего других в свои психи втягивать.

Как всегда, его встретили радостным известием, что обед готов, пусть моется и идёт есть.

– Спасибо, Серафима Панкратьевна, я быстро, – улыбнулся Андрей.

Когда бы он ни пришёл, обед готов. Ждут его, что ли?

За столом он улыбался, хвалил еду и вообще старался держаться как обычно, но Серафима Панкратьевна всё-таки что-то заметила.

– Случилось что, Андрюша?

Помедлив, он кивнул.

– К Колюне мать приехала, – и повторил услышанное от Колюни: – Мамадя.

Про Колюню он им уже рассказывал, и ему дважды давали для Колюни баночки с домашним вареньем. Крыжовенным.

– Ну, и слава богу, – вздохнула Устинья Капитоновна.

А Серафима Панкратьевна смотрела молча и сочувственно. Андрей замаялся, не зная, как объяснить, ведь он сам ещё

не понял, что с ним, чем это его так задело.

– Каково это матери дитя своё роженое да таким увидеть, – покачала головой Устинья Капитоновна. – И малая боль детская матери ножом по сердцу. А такое... Не защитник он ей теперь и не кормилец.

Серафима Панкратьевна кивнула.

– Да уж, не знаешь, о чём бога молить, когда такое.

Андрей, недоумевающе раскрыв глаза, слушал их. Они жалели мать Колюни, но...

– Но он же живой! – вырвалось у него. – Разве не это главное?

Серафима Панкратьевна кивнула.

– Конечно, Андрюша, всё так. Ну, бог милостив, утрясётся всё да уложится.

– Да, – Андрей тряхнул головой и встал. – Спасибо большое, всё так вкусно было. Я к себе пойду.

– Конечно, Андрюша.

– Конечно, иди, отдыхай.

Взбежав к себе, Андрей быстро, будто за ним гнались, разделся, швыряя как попало одежду, и стал тянуться. Крутился на крохотном пяточке, исступлённо, выматывая себя, до треска в суставах, до судорог в напряжённых мышцах. Пока не почувствовал, что отпустило, что он уже весь мокрый, а из окна тянет прохладой, и ни боли, ни мыслей уже нет, только пустота и ломящая усталость во всём теле. А дверь-то он и не запер. Во... блин! Совсем крышу потерял.

Он запер дверь и пошёл в душ. Долго полоскался, смывая пот, меняя воду с почти кипятка на совсем ледяную и обратно. Потом так же долго и основательно растирался полотенцем, разобрал вещи, разложил, повесил, переоделся уже в домашнее: никуда он сегодня не пойдёт, да и что за гулянка в будни. А скоро школа заработает, летние классы для взрослых. Июнь и июль учатся, потом сдают экзамены за начальную школу, август гуляют, а с сентября трёхгодичный курс уже на аттестат. А с аттестатом... хоть в университет. Так что... есть ему чем заняться. Руки-ноги – всё у него цело, глаза, слух – всё в норме, даже шрамов нигде нет, даже боли давно кончились, нет, он теперь знает, что и как можно сделать с человеком, так что... ему грех жаловаться.

Уже смеркалось. Андрей задёрнул штору и включил маленькую лампу на столе, взял книгу Рейтера. Ему ещё за сегодня надо осилить десять страниц. Он сам себе такую норму установил. Так, словари, тетрадка под рукой, всё, поехали.

Россия

Дорога

Мерно отстукивают колёса, подрагивает вагон. Вот он и дождался своего часа. Едет. За окном Россия, Родина, род-

ная земля, земля отцов и дедов... а кровь молчит. Да трёп всё это пустой о крови, о её голосе. Где хорошо, там и родина, со всех её больших и малых букв, а кто хорош, тот и родня. В кармане сорок рублей с копейками, в рюкзаке две смены белья, мыло с мочалкой и дешёвым полотенцем, да коробка с помазком и бритвой. Да ещё что на самом надето. Всё, что нажил. А ведь не парень уже, в возрасте. Ну, так сам виноват, что не на ту карту поставил. «Пить меньше надо». Умники чёртовы. Так ведь и пил потому, что жизнь не задавалась. А теперь-то... теперь хочешь, не хочешь, а на рюмку даже смотреть не моги. Обещали, что с первого же глотка в штопор уйдёшь и только в психушке остановишься. Потому как остановят. И уже без выхода. Могли, конечно, и наврать, у врачей работа такая – врать. Умирающему, что вот-вот выздоровеет, а здоровому, что вот-вот заболит, главное – лечись, таблетки с микстурами покупай и деньги за всё плати. Всюду всё одинаково. Но вот проверять неохота, боязно. Так что... придётся терпеть. Теперь... теперь лишь бы до места добраться и ссуду получить, а там... там-то он уж развернётся. Всё ж деньги дадут большие, хоть и под отчёт и контроль, но с этим можно начинать. Первое время, конечно, по контракту, тьфу ты, по найму, а чего ж ещё, если язык наполовину забыл, до сих пор обед ленчем называешь, и в одиночку ни своё хозяйство, ни своё дело не поднимешь. Ну, купит он ферму, опять сбился, нет, хутор, а потом? Нанимать? Это удовольствие он уже знает. Идти в долю? А к кому? Он же

место себе, скажем прямо, наугад выбирал, лишь бы подальше. Чтоб никого из старых знакомцев не встретить. Ну, так и его там никто не знает. Никто и звать никак. А партнёр... это серьёзно. Так что, наём. Кем удастся, за сколько получится, но чтоб время на себя, на своё дело оставалось.

За окном весёлая молодая зелень... разномастное стадо бредёт по лугу, коровы, овцы, козы... тёмный еловый лес... белоствольный светлый березняк... картофельное поле с уже зеленеющими грядками... Май в конце, а здесь – март, ну, апрель в начале, от силы. Север. Но он сам не захотел в Ополе. Больно много туда едет... тёмных, ещё нарвёшься на кого... и будет, как с Полди. На севере, говорят, их меньше.

Григорий Иванков курил, глядя в окно на бегущую за стеклом холмистую равнину и думал. Как... лошадь по кругу ходил. В Ижорске в Комитет отметиться, спросить о ссуде и посоветоваться. Нет, хутор он не потянет, ремесло своё... знает вроде много, и руки на месте, а не настолько, чтоб дело своё завести, только для подработки если. Вот и заявка у него не на место, а в отдел по трудоустройству.

На попутчиков он не глядел. В Алабама таких называли белой рванью. А сам он кто? Ладно. Раз выжили, то и проживём. Хорошо сказано. Так что, хватит скулить, а то в бутылке окажешься и денежки, ссуда твоя, так в Комитете и останется и кому другому уйдёт.

По вагону прошёл очередной то ли поддельный, то ли всамделишный слепой с поводырём. Очередная остановка и

опять тряская неспешная дорога. А если... всё-таки есть у него идея. И для начала совсем даже неплохо. Опять же начать с найма, а там... чёрт, как же франчайзинг по-русски будет? Стартовать коммивояжером, а там... Проблема с жильём... не проблема, когда деньги есть.

Докурив, он привстал и выкинул окурок в окно: как раз вдоль речушки ехали. И оглядел своих попутчиков уже по-другому. Как одеты, что курят... ну, ничего, ему уже пришлось таким заниматься. Года три крутился, пока в имение не пристроился.

Главное – решить, дальше легче будет.

Июнь

Россия

Ижорский пояс

Загорье

День цеплялся за день, набегали мелкие тревоги, но Эркин и сам понимал, что это мелочи. Так легко и свободно

он ещё никогда не жил. У него всё есть, ни ему, ни его близким ничего не грозит, Женя простила его, окончательно, он чувствует это, Андрей жив, и письма всё нет, и видно, уже и не будет... Что там было у Андрея с Бурлаковым, а было, Андрей не зря просил не спрашивать, но это – дело Андрея, Бурлаков – его отец, так что ему и решать.

Эркин шёл, распахнув куртку, весело поглядывая по сторонам. Хорошо! Всё у него хорошо, и лучше не надо.

– Добрый день, миссис Джонс, – поздоровался он по-английски с Нормой у магазина Мани и Ньюры.

– Добрый день, – ответила она так же по-английски, благодарно улыбаясь. – Какой хороший день, не правда ли?

– Да, совсем лето.

Он улыбнулся ей, прощаясь улыбкой, и легко взбежал по ступенькам крыльца. Гулкая светлая лестница, коридор с так знакомыми дверями, а вот и его дверь. Он остановился, пошаркал подошвами кроссовок по коврику, одновременно доставая ключи. И радостный визг Алисы.

– Э-эри-ик! Ты пришёл!

– Ага, – согласился он с очевидным, снимая куртку. – Ну, как ты?

– Всё в порядке, – бодро ответила Алиса. – Я ела, и спала, и... Эрик, а давай без супа, а?

Она отлично знала, что Эрик не разрешит обедать без супа, раз мама велит с супом, а взрослые всегда заодно, это вот только с Андрюхой можно договориться, но не за так, он за

такое конфету требует и не одну, а с Эриком такое, как во дворе говорят, не прокатывает, но всякий раз предлагала, а вдруг... прокатит.

– Нет, Алиса, – улыбнулся Эркин. – Что за обед без супа?

Он вообще не понимал, как это возможно отказываться от еды, и относился потому к просьбам Алисы спокойно, как к не совсем понятной, но безвредной игре.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – А маму ждать не будем?

– Будем, – сразу решил Эркин. – Пойдёшь пока гулять?

– Ага!

Алиса побежала в прихожую. Совсем уже тепло, так что вместо пальто кофточка и на ноги не ботики, а ботинки.

Когда за Алисой захлопнулась дверь, Эркин не спеша переоделся в спальне, поставил греться обед и прошёлся по квартире, прикидывая, чем бы ему заняться.

Полы натёрты, кафель отмыт, в кладовке порядок. Хризантемы в спальне теперь стоят в углу и совсем уже заснули, надо их в кладовку вынести. До осени, как объясняла Баба Фима. А осенью пересадить, подкормить и на свет выставить.

Эркин отнёс горшок с хризантемами в кладовку, пристроил в самый прохладный угол. А вот надо теперь в спальню цветы купить, а то окно стало голым. И в другие комнаты тоже. В субботу, что ли, после занятий зайти в цветочный, или... да нет, завтра школа, так что в субботу. И, пожалуй... да, пожалуй, нужно с мальцом поговорить, работает маль-

чишка во «Флоре», так что хоть немного, но должен разбираться.

В маленькой комнате он постоял перед шкафом, разглядывая книги, но решил энциклопедией заняться потом, а пока лучше газету почитает.

Эркин вернулся в прихожую, взял с подзеркальника газету и пошёл на кухню. Сел за стол и углубился в чтение.

– Ну, ты даёшь, братик! – сказал над ним голос Андрея. – Я уже час здесь стою, полкастриули стрескал, а ты и не чухаешься. Тебя ж так узлом завяжут и вынесут.

Эркин поднял на Андрея глаза и рассмеялся.

– Полкастриули, говоришь? Это хорошо.

– Почему? – удивился Андрей.

– А кормить тебя, значит, до утра незачем.

– Ах ты...!

Андрей обхватил его за шею и попытался повалить, но Эркин уже вскочил на ноги, плотно зажав Андрея. И они так потоптались, пока в кухню не влетела Алиса, с ходу присоединившаяся к поединку, а Женя стала их всех ругать и выгонять из кухни.

– А ну марш отсюда!

Но ругалась она со смехом, так что даже до Эркина дошло, насколько это не всерьёз. Он тут же отпустил красного от смеха Андрея и очень смешно изобразил перепуганного раба.

– Да я ж ничегошеньки такого, мисси. Да, ой-ё-ёй, не надо,

мисси.

Женя хохотала до слёз, упоённо визжала Алиса, а Эркин, самодовольно ухмыляясь, отобрал у Жени сумку и стал раскладывать покупки.

Наконец сели за стол.

Идею Эркина купить цветов в комнаты поддержали все.

– Конечно, так и сделаем, – Женя разложила жаркое. – В субботу я подойду к Центру, пойдём все вместе и купим. И пообедаем тогда в городе.

– Конечно, – кивнул Эркин.

– Здоровско! – согласился Андрей и подмигнул Алисе.

После обеда Эркин с Андреем сели за уроки, а Женя занялась бельём. Прачечная действительно оказалась большим удобством. Простыни, пододеяльники, наволочки – выстираны, накрахмалены, отглажены, и запах какой приятный. Женя с помощью Алисы перебрала отложенное для прачечной бельё, проверив метки, и села заполнять квитанцию. Завтра в шесть принесут чистое и заберут очередную партию. Конечно, это... не дёшево, скажем так, но очень удобно.

– Мам, а сейчас что будем делать?

– Шить, – улыбнулась Женя. – Бальное платье у Мисс Розы есть, давай...

– Ага-ага, – заторопилась Алиса. – Давай ей ещё чего-нибудь сошьём. И Линде тоже, а то она всегда в одном.

Женя взяла свой каталог «Тысяча моделей», и они сели в комнате Алисы рассматривать и выбирать платья для Мисс

Рози и Линды.

Эркин и Андрей занимались как всегда: молча и сосредоточенно. Один пишет за столом, другой читает на диване. Потом меняются. Конечно, у Андрея получалось всё куда быстрее, но он ни словом, ни шорохом не торопил Эркина, то перечитывая прошлые страницы, то читая дальше, сверх заданного.

Наконец Эркин закрыл тетрадь и встал.

– Всё, свалил!

– И шауни? – оторвался от учебника по истории Андрей.

– Ты чего? – удивился Эркин. – Там же не задавали.

– А для себя не хочешь? – и улыбнулся. – Я страницу, считай, вчера исписал, пока не получилось.

Эркин покраснел.

– А мне чего не сказал?

– Я думал, ты уже сделал, – пожал плечами Андрей.

Эркин постоял, сводя и разводя лопатки, словно сбрасывая тяжесть, и тряхнул головой.

– Ладно. Устные выучу и тогда шауни напишу.

– Как хочешь, – легко встал с дивана Андрей.

Эркин сел учить стихи Пушкина. То, что выучил тогда Андрей, он со слуха запомнил и теперь решил выучить своё. Учил, шёпотом проговаривая чеканные мерные строки, полные непонятных слов. Но почему-то и понимать их не хотелось, так... так здорово это звучало и словно само по себе укладывалось в памяти.

– Я не мешаю тебе? – спохватился Эркин.

– Нет, – ответил, не поворачиваясь, Андрей. – Давай учи дальше. Хорошие стихи.

Убедившись, что стихи прочно затвержены, Эркин взялся за историю. Здесь непонятных слов тоже хватало, и они почему-то сильно мешали, заставляя спотыкаться, лезть в словарь в конце книги, но многих слов там не было. Кое о чём он догадывался, что-то вспоминал из услышанных на уроке объяснений.

Написав русский и математику, Андрей посидел, слушая шелест страниц за спиной, и обернулся:

– Помочь?

– Я сам, – ответил Эркин, придержав пальцем строку.

Андрей кивнул, сложил и отодвинул на край стола учебники и тетради. Ладно, он пока почитает. Эркин ведь упрямый, сказал, что сам, значит, сам и будет. Андрей подошёл к шкафу и достал книгу – «Пёстрые страницы» сейчас в самый раз будут, рассказы на одну-две страницы, вчитываться не надо – и вернулся к столу. И снова в комнате только шелест страниц.

– Всё, – наконец выдохнул Эркин и закрыл учебник. – Всё понял.

– Угу, – Андрей показал, что полностью ушёл в чтение.

Эркин подошёл и мягко хлопнул его по плечу.

– Проверишь меня?

Андрей невольно улыбнулся и кивнул.

– Давай.

Эркин переставил второй стул к столу и протянул учебник Андрею.

– Держи.

Андрей хотел сказать, что и так всё помнит, но всё же раскрыл нужный параграф.

– А потом ты меня.

– Идёт, – сразу согласился Эркин.

В разгар проверки заглянула Женя, и Андрей бурно обрадовался ей.

– О, Женя, послушай, как здорово получается.

Эркин встал, усадил Женю на своё место и переставил к столу третий стул. Конечно, тут же прибежала Алиса, залезла на колени к Жене и с удовольствием слушала, как Эркин и Андрей экзаменуют друг друга, болея сразу на обоих.

– Молодцы, – восхищалась Женя. – Какие же вы оба молодцы.

– А ещё я стихи выучил, – похвастался Эркин.

– Давай, – кивнула Женя.

Подражая Андрею, Эркин встал и вышел на середину комнаты.

– Александр Сергеевич Пушкин, – старательно выговаривал он. – У лукоморья... У лукоморья дуб зелёный... золотая цепь на дубе том...

Когда он закончил, Алиса захлопала в ладоши, а Женя вздохнула.

– Как хорошо.

Эркин довольно улыбнулся, и смутное чувство незаконченности дела ушло окончательно. Непонятные слова крепко легли в память и теперь не казались непонятными.

Потом Женя смотрела их тетради, а Алиса сидела уже на коленях Эркина.

– Молодцы! – Женя собрала тетради в стопку. – Ни одной ошибки.

– А теперь играть! – соскочила на пол Алиса.

Встал и Андрей.

– Идите, – кивнул Эркин.

– А ты? – Алиса даже губы надула. – Эрик, ну...

– Сделаю шауни и приду, – улыбаясь, но твёрдо ответил Эркин.

– Пошли, племяшка, – рассмеялся Андрей. – Давно мы чего-то в шелбаны не дулись.

Женя молча погладила Эркина по плечу, и они все вместе и сразу ушли. Оставшись в одиночестве, Эркин достал тетрадь по шауни. Да, Андрей прав, конечно, ну и что, что не задавали, писать-то надо правильно. Слово – перевод, слово – перевод... Исписав страницу, он придирчиво сверил её с написанным на уроке. Вроде... да, всё правильно. А если... Эркин достал ещё одну тетрадь и записал все слова как словарь, но в три колонки: на шауни, по-русски и по-английски. Перечитал шёпотом. Вот так, вот теперь правильно.

Он спрятал обе тетради – по шауни и словарь – в свой

ящик, перебрал и сложил в стопку тетради и учебники на завтра, выключил настольную лампу и встал. С наслаждением потянулся, чувствуя, как заиграли, задвигались мышцы. Ну-ка, где они?

В большой комнате Эркин сразу услышал визг Алисы и злорадный хохот Андрея.

– Ну, и кто кого? – вошёл он в комнату Алисы.

– Вот! – Алиса соскочила со стула. – Теперь ты с Эриком сыграй.

– К-куда?! – перехватил её Андрей. – Я-то сыграю, а ты расплачивайся. Тридцать щелбанов значить хочешь? – хохотал Андрей, тиская и щекоча выворачивающуюся из его рук хохочущую до взвизгов Алису. – Не выйдет!

– Чего ж ты столько продула? – спросил Эркин, усаживаясь на стул.

– Да-а, – протянула Алиса. – А он хитрый. Он так треплется, что я на руки и не смотрю.

Говоря об игре, Эркин невольно перешёл на английский. И так же свободно заговорили по-английски Андрей и Алиса.

– Андрюха, а давай меняться!

– Щелбан на конфету!

– Не-а, на укус. В «мишках» шесть укусов. Честно.

– Четыре.

– Пять, уступила Алиса.

– Ладно, – Андрей подмигнул смеющемуся Эркину и от-

пустил Алису. – Тащи «мишек». Десять штук.

– Как десять?! – возмутилась Алиса. – Шесть!

– Смотри-ка, – изумился Андрей. – Она и считать умеет?

– А вот и умею! – убежала Алиса.

Андрей хохотал, раскачиваясь на стуле.

Шесть «мишек» Женя не дала, но отсыпала других и разных. Алиса принесла целую пригоршню, и они с Андреем долго спорили: в какой конфете сколько укусов. Эркин хохотал так, что не мог считать. На их крик и смех прибежала Женя, к ней обратились за консультацией, и она сразу ошиблась, сказав, что карамелька не кусается.

– Мама! – ахнула Алиса. – Ты что?!

– Так её же сосут.

– Ясно, один укус! – торжествующе хохочет Андрей.

– Так её сколько сосёшь?! – возмущается Алиса. – Укусил и всё, а тут до-олго.

– Договаривались на укусы, а уговор дороже денег.

– Три, – кричит Алиса. – Три укуса. Два конца и серединка.

Наконец всё сосчитали, и Андрей выбил Алисе в лоб пять щелчков разницы.

– Ладно, – Алиса потёрла лоб и хитро посмотрела на Эркина. – Эрик, а теперь ты будешь играть, да? Ну, да же!

Эркин вытер мокрое от слёз лицо и сел напротив Андрея.

– Давай.

– Ага-ага, – суежилась Алиса. – Мам, ты сюда садись, я

рядом, мы смотреть будем.

– Ладно, – Андрей сел поудобнее. – На две, что ли?

– Не малолетки же, – ответил Эркин. – На две и вперехлест.

– Ладно, ты только того... Не очень.

– Не очень, не очень, – кивнул Эркин. – Начали.

Эркин с самого начала задал такой темп, что Андрей ни одного очка не взял. Когда счёт приблизился к ста, Эркин совсем незаметно, чуть-чуть замедлил движения, и Андрей смог размочить счёт. Игра пошла с переменным успехом, и на счёте сто пятьдесят семь – сто сорок семь Женя решительно сказала:

– Всё. Пора ужинать.

– Ладно, – сразу согласился Эркин. – Подставляй лоб, Андрей.

– А ежели на сигареты обменять, а? – Андрей подмигнул Жене и Алисе. – По затяжкам.

– Я не курю, – рассмеялся Эркин.

– Тогда на конфеты.

Помирились на пяти щелчках, трёх карамельках и большой шоколадной конфете. Эркин сгрёб конфеты и выбил Андрею его проигрыш.

– Всё, чист, – Эркин встал и сказал уже по-русски: – Пошли ужинать.

– Пошли, – встал и Андрей.

Выигранные конфеты Эркин сложил в общую вазочку.

Алиса выжидающе посмотрела на Андрея, но тот в ответ только скорчил рожу и аккуратно разложил остатки своего выигрыша у своей тарелки.

Ели творог со сметаной и сахаром, пили чай с конфетами. И Андрей щедро угощал всех своим выигрышем.

И как всегда после ужина Женя укладывала Алису спать, Эркин ходил поцеловать её на ночь, а Андрей накрывал на вторую «разговорную» чашку.

– Ну вот, – Женя с удовольствием оглядела их. – Давайте решать.

– А в чём проблема? – улыбнулся Андрей. – Я серьёзно, Женя.

– У тебя с отпуском решилось? – спросил Эркин.

– Десять месяцев отработать надо, – стал серьёзным Андрей. – А у вас?

– Так же, – кивнул Эркин и посмотрел на Женю.

– Да, – Женя подвинула к Андрею конфеты. – Я и в профсоюз ходила, выяснила. Так вот, зимние мы со всеми отгуляли, а ещё двадцать дней осенью, не раньше октября.

– Ну, и у меня, значит, так же, – хмыкнул Андрей. – Закон, говорят, он всем закон. Хотя... стоп, я же с мая, так десять месяцев... – он запнулся.

– Май – это пятый месяц, – сказал Эркин. – А всего их двенадцать, так? – и сам себе ответил: – Так. Значит, после февраля пойдёшь.

– Это в марте? – Андрей мечтательно вздохнул. – Ох, и

погуляю я... котом мартовским.

Женя так смеялась, что даже взвизгнула. Смеялся, упав лицом на руки, и Эркин. Андрей самодовольно ухмыльнулся и встал.

– Ну, кто куда, а я баиньки, – и, выходя из кухни, тихонько мяукнул.

Отсмеявшись, Эркин встал и собрал посуду.

– Ты иди, Женя, ложись, я уберу.

– Ага, – встала и Женя. – Спасибо, милый.

Эркин вымыл и расставил посуду, налил воды в чайник, чтобы утром только на огонь поставить. Прислушался. Так, Женя вышла из ванной. Если он сейчас и столкнётся с Андреем, то не страшно, хотя нет, Андрей будет его ждать.

В ванной он быстро вымылся, с наслаждением растёрся полотенцем и, прислушавшись, немного потянулся, разминая мышцы. И в прихожей столкнулся с Андреем.

– С лёгким паром, – ухмыльнулся Андрей.

– И тебя с будущим, – улыбнулся Эркин.

Женя лежала в постели и ждала его. Войдя, Эркин привычно закрыл за собой дверь, сбросил халат на пуф и потянулся под восхищённым взглядом Жени.

– Какой ты красивый, Эркин, – вздохнула Женя.

И тихо засмеялась: такой счастливой была улыбка Эркина.

Время позднее, завтра рано на работу, и Эркин позволил себе только обнять Женю, поцеловать и погладить, пока её

тело не стало совсем сонным. И когда она уснула, уткнувшись лицом в его шею, он, осторожно потянувшись над ней, выключил лампу и распустил мышцы. Женя всё ещё обнимала его, и он уже во сне подвинулся, чтобы ей было удобно лежать.

У себя в комнате Андрей сбросил на стул халат, погасил свет и лёг. Простыня приятно закрипела под телом. До чего же хорошо! Девчонкам он написал, как надо, на работе, в школе, да везде – всё у него тип-топ, хорошо, и лучше не надо. А то письмо... а на хрен! Не нужен он отцу, ну, так и чего психовать, не из-за чего.

Андрей вздохнул, заворачиваясь в одеяло. Он не хотел думать об этом, но всё равно... Каждый – не каждый, но уж через два вечера на третий накатывало. Он старался вспоминать отца тогдашним, а видел нынешним, председателем Комитета. И снова от острой боли щемило в груди, как от удара. Андрей стиснул зубы, пересиливая слёзы. И справился. Не в первый раз ему вот так... Ну что, мама? Всё у меня хорошо, всё тип-топ, живу, работаю, учусь. Живу в семье, работаю кем хочу, учусь в школе. Мама, жаль, тебе бы Эркин понравился, и Женя, жена сына – невестка, так? Так, мама, ты бы ведь взяла Эркина в сыновья, он же – мой брат, я так хотел старшего брата, ты знаешь, нет, жена сына – это сноха, Женя тебе сноха, а ты ей – свекровь, Аня с Милой и Алиской вместе бы играли, хотя... Миле сколько сейчас? Мне двадцать один, а она на три года младше, а Аня старше

так Ане тогда двадцать четыре, а Миле восемнадцать, мы бы их замуж выдавали, да, мама, всё у меня хорошо, мама, вот тебя только нет, и сестрёнок, а отец... Мама, когда он ушёл, ты нам что сказала? Чтоб мы молчали и даже не думали о нём, не вспоминали, чтоб и случайно не проговориться, буд-то его и не было. Ну, так оно и есть. Не было его и нет. И не нужно. Мама, у меня всё хорошо, слышишь, мама?

Андрей уже спал, продолжая во сне разговаривать с матерью.

Приглашение на вечеринку к Джинни и обрадовало, и смутило Громового Камня. Конечно, приятно, и на паре вечеринок он уже был, всё прошло великолепно, но... но Джинни с той стороны, она-то девчонка и не понимает ничего, но вот её мать... Он её видел пару раз в городе, и, в общем, она ему даже понравилась, вполне приличная старуха, но Джинни как-то обмолвилась, что её отец погиб на войне, так что... так что вряд ли её матери будет приятно видеть его форму и награды. А в племенном тоже не пойдёшь, а штатского у него ничего нет. Значит... значит, надо купить. Рубашку, брюки, ботинки, носки и кое-что поверх рубашки, скажем, лёгкую куртку или дешёвый пиджак.

Он достал и пересчитал свои деньги. Зарплату обещали на следующей неделе, за квартиру он заплатил, но... но остаться без копейки, чтоб и сигарет не на что купить, тоже не хочется. Нет, значит... на сигареты и всякие мелочи десятка

до зарплаты, а на остальные пойти купить одежды.

Громовой Камень оттолкнулся от стола и встал. Быстро скинул кожаную рубашку, леггинсы и мокасины, убрал всё это в шкаф и достал форму. Она у него всегда в порядке. Быстро оделся, уложил деньги в нагрудный карман гимнастёрки и застегнул пуговичку. Глянув в зеркало, расчесал волосы. А хорошо его постригли, и вообще... ничего смотрится. Не «смерть девкам», но близко к этому. День пасмурный, и без палки не обойтись. Но боли вполне терпимые.

Будним днём в пансионе тихо и пустынно. Жильцы на работе, хозяйка и прислуга заняты домашним хозяйством. Громовой Камень спустился вниз, взял из стойки для зонтиков свою палку – он теперь держал её здесь и по дому ходил свободно – и вышел на улицу.

День не то что пасмурный, но... приглушенный, дождя нет, может, и не будет, а в воздухе стоит мелкая водяная пыль, и тепло. Громовой Камень шёл быстро, но без спешки, не наваливаясь на палку. Как всегда, в будни с утра прохожих мало, некоторые из встречных с ним здоровались. Иных он вспоминал: родители его учеников, – лица других просто знакомы, но отвечал он всем.

А вот в торговых рядах было людно, хоть и не так, как в выходные. Громовой Камень шёл вдоль ряда мужской одежды, когда его окликнули:

– Ой, доброго здоровья вам! Наконец-то заглянули!

Громовой Камень оглянулся. Пухленькая кудрявая блон-

динка приглашающе улыбалась ему из-за прилавка. И он сразу вспомнил её. Это мать худенького и такого же белоголового мальчика из группы дошкольников, да, Филя, Филипп Смирнов.

– Здравствуйте, – улыбнулся он ей, подходя к прилавку с мужскими рубашками.

– Вот хорошо, что зашли, – она радостно тараторила, раскладывая перед ним прозрачные хрустящие пакеты. – Только-только получили, из Царьграда товар, лёгкие, чистый хлопок, как раз для лета, и расцветка самая модная, а уж вам-то к лицу будет...

Под её трескотню он выбрал себе две рубашки: бежевую с короткими рукавами на жару и голубовато-серую с длинными. Конечно, этого мало, и цвета хорошие, но денег в обрез.

А брюки лучше тёмные, конечно, для лета, да, положены светлые, но ему-то нужны универсальные, чтоб и в пир, и в мир. Ещё ботинки, тоже тёмные, но лёгкие, кожаные под гуталин, две пары носков и... на третью ему не хватило.

И уже идя домой с аккуратным тючком, Громовой Камень вспомнил про куртку. Так, здорово же он просчитался, хотя... хотя, стоп, у него же есть куртка, племенная, с вышивкой и бахромой, но именно куртка, а не рубашка, так что вполне ничего, вполне и даже очень.

Дома он распаковал тючок и разложил покупки на кровати, полюбоваться. Да, возможно он переплатил, и скорее всего, именно так, но у него никогда не было таких... вещей.

В Эртиле до армии, ему все покупали, в армии тоже понятно... без выбора. Нет, он всё-таки купил хорошо. Так что завтра с утра на урок он пойдёт как всегда в форме, потом вернётся, пообедает, приведёт себя в порядок – примет душ, переоденется – и пойдёт к Джинни. Посмотрим, что из этого получится.

Россия

Ополье

Туровский конный завод

Чолли придержал Раската, похлопал по шее и отпустил поводья. Облака разошлись, открывая летнее солнце, и равнина сразу заискрилась, заблестела. Чолли распахнул куртку, снял и сунул в карман шапку, подставляя лицо солнцу. Ну вот, первую весеннюю страду они свалили, огород у них теперь не хуже, чем у других. Сад, правда, голый, но опять же соседи объяснили, что сад делают осенью, а урожая всё равно ещё ждать и ждать, но и у них не день впереди, не год, а вся жизнь. А цветы в палисаднике уже цветут вовсю, беседку для летнего чая ему помогли поставить, и летнюю кухню,

чтоб зря печь не топить, в хлеву стоит корова, бело-рыжая Милка, и молоко теперь своё, да ещё десяток кур с пёстрым петухом... немалое хозяйство, Настя за весь день не присядет, и он сам до работы, после работы...

Чолли усмехнулся. Смешно, но ему даже нравится всё это. Это его хозяйство, его дом, его семья. Там, в Алабаме, всё равно в нём жило постоянное: отберут! Хозяйское слово ненадёжно, сегодня дал, а завтра отнял. Не за что-то, не по чему-то, а только чтоб власть свою показать. А здесь... здесь совсем другое. Они это купили, на свои деньги, а что подарили им, так это ж по дружбе, от чистого сердца. И когда Силины, что в соседнем проулке живут, младшего своего женили, так он с Настей вместе со всеми на той свадьбе гулял, и Настя со всеми женщинами свадебный пирог ставила, а на поезжанье, когда за невестой в Маковку – соседний посёлок – поехали, так он с мужчинами верхом на Раскате, а Настя с другими молодками в бричке. Хорошо погуляли.

Чолли рассмеялся воспоминанию и шевельнул поводом. Раскат сразу пошёл рысью. А объезжать Раската ему и не пришлось, конь будто всё знал заранее и подстраивался под него. Теперь-то он понял, что такое: свой конь. Раскат под него, и он под Раската. На следующее лето, когда с табуном будет в степь уходить, Раскат уже поставлен будет. А сёдла здесь другие, пришлось заново учиться да привыкать, это Раскат его принимает как есть, а другие, бывает, сердятся. И он хоть и рабочим пока числится, а и на объездку его зовут,

и конюхам он не только помогает, а бывает и наравне работает. И всё не за просто так, а к зарплате прибавка. Ну-ка, давай, Раскат, пошёл, ну, пошёл!

И свист ветра в ушах, и стремительно летящая под копыта зелёная молодая трава. Давай, Раскат, давай! Чолли при-встал на стременах, подался навстречу ветру.

Как тренировать Раската, ему рассказали подробно и очень понятно. А однажды, когда он работал Раската в манеже, пришёл директор, постоял, посмотрел, а потом вошёл к нему и сказал. Всё по делу и не обидно. И не по-хозяйски. Нет, он директору не ровня, и говорил с ним директор не как с ровней. А... как опытный с новичком. Он для директора – человек, а не скотина рабочая.

Чолли прислушался к дыханию Раската и довольно улыбнулся: хорошая дышалка, а если ещё поставить, как ему говорили, то на осенних скачках он со многими поспорит.

А в прошлое воскресенье Мишку и Светку на коня сажали, из младенчества вывозили. Положено здесь так, чтоб от материнской груди да на коня. Соседи собрались, сразу после церкви, стол во дворе накрывали, Настя напекла пирогов, у неё уже совсем хорошо получается, он привёл из конюшни Раската и вывез Мишку. И всё бы на этом, да Светка такой рёв подняла, что и её посадили, а она сразу за гриву уцепилась, еле стащили потом. Смеху было, что, дескать, по ошибке девка, парнем бы ей быть, поминали каких-то Кавалерист-Девуцу и Анку-Атаманшу. А на следующий год он

Пашу вывезет.

Так, дыхалку он Раскату сегодня отработал, пора и домой. Раската обиходить, домой забежать и на дежурство, сегодня он в ночь. И, словно услышав его мысли, Раскат, не сбавляя хода, стал поворачивать налево, к посёлку.

– Хорошо, Раскат, – похлопал его по шее Чолли. – Хорошо. Домой.

Россия

Цареградская область

Алабино

На выходной он решил съездить в Царьград. Погуляет, сходит в зоопарк. Читать он читал, но надо и посмотреть. Утром выедет, вечером вернётся. Он словно спорил с кем-то, отговаривающим его. В самом деле, чего ему киснуть, ездил же, и не раз, и всё благополучно обошлось, деньги, да, потратил, ну, так он же и зарабатывает неплохо, и одет на уровне, и вообще...

И, ложась спать, Дэн завёл будильник на полвосьмого. Чтобы успеть на электричку в восемь пятнадцать, тогда в

полдесятого он в Царьграде. Он уже лежал, когда в дверь постучали.

– Кто? – спросил он, не открывая глаз.

– Это я, Арчи, открой.

Чертыхнувшись, Дэн вылез из-под одеяла и зашлёпал к двери, щёлкнул задвижкой.

– Входи, – и отступил вбок.

Арчи умело приоткрыл дверь на щель и ловко проскользнул в комнату.

– Ты чего так рано завалился?

– В Царьград с утра еду, – хмуро ответил Дэн. – Чего тебе?

Арчи внимательно посмотрел на него. И спросил, заранее зная ответ:

– Сигареты есть?

– Ты чего? – удивился Дэн. – Головой приложился? Я ж не курю.

– Знаю, – кивнул Арчи и улыбнулся. – А вдруг завалились?

– Иди ты! – Дэн выругался по-английски и продолжил по-русски: – Коли за этим, так отваливай.

– А поговорить если?

– С этим к доктору Ване. Или к бабушке. Отваливай. Мне вставать рано.

– А чего у тебя там в Царьграде? – не унимался Арчи. – Зазнобу завёл?

– А пошёл ты! – кинулся на него Дэн.

Но силы были равны, и выкинуть Арчи из комнаты не получилось, а там и коридорный мог на шум заявиться, а это уже скандал и до милиции недалеко. А им это нужно?

– Ладно, – отпустил он Арчи. – Говори, зачем пришёл.

– Я ж сказал уже. Поговорить, – Арчи заправлял рубашку в брюки, дрались-то не всерьёз, так что ни синяков, ни порванной одежды и быть не могло. – Тоскливо что-то.

Дэн невольно кивнул. В самом деле, какая-то непонятная тоска то и дело накатывала на него. Да и на остальных, он же видит.

– Ладно.

Он взял со стула и прямо на голое тело натянул старые армейские штаны, потом включил верхний свет.

– Чаю хочешь?

– Для разговора если, – пожал плечами Арчи.

Для разговора – это остывший чай, неполные чашки: всё равно пить не будут. Дэн отодвинул занавеску, закрывавшую кухонную нишу и стал накрывать на стол.

Готовить в комнатах не то, чтобы запрещалось, а... не одобрялось, скажем так. Трактир внизу, только закажи, и тебе всё прямо в комнату доставят, но чай... святое дело. И в каждой комнате ниша за весёленькой в тон к обоям занавеской, а там шкаф-стол для посуды и продуктов и маленькая – на один диск – электроплитка.

Дэн поставил на стол две чашки с чаем и кивнул.

– Садись.

С чего-то разговор надо начинать.

– Ты завтра как?

– Во вторую, – Арчи вертел, катал в ладонях чашку, будто грелся. – Ты в школу записался?

– Как все, – Дэн усмехнулся. – А чего ещё делать?

– Слушай, – Арчи улыбкой извинился за вопрос, – ты в Царьград поэтому мотаешься?

Дэн угрюмо кивнул.

– Ну... интересно тоже, конечно.

Помолчали, и Арчи заговорил о том, о чём все думали, но старались вслух не говорить.

– Элам проще.

– Да, смотри, как устраиваются.

– Хотя... вон Джо с Джимом возьми.

– Они вдвоём, так что семья, да и Пафнутыч, крёстный их...

– Он одинокий, своей семьи нет, вот и пофартило парням.

– А Тётя Паша нам всем крёстная, да на всех её не хватит.

Семья, иметь свою семью... раньше они об этом не думали. Лишь бы выжить. И в госпитале, в Спрингфилде, все жили в одном корпусе, и они были как все. А здесь... гостиница, мебелирашки, жилец на пансионе... устроились-то все, а всё не своё, у чужих, ну, не из милости, а за деньги, а всё одно. Своего только одежда, да из посуды кой-какая мелочь. Будто...

– Временные мы здесь, – сказал вслух Дэн.

И Арчи кивнул.

– А что делать? Не там же оставаться.

– Ещё чего! – фыркнул Дэн. – Как Андрею? Дрожать, что встретишь?

– Ну, я-то своего подушкой, – усмехнулся Арчи, – прикрыл.

– Последнего, – уточнил Дэн. – А прежнего? А надзирателей? Э, да чего там говорить. А здесь... может, и приживёмся.

– А куда ж денемся, – ответил по-русски Арчи. – Назад дороги нет. Ты ссуду потратил?

Дэн мотнул головой.

– На одежду оставил, а остальное на книжку.

– Ну, как все, – улыбнулся Арчи. – Тётя Паша присоветовала?

– А кто ж ещё? У доктора Юры теперь свой дом. У доктора Вани тоже. Кому мы нужны, сам подумай.

Арчи кивнул, но возразил.

– А помнишь, доктор Ваня говорил, что мы сами себе нужны. Что все люди... как это? Да, самоценны.

– Ты уже вроде Андрея заговорил, – усмехнулся Дэн. – Так это люди, Арчи, а мы... – и по-английски: – Погань рабская, – и снова по-русски: – И людьми не станем. Ты же знаешь это.

– Знаю, – вздохнул Арчи. – Но... послушай, мы же перегорели.

– И кому мы теперь нужны?

Дэн сам не ждал, что разговор так пойдёт, но вот... накипело и выплёскивается.

– Ладно, – тряхнул он головой. – Как будет, так и будет.

– Ладно, – согласился Арчи. – На следующей неделе школа заработает, не до психов станет.

Дэн с улыбкой кивнул. Доктор Ваня им так и говорил, ещё в Спрингфилде. Чтоб всякая дурь в голову не лезла, надо чем-то заняться. И школа тут в самый раз.

– С осени тогда на среднюю? – окончательно перешёл на русский Арчи.

– Аттестат же нужен, – ответил Дэн. – Со справкой нас только здесь и будут держать. А так...

– Ну, и дипломы наши, – возразил Арчи. – Массажист, медбрат, а санитаром тебя и так везде возьмут. Но аттестат тоже нужен. Да только три года пахать.

– Отпашу, – усмехнулся Дэн. – А ты что, против?

– Нет, конечно.

Арчи рывком встал.

– Ладно, спасибо за разговор. И спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул Дэн.

Когда Арчи ушёл, он собрал со стола чашки и пошёл их мыть. За одной занавеской кухня, за другой – душ и уборная с раковиной, все удовольствия сразу и под боком. Как в госпитальном боксе. Или хозяйской камере. Там тоже всё рядом. Нары, унитаз и душ. Только без занавесок. Он досад-

ливо потрянул головой. Что-то часто он прошлое вспоминать стал. Нет, к чёрту, спать. А завтра в Царьград и... и всё у него будет. Пока ему хватает, а вот обзаведётся семьёй, тогда и о доме думать будет. По семье глядя.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

До экзаменов оставалось две недели, и Культурный Центр ходил ходуном. Ведь такое... такое... ну, никогда ж такого не было!

– А ну, как не сдадим? – Трофимов сокрушённо разглядывал свою тетрадь по русскому.

Ему ответили вздохами и хмыканьем: все в последнем диктанте насажали ошибок. От волнения, что ли? Андрей ухитрился перепутать все безударные, Эркин опять не поставил ни одной запятой, а Тим всё написал английскими буквами. И остальные... у кого как, но неправильно.

– Ничего страшного, – успокаивала их Полина Степановна. – Бывает.

Артём тоскливо вздохнул, покосился на хмурого соседа.

– Когда переписывать будем? – разжал губы Эркин.

– Не будем, – ответила Полина Степановна.

Все удивлённо уставились на неё. Как так?! Ошибки надо переписать, всегда ж так было. Она улыбнулась.

– Вы просто устали. Сегодня почитаем и поговорим о прочитанном. Кто выучил басню?

Руки подняли почти все. Полина Степановна кивнула, укоризненно посмотрела на густо покрасневшего Иванова – уже в третий раз отказывается – и вызвала Артёма.

И, хотя больше об экзаменах речи не было, на перемене заговорили о том же, вернее, о детских.

– Ну, нам ладно, а мелюзге-то зачем? – пыхнул дымом Павлов.

Его чёрное лицо лоснилось от пота: уж очень туго давалась ему грамота.

– У них не экзамен, – возразил Артём. – А этот... утренник. И тесты. Класс определяют. И всё.

Эркин кивнул. Алиса дома уже всем уши прожужжала об утреннике. И родителей собирали, объясняли, что и как подготовить. Выставка работ будет, ну, покажут, что нарисовали-налепили, а потом концерт. Будут петь, плясать и стихи читать.

– Нам бы так, – хмыкнул Андрей.

Все дружно рассмеялись.

– А что? – зубоскалил Андрей. – Не спели бы? Да ещё как!

И сплясали бы, – и вдруг шёпотом, так что только они, кто не просто рядом, а вплотную стоял, услышали, выдал речитативом такую частушку...

Эркин даже задохнулся от смеха, и Андрей похлопал его по спине.

– Да-а, – вытер выступившие слёзы Аржанов, – тут ты отличник.

Прозвенел звонок, и они вернулись в класс. Сейчас история, тоже... экзамен сдавать. Три экзамена – это ж... Обалдеть! Хорошо хоть, что по английскому только итоговая контрольная – и всё. А по русскому – диктант, по математике – экзамен, но там тоже писать надо, а историю и природу устно сдавать. Хорошо, что за раз: вопрос оттуда, вопрос отсюда... Ох, как голова не лопнет... Братцы, если сдам...

Но в класс вошла Калерия Витальевна, и Андрей отмахнулся от Трофимова.

– Потом доскажешь, Олег.

Калерия Витальевна оглядела класс. Сосредоточенные до угрюмости лица, внимательные глаза.

– Повторим, о чём говорили на прошлом уроке.

Понимающие кивки, шелест перелистываемых страниц... Обычный урок. Ну, а если на экзамене такой же вопрос попадётся? Так что теперь смотри в оба глаза, а слушай в четыре уха.

Как всегда, после уроков они шли домой втроем: Эркин,

Андрей и Тим. Шли молча, но вместе.

– Завтра на шауни? – спросил, уже подходя к дому, Тим.

– Как всегда, – ответил Андрей.

А Эркин молча кивнул. Он что-то очень устал. Больше, чем обычно. И чувствовал такую же усталость у Андрея и Тима.

– А если ещё и по шауни экзамен... – вдруг сказал Андрей.

– Какой экзамен, когда нас трое всего, – возмутился Тим. – И занимались всего ничего. Охренел?!

– Я ж сказал. Если... – ухмыльнулся Андрей.

Но они уже подошли к дому, и заводиться Тим не стал. Да и не из-за чего, если всерьёз подумать. Он хмуро попрощался и ушёл к своему подъезду. Андрей покосился на Эркина и улыбнулся.

– Ничего, братик, всё будет в порядке.

– Раз выжили, то и проживём, – ответно улыбнулся Эркин.

Поднялись по лестнице, так же не спеша прошли по коридору к своей двери. Женя встретила их обычным:

– Ну, молодцы, мойте руки и за стол.

Чай, картошка с жареными сосисками, печенье, хлеб, масло...

– Женя, умереть, как вкусно.

– На здоровье, Андрюша. Эркин, ещё?

– Спасибо, Женя, – Эркин покачал головой, облизал и от-

ложил вилку, вздохнул. – Женя, я с диктантом сегодня... – и снова вздохнул. – На двойку написал.

– Я тоже, – сразу кивнул Андрей и недоумевающе пожал плечами. – Как затмение нашло.

– Ничего страшного, – Женя налила Эркину чаю, подвинула ближе к Андрею вазочку с конфетами. – Бывает. Вы просто у стали.

– Да, Полина Степановна тоже так сказала, – Эркин потрянул головой. – Женя, что Алисе ещё нужно? Ну, для утренника?

Женя улыбнулась.

– Да вроде всё. Туфельки я ей купила, белые, под платье.

– Это рождественское? – уточнил Эркин.

– Ну да. В матроске жарко уже.

– А я его не видел, – усмехнулся Андрей и тут же сам себя утешил: – Ну, на утреннике и посмотрю, – допил чай и встал. – Кто куда, а я баиньки. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – почти в один голос ответили Эркин и Жене.

Когда они остались вдвоём, Эркин виновато посмотрел на Женю.

– Женя, я... я сам не понимаю, как это получилось. Ну, с диктантом.

– Ничего, – улыбнулась Женя. – Всё будет хорошо, Эркин.

– Да?

– Ну, конечно.

Женя потянулась к нему и погладила по плечу. Эркин перехватил её руку, поцеловал и встал.

– Я уберу.

– Нет, ты устал, – встала Женя. – Я всё сделаю, а ты иди, ложись.

Эркин кивнул и вышел. Что-то он очень устал, даже как-то... чересчур. И хотелось одного: лечь и заснуть. Он дотасил себя до душа, быстро и без обычного удовольствия обмылся и уже во сне добрался до спальни и лёг.

И когда Женя пришла в спальню, он уже спал и даже не проснулся от её поцелуя в висок. Только вздохнул, как всхлипнул. Женя выключила лампу и вытянулась рядом с ним. Пусть спит, смешно, конечно, что он так переживает из-за случайной двойки, смешно и трогательно. Она даже тихо засмеялась, засыпая. Эркин не мог её услышать её смеха, но его лицо просветлело.

Громовой Камень, выйдя из дома, с наслаждением всей грудью вдохнул по-утреннему свежий и по-летнему тёплый воздух. До чего же хорошо! К утреннику, правда, он ничего не приготовил. Но это не страшно. Задел у него есть: почти вся дошкольная группа идёт в трёхязычный класс. И в средней школе не с нуля начнёт. А со взрослыми... Две субботы вылетают: сегодня – утренник, а в следующую у них устный экзамен. Летом занятий не будет. Ладно, в сентябре продолжим. Тим, может, и бросит, но Морозы – оба – не отстанут.

Из какого всё-таки племени Эркин? Редкое имя, практически, да, только читал, но с таким именем не встречал, даже не слышал, легенда... уж очень похожа на правду, а правда – она страшная. Имя обречённых. Как такое могло получиться? А сам он говорить об этом явно не хочет. Совсем обрусел, даже язык как заново учит, но ведь пришёл же. Видимо, родители очень рано увезли из племени...

Он шёл быстро, почти не хромя. Сегодня он опять в форме, при полном параде. Без пиджака в одной рубашке торжественности нет, а в куртке жарко. Но тогда на вечеринке у Джинни она произвела впечатление. Громовой Камень улыбнулся воспоминанию...

...Собирались в семь, и он вышел из дома без десяти минут. Когда он, уже во всём новом и в племенной куртке спустился вниз, Ефимовна громко ахнула.

– Господи Иисусе, каким ты красавчиком, Гриша. В гости никак?

– Да, – улыбнулся он. – В гости.

– Ну, в добрый час тебе, с богом.

И Капитолина Алексеевна вышла как раз в переднюю, и тоже ахнула, восхищаясь курткой, и пожелала удачи. И на улице смотрели ему вслед, но без насмешки, только с удивлением. А уж дома у Джинни...

... «Беженский Корабль» – смешное и точное название – встретил его вечерними огнями в окнах, а у подъезда вдруг окликнули:

– Хей! Я тебя вижу, кутойс.

Это был младший Мороз, Андрей.

– Хей, и я тебя вижу, – ответил он.

Андрей явно тоже направлялся куда-то в гости, но остановился поговорить. Сказал пару слов о погоде и перешёл на русский язык.

– Это, – и показав глазами на его куртку, – это... своё, ну, племенное, да?

– Да, – кивнул он с улыбкой.

– И со значением, как имя?

– Да.

Он понял, что Андрей и хочет расспросить его, и не решается задерживать, а потому пообещал:

– На уроке расскажу.

– Спасибо, кутойс, – обрадовался Андрей и попрощался, совсем правильно, даже акцент слабо заметен.

И, поднимаясь по лестнице, он улыбался: вот и тема следующего урока определилась. В коридоре второго этажа ему опять встретились его ученики из дошкольной группы. Но те только здоровались, изумлённо разглядывая его куртку. У дверей квартиры Джинни он остановился, перевёл дыхание и позвонил. Ему открыла Джинни и ахнула.

– Как хорошо! Здравствуй, заходи! Мама, посмотри, кто пришёл!

Он вошёл, и его сразу окружили, ахая, рассматривая и восхищаясь. Все собравшиеся были ему знакомы, и всё было

хорошо, как на любой вечеринке...

...Ну, вот и дошёл. Сегодня в Центре многолюдно, как на открытии. Дети, их родители, знакомые, учителя. В фойе по стенам развешаны рисунки и вышивки, на столах расставлены поделки. И все с аккуратно надписанными табличками.

И вместе со всеми Громовой Камень ходил, рассматривал. Его то и дело окликали, чтобы он подошёл, посмотрел именно этот рисунок, или вылепленных зверюшек, или вышитую салфетку. И все называли его кутойсом. Дети, а за ними и их родители.

– Это я нарисовала, – гордо показывает ему Алиса на свой листок. – А ещё я петь буду. И...

– Алиса, – строго останавливает её Женя.

Громовой Камень, соглашаясь, кивнул и сказал на шауни:

– Перед боем не хвастают, – и по-русски: – Переведёшь?

– Ну-у, – протянула Алиса и посмотрела на стоявшего рядом Эркина. – Ну... себя не хвалят... перед боем. Так?

Громовой Камень и Эркин кивнули одновременно.

– Кутойс, а это я вылепил, – влез Дим. – И Катька.

Алиса покосилась на него, но промолчала. Всё равно она успела первой.

Зазвенел звонок, и все потянулись в зал. Валерия Иннокентьевна, в белой кофточке с кружевным бантом и длинной чёрной юбке, слепо наткнулась на Громового Камня у входа в зал. Он поддержал её под локоть.

– Всё будет хорошо, Лера.

– Спасибо, Гриша.

Она улыбнулась ему и тут же побежала вперёд по центральному проходу к сцене.

– Дети, хор, сюда, на первый ряд. Алевтина Алексеевна...

Алевтина Алексеевна уже сидела за роялем и с улыбкой смотрела с высоты сцены, как рассаживаются участники и зрители.

Джинни усадила Норму.

– Мама, я пойду к детям.

– Конечно, Джинни, всё в порядке.

Норма ободряюще похлопала её по руке. И Джинни убежала к детям.

Андрей, сидя рядом с Эркином и Женей, изо всех сил удерживался, чтобы не скорчить рожу то и дело оглядывающейся на них Алисе. Эркин, будто почувствовав что-то, покосился на него, и Андрей сразу стал очень серьёзным.

Вела концерт Василиса Васильевна. Она была в длинном нарядном платье и туфлях на высоких каблуках. И все учителя сегодня оделись очень нарядно. Даже те, кто не работал с детьми. Мирон Трофимович все свои ордена надел. И Аристарх Владимирович тоже. Два ордена и медали. А так никогда не подумаешь.

Эркин видел знакомых по «Беженскому Кораблю», по Старому городу, но особо оглядываться и озираться было уже некогда. На сцену поднимался хор дошкольников. И среди них Алиса. В белом, с оборочками и кружевами платье,

что ей на Рождество подарили, в белых гольфах и новых белых туфельках. Женя сделала ей два чуть подвитых на концах хвостика-локона и вывязала пышные белые банты. И остальные девочки тоже в новых нарядных платьях, а мальчики, все как один, в белых рубашечках.

Валерия Иннокентьевна переглянулась с Алевтиной Алексеевной, и та начала играть. Двое или трое малышей начали петь невпопад и немного раньше, но в целом «Во поле берёзонька стояла» получилась очень стройно. Зал хлопал, не жалея ладоней. Потом спели ещё про солнышко и лето. И вперёд по знаку Валерии Иннокентьевны вышли трое. Маленький круглолицый негритёнок – Эркин знал, что он из той же башни, что и Миняй, а отец у него трёхкровка и работает на стройке, весной приехали, – смуглая кудрявая девочка из Старого города и Алиса. Они спели по-английски. Джинни перевела дыхание и захлопала вместе со всеми.

После пения малыши встали в строй, и весь хор стал читать стихи. Каждый по две-три строчки, а получалось очень складно и красиво.

Малышам долго и упоённо хлопали. Зина умилённо промокнула платочком глаза, а Тим с усилием еле удержал лицо.

Сбежав со сцены, дети бросились к родителям, а на сцену стали подниматься старшие.

Пока выступала мелюзга, Артём спокойно сидел рядом с дедом и бабкой, держа на коленях Ларьку. И пение, и стихи ему понравились. Но когда на сцене встали старшие, а среди

них Санька в новенькой голубой вышитой рубашке и Лилька в синем, обшитом пёстрой тесьмой сарафанчике и белой вышитой кофточке, он заволновался. Бабка, как стало известно о концерте, шила и вышивала, не разгибаясь, чтоб в хороводе Санька с Лилькой были не хуже других. И Ларьке, чтоб не ревел, сшила новую рубашку, розовую. И он сам в своей лучшей рубашке, красной, с витым шнурком-пояском. И у Саньки с Ларькой такие же пояски, а у Лильки тканой узкой полоской с красными кисточками на концах. Но ведь одежда – это так, пока рот не откроют.

И пока на сцене пели и плясали, Артём сидел как на иголках, немного успокаиваясь только на чтении стихов. Но всё обошлось благополучно. Ни Санька, ни Лилька не сфальшивили и в танце не сбились. Артём самодовольно улыбнулся: недаром он их две недели каждый вечер гонял и учил. Послушал тогда под дверью, как учат, запомнил мелодию с голоса и учил. Даже Ларька гудел в тон, не сбиваясь.

Хлопая долго и упоённо. Отбивая ладони, Громовой Камень про себя решил: на следующий год он хоть одну песню с танцем, но сделает. Танец... подберёт, что попроще и не военный, конечно... барабан и бубен... это он сам и сделает, а одежду... ну, там с родителями придётся поработать, но тоже – вполне решаемо.

Василиса Васильевна поблагодарила пришедших и объявила концерт оконченным. И сразу шум голосов, смех, аплодисменты и толкотня вокруг учителей. Каждый хотел по-

благодарить, посоветоваться, спросить о своём, что дескать, как мой или моя...

И в этой круговерти Санька и Лилька подтащили Артёма к Валерии Иннокентьевне.

– Вот, это Тёмка...

– Он, знаете, как поёт здоровско...

– Он нас учил, вот...

– Он всех перепоёт, запросто!

Покраснев до тёмно-бордового цвета, Артём затравленно огляделся, не зная, куда бежать и у кого просить помощи. Вот втравили его мальцы, ну, он им дома за всё врежет. Если сейчас обойдётся.

– Да? – обрадовалась Валерия Иннокентьевна. – Обязательно приходи, мы осенью большой хор будем делать.

На счастье Артёма, её кто-то отвлек, и страшного вопроса: а где это он научился петь, не прозвучало. Он благополучно выдрался из толпы, волоча Ларьку, которому приспичило потыкать вон те... ну, как их...

– Клавиши, – сердито сказал Артём по-английски и пообещал уже громко по-русски: – Я тебе так потыкаю, что по гроб жизни запомнишь.

Но самому так захотелось сесть к роялю, тронуть клавиши, он ведь хорошо играл, руки, правда, не те стали, а хочется... Артём сердито отвернулся от сцены.

– Пошли. Деда где?

– А вона, – Лилька ткнула пальцем. – С английской учил-

кой.

– Ага, вижу.

И стал пробиваться туда.

Джинни никак не ждала, что стольким понравится, что начнут спрашивать об английском хоре...

– Да, конечно, осенью...

Женя обошла и поблагодарила всех учителей. Андрей и Эркин с Алисой ходили за ней следом. И когда они наконец вышли на крыльцо, Алиса задумчиво спросила:

– Ну, и за сколько пятёрок это считается?

Андрей схватил открытым ртом воздух и захохотал.

– Ну, племяшка, ну, ты даёшь!

Отсмеявшись, Женя сказала:

– Сегодня твой день, Алиса. Всё, что хочешь.

– Всё-всё? – уточнила Алиса. – И без супа?

Женя вздохнула. Но ведь обещала, значит, надо держать слово.

После совещания при самом деятельном участии Андрея они отправились в кафе на праздничный обед. А потом мороженое, а потом ещё...

В учительской было шумно и весело. Надо же как хорошо всё получилось... и, разумеется, осенью работу продолжить... ну да, хор... и кружок рукоделия... и изо-деятельность... смотрите, и взрослые заинтересовались... Джинни,

ты молодец... спасибо, Гриша... да, английский хор нужен, многие знают язык... да, а выставку сделать постоянной... и обновлять экспозицию...

– Дорогие коллеги, – Аристарх Владимирович постучал карандашом по графину с водой. – Я думаю, мы вполне можем себе позволить продолжить празднование. Скажем...

– У меня, – закончила за него Алевтина Алексеевна и, когда все удивлённо посмотрели на неё, улыбнулась. – Приглашаю всех на праздничный чай. И не спорьте.

– Но...

– Вы бы сказали...

– Складчину бы сделали...

– Нет-нет, – решительно пресекла она этот гомон. – Дорогие коллеги, я, да, десять лет играла только для себя, и то... Нет, это совсем другая история, она не стоит вашего внимания. Но сегодня мой праздник, я вернулась к самой себе и приглашаю вас отпраздновать это событие.

После такого заявления спорить было уже неловко.

Зина шла под руку с Тимом, гордо подняв голову и любясь идущими впереди детьми. Дима и Катя так хорошо пели и стихи читали. Лучше всех, не сбились ни разу, и Димочка не шалил, не озорничал, и Катя в полный голос пела, а то всё шёпотом норовила.

– Правда, хорошо было, Тима?

– Правда, – кивнул Тим, поддерживая Зину.

– Пап, – обернулся к ним на ходу Дим. – А мороженое будет?

– Будет, – улыбнулся Тим. – Вы заработали.

– В «Север» пойдём, да, пап?

«Север» – кафе-мороженое недавно открылось на Главной улице.

– Конечно, в «Север», – сразу ответил Тим.

Научившись читать по-русски, он теперь тоже покупал каждый день газету и старательно прочитывал её от названия до списка сотрудников и адреса редакции. О «Севере» писали много. И что там у входа стоит чучело белого медведя, и что мороженое там тридцати сортов.

– Тима, а обед как же? – с сомнением в голосе спросила Зина.

Дим и Катя затаили дыхание.

– Сегодня можно, – ответил Тим.

– Да уж, ради такого дня, – сразу согласилась Зина.

– Катька! Давай наперегонки! – радостно заорал Дим, бросаясь вперёд и волоча за собой сестру.

Ведь за что другое и наказать могут. Со взрослых станется.

По дороге домой Артём продолжал злиться, но дед строго сказал:

– Ты это чего? Не порть праздника.

– Да подставили они меня, – нехотя ответил Артём.

– А и ни фига, – зачастила Лилька. – Мы только училке хоровой сказали, что Тёмка поёт хорошо.

– Я т-те дам, – дед несильно ткнул её по затылку. – Не училка, а по имя-отчеству, уши оборву за непочтение. А ты чего набычился?

– Она меня в хор зовёт, – пробурчал Артём.

– Ну, и иди, – вступила бабка. – Коли бог тебе что дал на радость людям, то и радуй людей. Не помрёшь небось.

Артём покосился на деда и упрямо промолчал, опустив глаза. Но потом заставил себя улыбнуться. А когда Лилька и Санька, увидев лоток с мороженым, побежали к нему хоть посмотреть, а Ларька припустился за ними, Артём полез в карман.

– Деда, я куплю на всех...

– А чего ж нет, – согласился дед. – В такой-то день.

И бабка закивала.

Рядом с тележкой мороженщика как раз под тенью от нависающей над забором отцветающей уже сирени скамейка. На ней вшестером и устроились. Вафельные стаканчики с мороженым были чудо как хороши. И название смешное – крем-брюле.

Поев, ещё немного посидели. Ларька хныкнул, что хочет ещё, но дед цыкнул:

– Пузо лопнет.

– А теперь? – спросил Санька. – Домой?

– Домой, – решительно встал дед.

Артём улыбнулся: ему это слово очень нравилось. Свой дом – великое дело.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Хотя Эстер знала о предстоящем – Ларри ещё когда ей сказал – и даже вроде что-то обдумывала, но известие о званом обеде уже в это воскресенье застало её врасплох. Но переживать и ужасаться было некогда: с такой надеждой смотрел на неё Ларри. Эстер храбро улыбнулась.

– Всё будет хорошо, не беспокойся.

Ларри кивнул.

Они сидели в гостиной у камина, дети уже спали наверху. Ларри посмотрел на Эстер.

– Нужны деньги?

– Я прикину, что будем делать, и уже тогда... Ну, сервировка у нас в порядке, с обстановкой тоже... – Эстер задумчиво отпила из своего стакана. – Ларри, до воскресенья ещё уйма времени, целых четыре дня. Всё успеем.

Ларри вздохнул.

– Если бы ты сегодня была там, Эсти... ты бы их уже увидела.

– Ничего страшного.

Эстер пересела на подлокотник его кресла, обняла. Даже сейчас они были одного роста, и она поцеловала Ларри в висок.

– Эсти...

– Не волнуйся, милый. И знаешь... я уже думала об этом, Давай сделаем... – она смущённо улыбнулась и, невольно приглушив голос до шёпота, выдохнула долгие годы запретное слово: – аидише, – и откашлявшись, продолжила уже нормальным голосом: – обед. Как мне рассказывала Рут. С фаршированной рыбой, гусиными шейками, ну, ты понимаешь...

– Да, – сразу согласился Ларри. – Рыбу я сделаю сам.

– Она у тебя просто необыкновенно получается, – Эстер снова его поцеловала, уже в щёку. – Я завтра всё продумаю, составлю меню и сделаю полную роспись закупок. И займусь.

– Да, Эсти, а...

– А дети, – сразу догадалась о невысказанном Эстер, – дети немного побудут с нами, а потом я дам им сладостей, и они пойдут к себе. Обед поздний, им ещё рано, – она улыбнулась, – бывать на приёмах. Марк умеет держаться, а Рути – совсем ещё малышка. К тому же они быстро устанут. Одно дело – наша свадьба, а здесь...

– Да, – подхватил Ларри. – Но что же, они весь день будут голодные? Дети?

– Зачем же? Я их накормлю, и вообще... пообедаем даже раньше обычного, потом вымою, переодену, они побудут в гостиной и уйдут. Всё будет нормально, Ларри.

Он кивнул и с надеждой посмотрел на неё.

– Ты думаешь, это... им понравится?

– Ну конечно.

Ларри улыбнулся.

– Ты умница, Эсти. Я... я ведь не знаю, как это... при-ём... раут... Ну, ты понимаешь, вот, соседи там, даже отец Артур... это одно. А сэр Фредди и сэр Джонатан...

– Ларри, милый, всё будет в порядке. И с деньгами у нас нет проблем, не так ли? – она лукаво подмигнула ему.

Ларри смущённо и в то же время радостно улыбнулся. Когда он в субботу взял с собой Эсти и детей и показал им магазин, кабинет и даже мастерскую...

...Эсти оглядывается.

– А кто здесь убирает?

– Я сам, – он подмигивает сыну. – А по субботам мне помогает Марк.

– А сегодня мы все поможем, – Эстер, улыбаясь, смотрит на дочь. – Да, Рути?

Рут рассеянно кивает, явно не слушая и не слыша. Настолько её очаровали шкафы с витринами...

...Конечно, он в тот день не работал, а рассказывал и по-

казывал, открыл все шкафы, чтобы Эсти и Рути могли всё рассмотреть и даже кое-что потрогать. А потом Эстер сказала, что она хочет посмотреть его книги. Пока просто познакомиться. И он открыл кабинетный сейф и выложил перед ней все папки и книги. Эстер сразу стала очень серьёзной и села к столу. И он не ушёл в мастерскую, а остался в кабинете. Сел на диван и смотрел. Как дети стоят у витрин, и Марк что-то шёпотом рассказывает Рут, а та тихонько смеётся и тоже шёпотом отвечает. И как Эстер быстро перелистывает, проверяет корешки счетов, подтягивает к себе счёты – сам он ими не пользовался, они просто стоят на столе, как положено в кабинете – и уверенно щёлкает костяшками, и то удовлетворённо кивает, то хмурится и качает головой.

– Знаешь, – Эстер подняла голову, – я ждала худшего. Порядок нельзя назвать образцовым, милый, но это порядок. И... – она улыбнулась, – я не всё поняла, но это потом.

Он кивнул, смутно догадываясь, о чём Эстер хочет поговорить с ним. Да, конечно, лучше это не при детях.

И вечером, когда дети уже спали, а они поднялись в спальню, и он уже лежал в постели, а Эстер расчёсывала на ночь свои волосы, она сказала:

– Ларри, я не поняла, милый, ты разве не на контракте?

– Нет, – улыбнулся он, – я... сэр Джонатан и я – совладельцы.

– Так, – Эстер положила щётку на подзеркальник и повернулась к нему. – И какова твоя доля?

– Шестьдесят пять процентов от дохода. Дом, магазин и мастерская – моя собственность, ну, инструменты, часть материала. И все сокровища Дома Левине. То, что ты видела в кабинете, в шкафах.

– Ларри! Это... невероятно! А в банке?

– У меня есть свой счёт, личный. И другой, совместный с сэром Джонатаном, деловой.

Эстер медленно кивнула.

– Так ты настолько...

– Мы, – перебил он её, догадавшись о непроизнесённом. – Мы, Эсти...

...Больше они об этом не говорили. Он каждую неделю выдавал Эстер на хозяйство. Она сама определила сумму. Только он как-то сказал ей:

– Эсти, если тебе не хватает... Деньги же есть.

И услышал твёрдый, как говорят о давно продуманном и решённом, ответ:

– Детям нужно образование, Ларри.

Он сразу понял её и кивнул. И к тому же... им не стоит особо выделяться. Он повторил это вслух, и Эстер горячо согласилась с ним.

Но званый обед... это не соседская вечеринка. И к тому же такие люди. И утром, прежде чем уйти на работу, Ларри решительно достал чековую книжку и выписал чек.

– Вот, Эсти, наличных у меня не так много с собой, возьми в банке. Хорошо?

– Да, – Эстер взяла чек и улыбнулась ему. – Всё будет в порядке, милый, ни о чём не беспокойся.

Он поцеловал её в щёку и ушёл.

Эстер, как всегда, стояла на крыльце, глядя ему вслед, пока он не исчез из виду, и вернулась на кухню.

– Марк, Рути, помогите мне.

Как всегда, быстро всё убрали, и она отпустила детей играть в саду. А теперь... теперь займёмся делом.

Иметь всегда под рукой блокнот для записей она привыкла ещё на работе. Но столько комнат, что сразу и не вспомнишь, куда его дела, вернее, где оставила. Кажется, в спальне.

Да, там он и лежал, на комод. Эстер взяла его и спустилась в кухню, села к столу. Итак, что нужно, что есть, что купить. Сначала определим меню, чтобы не покупать лишнего. И в отдельную колонку, что в дом. Сервировка... одежда... надо всё продумать. «Мужчина должен уметь много зарабатывать, а женщина – экономно тратить». Так говорил Дэвид, сгибаясь над очередным чертежом. А Эд любил повторять, что дырявую ванну даже самый мощный кран не наполнит. И нахваливал её за состряпанный из мизера обед.

Эстер улыбнулась воспоминаниям. Ну вот, кажется, всё... разумно. Салат, форшмак, бульон с гренками и фаршированными шейками, рыба, курица, десерт, а аперитив и коктейль после обеда – это уже компетенция Ларри. Он скажет, или нет, сам купит, бар – его территория. С этим ясно. Те-

перь сервировка...

Закончив, она перечитала свои записи и встала. Пора. Сегодня уже среда, если она хочет всё успеть, надо спешить. Сначала в банк...

Когда она в новом «деловом» платье – Колеетт хорошо шила не только свадебные наряды – вышла на крыльцо, Марк и Рут подбежали к ней.

– Мама, ты куда?

– Ты за покупками?

– Мы с тобой.

– Нет, – улыбнулась им Эстер. – Я иду в Большой город.

Большим городом называли центр, а многие и вообще белые кварталы. Марк сразу понимающе кивнул, но предложил:

– Я помогу, мама.

– Спасибо, сынок, – Эстер погладила его по голове. – Я справлюсь. Будьте умниками и не уходите из дома.

– Мама, – начала Рут, – а ты принесёшь нам чего-нибудь?

– Я иду по делам, – строго сказала Эстер, но тут же улыбнулась. – Как получится.

– Ладно, – вздохнула Рут.

– Мы будем ждать, – улыбнулся Марк.

Уже на улице Эстер обернулась помахать им рукой. Оба стояли на крыльце и смотрели ей вслед.

День за днём в хлопотах, беготне и тратах...

...– Две большие курицы в субботу, миссис Эстер? Сделаем, не проблема.

– Спасибо, мистер Роуз.

Смуглое лицо мясника лоснится, словно истекая жиром.

– А в пятницу тогда...

– В пятницу, как всегда.

– Помню-помню, – и Роуз перечисляет ей её обычные закупки.

Эстер с улыбкой кивает, и Роуз, заговорщицки понизив голос и подмигивая – это его обычная манера при важных сообщениях – говорит:

– Сосиски будут. Особенности.

– Пикантные? – радуется Эстер.

– В самую точку, миссис Эстер, – и многозначительно: –

От Мортонса.

– Я возьму фунт.

– Понял, всё сделаю.

Фунт пикантных сосисок – это, конечно, дорогое удовольствие. Но удовольствие...

...– Лучше карпа ничего нет, миссис Эсти, вы уж мне поверьте.

– Да, спасибо. Вот этого тогда и... – одной рыбины будет мало, пожалуй, да, надо двух, не меньше, – и вот ещё этого.

Спасибо, миссис Эми.

– На здоровье, миссис Эсти...

... А орехи, пряности, а всякие незаметные, но такие нуж-

ные и очень дорогие мелочи... За этим она ходила в «белые» кварталы. Там и раньше было главным – уверенно держать-ся. А уж сейчас-то... Да с её деньгами.

За столовым бельём и приборами она пошла на Маркет-стрит. Да, это дорого, это очень дорого, но... положение обязывает.

Она выбрала скатерть и салфетки с вытканными венками из роз и лавров. Рут – да упокоится её душа – рассказывала, что в доме Левине праздничная «пасхальная» скатерть была заткана шестиконечными звёздами, да, кажется, так, могоендовидами, и Дэвид вспоминал о такой же, уже в доме их бабушки и дедушки, разорённом ещё задолго до её рождения, но... нет, это надо специально заказывать, нет-нет, так рисковать и нарываться нельзя. Хватит того, что они Левине. Ведь мало ли что...

И Эстер перешла к прилавку со столовым серебром. Сервиз у них строгий, изысканно простой, значит, и вычурное «под старину» серебро не подойдёт. Рукоятки гладкие, но изящной формы, современные, но не экстравагантные. Полная дюжина, плюс сервировочный комплект, кольца для салфеток... нет, салфетки она сложит и поставит короной, подсвечники... да, парадный стол со свечами. Подсвечники в этом же стиле... а если... а если взять тот, что у Ларри в шкафу? Она даже задохнулась на мгновение, представив, как это будет. Но... но без Ларри она это решить не может, и на подсвечники всё равно уже не хватит, она же сама не подумала

о них заранее. Зайти к Ларри... да, именно так она сейчас и поступит.

Она расплатилась за серебро, скатерть и салфетки.

– Оставьте пока у себя, я зайду за ними позже.

– Разумеется, миледи.

Ну, конечно, кто покупает за наличные – уже миледи.

До «Салона» она дошла одним духом, мужественно не остановившись у витрины «Всё для дам», хотя умом понимала, что теперь ей многое здесь вполне доступно, но... но вот и нужная дверь.

Эстер вошла в залитый светом, сверкающий, несмотря на обилие чёрного бархата, магазин. И сразу увидела Ларри. Он стоял у прилавка, укладывая в футляр длинную жемчужную нитку. Женщина в светлом платье с бесцветными прямыми волосами не оглянулась на звон дверного колокольчика: не могла оторвать взгляда от жемчуга. У Ларри дрогнули в улыбке губы, и Эстер поняла, что он заметил её.

– Пожалуйста, миледи.

Ларри протянул женщине футляр, и та не взяла, а схватила его с покоробившей Эстер хищной торопливостью, надменно кивнула.

– Благодарю.

И резко повернулась к выходу, обдав Эстер всё замечающим неприязненным взглядом.

Она ещё была в дверях, а Ларри уже подошёл к Эстер.

– Что-то случилось?

– Нет-нет, – она успокаивающим жестом взяла его за руку. – Нет, но мне надо посоветоваться.

– Конечно, проходи.

Пропуская Эстер в свой кабинет, Ларри переглянулся с охранником, и тот кивнул, показывая, что знает, кто она.

В кабинете Эстер перевела дыхание и... заговорила со всем о другом.

– Ларри, кто она? Такая... неприятная.

– Покупательница, – пожал плечами Ларри. – Заказывала жемчужную нитку, оплатила наличными. А что?

– Ничего, – Эстер почувствовала, что краснеет. – Ничего, милый. Я насчёт обеда. У меня есть идея.

Выслушав её, Ларри кивнул.

– Ну, конечно, Эсти, это будет очень красиво. И Энни мне говорила, что по большим праздникам менору ставили на стол. В субботу я его принесу домой, а в понедельник утром унесу сюда.

– Да, Ларри, – сразу согласилась Эстер. – Конечно, дома такое держать не стоит, – и про себя закончила: – Просто опасно.

Она поцеловала его в щёку и взяла со столика свою сумочку.

– Я пойду, милый, извини, что помешала.

– Нет, что ты, Эсти, ты не можешь помешать. Да, деньги...

– У меня есть. Главное я уже купила, Ларри.

Ещё один поцелуй, и они вышли в магазин. Звякнул коло-

кольчик, впуская седого благообразного джентльмена. Эстер улыбнулась мужу и пошла к двери. Проводив её внимательно, но не осуждающим взглядом, джентльмен обратился к Ларри.

– Добрый день, мистер Левине. Готово?

– Добрый день, сэр, – с улыбкой склонил голову Ларри. – Разумеется, сэр.

На улице Эстер посмотрела на часы. Теперь за покупками и сразу домой. Надо спешить. И так ленч запоздал. Приём приёмом, но жить надо каждый день...

...В субботу Ларри принёс домой подсвечник. Для этого он накануне купил вместительный и неброский портфель, там же, на Маркет-стрит. Сердце так и прыгало у горла, когда он открывал дверь этого магазина. Но лицо продавца сразу показалось знакомым, и тот узнал его.

– Добрый день, мистер Левине, – даже его имя знают?! – Чем могу помочь?

И дальше всё прошло великолепно. Ну да – сообразил Ларри уже по дороге домой – как он знает уже многих на этой улице, так знают и его, а разницу в цвете деньги всегда покроят.

Портфель хорошей кожи и добротной выделки очень понравился Эстер.

– Конечно, милый, ты прав. Не под мышкой же нести. Но... тебе не будет тяжело?

– Ну, что ты, Эсти, – Ларри самодовольно повёл плеча-

ми. – Разве ты шла замуж за слабака?

Эстер невольно рассмеялась и поцеловала его. Обычно Ларри говорил очень чисто и правильно, но иногда переходил на простецкую, даже грубую – если бы это был не он, а кто-то другой – рабскую речь. В первый раз она растерялась и даже хотела его поправить, но, увидев его улыбку, сообразила, что он так шутит. Позволял это себе Ларри не часто и всегда – на её взгляд – уместно.

И вот суббота. Сегодня Ларри ушёл на работу один. Эстер и дети остались дома наводить порядок. Всё должно блестеть и сиять. И не только снаружи, но и внутри. Неважно, что гости куда-то не зайдут или чего-то не увидят, ты, нет, мы сами должны быть во всём уверены. А ещё надо приготовить ленч, и обед, и уже готовить на завтра, и сходить за заказами.

Кур Эстер заказывала в Цветном и потому спокойно взяла детей с собой.

– Мам, мы же вчера всё купили, – удивилась Рут.

Но вместо Эстер ответил Марк.

– Ты забыла, что завтра гости?

Рут вздохнула. Конечно, гости – это хорошо, но если к ним надо так готовиться, а потом ещё соблюдать все приличия – то лучше обойтись без них. Но промолчала: слишком уж мама переживает из-за этих гостей. Да и папа тоже. Хотя... хотя Марк ей про них рассказывал. Что Фредди у мухи на лету крылья отстреливает, что в одиночку целую банду, которая в заваруху погналась за мальчишками из имения,

перестрелял, дал раз а из автомата – и никого не осталось. И этот... Джонатан – тоже стреляет, и он – лендлорд, самый главный, все на него работают, а он захочет – заплатит, захочет – вычтет. С ним в оба надо смотреть.

В лавке Роуза их ждал большой и очень холодный пакет. Куры были большие и, как удовлетворённо отметила Эстер, достаточно жирные и, как ей и нужно: с шейками, потрохами и головами, и очень хорошо ошипанные.

– Спасибо, мистер Роуз.

Она расплатилась, уложила пакет в сумку, и её тотчас же взял Марк со словами:

– Мама, тебе тяжело, я понесу.

– Ишь, помощник какой, – ухмыльнулся Роуз и подмигнул. – А завтра, глядишь, и защитник.

– Да, – кивнула Эстер и вздохнула. – Дай Бог, чтоб не понадобилось.

– Дай Бог, – согласился Роуз.

Зашли ещё в рыбную лавку за селёдкой: Эстер тогда, завозившись с карпами, совсем забыла про неё. Пакетик с селёдкой взяла Рут.

И уже по дороге к дому купили печенья и мороженого.

Только пришли, только переоделись и Эстер стала готовить ленч, как Марк, всегда словно чувствующавший появление отца, выбежал на улицу, и Рут, конечно, за ним.

Кухонное окно выходило на задний двор, и Эстер вышла навстречу Ларри как была, в фартуке.

Сначала она решила, что он оставил подсвечник в салоне, ну, забыл или передумал: так легко, как невесомый, он нёс свой портфель, но увидев, что он не дал его Марку, а продолжает нести сам, поняла – принёс.

– Эсти, – легко взбежал на крыльцо Ларри, – всё в порядке?

– Да, милый, – она подставила щёку для обычного поцелуя и протянула руку к портфелю.

Но Ларри рассмеялся.

– Нет, Эсти, я сам, – и мягко отвёл её руку.

– Да, хорошо. Ленч уже почти готов.

– Отлично. Я сейчас переоденусь и спущусь.

Разговаривая, они прошли в гостиную. Ларри поставил портфель на пол и посмотрел на прыгавших вокруг детей.

– Вы хорошо себя вели?

– Да, – сразу ответила Рут.

– Да, – с секундной заминкой улыбнулся Марк.

Эстер кивком подтвердила их слова.

Ларри полез в карман и вытащил две маленькие фигурки-головолонки: человечка и собачку. И пока Марк и Рут шумно делили их, он взял портфель и поднялся в спальню.

Там он поставил портфель в угол, чтобы его прикрывала штора, а дальше всё по обычному порядку. Раздеться, повесить костюм в шкаф, принять душ, надеть джинсы, ковбойку, домашние лёгкие туфли-тапочки, и вниз, к Эстер и детям.

Обычно субботний ленч, начинавший выходные, включал

что-нибудь необыкновенное, но сегодня ограничились покупным мороженым. И началась большая субботняя лихорадка. Ведь воскресное утро пройдёт в церкви, и всё, что можно сделать заранее, надо сделать сегодня.

И субботний обед был «будничным» и каким-то сделанным второпях. Но вечер... вечер, в гостиной у камина или на террасе, это уже обязательно, без этого никак. И чтобы папа что-нибудь читал вслух или рассказывал, и мама рядом, с чем-нибудь из рукоделия. Без этого день не кончен.

Вечер тёплый, лето же уже, и сидели на террасе. С политого газона приятно пахло влажной травой, раскрывались белые звёздочки «ночной красавицы» – эти цветы посадили маленьким островком, совсем недавно, а как хорошо прижились. В доме напротив уютно светятся окна и кто-то, невидимый в сумерках, сидит на качелях, а те чуть поскрипывают.

И было так хорошо, что, когда Ларри закончил свой рассказ об очередном подвиге Геракла, они долго просто молча сидели.

– Пап, – вдруг прервал молчание Марк, – а давай возьмём щенка. Или котёнка.

Ларри посмотрел на Эстер, но тут вмешалась Рут.

– Я у мамы ещё когда просила, она не разрешила, – и, вздохнув, убеждённо закончила: – И не разрешит.

Эстер невольно покраснела, но ей помог Ларри.

– Мы это ещё обсудим, Марк. Ведь это не игрушка, а живое...

– Да, – подхватила Эстер. – Конечно, так.

Рут надула губы, но Марк подмигнул ей, и она промолчала.

А когда дети, уже выпив молоко, поднялись наверх, Марк сказал сестре:

– Папа разрешит, он добрый.

– Да? – возразила Рут. – А мама...

– Он её уговорит, вот увидишь. Ты только не наседай так.

Нахрапом хорошо не получится.

Рут засмеялась.

– Нахрапом – это как?

– Это как ты! – сердито ответил Марк.

Ну и что, что у него такие простецкие слова высказывают. У отца тоже бывает, так мама над ним не смеётся. И слово это простое, не ругательное.

– Ладно тебе, Марк, – сразу стала мириться Рут. – Оно просто такое смешное, – она с милой гримаской повторила: – Нахрапом, – и засмеялась.

Но Марк сразу ушёл к себе. И когда Эстер пришла поцеловать их на ночь, он лежал в постели с обиженным лицом.

– Ты что, сынок? – встревожилась Эстер, касаясь губами его лба. – Ты не заболел?

– Нет, всё хорошо, – Марк вздохнул. – Я деревенщина, да?

– Глупости, – засмеялась Эстер и снова поцеловала его. –

Ты умный и хороший мальчик, спи.

Марк послушно закрыл глаза. Эстер погладила его по го-

лове, поправила одеяло и вышла. Рут уже спала, и Эстер только получше укрыла её. Да и ничего страшного не произошло, как поссорились, так и помирятся. Марк и Рут вообще очень дружны.

Спустившись вниз, Эстер нашла Ларри в гостиной, и её ждал обычный стакан с соками.

– Всё в порядке, – сразу сказала Эстер, принимая стакан. – Спасибо, милый.

Ларри, как обычно, сел в кресло, а Эстер рядом с ним на подлокотник и обняла так, чтобы он смог положить голову на её плечо. Сидели молча. Завтра большой день, очень многое решится завтра, и им надо отдохнуть. Они вместе, рядом. Что бы ни случилось, она не оставит его.

Ларри глубоко вздохнул. Эстер погладила его по плечу, поцеловала в висок.

– Пошли спать, Ларри. Бог даёт день...

– Бог даёт и пищу, – с улыбкой закончил Ларри и допил свой стакан.

Это было любимым присловьем Старого Хозяина и помнилось Ларри с тех, всё стремительнее удалявшихся в прошлое дней.

Эстер допила свой сок и встала, с мягкой решительностью забрала у Ларри стакан.

– Иди, милый, я уберу и поднимусь.

Ларри кивнул и встал.

Как всегда, по дороге в спальню заглянул в комнаты детей,

постоял, слушая их дыхание.

И, как обычно, Эстер, войдя в спальню, застала его уже в постели. Она быстро привела себя в порядок, выключила свет и легла.

– Спим, Ларри? Или как?

– Мм? – сонно спросил он.

– Спим, – тихо рассмеялась Эстер, вытягиваясь рядом с его большим тёплым телом.

Надо спать. Завтра будет нелёгкий и очень непростой день.

Вечером без пяти восемь на Новую улицу въехала тёмно-синяя машина.

Фредди специально заложил большой круг, чтобы въехать не со стороны Цветного. Светиться самим и засвечивать Ларри совсем не нужно. И он, и Джонатан были при параде. Не полным – без смокингов, но в костюмах от Лукаса.

– Ты смотри, как Дэннис разворачивается.

Фредди кивнул.

– Увеличим процент?

– Зачем? Пусть капает спокойно, – Джонатан благодушно глазел по сторонам. – Ага, вон тот?

– Точно, Джонни.

Фредди притёр машину к тротуару точно напротив дорожки и выключил мотор. И сразу из дома вышли на крыльцо двое: высокий негр в чёрном костюме и рядом с ним жен-

щина в белой кружевной кофточке и длинной светлой юбке. И двое детей: мальчик в белой рубашке и тщательно отглаженных брюках, и девочка в розовом с оборочками платье.

Фредди и Джонатан одновременно вышли из машины. Дорожка через блестящий после недавнего полива ровно подстриженный газон узка, и Джонатан пошёл первым, а Фредди за ним. Но на крыльцо она поднялись рядом.

– Добрый день.

– Добрый день, сэр.

Ларри явно собрался представлять им свою жену, и Джонатан с необидной ловкостью опередил его.

– Джонатан Бредли.

– Фредерик Трейси, – поддержал его Фредди.

– Очень приятно, – храбро улыбнулась Эстер. – Эстер Левине.

Обмен рукопожатиями, вежливый полупоклон Марка, Рут изобразила нечто вроде книксена. Прошли в гостиную. Джонатан и Фредди оглядывались с живым интересом, и Ларри повёл их по дому.

Они обошли оба этажа. Марк и Рут молча следовали за ними по пятам. Похвалы показались Ларри искренними, и он перевёл дыхание. Эстер тоже немного успокоилась. Пока всё шло нормально.

Дом, его убранство, выдержанный, в общем, стиль, в самом деле понравились и Джонатану, и Фредди. Конечно, они видали дома и побогаче. Но этот дом сделан именно под Лар-

ри, и дом делается, а не куплен уже готовым, который потому и остаётся чужим.

Осмотрев дом и садик – его Ларри показывал с террасы – ну, не мог же он не показать свою альпийскую горку и зелень, уже высоко поднявшуюся по деревянной решётке, отгораживающей сад от хозяйственного дворика, и раскрывающуюся к темноте «ночную красавицу», вернулись в гостиную. Ларри уже совсем уверенно прошёл к бару и сделал четыре коктейля. Вкусов Джонатана он не знал, но, что любил Фредди, помнил и потому сделал им одинаково.

– Оу! – вырвалось у Фредди после первого глотка. – Спасибо, Ларри.

– Счастлив, что вам понравилось, сэр.

Как-то незаметно, не привлекая внимания, Марк и Рут ушли наверх. А чуть позже Эстер, извинившись, пошла проверить, как они легли.

– Ты молодец, Ларри, – Фредди покачивал стакан, прислушиваясь к шуршанию льда. – Я знал, что у тебя всё будет хорошо, но чтоб настолько... – и поймав краем глаза, что Эстер спускается по лестнице, продолжил: – И не только в камнях разбираешься.

– Да, – кивнул Джонатан. – Это настоящее... сокровище.

Зайдя мимоходом – сюда гостей пока не водили – в столовую, Эстер зажгла свечи, оглядела готовый стол. Да, всё в порядке, можно приглашать. Она вошла в гостиную и, кивнув Ларри, подошла к беседующим. Ларри протянул ей стакан.

– Спасибо, – она улыбнулась ему. – Всё в порядке, уже спят.

– Маленькая леди очень мила, – улыбнулся Джонатан. – Думаю, со временем сравнится... – и лёгкий поклон.

– Спасибо, – улыбнулась Эстер, поднося к губам стакан.

Ещё несколько общих обычных для предобеденного коктейля фраз, допиваются стаканы, и приглашающий жест Ларри.

Джонатан не думал, что его можно удивить сервировкой. Но стол на четверых, бело-серебряный с единственным золотым пятном – массивным семисвечником посередине – заставил его на мгновение застыть. Фредди незаметно ткнул его кулаком в бок, и Джонатан очнулся.

Когда сели за стол, Ларри с необычной для него строгостью в голосе сказал:

– Милорды, – они одновременно кивнули, принимая необычное обращение, только у Фредди еле заметно дрогнул уголок рта, – сегодня не простой вечер. Разумеется, это не дата, но сегодня обед в честь и в память сэра Маркуса Левинне.

– Да, Ларри, – сразу кивнул Джонатан. – Если бы не он...

– Ничего бы этого не было, – закончил за него Фредди.

И Ларри благодарно улыбнулся им: его поняли. И вопросов – почему на столе блюда еврейской кухни – не будет. И подобранные им вина как те, памятные по урокам Энни.

Эстер, почти совсем успокоившись, угощала гостей.

– Это форшмак, попробуйте, Джонатан.

– Очень вкусно.

– Спасибо, Эстер. Очень вкусно.

– Рад это слышать, сэр.

Эстер уже называла их по именам. Фредди только с улыбкой поправил её, когда она назвала его Фредериком.

– Друзья зовут меня Фредди.

Джонатан улыбнулся и промолчал. Ларри упорно придерживался привычного «сэр», но звучало это не отчуждённо.

– Эстер, а вы встречались со старым Маркусом?

– Нет, Джонатан, мне рассказывала о нём Рут. Поездки были слишком дороги. И опасны.

– Да, – кивает Ларри. – Сэр Соломон, это сын сэра Маркуса, приезжал один раз, незадолго...

Он запнулся, не зная, как закончить.

– Понятно, – кивнул Фредди. – Я старика хорошо помню. Джонни, ты же знал его раньше, так?

– Иначе бы я не обратился к нему, – усмехнулся Джонатан. – Да, дом Левине и семья Бредли – давние знакомые. И друзья. Ещё мой дед дружил с Маркусом, тот тогда был Молодым Левине. А мой дед – младшим Бредли. Ларри, тебе, наверное, Маркус рассказывал...

Ларри покачал головой.

– Ювелирное дело не терпит болтовни, сэр.

– Резонно, – хмыкнул, передразнивая Джонатана, Фредди.

Все охотно рассмеялись, поддерживая атмосферу дружеского обеда.

Ларри опасался, что смена сервировки вызовет затруднения, но у Эстер всё было продумано и подготовлено заранее, и сервировочные столики – один даже с подогревом – оказались очень удобны. Бульон с шейками и гренками вызвал новый град похвал и шуток.

– А это фаршированная рыба, – объявила Эстер. – Слово автору.

Ларри смущённо улыбнулся и встал, чтобы разложить по тарелкам сочащиеся соком ароматные куски в окружении свёклы, моркови и лука.

– Пожалуйста, сэр. Пожалуйста, сэр.

После недолгого молчания – все были заняты едой – Фредди причмокнул:

– Потрясающе, Ларри. Может, откроем при салоне ещё и ресторан? От клиентов отбою не будет.

Ларри польщённо улыбнулся.

– Благодарю, сэр, но сэр Маркус учил меня, что когда много в руках, то потом подбирать сложно.

– Золотые слова, – кивнул Джонатан.

– Я вам положу ещё, Фредди? – встала Эстер.

– Слово леди – закон для ковбоя, – расплылся в улыбке Фредди. – Не смею отказываться.

Джонатан рассмеялся: пристрастие Фредди к рыбе – экзотике для Аризоны, там копчёная рыба считалась самой ши-

карной закуской к пиву – было ему известно ещё с тех пор. Интересно, Ларри это тоже знает? Но рыба необыкновенная, никогда такой не ел. Надо же, какой Ларри умелец.

После рыбы на столе появилась курица. Большая, золотисто-коричневая, бесстыдно задравшая тугие лоснящиеся окорочка. Эстер взяла нож. Удивлённые взгляды Джонатана и Фредди заставили её улыбнуться. Увидев, как длинное лезвие без затруднений проходит сквозь тушку, Фредди с необидно насмешливым удивлением спросил:

– Это такой нож?

– Нет, – рассмеялась Эстер. – Это такая курица.

Нарезав курицу, она взяла лопатку и разложила ломти по тарелкам. И снова воцарилось молчание.

– Да-а, – выдохнул наконец Фредди. – Всякое видел, но, чтобы курица без костей... Это впервые.

Эстер рассмеялась.

– В жизни всегда что-то впервые.

– Это точно, – кивнул Фредди.

– Очень вкусно, – улыбнулся Джонатан. – Вы настоящая волшебница, Эстер.

Ларри счастливо улыбнулся. Кажется, им действительно понравилось. А за десерт можно не волноваться: цимес ещё никого не оставил равнодушным. Он помнит, как его делала Энни.

И, как он и ожидал, цимес вызвал сначала удивление, а потом восторг. Особенно у Джонатана. И когда после десерта

перешли в гостиную к бару, Джонатан ещё раз повторил:

– Ну, никогда такого не ел. Эстер, это просто чудо.

– Спасибо, – улыбнулась Эстер. – Я вас ненадолго оставлю. Ларри, не давай скучать гостям.

Когда она вышла, Фредди улыбнулся.

– Ну, Ларри, нет слов. Где ты её отыскал?

– На заседании школьного совета, сэр, – ответно улыбнулся Ларри.

– Во! – восхитился Фредди, переходя на ковбойский говор. – Во где искать надо, а то шляешься ты, Джонни, где ни попадя.

Джонатан охотно рассмеялся и поддержал тему.

– Да, Ларри, ты у Монро комплект ей подбери.

– Во-во, – кивнул Фредди. – Ты слушай, он по комплектам знаток. В чём другом промашку даст, а здесь разбирается.

Джонатан легонько пихнул Фредди и продолжил:

– Чтоб утром она в постели с чашкой кофе знаешь, как смотрелась! – и захохотал вместе с Фредди.

И, захваченный этим весельем, Ларри потерял голову.

– Прошу прощения, сэр, но утром кофе в постель подают мне.

Джонатан застыл с открытым ртом, а Фредди молча отсалютовал Ларри стаканом. И наконец отдышавшись, сказал «учительским» тоном.

– Во, Джонни, учись у знающих людей. А то так и не сумеешь себя поставить.

Когда Эстер, освежив в спальне лицо и посмотрев на спящих детей, спустилась вниз, разговор шёл о предстоящих осенью выборах мэра и начальника полиции.

Вечер плавно заканчивался. Ещё общие доброжелательные фразы, благодарности за оказанную честь и доставленное удовольствие. И прощание на крыльце. Званный обед закончился в тот час, когда должен начинаться съезд перед званым ужином, но на Новой улице уже была ночь. Здесь жили богачи Цветного квартала, а им всем завтра с утра на работу, постоянную и по меркам Цветного престижную и высокооплачиваемую.

Стоя на крыльце, Ларри и Эстер взглядами проводили Джонатана и Фредди до их машины. А когда та отъехала, Ларри обнял Эстер за плечи.

– Спасибо, Эсти, ты молодец.

– Ох, Ларри, – Эстер прислонилась головой к его плечу. – Им понравилось? Как ты думаешь?

– Думаю, да, – твёрдо ответил Ларри. – Если бы было что-то не так, сэр Фредди сказал бы. Он всегда говорит прямо.

По-прежнему держа Эстер за плечи, он увёл её в дом, по дороге щёлкнув замком входной двери.

– Ты устала, пойдём спать.

Так – в обнимку – они и ушли в спальню.

Когда шум мотора затих вдали, Чак выбрался из своего укрытия. Вроде его не заметили. Он тщательно отряхнул

брюки и рубашку, оглядел пустую тёмную улицу и не спеша, гуляющей походкой направился к центру Цветного.

Он сам не понимал, почему, а вернее, зачем шляется вечерами по Цветному кварталу, обязательно прочёсывая Новую улицу, но особо об этом не задумывался. А, хотя бы, просто так! И сегодня прошёл бы мимо и пошёл дальше, по барам да по бабам, но увидел тёмно-синий «ферри» – свою машину и не смог уйти.

Из-за плотных штор ни силуэтов, ни голосов не разобрать, совсем вплотную не подойдёшь: слишком велик риск, но – он быстро огляделся и сообразил: за три дома ближайшая стройка, а вот оттуда можно и проследить. Сидел, сидел и высидел. Дождлся. Оба были. Зачем? Кой чёрт их сюда принёс, какие-то дела у них с Ларри? Ну, работает он на них, так Слайдеры тоже работают, поганец этот со своей – пузо до глаз – вон, наискосок от Ларри, так к нему не пошли, а здесь целый вечер просидели. А какого хрена? Зачем ему это знать? А ни за чем. Просто интересно. И... и вдруг пригодится. Когда-нибудь и для чего-нибудь. С беляками надо ухо остро держать, а то мало ли что...

Разговор Ларри с женой он расслышал хорошо. Ну, Ларри и дурак, сам длинный, а мозгов... как у воробья, что под лошадиными копытами навоз клюёт. Сытно да тепло, а переступит лошадь – так раздавит и не заметит, что там под подковой хрустнуло. «Фредди всегда прямо говорит»! Нашёл... откровенного. Как же! Чёрт, а не беляк, который месяц под

дулом держит, и трепыхнуться даже не подумай. Был Ларри работягой-придурком, таким и по гроб жизни останется.

Чак ещё раз огляделся по сторонам и уже спокойно пошёл домой. Поздно уже баб ловить, завтра с утра на маршрут. Только проспай, так Бредли такой вычит впаяет, что мало не будет.

Когда они выехали с Новой улицы, Фредди вздохнул:

– Да-а. Ну, всего ждал, но не такого.

– Угу, – Джонатан искоса посмотрел на него. – Тогда тебя тоже так кормили?

– Сравнил! Как я понимаю, сегодня был супер-люкс. Но, рыба-а... обалдеть, Джонни! Ты раньше такое ел?

– Еврейскую кухню? Где, Фредди? Мысль о ресторане, кстати, неплоха, но где найти повара?

– Всех перестрелять нельзя, – философским тоном заметил Фредди. – Кто-то да уцелеет. Будем искать?

– Наткнёмся – используем. А специально искать... слишком много условий, Фредди.

– Понял, – кивнул Фредди. – А чего ты на морковку так налегал? В кролики решил податься?

– Ты её тоже наворачивал, аж уши дрожали, – так же поковбойски ответил Джонатан. – Как это её называли?

– Цимес, – ответил Фредди и ухмыльнулся. – Не запоминай, больше его тебе негде просить.

– Ла-адно тебе, – рассмеялся Джонатан. – У неё как раз

много не выпросишь.

– Ларри мягкий, ему как раз такая и нужна для равновесия. Вытряхивайся, Джонни, я её в гараж отгоню.

Джонатан кивнул и вышел из машины. Фредди высадил его за квартал от их квартиры. На ночь у каждого были свои планы. Скорчившуюся у недостроенного дома фигуру оба заметили и узнали, но разговаривать об этом сочли лишним.

Тетрадь семидесятая

122 год

Лето

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Экзаменационная неделя пролетела неожиданно быстро. Во вторник Эркин пошёл на работу не в обычной ковбойке, а в новой светло-голубой рубашке. Надо бы белую, Женя, конечно, права, но как ни оберегайся и переодевайся, а завод – это завод, обязательно запачкаешь. А так – сразу и нарядно, и буднично.

День прошёл как обычно. Жарко, и работали без курток, в одних рубашках. А к обеду и рубашки поснимали. Кто остался в майке, а кто и так. Мешков или ящиков не видно, одни контейнеры наготове, и Эркин, не опасаясь сбить плечи

и спину, спокойно разделся, бросив свою рубашку рядом с Колькиной, засунул рукавицы в карманы штанов и взялся за скобу.

– Поехали?

– Поехали, – кивнул Колька.

Работалось Эркину легко, играючи. День жаркий, но без пекла, лёгкий, не режущий, а глядящий кожу ветер, и он уже всё здесь знает и понимает, что и куда, а зачем... а вот это ему по фигуре. И чего там, в этих контейнерах, напихано-наложено – тоже.

Оглушительно зазвенел звонок.

– Докатим? – придерживает шаг Колька.

– А чего ж нет?

– Ну, давай.

Они вкатывают на платформу и закрепляют контейнер, и уже не спеша, чтобы дать обсохнуть поту, идут за рубашками. В столовую всё-таки вот так, почти нагишом, как-то неловко.

– Ну как, решил с кроликами?

– Соберу на две пары, крольчатник слатаю.

– Зачем латать? – не понял Эркин. – Курятник будешь переделывать?

– А на хрена? – теперь удивился Колька. – Курятник же во отгрохали! По науке.

– Ну, и крольчатник по науке сделаем, – Эркин расплатился за обед и понёс поднос к свободному столику.

– Идёт, – благодарно согласился Колька.

Ели, как всегда, быстро, не смакуя и не рассиживаясь. И, опять же как всегда, уже на выходе столкнулись с бригадой Сеньчина, и Эркин остановился перекинуться парой слов с Маленьким Филином. Слов на шауни для большого разговора Эркину пока не хватало, и после приветствия и фразы о погоде, он перешёл на русский.

– Ну, как ты?

– Хорошо, – тоже по-русски ответил Маленький Филин. – Письмо получил, – и удивлённо: – Дошло всё.

– И что пишут? – вежливо поинтересовался Эркин.

– Зиму продержались, весну пережили. Уже легче, – серьёзно ответил Маленький Филин.

И, попрощавшись, разошлись.

Об экзамене Эркин не думал. Старался не думать. Как будет – так и будет. Не ему решать, так что... А «Б» сегодня пишет математику, а у «А» тесты... ну, так это уже совсем не касается. Его дело... вон, дурынды серые. Чего там написано? «Не... кан-то-ва-ть», ага, понятно, а вон и платформа с тяжами, наверняка для них.

– Старшой, эти? Куда их?

– Туда, – показывает ему на платформу Медведев и кричит: – Ряхов, на крепёж!

Ах ты, чёрт, это ему с Ряхой работать?! Ну... ну и фиг с ним! Эркин скидывает рубашку, вешает её на какую-то скобу рядом с контейнерами и берётся за ручку, мягким ударом

носка убирает стопор. Пошёл? Пошёл!

Ряху он особо не замечал, и тот старался на него не смотреть, но, когда в паре работаешь, и не хочешь, а заметишь.

– Сюда его!

– Ага, – Эркин вкатывает контейнер в пазы и не удерживается: – А почему?

Ряха, приоткрыв рот, снизу вверх смотрит на него, сглатывает, судорожно дёрнув щетинистым кадыком, и отвечает:

– Эти для Северного, а с того края транзитом, их скатывать не будут, ну, и чтоб не мешались.

– Понял, – кивает Эркин и бежит за следующим.

Интересно, а как Ряха их различает? И, берясь за очередной контейнер, внимательно оглядывает его, прочитывая все надписи. Ага, а почему здесь перед цифрами английская «N»? Эн? North? Это... правильно, север. И, подтаскивая контейнер, спрашивает:

– Этот для Северного?

Ряха кивает, готовя тяжи, и Эркин сам затаскивает и вставляет контейнер в паз. А следующий – без такой буквы – он подвозит к другому краю, чтоб не таскать по платформе, цепляя уже натянутые растяжки. Удивлённый взгляд Ряхи он постарался не заметить, но невольно улыбнулся.

Закрывать заполненную платформу фальшивыми стенами стали другие, а их Медведев отпустил.

– Всё, вали, Мороз, – и улыбнулся. – Ни пуха ни пера тебе.

– Спасибо, – улыбнулся Эркин. – К чёрту.

– Теперь правильно, – кивнул Медведев и посмотрел на Ряху. – И ты вали.

В бытовке Эркин тщательнее обычного обтёрся холодной водой и стал переодеваться. Ряха, сидя за столом, насмешливо следил за ним, но молчал. И только под конец не выдержал:

– Ты б ещё галстучек повязал.

– Надо будет, так повяжу и тебя не спрошу, – ответил Эркин вполне миролюбиво, но с осадкой.

Ряха хмыкнул.

– Всё ещё злишься? Злопамятный ты, вождь.

Эркин пожал плечами и запер свой шкафчик. И тут в бытовку вошли остальные.

– Ага, – кивнул, увидев Эркина, Саныч. – Ну, удачи тебе, ни пуха ни пера.

– К чёрту, – уже уверенно ответил Эркин. – Всем до свиданья.

И уже на второй проходной, показывая пропуск, подумал: а откуда в бригаде знают про его экзамен? Он же никому не говорил.

Как обычно по дороге в школу он пообедал в трактире с соловьями. И уже подходя к Культурному Центру встретился с Тёмкой. А на ступеньках стоял и курил Андрей. И остальные... Да, все пришли. И все сегодня в светлых новых рубашках, хороших брюках и ботинках. К удивлению Эркина, некоторые были с цветами.

– Ага, – встретил его Андрей. – Вот и ладушки. Деньги есть?

– Сколько надо? – ответил вопросом Эркин. – И на что?

– Раньше не подумали, так теперь переплачивать будем, – Андрей вытащил из кармана горсть мелочи. – И как я забыл?!

– На что деньги-то? – повторил Эркин.

– На цветы. На экзамен с цветами положено.

– Понял, – кивнул Эркин и достал из бумажника пятирублёвку. – Давай, малец, по-быстрому. Держи.

Артём кивнул, взял деньги и убежал.

– Ты сколько дал? – Подошёл к ним Аржанов.

– Потом рассчитаем и скинемся, – отмахнулся Андрей.

Подошли и остальные из их класса. Трофимов, услышав о цветах, с досадой крикнул.

– И как я забыл?! Я ж учился!

– Не ты один! – зло усмехнулся Андрей.

Из других классов уже потянулись внутрь, а они стояли и ждали. Наконец подбежал Артём с большим букетом роз всех оттенков от снежно-белой до почти чёрной, как запёкшаяся кровь.

– Во!

– Ты во «Флору», что ли. бегал? – засмеялся кто-то.

А Андрей, оглядывая букет, строго спросил:

– Сколько доложил?

– Полтора рубля, – отдышался Артём. – Они по полтин-

нику.

– Ни хрена себе! – ахнул Кузнецов.

– Так, а нас сколько? – спокойно спросил Тим.

– Тринадцать, – ответил Эркин. – Как раз по полтиннику с каждого.

– Разберёмся, – кивнул Андрей. – И пошли. Ещё банку надо найти.

– Пойду у уборщиц попрошу, – сразу предложил Иванов.

– Давай, – кивнул Карпов.

Они как раз успели найти даже не банку, а небольшое ведёрко, но новенькое и блестящее, так что вполне за вазу сойдёт, и поставить букет на учительский стол, когда зазвенел звонок.

– По местам! – скомандовал Андрей.

Войдя в класс, Полина Степановна ахнула.

– Какая красота! Спасибо вам, большое спасибо, – и тут же стала серьёзной. – А теперь сели по одному.

Их тринадцать, а столов пятнадцать, так что расселись легко. Полина Степановна раздала им по двойному листку в линейку с бледно-фиолетовым штампом в левом верхнем углу.

– Отсчитали пять линеек сверху и на шестой пишем...

Эркин послушно склонился над листком. Он даже уже не волновался, холодное оцепенение всё плотнее окутывало его.

– ... и внизу сегодняшнюю дату. Да, на нижней линейке

посередине. Двадцать девятое цифрами июля и опять цифрами сто двадцать второго года.

Стукнула дверь. Эркин вздрогнул и поднял голову. Вошли Калерия Витальевна и... Громовой Камень?!

– Мы готовы, – улыбнулась вошедшим Полина Степановна.

Так это комиссия! – догадался Эркин. Об этом много толковали. Что экзамен – это не обычная контрольная там или диктант, там комиссия будет, три человека. Он посмотрел на Громового Камня, встретился с ним глазами, и Громовой Камень улыбнулся ему. Эркин ответил улыбкой, и ему вдруг стало легче. Он перевёл дыхание, аккуратно разгладил ладонью листок и приготовился писать.

– Заголовок. Ясный день.

Ну, всё. Поехали.

Полина Степановна диктовала очень чётко, не быстрее и не медленнее обычного. Громовой Камень понял это сразу. Он сидел и разглядывал склонённые над листками головы. На столе ведомость, ну-ка... Да, сплошь русские имена и фамилии, а сидят... бледнолицых четверо, три негра, пятеро непонятно смуглых, мулаты, наверное, или, как он слышал, трёхкровки. И один индеец. И только у индейца сохранено имя, остальные все сменили, видимо, переезжая границу. Почему? Ведь прошлое человека – это он сам. Да, его в армии называли Гришей, по-русски, как привычнее, да и вкратце, но его имя – Громовой Камень, так он записан во

всех документах, просто на русском языке в переводе. И те трое, что работают на заводе, встречался он с ними как-то в городе, поговорили, они же сохраняют имена, и даже одежду наперекор всем косым и удивлённым взглядам. А эти? Почему? Стыдятся своего прошлого? Но человек не виноват, не всегда виноват в своей судьбе.

Громовой Камень заставил себя оторваться от пишущих и посмотрел на Полину Степановну. Да, и она волнуется. За четыре месяца из неграмотных, не знающих русского языка, а многие говорят всё ещё с акцентом, перемешивают русские и английские слова, и таких подготовить к экзамену... а текст без подставок и послаблений, точно за начальную школу.

Взгляд Громового Камня не смущал, а даже как-то успокаивал Эркина. Да и втянулся он быстро. Текст сложный, но проще последнего диктанта. Все слова понятны.

Андрей писал быстро, но спокойно. На четвёрку-то он всегда напишет, но и проверять всегда надо. Пока всё спокойно: ни одного слова, где бы пришлось задуматься.

Прикусив изнутри губу, но привычно сохраняя неподвижное лицо, Тим старательно проверял каждое слово. Не расслабляться. Первый промах опасен, второй – смертелен.

Напряжённо сведя брови, Артём перечитывал текст. В этом слове он не уверен, но... так камушек или камышек? Как проверить? Камень? Совсем не то. Камыш? Ладно, как написал – так написал. Одна ошибка – это не двойка.

– Закончили? – Полина Степановна положила на стол лист с текстом диктанта и улыбнулась. – Сдавайте работы.

Напряжённая тишина сменилась вздохами, все заёрзали, расправляя затёкшие от напряжения тела, отклеивая прилипшие к спинам рубашки. Полина Степановна собрала работы.

– Результаты будут вывешены завтра.

Калерия Валерьевна и Громовой Камень встали. Посчитав это сигналом, встали и остальные.

– Не шумите в коридоре, – попросила Полина Степановна. – Идут экзамены. До свиданья.

– До свиданья... до свиданья, – вразнобой негромко попрощались ученики, выходя из класса.

В коридоре было тихо. Ну да, остальные пишут дольше, у тех средняя школа, там сложнее. И остановились покурить только на крыльце.

– Да-а, – выдохнул кто-то.

Его поддержали такими же неопределёнными вздохами. Немного поговорили, кто какое слово как написал. Тим, всё выслушав, удовлетворённо кивнул, Артём понурился, а Андрей довольно ухмыльнулся и вытащил сигареты.

– Так, мужики, давайте с деньгами решать. Считай, Эркин.

– Сразу и на два следующих скинемся, – предложил Эркин.

С ним согласились. И тут же решили, что покупать будет

Артём: ему во «Флоре» как своему дешевле продадут, зачем переплачивать там, где по закону можно сэкономить.

Решили, что по рублю с каждого. Тогда, значит, если Мороз и Тёмка не сдадут, и им что сверх вложили вернуть, тогда остаётся... Наконец разобрались, Артём спрятал деньги в нагрудный карман рубашки и застегнул пуговку.

– Замётано. Так розы брать?

– Сам смотри.

– Чтоб красиво было.

– Ну...

– До завтра.

– До завтрава.

– Бывайте.

И разошлись.

Как всегда, Эркин, Андрей и Тим шли вместе. Не по дружбе, а по соседству. Хотя... вражды у них тоже нет и быть не может: не из-за чего.

– Я боялся, сложнее будет.

– Нет, – Андрей лихим щелчком отправляет окурок в урну. – На экзамене сложнее обычного не дают. Незачем же.

– Смотря какой экзамен, – хмыкнул Тим.

Эркин кивнул. Оба вспомнили одно и то же: свою учёбу ещё там. Не разговаривая об этом, они оба понимали, что при всём различии их обоих... искалечили. Вот ведь как. Ни здоровья, ни силы не занимать, а... калеки.

Эркин потряхнул головой, отгоняя эти мысли, непрошенные

и ненужные. Искоса поглядел на Тима и понял, что тот думает о том же.

– Ладно. Теперь что, математика?

– Не проблема, – сразу отозвался Тим.

Андрей кивнул, но без особой уверенности. С математикой у него хорошо, конечно, но не так, как с русским или с историей.

Так рано из школы они ещё ни разу не возвращались. Со всем светло, и детей только-только стали звать по домам. Алиса подбежала к ним, с разбегу ткнувшись в Эркина.

– Э-эри-ик! Ты пришёл!

– Пришёл, – улыбнулся Эркин.

– Ага, – Алиса уцепилась за его руку и посмотрела на Тима. – Здравсьте, а Дим с Катькой домой пошли.

– Спасибо, – серьёзно кивнул ей Тим. – Ну, бывайте.

– Бывай, – ответил Эркин.

Андрей улыбнулся.

– До завтра, – и ловко дёрнул Алису за хвостик.

Алиса с визгом крутанулась, прячась за Эркина.

– Слушай, – Эркин посмотрел на Андрея, когда они уже вошли в свой подъезд. – А чего ты сказал, что до завтра? Сегодня вторник, а математику в четверг пишем. Это уже послезавтра.

– А-а, – Андрей хитро ухмыльнулся. – Завтра отметки вывесят, он же смотреть побежит. Спорим?

– И спорить нечего, – рассмеялся Эркин. – Мы же тоже

побежим.

– Ну вот, – Андрей так торжествовал, будто выиграл пари. – Там и встретимся.

– И я с вами, – заявила Алиса.

– Нет, – сразу ответил Эркин. – Мы туда сразу с работы пойдём.

– Ладно, – вздохнула Алиса и, подпрыгнув, шлёпнула ладошкой по кнопке звонка.

– Ну, молодцы, – встретила их Женя своим традиционным возгласом. – Ну как?

– Всё в порядке, Женя.

– Нормалёк.

– Ну и хорошо. Алиса, руки мыть.

– Я с Эриком.

Весёлая толкотня в ванной, и наконец расселись за столом. Женя хотела сначала накормить, отложив все расспросы на потом, но Андрей сразу начал рассказывать. Женя ахала и восхищалась, не забывая подливать и подкладывать.

– Спасибо, Женя, – Эркин улыбнулся. – Всё очень вкусно. Андрей, кончил трепаться?

– Я хоть в слове соврал? – спокойно поинтересовался Андрей.

Женя рассмеялась, а Эркин встал, собирая посуду.

– Женя, к чаю конфеты?

– Нет, – вскочила Женя. – Я печенья спекла.

Пока она доставала печенье, а Эркин возился с чайником,

Андрей скорчил Алисе рожу, та попыталась пихнуть его под столом, но Андрей поджал ноги, и она не дотянулась.

– Алиса, не балуйся, – строго сказала Женя, ставя на стол печенье.

– А меня Андрюха заводит, – возразила Алиса.

– А ты будь умнее, – ответил ей Эркин.

Алиса даже рот открыла, не зная, что сказать, а Андрей покрутил головой.

– Ну, братик, ну, спасибо.

– Кушай на здоровье, – рассмеялся Эркин.

Благодаря чаю и печенью наступило недолгое молчание.

И нарушил его Андрей.

– Так, за диктант печенье. А за математику что будет?

– А это как сдадим, – улыбнулся Эркин. – Правда, Женя?

– Ну конечно, – ответно улыбнулась Женя.

После ужина немного поиграли в комнате Алисы, и Женя погнала её спать.

– Ну, мам, ну, ещё немножечко. Я с Эриком...

– У Эркина экзамен был, он устал.

– А Андрюха...

– И у меня экзамен был, – смеялся Андрей.

– А раз ты устал, чего ты спать не идёшь?

– А я старше!

Женя прекратила дискуссию решительным:

– А-ли-са!

Алиса со вздохом поплелась в уборную. Эркин оглядел

разбросанные повсюду игрушки и стал складывать мозаику.

– Она сама уберёт, Эркин.

Он виновато посмотрел на Женю. Андрей бесшумно и как-то незаметно вышел из комнаты. Эркин закрыл коробку и поставил её на стол. Женя ждала, глядя на него. И он медленно, с натугой выговорил:

– Женя, я... у меня... Не было... этого.

Женя понимающе кивнула.

– Да, да, Эркин, ну конечно.

Вошла Алиса, уже в халате, и сразу запротестовала.

– Нет, Эрик, не так. Я их на ночь спать укладываю. Давай покажу.

Вместе они всё собрали и уложили. Алиса сняла халат, натянула пижамку и залезла в постель.

– Молодец, – похвалила её Женя и наклонилась поцеловать. – спи, маленькая.

– Ага, – сонно согласилась Алиса. – А теперь Эрик.

Эркин коснулся сжатыми губами её щёчки.

– Спи, маленькая.

Алиса удовлетворённо закрыла глаза. Женя обняла Эркина за плечи, и они так постояли над спящей Алисой.

На кухне уже всё было готово для «разговорной» чашки, и Андрей, сидя за накрытым столом, читал газету.

Как и говорил Андрей, в среду все пришли смотреть результаты.

Эркин протолкался к списку их класса. Нашёл себя и Андрея. Пять? И у Андрея пять! Здорово. А у Артёма? Четыре. А у Тима? Пять?! Ну-у... Он уже спокойно перечитал список их класса. Двоек нет, у двоих тройки. Ну, они бы ещё больше списывали. Живут вместе и вот устроились. Один делает русский, другой математику и списывают потом. Думают: всех перехитрили. А посадили по одному, и всё, спеклись. А пятёрки ещё у кого? Трофимов? Ну, так он и раньше учился. И... и всё? Всё. У остальных четвёрки.

Он выбрался из толпы и перевёл дыхание. А потом сразу столкнулся с Тимом.

– Видел?

– Ну да, – небрежно ответил Тим. – А ты?

– Так же, – с чуть заметной насмешкой ответил Эркин.

Они уже шли к выходу, когда их окликнули.

– Мужики, вы из «В»?

– Ну да, – обернулся Эркин.

Тим настороженно кивнул.

В принципе они их знали, эти двое из «А», остальные из «Б».

– Такое дело, мужики, – начал высокий рыжеволосый парень из «А». – Всё равно как выпускной у нас, отметить надо. Вы как? Присоединяетесь или свой делать будете?

– Выпускной – это что? – спокойно спросил Эркин.

– Ты что? – удивлённо посмотрел на него рыжий. – Совсем тёмный?

– С этим потом разберёмся, – по-прежнему спокойно ответил Эркин, поймав краем глаза кивок Тима. – А я про выпускной спрашиваю.

К ним подошли ещё из их класса и из других. И в общем разговоре выяснилось, что выпускной – это навроде вечеринки, а, чтобы не помешали, и чтоб от души... и чтоб чужие не примазывались... за город умотать... как на маёвке, что ль?... а что, дело... самовар там прихватить... это сколько самоваров надо?... а нас сколько... в складчину... само собой... бабы напекут... баб не надо... это кто как хочет... ты ещё пискуна своего прихвати... ага, пелёнки с подгузниками ему менять... ладно, не по делу заводитесь... учителей позвать... а как же, всех позовём... автобус тогда нужен... ну, голова!.. кто может, мужики?

– Я попробую, – сказал Тим и, видя, что все ждут объяснений, продолжил: – Я на автокомбинате работаю. Шофёром. Попробую договориться.

– Замётано, – кивнул рыжий. – Большой автобус проси, знаешь...

– Знаю, – усмехнулся Тим и твёрдо, исключая дальнейшие расспросы, повторил: – Попробую.

Решили, что в субботу, пока будут ждать бумаг об окончании, сказали же, что сразу и выдадут, вот тогда и договориться: кто, чего и как, и стали расходиться.

Тим ушёл в магазин, а Эркина уже у дома нагнал Андрей.
– Подождать не мог?

– А откуда я знал, когда ты будешь? – ответил Эркин вопросом и улыбнулся. – Про выпускной слышал?

– Шумели там. Тим, что ли, автобус ведёт?

– А кто ж ещё. Он же шофёр.

– Шофёр он классный, – кивнул Андрей.

Они поднялись по лестнице в уже наполненный голосами и хлопаньем дверей коридор.

Жени ещё не было. Алиса отправились гулять, а Эркин с Андреем стали готовить обед. Женя оставила им целую инструкцию, но сверяться с ней почти не пришлось.

– Выпускной – это хорошо, – Андрей критически оглядел кастрюлю с супом. – Не маловато будет?

– Всегда же хватало. Ты чего так мелко режешь?

– Чтоб прожарилась. Я с корочкой люблю.

– Как ты режешь, так одна корочка и будет.

Работали они дружно, и к приходу Жени всё было готово.

И уже за обедом рассказали об отметках и об идее выпускного.

– Конечно, идите, – Женя подлила Андрею супа. – Эркин, а тебе?

– Нет, спасибо, Женя.

– Хорошо. Алиса, не чавкай. Я что-нибудь спеку.

– Завтра решим, кто чего и как, – Андрей локтем отпихнул Эркина и встал, собирая посуду.

Алиса засмеялась и полезла из-за стола.

– Я тоже хочу.

– Дорости сначала до посуды, – осадил её Андрей.

А Женя утешила:

– Капусту достань.

– Ага-ага, – радостно закивала Алиса, ныряя в подоконный шкафчик.

Жареная картошка приятно хрустела на зубах.

– Во! – торжествовал Андрей. – Я же говорил. Картошка с корочкой должна быть.

После обеда Алиса опять убежала на улицу, заявив:

– А я до Эрика выпалась.

Но Женя особо и не спорила. Все дети теперь гуляли допоздна, ну, пока домой не загонят. Ночи совсем короткие, даже штор теперь в спальне не задёргивали, ложились и вставали на свету. Занятый учёбой, Эркин даже не соображал: нравится ему это или нет. И сегодня, наскоро убрав в кухне, они с Андреем сели за учебники.

– Ты уже весь задачник перерешал.

Эркин вздохнул.

– Примеры-то я решу, а вот задачу...

– Решишь, – махнул рукой Андрей. – Так что...

– А ты историю в который раз читаешь? – ехидно спросил Эркин.

– Мало ли что...

– И у меня... мало ли что, – упрямо ответил Эркин.

Их спор прекратила Женя, попросив сходить за Алисой. Поздно уже. Эркин сразу же отложил учебник и встал. По-

медлив с секунду, сел на диване Андрей.

– Давай-ка я с тобой, братик. Мозги проветрю.

– Правильно, – кивнула Женя. – Прогуляйтесь заодно.

– Слушаюсь, мэ, – молодецки гаркнул Андрей.

На улице было ещё совсем светло, из окон и с лоджий звали детей. Зина вела Катю за руку, выговаривая Диму.

– Это что ж, я за тобой бегать должна, вот скажу отцу...

Алиса, увидев Эркина и Андрея, сама подбежала к ним.

– Ну, нет, ну, ещё немножечко, – и тут же, сообразив, зачастила: – А я с вами, вот, погуляю.

– Ладно, – рассмеялся Андрей. – Давай, что ли, пройдемся.

– Ма-ам! – радостно завопила Алиса, задрав голову к стоящей на кухонной лоджии Жене. – Мама, мы погуляем ещё, да? Все вместе! Спускайся к нам!

Эркин и Андрей замахали ей, и Женя, смеясь, кивнула и крикнула:

– Я сейчас.

В самом деле, такая хорошая погода, отчего ж не прогуляться перед сном. Женя торопливо сбросила халатик, натянула купленное уже здесь платье с короткими рукавами-фонариками, быстро переобулась и, захлопнув дверь, побежала вниз, зажав в кулачке ключи.

Они все вместе прошлись вдоль оврага, дурачились, играли в салочки, и Алиса так набегалась, что обратно Эркин нёс её на руках, а она так и заснула, положив голову ему на

плечо. И хотя солнце уже ушло за горизонт, небо оставалось светло-синим, и было тихо особой, не слыханной ими раньше тишиной.

– Вот это? – шёпотом спросил Андрей. – Это и есть белые ночи?

Эркин осторожно, чтобы не потревожить Алису, пожал плечами, а Женя вздохнула.

– Наверное, Андрюша. Но как же хорошо.

– Да, – убеждённо сказал Эркин. – Лучше не бывает.

Экзамен по математике оказался совсем лёгким. Эркин даже не ожидал. Примеры он сразу отщёлкал, как нечего делать, а задачи – все три – были несложными, одна, правда, на четыре действия, но все слова в условии понятны, так что он сдал свой листок первым. Андрей даже головы не поднял, сосредоточенно пересчитывая задачу на черновике, но Тим бросил внимательный быстрый взгляд и снова уткнулся в свой листок.

Тим уже тоже всё решил, но ещё не переписал в чистовик. В голове вертелось одно, неожиданное и ненужное, но обдававшее липким противным страхом. Да, он понимает: рано или поздно это должно было случиться, но... но почему именно сегодня, именно с ним... Чёрт... ведь Мороз знает, кто он, трепанёт, просто так, даже не желая подставить, а тогда... тогда одно из двух. Или убьют его, или убьёт он. И сядет в тюрьму. Если его успеют арестовать. Этот чёртов по-

ганец пойдёт мстить, а с перегоревшим спальником уже куда тяжелее справиться, а за поганцем пойдёт малец, тоже ведь спальник, чёрт, тут такая цепочка потянется... Тим сердито тряхнул головой, перечитал черновик и стал переписывать. Но помимо воли перед глазами поверх рядов и столбиков цифр сегодняшнее...

...Он закончил машину, и тут оказалось, что нет нужного масла. Бывало такое и раньше, и подобной мелочёвкой всегда одалживались в соседнем цеху или бригаде, не связываясь с заявками и походами на склад к кладовщику. Вот он сам и пошёл в третий цех. И сразу увидел его, младшего Мороза, Андрея. Парень подметал двор. Он ещё подумал, что передерживают парня на метле, руки же на месте и голова варит. Андрей был, как все, без рубашки в голубой майке. И он сначала удивился, какой тот белокожий, потом разглядел шрамы и рубцы, будто после серьёзной ломки, хотя кто же и зачем будет ломать белого, а потом увидел синюю татуировку над левым запястьем и понял. И кто, и где, и зачем. Лагерник. Живой лагерник?! Откуда?! Как?! Их же всех... Да, он сумел удержать лицо, пройти мимо и даже кивнуть в ответ на весёлое: «Привет!». Но... но...

...Но что же ему делать? Теперь, и с этим, что?

Тим переписал и перечитал работу, вложил черновик и встал из-за стола.

– Вот и молодец, – улыбнулась ему Галина Сергеевна.

Одобрительно кивнул Мирон Трофимович, улыбнулся

Громовой Камень. Тим ответил им всем улыбкой и вышел.

Коридор был пуст и гулок. Тим достал сигареты, но курить не стал. Так, спокойно. Кем бы ни был лагерник, но его он не узнал. Хорошо, что жарко и он не носит свою кожанку, по ней могли и опознать. Надо же, какая парочка подобралась... братская. Спальник с лагерником. Поговорить, что ли, с Эркином, попросить, чтоб молчал. Хотя... не сказал раньше, так, может, и не скажет, может, и обойдётся.

Не спеша он вышел на залитое солнцем крыльцо и сразу увидел Эркина. Тот сидел на боковой каменной ограде и читал. По-прежнему неспешно Тим подошёл и, помедлив, сел рядом.

– Написал? – спросил, не отрываясь от книги, Эркин.

– Угу, – Тим вертел в пальцах незажжённую сигарету. – Несложные задачи.

– Да, бывало и хуже.

– Бывало, – согласился Тим. – Что читаешь?

– Историю.

Эркин всё же оторвался от книги и внимательно посмотрел на Тима.

– Слушай, ты... ты своего... – Тим перешёл на английский. – Вы с ним когда... встретились?

Эркин улыбнулся, но глаза у него стали настороженными.

– Прошлой весной, – ответил он тоже по-английски. – Ну, и что?

– После заварухи, значит, – Тим натужно улыбнулся, чув-

ствуя, что улыбка не получается. – Повезло вам.

– Ещё как, – кивнул Эркин. – Мы везучие.

– Да.

Тим не знал, как спросить. А если Эркин не знает, что Андрей – лагерник? Хотя... должен знать, но, если они встретились весной... не ходили же они до весны один в лагерьной робе, а другой в паласной форме, надо думать, первым делом одежду сменили. И если... если они оба не знают, то ему-то в это лезть совсем незачем. И он медлил. А Эркин, напряжённо щуря глаза, ждал.

Выручили их Андрей, Трофимов и Артём, шумно вывалившиеся на крыльцо.

– Уф, хорошо-то как!

– Свалили!

– А вы чего здесь всухую сидите? – Олег подмигнул. – Пивка бы ща, а?

– Успеем, – решил за всех Андрей. – Давайте выпускной обговорим.

Эркин встал и отдал учебник Андрею.

– Портфель у тебя? Убери. А чего решать?

– Тим, как с автобусом? – спросил Трофимов.

Тим заставил себя забыть о незаконченном разговоре и встал.

– Будет автобус. Большой на шестьдесят мест и с багажником.

– Это для самоваров? – подошёл к ним веснушчатый па-

рень и «Б». – А за рулём кто?

– Я и буду, – Тим улыбнулся вполне свободно. – Где собираемся и куда едем?

– Сейчас остальные подойдут, обговорим.

С шумом, уже не по одному, а толпами из дверей вываливались на крыльцо сдавшие. Споры, смех, незлая ругань на двух языках. В общем, всё решилось быстро, кроме одного: куда ехать? Все не местные, окрестности знают плохо. С этим решили погодить до субботы. Расспросят знакомых, приятелей и уже тогда... Место-то нужно и чтоб повеселиться от души, и чтоб не шуганул никто, и чтоб автобус проехал.

Разошлись шумно и весело. А что, всего один экзамен остался. Свалим и гульнём!

– Гульнём, чтоб не загорелось! – балагурил по-ковбойски Андрей.

– А чего ж нет? – поддержал его тоже по-английски Эркин. – Чтоб не хуже Бифпита было.

– Зачем хуже? – преувеличенно возмутился Андрей. – Чтоб лучше!

Тим, шагая рядом, молча слушал их шутливую перепалку. Знают или нет? Если нет... Его молчания они будто не замечали, но Тим понимал, что Эркина он уже насторожил, и когда братья останутся вдвоём... да, он против двоих. Он же не хотел, но лагерник – это совсем другое, спальник – ведь тот же раб, а лагерник – беляк, хоть и потерял расу, но всё равно... чужой. Но Эркин с ним на брата записался, так

что... как ни крути... может, зря он затеял это? Обошлось бы, как и раньше обходилось... нет, не зря. Не хочет он под дулом жить.

У подъезда они разошлись, как обычно, попрощавшись кивками.

С чего вдруг Тим завёл разговор об Андрее, Эркин не понял и сразу как-то забыл об этом: не до этого, ни до чего ему сейчас. Математику-то он свалил, а вот устные...

Как всегда, они рассказали Жене об экзамене, поужинали и хотели опять засесть за учебники, но Женя решительно запротестовала:

– Нет, вы устали, и вам всё равно сейчас ничего в голову не полезет, идите прогуляйтесь и спать.

– Ну, Женя... – начал Андрей.

– Я что, экзаменов не сдавала?! – перебила его Женя. – Побольше твоего! Так что, слушайся и не спорь.

– Слушаюсь, мэм, – склонился перед ней в шутливом полупоклоне Андрей. – Пошли, братик.

– И я с вами! – загорелась Алиса.

Но её не пустили.

– Нет, пусть и от тебя отдохнут. Ты лучше мне помоги.

Разумеется, спорить с Женей Эркин и не собирался. Да и в самом деле, отчего не пройтись, голову проветрить.

Выйдя из дома, они молча сразу повернули к оврагу и спустились к воде. Здесь было заметно темнее и сыро. Наклонившись над прозрачным и таким быстрым, что камушки

на дне казались шевелящимися, ручьём, они умылись, напились из пригоршней и, не поднимаясь наверх, пошли рядом с ручьём по оврагу.

– Ничего, братик, – наконец заговорил Андрей. – Выжили, так проживём.

– Да, – Эркин потрянул головой. – У тебя на работе как? Нормально?

– Полный порядок, – ухмыльнулся Андрей. – А что?

– Да, понимаешь, Тим, он же тоже там работает?

– Ну да. А что? – повторил Андрей уже иным тоном.

– Да он чего-то сегодня, после экзамена, ну, когда ждали, расспрашивать стал.

– О чём? – очень спокойно, даже с ленцой в голосе спросил Андрей.

– Да вот, когда мы встретились. Я сказал, что прошлой весной. А он уточняет, – Эркин стал смешивать русские и английские слова, – до или после заварухи. Ты что, сцепился с ним из-за чего?

– Да нет, – пожал плечами Андрей. – Не из-за чего нам сцепляться. А и сцепимся, так невеликая он птица, накостыляю.

– Не хабрись, – ответил Эркин на шауни и продолжил уже только на английском. – Он телохранителем был, и оружие с собой привёз. Не знаю уж как, но через границу протащил.

– Откуда знаешь? – глаза Андрея холодно блеснули в су-

мерках.

– Про оружие? – Эркин усмехнулся. – Дим ребятне хватал, а Алиска всё дома и выложила. Да и в лагере... трудно что скрыть. Он и не скрывал, так и ходил в своей куртке. Как у того, в Мышеловке, помнишь?

– Помню, – кивнул Андрей и вдруг остановился, будто налетев на невидимую преграду. – Ах ты, чёрт, дьявольщина, – он зло и одновременно как-то беспомощно выругался по-лагерному.

– Ты что? Андрей? – Эркин взял его за плечо и повторил: – Ты что?

– Я ж... я ж в майке сегодня работал, ну, как все, а он как раз мимо шёл, я, дурак, пень хреновый, ещё поздоровался с ним. Увидел, значит, ах ты... – Андрей захлебнулся лагерной руганью.

Эркин сжал его плечо, слегка встряхнул.

– Мы вместе, Андрей, ну...

Андре вздохом перевёл дыхание.

– Да, брат, – и так же положил руку на плечо Эркина. – Да, значит, так... – и замолчал, будто поперхнувшись.

Постояв так, они пошли дальше по-прежнему вдоль ручья.

– Садиться неохота, – негромко сказал Андрей. – Не смогу я опять за решётку. И пацана его сиротить не хочется, – Андрей заговорил по-русски.

– Думаешь... и так замолчит?

– Не знаю, Эркин. Ты с ним в лагере был, говоришь. Как он там?

– Нормально, – пожал плечами Эркин. – Не подличал. Но там и нужды в том не было.

– В том-то и дело. А так? Я ж вспомнил всё, Эркин. Меня в лагере никто не опознал, я ж и врачей проходил, и в бане мылся, и никто, понимаешь, никто... а он сразу, глаз набит, они ж... их привозили, и они... хуже охранюг были. Я тогда, ну, в Мышеловке, не вспомнил, не хотел я тогда помнить, вот и не опознал, а то бы тот не ушёл. А сейчас... я же всё, понимаешь, всё помню.

– Они что? – глухо спросил Эркин. – И на вас тренировались?

– Чего? – потрясённо переспросил Андрей. – Ты... ты что, Эркин?

– Да вот, – Эркин перешёл на английский. – Их на нас тренировали, на перегоревших и просроченных. Он сам мне об этом сказал.

– Та-ак, – кивнул Андрей. – А вот теперь всё понятно, – и по-английски: – Сошлась колода. Ну, что будем делать, брат?

– Про меня он молчал, – твёрдо ответил Эркин.

Андрей хмыкнул в ответ. И шёл теперь молча, явно что-то обдумывая. Эркин так же молча шёл рядом.

– Ладно, – наконец тряхнул головой Андрей. – Ладно, на-шёл.

– Что? – заинтересованно спросил Эркин.

Убивать Тима ему очень не хотелось, и, если Андрей нашёл другой выход, то будет здорово.

– Попробую. Его по-сухому заткнуть, ну, без мокроты.

– Понял, – кивнул Эркин. – А как?

– Сделаю, расскажу, – и улыбнулся. – Не бойсь, всё будет аккуратненько. Давай домой, что ли?

– Давай, – согласился Эркин.

Они поднялись по уже пологому склону наверх и пошли обратно. Здесь было заметно светлее, да и луна подсвечивала. «Беженский корабль», белый в лунном свете с тёмными окнами – все уже спят – наплывал на них.

– Жене... – они уже подходили к своему подъезду. – Жене не надо знать об этом, ладно?

– Да, – с удивившей Андрея лёгкостью, даже готовностью согласился Эркин.

Он поймал удивлённый взгляд Андрея, но промолчал. Конечно, Жене об этом знать незачем. Как о питомниках, о Мышеловке, о его встрече с Полди в Атланте. И зря Андрей удивляется: это соврать Жене он не может, а промолчать... Да и не спросит его Женя ни о чём таком.

Когда они вошли в дом, Женя сразу разлила чай на вечернюю «разговорную» чашку. Но пили молча, даже Андрей не шутил и не балагурил.

– Идите спать, – решительно сказала Женя, собирая посуду. – Завтра будет новый день.

Эркин кивнул и тяжело встал из-за стола. Он в самом де-

ле очень устал. Кажется, он ещё сказал Андрею: «Спокойной ночи», – а может, это было уже во сне, но ответных слов Андрея он не услышал.

В пятницу Андрей работал, уже зорко поглядывая по сторонам, готовый, как он считал, к любому повороту событий. Но всё шло как обычно. И работал он опять в майке. Как все. Кое-кто вообще щеголял без рубашки, ну, а вот без этого он обойдётся, нечего шрамы выставлять и на вопросы напрашиваться – это раз, и был бы накачан как Эркин – это два, и... и ва-аще.

Внимания на него никто особо не обращал, Тим не появлялся, ни во взглядах, ни в разговорах ничего необычного. Пока, значит, враг затаился. Ну, так и мы не будем спешить. Поспешишь – наследишь.

Но думать о Тиме как о враге не хотелось. Уж слишком классным мастером тот был, и во всём остальном... правильный мужик. А что палачом лагерным был... нет, не хочет он, ну, никак это не вяжется. Если б тот, что Крысу оберегал, вот того жаль, что не придавил вместе с хозяином его, тот – настоящий палач был, сразу видно, а этот... ладно, если будет молчать, то пусть живёт, а откроет пасть... нет, нельзя, чтоб открыл. Бей до чужого замаха, тогда выживешь.

После работы Андрей пошёл в Центр. Не так посмотреть отметки, как встретиться с Эркином, с остальными и... и главное – чтобы было, как всегда, как обычно. Чтоб никто

ничего и никоим образом...

Пятёрка по математике его не удивила и почему-то не обрадовала. Ну, пять – так пять. Нет, внешне он был, как все: шутил, хвастался, сочувствовал... но это всё так... для всех. Он играет и сам со стороны следит за своей игрой.

Но, когда его тронул за плечо Эркин, вся игра кончилась.

– Ну как?

– Всё в порядке. Себя видел?

Эркин кивнул, внимательно глядя на него.

– Тогда пошли, – тряхнул шевелюрой Андрей.

И уже на улице тихо сказал:

– Пока, видно, молчит. Подождём, пока трепыхнётся.

– Подождём, – после секундного раздумья согласился Эркин.

А дома всё было как обычно уже без игры.

Готовили обед к приходу Жени, обедали, учили природоведение и историю, проверяя друг друга, и снова учили, потом ужинали, и Женя погнала их пройтись перед сном.

Летний тёплый вечер, белый серп на светло-синем небе, соловьиное взхлёб пение в роще за оврагом. Сегодня они не стали спускаться вниз, пошли поверху.

– Как будет, так и будет, – наконец сказал Эркин.

– Не бойсь, сдадим, – улыбнулся Андрей. – Не сложнее прочего.

– Угу. Но и не легче.

– Знаешь, – Андрей искоса с мягкой улыбкой смотрел на

него. – Я такое как-то слышал. Чтоб большего горя у тебя не было.

Эркин помолчал, явно обдумывая услышанное, и наконец рассмеялся. Андрей довольно ухмыльнулся. А то не хватало ещё, чтобы и Эркин из-за него психовал.

Эркин вдруг огляделся по сторонам и остановился.

– Ты чего? – удивился Андрей.

– Давай, – Эркин улыбнулся. – Пошуткуем, пока глаз чужих нету.

– А не сломаешь меня? – спросил Андрей, расстёгивая манжеты.

– Не бойсь, – ответил ему его же любимым присловьем Эркин.

«Шутковать» – не всерьёз драться они начали ещё на выпасе, готовясь к схватке с резервацией. Потом стало не до этого. И вот снова... раз за разом Андрей бросался на Эркина и летел на землю.

– Так!

– И этак! – смеялся Эркин, отбивая выпад Андрея.

– А если так? – Андрей выхватил нож.

И снова оказался на земле, но уже без ножа. Тот воткнулся в землю так далеко, что в одном перекате не достать.

Эркин подошёл, протянул Андрею руку и, когда тот взялся за неё, одним рывком поднял и поставил на ноги.

– Силён, братик, – Андрей хлопнул Эркина по плечу и отошёл подобрать нож.

Эркин рассмеялся.

– Ты тоже, вижу, не слабачок. Помнишь.

– Ещё б забыть, – ухмыльнулся Андрей, пряча нож.

Солнце уже зашло, но настоящей темноты не было, небо оставалось синим. Они повернулись и пошли к дому.

– А на севере белая ночь по-настоящему белая, – вдруг сказал Андрей. – Читать можно.

– Ага, помню. «Пишу, читаю без лампы». Он же там жил. В Поморье.

– Точно, брат. В главном городе. Как его? – лукаво улыбнулся Андрей.

– Петрополь, он же Петроград. Так?

– Ага, а третье название?

– Пальмира. Хватит меня гонять, Андрей.

– А я, может, себя гоняю, – рассмеялся Андрей. – Знаешь, я вот о чём думал. Давай съездим туда. Посмотрим.

– Давай, – легко согласился Эркин. – А когда?

– А как гражданство получим. Пока, я думаю особо трепыхаться не стоит. А получим... – Андрей мечтательно прищелкнул. – Всю Россию объездим, посмотрим.

– Да, – кивнул Эркин. – Знаешь, я, когда ещё в тот лагерь, региональный, ехал, то думал. Вот, смотри, я ж в Алабаме всю жизнь прожил, а не знаю ничего. Джексонвилл, да Бифпит, да перегон. И всё.

– Точно, – сразу понял его Андрей. – Я о том же думал, когда к границе ехал. И решил. Уж Россию-то я объезжу.

– Ты и в шофёры для этого хочешь?

– И поэтому. Дальнобойщиком, представляешь? На дальние перевозки.

– Слышал. Что ж, – Эркин открыл дверь их подъезда. – дело хорошее.

– Не то слово, братик. И зарплата за триста, и страну посмотреть, и...

– И квалификация нужна.

– Будет, – уверенно ответил Андрей.

О Тиме они не говорили, но помнили.

На экзамен Эркин пошёл в джинсах. Праздничные брюки у него шерстяные, всё-таки жарко в них. И в кроссовках. Только рубашку надел белую. А верхнюю пуговицу расстегнул, чтобы обойтись без галстука.

– Ну вот, – Женя оглядела его и поцеловала в щёку. – Очень хорошо. Не волнуйся, ты всё знаешь. Андрюша... – она так же оглядела и поцеловала Андрея. – Отлично. Удачи, ребята, ни пуха вам, ни пера.

– Ни пуха ни пера, – повторила за ней Алиса и потребовала: – И меня к чёрту!

– С искренним удовольствием! – Андрей ловко дёрнул её за косичку и вышел.

Эркин вздохнул, поцеловал Женю.

– Эрик, – заволновалась Алиса. – К чёрту, а то удачи не будет.

– К чёрту, – он заставил себя улыбнуться.

На прощание Женя ещё раз поцеловала его.

Когда за ним закрылась дверь, Алиса спросила:

– Мам, а почему вот на мой экзамен они пришли, и Эрик, и Андрюха, а мы на их не идём? Это же несправедливо.

– У тебя был не экзамен, а утренник, концерт, – объяснила Женя.

– А завтра? Тоже не пойдём?

– Тоже, – кивнула Женя. – Пойдёшь гулять или будешь мне помогать?

Алиса задумалась, и Женя рассмеялась.

– Решай быстренько и за дело.

Ещё вчера решили, что Женя напечёт пирожков. Разных. И чтобы резать не пришлось. И чтобы они и холодными были вкусными. Андрей бы ставил ещё условий, но Эркин уже вполне открыто дал ему тычка и сказал:

– Женя, как получится.

– Хорошо получится, – твёрдо ответила она.

Не может же она теперь подвести Эркина. Так что... за работу!

...До Культурного центра Эркин и Андрей шли молча, сосредоточенно не глядя по сторонам. Иногда Андрей беззвучно шевелил губами, что-то повторяя про себя. Где-то на полдороге нагнал Тим и так же молча пошёл рядом, но в метре от них.

На этот раз в коридоре было шумно. Все три класса сда-

вали устно. «А» – литературу, «Б» – физику, а «В» – историю и природоведение.

Артём принёс такой букет, что все ахнули.

– Эт-то как? – наконец потрясённо выдохнул Трофимов.

– С ума сошёл, малец?

– Такие деньги ухлопал!

– Ладно, сколько доложил?

– Сейчас скинемся.

– Нисколько, – гордо ответил Артём. – Главное – это подобрать правильно, а плата-то поштучно.

– Здоровско! – согласился Андрей.

Кивнул и молча слушавший весь этот гомон Тим.

И вот прошли в классы сквозь строй сразу замолчавших учеников учителя с папками в руках, ещё несколько томительных минут, пока там, за плотно закрытыми дверями раскладывают билеты и другие нужные бумаги, и наконец:

– Первые пять, заходите.

Они медлили, нерешительно переглядываясь, многие заметно побледнели и попятились.

– Айда, Эркин, – потрянул кудрями Андрей. – Слабаков пережить, так до вечера проваландаемся.

За Эркином, как приклеенный, сжав побледневшие губы, шагнул Артём, тут же его опередил, поравнявшись с Андреем, Тим. Пятым пошёл Трофимов.

Взяли билеты и расселись уже привычно по одному. Эркин перевёл дыхание и перечитал билет, уже понимая. «Кли-

матические пояса» А, вспомнил, это он знает. А второй? «Исторические этапы формирования территории России». Это...? А, вон по той карте. Ладно.

Громовой Камень оглядывал склонённые головы. Пока что его, все трое, идут на одни пятёрки, но устный экзамен – это уже совсем другое. И формулировки в билетах уже на уровне средней школы. А экзамен-то за начальную. Он покопился на сидящих рядом учительниц. А они тоже волнуются.

Андрей отложил ручку, перечитал написанное и поднял голову.

– Я готов.

– Пожалуйста, – в один голос ответили Калерия Витальевна и Агнесса Семёновна.

Андрей встал и подошёл к их столу. Свой листок он свернул в трубку и, говоря, постукивал этой трубкой по своей ладони. И ни разу в него не заглянул. Когда он заговорил, подняли головы и остальные. Отвечал Андрей уверенно, но не слишком громко.

– Всё, спасибо, – улыбнулась Агнесса Семёновна. Можешь идти. Пригласи следующего.

– Вам спасибо, – ответно улыбнулся Андрей. – До свидания.

У двери он оглянулся и встретился глазами с Эркином, еле заметно подмигнул ему и вышел. Эркин решительно встал.

– Я готов.

– Пожалуйста, – кивнула ему Агнесса Семёновна.

– Минутку, – Калерия Витальевна улыбнулась входящему в класс Аржанову. – Пожалуйста, проходи, бери билет.

Когда Аржанов взял билет и сел на место Андрея, Эркин заговорил. Главное – не спешить. И не сбиться на английский. А то они с Андреем последнее время много по-английски говорили. На втором-то вопросе ничего, он там и не знает, как об этом сказать по-английски, а в первом... там и сорваться недолго. Наверное, поэтому он говорил чуть медленнее обычного, делая паузы. Но обе учительницы одобрительно кивали почти на каждую его фразу.

– Хорошо, достаточно.

– Второй вопрос, пожалуйста.

Эркин перевёл дыхание и перешёл к другой карте. Области, столицы... надписи крупные, даже если не знаешь, можно прочитать. Границы чёткие...

– Всё.

– Спасибо, достаточно.

Дополнительные вопросы?

– До свидания, приглашай следующего.

– Спасибо, до свидания, – улыбнулся им Эркин.

Улыбнулся своей «настоящей» улыбкой, не думая об этом. Увидел их ответные улыбки и вышел.

За дверью он сразу натолкнулся на Андрея.

– Порядок! – Андрей обнял его и даже слегка встряхнул. – Здоровско отвечал. Мы тут слышали.

Эркин тряхнул головой, словно просыпаясь.

– Я что, так орал? Следующему сказали.

Михаил Иванов, побледнев до молочной голубизны, перекрестился и открыл дверь.

– Пошли, покурим, – предложил Андрей.

Эркин кивнул.

Они вышли на крыльцо, где уже стояли и сидели ожидавшие своей очереди и сдавшие.

– Вы как?

– Порядок. Сдали, – ответил Андрей, доставая сигареты.

Обычно Эркин не курил, но сейчас взял у Андрея сигарету.

– Ну, это мы свалили, – сказал Андрей, когда они уселись на каменной ограде. – Теперь до сентября каникулы.

– Да, – кивнул Эркин. – Ты здоровско отвечал. Точно на пятёрку.

– Сколько дадут, столько и возьму, – хохотнул Андрей. – Ага, вон и... выкатился. Как скажи, приклеился.

На крыльцо вышел Тим. Небрежно огляделся, вертя в пальцах незажжённую сигарету.

– Ну как? – окликнул его кто-то.

– Нормально.

– Автобус будет?

– На все сто. Куда ехать решили?

– Сейчас ещё подвалят, обговорим.

– Учителей всех пригласили?

– А то!

Так, в общем разговоре, Тим не спеша, будто сам по себе, подошёл к Эркину и Андрею. Они так же не спеша встали.

– Тебе чего по истории досталось? – небрежно, как из простого любопытства, спросил Андрей.

– Древняя Русь, – так же небрежно ответил Тим.

– Хороший вопрос, – кивнул Андрей. – А то вытащил бы про войну.

– Там дат... до ужаса, – заметил стоявший рядом бело-брысый парень из «А».

– Эх вы, – вмешался немолодой, самый старший из них, мужчина из «Б». – Война разве история? Она вон, рядышком, кого ни возьми, у всех болит.

Они стояли в толпе, и разговор сразу стал общим. Пошли перечисления потерь, воспоминания о погибших и пропавших без вести родственниках и друзьях.

– Пропал без вести и всё. А что там? Как там?

– А если в плен?

– Тогда кранты.

– Пленных всех постреляли, гады.

Сказал это не Андрей, кто-то другой, но Андрей, твёрдо глядя в глаза Тиму, подхватил:

– Да, их ведь в лагеря отправляли.

– Да уж, – опять пожилой. – Наслышались мы. Страшные дела там творились. Потому империя эта, – он замысловато выругался, – и постреляла их. Чтоб свидетелей не осталось.

Эркин уже понял замысел Андрея и открыл было рот, но говорить ему не пришлось.

– У Мирона Трофимовича, – сказал кто-то, – два сына было. Оба на фронте, одного убило, а другой как раз в плен и попал.

– В начале войны пленных много было. Никто не уцелел.

Эркин много раз слышал подобные разговоры и рассказы ещё в лагере, да и здесь не раз, но сейчас слушал их совсем по-другому. Каждое слово, каждая фраза били по Тиму, и Тим это понимал.

– Поймать бы кого из тех, – мечтательно сказал Трофимов.

– Что над пленными куражились?

– Точно, – кивнул Андрей. – Им ведь мало было убить, им, гадам, покуражиться надо было, помучить.

Тим слушал всё это молча. Он не смог даже вставить заготовленное: «Ты-то откуда это знаешь?». Все знали, все, оказывается, про лагерь слышали, что там насмерть замучивали, что в последние дни всех постреляли, поголовно.

Андрей по-прежнему смотрел на него в упор. Держался Тим как надо, бровь не дрогнула, что да – то да, но... понял? И, убедившись, что понял, что фраза: «Скажешь про меня, скажу про тебя», – уже не нужна, Андрей мягко исподволь увёл разговор на завтрашнее. Как с местом-то решили?

Эркин перевёл дыхание.

Постепенно на крыльце собрались все, и общий разговор

стал деловым. Обговорили маршрут. Тим спокойно достал карту и по ней разметил, кого, где и во сколько он подхватывает. Кто чего приносит, решили ещё раньше. К учителям решили приехать на дом. К каждому.

– Я им так и сказал, – кивнул веснушчатый, что и заварил всю кашу.

– Надеюсь, ты был вежлив, – рассеянно сказал по-английски Тим, складывая карту.

– Чего? – не понял веснушчатый.

Тим досадливо тряхнул головой.

– Ничего, – ответил он уже по-русски. – Так просто.

Он сам не понимал, как это у него вырвалось. И тут неожиданно пришёл ему на помощь Андрей.

– Правильно, надо ещё раз подойти пригласить и сказать, во сколько за каждым заедем.

Эркин кивнул и оглянулся на Артёма.

– Пошли.

– Точно, – кивнул Андрей. – Идите. От «А» кто с вами? Ты? Пойдёт. А от «Б»?

– А ты здесь подожди, – легко надавил ему на плечо Эркин.

– Верно, – согласились остальные. – А то ещё заржёшь не вовремя, знаем мы тебя.

– Так они всё равно сейчас заняты, – остановил их пожилой. – Вот когда выйдут, тогда уж...

– Тоже дело...

– Ну да...

Ещё раз обговорили, кто чего приносит, поспорили: не мало ли спиртного.

– При учителях надрызгаться хочешь?

– Срамота!

– Бутылка на брата – нормально.

– Для учительниц вина надо. Сладенького.

– Бабского-то?

– Ну да.

– Пойдёт. А Трофимычу коньяку. Директор всё-таки.

– Скидываемся?

– Мы купим.

– И я с вами.

– Выдюжите?

– Не бойсь! Закуси-то хватит?

– Не напиться, так обожраться?

– Ладно, мужики, чего мы...

– Как бабы.

– Да уж.

– Сейчас пивка бы...

– Потерпишь.

– Сказали, бумаги в четыре выдадут.

– А сейчас сколько?

Андрей подтолкнул плечом Эркина, и они выбрались из толпы.

– Во! – показал ему Эркин оттопыренный большой па-

лец. – Классно сделал.

– Думаешь, понял? – самодовольно ухмыльнулся Андрей. – Слушай, а чего ты Тёмку позвал учителей приглашать? Он что...? – и поперхнулся концом фразы, потому что Эркин быстро и сильно наступил ему на ногу, тут же отпустил и улыбнулся.

– Мог и сказать, – пробурчал Андрей.

– А зачем? – так же тихо ответил Эркин.

Справки вручали по классам. В их классе это были даже не справки, а аттестаты за начальную школу. И после, налюбовавшись полученными тёмно-зелёными книжечками, заполненными строчками, печатями и подписями, Эркин и Артём дождались в коридоре остальных, и все вместе пошли в учительскую. Ещё раз пригласили всех учителей, сказали, во сколько приедут за ними.

– И ничего не надо, – улыбался Роман из «А». – У нас всё есть.

– Пикник в лесу? С удовольствием, – рассмеялась Джинни.

Никто не отказался. И, когда делегация ушла, Мирон Трофимович оглядел коллег и улыбнулся.

– Надо же как придумали. Ну-ка, коллеги, признавайтесь. Чья работа?

– Полная самодеятельность, Мироша, – ответила Полина Степановна. – Я бы до леса в жизни не додумалась.

– Это после того, как ты в трёх берёзках заблудилась, а потом прямо на ёжика села? – спросил Аристарх Владимирович.

– Ты бы, Арик, ещё школу вспомнил! – совсем по-девчачьи фыркнула Полина Степановна. – И лягушек в портфеле.

– Помню-помню, – кивнул Мирон Трофимович. – Визгу было много. И твой выбор в пользу филфака стал окончательным и бесповоротным.

– Да, хватит вам. Кое-что я на завтра спеку.

Полина Степановна оглядела остальных, и все закивали. Конечно, их пригласили, но и им надо кое-что вложить. Договорились, кто чего сможет и успеет. Чтобы и к чаю, и к водке. Спиртного не надо, этим и без них запасутся. А вот...

– Я принесу мяса, – улыбнулся Громовой Камень. – Попробуете мяса с живого огня.

– Это... по-индейски? – спросила Джинни.

– Да, – кивнул Громовой Камень.

Он уже думал об этом, как только услышал приглашение. И решил, что пойдёт в племенном. Хотя бы потому, что мокасины и леггинсы в лесу удобнее ботинок и брюк. И прямо из Культурного Центра пошёл на рынок.

Он успел купить мяса и необходимых трав, а дома договорился с Ефимовной о тазике для выдержки. Живой интерес, с каким Ефимовна наблюдала за его кулинарными упражнениями: нарезкой мяса и трав, обваливания мяса в травах

и укладкой в определённом порядке – даже несколько польстил. Ну что ж, возможно это станет его маленьким вкладом в... региональную культуру – вспомнил он подходящий термин. И назовём его... так и назовём индейским маринадом.

К «Беженскому Кораблю» автобус подъехал уже наполненным. Эркин, Андрей и Джинни ждали его на улице. Джинни в джинсах, кроссовках и джинсовой курточке с корзинкой в руках.

– Доброе утро, – радостно поздоровалась она с Эркином и Андреем.

– Доброе утро, – потрянул кудрями Андрей и перешёл на английский. – И даже столь сияющее утро померкло перед вашей красотой...

– Спасибо, – рассмеялась Джинни. – И долго вы это учили?

– Как вас увидел, так сразу и вспомнил, – Андрей склонился в полупоклоне и продолжил: – И солнце, озаряя небо-склон, померкло перед вашими очами.

Эркин, улыбаясь, шурился на утреннее, ещё не жаркое солнце. Эту игру – говорить обрывками стихов, добавляя или заменяя при необходимости слова – Андрей вёл часто.

– Признайтесь, Андрей, – Джинни перешла на русский. – Вы сами это сочиняете.

– Не всё, но кое-что, – скромно признался Андрей.

Эркин шутливо дал ему подзатыльник и улыбнулся Джинни.

– Доброе утро, – и протянул руку. – Давайте, помогу.

– Спасибо, она нетяжёлая.

На площадку перед домом вплывал, сразу разворачиваясь на выезд, большой автобус.

Тим дал короткий гудок, открыл дверь и вышел из кабины.

– Доброе утро. В багажник есть что?

И, не дожидаясь их ответа, открыл багажник, плотно забитый ящиками, корзинами, самоварами, ещё чем-то...

– Однако! – озадаченно пробормотал Андрей.

Но Тим ухитрился втиснуть туда их корзинки и с хлопком опустил дверцу.

– Прошу в машину, – улыбнулся он Джинни.

На Эркина и Андрея он не то, чтобы избегал смотреть, не такой уж он дурак, чтобы нарываться, но как-то это само получалось.

– А вот и мы! – Андрей подсадил Джинни и влетел в автобус, получив лёгкий пинок пониже спины от Эркина.

Их встретили общий смех и шутки. Все вместе, учителя и ученики, все в чём попроще: в лес ведь едут. Эркин даже не сразу узнавал учителей и был окончательно потрясён, увидев Громового Камня в кожаной рубашке, как у Маленького Филина.

– Ну, теперь все, – весело сказал Мирон Трофимович. –

Поехали!

– Есть, сэр! – так же весело гаркнул по-английски Тим, трогая с места.

Вчера он весь вечер напряжённо думал, пытаюсь решить. Что же ему делать? И уже ночью, лёжа рядом с Зиной, окончательно понял. Вариант только один: молчать. И жить дальше так, будто ничего не было, будто не видел он этого синего на белой коже номера, а если видел, то не понял. Как-то же этот парень прошёл через врачебные осмотры. И сказано было понятно. Будет молчать он, будут молчать и про него. Что ж, раз нет другого выхода... нет, любой другой вариант – это смерть. Или сначала арест, а потом смерть. А дети? Зина? Ему захотелось курить. Он осторожно встал с кровати – Зина теперь спала у стены, он настоял на этом, чтобы не беспокоить её. Встал аккуратно, ничего не задев, но Зина сонно спросила:

– Ты что, Тимочка?

– Покурить пойду, ты спи, – ответил он ей, нашаривая на стуле свои штаны.

Натянул их на голое тело и пошёл на кухню. Обычно он курил на кухонной лоджии. Вот там и решил. Надо поговорить. Один на один. Если бы ещё знать, за что именно парень угодил в лагерь. Вор, насильник, убийца? Таких всех можно купить, цена, конечно, разная. Но если парень из тех, кто шёл по статье «враг Империи», а для пленного он слишком молод, то... то такого не купишь. Они потому и шли в

лагеря, если выживали на допросах. Надо говорить. И если что... там же, в лесу...

Тим тряхнул головой. Вон они, только чуть поверни голову и видны оба в зеркале над лобовым стеклом. Смеются, шутят. Как все. И если б сам не видел номера, в жизни не заподозрил бы, не подумал, во сне бы не привиделось.

Джинни оказалась рядом с Полиной Степановной, а Андрей и Эркин сзади, между Артёмом и загорелым голубоглазым парнем – звали его вроде Родионом, вспомнил Эркин – из «А». Общий шумный и весёлый разговор, шутки, подначки... Андрей включился с ходу, охотно заводясь сам и заводя других, а Эркин сидел молча. Нет, он тоже отвечал на шутки, смеялся... но всё это шло как-то помимо него. Со вчерашнего вечера, когда они пришли домой, показали Жене и Алисе аттестаты, изобразили в лицах экзамены и вручение, восхитились пирожками... всё было хорошо, но вот сам он был каким-то не таким. Будто это всё не с ним, а с кем-то другим, а он только смотрит на это. Как... как в кино. И, когда уже легли спать, он осторожно сказал, сам не зная, что будет дальше.

– Женя, я...

Она не дала ему договорить, обняв и поцеловав в щёку.

– Всё хорошо, милый, ты молодец.

– Я... я как забыл про всё, – нашёл он нужные слова. –

Про тебя, про Алису.

– Ну, всё понятно, у тебя же экзамены были. А теперь на-

чинаются каникулы, – она снова его поцеловала. – Всё хорошо, спи, милый.

Он послушно закрыл глаза и заснул, прижавшись щекой к её волосам...

Автобус шёл плавно, за окнами зелёные луга, желтеющие поля, деревья вдоль дороги и на холмах, и Эркин, глядя в окно, как-то забыл обо всём, ехал бы так и ехал, с бездумным интересом глаза по сторонам.

Заднее сиденье было выше остальных, и Андрей хорошо видел лобовое стекло и бегущую навстречу дорогу. И он уже понимал, что вести тяжёлый автобус по такой дороге очень даже не просто, а чтоб ещё такая плавность была... до чего же классный мастер! Может... может, он и там... – и тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Не хочет он сейчас ни вспоминать, ни думать о лагере.

Тим вёл автобус, изредка поглядывая на привычно лежащую на колене карту. Маршрут он прошёл по бумаге несколько раз, но опробовать его ещё и на машине не успел. Как бы не засесть на лесных разворотах, машина тяжёлая, длинная, с большой инерцией... Но эти сомнения и волнения были сейчас уже не важны: кипевшее за его спиной веселье захлёстывало его, и он, не отрываясь от руля, подпевал песням и смеялся шуткам, не выделяя из общего шума голоса лагерника.

Автобус свернул в лес, и толчки стали ощутимее. По сте-

нам и окнам скребли ветки. Аристарх Владимирович перебрался на переднее сиденье.

– От кривой берёзы слева вторая развилка направо.

– Понял, – Тим напряжённо вглядывался в лес, решая, какую из берёз считать кривой.

– Есть дорога и короче, – сказала Агнесса Семёновна. – Но...

– Автобус там не пройдёт, – кивнула Полина Степановна.

Тим старался изо всех сил, но автобус мотало и подбрасывало всё сильнее. Правда, это только добавляло веселья пассажирам.

– Бутылки не побьются? – заволновался кто-то.

– Главное, чтоб пироги уцелели! – тут же ответил Андрей.

– Эй, гармошку держи!

– Ах ты-и-и...

– Крепко трянуло.

– Как на mine.

– Сравнил!

– Что б там от тебя осталось?

– Не, я вот в бомбёжку вот так же...

– Зубы береги!

– А ты язык!

Наконец автобус остановился.

– Что, приехали?

– Да, – Тим выключил мотор и встал. – выгружаемся, – и открыл дверь.

С шумом и смехом повалили наружу.

Место было выбрано удачно. На поляне, окружённой густым лесом и полого спускавшейся к быстрой прозрачной речушке. Залитые солнцем кроны и густая тень между стволами, пение птиц и журчание воды, высокая, чуть ли не пояс трава и плотные подушки мха и опавшей листвы...

Джинни вдохнула пропитанный запахами травы и листьев воздух и на мгновение словно захлебнулась им. Но тут же очнулась и кинулась хлопотать, разбирать привезённые продукты и... и надо же костёр...

Костром распорядился Громовой Камень. Выбрал место, послал за камнями к речке – судя по шуму, там дно должно быть каменистыми – и аккуратно своим ножом снял круг дёрна вместе с травой.

– А это в тень и полейте как следует, чтобы трава не завяла.

– Зачем, кутойс? – изумился Эркин, бережно принимая на руки тяжёлый сырой круг.

– Чтобы не оставлять кострища, – объяснил Громовой Камень.

– Надо же! – Андрей покрутил головой. – Сколько раз костёр разводили, никогда такого не делали.

– Значит, не партизанил, – хмыкнул Аристарх Владимирович.

– Откуда? – искренне вздохнул Андрей.

– Так, камни сюда, – Громовой Камень выкладывал бор-

тик по краю будущего кострища.

– Вот, – подошёл Эркин с охапкой сушняка. – Подойдёт?

– Да, правильно.

– Так нарубить же можно, – предложил Артём.

– Сушняк горит лучше, – объяснил Эркин. – Только его много нужно. Айда, малец.

– Айда, – охотно согласился Артём.

Никто вроде особо не распоряжался и не командовал, но обживалась поляна быстро. В наветренной стороне от костра расстелили плёнку, на ней скатерти и стали выкладывать посуду, запыхтели два больших самовара, озабоченно пересчитывались бутылки.

– А заваривать в чём?

– Вона, стоят.

– Цельная батарея!

– А нас-то сколько.

– Лапника бы набрать, чтоб на земле не сидеть.

– Зачем лапник? Лесины поищи.

– Ну да, окорим малость и сойдёт.

Последнюю фразу Эркин не понял и потому остался на поляне.

Тим аккуратно развернул автобус на выезд, чтобы потом не тратить на это время – с ненагруженным-то намного проще управляться – и раскрыл мотор. И охладить, и посмотреть. Заметно припекало, он снял свою кожаную куртку и бросил её на сиденье – назло кому-то вышел сегодня в ней, а

вот и не назло, а потому, что сегодня в работе, вот и пошёл в рабочей форме – и закатал рукава у рубашки. Он уже почти нырнул в горячий, устало пофыркивающий мотор, когда почувствовал взгляд. Не злой, но очень внимательный. Повернул голову и увидел в шаге от себя младшего Мороза, Андрея, лагерника. А кастет – чёрт, как же забыл о нём – остался в куртке, не переложил, дурак, хорошо, хоть нож при себе.

– Классно водишь, – сказал Андрей. – Где выучился?

Тон его был безмятежен, так, простое любопытство, не больше, а похвала звучала вполне искренне. Тим медленно выпрямился, оглядел Андрея.

– Выучили, – поправил он, переходя на английский. – Раб не выбирает.

– Знаю, – серьёзно кивнул Андрей. – Я тоже себе не выбирал.

– За что сел? – открыто спросил Тим.

Губы Андрея дрогнули в злой улыбке.

– Посадили за что? А за отца. Он в Соппротивлении... был.

Тим почувствовал, как холодная волна поползла к сердцу. Вот оно, то, чего он и боялся.

– Мать с сестрёнками на допросах... погибли. А я, – и снова злая улыбка, – как видишь.

– Вижу, – глухо, через силу ответил Тим. – Ты... знаешь?

– Кто ты такой есть? Сообразил, не дурак. Зря ты к Эркину полез. Я бы не чухнулся, кабы не ты.

Тим досадливо поморщился. Он уже и сам думал об этом.

Что поторопился, зря всполошил их.

– Ладно. Что было, то было, – с неожиданным для Тима миролюбием сказал Андрей. – А вот дальше что будет?

– Я про... твоего брата молчу, – твёрдо ответил Тим и усмехнулся. – И про мальчика тоже. И про тебя.

– Ну, и мы молчим, – кивнул Андрей. – Ну что?

– Все своего хлебнули, и мало никому не было.

Они вздрогнули и обернулись. Занятые разговором, оба не заметили, когда подошёл и встал рядом Эркин.

– Ты... – растерянно спросил Андрей. – Ты когда подошёл?

– А что? Это важно? – Эркин оглядел их блестящими глазами. – Ну, Тим, решай.

Тим насмешливо скривил губы.

– А не много меня на вас двоих будет?

– Не задирайся, – остановил его Эркин и требовательно спросил: – Есть вам что делить?

Андрей пожал плечами.

– Я его не помню. Из-под нар смотрел. А они все были... как отштампованы.

Эркин перевёл взгляд на Тима.

– А ты?

– Я их не рассматривал, – буркнул Тим.

Андрей насмешливо сощурил глаза, но промолчал.

– Тогда всё, – по-прежнему требовательно сказал Эркин. – И хватит, – и по-русски: – Что было, то быльём поросло, так?

– Так, – решительно кивнул Тим.

– Пусть будет так, – помедлив, сказал Андрей.

– Ну, – Эркин протянул руку и, когда Андрей и Тим положили на его ладонь свои, ловко переплёл их пальцы между собой и со своими, и через секунду распустил рукопожатие. – Всё. Андрей, ты здесь? Я к костру.

– Не бойсь, – ухмыльнулся Андрей. – Не потеряюсь.

– Я пригляжу, – серьёзно пообещал Эркин, уходя к костру.

Они остались вдвоём. И после недолгого молчания Андрей повторил фразу, с которой начинал разговор.

– А водишь ты классно, – и предложил: – Помочь?

Тим медленно кивнул и ответил по-русски:

– А ты что-то умеешь?

Сидя у костра, Эркин изредка посматривал в сторону автобуса. Вроде, там всё было мирно. Он взял свежесрезанный гибкий прут, повертел.

– Зачем так, кутойс?

– Чтобы остался живым, – ответил на шауни Громовой Камень, нанизывая на свой прут кусочки мяса и продолжил по-русски: – И ставь наклонно, чтобы на них не огонь, а жар шёл, понимаешь?

– Да, кутойс, – ответил на шауни Эркин.

Артём удивлённо посмотрел на него и, когда Громовой Камень встал поправить огонь с другой стороны, присел рядом на корточки и спросил камерным шёпотом по-англий-

ски:

– Ты что, по-индейски знаешь? А говорил, что питомнич-
ный.

– Учусь, – так же тихо ответил Эркин.

Артём задумчиво кивнул, глядя на его работу и перешёл
на русский.

– Так ты хочешь стать индейцем или русским?

Эркин вскинул на него глаза и ответил вопросом:

– А ты?

– Я русский, – с невольным вызовом ответил Артём. –
Православный, вот!

– Угу, – Эркин кивнул и вернулся к работе. – Ну и будь им.

– А ты?

– А я, – Эркин озорно улыбнулся. – я уж останусь нехри-
стем, – и громко: – Давай за сушняком, малец.

– Больше не надо, – остановил его Громовой Камень. – Да,
правильно, вот здесь его ставь. Всё.

– Всё? – переспросил подошедший к ним Андрей. – Это
что ж, по пруту на каждого?

– Не плачь, я поделюсь, – ответил Эркин.

Грохнул дружный хохот.

– Ну, братик, ну... – Андрей покрутил головой. – Ладно,
пойду накрывать помогу.

– Там и без тебя тесно, – рассмеялся Эркин.

Весёлая толкотня и суета захватили Джинни. Она давно
скинула и куда-то забросила свою курточку, оставшись в ков-

бойке с закатанными выше локтей рукавами. Её кексики так всем понравились. Конечно, основную работу сделала мама, она только помогала, но всё равно, очень приятно.

– Потом напишешь мне рецепт, хорошо? – улыбнулась Калерия Витальевна.

– Да! – засмеялась Джинни. – Да, конечно.

Засмеялась от удовольствия, от того, что всё так хорошо, что в небе стоят ярко-белые, круглые, как из взбитых сливок, облака, что поют птицы, а от костра тянет запахом поджаривающегося мяса, а от самоваров приятным дымом. Она подошла к костру. Как странно: костёр без дыма. Джинни повторила это вслух.

– Огонь есть, а дыма нет?

Громовой Камень встал, ещё раз оглядел своё хозяйство.

– А нам и нужен только огонь, – ответил он по-русски. – Невысокий, но жаркий. Это же не сигнальный костёр.

Два последних слова он произнёс на шауни, и Андрей сразу переспросил:

– Что, кутойс?

– Сигнальный костёр, – перевёл тот сам себя на русский. – Сигналят дымом и тогда костёр делают по-другому.

Эркин беззвучно шевельнул губами, повторяя новое слово.

– Пахнет как вкусно, – подошла к костру Полина Степановна, единственная из женщин не в брюках, а в длинной сборчатой юбке. – Ты его никак вымочил, Гриша?

Громовой Камень улыбнулся.

– Немного. Всех трав я не достал, так...

– А не пережарятся?

– Сырое мясо тяжёлое, сгибает прут, а готовое легче, прут сам уберёт его от огня, – объяснил Громовой Камень. – Когда удачная охота, целых оленей так жарят.

– Это ж какие прутья нужны? – удивился белобрысый Никита из «Б».

Громовой Камень рассмеялся.

– Деревья молодые перевязывают сверху и на них подвешивают. Дерево само всё сделает.

– И живым останется, – кивнула Полина Степановна, откровенно любуясь Громовым Камнем.

Смотрела на него во все глаза и Джинни. Она впервые видела... настоящего индейца. В учительской и тогда, на вечеринке он был как все, ну, почти как все, а здесь...

И под этими взглядами Громовой Камень убедился, что поступил правильно, поехав в племенном. Здесь это уместно и даже...

– К столу, давайте, к столу!

– О, это дело!

– Эркин, – Андрей дёрнул брата за рубашку. – Айда к реке.

– Айда, – потряхнул головой Эркин.

Они сбежали к реке, вымыли руки и умылись холодной обжигающе чистой водой. Некоторые, в том числе Тим и

Громовой Камень, последовали за ними.

– Кутойс...

– Да, – Громовой Камень повернулся к Эркину.

– Этот узор, – Эркин, не касаясь, показал на полосу тесьмы, нашитой поперёк кожаной рубашки. – Он что-то означает?

– Да, – кивнул Громовой Камень и улыбнулся. – Потом расскажу. Уг?

– Уг, – ответно улыбнулся Эркин.

Он пропустил Громового Камня вперёд и пошёл следом, чтобы если что, подхватить и поддержать, но тот шёл неуклюже, подволакивая ногу, но уверенно.

У скатертей рассаживались с шумным весельем. И так получилось, что расселись по классам. Эркин и Андрей сели рядом, и почти сразу рядом с Эркином остановился и нерешительно затоптался Артём. Он уже жалел, что сорвался. Ссориться с Эркином ему совсем не хотелось. Ведь как ни крути, а другой защиты у него нет и не будет.

– Садись, малец, – кивнул Эркин.

И Артём перевёл дыхание: кажется, обошлось.

Неизбежная, знакомая по беженским новосельям процедура разлива.

– Эркин, – Андрей показывает ему бутылку. – Водку будешь?

– Давай, – кивнул Эркин, подставляя стакан.

Артёму, не спрашивая, налили вина. Протестовать тот не

посмел, да и не любил он водку, вино хоть сладкое.

Тим сам налил себе минералки.

– Я за рулём, – сказал он соседям.

Ему дружно посочувствовали. Машина – не лошадь, сама не довезёт, её вести надо. А на милицию нарваться, так прощай права – это все знали.

Мирон Трофимович оглядел застолье и поднял свой стакан с коньяком. Все почтительно затихли.

– За вас, – он широким жестом обвёл застолье, как бы чокаясь с каждым. – За ваше упорство и терпение, за вашу победу над собой.

– Спасибо, – нестройно, но очень искренне ответили ему.

Все выпили и дружно накнулись на еду. Эркин как обычно ограничился одним глотком, но Андрей выпил до дна.

– Не захмелеешь? – тихо спросил Эркин.

– Меня редко берёт, – отмахнулся Андрей, впиваясь зубами в бутерброд с толстым куском сала.

– Ну, как знаешь.

Эркин на секунду задумался: какой огурец – свежий или солёный – предпочтительнее, и взял оба.

Колбаса, рыба, огурцы, грибы, капуста, картофельные пирожки с грибами...

– Это загорыши, – объяснила Полина Степановна. – У нас их спокон веку стряпают.

– Вкуснота! – причмокнул Андрей.

С ним дружно и громко согласились. Решив, что первую

достаточно плотно закусили, Андрей снова взялся за бутылку. Глядя куда-то в сторону и безмятежно жуя, Эркин ткнул его локтем под руку, и наполнить стакан доверху Андрею не удалось. Он удивлённо посмотрел на Эркина и кивнул.

– Понял.

– Строго ты брата держишь, – хмыкнул сидевший напротив Трофимов.

– На то он и старший, – ответил Андрей, передавая ему бутылку с остатком водки.

Оглядев застолье и убедившись, что у всех налито, Андрей легко встал.

– А теперь главный тост, – звонко, перекрыв гомон и заставив всех смотреть на себя, начал он. – За учителей.

Продолжить он не смог: таким дружным одобрительным рёвом его поддержали. Все повскакали с мест, тянулись через скатерти, чтобы чокнуться. Андрей махнул рукой и присоединился к остальным.

После толкотни и суеты с чоканьем, все выпили и закусили. Эркин с удовольствием отметил про себя, что Женины пирожки с луком и яйцами всем понравились. Хотя и всё остальное тоже очень вкусно.

Дав всем немного отдохнуть после второй, Громовой Камень встал.

– Мясо готово, – и озорно улыбнулся. – Пошли к костру.

– Кутойс, – сразу откликнулся Андрей, – стаканы с собой?

– С собой, – рассмеялся Громовой Камень.

Подойдя к костру, увидели, что прутья почти выпрямились, а костёр уже подёрнулся серым пеплом, лишь чуть-чуть подсвеченным изнутри красным. Громовой Камень, готовя мясо, нарезал его маленькими кусками: ведь и ножи не у всех будут, а «по-индейски» есть тоже надо уметь, – и теперь опасался, что мясо пересохло. Но всем понравилось. Да и что могло не понравиться в лесу, среди запахов травы и листьев.

– Гриша, – Джинни смущённо тронула Громового Камня за рукав. – А почему тебя называют... кутойс? – с запинкой выговорила она.

– Кутойс – это учитель, – ответил Громовой Камень. – Вон те трое...

– Морозы и Чернов?

– Да. Они ходят ко мне на занятия.

Джинни кивнула.

– Они и у меня отлично учатся.

К их беседе не прислушивались, но незамеченной она не осталась.

– Смотри-ка, училка индея охмуряет.

– А тебе-то что?

– Сам виды имеешь?

– Куда нам. С суконным-то рылом да в калачный ряд.

– Тогда помалкивай.

Мясо всем понравилось. Учительницы наперебой спрашивали Громового Камня, в чём и как замачивал и нельзя ли так на сковородке или костёр обязателен.

Опустошённые прутья аккуратно сложили, чтобы потом – если захочется – развести снова костёр уже просто так посидеть, и не спеша вернулись к скатертям. Последовал неизбежный, как давно убедился Эркин, тост за победу и воевавших, вернувшихся и не вернувшихся. На этом тосте Эркин допил свой стакан и, уже зная обычаи, поставил его перед собой вверх дном в знак, чтоб ему не наливали. Артём, пивший, как и он, глотками, тоже перевернул свой стакан.

– Вы чего это? – удивился Никонов.

Его круглое чёрное лицо мокро блестело от пота.

– Нам хватит, – спокойно ответил Эркин.

Да и остальные уже отваливалась от еды, сыто отдуваясь.

– Отдохнуть надо.

– Да уж, пройтись, растрястись.

– А то чай с пирогами не влезет.

– У меня-то?!

– Ну, ты бездонный, все знают.

– Эй, мужики, гармошки где?

– Споём, братцы.

– Моя в чехле была, куда положили?

Эркину все песни уже знакомы: не первый день он в Загорье, и застолье у него не первое. Пел с удовольствием, но не пытаясь взять песню на себя.

А как попели, так отчего ж не поплясать, надо же размяться. И начался тот весёлый разброд, когда каждый веселит себя сам и никто никому не мешает.

Поглазев на пляшущих, Эркин почувствовал, что и самому было бы совсем не плохо, скажем, потянуться. А вон и дерево подходящее. Эркин подошёл к широкому развесистому дереву, выглядел подходящий сук, сбросил на траву рубашку и, подпрыгнув, обхватил ладонями шершавую кору, подтянулся. И ещё раз...

– Здоровско! – Артём, как всегда, рядом. – А двоих выдержит?

– А хоть и больше, – засмеялся в ответ Эркин.

– Думаешь? – Тим, тоже без рубашки, с необидной лёгкостью отодвинул Артёма и ухватился за сук рядом с Эркином. – А ну-ка...

– Спорим! – услышал Эркин голос Андрея и усмехнулся.

– Ну, началось. Давай?

– В синхрон, – кивнул Тим. – Ну, одновременно.

– Понял, – ответил Эркин, ухватываясь поудобнее. – И раз!

– И два! – откликнулись из быстро собравшейся у дуба толпы.

Считали хором, заключали пари. Спорили на сигареты, щелбаны, деньги. Учителя с удивлением и даже некоторым испугом смотрели на это неистовство. Особенно азартно спорили цветные из «В». Громовой Камень знал, что Эркин работает грузчиком, так что слабаком быть не может, но никак не ожидал увидеть такое. Да, Тим не слабее, но у Эркина... Совсем другое. Джинни, совсем забыв, что она – учи-

тельница, а это – её ученики, с не меньшим, чем у них, азартом заключала пари. И никто не замечал, что все споры и пари заключались на английском.

– Пятьдесят семь... пятьдесят восемь... пятьдесят девять...

Сохраняя невозмутимое выражение лиц, Эркин и Тим как заведённые качались над землёй.

Уже расплачивались первые проигравшие, кто ставил на первый, второй, третий десятки... Громовой Камень уже хмурился, не понимая и не желая принимать этот азарт, встретился глазами с Мироном Трофимовичем и решил вмешаться: всё же оба его ученики. А поглядев на исступлённо застывшие лица Эркина и Тима, понял: вмешиваться надо немедленно.

– Девяносто семь... девяносто восемь...

– Стоп! – резко, как выстрел, прозвучала команда.

Тим и Эркин послушно замерли, но пальцев не разжали. Все оглянулись на Громового Камня. И он с властной интонацией командира сказал:

– Ничья! – и уже мягче, с улыбкой: – Оба победили.

– Ну... до ста, кутойс, – в наступившей тишине попросил Андрей.

– До ста, – после секундной паузы согласился Громовой Камень.

– Девяносто девять... – возобновился счёт. – Сто!

Тим и Эркин одновременно разжали пальцы и спрыгнули.

Звонкий голос Андрея подвёл итог:

– Ладно, ничья так ничья.

Эркина и Тима восхищённо шлёпали по плечам и спинам: ну, мужики, ну, сильны...

Приняв поздравления, Эркин спустился к речке охладить в воде намятые корой ладони. Плеснул себе в лицо и на плечи прохладной воды. Рядом так же умывался Тим.

– Не пей, сердце сорвёшь.

Эркин услышал камерный шёпот и ответил так же тихо по-английски.

– Знаю.

Они выпрямились, глядя друг на друга. И оба подумали: связал нас чёрт одной верёвочкой. И оба поняли несказанное.

Когда они поднялись наверх, там опять играла гармошка и плясали уже с припевками. Эркин подобрал под дубом свою рубашку, накинул на плечи, но надевать в рукава и тем более застёгивать не стал. Жарко. Он нашёл свой стакан, взял его и отправился на вдоль скатертей, отыскивая что-нибудь не спиртное. И опять столкнулся с Тимом, занятым такими же поисками.

– Минералку будешь?

– Плесни, – подставил свой стакан Эркин. – А ты ничего, в форме.

– Ты, смотрю, тоже. Где тренируешься?

– Нигде, – удивился Эркин. – Сам дома тянусь понемно-

гу, – и усмехнулся. – Ну, и на работе. А ты что, специально куда ходишь?

Тим нехотя кивнул.

– Да, хожу иногда.

Эркин понимающе кивнул и расспрашивать не стал. Не хочет говорить – так и не надо. Тим облегчённо перевёл дыхание. Никто его не обязывал молчать, но он сам решил, что знать о его походах в милицейские тир и спортзал никому лишнему не надо.

Эркин пил маленькими глотками приятно солоноватую пузырящуюся воду. Ни усталым, ни пьяным он себя не чувствовал. Допив воду, поставил свой стакан на место опять вверх дном, чтоб никто ему ничего туда не плеснул, и пошёл к пляшущим. Как бы Андрей не зарвался, а то выдаст ещё при учителях как тогда в коридоре...

Думал просто постоять посмотреть, а не вытерпел, вошёл в круг. Вон как малец выкаблучивается, а он чем хуже? И учителя все тоже...

Громовой Камень с улыбкой смотрел на пляшущих. Эх, кабы не нога... Голова как-то последнее время не мучает и даже не беспокоит, ни головокружений, ни обмороков, а вот нога... ну, до чего ж старший Мороз ловок. Эркин, да, настоящий. Самое красивое, самое гордое племя. Не бежали, не покорились, все полегли на родной земле. Только в легенде и остались. И этот мальчишка, да, Савельцев, Артём Савельцев, и тоже ведь метис, или на четверть, но нашей он

крови, жалко, что на занятия не ходит, но до чего ж хорош...

Не выдержал, вошёл в круг и Тим. Да и чего отказываться, когда все. Ну, и будь как все. Не ломай компанию – не привлекай внимания. И усмехнулся получившейся рифме.

Полина Степановна, обмахиваясь платком, вышла из круга.

– Никак переплясали тебя, Поля? – улыбнулся ей Аристарх Владимирович.

– Да и ты на кругу не сильнее всех, – ответила она задорным «девчоночьим» голосом и, рассмеявшись, кивнула подбежавшей к ним Джинни. – Иди пляши, девонька, теперь твоё время.

Джинни вернулась к пляшущим, но в круг входить не стала. Посмотрев немного, она незаметно отошла и углубилась в лес.

Здесь было сразу и прохладно от густой тени, и душно от запахов. Настоящий русский лес, о котором она столько читала ещё в колледже. Джинни шла, рассеянно трогая, глядя стволы, а за её спиной глухо шумело, всё более удаляясь и затихая, веселье. Поваленные ветром стволы с осыпающейся трухлявой корой, внезапно возникающие перед лицом толстые и одновременно гибкие ветви в густой плотной листве. Она отводила их, с удовольствием слушая свист, с которым рассекала воздух возвращавшаяся на своё место ветка, перелезала через стволы, совершенно не думая, куда и зачем идёт. Ей ещё никогда не было так весело и так хорошо. И вы-

пила она совсем немного, гораздо меньше, чем на той вечеринке в колледже, когда она была действительно пьяной. Лес всё гуще, человеческих голосов уже не слышно, а ей весело и не страшно. Да, она в любой момент повернётся и пойдёт обратно, а зверей диких тут нет, а если и есть, то днём они не опасны.

Впереди громоздился целый заслон из упавших деревьев. Джинни попробовала его обойти и... и оказалась в сырой и тёмной яме, даже не успев понять, как это получилось. И сильно ударившись головой о корень вывороченного дерева. И испугаться она не успела, потеряв сознание...

Отдуваясь, Андрей вышел из круга, шлёпнув по плечу Артёма.

– Здоровско пляшешь, малец.

– Ага, – выдохнул Артём.

Что Эркин – и чего до сих пор имя не поменял, за индейство своё цепляется? – называет этого беляка своим братом, Артём знал и потому не опасался.

– Андрюха, выпьем, – окликнул Трофимов.

– Не всё сразу, – улыбнулся Андрей.

Поискал взглядом Эркина – пляшет ещё. Ну, и пусть. А пить сейчас – это сердце сорвать. Огурец, что ли, схрумкать? Ага, а вон и помидоры лежат, скучают. Он взял огурец и помидор и, понемногу откусывая то от одного, то от другого, вернулся к пляшущим.

Но гармонисту тоже захотелось отдохнуть, да и плясуны, наконец, утомились.

Эркин вытер рукавом лоб, отобрал у Андрея остаток огурца и засунул себе рот.

– Смотри, лопнешь.

– До чего братик у меня заботливый! – восхитился Андрей, торопливо доедая помидор.

Кто пошёл ещё поесть, кто спустился к воде умыться...

– Ну, чего там? С самоварами?

– Пыхтят.

– Заваривать?

– Успеешь. Выпивка ещё есть?

– Н-ну!

– Не все, как ты, без оглядки хлещут.

– Запас иметь – великое дело.

– Это да. Без тылового обеспечения никакой фронт не держится.

– Знаток!

Возвращались уходившие в лес, подсаживались к скатертям. Веселье стало ровным и спокойным.

Проходя по краю поляны, Громовой Камень заметил брошенную на куст курточку из синей плотной ткани, отстроченную по всем швам белыми нитками. Кажется... да, Джинни была в ней, да, точно, её. Спрятать и разыграть? А сама-то она где? Он огляделся, но не увидел её у скатертей. Наверное, тоже пошла в лес... прогуляться. Вот и отлично.

Он снял курточку с ветки и аккуратно зачихнул под куст. Вот так. Сразу не заметно, так что... Прятать девчоночью одежду, особенно на купанье – любимое развлечение стойбищных мальчишек. Конечно, это ребячество, детская глупость, но... но почему бы и не созорничать? В такой-то день!

Громовой Камень ещё раз огляделся, проверяя, не заметил ли кто его хулиганства, и захромал к скатертям. Самое время перекусить.

Очнувшись, Джинни никак сначала не могла понять: где она и как здесь оказалась. Болела голова. И нога. И вокруг сумрачно и сыро. И очень противно пахнет гнилью. Джинни зашарила руками по склизким не осыпающимся, а оползающим стенкам, попыталась встать, но ногу прострелила острая боль, и голова сразу закружилась. Ойкнув, она села обратно, прямо в густую грязь. Надо посидеть, успокоиться и... и что-то придумать.

Пили уже без общих тостов, вразной, маленькими компаниями, а то и сами по себе.

– Гриша, коньяку выпьешь?

Громовой Камень с улыбкой покачал головой.

– Спасибо, Мирон Трофимович, но я уж водки, – и пояснил: – Я с ней с фронта знаком, её пить умею.

Понимающие кивки и улыбки.

– Тёмка, тебе налить?

– Хватит мальчика спаивать.

– За собой смотри.

– Да ладно вам.

Выпив и зажевав водку парой загорышей и горбушкой с салом, Громовой Камень снова огляделся. Где же Джинни? За чем бы она в лес ни уходила, пора бы уже вернуться. Остальные учительницы... все здесь. Странно.

– Ищешь кого, кутойс?

Громовой Камень поглядел на присевшего рядом на корточки Эркина и кивнул.

– Ты... Джинни давно видел?

– Ну, когда мы тянулись, она со всеми была, – Эркин сосредоточенно хмурился. – А потом... потом, вроде бы, в лес пошла. А что? Думаешь, что-то случилось?

Помедлив, Громовой Камень кивнул.

– Леса она совсем не знает, – сказал он по-русски и продолжил как про себя на шауни: – Чужая она лесу, не примет он её.

Громовой Камень решительно оттолкнулся рукой от земли и встал.

– Пошли, посмотрим, – опять по-русски. И совсем тихо: – Не шуми пока.

– Понял, кутойс.

Они отошли от скатертей, и Громовой Камень повёл Эркина вдоль края поляны, внимательно оглядывая траву и кусты. Эркин шёл за ним, стараясь не мешать. Сам он ничего

в следах не смыслил и отлично понимал это. Вроде никто на них внимания не обратил.

Нога болела уже меньше, и Джинни снова попыталась встать. Надо за что-нибудь ухватиться, подтянуться и вылезти. Как глупо. Чтоб тебе провалиться! И ты проваливаешься. В какую-то берлогу. А... а если это и в самом деле берлога?! И сейчас явится её хозяин – медведь?! И... Джинни невольно всхлипнула. Может, покричать, позвать на помощь? Но... но она же так далеко ушла, что никого не слышала, значит, и её не услышат. И... и вдруг уже все уехали, а она так и останется здесь, в этой яме, наедине с медведем? Она снова всхлипнула и тихо заплакала.

Они уже углубились в лес, когда их нагнал Андрей.

– Вы это куда?

Эркин не успел ответить. Громовой Камень недовольно оглянулся, и Андрей, покраснев, сам пришлёпнул себе губы ладонью.

Громовой Камень шёл впереди, очень медленно, вглядываясь в кажущуюся одинаковой поросль. И только когда он сделал следующий шаг, Эркин и Андрей замечали обломанную ветку, примятую траву, отпечаток подошвы кроссовки на полужасохшей лужице. След был извилистый, с неожиданными поворотами, но ясный.

Когда начался ветровал, Громовой Камень пробурчал что-

то неразборчивое, проигнорировав вопросительные взгляды Эркина и Андрея, и полез через стволы. Догадавшись, что учитель выругался и потому не стал переводить, Андрей широко ухмыльнулся и про себя повторил услышанное: надо запомнить, вдруг пригодится, такие знания лишними не бывают.

Перелезая через очередной ствол, Громовой Камень ушиб раненую ногу и еле сдержался. Ну...! Ну, куда эту дурёху понесло? Ни ягод, ни ещё чего-то, что любят искать и собирать девушки, здесь и быть не может. Мощный какой ветровал. А ч-чёрт!

Он бы упал, если бы Эркин не подхватил его сзади. Громко хрустнул под Андреем тонкий высохший ствол.

– Что она здесь искала? – тихо спросил по-русски Эркин.

– Найдём и спросим, – так же тихо ответил Громовой Камень и, не оглядываясь, бросил Андрею на шауни: – Не шуми.

– Уг, – камерным шёпотом ответил Андрей.

Громовой Камень застыл, прислушиваясь. Эркин и Андрей даже дышать перестали, чтобы не помешать ему. Сами они слышали только птичий гомон, не различая в нём отдельных голосов.

Джинни услышала тяжёлый хруст и замерла. Медведь? Идёт сюда? Уже?! Мама, мамочка, не надо! Она попробовала крикнуть, но только слабо, по-мышинному, пискнула.

Громовой Камень вытянул руку, указывая направление.

– Там, – и качнулся, едва удержав равновесие на скользком стволе.

– Я пройду, кутойс, – сразу сказал Эркин, взмахом руки остановив Андрея.

Он тоже услышал этот вскрик и увидел, уже сам увидел следы. Она шла здесь, поскользнулась и упала, значит, там яма. Его тот ствол не выдержит, надо обойти.

Запрокинув голову, Джинни с ужасом смотрела, как подрагивают нависающие над её убежищем концы стволов. Идёт, он идёт...

Эркин осторожно попробовал носком кроссовки ствол. Трухлявый, не выдержит. А вон тот? Да, крепкий. А яма? Ага, вон, как раз под ним и...

– Я её вижу, – бросил он назад на шауни и громко позвал по-английски: – Хей, мисс Джинни!

– Оу! Это вы? Да, вы нашли меня?!

Сзади радостно заржал Андрей.

– Да, сейчас.

Эркин осторожно опустился на колени и лёг так, чтобы опираться на ствол грудью, опустил вниз руки.

– Хватайтесь, мисс Джинни, – он по-прежнему говорил по-английски.

И когда она потянулась к нему снизу, схватил её за запястья и потянул вверх, на себя: сама же она подтянуться не сможет.

Жёсткие бугристые ладони сдавили её руки. Она видит лицо, смуглое, улыбающееся, знакомое. Это Мороз, её ученик, сосед по дому, муж Джен, но... но это уже было! Её уже так вытягивали, беспомощную, перепуганную, властно поднимали, это было! Когда? Где? Почему ей сейчас так страшно?! Её же спасают.

Поднимая Джинни, Эркин боялся, что ствол, хоть и казался крепким, но не выдержит двойного веса, обломится. Но спешить тоже нельзя, надо плавно, без рывков. Потом ему казалось, что это длилось очень долго, а Андрей говорил, что он раз дёрнул – и всё! «Ты ж её как репку из грядки выковырял!»

Прижимая Джинни к себе, Эркин плавно, чтобы резким движением не обрушить подгнившую кучу, выпрямился и попятился по стволу от ямы. Она молчала, глядя на него круглыми испуганными глазами.

Когда они уже вчетвером выбрались из ветровала, Громовой Камень покачал головой.

– Как же это вас угораздило, Джинни?

– Я шла и упала. И ударилась. Очень больно.

Джинни говорила очень медленно, будто по обязанности. Будто думала о чём-то другом, из-за чего перепачканные промокшие джинсы, ссадина на лбу, подвёрнутая лодыжка,

ушибленный локоть – всё это уже совсем не важно.

– Джинни, – Андрей вдруг заговорил по-английски. – Вы в порядке?

– Да, – она остановилась, поправила волосы, тронула ссадину.

– Не трогайте, – перехватил её руку Громовой Камень. – Придём и промоем, а то загноится. Как нога, идти сами можете?

Он говорил по-русски, и она так же отвечала ему:

– Да, – она попробовала переступить и повторила: – Да.

Эркин сразу отпустил её и пошёл чуть сзади и сбоку, чтобы подхватить в случае чего.

– Я, – Джинни говорила по-русски с усилием, будто преодолевая что-то, мешающее ей. – Я в порядке. Я... испугалась.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Идёшь и проваливаешься. Тут любой испугается.

Громовой Камень улыбнулся.

– Джинни, а почему вы не позвали на помощь?

– Я испугалась, – Джинни говорила уже свободнее. – Ну, что придёт медведь.

– Медведь? – удивился Громовой Камень. – Почему?

– Ну, это же его... дом, его, да, берлога.

К изумлению и даже обиде Джинни, Громовой Камень захохотал.

– Ох, Джинни, – наконец с трудом он выговорил сквозь

смех. – Ну, какая же берлога в такой сырости? – и снова засмеялся.

Фыркнул и Андрей, а за ним, помедлив с секунду, наконец засмеялась и Джинни.

Когда они вышли на поляну, оказалось, что их отсутствие заметили и уже беспокоились.

Полина Степановна, Калерия Витальевна, Агнесса Семёновна и Галина Сергеевна сразу занялись Джинни: промывали ссадину, заклеивали её пластырем, утешали и успокаивали. Спасителям тут же торжественно налили.

Громовой Камень, поблагодарив, взял свой стакан и тяжело сел, незаметно потёр ушибленную ногу. И невольно улыбнулся: настолько живописен был рассказ Андрея.

Эркин равнодушно, не почувствовав вкуса, выпил водку и так же равнодушно, как по обязанности, жевал что-то. Он выдал себя, сам, полез сдуру, и теперь она, конечно, узнала его, вот сейчас выплечется на плече Полины Степановны и расскажет, не могла она не узнать, не вспомнить. И тогда... не хочет он думать, что будет тогда. Да, повеселились, нечего сказать. И чего он полез? Андрей бы её отлично вытащил, и всё было бы в порядке, а теперь...

От водки Джинни отказалась, и ей налили горячего чая. Грея руки, заолодевшие от пережитого страха, о стакан, она оглядывалась и то и дело наталкивалась взглядом на хмурое лицо старшего Мороза. Чем он недоволен? И... и почему она его испугалась? Он же её спас. Нет, она ничего не понимает.

Но... но это ощущение на руках, это жёсткое, сжимающее запястья кольцо, властно отрывающая её от земли сила – это же всё было, но... но когда? Неужели... нет, она не хочет сейчас думать об этом. Ей нельзя это вспоминать. Тряхнув головой, она отбросила, заставила себя отбросить эти мысли. Потом, она всё обдумает потом.

Горячий чай, сладкие пирожки и пироги, маленькие рассыпчатые кексы, конфеты, танцы и песни под гармошку... И, поглядев на Джинни, уже смеющуюся над своим нелепым приключением, Эркин вдруг подумал, что всё обойдётся, что она не вспомнит. Если сразу не узнала, то, может, и пронесёт, как раньше проносило. И он уже по-иному оглядел стол, отыскивая, чего он тут ещё не пробовал. Вроде... вон того пирога, и чаю бы ещё. Он налил себе заварки и со стаканом в одной руке и пирогом в другой пошёл к самоварам за кипятком.

Танцующий в круге Андрей поймал краем глаза улыбку Эркина и успокоился: теперь-то уж точно всё в порядке.

Натанцевавшись, снова пили чай и уже не ели, а доедали. Солнце уже уходило за кроны деревьев, и праздник сам по себе стал сворачиваться. У костра решили не сидеть: ещё ж обратно ехать, а в темноте выбираться из леса непросто.

Громовой Камень разобрал очаг. Прутья воткнули в землю под кустами: там сыро, а они живучие, могут и корни пустить. Камни снесли обратно к реке, где и брали. А потом положили на остывшее и политое водой кострище дёрн, и

будто ничего здесь и не было.

– И никаких следов! – восхитился Артём.

Громовой Камень улыбнулся ему.

– Следов много. Смотри, как всё истоптано. На высокой траве следы очень заметны.

Артём смущённо покраснел.

– Ну... ну, это же не важно.

– Да, – кивнул Громовой Камень. – Здесь и теперь не очень важно.

И пошёл к скатертям, куда всех звали, чтоб доесть и допить: не везти же обратно. Но особо упрашивать и уговаривать никого не пришлось. Отсутствием аппетита никто из присутствующих не страдал.

Тим допил свой чай и, жуя на ходу пирожок с вареньем, ушёл к автобусу прогревать мотор, а то скоро темнеть начнёт. Из самоваров сливали последние капли и вытряхивали золу. Собирали посуду, корзинки и кастрюльки. Громовой Камень, ловко орудуя ножом, вытесал из ящичной доски лопатку выкопал ямку.

– Шелуху, скорлупу и прочее сюда. А объедки под кустами разбросайте, разберут.

– А кости?

– В яму, – и улыбнулся. – Кто любитель, тот сам себе отроет.

– Правильно, – кивнула Агнесса Семёновна. – А бумагу и прочее несъедобное ко мне вот в этот мешок. Чтоб никакого

мусора за нами не оставалось.

И уже уходя к автобусу, Громовой Камень поднял из-под куста курточку Джинни.

Разместили в багажнике опустевшие корзинки, кастрюльки, самовары, ящики и мешки. Тоже оказалось непросто. Чтоб не помялось и не побилось в дороге.

Войдя в автобус одним из последних, Громовой Камень, проходя к своему месту, бросил на колени Джинни её курточку.

– Оу! – удивилась Джинни. – Спасибо, я совсем забыла о ней. Где вы её нашли?

– Не в берлоге, – рассмеялся Громовой Камень.

Джинни покраснела. Кажется, её теперь будут долго этим дразнить. Конечно, им и особенно ему смешно, но она-то всерьёз испугалась.

Убедившись, что никого и ничего не забыли, Тим мягко стронул автобус и со светлой, ещё солнечной поляны они въехали в полупрозрачный предвечерний сумрак. Кто-то пробовал ещё петь, но большинство сидело тихо, а кое-кто, сморенный выпивкой и весельем, задремал.

Эркин сидел рядом с Андреем, с бездумной отрешённостью глядя в окно на царапающие стекло ветви. Кажется, и в самом деле всё обошлось: его не узнали. Как же хорошо было. И повеселились, и подуррачились, и поели вкусно и досыта. Сколько же он выпил? Два стакана, точно. И не пьяный, не очень пьяный. А Андрей? Эркин посмотрел на брата. Ан-

дрей спал, откинув голову и улыбаясь во сне. Джинни сидела впереди, Эркин её не видел и поэтому сейчас о ней не думал. Не то, чтобы забыл, а просто не думал.

Когда выехали из леса на дорогу, заметно посветлело, и Тим прибавил скорость. Хорошо было, что и говорить. Смешно, но это у него второй выпускной. Не сравнить с первым...

...За последнюю неделю погибли ещё двое. Джок и Рич. На гонках лобовой атаки. Хозяин рассадил их всех по машинам по одному. Манекен на заднем сидении изображал хозяина. Ты ведёшь машину, и тебя атакует другая машина. Кто кого будет атаковать, знает только хозяин. В прошлый раз он атаковал Слима и перевернул его машину тараном без стрельбы. Слима он вытащил из горящей машины и даже сбил с него пламя, но... с переломанным позвоночником. Хозяин велел Чаку добить Слима, а его выпорол. За то, что не стрелял, бросил без присмотра свой манекен, да ещё и помог без приказа. Солидно ввалили. А сегодня он в обороне и такой глупости уже не повторит. Кто же атакует? Этот? Этот? А ч-чёрт, сзади... Коробочка? Ну, нате! Он круто выворачивает руль, выскакивая из ловушки, разворачивается, взвизгнув тормозами, и выдыхает ответ на непрозвучавший приказ.

– Да, сэр, кончат их, сэр!

И бросает машину в лоб, в створ между двумя атакующими. Удерживая руль одной рукой, быстро стреляет в окна.

Есть в мотор! Горит! А второй? По нему промазал, но тот слишком круто выворачивает, врежется в ограждение и отлетает к горящей машине. Теперь горят оба. Уносясь на скорости, он в зеркальце заднего обзора видит, что кто-то в горячей куртке выскакивает и катится по траве, сбивая пламя. Выскочил Юп, а Джок сгорел. А Рича застрелил на атаке Чак. Так их осталось десять. Они стояли перед хозяином как положено: ноги расставлены, руки в карманах, глаза в упор, а хозяин прохаживался перед ними, разглядывая так, будто впервые видел. «Как на торгах», – мелькнула у него мысль, но он тут же отбросил её как несусветную глупость: телохранителей, да ещё на клятве не продают.

– Хорошо, – кивнул хозяин.

Но это не было похвалой, а так, просто словом. Дальше, как обычно. Каждый получил своё. Он получил ожидаемый приказ на порку за промах и неожиданную похвалу:

– А что приказ понял – молодец.

Только тогда он вспомнил, что в каждой машине стоит подслушка, и хозяин на своей вышке слышит каждое их слово. А вечернюю еду готовили на двенадцать, так что он и Чак получили по двойной порции: за себя и за убитых ими. Как было заведено...

...Проверяя себя, Тим поглядел на карту. Нет, всё правильно. А белая ночь – совсем даже неплохо. А тогда...

Тогда они не поняли, что это была не тренировка, а экзамен, выпускной. Правда, и слова такого тогда не знали. Ра-

довались, что дожили. До вечера, до кормёжки. И всю неделю они работали и тренировались уже вдесятером. Хозяина видели редко, работали с недавно привезёнными, два десятка прикупили зачем-то и поставили проредить новичков, выбив некондицию. Тим усмехнулся. Зачем-то?! Теперь он понимает: зачем. Их уже предназначили к продаже. И Грин ездил договариваться с покупателем. Но тогда это им и в голову не приходило. Не могло прийти. Они же дали клятву...

...Вечером в субботу им обычно давали свободное время. И он уже думал о гараже. Что, как всегда, поест – и в гараж. Хозяин их очень редко в это время беспокоил.

– Ну что, парни, сегодня по одинарной? – скалит зубы Кит, складывая тренажёр.

– Ещё не вечер, – огрызается Юп.

– Тебе-то двойная точно не светит, – Чак в шутку несильно тыкает Юпа в обожжённое плечо. – Ну, палёный, стыкнемся? А? На хлеб, а? – и хохочет, когда Юп молча, закусив губу, чтобы не кричать от боли, отходит.

Он тоже молчит. Юпа обжёт он, и не ему заступаться. Чак озирается, ищет, с кем бы стыкнуться. До крови – на хлеб или до двойной пайки – до конца, но желающих рискнуть нет. Они убрали зал и пошли в душ. Душ перед обедом тоже обычен. Если только ничего особого не случится. Но на выходе из душа их встретил хозяин. И велел идти в зеркальный зал. А вот это уже было нарушением режима, да и есть сильно хотелось, но, разумеется, никто даже бровью не по-

вёл: хозяином сказано – ими сделано. Хозяйская воля выше и закона, и обычая. В зале хозяин велел им раздеться и встать у зеркальной стены. Они скинули обычную одежду домашних рабов, которую носили вне тренировок, и выстроились у зеркала. Руки за спиной, ноги расставлены, веки опущены – сейчас они не телохранители, а обычные рабы.

– На случку отберут, – шепнул Джордж.

– Тебя на торги, а Юпа на Пустырь, – сразу ответил Чак.

Ещё кто-то совсем тихо хихикнул. Он промолчал. Куда отберут – туда и пойдёшь. Хозяин оглядел их, велел Саю и Гэбу по меняться местами и снова прошёлся вдоль их строя, заглядывая им в глаза под ресницы. Хозяин это умел, хотя был высоким, не ниже них. Он стоял спокойно, уверенный в себе, что ни в чём не ослушался, так что наказывать его не за что. Да и остальных, пожалуй, тоже. Всю неделю работали и тренировались слаженно и точно. А что новеньких сильно побили и проредили, так это положено, их тоже поначалу валтузили до Оврага. И угадал: наказания не было. Даже наоборот.

– Хорошо, – кивнул наконец хозяин. – Вы хорошие рабы.

И они заулыбались в ответ: такую похвалу заслужить непросто.

– Но до высшей награды вам ещё далеко...

Хозяин остановился, и они дружно облегчённо заржали. Высшая награда – это лёгкая смерть от руки хозяина. Награда наградой, но чем она позже, тем лучше. Переждав их

смех, хозяин продолжал:

– Но кое-что вы сегодня получите.

И коротким взмахом руки показал им на лежащие у другой стены свёртки.

– Артур... Дик... Флетч... Чак... Джордж...

Хозяин называл их, и они по одному подходили, брали указанный свёрток и возвращались в строй.

– Тим...

Он выходит. Вот этот свёрток? Да. Тяжёлый...

– Одевайтесь.

Он быстро разворачивает тёмное тонкое одеяло. Полная форма телохранителя. Два ножа, кастет, два пистолета, глушители, обоймы, отмычки, наручники... всё, что положено. Нет только гранат и автомата. Но те выдаются на конкретное дело, а этот набор всегда на нём. Он быстро одевается, размещает на себе оружие, и вот их строй уже иной. Руки в карманах, головы подняты.

– Да, – кивает хозяин, – вы теперь настоящие телохранители, – и улыбается. – Этот вечер и ночь я даю вам. В награду.

Вечер и ночь? Он всю ночь сможет работать в гараже и в мастерской?!..

...Тим усмехнулся. Рано он тогда обрадовался. Ни в гараж, ни в мастерскую он не попал. В зеркальце он оглядел салон: кто спит, кто так сидит и в окно глазеет. Ну, немного уже осталось. И лагерник спит. Андрей Мороз. Ладно, решили – так решили. Хорошо, что парень его не помнит. Ла-

герей много было, может, они и впрямь тогда разминулись. А тот вечер... да, это был их праздник. Грин уже знал, что продаст их, и наверняка знал кому, вот напоследок и устроил им... праздник... выпускной...

...Обычно в этом зале они учились ресторанный работе. Накрывать, подавать, охранять, нападать, использовать подручные средства. А сегодня-то здесь что? Обещали награду, а вместо неё очередная тренировка?! Входя, он привычно быстрым запоминающим взглядом окинул зал. Так... разгорожен на кабинки-ячейки по кругу, перед каждой стол и два стула, а в кабинке низкий широкий диван... что-то новенькое, такой вводной ещё не было... кабинок десять... работа в синхрон? Столы уже накрыты... тарелки, две бутылки, один прибор... а манекенов нет.

– Это вам, – хозяин широким жестом отправляет их в зал. – Ешьте, пейте, – и ухмыляется, – и всё остальное.

Они, всё ещё недоумевая, разошлись по столикам. Им? Это им? Жареное мясо, настоящие бифштексы, овощи, бутылка виски и бутылка минералки, ещё какая-то еда... это всё им?! Он огляделся. Да, вон Дик уже жуёт, ну, Гэб в жратве всегда первый, а хозяин? Смотрит и улыбается. Значит, и это всё взаправду?! Он сел к столу и налил себе, глотнул. Да, виски. Придвинул поближе тарелку и стал есть, стараясь особо не торопиться: столики расставлены так, что от соседних не дотянутся. Чтобы отнять, придётся встать и подойти, а тут он уже от любого отобьётся. Хозяин хлопнул в ладоши,

и они дружно, вскинув головы, оторвались от еды, а Подлиза Кит даже на ноги вскочил, показывая, что готов к работе. Но хозяин звал не их. В зал вошли... спальни?! Чёрт, настоящие спальни! И по жесту хозяина подбежали к ним, к каждому.

– Это тоже вам! – расхохотался хозяин. – Каждому на ночь. Всем поровну.

Молодая пышногрудая мулатка склоняется над ним, целует в щёку и шею возле уха, и он уже не следит ни за своей едой, ни за выпивкой. Когда спальница рядом, так уже ни до чего. Да и хозяин сказал, что всем поровну, так что даже Чак не посмеет...

...Тим усмехнулся. Да, дальше уже всё как в тумане. Пили, ели, трахались, менялись спальницами, снова пили. Как ещё до ножей не дошло, или они даже пьяными помнили: кто они есть и чего им позволено. А на следующий день их продали. И это вспоминать уже никак не хотелось, ни под каким видом. А вон уже и «Беженский Корабль» показался.

Они так и договаривались, что как он всех собирал утром, так и развезёт по домам. Тим остановил автобус и обернулся.

– Беженский Корабль, ladies and gentlemen, – объявил он сразу на двух языках.

– Оу! – встрепенулась Джинни. – Спасибо.

Эркин мягко толкнул Андрея.

– Просыпайся, приехали.

– Ага, – сразу открыл глаза Андрей.

Они вышли из автобуса и невольно огляделись, будто попали в незнакомое место. Тим вышел следом, открыл багажник и достал их корзины.

– Пожалуйста, мисс Джинни. Держите, парни.

– Спасибо.

– Ага, спасибо.

Тим захлопнул багажник пошёл на своё место. К его удивлению, Андрей последовал за ним. Удивился и Эркин.

– Эй, ты куда?

– Не бойсь, братишка, – рассмеялся Андрей, – не заблудился, – и чуть серьёзнее, глядя на Тима. – Подмогну с машиной. Не против?

Помедлив, Тим кивнул.

– Не против.

Эркин нахмурился, но... но он не может запретить Андрею, и ведь решили, что прошлое в прошлое, вместе решали, так что... ладно, авось обойдётся. И он уже спокойно пошёл вслед за Джинни к дому, к их подъезду.

Хотя было ещё достаточно светло, но гуляющих уже нет: завтра понедельник, всем на работу. Джинни это устраивало. И то, что Андрей уехал, тоже. Всю дорогу в автобусе она вспоминала, заставляла себя вспоминать. Рядом было тёплое мягкое плечо Полины Степановны, и она рискнула. Ей говорили, сначала доктор Айзек, а потом врачи и психологи в лагере: «Не вспоминайте, оставьте это в прошлом, за чертой», – но сегодня она рискнула перейти эту черту. И вспом-

нила. Да, эти руки, жёстко сжимавшие её запястья, и подъём вверх из темноты, и навалившееся на неё сильное тяжёлое тело, и... Джинни покосилась на идущего ступенькой ниже Эркина и остановилась. Невольно остановился и Эркин, удивлённо поглядел на Джинни. И медленно, начиная догадываться, нахмурился.

– Послушайте, – Джинни сглотнула, – я хочу... Мне надо поговорить с вами.

Она говорила по-английски, и Эркин ответил ей на том же языке.

– Здесь и сейчас?

– Да, – твёрдо ответила Джинни. – Именно сейчас. И здесь.

Эркин хмуро кивнул.

– И что... О чём вы хотите говорить?

– Вы, – Джинни говорила медленно, явно подбирая слова, – Вы до освобождения были рабом, так?

– Да, – резко ответил Эркин и, вскинув голову, посмотрел ей в глаза. – Я был рабом, мэм, и что дальше?

И Джинни уже не стала проверять имена хозяев, название имения, нет, это не нужно, она не ошиблась.

– Вы помните меня? Помните, что случилось... в ту ночь?

Эркин отвёл глаза. Вот, значит, что.

– Да, помню, – и снова повернулся к ней. – Спрятал вас в скотной, а потом вытащил, и вы ушли из имения.

Джинни на секунду растерялась.

– Но... но я сама там спряталась.

Эркин невольно улыбнулся.

– Вас бык выдал. Он запах чуял и беспокоился. Я и задвинул брикет.

– Хорошо, – помедлив, кивнула Джинни. – Но... но когда вы... вытащили меня, вы помните, почему вы это сделали?

– Что? – угрюмо повторил Эркин. – Что вам непонятно?

– Ну, вы же... – Джинни запнулась. – Вы же хотели... – она не смогла произнести это вслух, – и не стали. Почему?

– Ничего такого я не хотел, – твёрдо ответил Эркин.

– Но... но вы же...

– Что я? – Эркин перевёл дыхание. Нет, он не отступит, да, пусть здесь и сейчас всё решится. – Что я сделал?

– Вы... трогали меня, – неуверенно сказала Джинни. – Я... я хочу понять. Зачем вы это делали? – и, так как он молчал, упрямо продолжила: – Наваливались, трогали и... и не сделали ничего, отпустили. Почему?

– Почему делал или почему не сделал? – решил уточнить Эркин.

Джинни удивлённо посмотрел на него и тряхнула головой.

– Я хочу знать правду. Всю правду.

Эркин вздохнул.

– Я не знал... кого прячу. А когда вытащил, подумал, что вдруг хозяйка. Вот и проверял, – она молча смотрела на него круглыми удивлёнными, но не испуганными глазами, явно не понимая, и он нехотя пояснил: – Хозяйка серьги носила,

вот я и... трогал, проверял. А, когда понял, что не хозяйка, ушёл, – и наконец улыбнулся. – На вас у меня злобы не было.

Джинни задумчиво кивнула. Эркин молча ждал. Наконец, она сказала:

– Хорошо, я всё поняла. Но это... не вся правда. А если бы это была хозяйка? Что бы вы сделали?

И спокойный, страшный этим спокойствием ответ:

– Убил.

– Вы... – ошеломлённо пролепетала Джинни, – вы так ненавидели её? За что?

Эркин уже совсем успокоился. Самое страшное сказано, и вроде бы его поняли, а это... уже пустяки.

– Я её и сейчас ненавижу. А за что? – он зло улыбнулся. – Это долгая история. И не для вас.

Джинни поняла, что он ей больше ничего не скажет про миссис Кренстон, и спросила о другом:

– Я узнала вас только сегодня, а... вы? Когда вы меня узнали?

Эркин улыбнулся уже совсем по-другому: весело и открыто.

– На первом уроке. Когда услышал.

– Но, – удивилась Джинни. – Но мы же и раньше... встречались. И на беженском новоселье и потом...

– Но тогда вы по-учительски не говорили, – объяснил Эркин.

Разговор стал уже совсем другим, и они оба понимали это.

– А там? Разве там вы слышали меня?

– Ну да, – негромко рассмеялся Эркин. – Вы же приходили на скотную, про коровок и молочко рассказывали.

– А вы...

– А я в стойле у быка сидел и слушал.

Они уже не стояли, а поднимались по лестнице, шли рядом и говорили... как добрые знакомые.

– Я и не знала.

– А никто не знал, – весело хмыкнул Эркин. – Самое безопасное место в имении.

Они уже вошли в коридор своего этажа, и второго своего вопроса: почему тогда он не попытался... не захотел... неужели она ему настолько не понравилась? – Джинни так и не задала.

Их двери напротив, и остановились они одновременно. Эркин достал ключи.

– До свидания, мисс Дженнифер, – улыбнулся он ей. – Спокойной ночи.

– Да, – кивнула Джинни и протянула ему руку. – До свидания, спокойной ночи, и... и спасибо вам, Эркин.

Они обменялись рукопожатием, Эркин открыл дверь и вошёл в свою квартиру.

Алиса уже спала, но Женя ждала его.

– Я очень поздно, да? – виновато спросил Эркин, когда они уже сидели на кухне и пили чай.

– Ну что ты, Эркин?! – искренне изумилась Женя. – Когда

у меня был выпускной, в колледже, мы до утра гуляли. И в школе тоже. Вы ещё рано закончили.

Эркин вспомнил разговоры в автобусе и усмехнулся.

– Кому мало, те догуливать пошли.

Женя охотно рассмеялась.

– И Андрей?

Эркин пожал плечами.

– Он поехал с Тимом, помочь тому с автобусом, ну, помыть, почистить... а потом... не знаю. Его дело.

– Конечно, – кивнула Женя. – Ты доволен, Эркин?

– Да, – Эркин счастливо улыбнулся. – Да, Женя, очень.

Было очень хорошо, весело.

И вдруг он неожиданно для себя зевнул.

– Иди спать, Эркин, – рассмеялась Женя. – От радости тоже устают.

– Да-а? – удивился Эркин, но послушно встал. – Женя, твои пирожки так всем понравились.

– Ну и отлично. Тебе завтра ведь во вторую смену, да? Вот и выспишься.

– Ага, – согласился Эркин.

Душ, спальня... кажется, он заснул, ещё выходя из кухни, и всё остальное продела во сне и не проснулся, когда Женя легла рядом и поцеловала его, только вздохнул и улыбнулся.

Выслушав рассказ Джинни, Норма покачала головой.

– Джинни, ну, когда ты повзрослеешь? Ну, зачем ты по-

лезла в берлогу?

– Мама, я не полезла, а упала, и потом Гриша сказал, что медведя там и быть не могло.

– Конечно, медведь – умное животное. В отличие от некоторых учительниц.

– Ну, мама! – рассмеялась Джинни. – Всё закончилось хорошо, а конец делу венец.

Последние слова она сказала по-русски, Норма не так поняла, как догадалась и кивнула.

– Немцы говорят: Ende gut – alles gut. Конец хорошо, всё хорошо, – перевела она сама себя на английский. – Но, Джинни, глупость, окончившаяся благополучно, остаётся глупостью.

– Да, мама, помню, ты мне это столько раз говорила.

Джинни вскочила и со смехом расцеловала мать.

– Мамочка, всё хорошо, и я иду спать.

– Конечно, Джинни.

И, когда Джинни вышла, снова покачала головой. Но уже с другой улыбкой. Как хорошо, что её девочка выздоровела.

Уже лёжа в постели, Джинни блаженно потянулась и тихо засмеялась, вспоминая сегодняшний день. Как всё-таки было хорошо! И Мороз... Эркин Мороз... нет, она пока не станет рассказывать маме, надо самой всё это обдумать, кое-что выяснить. Интересно, а почему её вытаскивал Мороз, а не Громовой Камень, искал-то он. Не захотел дотронуться до неё? Непонятно. Ладно, всё завтра, всё потом. А сейчас –

спать. Всё хорошо, можно спокойно спать. И завтра не надо на работу. Мирон Трофимович дал им всем отгул на один день. Потом два дня на документацию и отпуск до конца августа. И не забыть, что в среду Иван Купала, будет большой праздник, на траве у озера...

С этим она и заснула.

Андрей шёл домой, любуясь рассветом. Хорошо, что сегодня ему во вторую смену. Сейчас в душ и часика четыре он возьмёт. Только от Алиски не забыть запереться.

А хорошо погуляли. И с Тимом всё утряслось, да так, что лучше и не надо. До чего ж мужик своё дело знает, у такого поучиться – не грех, а удача...

...Когда они, высадив последних пассажиров у Старого города, остались вдвоём, Тим впервые оглянулся на него.

– Ну?

Он пожал плечами.

– На комбинат, куда же ещё.

Тим кивнул, и они поехали на комбинат. Он стоял, держась за ограждение кабины шофёра и смотрел на работу Тима. Фредди вёл по-другому, но... да, Тим, конечно, классный специалист.

– Нравится?

– Да, – вздрогнул он. – Классно водишь.

Тим заговорил по-английски, и он отвечал так же.

– И что? Всерьёз хочешь на шофёра?

– Всерьёз, – кивнул он. – Я уже говорил.

– Да, помню, – Тим сосредоточенно глядел перед собой.

Он чувствовал, что того разговора в лесу Тиму мало. Но и ему – тоже. Да, конечно, слова, данного Эркину, он не нарушит, но и не помешает им сейчас никто: время позднее, один на один будут. Решить-то решили, но по деталям стоит пройтись...

...Андрей поёжился, передёрнув плечами: прохладно на рассвете, а он в одной рубашке. Ну, ничего, осталось немного, а там в душе прогреется...

...Автобус отмывали до блеска, чистили салон и багажное отделение, а уж мотор чуть ли не заново перебрали и отрегулировали.

– Это ты всегда так? – не выдержал он.

Тим кивнул.

– Как ты к машине, так и она к тебе.

И он ответил памятным ещё с лагеря, с уроков Старика.

– Инструмент не живой, а руку чувствует.

И Тим улыбнулся.

– Сам придумал?

– Нет, слышал. Учил он меня. Ещё там, – и помедлив, всё-таки сказал: – Меня спас, а сам лёг.

И по лицу Тима увидел: тот всё понял правильно. Какое-то время работали молча. И уже сам Тим начал:

– Нас из всей десятки... Один я, похоже, остался.

Вот тогда и пришлось ему в голову ещё раз проверить.

Вдруг... ведь и сколько лет прошло, и действительно он их тогда не разглядывал.

– Слушай, вас всего десять было?

– Осталось, – поправил его Тим. – Начинало нас... вдвое, а может, и ещё больше.

Он кивнул.

– Что, так учили?

– А ты думал! – Тим резко крутанул болт, едва не сорвав резьбу. – Каждая тренировка сортировкой.

– Понятно. И что, – он задумался, подбирая слово, – все как ты? Ну, одного цвета?

Тим даже как-то удивлённо посмотрел на него.

– Да... слушай, верно, так и получилось.

И он, уже переводя дыхание, радуясь, что и память не подвела, и что личных счётов у них нет, решил всё-таки уточнить:

– Мулатов не было?

– Нет, – сразу твёрдо ответил Тим. – А... что?

– Тогда... я помню, там мулаты были, пятеро, наверное.

– Нет, – Тим уже сообразил и тоже заулыбался. – Было двое, но они быстро вылетели, ещё до выездов. И... давно это было?

Он нехотя кивнул.

– Давно. Я совсем малолеткой был. Ладно, не вы, значит, другие... – и остановился, не договорив: «такие же».

Но Тим понял. И опять они работали молча. Но согласно.

А отладив, вылизав машину, отмыли руки здесь же во дворе – бытовки-то закрыты, а бегать за сторожем, чтобы открыл, неохота.

– Ладно, – Тим стряхнул с рук воду. – Дома отмою.

И к выходу они шли вместе. Но Тим сразу ушёл, а его окликнула из своей будочки девчонка-диспетчер. А там...

...А там до утра проболтался. Ему нетрудно, а ей приятно. Легко всё прошло, по доброму согласию и в общее удовольствие. Ей тоже скучно, так чего ж... не позабавиться.

Андрей легко взбежал по лестнице на второй этаж и прошёл к своей двери. Ещё тихо, но уже чувствуется скорое утро. Верхний замок, нижний... смотри-ка, не закрыли, ждали его. Теперь лишь бы не разбудить никого, и до полдня отстаньте все от него.

Тетрадь семьдесят первая
122 год
Лето

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Нет, здорово, что они не стали завязываться с пахотой, это ж какую ещё головную боль на себя бы повесили. И так... как попадаешь в имение, так и не присядешь, столько хлопот и забот. Джонни за неделю чернеет и худеет.

– Как это раньше лендлорды такими беленькими да рассыпчатыми были, а?

– Это было раньше, Фредди.

Они сидят у камина, наслаждаясь не так теплом огня, как тишиной и спокойствием. Джонатан благодушно вздыхает, расслабленно оседая в кресле.

– Бегали надзиратели, работали рабы, а теперь...

– Теперь мы крутимся, – кивает Фредди. – И бегаем, и работаем. Слушай, зачем нам посёлок?

– Мне бидонвиль на моей земле не нужен, – твёрдо отвечает Джонатан.

Бидонвиль – сляпанные из чего попало лачуги – сооружали себе бывшие рабы по всем имениям, где сгорели или разрушились бараки.

– Допустим, – Фредди задумчиво отпивает. – Ну, а барак куда? Снесём? Он же ещё крепкий, раз. И наши из него не особо рвутся, это два. И что это даст нам, три. Достаточно?

– Вполне. Отвечаю не по порядку, а, по существу. С полного обеспечения они перейдут на зарплату.

– Это выгоднее?

– Безусловно, – и прежним разнеженным тоном: – Вычеты эффективнее с зарплатой. Барак малость подремонтируем, и это жильё для временных работников и гостей. И когда они в бараке – они вместе, а в посёлке каждый сам за себя. И ещё аренда за дом и прочее будет капать.

– Без выкупа? – поинтересовался Фредди.

Джонатан хмыкнул.

– Резонно. Нужен стимул. Двадцать лет увеличенной аренды, и дом твой. Но без земли.

– Резонно, – очень похоже хмыкнул Фредди. – Но учти, с недельной оплатой будем привязаны хуже прошлого выпаса.

Джонатан хмуро кивнул.

– Верно. Надо продумать.

– Вот и займись, – Фредди допил свой стакан и встал, – а то в мелочёвке вязнешь. Я на боковую.

– А думать не собираешься? – съязвил Джонатан.

– Я – ковбой на контракте, – Фредди поставил свой стакан в бар и потянулся, упираясь кулаками в поясницу. – Ковбою думать вредно: скорость на стрельбе теряется. А на контракте и незачем. На то лендлорд есть. Какой никакой, а пусть своим делом занимается.

– Ла-адно тебе, – Джонатан тоже допил свой коктейль и встал. – Иди, ковбой, я уберу.

– Хоть такая от тебя польза.

Оставив последнее слово за собой, Фредди вышел.

Джонатан негромко рассмеялся ему вслед.

Но, в принципе, Фредди прав. В Колумбии у них на зарплате двое основных и временные почасовики, зарплатой ведает Грымза, и у неё – мисс Джулии Робертс – комар носа не подточит. Раз в месяц проверяешь счета и выписываешь чек, а дальше она сама. С Грымзой им повезло. А здесь... задей-

ствовать можно только Стефа. Так... оставить ему наличку в конвертах, а к Рождеству всё равно конечный перерасчёт. Нет, не получится. Вешать на Стефа вычеты за обеспечение и штрафы нельзя. Это надо самому. Ладно, всё равно в этом году будет прежняя система. Для посёлка пока только место подбирается, чтобы всех устраивало и хозяйству не мешало. Тут не до переезда, до стройки ещё далеко. Ладно, это в полном смысле слова не горит. А вот скотную подремонтировать к зиме надо, особенно стойло для Монти. Уже вполне приличным быком смотрится и вообще... на перспективу.

С мыслями о Монти Джонатан и заснул.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

И двух дней не прошло – снова праздник. Иван Купала. Грех не отпраздновать.

– Конечно, Андрюша, – согласилась Женя. – Но на всю ночь...

И Эркин сразу замотал головой.

– Нет, Андрей, мы-то отоспимся с утра, А Жене в первую. И вообще... нам Баба Фима рассказывала, интересно, конечно, но... – он замылся.

– Холостяцкий праздник, понял, – кивнул Андрей. – Как раз для меня, – и с увлечением продолжил: – Сразу после смены и пойду, как раз успею.

Женя рассмеялась.

– Ох, Андрюша...

– Ага, – согласился он, вставая. – Я такой. И ох, и ах, и ой-ё-ёй!

Рассмеялся и Эркин, невольно любуясь братом. Хорошо, как всё у него получается. И с девчонками уладилось. Письмо от них пришло, что всё хорошо, рады за Андрея, что тот выжил, вернулся на Родину и родню нашёл, и что, как будете в наших краях, то заезжайте. Хорошо им Андрей написал. И не поссорился, и сказал, что к ним не вернётся. И те всё правильно поняли.

– Ну, кто куда, а я на боковую, – закончил Андрей своим обычным присловьем. – Эркин, ты в душ?

– Иди, – улыбнулся Эркин. – Я потом.

– Понял. Женя, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя и, когда Андрей вышел, протянула руку и погладила Эркина по плечу. – Ты хотел пойти на праздник?

Эркин перехватил её руку и поцеловал.

– Нет, Женя, ты же не можешь пойти, а без тебя и мне там

делать нечего, – Женя молча смотрела на него, и он продолжил: – Я на выпускном об одном жалел. Что тебя нет. Правда, Женя.

– Но... но, Эркин, у тебя же должна быть своя жизнь, ты же не можешь...

– Жизнь без тебя мне не нужна, – твёрдо ответил Эркин, перебив Женю.

Прислушался и встал.

– Андрей закончил, я пойду.

И вышел.

Так твёрдо, даже жёстко Эркин говорил очень редко. Она по пальцам одной руки могла бы пересчитать, когда он перебивал её, или о чём-то просил, или не соглашался с ней. Но Женя так же твёрдо знала, что, он, решив что-то, уже от своего решения не отступает. Ох, ёжик, ёжик... Она убрала со стола, приготовила всё на завтра, чтобы с утра спросонья не суетиться лишнего.

В ванной, как всегда после Эркина, чистота и порядок. Только халатов нет, его и Андрея. А на полочке в душе приготовлены её мочалка и мыло. Это, конечно, Эркин позаботился. Сейчас она быстренько обмоется и ляжет. Жаль, конечно, что на праздник они не пойдут. Как им рассказывали, это должно быть очень интересно – она даже хихикнула, вспоминая кое-что из рассказов, – но... но на работу же надо с утра. Нет, конечно, работа важнее. Она же не договорилась заранее об отгуле. Когда Андрей приехал, ей без звука дали,

но это же были действительно «особые обстоятельства», а не гулянка как сейчас...

Женя вздохнула, повесила полотенце на место и оглядела себя в большом высоком зеркале. А она очень даже ничего-о-о. Не хуже других была бы. Но нет, правильно решила. И не в работе дело, а в Эркине. Он ревнивый, а там купания эти и прочее, кто-нибудь посмотрит не так, а он ведь горячий, не дай бог... тогда он же чуть не убил Рассела.

Когда она вошла в спальню, Эркин уже спал. Женя сбросила халат на пуф, достала из-под своей подушки и надела ночную рубашку, быстро расчесала волосы и заплела косу, выключила лампу и нырнула под одеяло.

Эркин сонно, не открывая глаз, вздохнул и потянулся. Женя осторожно, чтобы не разбудить, погладила его по груди.

– Спим, милый.

И тут же заснула сама.

Ночь на Ивана Купала. Да, он читал и слышал, но вот участвовать... это же совсем другое дело.

– Пойдёте за цветком папоротника?

Лёгкая насмешка в голосе Аристарха Владимировича не обидела Громова Камня.

– Да, я никогда не видел, как цветёт папоротник. На Равнине он размножается спорами.

Мирон Трофимович с удовольствием рассмеялся.

– В одиночку его не найдёшь, – улыбнулась Агнесса Семёновна.

– Мы с Джинни пойдём, – он подмигнул ей. – Вы согласны?

Джинни покраснела и кивнула.

– Ну, тогда всё в порядке, – рассмеялась Полина Степановна. – Чтоб Джинни, да не нашла!

– Да уж, – Галина Сергеевна оторвалась от своих бумаг. – В нашем лесу медвежью берлогу найти...

– Да ещё с персональной ванной! – фыркнула Калерия Васильевна.

Теперь смеялись все.

Учителя собирались в отпуск, разбирая скопившиеся бумаги, ученические работы, методички... это с ума сойти, сколько хлама, и откуда он только берётся?

– Коллеги, не забудьте про отчёты.

– Я тебе, Мироша, первой сдала, и где он?

– Поля, первой ты мне сдавала отчёт на педпрактике.

– Дцать лет тому назад, – кивнул Аристарх Владимирович, роясь в листах гербария. – Был такой случай в твоей жизни, но он остался единственным. Агнесса, клевер у тебя?

– Да, держите.

У Громового Камня тоже была своя полка в одном из шкафов, правда, почти пустая. Вернее, совсем пустая. Но он положил туда аккуратно переписанные конспекты проведённых уроков и бесед, несколько рисунков «на индейские

темы», сделанных в младшей группе, три листка итоговой работы у взрослых... Ничего, это только начало. А пойдёт он опять в племенном. Форма неуместна, брюки и рубашку жалко: костры, поиски кладов и прочее... веселье, а ничего другого у него просто нет. Отпускные дадут в пятницу. Немного, но ему должно хватить до сентября, до полной нагрузки в школе и часов в Культурном Центре. Интересно, сможет ли он выкроить на костюм? Не на «тройку», конечно, но хотя бы брюки и пиджак, и ещё две рубашки, и галстук... К сентябрю надо собрать. На чём он сможет сэкономить? Да, отчёт сдать. Хиленький отчёт, конечно, но у него и часов было... кот больше наплачет.

– Мирон Трофимович, вот отчёт.

– Спасибо, Гриша.

– Встречаемся в четверг?

– Да, в десять.

– Я зайду за вами?

– Да, спасибо. В семь?

– Да. Пока дойдём, будем вовремя.

Расходились весело, будто отпуск уже начался. А разве нет? Осталось-то... в четверг итоговый педсовет, в пятницу зарплата, и до двадцать пятого августа...

Громовой Камень шёл уверенно, но медленно и покинул Культурный Центр последним. Пологое широкое крыльцо уже опустело. Как и площадь. Ну, что ж, до семи он успеет сходить в школу, вернуться домой и переодеться... По вре-

мени – да, лишь бы нога не подвела. Ему ещё всю ночь ходить. Или в школу в четверг, после педсовета? Но он уже спустился по ступеням, пересёк площадь и пошёл в нужном направлении. Теперь второй переулок налево.

У школьной калитки Громовой Камень остановился, оглядывая просторный из-за пустоты двор. Здесь будут сад, цветник, огородик, а там спортплощадка, а вон там – площадка для игр. Ну и что, что пусто, школа только начинается. Проект он видел, с директором говорил, двадцатого августа он придёт сюда, в свой класс, и уже не почасовиком, а учителем. Он пересёк двор, снова поднялся по ступеням, нет, вполне терпимая крутизна, открыл дверь.

Гулкий, пустой и светлый вестибюль, пустые и очень тихие раздевалки с рядами шкафчиков, пустые доски объявлений и расписания. О! Нет, два аккуратных листка. Он остановился и внимательно изучил незамысловатые тексты. Запись в школу в канцелярии, с десяти до семи, а в субботу с десяти до трёх. Родительские собрания по классам двадцать седьмого августа в шесть вечера. Всё правильно, всё как надо.

На стук его палки и шагов из канцелярии выглянула русоволосая маленькая женщина в очках. Громовой Камень уже знал её – Анна Алексеевна, секретарь – и весело поздоровался.

– Здравствуйте, Анна Алексеевна.

– Здравствуйте, Громовой Камень, – ответно улыбнулась

она. – Пришли посмотреть?

– Да.

– Возьмите ключ, – позвала она его.

– Спасибо.

Он вошёл в канцелярию, и Анна Алексеевна сняла с доски и протянула ему ключ с деревянной биркой.

– Мебель ещё не привезли.

– Я знаю.

Она понимающе и немного грустно улыбнулась.

– Просто подышать?

Громовой Камень молча кивнул.

Да, он знает, что такое пустая школа. Тогда, в Эртиле, в школе шёл ремонт, а они помогали, их – старшеклассников – попросили остаться на каникулы помочь, и он не поехал в стойбище, тогда и научился малярничать, класть штукатурку и ещё многому другому, а когда ремонт закончился и все ушли, он так же бродил по пустой школе и воображал. Он уже знал, что пойдёт в педагогический класс. И готовился. И были ещё школы. В обломках мебели, осколках стёкол и трупах. И те школы были не пустыми, а мёртвыми.

Громовой Камень открыл дверь и вошёл в класс, очень пустой и очень светлый. И даже доска уже висит. Он встал спиной к ней и оглядел открывшееся перед ним, ожидающее его слова пространство. Ну вот, это его школа, его класс. Мебель завезут, цветы на окнах... плакаты, таблицы... Да, за этим надо будет съездить в Ижорск, в методкабинет при

департаменте. Лишь бы в Царьград в представительство не пришлось мотаться. Такую поездку он не потянет. Нет, школа пустая, а не мёртвая, он чувствует это...

...Разговор у костра, мужской разговор, разговор равных.
– Я буду учителем.

Отец откашливается и кивает.

– Ты сможешь, я знаю.

Он ждал возражений, что мужчина – воин или охотник, а учитель – это так, для слабых... и вдруг отец согласен. Почему? Отец замечает его удивление и улыбается.

– Кутойс выше охотника, – и, глядя уже не на него, а в костёр, продолжает: – Охотник делает то, что делали до него. Гитчи Маниту создал зверей, птиц и охотников, рыбу и рыболовов, и они не меняются от века и не изменятся во веки веков. А Кутойс делал всегда новое, не бывшее до него, брал рождённое людьми и делал человеком.

Он готов слушать дальше, кто такой Кутойс и почему его именем теперь называют учителей, но отец снова заходится в кашле...

...О Кутойсе отец рассказал ему уже в другой раз. И когда к ним в школу приехал знаменитый этнограф Бобрищев, да, он потом специально искал и читал его книги, и попросил записать известные им сказки, легенды, просто рассказы о старине, он написал про Кутойса.

Громовой Камень подошёл к окну. Здесь будет сад. А пока... две берёзки, клён и старая липа. Строители постара-

лись сохранить деревья насколько возможно. А с другой стороны уцелели кусты шиповника и барбариса, и даже ограду сделали плавным изгибом, чтобы не потревожить ещё не слишком старый, но развесистый дуб. Уже что-то, уже покажет ученикам вживую, а не на листах гербария. Да, гербарий нужен, обязательно, и с надписями на трёх, нет, четырёх языках. Латынь, русский, шауни и английский. Как было в эртельской школе. Ну и кое-что он сам нарисует, склеит, это он умеет. А теперь надо идти, а то точно не успеет.

Громовой Камень ещё раз оглядел класс и вышел. Запер за собой дверь, прошёл по коридору к лестнице и спустился вниз. Он бы поговорил ещё с Анной Алексеевной о наборе, но та была занята разговором с женщиной, пришедшей записывать своего «неслуха» в пятый класс, и Громовой Камень отдал ключ, попрощался и ушёл.

Теперь домой. Пообедать, отдохнуть немного, переодеться и в «Беженский Корабль» за Джинни, а уже оттуда сразу к озеру.

Джинни перебирала свои кофточки, не зная, на что решиться. И хочется выглядеть получше, и жалко самую нарядную, ведь лес, костры, поиски папоротника...

– Мама, наверное, лучше вот эту?

Норма улыбнулась.

– Ты собираешься, как на бал.

– А чем это не бал? – весело удивилась Джинни.

Она стояла перед зеркалом в трусиках и лифчике, прикладывая к себе белую в голубую полоску футболку.

– Как, мама? И к джинсам, и к глазам, правда?

– Правда, – согласилась Норма. – И очень похоже на тельняшку.

– Ну и что, мама? Это модно.

Сочтя этот аргумент решающим, Джинни бросила футболку на кровать рядом с джинсами и стала запихивать не прошедшее отбора обратно в шкаф. Норма улыбнулась.

– Бал в джинсах... Оригинально.

– Ну, мама, ты же знаешь, это в лесу, у озера, будем прыгать через костёр, искать папоротник...

– И медведей, – продолжила за неё Норма.

Джинни скорчила обиженную гримаску, но рассмеялась.

– Ну, мама... – и, посмотрев на часы, ойкнула: – Ой, уже без пяти, он сейчас придёт.

Она засуетилась, одновременно одеваясь, причёсываясь и собирая разбросанные по кровати и стульям вещи. И тут зазвенел дверной звонок.

– Иди, встречай, – улыбнулась Норма. – Я сама уберу.

Джинни метнулась в прихожую, распахнула дверь.

– Здравствуйте, – улыбнулся ей Громовой Камень. – Вы готовы?

– Да, – она отступила, приглашая его войти. – Здравствуйте, заходите, выпьете чаю?

Громовой Камень переступил порог, улыбнулся вышед-

шей в прихожую Норме.

– Добрый вечер, – и уже Джинни: – Спасибо, но чая не надо.

– Добрый вечер, – улыбнулась и Норма. – Может, всё-таки...

– Нет, мама, – Джинни торопливо натягивала кроссовки. – Мы пойдём. Не беспокойся.

– Ну, ты же не одна, – улыбнулась Норма. – Мне не о чем беспокоиться.

Она сама не ожидала, что сможет так сказать по-русски.

– Спасибо за доверие, – очень серьёзно сказал Громовой Камень. – Всё будет хорошо.

– Всё, – взмахом головы Джинни высвободила из-под воротника курточки волосы. – Я готова. Мама, мы пошли.

– До свидания, – попрощался Громовой Камень.

Когда за ними закрылась дверь, Норма вздохнула. Конечно, она бы желала Джинни другого поклонника, но... Да, он – индеец, воевал, и, возможно, именно он убил Майкла, да, это вполне возможно, но... Но он образован, вполне окультурен и... надёжен. Да, вот подходящее слово. И самое главное – он нравится Джинни. Разумеется, муж Джен красив, и, пожалуй, самый красивый мужчина если не в городе, то в их доме, но чужой муж и грузчик на заводе, только-только научившийся читать и писать, а Громовой Камень холост и дипломированный учитель, так что... Нет, если благодаря ему Джинни оставит свою влюблённость в мужа Джен, это

уже будет очень хорошо и даже полезно.

О том, что именно будет происходить этой ночью у озера, Норма старалась не думать. В конце концов, она же сама сказала Джинни, что они должны теперь жить по местным обычаям. И Джинни не одна, и не мальчишка с ней, а взрослый мужчина, учитель... Норма снова вздохнула.

Как всегда, во вторую смену Эркин шёл домой с Миняем, разговаривая на всякие хозяйственные темы. Лето – варенья, соленья всякие, надо успеть побольше заготовить, пока всё дёшево.

– Твоя-то как, варит?

– Да, – улыбнулся Эркин. – Клубничного уже три банки. И малины.

– Ну, вся малина ещё впереди, – Миняй хмыкнул. – А зимой малина – первое дело.

Эркин кивнул.

– А у тебя на лоджии как? Растёт?

– Н-ну! – самодовольно ухмыльнулся Миняй. – Скоро урожай будет. Хоть горсточка, да своя. А ты? Посадил чего?

– Цветы в ящиках, знаешь, навесные такие.

– Где брал? У Филиппыча?

– Зачем? С Андреем сами сделали. А землю и рассаду во «Флоре».

– Дорого там.

– Зато без обмана, – возразил Эркин. – Слышал же, как

нагрели одного.

– А то нет. На то и рынок, чтоб ушами не хлопал, – кивнул Миняй. – И всё цветами засадил?

– Комнатную цветами, а на кухонной травы всякие. Ну, там укроп, петрушка...

– И хорошо растёт?

– Знаешь, – Эркин смущённо улыбнулся, – я с этими экзаменами так замотался, что и не смотрел.

– Ну, это понятно, – согласился Миняй. – Навесные – это, конечно, здоровско. По всей длине сделал?

– Ну да.

Они уже подходили к дому. Эркин нашёл взглядом свои окна. Светилось кухонное, значит, Женя ждёт. Он попрощался с Миняем и вошёл в свой подъезд, поднялся по лестнице. Дом спит. Как всегда, в это время. Жене завтра рано вставать, а она его ждёт, не ложится. Он совсем про всё забыл, как в тумане жил, только про учёбу и помнил, а остальное... Ведь делал эти ящики, покупал рассаду и семена, сажал, и всё будто мимо него прошло. Он открыл свою дверь и вошёл.

Всюду темно, только в кухне свет. Эркин повернул защёлку верхнего замка и, не зажигая света, стал раздеваться.

– Эркин, ты? – позвала его из кухни Женя.

– Да, Женя, – готовно откликнулся Эркин. – Я сейчас, только руки вымою.

В ванной светло, нарядно, приятно пахнет любимым мы-

лом Жени. Эркин вымыл руки, ополоснул лицо, разгоняя сонливую усталость.

На столе олады, сметана, чай, конфеты в вазочке. Эркин сел к столу и улыбнулся Жене.

– Женя, я...

– Поешь сначала, – улыбнулась Женя. – Ведь всё хорошо, так?

– Так, – кивнул он. – Всё хорошо. Но... я, – он ел и говорил сразу, – я как будто спал, а сейчас просыпаюсь. Женя, всё хорошо, но я... я обидел тебя, да?

– Ты что? – удивилась Женя. – Ничем ты меня не обидел. И не спал ты, ну, ты же всё делал, и работал, и по дому, и с Алиской возился, и с Андреем вы сколько сделали. Что ты выдумываешь, Эркин?

Эркин неопределённо повёл плечом. Он не знал, как объяснить Жене, что иногда на него... находит. И ведь в самом деле всё хорошо. Даже с Джинни, с мисс Дженнифер Джонс всё обошлось. И, вспомнив об этом, он улыбнулся.

– Да, Женя, всё хорошо. Даже... – он вдруг запнулся, сообразив, что тогда не рассказал Жене всего.

Она, улыбаясь, ждала, и Эркин, густо покраснев, опустил голову, сглотнул ставший вдруг безвкусным кусок олады.

– Женя, я... я не сказал тебе тогда... всего не сказал. Ну... ну, с Джинни...

– Я помню, – кивнула Женя. – Ты говорил, она была в том имении, где ты... жил.

– Да, – и как всегда, говоря о прошлом, он перешёл на английский. – И вот, понимаешь, в день, ну, когда нам Свободу объявили, хозяева сбежали, а она... то ли забыли её, то ли бросили, но она прибежала на скотную и за брикеты, ну, сена, спряталась. А я пришёл и услышал, что бык беспокоится. Бык злой был, кидался на всех.

Он рассказывал спокойно и обстоятельно. Женя слушала его, поставив локти на стол и подперев подбородок кулачками.

– Я уже вытащил её и вдруг подумал, что хозяйку спасаю, – Эркин смущённо улыбнулся. – Даже испугался. Ну, и стал ощупывать. А она отбивается, я сжал её, придавил. А как я узнаю? Ни по одежде, ни по чему ещё, я ж хозяйку не знал, видел только издали, да и то, по разам пересчитать можно. А в скотной темно. И тут вспомнил, что хозяйка серьги носила. Пощупал, а пальцы загубели, не чувствуют ничего. И я, – он улыбнулся, – языком попробовал, ну, мочки ушей.

К его удивлению, Женя рассмеялась, и он тоже весело закончил:

– Понял, что не хозяйка, и ушёл. А она уже сама слезла с брикетов и ушла из имения. Ну вот, а тут я её встретил. И, – он перешёл на русский, – на уроке, когда она по-учительски заговорила, узнал. И испугался. Ну, что она меня тоже узнала.

– Эркин! – у Жени распахнулись глаза. – И чего ты испу-

гался? Ты же её спас!

– Ну, Женя! – удивился её удивлению Эркин. – Это же... это как насилие.

– Что-что?! Эркин, да ты что, это же какой дурой надо быть, чтобы на тебя и такое подумать!

– Она подумала, – вздохнул Эркин. – Но... на выпускном, ну, когда она в яму провалилась, я её вытаскивал, – Женя кивнула. Она эту историю уже слышала, даже дважды. Сначала от Андрея, а потом от Нормы. – Ну, и она вспомнила, узнала меня. И потом мы поговорили, я... я объяснил ей. Как смог. Кажется, она поняла. Я... я не хотел её насиловать, у меня и в мыслях такого не было. Понимаешь?

– Конечно, Эркин. Ну, всё же уладилось?

– Д-да, – и более уверенно: – Кажется, да.

– Ну и хорошо.

Эркин понимал, вернее, чувствовал: Женя не поняла его, не совсем поняла, но не знал, как объяснить. И потом... если он начнёт настаивать, подробно рассказывать, говорить о насилии – это напомнит Жене о том, джексонвиллском. Нет, не надо. Женя забыла и пусть не вспоминает. Он облизал ложку и отодвинул тарелку.

– Уф, спасибо, Женя, как вкусно всё.

– На здоровье, – улыбнулась Женя. – Ещё чаю?

Эркин кивнул. И, когда Женя налила ему вторую «разговорную» чашку, улыбнулся.

– Женя, я нижний замок не закрыл, вдруг Андрей придёт.

– Ну, конечно, – кивнула Женя и улыбнулась. – Хотя, я думаю, он раньше утра не уйдёт оттуда.

Эркин рассмеялся.

– А как же! У нас из бригады тоже пошли. Петря с Серёней и Колька, они – холостяки все, так что... да, Женя, мы с Андреем, может, в субботу или в воскресенье к Кольке пойдём, крольчатник делать. Ничего?

– Конечно, идите, – горячо согласилась Женя. – Посмотрим, может, и мы с Алиской придём. Эсфирь, ну, Мама Фира звала варенье варить.

– Вот здорово! – обрадовался Эркин. – Значит, мы все вместе, да?

– Ну да, – Женя потрепала его по голове и встала, собирая посуду. – Иди, ложись, Эркин, уже поздно.

– Да, – он ловко перехватил её руку, поцеловал и тоже встал. – Да, Женя, – и вышел.

Убирая и готовя всё на завтра, Женя прислушивалась. Но озеро слишком далеко и с другой стороны, так что песен не слышно. Жаль. А может, и к лучшему. Нужно будет выбрать день и сходить на озеро. Позагорать, выкупаться, вода уже должна была прогреться. В это воскресенье вряд ли, а если в субботу? Наверное, так. А то вдруг дожди зарядят. Тогда надо зайти купить купальник Алиске, а Эркину и Андрею плавки и... и себе она посмотрит. А то её старый, ещё с колледжа, и немодный, и сидит уже наверняка не по-прежнему.

Когда она пришла в спальню, Эркин уже спал, и Женя ре-

шила, что расскажет ему о своей идее потом. Это же не срочно. Она сбросила халат, надела ночную рубашку и легла. И Эркин сразу, не просыпаясь, подвинулся к ней. Женя тихо засмеялась, обнимая его. Они так и заснули, в обнимку.

Россия

Царегородская область

Школа была в Алабино, и в дни занятий Андрей возвращался домой последним автобусом, а то и вообще ехал на попутке до поворота, а дальше шёл пешком. Напрямик, через луга и рощу, по узкой тропинке, так что брюки до колен намокали от росы. Пахло травой и отдыхающей от дневной жары землёй, в роще свистели и щёлкали птицы. Он уже знал, что это соловьи. Колюня ему много птиц показал.

Андрей улыбнулся, покрутил головой. Надо же, как он психанул тогда. А зря. Никуда Колюню не увезли, и Мама-ня... как она целовала его, благодарила, крестила и плакала. Будто он и её... и ей не чужой. Снимает теперь комнату в Алабино и работает санитаркой в госпитале. Чтоб к Колюне поближе, ну, и зарплата всё ж-таки. А он сам, как и раньше, ходит к Колюне. Поболтать. И вообще...

Из-за заборов его облаивали собаки, но без особой злобы,

так... для порядка. Но ивинские собаки не злые, а которые злые, так те на цепях и заботы там другие.

А вон и его проулок. И дом. Окна тёмные, все спят. Поздно же. Но калитка не заперта, как и входная дверь. Его ждут. Входя, он, как всегда, аккуратно запер за собой калитку и дверь. В тёмной прихожей, не зажигая света, разулся и босиком, неся ботинки в руках, поднялся к себе. И только, закрыв за собой дверь, включил свет. На столе стакан молока и тарелка с нежно-золотистым коржиком. Его ждали.

Андрей положил у двери сумку с книгами, быстро разделся, убрал свои вещи в шкаф и в одних трусах сел к столу. Что его кто-то увидит с улицы, он не боялся, хотя и не задёрнул занавески. Поздно уже, да и если увидят – не страшно. Вон у Серебрянки на пляже загорают каждый день. А в воскресенье там и шагу ступить негде. И все почти что нагишом, и никого это не волнует. А стакан надо отмыть, нехорошо, если присохнет.

Он взял посуду и по-прежнему в трусах и босиком пошёл вниз. Опять же не зажигая света, скользя, а не шлёпая босыми ступнями по полу, прошёл на кухню. Воду открыл еле-еле, чтоб не журчала. Вымыв стакан и тарелку – хотя, чего там мыть: ни соуса, ни жира – он поставил их на сушку и пошёл к себе. В душ он ходил после смены, так что сейчас вполне обойдётся. Теперь книги.

Андрей выложил на этажерку учебники и тетради, завёл будильник, быстро разобрал постель, скинул прямо на пол

трусы и нырнул под одеяло. Всё, день закончен.

Он вытянулся на спине, привычно закинув руки за голову. Всё хорошо, всё спокойно, всё безопасно. В открытое окно тянет ночными запахами листвы и травы, где-то лениво взлаивают собаки, птицы уже умолкли. Завтра у него вторая смена, он с утра всё успеет. Школа послезавтра, он в первую, так что завтра надо всё к школе сделать. Что там у него? Русский, как всегда, историю он прочитал уже, математика. Ну, это всё легко. Ладно, можно спать. В воскресенье... в Царьград... нет, он уже два воскресенья пропустил, не ходил в церковь, надо будет сходить, а то переживают за него. Ладно, ему нетрудно, а им приятно. Они-то всё для него делают. Они... любят его. Теперь-то он это понимает. И жизнь у него теперь, как у всех. И семья... почти, как у всех. Ну, всё. Подвёл итог, убедился, что всё хорошо, теперь можно и спать.

Он потянулся, поёрзав спиной и ягодицами по простыне, сдвинул одеяло к груди, чтоб не давило. Если вот так, под такие мысли засыпать, то и сниться ничего не будет. И хотя ему ни Паласы, ни хозяйева уже давно не снились, он старался засыпать так, как его учил Иван Дормидонтович, доктор Ваня. По правилам.

Внизу, в гостиной, отбили полночь часы. Обычно он у себя их не слышал, но сейчас так тихо... Да, а помолиться на ночь он опять забыл. Ладно, с утра двойную прочитает. Бог простит. Андрей улыбнулся, не открывая глаз. А может, он и в самом деле уже спал.

Работа, школа, да ещё хозяйство... Никогда ещё Крис так не уставал. Но усталость была приятной. И Люся на его отлучки совсем не обижается. Или просто не показывает своей обиды?

– Люся...

Они уже лежали в постели, и голова Люси на его плече.

– Да, Кирочка, – тихо откликнулась она.

– Люся, – повторил он и запнулся, подбирая слова. – Ты... тебе хорошо? Со мной.

– Ага, – счастливо вздохнула Люся.

И Крис решил больше не спрашивать. Если сильно приставать, то услышишь правду. А может, и впрямь... так положено. Чтоб жена мужа дома ждала, а не наоборот. И не то, чтобы он, как говорится, гулял на сторону. Всё ж по делу. И работа, и учёба... Повернув голову, он коснулся губами лба Люси.

– Спи, Люся. Ты устала, спи, отдыхай.

– И совсем я не устала, – ответила, не открывая глаз, Люся и хихикнула. – Что ты, Кирочка, от этого не устают.

– Хочешь ещё? – обрадовался Крис.

И, не дожидаясь её ответа, мягко повернулся к ней, дотронулся до груди. Но тело Люси уже засыпало, и он погладил её, успокаивая, усыпляя поглаживанием. Люся сонно вздохнула, обнимая его.

– Как хорошо, Кирочка. Как же мне хорошо, когда ты со

мной. Я самая счастливая, Кирочка.

– И мне, – ответно выдохнул он, хотя она ни о чём его не спрашивала, наверное, потому, что уже спала, и Крис, засыпая, всё-таки договорил: – И мне хорошо. Я тоже счастлив, Люся.

Сонная тёплая тишина, дыхание Люси, её тело рядом, кожа к коже. На мгновение ему стало тяжело дышать, и Крис несколько раз широко открытым ртом схватил воздух, но позы не изменил, не потревожил Люсю. Он никак не мог до конца поверить, что Люся... что он и Люся вместе. Люся с ним, и он защитит её от всего. Здесь всё хорошо, к ним хорошо относятся. Он так боялся, что над ними будут... смеяться, вышучивать Люсину беду, но всё обошлось. В глаза никто ничего, а если что за спиной, то они же этого не слышат, а, значит, этого и нет. И на работе всё хорошо. Хоть у него и краткосрочные курсы, но Юрий Анатольевич согласился, чтобы он работал в хирургии. Ничего, за начальную школу он сдаст, с сентября пойдёт на трёхлетний курс за среднюю школу. А потом в институт. В Военно-медицинскую Академию, ВМА, там учился Юрий Анатольевич. И другие врачи. Через год он получит гражданство, и в Академию – она же военная, студенты под присягой – его примут. Всё будет хорошо...

...Он сидит напротив Юрия Анатольевича, стараясь не отводить глаз и в нарушение всех вбитых ещё в питомнике правил смотреть прямо в глаза, но его смелости хватает нена-

долго, и он снова рассматривает разделяющий их стол.

– И что дальше?

Он молчит, но доктор Юра смотрит на него так, будто слышит его вопрос, и он нехотя спрашивает вслух.

– Что дальше, сэр?

Ответ неожиданный, так что он, забывшись, вскидывает глаза и смотрит открыто.

– Решай сам.

– Что, сэр? – потрясённо переспрашивает он. – Что вы сказали, сэр?

За такое доктор Юра должен его ударить, а не улыбаться. Он быстро опускает глаза, следя из-под ресниц за руками доктора. А доктор Юра говорит:

– Как тебе дальше жить, ты должен решить сам.

Он из последних сил сдерживается, чтобы не закричать:

– Я раб, мне нельзя решать!

Но он уже знает, что говорить этого не стоит. Всё равно ответ будет один:

– Рабство отменили, ты свободен.

Он уже слышал это, и не раз, но не верил. И сейчас не верит. Рождённый рабыней рождён рабом и всегда раб. Номер на руке, и ты – раб, навечно и до смерти. Рождён рабом, живёшь рабом и умрёшь рабом. Но этому, сидящему напротив, странному человеку он дал клятву, сам, никто не заставлял. Он должен верить его каждому слову, даже непроизнесённо-му.

– Чего ты хочешь?

– Остаться здесь, – сразу отвечает он.

И облегчённо переводит дыхание. Потому что доктор кивает.

– Хорошо. Оставайся. Будешь работать.

– Да, – сразу соглашается он. – Да, сэр.

Да, конечно, он будет работать, делать всё, что ему скажут, и тогда его не выгонят, оставят. Он уже понимает, что его клятву не приняли, он только ещё не понял, почему, но это неважно. Он остаётся здесь, с доктором Юрой. И с ней...

...Крис улыбнулся. Тогда он ещё не знал её имени и не понимал, что с ним происходит, вернее, боялся понимать, но всё это в прошлом. Люся теперь его жена, и Юрий Анатольевич разрешил ему работать рядом с собой. Нет, всё хорошо, на самом деле хорошо. А что было раньше... так оно ж было. Было да прошло.

За окном приглушенно зашумели деревья. Дождь? Да, дождь. Ну и отлично: завтра меньше поливать. Ночью дождь, а днём жара – говорят, это самое оно, что нужно для огорода. Не проспать бы, а то под дождь хорошо спится.

Россия

Где-то в лесах

Прошлое неповторимо. Новодел – всегда имитация. Как бы точно ни копировался подлинник, копия останется копией, искусственно наведённая патина может обмануть зрителя, но не исследователя. Бурлаков дописал строчку и привычно охватил быстрым взглядом всю страницу. Так, сегодняшние находки отмечены, описаны и заинвентаризованы. Работа для студента, от силы практиканта. Ну, а кто вы, профессор, после стольких лет перерыва? Так что... получил, что хотел. Угу. Профессор, доктор наук, руководитель, гм, ну, об этом можно и не вслух, едет рядовым работником в одну из множества рядовых археологических экспедиций куда-то в глушь, куда и почта не добирается, а связь только по рации, никаких перспектив для славы... какая скромность, какая научная самоотверженность, слёзы умиления и кручение пальцем у виска. Угу. Что и требовалось доказать. И показать кое-кому...

...Безликая гостиничная комната, на столике два нетронутых стакана и полупустая бутылка дорогого, но не роскошного, а точно под стать комнате спиртного.

– Тебе придётся исчезнуть.

Мишка смотрит спокойно, тон деловит, но не напряжён.

– Причина?

– Тебя ищут. Хотим отследить маршруты поиска. И лучше, чтобы тебя на виду не было.

– Именно меня?

– Рассчитывают так выйти на твою сеть. Не беспокойся, твоих «крысок» мы прикрыли. Ну, кроме...

– Кто уже на свету, – кивает он. – Но те либо не знают, либо умеют молчать.

– А некоторые, – усмехается Мишка, – говорят. Но так, что поиск становится невозможным. Из-за обилия возможных, но неизменно ложных направлений.

– Да, – улыбается он. – Учитель это умеет.

– Читал его интервью?

– Конечно. Он молодец. И школа его...

Мишка кивает.

– Там, – и неопределённый кивок на стену, – там у тебя всё налажено. А здесь... Поработают без тебя месяц-другой. А если до них и дойдут... Кадры проверенные, знают, что, где и как.

– Да, – кивает он. – Лагеря всё равно сворачиваем. Да, практически, только в Атланте и остался. Имущество частью вывезем, частью распродадим. Покупателей твои отследят.

– Правильно, – соглашается Мишка. – И пусть твои идеалисты-бессребреники туда не лезут, только помешают.

– А выручка вся твоя?

– А как же! – ухмыляется Мишка. – И нечего было такие щедрые ссуды давать. Знаю, знаю я все твои расклады и аргументы. Изящно было сделано, не спорю. Но уже сделано. Закончилась та игра, Гошка. Другие начались. Послевоенные.

– Предвоенные, Мишка, – поправляет он. – Послевоенными мы занимались до нашей Победы и ихней Капитуляции. А что начинается после войны, это уже предвоенные к следующей. Азбучная истина, между прочим.

– Азбучная, – соглашается Мишка. – Так что давай, линияй из Царьграда на всё лето. Обоснованно, эффективно и эффективно...

...Бурлаков закрыл дневник и встал. Лагерь археологов жил обычной вечерней жизнью. Голоса, смех, тьяканье приبلудного щенка с бессмертным именем Шарик. Что ж, обоснование оказалось действенным для всех, достаточно эффективным, а эффективность просчитаем, как и положено считать – по осени.

– Игорь Александрович, – позвали его снаружи. – Ужинать...

– Спасибо, Галя, – отозвался он. – Иду.

И, выйдя из палатки, окунулся в так знакомый, любимый мир. Да, прошлого не вернуть, но разве это не подлинность? Сбитый из досок походный стол на козлах, каша с лесным дымком, чай с брусничным листом, деревенский ноздреватый хлеб и самое главное – разговоры. Где житейское и на-

учное, воспоминания и предсказания, острые на грани приличия шутки и глубокомысленные изречения, – всё впере­мешку. То, что он всегда любил больше всего, что помнил с детства с чайных и не только вечеров в дедовском доме, и по чему так тосковал, а что главным за столом Вениамин Строк­ов, его собственный – когда-то давным-давно – студент и аспирант, так это жизнь повернулась таким Макаром. И он не в претензии, могло быть и гораздо хуже. Блаженное чув­ство свободы, не безопасности, а безответственности. И лек­ционное турне от него никуда не денется, Мишка, наверняка его уже тоже в свои планы включил. Да, он – уже не студент, и юность не вернуть, и не войти дважды в одну и ту же ре­ку, потому как изменились и ты, и река, но он живёт, и не заново, а дальше... Молодые смеющиеся и хмурые лица, необидные сейчас шутки и подначки... Чёрный камень с ровными строчками... нет, не надо, не хочу. Да, Серёжа мог быть за этим столом, мог... если бы не эта проклятая война и трижды проклятая Империя. И, как всегда и всюду, неиз­бежный разговор о войне. Всех ведь затронула, по каждому шипастым катком прокатилась.

– Игорь Александрович, а как же там было? В Сопротив­лении?

Все лица обращены теперь к нему: он единственный знает и может рассказать. Бурлаков медленно кивнул. Да, это надо, но...

– Даже не знаю, с чего начать, – и улыбнулся, заметив по-

нимающую усмешку Строкова. – Спрашивайте.

Они смущённо переглядывались, как-то не то что неловко, но...

– Игорь Александрович, – Галя смотрит на него, до предела распахнув свои обычно узкие, словно прищуренные глаза. – Ведь это уже не тайна? Всё уже известно?

– В истории всегда известно только что-то, – негромко, как про себя, говорит Строков.

– Да, – кивает Бурлаков. – Абсолютно полное знание невозможно, – и улыбается Гале. – Да, многое уже не тайна. Но известно далеко не всё. И если собирать информацию, то надо это делать сейчас. А источник один – люди и их память.

Стол взрывается многоголосием.

– Но, Игорь Александрович, ведь «врёт как очевидец».

– И неужели ничего материально?!

– А имперские архивы?!

– Ничего бесследного нет!

– Хоть что-то, но должно же было уцелеть!

Бурлаков слушал этот взволнованный гомон, соглашался, спорил и пояснял. Да, в архивах СБ кое-что уцелело, там можно искать и кое-что найти. А у кого сейчас хватит сил читать протоколы допросов с отстранённым вниманием историка? С архивами СБ и вообще имперскими сейчас работают. Но не историки и с другими целями. Да, вы правы, исследование начинается с вопроса, ответ получают в результате поиска, а не ищут подтверждения уже готовой гипотезе.

Да, цель не оправдывает средства, она их определяет, и замена средств меняет и цель. И многое уничтожалось вполне сознательно и целенаправленно. По отсутствию источника можно реконструировать, какие именно вопросы не хотели услышать. А расспрашивать людей? Как это делают фольклористы и этнографы? Да, каждое высказывание субъективно, но если опросы массовые, то можно вычленить статистическими методами. Но ведь и уцелевших немного. Для статистики маловато будет. Все дружно смеются, услышав давно ставшую крылатой фразу из какого-то старого, но всеми любимого фильма. А разговор продолжается. И как вы планируете эти расспросы? Расскажите, как у вас на глазах пытали вашего друга, а вы изображали, что видите этого человека впервые и вообще всей душой за Империю и рабство? Так? И что вам ответят?

– И не забывайте. Навыки конспирации въедливы. Будут отказываться и молчать просто по привычке.

– Точно, – кивнул один из студентов в гимнастёрке с нашивками за ранения и следами от погон. – Военная тайна! И всё тут.

Многие закивали, соглашаясь.

– Да...

– Кто служил, тот знает.

– А раз знает, то лишнего не скажет.

– И не спросит!

– Да, – кивает Строков. – Даже о революционном движе-

нии до сих пор нет объективного исследования.

– Но тех ветеранов всех опросили. Ещё когда!

– И результаты опросов положили в архив!

– Там же до сих пор архивы закрыты! – возмущается кто-то. – И зачем?! Столько лет прошло!

– Видимо, – усмехнулся Бурлаков, – Это ещё современность.

– А о войне...

– О войне ещё рано писать, – студент в гимнастёрке даже ладонью по столу прихлопнул. – Какая это история, когда боль живая.

– Так что?! Ещё сто лет ждать?! – возмущается Галя.

– Мы раньше вымерем, – отмахнулся он от неё. – Тогда и пишете. Что хотите. Из могилы не поспоришь.

На секунду ошеломлённое молчание и тут же возмущённый взрыв. Что считать историей? А что истиной? И возможна ли истинная история? Бурлаков с наслаждением окунулся в этот кипящий бестолковый и упоительно безоглядный спор, изредка переглядываясь со столь же наслаждающимся Строковым.

Спорили, болтали и пели уже у традиционного костра и засиделись бы до рассвета, но в раскоп надо идти выпавшись, а то ещё череп с берцовой перепутаешь.

Вернувшись в свою палатку, Бурлаков ещё немного посидел над своими записями. Вот от чего он совершенно отвык, так это от дневников. Отвыкал мучительно, вернее, приучал

себя вести дневник только мысленно, без записей. И вот... опять можно писать. Даже странно. Да, и Маше письмо. Почта... через два дня. Почтальон оставит письма и заберёт готовые к отправке. Ждать, пока прочтут и напишут ответы, не будет, ну, часок его за чаем продержат, но не дольше. Так что, пишем сейчас, а тогда только приписочка в конце по обстоятельствам. Вот так. И не думать о прошлом, как это ни трудно. Не думать. Когда-то ты умел держать себя в руках. Вот и держи. Вот и молодец.

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

После гроз всё будто с новой силой пошло в рост. Саймон

гордо показывал Джонатану сад.

– Так что, масса Джонатан, совсем оправилась, – он ласково погладил ствол яблони, – это хорошая яблоня, масса, её обожгло тогда, а теперь выздоровела. Она даст много яблок, масса.

– Хорошо, Саймон, – Джонатан с улыбкой оглядывал усыпанные начавшими созревать плодами деревья. – А груши как?

– Две очень хорошие, масса, остальные ещё болеют. Одну вырубить надо, масса, – Саймон горестно вздохнул. – Умерла, масса.

Вздохнул и Джонатан.

– Тогда руби, конечно. Остальное ещё раньше расчистили.

– Да, масса, остальное в порядке, масса.

Да, как Саймон взялся за сад и огород, так и стало в порядке. Всё растёт и плодоносит, как ему и положено.

– Мелюзга не шкродничает? – улыбнулся Джонатан, заметив в кустах мордашку Тома.

– Как можно, масса?! – выкатил в притворном ужасе белки Саймон и уже серьёзно: – Зачем шкродничать, если по правилам можно.

Джонатан кивнул. Порядок здесь завёлся как-то сам собой, как и с молоком. Зачем тайком из ведра хлебать, если тебе за столом полную кружку наливают, и масло ещё, и творог всегда не всегда, но частенько. И с ягодами так же. А падалицу Роб собирает и тащит на компостную яму, а пропо-

лотое на скотную. В саду сорняк, а скотине приварок.

– А здесь, может, цветов, масса? – неуверенно предложил Саймон.

Они стояли на лужайке у бывшей террасы Большого Дома. Джонатан задумчиво покачал головой.

– Не думаю, Саймон. Дом доламывать будем.

– А там и новый строить, – понимающе закивал Саймон. – Какие уж цветы на стройке. Понятненько, масса, так что лужком оставить. Трава-то уж здесь ничего, я её подкошу, масса.

– И на скотную, – вылез появившийся как из-под земли Роб.

– А если подумать? – чуть насмешливо посмотрел на него Джонатан.

Роб растерянно приоткрыл рот.

– Ага-а, – сообразил Саймон. – Полыни же много, масса, молоко загорчит.

– Лошадям скошенное, – распорядился Джонатан.

– Ага, ага, масса, – закивал Саймон. – Сделаем, масса.

И вдруг лай, визг, детские и женские вопли, щёлкнул... Выстрел?!

Когда Джонатан влетел на двор, всё уже было кончено.

Вьюн и Лохматка дотрёпывали уже мёртвую крысу, а столпившиеся вокруг Мамми, Дилли, Эрсси, Молли и Гвен наперебой рассказывали друг другу, где они были, да как испугались, да куда бежали, Роланд выяснял у Молли, не слыш-

ком ли она испугалась, Дик и Билли хвастали, что в Заваруху они таких крыс дюжинами давили и ели, визжали что-то совсем невразумительное Том, Джерри и Джой, сосем забывшая, что ей уже десять и она большая, гудел совсем пошмелиному Сэмми, успокаивая Дилли, Эйб объяснял, что ни Монти, ни коровы, ну, ничуть не испугались.

Джонатан взглядом нашёл стоящего в дверях конюшни Фредди и убрал колыт в кобуру. Подошёл, вытирая руки ветошью, Стеф и кивком показал на щенят.

– Сообразили, теперь дело пойдёт, – и тихо: – Кровь всегда скажется.

Джонатан кивнул.

Стеф вытащил из кармана резиновые перчатки и натянул их.

– Ну-ка... – подошёл он к щенкам. – Дик, Вьюна держи, да за хвост возьми, вот так, правильно, цыц, Лохматка, дай, ну-ка, дай, – и прямо из пастей вытащил остатки крысы.

– И куда её, дядя Стеф? – почтительно спросил Дик, с трудом удерживая за хвост рычащего Вьюна.

– В топке сожгу, чтоб заразы не было. Рол, песком с известью присыпь, чтоб не расползлось.

Роланд быстро искоса глянул на Джонатана и, поймав его кивок, бросился за песком и лопатой. Мамми, подозвав щенков, кормила их лепёшкой, чтобы не мешали и не раскапывали кровавые пятна.

– Дай им мяса, Мамми, – распорядился Джонатан.

Больше он ничего не сказал, но толпа рассосалась, как сама собой.

Подойдя к Фредди, Джонатан достал сигареты. Фредди кивнул и взял у него одну.

– В первом бою надо победить, – улыбнулся Джонатан. – Так, ковбой?

– Сам знаешь, – усмехнулся Фредди. – Выгнали они её сами, хватка у кобла есть, за ушами точно взял, да челюсти пока слабоваты. И зубы не все.

– Это когда ты ему зубы смотрел? – искренне изумился Джонатан.

Фредди неопределённо пожал плечами и, считая вопрос исчерпанным, пошёл в загон к лошадям.

Происшествие обсуждалось долго. И даже сообщение Саймона, что малина поспела и надо уже убирать, пока не осыпалась, только на время отвлекло общее внимание от великой битвы и победы.

– Вот завтра и наберёте, – кивнула Мамми. – Я варенья наварю.

Роб задумчиво облизал ложку.

– А дикая пусть что, зазря пропадает?

– Она сама по себе, – пожал плечами Саймон. – Коль не растят, то и не убирают.

– Верно, – кивнул Сэмми. – Завсегда так было. Да и далеко она.

Остальные тоже закивали.

– А чего ж нет? – возразил Стеф. – Далеко не далеко, а дикая малина мала ла душиста.

– Да сколько они наберут без присмотра? Слопают больше, – начал Саймон. – Да никогда ж раньше... – и осёкся.

– Ну, так то раньше, а то сейчас, – спокойно возразил Стеф. – Сэмми, пустишь Билли?

– А чего ж нет, – сразу кивнул Сэмми.

Ребятня притихла в предвкушающем ожидании.

И решили, что завтра с утра все малые и пойдут, а садовую сам Саймон с Эрси и уберёт, чтоб ягодка к ягодке легла, тогда и на продажу можно будет, ну, и если что, то остальные бабы подмогнут.

И снова заговорили, что Выюн – щенок ещё, а смотри, как показал себя.

Фредди удобно расположил ноги на каминной решётке и отхлебнул.

– Неплохо, Джонни.

– Если ты о моём произведении, то согласен и признателен.

– Твоё произведение, – Фредди покачал свой стакан и посмотрел сквозь него на огонь, – слишком традиционно. Школяр ты, Джонни. Старательный, правда. А я о Роле. Не знал, что он в собаках разбирается. В жеребёнке и то угадаешь не всегда, а щенок... они же все один к одному, Джонни.

Джонатан кивнул.

– Я тоже думал, что он взял первое, что ему дали, а выходит, с выбором и разбором. Думаю, там, ну, где он раньше был, держали собак. И рабов ими не травили, а то бы он не приглядывался.

– А, может, и ходил за ними, – задумчиво согласился Фредди. – Больно уж много он об этом знает.

– Собачий питомник? – удивился Джонатан, но тут же кивнул. – Да, вполне резонно. Набил глаз.

– Угу, – Фредди отпил, погонял во рту и проглотил терпкий напиток. – Ты о той стороне думал?

– Вдвоём мотаться накладно, согласен, – Джонатан так же покачал свой стакан, словно прислушиваясь к шуршанию льдинок. – По очереди?

– Составим общую схему, согласен?

– Царьград нам не по зубам.

– Столица есть столица, – кивнул Фредди.

– Тогда по регионам.

– В Пограничье каша, Джонни. Вода слишком мутная.

– Можно поймать большую рыбу.

– И напороться на большой крючок. К тому же, Джонни, учти. Там, где была Империя и фронт, английский слушать не любят.

– Слишком длинные трассы, будем терять на перегонах.

– Чака через границу? – Фредди удивлённо посмотрел на Джонатана. – К нему Бульдог такой хвост прицепит, что всех клиентов распугаем.

– Зачем? Чаку здесь вполне хватает. Свяжемся с «Гермесом».

– Двойные коммиссионные? – весело хмыкнул Фредди. – Лихо. Но «Гермес» – крупная фирма. Может нас и отодвинуть.

– Может, – кивнул Джонатан. – Но и подумает. А «Октава» не торговец, а посредник. «Гермесу» тоже не всегда прямые контакты удобны. И, – Джонатан задумчиво покачал перед глазами стаканом, – пошарь аккуратно, Фредди. Через границу перевозки дороги, но прибыльны.

– Резонно, – передразнил его Фредди. – Но и опасны, Джонни. А ты пошарь в Экономическом. С Айртоном как? – и в ответ на показанный ему оттопыренный большой палец удовлетворённо кивнул. – Совместная отсидка сближает. Сокамерник как никак.

– Знаю, – Джонатан усмехнулся. – Кстати, Паука он не любит.

– А что, есть любящие? – изумился Фредди.

– Боятся его ещё многие, – улыбнувшись, серьёзно ответил Джонатан. – Против не пойдут.

– Поддержат?

– Предпочтут выждать. Многие благодарны русским за то, что придавили Паука. Вместе с Империей, но власть меняется, а деньги остаются. А вот тут совсем интересные, – Джонатан усмехнулся, – нюансы и аспекты. За Пауком тоже кое-кто стоял, помогал и поддерживал. Им он теперь не нужен,

и они ищут нового, а заодно и тех, кто обидел их... Сам Паук... Хэллоуинская резня здорово подкосила его. Ведомства первенца нет. От «Старого Охотничьего Клуба» одни клочки по закоулочкам, боятся шевельнуться, чтобы русские не заметили. «Белая Смерть» там же в той же и ещё глубже. Кровопускание русские им устроили знатное.

– Ну, они и сами старались.

– Да, программа самоликвидации СБ оказалась выгодна. Особенно тем, кто за Пауком и хотел спрятать концы.

– Подстава?

– Думаю и это. Здесь слишком много игроков, Фредди. Лавировать надо очень осторожно. Да, кое-что прояснилось. Знаешь, у кого все счета СБ и выморочное имущество жертв СБ? У профессора Бурлакова! – Джонатан довольно расхотался, видя изумление Фредди. – Экономический Клуб до сих пор в шоке. Как чисто и быстро это было провёрнуто. Вот на эти деньги его Комитет и устроил репатриацию, выплаты ссуд и компенсаций. Представляешь, каждому репатрианту-жертве, говорят, не знаю только в рублях или кредитах, десять тысяч и ещё столько же на семью. Беспроцентно – это точно, а если всё по правилам, ну, там есть свои заморочки, то и безвозвратно. Ну, и ещё. По людским ресурсам. Нам скинули всех пленных, которые ни хрена не умеют, кроме как воевать и то весьма хреново, а забрали своих, умелых, обученных, работающих, семейственных...

– Угу, – Фредди углубился в размышления. – А просто

жертве, без репатриации?

– Вроде чуть меньше, – пожал плечами Джонатан. – А что?

– Сколько ни дадут, всё подмога, – деловито рассуждал Фредди. – Тебе сложно, а я сойду. Сидел, здоровье терял. Уорринг всё же. Чем не жертва?

– У тебя есть доказательства? – так же деловито поинтересовался Джонатан. – Ну, номер на руке не нужен, в лагере ты не был, засыплешься на допросе. Характерные шрамы... залечены. Розыскная карта есть? Или начальник тюрьмы подтвердит, как свидетель?

– Когда не везёт, тогда не везёт, – мрачно ответил Фредди. И оба счастливо заржали.

Отсмеявшись, Фредди допил свой стакан и встал.

– Двадцать тысяч большие деньги, но жадность до добра не доводит, Джонни.

– И когда ты это узнал?

– В Аризоне это с пелёнок знают, – ответил Фредди, поставил свой стакан в бар и потянулся, упираясь кулаками в поясницу. – Всё?

– Со Стефом о посёлке говорил?

– Стеф не против. Свой дом... всё сказано.

– Остальным он объяснит, – кивнул Джонатан и встал. –

Неделю дадим пошуметь и начнём.

– Место присмотрел?

– Завтра покажу.

И посмеялись, и всё решили. День кончен. Фредди ушёл к

себе. Джонатан убрал в баре, постелил себе и разбил головни в камине, чтобы ночью не стрельнули искрой. И стада нет, и догляд за хозяйством лучше, чем в прошлом году, а они ещё сильнее завязли. Но он и не хочет по-другому. Так, основа заложена, товарное стадо будет через два, ну, три года, хозяйство, в основном, сделано, не прибыльно, но и не убыточно, теперь посёлок, затем разобрать Большой Дом уже до фундамента, и его почистить, там тоже могут быть... сюрпризы, и начать строить уже свой дом, на это кладём... Пяти лет хватит? Нет, пока конкретизировать не будем. Тем более, что ни «Октаву», ни точки упускать нельзя. Чтобы всё крутилось, тикало и капало, спешить нельзя. И останавливаться тоже.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Тянуть с крольчатником больше было нельзя. В следующие выходные уже покос. С кроликами успеется, а вот стройку надо до покоса свалить.

– Страда, понимаешь?

Колька, сгорбившись над тарелкой, хлебал щи. Эркин кивнул. Слово это он слышал не раз и уже хорошо понимал.

– Сделаем. И с покосом поможем.

– Умеешь косить? – удивился Колька. – Откуда?

– Приходилось, – кратко ответил Эркин.

Вспоминать имение и, тем более, говорить о нём, ему не хотелось. Вряд ли Колька понял причину его немногословности, но настаивать или расспрашивать не стал.

– Вообще-то, по правилам, четырнадцатого начинают, – заговорил опять о покосе Колька.

– Начни тут, – хмыкнул Саныч, – когда в первую работаешь. А покос с утра хорош. По росе. И хоть сдохни, а, кроме субботы с воскресеньем, других дней нету.

Разговор сразу стал общим. Своего хозяйства не было только у Эркина и Миняя, а у Ряхи то ли не было, то ли он им не занимался. Ну, так Ряха он Ряха и есть, чего с него? Он даже и не пытался встрять в общий разговор со своей трепотнёй.

За работой особо не поговоришь, бегали, как всегда во вторую смену. Потому как, раньше управимся – быстрее свалим. Эркин работал тоже как всегда: споро и без лишней суеты. Подходя к очередному контейнеру, он уже издали видел, как его ухватить и куда придётся катить. И, опять же как всегда, работая, он думал о своём.

Вчера они с Андреем до работы пошли к Кольке.

– Строить, – объяснял по дороге Андрей, – чтобы не абы как, так заранее и посмотреть, и разметить надо.

– Ну, понял, – Эркин искоса посмотрел на него. – Как на Купалу гульнул?

– Аж небо загорелось, – весело ответил по-английски Андрей.

– И купался вместе? – невинным тоном спросил по-русски Эркин.

Андрей покраснел, но ответил тоже по-русски.

– Так по закону-обычаю положено. Не я ставил, не мне и ломать.

Эркин засмеялся.

– Ну, разве что так.

Засмеялся и Андрей.

– Слушай, а я кутойса там видел. И знаешь, с кем? С Джинни. Пришли вместе и ушли вместе. Положил он на неё глаз.

– И пуск ай, – улыбнулся Эркин. – Тебе, что ли, дорогу перебежали?

– Я не жадный, – хохотнул Андрей. – Да с такой крутить, это ж жениться надо. А мне и так хорошо.

Эркин охотно рассмеялся, соглашаясь и с первым, и со вторым утверждением.

Придя с купальской ночи, Андрей завалился спать и спал чуть ли не до полдня. Зато сейчас... как огурчик.

Материал у Кольки был уже закуплен, и место размечено.

Но чтоб Андрей да не взбрыкнул... хотя... и взбрыком-то не назовёшь. Так вдруг ни с того, ни с сего... Они чертежи в книжке смотрели, сидели в саду под яблоней, и Андрей вдруг:

– А Семён что, совсем не встаёт? Есть, я слышал, кресла такие, на колёсах.

Колька нехотя ответил:

– Есть. Да громоздкие они, дредноутом. Ни в дверь не пройдёт, ни с крыльца не спустишь. А складное за свои деньги, а там уж цена... ни по его пенсии, ни по моей зарплате.

Они молча слушали, А Колька яростно – видно, накипело – и тихо, чтоб не услышали хлопочущая в доме и саду Эсфирь и бегавший за ней Колобок, выкладывал:

– Дембельские мои на дом ушли. Расплатились, а земля-то не моя, в аренде, да за огород аренда, да клин под картошкой, чтоб зимой не загнуться на голой крупе, да ещё покос я снял. Сено-то покупное зимой, знаешь, как кусается. А Маньку кормить надо, а то хрен молока нюхнёшь. Маму Фиру с домом-то хорошо нагрели. Меня-то не было, я служил ещё, а она с Колобком на руках, и Семён в госпитале ждёт, когда его домой заберут. Ну, и подписала всё. Родня деньги-то ей дала. Да в рост, да на бумаге одно, а по жизни больше. Или живи, дескать, у нас, да по хозяйству помогай, это батрачкой, значит, дармовой. Я ж, считай, только на аренду эту, чтоб её... – в его речи всё чаще проскакивала горькая ругань – только и работаю. А без овоща и картошки

своей загнёмся. А Семё лекарства нужны. Процедура-то здесь никаких. Хорошо ещё, врач от ветеранского Комитета раз в квартал, ну, бесплатный осмотр, ну, и лекарств оставит. А их на месяц хватает, прикупай за живые деньги. Ладно, – он махнул рукой, выругался длинной сложной конструкцией и достал сигареты.

Андрей достал спички, но Колька упрямо, пряча лицо, щёлкал своей самодельной зажигалкой. Андрей тоже вынул сигарету, взял у Кольки зажигалку, прикурил и дал затянуться Эркину.

– Слушай, – наконец заговорил он, – а если Семёну лежак здесь сделать? Или кресло складное, ну, вроде шезлонга. Расставил, да хоть прямо здесь, вынес и посадил. А на ночь убрал. Чем плохо?

– Хорошо, – вздохнул Колька. – А где такое взять? И почём оно?

– Почём, не знаю, а видеть, видел, даже чинить приходилось. Ну и... читал. Так что... покумекаю. Рейки нужны, полудюймовка сойдёт, сам напилю, болты там, гайки... не проблема, – Андрей говорил задумчиво. – Так что, попытка не пытка, – и улыбнулся. – А про почём заткнись, я и врезать могу.

Помолчав, Колька кивнул.

– Спасибо.

– Спасибо будет, когда сделаю, – ухмыльнулся Андрей.

С крольчатником договорились на субботу. Уложатся за

день – хорошо, а нет – воскресенье прихватят.

И сегодня Андрей с утра ушёл в библиотеку, а оттуда на рынок. Поискать чертежи и купить материал. Завтра пятница, с утра они вдвоём и займутся. застелют газетами пол в большой комнате, чтоб не повредить паркет, там будет и светло, и просторно. Жене эта идея кресла для Семёна тоже понравилась.

– Конечно, Андрюша. Всё правильно.

Что такое шезлонг, Эркин представлял. В Паласах были, и работать случалось. Со складным лежаком тоже дело имел. Так что... отчего же и нет...

...Суббота выдалась солнечной и жаркой. Эркин, Андрей и Колька строили крольчатник, Эсфирь и Женя варили варенье из поздней клубники, Алиса и Колобок бегали по двору и саду, а под яблоней в новом кресле полулежал Семён. Гудели пчёлы и стучали молотки, детский визг и взрывы мужского хохота, неразборчивая женская скороговорка...

Семён уже успокоился и лежал, разглядывая зелёную листву над головой, маленькие только-только завязавшиеся, зеленее листвы яблоки. Рядом на табуретке стакан с питьём из варенья, накрытый от ос и пчёл блюдечком, под рукой книга, но он просто смотрит. И слушает. Он же думал, что ничего этого у него уже не будет. Никогда. И вот... солнце, зелень, тёплый свежий ветер на лице. Он жив, оказывается, в самом деле жив.

Таз с вареньем стоял на трёх кирпичках, между которыми

горел огонь. В тазу булькала, пузырилась и упоительно пахла красная густая жижа с комками ягод.

– Клубника в этом году хорошая, солнца много, – Эсфирь снимает на тарелку пенки. – А малину ты ещё не варила?

Нет, – Женя обтирает края таза мокрой тряпочкой. – Баба Фима, она в нашем доме живёт, сказала, что малина позже будет.

– Малина лесная хороша, – вздыхает Эсфирь.

Вздыхает и Женя. Понятно, что Колька за малиной не пойдёт, не мужское это дело, а Эсфирь некогда, ну, Колобка бы она ещё и взяла с собой, а Семёна-то на весь день не бросишь одного. Но думать о неприятном не хочется: такой славный день сегодня.

– А кроликов каких будете держать? Мясных или пуховых?

– Мясных, наверное. Я прядь не умею, а чесать да в пряжу отдавать... морока лишняя.

– Да, и за пряжу платить придётся, невыгодно, – понимающе кивает Женя. – Но всё равно хорошо. И мясо, и шкурка.

– Да, и прокормить их можно недорого.хлопот, конечно, прибавится.

– Ой, – засмеялась Женя. – Всё равно всего не переделаешь. Когда в Джексоновилле жили, с печкой, вода во дворе в колонке, уборной нет, выгребная яма во дворе... крутилась, минутки свободной не было. А здесь в доме со всеми удобствами, и всё равно хлопот полно.

– Да, – согласилась Эсфирь. – Домашнюю работу всю не переделаешь. Чего-нибудь, да не успеешь. То одно, то другое.

Сняв пенки, Эсфирь встала и подошла к Семёну.

– Как ты, Сёма? Не жарко тебе?

– Нет, – улыбнулся Семён, не отводя от листвы глаз. – Хорошо.

– Давай я тебе подушку поправлю.

– Ага, спасибо.

Эсфирь переложила подушку. Вот так ему будет удобнее.

Колька опустил молоток и посмотрел на них. Сад маленький, со двора просматривается. А ведь он не поверил сначала Андрею. Ну, не совсем поверил.

Сделать за два дня, и не просто топчан или лежак, а чтоб и Семёну удобно, и чтоб складывался, и для переноски приспособлено, и... и ещё много всего. И сам Андрей ведь не гуляет, а работает, полдня отдай и не грехи. И... ну, прямо как свой братишка, как, скажи, из Новоморска пацан. Когда сегодня утром, рано ещё совсем было, они с Мамой Фирой только-только полили самое, что без воды терпеть не может, Колобок только проснулся, а уже соседский кабысдох загавкал и в дверь постучали.

– Эй, есть кто живой? С добрым утром вас!

И началось, и завертелось.

Стали собирать кресло. Вернее, оно уже было собрано, но разложить, сложить, вынести, место в саду найти, чтоб не

на солнце, а то, упаси боже – заволновалась Мама Фира – солнечный удар можно заработать, снова разложить. Мама Фира суетилась с подушками, перинами. Семён, как обычно, поздоровался с гостями, но, услышав о кресле, замолчал вмертвую, сцепил зубы и к стене отвернулся, только губы дрожали.

Когда установили кресло, уложили перину и подушки, они втроём – Колька, Эркин и Андрей – пошли к Семёну. Не Маме же Фире его поднять и тащить. Колька помог Семёну сесть, откинул одеяло. Семён схватил его за шею, Колька взял его было за спину и под ноги, но тут вмешался Эркин:

– Нет, так неудобно, давай я.

Колька мог, конечно, заспорить, поднимал же он так Семёна, чтоб Мама Фира могла перестелить, не раз и не два такое было, но уступил, сообразив, что двери-то узкие, и через кухню нести – так то ли сшибить что, то ли Семёна к чему-то приложить... один хрен. А Эркин ловко повернул Семёна так, что тот оказался сидящим на краю, свесив ноги, и встал вплотную спиной к нему.

– Ничего не болит?

– Нет, – глухо ответил Семён.

Эркин плавно присел, оказавшись даже чуть ниже Семёна, забросил его руки себе на грудь.

– На шею не дави только, – деловито попросил он.

И, заведя руки назад, продел под коленями Семёна и, напряжив мышцы, свёл их вперёд, прижав Семёна к себе. И

медленно встал.

– Дверь открой.

Колька распахнул перед ним дверь в кухню.

Эркин шёл медленно и очень плавно. Странно: на плечах живое тело, он чувствует, а дальше просто тяжесть, как... как мёртвая, как мешок. Семён часто, со всхлипами, дышал, наваливаясь грудью на плечи и шею Эркина, стараясь удержаться, не сползти вниз. Эркин вышел на крыльцо, спустился по ступенькам и ровным размеренным шагом, знакомым Андрею ещё по той, алабамской, жизни, понёс Семёна в сад. Дойдя до уже подготовленного кресла, он повернулся к нему спиной и опустился на корточки, усадив Семёна на перину. Семён разжал руки и упал бы, если бы Колька не подхватил. Эркин выпрямился и отошёл, перевёл дыхание. Нет, Семён не настолько уж и тяжёл, просто... просто вспомнилось. И он отогнал эти воспоминания.

Колька и Эсфирь уложили Семёна, укрыли простынёй. Семён лежал, зажмурившись, и плакал. Беззвучно, дрожа лицом. Эсфирь аккуратно подоткнула ему под ноги простыню.

– Я тебе сейчас попить принесу. И книгу твою, хорошо, Сёма?

Он не ответил.

– Эркин, – позвала Женя, – разведи нам огонь, мы сейчас варенье варить будем, – и тихо Эсфири: – Фира, оставь его сейчас, пусть полежит.

– Я знаю, – так же тихо ответила Эсфирь.

Клубника у неё подготовлена: ещё с вечера перебрана и засыпана сахаром. Женя этого способа не знала. И вообще ей случилось варить джем, но не варенье. Так что ей сейчас ни до чего. Она так и сказала Алисе. Чтоб та играла с Колобком и не мешала.

Обидеться Алиса не успела, да и обижаться оказалось не на что. Мама разрешила бегать в одних трусиках, тётя Фира показала куст, с которого можно рвать и сразу есть ягоды, у Эрика и Андрюхи с дядей Колей повсюду валяются стружки, в саду бабочки и всякие жуки, а Колобок маленький и потому не задаётся. Правда, их гоняют и шпыняют, но это тоже как игра. Вот только дядя Семён лежит один и молчит. А... а если так... Если до этого Алиса ела ягоды, то теперь она их собирала в ладошку.

– Ты чего? – удивился Колобок.

– Дяде Семёну тоже ягод хочется, – внушительно ответила Алиса.

– Да-а, – согласился Колобок, с уважением глядя на Алису.

Набрав пригоршню, Алиса пошла к Семёну. Ни мама, ни Эрик, ни Андрюха с ней сейчас не то что играть, просто болтать не станут, она же не маленькая и всё сама понимает, они делом заняты и мешать им нельзя, но дядя Семён не спит и не читает, так что она в своём праве.

– Дядя Семён, – позвала она, подойдя к его изголовью.

Семён оторвался от разглядывания листвы и посмотрел на неё.

– Чего тебе?

– Вот, – протянула она ему пригоршню красных ягод. – Вот, они вкусные, вы же хотите.

– Спасибо, – улыбнулся Семён. – Ешь сама, я не хочу.

– А вы попробуйте, вот и захочется, – убеждённо сказала Алиса. – Чтоб хотелось, надо пробовать.

Семён улыбнулся и потянулся левой рукой. Алиса подставила ладонь, и он взял смородинку, кинул в рот и зажал её зубами так, чтобы сок изнутри брызнул на губы. Совсем особый вкус у смородины с куста, прогретой солнцем.

– Дядя Семён, берите ещё.

Подошёл Колобок тоже с пригоршней ягод.

– Во, Сёма, на.

Семён рассмеялся.

– Ух, молодцы, закормите меня.

Андрей обернулся на смех и голос, хмыкнул:

– Молодец племяшка.

Эркин кивнул. Конечно, они все заняты своим, а Семён один лежит, скучно и... неловко. А тут... Алиса сейчас его растормошит. Вон, он смеётся уже.

Колька, услышав смех Семёна, наклонил голову, скрывая лицо, сглотнул комок в горле. До чего же они все... что Мороз, что Андрей, даже Женя, даже Алиска... ведь малявка же, до пацанки не доросла, а что надо девчонка, морячке не

уступит.

Видя, что Семён берёт ягоды только левой рукой и ему приходится тянуться через грудь, Алиса решила зайти с другой стороны, ну, чтоб удобнее было. Но Семён остановил её. Ему доставляло удовольствие упираться локтем и поворачиваться на бок, ну, не совсем на бок, но хоть только плечи оторвать от подушки, чтоб и на шее ощутить ветерок. И болтовня детская, смешная и трогательная...

– Дядя Семён, – Алиса обтёрла о трусики ладошки, испачканные ягодным соком. – А во что мы теперь играть будем? В щелбаны или в «ласточкин хвостик»?

– А я в шашки умею, – заявил Колобок.

Такого удара, да ещё от Колобка Алиса не ждала.

– А я... а я в лото! Вот!

– Неси шашки, Колобок, – рассмеялся Семён. – Сейчас научишься.

Колобок побежал в дом, а Алиса за ним.

– Сёма, – подошла к креслу Женя, – она не мешает тебе?

– Да нет, Женя, – замотал головой Семён. – Мировая девочка.

Женя улыбнулась.

– Она приставучая. Как надоест, гони, – и, ойкнув, убежала к варенью.

Крольчатник получался... загляденье.

Похоже, Андрей и сам не ждал такого. Да и одно дело – переделывать и подправлять, а, значит, подлаживаться под

старое. И совсем другое – строить из нового. Работали, как и тогда: споро и весело. Напряжение первых минут прошло, да и знают они уже друг друга, не в первый раз совместно трудятся.

– Бог в помощь!

Они разом обернулись на хриплый дребезжащий голос. Навалившись на забор грудью, стоял и рассматривал их немолодой и весь какой-то мятый, изжёванный мужик. Эркину он неприятно напомнил Ряху, и его лицо еле заметно потемнело. Не высказал особой радости и Колька, ответивший с отстранённой вежливостью.

– Спасибо на добром слове, Тихоныч.

Услышав это, Андрей, безмятежно рассматривавший незваного гостя, насторожился. Если это от самый, что грозился ему руки-ноги переломать, то... повеселимся!

– Кольк, поди-ка на час, – попросил Тихоныч.

Колька опустил молоток и подошёл.

– Ну?

– Молод ты мне нукать, не запряг. Ты что ж это, соседей обижаешь? Мы ж тебя, жидёнка, приняли, понимаешь, а ты... – Тихоныч явно заводил себя. – Со стороны, понимаешь, наймуешь. Эт-то непорядок, обида, понимаешь, обидел ты меня, как есть, жидёнок, второй раз уже.

Тихоныч уже не говорил, а взвизгивал вперемешку с руганью. На шум вышел из своего дома сосед, из сада быстро подошла Эсфирь, а за ней и Женя. Увидев Женю, Эркин с

размаху загнал топор в брус, быстро подошёл и встал рядом с Колькой.

– Заткни пасть, – негромко и очень спокойно сказал он Тихонычу.

– А ты, краснюк, не встревай, клал я на вас, индеев краснозадых...

Эркин протянул над забором руку и взял Тихоныча за плечо.

– Кто я, повтори.

Тот поперхнулся и как-то осел набок под ладонью Эркина.

– Ну, ты чего? – Тихоныч попытался стряхнуть руку Эркина, но не смог и заговорил уже по-другому, без взвизгов и ругани. – Ну, я ж тебя знаю, ты заводской, чего ж ты дорогу перебегаешь, понимаешь, да ещё вон, притащил... – он покосился на Андрея, хотел ещё что-то сказать, но осёкся.

– Ну-ну, – Андрей зло улыбался, поигрывая маленьким блестящим на солнце топориком. – Сам заткнёшься, или как?

– Что? Что случилось? – Эсфирь испуганно оглядывала их.

Но ответил ей сосед, враскачку спустившийся со своего крыльца и тоже подошедший к заборчику.

– Пустое, соседка, – и Тихонычу: – И чего ж ты, не спросась, полез? Сябры они, помочью работают.

– А-а, – протянул Тихоныч. – Так это ж другое дело, чего ж ты, Коль, сразу не сказал, что помочь у тебя, я-то думал,

наймуешь.

Эркин ослабил ладонь и дал Тихонычу освободиться, а тот уже частил по-Ряхиному.

– Да ты, парень, ничо, я ж с понятием. Помочь это давнишнее, исконное наше, ты б, Коль, сказал, я бы подвалил со своими, а ты бы браги нам, как положено...

– Подвалил, – зло передразнил его Колька. – Ага, да за пятьсот рублей.

– Чо-о? – изумился сосед. – Ты что, Тихоныч, таких же и цен нет, даже с твоим матерьялом, ты чо? С перепоя, что так ломишь?

Тихоныч уже явно был не рад, что связался, а тут ещё Эсфирь вздохнула:

– Потому и не поладили, что цена несуразная.

– Эх, хозяйка, – крикнул Тихоныч, – да я б тебе узорочье пустил...

– По кошельку, – хохотнул Андрей. – Знаем мы таких... узорщиков.

– А ты, косорукий, помалкивай, – огрызнулся Тихоныч. – Молоко на губах не обсохло, а указуешь. Ты девкам указуй, отрастил вон, а мне...

– Чего-о? – взревел уже Андрей и вдруг, ухватив Тихоныча за шиворот, перевалил его через забор и поволок к стройке. – Я т-те счас покажу. Где я скосил? Ну? Найдёшь косину, я тебе сам сотенную выложу. Курятник я делал, где здесь косина? Ну?

Тихоныч сопел, отругивался, но осмотрел всё очень внимательно, а курятник чуть ли не обнюхал.

– Сам, говоришь, делал? – наконец внятно спросил он.

– С братом, – уже спокойно ответил Андрей, – и с ним, – показал он кивком на Кольку.

– Угу, – кивнул Тихоныч. – А брат где?

Колька заржал. Засмеялся и Эркин, и потому Андрей ответил весело:

– А вон стоит, глаза разуй.

– Ага, ясненько, – глубокомысленно заключил Тихоныч. – А придумал кто?

– А по книге, – весело ответил Колька.

– Там же чертежи есть, – как о само собой разумеющемся добил Андрей.

– Могёшь, значитца, – пробормотал Тихоныч.

Он ещё покивал, пожевал губами, оглядел разбросанный инструмент и раскрытый ящик.

– И струмент твой, значитца.

– А чей же ещё? – гордо ответил Андрей.

– Ну да, ну, оно, конечно, – Тихоныч быстро искоса оглядел Андрея и Эркина. – Ты, парень, тоже на заводе?

– На автокомбинате, в цеху, – Андрей, чувствуя, что спор уже решён и мастерство его признано, отвечал небрежно, даже чуть свысока.

– И много зашибаешь? – с плохо скрытым подвохом спросил Тихоныч.

– Сколько есть, всё моё, – хохотнул Андрей.

– Плюнь и разотри, – убеждённо сказал Тихоныч. – Брось и ко мне в бригаду давай. И брата бери.

Андрей вылупил на него глаза в непритворном изумлении.

– Ты что, дядя, с перепоя? Кто ж работу бросает?

– Да мы с тобой, знаешь, сколько зашибать будем?! – воодушевился Тихоныч. – Да...

– И кто ж по пятьсот рублей за крольчатник платить будет? – спросил Эркин. – Много таких?

Колька от смеха не устоял на ногах и сел на бревно. С удовольствием ржал и Андрей, грохотал басом сосед.

– Ладно, – дал им отсмеяться Эркин. – Мы работаем или как? – и быстро через плечо оглянулся, проверяя, как там Женя?

– Работаем, браток, – сразу ответил Андрей.

Колька кивнул и встал на своё место. Тихоныч хотел что-то сказать, потоптался, но только махнул рукой и ушёл. Незаметно ушли в сад и Эсфирь с Женей. Сосед постоял, глядя на их работу.

– Коль, ты книгу эту, ну, про курей, где брал?

– В библиотеке, Куприяныч, – ответил Колька, не отрываясь от работы.

– Угу, дашь мне её потом. Лады?

– Я сдал её уже. А про кроликов могу.

– Успеются кролики, – хмыкнул Куприяныч. – Ну, бог в

помощь вам.

– Спасибо... на добром... слове... – отдельно ответил Колька, поднимая на пару с Эркином щит настила, чтобы Андрей вставил и закрепил его.

Убедившись, что варенье не пострадало, Женя тихо сказала:

– Я даже испугалась. Эркин ведь горячий такой. И сильный...

Эсфирь улыбнулась.

– Да, я видела. Взял Тихоныча за плечо, так тот сразу книгу осел.

Колобок и Алиса, увлечённо игравшие рядом с Семёном в шашки, даже ничего не заметили. А Семён, только посмотрел на Эсфирь и, когда та успокаивающе кивнула ему, снова повернулся к малышам.

Оставив горячее варенье остывать, Эсфирь и Женя занялись новой порцией. Обед сегодня планировался холодным, что в такую жару даже лучше, и потому был приготовлен заранее и ждал своего часа в холодной нетопленной печи.

Дав малышам дважды сразиться с переменным успехом, Семён отправил их побегать и поиграть во что-нибудь другое. Эсфирь сразу подошла к нему.

– Поспишь, Сёма? Уложить тебя?

Семён нехотя кивнул и смущённо признался:

– Устал сидеть. Кольку позови, не берись сама.

Крутившаяся рядом Алиса сразу предложила:

– Я! Я позову!

И, не дожидаясь ответа, бросилась во двор.

– Дядь Коль! – зазвенел её голосок. – Тебя дядя Семён зовёт.

Колька сразу опустил доску.

– Случилось чего? – но спрашивая, он уже шёл в сад.

Разумеется, Андрей и Эркин последовали за ним.

– Он лечь хочет, – объясняла на бегу Алиса.

Но Колька уже сам сообразил, что ничего страшного не произошло. Так, какой тут рычаг? Ага, ясно. Приподнять и опустить спинку с изголовьем, приподнять и закрепить изножье. Вот и было кресло, а стал лежак.

– Удобно, Сём?

– Ага, спасибо.

Семён успокаивающе улыбнулся ему и закрыл глаза. Эсфирь поправила ему подушку.

– Отдохни, конечно, Сёма.

Эркин поправил огонь под тазом и встал.

– Вот так, Женя, большой жар ведь не нужен, да?

– Да, спасибо, Эркин.

Женя, откровенно любуясь, оглядела его.

– Как закончим, так и пообедаем, Мама Фира, – мотнул головой Колька, отвечая на шёпот Эсфири. – Мелюзгу только если...

– Не-а! – сразу завопила Алиса. – Мы со всеми!

– Ты чего орёшь? – дёрнул её за косичку Андрей.

– Мы со всеми, – повторила уже тише Алиса. – Верно, Колобок?

– Ага, – сразу согласился тот. – Ага, Коля, да?

Эсфирь и Женя переглянулись и вздохнули: надо бы детей покормить отдельно, хотя бы Колобка, но... но уж ладно.

– Тогда терпи, – строго сказала Женя. – И не приставай.

– А шашки в дом унесите, а то растеряете – распорядилась

Эсфирь, возвращаясь к варенью.

Когда они шли к стройке, Колька крепко хлопнул Андрея по плечу.

– Ну, спасибо, браток, ну, нет слов.

– И не надо, – улыбнулся Андрей.

Эркин задумчиво кивнул.

Солнце пекло всё сильнее, куры затихли, забились в тенистые уголки. Колобок и Алиса, сидя на ступеньках крыльца, играли в «ласточкин хвостик». Эсфирь снова подошла к Семёну.

– Сёма, тебе не печёт? Может, лучше в дом?

– Да нет, Мама Фира, – улыбнулся Семён. – Я ж в тени.

И ветерок здесь.

Его лицо влажно блестело от пота, намокшие волосы прилипли ко лбу. Эсфирь молча смотрела на него, и Семён, протянув правую руку, мягко погладил её запястье беспалой ладонью.

– Всё в порядке, Мама Фира. Правда.

И, когда она отошла, прикрыл глаза. Что ему это солнце

после того, обжигаяще яркого и холодного, дробящегося в льдах, делавшего лица не загорелыми, а обугленными, только белые круги вокруг глаз от защитных очков. Горный отряд, настенники, хранители перевалов. Да, лётчиком он не стал, не получилось, но всё равно солнце над облаками он видел. И звёзды. И такая тишина, что каждый шаг слышен на километры. И потому арбалеты и луки – спасибо парням с Великой Равнины – вместо автоматов. И ножи с ледорубами для рукопашных. И если сорвался, то падай молча, не выдавай остальных криком. И они молчали, ни один не крикнул, ни разу...

Семён сглотнул вставший вдруг в горле комок. Ничего, он жив и... и это главное.

Стройка крольчатника и варка варенья закончились почти одновременно. И Семён проснулся. Хотя кто бы и спал после ликующих свистов Андрея и Кольки и восторженного визга Алисы и Колобка.

– Боже мой, – вздохнула Эсфирь, когда они с Женей осмотрели крольчатник. – Это ж на сколько пар? У нас же и денег столько нет.

– Пустяки, Мама Фира, – бодро ответил Колька. – На две пары наберём, а дальше они сами... расплодятся.

– Точно, – согласился Андрей. – Кролики – они такие. Алиска, как залезешь, я тебя там и закрою.

Алиса, уже почти забравшаяся на второй ярус, обернулась, а Женя улыбнулась.

– Правильно, будешь там жить.

– Дядя Анд'юха, – Колобок дёрнул Андрея за штаны. – Ей т'авку давать, да?

– Точно! – заржал Андрей. – Не видать тебе, племяшка, теперь тортиков!

– Фигушки! – спрыгнула вниз Алиса.

Ржал взахлёб Колька, смеялись Эсфирь и Женя. Алиса, поглядев вокруг, решила, что лучше тоже рассмеяться, но, когда все вышли и вообще вроде забыли о ней, тихо позвала Эркина.

– Эрик...

– Да, – сразу обернулся он к ней.

Она потянула его за руку и, когда он наклонился, обняла его за шею и зашептала на ухо.

– Ты же не дал бы посадить меня в клетку, да, Эрик?

– Никогда, – так же тихо ответил Эркин.

Алиса по-прежнему держалась за его шею, и, выпрямляясь, он взял её на руки, даже не подумав, что он без рубашки и она в одних трусиках, и кожа к коже, как... нет, у него даже не ворохнулся прежний страх.

В саду Андрей предложил продегустировать варенье. Всего две банки – и он распробует. Он бы и дальше дразнил Женю, но Эркин, ссадив на землю Алису, взял Андрея и взвалил его, как мешок, себе на плечо.

– Кольк, у тебя бочка с водой где?

– В огороде, – еле выговорил сквозь смех Колька.

– Пойду, макну.

Алиса и Колобок в полном восторге прыгали вокруг, визжа так, что Семён гаркнул:

– Отставить! Кур перепугаете.

До бочки дело не дошло, но умывались долго, шумно и весело. Эсфирь и Женя были заняты обедом, поэтому Колобка умывал Колька, а Алису – Эркин. Андрей и тут предлагал свои услуги, дескать, уж он-то вымоет и отмоет, но его отправили помочь с переноской стола, так как обедать решили в саду. И не душно, и Семён будет со всеми.

Колька снова сделал лежак креслом, высоким, чтобы Семён был вровень с остальными, поставили и накрыли стол и, наконец, сели. Эркин, Андрей и Колька уже в рубашках, Колобка и Алису не только умыли, но и переодели, Эсфирь и Женя тоже привели себя в порядок.

На обед были окрошка и молодая варёная картошка с холодным варёным языком.

– А это что? – удивился Колька, разглядывая серые ломтики.

– Это язык, – объяснила Женя.

– Не мой, – тут же прибавил Андрей. – Мой при мне.

– Это-то понятно, – рассмеялся Колька.

– Твой длиннее, – согласился Эркин.

Семён покрутил головой.

– Однако шикаем. Он же дорогой, Женя.

– Зато без костей, – улыбнулась Женя. – Никаких отходов.

И пили чай с «молодым» свежесваренным вареньем.

О покосе заговорил Эркин.

– И далеко твой луг?

– Не очень. Затемно выйдем, вовремя дойдём.

– Ага, – кивнул Эркин. – Коса-то у тебя есть?

– Две косы, – поправил Андрей, подкладывая себе варенье.

– А ты умеешь? – удивился Эркин.

– Не бойсь, – кратко ответил Андрей.

– Будут, – так же коротко подвёл черту Колька.

Больше о этом говорить не стали. Будет – так будет, а если и что, то на неделе обговорить всегда можно.

После обеда Эсфирь унесла Колобка спать. Он что-то недовольно гудел, но глаза у него ещё за столом закрылись.

– Маленькие дети обязательно после обеда спят, – елеинным голосом сказала Алиса.

– Верно, племяшка, – ухмыльнулся Андрей. – Давай сейчас постелем тебе, а я песенку спою.

– Фигушки! Я большая! – Алиса быстренько соскочила с табуретки и перебежала за спину Эркина. – И поёт пусть Эрик. Он поёт, а ты орёшь по-дурацки и песни у тебя дурацкие.

Тут Андрей обиделся всерьёз, покраснел, надулся... но Эркин, мягко хлопнув его по плечу, встал.

– Давай со столом поможем.

Алисе он ничего не сказал, даже не посмотрел на неё, но

она поняла, что получилось нехорошо, и, недовольно хмурясь, оглянулась на маму. Но мама её тоже в упор не замечает, и дядя Семён не смотрит, и дядя Коля... ну, почему взрослые всегда заодно? Теперь придётся просить прощения. Из-за чего – непонятно, но придётся. И, когда все встали и началась суматоха с посудой, попробовала дёрнуть Андрея за рукав, но опять не заметил, даже не посмотрел.

– Сёма, – предложил Колька. – Давай в дом, а то жарко уж очень.

– Да, – кивнул Семён. – Давай, Коль.

И уже Колька, подражая Эркину, посадил Семёна и поднял его на себе, понёс в дом. Эсфирь придержала дверь.

В доме было после сада полутемно и прохладно. Эсфирь как-то незаметно успела проветрить горницу и перестелить Семёну. Колька уложил брата, укрыл одеялом. Они были вдвоём, и Семён зашептал:

– Коль, с деньгами-то... неудобно.

– Они не возьмут, – так же тихо ответил Колька. – И не думай.

– Неудобно, – повторил Семён. – Ты поговори всё-таки. Помочь помочью, а всё-таки... ну, не сейчас, потом... или фруктами там, ягодами... хоть как-то...

– Потом, – неохотно согласился Колька. – Отдохнёшь?

– Да, задёрни меня, посплю.

И, когда Колька, задёрнув занавеску, ушёл, Семён вздохнул. Болела голова – видно всё-таки перегрелся – и кружи-

лась, как после контузии. Но это всё пустяки. Да, каждый день не получится, конечно, Колька же работает, не Маме Фире его таскать, но раз в неделю – он знает – будет у него... прогулка.

Эсфирь с Женей разлили остывшее варенье по банкам. И четыре из них – как Эсфирь не настаивала, чтобы Женя взяла половину – составили в корзинку, переложив газетой, чтобы не побились. А корзинку завтра занесёт...

– Да ладно вам...

– Нет уж, нет уж...

– Из-за корзинки гонять...

– На покос пойдём, тогда и занесу, – решил Эркин. – Колька, неделю обойдёшься?

– А то нет, – фыркнул Колька.

Женя, сразу сообразив, горячо поддержала Эркина, и Эсфирь отступила.

Попрощались, ещё раз полюбовались постройкой и ушли.

Корзинку с вареньем нёс Эркин: Андрею варенье доверять рискованно, к тому же у него ящик с инструментом. Алиса шла рядом с Женей, держась за её руку. Её до сих пор и не отругали, и не простили, так что совсем непонятно. Но неприятно. Всё было так хорошо, а почему-то стало плохо.

– Андрей, – заговорил вдруг Эркин, – а что такое... сябры? Ну, этот, Куприяныч, нас так назвал.

– Ну-у, – Андрей задумчиво пожевал губу. – Ну, я думаю, вроде... Там, – он кивком головы указал куда-то в сторону, –

там говорили: кореша. Это друзья, нет, больше, чем друзья, говорили: жрут вместе, значит, во всём доверяются, ещё... земляки, земели...

– Земляк? Это я знаю, – кивнул Эркин. – Я понял, Андрей, – улыбнулся, – догадался.

Они говорили тихо, шедшие впереди Женя с Алисой не оборачивались, И Андрей спросил, ещё больше понизив голос, по-английски:

– А у вас там, ну, ты понял, как этот называлось?

– Никак, – так же тихо по-английски ответил Эркин. – У нас этого не было.

– Что, совсем не дружили? – удивился Андрей. – Быть же такого не может.

Эркин невесело улыбнулся.

– Показывать было нельзя. Никому. И... и вдруг завтра тебя или его продадут. И... ладно, потом, хорошо? – перешёл он на русский.

Андрей кивнул.

– Хорошо, конечно, Эркин.

В самом деле, что он за дурак, затеял такой разговор. Не ко времени и не к месту.

Они уже подходили к дому. Бегали и играли дети, на лавочках сидели болтающие старухи, из открытых окон разговоры и обрывки песен, на лоджиях курят и перекликаются мужчины. Субботний вечер, гуляй сколько душе угодно, завтра – выходной. Здраваясь со знакомыми, разговаривая о

погоде и о всяких незначащих пустяках вчетвером вошли в подъезд, поднялись по лестнице, прошли по коридору и, наконец, вошли в квартиру. Полутёмную и приятно прохладную после дневной жары. Это Женя оставила утром шторы задёрнутыми, вот комнаты и не нагрелись. И хоть ещё не поздно совсем, но всех сразу потянуло ко сну.

Но сначала надо положить на место инструменты и варенье, а Андрей сразу решил, не откладывая, подточить и направить затупленное. Эркин убрал банки с вареньем, Женя в ванной мыла Алису, и он пошёл в кладовку к Андрею.

– Помочь?

– Спасибо, сам, – Андрей оглядел стамеску, отложил её и взялся за рубанок. – Ага, ну, это мигом, слушай, а давай на лоджию сделаем.

– Шезлонг?

– Ну да. Или лежаки. Будем лежать и загорать.

Эркин не очень уверенно кивнул.

– Давай.

– Цветы у нас там уже есть. Как в саду будем, – с воодушевлением продолжал Андрей.

В кладовку вошла Женя и с ходу включилась в разговор.

– А зачем на лоджии загорать? Давайте лучше завтра на озеро сходим. Там и позагораем, и выкупаемся.

Эркин сразу закивал, но Андрей медлил. А Женя продолжала:

– Я уже вам плавки купила.

– Что?! – в один голем спросили Эркин и Андрей.

– Плавки, – повторила Женя. – Ну, трусы такие. Я вчера купила, и себе с Алиской купальники. Андрюша, я тебе на диван положила. Ты сходи, померь, они эластичные, тянутся хорошо, но ты померь. Эркин, и ты обязательно померь. Это сюрприз вам. Алиска не проболталась, нет?

– Нет, – вклинился в её скороговорку Андрей. – Не проболталась, спасибо, Жен, я только...

– Конечно, пойдём, – остановил его Эркин. – Ты что, Андрей? Здесь-то неопасно.

Помедлив, Андрей кивнул.

– Ладно, брат. Пошли мерить.

В спальне Эркин взял лежавшие на его половине кровати трусы и критически их оглядел. Женя, что, размер перепутала? Это ж на Алису, а то и на её куклу.

– Ну же, Эркин, – вошла в спальню Женя. – Раздевайся.

– Они мне малы, – убеждённо сказал Эркин, кладя трусы на покрывало и расстёгивая рубашку. – Алиса спит?

– Да, я уложила её. Тихая такая, видно, устала.

Эркин быстро разделся, кинув грязное бельё прямо на пол – потом в ванную отнесёт – и взял плавки.

– Женя...

– Это супер-эластик. Надевай! – скомандовала Женя.

И Эркин, как всегда, не стал спорить.

К его крайнему удивлению, плавки действительно натянулись, нигде не лопнув и даже ни разу не затрещав.

– Ну вот, – оглядела его Женя. – Тебе очень идёт.

Эркин встал в зеркальный коридор, чтобы видеть себя со всех сторон, и вдруг фыркнул.

– Женя, а без них приличнее!

Женя возмущённо ахнула и, тут же сообразив, засмеялась.

– Ну, Эркин, ты...

– Провокатор, я знаю, – Он круто повернулся и обнял её, подхватив на руки. – Сейчас ты меня придушишь на месте...

– Сей секунд, – ответила Женя, обхватывая его за шею.

Эркин счастливо засмеялся, прижимая её к себе.

– Ой, а дверь? – вспомнила Женя.

Эркин положил её на кровать и пошёл к двери.

Услышав стук защёлки, Алиса решительно откинула одеяло и вылезла из кровати. Пока мама и Эрик спят, она пойдёт к Андрюхе и помиритя с ним. А то это не жизнь. Эрик даже поцеловать её на ночь не пришёл. А мама... она так старалась слушаться, а мама будто и не заметила этого.

Разумеется, Андрей примерил плавки. Ярко-синие, с белой полоской-пояском. И теперь, открыв шкаф, разглядывал себя в зеркале. А что... в самом деле, не так уж и страшно. И хорошо, что он в одной майке сколько дней работал, вон уже загореть, не загорел, но сегодня у Кольки совсем без рубашки был и не сгорел, только покраснел малость. Но помазаться на ночь не помешает.

За его спиной стукнула дверь, Андрей обернулся и, уви-

дев Алису, нахмурился.

– Тебе чего?

Путаясь в длинной – до полу – рубашке, Алиса подошла к нему.

– Андрюха, ты очень на меня сердисься, да? Вот, – она разжала кулачок, показав ему карамельку. – Я мириться пришла.

И Андрей не выдержал, рассмеялся.

– Ладно, племяшка. Мировая.

Они сели на диван, Андрей взял конфету и, сжав правую руку в кулак, выставил согнутый крючком мизинец. Алиса готовно уцепилась за него своим правым мизинцем, и они торжественно сказали «мировую».

– Мирись, мирись, мирись. И больше не дерись. А если будешь драться, я буду кусаться.

– Ну вот, – удовлетворённо вздохнула Алиса. – Теперь всё в порядке.

– Точно, племяшка. А теперь спать иди.

– Ага, – Алиса прыгнула с дивана и пошла к двери. – Спокойной ночи, Андрюха.

– И тебе спокойной ночи, – улыбнулся Андрей. – И снов конфетных.

Проходя к себе, Алиса постучала в дверь спальни и сказала:

– Мама, Эрик, я с Андрюхой помирилась, вот, – и пошла к себе.

Лёжа рядом с Эркином и перебирая его жёсткие, приятно упругие волосы, Женя как-то лениво и явно бездумно кивнула.

– Хорошо-хорошо...

Эркин лежал на спине, распластавшись, раскинув руки и ноги, и из-под полуопущенных ресниц любовался Женей. Света они не зажигали, но шторы он отдернул, когда мерил плавки, и света хватало: прямо перед окном стояла круглая большая луна. Женя, наклонившись, поцеловала его в переносицу, в затрепетавшие под её губами веки.

– Как хорошо, Эркин.

– Да, – выдохнул Эркин. – Да, спасибо, Женя. Ты... ты самая... – медленно улыбнулся и повторил: – самая.

– Какая? – лукаво спросила Женя. – Красивая, умная? Какая?

– Лучшая. Во всём.

Женя тихо засмеялась и снова поцеловала его.

– Спасибо, Эркин. Ты тоже... самый лучший. И хороший, и умный, и красивый, и сильный, и... и всякий самый-самый.

– Да-а? – словно удивился он. – Женя, а...

– Что, милый?

– Нет, ничего. Мне так хорошо, Женя, знаешь, я сам себе не верю, что это по правде, что не сон. Это не сон, Женя?

– Ну, конечно же, нет, – она снова поцеловала его.

Эркин прислушался, одним ловким быстрым движением собрался в комок и встал, подхватив Женю на руки.

– Пошли, помоемся и спать.

– Ты с ума сошёл, – засмеялась, не сопротивляясь, Женя.

– Алиска спит, Андрей спит, – убеждённо говорил Эркин, неся Женю к двери. – Всё будет в порядке.

Он не ошибся. В квартире стояла сонная тишина, а в ванной пахло мылом Андрея и ещё кремом. Эркин заметил это, но как-то не обратил внимания: Женя не часто баловала его совместным купанием. Время позднее, и Эркин решил не связываться с ванной, а ограничиться душем.

Мыли друг друга, упоённо целовались под тугими – Эркин всегда открывал кран до отказа – тёплыми струями, и наконец Женя оторвалась от него.

– Всё, милый, а то у меня волосы до утра не просохнут.

– Как скажешь, Женя, – Эркин выключил воду и стал помогать Жене отжимать волосы.

Так же, как мыли, они вытерли друг друга, и Эркин решительно закутал Женю в махровый халат.

– Вот так.

– А сам? А ну-ка, подставляйся.

Эркин даже чуть присел, чтобы Жене было удобней накинуть на его плечи халат.

Когда они наконец очутились в спальне, было уже совсем поздно. День закончился, а завтра будет... а, ладно, что будет, то и будет. Эркин обнял Женю, уткнувшись лицом в её влажные волосы, и вздохнул, засыпая.

Воскресное утро началось с обычного стука в дверь и вопля Алисы:

– Мама, Эрик, уже утро, а вы спите!

Эркин вздохнул и, повернувшись на живот, обхватил обеими руками подушку. Женя с таким же вздохом поглядела на часы и встала.

– Ну, началось. Алиска, перестань.

Она открыла дверь, и Алиса ворвалась в спальню. Обычные прыжки и кувыркания по кровати и несерьёзные жалобы, что Эрик твёрдый. Потом Женя увела её умываться и переодеваться, а Эркин встал, натянул чистые трусы и стал перетряхивать и убирать постель.

В спальню заглянула Женя.

– Эркин, тянуться будешь?

– Да, конечно.

– Тогда забирай Алиску, и идите в большую комнату. Я завтрак сделаю и тоже приду.

Воскресенье – спешить некуда, но Женя не умеет делать медленно и размеренно. Домашняя работа у неё всегда бегом.

Алиса – уже в трусиках и маечке – приплясывала перед ним в радостном ожидании.

– Пошли, – улыбнулся ей Эркин.

В большой комнате распахнута дверь на уже освещённую солнцем лоджию, натёртый блестящий паркет приятно холодит ступни – тянулся Эркин по привычке босиком, а вслед

за ним и Алиса.

Они уже начали, когда из своей комнаты вышел в халате, зевая, взлохмаченный Андрей.

– Андрюха! – обрадовалась Алиса. – Давай с нами!

– А-ага, – Андрей снова зевнул. – Спешу и падаю.

– Ну и не надо! – Алиса решила, что вправе обидеться. – Нам и без тебя весело.

– Без меня?! – Андрей попытался поймать её за хвостик, но Алиса успела спрятаться за Эркина.

Вошла Женя, так же в трусиках и маечке, и Андрей улыбнулся.

– Доброе утро, Женя, начинайте без меня, я догоню.

Слово он сдержал и пришёл, но, когда Женя с Алисой уже ушли, а Эркин в одиночестве доделывал свой комплекс. Тянуться Андрей по-прежнему не особо любил, но отжиматься стал. Качал силу. Эркин только немного помогал ему, подсказывая, что и как лучше делать.

Они закончили, и как раз прибежала Алиса.

– А оладушки уже готовы. Мама зовёт.

– Пожрать я завсегда первый, – рассмеялся Андрей.

За завтраком решили, что конечно, пойдут на озеро. А обед будет, как и вчера, холодным. На обратном пути купят квасу для окрошки, а второе и кисель уже есть.

– Женя, это когда ты всё успеваешь? – восхитился Андрей.

– Что-то вчера, что-то сегодня утром, а что-то и сейчас, –

засмеялась Женя- Так что всё готовим, собираемся и идём.

Об озере, что можно и позагорать, и поплавать, и от города полчаса пешком, а если через луга напрямик, то ещё меньше, Женя слышала в машбюро. Но сначала Эркин и Андрей учились и по воскресеньям им надо было отсыпаться и отдыхать, да к тому же всё казалось, что земля ещё не прогрелась как следует, но уж после Ивана Купалы все купаются! И Женя после работы зашла в магазин. Купила плавки, купальники, Алисе надувной мяч, её давно пора научить плавать, и боялась только, что погода испортится. Но пронесло. На небе ни облачка, жарко, и пора бы уже идти, чтобы на самую жару у воды оказаться.

По воскресеньям Тим с утра валялся в постели. Ещё одно из неожиданных удовольствий. Нет, просыпался он как всегда, стоило звякнуть будильнику или шевельнуться Зине, но, проснувшись, вспоминал, что сегодня выходной, что спешить некуда и незачем, и оставался лежать. Но чаще всего их по воскресеньям будили дети. Сама бы Катя не рискнула стучаться или – не дай бог – рвать дверь, но Дим воскресными утрами удержу не знал.

– Пап, мам! – звенел под дверью их спальни его голос. – Утро уже!

И, если сразу не открывали, заявлял:

– Мы играть пошли.

Тут уже Зина не выдерживала и кричала:

– Ладно, заходите!

Дим влетал в спальню и с разбегу запрыгивал на кровать прямо на грудь Тима.

– Пап, а чего делать будем?

Следом за ним залезала Катя. Зина со вздохом вставала – Тим всё-таки переставил кровать в спальне так, чтобы с любой стороны было удобно зайти, а то что Зине если что через него перелезть и ему если ночью встать покурить там или воды попить, то её побеспокоить – и накидывала халат поверх ночной рубашки.

– Воскресенье, а вы отцу отдохнуть не даёте, – ворчала она «для порядка» и выходила из спальни, оставив их втроём.

Дим кувыркался и валялся на просторной кровати, заводил Катю. Тим от души хохотал над их вознёй. И сам по-детски играл с ними. Стоя в дверях и глядя на них, начинала смеяться и Зина.

– Мам! – радостно вопил Дим. – Давай с нами!

– Ну уж нет, – смеялась Зина. – Вы уж сами, без меня.

Наконец она забирала и уводила малышей умываться и вообще начинать день, а Тим выпутывался из скомканных одеяла и простынь и одевался. А уж за завтраком и решалась проблема воскресного дня.

И сегодня всё было, как всегда. Пошалили, повозились, умылись, оделись и сели за стол. Зина наловчилась с вечера сберегать хлеб в полотенце, чтоб с утра он был как свежеспеченный.

– Пап, – Дим заглотал кусок, едва не подавившись, – а мы на озеро пойдём? Все идут, а мы?

– Ага, – подтвердила Катя.

– А чего ж и нет? – Зина подвинула к Тиму масло. – Идите, конечно. Купала прошёл, самое время. И погода хорошая.

– Мам, а ты?

Зина улыбнулась.

– Тяжело мне по жаре столько идти, и купаться я не буду. Так что сами идите.

Тим внимательно посмотрел на неё. Чего можно и чего нельзя беременным, он знал, честно отходяв на лекции для отцов в Культурном Центре, их там даже пеленать учили на куклах, но обилие примет его смущало. С Зиной он не спорил: им на лекции говорили, что беременным вредно волноваться. Зина, поймав его взгляд, улыбнулась и повторила:

– А вы идите. Тима, ты только полотенчики им возьми и... ну, и всё остальное, что нужно.

Тим кивнул.

– Сейчас поедим и соберёмся, – а, когда дети, доев, убежали, спросил: – Как ты, Зина?

– Да всё хорошо, Тимочка, – она встала из-за стола, собирая посуду. – Идите, как следует погуляйте.

Помедлив, Тим кивнул и встал. Конечно, если Зина считает, что ей так лучше...

Надувной матрац, полотенца, фляга с несладким чаем, огурцы, бутерброды, пирожки, всякие мелочи на всякий слу-

чай... сумка получалась увесистой.

– Ведите себя хорошо, – Зина поцеловала Катю и Дима. – Слышите?

– Ага, – кивнула Катя.

– Да ладно, мам, – нетерпеливо рвался из её рук Дим.

Тим взял сумку и поцеловал Зину в щёку.

– Мы придём поздно, не беспокойся.

– Мы пошли, мам!

– Ага, мы пошли.

Когда за ними закрылась дверь, Зина погладила себя по животу.

– Ничего, успеешь ещё на озеро, а мы пока по хозяйству займёмся.

Врачиха на лекциях говорила им, что ребёнок на пятом месяце уже всё слышит и думает, а у неё уже седьмой. По приметам Баба Фима, да и остальные так говорили, выходит, что девочка. Если и впрямь, то Машей назовём, по бабушке. Тимочка сразу согласился, как только заикнулась ему. А если всё же мальчик... Петей не стоит. Она так первенца своего назвала, по отцу его, и оба сгинули, нельзя судьбу гневить, запретное это имя ей теперь. Ну, да это ничего, и что б там ни было, а жить надо, и Машеньку не беспокоить, а то слезливой уродится. Ох, Петя, Петюшечка, кровиночка моя, отняли тебя у меня, на муки, а то и на смерть, всяко ведь болтали, ты уж прости меня, что не сберегла, кто ж думал, что нелюди эти такое сотворят...

Зина села на табуретку, смахнула выступившие слёзы и, подумав, перекрестилась, прислушалась к животу и снова захлопотала.

До озера оказалось, в самом деле, недалеко, и по просёлочной мягкой дороге, да за разговором дошли быстро.

Озеро было нешироким, но длинным, и места хватило бы всему городу. Но Старый город занят страдой, а для Нового города такое развлечение привычно ещё не всем. Детворы и подростков было много, а взрослых... в основном, с завода. Практически все расположились на пологом склоне, сбегавшем от соснового леса к воде. Вход в воду был здесь песчаным и чистым. И Женя, когда они остановились на пригорке, оглядывая озеро и берег, решительно повернула к пёстрому от тел и одежд весело шумящему склону. Андрей, да и Эркин предпочли бы более укрытое от чужих глаз место, но спорить не стали, а Алиса уже вприпрыжку мчалась вперёд.

Место нашли быстро и стали устраиваться. Специально для таких походов Женя купила ещё сразу после маёвки на одной из армейских распродаж двухслойную подстилку. Сверху коричнево-зелёные пятна и разводы – удивительно: пёстрая, а сливается с травой – плотная ткань, а снизу прорезиненная, чтоб сырости не чувствовалось, большая – четверо вплотную, но улягутся – в рулон скатывается, и даже специальные ремешки, чтоб утянуть и закрепить есть. Очень удобно! Купальники и плавки все надели под одежду ещё

дома. И потому Женя, бросив на траву сумку, сразу раздела Алису и отпустила её играть со строгим:

– В воду одна ни-ни! Поняла? – и не дожидаясь ответа, скомандовала: – Раздеваемся!

Эркин, с интересом глазевший по сторонам, готовно растегнул и снял рубашку, но Андрей медлил. Одно дело – лагерная баня, где и у других шрамов хватало, и вовсе увечные попадались, в Купальскую ночь тоже особо не разглядывали, да и ночь к тому же, кинул шмотки под куст и нырнул, а здесь и сейчас... Но, вроде, никто не смотрит, и Андрей решил рискнуть.

Как ни уверяла его Женя, что плавки вполне приличны, Эркин снимал джинсы не то, чтобы со страхом, но настороженно и с неприятным холодком внутри.

Алиса, шумно сопя, надувала мяч, но получалось у неё плохо. Эркин сложил и убрал джинсы и рубашку, поставил свои кроссовки рядом с босоножками Жени и взял у Алисы мяч.

– Ну-ка, дай сюда.

– Ага-ага! – Обрадовалась Алиса. – Эрик, ты его до щёлка надуй, ладно?

Женя, уже в купальнике ещё раз расправила подстилку, убедилась, что все сумки и с вёртки надёжно пристроены и, улыбаясь, огляделась по сторонам. Воскресенье на пляже – удовольствие, которое после колледжа она ни разу себе не позволила. И вот... конечно, это не море, не знаменитые

Южные Острова, о которых с её возможностями и мечтать было вредно, да и сейчас не стоит, но, нет, всё так хорошо, что даже...

– Ди-и-имка-а-а-а! – восторженно завопила Алиса. – Давай сюда-а-а-а!

Конечно, Тим знал, что у озера он наверняка встретит и знакомых, и соседей, но что сразу наткнётся на Морозов, на всю... гм, семью, это уже, скажем так, неожиданно. И, если бы он заметил их издали, то потихоньку увёл бы детей на другой конец пляжа. Но Дим и Катя уже вместе с Алисой подбрасывали и ловили мяч, и Женя махала рукой, сразу и приветствуя, и подзывая. Тим беззвучно выругался, заставил себя улыбнуться и подошёл.

– Привет, – поздоровался он со всеми.

– Привет, – радостно ответила Женя. – Вот отлично, что пришли. А как Зина?

– Спасибо, – улыбка Тима стала чуть сердечнее. – всё хорошо.

Он поставил сумку на песок. Повода уйти на другое место не было, придётся устраиваться.

Лёжа на подстилке, Андрей с улыбкой, но напряжённо шурясь, следил за Тимом. Вроде, всё у них сказано, всё решено, но... Между ними серый плац, и на нём они – один в полосатой шеренге, другой в чёрной, один в робе, другой в кожаной куртке. Как же он – лопух доверчивый – тогда в Мышеловке не вспомнил, не узнал? Не ушёл бы тот, а сейчас что

ж... Андрей легко оттолкнулся от земли и встал.

– Пойду окунусь, – и подмигнул Жене. – Попробую водичку.

– Иди, – кивнул Эркин. – Придёшь, скажешь.

Он очень просто подошёл к Тиму помочь с матрацем, и отказываться от его помощи Тим не стал. Вдвоём они надули матрац, Тим собрал и сложил разбросанную Димом и Катей одежду и уже тогда разделся сам.

Женя вдруг прыснула, пришлёпнув себе рот ладошкой. Эркин и Тим одновременно недоумевающе оглянулись на неё. Женя, покраснев, отошла, пряча лицо. Эркин посмотрел ей вслед, перевёл взгляд на Тима, явно не понимавшего, в чём дело, снова огляделся. И другие люди, что лежали и сидели вокруг, улыбались, глядя на Тима. И сообразив, едва не заржал в голос.

Большинство мужчин были в чёрных с белыми завязками на боках маленьких плавках, не трикотажных, а из ткани, и Тим купил себе такие же – потому что самые дешёвые, но у него они почти сливались с телом, только тесёмки на боках выделялись, а так, особенно издали и на первый взгляд он казался голым.

– Ты чего? – настороженно спросил Тим.

Эркин понизил голос и ответил чуть громче камерного и по-английски:

– У тебя трусы точно под кожу. Голым смотришься.

Тим растерянно посмотрел на него, опустил глаза на свой

живот... и понял.

– А чтоб его! И... – он выругался, перемешивая русские и английские слова. – Что же теперь делать?

Эркин быстро по-питомничьи пошарил вокруг взглядом. Нет, похоже... да, заняты своим, смотрят, но без... того, нет, обойдётся.

– А ничего, – улыбнулся он Тиму. – Обойдётся.

Переодеться Тиму было не во что, и не уходить же... Он поглядел на синие с жёлтой полоской-пояском плавки Эркина... ладно, сегодня сойдёт, а там он себе такие же купит.

– Пап! – подбежал к нему Дим. – Пошли купаться!

Эркин оглянулся на Женю.

– Женя...

– Пошли, Эрик! – Алисы прыгала на месте, подбрасывая и ловя свой мяч.

– Пошли, – улыбнулся Эркин.

Дим и Катя побежали вперёд наперегонки с Алисой, и Тим невольно пошёл вместе с Эркином и Женей. И пока дошёл до воды, взгляды окружающих перестали его тревожить. Привык, да и столько солнца, смехов, криков и детского визга вокруг...

Женя, обогнав Эркина и Алису, словно забыв обо всём, вбежала в воду в облаке брызг и поплыла. Эркин рванулся было следом, но ладошка Алисы, вдруг как-то оказавшаяся в его руке, дрогнула и удержала его на самой кромке.

– Эрик... – Алиса недоверчиво разглядывала воду и плес-

кавшихся людей. – Пойдём в воду, да?

– Да, – улыбнулся он ей, и вдруг у него вырвалось по-английски: – Не бойся, я с тобой.

Берег уходил в воду сначала полого, но уже в двух метрах от берега Эркину было выше колен, а Алисе по грудь. Он протянул ей вторую руку, и она сразу уцепилась за неё.

– Держись крепче. А теперь присядь.

И засмеялся её счастливому визгу, когда она, послушно присев, окунула плечи.

– Ой, Эрик, а теперь...

– А теперь, – он оглянулся через плечо, проверяя, свободна ли вода сзади. – А теперь оттолкнись, будто прыгаешь.

И, когда она подпрыгнула, он быстро шагнул назад, удерживая её за руки. Алиса всплыла и забарахталась, упоённо визжа.

– Пап, – Дим дёрнул Тима за руку. – Поплыли и мы, ну же, пап!

Тим взял Катю на руки и вошёл в воду. Она прижалась к нему, схватив за шею так, что он понял: отцепить не удастся, и потому, зайдя по пояс, присел вместе с ней. Катя тихонько пискнула от сладостного испуга. Дим, громко хлопая по воде руками и ногами, плыл рядом. Тим встал и ещё раз присел, окуная Катю, и ещё.

Вокруг смеялись, кричали, учились плавать и ныряли, барахтались на мелководье и стремительно вбегали на глубину. Никто ни на кого не смотрит – понял Тим и счастливо

засмеялся. И тогда засмеялась и Катя. Вместе с ней Тим зашёл по грудь, потом по шею.

– Пап, а дальше? – выдохнула Катя.

– Когда ты плавать научишься, – серьёзно, но улыбаясь, ответил Тим.

– А... я... плыву! – Дим старательно держался рядом.

– Не говори в воде, – Тим, удерживая Катю одной рукой, подставил другую под грудь Дима. – А теперь к берегу.

Дим знал, что спорить с отцом бесполезно: просто вынет его из воды и понесёт, как Катьку, а он же старший и мальчик, ему это будет стыдно, почти позор. И потому послушно развернулся. Правда, ему немного помогли на повороте, но совсем немного.

Выйдя на берег, Тим поставил Катю на землю.

– Играйте здесь. Дим, глубже колен не заходи, понял?

– Ага, – вздохнул Дим.

Тогда, прошлым летом, они вдвоём тоже купались. Два или три раза было. И отец то учил его плавать, то оставлял на берегу, а сам уплывал далеко-далеко. Ну да ничего, они с Катькой научатся и тоже будут плавать с отцом, все вместе.

Эркин шёл вдоль берега, волоча Алису уже за одну руку, второй она подгребала.

– Ай да племяшка! – шумно вынырнул ряжом Андрей.

Алиса и ахнуть не успела, как он выхватил её из воды и поднял над головой.

– А ка-а-ак кину!

– Э-эри-и-ик! – визжала Алиса, извиваясь и отчаянно дрыгая руками и ногами.

Смеясь, Эркин отобрал Алису у Андрея. К ним почти сразу подошла Женя.

– Мама! – обрадовалась Алиса. – А я плавать научилась! – и, покосившись на Андрея, уточнила: – Почти.

– Вот и молодец, – похвалила её Женя и хотела забрать у Эркина, но тот покачал головой.

– Тебе будет тяжело, Женя. Она уже большая.

– Ага, – согласилась Алиса.

– А раз большая, то слезай, – рассмеялась Женя. – Ты мяч свой где оставила?

– Ой! – Алиса завертела головой и прыгнула с рук Эркина, подняв тучу брызг. – Ой, там!

– Вот и пойдём за мячом, – взяла её за руку Женя. – Эркин, вода какая чудесная, ты иди, поплавай. Андрюша...

– Я ещё купнусь, – рассмеялся Андрей. – Ладно, племяшка, в другой раз.

– Угу, – Эркин вдруг ловко сгрёб его в охапку. – А сейчас я тебя кидать буду!

– Ага, ага! – радостно завизжала Алиса.

Эркин, качнувшись всем телом, как в борьбе, кинул Андрея далеко вперёд. Тот плюхнулся, подняв целое облако брызг, и нырнул. Эркин быстро оглянулся через плечо на Женю с Алисой и с места прыгнул, изгибаясь над водой и вытягивая вперёд руки, чтобы сразу уйти на нырок.

Когда далеко впереди, чуть ли не на середине озера, вынырнули две головы: чёрная и белобрысая, Женя перевела дыхание. Ну, слава богу, а то она всё-таки немного испугалась.

– Ну, пошли за мячом.

Тим плыл спокойно, до отказа выкидывая на гребок руки, но без спешки. Сначала он не думал переплывать озеро, но вот вошёл во вкус и – он оглянулся, проверяя себя – да, середина уже позади. Здесь чувствовалось течение, и его не сильно, но начало сносить. Переплывёт, пройдёт по берегу и обратно.

Выбравшись из прибрежной толкотни, Эркин и Андрей поплыли рядом. Уже спокойно, без подвохов и всяких фокусов.

– Может, на тот берег? – предложил Андрей.

– Не всё сразу, – ответил Эркин.

Не сговариваясь, они одновременно перевернулись на спину и теперь лежали, чуть покачиваясь на слабой волне.

– А смотри-ка, проточное.

– Да, чувствую, тянет. На Купалу здесь гуляли?

– Ага, не на пруду же, – тихо засмеялся Андрей.

Сам Андрей не признался бы, что устал, но Эркин, не так поняв, как почувствовав это, повернул к берегу.

Джинни никак не ожидала, что днём озеро окажется совсем другим. Тогда, ночью, покрытое туманом, как паром, с красным пятном костра и тёмными зарослями вокруг, оно

было величественно таинственным и даже чуть зловещим. Они с Громовым Камнем дошли быстро, хотя он с палкой, и не спешили, ну, скажем, быстрее, чем она думала. Постояли, глядя на песни и пляски вокруг костра, их не гнали, но и не подзывали. А когда все, на ходу снимая и бросая прямо под ноги одежду, пошли к воде, она растерянно обернулась к Громовому Камню.

– А... а мы...

Он улыбнулся.

– Обычай нарушать нельзя. Раз уж пришли.

Она кивнула. Но раздеться... догола... при всех... при нём... Он словно почувал её смущение.

– А мы как все и чуть в сторонке.

Они отошли к кустам, куда уже поднимался от воды туман. Она расстегнула и сбросила курточку. Визг, хохот и выкрики доносились до неё глухо, или это они так далеко отошли? Но оглянуться назад, на костёр, она не рискнула. И быстро, боясь, что передумает, и тогда уже ничего не будет, она как попало побросала одежду и побежала вниз в туман, продираясь сквозь кусты и не замечая царапин...

...Джинни повернулась на спину. Какое сегодня хорошее солнце. Жалко, мама отказалась, но она её ещё уговорит. В будни здесь народу совсем мало, и мама не будет стесняться. И Громовой Камень не захотел сегодня идти на пляж. Непонятно. Ведь он хорошо плавает...

...Вода началась неожиданно и была неожиданно тёплой.

Зайдя по пояс, она легла на воду и поплыла. Плавала она хорошо, в колледже входила в пятёрку лучших, но сейчас спешить не хотелось, да и незачем. Рядом плеснули, она повернула голову и увидела совсем тёмное, почти чёрное пятно лица и белозубую улыбку.

– Хорошо, правда? – улыбнулась она.

– Да, очень хорошо, – так же тихо ответил он...

...Джинни лежала, зажмурившись и вытянув руки вдоль тела, и словно погружалась, растворяясь в жарком золотистом свете.

Другой берег оказался топким, густо заросшим камышами. Тим встал и выпрямился, переводя дыхание. Ну да, теперь понятно, чего все теснятся там, на песке у сосен. Он взгляделся в пёструю мешанину людей и нашёл Дима и Катю. Играют с Алисой в мяч. И Женя рядом. Уже легче. С громким хлопаньем вытаскивая ноги из илистого дна, Тим прошёлся вдоль камышей. Нарвать, что ли, домой? Он как-то видел такое: в большой высокой – да, правильно, так и называется: напольная – вазе стебли и бархатные палочки камыша. Но здесь, похоже, ещё не созрели. Ладно, обойдёмся. И вазу, к тому же, придётся покупать, а такая трата – явное излишество. Он прошлёпал на глубину и не спеша, размеренно выбрасывая руки, поплыл обратно.

– Папка сюда поплыл, – Дим гордо посмотрел на Алису. – Ему и не такое озеро переплыть – раз плюнуть!

– А Эрику полпраза! – возразила Алиса.

Женя рассмеялась. Не над детской болтовнёй, а просто потому, что день такой чудесный.

Течение всё-таки снесло их, и теперь Эркин с Андреем шли вдоль берега, выглядывая своих. Андрей уже совсем успокоился, что смотрится он не хуже других. На Эркина лупятся, конечно, не то слово, ну так... есть на что посмотреть.

Эркин тоже чувствовал, что его рассматривают, но его это уже не беспокоило. Ну и пусть смотрят. Догадаться никто не может, не знают здесь о таком, а полезут если... да это и в голову тут никому не придёт. Как же хорошо, что они уехали в Россию. А вон и Женя, Алиса, и Тим со своими там.

– Э-э-эри-и-и-ик! – не визжать Алиса не могла. – Давай с нами!

Игра на мелководье в тучах брызг с улетающим на глубину мячом, за которым приходилось гнаться вплавь... такое удовольствие было новым и необычным для всех. Кроме, пожалуй, Жени. И она же, заметив, что Катя устала, предложила пойти полежать на солнышке. А когда все направились к оставленным у сосен вещам, чуть придержала за руку Тима.

– Вы поесте детям взяли? – тихо спросила Женя.

Тим настороженно кивнул. А Женя, будто, не замечая его напряжения, так же тихо продолжила:

– И не надо им мокрыми лежать, пусть оботрутса как следует сначала.

– Спасибо, – почти свободно поблагодарил Тим.

Женя улыбнулась и побежала, догоняя своих.

Андрей уже взялся за корзинку с провизией и, пока Женя вытирала Алису, выкладывая тарелочки и стаканчики. Эркин, увидев памятную ещё с того, первого, лагеря посуду, улыбнулся, а Алиса сразу заявила:

– Андрюха, а мы тебя на ней поминали.

– И чем поминали? – заинтересовался Андрей, расстилая салфетку.

– Соком. Конфеты ели, печенье всякое, – добросовестно перечисляла Алиса, поворачиваясь под руками вытиравшей её Жени. – Все о тебе хорошо говорили, а Эрик пел.

И, к удивлению Жени и Эркина, вдруг, очень точно выводя мелодию, запела про Хаархан, только чуть-чуть переврав слова.

Тим только что вытер и передел в сухое Дима и Катю и развешивал на ближайшем кусте полотенце и их трусики, услышав пение, вздрогнул и обернулся.

– Ай да племяшка! – восхитился Андрей, не дав ей допеть. – Ты смотри, как здоровско. Конфета с меня за это.

– Да? – сразу забыла про песню Алиса. – А не врешь? У тебя и конфет-то нету!

– А вот и есть! – рассмеялся Андрей и нарочито сурово предостерёг: – А будешь обзывать, сам съем.

– И будешь тогда жадиной! – победно отпарировала Алиса.

Наконец сели.

Есть сидя почти на земле, Алисе очень понравилось. И всё

было так необыкновенно вкусно. И хотя устраивать общий стол ни Тим, ни Эркин с Женей не собирались, и пяти минут не прошло, как дети забегали, угощая друг друга. И кто у кого в гостях, уже совершенно непонятно.

Поев, Андрей со вздохом вытянулся на подстилке.

– Андрюха, – Алиса стояла над ним, крутя в руках мяч. – Идём играть.

– После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать, – внушительно ответил Андрей, переворачиваясь на живот.

– Андрюша, – сразу встревожилась Женя, – на солнце вредно спать. Давай тогда в тень.

– Перенести? – предложил Эркин.

Андрей приподнял голову и с лукавой насмешкой посмотрел на них.

– Женя, расслабься, а?

– Да ну тебя, – рассмеялась Женя, собирая посуду и салфетку. – Эркин, давай крошки стряхнём.

– Давай.

Эркин взялся за углы подстилки, и Андрей скатился на землю, даже не успев сообразить, что случилось. Алисе, Диму и даже Кате это очень понравилось. Андрей вскочил на ноги и с боевым воплем кинулся на Эркина. Но тут же был схвачен, скручен и брошен на землю при общем восторге. Лёжа на матрасе, Тим сначала тоже смеялся, глядя на этот шуточный бой. Но вскоре не утерпел, вскочил и, забыв обо

всём, пошёл на них с криком:

– А вот я вас обоих положу!

Несколько минут они втроём валяли и мутузили друг друга при самом деятельном участии Дима и ободряющих кликах Алисы и Кати, пока Женя не провозгласила, что победили все и сразу. Победители получили из её рук по яблоку и присели отдохнуть.

Грызя яблоко, Тим косился на Андрея. Однако... доходягой в лагере не был, и умеет много, видно... у брата – он невольно усмехнулся – научился, а Мороз... что Мороз, просроченного спальника только на дистанции пульей можно взять, и то лучше автоматом, с пистолетом... всякое бывало. Из милицейских, а в их тренажёрном зале он уже многих посмотрел, и на ринге, и на ковре попробовал, ни один и близко не стоял. Ну так, там и школа, и – он снова усмехнулся – стимулы другие. Любил им хозяин напоминать, что стимул – это палка с железным наконечником, которой скот толстокожий тыкают, чтоб слушался и шевелился быстрее. Как про стимул заговорил, так, значит, порка будет поголовная.

Андрей, почувствовав его взгляд, повернул голову, и их глаза встретились. И Андрей улыбнулся и подмигнул ему. Тим ответил улыбкой и отвёл глаза.

Эркин с блаженным вздохом вытянулся на спине, закинув руки за голову. Всё хорошо, по-настоящему хорошо. А Женя? Он повернул голову. Женя лежала рядом, тоже на спине, вытянув руки вдоль тела и закрыв глаза. Если б не люди во-

круг... Эркин отвернулся и опустил веки. Солнце просвечивало сквозь них, не давая заснуть.

Пробираясь между лежащими и сидящими вокруг людьми, Джинни увидела Эркина. Мой бог, какой же он... красивый, ведь она... она никогда не видела такого, о мой бог... ну, что он нашёл в Джен? Чем Джен лучше неё? А он, да, он спас её. Спас и пренебрёг, а это она его тогда не замечала, она вообще там рабов не рассматривала, а он-то же её видел, раз запомнил... её уроки, её голос... Она заставила себя отвернуться и пойти дальше. Да, жена – не стенка, можно отодвинуть. Все так говорят. А как? Чем его держит Джен, что он ни на кого даже не глядит. А может... может, это потому, что он – индеец? Может, все индейцы такие? Один раз и на всю жизнь. И... Громовой Камень? Джинни тряхнула головой и вбежала в воду.

Полежав немного, Женя села, и сразу открыл глаза Эркин. Женя посмотрела на него и улыбнулась.

– Пойдём поплаваем? – предложил Эркин.

– Давай, – легко вскочила на ноги Женя.

– Идите, – Андрей с блаженным вздохом перевернулся на живот- Я пригляжу.

– За продуктами? – уточнил, вставая, Эркин.

– За ними в первую очередь, – заржал Андрей.

Засмеялась и Женя.

Алиса, занятая игрой в щелбаны с Димом, только мельком посмотрела вслед уходящим Жене и Эркину.

Взять Женю за руку Эркин рискнул уже возле самой воды. Так, рядышком, они вошли в воду и поплыли, по-прежнему держась за руки.

Эркин не ожидал, что Женя так хорошо плавает, и не подозревал, какое это наслаждение: плыть рядом с Женей, ощущать через воду её тело... На стремнине он отпустил её руку, чтобы если вдруг что подстраховать.

– Женя, ты расслабься, не мешай воде.

– А если нас далеко унесёт? – улыбнулась Женя.

– Я тебя донесу, – очень серьёзно пообещал Эркин.

Наигравшись в щелбаны, Алиса подобрала мяч и в обнимку с ним подошла к Андрею.

– Андрюха.

– Чего тебе? – поднял он голову.

– Я огурец хочу.

Андрей встал и полез в корзинку с продуктами.

– Вот, держи.

– Ага, спасибо.

Алиса села на подстилку и стала вгрызаться в огурец, искоса поглядывая на Андрея.

– А ещё чего? – улыбнулся он.

– Ну-у, – неопределённо протянула Алиса и стала рассуждать вслух. – Ну, купаться если, ты без мамы не согласишься. В мяч если, ты длинный и у тебя ноги больше, ты меня обыграешь, в щелбаны тоже тебя только Эрик обыграет. В «ласточкин хвостик» тебе зазорно уже будет. А ни лото, ни

шашек не взяли, – и вздохнула.

– Значит, ляг и просто так полежи, – посоветовал Андрей.

– Просто так неинтересно, – возразила Алиса.

– Тогда в щелбаны, племяшка, – Андрей сел, скрестив ноги. – Давай на одну до десяти.

– На щелчки или конфеты? – уточнила Алиса, усаживаясь напротив.

– Вот победитель и решит. Начали.

Матрац Тим купил большой, так что они и втроём бы свободно уместились, но Катя настолько явно устала, что Тим встал и перетянул матрац вместе с детьми в тень.

– Вот так, лежите и отдыхайте.

– Пап, а ты? Купаться пойдёшь?

– Нет, – улыбнулся Тим. – Я здесь.

Он сел на прогретый солнцем песок, охватив колени руками. Да, на пляже ему ни разу работать не приходилось, хотя... бассейн, правда, но тоже как пляж...

...Вода в бассейне подкрашена, отливает синевой и пахнет чуть йодом и солью. Под море сделано – соображает он. Очередной хозяин и ещё трое беляков, все в одних плавках, полулежат в шезлонгах вокруг низкого столика, а он прислуживает у стола, меняет чашу со льдом, выставляет и убирает бутылки с виски и водой, меняет стаканы. Жарко, ослепительно светит солнце, ему-то ещё ничего, он, как приказано, сегодня в лакейском, а вот Чаку в кожанке париться в укрытии совсем хреново. Зачем страховка на дистанции, когда

ни один из этих дряблых пузанов ни хрена не может, и оружия у них нет? Но хозяин велит – они повинуются. Разговору он слушает, не слыша, но запоминая. Когда их вернут с аренды Старому Хозяину, то придётся всё повторить слово в слово, а сейчас... сейчас его дело – при малейшей угрозе вырубить нападающего, а что велено Чаку, так только Чак и знает. Меньше знаешь – дольше живёшь. А много беляков замочишь – сам у финиша окажешься. И против приказа не попрёшь, там же и ещё быстрее будешь.

– Подай коньяк.

Это уже ему. Он отходит к бару, достаёт бутылку и слышит сзади характерный хлопок. Чак? Понятно. Значит, как в прошлый раз. Он возвращается к столу с бутылкой и коньячными рюмками. Один из беляков лежит на краю бассейна и медленно сползает в воду. Тоже понятно: ранен, но вырублен, сейчас упадёт и утонет. Двое других оцепенело смотрят на тело, а хозяин кивком показывает ему на виски и лёд.

– Убери это и налей.

– Да, сэр.

Хозяин берёт рюмку с коньяком, подносит к губам, но не пьёт, вдыхает запах, рассматривает, греет рюмку, прокатывает между ладонями, чтобы усилить запах. Наслаждается. Убитый, да, конечно, никто же не собирается спасать раненого, так что, уже мертвец, хоть пока и дышит, наконец плюхается в бассейн, и двое белых поднимают глаза. Самый молодой из них напряжённо улыбается.

– И кто следующий?

– На всё Божья воля, – ответно улыбается хозяин. – Вы ведь верите в Бога?

– Да, – вызывающе резко отвечает молодой. – В Его всемогущество и справедливость.

– Похвально, – кивает хозяин.

Тот, что постарше, подносит к губам рюмку. Рука дрожит, и коньяк выплёскивается на жирную в редких седых волосках грудь. Он, не дожидаясь сигнала от хозяина, подаёт салфетку. Но хозяин кивает, и он осторожно промокает лужицу, сбрасывает грязную салфетку в корзинку для мусора.

– Итак, мы договорились, – хозяин отпивает наконец коньяк, облизывает губы. – Любая проблема решается, когда её решают.

Беляки кивают, соглашаясь. Белое распластанное тело покачивается в бассейне, в розовеющей от вытекающей крови воде...

... Тим лёг на спину, вытянулся под солнцем. Плавки уже высохли, можно будет ещё раз сходить поплавать. Кого убивать, а тем более за что убивать – это не его проблема, хозяин велел, на хозяине и вина. А что Чак любил такие приказы, так у Чака, видно, свои счёты с беляками были, раз их и после Свободы сводил. Тот майор – дай ему бог здоровья – не просто так приезжал, да и болтали о Колумбийском маньяке-палаче много, два и два любой дурак сложит. Ладно, всё это в прошлом, можно забыть и не думать, здесь всё по-дру-

гому. Опять же допуск в милицейские спортзал и тир не просто так, что тоже понятно, но пока ничего не сказано, можно не трепыхаться. Если что и будет, то совсем по-другому.

Их, конечно снесло и довольно-таки далеко, поэтому Эркин предложил Жене возвращаться по берегу, а не плыть против течения.

– Ага, – охотно согласилась Женья.

Они пошли вдоль кромки воды, и Женю вдруг окликнули.

– Ой, девочки! – обрадовалась Женья. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – улыбнулся им Эркин.

Он знал их – они все были на дне рождения Жени, работали с ней в машбюро. И Женья говорила ему, что и сейчас с ними дружит, хотя работает теперь в КБ. Женья немного поболтала с приятельницами, посмеялась, вспомнила про Алису, ахнула, и они пошли дальше.

Укладываясь на старое вытертое байковое одеяло, Вера вздохнула.

– Да уж, – кивнула Тоня, щурясь на солнце. – Обалденно красив.

– То-то Женька его ни на шаг не отпускает, – засмеялась Ольга.

– Любка из кожи лезла, а толку-то? – возразила Вера. – Он и сам на сторону не глядит.

– Говорят, они все такие, – Тоня повернулась на живот, колыхнувшись всем телом. – Ну, индейцы. Решают раз и на всю жизнь.

– А ещё говорят, у них по многу жён, – упрямо возразила Вера.

– Жена – не любовница, – Тоня вздохнула, опуская голову на руки. – Коли женился, то это уже не гульба, а супружество.

– А Любки-то чего нет? – после недолгого молчания спросила Ольга. – Не залетела опять?

– Видно, про Мороза не знает, – фыркнула Вера. – А то б уже тут как тут была бы.

Они засмеялись.

Когда Женя с Эркином наконец добрались до своих, Андрей, зажав в кулаке несколько конфет и яблоко, свободной рукой отщёлкивал Алисе в лоб очередной проигранный ею десяток.

Воскресенье, выходной, можно хоть весь день валяться в постели, но это надоело Громовому Камню ещё в госпитале, и он встал, как обычно, может, только чуть-чуть попозже. И всё шло своим обычным воскресным чередом.

Когда Громовой Камень спустился вниз, за столом сидели уже все жильцы, но рядом с Капитолиной Алексеевной восседала – иначе не скажешь – Липочка, Олимпиада Ивановна, дочка Капитолины Алексеевны, только позавчера приехавшая домой на каникулы. Училась Липочка не где-нибудь, а в Ижорске, и не на кого-нибудь, а на секретаря-референта.

– Доброе утро, – поздоровался, входя, Громовой Камень.

– Доброе утро, Гриша, – приветливо ответила Капитолина

Алексеевна.

Так же приветливо с улыбками поздоровались и остальные. Липочка скорчила миленькую – как она полагала – гримаску, обозначающую – опять же по её представлению – вежливое приветствие, и вздёрнула носик. Громовой Камень сел на своё место и принял у Капитолины Алексеевны тарелку. Воскресный завтрак в отличие от будничного без каши, а с чем-нибудь другим. Сегодня пухлые оладушки со сметаной, неизменные ещё горячие калачи, масло и чай.

Липочка очень старательно изображала светскую даму, случайно попавшую в такое общество и снисходящую к остальным только из вежливости. Громовой Камень видел, что остальных это только смешит, и они не то что поддерживают, а не мешают девочке играть. Разумеется, и он держал себя так же. Хотя... хотя, чего взять с девчонки. Обижаться на неё просто глупо. Но всё-таки царапало...

...В пятницу после педсовета, когда всё решили, всё обговорили и даже попрощались до августа, он сразу пошёл домой. Чего-то ныла нога, хотя сухо и натрудить её он не мог, если только на Купалу. И, входя в дом, столкнулся в прихожей с курносой белобрысой пигалицей.

– Здравствуйте, – мимоходом поздоровался он, проходя к вешалке.

Поставив палку в отделение для зонтов, он уже взялся за перила, когда она его окликнула:

– Подожди. Ты это к кому?

Он удивлённо обернулся к ней.

– К себе, – и улыбнулся её сразу округлившимся глазам. –

Я здесь живу.

– Как?!

Ответить он не успел.

– Липочка, – из гостиной вышла Капитолина Алексеевна. – С кем это ты? А, добрый день, Гриша.

– Добрый день, – он всё ещё улыбался.

– Вот и отлично. Обед будет через полчаса. Липочка, это дочка моя, на каникулы приехала, пойди сюда.

– Очень приятно, – склонил он голову и представился: – Громовой Камень.

Липочка как-то растерянно кивнула. И, поднимаясь к себе, он слышал внизу за спиной быстрый шёпот. Если бы не его слух охотника, слов бы не разобрал.

– Мама, индей! У нас...

– Замолчи. Он от бюро пришёл.

– Чтоб у нас всё ихним жиром провоняло, да?! Сегодня же сгони!

– Замолчи. Он учитель.

– Индей?!

– Замолчи.

– Сгони. Таракан краснопузый...

У себя в комнате он тяжело сел на кровать. Ну и что? Ничего нового ты не услышал. И о запахе. И о тараканах, что полезли в Россию. И о дикарях. И ещё много о чём... Ино-

гда молчал, будто не слышал или не понял. Иногда отвечал, что не курносому кацапу, белой глисте пасть разевать. Иногда бил. Иногда разворачивался и уходил. А что делать сейчас? Он достал сигареты и закурил. Побить её? Ну, это не серьёзно. Съехать? Сегодня же сходить в бюро? Да, найти комнату с пансионом – не проблема. И всё? Нет, это тоже несерьёзно. Воин не слушает женскую болтовню. Особенно, когда говорят за спиной и шёпотом. Он встал, переоделся и пошёл вниз обедать...

...Громовой Камень вместе со всеми рассмеялся удачной шутке Алексея. Липочка явно не поняла, в чём соль, но тоже смеялась.

– Гриша, пойдёте на пляж? – спросил Виктор.

– Нет, – улыбнулся Громовой Камень. – Я в библиотеку.

Липочка скорчила пренебрежительную гримаску. Громовой Камень заметил брошенный ей предостерегающий взгляд Капитолины Алексеевны и скрыл улыбку поднесенной к губам чашкой.

– Виктор Савельевич, а вы пойдёте на озеро? – глаза у Липочки заблестели.

Но ответ Виктора погасил этот блеск.

– Да, мы договорились прямо там встретиться. Гуго, а вы? Гуго улыбнулся.

– Нет, мы там были вчера. У нас на сегодня другие планы.

Липочка недовольно надула губки и промолчала. Тем более, что все уже с благодарностями за вкусный завтрак вста-

вали из-за стола.

У себя в комнате Громовой Камень взял с этажерки тетрадь для записей, переложил её на стол. В воскресенье библиотека работает полдня и только читальный зал. Если он хочет всерьёз поработать, то надо переодеться и идти. Но он стоял посреди комнаты, заложив руки за спину и сам себя держал за сжатый правый кулак. Если бы не нога... тогда, на Купалу, когда он с Джинни плавал в озере, так они были в стороне от всех, и Джинни убежала к воде первой и не видела, как он, хромя и волоча ногу, ковылял за ней, а в воде, да ещё ночью... Но днём, под солнцем у всех на глазах... нет уж. Джинни наверняка там будет. Ей, да и остальным незачем видеть его... таким.

Он упрямо тряхнул головой и стал переодеваться. Ничего страшного, на озеро он ходит в будни, с утра, когда все на работе и в поле, так что там вряд ли кто будет, кроме мальчишек. Да и те, скорее всего, уйдут со взрослыми на покос.

Когда Громовой Камень, одетый уже «по-городскому», спустился вниз, ему встретилась Ефимовна.

– Здравствуйте, – улыбнулся он ей. – Оладушки сегодня были необыкновенные.

– На здоровье, Гриша, – заулыбалась Ефимовна. – В библиотеку никак?

– Конечно, – весело ответил Громовой Камень, беря из стойки свою палку.

– Ну, и на удачу тебе, – она обтёрла руки заткнутой за пояс

фартука тряпкой. – С богом, Гриша, я закрою.

Дорога к Культурному Центру была ему уже хорошо знакома. Шаг за шагом, шаг за шагом. Дорога хорошая, ровная. Можно идти и думать о своём. Что когда денег нет, то из всех развлечений остаётся бесплатная библиотека. А сегодня вечером кино. Новый фильм. А вечерний сеанс стоит пятьдесят копеек. А если пригласить Джинни, то надо заплатить за неё и ещё чем-нибудь угостить. А денег...

Мысли о деньгах были неприятны. И потому, что их – денег – мало, и потому, что сами мысли непривычны. Что в интернате, что в стойбище, что в армии он обходился без денег. Они, если и были, то как несущественная добавка, без которой вполне можно прожить. А здесь... получив отпускные, он тогда весь вечер просидел, считая, пересчитывая и прикидывая. Отложил плату за пансион. Была сначала мысль отдать деньги вперёд до сентября, но как бы из-за этой чёртовой дурёхи не пришлось переезжать. А выцарапать обратно из Капитолины Алексеевны... да, это будет очень нелегко и непросто. Она, конечно, заботливая и ласковая, и дом ведёт как надо, но Виктор её не зря за глаза называет Кубышкой Скопидомовной. Что её, то уж её. Так что, отложим, понедельную плату, скрепим проволочным зажимом и пересчитаем остаток. И разделим на оставшиеся до сентябрьской зарплаты дни. И примем решение, что норма – две сигареты в день, пачка на полторы недели. А ведь ещё надо будет съездить в Ижорск, в методкабинет, купить книги и тетради

для себя, плакаты и прочее в кабинет, и... и хоть один раз за лето, но сводить Джинни в кино.

Сегодня в библиотеке дежурила Наташа. В читальном зале тихо, прохладно и пусто. Конечно, в воскресенье, да ещё по такой погоде есть развлечения и поинтереснее. И обрадовалась Наташа Громовому Камню вполне искренне.

Громовой Камень охотно поддержал разговор о новых поступлениях, интересной статье в «Науке и жизни», очередном номере «Семьи и школы» и... и время полетело совсем незаметно.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Сенокос – летняя страда. Кто не успел, тот опоздал, не возьмёшь сена летом, зимой и подавно не будет. Эркин слышал это со всех сторон. У кого уголья были недалеко от дома, со среды косили по вечерам и ночью, а на смену приходили невыспавшимися и оттого злыми на весь мир.

– Хоть бы отгулы дали!

– Жди!

– Догонят и добавят.

– Либо завод, либо земля, знал, на что шёл.

– Тебе хорошо, у тебя зятьёв да сябров, хоть в роту построю, а у меня... я, да я, да сам с собой.

– А на хрена ты тогда с коровой вяжешься, коль её правдывать не могёшь?!

– Это магазинное пойло хлебать?!

– Тогда не скули. У всех болит.

– Мороз, косить умеешь? Хошь, научу?

– Ты смотри, ловкач какой!

– Не, я у Кольки работаю, – улыбнулся Эркин. – А косить я умею.

– А брат?

– Ну, чего лезешь, где старший, туда и младший идёт. Чуня!

– А пошёл ты...!

Эркин немного опасался, что пойдёт разговор о помочи Медведеву как старшому, но, похоже, этого никто даже не думал, каждый сам за себя страду избивал.

В пятницу, когда они с Колькой сговаривались, к ним подошёл Миняй.

– Готовь косу, – властно приказал он Кольке.

У того даже челюсть на секунду, а то и на две отвисла.

– Ты... ты ж...

– Заткни хлебало, Моряк! – рыкнул Миняй. – Много вы

без меня накосите.

И отошёл, явно считая дело решённым.

– Надо же, – Колька озадаченно покрутил головой. – Ну, не ждал.

– Он по земле тоскует, – помедлив, ответил Эркин.

Колька кивнул и улыбнулся.

– Ну, в три-то косы за выходные смахнём.

– В четыре, – поправил его Эркин. – Да, и эти, – он не мог вспомнить нужное слово, – ну, чем скошенное переворачивают, чтобы сохло.

– Грабли? – подсказал Колька.

– Ну да. Тоже четыре. Скосим, перевернём, дальше косим, а это сохнет.

– Ну да, – кивнул Колька, – если за выходные управимся, то там неделя, ну, две, и свезти можно будет. Сеновал я сделал.

И уже в бытовке, переодеваясь после смены, ещё раз условились, что Морозы, оба, с Миняем затемно зайдут к Кольке и уже оттуда все вместе на луг.

Домой Эркин шёл с Миняем.

– Пожрать надо взять. Хлеба там, и ещё, – Миняй пыхнул сигаретой. – В лугах заночуем, так что кулеша наварим.

– Чего?

– Не ел, что ли? – удивился Миняй. – Ну, слушай.

Выслушав обстоятельный рецепт, Эркин кивнул.

– Понятно, – и по-английски: – Вареву. Мы, когда пасту-

хами работали, варили такое себе.

Миняй кивнул.

– Это ты с братом работал?

– Ну да. Нанялись на лето, – у Эркина стали перемешиваться русские и английские слова. – На пастьбу и перегон. Бычков пасли.

– Хорошо заплатили?

– Да, – убеждённо ответил Эркин. – По-честному.

– Повезло вам, – так же убеждённо сказал Миняй. – Это редкость, когда по-честному плотют. А косить там же выучился?

– Нет, раньше. Я же скотником был.

– А ну да.

Миняй как-то задумчиво вздохнул.

Эркин привычно ловил на себе взгляды встречных, но они его не беспокоили. Чувство безопасности тоже стало уже привычным. Он теперь не скрывал, не притворялся, не врал, а просто кое о чём не говорил, ну, так его ведь и не спрашивали. Он действительно стал, как все. Ни красота его, ни то, что он индеец, впервые не мешали ему жить. Даже Ряха от него отвязался. Так что, лучше, чем сейчас ему никогда не было. И пусть не будет, пусть так и останется. И идёт как идёт.

За разговором о всяких хозяйственных делах незаметно дошли до дома. Миняевы малыши гуляли и с визгом, как это было заведено в «Беженском Корабле», кинулись к отцу.

Старшая девочка, похожая на Минья, но очень маленькая, меньше Алисы, хоть та и младше, степенно поздоровалась с дядей Эриком, а за ней и остальные. Эркин ответил им общей улыбкой и кивком попрощался с Миняем.

Дома на него бурно налетела Алиса.

– Э-э-ри-ик! Эрик пришёл!

– Пришёл, – не смог не рассмеяться в ответ Эркин. – Ела?

– Ага. И поспала. Эрик, правда-правда. Я гулять пойду, ладно?

– Ладно, – кивнул Эркин.

И, когда Алиса убежала, переоделся и занялся кухней. Всё для обеда, как всегда, Женя оставила, и ему только поставить на огонь и разогреть, ну, и другие пустяки. А вот на завтра надо собрать. Колька заерепенился, правда, что у него всё есть, и вообще хозяин помочь кормит, но Миняй цыкнул, и он поддержал, Колька и заткнулся. Так и решили, что крупа и мясо с него и Андрея, хлеб возьмёт Миняй, а с Кольки лук, другие овощи и квас. Так, их четверо да на два дня. Полная двойная засыпка.

Эркин пересыпал крупу из пакета в холщовый мешок, отрезал и завернул мяса – хорошо, купил всё ещё на неделе. Мясо что надо: копчёное, жирное, а название смешное – грудинка. Так, это есть, а ещё хорошо бы чаю и сахару захватить. Чайник у Кольки, наверняка найдётся, котелок тоже с Кольки...

За этими хлопотами Эркин даже как-то не сразу сообра-

зил, что хлопочет не один, а вдвоём с Андреем.

– Чаю я пачку взял, – Андрей показал большую пачку в ярко-зелёной обёртке с золотым слоном. – Индийский.

– Индейский? – удивлённо переспросил Эркин. – С Равнины?

– Нет, из Индии. За морем страна, Восточный материк. Карту вспомни.

– Ага, – кивнул Эркин. – Там Китай ещё рядом.

– Пятёрочник, – хмыкнул Андрей, с немного наигранным сомнением взвешивая на руке пакет с сахаром. – Не мало будет?

– На одну ночь хватит. Клади.

– Угу. Да, Эркин, ты косить-то умеешь?

– Умею, – Эркин тряхнул головой, отбрасывая прядь со лба. – В имении ещё до Свободы выучили. А ты?

– Приходилось, – кивнул Андрей и ухмыльнулся. – Не боись, братик, не подведу. А инструмент, ну, там косы, грабли, бруски...

– Колька даёт.

– Лады. А брусок я и свой захвачу, есть у меня подходящий. Ух ты! – Андрей вытащил из мешка жестяную кружку. – Цела?!

– Я и тебе взял. И миски. Мы ж тогда в дорогу купили.

– А моё пропало всё, – вздохнул Андрей, но тут же хитро подмигнул. – Ну, вы из мисок, а я прямо из котла, мне так больше и достанется.

– Найду я тебе миску, – пообещал Эркин.

– Уж ты найдёшь, – покорно согласился Андрей.

И к приходу Жени с Алисой у них уже всё было готово и приготовлено.

– Ну, какие же вы молодцы, – восхитилась Женя, увидев накрытый стол. – Алиса, руки! И шею!

– Я шеей не ем, – отозвалась из ванной Алиса.

– Женя, давай, я ей объясню, что мыть надо, а что нет, – вызвался Андрей.

И, услышав это, Алиса, уже умытая, пулей вылетела из ванной: от Андрюхи всего ждать можно.

За столом Женя предложила лечь сегодня пораньше, а то им завтра слишком рано вставать.

– Вы как хотите, – ухмыльнулся Андрей, – а я в гости пойду.

– И проспишь! – заявила Алиса.

– Это почему? – возмутился Андрей.

– А ты всегда, как в гости идёшь, так потом спишь до обеда, я зна-аю.

– Больно много ты знаешь, – подзадоривал её Андрей. – Ну, а ещё чего ты знаешь? Скажи, а!

Но Женя не дала Алисе блеснуть познаниями о походах Андрея по гостям.

– Алиса, помоги мне. А вы идите, не мешайте, я к чаю десерт буду делать.

– Ах так, Женя?! И без меня? Без главного дегустатора?!

– Ты в гости идёшь, – Алиса упоённо выталкивала его из кухни. – Тебе там дадут. Эрик, помоги!

– Нет уж, – Эркин сложил грязную посуду в мойку, мимоходом коснувшись губами виска Жени. – Сами разбирайтесь.

– Ага, спасибо, братик, – Андрей сгрёб Алису в охапку и вынес из кухни. – Ух, как я сейчас с ней разберусь!

Пока Алиса с Андреем шумно, с визгом и хохотом гонялись друг за другом по квартире, Эркин вымыл посуду, помог Жене взбить белки и зажёл огонь в духовке.

– И что это будет?

Сидя на корточках у открытой духовки, он как когда-то, снизу вверх смотрел на Женю.

– Безе, – ответила Женя, облизывая ложку. – Эркин, огонь самый маленький сделай. И чтоб они не топали больше, а то белки осядут, ладно?

– No problem, – ответил по-английски Эркин и встал. – Сейчас сделаю.

Выйдя из кухни, он сразу поймал улепётывающую от Андрея Алису и предложил:

– Пойдём читать?

– Пошли, – сразу согласилась Алиса. – А что?

– Андерсена, – ответил Эркин и улыбнулся Андрею. – Ты в гости собирался?

– Ага, – Андрей несколько демонстративно перевёл дыхание и подмигнул Алисе. – Ладно, племяшка, в другой раз и тогда за всё.

– Ладно-ладно, – Алиса взяла Эркина за руку. – Пошли, Эрик.

Читать Андерсена, несмотря на обилие незнакомых слов, Эркин любил. А Алиса любила слушать его чтение.

В квартире стало тихо. Женя вставила противень, закрыла духовку и села к столу. В кухню осторожно заглянул Андрей.

– Жень, – спросил он громким шёпотом, – а чего это будет?

Женя улыбнулась ему и ответила так же тихо:

– Безе.

– По-нят-но, – по слогам глубокомысленно ответил Андрей и, подмигнув Жене, исчез.

Женя тихонько рассмеялась ему вслед. Неощутимо потекли минуты ожидания.

– Женя, – в дверной щели возникла ухмыляющаяся физиономия Андрея. – А как ты его в духовку запихнула?

– Кого?! – изумилась Женя.

– А композитора этого, Бизе, я в энциклопедии посмотрел. Женя, духовое мясо на десерт – это здоровско, – его тон был настолько серьёзным, что Женя только растерянно и потрясённо смотрела на него, распахнув глаза, а Андрей деловито продолжал: – Человечина, говорят, на вкус во! Лучше любой свинины, а уж композиторы... совсем нечто особенное, но как он в духовке поместился?

– А-ах! – наконец выдохнула Женя и сорвалась с места. – Ну я тебя...!

Услышав шум погони, Алиса вскочила на ноги и вылетела из комнаты с воплем:

– Эрик, айда Андрюху бить!

– Да?! Все на одного? Да?! – отбивался от них диванной подушкой Андрей.

Вклинившись в общую суматоху, Эркин сгрёб Андрея в охапку.

– Женя, я его держу, куда кидать? В окно?

Женя перевела дыхание.

– Ладно, Эркин, пусть живёт.

– Как скажешь, Женя, – Эркин опустил хохочущего Андрея на диван и легонько придавил. – А там уже готово?

Женя ойкнула и убежала на кухню, за ней Алиса, и они остались вдвоём.

Андрей отдышался и сел.

– Ну, братик, а? Где справедливость? Все на меня и, главное, ни за что.

Эркин, улыбаясь, сверху вниз смотрел на Андрея. Тот говорил таким плаксивым тоном, что принимать его слова всерьёз было нельзя.

– В Старый город пойдёшь?

– Нет, передумал, выспаться надо. Да и переодеться негде будет.

Эркин сел рядом с ним.

– Не обидится она?

Андрей насмешливо улыбнулся.

– На сенокосе заночуем. Там и увижу, и... посмотрю. Да, так да, а нет... жалеть не стану. Это же... несерьёзно. Понимаешь?

Эркин кивнул.

– Понимаю. Сбежались, разбежались... понимаю. Зачем это тебе, Андрей?

Андрей искоса посмотрел на него и промолчал. И Эркин решил не настаивать. За окном уже начинались долгие летние сумерки. Детские голоса и чей-то смех несмотря на открытое окно доносились глухо, как издалека.

– Раз живой, надо жить, – тихо сказал Андрей. – Живи как можешь.

Эркин кивнул, но возразил.

– А Баба Фима всё говорит: живи не как хочется, а как бог велит.

– Баба Фима – человек, – согласился Андрей. – А я и не сказал, что как хочется. Как можешь. Понимаешь, Эркин, несёт меня, ну, как по реке плыву. Я и не трепыхаюсь попусту. Не из-за чего.

– Может, так и надо, – Эркин тряхнул головой, отбрасывая прядь со лба, улыбнулся. – Так хорошо, что даже страшно. Вдруг кончится.

– Знаешь, – Андрей как-то удивлённо посмотрел на него, – я тоже иногда об этом думаю. Всё ведь хорошо. Ты подумай, Эркин, нас там не сотни, тысячи, а то и десятки, а может и сотни тысяч было, а я один уцелел. Будто... кто

выбрал меня.

– Бог?

– Да нет, про бога всё брехня, я всегда знал. А это... судьба, может... Да ладно, не в том дело. Вот выжил я, а дальше что? И тоже... как ни думай, а одно получается. Живи, как все. Ешь, пей, работай да гуляй. Я ж не силой, не обманом. Хочешь – давай, не хочешь – обойдусь.

– Оно так, конечно, – кивнул Эркин. – Только... хотя, может, так оно и надо.

Андрей улыбнулся.

– Всё у нас тип-топ, братик, а будет и ещё лучше.

– Куда лучше, Андрей.

Эркин прислушался и, хлопнув Андрея по плечу, встал.

– Пошли чай пить.

И тут же раздался топот, и в комнату влетела Алиса.

– Эрик, Андрюха, мама чай пить зовёт, всё готово!

– Идём, – встал Андрей. – Ну, племяшка...

Алиса предусмотрительно взяла Эркина за руку и победно посмотрела на Андрея.

– Ладно, – потряхнул тот шевелюрой. – в другой раз.

В кухне на столе в центре красовалась большая фарфоровая миска, полная маленьких белых... больше всего это походило на шляпки грибов. Андрей весело округлил глаза, но Женя грозно посмотрела на него, и он промолчал.

Все ели безе впервые, а Женя раньше – ну, очень давно – пробовала, но не готовила, так что у неё это тоже в пер-

вый раз. Белые пустотелые кругляши лопались и хрустели на зубах, наполняя рот восхитительно сладкими рассыпчатыми крошками.

– Женя-я, – наконец выдохнул Андрей, – ну, умереть, не встать, какая вкуснятина.

– Ага! – согласилась Алиса и важно изрекла очень взрослым тоном: – Тут ты, Андрюха, прав.

– А я всегда прав, – немедленно отпарировал Андрей.

– Всегда права мама. И Эрик, – заспорила Алиса. – А ты потом.

– Алиса, не говори с набитым ртом, – вмешалась Женя.

Блюдо стремительно пустело. Эркин подтолкнул Андрея ногой под столом, и тот, не взяв очередной кругляш, допил свой чай и встал.

– Женя, спасибо, я на боковую.

– Да, конечно, спокойной ночи, Андрюша, Эркин, я сама всё уберу, ты тоже иди ложись, Алиса, допивай...

Эркин и Андрей и переглянуться не успели, как оказались в ванной, будто их ветром вынесло.

– Ну что? – Андрей расстёгивал рубашку. – Как в Бифпите?

– Идёт, – кивнул Эркин, раздеваясь.

Душевая выгородка достаточно просторна для двоих, но Андрей сказал:

– Иди, играйся. Я побреюсь пока.

– Дважды в день решил, – усмехнулся Эркин, задёргивая

за собой занавеску.

– А чем я хуже...

Последнего слова в ответе Андрея Эркин не расслышал за шумом воды, но догадался и досадливо тряхнул головой.

Он уже заканчивал мыться, когда Андрей втиснулся под душ.

– Давай, а я потянусь пока, – уступил ему место Эркин.

– Ага, спасибо, брат.

Эркин вышел из душа, с наслаждением, но быстро растёрся полотенцем и стал тянуться, разминая, разрабатывая суставы. До чего же всё-таки всё хорошо! И какие здоровские штуки эти... да, безе. И съел много, и тяжести нет.

Из душа осторожно выглянул Андрей.

– Не помешаю тебе?

– Нет, я уже всё, выходи.

Андрей вышел, сдёрнул с крючка своё полотенце и остановился, разглядывая Эркина. Смотрел он не впрямую, а в зеркало, но Эркин поймал его взгляд и улыбнулся.

– Что?

– Красив ты, чёрт, – искренне ответил Андрей. – И как это бабы тебя мимо глаз пропускают?

– Лупятся, – засмеялся Эркин.

– А подойти боятся, – подхватил Андрей.

– А и подойдут, так не страшно, – засмеялся Эркин. – Жара, днём без рубашек, бывает, работаем, в майках, а то и так, и вот вся эта контора, ну, бухгалтерия, сборщицы там, кан-

целярия, ну, в свой обед...

– Ага, понятно.

– Так на окнах и висят, – смеялся Эркин.

Андрей живо представил себе эту картину и заржал.

– Ладно, – отсмеялся Эркин. – Давай на боковую.

Андрей очень натурально зевнул и согласился. Приведя себя в порядок, надев халаты и затянув пояса, они вышли из ванной.

В квартире было сумрачно и тихо. Из комнаты Алисы приглушенно доносился голос Жени, читающей вслух. Андрей попрощался с Эркином взмахом руки и ушёл к себе.

В спальне шторы не задёрнуты, и разлит приятный серо-голубой, начинающий синеть сумрак. Постель уже разобрана, и углы лёгкого «летнего» одеяла приглашающе откинуты. Эркин сбросил халат на пуф, ещё раз безбоязненно потянулся и лёг. Да, надо спать, а то Андрей с утра язвить будет. Он, конечно, выставляет себя и соней, и обжорой, но только кто другой, кто Андрея не знает, может, и поверит. Когда надо, Андрей не проспит и об еде забудет. Когда надо... смешно: рано же ещё, а лёг – и засыпаешь сразу, и не устал, а мысли путаются. И, как легла Женя, Эркин уже не ощутил.

Женя говорила ему, что останавливать будильник до звонка не надо: от этого пружина портится, и обычно Эркин давал ему немного позвенеть, но сегодня пришлёпнул ладонью

при первом даже не звуке, а намёке на звук. Женя, лежавшая на боку лицом к нему, вздохнула и повернулась на спину, но не проснулась.

В предрассветной синей темноте Эркин прошёл к комоду, достал и натянул чистые трусы. Шлёпанцы он надевать не стал, чтобы стуком подошв ненароком не разбудить Женю. Джинсы... на пуфе. И ковбойка здесь же? Значит, Женя вчера положила ему, ага, и носки тут же, ну, всё. Он сгрёб одежду в охапку и по-прежнему босиком вышел из спальни, бесшумно и плотно закрыв за собой дверь.

К его удивлению, на кухне уже булькал закипающий чайник. Андрей? Эркин заглянул в распахнутую дверь, взгляделся в освещённый голубым газовым светом конфорки и пахнущий хлебом сумрак.

Да, чайник уже закипал, а Андрей шлёпал масло на толстые ломти хлеба, мастера бутерброды.

– Ага! – приветствовал он Эркина. – Я уже думал, будить придётся, давай, садись лопать.

– Ага, – улыбнулся Эркин, – умоюсь только.

– Долго не плавай, а то я сам всё съем.

Эркин тихо рассмеялся и вышел.

Вдвоём они быстро позавтракали, Эркин под слабой – чтобы не журчала – водяной струйкой из крана вымыл их чашки и тарелку из-под бутербродов, пока Андрей убирал со стола. Свет они не включали: ночь на глазах сменялась утром.

А когда вышли на улицу, было уже совсем светло. Поутреннему свежий, даже чуть прохладный ветер перебрал им волосы. Андрей тряхнул головой и улыбнулся.

– Ох и хорошо-о-о... – покосился на Эркина. – А ты чего куртку взял?

– Ночевать у костра будем, – Эркин движением плеча поправил свой мешок с прикрученной к нему рабской курткой.

– Так не зима же, – фыркнул Андрей. – А хотя... твоя правда, братик, одеял же нет, а на выпасе... я же помню.

– Ну да, – кивнул Эркин. – Суставы застынут, так умаяешься растягивать. И роса здесь смотри какая, даже асфальт мокрый.

В Старом городе по дворам кричали петухи и лаяли собаки, мычали коровы и оглушительно щёлкал кнутом, собирая стадо, пастух. И уже у Колькиного проулка Эркина и Андрея догнал Миняй.

– Ну, вы и шагаете, с добрым утром вас.

– И тебя с тем же, – улыбнулся Эркин.

– Тем же концом да по тому же месту, – не удержался Андрей.

– Балабол, – одобрительно кивнул Миняй.

Колька их уже ждал. И не один, а с Куприянычем. У того телега, конь и покос по дороге к Колькиному клину. До развилки вместе доедем, а дальше уж сами.

– Ну, с богом, – Куприяныч шевельнул вожжами, и его пегий мохноногий конь легко стронул гружёную людьми, ко-

сами, граблями, мешками и корзинками телегу.

С Куприянычем ехали его жена и старшие дети – двое сыновей-подростков и девчонка чуть помладше, а ещё одна дома осталась бабке по хозяйству помогать, да за малыми смотреть – да он сам, да их четверо, да кладь, а конь шёл ровно, будто пустое вёз. Куприяныч заметил восхищённый взгляд Миняя и горделиво ухмыльнулся.

– В Селищах брал, жеребёнком, и вот какой.

– А что? – сразу заинтересовался Миняй. – Тамошние лучше?

– А то нет! По всему Ижорью славятся. Там Селиванов испокон веку свой завод держит, лучше для работы не найти. Да что там Ижорье, из Ополя к нему едут. Ну, для Печеры они тяжеловаты будут, там болота, глухомань, там своих держат. Ну, туровцы, так те для красы, баские, конечно, но верховые, не для наших трудов.

Миняй пересел к нему на передок, и они повели свой разговор. Колька, громко зевнув, вытянулся.

– Сосну пока. Ты как, Мороз?

Эркин улыбнулся и посмотрел на Андрея.

– Давай, брат, ложись.

– А то буду я время терять?! – фыркнул Андрей, устраиваясь рядом с Колькой. – А ты чего?

Эркин молча мотнул головой и остался сидеть на бортике, свесив наружу ноги.

Ещё на улице, едва вывернув из проулка, они чуть не

столкнулись с другим возом.

– Здорово, кум! – Куприяныч шевельнул вожжами, помогая коню развернуть их телегу. – А церкву, значит, побоку седни?

– Страда, кум, – ответил такой же бородач. – Бог простит. И бабка дома, за всех отмолит.

В его телеге так же вповалку дети, мешки... Из проулков, раскрытых ворот выезжают гружёные людьми и косами телеги. Ну да – сообразил Эркин – все же здесь скотину держат.

Так, перекликаясь, здороваясь и матерясь из-за сцепившихся телег, шутя и осаживая шутников, Старый город выбирался в луга, сворачивая на просёлки и в перелески. Ближние луга уже выкошены, усеяны рядами валков, а у многих и стогами. Со среды ведь косят.

– Тпру-у, – остановил коня Куприяныч. – Кольк, дрыхнешь?

– Нет, – ответил Колька и сам себе скомандовал: – Подъём!

Андрей сел, протирая кулаками глаза.

– Что, приехали?

– Дальше на одиннадцатом номере, – ответил Колька, собирая косы и грабли. – Мороз, бери мешки.

– Давай сюда, – Эркин отобрал у Кольки связку кос. – Андрей...

– Чтоб я жратву забыл?! – возмутился Андрей, обвешиваясь мешками.

– Спасибо, Куприяныч, – попрощался Колька. – Удачи тебе.

– С богом, – Куприяныч усмехнулся в бороду, – косарь, – и уже Миняю: – Косы я отбил и направил, так что...

– Присмотрю, – кивнул Миняй.

Эркин только улыбнулся, и, покосившись на него, предпочёл промолчать и Андрей.

Дальше шли по тропинке через чей-то большой, обкошенный только по краю луг.

– Под конную приготовлено, – понимающе хмыкнул Миняй.

Миновали перелесок, затянутую туманом лощину с ручейком, поднялись по песчаному с пучками травы склону.

– Вот, – Колька взмахом руки очертил луг. – До тех берёз и дальше по гребню, вон буйки, видишь?

– А, вешки, – понимающе кивнул Миняй. – Ну, давай, мужики, разбирай косы и становись.

Но Эркин, будто не услышав его, огляделся, выискивая место для костра. Андрей, сразу поняв, рассмеялся.

– Точно, братик, сначала надо жратву наладить.

– Пошёл за сушняком, – ответил Эркин, отходя к кустам на гребне. – Колька, давай мешки, – и всё-таки решил объяснить: – Сейчас кашу поставим, к вечеру поспеет.

– Ну, если так, – не стал спорить Миняй, глядя, как Эркин споро расчищает место.

Привычной решётки не было, котелок на перекладине и

рогульках прилаживал Колька, и Эркин не сразу отрегулировал пламя. Воду набрали здесь же в ручье, засыпали крупу, мешок с мясом, флягу с холодным чаем и баклажку с квасом засунули в прохладную тень у корней и накрыли от солнца курткой Эркина. Эркин, пока Миняй разбирал и раскладывал косы, разулся и снял рубашку, оставшись в джинсах. Он бы и их снял, но... не пляж всё-таки. Да, в рабских штанах было бы удобнее, но уж очень страшными они стали. Ладно, обойдётся. И подошёл к Миняю.

– Которая мне? Эта? Давай.

– Первым, что ль, встанешь? – задорно вздёрнул голову Миняй. – А ежели подрежу?

Эркин улыбнулся.

– Сказал, что умею, значит, умею.

Раздеваться Миняй не стал, но рубашку расстегнул и вытащил из штанов. Колька остался в майке, полосатой, как тельняшка, а у Андрея майка голубая. И разулись все. Чтоб не мешало и не давило. Одежду оставили под теми же кустами и встали. Миняй всё-таки первым, за ним Эркин. Андрей спросил Кольку:

– В который раз косишь?

И не дожидаясь ответа, встал за Эркином. Колька усмехнулся и не стал спорить.

– Ну, – Миняй серьёзно, истово перекрестился, – с Богом, – и широко, с большим захватом повёл косой.

Дав ему сделать два шага, чтобы ненароком не задеть

острием, пошёл Эркин. За ним – Андрей. И последним Колька.

Мокрая от росы трава с шорохом ложилась под косы. Поднимавшееся солнце всё ощутимее обливало жаром шеи и спины.

Эркин мерно, не тратя лишних усилий, водит косой, мог бы и быстрее, но он подстраивается под Миняя, сзади и левее такой же мерный свистящий шорох косы Андрея, чуть дальше – Колькин. Трава высокая, хорошо ложится, суховата, может, там была сочнее и мягче, но и эта, пока в росе, не трудна. Ничего нет лучше работы без окрика за спиной...

...Зибо идёт впереди, машет косой, он – следом, подражая его движениям. Грегори поставил их вдвоём, отдельно, остальные рабы дальше по лугу, он слышит, как там орут Полди и Эдвин, а они под глазом у Грегори, головы не повернёшь. В питомнике газоны чистили и ровняли ножницами, были ещё машинки такие, толкаешь её перед собой, она стрекочет, а сбоку трава мелкая сыплется, а здесь... нет, ничего, приспособиться можно. Тело обдувает ветер – Грегори велел раздеться, чтобы не рвали попусту хозяйскую одежду.

– А ну, веселей, навозники! – щёлкает возле уха плеть.

Зибо втягивает голову в плечи, горбит лопатки. Спина у Зибо костлявая, обтянутая неровной от старых шрамов кожей, шрамы светлее, и Зибо не чёрный, а... рябой. Он идёт, сдерживая шаг, хотя уже приспособился и чувствует, что мог бы идти быстрее.

– Чище коси! – щелчок плети обжигает шею.

Кожа не лопнула, но больно. Он молча возвращается, чтобы снять пропущенный пучок травы, и становится на прежнее место. И снова мерное движение рук, колыхание спины Зибо впереди и надзирательский голос сзади. И солнце, и струйки пота, от которых щиплет намятую в пузырьчатке спину...

...Не меняя шага, Эркин оглянулся, проверяя, как там Андрей. Андрей улыбнулся ему и залихватски подмигнул.

– Всё путём, братик, не отстану.

– Хорошо идём, – откликнулся Колька.

– Чище косите, мужики, – осаживает его Миняй. – Перекашивать некогда.

– Такую-то махину за день не смахнёшь.

– Сделаем, – возражает Эркин.

– Сохнет, стерва зелёная.

– А ты её не кори, она тебя же зимой кормить будет.

– Миняй, ты чего о ней, как о живой?

– Землю не чуете, так заткнитесь.

– Ух, ты-и! Гнездо! Эркин, смотри!

– Да что вы, как малые?!

Но и сам Миняй, оставив косу, подошёл к Андрею, посмотреть гнездо – пучок травинок с крохотными, зеленоватыми в тёмных крапинках снаружи и ослепительно-белыми изнутри скорлупками.

– Смотри, – Эркин нагнулся и выпрямился с гнездом в ла-

донях. – Там, ну, на выпасе, мы такое же видели, помнишь?
– Крап, вроде, другой был, – кивнул, возражая, Андрей.
– Перепелиное это, – объяснил Миняй. – Давай, мужики, трава сохнет.

Эркин бережно опустил в ямку гнездо и пошёл к своей косе...

...Тогда Грегори не давал им ни по сторонам, ни под ноги посмотреть, он только слышал шорох и писк, с которым кто-то удирал от них. А когда увидел... что-то жёлто-серое пушистым комочком выкатилось из-под ног Зибо, и он даже не сразу понял, что это такое, а Грегори мгновенно щёлкнул по пушистику плетью и наступил на него...

...Эркин тряхнул головой, отбрасывая со лба намокшую от пота прядь. Ладно, сволочь надзирательская – она во всём и всегда сволочью была и будет, и лучше по птенцу, чем по тебе. Солнце высоко, а пить нельзя, сердце сорвёшь, трава сухая уже, и звук не тот стал.

– Андрей, у тебя брусок далеко?

– Держи.

Эркин поймал на лету ловко брошенный брусок и поправил косу. Оглянувшийся на него Миняй, удовлетворённо кивнул.

– Умешь.

Эркин улыбнулся и перебросил ему брусок.

– И ты сделай, – и объяснил: – Звук не тот.

– Ишь ты, – покрутил головой Миняй. – Это ты здорово...

И снова мерные монотонные движения. Луг ровный, без кочек, трава суховата, ну да, верх же, но всё равно хорошая.

Так, то молча, то переключаясь и балагурия, они дошли до вешек – белых, равномерно воткнутых в землю палок. Луг шёл дальше к реке, но Колькина земля до вешек.

– А там трава получше, – хмыкнул Миняй, поправляя ко-су.

– Знаю, – вздохнул Колька. – Да нижние луга не по моим деньгам.

– Заливная земля дорога, – кивнул Миняй. – Ну, становись и пошли. До полудня что смахнём, то перевернём и за-полудноваем.

Первого места он Эркину так и не уступил. Но тот и не претендовал на него. Работает Миняй споро, он за ним успевает, а Миняй и старше, и знает это дело, так чего ж...

До полудня, уже всё чаще поправляя, подтачивая косы, они осилили половину луга и пошли за граблями, перевернуть подсохшие валки.

– Ничо, – Миняй разворачивает, рассыпает валок. – Ничо, Колька, трава сухая – сено звонкое.

– Ага, – выдыхает Колька.

Трава не тяжела, они ж такие мешки да контейнеры воро-чают, а сноровка совсем другая, без сноровки пушинку под-цепить – так потом умоешься.

– Всё, мужики, – Миняй рукавом рубахи вытер лицо. – Айда полудновать. В полдень косить, только косу тупить.

Устало волоча ноги, добрали до кустов, где булькал на костре котелок, свалили грабли с косами и сами повалились на землю.

– Уф-ф! – Андрей потряс головой. – Пспело уже?

– Успеешь, – Эркин, щурясь от пара, заглянул в котелок и стал поправлять огонь.

– Кулеш на вечер, – согласился Миняй. – Сейчас охолонем чуть и тюрю заведём. Мороз, ты квас куда поставил?

– Под курткой, – Эркин встал и потянулся, сцепив руки на затылке. – Андрей, айда, умоемся.

Андрей со вздохом перевернулся на живот, отжался на кулаках и встал.

– Не шевелится только мёртвый. Айда. Кольк, берём Миняй и пошли.

– Я т-те возьму, – рыкнул Миняй, но к ручью пошёл.

И, хоть ворчал, что мужики уже, а как малыцы, дети малые, но и поплескался и повозился со всеми. Особо не выкупаешься: воды по колено, и как лёг – так запрудил, но даже просто смыть пот и охладить лицо – уже хорошо. Мокрые, на ходу обсыхая под палящим солнцем, они поднялись к кустам и сели полудновать.

– А ты чего это тюрей назвал? – Андрей облизал ложку. – Это же окрошка.

– Хрен, как ни назови, малиной не станет, – заржал Колька. – Лопай, что дают, и не спрашивай.

Миняй хмыкнул.

– Оно-то так и не так. Тюря, если по-взаправдашнему, так это хлеб с водой и луком, да посолить ещё, а окрошка, она на квасе, да с овощами, но на покосе тюря положена.

– Тюря так тюря, – покладисто согласился Андрей, подливая себе квасу. – Ох и хорош квасок, никогда такого не пил.

– С устали да голоду, всё сладко, – усмехнулся Миняй.

Солнце прямо над головой, ветер стих, душно пахнет вянущей травой, а это что?

– Перепёлка детей скликает, – Миняй заметил, что Эркин прислушивается к птичьему посвистыванию из травы. – Неужто не слышал?

– Слышал, – улыбнулся Эркин, – но не знал.

– Чудно, – Миняй удивлённо покачал головой, – Ты ж... – и оборвал, не закончив фразу.

Эркин не ответил. Неважно, что подумал Миняй, что он индеец, или что был скотником, пастухом и должен был бы это знать, а вот... но что есть, то есть, да, он слышал, ещё там в Алабаме, и видел, и птиц, и следы звериные, и жуков всяких, и бабочек, и травы разной насмотрелся и даже напробовался, но не надзирателей же спрашивать, а рабы и сами не знают, и не до того им. Чего сожрать нельзя, о том и речи нет.

Тени было не так уж много. Голову ещё спрячешь, а остальное... уж как получится. Совсем издали протяжное, слов не разобрать, пение. Миняй кряхтит, зевает и крестит рот, мерно дышит мгновенно заснувший Колька, ну да, он-то крутится побольше их, и работа, и хозяйство – всё на нём. И

Андрей засопел. Эркин вытянулся, привычно закинув руки за голову, закрыл глаза. Рубашку он, как и остальные, просто подстелил себе под спину, чтоб не наколоться случаем...

...Солнце над самой головой, два взмаха и опять поправляй косу. Прогон прошли и бегом к граблям, перевернуть подсохшее, и опять к косам.

– Чище коси! Опять оставил!

Плеть без щелчка ложится на тело, Зибо глухо вскрикивает от боли. Сволочь Грегори, ну, чего цепляется, трава уже совсем под косу не ложится, да и он следом идёт, прихватил бы этот пучок. По спине Зибо медленно ползёт вниз красная струйка. Сволочь надзирательская, сейчас мухи налетят, они на кровь падкие, а ни отмахнуться, ни прикрыться...

...Эркин вздохнул, не открывая глаз. Хоть и спрятал голову в тень, а солнце всё равно просвечивает...

...И в самую жару Грегори не дал им отдохнуть, погнал на дойку, на пастбище. Так ломило всё тело, что даже есть не хотелось. Они с Зибо ходят от коровы к корове с подойниками, надоенное относят к тележке, выливают в бидоны и снова к следующей корове. У тележки сидит на корточках Губач, голодными глазами провожает каждое ведро. Но Грегори рядом, стоит и плетью пощёлкивает, и встал, сволочь белая, так, что всех сразу видит, не отхлебнёшь.

– Управились, навозники! – Грегори оглушительно свистит в два пальца. – Давай, Пит!

К ним подъезжает верховой надзиратель.

– Готово, Грегори?

– Гони.

Надзиратели ещё о чём-то болтают и ржут, но он уже не слушает. Попить бы. Есть уже не хочется, хоть бы рот сполоснуть.

– Пошли! – щелчок плети.

Губач ведёт лошадь с молочной повозкой, рядом едет Пит, а им... новый щелчок указывает дорогу...

...Эркин рывком сел, потёр ладонями лицо. И чего эта дрянь в голову лезет?! Размяться бы сейчас, ну, хоть потянуться как следует. Он встал и спустился к ручью, плеснул в лицо и на плечи воды, прополоскал рот. Ну вот, теперь потянуться – и порядок. Эркин, проверяя себя, оглянулся... нет, спят. Он быстро снял джинсы, оставшись в трусах, и стал разминаться, растягивая суставы. Что его увидят, он особо не беспокоился. Миняй и Колька его... гимнастику уже видели, он ведь после каждой смены в бытовке немного тянется, а от Андрея у него тайн нет. Да, теперь нет.

Эркин счастливо рассмеялся, выгибаясь на арку.

– Ну, ты даёшь, Мороз, силы, что ли, девать некуда, – засмеялся за его спиной Колька.

– Ну, коли так, – Миняй шумно зевнул. – Айда косить.

– Айда, – согласился, выпрямляясь, Эркин. – Андрей, вставай.

– Ага-а, – протяжно зевнул Андрей.

Жаркий запах вянущей на солнце травы, щекотные струй-

ки пота по спине. Все уже втянулись, приспособились. Косы Миняй и Андрей поправили, подточили. Пока солнце высоко, ещё раз переворошили скошенное, чтоб как следует провяло, а уж тогда сгребать, а как тени поползли, взяли косы.

– Что за сегодня смахнули, то сгребём, а это уж завтра, – водит косой Миняй.

– Как скажешь, командир! – хохочет Колька.

– То-то, – Миняй горделиво подкручивает воображаемый ус.

Признали его главенство. И Кольке подмога: такую махи-ну сработали, всё зимой сено не покупать.

Трава будто смягчает, покрываясь испариной – предвестницей росы, и косы снова идут ходко, с радостным повизгиванием срезая стебли. Скошенное уже не ворошили, всё равно роса, это уж завтра досушить, сгрести и увезти...

– Кольк, а возить как думаешь?

– С Куприянычем договорился. По-соседски. На неделе, как со своим управится, так даст воз, ну, и поможет.

Миняй кивает.

– А сеновал есть? – Андрей водит брусом по косе. – А то давай, сработаем.

– Есть, – смеётся Колька. – А что, руки чешутся?

– Руки когда чешутся, то если правая – это на здороваться, – объясняет Миняй. – А левая деньги считать. А на работу...

– На работу чешется шея, – очень серьёзно заканчивает

за него Эркин.

– Это почему шея? – теряется Миняй.

– А под хомут, – Эркин по-прежнему серьёзен.

Хохотали долго, взахлёб, даже косить бросили, чтобы ненароком косу не попортить.

– Ну, братик у меня, – Андрей восхищённо замысловато ругается. – Ну, скажет так скажет.

– Редко, зато метко, – хохочет Колька. – Да и ты, гляжу, промаха не даёшь, крупнокалиберным лупишь. Где таким загибам выучился?

– Да поносило меня по белу свету, – ухмыляется Андрей. – Всякого повидал да наслушался.

– И по-ихнему, ну, по-английски могёшь? – спрашивает Миняй.

– А чего ж нет, – молодецки встряхивает шевелюрой Андрей, выдавая длинную тираду уже на английском.

Молча усмехается Эркин, узнавая кое-какие явно у него самого услышанные обороты. Ну, здесь не страшно: что от лагеря, а что от спальников никто не поймёт.

– Да уж, – кивает Миняй. – В угоне всего набрались.

Так под пересмешки они уже заканчивали луг, когда к ним подъехал верховой. Не старый бородатый мужчина.

– Бог в помощь.

– Спасибо на добром слове, – ответил за всех Миняй, продолжая косить.

Мужчина остановил своего коня у самых вешек и, когда

они кончили прогон и остановились поправить косы, спешился.

– Здорово, Николай. Собрал, значит?

– Здорово, Нилыч, – ответил Колька. – Сам бы не осилил. Говорил Колька спокойно, даже с улыбкой, но Эркин насторожился, еле заметно напрягся Андрей, и у Миняя лицо отвердело. Что-то было в Нилыче такое... что не просто подъехал поболтать, да и... страда, все потом умытые, а он в белой, вышитой на груди и по вороту рубашке, в крепких блестящих сапогах, лаковый козырёк на картузе блестит, борода расчёсана... На лендлорда смахивает- вдруг сообразил Эркин и понял, что это – хозяин, Колька же арендует луг. И Колькины следующие слова подтвердили его догадку.

– За буйки не заплыли, целы твои вешки, нигде не тронуты, не бойся.

– А я и не боюсь, – усмехнулся Нилыч. – Мне бояться нечего. А вот к вам, мужики, дело у меня есть.

– На сто рублей? – насмешливо улыбнулся Андрей.

– Ну, рублей не на сто, а на водки ведро, – тоже с улыбкой складно ответил Нилыч.

– Ведро-о?! – удивился Андрей. – Ты скажи, щедро-то как.

– А что, мужики, слабо луг смахнуть?

– На слабо знаешь, кого ловят? – сразу ответил Андрей.

Нилыч охотно рассмеялся, но смотрел на Миняя, явно посчитав его за старшего. Миняй медленно покачал головой.

– Нет, не пойдёт.

– Ведро мало? – весело удивился Нилыч.

– Не в ведре дело, – отмахнулся Миняй. – Мы ж не по найму работаем, помочью.

– Ему ладно, – кивнул Нилыч.

– Нет, – твёрдо сказал Эркин. – Завтра мы здесь закончим.

– А...

– А в понедельник на работу, – не дал ему сказать Эркин.

Нилыч, прищурившись, внимательно оглядел его.

– И заработать неохота?

– Водка – не заработок, – ухмыльнулся Андрей, – а угощение.

– Верно, паря, – кивнул Миняй и, посчитав дело конечным, взялся за косу. – Давай, мужики, по-светлому закончим.

– Ну, как знаете, – Нилыч оглядел их. – Только в страду зовут, а потом... просятся.

– Мы на заводе работаем, – спокойно ответил Эркин.

– Нам круглый год страда, – засмеялся Колька.

– Ну, бог вам в помощь, – отступил Нилыч.

Когда стук копыт его коня затих, Эркин, поправляя косу, спросил:

– Коль, он по злобе тебе ничего... не нагадит?

Колька покачал головой.

– Нилыч прижимист, конечно, и своего нигде не упустит, но на подлянку... нет, не будет он мараться. Земли у него

невпроворот, луг этот я, глядишь, у него и на следующий год нанимать буду, нет, не пойдёт он на это.

– Работников много держит? – поинтересовался Миняй.

– Хутора у него два, я слышал, – Колька говорил не спеша, в такт косьбе. – Там живут, да в доме по хозяйству по найму, да молочная у него с сыроварней и маслобойкой, там тоже работники постоянные. Ну, и на страду нанимает, и помочь собирал.

– За водку? – спросил Андрей.

– За угощение. Помочь всегда безденежна.

– Водкой дешевле выходит, конечно, – кивнул Миняй. – Да, такой своего не упустит, это ты верно сказал.

– Лендлорды они такие, – по-английски откликнулся Андрей.

Последний ряд они заканчивали при длинных, через весь луг, чёрных тнях, красное, уже не слепящее солнце медленно спускалось к горизонту. Медленно, не так от усталости, как от предвкушения отдыха, они пришли к костру, и Эркин сразу захлопотал. Развёл сильный огонь, достал мясо, нарезал и засыпал его в котелок.

– Сейчас прогреется, и поедим. Андрей, давай за водой на чай.

– Так пока вскипит... В обед надо было...

– Вот и сделал бы, а не дрых, – сердито ответил Эркин.

Он едва не обжётся, взясь с котелком – всё-таки с решёткой куда удобнее. Андрей взял закопчённый чайник и пошёл

к ручью.

– А пока холодненького, – Колька достал флягу с холодным чаем.

– Самое оно, – одобрил Миняй, усаживаясь поудобнее.

Эркин ещё раз перемешал кашу с мясом и снял котелок с огня. Андрей повесил на место котелка чайник, подправил огонь и полез за мисками.

– Ну, надо же, – хмыкнул Миняй. – Как скажи, в ресторанте.

– А чего ж и нет, – ухмыльнулся Колька.

Ложка у каждого своя, Андрей разложил кашу по мискам, Миняй нарезал хлеб, перекрестился и первым начал есть.

Первые ложки прошли в молчании: уж очень устали. Но, беря второй кусок хлеба, Колька сказал:

– А кашеваришь ты, Мороз, здоровско.

– Мясо хорошее, – улыбнулся Эркин. – И крупа чистая.

– Ага, – Андрей хоть и с полным ртом, а не промолчит. – И дурак, значит, кашу наварит, когда крупа есть?

– У тебя же получалось, – спокойно, только глаза блеснули, ответил Эркин.

Все заржали.

– Так его молодого, – кивнул Миняй. – Чтоб не зарывался.

– Эх, все-то на меня, на младшенького, – хмыкнул Андрей, накладывая себе ещё каши.

Колька фыркнул, едва не поперхнувшись.

Пока ели кашу, закипел чайник, и Колька заварил чаю.

– По-флотски. Чтоб в кружку налил, и дна не видно.

– Это что ж, – Миняй повёл носом, – цифирь вроде?

– Нет, – мотнул головой Андрей. – Чифирь крепче.

Чай пили вприкуску, не спеша, наслаждаясь вечерней прохладой и отдыхом.

– Не думал, что за день смахнём, – Колька, блаженно отдуваясь, допивал кружку.

– В охотку-то, – хмыкнул Миняй. – Ну, и выложились, конечно. На то она и страда, день год кормит.

Эркин кивнул.

– А хватит этого на зиму?

– Сено хорошее, – возразил Миняй. – А ежели соломки подмешивать...

– Если уж мешать, то концентраты, – возразил Эркин.

– Эка хватил! Концентрат-то кусачий! – Миняй потёр пальцами воображаемые деньги. – Купил мешок, да и остался без порток.

– Зато молоко с него, знаешь, какое? Дуешь, а оно не брызгается, во, в два моих пальца сливки.

– Ну, это ты загнул, я таких коров не видел.

– Ты, может, и не видел, а я доил. День постоит бидон, и ложкой не пробьёшь, а горловину потом не отмоешь.

– Это что за коровы такие?

– Шортгорны называются.

Миняй недоверчиво покрутил головой, и Эркин улыбнулся.

– Раз говорю, значит, знаю.

– Ну... ну да, – Миняй ухмыльнулся. – А у козы какие сливки? Тоже знаешь?

– Нет, – вздохнул Эркин. – Коз там не держали, только... Коза – не корова, конечно, но и её. Как покормишь, так и подоишь.

Молча слушавшие их спор Колька и Андрей дружно заржали.

– Ай да, братик!

– Ну, умыл!

Рассмеялся и Миняй. Ну, в самом деле же, завёлся, будто о его корове речь.

– Эркин, – отсмеялся Андрей. – А летом мы кого пасли?

Эркин удивлённо посмотрел на него.

– Фризов. Забыл, что ли?

– А ну да, они мясные, так?

Эркин кивнул.

– Ну и имена, – покрутил головой Колька.

Было очень тихо, а от луны и костра светло. Андрей со вздохом подвинулся и прилёг, опираясь на локоть. Эркин улыбнулся.

– Устал?

Улыбнулся и Андрей.

– Не смертельно.

Миняй хмыкнул.

– А ты злой на работу, Мороз. Неужто и там, – взмахом

головы показал куда-то в сторону, – так же уродовался?

– Там, это в Алабаме? – уточнил Эркин, переходя на английский. – Так и не так. На беляков работал, это было. А скотина-то не причём, понимаешь? Я её не подою, у неё вымя распирать будет, загорится... – и видя, что Колька не понимает, а Андрей встревожился, оборвал фразу и продолжил по-русски: – Взялся – делай, а не можешь, так и не берись.

– Боишься – не делай, делаешь – не бойся, – подхватил Андрей. – Верно, брат.

И вдруг привстал на колени.

– Ты чего? – удивился Колька.

– Девочек услышал – сразу догадался Миняй и заржал. – И сна уж ни в одном глазу.

– Да, какой тут сон, время-то детское, – возмутился Андрей, вскакивая на ноги и заправляя рубашку. – Кольк, айда.

Колька покачал головой.

– Полежу.

– Давай, парень, – ухмыльнулся Миняй. – Твоё дело холостое, самый твой час, наше уже отгуляно.

– Ну, как хотите.

Андрей быстро обулся, снова прислушался.

– Там, вроде, поголосистее будут, – и уже уходя: – и по-сисястее.

Его провожал дружный хохот.

– Ох, – Миняй вытер глаза и налил себе ещё чаю. – Ну, чисто кот мартовский. Слышь, Мороз, ты в парнях, ну, до

свадьбы, тоже гулял?

Помедлив, Эркин кивнул.

– Небось не один десяток перепробовал, – поддержал Миня Колька.

– А я не считал, – так же, со спокойной ленцой в голосе, ответил Эркин.

Разговор о бабах – неизбежный мужской разговор, и он уже знал, что можно и не врать, главное – до конца не договаривать. Правда, но не вся.

– Ну, Колька, ты и щас не промах.

– Я ж Моряк, – ржёт Колька. – А на суше моряки – всегда победители.

– Хороша-то вдовушка? – подмигивает Миняй.

– Чисто сахарная.

– Много сахару зубы портит.

– А у меня и перчик припасен.

– Видал я твой перчик, – Миняй пренебрежительно сплёвывает. – Селёдка заморенная. Нет, я, брат, помясистей люблю.

– Белорыбицу, что ль? – смеётся Колька. – Рыбка хороша, да больно дорога.

– Это да, – соглашается Миняй. – Такая тебе живо карман растрясёт и вытрясет.

– Было бы чего трясти, – мрачнеет Колька, но тут же улыбается. – А сам-то? Тоже ведь... не всю правду жене рассказываешь.

– А ты думал, – Миняй даже как-то обиженно смотрит на Кольку. – Я что, не мужик?

– Мужик, – кивает Эркин. – Дверью хлопнешь, так всё крыло вздрагивает.

Миняй оторопело смотрит на него.

– Это как в крыле? Я же в башне...

– В башне своей ты, может, и не хлопаешь, – очень серьёзно, только глаза блестят, отвечает Эркин. – Не знаю, не слышал, – и обращаясь к Кольке: – Я в семьдесят седьмой живу, а как он в пятидесятой хлопнет, так весь этаж слышит и знает.

Миняй молча широко открытым ртом хватает воздух, а Колька катается, хохоча и стуча кулаками по земле.

– Ну уж, – забормотал Миняй, – ну уж и весь, ты, Мороз, того...

У Эркина так и вертелось на языке, что у пятидесятой дверь хлопает часто и каждый раз по-другому, но, поглядев на Миняя, решил промолчать. Пусть Миняй думает, что он у неё один.

– Ну, Мороз, – отсмеялся Колька, – ну, ты и хват.

Миняй, наконец, сообразил, что ему тоже лучше рассмеяться. Знать-то люди всегда всё знают, главное, чтоб не звонили. Жена да семья – это одно, а муштинское его дело – это уж совсем другое.

Дружно допили чай, Эркин остатком кипятка залил миски, заглянул в чайник.

– Кольк, воды принеси.

– Это зачем? – удивился Миняй.

– А чтоб утром чаю не ждать.

– Ну и хозяйственный же ты мужик.

– Костёр-то всё равно на всю ночь, – пожал плечами Эркин, быстро отмывая миски. – Хлеба сколько осталось?

– На завтра хватит, – хмыкнул Колька. – Тебе б каптёром быть.

– А это кто?

Выслушав объяснение Кольки, Эркин кивнул:

– Понятно.

Ну вот, костёр налажен, в чайнике тихо греется вода, в котелке мирно ждёт утра остаток каши, сохнут перевернутые вверх дном миски. Можно и на боковую. Ночь тёплая, но они легли по-походному: в куртках. У Миняя тёмно-синяя, в угоне у всех такие были, у Эркина такая же, только тускло-чёрная, рабская, а Колька принёс свою зимнюю робу. Поёрзали, посопели, укладываясь, и Миняй с Колькой дружно захрапели. Эркин улыбнулся, не открывая глаз. А хорошо было. Сладко ноют натруженные мышцы, вокруг тихие ночные шорохи и свисты, громко стрекочет невдалеке, вроде, сказали, сверчок.

Эркин проснулся на рассвете от тихого позвякивания крышки чайника. Высунул голову из-под мокрой от росы куртки и увидел Андрея, возившегося у костра.

– Нагулялся?

– Ага, – радостно согласился Андрей. – Крепко спишь, братик, я ещё когда вернулся.

– Не ври, – отозвался Колька. – Только сейчас подошёл.

Эркин встал и потянулся, сцепив пальцы на затылке, качнулся вправо и влево, разгоняя сон. Кряхтя и зевая, выпутался из своей куртки Миняй, посмотрел на ухмыляющегося Андрея и хмыкнул:

– Хорош!

– Гулять так гулять! – весело ответил Андрей.

Эркин спустился к воде умыться и обтереться, а когда поднялся, Колька опять заваривал чай, а Андрей брился, пристроив зеркальце в развилке ветвей. Эркин достал хлеб, отрезал каждому по два ломтя, убрал остаток и развернул тряпку с мясом, прикинул, как лучше отрезать.

– Оставь на кашу, – сказал Миняй. – С таким попьём.

– Соль, сахар есть, – фыркнул Колька. – И к чаю, и к хлебу приправа.

Устраивались не спеша. Всё равно ждать надо, пока солнце взойдёт, не по росе же валки разворачивать.

– А ты, Андрюха, пижон. И на покосе бреешься.

– Зато и девки любят, – смеётся Андрей, убирая помазок и бритву.

– Бородатому почёта больше, – ухмыляется Миняй.

– А на хрен почёт вместо любви? – тут же отвечает Колька.

– Спасибо, друг, – Андрей прочувственно трясёт ему ру-

ку, шмыгает носом, будто его слеза прошибла, и тут же: – Борода у козла, а щетина у кого? То-то!

– Ну, Мороз, – отсмеялся наконец Миняй, – Ну, брат у тебя...

– Лучше всех, – улыбнулся Эркин.

– Во! – восхитился Андрей. – Оценил наконец. Лопать-то будем?

– Успеешь.

Колька разлил чай по кружкам, дружно разобрали хлеб.

За чаем так же дружно дразнили и подначивали Андрея. Тот уже не краснел, как прошлым летом, а весело отругивался. Он тоже знал и про Кольку, и про Миняя.

– Кольк, а чего ты с ними вяжешься? Они ж...

– Честные давалки, – закончил за Миняя Колька. – Все удобства и без претензий. Понял? – и серьёзно: – Мне из дома не уйти, братьев не бросить, и в дом привести не могу, не бывает на одном корабле двух капитанов, а я не монах.

Миняй кивнул.

– Мущинское дело известное.

Пока напились чаю, пока Эркин засыпал крупу и наладил огонь, чтоб к обеду поспело, солнце уже поднялось.

– Ну, – встал Миняй, – айда, мужики.

– Айда, – тряхнул шевелюрой Андрей. – Косить-то уже не будем?

– Вчера чисто прошлись, только грабли бери, – распорядился Миняй.

Работали, как и вчера, в ряд. Миняй первым, за ним Эркин, Андрей и Колька. Ворошить – не косить, да и приспособились за вчерашний день. Ну, и спешить некуда: пока до конца дойдут, в начале просохнуть должно.

Солнце над головами, неумолчный стрёкот внизу и вокруг, душные пьяные запахи вянущей травы, струйки пота, ползущие по спине и груди.

В полдень Миняй остановился.

– Стоп, мужики.

– Чем полудновать-то будем? – Андрей вытер локтем лицо. – Квас-то тю-тю.

– Вот тюрю опять и заведём, – ответил Миняй. – В самый жар работать толку не будет.

– От травы? – не унимался Андрей.

– От тебя! – рывкнул Миняй. – От жара голова худеет.

– А ему это без печали, Миняй, – заржал Колька.

– Точно, – горячо согласился Андрей. – За меня братик думает, на то он и старший.

– Ага, – согласился Эркин. – Сейчас я тебя воспитывать буду.

– Нее, – рванул в сторону костра Андрей. – Я ещё жить хочу!

– Лови его! – скомандовал Кольке Миняй. – Ща мы Морозу подмогнём.

– А то он невоспитанным ходит, – ржал Колька, пускаясь бегом в обход и на перехват.

В общей толкотне и суматохе скатились к ручью. Утопить никого не получилось: больно мелко, но к костру поднялись мокрые все насквозь. Миняй проверил баклажку из-под кваса, вытряхнул себе в рот последние капли и погнал Андрея за водой.

– Мороз, хлеба отрежь, по два на брата и хватит.

– Останется совсем мало, – возразил Эркин.

– Тогда по одному.

Андрей принёс воду. Миняй положил в каждую миску по ломтю чёрного хлеба, налил воды и посолил.

– Вот, теперь ложкой разотри, и всё. Жалко, луку нет.

– Жалко, – кивнул Колька. – И масла.

Густая коричневая масса в первый момент не понравилась Эркину, напомнив питомник, там на обработке и туманных картинках так же кормили, но всё вокруг было по-другому, да и есть сильно хотелось. И он очистил миску наравне с остальными.

Поев, как и вчера, легли в тени. Андрей заснул сразу, едва голову опустил, и Эркин его слегка подвинул, чтоб не так на солнце лежал.

Спали недолго: сегодня росы ждать незачем. Ещё раз перевернуть, сгрести и собрать в стога. Да и... эх, была бы телега, сегодня бы и свезли. Ну, уж как есть, так и есть... давай, мужики, не до вечера же колупаться... давай веселей, начать и кончить осталось...

Поставили четыре стога. Можно бы и в два, но чтоб далеко

не грести и не носить. И так... помаялись. Но уж подгребли вчистую, травинки не оставили.

– Ну, всё, – Миняй удовлетворённо оглядел луг. – Свалили, мужики, айда.

– Айда, – устало кивнул Колька. – Спасибо вам.

– Не за что, – Миняй ещё раз огляделся и, крикнув, взвалил на плечо вилы. – Помочь – святое дело, пять грехов с человека снимает.

– А предателя замочить, так десяток, – машинально, явно думая о своём, откликнулся Андрей.

– Балабол ты, – покачал головой Миняй. – Нашёл что с чем равнять.

Эркин быстро искоса посмотрел на Андрея и промолчал.

Каша на костре слабо булькала и пахла совершенно употребительно. Эркин достал остатки мяса, нарезал, как и вчера, кусочками, заложил в котелок, перемешал и прибавил огонь. К его удивлению, Колька покопался в своих вещах и достал бутылку водки.

Удивились и остальные. Миняй даже руками развёл.

– Ну... чёрт, ну, никак не ждал.

– После боя... трудового это самое оно, – ответил Колька, срывая фольговый колпачок.

Колька разлил водку по кружкам, Миняй нарезал хлеб.

– Ну... – Колька обвёл их блестящими глазами, – будем, братишки.

– Будем, – кивнул Эркин.

Жухать было не место и не время, и выпил он, как все: залпом и до дна.

Зажевали хлебом с солью. Миняй довольно крикнул.

– А хорошо пошла.

– Ага, – согласился Андрей и лукаво: – Самое оно для сугреву.

– Ну, балабол, – заржал Миняй. – Ну, язык без костей.

Андрей самодовольно ухмыльнулся и чуть ли не раскла-
нялся.

Эркин разложил кашу по мискам, сразу выгребая до дна. Ни добавок, ни остатков. Ели не спеша, не так смакуя, как отдыхая. Наломались всё-таки... но и сработали! Тоже, как надо! Шутка ли, вчетвером за два дня с таким лугом управиться... а ежели ещё не спамши... ну, на это вольному во-
ля...

– А что? – Андрей ухитряется трепаться с полным ртом. – Завидно небось!

– Нашёл, чему завидовать! – ржёт Миняй. – Да этого добра везде навалом. На копейку дюжина и баранка в придачу.

После каши так же не спеша напились чаю, приканчивая и заварку, и сахар. Ещё немного поболтали и поржали, и так же неспешно стали собираться. Чтоб и не по жаре, и до темноты добраться до дома. Вчера-то их подвезли, а сегодня и косы, и грабли с вилами, и своя поклажа – всё на себе переть.

– Ну, – Миняй огляделся, проверяя, не забыли ли чего, – пошли.

– Пошли, – кивнул Колька.

Эркин молча шевельнул плечом, поправляя ношу.

Когда такая дорога, то ни по сторонам глазеть, ни болтать не будешь. Шли молча и ровно, как заведённые, не сбивая дыхания болтовнёй. Может, под песню было бы и легче, да им такое и в голову как-то не пришло.

Вёл их Колька не дорогой, а тропами, напрямик через луга, большей частью уже выкошенные, уставленные стогами, а кое-где и стогов уже нет: свезли, – через картофельные, покрытые тёмно-зелёной ботвой поля, а вон уже и огородные загородки пошли, и не тропа уже, а проулок, из-за заборов голоса и смех, мычат коровы, что, уже и стадо пригнали? Да, сумерки уже, ну, надо же как маханули, а вон и Колькин проулок.

И только свалив в сарае косы и грабли, они поняли, что и в самом деле сдюжили, смогли. Эсфирь пригласила их зайти поесть и, выслушав их вежливый, но решительный отказ, метнулась в дом и, вернувшись, мгновенно накрыла стол под яблоней.

– Тогда хоть молока выпейте, козьего.

И, не дожидаясь их ответа, снова убежала и вернулась с кувшином.

Они сели вокруг стола, к Кольке на колени сразу забрался Колобок, разглядывая гостей.

– Братан мой, – объяснил Колька Миняю.

Тот молча кивнул. Андрей соорудил Колобку рожу, и ма-

льш радостно засмеялся, запрокидывая кудрявую голову. Улыбнулся и Эркин.

Козье молоко он пил впервые и от усталости не мог понять: нравится ему или нет. Как-то незаметно на столе появился пирог с вареньем, ещё что-то.

Эркин дожевал пирог, толкнул под столом Андрея. Тот кивнул и вытряхнул в рот последние капли из стакана. Кивнул и Миняй.

Встали из-за стола они одновременно.

– Спасибо хозяйевам за ласку и почёт, – поблагодарил за всех Миняй.

– Вам спасибо за помощь, – встал и Колька, ссадив на землю Колобка.

И неожиданно для Эркина, шагнув вперёд, крепко обнял Миняя, затем его и Андрея.

– Спасибо вам... спасибо...

– Ладноть тебе, – буркнул, скрывая смущение, Миняй. – Бывайте здоровы, айда, мужики, время позднее.

– Айда, – согласился Андрей. – До свидания всем. Мама Фира, пирог потрясный, в жизни бы не ушёл, да на работу надо.

– До свиданья, – улыбнулся Эркин, легонько подталкивая Андрея.

Вроде только пришли и сидели недолго, а уже вечер к ночи прислоняется. Старый город затихал, готовясь ко сну, и, когда они подошли к поезду, сзади стояла ночная тишина,

хотя небо ещё светло-синее.

– Ну что, – Миняй с улыбкой посмотрел на зевающего Андрея, – какое время? Детское? Или как?

Андрей ещё раз зевнул.

– Время какое, спрашиваешь? А перед сменой.

Миняй рассмеялся.

– Вывернулся, паря. Ты завтра в какую?

– А, как и вы, в первую.

Новый город догуливал выходные, мостовые и стены домов отдавали накопленный за день жар. По-прежнему ровным размеренным шагом уже при фонарном свете они добрались до «Беженского Корабля». Миняй протянул руку Эркину.

– Ну, до завтра, Мороз.

– До завтра, – ответил Эркин.

Улыбчиво кивнул Андрей, и они разошлись.

Молча поднялись по лестнице, вошли в тихий, уже спящий коридор. У своей двери Эркин полез в карман за ключами, но дверь распахнулась сама, и Женя обняла их, сразу обоих, и буквально вдёрнула в квартиру.

– Наконец-то... всё в порядке, да? Сейчас чаю... поедите... – быстро говорила она, целуя обоих.

– Женя, – Эркин с трудом вклинился в её скороговорку, – сейчас в душ и спать, мы сыты, правда.

– Точно, братик.

Андрей сгрёб их мешки, куртку Эркина и забросил всё в

кладовку.

– Завтра разберу. Женя, спасибо, но только спать.

– Завтра в первую, Женя, – виновато сказал Эркин и поцеловал её в щёку.

– Да, – сразу кивнула Женя. – Да, конечно.

Расстёгивая на ходу рубашку, Андрей прошёл мимо них в ванную.

– Братик, догоняй.

– Да-да, Эркин, иди, конечно, – Женя ещё раз поцеловала его и легонько подтолкнула в спину.

Андрей уже ухал и кряхтел под душем. Эркин быстро разделся и, осторожно раздвинув занавеску, чтобы не набрызгать, протиснулся в щель.

– Эркин, ты? – Андрей яростно намыливал голову.

– Да, я. Подвинься.

Горячие сильные струи били их по головам и плечам, разлетаясь брызгами и от занавески снова на них.

– Ох, хорошо-о! Игратья не вздумай!

– Отстань. Помять тебя?

– Нет, спасибо, брат. Завтра, ладно?

– Ладно.

Они, несмотря на тесноту, всё-таки потёрли друг другу спины и выключили воду.

– Ох, щас завалю-усь...

– На смену не проспи.

– Да ни в жисть, братик. Готов? Открываю.

Андрей щёлкнул задвижкой на двери.

В квартире тихо и темно, только под дверью спальни узкая светящаяся полоска. Эркин машинально, засыпая на ходу, повернул задвижку на двери, сбросил халат на пуф и лёг. Женя сразу отложила на тумбочку со своей стороны журнал, выключила лампу и повернулась к нему.

– Устал, милый? Спи, Эркин, спи, мой родной.

И уже во сне Эркин ответил:

– Ага, Женя, я сплю.

Женя тихо засмеялась, целуя его в щёку и в висок, погладила по груди. Эркин протяжно вздохнул и улыбнулся, не открывая глаз.

Тетрадь семьдесят вторая

122 год

Лето

Россия

Царьград

Конец июля выдался дождливым, чему Майкл, как и остальные парни, радовался. В жару учиться, да ещё экзамены сдавать уж слишком тяжко. И так времени ни на что не хватает, от работы же их никто не освободил, дыхнуть некогда, а если б ещё и жара... Но вот всё позади: и экзамены, и выдача аттестатов, и дожди, как по заказу, кончились. Голубое, промытое дождями, блестящее, как кафель – а ну его, хотя вроде уже привыкли, и не боятся, но всё равно не слишком приятно – небо, сочная, словно заново живущая листва...

В первый же выходной после экзаменов Майкл поехал в Царьград. Собирались ещё парни, но каждый сам по себе и за себя. И теперь он сидел за столиком кафе-мороженого и не так ел, как разглядывал город. Красные черепичные и сереб-

ряные цинковые крыши домов, между ними зелёные кудрявые кроны, шпили и купола церквей и дворцов. Крепостной холм – самый высокий, да, правильно, Царьград – город на семи холмах, а холмы? Крепостной, Царский, Лесной, Лысый, Галочий, Сухов и... да, правильно, Ишкин холм. Сколько всего он за этот месяц вызубрил, аж голова пухнет и трещит. А вот дальше-то что? И вроде бы, всё ясно и думать не о чем. Месяц каникул и с сентября снова в школу, уже в трёхлетнюю, чтобы иметь полный аттестат. Ну, этого ему на три года во как хватит, а потом? Техникум? Институт? Университет? А зачем?

Народу в кафе немного: день-то будний, а туристы сюда по вечерам заходят, чтобы столицей в огнях полюбоваться и поговорить, что вот кончилась война, затемнение до самого конца держали и как хорошо. И закат, говорят, отсюда самый красивый.

Майкл не спеша доел мороженое и, оставив на столе деньги, встал. Сейчас, может, сходит в кино или просто погуляет, ни в одежде, ни в чём ещё он не отличим, разве только... цветом, но тут уж ничего не поделаешь, он – не мулат, не трёхкровка, а негр, чёрный. Но... но здесь это не опасно. Попыталась их как-то местная шпана зацепить, так обошлись без милиции, наглядно, нет, наглазно и позубно объяснили, что драться мы умеем и нас лучше не цеплять. Теперь в упор друг друга не замечаем. И здесь, парни рассказывали, было пару раз, и так же обошлось.

По крутой полутропе-полулестнице он спустился с Крепостного холма к мостику через ров. По прозрачно-чёрной воде важно плавали белые лебеди и шныряли неброские утки. Рассказывали, что птицы здесь исстари, и даже в войну, когда было голодно, птиц никто не трогал, рыбу только на удочки, да, ловили, а птицы так и жили себе. Майкл остановился и так постоял, облокотившись на перила. Птицы подплыли, ожидая подачи, но у него ни хлеба, ни печенья с собой нет, и они быстро перестали его замечать. Воду рябило, и разглядеть своё отражение он не мог, да и не пытался. Нагляделся он на себя в зеркалах... до отвращения.

Майкл с силой оттолкнулся от перил и пошёл дальше. За рвом переплетались узкие улицы, застроенные маленькими – в один-два этажа – домиками, между домами каменные, в рост человека, ограды с фигурной решёткой по верху. Над оградами и крышами вздымаются деревья. Дома все жёлтые, с белыми лепными украшениями, окна закрыты изнутри белыми занавесками, да, кисейными называются, Тётя Паша так говорила, и между стеклом и занавесками уставлены цветами. Майкл не один уже раз гулял по этому кварталу и прохожих никогда не видел. Странно, в Царьграде каждый квартал как свой особый город, совсем не похожий на остальные. Интересно, почему так?

Подумал и тут же забыл об этом. Такая сонная, солнечная тишина на этих улицах. Глухие резные двери с кнопочками звонков. А если взять и позвонить? Зачем? А просто так, из

озорства! И зная, что никогда такого себе не позволит, тихо посмеялся над собой.

Ещё поворот, ещё... И Майкл с ходу оказался на шумной улице, полной вывесок, витрин, машин и прохожих. Во, ну, совсем другой город!

Майкл шёл теперь быстро, будто спешил куда-то, будто по делу, но сам понимал, что просто подстраивается под окружающих, привычно стараясь не выделяться. Магазины, лотки, киоски, шум, толкотня, машины на мостовой в четыре ряда, ещё не пробка, но едут медленно, и прохожие, если надо на другую сторону, то до перехода не идут, а просто перебегают, с явно привычной ловкостью лавируя между машинами. И он перебежал. Ни за чем, просто так. Эта сторона ничем не лучше той. Но и не хуже.

Пожалуй, вот это, бесцельное и безопасное блуждание ему и нравилось в России больше всего. Там, в Спрингфилде, он тоже ходил в город, но только с парнями, и с опаской, зорко поглядывая по сторонам, ни на секунду не забывая, кто он и чем ему опасна встреча... со знающим. А здесь... ну, совсем другое дело... Нигде ему не было так хорошо. Всюду могло вспомниться прошлое: питомник, Паласы, хозяйева, но не здесь, не на этих улицах. У него же никогда такого раньше не было. Никогда... а... что это? Чёрт, это же...

Она шла так же быстро, как все, и одета, как все, но он не мог ошибиться. Чёрные кудри до плеч, плечи, талия, бёдра... и... да нет, дело не в волосах и фигуре, а в том, как она идёт,

танцую, играя бёдрами и спиной, не завлекая, не разжигая, а просто иначе не умеет.

Майкл прибавил шаг, побежал, ловко лавируя между людьми. Догнал, почти догнал, поравнялся и пошёл рядом. Она думала о своём и не замечала, что её разглядывают, или настолько привыкла к чужим взглядам. Тёмная, темнее мулатки, но не чёрная. И джи, не элка. Надо же, и чего её в Россию понесло, спальни все устроились и гореть не стали, а эта чего?

Она по-прежнему не замечала ничего и никого, и Майкл тихонько свистнул по-питомничьи.

Она вздрогнула и остановилась, будто налетела на невидимую преграду. Остановился и он. Теперь они стояли и рассматривали друг друга, а толпа обтекала их. Оба высокие стройные, и оба как негативы: светлая одежда и тёмные лица и руки.

– Еды тебе, – улыбнулся Майкл.

– И тебе от пуза, – кивнула она, настороженно оглядывая его. – Джи?

– Да, – согласился с очевидным Майкл.

Она усмехнулась.

– И кто тебя привёз?

Её вопрос и удивил, и как-то обидел его.

– Я сам приехал.

– Ловок, – кивнула она. – А меня привезли, – и вдруг: – Пожрать купишь? А то, – и по-русски: – Ни копыа.

– Хорошо, – кивнул он. – Пошли.

Они шли рядом, но не касаясь друг друга. Майкл замедлил шаг у первого же кафе, но она покачала головой:

– Слишком шикарно. Дорогое заведение.

Он упрямо мотнул головой.

– Деньги есть.

– Ну, как знаешь, – пожалала она плечами и повторила: – У меня ни копя.

– Я слышал.

В кафе они сели за столик, и он взял листок меню.

– Ого-о! – протянула она, видя, как он водит глазами по тексту.

– А ты думала, – гордо хмыкнул Майкл. – Так тебе как, полный обед?

– Спрашиваешь!

К ним подошла официантка, и Майкл заказал два обеда. Его бойкая русская речь тоже произвела впечатление.

– Здоровско ты! – сказала она, когда официантка, спрятав свой блокнотик в карман фартучка, отошла.

Майкл самодовольно улыбнулся.

– А чего ж нет. Слушай, а ты чего так? Ну...

– Без денег? – она усмехнулась. – Приехала на неделю, полторы протянула, а теперь всё... как ни тянула... работы нет. Перегорела я, – и твёрдый насмешливый взгляд.

Майкл выдержал его и кивнул.

– Я тоже. Я Майкл, тьфу, Михаил. А ты?

– Ну да, – кивнула она. – Раз перегорел, то имя можно. А я Мария, по-русски – Маша. Чем живёшь?

– В госпитале, медбрат и массажист.

– Ого! Это ж...

Она не договорила, потому что им принесли салат. Майкл не собирался так рано обедать, но сидеть и смотреть, как другой ест, тоже не хотел.

– Здоровско устроился, – заговорила Мария.

– Не жалуясь. А ты?

Она вздохнула.

– Было хреново, стало дерьмово. Я ведь... сбежала.

– Чего-о? – изумился Майкл. – Ты что?! Свободе уже... полтора года, а ты...

– А я вот только сбежала. Да не от хозяина. От мужа.

Майкл окончательно онемел. Но им принесли окрошку. С мясом, яйцами и сметаной. К половине тарелки Майкл немного пришёл в себя.

– Он что? Обидел тебя? Ну...

– Да нет, – Мария вздохнула, доедая окрошку. – Это я его обидела. Ладно. Ты как, один?

– Да нет, нас с госпиталем, знаешь, сколько приехало.

– С госпиталем? – переспросила она. – Слушай, как же ты исследования проскочил? Ведь трепали, что всех наших, ну, кто уцелел, на исследования вывозили.

– Трепотня, она и есть трепотня. Лечили нас, ну, кто раненый был, из горячки, из чёрного тумана вытаскивали, это да.

Она невольно поёжилась, как от холода.

– Чёрный туман... да, горячку ещё выдержишь, а из чёрного тумана в одиночку не встанешь.

Поджаристые котлеты с мелко нарезанными жареными картошкой и луком надолго прекратили их разговор. Завершал обед яблочный компот.

– Спасибо тебе, – взяла она стакан. – А то...

– Ладно тебе, – отмахнулся Майкл. – Если мы не за себя, то кто за нас.

Мария улыбнулась.

– Здоровско.

– И куда ты теперь? – спросил Майкл, когда они вышли из кафе.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, – и не договорила.

– Вернёшься?

– К мужу? – уточнила она. И вздохнула. – А больше некуда.

– Он что? – повторил свой вопрос Майкл.

– Он-то ничего, – Мария сердито повела плечом. – Он... а! Я это, понимаешь, моя вина. Вот уехала, сказала на неделю, а сегодня двенадцатый день. Нельзя мне возвращаться. Нельзя и всё. И жить здесь не на что и уехать некуда, и... – она усмехнулась. – И подушку просить не у кого.

– И незачем, – твёрдо ответил Майкл. – Пошли.

– Это куда? – насмешливо спросила она, но послушно по-

шла рядом.

– Увидишь, – пообещал Майкл. – Не бойсь, всё будет нормально. Выдумала тоже... подушку. Дура. Кто выжил, тот и победил. Я, знаешь, каких видел... без рук, без ног, глаза выжгло, и живёт, а ты... всё же на месте.

Он говорил быстро и сердито, но тихо, по-камерному. И она так же отвечала ему.

– Без рук, без ног... так он же беляк. А мы... я ж перего- рела, кому я, такая, нужна?

– И я перегорел. Да чего там, мы все, кто в госпитале, пе- регорели. И живём.

– И кому вы нужны? – съязвила Мария. – Ну, вот ты, кому ты нужен?

– Я? – на мгновение растерялся Майкл, но тут же нашёлся, вспомнив, как однажды спорили ещё там, в Спрингфилде. – Я сам себе нужен.

– А зачем?

На этот вопрос он ответить не смог и угрюмо буркнул.

– Ничего, вот я сведу тебя, он тебе на все вопросы ответит.

– Поп, что ли? – фыркнула Мария.

– Нет, он психолог.

– Кто-о?! Это что ещё за хренотень?

Майкл улыбнулся покровительственной усмешкой знающего.

– Увидишь. Он нас из чёрного тумана вытаскивал. Так что... ты только не ври ему. А плохого он не посоветует.

– Это беляк-то?!

– Он русский, – внушительно ответил Майкл. – Это раз. Он врач и давал клятву Гиппократа, это два. И он... мой крёстный, это три.

В их разговоре всё чаще проскакивали русские слова, и незаметно для себя Майкл, а за ним и Мария, полностью перешли на русский.

– Крёстный? – удивилась Мария. – Ты крестился?

– Ну да. Когда решили уехать, – весело объяснил Майкл, – ну, в Россию, мы все себе русские имена взяли. И крестились.

– Иначе не пускали? – уточнила Мария.

– Да нет, – так же удивлённо ответил Майкл. – Просто мы решили. Едем в Россию, должны быть как русские. Сами решили, понимаешь?

Она задумчиво покачала головой.

– И много вас?

– Здесь? – уточнил он. – Двадцать четыре.

– И все джи?

– Все перегорели, – поправил он её. – А так-то элов больше.

– Ну, как везде, – кивнула Мария. – И что, все в госпитале?

– Ну да.

Где жил Жариков, Майкл знал. Они уже у него как-то в гостях были. Когда в первый раз поехали в Царьград, просто

хоть город посмотреть. Доктор Ваня встретил их на вокзале, они походили все вместе по улицам, а потом у него на квартире чай пили. Так что... и сегодня он не в госпитале, это точно, дежурство у него... ну да, во вторник. Ну, конечно, они незваные, но ведь не просто поболтать, а по делу, так что...

За разговором добрались неожиданно быстро. Тёмно-серый шестиэтажный дом стеной вздымался над тротуаром. Первый этаж высоко, в окна не заглянешь, полуподвальные окна забраны узорчатыми решётками. Глухая, без стёкол и украшений, высокая дверь. Мария невольно поёжилась, входя следом за Майклом, в гулкий просторный вестибюль.

Дверь, тамбур, четыре ступеньки, широкая лестница... Но Майкл свернул вбок к малоприметной железной двери.

– На лифте поедем, – важно сказал он Марии.

Так важно, что она насмешливо улыбнулась, но промолчала.

В обшитой красновато-коричневым деревом кабине было большое зеркало. И Мария заботливо оглядела себя: не слишком ли заношено и измято платье. Ну, как глаза мужчине отвести – это не проблема. Хотя... если он на джи падок, будет сложнее. Но чистых таких мало, скольких она перевидала, что и бабу, и парня за раз трахнут, так что, если умеючи... а она умеет. Чему-чему, а этому выучили.

Лифт остановился на пятом этаже. Вымощенная под тёмный мрамор площадка, шесть дверей, на дверях одинаковые

золотистые таблички с цифрами, коробки почтовых ящиков и даже кнопки звонков одинаковые.

Майкл уверенно позвонил в третью слева дверь. Тишина... быстрые шаги... и звонкий весёлый голос:

– Я открою, сейчас...

Майкл нахмурился.

Щёлкнул замок... и перед Майклом возник и застыл изумлённый до немоты Андрей.

– Т-ты?! – наконец выдохнул он. – Зачем?!

– Затем!

Майкл грудью вперёд пошёл на него, и Андрей отступил, впуская их в квартиру. Майкл сам захлопнул за Марией дверь и камерным шёпотом обрушился на Андрея.

– Ты чего, поганец, доктору Ване отдохнуть не даёшь?

– Тебя не спросил, – огрызнулся Андрей. – А ты чего припёрся? И с собой притащил... она ж...

– Не зарывайся, малец, – вмешалась Мария. – А то живо красоту попорчу.

Андрей немедленно ответил забористой руганью.

– И что тут такое?

Мария вздрогнула и обернулась. Высокий белый мужчина в костюме, но он... но он явно не из таких, зачем ему джи? Да ещё двое?

– Здравствуйте, Иван Дормидонтович, – улыбнулся Майкл. – Вот, она перегорела и сбежала, и ей деваться некуда.

– Здравствуй, Михаил, – спокойно кивнул Жариков. – Всё

понятно.

Взгляд беляка, которым он окатил её, сначала Марии не понравился. Он не был обычным мужским взглядом, так смотрели врачи в питомниках и Паласах, где как ты ни улыбайся, как ни играй телом, не поможет. Но... вляпаться она, конечно, вляпалась, но...выход всегда найдёшь. И всё-таки... чуть другой взгляд, не совсем... врачебный.

В первый момент Жариков растерялся. Нет, понятно, что любой из парней мог вот так заявиться, но, чтобы привести с собой перегоревшую спальницу... И меньше всего он ожидал такого от Майкла. И сказал первое, что пришло даже не в голову, а на язык.

– Давайте чаю попьем.

– Ага, – сразу кивнул Андрей. – На кухне пить будем, да?

И Жариков, уже начавший соображать, сразу понял: да, на кухне, не в гостиной, сделать обстановку простой и полудомашней для парней, а, значит, и для неё.

– Да, на кухне.

Андрей дёрнул Майкла за рукав, понимая, что Жарикову надо поговорить с... пациенткой, да, наверное, так, наедине. Майкл не стал спорить, и они бесшумно исчезли. Мария оглянулась им вслед, а когда вновь повернулась к беляку с длинным чудным именем, он... он уже не был беляком, вернее, смотрел на неё, как... как свой. И улыбнулась она ему, как своему.

На кухне Андрей поставил чайник на плиту, зажёл голу-

бой огонь в конфорке. Майкл молча смотрел, как он уверенно хлопочет. Окна кухни выходили во двор: мощёный, раскалённый солнцем, но тихий.

– Где ты её подцепил?

Майкл вздрогнул.

– На улице. Ловко управляешься, смотрю.

– Так я ж, – Андрей усмехнулся и перешёл на английский: – Сколько лет домашним был.

– И что? Так понравилось, что и сюда лезешь?

Майкл ждал выпада: за такое надо бить, но Андрей только с удивлённой насмешкой посмотрел на него.

– Ты что, так ничего и сейчас не понял?

Майкл недовольно дёрнул плечом, но промолчал. И снова внимательный взгляд, и тихие почти по-камерному слова:

– Не бойся, он её не прогонит.

– Дурак, – так же тихо ответил Майкл. – Я не этого боюсь.

Она же джи, что я ей дам?

И замолчал, сам испугавшись сказанного. Андрей мгновенно отвернулся, переставил на столе маленькую вазочку с конфетами, поправил салфетки под чашками с блюдцами. Прислушался.

– В кабинет пошли.

Помедлив, Майкл кивнул. Андрей подошёл к плите и убавил огонь под закипающим чайником.

– Не психуй, всё будет в норме.

– Отстань... утешитель.

Андрей подошёл к нему и сел рядом на подоконник, благо, они здесь широченные. Теперь они сидели и слушали тишину.

В кабинете Мария сама прошла вперёд и села к столу. Жариков отметил про себя, что обстановка: шкафы и полки с книгами, обтянутый тёмной кожей диван и кресла, большой письменный стол и прочие причиндалы – не удивила и не смутила её.

– А... а как мне вас называть, сэр? – спросила она по-английски.

– Иван Дормидонтович, доктор Иван, просто доктор, – ответно улыбнулся Жариков. – И говори, как тебе удобнее.

– Спасибо... доктор, – ответила Мария по-русски и на мгновение опустила ресницы, сделав лицо детски-смущённым. – Я не всё могу сказать по-русски, – продолжила она по-английски.

– Говори, как тебе удобно, – повторил Жариков. – Я пойму.

Мария медленно кивнула. Он – беляк, врач, ему нельзя верить, но... но почему-то врать ему тоже не хочется. И начала она сама, не дожидаясь вопросов. Когда сама говоришь, то сама и решаешь, о чём и как сказать, а о чём и умолчать.

– Михаил правду сказал. Я сбежала. Сказала, что уеду на неделю, он мне денег дал, а я уехала... и не вернулась. Нельзя мне возвращаться. Он... он хороший, не подумайте чего такого, это я... обманула его.

– Кто он? – мягко спросил Жариков и, видя, что она замялась, уточнил: – Ну, как зовут, где живёт...

Мария вздохнула.

– Ох... зовут его... Степан Му-хо-р-тов, живёт в Корчеве, и... – она снова вздохнула и совсем тихо: – Он мой муж.

Жариков на секунду онемел, но только на секунду, а она продолжала, перемешивая английские и русские слова.

– Он меня из чёрного тумана вытащил, в Россию привёз, я ж горела ещё, он-то думал, что тиф, не побоялся заразы, а я... что я ему, ни родить, ни ублажить как следует не могу, перегорела же, ему жену нужно, настоящую, чтоб семья и детки, а я... неродиха, вот и сказала, что к врачу поеду, по женским делам... а сама... сюда... я не вернусь, пусть что хочет думает, его там уже обхаживают, пусть ему хорошо будет.

Она замолчала, заплакав. Жариков уже не раз видел этот плач, беззвучный, с широко открытыми глазами и струйками слёз по щекам. Он встал дать ей воды и, пока шёл к столику перед диваном, где стоял графин с водой и двумя стаканами, налил воду, закрывал графин и нёс ей стакан, всё решил.

– Вот, выпей.

– Ага, – всхлипнула она. – Спасибо.

Она смотрела на него снизу вверх с доверчивой готовностью. Жариков улыбнулся, и Мария сразу ответно улыбнулась, блестя ещё мокрыми глазами.

– Сейчас пойдём на кухню, попьём чаю и поедем в Алаби-

но, в госпиталь, – она, заворуженно глядя на него, кивала, – там пройдёшь обследование, так что и никакого обмана не будет, – она ахнула, и он засмеялся её радостному удивлению. – Да-да, всё будет в порядке. А сейчас пошли на кухню.

Она послушно встала.

На кухне их встретили накрытый стол и встревоженные лица парней. Мария храбро улыбнулась Майклу, и тот сорвался с подоконника к ней.

– Как ты?

– Я в порядке.

– Всё в порядке, – кивнул Жариков. – Сейчас попьём чаю и поедем.

– Куда? – живо спросил Андрей.

– В Алабино, – ответил Жариков.

И парни сразу понимающе закивали. Ну, конечно, в Алабино, в госпиталь. Им там помогли, помогут и ей.

– Чай уже готов, – улыбнулся Андрей. – Наливать?

– Да, спасибо, – улыбнулся им всем Жариков. – Михаил, ухаживай за Марией.

– Можно? – удивлённо вырвалось у Майкла.

– Нужно, – серьёзно ответил Жариков.

– Я сыта, – тихо сказала Мария. – Меня Михаил накормил.

Обедом.

– Чай – не еда, а удовольствие, – весело ответил Майкл.

К чаепитию приступили дружно и с видимым общим удовольствием.

Убедившись, что Мария и парни успокоились, Жариков встал из-за стола.

– Пейте на здоровье, позвоню в госпиталь, что мы приедем.

Парни снова закивали, демонстрируя понимающее согласие.

Когда он ушёл, Мария камерным шёпотом спросила:

– На исследовании... сильно режут?

– Не исследование, а обследование, – поправил её Майкл.

– Щупают, смотрят, – поддержал его Майкл.

– Как на сортировке, что ли?

Парни переглянулись.

– Ну, не совсем, – не очень уверенно сказал Майкл. – Но не обработка.

– Больно не будет, – кивнул Андрей. – Ты не бойся. И не ври, когда спрашивают.

– А чего врать, – вздохнула Мария. – Ты ж сам, Михаил, ему всё сказал. Я ж перегорела, теперь-то уж всё. Мне, – она усмехнулась, – бояться уже нечего.

– Давно горела? – спросил Андрей.

– Да в заваруху, а ты?

– В госпитале уже, меня солдаты, русские, у банды отбили и в госпиталь привезли. – Андрей вдруг помрачнел.

Майкл удивлённо посмотрел на него и решил уточнить:

– Это сержант твой...

– Да-да, он, – резко ответил Андрей и мягче добавил: –

Не время сейчас.

В кухню вошёл Жариков, быстро оглядел их, но если и догадался о чём, то вида не подал.

– Всё в порядке, нас ждут.

Мария тряхнула головой, разметав кудрявые пряди.

– Тогда поехали, чего тянуть.

Андрей взялся было за посуду, но Жариков отмахнулся.

– Оставь. Приеду, всё сам уберу.

И они ушли, бросив все как было на столе. В самом деле, чего тянуть? Шагнул – так иди.

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Тяжёлый августовский зной придавил землю. Как всегда, всё поспело разом, и не знаешь, за что хвататься. На кухне целыми днями что-то варилось, уваривалось, закладывалось в банки, сортировались ягоды и варилось варенье, перебирались и закладывались овощи, а коров меньше не стало, и за курами уход нужен, а лошади, а котельная, а два боровка, что в складчину откармливаются к Рождеству, ну, да за ними уж в личное время догляд, да и не особый там уход нужен, закуток чистят по очереди, а отходов им в корыто кинуть и налить хватает...

Выкосили ближние луга, и на молодую траву стали выпускать коров. Дальние луга пока не трогали: на одну дорогу столько времени угрохать... не резонно. А отпустить на покос, скажем, на неделю тоже некого. Ладно, пускай земля отдыхает.

– Мы много на этом теряем, Джонни?

– Спроси у Роба, – разнеженно фыркает Джонатан, любуясь через стакан огнём в камине.

– Так ты, значит, не в курсе, – понимающе кивнул Фредди.

Джонатан негромко рассмеялся и уже серьёзно продолжил:

– Концентрат, в конечном счёте, выгоднее. Здешняя трава нужного всё равно не даст. А пересевать и вести правильную заготовку... мороки больше, чем выгоды.

– Ладно, – кивнул Фредди. – Здесь ясно. По точкам без проблем. Россия?

– Хочешь съездить, – понимающе кивнул Джонатан.

– Говорят, туда лезет Страус.

– Слышал, – подобрался Джонатан. – Он нам не по зубам, Фредди.

– И незачем. Кожаная мелочёвка и прочее. Догоним и подстроимся.

Джонатан на мгновение прикусил губу, соображая, и тут же энергично кивнул.

– Стратегически мыслишь. Но за неделю не уложиться.

– Знаю. Но сейчас глухой сезон, а к середине сентября я

вернусь.

В имени как раз самая горячка, но Джонатан знал, о каком сезоне говорит Фредди. Со Страусом он придумал неплохо, даже хорошо, но не будь этого, Фредди нашёл бы что-то другое, лишь бы поездить по России. Если ковбойю приглянулись кобылка и девчонка, то одна будет под его седлом, а другая в его постели, а там уже – а хоть на виселицу. Переупрямить ковбоя только пуля может. Фредди – ковбой, во всём ковбой. И во всём первый.

– Согласен, – кивнул Джонатан. – Когда поедешь?

– Ещё дня три здесь, неделя на точки и прочее, – Фредди отпил из стакана, погонял во рту, проверяя вкус, и кивнул. – Да, к десятому вернусь.

– Полетишь?

– Не хочу в Атланте маячить, Джонни. А здесь, – Фредди усмехнулся, – меня до трапа проводят. Бульдог позаботится.

– Значит, он ещё не нашёл, – усмехнулся Джонатан.

– Здесь парней нет, а граница хвост обрежет.

– Учти, на той стороне могут встретить.

– Учту, – кивнул Фредди.

Уверенность, с какой он говорил о парнях, не нравилась Джонатану, но он молчал. Да, всё сходилось на том, что это был Эндрю, воскрес, сделал и исчез. И ещё... двести тысяч в банковских упаковках. Судьбу денег проследить трудно, но возможно. По чьим карманам в полиции они разошлись, конечно, интересно, но главное – это бандероли, банковские

ленты... а вот те исчезли бесследно. Ни в одном акте ни слова, даже у Кринкла нет информации, а с Бульдогом – тот их точно видел и никогда ничего не забывает – не поговоришь. Чёрт, и это знает только Эндрю.

– Деньги точно были в бандеролях, а не резинках? – вырвалось у него вслух.

– При встрече спрошу, – Фредди допил свой стакан и встал. – Парень глазастый, должен запомнить.

Джонатан кивнул. А что он ещё может тут сделать? Фредди не остановится, лишь бы не сорвался по дороге. Столько уже говорено и переговорено об этом.

– Ладно, ковбой, пора на боковую, если хотим всё успеть.

– Не гони, водопой не убежит, – так же по-ковбойски ответил Фредди, выходя из комнаты.

У себя он быстро разобрал постель, разделся и лёг, привычно сунув кольт под подушку.

Да, всё так, и он не отступит. Эндрю жив. Но живы и давшие деньги Найфу, и потому отступать нельзя. Если бы не эти пачки, то... плюнуть бы не плюнул, но оставил бы на случай, на повезёт – не повезёт, а так... двести тысяч – это не плата за сделанное, ни одно прежнее дело Найфа столько не стоило, а как задаток... задаток – пятьдесят процентов, меньше Найф не брал, ему меньше и не положено, значит, четыреста тысяч за голову... Чья голова может столько стоить? Моя или Джонни? Или за обе? Большие деньги, очень большие. Из кого Найф смог столько вынуть? Кто-то из Ан-

самбля? Тогда Джонни не понравился Рич. И Гаммен странно дёргался. Смылся, задолго до конца и засел у себя в Луизиане. Если они и в доле, то только в доле, ни один двести тысяч не мог выложить. Ладно, надо найти Эндрю. Значит, сделаем. А сколько на это уйдёт времени, денег и сил... чисто, быстро и успешно. Три не получится, от чего отказываемся? Успешно – раз, чисто – два, а быстро... обойдёмся. Спи, ковбой, да стадо не упусти.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Страда не кончалась, но его это уже не касалось. Что всю работу не переделаешь, Эркин и раньше знал. Нет, если Колька попросит, он, конечно, не откажется, а так... ни школы, ни Алисиных занятий, и на заводе беготни и суеты стало намного меньше, летнее, говорят, затишье, отпуска у всех, и у них бывает, что с полсмены отпускают, чего лишнее толкаться. И теперь, если нет Медведева, за старшего командовал Саньч. Эркина такой вариант тоже устраивал. С

Ряхой его в пару не ставили, а с остальными он сработался. А что бабы в окнах торчат, лупятся, и из бухгалтерии то к Медведеву, то к Санычу со всякими бумагами бегают, лишь бы у него спросить, где тут его бригадир, и не проводит ли он, да ещё и под локоть поддержит, а то на каблуках да по рабочему двору среди железяк, где они только находят их, чтобы споткнуться и за него ухватиться... Смех, да и только!

Возвращаясь из столовой, Женя пошла кружным путём. Работы всё равно мало: почти всё КБ в отпуске. Могли бы и её отправить, но... ладно, раньше она вообще без отпусков работала. А то и без выходных. Можно было бы пройти через двор, но Эркин увидит её, встревожится, не стоит его отвлекать.

На лестничной площадке она увидела Любу. Та стояла неподвижно, прижавшись лбом к оконному стеклу, и показала Жене плачущей.

– Люба, – тихо подошла она к ней. – Случилось что?

– Ничего, – не оборачиваясь, глухо ответила она. – Смотрю... – и резко, с вызовом: – На твоего люблюсь. Он же... чем ты его держишь, Женька? Ты ж... обычная, пучок за пятачок, а он...

Женя сглотнула вставший в горле комок.

– Ничем я его не держу, ты что, ошалела совсем? Он муж мой, он... а если я обычная, а ты такая особенная и вся из себя, чего ж ты никого не удержала?

Люба вздохнула.

– Такое моё везенье. Ладно... Ты, Женька, не злилась, сорвалась я, бывает. Ты не бойся, я не полезу, мне б только вот так, хоть из окошка посмотреть.

Женя пожала плечами.

– Смотри, мне-то что!

Что когда Эркин работает, от него глаз не отвести, Женя знала. Не слепая же она, и не дурочка, вот на беженских новосельях, ведь в какой комнате Эркин пол натирает, так туда все женщины и не по разу сбегают, просто постоять и посмотреть, она же сама тоже ходит на обед и с обеда по тем же лестницам, что на первый рабочий двор выходят, а на пляже как на Эркина все смотрели, ей же... нет, не ревнует она ни сколько, не к кому ей ревновать, она же знает Эркина, какой он, а что смотрят, так пусть. Вон он, тащит очередную серую коробку контейнера.

Они так и стояли рядом и смотрели, как грузчики – кто в майках, кто рукава закатал, а кто и полуголый – катают серые блестящие на солнце коробки контейнеров, и среди них он, смуглый и черноволосый, с завораживающе красивой игрой мускулов под гладкой, блестящей от пота кожей.

Женя не заметила, когда ушла Люба. Эркин вдруг стал оглядываться, и Женя догадалась, что он почувствовал её взгляд. Покраснев, она отпрянула от окна и побежала к себе. И свою работу не сделала, и Эркину чуть не помешала.

Ещё раз обведя взглядом окна и, не найдя Жени, Эркин взялся за контейнер. Может, почудилось, а может, и впрямь

Женя смотрела на него. Ладно, надо эту кучу разгрести. Санычу некогда, показал платформу, сказал, какие цифры выбирать, и побежал, а то там, на втором, заминка чего-то. Вот Саныча с Петрей и Антипом туда и дёрнули. А ему работать одному, и закатывать, и крепить. Миняй с Серёней сегодня на том конце с ящиками колупаются. Так, а этот сюда, тяж укоротить, зацепить, защёлкнуть и барашек завернуть, чтоб держало, смешное слово – барашек, а здесь тяжи отбросить, чтоб под колёса не попали, зачистить поддон, вот так, цифры на поддоне, а ещё КЛ, смешно, у него самого номер тоже с буквами, будто тоже... с конвейера. Он фыркнул и побежал за контейнером.

Страда есть страда. Артём уже знал, что это такое: прошлым летом попробовал, но сейчас – совсем другое. Своей земли у бабки не было: продала, пока вдовела да бобыльничала. Аренды весной не сделали: денег не было. Так что они с дедом теперь покосничали за сено: всё дешевле, чем покупать. А работа работой, там тоже страда, отпуска да отгулы никому не положены. Хорошо, что школа кончилась, а то бы совсем хреново пришлось. Сенокос ещё не отошёл, а уже жатва началась. Но тут на своём огороде надо управляться, а с зерном перекрутимся, да и...

– Всей работы не переделаешь, – бабка сама бухнула в чашку Артёма большую ложку мёда. – Нутро за раз сорвёшь, так всю жизнь в болезни будешь маяться.

Артём благодарно кивнул, глотая густой сладкий чай.

– На картошки-то тогда тоже исполу найматься будете? – дав им выпить по чашке, спросила бабка у деда.

Дед мотнул бородой.

– Школа уж пойдёт, чего их с учёбы срывать. А один я много не накопаю. Посмотрим.

Лилька и Санька уже улепетнули на улицу, Ларька само собой за ними, и они сидели втроём. Судили да рядили, как оно теперь будет. Сеновал уже забит, а ещё два стога их доли стоят, надо бы свезти, а то и за бесхозное посчитать могут. А куда класть? Навес поставить, так во дворе и вовсе не повернуться будет. А дрова тогда куда?

Обсуждали долго, снова и снова возвращаясь к одному и тому же. Наконец дед пришлёпнул стол ладонью.

– Ладно. Загад не бывает богат, а огород рук ждёт. Айда.

– Айда, – встал и Артём. – Завтра мне в первую, крыжовник обобрать надо.

– Готовь банки, бабка, – ухмыльнулся в бороду дед.

– И огурцы поспевают, – обернулся уже в дверях Артём.

– Не пропадут огурцы, – успокоил его дед. – Будет и им свой черёд.

Пятница – день стрельб. Из-за школы приходилось прибегать на полчаса, много час, но зато теперь... лафа и разлюли-малина! Можно и пострелять, и в тренажёрном зале поработать, и на ринге и ковре оттянуться от души, а если

ещё и спарринг найдётся... Обязательно найдётся, его уже здесь знают. Тим невольно улыбнулся, прибавив шагу. Хотя опоздать невозможно: каждый приходит и уходит по своему режиму, когда кто хочет и может, ну, и конечно, когда кому положено...

...Как ему и сказали, он в понедельник с утра пришёл в милицию, чтобы зарегистрировать оружие и разрешение. И всё шло нормально, как положено. Не каждый день приезжают такие репатрианты: раб с полным русским именем, оружием и официальным разрешением от серьёзной конторы. Насколько серьёзна контора, куда случайно попал в поисках работы, он ещё в Алабаме понял, что не простой автобат, и солдаты совсем не простые. И что его сразу к начальнику отправили, и что у того в кабинете штатский сидел – всё понятно, он же не дворовой работяга, видал он таких... в штатском и с выправкой, да не армейской, а... специфической. Но разговаривали с ним вежливо, видя его затруднение с русским, перешли на английский. Проверили документы, осмотрели оружие, и наконец неизбежное:

– Итак, кем вы были раньше?

– Рабом-телохранителем, сэр.

– И что входило в ваши обязанности?

Он пожал плечами.

– Быть рядом с хозяином и выполнять его приказы, сэр.

– Любые приказы?

– За неповиновение смерть, – ответил он, помедлив с се-

кунду.

Они переглянулись, и тот, что в штатском, кивнул:

– Хорошо. Вы работаете шофёром?

Он улыбнулся простоте проверки.

– Пока рабочим в цеху, сэр.

Последовали технические вопросы: каким оружием владеет, на каких машинах ездит. Он ждал уже предложения работать у них, в милиции или у штатского, но вместо этого, к его радости – от таких предложений отказываться опасно, а ему в эту кашу совсем не хочется, нахлебался так, что у горла стоит – его только пригласили на стрельбы и тренировки в милицейский зал...

...Только потом Тим понял, почему его тогда отпустили. Он же русского толком не знает, так, разговорный чуть-чуть, это же сразу заметно, и гражданства нет. Вот ему и дают время выучиться, закончить школу, оформить полное гражданство, и уже тогда разговор скорее всего возобновят. Но это не раньше, чем через три года, а за этот срок всякое может случиться, тогда и послушаем, и посмотрим. А пока...

Приземистое серое здание без окон, дверь без таблички, на асфальтовом пяточке три машины: две легковушки и одна армейская, да, их называют «козликами», интересно почему, номера... ижорские. Ну, его это не касается.

Дежурный у входа кивнул в ответ на его приветствие.

– Здравствуй, в тир?

– Да, – кивнул Тим. – Там... свободно?

– Места есть, – ответил дежурный, делая пометку в своём журнале. – Сколько?

– Как обычно, пять обойм.

Патроны можно было бы купить и в городе, но Тим предпочитал покупать здесь: уж точно никаких разговоров не пойдёт. Пока что ни один, с кем он тренировался в тире или в зале, никому ничего не сказал. Если бы пошёл слух, он бы уже знал. А что Дим нахвастал детворе о папкином оружии, то, кажется, дальше детворы это и не пошло.

Тир, как и положено, внизу, в подвале, и здесь несмотря на мощную вентиляцию пахнет порохом, оружейным маслом и металлом. Стоящий в дверях оружейки Иван Леднев, увидев Тима, улыбнулся.

– Привет, сегодня со своим?

– Здравствуй, – ответно улыбнулся Тим. – Да, а то заскучает.

– Понятно. Пятый свободен. Тебе сразу подкрутку включить?

Тим вздохнул.

– Нет, одну серию для разгона, а то давно не работал.

– Хорошо.

Проходя к пятому отсеку мимо занятых, Тим вежливо отвернулся, разглядывая плакаты по технике безопасности на глухой стене. Мало ли кто мог приехать пострелять. Ещё в начале своих походов сюда он недоумевал: откуда в тихом полугороде-полупосёлке такое мощное внутри и непримет-

ное снаружи сооружение, здесь милиции-то... меньше взвода со всем начальством и канцелярией. Потом сообразил: заводская охрана, завод-то не простой, так что это и для них, и вообще с запасом, как русские говорят, с заделом. Здесь и охрана, и милиция городская и окрестная, и ещё наезжают, судя по номерам, издалека. Но его это не касается. Здравуются с ним – он отвечает, представляются – называет себя, вопрос по делу – и ответ такой же, а сам он не болтает и вопросов не задаёт.

Ну вот, он привычно зарядил пистолет, надел наушники и встал на рубеже.

– Готов? – спросил в наушниках голос Ивана.

– Да.

Впереди вспыхнул свет, резко выделяя чёрные силуэты мишеней.

Раньше двадцатого августа в методкабинете делать нечего. Это Громовому Камню объяснили ещё на педсовете. И он старательно копил деньги на поездку. Поездом очень неудобно, придётся ночевать в Ижорске, а автобус намного дороже. Джинни на совместную поездку согласилась, так что... ладно, выберемся и прорвёмся, где пробежим, а где и проползём, это по обстрелу глядя. Пока что у него всё получалось, даже в кино ходили. Как раз новый фильм, зал битком и так вышло, что каждый сам за себя платил.

И самое главное – эта пятёрка. Встретились на улице раз,

другой, переглянулись, перебросились приветствием. Сначала они приняли его за «асфальтового», но разъяснилось всё быстро. Они работали на заводе и стройке, грузчиками и разнорабочими, жили все вместе в бараке. А потом он пришёл к ним в гости...

...Длинное одноэтажное и от этого кажущееся ещё более длинным деревянное здание. Когда-то его покрасили голубой краской, но это было очень давно. На вытопанной в пыль серой траве у дома валялись какие-то обрывки и обломки, и кто-то спал, так и не добравшись до своей койки. На крыльце сидел Маленький Филин. Как самый младший он встречал гостя. Увидев Громового Камня, он встал.

– Я тебя вижу.

– И я тебя вижу, – улыбнулся Громовой Камень.

По длинному полутёмному коридору сквозь запахи скисшей капусты, дешёвого табака и перегара они прошли в комнату, где жили заводские.

Три кровати, стол, табуретки, на стене планка с гвоздями вместо вешалки, кровати небрежно покрыты тёмными, без узоров, одеялами.

– Да будет крепким ваше жилище и удачной охота, – поздоровался Громовой Камень, входя в комнату.

– Садись к нашему огню и поешь с нами, – ответили ему столь же ритуальной фразой.

Громовой Камень сел к столу, звякнув медалями. Да, он специально пришёл не в племенном, а в форме. Ему нечего

ни стыдиться, ни стесняться. Его медали и нашивки не хуже вражеских скальпов и орлиных перьев с надсечками. За храбрость, за личное мужество, за боевые заслуги... и похоже, если не поняли, то догадались.

После недолгого ритуального молчания Громовой Камень выложил на стол пачку сигарет. Все взяли себе по сигарете, и пошёл неторопливый разговор. Ни об охоте, ни о погоде... ни одна стойбищная тема здесь неважна, и потому говорить о ней не нужно. А о чём тогда? О деньгах? Об этом они говорить не умели и не хотели. Но больше-то не о чем. Денег мало, тратятся они быстро и как-то... без толку. Вроде и пьют они... не больше других, скажем так, а...

– Ты пьёшь? Ну, – и по-русски: – с получки?

Громовой Камень покачал головой.

– В праздник со всеми, а сам по себе нет, – и, помолчав, продолжил, поневоле вставляя русские слова: – На фронте перед боем давали, сто грамм на человека. Были такие, что не пили сразу, а копили, чтобы потом сразу много получилось, чтоб напиться. Но таких мало было.

– Ты сам пошёл? Ну, на русскую войну.

– Да, – голос Громового Камня стал жёстким. – Добровольцем. Я думал, что это и моя война.

– И сейчас? – Перо Орла, старший из заводских требовательно смотрит на него сквозь сигаретный дым. – И сейчас так думаешь?

– Да. Русские воевали с Империей и за нас. Ты слышал о

резервациях?

– Старики рассказывали, – кивнул Одинокый Волк. – И эти, приехавшие. Но... неужели это всё правда?

– А Мороз, – вдруг сказал Маленький Филин, молчавший до сих пор, как и положено младшему, – говорит, что резервация не самое плохое. Бывает ещё хуже.

– А ты больше верь «асфальтовому»! – обрушились на маленького Филина со всех сторон. – Ему-то откуда знать?! Он с Равнины ещё когда сбежал, совсем от племени отбился! Даже языка, видите ли, не знает! Под бледнолицего заделался!

– Язык он учит, – спокойно возразил Громовой Камень. – А насчёт резервации и худшего... может, он как раз и знает.

– Откуда? – насмешливо повторил Медвежонок.

Громовой Камень не говорил с Эркином о его прошлом, но на выпускном заметил, что у всех негров и мулатов были цветные татуировки-номера над правым запястьем. Что в Империи рабов клеймили как скот, рассказывали ещё в школе и в армии на политинформациях, так что... скорее всего Мороз был рабом, потому не знает языка, но знает о резервациях и рабстве. Но объяснять свои догадки Громовой Камень не стал: если Мороз об этом молчит, то нечего по-женски, нет, по-бабьи трепаться и сплетничать.

Разговор прервал стук в дверь.

– Эй! – крикнул из-за двери насмешливый женский голос. – Индеи, чайник свой спасайте! Он уже ж плавится на

хрен!

Перо Орла грозно посмотрел на Маленького Филина, и тот мгновенно вылетел из комнаты, едва – судя по донёсшейся ругани – не сбив кого-то с ног в коридоре. Двукрылый поставил на стол чашки и выложил кулёк с крупным кусковым сахаром.

Одинокий Волк и Медвежонок вышли и тут же вернулись с литровой бутылкой водки, а Маленький Филин внёс чайник, обернув проволочную ручку тряпкой. Нашлась и коврига хлеба. Ещё бы мяса, скажем, копчёных оленьих рёбер, чтобы как дома...

– Пишут, этот год лучше будет, – Маленький Филин встряхивает головой, рассыпая по плечам слипшиеся пряди. – А денег просят. Чтоб прислал. Как же так, а?

– А! – отмахивается Медвежонок. – Как весна, так сытого года ждём, а дичи совсем мало стало. У нас...

– Не скули, – бросает Одинокий Волк. – У всех так. И всегда. Послать денег... а самим что жрать? Ты, Громовой Камень, смотри, мы же работаем, а в чём приехали, в том и ходим, всё это, – он широким жестом обводит комнату и сидящих за толом, – в долг взяли, и не расплатиться никак.

– А зайдёшь за чем, швыряют тебе, – Медвежонок жадно рвёт зубами кусок хлеба. – А чем мои деньги хуже?!

– Точно. К чёрным, и то лучше...

Громовой Камень слушал эти жалобы и не знал, вернее, знал, что сказать, но... Нет, не здесь и не сейчас.

Жалобы, похвальба, какие-то старые счёты, угрозы выдуманым врагам – всё вперемешку. Громовой Камень слушал, кивал, особо не соглашался, но и не спорил: всё равно каждый только самого себя и слушает. Себя он пьяным не ощущал, да и полстакана – не его доза, пообедал он хорошо, а по полному желудку водка не бьёт, и вообще... он и раньше замечал, что берёт того, кто хочет набраться. «Огненная вода» – враг индейца, и с ней как с врагом – не доверяя, используя и не подчиняясь.

Водка кончилась быстро, по полстакана пришлось, денег на новую бутылку нет, да бутылки на шестерых всё равно мало, так что в эти же кружки и стаканы налили горячего, заваренного прямо в чайнике крепкого чая, взяли по куску твёрдого желтоватого сахара.

– О! – вырвалось у Громового Камня. – Хорош чай.

Медвежонок улыбнулся.

– Это с травами. В Старом городе одна есть, Травница настоящая, вот у неё и купил.

– Дорого?

– Рубль стопка, по щепотке в магазинный подмешиваем.

Громовой Камень кивнул, подумав, что эту Травницу надо бы найти и поговорить, русские травы он знает плохо, хотя травами вообще всегда занимались женщины, мужчины знали только то, что нужно для охоты или битвы. Маленький Филин снова упомянул о письме домой. Как переслать деньги?

– Пропей лучше, – посоветовал Одинокий Волк. – Всё равно на почте зажилят.

– Как это? – поинтересовался Двукрылый.

– А просто. Адрес будут тебе писать и наврут. Письмо и пропадёт, а с ним и деньги.

– В тот же раз дошло, – возразил Маленький Филин.

– В тот раз ты без денег посылал, а...

– Адрес мне Мороз писал, – перебил его Маленький Филин. – И обратный тоже. Он по-русски здорово знает.

– Ну да, а на родном-то он хоть слово помнит? Или брезгует? – Одинокий Волк резко стукнул стаканом о стол. – Скажешь, нет? Постригся, умылся, одежду сменил и язык забыл. Ненавижу таких! Смог бы, он и кожу поменял.

– А ты это не нам, – предложил Двукрылый, подмигивая Громовому Камню. – А ему скажи. А мы посмотрим.

– На что? – не понял Одинокий Волк.

Заводские дружно рассмеялись.

– А как он тебя будет по земле размазывать, – ответил Двукрылый. – Только скальп валяться и останется.

Перо Орла кивнул.

– Да, так.

– Пусть попробует, – буркнул Одинокий Волк.

– Ты его в деле не видел, – улыбнулся Маленький Филин. –

Перед весной тут, как это по-русски, да, масленица, бои были, так он всех посшибал.

Двукрылый кивнул.

– И там не всерьёз было, а вот на заводе один ему сказал что-то, из его же бригады, так он его взял за горло и поднял. Одной рукой. И подержал.

– И не придушил? – насмешливо спросил Одинокий Волк.

– И за мозгляка бледнолицего в тюрьму сесть? – насмешливо ответил вопросом Перо Орла.

Громовой Камень вспомнил Мороза на выпускном, его налитый силой торс, неожиданную для «асфальтового» ловкость в лесу и задумчиво кивнул. Да, он верит, что Мороз мог одной рукой взять за горло и поднять на воздух взрослого мужчину.

– А что учится он, – Маленький Филин как-то неуверенно вздохнул, – так, может, это и не зря. Грамотному всё-таки легче.

Громовой Камень не ждал такого поворота, но... хотя, нет, ничего сейчас не получится. Хоть выпили и немного, но всё равно... Но что зашла об этом речь – уже хорошо!

Как он и ожидал, Маленькому Филину велели заткнуться, но по внимательным взглядам остальных Громовой Камень понял, что ждали его слова. Но говорить надо аккуратно.

– А почему бы и нет? – начал он с вопроса, уже зная, как ответить на любое возражение. И что возраст учёбе не помеха, есть школа для взрослых, и что русскому языку и русской грамоте учиться нужно, и почему другие за два, ну, за три месяца, но осилили полный курс начальной школы, вы же не глупее их, те пришли, так тоже по-русски только выругаться

умели, а теперь и пишут, и читают.

Он говорил не спеша, давая возразить. Но возражали мало. Всё-то ведь так и есть.

– А ты бы нас и научил, – вдруг сказал Перо Орла.

– А чего же и нет, – сразу ответил Громовой Камень. – Давайте, где и когда.

– Где? А здесь хотя бы. По выходным.

Маленький Филин и Двукрылый наперебой стали обсуждать время и место занятий, потом к ним присоединился и Медвежонок. А Перо Орла и Одинокий Волк молчали, но по-разному. А когда вроде всё обговорили, Одинокий Волк насмешливо бросил:

– А чего ж вы о деньгах молчите? Сколько он с вас возьмёт за учёбу, а?

– Сколько сможете, столько и дадите, – спокойно ответил Громовой Камень.

Он бы и бесплатно с ними занимался, но раз об этом зашла речь...

– Рубль, да? – спросил маленький Филин.

Рубль за час занятий – общепринятая, насколько знал Громовой Камень, плата, и потому он кивнул.

– С каждого? – требовательно спросил Одинокий Волк.

– Нет, – сразу решил Громовой Камень. – Со всех. Все же вместе будем, а не с каждым отдельно.

И только тогда Одинокий Волк улыбнулся.

– Тогда и я буду. Идёт.

– Это ж по сколько с каждого? – наморщил лоб Медвежонок. – Нас пятеро... по двадцать копеек?

– Да, – кивнул Перо Орла. – Что ж, тогда и дважды в неделю можно.

– А выдержишь столько учёбы? – насмешливо хмыкнул Одинокый Волк.

– А я не слабее Мороза. Он дважды в неделю ходил.

– Трижды, – поправил его Громовой Камень.

– Как трижды? – удивился Маленький Филин.

Громовой Камень улыбнулся.

– Были ещё и по субботам занятия. По шауни.

– Во-он оно что, – помолчав, протянул Одинокый Волк.

Остальные промолчали.

Громовой Камень возвращался домой в сумерках. Шёл быстро и даже тихонько подсвистывал себе под шаг памятный со школы марш. Ну как же всё удачно получилось! И не в деньгах, конечно, дело, ну, сколько он до сентября заработает? Рубля три, от силы четыре. Главное, чтобы они втянулись. А в сентябре он их уговорит на школу, чтобы на аттестат. Как Мороз. Громовой Камень улыбнулся. Надо же, как их зацепило. Ну да, уступить, да ещё «асфальтовому» не просто обидно, а... очень обидно. А Мороз приметный, все его знают, у всех на виду. Интересно было бы его в бою увидеть, но придётся святок ждать.

Про святочные и масленичные бои ему многие рассказывали. И о том, как Мороз себя показал, тоже.

В палисаднике у дома сидела в накинутом на плечи большом шёлковом платке с бахромой Липочка.

– Добрый вечер, – поздоровался Громовой Камень, поднимаясь на крыльцо.

– Добрый вечер, – ответила она и после лёгкой заминки спросила: – Гуляли?

– В гостях был, – весело ответил Громовой Камень.

Время ужина уже закончилось, но Ефимовна, выглянув в прихожую на стук двери, сказала, что самовар в гостиной. Громовой Камень поблагодарил за столь ценную информацию, поставил свою палку к зонтикам, в уборной вымыл руки и оглядел себя. Нет, всё нормально, если и пахнет от него, то чуть-чуть, и глаза – скажем так – не очень пьяные.

В гостиной у столика с самоваром и посудой сидела Капитолина Алексеевна. Из жильцов участвовали в вечернем чаепитии Гуго и Виктор. Громового Камня встретили весело.

– Ага, вот и третий!

– Третий для чего? – поинтересовался Громовой Камень, принимая от Капитолины Алексеевны чашку с чаем.

– В карты поиграть, – улыбнулась Капитолина Алексеевна. – Берите плюшку, Гриша. Я не играю, а вдвоём неинтересно.

– Я тоже не играю, – улыбнулся Громовой Камень. – Спасибо, Капитолина Алексеевна, чудесные плюшки, я только во фронтное очко умею.

– Фронтное? – удивился Гуго. – Это что? Я знаю, очко – это блек-джек, а фронтное?

– Это не в карты, – засмеялся Громовой Камень. – Это перебежкой от воронки к воронке. Добежал – очко, ты выиграл. Не добежал... – и он комично развёл руками.

Виктор на мгновение помрачнел и кивнул.

– Памятная игра, – и тут же с шутливой надеждой. – Неужто и в «дурака» не умеешь?

– Не люблю из-за названия, – по-прежнему весело ответил Громовой Камень.

– Эх, – Виктор перетасовал колоду и положил на стол. – Не везёт, так не везёт.

– Не везёт в картах, везёт в любви, – старательно выговорил Гуго.

– Не жалею, – рассмеялся Виктор и встал. – Капитолина Алексеевна, спасибо, чай необыкновенный. Пойду пройдусь перед сном. Гуго, за компанию?

– Хорошо, – встал и Гуго. – Большое спасибо.

Громового Камня не позвали, но он понимал, что это и от уважения к его хромоте, и от знания, что он только пришёл и не ужинал.

– Ещё чаю, Гриша, – предложила Капитолина Алексеевна и, когда он кивнул, взяла у него чашку и громко, но без крика позвала: – Липочка, прохладно уже, иди в дом.

– Ладно, – откликнулась с улицы Липочка. – Сейчас.

Но когда она вошла, Громовой Камень уже допивал вто-

рую чашку с плюшкой.

– Большое спасибо, Капитолина Алексеевна, – встал Громовой Камень. – И спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Гриша, – приветливо попрощалась с ним Капитолина Алексеевна.

– Спокойной ночи, – сказала и Липочка.

Она явно хотела его о чём-то спросить и не решалась, но Громовой Камень не собирался ей помогать и, не заметив её желания, вышел.

– Липочка, – услышал он уже за спиной, – давай, посуду убрать надо.

– Да ладно, мама, сейчас.

Когда неровные шаги затихли и хлопнула дверь комнаты Громового Камня, Липочка сбросила на диван платок и налила в полоскательницу горячей воды из самовара.

– Мам, – шёпотом позвала она. – А он же пьяный пришёл, ты что, не заметила?

Капитолина Алексеевна строго посмотрела на неё, но ответила:

– Если и выпил, то немного. И вёл себя нормально.

– Угу, – Липочка старательно обмывала чашку Громового Камня. – Индейцы все пьяницы. Вот как запьёт он...

– Когда запьёт, тогда и будем думать, – сердито ответила Капитолина Алексеевна. – И не копайся. Два блюдца полчаса полощешь.

Липочка обиженно надула губы, но промолчала. В суббо-

ту в Культурном Центре танцевальный вечер, по билетам. На билет, на буфет и на «бантики» – это же просить придётся. И ссориться с матерью накануне такого разговора совсем глупо. А о наряде надо серьёзно подумать, это ж не в Старый город, к берёзам сбегать, под гармошку потоптаться, тут культура нужна, так что... Липочка вздохнула и покосилась на мать. Ладно, завтра с утра поможет Ефимовне и весь низ уберёт, тогда мама точно позволит.

Россия

Цареградская область

Алабино

Центральный военный госпиталь

Мария стояла у окна, рассматривая быстро темнеющий сад. Ну вот, вот и всё, нет, она ни о чём не жалеет, всё получилось даже лучше, чем она ожидала, могла ожидать. И больница оказалась нестрашной, и самое главное – с мужем уладилось. Почти уладилось. Доктор Ваня уговорил дать те-

леграмму, помог сочинить, а деньги дал Михаил. Сказал, что в долг. Ну, с Михаилом она сама сочтётся, он свой, всё понимает, а с мужем...

... В кабинете у доктора Вани всегда светло и спокойно.

– А если он приедет?

– Поговоришь с ним, – доктор Ваня смотрит на неё серьёзно, без насмешки. – Всё объяснишь.

– Нет, нет...

– Я помогу.

– А... а может, вы с ним поговорите, – с надеждой просит она.

Доктор Ваня улыбается.

– Поговорю, обязательно поговорю, но не вместо тебя.

Она кивает. Спорить с доктором Ваней или не слушаться его невозможно...

...Мария вздохнула и отошла от окна. Темно уже совсем, надо ложиться спать. У неё отдельная комната, с уборной и душем, называется – бокс. Смешное название. И совсем не похоже на камеру. Ну, ночь уже, пора ложиться.

Свет она включать не стала: занавесок нет, мало ли кто в саду окажется и увидит, а голышом походить тоже хочется, привычной так.

Мария быстро привела себя в порядок, откинула одеяло и легла, прикрыв только ноги. Тепло же, и не давит. Ну вот, ещё день прошёл. Завтра... завтра самое страшное – гинеколог. Он одного названия всё внутри дрожит. Да ещё и

женщина. Женщина-врач – хуже этого ничего не было. Хотя здесь... здесь, может, и по-другому. Доктор Ваня обещал пойти с ней. Странно: беляк, а как всё понимает. И не спрашивает особо, а ты сама всё ему рассказываешь.

Она вздохнула и потянулась, закинув руки за голову. Может, и вправду обойдётся. Михаил говорил, что врачи здесь другие. И остальные парни, и элы, и джи... Может, и не врали. Кто её уже смотрел, больно не сделали, ни один, и не лапали, тоже ни один. Но гинеколог – это совсем другое. Хотя... что ей, перегоревшей, могут сделать? Только убить. Всё остальное – уже пустяки, да и неважно это. Степана жалко, он ей зла не хотел, если и обижал, то по незнанию. И она его... тоже не со зла. Он её, можно сказать, из смерти вытащил, а потом... хозяйка она никакая. Стирка, готовка – всему учиться пришлось. Степан терпел, учил, злился, конечно, но не гнал. Она старалась как могла, хорошо ещё, что Степан на работе уставал и не каждую ночь лез.

Мария снова вздохнула и уже закрыла глаза, когда слышались лёгкие скользящие шаги. Ближе, ближе... замерли у двери. Уже догадываясь, кто это, Мария приподнялась на локте и позвала по-английски.

– Это ты? Заходи.

– Да, я, – так же по-английски ответил, входя, Майкл. – Не спишь ещё?

– Нет, – улыбнулась Мария.

Её улыбка блеснула в темноте, и Майкл пошёл на эту

улыбку, как на свет. Он был в белом халате и шапочке, и Мария спросила:

– Работаешь сегодня?

– Да, дежурю, вот отпросился, держи, – он полез под халат и вытащил большое яблоко.

– Оу! – тихо засмеялась Мария. – Спасибо. Ты садись. Тебя на сколько отпустили?

– Успею, – усмехнулся Майкл.

Мария покатила в ладонях яблоко, понюхала.

– Ты как? – тихо спросил Майкл. – В порядке?

– Да, – кивнула Мария. – А ты?

– У меня всегда порядок, – буркнул Майкл.

Он сам не понимал, что с ним, вернее, не хотел понимать, и потому срывался. Мария снова засмеялась и вздохнула.

– Мне завтра к гинекологу идти.

– Это доктор Барби? Варвара Виссарионовна? – уточнил Майкл. – Не бойся, она добрая.

– Много ты в гинекологах понимаешь! – фыркнула Мария.

– Здесь все врачи хорошие, – упрямо ответил Майкл и, помедлив, предложил: – Хочешь, я с тобой пойду. Сменюсь, и пойдём.

– Спасибо, – кивнула Мария. – Доктор Ваня сказал, что отведёт меня. Он на тебя не заругается? Ну, если и ты пойдёшь.

– Думаю, нет.

– Он что, тоже... добрый?

– Ты ж его видела. И говорила с ним. Он...

Майкл запнулся, подбирая слова, и она закончила фразу за него.

– Понимающий, так?

– Да, – обрадовался находке Майкл. – Это ты точно. Знаешь, когда меня привезли прошлой зимой, в самую заваруху, я сначала не давался, думал, лучше пусть сразу пристрелят, чтоб не мучиться.

– Ты горел уже? – перебила она его.

– Нет, я только раненый был, ну, побили меня сильно, кожу порвали, сзади и на лице.

– Лицо у тебя чистое, – возразила Мария.

– Это мне под волосы шов утянули. Я теперь на лоб счёсываю. И разрез был не рваный, такие хорошо заживают, а сзади меня здорово попортили. Я же джи, – Майкл вздохнул. – Гореть я уже здесь начал. Так, когда привезли меня, сначала буйным посчитали и связали, так доктор Ваня пришёл, санитаров выгнал и развязал меня, – Майкл снова вздохнул.

– Ты за хозяина его посчитал, да? – жадно спросила Мария.

– Да нет, – усмехнулся Майкл. – Я и не надеялся на это. Грязный весь, вонючий, морда в крови, задница порезана. На хрен такой спальник нужен. Да и по нему ж видно, что ему джи без надобности.

– Ну, не скажи, я в большом Паласе была, навидалась.

Парня и девку за раз брали, и ни хрена.

Майкл кивнул.

– Я такое тоже видел, – и по-русски: – Бисексуал называется, – и тут же снова по-английски. – Но тут... Знаешь, он развязал меня, ну, мне только петлю на руки накиннули, на запястья, стянуть даже не успели, он петлю снял, в угол откинул. Я стою перед ним и жду. Куда ударит. А он на меня смотрит, и тут, – Майкл как-то недоверчиво улыбнулся. – Тут он меня, понимаешь, меня спрашивает. Хочу ли я умыться. И рукой на раковину показывает. А там мыло лежит, белое, и полотенце рядом.

– Ты небось и кинулся, – засмеялась Мария.

– Ага, – так же радостно засмеялся Майкл. – А мыло щиплет, я и ойкнул. А он говорит, давай посмотрю, что можно сделать. Тут и доктор Юра зашёл. Юрий Анатольевич.

– Это очкастый, что ли?

– Да, хирург. И забрал меня зашивать. Понимаешь, доктор Ваня мне сказал, что делать надо сейчас, а то края разойдутся, и шрам тогда широкий будет. Понимаешь, будто он знал, будто они не врачи, а... а за меня, чтоб я на сортировке не вылетел.

Мария задумчиво кивнула, доедая яблоко.

– Зашили тебя хорошо. А гореть...

– Ну, пока зашитый лежал, и начал. Ладно, – тряхнул он головой, едва не уронив шапочку, и встал. – Пойду. Спи давай.

– Ага, – улыбнулась Мария. – Спасибо, – и по-русски: – Спокойной ночи, так?

– Это тебе спокойной ночи, – обернулся у двери Майкл. – А мне тихого дежурства.

– Хорошо. И удачи.

– Всем удачи, – попрощался, выходя, Майкл.

В коридоре он прислушался и бесшумно побежал в свой корпус.

Мария легла поудобнее. Смешно: пришёл, яблоко принёс. Что ж, если удастся со Степаном развязаться, то прилепиться ей есть к кому. А Михаил... он сам ничего, и понимает всё, с ним нетрудно будет. Лишь бы гинеколога пройти, а там уже всё пустяки. С этим она и заснула.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Чаще всех к Норме забегала Женя. Посидеть, поболтать. Пили чай со всякими вкусными мелочами, обсуждали городские новости и происшествия. Заглядывали и другие сосед-

ки, кто знал английский получше. Норма хоть и старалась, но с русским у неё получалось не очень уверенно. Но тут такое дело намечается, что надо звать если не всех, то очень многих. Бабу Фиму уж обязательно: без неё такую махину не поднять.

А началось всё с пустяка. Женя обмолвилась, что стала смотреть Алискины вещи к осени, а она уже сейчас видно, что выросла, придётся всё покупать, но это пустяки, а вот вещи-то есть совсем крепкие, жалко выбрасывать.

Норма кивнула.

– Да, конечно, я понимаю вас, Джен. Пока Джинни выросла, я столько узлов в церковь отнесла. На пожертвования.

Женя невольно покраснела.

– Я не ходила в церковь, – и быстро, пока разговор не ушёл в прошлое. – И здесь не хожу.

– Я тоже, – кивнула Норма.

И всё бы на этом, но с ними в тот день пила чай Татьяна из шестьдесят четвёртой. Проведя в угоне пять лет, она хорошо знала английский.

– И впрямь, – она чинно отхлебнула чаю, – мои как на дрожжах тянутся, сносить не успевают. А кто-то бедует, купить не может. А так-то, с рук, оно подешевле будет.

– Знать бы кому, я бы и даром отдала, – засмеялась Женя.

– Ну, мне девчачьего не надо, – улыбнулась Татьяна. – Наградил бог парнями, а вот если...

Так они втроём ни до чего тогда и не договорились, но

«Беженский Корабль» загудел, обсуждая и судача. Ну, в самом деле, как сделать, чтоб и не пропало, и не в обиду было, ведь дарёное-то хоть и не выпрошенное, а всё же... а продать... а кто купит... а мне эти деньги и не нужны, мой в типографии под триста выколачивает, хватает... да кому выгода нужна, тот на рынок снесёт... точно, а здесь-то по-соседски... Зашмыгали, забегали старухи, пересуды дошли и до вечерних мужских уже посиделок под берёзами. Здесь под сигаретный дым без бабьего гомона и визга решили, что дело-то стоящее, не фуфло, осенью полдома в школу ведут, так что...

Вещи сносили к Норме. Выстиранные, зачиненные, а то и совсем новые. Норма, Баба Фима, Баба Лиза и Баба Шура сортировали по размерам и юбки к юбкам, чепчики к распашонкам... Много всего нанесли.

И в субботу с утра мужчины вынесли на улицу под берёзы из нескольких квартир столы, Норма и бабушки разложили вещи и поставили миску. Кладёшь сколько хочешь или можешь, хоть пяточок, хоть копеечку, и выбираешь себе. Сколько вещей выбрал, столько раз в миску и опустил.

Женщины мялись, нерешительно разглядывая вещи, кто-то должен был сделать это первым. И неожиданно для всех первым стал Миняй. Отделившись от стоящих чуть поодаль мужчин, он решительно подошёл к столу, ведя за руку свою старшую. Звонко упал в миску полтинник.

– Ну-ка, – Миняй взял со стола беленькую с кружевным

воротником кофточку. – Прикинь. Мать, посмотри-ка.

Покраснев от предвкушения – о такой красоте она и не мечтала – , девочка приложила к себе кофточку и умоляюще посмотрела на мать.

– Берём, – кивнула та. – Вот первого сентября и пойдёшь в ней.

– На здоровье, – старательно выговорила русские слова Норма и улыбнулась.

Она увозила из Джексонвилла эту детскую кофточку Джинни как память, но как хорошо, что набралась мужества отдать. Конечно, на здоровье.

А вокруг столов уже крутилась не злая толкотня. Подбирали, примеряли, прикидывали. Лулу, которую все дано называли Лёлькой, густо краснея, набрала ползунков и чепчиков. Ей уж родить скоро, всё в дело пойдёт.

Женя тоже, как все, рылась в разложенных вещах, советовалась и советовала. Алиса, как и остальные дети, крутившаяся рядом, помнила домашние наставления и молчала, где её, а где чужое. Сейчас все вещи ничьи, а когда за них мама деньги отдаст, тогда и будет твоим, а что раньше было, так того уже нет. Остальных детей тоже подготовили, и эксцессов не возникало.

Миска со звоном наполнялась. Пятаки и копейки, гривенники и полтинники, и даже рубли. Стремительно таяли стопки. В самом деле, вещи хорошие, а новье покупать, так и сносить не успевают, не всё ж на вырост брать...

Мужчины курили, не вмешиваясь в бабью суету. Вместе со всеми стояли и Эркин с Андреем. Глаза у Андрея весело блестели, он крутил в пальцах сигарету, балагурил, сыпал шутками, но Эркин видел, что брат что-то задумал и теперь только ждёт подходящего момента, чтобы начать. Но помочь, не зная задуманного, не мог. У Андрея ведь трудно заранее угадать, чего тот выкинет. Школы нет, так скучно ему, что ли, то затеет целое строительство на лоджиях, то Бабе Фиме необыкновенные стеллажи для её цветов делал, а сейчас... сейчас ещё что-то придумал.

Андрей покосился на Эркина и улыбнулся. Ничего, братик, всё будет тип-топ и небу жарко.

Как-то незаметно подошёл комендант. С ним дружно поздоровались, похвалили погоду, отпустили ещё пару незначащих замечаний. Смешная распродажа уже заканчивалась, добирали последнее, просто чтоб не оставалось. Женская толпа немного поредела: ушли те с Цветочной улицы, кто, прослышав о таком неслыханном-невиданном, прибежали и себе чего-то перехватить. Вперёд «корабельных» не лезли и меньше рубля ни одна не дала, так что и здесь обошлось чинно и благородно.

Когда стол опустел, только миска с деньгами осталась, и Норма с Женей и бабушками приготовились считать, Андрей как-то очень ловко оказался у стола.

- Ух ты-и, деньжищ-то сколько! За год не прогуляешь!
- Тебе лишь бы гулять! – засмеялась Баба Лиза.

Её кружевные салфетки всем так понравились, сразу разобрали, Норма и Женя Морозиха аж по трёшке за каждую салфетку положили, и Баба Лиза, обычно хмурая и неразговорчивая, сейчас так и сияла.

– Гулять, так всем гулять, – сказала Баба Шура.

Неопределённо зашумели и другие женщины, подтянулись заинтересованные таким оборотом мужчины.

– Всё пропить? – ужаснулась Норма.

– Да на всех на хороший пропой здесь и не хватит, – сказала Зина.

– Ну, раз на гульбу мало, так надо в дело пустить, – потрянул кудрями Андрей.

– Это какое ещё дело?

– Ты чего выдумал, парень?

– А ну, выкладывай!

Что Андрей горазд на выдумки, уже все знали и ждали потому с нетерпением. А он повёл разговор, что хорошо бы, скажем, беседку сделать, и детям всякие горки-качели, и...

– Охолонь, парень.

– Хорошо-то, конечно, да...

– Ну, съесть-то он съест, да кто ж ему даст?

– Это ж сколько денег надо?

– А сколько есть, – Андрей показал на миску. – На материал хватит, а остальное сами. Иль мы не мужики, не сдюжим, что ли?

Все повернулись к коменданту. Он-то что скажет? Это ж

его хозяйство.

Ванин, прищурившись, оглядел Андрея и медленно кивнул. И сразу зашумели мужчины, и деньги взялись считать уже по-другому. Не просто сколько собрали, а на сколько собранного хватит.

– Не хватит, так скинемся и добавим, – решительно сказал Виктор из семьдесят пятой.

Тим кивнул.

– Не проблема.

Его поддержали. Андрей отправил Алису домой за тетрадкой и ручкой, но её опередил Дёмка из четырнадцатой.

– Во, я припас, и ручка вот!

– Ух ты, какой запасливый, – с необидной насмешкой похвалил Андрей, разглядывая тощего вихрастого подростка.

– Я... я с вами буду строить, можно? – тихо попросил Дёмка, пристраиваясь рядом с Андреем.

– А отчего ж нельзя. Людям на пользу всем можно, – ответил вместо Андрея Миняй.

Ванин смотрел, как столпившиеся вокруг Андрея мужчины наперебой решали, что и где ставить, сколько чего потребуется, и кто чего будет делать, а Андрей быстро уверенно пишет и рисует, вскидывая при подсчётах глаза на брата, и старший Мороз уверенно выдаёт нужную цифру, столь же быстро и уверенно считая. Надо же, как подобрались оба – сверху одно, внутри другое. Индеец и русский, а братья, не побратимы даже. Сверху блатарёныш, а с каждой получ-

ки книги покупает. Сверху грузчик неграмотный, а по-английски как лорд говорит, да и по-русски без мата обходится. Учатся оба, говорят, как захлёб, младший особенно, другой до водки так не дорывается, как он до учёбы. И вот ещё: грузчик и разнорабочий, а не пьют. Непросты братья, там ещё видно, как в луке, много чего запрятано, много слёз прольёт тот, кто за их сердцевиной полезет. И этот... Чернов Тимофей, тоже... с сердцевиной. Ну, там особь статья. Участковый просил без крайней нужды Чернова не теребить, а когда милиция просит, то надо уважить.

Андрей чувствовал взгляд Ванина, но не обращал внимания, да и слишком многих надо услышать и понять, сразу решить, кого осадить, кого вышутить, а с кем и согласиться.

Ни Норма, ни ещё кто из бабушек, ну, никак не ждали, что их затея так обернётся. Они даже не думали о том, как и на что потратить деньги. Норма вообще думала, что ничего не получится. Это ж Россия, а не Алабама, а о том, куда девал деньги и вещи священник, она никогда не задумывалась. Но придумано хорошо. Конечно, беседка от дождя и солнца, качели и горка для детей, ещё... да хотя бы ступеньки с перилами в овраге, чтобы ходить было легче. Последнее Норма высказала вслух.

– Вот это правильно! – сразу восхитился Андрей.

– С этого тогда и начнём, – кивнул комендант.

– Точно, – согласился Миняй.

Закивали и остальные мужчины.

– Качели-карусели – баловство. А это – дело.

Кивнул и Эркин. Правда, это намного сложнее, но нужнее. Так что и речи быть не может. Надо – значит, надо. Значит, сделаем.

На мгновение Андрей оторвался от записей и вскинул голову. Их глаза встретились, и они кивнули друг другу.

Россия

Цареградская область

Алабино

Центральный военный госпиталь

Лёгкий стук в дверь не заставил её оторваться от записей.

– Кто там? Входите.

– И как дела, Варенька?

– Как всегда, Ванечка. Садись, я сейчас закончу.

Жариков опустил на стул, с удовольствием разглядывая Варвару Виссарионовну Шарыгину, Варьку-Синеглазку, или, как точно её прозвали парни, Доктора Барби. До чего же

хороша. Всё на месте и ничего лишнего, смотреть приятно.

– Ваня, не играй глазками, – попросила, не поднимая головы, Шарыгина.

– Неужто отвлекаю? – удивился Жариков. – Ты ж привычная.

– Ага, – согласилась она, явно не слушая.

Наконец поставила точку и отложила ручку.

– Ну, Ваня, ты о Марии поговорить пришёл, ведь так.

Она не спрашивала, а утверждала. Жариков кивнул и улыбнулся.

– Больше ж ни о чём ты говорить со мной не станешь.

– Ваня, у меня такая смена была, что давай без подходов.

– А также терминов и подробностей, – подхватил он. –

Попроще. Я тоже после смены.

– Ясно. Ну, я её и посмотрела, и поговорила. Справку я тебе по всем правилам к субботе сделаю, а по-простому... –

Варвара вздохнула. – Родить она не сможет, никогда.

– Родить или...? – осторожно спросил Жариков.

– Или, Ваня. Не образуются яйцеклетки. Менструации отсутствуют. Яичники на месте, размеры на верхнем пределе нормы, а овуляции нет.

Жариков кивнул.

– Понятно. У парней «мёртвое семя», а здесь, значит, так.

Понятно. Но она перегорела. Какие изменения, Варя?

Шарыгина кивнула.

– Я ж её до этого не смотрела, динамику проследить не

могу. Но что есть сейчас... То самое и есть. Выжжено всё. Сухое... как наждак.

– Значит...

– Да, Ваня, смазка не выделяется. И она говорила, что всё как парализованное. Я проверила, ну, никакой тактильной реакции, кроме боли и неприятных ощущений, – Шарыгина кивнула, отвечая на непрозвучавший вопрос. – Да, нормальная половая жизнь невозможна, – и, не выдержав, ударила кулаком по столу. – Какие же вы все сволочи!

– Ну-ну, Варя...

– Что «ну», Ванька?! Ух, моя бы воля, я бы вас всех, кобелей проклятых...!

Она ещё раз стукнула кулачком. Жариков спокойно пережил. Женская солидарность – явление не новое, как, впрочем, и мужская. Они – он сам на пару с Юркой – тоже кричали так же о бабах – сучках ненасытных, шлюхах и стервах, когда поняли, что и для чего сделали с парнями. Ладно, сейчас Варя выплеснет всё, успокоится, и можно будет продолжить разговор.

Глубоким вздохом Шарыгина выровняла дыхание и заставила себя улыбнуться.

– Ну, Ваня, ты уже придумал?

– Что именно?

– Что делать с Марией. Будешь её уговаривать вернуться к мужу?

– Сначала поговорю с ним.

Шарыгина понимающе кивнула.

– Вызвал его?

– Он сам позвонил. Узнать, как у неё дела. Ну, я и перемолвился с ним.

– Понятно. Но решать будет она. Понял, Ваня?

– Варя, не учи меня работать. Она, кстати, уже решила.

Ты же знаешь.

Он не спрашивал, но Варвара кивнула. Жариков улыбнулся.

– Ну вот, а я посмотрю, как ей помочь. Чтобы она потом не жалела о решении.

Варвара вздохнула.

– Ты уж постарайся, Ваня.

– Постараюсь, – очень серьёзно ответил Жариков и встал. – Спасибо, Варя, я пошёл. Справочку, значит, как договорились.

– Да-да, иди, Ваня, пока, – Шарыгина снова уткнулась в бумаги.

От Шарыгиной Жариков пошёл к Марии. Время между процедурами и ужином – самое удобное для приватной беседы. И если она пошла прогуляться в сад, то тем лучше. Но сначала заглянем всё-таки в палату.

Уже в коридоре он услышал смех и голоса. Это кто же у Марии? Ну, Майкл, понятно, здесь клиника явная, а вот кто ещё...

Дверь оставили приоткрытой, и Жариков, лёгонько стук-

нув костяшками пальцев по косяку, вошёл. Мария в зелёном госпитальном халате сидела на подоконнике распахнутого окна, с двух сторон, как торжественный эскорт, Майкл и Эд, ещё тут же Андрей и... Крис? Совсем интересно!

Увидев Жарикова, Мария ойкнула и пришлёпнула себе рот ладонью, но парни – все без халатов, как и положено посетителям – дружно заулыбались.

– Здравствуйте, Иван Дормидонтович.

Жариков улыбнулся.

– Здравствуйте, парни, здравствуй, Мария. Не помешал?

– Вы никогда не мешаете, – ответил по-английски Андрей.

– Спасибо, – серьёзно ответил Жариков и продолжил тоже по-английски: – Как дела, Мария?

– Всё в порядке, – старательно улыбнулась она. – Совсем больно не было.

– Так уж и совсем? – уточнил Жариков. – Ну, раз так, то совсем хорошо.

Парни переглядывались, явно решая: уйти или остаться. И Жариков только сказал Марии, чтобы она завтра пришла к нему после завтрака, попрощался и ушёл.

Мария вздохнула.

– Думаете, обойдётся?

– Уже обошлось, – фыркнул Андрей. – Неужто до сих пор не поняла.

– Плохо объясняешь, Михаил, – усмехнулся Эд. – Что же ты так?

Майкл смущённо дёрнул плечом. Мария тихо засмеялась.

– Он хорошо объясняет, – заступилась она за Майкла с чуть-чуть преувеличенным жаром. – Это я непонятливая.

– Ничего, – улыбнулся Крис. – Всё поймёшь. Мы тоже не сразу сообразили и поняли.

– Ты долго горел?

Крис даже тихонько присвистнул, а ответил за него Андрей.

– Дольше всех.

– Я ещё раненый был, – улыбнулся воспоминанию Крис. – Меня в Паласе в бомбёжку засыпало, там и гореть начал. Солдаты слышали, как я ору, и вытащили.

– Да, – задумчиво кивнул Андрей. – Нас всех русские солдаты спасли.

Эд и Майкл быстро переглянулись. Интонация Андрея им не понравилась.

– Андрей, – осторожно спросил Эд, – случилось что?

– С твоим сержантом, – вдруг догадался Крис. – Да?

Андрей нехотя кивнул.

– Расскажи, – вдруг сказала Мария. И по-русски: – Слезой горе выходит.

Андрей оглядел их, вздохнул.

– Да, так, – и продолжил, перемешивая английские и русские слова. – Случилось давно, это я вот только узнал. Недавно. Погиб сержант. Я всё ждал, что он приедет, ну, хоть напишет, не верил, что он забыл про меня. А всё нет и нет. Я

и написал сам.

– Ему?

– Нет. Запрос написал, ну, как положено, как все делают, когда ищут. Служба есть такая, специальная, в войну многие друзей, родственников там потеряли, вот и... Я и написал туда. И ответ получил. Что погиб сержант Кузьмин, Андрей Трифонович. Ещё там, в Алабаме. По датам сверил. Я у доктора Юры свою карточку брал. Вот и получается, что привёз он меня и через два дня...

– Так... – Эд напряжённо свёл брови. – Так, когда тебя привезли, боёв же уже не было.

– Не знаю. Просто сказано: погиб. А как? Не знаю.

– Слушай, – Майкл вдруг удивлённо, даже подозрительно посмотрел на Андрея. – А как это тебе доктор Юра твою карту дал? Он же их никому...

– Угу, – кивнул Андрей. – А мне надо было. Что, заложишь меня?

– Стану мараться! – пренебрежительно изобразил плевков Майкл. – Но как ты это сделал?

– Когда приспичит, сам сообразишь, – насмешливо улыбнулся Андрей.

Парни явно ещё раздумывали над тем, как к этому отнестись, когда Мария спросила:

– Мою карту ты тоже смотрел?

– Зачем? – Андрей уставился на неё с искренним изумлением. – Я только свою посмотрел.

– Тогда ладно, – сразу сообразил Крис. – Но если соврал...

– Умирать будешь долго, – серьёзно закончил за него Эд.

– Испугал! – Дёрнул плечом Андрей. – Может, ты мне про
врачебную тайну ещё скажешь?

– Я тебе ничего говорить не буду, но распустишь язык –
убью.

Эд говорил без злобы, со спокойной уверенностью. Вы-
слушав его, Крис кивнул.

– Согласен. Учти, Андрей, ты слышал.

– Не глухой, – буркнул Андрей.

– Вот и ладушки, – сказал Эд по-русски и легко оттолк-
нулся от стены. – Пошли. Кир, Андрей, идёте?

Он спрашивал, но тоном, исключаящим отказ. Андрей
кивнул.

– Иду. Михаил, Мария, до завтра.

Попрощались и Крис с Эдом.

Когда они, все трое, вышли, Мария улыбнулась Майклу.

– Хорошие парни.

– Да, – кивнул Майкл. – Здоровские парни. Ты... ты не
бойся, всё будет хорошо. Ну, хочешь, я сам с ним, ну, твоим
мужем, поговорю? Ну, чтоб не лез к тебе. Шугану как надо.

– И в тюрьму сядешь? – горько улыбнулась Мария. –
Смотреть же не будут, за дело или так, посадят, и доктор Ва-
ня не прикроет. Спасибо, но я сама. И доктор Ваня обещал
помочь. И знаешь, эта, ну, ну, гинеколог, её ещё так зовут,
что, не поевши не скажешь.

– Варвара Виссарионовна? – уточнил Майкл и, когда Мария кивнула, улыбнулся. – Доктор Барби.

Мария засмеялась.

– Похожа. Ну вот, и она, понимаешь, тоже обещала помочь. Сказала, чтоб если что я его к ней привела. Ведь баба, беляшка, а смотри...

– Она врач, – внушительно ответил по-русски Майкл.

Они сидели рядом, и Мария искоса рассматривала его. Нет, она специально ничего не делает, не привязывает его, он сам... прилепляется. Она только не отталкивает. Это же... не вина. Она не лжёт, не распаляет его, даже не молчит, он – не Степан, всё знает о ней, сам горел, так что... Нет, она не будет спорить с судьбой, это же судьба, она шла по улице, и он сам окликнул её, это судьба, с судьбой нельзя спорить.

Майкл так же искоса посмотрел на неё, улыбнулся. И Мария ответила ему такой же улыбкой. Они поняли друг друга. Но ни о чём говорить сейчас нельзя. Пока не приедет её муж, Степан Мухортов. Без него ничего решать нельзя, он – муж Марии, он спасал её в горячке и в чёрном тумане, сделал её своей женой, и решать должен он. А там будет видно.

– Тебе не холодно? А то уже вечер.

– Нет, нормально.

Но Майкл всё-таки встал.

– Давай прикрою. Спину продует, тебе это надо?

– Не надо, – засмеялась Мария, слезая с подоконника. – Посидишь ещё?

Майкл вздохнул, закрывая окно.

– Ужин уже сейчас, нет, пойду, отдохай.

По коридору уже скрипели, приближаясь, колёсики. Майкл подошёл к двери и открыл ей перед Деном.

– Привет, Денис.

– Привет, – он вкатил нагруженный тарелками столик. – Бери ужин, Мария. Мишка, мотай, пока не застучали, посещения ещё когда кончились.

– Кто на входе?

– Орлов. Через забор не советую.

Майкл кивнул на прощание Марии и убежал. Мария переставила тарелки с ужином к себе на стол.

– Ешь спокойно, мне по всем боксам сегодня, – сказал Ден, уходя.

Мария кивнула и села к столу. Есть в одиночку, не спеша, когда никто не заглядывает в рот, и благодарить никого не надо... какое же это счастье. Только бы хватило силы со Степаном развязаться, только бы не сорвалось.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

«Страус» – фирма известная. Даже Паук с ней не справился, пооткусывал с краёв, а проглотить не смог. Сам Мозес Страус сумел уехать и вывезти всю семью, сохранив номинальную власть над производством и сбытом, а, когда Империя рухнула, то сразу вернулся к фактической. Но при этом, наладив за прошедшие годы производство и сбыт вне Империи, он, вернувшись, расширять сохранившееся не стал, а устремился в Россию, воспользовавшись, как догадывался Джонатан, а в Экономическом Клубе говорили почти в открытую, статусом жертвы. И по традиции, заложенной ещё основателем фирмы, дедом нынешнего главы, когда «Страус» за что-нибудь берётся, то солидно, и, если ставит точки, то сетью. Получить адреса основных точек «Страуса» в России обошлось недешёво, но без особых затруднений. Список оказался длинным. А когда пометили все точки на карте...

– Однако! Осилишь, ковбой?

– Смотря за какой срок, Джонни. И по всем я не поеду.

– Да, Пограничье исключаем.

– Надо брать узлы. Смотри. Здесь, здесь и здесь. Проедусь по ним, а мелочь потом.

Джонатан кивнул. Да, это, пожалуй, наилучший вариант.

– Вот так, Джонни. Проедусь по кругу, посмотрю, понюхаю и будем думать.

Фредди встал и потянулся, упираясь кулаками в поясницу. Джонатан аккуратно сложил большую карту России – из штабных запасов Империи, удалось взять по дешёвке как устаревшую и предписанную к списанию, но для них пока сойдёт – и тоже встал.

– Есть ещё вариант, Фредди.

– Интересно?

– Комитет. Там хвоста не будет.

Фредди кивнул.

– Я думал. Но вряд ли он остался Мэроузом. Говорят, все, кто уехал, взяли себе русские имена.

– А профессор?

– Еду через Царьград, найду его.

Джонатан, помедлив, кивнул. Да, найти Эркина можно только через профессора. Будем надеяться, что Фредди удастся уговорить профессора, прижать-то его им не на чем, и не тот это человек, чтоб под нажимом работать. И заинтересовать нечем.

– Что он может потребовать за информацию, Фредди?

Фредди пожал плечами.

– Это ему в тот раз была нужна информация, он спрашивал и платил за ответ. А сейчас... спрашиваем мы. Не знаю, Джонни.

Джонатан знал, как Фредди не любит неопределённости, и хуже нет, чем действовать в неизвестности, но... но другого варианта у них сейчас нет.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Август, к удивлению Эркина, прошёл очень быстро. Наверное, из-за затеянного Андреем строительства. Но как-то и оглядеться не успел, а вечера прохладные, листва зелёная, но то на одном, то на другом дереве хоть по одному жёлтому листу заметно. Осень? Нет, они и на озеро ещё несколько раз ходили, и ещё всякое было, и вроде ещё лето, а Женя уже перебирает, пересматривает в кладовке и спальне зимние вещи.

– Эркин, – Женя подвинула Андрею масло, – ты помнишь

про родительское собрание?

Едва не поперхнувшись, Эркин кивнул.

– Да, Женя, завтра, правильно?

– Да, я думаю...

– Оба идите, – вмешался Андрей. – А я за Алиской пригляжу.

– Ой, – засмеялась Женя. – Спасибо, Андрюша. А квартира уцелеет?

– Непросто, конечно, – кивнул Андрей. – Но я постараюсь.

Эркин засмеялся сосредоточенному тону Андрея.

– А в субботу, – деловым тоном продолжила Женя, – вы поедете в Сосняки. За большими покупками.

– Ага, – кивнул Андрей. – Как скажешь, Женя. Список составь, и мы прямо по списку.

Сначала Женя хотела возразить, но тут же сообразила, что лучшего способа заставить Эркина купить что-то себе, у неё нет.

– Строго по списку, – подтвердила она.

У Эркина хитро заблестели глаза.

– А больше, ну, чего в списке не будет, можно?

– Можно, – засмеялась Женя.

О Сосняках, какие там потрясающие магазины, говорили и даже в газете писали. В Ижорске – власть, а богатство – в Сосняках, за чем таки особым надо, туда и езжай. Правда, поезд в Сосняки неудобен, но пустили автобус-экспресс, дорого, правда, два с полтиной в один конец, но зато и заку-

питься можно по-крупному.

– Андрюша, тебе нужны джинсы.

– Мне много чего нужно, – кивнул Андрей. – Вот в Сосняках и куплю. У «Страуса».

Что знаменитая фирма открыла магазин в Сосняках, они тоже прочитали в газете.

– Женя, а ты не поедешь? – спросил Эркин.

– Тогда и Алиску брать, а с ней не походишь. Нет, поедете одни.

– Ладно, – Андрей допил чай и встал. – Кто куда, а я баиньки.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

Андрей, как всегда, вымыл свою чашку с блюдцем и ложкой, рассовал их на сушке и вышел из кухни, хлопнув по дороге Эркина по плечу.

У себя в комнате Андрей быстро разобрал постель и прислушался. Вроде, Эркин пошёл в ванную, ладно, успеем. Андрей подошёл к книжному шкафу, провёл пальцем по книжным корешкам. Ну вот, до библиотеки, конечно, далеко, даже до той, грязинской, которую называли «малой», а большая, да, правильно, мелькала в разговорах, та цареградская, или основная, ну, так до той, как до неба на карачках, но кое-что... а в библиотеку тогда... в пятницу. Завтра ему с Алиской сидеть. Ну, так это не проблема. У него вообще проблем нет. Всё тип-топ и лучше не надо. Даже день рождения Серёжки-Болбошки отпраздновал. Купил торт, шоколадных

конфет, хороших консервов. Андрей улыбнулся воспоминанию...

...Эркин был уже дома, поэтому Алиса гуляла во дворе и, увидев его, бросилась навстречу.

– Андрюха, это что?

– Торт, – рассмеялся он. – Не узнаёшь разве?

Алиса хитро посмотрела на него.

– А я с ним ещё не познакомилась.

Ну, до чего ж пацанка ушлая! Он дёрнул её за косичку и пошёл домой. Эркин надраивал ванную, но, услышав стук двери, окликнул:

– Андрей, ты?

– А кто ж ещё. Смотри, чего принёс.

Эркин вошёл в кухню, увидел его покупки и присвистнул:

– И что празднуем?

Он уже открыл рот, но тут же сообразил, что Эркину о Серёжке-Болбошке, Серёже Бурлакове знать не стоит, вернее, Эркин и так знает, но напоминать об этом не надо, нельзя. И ответил залихватски, правду, но не всю.

– А у меня настроение хорошее!

– А что, у тебя и другое бывает? – очень серьёзно спросил Эркин...

...Андрей тихо рассмеялся. Только Эркин так умеет: серьёзным тоном, только глаза блестят. А Женя пришла, он и ей то же самое сказал. А Алиска и не спрашивала. Торт – он сам по себе праздник. И как хорошо получилось! От души

посидели. Ну вот, вроде Эркин спать пошёл, так что сейчас быстренько в душ и на боковую.

Андрей ещё раз провёл ладонью по книжным корешкам и пошёл в ванную. Раздевшись, он с удовольствием оглядел себя в зеркале. А ведь и в самом деле ничего. Не сравнить с тем, как было. Он даже повертелся перед зеркалом, оглядывая себя со всех сторон. И загорел он прилично. Шрамы, конечно, заметны, но это уже так... для знатока. Так что и показаться не стыдно, видела б мама... а то всё волновалась, что из-за войны заморышем станет, а он вон каким вымахал.

Андрей подмигнул своему отражению и задёрнул за собой занавеску.

Когда он вышел из ванной, в квартире было тихо по-ночному.

Поездка в Ижорск, к радостному удивлению Громового Камня, прошла на редкость удачно, хотя и не так, не совсем так, как он ждал. Вместе с ними поехали чуть ли не все учителя из новой школы. Они и перезнакомились на автовокзале, а в автобусе было шумно и по-дружески весело. И в методкабинете он не только набрал пособий, но и оставил заказ на книги, карты и таблицы. Громовой Камень улыбнулся воспоминанию. Хотя... конечно, не обошлось и без подколки, но не со зла, а скорее от незнания...

...Две женщины вытаскивают из шкафа и выкладывают перед ним новенькие листы.

– Вот хорошо. А то прислали, а мы даже не знаем, что с этим делать!

Он кивает, перебирая плакаты к букварю на шауни.

– Да, я возьму весь комплект. И ещё...

– Вот, – ему протягивают пухлую затрёпанную книжку-каталог. – Вот, посмотрите и отметьте.

– Спасибо.

Страниц для шауни мало, но они чисто белые, не захватанные и сразу заметны среди других, посеревших от частого перелистывания. Ну да, он же первый учитель шауни на весь Ижорский Пояс. Он уже берёт бланк и вдруг вспоминает:

– Да, оплачивает школа?

– Департамент, – улыбаются ему в ответ. – Буквари на... вашем уже заказаны.

– Хорошо, спасибо. А прописи?

– А зачем? – спрашивает та, что помоложе и чем-то неуловимым похожая на Липочку. – Буквы-то те же. У вас же своей письменности нет.

И он спокойно объясняет, что алфавит похож на русский, но не такой же. Так что, прописи обязательны. И, выписывая цифры, держит в голове, что у него ещё школа для взрослых, три и пять, да, восемь учеников у него уже есть, и ещё могут быть, так что ещё десяток плюсуем...

...А потом гуляли по Ижорску, сходили в Краеведческий музей. Компания как-то распалась, и они с Джинни остались вдвоём. Ходили по полупустым, заставленным витри-

нами залам. Джинни ахала и удивлялась старинным с вышитыми и вытканными узорами костюмам и большим длинным полотенцам, он даже пытался что-то ей объяснять, стараясь не стучать палкой по наборному тоже узорчатому полу. И понимал, что знает мало, объясняет путано и невнятно. Но Джинни, похоже, этого не замечала.

...Из музея вышли поздно, до автобуса всего час оставался. Надо было бы, конечно, пригласить Джинни пообедать, хотя бы перекусить, но до музея он зашёл в книжный магазин и вышел оттуда со свёртком и без денег. Но Джинни, как-то рассеянно оглядев площадь со сквериком у автовокзала, сама предложила посидеть и передохнуть.

– Хорошо, Джинни, – кивнул он и, всё-таки, нащупывая в кармане мелочь, предложил: – Хочешь мороженого?

– Ой нет, спасибо, – улыбнулась Джинни. – Лучше просто посидим.

Нашлась и свободная скамейка в тени. Они сели, и Джинни, вытянув ноги, вздохнула:

– Уф-ф, я даже устала. А ты? – и покраснела, сообразив, что мужчину о таком не спрашивают.

Он улыбнулся её смущению.

– Есть немного, – и перевёл разговор. – Всё заказала?

– Оу! Здесь так много всего, – засмеялась Джинни. – Я и для начальной, и для средних классов набрала. Вот такую, – она широко развела руки, едва не задев его, – сумку в камеру сдала.

Он кивнул.

– Я тоже. Поменьше, правда, но и набрал, и заказал.

– Гриша, – Джинни смущённо помялась. – А... а язык, ну, шауни, очень трудный?

Он пожал плечами и улыбнулся.

– Наверное. Как и другие языки. Любой язык труден, пока его не знаешь. Мне многие говорили, что английский сложнее русского.

– Да, – кивнула Джинни. – Я тоже об этом слышала. Но... но ведь это не так!

– Я думал об этом. Понимаешь, я ведь оба учил. Они... разные, и на шауни оба не похожи. Если ты выучишь один... другой язык, то выучишь и второй. А надо будет, и третий. Я думаю так.

Джинни задумчиво кивнула.

– Я, когда в колледже стала русский учить, так сначала было очень трудно. А потом, в лагере, когда визу ждали, уже легче, а здесь совсем легко.

Он улыбнулся.

– Ну, чем дальше, тем легче. Мне английский тяжело давался. Хотя пятёрку имею.

Он не хотел, но прорвалась хвастливая интонация. Его аттестат без единой тройки, даже четвёрок только две – по химии и черчению, и те, как сами учителя ему говорили, чисто случайные – был и сейчас его гордостью, не меньшей, чем боевые награды.

– Гриша, – Джинн, похоже, не заметила его хвастовства, недостойного мужчины-воина. – А... а тебе нравится английский?

– Да, – удивился он её вопросу. – Почему нет?

– Ну... – замялась Джинни, подбирая слова и не зная, как выразить ей самой до конца не понятную мысль. – Ну... ну, ты воевал...

– Ну и что? – он недоумевающе посмотрел на неё и попробовал пошутить: – Я же не с языком воевал, – и так как она по-прежнему смотрела на него, добавил: – И не с тобой.

– Спасибо, – тихо сказала Джинни.

Он улыбнулся.

– Я... тоже думал об этом.

Но говорить о войне ему не хотелось. И Джинни, кажется, тоже. Они просто помолчали, а потом пошли в камеру хранения за вещами и оттуда к автобусу. А там встретились с остальными учителями. И снова смех, шутки, подначки, рассказы о покупках.

В Загорье он хотел прямо из автобуса идти в школу, разложить и развесить приобретения, но было уже слишком поздно. И Громовой Камень отправился домой.

– Никак с обновкой тебя! – встретила его в прихожей Ефимовна.

– Нет, – улыбнулся Громовой Камень. – Это я для работы купил.

Он поставил рулон в стойку для зонтиков вместе со своей

палкой, а книги понёс наверх. И только сев на кровать, понял, как же устал. Лечь бы сейчас и не вставать до завтра. А ещё лучше – до воскресенья. А теперь вспомни, как тебя зовут и как ты получил это имя. Ты можешь устать, но увидеть это никто не должен.

Громовой Камень оттолкнулся от кровати и встал. Медленно, преодолевая усталость и боль, разделся и надел леггинсы, мокасины и рубашку, сложил и повесил брюки, рубашку... в грязное. Даже если не успеют постирать к родительскому собранию, не страшно – пойдёт в голубой. Но надо купить ещё рубашек и... и ни на что нет денег. Он закрыл шкаф и пошёл вниз, в столовую, где уже слышались голоса и смех.

Зина решила на родительское собрание не ходить. Ну, чего ей с пузом переться?

– Давай, Тимочка, ты уж сам сходи.

– Хорошо, – кивнул Тим.

Нежелание Зины идти было ему понятно. Конечно, одно дело возле дома, где все её знают, и она всех знает, а туда... Зина стесняется, а ему, чего там лукавить, будет в одиночку легче, а то, когда они вместе, так он только о ней и думает.

– Хорошо, – повторил он. – Я пойду.

– Вот и конечно, – закивала Зина. – Ещё картошечки?

– Ещё, – улыбнулся Тим.

Он хоть и говорил Зине, чтоб она ложилась, не ждала его с

вечерней смены, но она не слушалась, а ему сидеть на кухне и вот так не спеша спокойно обедать – хотя что за обед в полночь – было очень приятно. И ласковый певучий говор Зины, и горячие густые на жирном мясе щи, и жаренная с мясом и луком картошка – всё хорошо и прямо отлично. И что на первой тарелке Зина молчит, ни о чём не спрашивает, а все разговоры начинаются на второй, тоже приятно и – он не так понимает, как чувствует – правильно.

– Тогда в субботу ходим и купим всё к школе.

– Конечно, идите, – подхватила Зина. – И прогуляетесь заодно.

– А ты?

– А мои прогулки все впереди, – весело ответила Зина.

Она что-то совсем успокоилась и уверилась, что всё будет хорошо. И о скорых – уже по всему выходит, что не больше трёх-четырёх недель осталось, и врач так сказал – родах говорила весело. Зла ждать – зло и накликать. Верно Баба Фи-ма говорит.

– Тима, чаю? Или киселя попьёшь?

– Чаю, – мотнул головой Тим.

Крепкий горячий чай вприкуску был ещё одним удовольствием, и отказываться от него Тим не собирался. Да и кисель... нет, он вкусный, но это... «детская» еда.

– И вот, я плюшек сегодня напекла.

Тим кивнул и взял пухлую золотисто-коричневую булочку.

– Вкусно, Тима?

– Да, спасибо. Ты здорово готовишь.

Зина польщённо улыбнулась.

– Да уж как умею. Из хороших-то продуктов и готовить нетрудно.

– Ну, – хмыкнул Тим, – неумёха и из хорошего плохо сварит.

Он допил чай и, блаженно отдуваясь, откинулся на спинку стула. До чего же хорошо дома. И день сегодня удачный. В хлам, считай, раздолбали машину, а он её сделал! Завтра можно уже выехать на обкатку и начать усовершенствования. Неплохое слово нашёл этот... заказчик. Интересно, в каких он чинах? Так-то всегда в штатском, но выправка наметанному глазу видна.

– На работе всё в порядке, Тимочка? – Зина быстро обмывала тарелки прямо в раковине.

– Ла, всё нормально.

Рассказывать он Зине и раньше особо не рассказывал. Но она не обижалась и даже не думала об этом.

Тим ещё раз вздохнул и встал.

– Поздно уже.

Домыть он не предлагал: Зине почему-то очень не нравилось, когда он готовил или стирал. За покупками сходить, полы натереть, починить там что-то – это другое дело. А тут...

– Ты иди, ложись, Тима, я сейчас, – отозвалась Зина, расставляя тарелки на сушке.

Как всегда, Тим сначала заглянул в комнаты к детям, постоял немного над каждым, слушая их сонное дыхание, а уже потом пошёл в спальню.

Пол в спальне теперь застилал ковёр, и он, скинув тапочки сразу у двери, с наслаждением прошёлся по упруго щекотному ворсу. Постель Зина разобрала ещё раньше, и Тим сразу разделся и лёг. Нет, его спальня не хуже, чем у Морозов, и на фиг ему не нужны паласные выкрутасы с зеркалами. А вот гостиную он сделает... вот получит премию за эту машину, премиальные деньги – шальные, и тратить их надо по-шаловому, доложит из ссуды и поедет в Сосняки. Магазины там – все говорят – обалденные! Купит и привезёт. Зина рассказывала, как эта... Норма сделала: сразу и гостиная с камином, и столовая с сервантом для дорогой красивой посуды. А у него ещё лучше будет! Камин большой, с баром, или бар отдельно, диван большой, кресла, столик, и другой, на колёсиках, сервировочный, стеклянный шкаф для дорогой посуды, нет, посуду в столовую, столовая отдельно будет, а в гостиной... всякая дребедень, картины на стенах, вазы с цветами, он как-то видел, в одном доме, целая пальма, живая, в громадном красивом горшке, ещё... да, ещё шкаф для книг, кабинет ему отдельный не выкроить, да и не нужна ему целая комната, а вот один шкаф и письменный стол, и книги в шкафу чтоб дорогие, красивые, и...

– Спишь, Тимочка?

Он вздрогнул. Занятый своими мыслями и подсчётами он

даже не заметил, как Зина погасила свет и легла. Надо же как замечтался!

– Нет, я думаю. Как гостиную делать будем.

– Ага, Тимочка, – Зина, мягко толкнула его животом, потянувшись через его грудь, чтобы укрыть ему плечо. – Вот так. Ага, чтоб красиво было, да?

– Лучше всех, – засмеялся Тим, осторожно кладя ладонь на её живот.

– Ага-ага, – засмеялась Зина грудным воркующим смехом. – Игрунья такая, прямо пляшет.

– Балериной будет, – подхватил шутку Тим.

Зина счастливо вздохнула, прижимаясь щекой к его плечу.

– Давай спать, Тимочка, поздно уже.

Помня слова Эркина, чтоб он не лез к Зине, Тим ограничился тем, что погладил её по голове, и успокоенно закрыл глаза.

На родительское собрание пришли все родители будущих учеников. Классы оказались набитыми битком. Женя, к своему удивлению, увидела многих знакомых по КБ инженеров и из заводоуправления. Оказывается, они своих детей тоже в эту школу записали. И соседей по «Беженскому Кораблю» много. Эркин и Женя едва успевали здороваться.

Первых классов было два. Один с английским языком, а второй – с английским и шауни. В трёхязычном учеников

чуть-чуть поменьше, но многие родители пришли вдвоём, и мест тоже не хватало. Побежали по соседним классам за стульями.

Жене класс очень понравился: светлый, с приятным чуть зеленоватым цветом стен – она сразу вспомнила Андерсена. «Зелёный цвет полезен для глаз». Конечно, ещё бы цветы на окна... а парты очень удобные, крышка с меняющимся наклоном, желобки для ручек и карандашей, ящик для портфеля...

Пристроившись рядом с Женей на уголке её стула и держась больше за счёт мышц, Эркин с интересом оглядывался. Женя ему уже шепнула, что класс очень хороший, и интерес Эркина был сугубо благожелательным.

Тиму, сразу занявшему привычное место в дальнем углу, откуда хорошо видны и окна, и дверь, и затылки сидящих впереди, класс тоже понравился. Хотя бы тем, что почти не отличался от тех, что в Культурном Центре.

Сначала говорила Нина Викторовна – основная учительница, потом Джинни и Громовой Камень. Слушали все очень внимательно. Женя заметила, что многие из знакомых по КБ даже записывали, как... как на совещании – ей пару раз приходилось вести стенографический протокол. Учебники, тетради, деньги на завтраки и обеды... форма? Нет, просто спортивный костюм... Для улицы и для зала... зимой будут лыжи... и каток возле школы... Это уже к ним пришёл Степан Витальевич – учитель физкультуры. Уроки заканчи-

ваются в двенадцать двадцать... а как же, если работаешь, что же, одни домой пойдут? Женя удовлетворённо кивнула, услышав, что можно будет забирать и позже, скажем, в пять. Тогда они здесь и пообедают, и погуляют, и уроки сделают.

– Женя, – камерным шёпотом сказал Эркин, – я же раньше кончаю, а когда во вторую...

– У тебя тоже школа, – шёпотом, но заметно громче ответила Женя.

Эркин нехотя кивнул. В Культурном Центре уже вывесили списки по классам и расписание. Вторник, четверг и суббота. Так что, как ни крути... хотя, когда он в первую, то в понедельник, среду и пятницу он вполне может... а нет, в пятницу пивная, пятничная кружка – общее ватажное дело, ломать нельзя, ну, так хоть два дня...

Занятый своими мыслями, он даже не заметил, когда в класс вошли знакомые по Культурному Центру Василиса Васильевна и Валерия Иннокентьевна. Кружки, внеурочные и внешкольные занятия... Ага, в Культурном Центре по субботам, но и в школе будут...

Тим, зная неугомонность Дима, прикинул, что если тот во все кружки запишется, то на уроки времени уж точно не останется. И молча улыбнулся этой мысли.

Родительское собрание закончилось поздно, на улице было совсем темно, по-ночному. Сначала шли все вместе, потом как-то незаметно Женя и Эркин остались вдвоём. Ночь была тёплой, но тоже... пахла осенью. Эркин расстегнул и

снял свою джинсовую куртку.

– Вот, Женя, накинь, а то тебе холодно.

– Не сходи с ума, – рассердилась Женя. – Немедленно оденься, кофточка тёплая, а вот ты в одной рубашке точно простудишься.

И не менее решительно заставила его одеться.

– Слушаюсь, мэ, – пробурчал Эркин и улыбнулся смеху Жени.

Они шли не спеша, и Эркин вёл Женю под руку. Светились ещё кое-где окна, и фонари горели, Но Эркин ощущал, что уже не вечер, а ночь. Женя то рассказывала о будущих покупках, то размышляла, в какой кружок лучше записать Алису, а он слушал, кивал, что-то говорил, но это всё так... поверху. А главное – ночная тишина и голос Жени, и её рука на его ладони, и ещё странное иногда накатывающее на него чувство, что это не с ним, что этого просто не может быть, вот он проснётся сейчас – и ничего этого не будет. Отгоняя эти мысли, Эркин тряхнул головой и чуть сильнее сжал руку Жени.

Россия

Царьград

В большом городе, конечно, затеряться легко. Но ещё легче попасться на глаза тому, кто о твоём присутствии знать не должен. К большим городам Фредди всегда относился недоверчиво, а тут... не просто большой город, куда больше и Атланты, и Колумбии, так это ещё и столица, битком набитая чиновниками и охранюгами, да ещё он язык практически не знает и местных нюхалок плохо видит. Царьград Фредди совсем не понравился.

Хотя, в общем, дела у него здесь шли совсем не плохо и даже где-то хорошо. Ещё в Колумбии, в аэропорту, он купил вполне приличный путеводитель на английском и лишнего не плутал. В конторе у Страуса всё прошло прилично. Конечно, «Октава» – слишком мелкая фирма, чтоб её знали, но сотрудничеству с соотечественником обрадовались, идею кожаной мелочёвки поддержали и дали уже от себя план-схему региональных точек. И девчонка-секретарша нащебетала интересной всячины.

Такой успех стоило если не обмыть, то хотя бы запить, но... дело прежде всего. И Фредди остановился у первой

же будочки телефона-автомата, отличающейся от привычных только окраской.

Личный телефон профессора молчал, прямой в его кабинет председателя Комитета – тоже, звонить в справочную Комитета не хотелось: официальных путей он всегда избегал, засветка всегда опасна и всегда не нужна. Но иного варианта у него уже нет. На всякий случай он дошёл до другой будочки, через квартал, и позвонил уже в справочную. Там трубку сняли сразу, поняли его английскую речь и ответили тоже по-английски. Выслушав, проигнорировав вопрос о своей личности и причине интереса, поблагодарив с максимальной, но официально сдержанной вежливостью, Фредди повесил трубку и ожесточённо выругался по-уорринговски. Профессор Бурлакова нет в Царьграде и не будет до первого сентября! Определённо, что цареградское везение закончилось.

Теперь бы точно напиться, но... нельзя. А поесть надо.

Русская кухня не то, чтобы не нравилась Фредди, а была непривычной и слишком тяжёлой. И английский в этих... тра-кти-р, – тьфу, придумают же! – часто не понимали или отказывались понимать. Ресторан – другое дело. Спокойно поесть, наметить дальнейший маршрут и умотаться отсюда. Ночевать в Царьграде не стоит: что-то там, в этом Комитете, непросто, раз председатель исчез.

Как всегда, приняв решение, он успокоился и на город смотрел уже по-другому. Нравится – не нравится, а ему сю-

да ещё не раз придётся приехать. Так что смотри, слушай, запоминай: мало ли что и когда пригодится.

Фредди шёл не спеша, но чуть быстрее обычного прогулочного шага, шляпа на затылке, плащ на руке, костюм не от Лукаса, но из первоклассного универмага Колумбии, чёрный настоящей кожи и в самую меру потёртый кейс в другой руке... нет, он вполне на уровне – решил Фредди, мимоходом оглядев себя в витринном стекле.

Толпа на улице, в общем, мало отличалась от колумбийской... чуть другая одежда, мужчины, в основном, без шляп, а кто в форме, то со всеми орденами и нашивками, что ещё? Цветных маловато, считай, что нет... много женщин в платочках, особенно пожилые... улицы прямые, а поперечные с поворотами, хороши для засад и тяжелы для слежки... а этот двор явно проходной... форма у здешней полиции синяя, интересно, какое у них прозвище, не жабы же, и ни в одном разговорнике не найдёшь, а знать надо... железных штор нет, скрытая сигнализация? Возможно. Не мой интерес, но возьмём на заметку... а шпана всюду одинакова... так, а это что?

Впереди, в трёх шагах, черноволосый парень не идёт, плывёт в танце, завораживающе красиво играя телом. Не Эркин, но из того же табуна... а вдруг...

Фредди прибавил шаг, лавируя в толпе, догнал, поравнялся с парнем и быстро искоса оглядел его. Нет, он раньше не встречал его. Если парень и был среди госпитальных, то

он этого мулата не помнит. Слишком долго придётся налаживать контакт, но придётся, ему сейчас за любым центом нагибаться надо.

Мулат почувствовал его взгляд и недовольно оглянулся. Фредди улыбнулся самой доброжелательной улыбкой.

– Привет.

Лицо мулата неприязненно отвердело, и ответил он, не останавливаясь, и по-русски:

– Что нужно?

Ну, настолько познаний Фредди в русском языке уже хватало. Вопрос он понял, значит, поймут и его ответ.

– Я ищу одного парня. Может, ты поможешь.

Парень явно из этих, как говорил Эркин, джи, так что подходы с выпивкой не нужны и даже опасны, не так поймёт и ещё в драку полезет, а такая просьба и успокоит, и заинтересует.

Ответил парень по-прежнему неприветливо, но уже по-английски:

– И с чего это я его знаю и тебе помогать буду?

Фредди ещё раз улыбнулся.

– А он из ваших, – вторую часть вопроса он проигнорировал.

И не ошибся. Парень сразу уцепился за эту фразу и забыл о втором вопросе.

– Из каких это «наших»?!

– Он был... рабом, – сказать «спальник» Фредди всё-таки

не рискнул. – Индеец со шрамом на щеке.

Парень оглядел Фредди уже иначе, невольно замедлил шаг и остановился.

– Зачем он тебе? – и попробовал нарваться: – Для чего такого он не годится.

– Для чего такого, – Фредди повторил его слова с еле заметной насмешкой, – мне и ты не нужен, а он тем более.

Выдержка Фредди парню явно понравилась, и его тон слегка изменился, стал более деловым.

– Тогда зачем?

Фредди ответил, тщательно сохраняя прежнее доброжелательное выражение и интонацию.

– Поговорить надо. Где он сейчас?

– А я тебя вспомнил, – вдруг сказал парень, будто не услышав вопроса. – Ты чёрного в госпиталь привозил, – и улыбнулся.

Фредди незаметно перевёл дыхание. Этот раунд он выиграл. Теперь уже легче. Может, всё-таки предложить пойти выпить? Нет, не стоит, парень, конечно, расслабился, но не настолько. И повторять вопроса не пришлось. Парень ответил сам.

– Знаю, что он тоже сюда, в Россию собирался, а уехал ли... – и выразительно пожал плечами.

Фредди постарался не показать разочарования.

– А когда ты его видел?

– А тогда же, в Хэллоуин, привозили его к нам, – и усмех-

нулся с непонятной Фредди насмешкой, – на экспертизу.

Фредди кивнул.

– А здесь не встречал?

– В Царьграде его нет, – твёрдо ответил мулат. – Мы бы знали.

– Ну, спасибо и на этом, – заставил себя улыбнуться Фредди.

Попрощались они молчаливыми кивками, но достаточно дружелюбно. И разошлись одновременно.

За углом Фредди зашёл в ресторан, отмеченный в путеводителе, как «американский». Интересно, в войну он тоже работал, или это новинка для, так сказать, победителей? Но будем надеяться, что английский здесь понимают.

Ожидания оправдались. Внутри в самом деле почти как в Колумбии. Только по-русски перед входом в зал гардероб, где Фредди оставил плащ, шляпу и кейс. Бумагами он сейчас заниматься всё равно не будет.

Небольшой, достаточно уютный зал, на стенах пейзажи, виды штатов. Луизианские заросли, арizonская прерия, алабамские холмы... Скользнув по ним безразличным взглядом, Фредди подошёл к стойке. Пара хороших коктейлей перед ленчем будут в самый раз.

Английский бармена был по-школьному правильный, но с бутылками и шейкером парень управлялся вполне прилично. И на вкус... вполне... и даже очень.

Фредди одобрительно кивнул бармену и, захватив стакан,

прошёл к столику в углу, откуда хорошо просматривался зал. Ну, расслабимся. Хорошая еда – а если повар здесь на уровне бармена, то еда и впрямь хорошая – вещь серьёзная, и он вполне может на этом сосредоточиться. Маршруты они вчера прикинули ещё в Колумбии, так он и поедет: отсюда на север, и оттуда на юг, от глухомани к границе.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье – Сосняки

Субботнее утро было солнечным и неожиданно прохладным. Андрей подтянул под горло молнию на своей ветровке.

– Эх, жалко джинсовку!

– Новую купишь, – утешил его Эркин. – Денег-то хватит.

– Да не в этом дело, – досадливо мотнул головой Андрей. – Память же.

Эркин улыбнулся и кивнул.

После того раза Андрей специально о Фредди не заговаривал, но заметил, что о выпасе, перегоне, Бифпите Эркин стал говорить куда охотнее и спокойнее, и мягче. Значит, понял и

зла на Фредди больше не держит, хотя имени не упоминает. Ну и ладушки! Так что если и приведёт судьба встретиться, то Эркин на Фредди сдуру не полезет, а, значит, не нарвётся на пулю и ему тогда не придётся на Фредди нож доставать. А там он их лбами сведёт, чтоб всё уж до донышка высветилось: кто, чего, зачем и почему.

Междугородные автобусы отходили от вокзальной площади, пока автовокзал отдельный не построили, а который год обещают. И билеты в той же кассе, только в другом окошке. До Сосняков на экспрессе два с полтиной. Эркин протянул десятку.

– Два, пожалуйста, туда и обратно.

Кассирша улыбнулась, подавая билеты.

– Счастливо погулять.

– Спасибо, – ответно улыбнулся Эркин.

Когда они вышли на площадь, Андрей негромко, но очень серьёзно сказал:

– С меня пятёрка.

– Жратвой отдашь, – отмахнулся Эркин.

– Замётано, – по-прежнему серьёзно кивнул Андрей.

Список покупок они вчера составляли допоздна, и получился он таким, что Эркин взял свой армейский рюкзак, а потом в него ещё вещевой мешок заложил. И денег... бумажник чуть не в шар раздулся, и ещё отдельно в другом нутряке пачка. Андрей тоже взял побольше. Джинса – удовольствие дорогое, а Страус – фирма знаменитая, и за имя наценка, а

скидок им, как чемпионам в Бифпите, здесь никто давать не будет.

Автобус назывался экспрессом и до Сосняков всего три остановки, а одна из них – Торжище – старинное ярмарочное село, так что автобус битком.

Андрей хотел сесть спереди, чтобы видеть работу шофёра, но тот, проверяя их билеты, сказал:

– Вам до Сосняков, так что в середку лезьте.

Ну, понятно: впереди тем, кому раньше выходить, а сзади сложены узлы и корзины, и трясёт там сильнее, так что спорить не о чём.

Они уже сели, и Эркин заложил свой рюкзак в надоконную сетку, когда Андрей спросил:

– Слушай, может... к окну хочешь?

– Ладно тебе, – улыбнулся Эркин. – Мне и отсюда всё видно.

Но Андрей всё-таки поменялся с ним местами и, уже плотно усевшись в кресло, объяснил:

– Отсюда дорогу видно.

Помедлив, Эркин кивнул. Конечно, Андрею лучше так, он же на шофёра хочет, а тут смотришь на дорогу и будто сам ведёшь.

– Все, что ли?

Шофёр поднялся в автобус и оглядел пассажиров.

– Едем по маршруту, следующая остановка в Ровеньках.

И сел на своё место. Андрей даже чуть перегнулся в про-

ход, чтобы увидеть, как дрогнет и поплывёт навстречу серый асфальт площади. Автобус дёрнулся, и сразу громко охнула старуха.

– Да ты тише, парень, у меня ж яйца тут!

Андрей фыркнул, кто-то заржал в голос, а шофёр, не обращиваясь, ответил:

– С яйцами, старая, в санках езд. Старика попроси, чтоб сделал.

– У тебя, охальника, одно на уме! – взвизгнула старуха.

Теперь хохотал весь автобус. Рассмеялся и Эркин, сообщив, о каких санках идёт речь. Так, под шутки и хохот, перевалили через пути и выбрались на шоссе. Поплыли обкошенные и со стожками – кто ж это ещё не свёз, интересно, под дождь осенний попадёт сено, оно уж не сытное – луга, холмы с пучками берёз, узкая извилистая река под мостом со сваренными из рельсов перилами. Автобус потряхивало, и Эркин шепнул Андрею:

– Тим мягче водит.

Андрей кивнул, но вступился за шофёра:

– Так и автобус какой. Дребезжалка.

В самом деле, несмотря на гордое звание экспресса, автобус был хуже того, на котором Эркин ехал тогда в Центральный лагерь в Алабаме и даже того, что Тим брал для их выпускного. И меньше, и кресла не такие мягкие, и без чехлов, и багажного отделения внизу нет. Чего ж так? За такие-то деньги... Или... или этот автобус нормальный, а там

они шиковали за комитетский счёт, а билеты дорогие за то, что остановок мало.

– Андрей.

– М? – оторвался от дороги Андрей.

– Ты из регионального в центральный, ну, лагерь, в таком же ехал?

– Чего? – не сразу понял Андрей. – Ты про что?

– Ну, беженский лагерь, в Алабаме, мы там сначала в региональном были, а как визу получили, так нас в Центральный перевезли, в Атланту.

– Не-а, – засмеялся Андрей. – Я сразу из комендатуры в Центральный, на попутке.

Эркин улыбнулся.

– Я в региональный тоже на попутке ехал. А тебя чего сразу в Центральный?

О возвращении Андрея, как он добирался до России и Загорья, они ещё не говорили. Сначала Андрей просил не расспрашивать, потом как-то к слову не приходилось. Андрей охотно поддержал разговор. Обо всём, что было после первого марта, он говорил свободно.

– Нет, я сразу в Центральный попал. Уже там визу ждал.

Андрей улыбнулся воспоминанию. Улыбнулся и Эркин.

Дорога то ныряла в ложбину, то взбиралась на холм.

– Ну, пошло Черногорье, – сказал кто-то сзади.

– Черногорье? – удивился Андрей. – Вот это горы?!

– А ты пешком по ним потопай, тогда и поймёшь... –

откликнулось сразу несколько голосов, и понеслось: – Ага, и прочувствуешь... Невелика горушка, да тяжела коробушка... А чем не горы...

Андрей, к удивлению, Эркина, ни спорить, ни огрызаться не стал, а только кивнул.

– Потому и Загорье?

– Ну да...

– А Ровеньки тогда...

– А щас увидишь.

Автобус взобрался на очередной холм и покатил по ровному к сияющей среди садов церковной колокольне. Автобус снова загудел общим разговором.

– Ишь, ровеньские-то гордятся, вызолотили купола...

– А как ни золоти, дьячок не протрезвеет.

– А что, не полегчало ему?

– От запоя одно лечение – воля своя да милость божья.

– От запоя опохмелькой лечатся, – фыркнул Андрей.

Мужчины ответили ему дружным гоготом.

Автобус остановился на площади у церкви. Вышло человека три, а сесть попыталось не меньше десятка.

– Ну, куда, к-куда? – зарычал шофёр. – До Сосняков едем, ну, куда ты прёшься, до Ивановки твоей и пешком дотопаешь, а стоя нельзя, не положено, понял, нет, сказал, нет мест, всё, нету, рейсового ждите.

Но влезли и разместились все. Сидели теперь втроем на двухместных скамейках, проход заполнили мешки и корзи-

ны, и все разговоры теперь о ценах да продажах, и каков торг сегодня будет.

– Святой день сегодня, а вы бесовским делом, тьфу! – возмутилась сидевшая перед Эркином женщина в белом, хрустким от крахмала платочке и чёрной шали на плечах. Он неё вкусно пахло свежесвепеченным хлебом.

– Не плюй, бабка, в колодец, – тут же наперебой ответили ей.

– Вот ты за нас и отмолишь...

– А тебя чего несёт?

– Место занимаешь, ага!

– Ну и сидела бы себе в церкви безвылазно...

– А что за праздник? – спросил Эркин.

Спросил он тихо, но она за общим шумом расслышала и сердито обернулась к нему.

– Ну, чисто нехристь! – увидела его и закончила уже мягче. – Хлебный Спас сегодня.

– Спасибо, – улыбнулся ей Эркин, хотя смысл праздника не понял.

Автобус вдруг остановился прямо посреди дороги.

– На Ивановку поворот, – объявил, оборачиваясь, шофёр.

Двое из севших в Ровеньках расплатились и вышли, захватив свои мешки и корзины. Стало чуть посвободнее.

И ещё были две остановки прямо на дороге у нужного порота и развилки. Андрей догадался, что пассажиры сверх нормы – это уж прямой заработок шофёра, и ухмыльнулся.

Эркин увидел эту ухмылку и понимающе кивнул.

Торжище оказалось городом чуть меньше Загорья. Они увидели его на съезде с холма, и Андрей сразу сообразил, что как Загорье прилеплено к заводу, так Торжище к ярмарке. А веселье здесь, пожалуй, как в Бифпите.

Когда автобус, миновав поворот на ярмарку, плавно пока- тил к центру, сразу поднялся шум.

– Эй, ты куда?!

– К ярмарке же нам!

– А ну, давай сворачивай!

– Про «давай» ты жене говори! – огрызнулся шофёр и спо- койно, даже официально объявил: – Остановка на автовок- зале.

– На хрена нам вокзал твой!

– Это оттуда переться будем?!

– На хрен!

– Место упусти, так с тебя убыток стребую!

– Давай здесь высаживай!

– Да чёрт с вами, высаживайтесь.

С треском распахнулись двери, и к выходу поволокли мешки, корзины и ящики. Эркин сразу вспомнил приезд в Центральный лагерь, но здесь ему куда не надо было бе- жать, и он продолжал благожелательно глазеть по сторонам.

Полупустой автобус, ставший сразу очень просторным и даже теперь меньше дребезжащим, плавно катил по зелё- ным от пышных садов улицам. Центральные улицы с двух-

трёхэтажными кирпичными домами, небольшая площадь с обелиском посередине, снова улицы и наконец автовокзал. Серое приземистое здание и перед ним асфальтовый простор, утыканный по кругу столбиками с дощечками названий окрестных деревень и городков. К изумлению Эркина и Андрея, у некоторых столбов стояли повозки с запряжёнными лошадьми.

– Совсем интересно, – пробормотал Андрей.

Но тут же сообразил, что извозом не только в Загорье подрабатывают.

Автобус медленно подрулил к столбу с надписью «Сосняки» и остановился. Их уже ждали одетые явно по-праздничному люди. У трёх женщин пахнувшие хлебом узелки, как и у той, что сидела впереди Эркина и объясняла ему про Хлебный Спас. Пассажиров немного, вошли и расселись они чинно.

Шофёр оглядел салон.

– Шаврово по требованию, – и стронул автобус.

Андрей удовлетворённо кивнул: теперь-то уж по-настоящему экспрессом поедem.

После Торжища автобус шёл заметно быстрее. Шофёр явно навёрстывал упущенное частыми остановками. Холмы стали плавными, и по обочинам уже не луга, а жёлто-серые поля, частые небольшие деревни. Их проскакивали с ходу, не то, что остановиться, даже скорость не сбрасывали.

– И куда гоним? – вздохнула одна из женщин.

– В Сосняки! – весело ответил Андрей. – С ветерком и без оглядки.

Он по-прежнему сидел, чуть перегнувшись в проход, чтобы лучше видеть дорогу. И шофёр, встретившись с ним глазами в верхнем зеркальце, подмигнул ему.

Шаврово оказалось городком чуть больше Ровенек, с такой же площадью у церкви, небольшим рынком тут же и главной улицей с кирпичными домами. На остановке никто не ждал, и шофёр только сбавил скорость и плавно проехал мимо трёхстенного павильончика с красивой табличкой «Шаврово», а останавливаться не стал.

И снова поля и луга вперемешку с островками леса, то сплошь белого от берёз с кое-где блестящими, как фольга, жёлтыми листочками, то тёмного от елей. Деревни теперь оставались в стороне, остановки не предусмотрены ни расписанием, ни шофёром.

Эркин рассматривал расстилающийся и словно медленно вращающийся за окном пейзаж с живым интересом. Скирды и копны – он, правда, путался где что – рощи, деревни... ему не просто интересно, а... приятно видеть всё это. Однажды, очень давно, он ещё совсем мальцом был, только-только начал всерьёз работать, его везли на торги, а кузов был щелястый, а приковали высоко, и он оказался лицом у щели. Он помнит, там тоже были зелень и дома, но помнит и своё пустое равнодушие ко всему этому. А здесь... так что, у него теперь есть... Родина? Полина Степановна им много расска-

зывала, объясняя, почему это слово пишется с большой буквы. Тогда ему казалось, что он всё понял и понял правильно, но к нему это не относилось. Он же родился рабом, а у раба родины нет, ни с маленькой, ни с большой буквы. Из Алабамы уезжал – не щемило ничего, и не тоскует он, как это, да, правильно...

– Андрей, – тихо позвал он.

Андрей быстро и молча повернулся к нему.

– Ностальгия... Это тоска по Родине, так?

– Ну да, – кивнул Андрей. – С чего это ты?

– Так, – маловразумительно, но исключая дальнейшие расспросы, ответил Эркин и снова повернулся к окну.

Андрей недоумённо пожал плечами, но спрашивать не стал.

Эркину сейчас не хотелось ничего объяснять. Да и как объяснить, если сам не до конца понял. Ностальгия – тоска по Родине, у него нет тоски, значит, нет и Родины? Так, что ли? Норма тоскует по Алабаме, сразу чувствуется, она и хочет жить, как русская, как все вокруг, а получается, как там. А он? Ему ещё тогда, зимой, Тим сказал, что он стал, как русский, и Маленький Филин пусть по-другому, но это же сказал. Но он не русский, он – индеец, и Родина у него... вот кутойс, когда о Равнине рассказывает, то держит себя, а видно, что не о чужом, о своём говорит, о Родине. Родина – это когда всё своё, а что у него своё? Женя, Андрей, Алиса... вот его Родина, так получается. Ну... ну и пусть так. Где они,

там ему и... Родина, со всех букв, и больших, и маленьких.

Взмахом головы Эркин откинул со лба прядь. Андрей, покосившись на него, улыбнулся.

– И до чего додумался? – спросил он с ласковой насмешкой.

– Что жить хорошо! – с той же интонацией ответил Эркин. Андрей радостно заржал.

– До чего ж ты у меня умный!

– Вот и слушайся! – отпарировал Эркин.

За окном вдруг развернулось огромное серое поле с самолётами.

– Ух ты-и-и! – потрясённо выдохнул Андрей, наваливаясь на Эркина, чтобы лучше видеть.

– Да-а, – поддержали Андрея, – отгрохали махину...

– А земли-то под неё ушло...

– А начинали с чего, помнишь...

– Не, меня призвали как раз...

Аэродром уже остался позади, а автобус ещё наперебой вспоминал, как расчищали и ровняли поле под маленькие военные самолёты, а потом и самолёты большие стали, и полосы, ну да, ВПП называются, под них как на дрожжах росли, и ангары, и аэропорт, говорят, ну, почти как в Царьграде...

Под эти разговоры въехали в Сосняки.

Город, как сразу увидел Андрей, не чета не только Загорью, но и Ижорску. Новые дома в три и пять этажей, большие сверкающие витрины, нарядная толпа на улицах, наряд-

ные церкви, блестящие свежей краской стен и позолотой куполов.

– Церквей как много, – вслух удивился Эркин.

Ему тут же в несколько голосов стали объяснять.

– Так торгаши одни живут...

– Ага, не обманешь – не продашь...

– Вот и жертвуют...

– Грехи, о-хо-хо, замаливают...

И автовокзал тут... настоящий, и тоже явная новостройка.

Шофёр с шиком притёр автобус к тротуару и обернулся.

– Сосняки, конечная. Просьба освободить салон.

Сосняки

Фредди ещё на подлёте, когда на развороте внизу открылось поле с рядами самолётов и ангаров, и большой куб аэропорта, понял, что карта устарела, и Сосняки совсем не такое захолустье, которое он ожидал увидеть. Что ж, тем лучше для дела. И тогда понятно, почему здешняя точка в реестре Страуса помечена четырьмя звёздочками. Страус помечал свои точки, как отели, пятизвёздочная одна, в Царьграде, ну, столице и положено, так что четыре звёздочки говорили о многом.

На такси Фредди решил не тратиться и поехал на городском автобусе до центра. Из автобусного окна город совсем по-иному смотрится, и разговоры послушать тоже сто-

ит. Хотя он и понимает даже не каждое десятое, а двадцатое слово, но и это кое-что даст.

Эркин и Андрей не спеша шли по улице, с благодушным интересом глаза по сторонам. Можно было бы, конечно, и доехать на городском автобусе, но они предпочли размяться после долгой дороги.

– Товар дорогой, до нас не раскупят.

– Точно, – кивнул Эркин.

Что джинса недёшева, он ещё по Бифпиту помнил, а этот... Страус, в газете написано, лучшая фирма, и за одно имя приплата, куртка у него призовая с нашивкой Страуса, у Андрея другая была, так что, конечно, пусть себе купит.

– Андрей, смотри.

– Ага! – завороченно выдохнул Андрей, разглядывая витрину книжного магазина.

Да, их загорский, как говорится, и рядом не стоял. Там и в половину такого выбора нет.

– Ладно, – тряхнул головой Андрей. – На обратном пути зайдём.

Эркин кивнул, но уточнил:

– Если деньги останутся.

Андрей самодовольно ухмыльнулся.

– Не бойсь, братик, на всё хватит.

Потом так же постояли у магазина игрушек, прикидывая. Чего такого нет у Алисы, чтобы купить ей в честь первого

сентября. А там мебельный, и ещё книжный, и ещё, и ещё... Магазины тянулись и теснились вплотную друг к другу, и так до Торговых рядов, таких же, как в Загорье, но побольше, на целый квартал, а за Торговыми рядами опять магазины, а уж трактиров, кабаков, чайных, пельменных, ресторанов, кафе... а это что?

– Шашлычная, – прочитал Андрей вывеску и пожал плечами. – Не слышал даже, а ты?

Эркин покачал головой, с интересом рассматривая вывеску, на которой под солнцем и луной два барана то ли плясали с палками в передних лапах, то ли... в самом деле непонятно. Смуглый черноусый мужчина – Эркин сначала принял его за мулата, но тут же понял, что нет, и не индеец, и не трёхкровка – в белом фартуке до ботинок улыбнулся им.

– Заходи, дорогой, всё узнаешь.

– На обратном пути, – пообещал ему Андрей.

Что-то глаза у этого... слишком хитрые, как бы не нарваться. Им скандал совсем ник чему.

– Ждать буду, дорогой, – ещё шире улыбнулся усач.

Торговая улица закончилась площадью. По кругу росли деревья, под ними стояли скамейки, а посередине на пёстрой от цветов клумбе возвышался серый каменный...

– Обелиск, – сказал Андрей.

Эркин кивнул, соглашаясь.

За площадью Торговая улица продолжалась. Опять магазины, рестораны, верхние этажи сплошь завешены вывес-

ками контор. Да-а, Загорье их и впрямь... Но вот и синяя «джинсовая» вывеска, а в витрине большие вырезанные по контуру фотографии: ковбой на вздыбленном коне и... да, подружка ковбоя – cowgirl. Ну, вот и добрались.

Андрей поправил на плече ремень своей сумки и толкнул дверь. На его толчок сразу отозвался тонкий и звучный колокольчик.

Просторный, несмотря на стеллажи со стопками вещей, светлый зал был пуст. Миловидная продавщица в джинсовой юбке, белой рубашке с повязанным под воротник пёстрым шейным платком и красной жилетке с эмблемой Страуса на нагрудном кармашке улыбнулась им.

– Hello! – весело поздоровался Андрей.

И она ответила тоже по-английски:

– Привет. Чем могу помочь, джентльмены?

– Мы не джентльмены, – забалагурил Андрей. – Мы лучше!

Рита никак не ждала услышать английскую речь. А ведь её взяли в эту фирму именно за знание языка. Пока она по-английски говорила только с мистером Ричмондом – директором и Юлом – старшим продавцом, и то Юл просил её чаще говорить с ним по-русски, чтобы выучить язык. Так что пусть они теперь послушают, как она управляется. Что эти двое что-то купят, она особо и не рассчитывала. У них же так: зайдут, на цены посмотрят и наружу. Ещё бы, рубашка – семьдесят рублей. Да цареградская дорогая – три рубля, а

тут... это ж месячный заработок. А они, все трое, даже мистер Ричмонд, получают процент с продаж. И эти вряд ли что купят, так хоть поболтать, симпатичные оба.

Обычно Юл не вмешивался в разговоры Риты с покупателями, тем более, что русский он знал, но не настолько. А этот говорит по-английски, хорошо говорит, почти по-алабамски, индеец, понятно, помалкивает... стоп, индеец в нашей куртке, и носит её не первый день, это уже шанс. И джинсы... не наши, можно уговорить подобрать к куртке. И Юл, не спеша, как бы невзначай, вышел к прилавку.

Дав Андрею немного почесать язык, Эркин достал свой список.

– Ты закончил? Тогда я начну, – сказал он по-английски.

– Пожалуйста, сэр, что вам угодно, – Рита, уже познакомившаяся с Андреем, всю кокетничала своим правильным английским. – У нас большой выбор.

Эркин развернул и разгладил ладонью лист. Глаза у него хитро заблестели, И Андрей, предвкушая удовольствие, прикусил губу, чтобы не заржать раньше времени.

– Не соблаговолит ли высокородная миледи уделить недостойным малую часть своего драгоценного внимания и оказать высокую честь милостивой помощью в наших многотрудных и, смею надеяться, небезуспешных поисках искомого?

Первым засмеялся Юл. За ним заржал Андрей. Эркин сохранял серьёзное и предельно почтительное выражение, а

Рита, явно не поняв и половины фразы, растерянно улыбалась.

– Bravo, парень, – отсмеялся Юл. С парнем в куртке от Страуса, с фирменным ковбойским поясом и таким английским надо держаться по-свойски, а что он индеец, нужно в упор не замечать, целее будешь. – Умыл так умыл! Прямо по списку пойдём?

– Прямо и не сворачивая, – принял игру Эркин и мягко улыбнулся девчонке, чтобы та не стала обижаться.

– А если чего не будет? – решил поддеть Юла Андрей.

– У нас да чтоб не было?! – картинно возмутился тот.

– Спорим?!

У Юла загорелись глаза, но Эркин вмешался по-русски:

– Андрей, уймись, – и по-английски: – Сначала детское.

Есть?

Юл ожидал, что, либо список будет читать белобрысый, либо индеец выучил его на память, но парень явно собирался читать самостоятельно! Ладно, и это сейчас побоку, началась работа.

– Возраст, рост? – так же деловито ответил Юл, кивнув Рите, чтобы та приготовилась снимать и подавать вещи.

– Семь лет, рост... – Эркин на секунду замялся.

– Обычный, – вмешался уже серьёзно Андрей. – Бери с запасом, у неё самый рост сейчас.

Юл понимающе и согласно кивнул.

– Так, джинсы, юбка «колледж», – прочитал Эркин и оста-

новился, выжидая.

– Есть такие, – подтвердил Юл.

А Рита развернула перед ними юбку в сборку на резинке с пристёгивающимся нагрудником, на котором были выстроены патрончики для ручек, кармашки для ластика и всяких мелочей.

– Бретели с пряжками, на любую длину, и вот, тоже на кнопках, – она немного суетливо показывала самые выигранные, по её мнению, детали кроя.

– Очень удобно, – авторитетно вставил Юл. – Для школы лучшая модель. Что дальше? Жилет?

– Да, обязательно. Теперь курточку.

– Блузоном?

– Да.

– Вот эту возьми. Рита...

Но та уже выложила перед ними синюю отстроченную курточку с кармашками, кнопками и тёплой пристёгивающейся подкладкой с верхним меховым воротничком.

– Вот, это фланель с ангорой, до снега носить можно.

– Ангору бери, – важно кивнул Андрей.

Но Эркин и не думал спорить. Придирчиво осматривая каждую вещь, он кивал и отмечал галочкой в своём списке. Наличие в кармане куртки индейца ручки-самописки уже не привлекло особого внимания Юла: когда странностей настолько много, их перестаёшь замечать. И стоило Эркину обратить внимание на какой-то шов или показавшуюся неров-

ной кнопку, вещь тут же заменялась.

– Ещё рубашка.

После недолгого обсуждения, в котором Рита принимала самое деятельное участие, доказывая, что разнообразие, да ещё девочке обязательно, Эркин взял сразу три рубашки: синюю, голубую – под глаза, и чёрную, как немаркую. Сам он уже давно не воспринимал чёрный цвет как признак рабской одежды.

Набралось уже за две сотни, и Юл был согласен на всё, лишь бы не спугнуть такого покупателя. Джинсы у них ещё брали, удалось впарить две куртки, месяц на это ушёл, а детского никто ещё не брал. Ну, Ричмонд будет доволен. И список у парня далеко не закончен. Ну...

– Так, – Эркин перевёл дыхание. – Теперь женское. Размер, – он посмотрел на список, – двенадцатый.

Рита метнулась к нужному стеллажу.

– Джинсы?

– Нет, юбку.

Женя очень убедительно доказала ему, что джинсы ей не нужны, пока во всяком случае, а вот юбка с длинным жилетом ей для работы будут очень удобны. И, пожалуй, рубашку. И Эркин честно выполнил поручение. Юбка, жилет, рубашек, как и Алисе, три и тоже голубую, синюю и чёрную, а джинсы и блузон – он уже придумал – купит Жене на день рождения, чтобы ей было в чём на маёвку пойти, ходит же Джинни в джинсах и ничего.

Отобранные вещи Юл тут же упаковывал в фирменные пакеты.

– Всё?

Эркин улыбнулся.

– И мне. Джинсы и три рубашки.

Юл быстро, но внимательно оглядел его и крикнул Рите:

– Джинсы двенадцать, рубашки – восемнадцать.

– Точно, – кивнул Эркин.

Юл самодовольно хмыкнул.

– Не первый год работаю, парень, глаз у меня набит.

Ещё...?

– Куда ж ещё, – засмеялся Эркин. – Всё.

– Считать? – уточнил Юл.

– А как же, – ответил за Эркин Андрей. – А мы проверим.

– Не нарывайся, парень, – очень миролюбиво осадил его

Юл, доставая счёты. – Ты ещё ничего не купил.

– У меня всё впереди, – ухмыльнулся Андрей.

– Посмотрим, – Юл защёлкал костяшками. – Детских... на

двести девяносто, женских... на триста, и тебе... куртку не

возьмёшь? Тоже можно с подстёжкой, – поднял он на Эркина

глаза.

Эркин покачал головой и улыбнулся.

– Когда эту сношу.

– Ну, это когда ещё будет, – напоказ вздохнул Юл. – Так,

двести пятьдесят, и всего восемьсот сорок, премия... чего

тебе в премию?

– Для девочки что-нибудь, – сразу решил Эркин.

– Рита, колледж-рюкзак подай.

Рита положила на прилавок нарядный, в заклёпках, молниях и пряжках полурюкзак-полуранец. Юл рассчитал точно: рюкзак стоил дороже премии, и тридцать семь рублей Эркин достал без звука.

– Рита, коробку.

– Не надо, – отмахнулся Эркин, открывая и до отказа растягивая горловину своего армейского рюкзака.

Он отдал Юлу деньги и стал укладывать покупки.

– Ну, а теперь давай я с тобой поговорю, – ухмыльнулся Андрей.

– Давай, – так же ухмыльнулся Юл. – Посмотрим, на сколько тебя хватит.

– Посмотрим. Джинсы – это раз.

– Рита, десятый.

– Три рубашки – два.

– По одной на цвет? Рита, двенадцатый.

– Куртка – три.

– С подстёжкой?

– Не надо, есть у меня тёплая.

– Тогда попросторней бери, чтоб поддеть.

– Ладно.

– Юл, четырнадцатый?

– Верно, девочка. Жилет?

– Нафиг. У меня есть.

Быстрая трель на счётах.

– Четыреста. Премия... двадцать рублей. Ну-у... – Юл искренне замялся.

Вообще-то премиями занимался Ричмонд, нет, впарить что-либо в счёт премии, как этот рюкзак, Юл мог и сам, но ничего подходящего по цене и назначению не было. На жилет парня не раскрутить, детского ему, похоже, не нужно, а шейных платков тут не носят, вот и есть у них только два для манекенов.

Андрей, насмешливо щурясь, оглядывал Юла.

– А говорил: есть всё.

– Есть, – твёрдо ответил Юл. – Доплатишь до полной цены?

– А чего ж нет!

– Тогда сам смотри.

Андрей обвёл взглядом полки и стеллажи. Алиске, что ли, чего-нибудь, или Жене... дорого всё, доплата больше премии, и дарить эти деньги тоже неохота.

– Вот, посмотрите, – вмешалась Рита.

Юл одобрительно кивнул: молодец девчонка, вовремя вспомнила. Они только вчера получили эти майки с фирменным логотипом, даже не разложили толком.

Белая футболка с короткими рукавами и маленькой синей эмблемой у левого плеча понравилась Андрею.

– И почём?

– Девятнадцать – штука и тридцать пять – пара.

Ни хрена себе цены! Но фирма есть фирма.

– Давай пару, – Андрей полез за бумажником. – Всего, значит?

– Четыреста двадцать три.

Сумка Андрея всех его покупок не вместила, и куртку уложили в армейский рюкзак, а часть купленного Алисе в старый вещевой.

За всё время, что они были в магазине, туда никто не заходил и даже не заглядывал, и Андрей подумал, что их motto здорово поддержало прославленную фирму. А всё-таки...

– А зря я с тобой не поспорил, – выпрямился Андрей, поправляя на плече лямки мешка.

– Проспорил бы, – засмеялся Юл. – Убедился, что у нас всё есть?

Ответ Андрея был настолько искренен, что Юл понял: речь в самом деле идёт не о подначке.

– Я пояс хотел к джинсам, настоящий, ковбойский, – и кивком показал на Эркина.

Юл серьёзно кивнул.

– Заходи через месяц, подберём.

– Зайду, – так же серьёзно ответил Андрей.

– Спасибо, – Эркин улыбнулся Рите, – всё было очень хорошо, мне очень помогли ваши советы, – и перешёл на русский: – Я не умею по-русски так красиво говорить, как по-английски, но вы – замечательная девушка, и тот, кого вы

выберете, будет счастлив.

Юл, разумеется, не понял, но по улыбке Эркина, смущению Риты и восторженному жесту Андрея догадался, что индеец отпустил какой-то сверхудачный комплимент, и подержал его энергичный кивком и улыбкой.

Когда они остались вдвоём, Юл подмигнул Рите.

– Ну, девочка, мы недельную, а то и больше, сделали. Интересно, откуда они приехали? Ты не спросила?

– Нет, – пожала плечами Рита. – А зачем?

– Когда живут на соседней улице, то по стольку не закупают, девочка. Ты поняла? Я к Ричмонду, чтобы он не забыл о нашей, – Юл подмигнул Рите, – премии.

Странно, что Ричмонд не вышел в зал посмотреть, с кем они так долго занимались, в любом случае тысячу триста они сделали и их сто тридцать не должны пропасть.

В кабинете Ричмонда сидел посетитель, в котором Юл с первого взгляда признал соотечественника.

– Юл, старший продавец, – представил его по имени, но официальным тоном директор.

– Привет, – улыбнулся гость, не называя себя.

Увидев его холодные до пустоты глаза, Юл сразу решил, что чем больше дистанция, тем целее будешь, и стал предельно деловит.

– Здравствуйте, сэр. Прошу прощения, мистер Ричмонд, но спрашивали ремень к джинсам, настоящий ковбойский пояс.

Глаза гостя на мгновение блеснули, оживился и Ричмонд.

– И что ты ему сказал?

– Чтобы зашёл через месяц.

– Будет раньше, – твёрдо ответил гость и улыбнулся совсем человечно. – Джинсы-то он купил?

– А как же, сэр.

Говорить о выручке, а тем более о премиях при посторонних не полагалось, и Юл исчез. К тому же звякнул дверной колокольчик, оповещающая о приходе покупателя.

В магазине Рита убеждала двух мужчин в преимуществах джинсов над брюками.

На улице Андрей с подчёркнутым уважением оглядел Эркина.

– Ну, братик, ты даёшь!

– Бери на здоровье, – ответно рассмеялся Эркин.

Он был доволен жизнью как никогда: он не просто купил всё, о чём говорила Женя, но сумел пересилить себя, увидел, что чёрный цвет и в самом деле, просто цвет, и эти рубашки с яркой отстрочкой и блестящими кнопками совсем не похожи на рабские, и по-английски говорить, обходясь без «сэра» и «мэм», сумел, и даже без напряжения, только сейчас сообразил. Нет, всё, и в самом деле, хорошо.

– Отдышался? Пошли!

– Куда? – поинтересовался Андрей.

– Деньги тратить, – рассмеялся Эркин. – Сверх списка.

– Вот это дело! – охотно поддержал его Андрей.

Они стояли как раз у соседней витрины, заполненной флаконами, флакончиками и тюбиками, и Андрей сразу понял замысел Эркина. И правильно: гулять – так гулять!

Получив неожиданное подкрепление в виде желаний покупателя, Фредди не только договорился о поставках, но и подписал контракт. А контракт – это не устная договорённость, хотя и её соблюдают, но контракт – это бумага! На неё можно сослаться. Они даже выпили по стаканчику, посидели за беседой и вообще расстались друзьями.

Выйдя на улицу, Фредди уже совсем по-другому осмотрел улицу. Да, точка перспективная, и, может, стоит завязаться поплотнее. Теперь ему... да, выкроить сутки на Царьград, профессор уже вернётся, поговорить с ним и уже тогда по прямой к Джонни. Что в плюсе? Два полных контракта и на трёх... одобрительные договорённости. Джонни будет доволен. Поставщика он уже должен был найти. Как в войну было? Один спекуль купил у другого вагон мармелада, и оба разошлись: один – искать деньги, а другой – искать мармелад. «Октава» не торговец, а посредник. А хорошо бы и свои точки занять.

Под эти мысли он не спеша шёл мимо магазинов, разглядывая витрины и толпу. Да, Страус всё-таки прав и далеко смотрит. Пусть затишье, но это пока не распробуют и не поймут, что такое настоящая джинса. Город на перепутье – самое торговое место.

На площади у обелиска Фредди присел на одну из скамеек. Тут же подлетел бойкий разносчик с уже понятным: «Чего желаете?». К удивлению Фредди, баночное пиво было. И даже неплохой марки.

Потягивая пиво, Фредди рассеянно разглядывал толпу, седого растрёпанного фотографа, предлагавшего всем запечатлеть себя у обелиска. Интересно, в честь чего или кого обелиск?

Выйдя из очередного магазина, Эркин сосредоточенно свёл брови и задумался. Андрей терпеливо ждал, хотя и голому ежу ясно – и денег, и времени у них только погулять-поглазеть, пожрать и домой.

– Всё! – наконец выдохнул Эркин. – Под завязку. Только на обед. А у тебя?

– Я ещё на книжный оставил, – самодовольно ухмыльнулся Андрей.

– Тогда пошли, – кивнул Эркин. – Где есть будем?

– А где придётся! Хоть в той шашлычной, помнишь ещё?

– Помню, – засмеялся Эркин и очень точно повторил: – Захады дарагой!

– Ага! – заржал Андрей.

Не спеша – всё-таки мешки набиты, они пошли обратно к автовокзалу. Хоть и думали погулять по городу, но видно дальше Торговой они не уйдут. Андрей ещё крутил головой, разглядывая витрины, но Эркин решил, что все покуп-

ки уже сделаны, а впустую и глазеть нечего. Только сомневаться начнёшь: купил что надо или лопухнулся.

Так они добрались до площади с обелиском. И Андрей, конечно, отправился смотреть, что там написано. Надпись то ли забыли позолотить, то ли её смыло, но они обошли четырёхгранный сужающийся кверху столб и ничего не нашли.

– Что, ребята, – фотограф как из-под земли вынырнул, – запечатлеетесь?

– Если ты, дед, скажешь, для чего эту штуку здесь вздрючили, снимай нас до потери пульса, – сразу ответил Андрей.

– Я тебя самого сейчас вздрючу, – пообещал фотограф. – И тоже до потери пульса. Ишь, внучок нашёлся!

Отругивался фотограф не зло, явно радуясь завязавшемуся разговору, и Эркин движением плеча сбросил и мягко опустил на землю мешок. И тут почувствовал чей-то очень внимательный взгляд.

Разглядывая толпу вокруг обелиска, Фредди невольно выделил двух парней. Оба высокие, черноволосый в джинсовом, под ковбоя, но не ковбой, откуда здесь взяться ковбою, а второй – белокурый, в светлой ветровке, в каких ходит пол-Колумбии, оба, видимо, как здесь говорят «с той стороны», куртка у черноволосого потёрта, не сегодня и не вчера куплена, но от Страуса, а ловок парень, неужто опять из того же табуна, стоит попробовать поговорить, белобрыс приклатнённый, шпана, конечно, хотя нет, не шестёрка, нет, в короли по возрасту не годится, но валет сильный, и зачем ему спаль-

ник? Спальник и блатарь... но... но... Фредди моргнул, отгоняя наваждение. Так и до глюков докатишься.

Но кто ж это так уставился? Эркин обернулся, пытаясь понять, кто его так выглядывает. И увидел, не сразу, но увидел сидящего на скамейке мужчину в тёмном костюме, сбитой на затылок шляпе и с банкой пива в руках. Их глаза встретились, и Эркин узнал его. Вернее, узнал-то он сразу, но только сейчас понял, что не ошибся, что не почудилось ему.

Фредди сглотнул вдруг закупоривший горло шершавый комок. Отвернувшись от спутника, на него смотрел Эркин, и его недовольное жёсткое лицо на глазах смягчает и даже не светлеет, а словно наливается светом.

– Андрей, – тихо позвал Эркин. – Андрей, смотри.

– Чего? – обернулся Андрей. – Куда смотреть? Ты... – и как-то всхлипнул, словно подавился непроизнесённым.

Белобрысый обернулся, и Фредди задохнулся, как от удара под дых. Смяв в кулаке пивную банку, он встал и шагнул к ним.

– Фредди! Живо-ой!

Они встретились, вернее, столкнулись на полпути от обелиска к скамейкам и замерли, застыли, сцепившись в объятии.

Разумеется, вопль Андрея привлёк внимание, и вокруг закрутилась толпа любопытных, но встреча друзей – событие, конечно, интересное, но не настолько, чтоб всех надолго собрать, да и Эркин вспомнил о брошенных мешках, а Фредди

про кейс и плащ. Плащ – так и чёрт с ним, но потерять уже подписанные контракты...

– Ну, парни, – наконец выдохнул Фредди, когда они уже свалили на скамейке мешки, убедившись, что ничего не пропало. – Ну, не ждал!

– Мы тоже! – ухмылялся во весь рот Андрей. – Фредди, ты надолго к нам? Насовсем? А то давай...

– Андрей, – перебил его Эркин, – ты бы сходил, взял пива и пожевать...

– Да на хрен пиво! – возмутился Андрей. – Айда в шашлычную эту, там и посидим.

Эркин досадливо прикусил губу: Андрей впервые не понял его, но, поймав взгляд Фредди, заставил себя улыбнуться.

– Ладно, давай так.

Фредди жадно разглядывал парней. Определённо не бедствуют, сытые, Эркин аж лоснится, разносчиками, что ли, стали?

– Чего вы такие навьюченные?

– За покупками приехали.

– На перепродажу, что ли?

– Зачем?

– Вот ещё!

– Себе, семье...

– Ты надолго?

– Вечером улетаю.

– У нас автобус в пять.

– И далеко?

– В Загорье. Не слышал небось?

– Не слышал, – согласился с Андреем Фредди, доставая записную книжку. – Говори адрес.

– На память уже не надеешься, значит, – не упустил случая съязвить Андрей, доставая из кармана рубашки маленькую пачку узких картонок. – Вот, братик, а ты говорил: зачем да к чему. Вот как раз для таких случаев.

Фредди насмешливо хмыкнул: был Эндрю выпендрёжником и остался таким же. Но Андрей писал свободно, явно не вчера буквы узнал. Быстро написав по-английски, Андрей протянул визитку Эркину.

– Давай, брат.

Эркин кивнул и, поддерживая игру, слегка демонстративно достал свою ручку, старательно записал уже по-русски их полный адрес. Писал он чуть медленнее Андрея, но достаточно свободно.

– Держи, Фредди.

Фредди взял визитку, повертел, разглядывая аккуратные строчки.

– Это когда ж вы так наострились?

– Эркин здесь, а я, – Андрей фыркнул, – и раньше умел.

– Врёшь! – искренне возмутился Фредди.

– Ай да я! – восхитился Андрей. – Всех купил! Да я на двух языках свободно с до школы ещё и читаю, и пишу.

– Та-ак, – неопределённо-угрожающе протянул Фредди и улыбнулся. – Силён. А Эркин знал?

Эркин кивнул, а Андрей довольно усмехнулся:

– У меня от брата тайн нет.

И осёкся: так быстро и холодно блеснули глаза Фредди.

К ним подошёл фотограф.

– Встретились, значит?

– Встретились, – охотно подыграл Андрей.

– Запечатлеть надо!

– Уговорил, дед, – хлопнул себя по коленям Андрей и встал. – Давай, Фредди, запечатлеемся.

Предложение не вызвало у Фредди особого восторга, но возражать он не стал.

После недолгого, но детального обсуждения решили: Фредди один, потом парни вдвоём, потом все вместе. И каждая карточка в трёх экземплярах, каждому чтоб.

– И сразу готово будет? – не поверил Эркин.

– За два рубля будет, – твёрдо ответил фотограф.

– За всё два рубля?! – изумился Андрей.

– За каждую, – фотограф сдвинул аппарат за спину и вытащил другой, большой и похожий на ящик. – Фирма веников не вяжет.

– Фирма делает гробы, – закончил за него Андрей. – Давай, Фредди.

Фотограф своё дело знал. Важность, с которой он их расставлял, заходил то с одного бока, то с другого, напомни-

ла Эркину Билли Скиссорса в Джексонвилле, тоже артист... был.

Полученные фотографии Фредди вместе с их визиткой убрал в бумажник. Эркин – все шесть – к себе, во внутренний карман. А в честь чего поставлен обелиск, они так и не узнали. И вспомнили об этом уже по дороге в шашлычную, но тут же забыли. Разговор шёл дёргано, перескакивая с одного на другое.

Усач у входа в шашлычную обрадовался им как старым знакомым, почти друзьям. Шашлычная оказалась приятно прохладным полуподвалом со сводчатым потолком и расписными стенами. По стенам вперемешку теснились горы, люди, овцы, лошади, облака, солнце, луна и звёзды. И пахло костром, вернее, жареным на костре мясом. От стойки им заулыбался ещё один усач, чуть постарше и подороднее того, что у входа.

Их провели к угловому удобному столику, где и они расселись, и вещи сложили так, что и не мешают, и под рукой, и не на виду. Узнав, что они впервые про шашлыки слышат, усач осведомился: просто ли они зашли или что-то особенное?

– Друга встретили, – Андрей хлопнул Фредди по плечу. – Ха-арошего друга. Надо отпраздновать.

– Конечно, надо, – горячо поддержал усач. – Друг – второй брат, сейчас праздник будет, всё вам будет.

– Спасибо, отец, – перебил его Андрей. – Но в пять у нас

автобус – это раз, и сотня в кармане – это два. Ещё вопросы есть?

– Какие вопросы, дорогой, – усач обмахнул белой салфеткой столешницу из тёмного дерева. – Эй, Гиви, праздник у людей, не слышал разве, – и ещё что-то непонятно-гортанное, будто слова клокотали у него в горле.

Черноглазый, похожий на усача долговязый подросток развернул перед ними хрустнувшую от крахмала скатерть. Как из воздуха появлялись и располагались на столе глиняные тёмно-блестящие миски с помидорами, огурцами, зелёным луком и ещё какой-то зеленью, блюдо с белыми пухлыми лепёшками и такое же с белыми кружками сыра, тяжёлые, отливающие серебром стаканы и кувшин с вином.

– Ну, живём! – потёр руки Андрей.

– Живите долго, дорогие, – подхватил усач, разливая вино. – От этого вина, дорогой, радость больше делается, душа весельем полнится, а кто весел, тот и живёт долго, у нас в горах его пьют и по двести лет живут, мамой клянусь.

Когда он отошёл, Фредди взял в руки стакан.

– Ну, со встречей, парни.

– Со встречей, – кивнул Эркин, так же беря стакан.

Самого главного он Фредди пока не сказал, не мог при Андрее, хотя... Андрей – ему брат, всё о нём знает, если бы не Андрей, он бы и сейчас по-прежнему думал.

Густое, сразу и сладкое, и приятно кисловатое вино не обжигало, а согревало горло и тело. И солёный сыр, и нестер-

пимо жгучая фасоль в мисочках со смешным названием «ло-био», и овощи – да всё под это вино становилось только вкуснее. Ничего не теряя и не изменяясь.

Андрей от еды не встанет, надо решаться. Эркин глубоко вздохнул.

– Фредди, я... – Фредди ожидающе смотрел на него, и Эркин снова вздохнул. Андрей вдруг отвёл глаза, заинтересовавшись росписью на другой стене. – Фредди, ты прости меня, не держи обиду за то, в Алабаме, я дураком был, ты по одним правилам играл, а я тебя по другим судил.

Фредди перевёл дыхание и кивнул, принимая извинения. И очень спокойно спросил:

– Ты с тем игроком рассчитался?

Эркин недоумевающе посмотрел на него.

– Ты о чём? – и тут же понял. – А, нет, Фредди, мы просто город пошли посмотреть, а тут эта гнида надзирательская навстречу, увидел меня и бежать, я за ним, а уж Фёдор с Гришей за мной. Так мы в тот бар и влетели, – Фредди молча смотрел на него, и Эркин продолжил: – У Фёдора там свои дела были, это так, но привёл их туда я, – и улыбнулся. – По своему делу.

– Ладно, – кивнул наконец Фредди. – Обошлось и ладно, – взял свой стакан. – Выпьем, чтобы и потом всё обходилось.

– Выпьем, – повернулся к ним Андрей. – За мир, дружбу и любовь.

– Что-то тебя развезло быстро, – хмыкнул Фредди.

Пили и ели не спеша, но миски и блюда пустели, и кувшин уже лёгкий. Но Андрей и обернуться к стойке не успел. Точно угадав момент, на стол водрузили блюдо, где на стальных узких лезвиях трещали, истекая жиром, пахнувшие свежим душистым дымком куски мяса вперемешку с баклажанами и помидорами. И встали рядом миски с острой бордовой капустой. И со свежей зеленью. И новый кувшин вина. Произнеся все подобающие прочувственные слова, усач удалился.

– Мм, – причмокнул Андрей после первых кусков. – Вот не думал.

– Здоровско, – согласился с ним по-ковбойски Фредди.

И усмехнулся своему произнесённому: «почти как в Аризоне», Ковбои часто жарили мясо без сковороды прямо на раскалённой решётке, и оно так же пахло дымом и травами, случайно попавшими в костёр. Нет, этот... ша-ш-ль-ик, ну и название – совсем не плох. Надо будет запомнить. Есть чем теперь поддеть Джонни, а то он себя великим гурманом числит. Французская кухня, конечно, класс, но это совсем даже весьма и очень. А с чем соус? Что там за зёрна плавают? Но никогда такой баранины не ел. И вино в самый раз. Тепло, весело, но голова ясная и руки в силе.

Опустевшие тарелки, миски и блюда незаметно исчезли со стола, зато появилось блюдо с фруктами, второе со сваренными в виноградном соке – как объяснил усач – лесными орехами и совершенно произносимым для Фредди названием, и в довершение крохотные чашечки чёрного кофе.

И разговор шёл под стать обеду. Перескакивая с одного на другое, но всё легко, весело, с необидными шутками и подначками.

Наконец Андрей посмотрел на часы и присвистнул:

– Однако! Эркин, сколько на твоих?

Эркин посмотрел на часы – Фредди невольно отметил и привычность жеста, и качество офицерских часов – и кивнул:

– Да, только дойти.

Андрей полез за деньгами, Но Фредди цыкнул:

– К-куда?!

– Ты чего?! – возмутился Андрей. – Мы ж тебя угощали.

– Платит старший, – внушительно ответил Фредди, кладя на стол сторублёвую купюру, а сверху ещё десятку чаевых – десять процентов от счёта, насколько он знал, общепринятая практика, и вряд ли в России процент выше – и поглядев на красного набычившегося Андрея и хмурого Эркина, улыбнулся: – Успеете ещё, парни, не последний раз видимся.

Помедлив, Эркин кивнул, а за ним и Андрей.

Разобрав сумки и мешки, они вышли на улицу. По-прежнему солнечную и многолюдную. Но им показалось, что прошло очень много времени.

Ни в книжные, ни в игрушечные магазины заходить уже не стали. Шли, разглядывая витрины и прохожих. Эркин и Андрей переводили Фредди вывески, объявления и крики разносчиков.

Их автобус уже стоял у столба с вывеской «Загорье», надо было прощаться. Фредди достал визитку «Октавы».

– Так, парни, если что, звоните сюда. Если нас нет, нам передадут.

– Замётано, – кивнул Андрей. – Когда приедешь?

– Когда смогу, – усмехнулся Фредди.

– Когда лендлорд отпуск даст, – понимающе кивнул Андрей. – Ты ж на годовом контракте, нет? Слушай, тебе ж по трудовому законодательству положено...

– Иди уж, трепач, – засмеялся Фредди.

– До встречи, – улыбнулся Эркин.

– До встречи.

– Будем ждать, Фредди, не исчезай.

– Удачи вам!

– И тебе удачи!

– Всем удачи.

– Лендлорду от нас...

– Передам, не сомневайся.

Водитель их автобуса стоял у двери, проверяя билеты. Эркину и Андрею он кивнул как старым знакомым.

Фредди видел, как парни вошли в автобус, вот Эркин сел у окна, увидел его и помахал рукой, а вот и Эндрю, тянется через Эркина к окну, оба смеются, рты до ушей. И помахал им в ответ, а когда автобус отъехал, твёрдо пошёл к стоянке такси. Теперь в аэропорт, оттуда ещё два, как и намечал, города и в Колумбию. Или сразу в Колумбию? Нет, чувства

и бизнес не смешивают, коктейль хорош только в стакане. Но Царьград теперь побоку, профессор ему уже не нужен. Удачно вышло, как это слышал у русских... не думал, не гадал, нечаянно попал... плохой стрелок придумал, но вот так и получилось. Удачно, лучше и быть не может. Нашёл и нигде расспросами не засветился, всерьёз не засветился. Прямая связь – самая надёжная.

В автобусе Андрей пытался балагурить, но заснул, когда они ещё из Сосняков не выехали. Эркин покосился на него и подвинулся. Чуть-чуть, но, когда тело Андрея, обмякнув, стало сползать, то его голова легла на плечо Эркина. Не открывая глаз, Андрей пробормотал:

– Эркин, ты?

– Спи, – тихо ответил Эркин. – Я, конечно, – и почти неслышно: – Кто ж ещё.

Но Андрей услышал.

– Всякое бывает, брат, – и зевнул.

– Спи, – повторил, улыбаясь, Эркин.

Пьяным он себя не чувствовал, просто было хорошо, одновременно и лёгкость в теле, и усталость. И на подвиги тянет, и шевелиться неохота. Как же хорошо всё получилось! Никак не ждал и даже не думал. Фредди, конечно, франтом, похлеще иного лендлорда, не похож даже на себя тогдашнего, хотя... нет, тот же, Фредди не меняется, как ни оденется, а такой же... интересно, какие дела у него в России, да нет,

это у Джонатана дела, Фредди же на контракте у него... ну, это их дела... хорошо, что Фредди понял его, он, конечно, тогда сильно психанул, дураком был, да его ещё тот майор, сволочь гадостная, охранюга чёртова, сильно поддел, но сам он дурак, поверил охранюге, а Фредди... Фредди понял его, теперь действительно всё хорошо...

Андрей вздохнул, открыл глаза и улыбнулся.

– Не спишь, брат?

Эркин кивнул.

– Думаю. Хорошо было.

– Ага-а, – протяжным вздохом отозвался Андрей и сел прямо, сильно потёр ладонями лицо и удовлетворённо выдохнул: – Уф-ф!

– Выспался? – засмеялся Эркин.

– Дома отосплюсь, – Андрей подмигнул ему. – И проспуюсь. Классный мужик Фредди, скажешь, нет?

– Не скажу, – усмехнулся Эркин. – Стоящий мужик. По всем статьям и... как это, ну... а, вспомнил. Параметрам.

Андрей самодовольно хмыкнул:

– Плохих не держим. Интересно, зачем его Джонатан в Россию гоняет?

– А ты бы его и спросил, – очень серьёзно ответил Эркин.

– Ну, ты и советуешь, – засмеялся Андрей. – Я ещё жить хочу. А в их дела лезть...

– Это пулю схлопотать запросто, – закончил за него Эркин, и Андрей кивнул, соглашаясь с очевидным.

За окном медленно поворачивалась холмистая, в перелесках и стогах равнина, стремительно появлялись и исчезали, пролетая мимо, деревни.

– Тетради нужно купить, – тихо сказал Эркин.

– Да, – кивнул Андрей. – В понедельник расписание повесят, вот по тетради на предмет.

– Я во вторую, схожу с утра.

– Я и после смены успею, – возразил Андрей.

– Ты после смены в Комитет пойдёшь, – напомнил Эркин.

Андрей засмеялся. Что «холостяжник» закончен и все, записавшиеся на квартиры, должны зайти в Комитет, они прочитали в газете, но и без объявлений Загорье шумело об этом уже две недели. Шестиэтажная коробка из красного кирпича с белыми наличниками окон была видна издалека. Комнат в квартирах по одной-две, но зато просторные, кухни – хоть танцы устраивай, и кладовка в каждой, и ванная, ну, не поплавать, так полежать, а в кухне плита газовая, а окна чуть ли не во всю стену, и подоконники широкие, и лоджии в каждой квартире... словом, дворец – не царский, так боярский. Но и квартплата тоже... боярская. Так на то и ссуда... лафа комитетским... а на такие деньжищи можно чего и побольше... На комитетские ссуды завистников хватало.

В автобусе негромкий ровный гул. Обсуждают покупки, строят планы. Каждому до себя.

– Знаешь, Эркин, я тут одну штуку придумал.

– Ну? – заинтересовался Эркин.

Пока что все выдумки Андрея были и интересные, и на пользу. Андрей улыбнулся.

– Фредди надо угостить. Как следует. Так?

– Так, – кивнул Эркин.

– Если в ресторан или в трактир хороший заведём, то он опять, ну, как сегодня, вывернется. Так?

– Тоже так, – согласился Эркин.

– Ну вот. Тут, как следует, обмозговать надо, – Андрей изобразил таинственность и подмигнул Эркину.

– Мозгуй, – засмеялся Эркин. – Пока мозги до школы свободны.

– Ладно, – с насторожившей Эркина подчёркнутой покладистостью кивнул Андрей. – Только ты мне, когда надо будет, подыграй.

– Ла-адно, – Эркин вдруг неожиданно для себя зевнул.

– До Загорья спим, – решительно сказал Андрей.

Эркин не ответил: он уже спал.

В аэропорт Фредди приехал за полчаса до своего рейса. Обычно он в таких случаях убивал время в ближайшем баре, но сейчас ни есть, ни даже пить не хотелось. Оглядев зал, он сел в свободное кресло и с привычной настороженностью расслабил мышцы.

Ну что? Он сделал, что мог и даже больше, прыгнул выше головы. Удача – великое дело. А теперь... подобьём край и посчитаем, по головам и по хвостам...

...Он всё-таки рискнул спросить:

– Нашёл своих?

Но Эркин улыбается.

– Да, всё нормально. Они в промежуточном, ну, региональном, лагере были.

Он кивает.

– Ну и хорошо, – и вынужденно поясняет: – Мы, когда в Джексонвилл приехали, искали вас, нам сказали, что они погибли.

– Мне тоже так сказали про Женю, – улыбается Эркин и с неслыханной им ранее гордостью поясняет: – Мою жену Женей зовут, а дочь Алисой. По-английски Джен и Элис.

Он ждёт, что Эркин по общепринятому обычаю достанет и покажет их фотографии, и готовит уже соответствующие фразы, но до этого Эркин ещё явно не дорос...

...– Хорошо устроились?

– Лучше и не надо, – смеётся Эндрю. – Я в автокомбинате. Представляешь, шофёром буду!

– И когда?

– Ну, пока я рабочий в цеху, неделя, как из учеников перевели, – Эндрю одновременно и горд, и смущён...

...– Бригада хорошая. Вот такие, – Эркин показывает оттопыренный большой палец, – мужики...

...– Так ты кем?

– Грузчиком, – Эркин довольно улыбается. – На первом рабочем дворе. Круглое таскаем, квадратное катаем.

Он охотно смеётся немудрящей шутке.

– А делает завод что?

По лицу Эркина пробегает еле заметная быстрая тень, но отвечает он безмятежно и беззаботно:

– А хрен его знает, меня это не касается.

И он понимающе кивает. Значит, о заводе спрашивать нельзя. И не будем. Нас это тоже не касается...

...– Как же так получилось?

– Да ранило меня, понимаешь, Фредди. Сначала за мёртвого посчитали, и Эркину так сказали, – Эркин кивает, подтверждая, а Эндрю продолжает тем же залихватским тоном. – А потом отлежался я, оклемался и пополз на родимую сторонуюшку, брата догонять...

...Стоп. Вот здесь. У Эндрю, конечно, рот до ушей, и всё, как и положено, но... не врёт, а молчит. Про лагерь в Атланта ещё туда-сюда, а куда ранило и кто лечил – глухо, глухая несознанка. Приехал он...

...– Май уже, солнышко светит, птички поют...

...– Я как увидел, даже испугался сначала. Я из школы пришёл, а он на кухне сидит...

...– А хрен с ней, с Атлантой, я два раза из лагеря выходил, мне вот так, – Эркин проводит ребром ладони по горлу, – хватило.

– А я ни разу. – хохочет Эндрю. – За два-то месяца, представляешь, Фредди.

– Чего так долго?

– У меня виза просрочена была, ну, и всё по новой. Заявление, ожидание, проверки, чтоб им... – Эндрю весело ругается.

– Да, – кивает Эркин. – Мы-то удачно проскочили, как раз в середине ноября месяц кончился, и нас в Центральный, в Атланту перевезли...

...Два месяца от мая – это апрель и март. Так, когда Эндрю вошёл в лагерь? До двадцать восьмого февраля или после? Найфа нашли третьего марта. Смерть определили, как предположительно двадцать восьмого. Если до, то это не Эндрю и начинай всё сначала. Нет, всё-таки Эндрю, слишком уж упорно молчит. И Эркин помогает молчать. Знает? Насколько?...

...– У меня от брата тайн нет!..

...Сказал и спохватился, заболтал о другом. Так ли уж нет?

Объявили его рейс – настолько он русский уже понимал – и Фредди встал. Главное – он нашёл парней. Живы, здоровы, хвосты обрублены, крючки срезаны, со здешней Системой не завязаны. Теперь можно без особой горячки раскрутить.

Самолёты в принципе все одинаковы, смотреть на землю с такой высоты он не любитель, а соседи ему неинтересны. И, сев в своё кресло и разместив, где положено, свои шляпу, плащ и кейс, Фредди прикрыл глаза, будто задремал, продолжая вспоминать и анализировать...

...– Жениться не надумал?

– А зачем, Фредди?

– Его и так любят, – Эркин глядит на Эндрю с ласковой насмешкой. – Первый парень на деревне.

– Во! – польщённо ухмыляется Эндрю. – И потом. Ты ж, старший ковбой, вот ты женишься, и я за тобой! Не бойсь, не отстану...

...Над этим они ржали долго и с удовольствием. Эркин легко про баб говорить стал, не заводится, как летом было, и вообще... отошёл, совсем нормальный парень, а Эндрю... всё тот же, но под малолетку уже не играет. Что ещё? Расспрашивали и его самого, в основном про имение, кто там да как там...

...– Молли замуж вышла.

– Ну, и счастья ей, – Эндрю шутливо салютует стаканом. – И деток здоровых...

...Да, здесь у Эндрю не свербит, всё нормально. И с деньгами парни не жмутся, рассказали, чего и сколько накупили, так это чуть не за полторы тысячи перевалило. Ну, это ссуды комитетские, так что, не уцепит никто, всё законно. Всё у парней хорошо, всё нормально. И... да, так и не иначе. Приехать уже прямо в Загорье и разговаривать с Эндрю один на один, без намёков и подходов. О чём бы Эркин ни знал, он при этом разговоре лишний. А где? Трактир не пойдёт, не нужны тут ни уши, ни глаза чужие. Стоп! Есть место...

...– У нас дом построили, для одиноких и малосемейных, «Холостяжник», а я ж, как приехал, сразу на квартиру запи-

сался, так что в понедельник пойду, – Эндрю достаёт из нагрудного кармана пустую визитку и старательно вписывает на двух языках ещё один адрес. – Вот, квартиру, правда, пока не знаю...

...Дать парню переехать и обжиться немного. Недели две, ну, двадцать дней. Дольше тянуть нельзя, упустим время. Начнётся сезон и всё станет сложнее. Делать ещё можно будет, а решать и готовить надо сейчас. Сегодня двадцать девятое, к семнадцатому он должен это сделать. С Джонни Эндрю разговаривать не будет, Джонни для них обоих – ленд-лорд. Значит... значит, это его дело. И только его.

Для России рейс считался коротким, и пассажиров не кормили. Но после их пиршества в шашлычной Фредди был уверен, что два, а то, пожалуй, и три дня голодовки ему не помешают.

Россия

Цареградская область

Алабино

Центральный военный госпиталь

Степан Мухортов оказался в общем именно таким, каким представлял его себе Жариков по рассказам Марии. Кряжистый крепкий мужик, не злой, но себе на уме. С Марией поздоровался, обняв её с властной уверенностью.

– Что ж ты?

– Так уж вышло, Стёпа, – виновато вздохнула Мария.

– И чего у тебя?

Мария снова вздохнула.

– Неродиха я, деток у нас не будет, никогда.

Он молча смотрел на неё, будто ждал. И Мария продолжила заготовленное.

– И этого... ну, спать с тобой... нельзя мне.

– Со мной? – тихо, но со слышной угрозой уточнил Сте-

пан.

– С любим! – на глазах Марии выступили слёзы. – Вообще нельзя, – она уже говорила только по-английски. – Больная я вся внутри. Не жена я, никому не жена.

– Не реви, – властно остановил он её. – Кто сказал? Врач, говоришь? Веди к нему.

Мария повела его к Варваре Виссарионовне. Это ж она... по женским делам. А уж она, объяснив всё Степану, вызвала Жарикова.

Выслушав Варвару Виссарионовну, Степан кивнул.

– Так, ясенько. И с чего это с ней? С тифа такое не бывает.

– Это был не тиф, – сразу вступил Жариков. – Другая болезнь.

Он ещё раньше решил не рассказывать Степану всего: то, что тот видел Марию в «горячке» и в «чёрном тумане» позволяло не соврать, и даже не умолчать, а поменять местами причину и следствие.

– Если по-простому, – начал Жариков в меру грубовато, – выгорело у неё внутри всё.

Степан приоткрыл рот, мучительно соображая. Покосился на Варвару Виссарионовну, понурившуюся Марию.

– Это от чего ж? Заразилась, что ли? Так...

– Нет, – перебил его Жариков, – это не заразно. Но и заболела Мария не сама, – и решил: – Идёмте ко мне, там договорим. К Варваре Виссарионовне вопросы есть?

– Какие уж тут вопросы, – Степан тяжело встал, будто услышанное только сейчас дошло и придавило его. – Спасибочки вам, доктор, за разъяснение.

До кабинета Жарикова они шли молча, а у самой двери Степан с прежней властностью бросил Марии:

– Обожди здесь, мужской разговор.

Жариков ободряюще кивнул Марии, пропуская Степана в свой кабинет.

В кабинете Степан молча сел на указанное место и, к удивлению Жарикова, начал разговор точно с того, на чём его прервали.

– Так как же так? Не сама заболела. Заразили специально, так, что ли?

– Не заразили, – вздохнул Жариков. – Но специально. Ты знаешь, кем она была раньше?

– Номер видел, не слепой, – буркнул Степан. – Я ж её сам, как дитё, в корыте купал, с ложки кормил. Рабыней была, ну, так что? – и догадался: – Это, что ж, хозяйева её, что ли? Они?

Жариков кивнул. Минут пять Степан безобразно ругался на двух языках, вминая кулаком сказанное в своё колено. Жариков терпеливо ждал. Наконец Степан успокоился.

– Сволочи. Не себе, так никому, значит, сволочи, попались бы мне. Таковую красоту загубили, – твёрдо посмотрел Жарикову в глаза. – Попить дай, в груди загорелось.

Жариков встал и налил ему воды.

– Держи. Другого нет.

– Другое я в другом месте и возьму!

Степан жадно выпил стакан до дна и символически вытряхнул на пол последнюю каплю.

– Ладно, доктор. Теперь-то что делать? – и заговорил сам, не дожидаясь ни ответа, ни дальнейших вопросов. – Люблю я её, а жить-то надо. Думаешь, я не понял, чего она сбежала? Я ж не дурак. Она – баба хорошая, не смотри, что красавица и фигуристая, у неё душа есть. Это она мне руки развязать решила. Уезжала, прощалась, я и понял. Всё, Степан, улете-ла жар-птица твоя. Это бабы ей нажужжали про неродиху, дескать, уйди, дай жизни мужику. А и правы бабы, стрекотухи, жужжалки чёртовы. Мне уж сорок глянуло, волос седой пошёл, а ни дома, ни семьи, ни деток. Корень свой оставить на земле нужно, чтоб жизнь незряшной была. Я в угоне об этом сны видел да наяву думал. А тут... красива она, я в том сарае только глянул на неё, аж зашёлся. Ну, думаю, моя будет, ни у кого такой от веку не было и быть не может. И вот...

Он махнул рукой и замолчал. Жариков, присев на край стола, внимательно смотрел на него и ждал. Но Степан молчал, и Жариков тихо участливо спросил:

– Нашёл уже?

– Нашёл, – вздохнул Степан. – Хорошая баба, всё при ней, я ещё... да чего там, я с ней уже с полгода, у неё пузо скоро на глаза полезет, ну, а как Мария уехала, она... у меня она живёт. И всё по-ладному у нас.

Жариков понимающе кивнул, и Степан поднял на него

глаза.

– А Мария... мы не венчанные, и не записывался я с ней. Что ж, пусть сама по себе живёт. Она красивая, устроится. Может, – Степан усмехнулся, – и здесь её уже кто приглядел к себе. А она ласковая, доверчивая, кто поманит, за тем и пойдёт, – и неожиданно: – Приглядишь за ней, чтоб по рукам не пошла?

Жариков твёрдо кивнул.

– Пригляжу.

Степан хлопнул себя по коленям.

– Зови её тогда. Сейчас и решим.

Жариков подошёл к двери и открыл её. В метре от кабинета стояла Мария, а рядом и сзади Майкл, Крис, Эд, Андрей, Джо с Джимом, ещё парни... Ну... мощная команда.

– Заходи, Мария.

Парни остались стоять, только Майкл шагнул следом, но Жариков взглядом остановил его. И, поглядев на Жарикова, парни отступили, отошли в глубь коридора. Пропустив Марию, Жариков ещё несколько секунд постоял в дверях, по-прежнему молча, только взглядом отодвигая парней ещё дальше.

– Так, Маша, – Степан встал ей навстречу. – Значит, что? Решила?

– Ты тоже решил, – Мария вздохом перевела дыхание. – Клава... у тебя живёт, ведь так?

– Та-ак, – Степан, прищурившись, оглядел её. – Значит,

знаешь. И давно?

– Неважно, Стёпа, тебе с ней лучше будет.

– А тебе без меня, так, что ли? – и не дожидаясь её ответа, полез за борт пиджака и вытащил пачку купюр. – Держи, здесь пятьсот, на обзаведение тебе.

– Стёпа, а...

– А я сам по себе, – перебил он её. – Бери, ну.

Мария медленно протянула руку и взяла деньги.

– Спасибо тебе. Не за деньги, нет, за то... за жизнь спасибо, ты не держи на меня зла, я не хотела, чтобы так...

– Ладно тебе, – перебил он её. – Удачи тебе. Прощай, – кивнул Жарикову. – Спасибо, доктор, – и пошёл к двери, не дожидаясь их ответов и явно не желая ничего слышать.

Жариков жестом велел Марии остаться и вышел следом. Не хватало только, чтобы сейчас парни к нему прицепились.

Оставшись одна, Мария свернула деньги в трубочку и сунула в карман халата. Ну, обошлось. Значит, он платя её, что дома остались, или продал, или Клавке и другим бабам раздал. Ну и ладно. Жалко, конечно, особенно того, что с кружевом, светлого в цветочек, ну да, что уж тут поделаешь. Да и деньги – пятьсот рублей – немалые, на многое хватит. Если с умом тратить.

В дверь осторожно заглянул и вошёл Майкл.

– Ушёл? – встретила его Мария.

– Да. Его доктор Ваня провожать пошёл. Ты в порядке?

– Да, – кивнула Мария. – Он... он хороший, Миша, но...

– Расплевались?

– Распрощались, – строго поправила его Мария и прислушалась. – Иди, а то застанут. Вечером увидимся.

Майкл кивнул, тоже прислушался и вылетел из кабинета.

Войдя, Жариков оглядел Марию такими смеющимися глазами, что она поняла: он Майкла видел, и приготовила смущённо-виноватое лицо, но Жариков её остановил.

– Не надо, Мария. Как дальше жить решила?

Мария потупилась, и Жариков мягко сказал:

– Тогда иди, отдыхай, а завтра поговорим.

– Да, – Мария с явным усилием удержалась от слова «сэр» и продолжила по-русски: – Спасибо вам. До свиданья, доктор.

– До свиданья, Мария.

Мария улыбнулась ему и даже сделала что-то вроде книксена. Когда за ней закрылась дверь, Жариков прошёл к столу и достал свои тетради. Со Степаном оказалось просто, внешне просто. Разумеется, там тоже нужно было бы поработать, но Степан помощи не потерпит. Слабого добивают, так, значит, слабину показывать нельзя. Чуть что, сразу закрывается наглухо. Но пока Степан со своими проблемами справляется сам и – будем надеяться – справится и дальше. А с Марией... обследование закончено, неделю её ещё можно будет подержать, как раз по курсу адаптации и оформим. А потом? План у него есть, но Мария должна всё решить сама.

1998–2020

Книга 10
Мир вашему дому
122 год
Осень

Тетрадь семьдесят третья

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Первое сентября – не простой день. Во всех школах начинаются занятия. И как удачно, что Эркину сегодня во вторую, и он сможет с утра вместе с Женей отвести Алису в школу.

– А на свои уроки не опоздаешь?

– Нет, – Эркин мотнул головой и улыбнулся Жене. – Я узнавал, сегодня на полчаса позже начнутся.

– Везёт тебе, – вздохнул Андрей. – А у нас вовремя.

– Ну, зато у вас целый митинг будет, – утешил его Эркин таким серьёзным тоном, что Андрей насторожился. И предчувствие его не обмануло. – На урок меньше будет, а то ты перетрудишься с непривычки.

Андрей демонстративно надул губы.

– Ну, спасибо, братик.

– Не ссорьтесь, – с такой же демонстративной строгостью остановила их Женья. – Андрюша, лучше про свою квартиру расскажи. Ты её уже смотрел?

– Нет, в среду пойду, я только смотровой взял.

– Всё-таки на однокомнатную?

– За двухкомнатную надбавку платить, – Андрей заговорил серьёзно. – А с однокомнатной я в льготный норматив укладываюсь. Да и на что мне двухкомнатная, Женья? Вторая комната у меня уже есть.

– Это где? – не понял Эркин.

– А здесь, – Андрей засмеялся, довольный произведённым эффектом.

Засмеялись и Женья с Эркином.

– Конечно, Андрюша, – отсмеялась Женья. – Это всё так. Но вот когда ты женишься...

– Ну, во-первых, это будет нескоро, во-вторых, очень нескоро, а в-третьих, тогда и буду думать. А сейчас мне ком-

наты с кухней... вот так хватит, – Андрей провёл ребром ладони по бровям. – В среду посмотрю, всё подпишу и начну обустраиваться.

– Беженское новоселье в воскресенье делать будем, – кивнул Эркин.

– Всегда ж в субботу делали, – удивился Андрей.

– В субботу школа, забыл? И не один шауни, а шесть уроков, а шауни седьмым и восьмым.

– Чёрт, – Андрей искренне шлёпнул себя по лбу. – совсем вылетело.

– Так что для гостеваний с ночёвкой тебе одна суббота и остаётся, – закончил очень серьёзно Эркин.

Андрей кивнул.

– И воскресенье, когда во вторую.

Женя с ласковой укоризной покачала головой, но улыбнулась.

– Ну, – Андрей залпом допил свою чашку. – Всё сказано, всё сделано, я на боковую.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

Сегодня их чаепитие сильно затянулось: и Эркин поздно пришёл с работы, и пока перебрали всё ли куплено и сделано к завтрашнему дню... Всё-таки первое сентября – не простой день.

Американская Федерация

Атланта

Особняк Говардов

С отъездом – Мирабеллы в монастырский пансион, а Маргарет в колледж Крейгера – в доме стало совсем тихо. Но Спенсер Рей Говард всегда ценил именно тишину и порядок. А с девчонками было заметно больше хлопот. И расходов. Особенно с Маргарет. Вот уж действительно – помесь! Взяла худшее от родителей. Зла и похотлива, как Изабелла, и глупа, как Кренстон. Вырожденка! И Шермана с его отродьем, чтобы привели стерву в пригодное для использования состояние, нет. Конечно, колледж Крейгера – весьма недешёвое заведение, как и монастырский пансион, но – положение обязывает. Ты можешь разоряться, но этого никто не должен замечать. А, значит, девчонки должны учиться на положенном уровне. Говарды выше общедоступных и бесплатных. Раньше удавалось проводить оплаты через Джонатана из его конторы – раз уж ты бездетен, то трать на племянниц то, что должен был бы тратить на своих детей. Но этим занималась

Изабелла. Похотливая сука! Надо же было так сглотнуть и нарваться...

Старый Говард отложил просмотренный лист биржевых новостей и взял следующий, уже со сведениями из Лондона. Так... опять ненавистные Страус и Майнер. Задыхнувшись от ярости, он несколько минут сидел неподвижно, чтобы не скомкать и не порвать страницу. И дело не в том, что эти два негодяя сумели улизнуть, да ещё кое-что вывезти, были и другие, и вывозили даже более ценное. И даже не в том, что они сумели развернуться в Европе. Но само их существование, даже нет, их компаний неоспоримо доказывало его ошибки. Особенно Майнер. Кинокомпания, киноиндустрия, киностудии и кинотеатры... Всё это могло быть, должно было быть его, принадлежать ему. Признать, что он сам упустил тогда свой шанс, недоучёл, не увидел перспективы, было и сейчас нестерпимо обидно. Вернее, именно сейчас. Раньше он мог утешать себя тем, что и без этой чепухи – подумаешь, штаны для ковбоев и зрелища для неудачников – богат, влиятелен, да что там, властен, а сейчас... Самому себе нельзя врать. Самообман хуже любого предательства – учил когда-то дед. Да, предадут тебя, предаёшь и ты, здесь главное, успеть первым, а самообман...

Говард прикрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Всё? Да, всё, успокоился. А теперь перечитаем и подумаем, что и как тут можно сделать. Разумеется, ни к Страусу, ни к Майнеру влезть не получится, но и

не будем. Нас – он усмехнулся – это не интересует. Вот так! Поищем, кого и с кем сравить, потому что в открывшуюся в результате щель... Да, и подальше от русских. Кто бы мог ожидать от них такой прыти, ведь мастерски перекрыли, никаких официальных запретов, а всё теперь через них, под их контролем, а, следовательно, и регламентацией. И эти чёртовы банковские крысёныши, наверняка, наверняка... Вот где упущение Джонатана, там надо было работать... жалкий неудачник. Даже самоликвидацию толком не провёл. Ведь то и дело всплывают уцелевшие, и каждый норовит повести свою игру. А попав к русским, разевают пасть и сдают всё и всех. А русские слушают и копают, копают, копают. И тупое стадо послушно топает в указанном новыми пастухами направлении. Да, с детьми не повезло. Ни Джонатан, ни Изабелла, ни, тем более, Хэмфри... что-то... нет, он делал всё правильно, он не ошибался, ни разу, ни в чём! И хватит об этом думать! Это всё в прошлом, этого нет, нет, нет!

Он сидел, глядя прямо перед собой остекленевшими глазами, плотно сжав побелевшие губы и не замечая, как его руки комкают и рвут газетные листы. Стоявшие за дверью Глория и Джейкоб – ранее экономка и дворецкий, а теперь прислуга за всё – переглянулись. Джейкоб кивнул Глории, чтобы она приготовила успокаивающее питьё для хозяина и ушёл отпустить Стенли, сегодня хозяин уже никуда не поедет, шофёр не нужен, и нечего парню впустую болтаться в гараже.

Успокоившись, Говард сбросил измятые газеты в мусорную корзину и подошёл к дивану, где на маленьком столике с инкрустацией его уже ожидали на серебряном подносе кувшин с питьём и стакан. Чуть сладковатый, но отнюдь не приторный напиток приятно охладил рот и горло. Когда Глория вошла и поставила поднос на столик, он искренне не заметил. Он вообще не замечал прислуги, когда не обращался к ней впрямую. Осушив стакан маленькими глотками, он – нет, не прилёт, ни в коем случае, лежать днём в кабинете – это демонстрация слабости, это недопустимо – сел на диван, откинулся на спинку в свободной, но приличной соответственно возрасту позе и, полуприкрыв глаза, задумался.

Что он может сделать в сложившейся ситуации? Нет, что он должен сделать? Разумеется, отомстить. Но для этого надо восстановить состояние до хотя бы предимперского уровня. Да, Империя была неплохо задумана и прилично осуществлена, и до какого-то момента всё шло по плану и даже с избытком, а потом... дед, любивший острое словцо, говорил: «Суп с дерьмом». Не будем в этом вареве копать. Пока не будем. Что есть – известно. Что будет – возможны варианты. Что Маргарет возьмётся за ум и станет реальной помощницей... нет, этого уже не будет, максимум возможного – минимальный вред, ни цента сверх положенного содержания, пусть решает свои проблемы сама, без ущерба для семьи. Мирабелла... монастырь... да, эту структуру можно... задействовать. Надо налаживать связи. Придётся потратить-

ся, но... Говард усмехнулся – всё покупается, что продаётся. И наоборот. А неподкупных, как и бескорыстных не существует, существуют ошибочные цены, как завышенные, так и заниженные. Тогда... через месяц навестить внучку, поинтересоваться её успехами, дескать, не тратит ли выданные ей карманные деньги неразумно, поговорить с настоятельницей... Сказать Джейкобу, чтобы подобрал материал, высоко-го места без компромата не бывает, честные всегда внизу. Вон даже чистолюй Айртон ухитрился заполучить отсидку у русских, всего, правда, на трое суток, но пятнышко осталось. И не за то, почему сел, а за то, почему так быстро вышел. Вот на этом... нет, играть рано, но позаботиться, чтобы не забывали надо. И Атланта остаётся столицей. Деньги в Колумбии, власть – в Атланте. Не самый плохой вариант, фактически... да, тот самый предимперский. Тогда он и постарался подчинить Атланту и получилось. Почти. Ну, внешние побрякушки пришлось отдать недоумкам, себе взять фактическую власть, получится ли сейчас? Надо продумать.

Он уже не выглядел ни больным, ни раздражённым. Прикидывал варианты: с кем, о чём и как поговорить. Найти союзников... Вздор! Союзники, партнёры... ещё скажите: друзья. Друг – это тот, кто предаёт тебя первым. Потому что лучше других знает тебя и точно определит момент наибольшей выгоды предательства. А уж семья... тем более. Достаточно вспомнить, как удалось справиться с Бредли, подчистую убрали. Бить надо в спину, чтобы не успел обернуть-

ся и увидеть, чтобы так и не понял. Да, сейчас на такую масштабную и долголетнюю комбинацию нет сил: ни бескорыстных исполнителей, ни денег для найма, чёртов Джими Найф завалил всё в самом начале, хорошо, что сам подох, не оставив следов, но нет и врагов, достойных такого усердия и тщательности в уничтожении. Хотя... но это связано с Соппротивлением и русскими, туда сейчас лезть очень опасно. И всё же... Говарды ничего не забывают. Так что, таинственный Крот, который – были намёки – и пошуршал в банках, правда, тут же сглупил и отдал всё Комитету, вот тоже очень странная... организация, «Комитет защиты бывших узников и жертв Империи», наглецы и оголтелые идеалисты, они, видите ли бескорыстны, но основная их часть в России и, нет, их пока оставим, а вот с Кротом можно будет и поиграть, вряд ли он так уж любит тех, кто воспользовался его добычей, но найти его... СБ так и не нашла, не успела, пришлось заняться самоликвидацией, так что... кое-какую информацию кое-кому удалось подкинуть и заинтересовать, пусть они, из своей Европы, как нейтралы, никак не участвовавшие в войне и потому не считающиеся русскими опасными поищут, да хотя бы через тот же Комитет. И всё-таки Крот должен быть здесь, не мог он отдать такие деньги и остаться ни с чем. А если у него отобрали как... как хотя бы плату за жизнь, дескать мы о тебе забудем, а ты не будешь возникать и напоминать о себе, вполне, кстати, реальная и даже неплохая, почти равноценная сделка, то... а вот здесь

может помочь монастырь, вернее, не сам, а путь через него в ту структуру. Оттуда его никто не ждёт, и, значит, удар будет неожиданным.

Получившийся каламбур вызвал на бледных губах улыбку. Говард встал и вернулся к столу. Надо закончить просмотр газет и под шелест страниц наметить уже более конкретный план.

Россия

Царьград

Вечерний Царьград сверкал и переливался разноцветными огнями, и Бурлаков, стоя у вагонного окна, жадно, как впервые, разглядывал свой город. Он так давно не видел его таким, сияющим и нарядным, не празднично иллюминированным, а обычным вечерним. Столица снова стала столицей. В прошлом бомбёжки и страшные угрозы десантов, вся война в прошлом, стремительно проваливается туда, в яму истории, к давним набегам и смутам. А он сам... он помнит Царьград и военным, и довоенным. Неужели он настолько стар? Ведь целое поколение выросло во время войны, и для них что начало войны, что революция, что росские князья – всё одно, древняя история. А он... доисторическое ископае-

мое, вроде динозавра.

Поезд замедлял ход, сиплый динамик поздравил пассажиров и пожелал им счастливого отдыха. Завтра первое сентября, и, хотя у него лекции со следующего понедельника, но отдыхать не придёт. Библиотека, Комитет, Университет... да, побегает он по этому треугольнику.

Залитый холодным белым светом перрон за окном, толкотня в проходе... Бурлаков вернулся в купе за вещами, попрощался с попутчиками и вышел. Мешок на плече, сумка в руке, пропахшая дымом и смолой штормовка... возвращения с поля. Почти как раньше. До войны, до... до всего. Он возвращается домой, и дома его ждут.

Но квартира встретила его тёмной тишиной. Он включил свет, сбросил на пол у вешалки сумку и мешок.

– Маша!

Но он уже чувствовал, что её нет, квартира пуста. В кухне на столе записка. Уехала в санаторий, забрала с почты его корреспонденцию, лежит в кабинете на столе, ужин в духовке, целует, будет через две недели. Да, неконспиративно, но даже по почерку видно, с каким удовольствием писался открытый, без иносказаний и шифра, текст. Получается, что разминулись они... да всего на шесть часов. В духовке мирно ждёт своего часа, закутанный в фольгу, противень с пирогом. Наверняка, с мясом и луком, фирменный. Ну что ж, в одиночестве тоже есть своя прелесть. Возможность полностью расслабиться, никого не стесняться, забыть о всех при-

личиях... он один, в своём доме, никого не ждёт, а если кто и сунется, то... то просто не откроет дверей.

Памятное со студенчества чувство даже не свободы, а воли... и, чтобы не потерять его, он не тронул стопки писем на столе. Это на завтра. Газеты все устарели, их на просмотр, а вот книги... он взял брошюры. Каталог издательства, «Археологический вестник», анонс возобновления «Вопросов истории», ну, это можно и в кровати просмотреть.

И заснул сильно за полночь, рассчитывая выспаться с утра.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Рейс был не самым удобным: так рано контора ещё закрыта, хотя... он свободно может заехать на квартиру, привести себя в порядок, и если Джонни в загуле, то тем интереснее получится. К тому же сегодня – первое сентября, и надо будет если не заскочить, то позвонить Ларри, поздравить его.

В аэропорту Колумбии первым ему попался на глаза поли-

цейский осведомитель, и Фредди невольно усмехнулся: всё меняется, только полиция неизменна. Повели? Ну и пусть ведут, хрен им в глотку, он своё сделал, а они пусть его теперь в задницу поцелуют. И утро солнечное, ясное, под стать настроению. Небрежно помахивая кейсом, Фредди прошёл на стоянку такси.

В квартире, как он и ожидал, было пусто. Но Джонни явно в городе. Вряд ли будет сегодня работать, без него в серьёзную игру не сядет, так что, скорее всего у милашек. Тоже нужно. В своей спальне Фредди бросил кейс на кровать и пошёл в ванную. Бритьё, душ, и часок можно соснуть. Устать он особо не устал, конечно, но надо успокоиться. Что-бы лендлорд у него как бычок на ременной петле попрыгал. И со Стэном надо рассчитаться. Он обещал дать знать. Как бы это проверить почище?

С этими мыслями он и заснул, рухнув на кровать поверх покрывала рядом со своим кейсом. И проснулся от насмешливого голоса:

– Дрыхнешь, ковбой?

– За стадом младшие приглядят, – ответил Фредди, не открывая глаз.

– Может, тебе ещё кофе в постель подать?

– Двойной и без сахара, – тем же флегматичным тоном парировал Фредди.

– Нахал ты, сволочь грамотная.

Фредди открыл глаза.

– Ну, вот теперь нормально. Ты как, Джонни?

– Я-то в порядке, а ты чем в самолёте занимался, что так рухнул?

– Ничем особенным.

– Трахнул парочку стюардесс, понятно.

– Не завидуй, Джонни. И не в твоих угодьях, понял?

Последнее слово он выдохнул по-ковбойски, и Джонатан рассмеялся.

– Вставай, кофе готов.

– Первая стоящая фраза, – Фредди рывком встал. – Бумаги потом?

– Всё потом.

Фредди усмехнулся.

– Ладно, тебе виднее.

Джонатан подозрительно посмотрел на него.

– Та-ак... а ну, выкладывай.

– Решил, значит, решил, – внушительно остановил его Фредди. – Ты ж сам сказал, что потом.

Джонатан ещё раз оглядел его и, решив, что спорить бесполезно, кивнул. Фредди повёл плечами, расправляя мышцы, и подтянул пояс на халате.

– Пошли. Проверю, как ты кофе варишь.

Джонатан рассмеялся. Что у него кофе получается лучше, чем у Фредди, им было известно ещё с Аризоны.

Отхлебнув чёрного кофе, Фредди тоном знатока изрёк:

– Неплохо. Но я встречал и получше.

– Интересно, где?

В голосе Джонатана прозвучала искренняя обида, и Фредди чуть сбавил тон.

– Не надувайся. У тебя же.

– То-то, – хмыкнул Джонатан. – Ну, как там Россия?

– Лучше, чем я ждал. Со Страусом утряслось. Привёз контракты и ещё устно договорился на пяти точках.

– Ври больше, ковбой, – у Джонатана загорелись глаза.

– Возьми у меня в кейсе папку. Я там всё расписал, – и в ответ на удивлённый взгляд Джонатана покровительственно улыбнулся. – Дело законно и зафиксировано. Тебе нужны неприятности с налоговой?

– Нет, – убеждённо ответил Джонатан. – Мне вот так, – он чиркнул ребром ладони по горлу, – хватает криминальной.

– То-то, – его же тоном ответил Фредди и деловито продолжил: – Просмотри и скинь нашей мымре.

– Она сделает, – кивнул Джонатан. – Второй стороной я нашёл Гривза.

– Не слышал, – задумчиво покачал головой Фредди. – Мелочь?

– Что было до Капитуляции, никого не волнует. А сейчас он потихоньку, но толково раскручивается в нужной нам области. И был благодарен за предложение.

– Русские говорят, что из спасибо шубу не сошьёшь.

– Не учи меня, ковбой.

– Смотри сам, лендлорд.

Благодарушие Фредди не только не обмануло Джонатана, но наоборот, укрепляло уверенность, что было в России что-то ещё, о чём Фредди молчит, но не потому, что хочет скрыть, а, чтобы подразнить и завести. И... и чем-то похоже на тот вечер в Бифпите, неужели... ах, чёрт, если Фредди взял след парней, то всё понятно. Проверим? И сразу же.

– Профессора видел?

Фредди мотнул головой.

– Он в экспедиции, должен был вернуться только сегодня, я не стал ждать.

– Резонно, – задумчиво кивнул Джонатан, – маячить лишнего в столице... резонно. В госпитале у парней был?

– Соображаешь, – хмыкнул Фредди. – Но они не видели Эркина с Хэллоуина.

Джонатан снова кивнул, прикусил губу.

– И всё-таки ты надыбал. Через Комитет?

– Зачем? Стану я парня светить, охренел?

– Через русскую Систему?

– Мимо. Долго пристреливаешься, Джонни, – Фредди откровенно смеялся.

– Но надыбал! Не ври, ковбой, я же вижу.

– Ни хрена ты не видишь, лендлорд. Доставай фляжку, я сейчас.

Фляжку?! Зачем, когда в гостинной бар набит бутылками на все случаи и вкусы. Джонатан несколько ошалело посмотрел вслед Фредди, зашлёпавшего в свою спальню.

Вернулся Фредди быстро, по-прежнему в халате, и строго посмотрел на Джонатана.

– А где выпивка?

– Решил с утра надрызгаться? – язвительно ответил Джонатан.

– Хреновый ты игрок, если не знаешь, что игры без выпивки нет.

– С тобой играть... – пробурчал Джонатан, сдвигая на край стола чашки. – Обойдёшься без выпивки. Во что играем?

– В «три листика».

Фредди сел к столу и подчёркнуто шулерским жестом перетасовал и выложил на стол три белых карточки.

– Тяни, Джонни. Я свою удачу взял, твоя очередь.

В первый момент от предложения сыграть в «три листика» Джонатан настолько растерялся, что, уже протянув руку, ещё не понял, что это не карты, а фотографии. И, взяв среднюю карточку, несколько секунд непонимающе смотрел на неё. Фредди терпеливо ждал.

– Н-ну!.. – наконец выдохнул Джонатан. – Это... эту морду я знаю. На кой чёрт тебе приспичило фотографироваться? Где это?

– В России. Есть там такой город. Sosnjaki. Город не слишком большой, но перспективный, – начал обстоятельно рассказывать Фредди. – Большой аэропорт, торговые центры, Страус точку на вырост поставил.

Рассказывая, он потянулся забрать оставшиеся карточки, но Джонатан прихлопнул ладонью его руку.

– К-куда?! Жухать вздумал?! Одинаковые положил...

– За это отдельно и всерьёз, Джонни, – предупредил Фредди, но руку убрал.

Джонатан взял правую карточку, посмотрел и... Фредди с нескрываемым удовольствием разглядывал его ошарашенное лицо.

– Н-ну... ну ты и сволочь, ковбой.

– Грамотная, – уточнил Фредди.

– Этот... фотограф, – Джонатан внимательно разглядывал фотографию, – как ведёт учёт? Книгой или квитанциями?

– Никак не ведёт. Взял деньги, отдал фотки, и привет!

– Угу. Снял у него с витрины?

– Витрины у него тоже нет.

– А фотка у тебя откуда?

С этими словами Джонатан наконец взял, чего так долго ждал Фредди, третью фотографию. На этот раз Джонатан справился быстрее.

– Я это тебе ещё припомню, ковбой!

– Я подожду, – кивнул Фредди.

– Как ты их нашёл? – Джонатан жадно рассматривал фотографии.

– Никак. Случайная встреча.

– Врёшь, ковбой.

– Кольтом клянусь, пулю под крест кладу.

Аризонская формула отрезвила Джонатана. Он перевёл дыхание, положил фотографии на стол и встал.

– Ты куда? – остановил его Фредди.

– Посмотрю чего-нибудь покрепче в баре.

– Закажи столик на вечер в «Мулен Руж», там и отпразднуем. А сейчас дело.

– Ладно. Только одно. Он?

– Кто ж ещё, Джонни. Между Хэллоуином и лагерем в Атланте провал. Парень в глухой несознанке.

Джонатан кивнул.

– Когда поедешь к нему?

– Недельки полторы надо выждать и здесь вчерне всё подготовить. А поеду проверить, пришла ли в Сосняки первая партия от Гривза.

– Неплохо, – согласился Джонатан. – Остальное вечером.

Фредди встал и потянулся, упираясь кулаками в поясницу.

– Всё, Джонни. Ты в «Октаву»? Захвати бумаги.

– Не учи. Иди, в порядок себя приводи. Или уже на дом милашек вызываешь?

– Не зарывайся, врежу.

Оставшись один, Джонатан снова взял фотографии. Да, Фредди сделал невозможное. В огромной чужой стране отыскать, не засветиться самому и не засветить парней... Такое мог только Фредди!

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Обычно в будни Алису приходилось будить, но сегодня она проснулась сама, когда ещё только-только рассвело. Сегодня же первое сентября! Хотя вчера всё приготовили, но вдруг что-то забыли?! Она решительно вылезла из-под одеяла и пошла к окну отдёрнуть шторы. Раньше это делала мама. Или Эрик. Но Андрюха придумал такой хитрый шнур, что потянешь, и шторы сами едут к стене, как занавес в кино.

Серо-голубой свет залил комнату, разложенные вещи, новенький ранец-рюкзак на столе. Алиса по-хозяйски оглядела всё это и пошла будить маму и Эрика. Но в кухне уже постукивала крышка на кипящем чайнике, и Алиса решила сначала заглянуть туда.

– Ой, Андрюха, ты чего такой?

– Во-первых, доброе утро. А во-вторых, какой? – поинтересовался Андрей, нарезаю огурец.

– Ага, доброе, – кивнула Алиса и замаялась, подыскивая

объяснение. – ну, нарядный и в фартуке.

Андрей был в новых джинсах и белой рубашке, а потому сверху он надел Женин пёстрый фартук.

– А я сегодня в школу иду.

– Я тоже, – гордо заявила Алиса.

– Так в пижаме и пойдёшь? – Андрей ножом подправил ломтики огурца, чтобы они лежали красивым полукругом. – До сих пор не переделась. Смотри, опоздаешь.

– Ой! – ахнула Алиса и метнулась из кухни. – Ой, мама, Эрик, вставайте, опоздаем!

И тут же натолкнулась на Женю.

– Алиса, умываться, быстрее. Уже седьмой час.

Оказывается, все уже встали, а её не разбудили?! В такой день! Но обидеться Алиса не успела: такая круговерть.

Завтрак был почти праздничным. Но Алиса ела рассеянно: её занимало совсем другое.

– Всё, – Женя порывисто встала. – Одеваться, быстренько.

– Андрей, иди, – встал и Эркин. – Я помою. А то опоздаешь.

– Да ни в жисть!

Андрей сорвал с себя и ловко набросил на крючок фартук, он так и завтракал в нём.

– Всё, я побежал. Удачи всем.

– И тебе удачи, – крикнул ему уже в спину Эркин.

Быстро вымыв и расставив посуду, он пошёл в спальню. Новые джинсы и белая рубашка уже ждали его на кровати.

А это что? Галстук?! Нет, не нужно: ему после школы на работу, а у них в бригаде галстука никто не носит. Засмеют.

В спальню вбежала Женя.

– Эркин, галстук не надо, я вспомнила, с джинсами галстук не носят, мы готовы, я сейчас, ой, какой ты красивый, я мигом.

И к концу этой тирады она была уже одета.

Алиса ждала их в прихожей.

– Ну, вы идёте, или нет? Я сама сейчас пойду.

– Не шуми, – остановила её Женя.

Ну вот. Эркин в новых джинсах, отмытых кроссовках и джинсовой куртке поверх белой рубашки, и с портфелем – Женя купила ему такой же, как у Андрея. Алиса в джинсовой юбочке с пристёгнутым нагрудником, белой кружевной кофточке – Эркин очень удачно купил в Сосняках, сверху джинсовая курточка – по утрам уже прохладно, а за плечами нарядный, блестящий заклёпками и замками колледж-рюкзак, волосы расчёсаны на два хвостика с пышными белыми бантами, белые гольфы и блестящие чёрные туфельки, а в руках большой красивый букет. Женя ещё раз оглядела своих школьников, поцеловала обоих и уже тогда посмотрела на себя. Отлично. Всё-таки белый цвет – самый нарядный. Эта кофточка с нежными рюшами на груди и манжетах, конечно, не для работы, но сегодня праздник, а рабочую она взяла с собой и там переоденется, поправила волосы. Нет, она вполне на уровне. Новенький тёмно-бордовый костюмчик взамен

её алабамского сидит великолепно, и серёжки, что ей Эркин подарил, как раз, и помада удачно подобралась.

– Всё, пошли.

Казалось, весь «Беженский Корабль» вёл детей в школу...

...Разумеется, Катю Тим взял с собой. Зина идти отказалась: ну, куда ей с таким животом, мало ли что, и Тим ещё в пятницу договорился поменяться сменами, чтобы отвести Дима в школу, а обратно... вот, чёрт, у него же у самого сегодня уроки, нельзя же в первый же день пропустить.

– Да я и сам отлично дойду, – заявил Дим.

– Нет, – коротко ответил Тим.

Больше он ничего не сказал, но Дим всё понял и разговора о самостоятельном походе из школы домой больше не заводил. Катя только молча умоляюще смотрела на отца, и Тим тоже молча отводил взгляд. Но решилось всё в понедельник неожиданно легко и просто в вечерней мужской курилке у беседки. У Николая из правого крыла в первый класс шла дочка, и в тот же трёхязычный. Сам-то он работает, и с ней пойдёт жена, вот она и отведёт Катю домой, а когда за своей, ну, после уроков, пойдёт, то и Дима захватит. Тим согласился с разумным предложением, и теперь Катя шла рядом с ним, крепко держась за его руку и изредка косясь на тётю Лизу, которая вела свою Верушку и без умолку говорила. Тим отвечал ей междометиями, не разбирая и половины в её скороговорке, но Лизу это не смущало: её никто не слушал, да она особо в слушателях и не нуждалась.

Чем ближе к школе, тем больше народу, взрослых и детей, и все с цветами. Даже те, кто явно в старшие классы.

– Обогадилась «Флора», – хмыкнул, поравнявшись с Эркином Миняй.

Эркин с улыбкой кивнул. Ему тоже нужен букет, но это уже потом, по дороге в свою школу.

Школьный двор был размечен под классы, а на крыльце стояли директор и учителя. Алиса вздохнула и посмотрела снизу вверх на Эркина.

– Дальше я сама, да?

– Да, – разжал он пальцы.

– Но вы пока не уходите.

– Нет, – улыбнулась Женя. – Конечно, мы будем здесь.

– Алиска, пошли, – строго скомандовал Дим. – Пап, Кать, мы пошли.

Алиса даже не запротестовала, когда Дим взял её за руку и повёл к крупно написанной на асфальте единице, а рядом букве «Б». Там уже топталось несколько растерянных малышей с букетами, новенькими портфелями и ранцами. Дим и Алиса почти всех их знали по занятиям в Культурном Центре, и Дим стал наводить порядок. Подошла Нина Викторовна в нарядном бирюзовом костюме. К ней тут же потянулись руки с букетами. Она поблагодарила всех сразу и сказала, что лучше они сами принесут цветы в класс.

Женя, Эркин и Тим стояли рядом в общей толпе родителей. Когда после речей и торжественного первого звонка

– в колокольчик звонил рослый вихрастый старшеклассник
– первые классы вошли в школу, Женя достала из сумочки платочек и промокнула глаза.

– Женя... – сразу встревожился Эркин. – Что?

– Нет-нет, Эркин всё в порядке, я побегу, ты в школу сейчас?

– Да, Женя, – Эркин всё ещё тревожно смотрел на ней. – Ты в порядке? – спросил он по-английски.

– Да-да, – она поправила ему воротник куртки. Не потому, что тот загнулся, просто чтобы дотронуться. – Ты иди, и я побегу.

Она быстро поцеловала его в щёку – Эркин еле успел коснуться губами её виска – и убежала. Эркин посмотрел ей вслед, оглянулся на школу, куда входили уже последние старшеклассники, и направился к Культурному Центру. Через два шага его нагнал Тим, и они пошли если не вместе, то рядом.

Возле Культурного Центра на площади сидела пятёрка бабушек с цветами в блестящих оцинкованных вёдрах. Эркин остановился и полез за деньгами. Тим кивнул и тоже достал кошелёк. Уже с букетами в руках они поднялись по ступенькам и вошли в просторный гулкий вестибюль.

С утра всегда народу на занятиях было меньше, чем вечером, и то, что они оказались вдвоём, не удивило их. У доски объявлений они ещё раз проверили списки классов и расписание. Их класс – девятый «а», а... а комната другая, а в их

тогда кто теперь? Просто буква, без номера? Ладно, потом всё выясним.

Гардероб ещё не работал, и они, как были, в куртках – Эркин в джинсовой, а Тим в кожаной – поднялись по лестнице на свой этаж.

– Уроков шесть, а нас двое, – разжал губа Эркин.

– Предметов четыре, – поправил его Тим. – Ну и что?

– Так и букетов два, – улыбнулся Эркин. – Делить придётся.

Тим, помедлив с секунду, кивнул.

– Придётся. Ты потому у бабок и купил, чтобы переделать?

– Ну да, магазинный букет не растеребишь, – улыбался Эркин.

Тим про себя договорил, что четыре магазинных букета обошлись бы намного дороже и передал свой букет Эркину.

– Делай, а я схожу за ведром, поставим пока, чтобы не завяли.

Кабинет был открыт. Тим от двери ловко забросил свою сумку в угол, где обычно сидел, и ушёл, а Эркин стал перебирать цветы. Четыре букета... так и вот так, и чтоб нечётное количество было, в России чётное к несчастью, он про это сколько раз слышал, физику Мирон Трофимович ведёт, ему лучше вот так, более строго, а биологию кто? Да, Аристарх Владимирович, ну, ему вот так. Жалко, что мальчика нет, он в этом хорошо разбирается.

Тим принёс ведро с водой и банку.

– Какой сначала?

– Вот этот.

Букет для Полины Степановны они поставили в банке на стол, а остальные в ведре в угол за столом Тима. Сняли и положили на стулья куртки, оставшись в белоснежных, нарядных и без галстуков рубашках: какие галстуки, когда им обоим после школы в цех. Еле-еле успели до звонка.

Полина Степановна вошла в класс со звонком и ахнула, увидев букет. Тим и Эркин дружно встали, здороваясь и поздравляя с праздником.

– Здравствуйте, здравствуйте, – улыбалась Полина Степановна. – Спасибо, ребята, и вас так же.

Но уже через несколько минут урок пошёл по обычному порядку.

А когда до звонка оставалось минуты три, в класс заглянула девушка – Эркин видел её как-то в книжном магазине – кивнула Полине Степановне и исчезла.

– Это привезли учебники и другие книги на продажу, – объяснила Полина Степановна. – На перемене сходите и купите себе всё, что нужно, – и улыбнулась. – И они уже ваши собственные будут.

И почти сразу зазвенел звонок.

– Идите-идите, – кивнула Полина Степановна, отпуская их.

Внизу напротив гардероба на составленных в ряд буфет-

ных столах лежали стопки книг.

– Девятый? – спросила Эркина девушка, заглядывавшая к ним в класс. – Будете брать комплект?

Прикинув, сколько у него с собой денег, Эркин кивнул. Полный комплект взял и Тим.

– Вы весь день здесь будете? – спросил Эркин, подравнивая ладонью стопку.

– Ну да, – кивнула девушка. – Будет же ещё и вторая смена.

Эркин успокоился: на два комплекта ему не хватает, а так Андрей себе свой купит.

На столах были, кроме учебников, ещё книги, тетради, линейки, ручки, карандаши, всякие нужные в учёбе мелочи... Но тетради у Эркина были, мелочёвки всякой Андрей ещё раньше накупил, оба ящика в письменном столе забиты, так что... и так набрал.

Они еле успели вернуться в свой класс и перебрать покупку, отыскивая нужные для урока учебники, как прозвенел звонок.

Полина Степановна удовлетворённо кивнула, увидев на их столах стопки книг.

– Ну и отлично. Откройте седьмую страницу. Первое упражнение.

Эркин аккуратно разгладил ладонью тетрадный разворот и взял ручку. Всё, теперь всё побоку, пошла работа всерьёз.

Россия

Царьград

Как он и планировал, проснулся Бурлаков к полудню. Вернее, проснулся он гораздо раньше, но до полудня валялся в постели, читая, почитывая и просматривая сваленные вечером на тумбочке и полу книги, журналы и газеты. Потом решил, что всё-таки пора вставать. Ещё с час пошлялся по квартире во всяких домашних мелочах и хлопотах. Потом побежал в Комитет, и вот тут всё и началось. Там только зайди, и сразу навалятся дела и проблемы, которые без тебя, ну, никак и никогда. В Университет вырвался только вечером, хорошо ещё, что кафедра заседает в другой день. Он ещё пытался противостоять столичной суете, но Царьград ничьих резонов не признаёт, ему и кровь что вода, словом... словом, к себе он вернулся уже в темноте. Поужинал остатком Машиного пирога с чаем и сел в кабинете разбирать почту.

Письма не отсортированы, даже не подобраны по датам на штампах. Бурлаков улыбнулся: Маша хотела показать, что не вмешивается в его дела, письма-то лично ему, председателю пишут в Комитет. Он смотрел на эту грудку и хотел одного: сгрести её и сжечь. Вот только где? Камина или печки

нет, прямо на полу, скажем, в тазу в ванной или во дворе... во зрелище будет! Интересно, откуда раньше приедут по вызову соседей: из милиции или психушки?

Под эти мысли он брал письмо за письмом, смотрел обратный адрес, вскрывал конверт, быстро проскальзывал глазами по тексту и швырял. В лоток к ответу, хотя хотелось в корзину под стол. Отвечать неохота, но надо. Эти люди никак не виноваты в том, что ни один конверт не подписан Бурлаковым или Бурлаковой. Нет больше Бурлаковых. Он знал это и раньше, но справка из Центророзыска поставила точку. Как нет и Академической Деревни – квартала профессорских домов и особнячков, чуть ли не ровесников Университета, набитых старой мебелью и старинными книгами, где громоздились папки с рукописями, старились, превращаясь в антиквариат, вещи... как они горели в те бомбёжки. Он успел увезти Римму и детей. А потом... потом не успел. Думать об этом было нестерпимо.

Бурлаков загасил в пепельнице очередной окурочек и взял следующее письмо. От кого? Гришка? Жив?! Этот, исписанный карандашом – полевая привычка не писать чернилами, чтобы не размыло случайным дождём – тетрадный листок он прочитал уже внимательно. Сашка уцелел? Великолепно! И Тришка? Ну... неужели вся их пятёрка выжила?! Он положил листок на стол и закурил. Да, Мишка, Гришка, Сашка, Тришка и он – Гошка, вся их неразлучная пятёрка из Академической Деревни, их отцы, деды и прадеды ссорились на

Университетском Совете, собирались для преферанса или на музыкальные вечера и домашние спектакли. Тришкина мать была блестящей пианисткой, дед Сашки хорошим виолончелистом, да все в их Деревне играли, какой дом ни возьми, старая неистребимая закваска: пять языков в обязательке, музыка, рисование и независимость мышления с детства, самое страшное оскорбление – компилятор, и приговор к высшей мере – плагиатор. И старая жёлто-белая, в классическом стиле – на левой колонне парадного портика отбита штукатурка – двухэтажная школа. Обычная официально «микрорайонная», а по-бытовому «академическая» школа, парты столетней давности и новейшие приборы, «твой папа тоже гуманитарий, но арифметику никогда не прогуливал», зажатый забором сад с аккуратными делянками для опытов по ботанике и общей биологии и старым корявым дубом, о котором говорили, что он старше Царьграда и что именно под ним стоял жертвенник древних волхвов. Он долго верил в эту легенду. Дуба тоже нет, расщепило в одну из бомбёжек, а обломки сгорели в печурках уцелевших домов. Ладно. Значит, Гришка в экспедиции, вернётся через год, понесло его на Равнину, хотя... где же ещё работать этнографу, там сейчас самое поле, непаханое. И Сашка-Камнегряз, геолог – там же. О Мишке не знают, ладно, напишу им о Вояке, что, дескать, жив и... и больше ничего не надо, сами поймут. Тришка... стоп-стоп, Тришка в Царьграде, а это что за идиотство? «Зайди к нему в Монастырь». Монастырей в Царь-

граде всегда хватало, в иные времена и с явным избытком, но без названия, просто Монастырём всегда был один – старейший, резиденция первых митрополитов, а потом патриархов, пока не был выстроен Спасов, уже который век патриаршая резиденция, а Монастырь остался местом для думающих о Боге, а не о власти. Интересно, значит, Тришка всё-таки ушёл туда, хотя... куда же ещё мог попасть Богомол.

Гришкино письмо Бурлаков положил отдельно, в старую кожаную папку. Такая же была у деда и тоже для личной переписки, он потому и купил её у старьевщика, что похожа, очень похожа.

Опять письма от прошедших через их лагеря, благодарят, рассказывают об успехах, зовут в гости. Ответить надо, конечно, не за что обижать их молчанием.

А это? Чёткий красивый почерк, каждая буква отдельно, как в монастырских летописях, тамошние хронисты так и не признали новомодной – всего-то шестьсот лет, как появилась – скорописи и упрямо ведут свои записи так же, как и тысячу лет назад, только чуть-чуть изменив лексику. Но этот почерк не монастырский, скорее, да, чертёжный. Обратный адрес... Загорье? А! Вспомнил. Ну, у какой гадалки она на этот раз побывала?

«Уважаемый Игорь Александрович! У нас большая радость...» Ну-ну, и что там у них стряслось? «...приехал Андрей, живой и здоровый...» Какой Андрей? Её родственник, что ли? Рад за них, но он-то здесь с какого бока? «...

оказывается, его только ранили. Его подобрали, спрятали от погромщиков и вылечили. Он долго болел, виза оказалась просроченной, и Андрюша два месяца заново ждал...» Андрей... то же имя, нет, это совпадение, только случайное совпадение, распространённое имя, мало ли тёзок, однофамильцев... «Андрюша устроился на работу в автокомбинате, пока рабочим, но будет учиться на шофёра. Эркин Вам рассказывал, что Андрюша всегда хотел быть шофёром. И будет ходить в школу для взрослых вместе с Эркином...» Нет, нет, не может быть, мёртвые не воскресают.

Бурлаков рывком, оттолкнувшись от стола, встал и пошёл на кухню. Кофе? К чёрту кофе! Чаю, крепкого, до черноты, профессорского чифирия, и плевать, что сердце зайдётся, сейчас выпьет и перечитает уже спокойно. А пока не успокоится, из кухни ни ногой. Загорье... прямого сообщения нет. Чёрт, поездом до Ижорска как тогда и там на «зяблике», ещё расписание дурацкое, он помнит, ладно, позвонит в Центральную справочную, и ему подберут маршрут. А письмо... чёрт, он же его так там на столе и оставил...

На чайнике задрезжалась крышка, и Бурлаков быстро, будто каждая секунда была решающей, заварил себе в большой пол-литровой кружке чай и пошёл в кабинет.

Письмо никуда не делось, по-прежнему лежало на том же месте, где он его и оставил.

Бурлаков сел к столу, отхлебнул обжигающе горячей горькой черноты и взял листок. Ну, а теперь спокойно, строчку

за строчкой, не пропуская слов, это не статья на рецензию, тут надо внимательно.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Как ни хотелось Ларри самому проводить Марка и Рут первого сентября в школу, но работа есть работа. И единственное, что он себе позволил, это пойти на работу на полчаса позже, чтобы позавтракать с детьми и Эстер и вместе выйти из дома. С завтрашнего дня начнут работать школьные автобусы, но сегодня – не простой день.

На выходе из Цветного они остановились. Ларри оглядел детей и улыбнулся им.

– Учись как следует. Марк, присмотри за Рут.

– Да, папа, удачи тебе.

– И вам удачи. Счастливо.

Целовать их на улице он не стал, и с Эстер попрощался кивком.

Они ещё немного постояли, глядя ему вслед и пошли в

школу.

По дороге в салон Ларри прикинул, как он компенсирует эти полчаса, ведь его работу за него никто не сделает.

Ещё входя в салон, он услышал, как надывается телефон в кабинете. Но так рано звонить некому. Эстер? Что-то случилось с детьми?! Ларри бросил портфель на диван и в два шага оказался у стола.

– Алло?

– Ларри, ты?

Ларри узнал голос Фредди и перевёл дыхание.

– Да, сэр. Доброе утро, сэр.

Ему хотелось спросить, что понадобилось Фредди, хотя, судя по голосу, ничего особо страшного не случилось, но он, разумеется, не позволил себе этого. А дальнейшие слова Фредди изумили его до немоты.

– Поздравляю тебя, Ларри.

– Сп-пасибо, сэр, – Ларри осторожно кашлянул, прочищая горло. – Но...

– С чем именно? – понял его затруднение Фредди. – С первым сентября, конечно. Отвёл детей?

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– Ну, счастливо всем. Эстер привет.

– Благодарю вас, сэр. Я обязательно передам ей, сэр.

– До встречи, Ларри.

– Да, сэр. До свидания, сэр.

Услышав гудки, Ларри нажал на рычаг и позвонил в по-

лицию доложить Крафтону, что он в магазине и что всё в порядке, убрал портфель и начал обычный рабочий день.

Возле школы, как и в день экзаменов, толпилось множество людей. Но сегодня родители оставались за оградой, а в школьном дворе стояли учителя, собирая свои классы.

– Мам, вон мой класс, – показала Рут.

– Не показывай пальцем, некрасиво, – остановила её Эстер. – Я вижу. Марк, а ты?

– Да. Вон, мама, мистер Кроуфорд, он в синем костюме.

– Да-да, вижу. Ну, – Эстер невольно вздохнула. – Ну, дети, счастливо. Ведите себя хорошо.

– Конечно, мама, – Марк взял Рут за руку. – Идём, я тебя отведу.

Он помог сестре перелезть через низкую каменную ограду, отделявшую школьный двор от улицы, и они пошли по газону к немолодой с сильной проседью в чёрных прямых волосах женщине, рядом с которой красовалась табличка с крупно выведенным «1 А».

– Добрый день, миссис МакКензи, – храбро поздоровалась Рут. – Я была Рут Чалмерс, а теперь я Левине, а это мой брат, Марк, он в третьем «Б».

– Здравствуйте, – вежливо склонил голову Марк.

– Здравствуйте, – улыбнулась им МакКензи. – Молодцы, что пришли, – она быстро отметила что-то в своём листке. – Оставайся здесь, Рут.

Марк понял, что его миссия закончена, поклонился ещё раз и побежал к своему классу.

В руках Сиднея Кроуфорда трепетал на ветру такой же листок – список их класса – понял Марк. Учитель тоже похвалил Марка, что пришёл. К удивлению Марка, ему не пришлось представляться. Оказывается, его помнили!

Стоя вместе с другими родителями за оградой, Эстер смотрела, как полнится двор, вон первые классы повели в школу. Она помахала Рут, но та была занята разговором с другой девочкой и не обернулась. А Марк увидел и помахал в ответ.

Вторые классы... третьи... В дверях Марк обернулся ещё раз... Эстер достала из сумочки платочек и аккуратно промокнула глаза. При детях она держалась, а сейчас...

– Оу! Это ты, Чалмерс?! Вот здорово!

Эстер вздрогнула и обернулась.

– Майер?

С Сюзи Майер она когда-то вместе работала. Сюзи была подчёркнуто корректна, но на столь же демонстративной дистанции и так блюла свою «белизну», что Эстер всегда подозревала некие нелады с происхождением у соседки по бухгалтерии. Но сейчас это всё уже не имеет значения. Эстер улыбнулась, соглашаясь на предложенный приятельский, почти дружеский тон.

– О, рада тебя видеть. Как ты?

– О, всё великолепно, – Сюзи улыбнулась несколько сму-

щённо. – Привела своего, во второй класс. А... ты?

– Тоже, и даже двоих, – и, увидев изумление Сюзи, рассмеялась. – Я вышла замуж. Вторично. И теперь у меня двое детей.

– Ты... разошлась с... Эдом, кажется?

– Эд погиб, – вздохнула Эстер. – Перед самой капитуляцией.

– О да, извини, – Сюзи облизнула губы. – Как ты смотришь на идею чашки кофе?

– Вполне положительно, – улыbnулась Эстер. – Кстати, здесь недалеко очень симпатичное кафе-мороженое.

– Ну, конечно, – Сюзи снова облизнула губы. – Кстати, я видела твою фамилию в списке школьного Совета.

Эстер всё поняла, но продолжила разговор в прежнем тоне.

– Да, понимаешь, они просто не внесли, что я теперь Левине.

– Оу! – это восклицание и раньше заменяло Сюзи множество слов и выражений.

Но Эстер чувствовала, что Сюзи только изображает удивление и явно знает гораздо больше. Ну, что ж, ей нечего ни скрывать, ни стыдиться. Летний костюмчик от Колетт сидит безукоризненно, туфли и сумочка выдержаны в стиле и хоть не от Монро, но ей это и незачем, в ушах скромно изысканные серёжки с крохотными чистыми бриллиантами – подарок Ларри на день рождения – под кольцо, мани-

кюр и помада сдержанно розовые, причёска скромная, но тщательная, нет, она вполне на уровне. Сюзи смотрится даже несколько вульгарно, но особым вкусом та и раньше не отличалась.

Болтая о всяких пустяках вроде погоды и политики, они дошли до кафе и заняли угловой столик на двоих в саду. Мороженое, бисквиты, кофе... всё, как принято и как положено. Раньше она не могла себе такое позволить, но теперь... теперь совсем другое дело.

– И где вы познакомились?

Любопытство Сюзи было настолько искренним и по-женски понятным, что Эстер ответила так же искренне.

– На заседании школьного Совета. Представляешь?

– Как неромантично! – фыркнула Сюзи. – И кто он? Ну, чем занимается?

– Он ювелир, – спокойно ответила Эстер. – У него салон на Маркет-стрит.

– Салон Левине?! Но... я слышала, так тот высокий... – она на секунду запнулась.

– Негр, – с вежливой ехидцей подсказала Эстер. – Да, это он. Ты заходила в салон?

– Только посмотреть, – вздохнула Сюзи.

Эстер понимающе кивнула. Ах, как ей это знакомо.

– Как ты решилась? – после недолгого молчания тихо спросила Сюзи.

Эстер поняла вопрос.

– Он очень хороший человек.

– Но... но ты теперь навсегда... в Цветном.

Эстер улыбнулась.

– С ним, где угодно.

– Даже так?! – ахнула Сюзи.

– Да. И потом... теперь всё по-другому. У нас свой дом на Новой улице, – и улыбнулась мгновенной гримаске зависти, мелькнувшей на лице Сюзи. – А как твои дела?

Сюзи заставила себя улыбнуться.

– Так же. Работаю и ращу сына. Мой муж... словом, Джек и Робби не слишком ладят.

– А... отец Робби?

Сюзи неожиданно твёрдо посмотрела ей в глаза.

– Он поклялся, что исчезнет из нашей жизни, чтобы... не помешать, нет, не навредить Робби и мне. И он сдержал слово. К счастью, Робби похож на меня.

Эстер кивнула.

– Робби знает?

– Я сказала, что его... отец мёртв. Погиб, защищая Отечество. Ему этого хватило, – и кивнула невысказанному. – Пока хватило, я знаю, а когда он спросит о подробностях, к тому времени я успею всё придумать.

– Правду так и не скажешь?

– Знают двое – знают все. А пока знаю я одна, я спокойна. Ты же тоже, не всё рассказываешь своему мужу. Как и он тебе.

Эстер не стала возражать, хотя про себя вспомнила слова Дэвида, что лучшая защита от шантажа – это знание правды. Сюзи, вполне удовлетворилась этой, как она подумала, победой. Потом они поболтали уже о действительно важном: модах, всяких хозяйственных хитростях и уловках, – и расстались вполне дружески. В конце концов их дети учатся в одной школе, делить им некого и нечего, когда-то вместе работали – что ещё нужно для дружбы?!

Первый урок – ознакомительный. Сидней Кроуфорд привёл свой класс в кабинет и весело сказал:

– Рассаживайтесь.

Перебирая и перекладывая на своём столе журнал, учётные карточки и прочие бумаги, он давал им время оглядеться и сесть по местам по своему выбору. Столы двухместные, и, конечно, могут возникнуть проблемы. Ну, девочки, разумеется, вместе, это возрастное и «цвет» тут играет далеко не главную роль, а вот дальше...

Дик и Риччи уже сидели за одним столом, и, как Марк ни оглядывался, мест рядом с кем-нибудь из Цветного, даже с девчонкой, он бы и на это согласился, не было, и свободных столов, чтобы сидеть одному, тоже нет. А всё из-за его вежливости: пропускал других, не лез нахрапом, вот и остался на бобах!

– Садись сюда, – сказал Сидней, указывая на стол, где уже разместился белобрысый мальчишка, разглядывавший его в

упор настороженно злыми глазами.

Спорить с белым?! С учителем?! Но... но если он должен сидеть с белым, то... то уж лучше там...

– Прошу прощения, сэръ, я могу сесть здесь?

– Хорошо, – разрешил кивком Кроуфорд.

Марк решительно подошёл к рыжему синеглазому мальчишке, да, правильно, Нильсу, запомнившемуся по экзамену и кафе-мороженому, и сел рядом с ним. Тот покосился, но не запротестовал.

Когда все расселись, Кроуфорд открыл журнал и улыбнулся классу.

– А теперь давайте знакомиться. Меня зовут Сидней Кроуфорд, я – ваш учитель и буду заниматься с вами английским языком и литературой.

Он называл их имена и фамилии, и они поочерёдно вставали, глядя на него с такими же страхом и надеждой, опасаясь неведомого будущего.

Рассказав о школьных порядках, он повёл их в раздевалку, показал им их шкафчики и объяснил, как обращаться с цифровым замком. Убедившись, что все освоили эту технику, он отвёл их обратно в класс, раздал дневники, и все вместе под его диктовку заполнили первую страницу сведений об учащемся и записали расписание.

Как только стали писать, у Марка прошли остатки волнения. Нильс тоже заметно успокоился. Да и остальные.

Кроуфорд прошёлся по рядам, посмотрел, у кого как по-

лучилось. Некоторые – и не только цветные – ухитрились собственные фамилии написать с ошибками.

– А сейчас, – Сидней демонстративно, привлекая их внимание, посмотрел на часы над дверью, – через минуту прозвонит сигнал, и вы пойдёте на перемену, десять минут. Следующий урок будет в этом кабинете. Всё ясно?

Они закивали.

– Есть вопросы?

Секундная пауза, и поднялась рука.

– Да, сэр.

– Говори... Уотсон, – кивнул Кроуфорд.

– Мистер Кроуфорд, сэр, – встал худенький бледный мальчишка у окна. – А мы на всех уроках должны так сидеть? Ну, как здесь.

– Да, – твёрдо ответил Кроуфорд. – Месяц вы будете сидеть так. А потом, – он улыбнулся, – там посмотрим. Может, вы и не захотите пересаживаться.

Марк и Нильс переглянулись. Что ж, месяц они вытерпят.

«Мулен-Руж» не считалось варьете, но кроме обычного оркестра здесь была и концертная программа, небольшая, но хорошо продуманная и растянутая на всю ночь. Хочешь посмотреть – сиди до утра, так что и заказывай соответственно.

Столик Джонатан заказал в маленьком, похожем на театральную ложу полузальчике, открытом на низкую сцену и танцевальную площадку перед ней. Они всё видят, их, в

принципе, тоже, но за спиной глухая стена и разговора никто не услышит.

Рассеянно любуясь, изгибавшейся на сцене под невероятными углами девушкой в блестящем глухом трико под змеиную кожу, Джонатан спросил:

– Как тебе это удалось?

– Фортуна слепа, Джонни, – Фредди столь же небрежно, но внимательно оглядел зал. – У Чипа новая, видел? И опять невысокого класса. Хоть и в брюликах.

– Его всегда тянуло к дешёвым шлюхам, не отвлекайся.

– Угу. Я поехал по Страусовым точкам. Очередная в... этом захолустье, – подслушивать их вряд ли кто рискнёт, но лучше без имён и названий. – Уладил всё, подписал, договорился и пошёл пройтись. Добрёл до площади с этим обелиском. Решил выпить пива. Сижу, пью пиво и смотрю, как этот фотограф ловит клиентов, – Фредди мечтательно улыбнулся. – И увидел.

– Окликнул?

– Я не поверил увиденному, но тут они меня увидели.

– Всё ясно, – кивнул Джонатан. – Они умнее и сразу поверили.

К его удивлению, Фредди не огрызнулся, продолжая разнеженно улыбаться.

– Та-ак, – Джонатан отпил вина и присоединился к аплодисментам, провожая танцовщицу. – Так, ковбой, раскаляйся, что ещё ты там отмочил?

– Язык у тебя, лендлорд, – Фредди укоризненно покачал головой. – Где ты только воспитывался?

– У твоего костра, – не замедлил с ответом Джонатан, окончательно переходя на ковбойский говор. – Кончай выдрющиваться.

– А пошёл ты... – так же по-ковбойски ответил Фредди.

На танцевальной площадке томно переминалась с ноги на ногу пара наёмных танцоров. Джонатан быстро внимательно оглядел зал и улыбнулся.

– Ладно тебе, так что было?

– Ла-адно, – смешно передразнил его алабамский говор Фредди. – Так и быть, цитирую. Ты уж прости меня, Фредди, я дураком был.

Джонатан ахнул.

– Быть не может! Это ж... врёшь, индейцы не извиняются.

– А он извинился! – Фредди с видимым удовольствием приложился к своему бокалу. – Знаешь, мне понравилось, как он объяснил... тогдашнее.

– Цитируй, – требовательно сказал Джонатан.

Фредди кивнул.

– Слушай. Ты по одним правилам играл, а я тебя по другим судил.

– Крепко сказано, – по-ковбойски одобрил Джонатан, поднимая бокал. – За них.

– Согласен и присоединяюсь.

Выпив, они какое-то время ели молча.

– В той Системе парни сильно увязли?

– Я понял, что они в стороне.

– А тот игрок?

– Лагерное знакомство. Говорит, что просто пошли посмотреть город. Похоже, – Фредди усмехнулся, – действительно простое совпадение.

– Бывает, – согласился Джонатан. – Редко, но бывает.

– Так и решим. А так... работает грузчиком на заводе и доволен жизнью... до полного обалдения.

– Думаешь, не хочет большего?

Фредди пожал плечами.

– У каждого свой потолок, Джонни. Постоянная работа, свой дом, жена и дочка, денег хватает... Чего ещё желать?

– Денег хватает, – повторил Джонатан и усмехнулся: – Ты думаешь, это надолго?

– Такую ссуду за год не проешь, а с его аппетитом хватит не на один год и даже на десяток.

– У женщин аппетиты покруче.

– Когда не надо что-то искать на стороне, и аппетит не растёт. А у парня такая квалификация, что на сторону глядеть ей не захочется.

Джонатан улыбнулся и кивнул.

– Ну, пусть и так. А второй?

– Пока работает в цеху, но хочет шофёром.

– Это реально?

– Там для них всё реально, Джонни. Ни в одном городе

Цветного квартала не видел. Правда, и цветных... похоже, только те, кто после Хэллоуина смылся.

– Их проблемы, – отмахнулся Джонатан. – Меня это не колышет.

– Меня тем более. Что ещё... Учатся оба, сдали за начальную и теперь пойдут на трёхлетний курс на аттестат.

– Семь за три? Круче, чем в ковбойской.

– Ну, у нас там и ветеринария была, вспомни, и ещё набиралось.

Фредди улыбнулся воспоминаниям. Улыбнулся и Джонатан.

– Ну, удачи им.

– И нам тоже, – кивнул Фредди. – А с остальным... съезжу, разберусь.

– Фредди, не что он захочет рассказать, а вся, понимаешь, вся информация. Для него это мелочь, а нам наводка.

– Не учи. Двоих, я думаю, мы вычислили, нужен третий или связка.

Джонатан задумчиво пригубил вина.

– А если тоже... совпадение?

Фредди пожал плечами.

– Всегда лучше пере-, чем недо-.

– Тогда чего ждём?

– Займись, Джонни, – ласково сказал Фредди.

– В принципе уже, но чтоб тыл не открыть.

– Для того и поеду, – кивнул Фредди.

На сцене опять танцевали. Зал полон, но ровно настолько, чтобы не показался тесным. Ровный гул разговоров за столиками не мешал музыке. Чуть заметно прищурившись, Джонатан оглядывал зал. Что ж, вечер удался на славу. И посидели, и всё обговорили.

– Надо дать знать, – Фредди провёл ладонью по воздуху, словно проворачивая колесо инвалидной коляски.

Джонатан понял и кивнул. Но тут же возразил:

– Не лучше ли сначала всё закончить?

– Я обещал сообщить, если первым приду к призу.

Тон Фредди исключал любые возражения.

– Пойдёшь к нему?

Помедлив, Фредди покачал головой.

– Нет, Джонни, незачем светить.

– Думаешь, он нам ещё понадобится?

– Кто знает, где конь споткнётся, – ответил по-ковбойски Фредди. – Так что надо подумать, Джонни.

– Ты с ним говорил, тебе виднее.

После трёхсекундной паузы, Фредди кивком показал на сцену.

– Смотри, Билли-Бой ещё выступает.

Там гримасничал, отпуская весьма рискованные шутки, маленький сморщенный человечек в безукоризненном смокинге, но с большим и преувеличенно ярким цветком в петлице.

– Живчик, – с одобрительной насмешкой хмыкнул Джо-

натан.

И, словно услышав, знаменитый комик посмотрел на них и подмигнул. Фредди с удовольствием рассмеялся финальной «убойной» шутке, а артист, кланяясь залу, ещё раз отдельно поклонился им. Они вместе со всеми проводили артиста аплодисментами.

– Придумал уже?

– Самое простое, Джонни, это дать денег. Чтобы он смог их открыто взять и не засветиться. Я его не покупал, мы договаривались.

Джонатан хмыкнул:

– Гробовой долг?

– Мм-м... Да, Джонни, фактически так. Но как это сделать здесь?

«Гробовой долг» – старый незыблемый обычай Аризоны, когда в дом погибшего ковбоя сходятся все, кто его знал, слышал о нём, просто оказался рядом, подходят поочерёдно к вдове и, говоря скупые слова сочувствия, заканчивают практически ритуальной фразой: «Я там одалживался у него, вот привёз долг, чтоб между нами счётов не было», – и из кармана без раздумий и счёта вытаскивается горсть купюр или мелочи – это у кого что по карманам водится – и отдаётся вдове. И та принимает так же, не считая и не заглядывая в лицо сказавшего.

– Анонимное пожертвование, – пробормотал Джонатан. – Без адреса, чтобы не засветить.

– Но, и чтобы дошло.

– Я сказал, не учи. Ладно, проверю один нюанс. Таких ведь немного. Он догадается?

– Не дурак же. А подходящий фонд есть?

– Точно, Фредди. Но я проверю.

– Проверь, – милостиво разрешил Фредди.

Джонатан рассмеялся.

Было уже сильно за полночь, но веселье не ослабевало. Здесь собрались те, кому давно без разницы, какое время суток за стенами.

Россия

Ижорский Пояс

Утро второго сентября было ясным и уже по-осеннему холодным. Ему даже показалось, что трава в тени подёрнута инеем. Бурлаков поднял воротник плаща и пошёл за проводницей через поле к самолёту. Кто бы мог подумать, что самым коротким, нет, быстрым, окажется кружной путь на трёх самолётах, но на поезде он добирался бы вдвое, если не втрое дольше, прямого самолётного рейса из Царьграда на Сосняки просто нет, и... Ладно, будем надеяться, что он не обгонит собственную телеграмму.

Самолёт маленький, на пять пассажиров, не больше. Бураков сел на указанное место, пристроив в ногах портфель. Ну вот, теперь осталось два перелёта, а между ними два часа на автобусе, а от Сосняков до Загорья он доберётся на такси. К семи вечера он будет на месте. Цветочная улица, дом тридцать один, квартира семьдесят семь. Увидит его...

Сосед о чём-то спросил его, он ответил, даже не заметив этого.

Хорошо, что успел позвонить в Комитет, что уезжает и будет через два дня. И попросил передать в Университет. Удивились, конечно, но ни о чём не спросили: выучка подполья – не задавать вопросов. Он потому и звонил туда. Чтобы ничего не объяснять и не рассказывать. Да и что он объяснит? Ведь может оказаться и ошибкой, случайным совпадением. А фотографии... случайное сходство. Индеец так и говорил, что Серёжа ничего не помнит, а может... и вправду – Андрей, просто уцелевший лагерник, тогда... Защемило сердце, предупреждая, что так думать не надо... Нет, он должен иметь в запасе и это. Надейся на лучшее, но готовься к худшему. Что может быть худшим? Его не обманывали, он сам... желал обмануться. Слишком невероятно такое стечение обстоятельств, такая удача... памятник в Джексонвилле, слова священника, рассказы индейца... он так хотел верить, что это Серёжа... спальню надо будет переделать в детскую, а он перейдёт в кабинет... стоп, опомнись, какая детская, Серёжа уже взрослый, ему... да, двадцать один год, как

раз неделю назад исполнилось, тем более, мальчику нужна своя комната... школа, работа... с работой в Царьграде будут сложности, квалификации у мальчика никакой, но это решаемо, полно курсов для демобилизованных, повышения квалификации, переквалификации... через Комитет элементарно...

Самолёт трянуло ещё раз, послышалось недовольно-испуганное ворчание остальных пассажиров. Бурлаков на это не обратил внимания, а тряски он даже не заметил.

Загорье

Сразу после смены Андрей пошёл смотреть квартиру.

Как и «Беженский Корабль» «Холостяжник» стоял на окраине Нового города, но, с другой стороны. Деревья, пока строили, вокруг вырубил, а, может, их и вовсе тут не было, но сдвоенная старая берёза уцелела, и, подходя к дому, Андрей уже прикидывал, что стол для душевных бесед и домино – нового поветрия в Загорье – лучше ставить именно там. А, может, и беседку, чтобы дождь не мешал.

Коменданта искать не пришлось. Крепкий мужик в полувойском, похожий на Ванина, только руки-ноги целы – как их скажи, штампуют где-то – стоял у подъезда, разговаривая с молодой парой. «Не иначе, соседи», – с удовольствием подумал Андрей, доставая из кармана смотровой ордер – голубую бумажку-талон с номером квартиры и печатью Комите-

та.

– Здравсьте, – весело улыбнулся он сразу всем троим.

Комендант кивнул, продолжая говорить:

– В Управу идите, у неё полдома, а половина у Комитета. Моё дело – принять и показать. Ну, и оформить, если согласны, а сам я не решаю, не я хозяин.

– Спасибо, – вздохнула женщина. – Но... но вы хоть знаете, есть ещё квартиры?

– Есть, – кивнул комендант. – Идите в Управу, – и, считая разговор оконченным, повернулся к Андрею. – Давай ордер.

– Пожалуйста.

Бросив короткий взгляд на ордер, комендант спросил:

– На шестой пойдёшь?

– А что, – очень спокойно ответил вопросом Андрей, – эта уже занята?

По номеру, как он сразу просчитал, его квартира могла быть не выше четвёртого этажа. Что на шестой этаж охотников мало, он ещё в Комитете услышал. В принципе его высота не смущала, но если другие не хотят, то чего он туда полезет?

– Да нет, – комендант внимательно оглядел его. – На последнем квартплата ниже.

– Интересно, – хмыкнул Андрей. – Но сначала эту посмотрим.

– Ладно, – не стал спорить комендант. – Пошли.

Парень от Комитета, значит, с ссудой, и одет хоть куда,

так что этим его не прельстить, а о будущем думать – молод ещё, копить позже начинают. Когда ума прибавится.

Квартира, как и рассчитывал Андрей, была на четвёртом этаже. Двадцать третий номер. Комендант открыл дверь, и они вошли в солнечную гулкую тишину пустой квартиры.

Андрей оглядывался с таким замороженным видом, что комендант рассмеялся.

– Ясно, парень. Берёшь.

– А? – очнулся Андрей. – Да, конечно, спасибо.

– Ладно, пойду за документами, осмотрись пока.

Андрей молча кивнул.

Когда за комендантом закрылась дверь, Андрей потрянул головой и даже протёр глаза, будто просыпаясь. Неужели это его, в самом деле, его квартира, его дом? Да, Эркин – его брат, Женя и Алиска – его семья, но у человека должен быть свой, только свой дом. Вот эта комната, просторная, светлая, с жёлтым паркетом и весёлыми обоями, на двери, косяках и оконной раме блестит белая краска... Андрей подошёл к окну. Лоджии нет, а вид из окна хороший, и видно-то как далеко. Нет, не надо ему другого. Не гонись за лучшим – хорошее упустишь.

К возвращению коменданта Андрей уже обошёл и осмотрел всю квартиру, проверил краны в ванной и на кухне. Он подписал все бумаги, расписался в книге учёта и получил связку ключей от двери, газовый ключ от плиты и книжку квартплаты.

– Плата с сегодняшнего дня пойдёт.

– Понял, – тряхнул шевелюрой Андрей. – Как платить?

– До пятого числа за прошедший месяц.

– Ясенько. Вам платить?

– Мне. Можешь прямо в банке, а мне квитанцию сдавать.

– Обойдусь без банка, – отмахнулся Андрей. – Думаю, в воскресенье новоселье делать.

– Это уж твоё дело, когда переедешь.

Комендант попрощался, и Андрей остался полноправным хозяином своего дома. Он вышел на кухонную лоджию, осмотрелся. Здесь он тоже... и тут же решил: нет, не будет спешить. Впереди осень и зима, особо ему лоджия не понадобится. Так, только ящик для ледника поставить, не больше. Андрей вернулся в кухню, тщательно закрыв за собой дверь на все три задвижки.

Он ещё походил по квартире, проверил, как работают конфорки у плиты, прикинул, где что поставит и сделает. Завтра школа, так что за всеми покупками в пятницу и в субботу после школы. Ладно. Спешить ему некуда, вся жизнь впереди. Он разобрал ключи. Пару Эркину, пару Жене, пару на свой брелок. Надо будет ещё один комплект сделать, чтобы был запасной. Сам он, пожалуй, не справится, ладно, и это успеется.

Уходя, он тщательно закрыл оба замка и, перепрыгивая через ступеньки, побежал вниз по лестнице. Он ещё в школу за Алиской успеет.

После работы Женя пошла за Алисой. Андрей хоть и предложил свои услуги, но, во-первых, ему надо идти посмотреть свою квартиру, а во-вторых, он наверняка начнёт закармливать девчонку мороженым и шоколадом, или ещё что-нибудь придумает. Честное слово, иногда он не то что не старше, а младше Алиски. Она так и сказала ему вчера за ужином. А он только смеётся.

Уже подходя к школе, Женя увидела Андрея. Алиса, уже в курточке и с рюкзачком, нетерпеливо подпрыгивала на месте, держась за его руку, а он, почтительно склонив голову, слушал Нину Викторовну.

Первой увидела Женю Алиса. Она вырвала руку и с радостным криком: «Мама!», – побежала к ней. Женя с ходу поправила воротник её курточки и подошла к Нине Викторовне.

– Здравствуйте, как Алиса?

– Женя, всё в порядке, я по дороге расскажу, – не дал учительнице ответить Андрей. – Спасибо большое, Ника Викторовна, не смеем вас задерживать...

Женя строго посмотрела на него, и Андрей замолчал.

– Что-то случилось?

– Нет, – улыбнулась Нина Викторовна, – ничего страшного, – и посмотрела на Алису. – Ты ведь сама всё расскажешь маме?

– Ага, – вздохнула Алиса. – По дороге, можно, Нина Вик-

торовна?

– Можно, – кивнула учительница. – Ты ведь умная девочка и сама всё понимаешь.

Они попрощались, Андрей забрал у Жени сумку с продуктами, Женя взяла Алису за руку, и они пошли домой.

– Второй день в школе, – сокрушённо начала Женя, – и уже... Что ты натворила?

– Ничего такого, – сразу ответила Алиса. – Ну, наподдала одному, и всё.

– Алиса!

– За дело наподдала? – поинтересовался Андрей.

– А то! – гордо ответила Алиса. – Будет помнить!

– Тогда ничего, – кивнул Андрей.

– Андрюша! – возмутилась Женя. – Как не стыдно, чему ты её учишь?

– А чего меня учить, я сама всё знаю, – заявила Алиса и заторопилась, увидев мамино лицо. – Ну, мам, я всё поняла, я в школе больше драться не буду. Он всё равно дурак.

– А на дурака нечего и внимания обращать, – очень серьёзным тоном, но, ухмыляясь, сказал Андрей.

– Алиса, – вздохнула Женя, – неужели ты не можешь вести себя хорошо?

– А чего он нас дикарями и тараканами обзывает? Будет обзываться, мы ему ещё наподдадим.

Женя с Андреем переглянулись, и оба сразу решили, что на этом разбор происшествия надо закончить.

– Больше не дерись, – всё же сказала Женя.

– Не буду, – охотно согласилась Алиса.

Она уже завладела рукой Андрея и выглядывала впереди лужу, чтобы, поджав ноги, пролететь над ней. Но улица, как назло, чистая.

У дома Женя решила зайти ещё к Мане и Нюре купить на утро молока и хлеба.

– Вы идите, я сейчас.

Понимая, что на конфеты рассчитывать нечего, Алиса согласилась. И тут их окликнул комендант:

– Морозы, за почтой зайдите.

– Да, Андрюша, сходи, возьми, – сразу улыбнулась Женя, забирая у него сумку. – От девочек, наверное.

Андрей пошёл к коменданту, и Алиса побежала следом за ним.

Сделав все покупки, Женя вышла из магазина, уверенная, что Андрей с Алисой уже дома, но они стояли у подъезда. Хмурый Андрей разглядывал какую-то бумажку, а сразу притихшая и посерьёзневшая Алиса стояла рядом и смотрела на него.

– Что случилось? – подбежала к ним Женя.

– Пока ничего, – Андрей забрал у неё сумку и отдал бумагу.

Это была телеграмма. Женя прочитала, как-то не поняла и потому перечитала короткий текст: «БЫЛ ДЛИТЕЛЬНОЙ КОМАНДИРОВКЕ НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЮ БУРЛА-

КОВ». Но... но как же это?

– Андрюша...

– Пошли, – хмуро и непривычно серьёзно сказал Андрей. – Дома поговорим.

Вокруг сновали люди, и Женя согласилась. Да, о таком лучше дома. И не сразу. Сначала поесть, убрать и... и надо обязательно дождаться Эркина.

Поэтому дома закипел обычный домашний водоворот. Но Андрей был серьёзен, не балагурил, не дразнил Алису и ел, явно не замечая вкуса. Алисе никто не делал замечаний, и даже не заметили, что она суп ела без хлеба. Потрясённая таким оборотом дела, Алиса не стала после обеда проситься ни в коридор, ни тем более на улицу, а ушла к себе в комнату и села читать заданное на завтра стихотворение, хотя выучила уже его в школе на самоподготовке после прогулки и обеда.

Женя мыла посуду, а Андрей сидел за столом, в который раз перечитывая телеграмму.

– Ну, Андрюша, как же так?

– А вот так, Женя. Чёрт, и слинять некуда.

– Ты что?! Он же твой отец!

Андрей скомкал телеграмму.

– На фиг! Не нужен я ему. А он мне – тем более!

– Так нельзя.

– Так есть! Я ж... ладно, где он был? А? Смотри, май, июнь, июль, август, – Андрей загибал пальцы, – четыре меся-

ца, а, это ж... это сто двадцать дней, и где он был? Таких командировок не бывает. Знаю я эти... командировки. Думал он, видите ли, решал. Профессор он, видите ли, председатель... – Андрей явно, чуть ли не демонстративно через слово проглатывал ругательства. – А я кто? Блатарь, недобиток, работяга в цеху, принеси-подай-пошёл вон. На что я ему? Сама подумай, Женя. Четыре месяца ждал он, чего ждал? А теперь с чего-то приехать решил.

Женя расставила вымытую и вытертую посуду, вытерла стол и застелила его скатертью, поставила вазочку с цветами.

– Вот так. Пусть будет красиво. Успокойся, Андрюша.

– Да я спокоен, – Андрей разжал кулак и бросил на стол бумажный комок, разгладил его. – Да нет, Женя. Обидно, конечно. Вот мама бы нашлась, или сестрёнки, – он быстро посмотрел на Женю и невесело улыбнулся. – Что, не говорил тебе Эркин? – и кивнул, не дожидаясь ответа. – Не говорил. Умеет молчать братик. У меня же две сестры было. Аня, старше меня, и Милочка, младшенькая. У нас по три года разницы. Аня ещё до войны родилась. Мы тогда в Царьграде жили, мама рассказывала. Погибли они, Женя, все трое, и мама, и девчонки, замордовали их на допросах. Я один остался.

– Андрюша, ты не один.

Он зло мотнул головой, но Женя села напротив, взяла его за руки и повторила:

– Ты не один. Мы же вместе.

– Да, – он заставил себя улыбнуться. – Да, у меня есть брат, невестка, племянница. И больше мне никто не нужен, Женя.

Женя кивнула, но возразила:

– Он твой отец.

– Ну, – Андрей вдруг ухмыльнулся. – А вот это ему ещё надо доказать. Вот пусть... Игорь Александрович Бурлаков и докажет, что я, Андрей Фёдорович Мороз – его сын. А то разлетелся... пусть докажет.

Женя покачала головой.

– Ладно, – Андрей мягко высвободил руки. – От Царьграда до нас за день не доберёшься, и даже за два. Дождёмся Эркина и чего-нибудь придумаем. Брат у меня старший, умный. Не бойсь, Женя, всё будет нормально.

Женя вздохнула.

– Хорошо, Андрюша. Конечно, дождёмся Эркина.

– Я к себе пойду, – встал Андрей. – У меня там уроки, то да сё.

– Ой, – спохватилась Женя. – А квартира?

– Потом, – отмахнулся Андрей.

Ему было уже не до квартиры. У себя в комнате Андрей задёрнул шторы, отгораживаясь от всего, включил настольную лампу и разложил учебники. Завтра этих уроков нет, а по тем ещё ничего задать не успели, но надо же себя чем-то занять.

Убрав в кухне, Женя разгладила скомканную Андреем те-

леграмму и, оставив её на столе, пошла к Алисе. Что бы ни было у них, у Алисы жизнь должна продолжаться как обычно.

Уроки Алиса сделала ещё в школе, и Женя только проверила их, потом они вместе собрали и подготовили всё на завтра. Потом поужинали. Андрей ел быстро, молча и сразу ушёл опять к себе.

– Мам, а Андрюха уроки делает?

– Да.

– А чего он такой? Он двойку получил?

– Нет, – улыбнулась Женя.

– А чего тогда?

Женя вздохнула.

– Я тебе потом объясню.

Алиса на секунду задумалась.

– Ладно.

Они сидели на кровати Алисы, в комнате было уже совсем сумеречно, почти темно. Женя хотела встать включить свет и задёрнуть шторы, но Алиса удержала её.

– Мам, давай ты мне расскажешь что-нибудь.

– Ладно, – согласилась Женя, – расскажу, а потом сразу спать.

– Ага, – Алиса подлезла под её руку и привалилась к её боку. – Про Русалочку, ага?

Женя тихо засмеялась и начала рассказывать.

Вылет задержали, и в Сосняках Бурлаков оказался позже, чем рассчитывал, и последний автобус на Загорье уже ушёл. Но он и не собирался ехать на автобусе.

На стоянке междугороднего такси стояла всего одна машина. Услышав про Загорье, водитель присвистнул.

– Не ближний свет. И когда там будем, обратно ж порожняком пилить придётся.

– Оплачиваю оба конца, – твёрдо ответил Бурлаков. – И обратно как хочешь, а туда побыстрее.

– Двадцать пять, и к самому дому доставлю.

– Идёт.

Обычно он садился рядом с водителем, чтобы заодно и поговорить: ведь никогда заранее неизвестно, чем обернётся такая встреча и разговор, но сегодня сел сзади: говорить не хотелось. Водитель, немолодой уже, в гимнастёрке под шофёрской курткой, видимо, понял это и, уточнив адрес – Цветочная улица, тридцать первый дом – потом уже всю дорогу молчал и даже радио – машина была новомодная, со встроенным радиоприёмником – сделал чуть слышным.

Покачиваясь на мягкоупругом сиденье – шоссе больше походило на хорошо укатанный просёлок – Бурлаков думал о своём. Сейчас сразу к Морозам, время позднее, так что должны быть дома. Поблагодарить, узнать адрес Серёжи. А если он на работе? Сразу туда, а если... нет, сколько можно эти «если» перебирать. Ах чёрт, ну почему так нелепо получилось, четыре месяца письмо ждало его, валялось в никому

не нужной груди конвертов. Сердце-вещун... чепуха, ничего не вещает сердце. Серёжа хочет быть шофёром... Ну, это мальчишеское, это пройдёт. Конечно, водить машину надо уметь, и все Бурлаковы были «рукастыми». Человек должен всё уметь. И знать. Всё о немногом и немного обо всём. Школа... мальчику надо учиться. Вечерняя школа... ладно, что-нибудь придумаем.

Стемнело, и водитель включил фары. Ехали быстро, но Бурлакову мучительно хотелось поторопить. Но и сказать ничего не мог.

Господи, если ты есть, если бы я верил в тебя, господи... бледное лицо Риммы с закушенными губами... белоголовый мальчик в трогательно-полосатой пижамке спит, зарывшись в подушку... Милочка в обнимку со своим мишкой... Анечка... он зашёл к ним, постоял над каждым. Ни один не проснулся.

– Береги детей, Римма.

Нет, он не сказал этого. Вслух не сказал. Но подумал. И Римма услышала и ответила.

– Я постараюсь.

Тоже про себя сказала. Но он услышал. В прихожей они обнялись, Римма поправила ему шарф.

– Будь осторожен.

– Со мной всё будет в порядке.

Да, с ним всё обошлось. А они... Господи, сделай так, чтобы это оказалось правдой, чтобы его встретил Серёжа, ми-

лый, ласковый и весёлый мальчик...

Освещённые улицы города возникли внезапно. Машина и раньше проносилась сквозь какие-то маленькие городки, но сейчас водитель, не оборачиваясь, сказал:

– Загорье, – и уточнил: – Цветочная?

– Да, – вздрогнул Бурлаков. – Тридцать один.

Цветочную улицу нашли быстро, но она закончилась на девятнадцатом номере. Дальше проезд загораживала тёмная сверху и полосатая внизу от белых стволов берёзовая роща.

– Вот чёрт! – выругался водитель. – В объезд придётся.

– Нет, – решил Бурлаков, достал и протянул ему деньги. – Я дойду. Спасибо.

Водитель, принимая деньги, внимательно посмотрел на него.

– Подождать?

– Нет, не надо. Спасибо.

Бурлаков вышел из машины и захлопнул дверцу. Прежде, чем развернуться и уехать, водитель пожелал ему удачи. Но он не услышал.

В роще было светлее, чем казалось снаружи. Во всяком случае тропинку он различал. А когда он вышел к оврагу, сияющие окна и фонари на той стороне показались нестерпимо яркими.

Как он шёл зимой? Вроде с другой стороны, но это неважно. Вон и ступеньки, и лёгкий, даже не мостик, а переход, оставляющий воду открытой, без перил, но устойчивый. Ну

вот, вот и... какой подъезд? Помнится, да, левое крыло, тогда вот этот.

На лестнице кто-то с ним поздоровался. Он ответил, даже не поняв, кто это. Длинный коридор с множеством дверей. Вот и семьдесят седьмая. Тот же коврик в красно-зелёную клетку.

Бурлаков перевёл дыхание и нажал кнопку, белую пуговку на чёрном кружке. За дверью залилась трель звонка, потом послышались шаги и молодой мужской голос сказал:

– Я открою. Кого это принесло?

Щёлкнул замок.

Андрей старался сосредоточиться, но в голову лезло совсем другое, абсолютно не относящееся ни к русской грамматике, ни к физике. Нет, так он только ошибок насаждает. Андрей достал учебники на завтра. Математика... брать алгебру или геометрию? Или оба сразу? Ладно, тяжесть невелика, так что оба, и две тетради тогда. Историй тоже две. История России и Мировая. Наверное, мировую, всё-таки мир древнее России, а начинать надо с древнейшего, старшие всегда впереди, и за пайком, и к стенке. И литература. По литературе тетрадь точно в линейку, а по истории? Схемы, таблицы – он ещё вчера на перемене просмотрел учебник – клетка будет удобнее.

Он перекладывал книги, надписывал тетради. Ученика Мороза Андрея... чёрт, как же не вовремя эта телеграмма.

Теперь что, дома не ночевать? В облаву главное – на глаза не попасться, переждать, а своя квартира ещё не приспособлена, спать на полу и есть из пригоршни неудобно, да и не в этом дело, имя-то его там прописано, по имени через Комитет найдут его запросто, значит, что? У девок ночевать? Каждую ночь в новой постели. Чтоб не высчитали, не выслеждали, зайцем солёным бегать. Да, докатился колобок. В аккурат до лисьего носика. Ну... поплясать – попляшу, надо – так и песенку спою, а там уж не обессудьте, мной и подавиться можно.

Андрей собрал на завтра портфель и подошёл к шкафу. Книг на полке прибавилось. Потихоньку подкупал летом. Надо будет как-нибудь в воскресенье в Сосняки смотаться, там всё-таки книжный не чета Загорью. Читать что-то серьёзное он сейчас не мог, и потому взял книжку рассказов. «И смех, и грех». Рассказики на страничку, много на две, но обхохочешься. Даже Эркину понравилось.

И только лёг на диван с книгой, только начал вчитываться и даже хмыкнул в одном месте, как зазвенел звонок.

Кого ещё там принесло?!

Андрей сердито хлопнул об диван книгой и побежал в прихожую, твёрдо уверенный, что шуганёт любого... от души. Кто б там ни был, но нашёл, сволочь, время по гостям шляться!

Из ванной смутно доносился шум воды – значит, Женя моет Алису на ночь. Ну, так тем лучше. Он крикнул, что от-

кроет, и щёлкнул замком.

Несколько секунд они стояли, глядя друг на друга. И одновременно Бурлаков, снимая шляпу, шагнул вперёд и сказал:

– Здравствуйте, мне кого-нибудь из Морозов.

А Андрей, налегая на дверь, чтобы захлопнуть её перед пришельцем, огрызнулся:

– Нету такого! Вали отсюда!

Но выпихнуть Бурлакова ему не удалось. Тот оказался неожиданно сильным. Ударить его Андрей как-то не смог, и Бурлаков вошёл.

– Однако вы не гостеприимны.

– Какой есть. Вали отсюдова, понял, нет!

Бурлаков сначала растерялся, но уйти он не может, нет, что это за парень, откуда он взялся? Высокий, светловолосый, с растрёпанный шапкой кудрей, кто это? Лицо, вроде, знакомое, где-то он уже видел...

– Ну, чего лупишься? Глухой если, так я тебе уши враз прочищу!

Андрей распалял, заводил себя, но получалось плохо. И растерянное лицо Бурлакова не помогало, даже мешало.

На шум выглянула из ванной Женя. Звонка она за плеском воды и восторженными взвизгами Алисы – та обожала «шторм и бурю» в ванне – не расслышала и сначала просто увидела, что Андрей с кем-то разговаривают.

– Ой, пришёл кто? Андрюша...

Они оба обернулись к ней, и Женя узнала Бурлакова.

– Ой, Игорь Александрович, здравствуйте, Андрюша, это ж...

– Он адресом ошибся, Женя, – твёрдо ответил Андрей. – Ты иди, я с ним сам разберусь.

– Нет, как же, ты что, – Женя порывисто оглянулась. – Алиска, быстренько вылезай и вытирайся, – и зачастила: – Игорь Александрович, вы раздевайтесь, проходите, я сейчас чай поставлю, Андрюша проводи в гостиную, я мигом, Алиса, быстренько, надевай халат, ну же, Андрюша, это же Бурлаков, Игорь Александрович, ну же...

Сопротивляться её натиску было невозможно, и Андрей буркнул:

– Знаю, встречались. Ну, пошли, раз так.

И, не оглядываясь, вышел из прихожей в большую комнату.

Бурлаков, застыв на месте, смотрел ему вслед. Андрюша? Это... это и есть Андрей Мороз?! Но...

– Игорь Александрович, вы проходите, мы вас не ждали...

Женя запахнула халатик. Господи, как же неудачно получилось, он же, бог знает, что подумает, не прибрано, она в халате, Андрюша не в себе, и Эркина нет, ну... ну... ну, надо же что-то делать.

– Игорь Александрович, вы проходите, мы вам рады.

Из ванной высунулась мордашка Алисы, и, ойкнув, Женя

метнулась туда.

Бурлаков положил на вешалку шляпу, снял и повесил плащ. Он не то, чтобы успокоился, а перестал, как когда-то говорилось в цареградских переулках, вибрировать, или, если по-алабамски, трепыхаться. Что бы ни было, но сегодня, сейчас он узнает всю правду, и с недоговоренностью будет покончено, раз и навсегда. Перед зеркалом пригладил волосы, поправил галстук и прошёл в гостиную.

Андрей уже включил свет и задёргивал шторы. Услышав за спиной шаги, он резко обернулся. Смерил вошедшего насмешливо пристальным взглядом. И получил в ответ такой же внимательный, но очень серьёзный взгляд.

– Ну? – первым не выдержал Андрей. – Никак узнать нельзя, так, что ли? – а так как Бурлаков молчал, по-прежнему разглядывая его, продолжил: – Встречались, как же, как же, как сейчас помню.

– Андрюша, – в комнату вбежала уже в платье Женя, бросила на стол сложенную скатерть. – Я чай поставила, помоги.

– Я... – начал Бурлаков.

Но Андрей, отодвигая от стены стол, чтобы можно было сесть четырёх, и разворачивая хрустнувшую крахмалом белую скатерть, перебил его:

– Как же, как же, знаем, наслышаны. Бурлаков Игорь Александрович, профессор и председатель. И чего ж с такой высоты, за раз не доплюнешь, да такого туза в наше захолустье занесло? Мы люди простые, сермяжные, не по нашему

рылу честь такая. Женя, чайник кипит.

Женя настороженно посмотрела на него, но вышла. И Андрей шагнул к Бурлакову.

– Чаем, так и быть, напоим. И сваливаешь отсюда, тут же. И чтоб я тебя в жизни больше не видел. Понял?

– Нет, – твёрдо ответил Бурлаков. – Ты... ты Серёжа?

– Кто-о?! – почти искренне удивился Андрей. – Как это вы меня назвали?

– Серёжа, – уже уверенно ответил Бурлаков. – Серёжа, это же ты.

Андрей издевательски ухмыльнулся.

– Ошибочка ваша, профессор. Андрей я, Мороз Андрей Фёдорович.

Андрей шутовски тряхнул головой в полупоклоне, но глаза у него оставались злыми, и улыбка смотрелась оскалом.

Бурлаков перевёл дыхание. Руки он спрятал в карманы пиджака, чтобы парень не увидел, как у него дрожат пальцы. Он выдержит, всё выдержит, и ему же ещё тогда, зимой, говорили, что мальчик всё забыл, но это не страшно. Главное... главное – убедиться, что этот парень именно он, его Серёжа, что нет ошибки, случайного совпадения. А сейчас... успокоиться самому и успокоить парня.

– Хорошо, пусть будет Андрей.

– Не будет, а есть, – отрезал Андрей.

Он чувствовал, что сейчас сорвётся, и потому заставил себя отвернуться, выйти в свою комнату.

Бурлаков остался один. Он достал сигареты и огляделся в поисках пепельницы. Да, зимой комната была пустая, с ещё не выветрившимся запахом хвои от рождественской ёлки, а сейчас... стол и дюжина стульев вдоль стены. Зал для танцев... Зачем? Но тут же забыл об этом. Потому что в комнату вошёл, плотно прикрыв за собой дверь, Андрей. Поставил на стол, тяжело пристукнув, стеклянную пепельницу и достал из кармана сигареты. Закурив, бросил пачку на стол, предложив не словом, а жестом. Бурлаков закурил свою и свою пачку так же бросил на стол.

– Смотри-ка, – насмешливо хмыкнул Андрей. – Гордый, значит. Ну, так зачем приехал?

– Ты сам знаешь, – ответил Бурлаков.

И Андрей решил выложить заготовленное.

– Так кого ищешь? Может, – он снова усмехнулся, – я не разобрал с одного-то разу.

– Серёжу. Кого ещё мне искать? – с грустной улыбкой ответил Бурлаков.

– Нет Серёжки-Болбошки, – отрезал Андрей. – Пылью лагерной стал, – и густо покраснел, сообразив, что прокололся.

Бурлаков ошеломлённо открыл рот, но тут в комнату вошла Алиса.

– Здравсьте, – чинно начала она.

Вообще-то её уже уложили спать, но услышанное было настолько интересным, что требовало немедленного уточнения. Тем более, что открывались весьма радужные перспек-

тивы. И поэтому она вылезла из постели и отправилась на поиски истины.

– Здравствуй, – улыбнулся ей Бурлаков.

В первый момент Андрей даже обрадовался полученной передышке: надо было срочно выпутываться из западни, в которую он сам себя так опрометчиво загнал.

– А я вас помню, вы зимой приходили, – вела Алиса светскую беседу и уточнила: – С тортом.

– Верно, – Бурлаков любовался ею, румяной, беловолосой и голубоглазой, в розовой с оборочками пижамке.

Улыбался и Андрей. Чего Алиска не упустит, так это «тортовый интерес». Но следующие слова Алиски оказались настолько «не в масть», что он даже растерялся.

– Вы Игорь Александрович Бурлаков, – Алиса не хотела оставить никаких неясностей.

– Тоже верно, – кивнул Бурлаков.

– И вы Андрюхин папа.

Бурлаков схватил открытым ртом воздух, не в силах говорить, а Алиса продолжала:

– Вы же даже похожи, правда-правда. А раз вы ему папа, а он мне дядя, то мне вы дедушка. Правильно? – и сама ответила: – Всё правильно. Вот.

Бурлаков и Андрей посмотрели друг на друга и одновременно отвернулись, уставившись на Алису.

– Алиса! – в комнату влетела Женя. – Ты почему встала?! Немедленно в постель!

– Он мой дедушка, – стала объяснять Алиса.

Но тут пришёл в себя Андрей.

– Заткнись! – рявкнул он, ударом гася сигарету и хватая Алису в охапку. – Шас так врежу...!

Это уже не игра, и Алиса завопила тоже всерьёз:

– Пусти! Я Эрику скажу, он тебе всё на хрен оторвёт!

– Алиса?! – ахнула Женя.

– Я тебе сейчас всё сам оторву, – пообещал Андрей, унося ругающуюся сразу на двух языках Алису.

Женя беспомощно посмотрела на Бурлакова и выбежала следом. И почти тут же вернулся красный взлохмаченный Андрей.

– От меня научилась, – обиженно бурчал он. – Я один, что ли, на весь город...

И это бурчание было так знакомо Бурлакову, что он рассмеялся.

– Что, влетело?

– А ты не встречай! – тут же огрызнулся Андрей. – Принесло тебя. Четыре месяца думал, примеривался и на тебе, заявился.

– Вы что, телеграмму не получили? Я был в командировке, в поле.

– Ага, в Поле, с Полей, на Поле и под Полей, – издевательски заржал Андрей. – А может, с Машей. А ещё с Катей, Дашей и Глашей. И как там травка? Мягонькая?

– Ты что несёшь? – этого Бурлаков не мог спустить. – Ты

с кем разговариваешь?

– С профессором, – немедленно отпарировал Андрей. – Знаем мы это... как ты аспиранток консультируешь.

– Ты...? Ты откуда это...? Вы же спали. Мы никогда при вас... Мама...

– Маму не трожь, – голос у Андрея внезапно охрип, в нём заклокотали невыплаканные ещё тогда слёзы. Всё равно он прокололся, ну так игры закончены, и получи своё, сполна и от души. – Она жизнь за тебя положила. Ты-то выжил, наверно, теперь, это нас по тюремному полу размазали, на трамваях прокатали, а ты... жируешь, отсиделся в своём подполье и сейчас... ты... – он задохнулся и замолчал.

Трамваи? При чём тут трамваи? Бурлаков внезапно понял при чём, о чём ему сказал Серёжа. Его... его детей и жену... нет, этого не может быть, нет!

– Серёжа... сынок...

– Заткнись, – ломая спички, Андрей закурил, глубоко, чтоб до самого нутра дошло, затянулся, медленно выпустил дым и повторил: – Заткнись.

И, пока Женя вносила и расставляла чашки с блюдцами, тарелку с печеньем, тарелку с бутербродами, вазочку с конфетами и чайник с заваркой, они молчали. Андрей курил, привычно спрятав сигарету в кулаке, чтоб ни огня, ни дыма снаружи не углядели, а Бурлаков смотрел на него.

Всыпав Алисе, отругав Андрея и немного поплакав в ванной, Женя уже успокоилась, по крайней мере – внешне.

– Андрюша, кипяток принеси, пожалуйста.

Андрей, вздрогнул и, погасив сигарету, вышел со словами:

– Сейчас, Женя.

– Игорь Александрович, – Женя постаралась улыбнуться. – Вы извините нас.

– Ничего-ничего, Женечка, – машинально ответил Бурлаков. – Всё нормально.

– Игорь Александрович, вы не переживайте так, Андрюша, он...

– Вот и я, – Андрей внёс чайник, пытливо оглядел Женю и Бурлакова. – И об чём тут речь?

– О тебе, – улыбнулась Женя. – Какой ты хороший.

– Ну, Женя, это уж совсем лишнее, – Андрей поставил чайник на стол и, передвигая чашки, продолжил, демонстративно игнорируя Бурлакова. – Про себя я всё сам знаю, ещё ты и брат мой, а остальным незачем, – и, будто только сейчас увидев, насмешливо Бурлакову: – Садитесь, чай пить будем.

Женя немного суетливо разлила чай, вздрагивающим голосом предложила Бурлакову бутербродов и печенья. Он покачал головой, благодаря и отказываясь. Андрей насмешливо прищурился.

– Что, профессор, не по нутру?

Бурлаков поднял на него глаза, но ответила Женя.

– Андрей, прекрати!

– А чего? – немедленно заблажил блатным плаксивым го-

лосом Андрей. – А чего я такого сказал?! Они-то, профессора, и едят не по-нашенски, им везде лафа, кому война – тётка зла, а им так и мать родна.

– Прекрати, – тихо сказал Бурлаков.

Андрей пренебрежительно хмыкнул, но замолчал.

– Игорь Александрович, вы надолго к нам? – дав сделать несколько глотков, начала Женя.

– Как приехал, так и уедет, – твёрдо сказал Андрей. – Вот сейчас чаю напьётся, на халяву, Женя, и уксус сладок, и умоляет, и скатертью ему дорога, чтоб нам век его больше не видеть.

– Андрей! – не выдержала Женя. – Ну нельзя же так. Он же твой отец! Игорь Александрович...

– Женя! – не дал ей договорить Андрей. – Это ещё доказать надо, это раз...

– Что? Что тебе надо доказывать?

– Мне? Мне, Женя, ничего, а вот ему, – Андрей взмахом головы показал на Бурлакова, – ему надо. Он должен доказать.

– Андрей! Вы же похожи даже.

– Сходство ещё не доказательство, аналогия – не тождество! – Бурлаков вздрогнул и как-то странно посмотрел на Андрея, но тот не заметил этого и продолжал: – И мало ли кто на кого похож. Или не похож. Ну, вот, Женя, смотри. Мы с Эркином братья, а сходство есть? То-то!

Андрей победно улыбнулся и стал допивать свой чай. Бур-

лаков, к удивлению Жени, явно успокоился и даже будто повеселел. Он тоже взял себе бутерброд и стал с аппетитом есть, прихлёбывая остывший чай. Ложечку он оставил в чашке и, отпивая, придерживал её указательным пальцем, прижимая к краю рядом с ручкой. Его благодушие насторожило Андрея. Он подозрительно оглядел Бурлакова, задержался взглядом на его руках, потом посмотрел на свою, державшую чашку с ложечкой так же, и медленно густо покраснел. Но заставил себя спокойно допить и поставить чашку на стол.

– Андрюша, ещё...

– Спасибо, Женя, потом. И, – он улыбнулся, – я у себя дома, захочу, сам налью. Ну, так как, профессор?

Бурлаков улыбнулся с не менее ехидной насмешкой.

– Жалко, что ты на Эркина не похож. Он умный.

– Та-ак, – угрожающе протянул Андрей. – Ты смотри, какой шустряк. Так ты что, и сюда лапу тянешь?

– Раз Эркин тебе брат, то мне он сын, – твёрдо ответил Бурлаков.

Женя изумлённо ахнула. Андрей проглотил готовое сорваться с языка ругательство и тихо со злобой ответил:

– А это как он решит.

– Я подожду, – кивнул Бурлаков.

– Тогда я вам чаю налью, – храбро улыбнулась Женя и потянулась к чайнику.

Андрей дал ей наполнить чашку Бурлакова и взялся за

чайник. Налил себе чаю. Да, лопухнулся он, чего там, прокол за проколом, но ещё не всё потеряно. Эркин за него, это точно, увезти себя он не даст, и сказал он профессору-председателю ещё не всё, терять уже нечего, можно отпустить душу.

– Так зачем ты приехал?

– Тебя увидеть, – спокойно ответил Бурлаков.

– Так виделись уже, – Андрей ухмыльнулся. – Говорили даже. Я же – шваль, мусор уголовный, Женя, не красней, это он сам меня так назвал. И на какого чёрта я ему такой нужен?

– Подожди, подожди, – Бурлаков напряжённо свёл брови. – Я сказал такое? Тебе? Не было этого. Не могло быть!

– Я говорю, значит, было, – Андрей с удовольствием отхлебнул чаю, оставив на этот раз ложечку на блюде. – Так на что профессору-председателю блатарь-недобиток, а?

– Постой, когда это было?

– Не помнишь, значит, – Андрей самодовольно откинулся на спинку стула.

И по этому движению Бурлаков узнал. Так вот почему сразу показался знакомым.

– Так там, в Атланте, был ты?!

– Я, – Андрей зло улыбнулся. – И всё, что мне полагалось, я ещё тогда от тебя слышал. Теперь ты четыре месяца думаешь, на что, дескать, можно мусор употребить, и заявляешься. Так на что, для какого, – он издевательски подмигнул, – такого дела я понадобился, а?

– Почему ты не подошёл? – словно не слышал его Бурла-

КОВ.

– А я подошёл, – Андрей оглядел стол и взял печенье. Намазал маслом и пришлёпнул другим печеньем. – Так что всё сказано, услышано и понято. Понял?

– Почему ты не подошёл? – повторил Бурлаков. – Не называл себя?

– Кого? А на хрена тебе Андрей Мороз сдался? – Андрей дожевал своё сэндвич, взял сигареты и закурил. – Женя, ты не волнуйся. Он сейчас уйдёт.

– Не решай за меня.

– Ты ж решаешь за других, – Андрей пустил дым к потолку. – А я тебе не шестёрка, и ты мне не пахан, чтоб я по твоему слову дышал.

Значит, тот наглец в лагере был Серёжей. Чёрт, как нелепо всё вышло.

– Мне сказали, что ты погиб. Дважды.

– А хоть трижды. Я тебе ясно сказал. Серёжи Бурлакова нет. И не ищи его.

– Андрюша...

– Нет, Женя, я знаю, что говорю. Ты, – Андрей говорил, сдвинув языком сигарету в угол рта, твёрдо глядя сквозь дым на Бурлакова. – Ты, когда уходил, знал, что так будет. И ушёл.

– Послушай, это была война.

– Знаю. И что победа цену имеет, тоже знаю. Ты свою цену заплатил, а я свою. И ты к моей, – Андрей чуть повысил

голос, – победе не примазывайся.

Женя с отчаянием смотрела на него. Он улыбнулся ей, затянулся, докуривая сигарету и размял окурок в пепельнице.

– Женя здесь, а то бы я тебе по-другому объяснил. Чтоб дошло. А то какой-то непонятливый профессор попался.

Женя беспомощно посмотрела на Бурлакова. Но на того выпады Андрея вроде не действовали.

Бурлаков рассматривал Андрея, не слушая, вернее, не слыша его слов. Да, Володька, вылитый Володька, младший брат Риммы, такой же упрямый, обидчивый, но Бурлаковская кровь сильнее, дед тоже любил завернуть такое, что ломовые битюги на дыбы вставали, и голову он вскидывает как дед. И неважно, что он там говорит, главное – жив, Серёжа выжил.

– Зря лыбишься, – ворвался насмешливый голос.

Бурлаков вздрогнул.

– Извини, задумался.

Женя вышла поставить подогреть чайник, и Андрей решил добивать, пока Эркин не пришёл. Тот с работы, усталый, а тут вместо отдыха возись с этим придурком.

– Вали отсюда.

– Опять сначала, – заставил себя улыбнуться Бурлаков. – Не надоело?

– Не твоя забота. Не понял если, я тебе по-простому сазки загну.

И услышал неожиданное.

– Не нарывайся. А то сдачи получишь.

– Та-ак.

Доводить до ножа Андрею, конечно, не хотелось. По многим и очень веским причинам. Но отступить тоже нельзя. И выкинуть его до прихода Эркина надо. А тот сел, как привинтился, и ничего его не берёт.

Бурлаков смотрел на него открыто, в упор. Вот этот злобный, ощерившийся на весь мир зверёныш – его Серёжа?! Что же с ним сделали? Но это не страшно. Главное, что он жив.

Этот взгляд мешал Андрею сосредоточиться на злобе, и он вдруг по-детски жалобно попросил:

– Уйди, а? Ну, уйди сам по-хорошему.

– Почему ты гонишь меня? – тихо спросил Бурлаков.

– Да потому, что без тебя мне хорошо. Не нужен ты мне.

– Нет, Серёжа...

– Я Андрей, – со сразу вскипевшей злобой поправил его Андрей. – Я ж сказал тебе. Ты лагерную пыль видел хоть когда? На плацу, где поверки, из крематориев как пепел сыпают, видел? Там ищи. А я – Андрей Мороз, и ты мне – никто, понял? Не докажешь, намертво стоять буду. Ссуду скажешь вернуть, председатель хренов, верну, сдохну, а проживу без тебя и без денег твоих. А увезти меня, хрен выкуси, – Андрей всё злее пересыпал фразы руганью, уже не дразня, а всерьёз. – Зубами рвать, падла, буду, ты, гнида... – и осёкся, увидев Женю.

Женя внешне очень спокойно поставила на стол чайни-

ки, словно, не заметив покрасневшего Андрея, села, налила Бурлакову чая и заговорила об Андрее.

– Андрюшу все любят у нас, и на работе, и в школе. Он позже остальных учиться начал, и не только догнал, но и первым закончил. На одни пятёрки. И на работе. Другие по году в учениках сидят, а Андрюшу через квартал в рабочие перевели.

Андрей, растерянно полуоткрыв рот, слушал Женю и ничего не понимал. А Женя уже перешла к бытовым проблемам.

– У Андрюши и своя квартира будет, уже дом построили, обставить только надо, и здесь у него комната своя. Я понимаю, вам, Игорь Александрович, конечно, хочется, чтоб ему хорошо было, но у Андрюши всё есть. Андрюша, ты бы показал, какая комната у тебя, и книг ты сколько накопил.

Бурлаков живо обернулся к двери, ведущей, как он понял, в комнату Андрея, но тот одним прыжком сорвался с места и загородил собой дверь.

– Не пущу! Шмон по ордеру только, понял?

– Андрюша! – ахнула Женя. – Он же отец тебе.

– Без ордера только своим, – упрямо повторил Андрей.

Что Женя своим рассказом пытается заставить Бурлакова не забирать его, он догадался, но подыгрывать не стал.

Бурлаков ответить не успел. Потому что открылась входная дверь и Женя метнулась в прихожую.

– Эркин, наконец-то!

Андрей перевёл дыхание и улыбнулся. Теперь он не один. А вдвоём они – сила!

Ещё подходя к дому, Эркин заметил, что свет горит во всех окнах, кроме Алискиной комнаты. С чего это? Ну, Женя его ждёт, но либо на кухне, либо в спальне, ну, у Андрея свет, зачитался, наверное, как обычно, а в большой-то почему? Плотные шторы не давали разглядеть внутренность, и он начал тревожиться. Взбежал по лестнице, подошёл к своей двери и, доставая ключи, прислушался. Вроде слышались голоса, но... но там что-то странное, и, тревожась всё сильнее, открыл дверь.

Одновременно он услышал голос Андрея, злой, на той грани, где слова уже не важны, а достают нож, и тут к нему на шею кинулась Женя.

– Женя, что случилось?!

– Он приехал! Эркин...

– Кто?! Женя, кто?

– Он. – Женя как-то забыла, что Эркин даже о телеграмме не знает. – Он, Бурлаков, Андрюшин отец.

Отец? Эркина вдруг шатнуло, он даже ухватился за дверной косяк, чтобы устоять.

– И... – он выталкивал слова сквозь сведённое судорогой горло. – И что теперь?

– Андрей... он как не в себе, он... успокой его.

Эркин кивнул, заставил себя перевести дыхание и, как был, не переобуываясь и не сняв джинсовой куртки, вошёл в

гостиную.

Стол выдвинут и накрыт для чая. Андрей в дверях своей комнаты, загрохачивает её, а за столом седой, памятный ещё по лагерю...

Увидев Эркина, Андрей радостно улыбнулся.

– Во! Здравствуй, брат.

– Здравствуй, – кивнул Эркин.

Бурлаков повернулся к нему и встал.

– Здравствуйте.

Ему, улыбаясь, протягивали руку, и Эркин ответил на рукопожатие, тоже улыбнулся. Но глаза его оставались встревоженными.

Вбежала Женя с чашкой.

– Эркин, садись, ты с работы, чаю...

Помедлив, Эркин кивнул.

– Да, Женя, я сейчас, – и Бурлакову: – Извините.

В прихожей он снял и повесил джинсовку, переобуваться всё-таки не стал, мало ли что, да и неудобно при таком госте в шлёпанцах, вымыл руки и вернулся в гостиную. Женя ему уже налила чаю, и он сразу, едва сев за стол, отхлебнул горячей сладкой с приятной горчинкой жидкости.

Сел к столу и Андрей.

– Вот, брат, смотри, кто приехал.

– Вижу, – ответил Эркин.

Он не знал, как спросить о самом главном: когда Бурлаков заберёт Андрея и можно ли будет им потом если не видеться,

то хотя бы писать друг другу, он же только грузчик, да ещё бывший раб, а Андрей теперь не простой работяга, репатриант из угнанных, каких сотни и тысячи, а сын председателя всесильного Комитета. И спросил о другом. Но тоже важном.

– Вы получили письмо? Женя написала вам тогда, весной.

– Да, – кивнул Бурлаков. – Получил. Но я был в поле, в экспедиции и прочитал, когда вернулся.

Он видел, что Эркин не понял его слов про поле и экспедицию, но не место и не время объяснять. Парень чем-то сильно встревожен, почти напуган.

– Как на работе?

– Спасибо, – вежливо улыбнулся Эркин. – Всё в порядке, – посмотрел на Андрея и решил попробовать выяснить не впрямую, а с подходом. – Ты уроки все сделал?

– Русский весь, и физику. По биологии почитать ещё надо. А ты?

– Русский сделал, – Эркин улыбнулся Жене, успокаивая не так её, как себя: ну, раз Андрей говорит об уроках, значит, завтра он ещё здесь, а за ночь они обо всём договорятся.

Эркин пил чай и смотрел на Андрея. Будто запоминал, будто в последний раз видит. Андрей почувствовал, понял этот взгляд и сразу напрягся. Нет, гнать этого придурка к чёрту, пока, в самом деле, до ножей не дошло.

– Ну, брат, как он тебе?

– Кто? – не понял вопросы Эркин.

– А вот сидит. Четыре месяца думал, надумал и припёрся.

Он, вишь ли, отец и права имеет.

– Какие права? – глухо спросил Эркин.

– А любые. Помнишь, читали?

Похолодев, Эркин кивнул. Эти статьи читали всем «Кораблём». Даже те, кто газету ни на завёртку, ни на закрутку не возьмёт, даже эти читали, передавая из рук в руки. Что родители ищут потерянных в войну детей, находят и забирают, что если нет документов, то по воспоминаниям, по родинкам опознают, что лучше, чем с родными, нигде и никак не будет, что родная кровь всего сильнее, а права родительские нерушимы... Словом, все тогда перепугались. Ведь половина, а то и больше приёмные, записанные, кого в угоне, а кого прямо на дороге подобрали. И не местный писака сочинил, а из столичных газет перепечатали. Это от власти, не прямой приказ, но предупреждение: готовьтесь, дескать. Они тогда решили, что им бояться особо нечего: Алиса Жене родная, кровная, он – муж Жени и в метрику Алисе отцом вписан, а от Андрея отец – по словам самого Андрея – отказался, так что... рано радовались, выходит. Не понял чего-то, значит, тогда Андрей, вот и... Заявился. Прямо, как писали, что приезжают и... с концами. И у него все права. Он – отец.

– Он твой отец, – тихо сказал Эркин.

– Ага, – неожиданно легко согласился Андрей. – А ты мне кто? – и, не дожидаясь слов Эркина, сам ответил: – Брат. Значит, и тебе он отец.

– Что-о?! – Эркин даже вскочил на ноги, сжав в кулаке

ложечку.

Оторопело посмотрел на Бурлакова, снова на Андрея. И Андрей, увидев, как медленно исподволь темнеет и тяжелеет лицо Эркина, решил, что игра сделана и надо добивать.

– Что? – он издевательски улыбнулся Бурлакову. – За-мандражировал, профессор?

К его удивлению, Бурлаков радостно улыбнулся. Андрей понял, что опять прокололся, не то слово выпустил, и решил быстренько поправиться, да и фразу надо закончить.

– Отказываешься?

– И не думаю, – рассмеялся Бурлаков. – Ни мандражировать, ни отказываться не буду. Твой брат – мне сын.

– Так что, папаня это твой теперь, Эркин, – нарочито заржал Андрей. – Люби и почитай.

Звякнув, упали на стол обломки ложечки. Медленно, как-то деревянно, Эркин повернулся и вышел из гостиной. В наступившей тишине было слышно, как хлопнула дверь спальни. Андрей растерянно посмотрел на Бурлакова, на Женю.

– Чего это он?

Бурлаков не понял, из-за чего сорвался Эркин, что это за разговоры о родительских правах, но что произошло нечто резко, а может, и непоправимо изменившее ситуацию, это-то он понял.

Женя сорвалась со стула и выбежала. Снова хлопнула дверь спальни.

Андрей уже не улыбался. На глазах Бурлакова играю-

щий, придуривающийся мальчишка стал настоящим битым, опытным блатарём. Он видел таких. И в Соппротивлении, и раньше, в экспедициях.

В гостиную вошла Женя, бледная, с тёмными глазами на пол-лица.

– Иди к нему. Он лежит и плачет.

Эркин? Плачет?! Андрей швырнул на стол ложку, рывком встал и вышел. Женя прошла к столу и села.

– Игорь Александрович, – она говорила очень спокойно, но с убеждённой правоты. – Я думаю, вам лучше уехать.

Бурлаков молча смотрел на неё, и Жене стало его нестерпимо жалко. И как глупо, нелепо всё получилось. Ведь можно было по-хорошему договориться. Что Андрей останется жить в Загорье, хотя бы на три года, пока не закончит школу, получит аттестат, квалификацию... А Андрей устроил такой безобразный скандал. И Эркин теперь, господи, с Эркином-то что делать? Андрей пошумит и успокоится, бывало же уже, а Эркин – она-то уж его знает – будет ещё месяц сам не свой ходить. Но и Бурлакова жалко. Услышать такое от сына... после такой разлуки... Ведь если все, вся семья погибла, и они одни вдвоём, то надо держаться друг за друга, а не гнать. Ну, с Андреем она уладит, постарается уладить, не такой уж он дурак, как представляется.

– Игорь Александрович, я постараюсь успокоить Андрюшу, но вам... нет, понимаете, Андрей не уедет из Загорья. Здесь его дом, они, в самом деле, с Эркином как братья, нет,

просто братья.

– Я понимаю, – кивнул Бурлаков. – Вы думаете, мне лучше уйти?

– Сейчас, да, – твёрдо ответила Женя. – Потом... Я напишу вам.

Бурлаков снова кивнул, взял свою чашку. Чай давно остыл, он глотнул и поставил её на стол. Теперь они сидели и молча ждали, когда вернутся Эркин и Андрей.

В спальне было темно, и Андрей, влетев туда, сначала даже не увидел Эркина, только услышал сдавленное kloкочущее дыхание и хриплое:

– Закрой дверь.

Андрей закрыл дверь и подошёл к кровати, присел на корточки у изголовья. Глаза уже привыкли к темноте, и он увидел, что Эркин лежит ничком, зарывшись лицом в подушку и обхватив её руками.

– Эркин... – тихо позвал Андрей.

– Чего тебе?

– Эркин, я... я не хотел... ну, чего ты... мы же вместе...

– Если ты дурак, то я при чём, – и вдруг, к удивлению Андрея, заговорил по-английски: – За что ты меня так? Он твой отец, у вас одна кровь, а ты меня... за что? Люби и почитай... Как тогда... Что я тебе сделал, что ты так...

Чего? – искренне не понял его Андрей, так же перейдя на английский. – Ты о чём, Эркин? Я не понимаю?

– А не понимаешь, так уйди. Уйди, понял?

– Ты... – растерялся Андрей. – Ты гонишь меня? Эркин?!

– Нет, – Эркин перешёл на русский. – Нет, но решай сам.

– Ясно, брат, – так же по-русски ответил Андрей и встал. –

Сейчас я всё сделаю, и мы опять будем вместе.

Он резко повернулся и вышел. В гостиной посмотрел на сидевших за столом Женю и Бурлакова.

– Женя, ты иди к Эркину.

Женя внимательно посмотрела на него и осталась сидеть.

– Как хочешь, – пожал он плечами и повернулся к Бурлакову. – А ты вставай и уходи. Я из-за тебя мать и сестёр потерял. А теперь и брата теряю. Уходи.

Бурлаков посмотрел на Женю и встал.

– Хорошо, я уйду.

– И не возвращайся. – припечатал Андрей.

Женя укоризненно посмотрела на него и встал.

– До свидания, Игорь Александрович. Андрюша, проводи.

– Всенепременно. И прослежу, чтобы не задерживался.

В прихожей, пока Бурлаков одевался, Андрей стоял рядом и, не отрываясь, с тяжёлой злобой смотрел на него. Вышла в прихожую и встала рядом с Андреем Женя. Держа шляпу в руках, Бурлаков склонил голову.

– До свидания, Женя, – посмотрел на Андрея.

– Прощай, – сразу жёстко сказал Андрей.

Бурлаков улыбнулся ему.

– Ты жив, поэтому до свидания.

И ушёл.

Андрей ещё постоял, прислушиваясь, будто боялся, что тот вернётся, наконец повернулся к Жене и победно улыбнулся.

– Отбились!

Но на лице Жени не было радости.

– Иди ложись, – устало сказала она. – Тебе завтра рано.

Андрей посмотрел на часы и ухмыльнулся.

– Уже сегодня.

– Ну вот. Иди ложись, я всё сама уберу.

Открылась дверь спальни и вышел Эркин.

– Я всё сделаю. Мне во вторуюю.

Лицо его было спокойно, но Андрей уже видел его таким. После той нелепой ссоры с Фредди в Мышеловке, когда Эркин выверился на Фредди из-за пустяка, подзатыльника, и психанул чуть не в полную раскрутку.

– Идите, – повторил Эркин. – Я сделаю. Иди, Женя.

Женя подошла к нему и мягко положила руку на его плечо.

– Всё в порядке, Эркин.

– Да, – он повернул голову и губами коснулся её руки. – Да, Женя, у нас всё в порядке.

И улыбнулся Андрею.

Обратный маршрут ему не рассчитывали, но Бурлакова это и не заботило. Утром в Сосняки и оттуда самолётом.

Прямого рейса на Царьград нет, опять придётся на перекладных. Но это всё неважно. И что до утра хоть на вокзальной скамейке поспать, тоже. Да... да и зачем вокзал, когда он может пойти к Асе. И это не гостиница, после которой неизбежны всякие разговоры, слухи и толки.

Асин адрес он помнил и шёл уверенно. И так, выводы. Серёжа жив, это первое, нет, первое, что этот парень, Андрей Мороз, и есть его Серёжа, ладно, неважно, Серёжа жив, всё помнит, а ведь Эркин тогда, зимой, говорил, что Андрей всё забыл и никогда не говорил об отце. Врал? Вряд ли, парень кажется предельно честным, да и вообще ложь «не в национальном характере», хотя Гришка говорит, что индейская правдивость такой же миф как русское гостеприимство, американская скупость, английское высокомерие, французская легкомысленность и немецкая педантичность. Ладно, по хрену, нашёл о чём думать, его Серёжа жив, господи, да хочет мальчик жить в этом захолустье, пусть живёт, может, это даже и к лучшему, тихая размеренная жизнь, где все всех знают и сегодня, как вчера, а завтра, как сегодня, после всего перенесённого это даже полезнее, чем цареградская суета. Здесь о нём заботятся, он учится, крыша над головой, друзья – всё у мальчика есть.

Он старался не думать о беспощадных, жестоких словах, об обвинениях, в которых ему не оправдаться, не думать о том, что сын выгнал его, сказал, что без него лучше, что... да пусть говорит, что хочет, нет, он не может думать об этом,

не хочет, нет, не сейчас. И почему мальчик Фёдорович? Фёдор... Фёдор Мороз, кто он, усыновивший его Серёжу и давший ему своё имя? Вот кого тоже надо бы найти, узнать...

Бурлаков невольно усмехнулся: давненько у него не было соперников. Пожалуй, ещё с жениховских времён, когда он отстаивал внимание Риммы, а потом... при малейшей заминке он сам уходил, а чаще соперников просто не было. И может, да, скорее всего, реакция Серёжи объясняется благодарностью к тому, Фёдору Морозу, попросить, что ли, Мишку поискать того по своим каналам, хотя бы следы, самому шарить по архиву уже некогда. Серёжа... Серёжа жив, это главное, и не думай больше ни о чём. Сглупил, конечно, сорвавшись, но пока живы, всё поправимо.

А вот и Асин дом – обычный провинциальный стандарт на четыре квартиры, кирпичный низ, деревянный верх. Квартира... да, она говорила, второй этаж, слева. Деревянная лестница закрипела под его шагами. Есть звонок. Отлично. Короткий, длинный, два коротких, второй длинный, пауза до пяти и ещё три коротких. Она не могла забыть.

Первый же звонок разбудил Селезнёву, но ей казалось, что она ещё спит. Короткий, длинный, два коротких... она села в кровати, зажимая рукой бешено заколотившееся сердце. Что это?! Почудилось? Приснилось? Это же сон, нет, это только сон. Но после пятисекундной паузы три коротких звонка. Не приснилось и не почудилось. Она встала и, как была, в одной рубашке, не зажигая света, пошла к двери. И

вместо нормального: «Кто там?» – сказала:

– Как сердцу выразить себя?

Из-за двери знакомый голос ответил:

– Другому как понять тебя. Это я, Ася.

Она распахнула дверь.

– Входи, Крот.

Пароль исключал любые расспросы, и Селезнёва просто ждала его слов, готовая ко всему.

– Мне надо в Сосняки утром. Я отдохну у тебя.

– Конечно, вот на диване. Раздевайся и ложись. Я сейчас.

В крохотной гостиной – она же столовая и кабинет – стоял старый, но вполне крепкий диван. Бурлаков снял и повесил на спинку стула пиджак, опустил узел галстука и расстегнул манжеты. Он, сидя на диване, расшнуровывал ботинки, когда Селезнёва, уже в халате, принесла подушку, две простыни и одеяло.

– Ага, спасибо, Ася. Простыни лишнее, обойдусь.

– Я же сказала, раздевайся. Сменки нет? Ну вот. Я хоть наскоро простирну и выглажу. Поедешь в приличном виде.

Он медлил, и она засмеялась.

– Ты никак стесняешься, Крот.

– Нет, – улыбнулся Бурлаков. – Просто устал.

– Тогда ложись и спи. Когда тебя будить?

– Сам проснусь. Ты-то сама, когда уходишь?

– В семь.

– Годится, – кивнул Бурлаков, развязывая галстук.

Когда Селезнёва вышла, он быстро разделся, постелил себе и лёг. И войдя забрать его вещи, она застала его уже спящим.

Против обыкновения, ни Женя, ни Андрей не спорили с ним. Эркин убрал со стола, вымыл посуду и пошёл в ванную. Женя и Андрей наверняка уже легли, и он не стал запира́ться. Мылся долго, но без особого удовольствия. Да, всё обошлось, Андрей с ним, вот только на душе погано.

Когда он выключил воду и раздвинул занавес, то увидел Андрея. Тот сидел на бортике ванны и явно ждал его. Эркин снял с вешалки полотенце и стал вытираться.

– Я не хотел обидеть тебя, – начал первым Андрей.

– Я знаю, – вздохнул Эркин.

Он вытер голову, помотал ею, чтобы волосы стряхнули остаток воды, и надел халат. Сел рядом с Андреем.

– Отсюда я не уеду, – Андрей стукнул кулаком по бортику. – Мёртвым увезут!

Эркин кивнул.

– Может, и обойдётся. Я... всегда на твоей стороне. Но он – твой отец. У него права на тебя, понимаешь? И кровь у вас одна, – Эркин покосился на красного насупленного Андрея, невесело улыбнулся. – Я тоже, конечно, сдуру психанул. Ты ж не думал... понимаешь, это нас, – он заговорил по-английски, – рабов, так ставили и приказывали. Это твой отец, люби и почитай. Я ж рассказывал тебе. Я и... меня надзиратель,

Грегори, лущевал, что я к Зибо, мне его отцом дали, непо-
читителен, а тут... я и вспомнил.

– Я не хотел, брат. Прости меня.

Эркин вздохнул, коснулся своим плечом плеча Андрея и
ответил по-русски:

– Я понимаю. Ты тоже... извини меня. Сорвал тебе игру,
да?

– Ничего. Пока он убрался, а там... там видно будет. И...
кровь, говоришь? Мне ты роднее. И Женя. И Алиска, – Ан-
дрей вдруг фыркнул. – Знаешь, чего она отчебучила? Заяви-
лась в пижаме. Что если он мне отец, а я ей дядя, то он ей
дедушка. Представляешь?

– Как это? – не понял сразу Эркин и, тут же сообразив,
покрутил головой. – Надо же придумать.

– Во хват девчонка, ничего своего не упустит и чужого
прихватит, – смеялся Андрей.

Рассмеялся и Эркин.

– Да, смешно. Ладно, пошли спать, поздно уже.

– Пошли, – согласился Андрей.

Они одновременно встали и вышли из ванной.

В спальне было темно, но дышала Женя не по-сонному.
Эркин привычно щёлкнул задвижкой, сбросил халат на пуф
и нырнул под одеяло. Женя повернулась к нему и обняла,
поцеловала в щёку.

– Устал, милый?

– Нет, Женя, что ты, – Эркин мягко обнял её, привлекая

к себе. – Женя, я... я не знаю, что теперь делать.

– Ничего, – Женя снова поцеловала его. – Будем жить, как жили. Всё будет хорошо, Эркин.

– Ага-а, – протяжным, уже сонным выдохом согласился он.

Женя поцеловала его уже спящего и тихо вздохнула. Как-то оно всё теперь будет.

Тетрадь семьдесят четвёртая

122 год

Осень

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Беженское новоселье в «Холостяжнике» прошло шумно и весело. Гудели всем домом: ещё бы нет?! Ведь пустые квартиры остались только на верхотуре. Так что... кто вселился, кто вселяется, кто присматривается. В субботу после школы Андрей с Эркином ещё по магазинам ходили, покупали и затаскивали. Как муравьи. А в воскресенье пришли совсем рано, а дом уже шумит. Еле успели свалить всё принесённое, как в дверь зазвонили.

Народу пришло много: и из бригады Андрея почти все, и Колька с Миняем и Санычем, и из их класса. Андрей сам

удивился, сколько у него оказалось знакомцев и друзей.

Обычная, знакомая уже по прошлым таким же праздникам, суэта. Мыли и натирали полы, вешали карнизы и люстры, в ванной и на кухне шкафчики, полочки, вешалки для полотенец и всяких мелочей. В кладовке стеллаж и верстак, а в прихожей не просто вешалка, а целый шкаф, да ещё с антресолюю. Гомон, весёлая ругань, обрывки песен... всё как у всех, как и положено. Потом сидели за накрытым прямо на полу угощением, и он благодарил всех пришедших к нему на новоселье. Ему удалось удержать голос, но глаза – сам почувствовал – предательски заблестели, и даже носом пришлось шмыгнуть.

Женя с Эркином хотели остаться, помочь убрать, но Андрей запротестовал:

– Нет уж, нет уж, я сам.

Женя, улыбаясь, погладила его по плечу.

– Хочешь хозяином себя почувствовать, да, Андрюша?

Он молча кивнул. Эркин крепко обнял его.

– Ну, на счастье тебе, брат.

– Спасибо, брат, – Андрей ткнулся лбом в его плечо, хлопнул по спине. – Я зайду завтра.

– В любой час, Андрюша.

– В любой час, – повторил за Женей Эркин. – У нас ты всегда дома.

Андрей кивнул.

– Я знаю. Спасибо вам.

Женя поцеловала его.

– Спокойной ночи, Андрюша.

– Спокойной ночи.

– На смену не проспи.

– Ни в жисть. Спокойной ночи.

Закрыв за Женей и Эркином дверь, он выждал, пока они спустятся на пролёт, и вывернул до отказа задвижки обоих замков. Ну всё, да, надо ещё им с лоджии помахать.

Андрей быстро прошёл через кухню на лоджию и сразу увидел внизу Эркина и Женю. Они стояли и, запрокинув головы, рассматривали окна и лоджии. Увидев Андрея, помахали ему. Он помахал в ответ.

Ну, вот и они ушли, и небо уже тёмно-синее, и ветер заметно прохладный. Андрей вернулся в кухню и тщательно закрыл за собой дверь. Он один, в своём доме. На кухне занавески зелёные с золотистыми ромашками, а на плите чайник, ярко-красный, в белый горошек, и такие же кастрюли, он специально купил именно этот набор, чтоб никак не подходил на тот, грязинский, он помнит голубые с чёрными пятнами отбитой эмали кастрюли, даже запах каши... Андрей тряхнул головой. Не обижайся, мама, я всё помню, но это уже моя жизнь.

Подарки большей частью уже разобрали, разложили, повесили и поставили, но в комнате громоздилась ещё вполне приличная куча вещей, ожидавших своей участи.

Андрей вытащил и развернул перину. Двухспальная ему ни

к чему, а вот так сложить её вдвое по длине, то помягче будет. А под перину вот это покрывало, Женя говорила, ладно... вот тебе под спинку мягкую перинку, сверху на перинку белую простынку, вот тебе под ушки мягкие подушки, одеяльце на пуху и платочек наверху... смешно, но до сих пор помнит, мама читала, как же полностью? А! «Усатый-полосатый». Смешно. Всё погребло... ни перинки, ни простынки, ни подушки не видать, а усатый-полосатый... ну, усов, положим, нет, а полосатым походил, жив полосатый, и память жива...

Сделав постель, Андрей завёл подаренный на новоселье будильник – язва какая Лапин, морда веснушчатая, дескать, не проспи, ну, ему на смене отыграет, есть там зацепочки, чтоб прищучить шутника – и поставил на пол у изголовья, решив остальное разобрать завтра. Спешить-то ему некуда. А вот это... это сейчас. Он взял из кучи вещей книгу. «Дни поражений и побед. Роман-хроника». И на титульном листе неуклюжие, написанные с явным усилием буквы. «Андрею. Будь счастлив, друг. Семён.» И сегодняшняя дата. Седьмое сентября сто двадцать второго года. Книга дорогая, он видел её в книжном магазине, четыре рубля без малого, для Семёна – большая трата. Но смотри, как догадался, не посуду, не что другое по хозяйству, а книгу на новоселье подарить. Андрей положил книгу возле будильника – ляжет и почитает немного – и оглядел комнату. Ладно, эту он по-своему делает, опять же спешить некуда и незачем, читать и писать

пока на кухне можно, а уроки он вовсе у Эркина делать будет, неохота ему эту «стенку», как все про неё толкуют, что холостяку самое оно, вот неохота и всё! Ладно, подумаем, прикинем, в Сосняки съездим...

Зато ванная сделана – ни убавить, ни прибавить, брат старался, не кто-нибудь! Андрей разделся и встал под душ, задёрнул полупрозрачный сине-зелёный занавес и пустил воду.

Смыть пот и грязь, конечно, приятно, кто спорит, но и полоскаться, как Эркин, который, дай ему волю, сутками бы из воды не вылезал, он не может. А – вдруг подумалось – может, Эркин и вправду из морских или там озёрных индейцев, есть же такие, или были, и это у брата память предков? Надо будет кутойса расспросить. Или в библиотеке посмотреть.

Так, теперь стирка. Если не накапливать, то это нетрудно и недолго. Рубашка, трусы, носки. А может... может, и впрямь рубашки в прачечную сдавать, чтоб выстирали и выгладили по всем правилам. Удобно, кто спорит. Но это когда побольше смен накопится.

Закончив стирку, Андрей развесил всё на сушке, огляделся... Вроде, порядок, и голышом, гася по дороге за собой свет, зашлёпал в комнату. А чего? Он у себя дома, может ходить как хочется.

Джинсы, рубашка, бельё на завтра уже приготовлены. Он лёг и взял книгу. Перелистал. Но глаза бездумно скользили по строчкам, и Андрей отложил книгу. Встал, выключил свет

и лёг уже окончательно.

Всё, началась его самостоятельная жизнь. И нужно будет подкупить белья, нательного и постельного, да и прочей мелочёвки, не хочет он разорять то своё гнездо, у Эркина, там тоже его дом. А хорошо было... все пришли. Кроме тех, той пятёрки, но ведь только-только вчера познакомились, кто он им...

... В субботу на занятия пришли все, расселись, как и в прошлом году. Никто не бросил учёбу. А на седьмом уроке даже прибавилось.

Когда после шестого урока все шумно повалили к выходу, они втроём – Тим, Эркин и он сам – повернули по коридору в двадцать пятый кабинет, где по новому расписанию теперь будут уроки шауни. И вот здесь их ждал сюрприз: пятеро индейцев стояли у двери и курили с весьма независимым видом. Он сначала подумал, что те просто так, сами по себе, но тут открылась дверь и кутойс – опять в форме с наградами и нашивками – улыбнулся им.

– Заходите, не будем ждать звонка.

И индейцы зашли тоже. Значит, что, тоже на занятия? И Тим пошёл на своё обычное место в углу, хотя раньше на шауни садился с ними, третьим за первый стол. А он сам и Эркин сели как раньше. А индейцы у окна. Чтоб не оказаться между ними и Тимом, а то мало ли что. Это-то он сразу сообразил. Кутойс оглядел их и заговорил на шауни, медленно, сразу переводя на русский непонятные слова, впрочем,

их оказалось не так уж много, и они всё поняли. Затем заполнил журнал, для чего они все поочерёдно называли себя и говорили, кто где живёт и работает, тоже всё на шауни. Он никак не мог понять, чего эта пятёрка припёрлась: они-то язык знают, и, когда кутойс раздавал всем книги и прописи, по-камерному тихо сказал это Эркину. И услышал такой же по-камерному тихий ответ:

– А писать не умеют.

Прописи получили все. И учебники одинаковые. Буквари. А дальше урок пошёл уже, как и положено в любой школе. Читала эта пятёрка и впрямь не лучше них, то и дело застревающая и спотыкаясь. Но зато им ничего переводить не надо. Хотя все потом переводили. Вопрос-ответ, и прямо, и вперекрест, когда спрашивают на одном языке, а отвечать надо на другом...

...Андрей повернулся набок, привычно сворачиваясь под одеялом. Ничего, всё обойдётся и образуется. Нормальные парни, а что зверимся пока друг на друга, так обнюхаемся и приладимся, привыкнем. На перемене уже нормально курили. Ничего, всё будет хорошо, и на фиг ему профессор не нужен, и без него проживёт. Пусть он там, в Царьграде своём со своей Машенькой, а хоть и Дашенькой... Я от лагеря ушёл, я от Найфа ушёл, я от Империи ушёл, а от тебя... и подавно...

Россия

Цареградская область

Алабино

Первая неделя сентября выдалась дождливой, но тёплой. Тёплый безостановочный дождь шелестел листьями, щёлкал по козырькам и подоконникам. Крис засыпал и просыпался под этот шум и дыхание Люси на своём плече. У Люси отрастали волосы, и спала она теперь без платка: врач сказал, что кожа должна дышать. Поворачивая голову, Крис касался губами тонких, уже не колючих и щетинистых, как весной, когда они только приехали, а мягких волос, осторожно целовал эти прядки.

– Уже утро, Кирочка? – сонно спрашивала, не открывая глаз, Люся, и сама себе отвечала: – Ага, утро.

Крис осторожно высвобождался из её объятий, вставал, укутывал её, а она, по-прежнему с закрытыми глазами, говорила:

– Ты бы поспал ещё, Кирочка, поливать-то не надо.

И вдруг, рывком откинув одеяло, садилась в постели.

– Ой, светло-то как!

Крис заглядывал в комнату.

– Люся, чай готов.

– Да-да, я мигом, Кирочка.

Крис смеялся, стоя в дверях, полуголый, в старых армейских брюках, с блестящими от воды волосами.

– Ложись, Люся, я тебе чай в постель подам.

– С ума сошёл, – притворно сердилась Люся, натягивая халатик и повязывая голову дневным платком. – Ещё увидит кто, и на работу опоздаем.

Утреннее чаепитие в постели – воскресное развлечение. В одной из поездок в Царьград Крис увидел в магазине поднос с ножками, специально для такого, и купил. Когда он в первый раз принёс и поставил на кровать накрытый на две чашки поднос, и они пили чай, лёжа в постели, Люся даже не поняла: нравится ей или нет, настолько это было непривычно. Она и не слыхала никогда о таком. И что Кирочка её всегда по утрам чаем поит, а не она его... так же тоже не положено. Узнает кто – засмеют, осудят. Но она не спорит, да и самой приятно, чего там.

– Тебе не холодно?

– Нет, что ты, Люся.

Горячий чай с мягким пористым хлебом, свежесваренным вареньем, ну и что с того, что у неё больше джем получился, всё равно, и Кирочке нравится, и на хлеб даже удобнее мазать.

– Всё, – Крис отодвинул чашку и встал. – Я на работу.

– Да, Кирочка, – Люся быстро допивала свою чашку. – Ты иди, я всё сама уберу. У тебя школа сегодня?

– Да.

Крис поцеловал её в здоровую щёку и вышел.

Когда Люся, перемыв посуду и отключив газ, вошла в комнату, Крис уже оделся на выход. Его смена начиналась раньше Люсиной. Люся оглядела его, поправила воротник рубашки.

– До вечера, Кирочка.

– Да, до вечера.

Он ещё раз поцеловал её и ушёл.

Люся вздохнула. Ну вот, теперь до вечера она его не увидит. Из школы он уже в темноте возвращается. Она в эти дни его и не видит совсем.

На улице Крис подтянул молнию на куртке и накинул на голову капюшон. Льёт, как зимой, а ведь только сентябрь. Хотя нет, это в Алабаме было, будь она проклята, здесь только осень. А хорошо, что они уже почти всё в саду убрали. Дождь кончится, оберут последние яблоки, и всё. И подготовят сад к зиме. А расширять его он не будет, и нового подсаживать – тоже, им с Люсей хватает, а торговать он не собирается.

У церкви его окликнул Эд.

– Привет.

– Привет, порядок?

– Полный, – широко ухмыльнулся Эд.

Он ещё летом сменил жильё, переехав на квартиру к одинокой вдове, и считал, что устроился лучше всех.

– Ну, как вдовушка? – подыграл Крис.

– Во! – Эд показал ему оттопыренный большой палец и перешёл на камерный шёпот и английский. – Легко работать. Руками враз уматывается.

– Без волны?

Эд мотнул головой.

– Мне и так хорошо. Мне нетрудно, она довольна, – и перешёл на русский. – И обстиран, и ухожен, и все удовольствия.

– Сыт, пьян и нос в табаке, – поддержал его Крис любимым присловьем Пафнутьича.

– Точно! – с удовольствием заржал Эд и стал серьёзным. – А волны ждать... это тебе повезло, сразу встретил. Майкл, тьфу, Михаил вот-вот поймают, того индейца помнишь?

– Ещё бы. Он нам первый про волну сказал.

– Ну вот. Я не спешу и не дёргаюсь. Когда придёт, тогда и буду думать, а пока... – Эд залихватски сплюнул в лужу.

У ворот госпиталя уже стоял автобус, на котором добирались на смену жившие в Царьграде, и через служебную проходную быстро втягивалась цепочка людей. В форме и штатском, мужчины и женщины, под зонтиками и в разноцветных плащах, в шинелях и плащ-палатках. Здоровались, обсуждали вчерашнее, сегодняшнее и завтрашнее, кто хвастал,

кто жаловался, но всё на ходу, впопыхах: впереди работа.

В их раздевалке Майкл уже переоделся и разглядывал себя в зеркале.

– Привет, – весело поздоровался Эд, входя в комнату. – И что нового увидел?

– Отстань, – угрюмо попросил Майкл, но от зеркала отошёл.

– Ещё один псих, – констатировал Эд, открывая свой шкафчик.

– Ничего, – Крис подмигнул Майклу. – Мы ещё на него посмотрим.

– Посмотрим, – кивнул Майкл. – Ты русский сделал?
– Ну?

– Сейчас списать попросит, – прокомментировал Эд. – Опять у Марии весь вечер сидел, потом до полуночи психовал, а уроки побоку.

– Я твою вдовушку трогаю? – с угрозой спросил Майкл.
– А хоть трахни, – весело ответил Эд, завязывая тесёмки на халате. – Мне без разницы.

– Ну, и чему радуешься? – вошёл в раздевалку Андрей.
– Не встревай, малец.

– Сам решил домашним стать, – ответил по-английски Андрей, отпирая свой шкафчик и снимая куртку. – Так что нечего на других кидаться.

– Что-о?! – Эд даже остолбенел на секунду. – Ты как меня назвал?

– А кто ж ты ещё, когда без волны трахаешься? – спокойно ответил риторическим вопросом Андрей.

Крис и Майкл переглянулись и одновременно кивнули, соглашаясь.

В раздевалку вошли Джо и Джим, за ними ещё пятеро, и Эд, круто повернувшись, вышел. Выяснять такое при всех он не будет, но с мальцом посчитается. Ах, чёртов поганец, ткнул носом и осадить нечем.

Крис и Майкл тоже не стали продолжать повернувшийся так неожиданно разговор. Вдарил Андрей по Эду крепко, ничего не скажешь, и за дело вдарил, чего там.

Переодевшись, все быстро разошлись по рабочим местам.

Задуманная ещё в Алабаме книга подвигалась туго, вернее, совсем застопорилась. Они оба, вернувшись в Россию, ещё за неё не брались. Навалилась куча дел и проблем, от которых уже отвыкли, да и цареградская суета кого хочешь закрутит. И у парней появились другие проблемы, схожие с теми, что у всех демобилизованных и освобождённых. А схожесть проблем естественно влечёт за собой и схожесть решений. В общем-то, все парни теперь крепко стоят на ногах, повзрослели, не бегают уже ни к нему, ни к Юрке, ни к Тёте Паше со всеми своими проблемами, хотя... хотя иногда он жалеет об этом.

Откозыряв часовому на входе – госпиталь военный, и порядки в нём неизменно армейские уже которое столетие –

Жариков прошёл к ротонде – восьмигранному залу в четыре этажа со стеклянным потолком и опоясанному лестницами и галереями. Молодцы, что сохранили этот реликт «гошпиталя воинского», очень хорошо смотрится.

Здесь всегда многолюдно, он и на свой этаж не успел подняться, как его окликнули, и совсем по-штатски, несмотря на то, что он ещё без халата, в полной форме.

– Иван Дормидонтович, здравствуйте.

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич, – улыбнулся Жариков высокому белокурому и совсем молодому мужчине, практически юноше, в белом халате. – Как дела, коллега?

– Спасибо, – Алексей польщённо покраснел. – Я хотел бы поговорить с вами, если возможно.

Жариков с улыбкой кивнул. Конечно, можно считать, что со студенческой скамьи и попасть в такой котёл. Но парень сам выбрал себе специальность сексолога, достаточно экзотическую и непривычную и для пациентов, и для коллег. И кажется, он знает, о чём пойдёт разговор.

– Охотно, коллега. Проводите меня?

– Да, спасибо.

Они поднялись на третий этаж и пошли по коридору.

– Я хотел посоветоваться. Вы... работали с... – и по-английски: – Со спальниками?

– Да, – пряча улыбку, кивнул Жариков. Этого он и ждал. И оказывается, русского эквивалента термину так и не придумали. Интересно.

– Я прочитал ваши отчёты. И доктора Аристова. И у меня возник ряд вопросов.

– Понятно, коллега, – и покосившись на красное от смущения лицо, решил помочь. – И что вас интересует? Процесс реабилитации?

– Да, конечно, – обрадовался Алексей. – Но не только. И процесс формирования. И вообще вся эта система. То, что я читал, мы ещё много говорили об этом, – он сразу утратил академический тон и заговорило сбивчиво, со студенческой запальчивостью. – Здесь столько неясностей, но, если свести воедино... отклонение не может численно превышать норму.

– Почему? – с интересом спросил Жариков.

– Потому что это уже вырождение!

– Согласен. Но проблема, коллега, в неопределённости критериев нормы, – Жариков улыбнулся. – Охотно с вами побеседую.

– У вас ведь есть... дополнительная информация, – Алексей снова покраснел. – Не вошедшая в отчёты.

– А у вас хорошая хватка, коллега. Но ведь и у вас наверняка что-то есть.

– Ну, – Алексей смущённо повёл плечом. – Я видел журналы, слышал кое-что, один такой журнал у меня есть.

– Интересно, – искренно сказал Жариков.

В самом деле, как и какая информация о спальниках и Паласах проникла в Россию, какие породила слухи и мифы... –

об этом они с Аристовым не думали.

– Интересно, – повторил Жариков уже с другой интонацией. – Журналов я не видел, вернее, не смотрел.

Они уже приближались к кабинету Жарикова и до начала приёма оставалось шесть минут. И о времени беседы договаривались уже впопыхах. Алексей убежал к себе на четвёртый этаж, а Жариков открыл свой кабинет и вошёл.

Быстро переодеваясь и готовя стол и бумаги к приёму, он напряжённо думал. Лишь бы Алёшка не полез к парням с вопросами: если не закончат, то до скандала с мордобоем парни в один шаг допрыгнут. А так... для начала он сам поговорит с Крисом и Андреем – самыми «продвинутыми». И если парни смогут сделать шаг от личных переживаний к академическому отношению, то Алексей может садиться за кандидатскую, а то и докторскую. Материал у парней по его специальности бесценный.

А теперь всё побоку и за работу.

В дверь кабинета осторожно постучали.

– Войдите, – с максимальной доброжелательностью сказал Жариков и улыбнулся вошедшему в кабинет молодому парню в госпитальной пижаме с заправленным в правый карман пустым рукавом. – Здравствуй.

– Здравствуйте, доктор, – ответно улыбнулся парень. – А я сегодня совсем хорошо спал.

– Отлично! – обрадовался Жариков. – Проходи и садись. Привычно щёлкнув переключателями на пульте селекто-

ра, Жариков сел за свой стол напротив парня и начал работу.

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Посёлок закладывали на десять домов, хотя жило в имении пять семей. Но хозяйство разрастается, дети вырастут и захотят жить своим домом...

– Надо вперёд смотреть, – Стеф отхлебнул кофе. – Не на день и не на год, на всю жизнь устраиваться.

– Да уж, – Мамми зорко оглядела стол. – Свой дом – великое дело.

– Точно, Мамми, – Роланд отщипнул край лепёшки и незаметным быстрым движением сунул его под стол в пасть

Лохматки. – Я вот в Бифпите когда углом своим обзавёлся, не дом ведь, а так, топчан за занавеской, а свой, тогда и понял. А тут цельный домина.

– Да уж, – подхватил Эйб. – Мы ходили смотреть сегодня. На совесть работают.

– Ещё бы, – хмыкнул Роланд. – Я, ну, тем, что на моём копошатся, так и сказал. Замечу чего, поотрываю всё так, что и в русском госпитале не пришьют.

Все дружно заржали, мелюзга аж визжала от восторга, а Роб сразу сказал:

– Лучше штраф взять.

– Это чем лучше? – подмигивая остальным, спросил Стеф.

– Ну, если папка кого поувечит, то его в тюрьму посадят, – Роб вздохнул. – А там и ему плохо, и нам без него голодно, и дом так и останется, ну, несделанным. Это одни убытки. А если большой штраф взять, то и дом починят, и папка с нами будет.

Роланд от смеха не мог говорить и всхлипывал, уронив голову на плечо Молли. Переждав общий смех, Стеф кивнул.

– Молодец Роб, всё правильно просчитал.

Роланд вытер глаза, одним глотком допил свою кружку и потрепал сына по голове.

– Всё так, Роб, но если так оторвать, чтоб никто не узнал. . .

– Ты чему мальчика учишь! – перебила его Мамми.

– Ну, Мамми, – заступился за отца Роб. – Я это и сам знаю.

– Точно, – кивнул Дик. – Всегда чисто замочить можно, вот в заваруху помню... – и поперхнулся от отцовского подзатыльника.

– Верно, – кивнул Сэмми. – А я добавлю. Коли уж сделал чисто, так и молчи, – и грозно посмотрел на своего.

Билли ответил таким ясным непонимающим взглядом, что все опять засмеялись.

Взрывы смеха доносились до их домика, но не мешали.

– Едешь завтра?

– Да. Покажусь в Колумбии, сделаю обоснование и поеду.

Джонатан кивнул.

– Тех двух делаем в любом случае.

– Слишком солидная подготовка, – хмыкнул Фредди. – А то лежит и пользы не приносит.

Джонатан отсалютовал ему стаканом. После зимней распродажи эта фраза была у них в ходу.

– Повезёшь нож? – после недолгого молчания спросил Джонатан.

– Светиться неохота, – качнул головой Фредди. – Да и незачем. Заговорит-то он и без этого.

– Да, – кивнул Джонатан. – Потом придумаем канал и перетащим.

Конечно, украшенный серебром пояс с длинным ножом в таких же ножнах – достаточная экзотика для таможни, могут возникнуть совершенно не нужные осложнения. А дело

слишком серьёзное, чтобы его совмещать с такими... любезностями. Фредди допил свой стакан и встал.

– Всё так, Джонни. Двух коней под одним седлом не объезжают.

Джонатан улыбнулся.

– Придумаем, Фредди.

– Не сомневаюсь. Ладно, Джонни. Не зарывайся только.

– Не учи, ковбой.

Фредди потянулся, упираясь кулаками в поясницу.

– Недели, думаю, мне хватит, но клади десять дней. Посиди пока здесь, пригляди за посёлком, то да сё.

– Сказал, не учи. Через неделю буду в Колумбии.

– Ла-адно, – Фредди передразнил его алабамский говор.

Джонатан рассмеялся, залпом допил стакан и встал. Вдвоём они быстро навели порядок, и Фредди ушёл к себе.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Дни стояли ясные, но холод по утрам уже не радовал, и

листва заметно желтела. Осень – она осень и есть.

Жизнь на два дома оказалась суматошной и страшно интересной. Времени ни на что не хватало, но отступать Андрей не собирался. А что комната пустая, так это не смертельно, всё равно он здесь только спит, и то не каждую ночь.

Обычно накануне школы он ночевал у Эркина, делая там уроки. А вот после школы шёл к себе. Всю ванную мелочёвку, включая халат, он купил, белья, и постельного, и нательного тоже, так что таскать в портфеле приходилось только книги и тетради.

И сегодня он с утра сделал уроки – они с Эркином опять в разных сменах, вот и получается неделя так и неделя этак, но менять смену неохота: если б не Василий, он бы ещё долго в учениках ходил. Андрей быстро пообедал, оставил Эркину задел и бегом на работу. Ну, никак ему с братом не пересечься – в три часа ему начинать, а Эркин только заканчивает. Ладно, в субботу точно увидимся.

– Всем привет!

– Здорово, Андрюха!

– Франтишь всё:

Андрей самодовольно ухмыльнулся, вешая в свой шкафчик куртку. Его джинсовые обновки ещё в первый день осмотрели и одобрили, но цена... правда, не осудили: франтить и деньги по ветру пускать ему по возрасту положено.

– Готов?

– На все сто!

– Тогда пошли.

Началась работа – все мысли побоку. Но и это смотря по работе. Всё-таки у него не первые дни, когда всё внове и ни в чём не уверен. Так... уроки сделаны, сложнее, конечно, чем в началке, но пока он тянет без особого напряжения... надо бы пельменей купить, мировая штука, бросил в кипяток и лады... сметаны ещё, уксус у него есть... припасов вообще... выше маковки, макароны всякие, крупы, а чего он ещё купит, так это холодильник, уж так его в газете расписали, правда, штука это дорогая, кто спорит, но и удобная, конечно, им, кто в Старом городе, такой выпендрёж ни к чему, погреба да ледники у всех, а те вдобавок и электричества не жрут, а вот им с Эркином такая штука очень даже в масть будет... а ехать за холодильником в Сосняки надо, когда ещё здесь расчихают... так, по субботам школа, а за полдня не обернёшься...

Все эти мысли не мешали ему бегать, подкручивать, держать, задираться и отругиваться, да ещё Василий подстегнул:

– Не спи!

– Так я...

– Вижу, что ты, а о девках после работы думать будешь.

Андрей думал совсем не о девках, но благоразумно не возразил, да и работа пошла не в пример сложнее.

Хозяйство, как Андрей уже давно понял, было большим и весьма разнообразным. Директор брался за любое дело. Здесь чинились и регулировались все машины Загорья и

округи, сюда дорожная милиция гнала на проверку и техосмотр все новокупленные. Городская Управа вздумала автобусы купить? Так и стоянка, и обслуживание – всё здесь. Нилыч купил себе молоковоз? Обслужим в лучшем виде. Заводские машины? Хоть грузовики, хоть легковушки – нам не в тягость, вам не в убыток. Да и зачем на машины тратить, когда на комбинате и машины, и шофёры, милости просим, сдали заявку – и всё вам сделают. Народ повадился за покупками в Сосняки ездить? Так и автобусы, и такси любые. Комбинат потому комбинатом и называется.

– А оборотистый мужик.

– Кто, директор? Ну, так ему иначе нельзя.

– Это почему?

– А ты думаешь, он сам от себя? Нее, над ним тоже стоят.

А он с процента работает.

– А чего ж мы на окладе?

– Профсоюз постарался. Чтоб если застой там, или что, мы своё всё равно получим.

Твёрдый оклад и премии с прибыли – это он по выпасу и перегону помнит, а ещё «ёлочные» на Рождество... но это так, на жизнь и на гульбу, а на обустройство и обзаведение у него ссуда есть. А холодильник, как ни крути, вещь стоящая.

Под эти мысли и разговоры время докатилось до обеда.

Андрей достал коробку с бутербродами, заварил прямо в кружке чай и сел на своё обычное место. Напротив него расположился Митроха со своим узелком. Подходили и расса-

живались остальные. Погода, хозяйственные хлопоты, ещё кой-чего... о работе говорили мало – спокойный день сегодня.

Андрей пил не спеша и, как все, вприкуску, растягивая бутерброд. Ели все спокойно, вместе, но каждый своё. Домашние и покупные пироги, бутерброды, хлеб с крутыми яйцами и зелёным луком. Покосная страда свалена, а огородная не к такому спеху, картошку копать и в дождь можно.

– А сушить где?

– А в риге.

– Завязал с рожью, значит?

– Возни больше, чем выгоды.

– И то.

– Не война сейчас.

Подходили обедавшие во дворе шами и лапшой у торговков, эти только пили чай, растягивая один кусок сахара на две кружки.

– Землю обиходить надо, душу вложить, а не в силах, так отвали.

– Продать?!

– Охренел?!

– Зачем? В аренду сдай. И земля не гуляет, и деньги идут, и руки свободны.

– Если ты такой умный, так чего здесь горбатишься?

– А кто мне на своё дело отвалит?

– Ссуду если в банке брать, так это ж кабала.

– А комитетские беспроцентные не про нас.

– Да уж.

– Вот ты скажи, я ж воевал, кровь проливал, а тут вот за что деньжищи им такие?

Андрей в начале разговора благодушно слушал в пол-уха, но сейчас подобрался. Пока впрямую его не задели, но если что...

Василий допил свой чай и поставил кружку доньшком кверху.

– Последнее дело в чужом кармане деньги считать. Андрюха, готов?

– Как штык, – вскочил на ноги Андрей.

Помыть и убрать кружку, убрать коробку и на выход. На всё про всё и двух минут не ушло. Нет, разговоров о ссудах комитетских, что сумасшедшие деньги, и ни за что, и без возврата, он уже наслушался. До стычек пока не доходило. И о тараканах он слышал, но тоже... стороной. Впрямую ни Эркина, ни кого другого из знакомых не задевали, и повода для драки не давали. А в школе их класс вообще – смесь смесью. И на шауни уже друг к дружке присмотрелись. Те, что с завода, к Эркину с полным уважением, а со стройки – их двое всего – так что не трепыхаются. А рабочий день катился своим чередом.

Пару раз его от Василия дёрнули, но оба раза по делу, да и Сидоров – не тот человек, чтобы попусту теребить. И работа не так уж чтобы, обычный осмотр с лёгкой регулировкой, это

он уже и знает, и может. И шофёр помогает.

– Твоя, что ли?

– Арендую, – и веско: – С выкупом.

Грузовое такси – спереди легковушка, а сзади крытый грузовичок – новизна, конечно, но извозом многие и подрабатывают, и зарабатывают, так что всё понятно. И что мужик свою «пегашку» чуть ли не вылизывает, и что Василию «благодарность» сулил, лишь бы ему всё получше сделали – тоже всё понятно. Клиент-одиночка – доходная штука, у Василия, да у всех, кто поопытней, своя клиентура, постоянная, и у Тима наверняка есть, но про его клиентов молчат намертво, видно, там ой как непросто.

Как будет вначале, так потом и пойдёт. А, ну, не неприятности, но заминки начались с Сосняков. Пришлось брать такси и светиться на стоянке и у диспетчера. И время. Пока объяснялся с диспетчером, пока отыскивали шофёра, знающего по-английски, пока с ним договорился, пока доехали...

Фредди знал, что Загорье не рядом, они с Джонни сразу по карте всё выверили, а там Загорье вообще точкой – посёлком, не городом числилось, устарели карты имперские, хоть и штабные – но уже стемнело, а они только к городу подъехали.

Он расплатился с шофёром – как и договаривались, оба конца – и, когда машина, мелькнув огнями, уехала, оглядел дом. Шестиэтажный, крепкий и основательный, как боль-

шинство здешних построек, вполне городской дом. Большинство окон светилось. Ну, будем надеяться, что Эндрю дома, а не у Эркина, для сегодняшнего разговора Эркин никак не нужен.

И тут новая неудача.

– Ищете кого? – прозвучало за спиной по-русски, и сразу, так что Фредди обернуться не успел, по-английски: – Кто вам нужен?

Чуть прищурившись, Фредди оглядел мужчину в армейской форме без знаков различия, но с наградами. Местная полиция? Нет, у тех форма другая. Но тон командно-уверенный, спрашивает по праву. Опять засветка, но другого варианта нет.

– Я ищу Мороза. Эндрю Мороз. Он живёт здесь, – Фредди говорил короткими правильными фразами, чтобы его гарантированно поняли.

– Я знаю его, – кивнул мужчина. – Я – комендант. Сейчас его нет дома.

По-английски комендант говорил правильно и очень чётко, но с заметным акцентом.

– Он на работе или в школе? – так же чётко, чтобы его лучше поняли, спросил Фредди.

Комендант снова оглядел его. Но тут вмешалась проходившая мимо них к подъезду и остановившаяся послушать женщина.

– Ой, вы Андрюшу ищете? – и перешла на английский. –

Он во вторую смену сегодня, на работе он.

Фредди благодарно улыбнулся ей, и она, не обращая внимания на нахмурившегося коменданта, смешивая английские и русские слова, рассказала Фредди, как ему пройти на комбинат и спросить в диспетчерской Зою, а уж она вызовет Андрюшу.

– Большое спасибо, – Фредди с максимальными вежливостью и добросердечием, старательно выговаривая русские слова, поблагодарил женщину, попрощался с ней и комендантом и отправился в указанном направлении.

За его спиной комендант выговаривал женщине за болтливость, а та оправдывалась, что война когда ещё кончилась, и как не помочь, когда к тебе по-людски, а ежели парень прямо с работы в загул уйдёт, водится за ним такое, а человек из какой дали, Пограничья, приехал, наверняка ведь по кровному делу, сейчас вон как все родню ищут... Но Фредди этого уже и не расслышал толком, а услышанного не понял.

Всё обошлось, но опять засветка, и солидная. Комендант – это серьёзно. Надо подумать об обосновании для Эндрю, да и для себя самого и обговорить, чтоб без разногласицы если что. А дорогу, надо признать, объяснили весьма толково, женщины редко хорошо объясняют, хотя если она тоже в автохозяйстве работает, то понятно, похоже, вроде Грымзы, тоже маршрутки выдаёт.

Прохожих было немного, окна в домах гасли. Провинция везде рано засыпает. Порыв холодного ветра заставил его за-

пахнуть плащ. Неужели в России так рано предзимье наступает?

Работали в цеху, и каково там на дворе, было неощутимо и неважно. Андрей втянулся, да и Василий отошёл перекурить, оставив его одного. Хотя и на сущем пустяке, а теперь ухо остро держи, не напортачь ненароком, не подведи наставника. Хозяин машины взволнованно сопел, глядя на его работу, топтался, но молчал.

И тут его позвали.

– Андрюха! Вылазь!

– Какого хрена?! – вынырнул он из-под крышки капота и увидел Зойку-диспетчершу. – Чего тебе приспичило?

– Ох, и грубьян же ты, за что тебя только девки любят.

– Не за язык, понятно, – сразу ответил Андрей.

И цех грохнул дружным одобрительным хохотом, радуясь бесплатному развлечению и почти законной передышке. Зойка – своя баба, и подыграет, и не выдаст.

– Тебя там иностранец спрашивает, – отсмеялась Зоя. – Видный такой мужчина.

– Меня?! – изумился Андрей и тут же, увидев лица остальных, забалагурил: – Вот я мастер какой, из-за границы ко мне едут.

– Иди, балабол, – махнул рукой Сидоров. – Если это по той части, где ты мастер...

– То сей секунд оженят, – подхватила Зоя. – Папаша кру-

той.

– Так ты, значит, сюда из-за этого рванул? – вылупил глаза Митроха. – Чтоб не жениться?

– Андрюха, так на свадьбу иль на крестины скидываться?

– А без разницы, – вытирал руки Андрей. – Лишь бы побольше и сразу.

– Да-а, возьмут бычка на верёвочку.

– Зой, неужто отдашь?

– А с женатиком мне же легче, – поддерживала игру Зоя.

– Во, Зойка, хват-баба!

– А ну, губы утри, Зойка я ему...!

– Кому Зойка...

– А Лапушке так Заюшка, – бросил, не оборачиваясь, Андрей уже на выходе.

За его спиной бурно ржали и дразнили покрасневшего Лапина, никак не ждавшего, что его тайна известна.

Андрей перебежал залитый прожекторным светом двор и вошёл в диспетчерскую. Подмигнул Томке – черноволосой и румяной девушке – за пультом связи.

– Привет, цветочек аленький. И кто тут меня ищет?

– А вон стоит! – фыркнула Томка.

У окна высокий мужчина в плаще и явно нерусской... ковбойской?!.. шляпе. Андрей невольно расплылся в улыбке и шагнул к нему, обтирая руки о комбинезон.

– Привет!

Фредди обернулся и кивнул. И, увидев его лицо, Андрей

спросил прежним залихватским тоном, но и слова, и интонация уже предназначались Томке и вошедшей в диспетчерскую Зое.

– И чего стряслось? Мотор перегрелся или тормоза отказали? – и тут же повторил фразу по-английски.

Фредди ещё раз кивнул, показывая, что понял и принял игру. Голос его был ровен и пугающе – для знающих и понимающих – спокоен.

– Сколько до конца смены?

Андрей посмотрел на настенные часы.

– Час с небольшим.

– Отпросись.

Андрей кивнул.

– Понял. Жди здесь, – и по-русски весело, для Тома и Зои: – Погулять я завсегда готов.

Фредди понял и тоже улыбнулся внимательно следившим за разговором женщинам.

По дороге в цех Андрей никак не мог придумать, что сказать Сидорову, и пришлось говорить правду. Не всю, конечно, но всей он и сам пока не знает, просто чувствует, что серьёзное дело. Поэтому так и сказал:

– Мне надо уйти. Я потом отработаю.

Сидоров внимательно посмотрел на него.

– Очень надо? – и не дожидаясь ответа: – Раз надо, иди.

– Спасибо, – ответил Андрей и повторил: – Я отработаю.

– Там решим, – отмахнулся Сидоров.

К удивлению Андрея, никто ни о чём его не спросил. Будто догадались... о чём-то, или им сигнал какой-то подали, а он и не заметил, и не понял. Ладно, это потом. В бытовке он быстро вымыл руки, переоделся, запер шкафчик и поспешил в диспетчерскую.

Фредди по-прежнему стоял у окна, и Тома с Зоей разглядывали его, улыбаясь, но как-то неуверенно.

– Я готов, – от порога сказал по-русски Андрей. – Пошли?

– Да, – кивнул Фредди, улыбнулся женщинам и пошёл к двери.

– Андрюша, – Зоя переложила на своём столе график. – Завтра не опоздай.

– Я в школе с утра, – ухмыльнулся Андрей. – Не бойсь, Зой, всё будет в порядке.

И тут же повторил это по-английски. Для Фредди. И по его мелькнувшей улыбке понял, что дошло.

На улице было уже совсем темно и пустынно по-ночному. Фредди начал сразу.

– Надо поговорить. Идём к тебе.

– Хорошо, – кивнул Андрей. – Пожрать только купим по дороге.

Фредди кивнул. Их голоса далеко разносились по ночной улице, и до магазина они шли молча.

Маленький, но с полным ассортиментом, деревянный магазин в ста метрах от «Холостяжника» работал и днём, и ночью. Андрея здесь уже знали. Как и всех жильцов, что по

дороге домой закупались едой и всякой кухонной и прочей обиходной мелочёвкой.

Для Фредди это было лишней засветкой, но одинокий прохожий на ночной улице ещё приметнее, и он зашёл в магазин вместе с Андреем. Поглядев на его покупки, дал расплатиться и подошёл к прилавку. Андрей приготовился переводить, но, к его удивлению, Фредди достаточно ловко управлялся и сам. Бутылка дорогого вина, хорошая водка, всякая деликатесная нарезка.

– Счастливо погулять, – улыbnулась им, сооружая для Фредди пакет, зеленоглазая продавщица, до того веснушчатая, что казалась красной.

– Спасибо, Манечка, – улыbnулся Андрей.

Улыbnулся и Фредди: это уже не столько засветка, сколько обоснование. Можно и нужно подыграть. И не следующий вопрос продавщицы ответил он.

– Встречу празднуете?

– Да. Хорошую встречу.

Когда они вышли из магазина, Андрей хмыкнул:

– А ты здорово по-русски наострился.

– Приходится, – нехотя ответил Фредди.

Возле дома было так же пустынно. Окон в «Холостяжнике» совсем мало светилось. Кто на дневной – уже спят, а с вечерней ещё не пришли.

Молча вошли в подъезд и поднялись на четвёртый этаж. Фредди отметил про себя, что на каждой площадке шесть

квартир, лифта нет, окна на лестнице для просмотра неудобны – слишком высоко – и «случайного» падения из окна быть не может, да и выбросить проблематично. С улицы подстрелить очень сложно, и изнутри – тоже. Квартира двадцать три, окна должны выходить на сторону входа, уже легче.

– Эркин знает, что ты приехал? – спросил Андрей, когда они вошли в квартиру.

– У меня дело к тебе, а не к нему.

– Понял, – кивнул Андрей. – Раздевайся, проходи. На кухне будем сидеть.

Фредди огляделся. Оклеенная обоями «под дерево» прихожая с большой удобной вешалкой-шкафом и высоким зеркалом, красивый фонарь под потолком. И обилие дверей. Это... проход в кухню, это... похоже, кладовка, там... ванная, уборная, комната...

Двигался, открывал и закрывал двери Фредди бесшумно, но, когда он вошёл в кухню, Андрей, колдуя у плиты, улыбнулся.

– Всё осмотрел? – и, не дожидаясь ответа. – Ещё лоджия здесь. Комнату я не делал ещё, а кладовку видел? Как я верстак приспособил, а?

Говорил он весело и легко, не нуждаясь в ответных репликах.

– Ванную Эркин делал. Классно, да? И полы он натирал. Как он, так никто не умеет. Я только в прихожей обои сменил, а там не трогал. Всё равно, думаю, за мебелью видно не

будет. А вот кухню, ванную, кладовку – это всё сразу единым духом, чтоб уже жить начать. Пельмени будешь? – и пауза, показавшая, что тут надо ответить.

– А что это? – спокойно поинтересовался Фредди.

Он уже нашёл тарелки и раскладывал на столе свои покупки.

– Вкуснота и варятся быстро.

– Значит, буду, – усмехнулся Фредди. – У тебя что для водки?

– Вон в коробке. Подарили полный набор, – рассмеялся Андрей. – А я их и не доставал ещё.

Фредди увидел на полу у окна пёструю коробку. Открыл. Маленькие стаканчики, рюмки и бокалы. Так... для водки, надо полагать, для вина, неважно какого, и воды. И всего по шесть. Стекло, но под хрусталь. Не так уж плохо.

– И от кого такой подарок?

– Не знаю.

Андрей отошёл от плиты и присвистнул, увидев накрытый стол.

– Однако! Как на королевском ужине. Неужто так запомнил?

– Я курсы кончал, – усмехнулся Фредди.

Оба были подчёркнуто спокойны и неторопливы: разговор предстоял серьёзный и тратить силы на пустяки неразумно.

– А эти... твои где?

– Закипит, и засыплю. Их горячими едят.

– Ладно. Что ж ты, подарки берёшь и, кто дарит, не знаешь?

– А, так это у меня беженское новоселье было. Ну, приходят друзья, там с работы, знакомые, приносят всякого на обзаведение, квартиру обустраивают, вон, люстры, шторы повесили, шкафы, ну, чтоб жить можно было начать. А потом гуляем.

– Понял. И что, – с интересом спросил Фредди, – это в России так заведено?

– Во всей России, – пожал плечами Андрей, – не знаю. А у нас да, – и рассмеялся. – Понимаешь, новоселье – это когда хозяин созывает гостей и угощает всех. Есть ещё, по-русски, *помочь* называется, не знаю, как по-английски, это когда тоже друзья, нет, лучше, кореша, собираются, ну, там построить что или с покосом помочь.

– Понятно, – кивнул Фредди. – В Аризоне так же заведено издавна.

– Ну вот. А беженское новоселье – это и помощь, и прописка, и гульба. Всё сразу. Я вселялся когда, так весь дом гулял. Мы ж все, не все, но полдома точно от Комитета, беженцы, репатрианты.

– За такие деньги можно и подольше гулять, – усмехнулся Фредди. – Сколько получил.

– Ты про ссуду комитетскую, что ли? Ну, так сколько всем. Как и положено. На человека и столько же на семью. А я как

одиночка шёл.

Фредди кивком одобрил, что Андрей не назвал точной суммы, но слегка подколот.

– С такими деньгами и рабочим в цеху. Чего ж так?

– Ты ж тоже на контракте, хоть и побольше имеешь.

– Хорош, – одобрил удар Фредди.

Андрей самодовольно ухмыльнулся.

– Давай начнём. Как вода поспеет, брошу, и по второй успеем, а третью уже с пельменями, пойдёт?

– Тебе виднее, – кивнул Фредди. – Их с водкой, что ли, надо?

– Ну да, пельмень без водки не тот вкус имеет.

– Понятно.

Оглядев ещё раз стол, Андрей достал из шкафчика под окном три туска.

– К водке, Фредди, вот что идёт. Огурцы, грибы и капуста ещё. Вот увидишь.

– Видел, – усмехнулся Фредди. – И пробовал.

– Это где? – удивился Андрей, оборачиваясь к нему.

Он сидел на корточках у открытого шкафчика. Фредди сверху вниз посмотрел на него.

– В барах местных.

– Трактирах, что ли?

– Да.

Наконец сели за стол.

– Ты хозяин, – Фредди кивком показал на бутылки. – Раз-

ливай.

– Ну, лью по-русски, а пьёшь, как хочешь.

Андрей открыл бутылку водки, налил полные стопки.

– Ну, за встречу.

– Давай, – согласился Фредди. – Будь.

– Буду.

Андрей быстрым броском выплеснул содержимое стопки в рот и взял огурец. Фредди привычно отпил глоток и тоже заел огурцом. За огурцами последовали грибы, ломтики жирного мяса и рыбы с хлебом, капуста.

– Ну, – заев водку, улыбнулся Андрей, – есть дело, разговор или просто гуляем?

– А сам как думаешь?

– Ну, разговор, думаю, по делу, а с делом проблем нету...

– Это как? – не дал ему договорить Фредди.

– А просто. Ты мне даёшь кликуху, хазу или где ещё я его найду, и сваливаешь. А остальное – моё дело.

– Думаешь?

– Не бойсь, всё сделаю чисто. А у тебя алиби будет... железное.

– За моё алиби я с тобой ещё посчитаюсь, – глухо сказал Фредди. – Всё сказал?

Андрей пожал плечами и встал, подошёл к плите. Разорвал коробку и всыпал в kloкочущую воду белые твёрдые пельмени. Коробку сбросил в ведро для мусора. Взял вторую коробку, её вскрыл уже спокойно, высыпал в кастрюлю со-

держимое, снял с крючка ложку на длинной ручке, перемешал, повесил ложку обратно, выбросил коробку и вернулся к столу. Взял бутылку и налил себе водки, опять полную, посмотрел на стопку Фредди, снова пожал плечами и поставил бутылку, сел на своё место.

Фредди молча ждал.

– Насчёт гульбы теперь: – Андрей улыбнулся. – Вот этого не знаю. Что празднуем, Фредди? Или поминаем кого?

– Да, – твёрдо ответил Фредди.

– Другое дело, – Андрей взял стопку. – Так как? Жалко хорошего человека или туда сволочи и дорога?

– Ты мочил, тебе и решать, – усмехнулся Фредди.

– Я?! – изумился Андрей и тут же рассмеялся. – У меня таких, замоченных, знаешь, сколько набралось? За восемь-то лет. И не запомнишь всех. Так за кого, Фредди?

– Джимми Найфа помнишь? – твёрдо спросил Фредди.

Ни рука, державшая полную стопку, ни мускул на лице Андрея не дрогнули, светлые серо-голубые глаза смотрели на Фредди спокойно и очень внимательно.

– Джимми Найф? – переспросил Андрей. – Не помню такого. Он когда залетел?

– Он не был в лагере, – терпеливо ответил Фредди. – А из Уорринга его выкупили через два года после меня.

– А-а, – понимающе протянул Андрей. – Так это кореш твой?

Фредди медленно поставил на стол стопку и сжал кулак.

Андрей по-прежнему смотрел на него.

– Нет, – наконец сказал Фредди очень спокойным тоном. – Он не был моим другом.

– Тогда туда ему и дорога! – Андрей опять забросил себе в рот водку, взял ломоть чёрного хлеба и стал вдумчиво сооружать многослойный бутерброд.

Фредди дал ему закончить и съесть бутерброд.

– Выпил? – Андрей кивнул. – Закусил? – новый кивок. – А теперь рассказывай.

– О чём? – Андрей встал и подошёл к плите. – Я ж говорю, быстро варятся. Тебе как их? Как положено или по-нашенски?

Терпение Фредди было неистощимым.

– И какая разница?

– Ну, по-нашенски – это с бульоном, чтоб и первое, и второе сразу.

– Делай, как себе, – решил Фредди.

Андрей кивнул и достал две глубокие тарелки. Щедро навалил пельменей, залил дымящейся перламутрово блестящей от жира жидкостью, поставил на стол.

– Вот, сметану клади, масло, уксус. Или всё сразу.

Фредди критически оглядел свою тарелку и последовал совету. Всё равно он из Эндрю всё выжмет, не за тем ехал в такую даль, чтобы набить щенку морду и уехать ни с чем. Ковбоя не переупрямить.

Андрей разругмянился то ли от еды, то ли от водки. Тре-

тью он не налил, и Фредди не напоминал ему. Надрызгаться в хлам, чтобы свалиться и не отвечать – это в Аризоне испокон веку прокручивали. С пьяного спросу нет и веры его словам тоже. Но с ним этот фокус не пройдёт. Дав Андрею выхлебать полтарелки, он упрямо повторил:

– Рассказывай.

– О чём? – с тем же упрямством спросил Андрей.

– Как Найфа мочил?

– И всё:

– Хорошо. Как попал к нему, раз. Как мочил, два. Как ушёл, три.

– Не много будет? – поинтересовался Андрей, заедая пельмени бутербродом из ветчины с сыром.

Фредди кивнул.

– Тебя когда ранило?

– В Хэллоуин, тридцать первого октября.

– Правильно. А в комендатуру в Гатрингсе когда вошёл?

– Промах, – ухмыльнулся Андрей. – Не в Гатрингсе, в Дар-роуби. Первого марта. В восемь ноль три.

– Тоже правильно. Вот и расскажи, день за днём. Понял?

– Понял, – кивнул Андрей, глаза его блестели. – Так ведь нечего рассказывать. Понимаешь, меня как шарахнуло, так я и вырубился. А очухался когда, так смотрю, весна, солнце светит, птички поют, а я перед комендатурой стою. Я и вошёл. А у них на стене календарь и часы. Я и запомнил. Дату и время. И всё, Фредди. Ничего я больше не помню. Хоть

что мне шей.

– Шить тебе не надо. Своего навалом.

– Тоже верно, – покладисто кивнул Андрей. – Только оно всё недоказуемое. А оставить в подозрении... так на это и начхать можно.

– Дурак! – не выдержал наконец Фредди.

Андрей заржал.

– А я и не отказываюсь! – и тут же серьёзно: – Не хочу я говорить. И не буду. Понял? Ничего ты не докажешь. Никто не докажет!

– Так доказательства, значит, нужны? – Фредди усмехнулся. – Ты ж наследил... больше некуда. И ещё... смотри.

К удивлению Андрея, он отодвинул тарелку, достал из кармана спичечный коробок и стал выкладывать на стол спички.

– Один труп... второй труп... этот на спинке... этот так же... тут мочила стоял сзади, и здесь он другого места не нашёл... тут задушили, тут горло перерезали... тут камушки с рыжьём в нутряке оставили, тут двести кусков сверху положили... тут посыпано, и тут так же... здесь перец с табаком смешали, и тут смесь разных перцев... этот не трепыхнулся, лёг, как стоял, только зубы оскалил, и этот слезами облился и лёг... Ну как? Хватит?

– И долго ты до этой херни додумывался? – насмешливо спросил Андрей.

– Не зарывайся, – предостерёг его Фредди. – Ты не ше-

стёрка, но моя масть выше. И врать не буду, я тоже не чухнулся, пока мне также не выложили. И добавили: – Фредди достал ещё две спички. – Это по-лагерному, и это тоже. И ещё... Может, хватит?

– Это, – Андрей показал на второй ряд, – как я понимаю, Найф. А это, – он занёс руку над вторым рядом, – кто?

– Крыса. Забыл Мышеловку?

– Фью-ю! – пренебрежительно присвистнул Андрей. – Так не сходится тогда. Там я чист, контрразведка подтвердила. Значит, и здесь не я.

– Тебя там Джонни отмазал. И меня с Эркином, кстати, тоже. И особо мочилу не искали. Крыса-то вне закона был.

– А Найф что, не в розыске? СБ нет, прикрывать его некому.

– СБ нет, так и говорить о ней нечего, а...

– Ладно, – перебил Андрей. – Ладно, ты мне не пахан, так что я тебя тоже спрошу. Ответишь правду, будет разговор. Соврёшь – сяду в несознанку, и хрен ты что с меня получишь.

– Ты мне условий не ставь, – посоветовал Фредди. – Я нервничать начинаю. Но спрашивай.

– Как вы на неё вышли? Раз.

– Стоп. На кого на неё?

– А откуда ты ещё знаешь, когда меня ранило и когда я когти оборвал?

– Первого ноября тебя уже никто не видел, и Эркину в ту

же ночь девчонка рассказала.

– Ладно. А про комендатуру?

Фредди усмехнулся.

– Ты ж сам и проболтался. Ну, в Сосняках. Что приехал в начале мая и что в Атланте два месяца просидел. А просчитать нетрудно. Съел?

– Допустим, – кивнул Андрей. – Теперь кто это такой умный? – он показал на спички. – И с чего он тебе это показывать стал?

– Про Бульдога слышал? – ответил вопросом Фредди. Андрей настороженно кивнул. – Вот он. А с чего? – Фредди вытащил ещё шесть спичек. – Смотри, чем он закончил, – и, выкладывая спички, заговорил уже с новой, незнакомой Андрею интонацией, явно кому-то подражая: – Здесь у тебя алиби, Ковбой, и здесь алиби. Здесь твои пастухи были, значит, и здесь они же, здесь тебе было выгодно, значит, и здесь для тебя делали, – и уже своим голосом: – И последний вопрос, – и опять тем же чужим. – Где лагерник, Ковбой.

– Ни хрена себе! – Андрей оттолкнулся от стола и встал, прошёлся по кухне.

Фредди молча следил за ним.

– Это что ж, – Андрей встал рядом с ним, разглядывая два ряда по двенадцать спичек. – Он эту сволоту на тебя вешает? Ты ж стрелок, и алиби у тебя.

– Ну, алиби у меня, – Фредди показал на второй ряд, – хреновое. Где мы с Джонни в ту ночь были, ты ж его под

двадцать восьмое завалил, так? – Андрей кивнул. – Ну вот, а где мы были, лучше никому не знать. А что я – стрелок... так он меня организатором пускает. По совокупности.

– Хреново.

Андрей сел к столу и стал доедать пельмени. Поднял от тарелки глаза.

– Не понравились?

Фредди покачал головой.

– Почему? Нормальная еда.

Взял ложку и пододвинул к себе тарелку, смешав ряды спичек.

– Слушай, – вдруг спросил Андрей. – А чего он сам до сих пор живой, раз такой умный?

– У дурака и вопросы дурацкие, – хмыкнул Фредди. – Жабу замочишь, пиши пропало. До суда не доживёшь.

– Найд же рискнул.

– А ты думаешь, чего тебя как Неуловимого Джо ищут?

– Неуловимый Джо? – переспросил Андрей. – Это кто?

– Неужто не слышал? – удивился Фредди. – Вся ж Аризона знает.

– Я там не был.

– Ну, слушай. Был такой ковбой, Неуловимый Джо. Никто его поймать не мог. А почему? А потому, что он на хрен никому не был нужен.

Андрей с удовольствием заржал. Улыбнулся и Фредди, говоривший до этого очень серьёзно.

– Ладно, – отсмеялся Андрей. – С этим ясно. Но пока я здесь, к тебе они ничего не привезят. И третий вопрос. Зачем это тебе?

Фредди кивнул.

– И на это отвечу. Сколько пачек было?

– Три.

– Все по сто?

Андрей покачал головой.

– Нет, третья десять кусков.

Фредди кивнул.

– Похоже на задаток. Кто наши головы у Найфа покупал?

– Я их не видел.

– Мне всё надо знать. Тебе – мелочи, тьфу, пустяк, а мне – наводка. День за днём расскажи. Всё. До мелочи. Некогда мне тебя вопросами мотать.

Андрей, тяжело оттолкнулся от стола, встал, взял опустевшие тарелки и сложил их в мойку. Пустил воду, но тут же выключил и обернулся к Фредди.

– Не надо, Фредди, – попросил он. – Не надо. Ведь... ведь ты допросишься, что я и впрямь всё тебе расскажу. Не надо, Фредди, несказанного не знаешь.

– Та-ак, – протянул Фредди. – И чего же такого я знать не должен?

Андрей стоял у мойки, опираясь о раковину заведёнными за спину руками.

– Фредди, если я тебе всё расскажу, ты ж... тебе же уйти

тогда надо, насовсем. И молчать обо мне, вмёртвую, что... что за одним столом сидели, что жрали вместе...

– Вот оно что, – Фредди пристально смотрел на него, высокого, светловолосого, в джинсах и голубой джинсовой рубашке. – А я-то понять не мог. Так ты из-за этого ему живот вспорол?

Андрей угрюмо кивнул. Фредди пришлёпнул стол ладонью.

– Рассчитался? – и не дожидаясь ответа: – Значит, чист.

– Фредди, – Андрей подался к нему, но с места не сошёл. – Фредди, по закону... Ты что, не знаешь?

– Умный ты парень, – с сожалением сказал Фредди, – но дурак. Закон когда соблюдать надо? Когда он за тебя. И ты ж рассчитался, кровью смыл, как по тому же закону и положено. Так что, садись и рассказывай.

Помедлив, Андрей вернулся к столу и сел. Испытывающе посмотрел на Фредди. Фредди твёрдо выдержал его взгляд.

– Спрашивай, – повторил Андрей.

– Как ты к нему попал?

Андрей с силой потёр лицо ладонями и уронил руки на стол.

– Он мне в морду нервно-паралитическим газом залепил. Из пистоля. Насадка специальная есть. Я об этом ещё там, – он кивком показал куда-то за стену, и Фредди понимающе кивнул, – слышал. Это только у СБ было, у особого отдела. Ну, я вырубился. Вот тут, – Андрей усмехнулся, – тут про-

вал, Фредди. Три недели трупом отвалился. И месяц потом больной мухой ползал.

– Где? Ну, куда он тебя...?

– Без имён, Фредди, ладно? Хорошая девчонка.

– И как ты с ней поладил?

– Два зека против охранюги всегда договорятся, – улыбнулся Андрей.

– Понятно, – кивнул Фредди. – Значит, – он быстро прикинул в уме даты, – двадцать восьмого ты у неё был?

– Да.

– Расплатился полностью?

– Девять семьсот отдал. И... да ладно, Фредди, хорошая девчонка, я ж говорю. Он и её хотел... На ней мне проверку устроить.

– Так, – кивнул Фредди. – С ней ясно. Так кем ты был? Для него?

– Он беспамятным хотел меня сделать. Ну, чтоб руки работали, а голова не варила. Я и подыграл.

– Лихо закручено, – хмыкнул Фредди. – Сам он вряд ли до такого допетрил. Кто-то подсказал, – Андрей молча пожал плечами. – Ладно. Долго ты у него прожил?

– После Нового года он меня увёз, – Андрей улыбнулся, – дурака дураком. Ну, и пошла круговерть. Каждая ночь на новом месте.

Фредди задумчиво кивнул.

– Дважды Найф и раньше в одном месте не ночевал. Он и

до Уорринга таким был. Кого с ним видел?

– Никого. Думаю, прятал он меня. Я ж, – Андрей усмехнулся, – нож ходячий, а оружие на виду не держат.

Фредди пристально посмотрел на него.

– Кто из нас был ему нужен?

– Оба. Нужны деньги Джонни. Пока он жив, их не взять. Пока жив ты, его не взять.

Фредди оттолкнулся от стола и встал.

– Умный дьявол, – прошёлся по кухне. – Нет, всё же не сам придумал. Ладно, – вернулся к столу. – На тебя его кто навёл? Говорил?

Андрей кивнул.

– Пит, – теперь кивнул Фредди. – Но он говорил, что его русские пристукнули. За мародёрство.

– Верно. Ещё что говорил?

Андрей ненадолго задумался.

– Живых имён он не называл. Я хоть и беспамятный, и дурак, но он никому не верил. Деньги он в последний день привёз. Не знаю, от кого. И тогда же этот заявился. Со своей кодлой. Товар посмотреть. Тут при мне говорили. Но денег он Найфу не давал. Обещал потом.

Фредди кивнул.

– Давай подробно.

Андрей вздохнул.

– Я не Эркин, так не умею. Ну, слушай. Он смылся куда-то, а мне спать велел. Даже не знаю: день там или ночь

на дворе. Вернулся, довольный вернулся. Поставил бутылку, стаканы. И тут приехали. Четверо. Все в шляпах, плащах, перчатки кожаные. Не сняли ни разу. Пахан, при нём такой... вроде шкелетины, но не доходяга, а так... стручок, сморщенный в очках, и две шестёрки, шеи больше головы. Ну что? – Фредди молча ждал. Андрей снова потёр лицо ладонями. – Пить не стали. Шестёрки меня на диване зажали, а Найф с этими двумя за столом. Там игра должна была быть... крутая всерьёз. И вот на ней Джонни на плутовстве должны были поймать. Что дальше – понятно.

Фредди напряжённо кивнул и спросил:

– А я бы где был?

– А ты бы уже холодный лежал. Джонни же без тебя работу начинает, я понял, ты позже подходишь. А вошёл бы не ты, а Найф.

Фредди встал, отшвырнув упавший стул.

– Точно! Я вошёл, а Джонни психует, и тут... Так... Стой, – приказал он кому-то, подобрал стул и сел. – И это Найф перехватить меня хотел? Ну, дурак.

Андрей покачал головой.

– Не Найф, а я. Ты бы ещё кого-то стал обнимать? Ну? И левый бок под правую руку подставлять. Если снизу под рёбра, то до сердца сразу доходит. Ты ж, когда Эркина увидел, не удержал лицо, дал слабину. Нет, Фредди, он точно всё рассчитал. Сволочь он, стукач, охранюга, но не дурак.

– Рассчитывал не он, – твёрдо ответил Фредди. – Чтоб так

просчитать...Ладно, это потом. Теперь заказчик этот. Хоть какую зацепку, Эндрю, дай мне. Некогда нам с Джонни всех подряд шерстить. Какой он хоть из себя?

– Жирным не назовёшь, – задумчиво ответил Андрей. – Но вширь пошёл. И то правильно говорит, то гнусит, – и вдруг промычал по-луизиански: – Без Ковбоя Игрок голый, как устрица без раковины, – и уже своим голосом: – И Найф заржал, ты, дескать, по устрицам специалист.

К изумлению Андрея, Фредди расплылся в широченной улыбке и радостно выругался.

– Есть!

– Знаешь его? – спросил Андрей.

– Мы с Джонни на него и думали. И что он обещал Найфу?

– Долю по уговору, – усмехнулся Андрей. – С будущих денег.

– Свою долю он получит, – улыбнулся и Фредди. – Ещё кого называли?

– Нет, – покачал головой Андрей. – Ну, а когда убрались они, Найф куражиться стал. Деньги достал, все три пачки. Эта за Джонни Счастливчика, эта за Фредди Ковбоя, а эта за тебя, дурака, – Андрей усмехнулся. – Ну, я свою и взял.

– Что на бандеролях было написано, не помнишь?

Андрей покачал головой.

– Нет, я их не рассматривал. Хотя... маленькую, ну, свою-то, я близко видел. Постой.

Он быстро встал и вышел из кухни. Фредди ждал. Он был

сейчас готов ко всему. Даже к тому, что сохранилась бандероль с той пачки. Но Андрей принёс вырванный из тетради листок и ручку.

– Вот, – Андрей сел к столу и стал писать. – Вот, кажется, так, – и подал Фредди листок.

Фредди внимательно прочитал написанное, ещё раз и вздохнул.

– Не запомню.

Достал записную книжку с ручкой, переписал ряд букв и цифр и вернул листок Андрею.

– Сожги. На тех пачках какие полоски были?

– Как и на этой.

– Точно? – переспросил Фредди и, когда Андрей кивнул, хмыкнул. – Уже что-то. А чего ж ты всё-таки кусковую не взял?

– Кусок разменивать?! Ты что, Фредди. Фраера что сгубило? То-то.

Фредди, улыбнувшись, кивнул. Да, разменивать тысячу – это светиться.

Андрей оглядел стол.

– Водки больше не хочешь? Можно чаю.

– Кофе нет?

Андрей, улыбнувшись, мотнул головой.

– Я его здесь и не видел ещё.

– Тогда чай, – согласился Фредди.

Андрей встал и включил газ под чайником. Достал из

шкафчика плетёную из цветной проволоки корзинку с конфетами.

– Это мне тоже на новоселье подарили. Слушай, а ви-но-то?! Так и не открыли.

– Хочешь?

Андрей пожал плечами.

– Да вроде в меру выпил. А ты?

– И я в меру, – усмехнулся Фредди. – Убери тогда. Ещё пригодится.

Андрей кивнул и переставил бутылку на один из шкафчиков, собрал, помедлив, тарелки с закуской, переложил оставшиеся ломтики на одну, накрыл другой и убрал в шкафчик под окном.

– Завтра доедим.

Фредди кивнул, с интересом наблюдая за ним, его уверенными хозяйскими движениями.

Пока Андрей убирал и выставлял на стол пёстрые пузатые чашки, сахарницу и тарелку с нарезанным лимоном, вскипел чайник.

– Сейчас заварю.

Фредди молча ждал. Самое главное – о заказчике, хотя бы одном из них, там явно целая кодла тусовалась, но тут можно будет уже и самим по ниточкам-следочкам пройтись – Андрей ему уже всё сказал, но парню надо выговориться, выплеснуть, да и ему кой-какие мелочи интересны, и вполне может возникнуть наводка на придумщика. Сам Найф так

всё просчитать не мог. Слишком много ходов, слишком...

– Да, – Андрей поставил на стол маленький фарфоровый чайник и накрыл его пёстрым ватным колпачком-башней, – он ещё Тушу поминал. Что, дескать, умён, а дурак. И что того русские плотно прижали, за него, дескать, всю работу сделали.

– Знаю такого, – кивнул Фредди. – А вот здесь можно и подумать. И сам не дурак, и за ним... любитель таких разработок.

Андрей пожал плечами.

– Чего не знаю, Фредди, того не знаю, – и стал разливать чай. – Тебе как, покрепче?

– Как себе, – Фредди усмехнулся. – Я особо в чае не разбираюсь.

Андрей тоже улыбнулся.

– Ладно, в следующий раз будет кофе, – и быстро исподлобья посмотрел на Фредди.

– Идёт, – серьёзно кивнул Фредди. – Слушай, как же он тебя сзади подпустил? Да ещё свой нож дал.

– А он мне не давал, – хмыкнул Андрей. – Я сам взял. Его развезло чего-то, решил, что дело сделано, ну и... расслабился, – Андрей радостно заржал.

Засмеялся и Фредди. А Андрей уже снова стал серьёзным.

– Я знал, что у меня один шанс, понимаешь? Один на тысячу.

– И ты его использовал, – кивнул Фредди. – А нас почему

не дождался?

– Где? – ответил вопросом Андрей, и Фредди вынужденно кивнул, а Андрей продолжал: – Ну вот, я ж даже города не знал, ну, где я, документов никаких, вышел и рванул наугад. Почти наугад, – тут же поправил сам себя. – Добрался до автовокзала, ну, а дальше просто.

– Зачем ты к ней поехал? Поблагодарить? – с еле заметной насмешкой спросил Фредди.

– Она моё удостоверение сохранила. Русские корочки, – просто ответил Андрей.

– И девять семьсот за бумажку отвалил, – хмыкнул Фредди. – Не слишком ли?

– А сколько стоит жизнь, Фредди, а? – с такой же насмешкой спросил Андрей.

И Фредди вынужденно кивнул. Жизнь цены не имеет. Каждый платит сколько может. И как может.

– Обиды у неё на тебя нет? Не станет искать?

– Всё чисто, Фредди. У неё своя жизнь, у меня своя. Знаешь, а он ведь сломался. Сказал, что все деньги мне отдаст, если отпущу.

– Хорошо, что не поверил.

– Кто ж охранюге верит. Да и... ты ж заповеди знаешь.

– Это про не убей, что ли? Из Библии:

Андрей заржал.

– Да на хрена там Библия! Нее, Фредди, это наши заповеди. Слушай. Никому не верь, ничего не бойся, ни о чём не

проси и сам себя береги. Три заповеди помни, а четвёртую соблюдай – ещё день проживёшь.

Помедлив, Фредди кивнул.

– Хорошие заповеди. Запомню. Да, а чего ты его охранюгой? И ещё про СБ говорил. Он же уорринговец.

Угу, – кивнул, жуя конфету, Андрей. – А из Уорринга его СБ выкупала. Хотя нет, она не платит, а задарма берёт. Забрала, и он на неё стал работать. Сам трепал об этом. Ну и другие заказы брал.

– Система с СБ не контактила. Наврал он тебе, а ты и поверил! – пренебрежительно сказал Фредди.

Андрей покачал головой.

– Нет. О всей Системе не знаю, но, что СБ в ней свой интерес и своих людей имеет, я ещё в лагере слышал. Только СБ никого не отмазывает. Залетел – сам выкручивайся, а про них вякнул, так и суток не проживёшь.

– А в лагере, значит, говорили?

– Зря не веришь, Фредди, там просто уже ни врать, ни молчать незачем. Конец-то у всех один. Пыль лагерная. А перчатки эти его откуда? Слышал же про них.

– Слышал, – кивнул Фредди. – Полиция две пачки в багажнике нашла.

– У него тайники где-то были. И не один. Там, – Андрей вздохнул, – много чего есть, да я не знаю.

– Наткнёмся – оприходуем, – пообещал Фредди. – Перчатки хороши, конечно, кто откажется без пальчиков рабо-

тать, но раз полиция про них знает, то тут уж подумать надо. А что СБ свой интерес имела...

– Дело, конечно, прошлое, – кивнул Андрей. – да и не все ж, как он, многие и втёмную работали. Ну, не зная. С одним в лагере случай был, ну, долго рассказывать, словом, полы с кримами в одном бараке и поровну, а когда верх не возьмёшь, так лучше договориться. Ну, слово за слово, трёп-то у печки общий, оказалось, что он по наводке квартиры чистил, домушник, но мокрый, не оставлял свидетелей, и вот стал ругаться, что ему плохую наводку дали, пришёл, замочил кого нашёл, так мало того, что одни бабы с мелюзгой, а и взять-то оказалось нечего, адрес назвал, тут полы и взвились. Явка это была, понимаешь, СБ её, видно, так взять не могла или не хотела, и вот, его руками, и прочистила. На явке этой семьи укрывались, кто нелегалом стал. Вот он две семьи и замочил.

– И что с ним сделали? – глухо спросил Фредди.

– А ничего, – пожал плечами Андрей. – Он шакалил уже, шаг до доходяги остался. Через два дня, вроде, на сортировке очередной и вылетел. А там печь крематорская и пыль лагерная, – зорко посмотрел на Фредди поверх чашки и улыбнулся. – Нет, Фредди, в тёмную на СБ многие работали, что ж, их всех теперь... Дело-то уже прошлое.

Фредди кивнул, взял свою стопку и, как Андрей, залпом допил её. Андрей молчал, понимая, что здорово задел Фредди. Видно, было и у Фредди что-то... такое этакое, о чём

вспоминать не хочется, а то и нельзя. Ну, так и спрашивать не будем, и вообще... не заметим.

Фредди продышался от водочного ожога и стал пить чай.

– Отпустили со смены легко?

– Без проблем. Потом отработаю, ну, лишнего задержусь, или ещё как. Не бойсь, всё нормально будет, – Андрей отхлебнул чая и вскинул на Фредди глаза. – Да, забыл совсем про дело. Кого мочить-то надо?

Фредди тяжело посмотрел на него.

– Заткнись. Кого мне надо, я сам сделаю. Запомни.

Андрей кивнул, но всё же не удержался.

– Так ты что, только за ради разговора приехал?

– Дурак, – вздохнул, остывая, Фредди. – Так и не понял ещё?

– Теперь понял, – хмыкнул Андрей. – Ещё чаю?

– Нет, хватит, – Фредди усмехнулся и заговорил по-ковбойски: – И сыт, и пьян, так что дрыхнуть пора.

– Идёт, – кивнул Андрей и встал.

Фредди молча смотрел, как он быстро с явно привычной ловкостью убирает со стола, моет и расставляет на сушке посуду. Да, жена парню, похоже, пока ни к чему, с хозяйством он и сам справляется, а чего остального себе везде и так найдёт.

– А спать на полу придётся, – Андрей обернулся к нему, вытирая руки.

– И подстелить нечего? – хмыкнул Фредди, вставая из-за

стола.

– Почему? Перина есть, двуспальная.

– И об чём страдания? – продолжил по-ковбойски Фредди.

– Понял, – кивнул Андрей. – Ты в душ сейчас иди, там халат мой возьмишь. А бритва...

– Поучи меня, – прервал его Фредди.

В кейсе Фредди оказался не только его, памятный по перегону бритвенный набор в кожаном потёртом футляре, но и смена белья. И вообще всё устроилось наилучшим в этих условиях образом. Перину развернули во всю ширину, второе одеяло и подушка были, постельного белья тоже хватает, пол тёплый, так что...

Когда Андрей вернулся из ванной в тёмную комнату, там слышалось ровное спокойное дыхание. Но оно показалось Андрею не совсем сонным. Не зажигая света, Андрей прошлёпал к перине и лёг.

Фредди чувствовал, что Андрей сказал не всё, есть ещё что-то у парня, и молча ждал. Разговор в темноте – особый разговор, и начать должен Андрей.

– Фредди, – тихо позвал Андрей. – Спишь?

– Ну? – прозвучал такой же тихий спокойный голос.

– Об этом даже Эркин не знает.

– А ему надо знать? – ответил вопросом Фредди.

– Логично, – хмыкнул Андрей. – И даже резонно.

Фредди молча улыбнулся.

Андрей молчал так долго, что Фредди начал засыпать. И когда Андрей позвал его, откликнулся совсем не ласково.

– Чего тебе?

– Вот послушай. Вот ты, такой, какой есть, и один, родни нет, так?

– Ну так, – настороженно согласился Фредди.

– И вдруг находится... родня... тётка там, или дядька, ты думал, что всё, один, а тут... и человек этот... против закона ни-ни и вообще на виду, а ты... ну, ты сам знаешь. И зачем ты ему такой нужен? Только... скомпрометируешь. А ведь родня, родная кровь...

Андрей замолчал, как всхлипнул. Фредди сдержал рвущийся с языка вопрос о том, кто из родни уцелел, явно же парень не хочет его называть.

– Это ты его искал, или он тебя нашёл?

– Он. Приехал, разлетелся, – голос Андрея зазвенел от обиды.

Причина обиды была Фредди непонятна, хотя... нет, спрашивать не стоит, парень ведь не о том, не для того такой разговор завёл.

– Значит, нужен ты ему, раз нашёл.

– Зачем? Я – блатарь, работяга в цеху, а он... – Андрей оборвал себя, прерывистым вздохом перевёл дыхание и повторил: – Зачем?

– А ты у него и спроси, – ответил Фредди. – Кровь, конечно, не вода, но и не главное. Не самое главное. И с род-

нѐй, бывает, враждуешь, но и опереться, случается, нужно, а больше не на кого, – незаметно для себя он заговорил поковбойски. – Семья всегда на твоей стороне, если сам руку семьи держишь. Семье не вреди, так и семья за тебя. А бла- тарь... родня – всегда родня, и, если до стрельбы поговорить можно... слово дешевле пули. Слов не жалей, так, может, на пулю и тратиться не придётся.

– Мне Эркин – брат, а кровь-то...

– Друг – всегда брат, а вот брат будет ли другом... – отве- тил Фредди.

– Точно, – сразу откликнулся Андрей и вздохнул уже по- другому, уже спокойно.

Фредди ещё немного подождал, но дыхание Андрея стало сонным, и тогда он и сам заснул.

Сначала Фредди сквозь сон ощутил, как заворочался и встал Андрей, а затем зазвонил, задребезжал будильник. Фредди откинул одеяло и сел.

Штора отдёрнута, и в серо-голубом предутреннем све- те комната казалась особенно пустой и просторной. Где-то очень далеко проехала машина, и по тому, как донёсся звук, Фредди понял, что на улице ясно и холодно. Потом он услы- шал, как загудел на кухне огонь, и рывком встал. Пора.

Когда он, свежесбритый, с каплями воды на волосах, во- шёл в кухню, чай уже был налит, и Андрей заканчивал ма- стерить бутерброды. Весело посмотрел на Фредди.

– Выспался? – и не дожидаясь его ответа: – Ты грязное своё оставь, я...

– Не бери в голову, – перебил его Фредди, садясь за стол. – С собой увезу.

– А если опять заедешь и заночевать придётся? – возразил Андрей.

Фредди мотнул головой, пресекая вопросы и возражения: не будет он объяснять, если малец сам ещё не понял, что чем меньше следов, тем лучше. Андрей нахмурился, но промолчал.

– Ты сейчас куда?

– В школу. А тебе? В Сосняки?

– Мг-м, – пробурчал с набитым ртом Фредди. – Автобус когда?

– Зачем? От нас большегруз как раз в Сосняки идёт, подбросят тебя. Не против?

Что так светиться, что этак, и Фредди вынужденно согласился.

– Нет, не против.

Бутерброды, как и сэндвичи – удобная штука: мыть приходится только чашки. Фредди помнил, как на выпасе и перегоне управлялся со всем их хозяйством Эркин, и не ожидал, что и Андрей сумеет так же быстро и сноровисто.

– Смотрю, наловчился.

– А чего ж и нет? – весело ответил Андрей.

О вчерашнем не говорили, всё ведь выяснили и проясни-

ли, но Фредди решил поставить точку.

– Теперь, Эндрю, пока не дам знать, не трепыхайся, понял? Ляг на дно и не светись.

Андрей кивнул, но, разумеется, не удержался:

– А в Сосняки можно?

– Хоть в Царьград. Но нам не звони. И вообще... затаись.

– Ладно, – улыбнулся Андрей. – Не бойсь, Фредди, всё будет нормально. Готов?

Фредди молча кивнул.

Андрей взял свой портфель, Фредди – кейс, и они вышли из квартиры. На лестнице то и дело хлопали двери, их обгоняли спешащие на работу. Соседи, а, значит, и знакомые Андрея. Фредди оглядывали, не задавая, впрочем, вопросов.

– И что ты им скажешь? – тихо спросил Фредди, когда они вышли на улицу.

– Старый знакомый, – пожал плечами Андрей и лукаво улыбнулся. – А может, и друг. Работали вместе, жрали вместе... Ну, встретились, погудели тихо-мирно, соседей не беспокоили, *ментов* не тревожили.

– Кого? – сразу спросил Фредди.

– *Ментов*. Ну, полицейских.

– Значит, у вас это *менты*, запомню. А гудеть – это гулять, так?

– Нет, Фредди, гулять – это с шумом, понтом, ну, как в шашлычной, а мы тихо пили.

– Понял, – усмехнулся Фредди.

Утренние улицы наполнены спешащими людьми и уже никак не похожи на вчерашнее сонное захолустье.

– А город у нас хороший, – убеждённо сказал Андрей, сворачивая в проулок. – Здесь спрямим.

Фредди кивнул, соглашаясь и с определением города, и с предложением спрямить дорогу через чей-то запущенный сад.

Ворота комбината были распахнуты, и из них медленно выползал пятиосный крытый грузовик.

– Во! – обрадовался Андрей. – В самый раз! – и бросился к кабине, ловко вскочил на подножку, ухватившись за дверцу. – Сав, будь другом, помоги!

– Чего ещё? – недовольно откликнулись из кабины.

– Друга моего подкинь до Сосняков. Ему на самолёт.

– А на такси он что, бедный?

– Ну, будь другом, Сав, а я тебе...

– Ты мне... много ты чего можешь, ладно уж.

За разговором он плавно вывел, развернул грузовик и остановился.

– Фредди! – Андрей спрыгнул с подножки. – Давай!

Фредди подошёл к машине.

– Ну, – улыбнулся Андрей. – Давай по-русски, – и обнял Фредди. – Удачи!

– И тебе удачи, – ответил на объятие Фредди.

Савва, молча следивший за ними, открыл дверцу. Фредди легко поднялся в кабину, сел и захлопнул дверцу. Андрей

посторонился и поднял прощальным жестом руку. Фредди кивнул в ответ, и Савва стронул грузовик.

Андрей стоял и смотрел вслед, пока большегруз не скрылся за углом.

– Ну что, Андрюха, проводил дружка?

Андрей вздрогнул и обернулся. Максимыч, диспетчер. Та-ак, а он-то откуда знает? Неужели уже так разошлось?

– Ага, – согласился с очевидным Андрей, доставая сигареты. Жестом предложил Максимычу.

– И хорошо посидели? – спросил Максимыч, беря сигарету.

– Тепло и душевно, – ухмыльнулся Андрей. – Ну, бывай, Максимыч.

– Отсыпаться пойдёшь?

– Нет, в школу, – кивком попрощался Андрей.

До чего ж въедливый мужик, ну, до всего ему дело, выспрашивает, молчком вынюхивает, но и дело своё знает. То болтается у ворот, то треплется, то курит, то чай гоняет, но на трассах ни заминки, все машины выехали и въехали, когда надо, ни одного шофёра или работяги ни в простое, ни в запарке не найдёшь. И всё с улыбкой и участием в голосе. Чтоб Максимыч начальству стучал, никто не говорил, но знает мужик... всё, всегда и про всех. С кем-то же он делится, не бывает, чтоб такое добро и впусте лежало. Максимыч не жаден, но и своего не упустит. Воевал и, говорят, честно, награды боевые и соответствующие. Дом у него в Старом го-

роде, хозяйство небольшое, но крепкое, батрака держит. Зачем ему диспетчерство? Не ради ж одной зарплаты.

Поднимаясь по ступенькам Культурного Центра, Андрей выкинул все мысли о Максимыче из головы. Так, уроки... заданное он обычно перечитывал ещё дома, но сегодня не успел, и придётся добирать в классе, до звонка. Ну, с утра народу всегда немного, так что не помешают.

Английского водитель почти не знал, русский Фредди был весьма далёк от совершенства, и содержательной беседы не получилось. Но довезли его до аэропорта – правда, Фредди не понял: было это по дороге, или дали специальный крюк, – и расстались вполне дружески, обменявшись на прощание пачками сигарет. О плате и речи быть не могло: дружеская услуга за деньги не делается, эти неписанные правила всюду одинаковы.

В аэропорту Фредди прикинул маршрут. Хвоста нет, но всё равно, раз прямого рейса не получается, то для обоснования надо заглянуть на точки.

Ещё раз мысленно прокрутив маршрут, Фредди пошёл к кассе за билетом. До его самолёта оставалось полчаса.

Итак, как они и думали: Рич и Окорок. Джонни, конечно, пошарит в банке, но дела это не меняет. Рич в Атланте, а Окорок в Луизиане. А убирать их надо одновременно, чтоб один не спугнул и не предупредил другого. Но об этом они уже думали, и там в общем-то уже на мази. Теперь... Ту-

ша. Через Пита навёл Найфа на парней, подсказал и помог. Дружеским советом. Умён, дьявол, что и говорить. Потрошат его русские, и сидеть будет за Хэллоуин. Так были нужны наши деньги или... если у истока Паук, то надо всё прокрутить очень серьёзно. Тогда Туша ляпнул, что Паук велел найти Армонти, тот, ходили такие слухи, прокинул Паука и помер... без выгоды для Паука. Редкость, но возможная, в Заваруху и не такое случалось. И тогда взять деньги с нас. Паук – Туша – Найф – и мы... Слишком много звеньев, хотя... если Найф напрямую с Пауком? Нет, Эндрю говорил про Тушу. Но в одиночку Туша так всё продумать не мог. Кто ещё? Тогда Туша валил на СБ, и Эндрю про Найфа... Так, а если Найф работал на СБ, а вот там любители таких разработок были. И могли уцелеть. По подлости – Крысиная разработка, тот тоже любил друзей стравливать. И умел. И ещё... пистоль с насадкой и нервнопаралитический газ, от которого крыша съезжает, а Найф – ножевик и совсем не стрелок. Это ему точно вместе с перчаточками вручили. Вот здесь у нас ходов нет. Но поискать можно и нужно.

Объявили его рейс, и Фредди встал. А ведь и впрямь Загорье – неплохой город, с перспективой, но точку там ставить нельзя. Сосняки уже есть, а дальше вглубь ни-ни. Ладно, переживём.

* * *

Россия

Царьград

Лекции, семинары, библиотека, Комитет, архивы... что бы ещё навесить на себя, лишь бы забыть, не думать, не открывать с замирающим сердцем почтовый ящик в ожидании письма из Загорья. Да, Царьград и закрутит, и закружит... но всё это так... самообман. Женя обещала помочь, но что она может, хрупкая наивная девочка, где ей справиться... Нет, днём он держался. Иногда это – забыть и не думать – получалось. Но только иногда.

До Царьграда Бурлаков добрался в каком-то оцепенении. А дома его встретила Маша. Слава богу, ни о чём не спрашивая, захлопотала с чаем, обедом, или это был уже ужин – не помнит, ничего толком не помнит...

...К третьей чашке он немного отдышался.

– Как у тебя, Маша?

Она улыбнулась.

– Ну, слава богу, отошёл. Тяжело пришлось, Гаря?

– Не то слово, но ты не ответила.

– У меня всё в порядке, – она невольно вздохнула. – Скажи, что для такого прошлого всё очень даже прилично.

– Рад за тебя, – искренне сказал он.

– Ты иди, ложись, отдохни, – она встала, собирая посуду. –

Тебе звонили, весь перечень на твоём столе.

– Спасибо, Маша, – встал и он. – Но ложиться я не буду.

Она не спрашивала и не спорила. И потому, что бесполезно, и чувствуя, что сейчас не в силах ему помочь.

До вечера он разбирался с делами, звонками, предупредил декана, что выйдет на лекции по расписанию и наберёт себе семинар, потом возился с отчётом и экспедиционным дневником. Среди прочего позвонил Тришке.

Монастырь не чуждался современности, и телефон там был. Но не по кельям, а через коммутатор-справочную. Услышав, что ему нужен Отец Трефилий, соединили сразу.

– Алло?

Он невольно отметил про себя, что раньше у Тришки такого красивого голоса не было, и, возможно, поэтому спросил с некоторой ехидцей.

– От молитвы не оторвал? Здравствуй. Узнаёшь?

– Конечно, Гошка, – старинное детское имя прозвучало с ласковой насмешкой. – И тебе здравствовать. Рад тебя слышать.

– Я тоже. Мне Гришка написал, что ты здесь, – и после невольной паузы: – Твои как?

Помедлил с ответом и Трефилий.

– Как у всех, Гоша. Кто-то вдалеке уцелел. Деревню нашу всю выжгло, ты знаешь?

– Да, – и, чувствуя, что Трефилий медлит с вопросом, и понимая, с каким, сказал сам: – Мои все. О стариках ты знаешь. Римма... – он не смог закончить фразу.

– Я молюсь за них, – просто, с тем участием, в искренность которого веришь безоговорочно и сразу, сказал Трефилий.

– Спасибо, – Бурлаков сглотнул вдруг вставший в горле комок. Называть Тришку его «мирским» именем или детским прозвищем не хотелось, а как положено: «отцом» – тоже, и он просто повторил: – Спасибо.

– Заходи, – пригласил его Трефилий.

– Хорошо, – и не удержался: – Пропуск нужен?

Трефилий негромко рассмеялся.

– Приходи. Ещё кто из наших здесь?

– Разве только Вояка. Камнегрыз в поле.

– Знаю. И Миклуха наш там же.

– Да. Я говорил, он мне и написал о тебе.

– Ну да, сам бы ты не сообразил.

Бурлаков перевёл дыхание. Мягко рокочущий голос Богомола, памятные с детства прозвища... нет, не всё потеряно и не всё пропало.

– А как твои дела?

– С Божьей помощью, спасибо.

Ещё несколько фраз, договорились созвониться, встре-

титься и простились. Бурлаков положил трубку и откинулся на спинку кресла. При встрече спросить у Тришки о чуде. Имеет ли оно продолжение? Или это... разовое явление. По определению чудо – уникально и неповторимо. Так что... будь доволен имеющимся. Мальчик жив, Серёжа выжил, сохранил память и разум, у него есть дом, любимая работа, рядом с ним любящие его люди, он учится. Так чего ещё тебе надо? А все его слова... ничего, переживёшь. А вот кому ты успел сказать, что Андрей Мороз и Серёжа Бурлаков – одно лицо? Только Маше. Но она знает о джексонвиллской могиле. Мишка... всего не знает. И более никто ничего не будет знать. Незачем. Помочь они не могут, а без их сочувствия он как-нибудь обойдётся. К тому же... Мишка не зря его самого на всё лето запрятал, и с той стороны по старым каналам идут сигналы, что недобитки шевелятся, а такой свидетель – лакомый кусок. Нет, сам он, если надо, поработает «живцом», но мальчик... ни в коем случае. Так что... «дальше – молчание»...

...И покатилась, завертелась детским расписным волчком цареградская суета и суматоха. Лекции, встречи, Комитет, всякие конторы и бумаги, бумаги, бумаги... а письма из Загорья всё нет и нет.

Рукоятку ножа, которую ему тогда зимой дал Эркин, Бурлаков так и носил с собой. Опуская руку в карман, охватывал пальцами гладкую с еле прощупываемыми стыками между цветными полосками приятно объёмную пластину, будто...

здоровался. Вечерами, как и тогда, после первой поездки в Загорье, случалось, что подолгу сидел, разглядывая её. Но тогда... тогда это было всё, что осталось от Серёжи. И это же он может сказать и сейчас, только добавив два слова: для него. Всё, что Серёжа оставил ему. Да, он виноват, он бросил их, на муки, на смерть... но если бы он остался... Неужели Серёжа не понимает, что он не мог остаться, даже просто где-то спрятаться и пересидеть, не мог... И вина его такая же, как у многих и многих тысяч ушедших воевать, только... велика твоя вина или мала, но это твоя вина и отвечать тебе полной мерой.

Бурлаков тряхнул головой, с силой потёр лицо ладонями и спрятал рукоятку в карман. Всё, подбери сопли и слюни, Гошка, и давай работать. Прошлое необратимо и неизменимо, а вот будущее надо делать здесь и сейчас.

Тетрадь семьдесят пятая

122 год

Осень

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Женя больше всего боялась, что после приезда Бурлакова Эркин опять, как зимой, записхует. Но, к её удивлению, обошлось. Эркин был сосредоточен, но не мрачен. Из-за чего он сорвался, что у него вышло с Андреем, Женя не спрашивала. Внешне всё было как обычно, и, памятуя, что от добра добра не ищут, она тоже держалась так, будто ничего не случилось.

К тому же жизнь шла суматошная, каждый день наваливалась масса мелких, но неотложных дел, и думать о Бурлакове было уже просто некогда. Алиса училась хорошо и больше не дралась, ну, во всяком случае, учителя на неё не жаловались.

У Эркина в школе тоже проблем не было, хотя над уроками он теперь сидел дольше, чем раньше. Жизнь Андрея на два дома тоже прибавляла хлопот.

А тут ещё Зина родила.

Больница в Загорье была маленькая и в Старом городе. Раньше хватало, да и многие по домам рожали. В Новом городе только поликлиника. Ну, на заводе заводская для своих, но тоже без родовспомогательного отделения. Так что... хоть и известно всё, и проверяешься, и уж чуть ли не о месте договорилась, а началось всё неожиданно. Для Тима уж точно.

Всегда он просыпался легко, стоило ей чуть шевельнуться, а тут разоспался. Ездил с утра в Сосняки – шальные деньги тратить. За две машины премии огрѐб, добавил чуток из ссуды, взял на работе в аренду грузовик-фургон – как своему в половинную плату обошлось – и рванул. Сосняки и в воскресенье торгуют. А грузчиками поехали с ним оба Мороза и ещё Петрак из его цеха. А в Сосняках... только начни и, пока деньги есть, не остановишься. Андрей походил, покрутился вокруг книжных шкафов, но взял-то только сотню на книги и всякую мелочь. Потом пошли в джинсовый, там прибрахлились кто чем, а потом Андрей в книжном застрял, как, скажи, он весь прилавок за раз перечитать взялся. Эркин тоже книг купил. А, глядя на них, и Петрак махнул рукой – где наша не пропадала! – и купил своей быстроглазой большую книгу сказок с картинками. Его дочка, правда, в Ста-

ром городе учится, в Тихоновской школе. Вот ведь, скажи, память людская, сколько лет прошло и сколько всякого случилось, а самого первого директора, что чуть ли не на свои деньги школу построил, так и до сих пор поминают. А вот книг на шауни не нашлось, продавщицы даже старшего товароведа позвали, так и она не слыхала, чтоб на индейском языке книги были, а на английском – пожалуйста. Выбрали сказки «Джек – победитель великанов» и две больших про художников, с красивыми иллюстрациями. Эркин купил про Джека для Алисы, а Андрей обе про художников, и на этом его деньги кончились. А Тим в мебельном развернулся. Елеле его покупки в грузовик впихнули и сами влезли.

– Может, кто в кабину хочет? – всё-таки предложил Андрей.

– Иди уж, – рассмеялся Петрак. – Учись вприглядку.

Андрей несколько смущённо, но радостно ухмыльнулся и занял место рядом с Тимом, а Эркин и Петрак в кузове, как и в Сосняки ехали. Устроились, правда, с удобствами – на роскошном диване, что купил Тим в гостиную, и завели неспешный солидный разговор о хозяйстве и покупках. Эркин поддержал разговор охотно, а то молчком в закрытом фургоне... уж слишком он похож на грузовик для рабских перевозок. Петрак разорился на юбочку и куртку с подстёжкой для дочки, уж больно много треплют про... как её, ну, джинсу эту. Эркин рассказал, что он своей ещё перед сентябрём полный комплект купил, и себе. Что джинса, конеч-

но, дорогая, но зато и ноская, и стирается, и гладить не надо.

– Значит, не прогадал, – удовлетворённо кивнул Петрак.

Эркин улыбнулся и кивнул. Он тоже потратился в джинсовом: купил Жене джинсы и куртку-блузон с подстёжкой. Жаль, поясов ковбойских ещё не было, Андрей хотел, да не получилось. И Тим купил, и себе, и Диму с Катей, не ездить же лишний раз за шмотками, а тут сразу и всё.

С покупок разговор перекинулся на всякие огородные дела. Петрак держал огород, клин под картошку, сад, луг маленький, только под козу, и он тоже летом косил за сено.

– Нилычу:

– Нет, Аксюте. Но и он землю в аренду держит. Сикорского земля.

– Кто такой? – удивился незнакомой фамилии Эркин.

– Помещик был такой. Сам хозяйство не вёл, в аренду сдавал. Это ещё дед Аксюты у него взял. Вот, – Петрак хохотнул, – внук внуку и платит. А сам он то ли в Царьграде, то ли ещё где. Аксюта на счёт в банке переводит и знать больше ничего не знает.

– Так может, и земля уже не Сикорского этого, а банка? – предположил Эркин.

– А не всё ли равно? – возразил Петрак.

И Эркин сразу согласился. Ему-то уж точно всё равно.

– Твоя-то как, насолила, наварила?

– Всё лето возилась, – засмеялся Эркин. – Всё кладовка в банках.

– Капуста из бочки хороша.

– Бочку в подполе держать надо, в доме она забродит, а на лоджии замёрзнет. А банка, закатанная, стоит, и ни хрена ей не делается, – уверенно возразил Эркин.

– Это-то так. Но если застолье хорошее, то одной банкой не обойдёшься.

– Так не одна и заготовлена.

Что он самым деятельным образом помогал Жене в её заготовочных хлопотах, Эркин благоразумно помалкивал, уже зная, что работу по дому здесь делят на мужскую и женскую, и мужику, не вдовцу и не одиночке, женским заниматься зазорно. Враз подкаблучником, а то и юбочником окрестят и по гроб жизни не отмоешься. Так что ежели кому и приходится этим заниматься, то молчат в тряпочку.

За разговором и без остановок доехали незаметно и потому показалось, что быстро. Было ещё совсем светло, и дети гуляли у дома. Тим подогнал к своему подъезду и развернул фургон поудобнее. Сразу подбежали и столпились дети под ликующий вопль Дима:

– Папка приехал!

А следом за детьми подошли любопытствовать, да и помочь, если что, взрослые.

– Бегите домой, – остановил Тим восторженные вопросы Дима. – Предупредите маму, что всё в порядке и откройте дверь.

Катя сразу рванулась, а Дим притормозил.

– А это куда? В залу?

– В гостиную, – ответил Тим и улыбнулся. – Беги.

Лямки для переноски Тим припас на четверых и думал, что за три, много четыре ходки они всё перенесут, но набежали соседи, и всё закупленное подняли единым духом. Зина только ахала, пока в квартиру заносили диван, два кресла и столик, ещё два кресла, книжный шкаф, шкаф-горку, фанерный ящик, большой, как комод – и что там такое может быть? – ещё столик, двухъярусный, на колёсиках, длинный толстый рулон – ковёр никак? – письменный стол с двумя тумбами, и наконец большую, туго набитую сумку.

– Сюда ставьте, я сам потом передвину.

– Чего уж, – прохрипел из-под письменного стола Петрак. – Давай сразу куда его.

Но всё равно получилось кое-как, и Тим, успокоив Зину, что всё в порядке, побежал вниз. Отогнать фургон в хозяйство, сдать, оформить, ну и Петрака заодно подбросить до Старого города. Дим дёрнул Катю за руку.

– Бежим, папка и нас прокатит.

Они подбежали к грузовику, когда Тим уже сидел в кабине.

– Па-ап! – заорал, подбегая, Дим.

Петрак рассмеялся.

– Давай их сюда.

И Тим кивнул.

Места в кабине хватило всем. Дим уже ездил с отцом в

Алабаме, но Катя ехала в машине впервые. У поворота в Старый город Петрак попрощался и вылез.

– Давай до дома, – предложил Тим.

– Обдерёшь его в наших проулках, – хмыкнул Петрак, – а красить тебе недосуг, вот-вот третий зайвится.

Тим смущённо улыбнулся.

О том, что Зина беременна, он никому не говорил, но и так все знали, не зло подшучивали, советовали, просто помогали, не ставили в субботние и воскресные смены... Вот и сегодня: он привёл грузовик, и у него приняли без осмотра и мойки, сказали, чтоб шёл домой к жене, так что Диму не удалось насладиться шумом и запахами гаража и показать Кате, как здесь интересно.

Зина, как и обещала, ничего не трогала без них, так что, когда Тим вскрыл ящик, содрал все обёртки и амортизаторы... восторг был полный и всеобщий. А когда Тим объяснил, что это такое...

Пустые шкафы и стол двигались легко. Тим расставил мебель, развернул перед камином ковёр. Тот как раз лёг от камина до дивана.

– Пап, а это зачем?

Тим улыбнулся.

– Мне для уроков.

– Да? – расстроился Дим.

Обычно Тим готовил уроки на кухне, и Дим с Катей пристраивались рядом со своими книжками или рисованием. А

теперь...

– И теперь так будет, – успокоил его Тим.

Он оглядел гостиную. Ну вот. Камин с баром, кресла перед ним, сбоку столик на колёсах, напротив и чуть наискосок диван и к нему кресла и маленький низкий столик, который называют журнальным, у стены шкафы и за книжным шкафом в светлом углу у лоджии его письменный стол. Конечно, отдельный кабинет ему ни к чему, но и хватит тесниться с книгами и тетрадями на кухне. И... и делать столовую или оставить ту комнату для... да, младших детей? Ладно, он об этом ещё подумает. А пока...

Потом смотрели покупки, мерили обновки.

Расставив мебель и разложив вещи, поужинали, потом все вместе сидели у включённого камина, обсуждая, чего ещё купить в гостиную. И чего-то Тим так устал, что лёг и не заснул, а вырубился.

Занеся мебель к Тиму, Эркин и Андрей пошли домой.

– Заночуешь? – спросил Эркин.

Андрей кивнул. После того, что случилось в приезд Бурлакова, они больше об этом не говорили, но оба, не переставая, думали. И каждый знал, что и другой ни на минуту не забывает об этом. И оба старательно притворялись, будто ничего не случилось.

– Эрик, – Алиса шла между ними, держась за руку Эркина, – а что в ящике было?

– Камин, – ответил по-английски Эркин, не зная подходящего русского слова.

– Ага, – кивнула Алиса. – А мы себе такой купим?

Эркин пожал плечами.

– Не знаю, – и посмотрел на Андрея.

Тот повторил его жест, но высказался более определённо:

– А зачем он нам? Тебя поджаривать?

– Я не котлета! – возмутилась Алиса.

– Ну, это ещё надо проверить, – пообещал Андрей.

Алиса быстренько перебежала за Эркина. На всякий случай. Эркин рассмеялся и переложил из руки в руку сумку.

Как они подъезжали, Женя видела с лоджии, и их встретил уже готовый ужин.

– Молодцы, мойте руки и за стол.

– Мама, а гостинцы?

– После ужина.

– Ну, кое-что и к ужину есть! – Андрей торжественно извлёк из своей сумки маленькую жёлтую коробочку и вручил её Жене.

– Ой! – взвизгнула Женя. – Помадка! Андрюша, ты – гений!

Алиса, упоённо визжа, прыгала вокруг них. И Эркин не удержался и полез в свою сумку. Книга Алисе, джинсы и куртка Жене.

– А себе ты что купил?

– Да у меня всё есть, Женя, – улыбнулся Эркин.

Покупать при Тиме и Петраке крем он не то что не рискнул, а постеснялся. А всё остальное у него действительно есть. И крем он себе ещё купит. А пока, чтобы отвлечь Женю, он напомнил про ужин.

За столом после первых восторгов Андрей заговорил вдруг о том, что надо устроить праздник. Не ждать же до Рождества.

– Давай, – сразу поддержала Алиса. – Праздник – это здорово! А какой?

– Придумаем, – пообещал Андрей.

– И каникулы будут?

– Ты ж и месяца ещё не учишься! – возмутилась Женя. – И уже каникулы?!

– Ну, мам!

– Без «ну»! – отрезала Женя.

– Не горюй, племяшка, – подмигнул Алисе Андрей. – Придумаем.

Женя подозрительно посмотрела на него, и тот тут же изобразил, ну, такого пай-мальчика, что не засмеяться никому не удалось.

Как обычно вечер завершался всякими хозяйственными хлопотами. Андрей возился в кладовке: свой ящик он пока не забирал, так и сказав Эркину:

– Пусть здесь будет. А себе я новый комплект соберу.

Эркин кивнул, и тогда на этом всё кончилось. Ящик с инструментами – всё, что осталось у Андрея от Джексонавилла,

их общая память.

Когда Алису уже уложили спать, они снова собрались на кухне. Как всегда, расхвалив чай с печеньем и заявив, что это его самое любимое, Андрей перешёл к делу.

– Женя, Эркин, вы уже с отпуском определились?

– В октябре, – пожала плечами Женя и посмотрела на Эркина.

– Я ещё не говорил со старшим. А что? – Эркин улыбнулся. – Ты придумал что?

– А чего тут придумывать? – самодовольно ухмыльнулся Андрей. – У вас свадьба когда была?

– Двадцать первого октября, – сразу ответила Женя и ахнула, догадавшись. – Андрюша, так ты...

– Точно, Женя! – расплылся в улыбке Андрей. – Я ж на вашей свадьбе не был, так хоть на годовщине у братика погулять. Ну как, брат, гульнём?

– Гульнём, – сразу согласился Эркин и, улыбнувшись, закончил по-английски. – Чтоб небо загорелось!

– Во! – восхитился Андрей. – Точно. А, Жень? И как раз двадцать первое – воскресенье, я на понедельник отгул возьму. И погуляем.

– Свадьбу, конечно, хорошо, – Женя даже мечтательно вздохнула. – Но если всех позвать...

– А всех не надо, – перебил её Андрей. – Келейно, по-семейному, а, Женя?

– Совсем без гостей? – удивился Эркин.

Андрей ему подмигнул.

– Есть у меня одна мысль, братик. Не бойсь, а? Женя, клянусь, здоровско будет, я так придумаю...

– Ладно, – легко согласилась Женя. – Месяц впереди, успеем и придумать, и подготовиться.

– Замётано, – кивнул Андрей.

И заговорил уже о другом. Женя и Эркин поддержали его. В самом деле, чего горячку пороть?

Допив чай, разошлись на ночь.

Когда они уже лежали в постели, Женя тихо позвала:

– Эркин.

– Да, – сразу повернулся он к ней. – Что, Женя?

– Ты заметил, Андрей как повеселел?

– Да, – кивнул Эркин. – Может... может, всё обойдётся?

– Всё будет хорошо, – убеждённо ответила Женя. – Знаешь, я напишу Бурлакову. Ну, что Андрей успокоился.

– Хорошо, – после небольшой заминки согласился Эркин. – Раз ты так считаешь...

– А ты не хочешь? Эркин?

Эркин мягко обнял Женю, привлёк к себе, зарывшись лицом в её волосы.

– У них одна кровь, Женя. Андрей всё равно... уйдёт... к отцу. Он же отец ему. А я... записанный, Женя. Всё так, всё правильно... И в газете писали, и в кино... – Женя кивнула, сразу вспомнив, что как раз в то воскресенье смотрели в Центре фильм про то, как ищут пропавших детей и воз-

вращают родителям, «Родная кровь» называется. – Я... я не могу, не буду мешать. Но Андрей – мой брат. Женя, у меня только вы, ты и Алиса, и Андрей... – он задохнулся, не зная, как объяснить Жене всё это, сам не понимая, чего же он хочет.

Женя обхватила его, пряча лицо на его груди.

– Эркин... Эркин...

Он её слов не слышал, а ощущал, кожей. И, чувствуя, что плачет, только молча прижимал её к себе. Наконец, Женя потёрлась лицом о его грудь и вытянулась рядом.

– Всё будет хорошо, Эркин. Вот увидишь.

Эркин прерывисто вздохнул.

– Да, Женя, спасибо, – и вдруг, он сам не ждал, что вырвется затаённое: – Ты ведь не бросишь меня, да?

– Эркин! – ахнула Женя. – Ты что?! Что ты выдумал?

Ответить он не успел. Потому что отчаянно задребезжал дверной звонок.

И, пока они, путаясь в халатах и толкаясь, выбегали в прихожую, звон не прекращался.

Первым успел в одних трусах Андрей.

– Кто?!

– Я, – ответили по-английски.

Андрей узнал голос и щёлкнул замком.

Тим, в как-то боком надетой поверх майки куртке, задыхаясь, хватал открытым ртом воздух. Сказать он ничего не успел.

– Началось? – спросила, затягивая поясок на халате, Женя.

И, не дожидаясь ответа, стала распоряжаться.

Потом Тим никогда не мог восстановить последовательность событий той ночи. Он действительно разоспался так, что Зине пришлось его будить. Это его, просыпавшегося от малейшего движения, шороха, да что там, предчувствия, а тут?!

– Тима, Тимочка... – стонала Зина.

Наконец он разлепил веки, и белое с тёмными провалами глазниц лицо Зины подбросило его. Он вскочил, заметался, куда-то бежал, с кем-то говорил, появлялись и исчезали знакомые, но сейчас он никого не узнавал, люди...

Он сидел в новенькой гостиной на диване. Катя спала у него на руках, Дим лежал рядом и тоже спал. Дверь плотно закрыта, и голоса из спальни неразборчивы или это ему только кажется, а как там... Ему сказали, что всё в порядке, всё идёт как надо и как положено, и он не знает – верить ли этому. За окном светлеет, и ему пора собираться и идти на работу, но на его руках спящие дети, а в спальне рождает его жена. Да, правильно, решили, что пусть лучше врач к ним придёт, и тот пришёл, а кто же бегал за врачом? Он сам? Или Андрей? Или нет... А кто привёл акушерку? Или это уже неважно?

В гостиную вошла Женя и улыбнулась ему:

– Всё хорошо. Давайте, я её уложу, – и потянулась взять Катю.

Но та, не открывая глаз, только крепче уцепилась за отца. Тим хотел спросить, как там Зина, что означают эти слова: «Всё хорошо», – но не мог шевельнуться и только умоляюще смотрел на Женю.

И тут одновременно в приоткрытую дверь гостиной донёсся крик ребёнка и басовито воркующий голос акушерки.

– А вот мы и папаше сейчас покажемся. Где тут папаша наш?

Тим порывисто вскочил на ноги, едва не уронив Катю. Женя подхватила её. Тим этого уже не заметил. Сел на диване, протирая кулачками глаза, Дим.

– Пап... – позвал он.

Тим не обернулся, будто оглох. Но и в самом деле ничего не слышал. И не видел. Кроме свёртка, маленького продолговатого свёртка. Его держали у груди и чуть наискосок, однажды как-то он видел, как вручную переносили снаряды, их держали так же, только те были больше. Он протянул руки, и свёрток положили к нему не на ладони, а у локтевого сгиба, такой лёгкий, что он чуть не уронил его. Среди целого вороха ткани крохотное желтовато-смуглое личико с приплюснутым носиком-пуговкой и пухлыми недовольно искривлёнными губками, глаза зажмурены. Кто это? Это... это он, его ребёнок?!

– Какая хорошенькая, – сказал рядом голос Жени.

– Красавица, – поддержала акушерка. – Вся в папашу.

– Да? – тупо спросил Тим. – Это... она?

– Ну да, – засмеялась Женя. – С дочкой тебя, Тим. С Машенькой.

– Да, – кивнул Тим. – Маша... Зина говорила мне... – и спохватился. – Как она? Что с ней?

– В порядке твоя Зина, в порядке.

Как-то, он не понял, как, но он очутился в спальне. Зина была жива и даже улыбалась. Потом ему что-то говорили врач и акушерка, он благодарил, прощался, кажется, давал деньги или... нет, он уже совсем не понимал, что и как делать. Всем распорядилась Баба Фима.

Андрей был отправлен на работу с наказом объяснить начальству случившееся, Дима отведёт в школу Женя, а заберёт из школы Эркин – он сегодня в первую работает, а школы нет, – а Тим ляжет поспать в гостиной и пойдёт в магазин: кровать, ванночка, столик пеленальный, который со шкафчиком, понял, машину в мебельном возьмишь, и приданое полное, вот список держи, всё расписали, а обедом и прочим соседки займутся, не в пустыне, чай, живём, среди людей.

Тим ни с чем и ни с кем не спорил. По-настоящему он очнулся, только вернувшись из похода по магазинам и занеся покупки. Зина, несмотря на запрет врача и при полном одобрении Бабы Фимы и Бабы Лизы, встала и сама показала ему, куда поставить кровать и как вообще всё в спальне передвинуть.

– А ты, голубок, пока в зале поспишь, не тревожь её пока, – Баба Фима положила на диван стопку постельного белья. – А ванночку кипятком пропарь. И щёткой протри.

Катя бегала по поручениям бабушек и то и дело подсказывала к кому-нибудь с рассказами о Машеньке, как та жмурится или ещё что.

Наконец всё вроде утряслось. Зина полулежала на кровати и кормила Машеньку, а Тим сидел на стуле и смотрел на них. Личико ребёнка казалось очень тёмным рядом с белой грудью Зины.

– Правда, – подняла Зина глаза, – хорошенькая?

– Да, – кивнул Тим. – очень, – и, помедлив, спросил: – Как ты?

– Да всё хорошо, Тимочка. Ты пойди отдохни.

Он кивнул, но не двинулся с места. Зина снова заворковала над Машенькой, приговаривая что-то неразборчиво ласковое.

В спальню тихо вошла Катя и встала рядом с Тимом. Он обнял её, приподнял и посадил к себе на колени. Катя прижалась к нему, и они так молча сидели, пока не зазвонили в дверь.

– Ой, – подняла голову Зина. – Это Димочку, верно, привели, вы идите, Машенька докушает, и я встану.

В спальню быстро вошла Баба Фима.

– Лежи пока, там откроют, а вы налюбовались, так обедать идите.

Тим ссадил Катю с колен и встал.

– Идите-идите, – закивала Зина.

Но тут в спальню ворвался Дим и затараторил сразу обо всём, запрыгал вокруг кровати. И Баба Фима их всех сразу выгнала. Чтоб не мешали.

И только сели за стол, снова звонок. На этот раз пошёл открывать Тим.

– Привет, – улыбнулся ему Андрей. – Я на пару слов.

– Привет, – улыбнулся Тим и посторонился, впуская его. – Через порог не разговаривают.

– Значит, так, – Андрей вошёл и, мимоходом скорчив рожу глазевшим на него Диму и Кате, заговорил серьёзно: – На работе нормально, три дня тебе отпуска дают и от профсоюза тебе будет, что положено. От всех поздравления и пожелания. Теперь, крестины когда?

– А на Марию и окрестим, – вмешалась вышедшая в прихожую Баба Фима. – Одиннадцатого ноября как раз по святцам.

– Машенька, значит, – хмыкнул с непонятной Тиму интонацией Андрей и улыбнулся. – Ну, лады, давай пять, – он протянул руку Тиму, и тот ответил на рукопожатие. – Поздравляю ещё раз. Зине от меня и всех наших.

И весело распрощался, хотя Баба Фима и попыталась пригласить его пообедать с ними.

– Идите на кухню, – сказал Тим Диму и Кате. – Я только к маме зайду.

– Успеешь, – вышла из спальни Баба Лиза. – Спит она. А ты иди поешь, а то аж с лица спал.

И Тим не смог не подчиниться её командному тону.

Жени ещё не было, и Андрей хотел без помех поговорить с Эркином. Задуманное им без Эркина никак не получится. Правда, без ещё целого ряда условий – тоже. Если... если он договорится с Бурлаковым... если у Фредди всё пройдет благополучно и в срок... вот уже три «если», Эркин – четвертое. Но без согласия Эркина он к Бурлакову не поедет. Андрей поймал себя на том, что даже мысленно не называет Бурлакова отцом, усмехнулся и кивнул: да, всё так, всё правильно, вот когда... Да, есть кровь, да, Фредди прав во всём, когда говорил о семье, но его семья – Эркин, Женя и Алиска. Женю уломать ничего не стоит, да она и сама ему уже и не раз намекала, что нехорошо тогда вышло и надо бы если не помириться, то извиниться за устроенный скандал, ну, так он с ней и не спорит. Алиска... ну, так там ещё проще, хват-пацанка, своего не упустит и чужого прихватит, а тут ей бабушка с подарками и тортиками. Но против Эркина Женя не пойдёт, это только со стороны Эркин при ней, а он-то знает, кто главный. Эркин глаза опустит и замолчит, и Женя всё по его сделает. Надо с Эркином решать. А он тогда здорово лопухнулся, не с той карты зашёл. Эркин же ему рассказывал про того старого негра, скотника, Зибо, кажется, да, так, как их столкнули и велели зваться отцом и сыном, и видел

же ещё тогда, как Эркин из-за этого психует. Но допёк его... профессор этот, вот он и сорвался.

Всё это Андрей передумал и прикинул, и просчитал, но... всего не предусмотритишь. И вдруг Эркин спросит: «С чего ты передумал?». И что отвечать? Про Фредди, про его слова о семье не расскажешь, потому как придётся и объяснить: где, когда и зачем такой разговор состоялся. Да и не авторитет Фредди для Эркина. Братик-то... с характером. Упрётся вдруг... и всё тогда, придётся на профессора крест положить, Эркин ему важнее.

– Привет, – вошёл он в квартиру. – Эркин, ты где?

– Здесь я, – откликнулся Эркин из кухни.

Андрей быстро сбросил на вешалку куртку, переобулся и пошёл на кухню. Эркин ворошил ножом на сковородке грудку нарезанной картошки.

– Был у Тима? – спросил он, не оборачиваясь.

– Да, всё в порядке. Там Баба Фима и Баба Лиза.

– Они знают, – кивнул Эркин, искоса посмотрел на вставшего у мойки Андрея и улыбнулся. – Давай, говори, пока Алиски нет. Я же вижу.

– Да, – согласился Андрей. – Всё так. Такое дело, Эркин. Я вот что... думаю, – и замолчал, подбирая слова.

– Ну? – Эркин потряс над сковородкой солонкой и перевернул картошку ещё раз.

Андрей глубоко вдохнул и резко сквозь зубы выдохнул.

– Я думаю в Царьград съездить. Поговорить.

Он не сказал, с кем именно, уверенный, что Эркин пойдёт. Но Эркин молчал, занятый, казалось, только картошкой. И Андрей не выдержал молчания.

– Что скажешь?

– А что? Ты решил, а я при чём? – голос Эркина очень ровен и спокоен. – Он твой отец, тебе и решать.

– Ты мой брат, – так же спокойно ответил Андрей. – Без твоего слова я не поеду. Скажешь: нет, забуду о нём, как и не было. Решай, Эркин.

Эркин усмехнулся.

– На меня свалить хочешь? Понятно. Нет, Андрей, тут я тебе не советчик. Я в семье дня не прожил, отца своего в глаза не видел. И мать тоже. И кровь у меня... Нет, брат, это твоё дело, – и по-английски: – That's your problem.

– Если он мой отец, то и твой, – возразил Андрей.

– Угу. Ну, меня ты не спросил, понятно. – Эркин за ручку приподнял сковородку и потряс, чтобы картошка легла ровным слоем. – Я сам сказал, что всегда на твоей стороне. А вот зачем ему такой сынок, как я, ты подумал?

– А чем ты плох?

– Так не об этом речь, Андрей, – поморщился Эркин, досадуя на себя, что не получается у него объяснить. – Ладно. Раз тебе это нужно, то езжай, говори. Я не поеду.

– Замётано, – кивнул Андрей. – Теперь вот что. Ты об отпуске говорил? – Эркин кивнул. – С какого дают?

– С тринадцатого октября. А выхожу двадцать девятого.

Андрей подошёл к календарю, быстро перелистнул.

– Ага... С умом подгадано. Уходишь в пятницу, а выходишь в понедельник. Кто рассчитывал?

– Старшой, – улыбнулся Эркин. – Он на всех рассчитывает. Ну, чтоб за раз не больше двоих уходило.

– Сразу дал?

– Ну да. Как раз остальные с хозяйством управятся.

Андрей кивнул. Так, Эркин успокоился, повеселел, теперь можно и другую идейку подкинуть.

– Я вот что придумал.

– Ты придумаешь! – хмыкнул Эркин и выключил огонь под картошкой. – Ну, давай.

– Праздновать решили келейно, так?

– Келейно, – повторил вместо ответа Эркин. – Это что?

– Ну, – Андрей медленно свёл ладони, будто обхватывая что-то, – Ну, без лишних, только самые близкие.

– Понял, – кивнул Эркин, с интересом ожидая продолжения.

– Давай Фредди с Джонатаном пригласим.

Эркин удивлённо обернулся к Андрею.

– Они тебе самые близкие?

Андрей покраснел, но ответил:

– А что, у тебя на той стороне кто ближе остался?

Эркин как-то недоумевающе пожал плечами.

– Да нет, но... но разве они... близкие? – и вдруг напрягся. – Зачем это тебе, Андрей?

– Ни за чем. Но... ну, чем тебе Фредди не по нраву? Ты ж сам его другом назвал, не так, что ли?

Эркин нехотя кивнул.

– Ну вот. Почему ж не позвать. А он без Джонатана не приедет. И Джонатан – мужик, что надо. Хоть и лендлорд.

– Мг-м, – хмыкнул Эркин.

Сказать Андрею, что ему тогда тот охранюга показал... ну, так каким же дураком надо быть, чтоб охранюге верить. И Андрею об этом рассказывать тоже совсем не хочется. И если это Андрею зачем-то надо... то тут и думать нечего.

– Я не против, – пожал он плечами. – Только, думаешь, Джонатан приедет?

– Это уж моя забота, – повеселел Андрей. – Только чур, Жене – молчок.

– Это ещё почему?! – ошетинился Эркин.

– Сюрприз ей будет! – Андрей уже ухмылялся во весь рот. – И про Царьград ей пока не говори. Я как всё сделаю, так сам скажу. Лады, брат?

– Лады, – вынужденно согласился Эркин.

Андрей облегчённо вздохнул: успел! Это он сделал! Теперь будет уже легче. А что Эркин уступил, а не согласился, так впереди времени навалом, и продумать, и обдумать, а от слова своего Эркин не отступит. А вон и дверь уже трогают: Женя с Алиской пришли. А он успел!

И за обедом Андрей веселился, сыпал шутками, дразнил Алису. Что Эркин проболтается, он не боялся, а за себя –

тем более.

После обеда засели за уроки, А Женя пошла к Тиму узнать, как там дела и вообще... Алиса, обиженно надув губы – её не взяли, села было у себя в комнате с книжкой, но ей быстро стало скучно и одиноко. И она пошла в дальнюю комнату к Эрику и Андрюхе.

– Я у вас буду читать, ладно?

Эркин, не отрываясь от тетради, кивнул. Андрей, лёжа на диване с учебником, пробурчал что-то невнятное, но поджал ноги, и Алиса смогла устроиться со своей книгой у другого подлокотника.

Американская Федерация

Луизиана

На полдороге его настиг дождь, и Фредди вынужденно сбросил скорость. Луизианские дороги и в сушь мерзкие, а в дождь ещё хуже. Но из зоны возможного поиска он уже выбрался, и можно не спешить. Во временной интервал он укладывается в любом случае. Джонни всегда оставляет ему зазор для непредвиденных обстоятельств. Скажем, вроде такого поганого дождя на поганой дороге. Ага, а вон и нужный знак.

Фредди аккуратно притёр машину к обочине, выключил мотор и вышел, оставив ключи в замке. Через восемь минут сюда подъедут и заберут машину. Они не видели его, а он их. Всё должно быть чисто. В жёсткой болотной траве лежали высокие резиновые сапоги. Фредди натянул их прямо поверх ботинок, аккуратно заправив, чтобы не помять стрелок, брюки, и зашлёпал в заросли.

Уже через два шага вода поднялась выше щиколоток, противно запахло болотной гнилью. Чертыхаясь про себя, дважды чуть не зачерпнув, стараясь не шуметь и не ломать ветвей, он продрался сквозь заросли на параллельную дорогу к уже стоящей там тёмно-красной «ламбаде». Именно её он взял напрокат неделю назад в Порт-о-Пренсе. В машине никого, ключи на месте.

Оказавшись на обочине, он с наслаждением сбросил сапоги, открыл дверцу и сел на шофёрское место, снял ботинки и засунул их в сапоги. Его ботинки с характерными подковками на каблуках лежали внизу, у педалей. Он надел их, дотянулся, не вставая, до сапог, снял перчатки и засунул туда же. Теперь... широким сильным взмахом он выбросил сапоги на натянутый ярко-зелёной плёнкой просвет между кривыми чахлыми стволами левее подтопленной тропы. Чавкнув, трясина проглотила добычу. А его след ряска уже затянула.

Фредди удовлетворённо выругался вслух, включил мотор и мягко, чтобы не чиркнуть по бетону, стронул «ламбаду».

Бензина ровно столько, сколько нужно в обоснование засветки на заправочной станции. Время... проверяя себя, поглядел на часы... да, он укладывается.

Мелькнул указатель, от которого начиналась уже «чистая» зона. Всё, он вышел. Теперь каждая минута работает на него. Расслабляться, конечно, рано, это уже только дома, в имении. И усмехнулся, поймав себя на этой мысли. А что, получается именно так. И квартира в Колумбии... тоже дом...

...Прилетев из Царьграда, он позвонил в офис. Джонни был на месте.

– Всё в порядке.

– Вечером я в клубе, – ответил Джонни.

Он понял и повесил трубку. Значит, Джонни считает разговор срочным. Что ж, может, и резонно. И сразу поехал в офис. Там всё как обычно, и обоснование железное: сдать отчёт хозяину после деловой поездки.

– Как добрался? – встретил его Джонни.

– Туда или обратно? На точках нормально. Новых договоров не делал.

Джонни кивнул.

– Ну?

– Как мы и думали. Окорок и Рич. Вспомни, кто ещё смылся, когда я вошёл.

– А что?

– Должен был войти Найф, – Джонни молча смотрел на

него, и он продолжил: – Дальше тебя кончают как шулера.

– Лихо. А ты?

– А я уже холодный. На будущее, Джонни, если меня нет десять минут, на одиннадцатой сматываешься.

– Понял. Не отвлекайся.

– Пачек было три. Две тысячных и одна сотенная. Сотенную парень и взял.

– Всё-таки он?

– А ты сомневался?...

...Фредди усмехнулся воспоминанию. Чего там, он же сам тоже не верил. Чтоб мёртвый воскрес, оказался в нужный момент в нужном месте, прирезал Найфа, благополучно ушёл и дал найти себя в России... слишком много удач...

...Он кладёт перед Джонни свой блокнот.

– Смотри, Джонни, это было на бандероли с сотенными.

Парень говорит, на тех двух были такие же полоски.

– Значит, банк один. По коду... банк Киферса. Мутно там.

Но прокачаю.

– Только аккуратней.

– Не учи. Так кто был нужен?

– Деньги. А мы на дороге. Вот и всё.

– Всё, говоришь? Кому деньги нужны? Настолько, чтоб такое закрутить.

Он кивает.

– Я думал. Подлость Паучья. Но... вряд ли Найф напрямую с ним.

– Через Гушу?

– Парень говорил, что Найф на СБ работал. Я думал, Джонни. Кто-то уцелел, денег нет. А у Найфа давно на меня зуб. Вот трое, а может, и больше встретились. И договорились. Всё просто, Джонни, не усложняй лишнего.

– Зуб – это когда его от Ансамбля откинули? – усмехается Джонни.

Он с улыбкой кивает. То дельце они с Джонни лихо провернули. Тихо, на лёгкой рысце, но Найф догадался. Или подсказали ему. Но Найф в Ансамбле был многим не нужен. Уорринговцам не доверяли: крыша-то с дырками и набекрень, иди знай, куда такого шибанёт. Так что им особо и стараться не пришлось. Так... поддержали кого надо, и всё.

– Если охранюга в Атланте, будет трудно, – Джонни аккуратно, не оставляя лохмушек, вырывает из его блокнота листок с записью и прячет в нагрудный карман рубашки. – Попробую через банк.

– Вряд ли деньги его. Искать надо двоих.

– Или троих, пачек-то три. Но посмотрим...

...И всё-таки деньги дал не Паук. Паук вообще только берёт, давать не умеет и не может. Продумать такое... ну, ладно, банк Джонни прокачает. Есть там... не любящие СБ, а любящих Паука вообще не существует. Этих двух они сделали чисто. А остальное...

...Джонни кивает, показывая, что пора уточнить некоторые детали.

– Как он подпустил парня сзади?

– Расслабился, – пожимает он плечами, – Решил, что дело сделано, а парень сыграл чисто. Два месяца держался.

Джонни снова кивает.

– Долго раскалывал?

– Пришлось играть в открытую, – он отпивает коньяк. – Но парень особо не трепыхался. Я ему пасьянс на спичках показал.

И снова понимающий кивок...

...Всего узнанного он Джонни не рассказал. Но Джонни и не спрашивал. Главное они обговорили, а остальное... пока – это мелочи. Когда станет главным, тогда и обсудим. А пока... а вон и заправочная.

Фредди притормозил и кивнул на приветствие заправщика.

– Доверху, са-а?

– Валяй, пареньь.

Незнакомый говор в такой глубинке запоминается. Больше ничего и не надо. Если возникнут вопросы, парень подтвердит.

А теперь прибавить скорость и в Порт-о-Пренс. Здесь дело сделано. Где же искать охранюгу: кого-то Чак не дорезал в Хэллоуин. Но то дело целиком у русских, ни за какие деньги не достанешь. Расспросить Чака? Выпотрошится по первому слову. Но также и перед каждым другим белым. Тем же Бульдогом. Как тогда. Нет, спрашивать Чака нельзя. Алекс?

Тоже нет. Слишком много придётся заплатить и не деньгами. А сдать ему парня нельзя. Ладно, и сами справимся.

О зелёной ряске, или как её там, эту болотную гадость называют, поглотившей машины, будто и впрямь челюсти чавкнули, он не думал. Искать начнут не скоро. И не найдут. А всего-то... чуть-чуть подвинуть указатели, через посредников, ни один из которых всей цепочки не знал и предполагать не мог, вывести Огорока и Рича на встречу и встретить их. Два выстрела и мёртвые водители не успевают повернуть, влетая по прямой в ярко-зелёный просвет между зарослями. Дальше пройти к своей машине, сесть в неё и уехать. А указатели вернут на прежнее место без него, как и двигали, и сделают это разные люди, друг друга не знающие и не видевшие. И он их не видел, и они его. Прийти, сделать дело и уйти. Средняя часть – самая короткая и простая, все проблемы на уходе.

Дождь кончился, и между тучами проглянуло солнце. Мокрая дорога масляно блестела, и колёса скользили, как по маслу. Фредди негромко, но с чувством выругался. Хреновый штат, на хрен он им не сдался. Дороги скользкие, говор гнусавый и вообще... а вот кому и за сколько скинуть добычу, он уже знает. И тогда к парню все нитки оборвутся. Огорок и Жердь видели, но уже никому не скажут. Пит... то же самое. Туша... не видел. Те две шестёрки... если их не было в той машине, то будут молчать, даже если о чём-то и догадываются. Кто ещё? Бульдог. Не знает, не видел, но догадыва-

ется. Умён дьявол, и не по зубам. Кто остаётся? Колченогий. Вот ему Луизианой глотку и заткнём. А в одиночку Бульдогу и уцепиться будет не за что.

Вывернув на шоссе к Порт-о-Пренсу, Фредди посмотрел на часы. Точно. График Джонни выверяет, как никто.

Россия

Цареградская область

Алабино

После дождей наступили ясные, но уже по-осеннему холодные и прозрачные дни. Как-то сразу, в несколько дней пожелтела листва, госпитальный парк и сады стали тихими и редкими. И пахло совсем по-другому. И всё было не так.

Что с ним такое происходит, Майкл понял если не сразу, то давно. И что теперь делать?

– Пока ничего, – сказал доктор Ваня. И пояснил: – Ничего особого.

Тогда вообще интересно получилось. Он пришёл ночью в госпиталь. Засиделся у Марии допоздна, домой идти не хотелось, в кабак – есть у них в Алабино такой, без вывески, но

все знают, что можно хоть сутками сидеть, только пей да плати – тоже не с руки, шататься по улицам... и тут он вспомнил, что доктор Ваня сегодня на ночном дежурстве. И пошёл в госпиталь.

Часовой у входа был знакомый ещё по Спрингфилду и пропустил без звука. В раздевалке Майкл переоделся – на всякий случай – в халат санитаря. А то вдруг прицепится кто: чего он шляется не в свою смену и не в своём отделении: его же работа в реанимации, хирургии и травме, а тут терапия и прочее... Но до кабинета доктора Вани он добрался благополучно, ни с кем по дороге не пересёкся. И постучал.

– Войдите, – откликнулся удивлённый голос.

Майкл открыл дверь и вошёл. К его изумлению, доктор Ваня был не один. Этого молодого белобрысого врача он уже видел, но не разговаривал и даже не знал, какой тот специальности.

– Добрый вечер, Иван Дормидонтович, извините, я помешал.

– Нет, заходи, Миша, добрый вечер, – Жариков улыбнулся. – Я не знал, что ты дежуришь.

Майкл почувствовал, как кровь прилила к щекам. Белобрысый смотрит на него, как-то странно смотрит. Может, из-за этого взгляда и ответ получился слишком резким:

– Нет, я не дежурю, я к вам пришёл.

– Проходи, садись, – сразу стал серьёзным Жариков.

Молодой врач встал, явно собираясь уйти, Майкл мотнул

головой и отступил к двери.

– Нет, у меня всё в порядке, я так просто, я потом зайду.

– Не выйдет, – Жариков вдруг подмигнул ему. – Раз пришёл, то всё, обратного хода нет. Забыл?

Майкл невольно улыбнулся и ответил по-английски, как и тогда:

– Раз таково ваше желание, сэра.

– То-то. Знакомьтесь.

– Михаил Орлов, – склонил он голову.

Белобрысый улыбнулся и протянул ему руку.

– Алексей Баргин.

Майкл ответил на рукопожатие.

– Отлично, – кивнул Жариков. – Алексей – сексолог, мы тут кое-что обсуждаем. Поможешь нам, Михаил?

– Если смогу, – пожал он плечами.

Название специальности белобрысого слишком удивило его, и он повторил:

– Сексолог? Я читал, есть сексопатология.

– Сексопатология занимается отклонениями, – сразу загорячился Баргин. – А норма...

– А чего её изучать, если она норма, – озадаченно перебил его Майкл.

Алексей покраснел, но Жариков уже усадил их за стол.

– Вот и обсудим, где норма, а где отклонение. Твоё мнение, Михаил?

Он пожал плечами.

– Норма – это когда боли нет.

Алексей невольно кивнул, а Жариков одобрительно улыбнулся и спросил:

– Какой боли?

– Любой, – улыбнулся и Майкл. – Не больно, не противно, не обидно. Когда всем хорошо.

– Всем – это скольким? – спросил Алексей и покраснел.

Михаил пожал плечами.

– А сколько захотело, столько и пускай, – и уточнил: – Если им это нужно, – и решившись: – Я давно хотел спросить. Иван Дормидонтович, а зачем это?

Алексей изумился до немоты, явно удивился и Жариков, а Майкл продолжал:

– Ведь и без этого хорошо. Даже ещё лучше. Я раньше думал, ну, ещё, – он заговорил по-английски, – в питомнике, что беляки это придумали, как плети, там цепи, ну, для мучений. Им нравилось нас мучить, всё равно как. Потом увидел, я тогда домашним был, правда, недолго, что они и друг с другом трахаются, ну, хозяин с хозяйкой. И опять непонятно. Ну, у рабов случка, чтоб ещё рабы рождались, а у хозяев, чтоб тоже рождались, беляки, хозяева новые. Но ведь они не просто так, а с выкрутасами всякими. И им нравилось это. И рабы если дорвутся, – он покрутил головой. – А волны ни у кого нет. А без волны на фиг это нужно?

Жариков посмотрел на пунцово-красного Алексея и улыбнулся. Ничего, коллега, привыкайте, что об этом можно

и так говорить. Майкл перехватил этот взгляд и тоже улыбнулся.

– Кто о чём, а всяк о своём, – сказал он по-русски. – Так, Иван Дормидонтович?

– А о чём человек ни говорит, он всегда о своём, – ответил Жариков.

Алексей продышался и кивнул.

– А вот это? – он показал на раскрытый журнал. – Это норма? Или как?

Майкл только сейчас заметил, вернее, обратил внимание на лежащий на столе глянцево-блестящий журнал, так непохожий на обычные медицинские бумаги, и взял его.

– Каталог? – удивился он. – Зачем он вам? Сейчас же Паласов нет, – снова перешёл он на английский.

– Каталог? – удивился Жариков. – Объясни пожалуйста. Мы думали, это...

– Порнушник, – понимающе кивнул Майкл. – Нас и для них фоткали. Беяки любят такое смотреть. А это каталог. Ну, заказывать, вот номера, расценки...

– Товары почтой, – усмехнулся Жариков.

Алексей снова покраснел, но упрямо повторил, показывая на снимок, где переплетались тела белой женщины и трёх негров.

– Это норма?

– Нет, – убеждённо ответил Майкл. – Их же заставили. Это не норма. Это... Иван Дормидонтович, вы же тогда ска-

зали Андрею, что когда заставляют, всё равно как, то это насилие, – Жариков кивнул. – Ну вот. Они в ней, но это она их насилует. Она белая, а они – рабы. Это не норма.

– А бывало... не насилие? – помедлив, спросил Алексей.

– У раба с хозяином доброго согласия не бывает, – покачал головой Майкл. – Хозяин... он всегда... насильник. Гладит, ласкает, угостит, внизу ляжет и всё равно насильник. У меня их столько перебывало. И под, и над, и со всех сторон, – он твёрдо посмотрел на Алексея. – Я же джи. Ну, для джентльменов. Хоть и беляшек было... тоже навалом. И работал по-всякому. И со всякими.

– Работал? – переспросил Алексей, опасаясь, что неточно понял быструю английскую речь.

– Ну да. Как ещё назвать? По белому приказу – это работа.

Майкл говорил спокойно и даже простодушно, но Жариков видел, что простодушие наигранно, что парень не просто играет, а насмешничает. Но самую малость и не зло. Но вот сам он никак не ждал, что именно Майкл заговорит об этом, нет, сможет говорить. А с чем же он шёл сюда? Но это потом, не при Алексее.

– Но разве любовь может быть работой?

– А траханье – не любовь.

Ах, какой молодец! Жариков даже в ладоши хлопнул. Но обидеться Алексей не успел, так как Майкл убеждённо продолжал:

– Любовь – это другое, совсем другое. Так... ну, трахну-

лись и всё, разбежались, как... как уворованное заглotalи, рабы так трахались, я домашним когда был, видел.

– А в Паласах такого не было? – с интересом спросил Жариков.

Майкл пожал плечами.

– Да нам незачем. Зачем работать без приказа? Надзиратели, следили, конечно... но мы съестное, да, таскали, ну, трепались ещё втихаря, а это... – он снова пожал плечами и улыбнулся. – Неинтересно это нам.

– А... а что вы чувствовали? – осторожно спросил Алексей.

– К кому? – насмешливым вопросом ответил Майкл. – Рабам вообще чувства не положены. А нам-то... – и серьёзно: – За это больше всего наказывали. А за любовь... ну, если ловили, то трамвай.

– Трамвай? – удивился Алексей. – Как?

– А просто, – Майкл нахмурился, сцепил вдруг задрожавшие пальцы. – Это хуже всего. Лучше под током лежать, чем на трамвае ездить.

– Это групповое изнасилование? – тихо сказал Жариков.

Майкл опустил глаза и кивнул.

– Жёсткое, – хрипло выдохнул он. – Очень жёсткое. Чаще надзиратели сами, или палачей на это ставили, а иногда... нас. Прикажут, и пошёл. Ничего хуже этого нет.

Жариков почувствовал, что Алексей может спросить, не было ли такого у Майкла, и предостерегающе посмотрел на

коллегу. Алексей твёрдо встретил его взгляд и кивнул. Майкл не заметил их немого разговора, угрюмо разглядывая стол и свои сцепленные в замок пальцы.

Жариков встал, прошёлся по кабинету и снова сел. Майкл с усилием поднял на него глаза, заставил себя растянуть губы в улыбке.

– Я в порядке, Иван Дормидонтович.

Жариков кивнул и спросил, переключая не так тему, как настроение.

– Как Мария?

Улыбка Майкла стала такой, что Алексей даже задохнулся на мгновение.

– Спасибо, у неё всё в порядке. Я... я у неё был.

Его ни о чём не спрашивали, но он заговорил сам, уже только по-русски.

– Посидели, чаю попили. Её... ну, хозяйка квартирная, меня видела, так что от Марии отцепятся, а то там есть... а теперь она сказала, что нет, что не одна она, ну, и без вопросов. Она и Егоровне этой сказала, что я ревнивый очень. Так что всё, как положено. Мы у неё в комнате сидим, разговариваем. Мы просто говорим, нам... нам не надо ничего такого, – он сделал поясняющий жест и смущённо улыбнулся. – Говори, говорим, а я потом даже не помню, о чём.

Жариков задумчиво кивал, а Алексей слушал, приоткрыв рот, как завораживающую сказку.

– И хорошо, и вот здесь, – Майкл потёр грудь, – здесь

больно, и хочется, чтоб всегда так было. Больно и... приятно. Разве бывает приятная боль?

– Бывает, – задумчиво кивнул Жариков. – Ох, как бывает, Миша.

– Но... – не выдержал Алексей, но был тут же остановлен взглядом Жарикова.

На этот раз Майкл заметил и посмотрел на Алексея.

– Что? Что вам интересно?

– Но разве вам не хочется?

– Чего? – с искренним интересом спросил Майкл.

– Ну... дотронуться, поцеловать.

– А зачем? Нам и без этого хорошо. А массаж если делать, то ей меня не промять, я же старше, вон, – он шевельнул плечами, натягивая халат, – мяса какие нарастил. А ей... я же не эл, ещё сломаю чего ненароком.

– А массаж – это интересно, – сказал вдруг Жариков.

Майкл пожал плечами.

– Мы-то друг друга мнём, а ей, – он снова пожал плечами. – Думаете, ей нужно?

– А ты попробуй предложить, – сказал Алексей.

– Попробую, – послушно согласился Майкл и повторил: – Я-то не эл, но, если просто общий... – тряхнул головой и улыбнулся. – Сделаю.

– Понимаешь, – стал объяснять Алексей, – ведь прикосновение – это не обязательно... секс. Так можно показать заботу, внимание, участие...

– Ну да, – немного озадаченно согласился с ним Майкл. – Раненых же мы трогаем, перевязываем. Ну да, если точки не трогать, то да, совсем другое будет.

– Точки? – переспросил Алексей. – Это эрогенные зоны?

– Эрогенные? – не понял Майкл, посмотрел на Жарикова и тут же сообразил. – А, понял. Нет, зона большая, а есть ещё точки, в зоне и рядом. Они разные. На боль, на... секс, ещё...

– На паралич, – подсказал Жариков. – Я помню, как ты Гэба... успокаивал.

Майкл несколько демонстративно хлопнул ресницами.

– Ну, я же для дела. И на полчаса всего.

– Понятно-понятно, – кивнул Жариков. – А какой предельный срок паралича?

– Не знаю, – покачал головой Майкл. – Там чуть пережмёшь, и кранты.

– Они рядом или совпадают? – спросил Алексей. – Ну, точки?

– По-всякому, – стал объяснять Майкл. – И так, и так. И даже одна точка, по-другому погладишь или нажмёшь, и не то. Это, – он растопырил пальцы, – это чувствовать надо, я не могу объяснить.

– Но этому можно научиться? – спросил Алексей.

– Нас же научили, – усмехнулся Майкл и помрачнел. – Кто выжил, те все умеют.

– И как учили?

– Как всему. Ошибся – получи, сильно ошибся – вылетел на сортировке. И всё. Жить хочешь, так всему научишься.

Наступило молчание. Алексей не ждал такого поворота и растерялся, а Жариков знал, что надо промолчать и дать парню самому справиться. Майкл – сильный, он сможет.

Наконец Майкл встряхнул головой и улыбнулся.

– Я понимаю, вы об этом по-другому думаете. И я – джи, ну, для мужчин, вам лучше с Кри... Кириллом, Эдом, ну, с элами поговорить, они с женщинами работали, вам интересно будет. А я не по вашей... специальности, я, – он усмехнулся, – патология, так?

– Нет, – твёрдо, даже жёстко ответил Жариков. – Никакой патологии у тебя нет.

– Но я же...

– Определяющий момент не с кем спишь, а кого любишь, – по-прежнему твёрдо сказал Жариков.

Алексей удивлённо посмотрел на него. Майкл несколько секунд молча переводил взгляд с одного на другого и всё-таки переспросил:

– Да?

– Да, – кивнул Жариков и добавил: – И ещё. Любовь патологией не бывает.

– Любая? – с вызовом спросил Алексей.

– Любая, – Жариков усмехнулся. – В том числе к мороженому и к Родине.

Алексей густо покраснел. Майкл почувствовал, что здесь

отголосок какого-то не то спора, не то... но у него своя проблема.

– И как у хозяина к Андрею? – спросил он максимально ехидно.

– Патология в том, что он был хозяином, рабовладельцем. И тогда, кстати, он о любви не думал, и даже наверняка не чувствовал. Любить может только свободный.

– И свободного? – сглотнув, спросил Майкл.

– Да, – убеждённо ответил Жариков. – А пол... неважен.

Майкл задумчиво кивнул и встал.

– Я пойду, не буду вам мешать, спасибо большое. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – улыбнулся Жариков.

– Спокойной ночи, – кивнул Алексей.

Когда Майкл ушёл и даже шаги его затихли, Алексей спросил:

– Зачем вы назвали гомосексуализм нормой?

– Во-первых, коллега, чтобы парень сохранил самоуважение. Во-вторых, большинство мужчин бисексуалы, и думаю, что у женщин процент тот же. А в-третьих... отношение к гомосексуализму и гомосексуалистам сугубо социально и конкретно исторично. Это правительственная политика, власти нужно население, значит, женщины должны рожать, – Жариков говорил, расхаживая по кабинету. – Однополая любовь рассматривается как помеха деторождению. Вот и всё. Остальное уже дело пропаганды. А на самом деле...

– Думаете, нет?

– Убеждён.

– А Империя не была заинтересована в населении?

– Была, – кивнул Жариков. – Настолько, что пошла на нарушения «Пакта Запрета». Но сексуальное насилие как часть, неотъемлемая часть рабовладения, не только допускалось, но и предписывалось. И как растление того же населения безнаказанностью... Так что оставим пропаганду специалистам в этой области, коллега. Наше дело – объективная реальность, то, что на самом деле.

– Но патология существует!

– Разумеется. Но что считать патологией? Отклонение от нормы, не так ли. Пятилетний ребёнок регулярно и интенсивно участвует в сексуальных контактах. Это норма? И вот до пяти лет их просто насиловали надзиратели, а после... до четырнадцати учёба, до двадцати пяти работа. И смерть. Такая жизнь – норма или патология? Если они, спальники, патология, то кем являются надзиратели, владельцы Паласов, клиенты и хозяева наконец? Они, эти... – норма?!

– Но... я согласен, здесь нет однозначного решения, но есть же какие-то общие нормы.

– Общепринятые, коллега, – Жариков заставил себя успокоиться и заговорить с максимально возможной, но не обидной академичностью. – Да, вот здесь и кроются те детали, в которых сразу и Бог, и Дьявол. Вот, например. Скотоложство, зоофилия всегда и везде считалась извращением. Так?

– Да. Нормой нигде и никогда не признавалась и не признаётся.

– Ну вот. А эти... расисты имперские, объясняя и оправдывая рабство, торги, питомники и те же Паласы, главным аргументом выдвигают, что цветные – не люди. Так с кем же, чёрт возьми, они тогда трахались?! И как совместить законы об осквернении расы с Паласами?!

Алексей смущённо покраснел.

– Я... не очень знаком... с этим.

Жариков, успокаиваясь, улыбнулся.

– С законами или Паласами? Ничего, коллега, это естественно. Законы возьмёте в Библиотеке, вряд ли есть в переводе, но разберётесь. А по Паласам... есть материалы у меня, у доктора Аристова. И у парней информации много. Если сумеете уговорить их поделиться. Но сначала проработайте законы, договорились?

– Хорошо, коллега, – встал Алексей. – Спасибо. Уже поздно.

– Я всё равно на дежурстве, – засмеялся Жариков.

Когда Алексей попрощался и ушёл, Жариков достал свои тетради. Спешить некуда, так что запишем всё тщательно, подробно и продуманно.

В раздевалке Майкл убрал в свой шкафчик халат с шапочкой и посмотрел на часы. За полночь уже, и сильно. Домой, что ли? Так больше ж некуда. Дом... комната в мебелираш-

ках. Дом на время. Так им говорили, когда они только устраивались, и да, так оно и есть. А если они с Марией решат... жить вместе, то придётся искать новое жильё, квартиру. У Марии хозяйка неплохая, но вдвоём им там будет тесно. И разрешит ли хозяйка. Одно дело – проходящий, как говорят, ухажёр, и другое – постоянный... жилец. Так-то им вдвоём с Марией хорошо. Без всех этих... Мария такая же, как и он, и перегорела тоже, и ей этого не нужно. Им потому и хорошо, что не надо ни притворяться, ни врать...

Майкл потрянул головой и захлопнул шкафчик. Всё, с утра в школу, надо выспаться, да нет, хотя бы поспать. А все эти штуки с сексологией – да на хрена ему это никак не нужно – побоку. Им с Марией и так хорошо.

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная поляна» Джонатана Бредли

Уютно потрескивает огонь в камине, за окном ветер перебирает ветви деревьев, тишина и покой.

– Хорошо-то как!

– Рад, что сбаврил их в посёлок? – хмыкает Фредди.

– А что, тебе одиноко? – отвечает вопросом Джонатан.

Фредди одобрительно отсалютовал ему стаканом.

К их возвращению стройка в посёлке практически закончилась, и ждали их разрешения переселяться. Из барака потихоньку перетаскивали ту мебель, что решили взять с собой. Сэмми без усталости мастерил кровати, столы, стулья и та-

буретки. Стеф проверял немудрёную, но для многих незнакомую технику, заодно объясняя и инструктируя. Весь сушняк в окрестностях и совсем не нужные щепки и обломки из Большого дома стаскивались в сарайчики – у каждого дома свой! – на зиму. И наконец приехал священник из «цветной» церкви Краунвилля и торжественно благословил каждый домик и семью, живущую в нём, чтоб жили в достатке и согласии. Опустевшие выгородки вымыли и...

– И что же здесь теперь будет, масса?

Мамми вытерла руки о фартук и посмотрела на Джонатана.

– Комнаты для приезжих, – сразу ответил Джонатан.

– Это как Чак, что ли, масса? – изобразила мыслительное усилие Мамми.

– Да, Мамми, – улыбнулся Джонатан. – Ну и для сезонников, если понадобятся. Вот и сделаем как у Чака. Кровать, стол, два стула или табуретки, и для вещей.

– Ага, ага, масса, – закивала Мамми. – А у Ларри выгородку тоже не трогать?

– Пусть, как есть – кивнул Джонатан. – И Чака тоже.

– Ну да, масса Джонатан. Слышал, Сэмми?

– Это не к спеху, – остановил её рвение Джонатан.

К удивлению Фредди, Выюн и Лохматка не переселились в посёлок, а остались жить в конуре у конюшни. И кошка на кухне осталась.

Теперь после обеда имение затихало, и они с Джонатаном

оставались вдвоём. Как той зимой, когда они только-только приехали и начали обживать руины...

... Они стояли в рабской кухне – единственном не разорённом месте.

– Жить здесь будем.

Фредди не спрашивал, но Джонатан хмуро кивнул.

– Больше негде.

– А в чём проблема, Джонни? У плиты хуже, чем у костра?

Джонатан вздохнул.

– Нет, конечно.

В самом деле, рабство отменено, они здесь вдвоём, и спать на дворе только потому, что кухня эта рабская, просто глупо. Здесь в окне даже стёкла сохранились, рама, правда, очень щелястая.

– Давай, Джонни, – подтолкнул его Фредди. – Надоело под снегом спать.

Заделать щели, хотя бы самые заметные, проверить дымоход и пустить обломки рабских нар на растопку. Целы бак для воды, котлы для каши и кофе, листы противней. Они распахнули для света дверь и разбирали завалы. Здесь не били и не ломали, просто разбросали как попало и куда попало.

– Джонни, проверь колодец, а я затоплю.

– Мы же его уже смотрели.

– Тогда бери ведра и таскай воду. Я лохань нашёл.

– Она течёт.

– Пока ты воды наносишь, я её заделаю.

Когда ковбою что приспичит, то спорить не только бесполезно, но и опасно. В Аризоне это и лошади, и люди знают. Лошади с рождения, люди – если выживут. Джонатан выжил, поэтому взял вёдра и пошёл к колодцу.

К его возвращению в плите пылал огонь, а Фредди придирчиво осматривал на просвет большую лохань для рабской стирки. А когда бак был наполнен, в кухне стало настолько тепло, что они сняли куртки.

– Грейся, я холодной принесу.

– Ты мыться, что ли, вздумал?

– Можешь ходить грязным, – великодушно разрешил Фредди, надевая куртку. – Но упустишь кофе, вздрючу потогдашнему.

Джонатан подошёл к плите. От открытой – для света и тепла – топки и чугунных кругов конфорок шёл ровный сильный жар. На кофейнике задрезжала крышка. Он выдернул из джинсов рубашку и, обернув полую ладонь, отодвинул кофейник на кирпич. Не остынет и не выкипит. Вошёл Фредди с вёдрами.

– Тихо. Можем расслабиться.

Джонатан усмехнулся.

– Расслабляйся. Я послежу.

Время и места такие, что спать и расслабляться лучше по очереди и автомат держать под рукой.

– Грейся, – буркнул Фредди, щупая бак.

И он не смог уйти, оторваться от этого тепла.

Лохань была достаточно вместительной, чтобы мыться сразу двоим, но на такое безрассудство они не пошли. Он залез в парящую воду первым. И Фредди молча согласился с такой очерёдностью: после горячей ванны выходить с автоматом на холод – не для его спины такие фокусы.

Горячая вода, жёлтая едкая – он прямо чувствовал, как отслаивается от тела грязь – пена, красные отсветы от огня в топке на стенах. Джонатан сидел в лохани и мылся собственным бельём – старая ковбойская хитрость, как совместить мытьё и постирушку.

Фредди поставил перед топкой принесённый из Большого Дома стул и устроился, как у камина.

– Подошвы не подпали.

– Поучи меня. Пошарим завтра по соседям. Может, чего и валяется. Без присмотра.

– Здесь ты уже всё видел?

Фредди хмыкает.

– Думаешь, корову мы здесь в кустах найдём?

– Резонно.

Он ещё немного посидел в остывающей воде и вылез. Сток оказался не забит, и опорожнить лохань удалось без помех.

– Давай, твоя очередь.

– Угу, – Фредди, качнувшись, снял ноги с плиты и встал. –

Низко вешаешь.

– Быстрее высохнет.

Джонатан расправил на натянутой над плитой верёвке свои вещи и, вздохнув, стал одеваться. Фредди уже наполнил лохань и с мечтательно предвкушающим выражением на лице расстёгивал рубашку. Стул он переставил к лохани, чтобы, не вставая, дотянуться до оружия. Джонатан застегнул пояс с кобурой и взял свой автомат.

– Пойду пройдуся.

Фредди сбросил на пол к сапогам джинсы и полез в лохань. Шумно выдохнул сквозь зубы – вода оказалась несколько излишне горячей – и сел, почти исчезнув в клубах пара.

– Валяй.

Выходя из кухни, Джонатан плотно прихлопнул дверь. Было уже совсем темно, но отсвечивал иней, затянувший белёсой коркой землю и стены. В загоне фыркали и переступали лошади. Сена им задали вволю, так что не замёрзнут. Скрипят, сталкиваясь под ветром, ветви в саду. Интересно, хоть что-то там уцелело, или всё выжгло? А в остальном – тишина. Мёртвая тишина. Но Фредди прав насчёт коровы и всего остального. Хозяйство должно быть хозяйством. Иначе из прикрытия оно станет косвенной и от того более неприятной уликой.

Обойдя дом и службы, Джонатан вернулся в кухню. И первое, что увидел сквозь клубы пара – это торчащие из лохани голые ноги Фредди и над ними нацеленный точно ему в лоб глазок дула.

– Закрой дверь, сквозит, – сказал Фредди, опуская и откладывая кольт на стул.

– Как это ты через дверь не выстрелил?

– Подозревал, что знаю входящего. Как там?

– Тихо, как в могиле.

– И в могиле неплохо, когда не ты в ней покойник, – философским тоном ответил Фредди, глубже опускаясь в воду.

Джонатан пристроил автомат, чтоб не мешал и был в пределах досягаемости, снял и бросил на табурет куртку, взялся за кофейник.

– Налить?

– Сделай хаф-на-хаф. Бутылка в мешке.

Джонатан достал из мешка Фредди бутылку дрянного виски.

– Кофе пьют с коньяком, Фредди.

– Кофе, а не эту бурду. Наливай, Джонни.

Джонатан налил в две кружки до половины горячего кофе и долил из бутылки.

– Держи. Говорят, для прогрева хороша русская водка.

– А мне говорили, что её пьют холодной, – Фредди отхлебнул из кружки. – А ничего, главное, что горячее.

Джонатан кивнул и сел у плиты. Что ж, могло быть и хуже. От мелкой банды они отобьются, а крупной здесь уже делать нечего. Есть крыша над головой, кой-какая утварь... для начала вполне достаточно. Жар от выпитого разливался по телу, смешиваясь с печным.

– Подлить горячего?

– И туда, и туда.

Джонатан поставил кружку на край плиты и встал. Зачерпнул из бака ковш кипятка.

– Вставай, а то ошпарю.

Фредди, крихтя, втянул в лохань ноги и встал во весь рост. Джонатан аккуратно влил с края горячую воду.

– И хватит с тебя, а то сварисься.

– Угу, – Фредди, стоя, допил свою кружку, сел обратно и отдал кружку Джонатану. – Только горячего теперь сделай, – и блаженно вздохнул: – Это я к загробной жизни готовлюсь.

– Понял, – кивнул Джонатан. – В следующий раз я тебе лохань на плиту поставлю. Для полноты ощущений.

– Она деревянная, не нагреется.

– Зато загорится.

– Спасибо, Джонни, – задушевно поблагодарил Фредди, принимая кружку с дымящимся, как и лохань, кофе.

И потянулись минуты тишины, наполненной треском огня в топке, бульканьем воды в баке и шумом деревьев за стенами.

Наконец Фредди отставил кружку, встал и собрал своё плавающее в воде бельё, вздохнул ещё раз и вылез из лохани. Джонатан снял ноги с плиты и встал. Фредди кивком поблагодарил его, развешивая бельё. Лохань опорожнили в сток, Фредди оделся, и они снова сели у плиты допивать кофе.

– Завтра в город смотайся. Возьми крупы, муки. Ну, обыч-

ный набор. Кастрюли, вроде, целы.

– Резонно. Но по одиночке пока лучше не ездить и не оставаться. А припасы попробуем и здесь поискать.

– Думаешь, не всё выжрали?

– Посмотрим...

...Так началась их жизнь в имении. На следующий день припёрлась какая-то плохо сбитая банда. Пятерых они уложили, а одному – раненому – дали ускакать, чтобы навёл шороху. А тех закопали рядом с двумя из Большого дома. А потом появился Сэмми. И пошло, и поехало...

...Джонатан глубоко вздохнул, расслабленно оседая в кресле.

– Ну да, так оно и было – кивнул Фредди. – Помню. На выставку поедем?

– А чего ж нет?

Приглашение на осеннюю выставку собак ждало их в имении, когда они вернулись, уладив все дела в Колумбии и других штатах. Прочитав короткий, но весьма вразумительный текст, Фредди сразу пошёл на конюшню к Роланду.

– Знаешь?

– Да, масса, – Роланд, сидя на полу, перебирал шерсть Лохматки, выпутывая набившиеся туда колючки.

Фредди сел на ларь с овсом, с интересом разглядывая Роланда. На языке вертелось: не был ли Роланд рабом у хозяйки питомника, но спросил Фредди о другом.

– И что ты знаешь об этой выставке?

– Она каждую осень, масса, когда собаки к зиме обростут. Ну, как лошадиные, только вместо скачек – травля. Сто крыс запустят в ящик, к ним собаку и смотрят, за когда она их всех передушит, – Роланд вздохнул. – Большие деньги можно выиграть, масса.

– Ну, где выигрывают, там и проигрывают, – хмыкнул Фредди. – А как готовят собак к выставке, знаешь?

Роланд снова вздохнул.

– Немного, масса. Так-то они маленькие ещё, на сотню рано пускать. И это... тримминговать их надо, масса.

– Тренировать? – Фредди решил, что Рол переврал именно это слово.

– И это, масса, но вот то... мисси Бетси сама это делала, а к большой выставке нанимала ещё. Я-то держал только, ну, подавал, что велели, и купал. А, – и снова: – тримминговала она сама.

– Понятно, – кивнул Фредди. – И когда их... обрабатывают? – опасаясь споткнуться на новом слове, Фредди удачно его избежал.

– Ну-у, масса, – замялся Рол. – Ну... недели за две.

– А выставка в ноябре, успеем – встал Фредди. – А Вьюны уже? – он кивком показал на лежавшую животом кверху Лохматку.

– А как же, масса, – гордо ответил Роланд. – Ежели не запускать, то это не трудно, масса.

Странно всё-таки, что Вьюн и Лохматка не ушли с Ролан-

дом. Хотя конуру, правда, Рол им соорудил – загляденье.

– Ну, так как, Джонни?

– А отчего ж нет, – повторил уже не вопросом, а утверждением Джонатан. – Когда само плывёт, грех отказываться. Свяжемся с этой... председательшей, подготовим собак и поедем.

– На много не рассчитывай.

– Понятное дело. Но попробовать можно. И стоит.

Фредди кивнул.

И снова тишина. И покой. Эндрю уже должен был получить открытку. Парень умён, сообразит. Со Стэном рассчитались. Недёшево, конечно, обошлось, но ведь не принеёшь вот так запросто даже не конверт, а чемоданчик, пришлось и остальных полицейских подкормить. Сто тысяч инвалидам-полицейским, оставшимся на службе обществу. А их всего пятеро. Двадцать тысяч от анонимного жертвователя – вполне понятно. Для знающего. Как и открытка «Привет из Алабамы». И с Колченогим всё уладилось...

...День только начинался, и в «Утренней звезде» – баре Колченогого – было тихо и пустынно. Он прошёл к столику в углу и сел, упираясь спиной в кирпичную кладку. Расторопный официант, ни о чём не спрашивая, подал кофе и ушёл к стойке. И почти сразу из тёмной двери в углу – больших денег стоило Колченогому это английское стекло, зеркально-чёрное с одной стороны и прозрачное с другой – вышел сам Колченогий и захромал к нему через зал.

– Рано встаёшь, Фредди.

– Ты тоже не залёживаешься, Рип.

– Хочешь делать дела, – усмехнулся Колченогий, – поменьше спи.

Главного вопроса; чего такой гость припёрся в такую рань – благоразумно не задавали, но от ответа он и не собирался уклоняться.

– Не проспи Луизиану, Рип.

Колченогий сглотнул.

– А что? Есть свободный пай?

– Сколько возьмёшь, всё твоё.

Колченогий снова сглотнул, взял из стаканчика на столе бумажную салфетку и промокнул выступивший на лбу пот.

– Кто ещё?

– Ты первый.

Теперь надо дать собеседнику проглотить и переварить новость, а пока выпьем кофе. Хороший, кстати, и совсем не фуфло, а настоящий.

– И чего ты хочешь, Ковбой? – совсем тихо спросил Колченогий.

– Забудь о лагернике, Рип.

Колченогий молча смотрел на него, и он, добивая, сказал:

– Его не было, нет и не будет. И заказа не было.

Наконец, Колченогий всё понял и кивнул.

– Как скажешь, Ковбой...

...Нет, здесь проблем не будет. И две недели они могут

СПОКОЙНО ОТДЫХАТЬ.

Тетрадь семьдесят шестая

122 год

Осень

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

К октябрю заметно похолодало. Деревья в жёлтой и красной листве, в палисадниках доцветают золотые шары, на огородах и в садах последние хлопоты, горькие осенние запахи, ворохи палой листвы.

Андрей шёл, подбивая носком ботинка листья. Что ж, всё он просчитал и подготовил. В цеху договорился, что в понедельник не выйдет и отработает в следующее воскресенье. Здесь чисто. Даже не спросили зачем ему понедельник, вернее, решили всё за него...

– В загул идёшь, Андрюха?

– А в понедельник головка бо-бо.

– Понедельник – день тяжёлый.

– Без опохмелки никак не обойдёшься...

...Он и не спорил. А теперь к Эркину. Предупредить и на вокзал. А сумку он ещё вчера собрал.

У «Беженского Корабля» к нему подбежала Алиса.

– Андрюха, привет! А я гуляю!

– Привет, племяшка, – Андрей слегка дёрнул её за торчащую из-под беретика косичку. – Двоек много огребла?

– А вот и фигурки тебе, я меня пятёрки одни, – вывернулась из-под его руки Алиса. – Я до обеда гуляю.

– Ну, гуляй, – милостиво разрешил Андрей.

И уже у подъезда с ходу в него врезался выскочивший из дверей Дим.

– Аг-га! – сгрёб его в охапку Андрей. – Ну как, купил папка серебряную пулю?

К его удивлению, Дим не смутился и не покраснел. Бесстрашно и ясно глядя в глаза Андрею, Дим выпалил:

– Не, мы сестрёнку ещё одну купили, теперь денег ни на что не хватает!

И резво улепетнул от опешившего Андрея.

Поднимаясь по лестнице, Андрей восхищённо покрутил головой. Ну пацан, ну хват! Это что ж из него потом вырастет, если сейчас такой? А вот чего это Эркин в пивную не пошёл, сегодня же пятница. Случилось чего? Вчера, вроде, всё нормально было.

И в квартиру вошёл уже настороже.

– Эркин, это я. Ты где? – позвал он, ставя сумку у вешалки и расстёгивая куртку.

– На кухне, – откликнулся Эркин.

Андрей вытащил из нижнего ящика свои шлёпанцы и переобулся. Судя по тону, ничего страшного или срочного не случилось.

Эркин стоял у плиты, сосредоточенно, как всё, что делал, готовя обед.

– Привет, – вошёл в кухню Андрей. – А ты чего в пивную не пошёл?

– У Жени работа срочная, – ответил Эркин. – Раньше десяти не освободится, а, может, и на ночь придётся остаться.

– По-нят-но, – отдельно ответил Андрей. – Так что ты сегодня на хозяйстве, – и повторил: – Понятно.

– А что? – Эркин оторвался от кастрюли и внимательно посмотрел на него. – Случилось что? Андрей?

– Ничего, – мотнул головой Андрей. – Я в Царьград еду.

Эркин с заметным усилием отвёл глаза, зачем-то pokrутил кастрюлю с супом и наконец вытолкнул:

– Надолго?

– В понедельник вернусь, – очень спокойно ответил Андрей. – На понедельник я в цеху отпросился, ну, отгул взял, в следующее воскресенье отработаю. Завтра, правда, школу пропущу, но я тогда твои тетради посмотрю.

– Хорошо, – глухо ответил Эркин.

– Брат, – тихо сказал Андрей, и Эркин повернулся к нему. – Я вернусь. Что бы ни было, мой дом здесь. Моя семья здесь. Ты, Алиска, Женя... Я вернусь. Веришь мне?

– Верю, – кивнул Эркин.

Они обнялись, Андрей ткнулся лбом в его плечо, и оба тут же разжали объятия.

– Ну вот, – повеселел Андрей. – Ты вот что ещё. Если спрашивать кто будет, скажи, что загулял, и всё. Ну, чтоб лишнего шухера не было.

– Ладно, – кивнул Эркин.

Андрей смущённо замялся.

– Ну, чего ещё? – улыбнулся Эркин.

– Ты... ты Жене скажешь?

– А как же, – Эркин с лёгкой насмешкой смотрел на него. –

Она же беспокоиться будет.

– Слушай, скажи ей... ну, что я загулял, ладно? – попросил Андрей. – А вернусь, всё сам расскажу. Честно.

– Ладно, – с гораздо меньшим, чем раньше, энтузиазмом согласился Эркин. – Да, слушай, у тебя же и вторник вылетает. «Зяблик» по вторникам.

– Нет, я в понедельник на автобусе приеду.

– А есть такой рейс? – засомневался Эркин.

– Ну, так такси возьму. Не бойсь, братик, всё будет нормально.

Андрей посмотрел на часы.

– Всё, я пошёл.

– Обедать не будешь?

– Переживу. Да и перехватил я уже. Ну... – Андрей перевёл дыхание. – Присядем на дорожку.

Эркин кивнул.

Они сели к столу, прошло несколько секунд, и Андрей вскочил на ноги.

– Всё. Счастливо, брат!

– Удачи, – встал и Эркин. – И... возвращайся.

– Всенепременно!

Андрей крепко хлопнул его по плечу и пошёл в прихожую. Эркин выключил газ под кастрюлей с супом и вышел следом.

Андрей быстро переобулся, снял с вешалки и надел куртку, взял сумку. И, уже стоя в открытых дверях, обернулся.

– Я вернусь. Слышишь, брат? Обязательно вернусь.

– Мы будем ждать, – твёрдо ответил Эркин.

И дверь за Андреем захлопнулась.

Эркин перевёл дыхание и побрёл обратно на кухню.

Спускаясь по лестнице, Андрей подумал, что как же это точно сказано: долгие проводы – лишние слёзы.

На улице к нему подбежала Алиса.

– Андрюха, ты куда?

– На кудыкину гору, племяшка. Там берёзовой каши навалом, – засмеялся Андрей. – Кто дойдёт, тому сразу двойную пайку отвалят. Айда со мной.

– Фигушки! – увернулась она от его руки, так и норовившей дёрнуть за косичку. – Сам иди.

– А я и иду. До встречи, племяшка. Вернусь, добычей поделюсь, – смеялся Андрей, уходя от дома.

– До встречи! – крикнула ему в спину Алиса, возвращаясь к игре.

И мысль о том, куда это так намылился Андрюха, что даже обедать не остался, тревожила её недолго.

Широко шагая, Андрей шёл прямо к вокзалу. Сейчас на поезд и до Ижорска. Маршрут он просчитал, срывов быть не должно. В Царьграде он будет завтра без десяти восемь вечера, а в Комитете приём до девяти. Он успеет. Как раз, в первую субботу месяца принимает председатель. Приём по личным вопросам. То, что и нужно, вопрос-то, ну, уж очень личный.

До отправления ещё пятнадцать минут, но поезд уже стоял у перрона, а народ плотно набивался в вагоны. Завтра суббота, базарный день, а выгоду грех упускать. Андрей забежал в кассу, ругая себя, что лопухнулся и не побеспокоился заранее, отстоял очередь и бегом обратно на перрон. Все ехали не в первый раз и знали, на какой станции какой вагон удобнее. Самым полупустым оказался предпоследний, где Андрей и приткнулся, закинув сумку на полку над окном. И только сел, как паровоз зафыркал, загудел и, раскачивая, задёргал вагоны. Продолжалось это несколько минут. Потом прозвучал второй гудок, и толчки стали сильнее. И наконец, свисток, слившийся с ударом станционного колоко-

ла, и перрон за окном медленно сдвинулся и поплыл назад.

– Ну, в добрый час, – перекрестилась сидевшая напротив Андрея женщина.

Андрей посмотрел на часы: семь минут «кукушка» при-
мерялась. Если она так на каждой остановке будет телепать-
ся, то точно опоздает. Хорошо, что запас есть: на Царьград,
кроме основного, ещё транзит идёт без десяти полночь, так
что хоть на час «кукушка» опоздай, он успевает.

В разрывы между облаками иногда проглядывало солн-
це, и деревья под его светом вспыхивали золотом осенней
листвы. Убранные побуревшие поля, ярко-зелёная не по се-
зону трава на лугах, деревни, городки... Поезд идёт медлен-
но, раскачиваясь, вздрагивая и словно вздыхая от усталости.

Нудьгу трёхчасового переезда Андрей помнил с весны и
потому взял с собой книгу. Толстый и пухлый от затрёпан-
ности роман про войну. И время занять, и мозги не перетру-
дятся, роман же, не монография и не учебник, и Ланька-биб-
лиотекарша хвалила. Выпендрёжная, конечно, девчонка. Все
Светланы – Светки, а она – Ланька. Хотя лань из неё... тёлка
тёлкой. Ну, это ему по фигу. А в книгах Ланька разбирает-
ся, это есть, не самоучка, библиотечный техникум в Ижорске
кончала. Читал Андрей, как и в окно смотрел, рассеянно, но
время всё-таки пошло незаметно.

Проводив Андрея, Эркин довёл до конца процедуру го-
товки и вышел на лоджию позвать Алису. Чёрт, как оно всё

сразу. И Жени нет, и Андрей уехал.

– Алиса, – позвал он, сразу углядев красный берет с белым помпоном. – Иди домой.

– Ага, ага! – откликнулась Алиса. – Всем до завтра, я домой.

Эркин посмотрел, как она бежит к подъезду, и вернулся на кухню.

Он успел поставить на стол тарелки, когда звякнул звонок. Вышел в прихожую и впустил Алису.

– А мы в салки бегали, – тараторила Алиса. – А я его три раза осалила... а меня ни разу!

– Так и ни разу? – засмеялся Эркин.

– Ну-у, почти ни разу, – вздохнула Алиса. – Эрик, а мы обедать будем?

– Да, иди мой руки.

– А мама? Не будем ждать?

Теперь вздохнул Эркин.

– Она поздно придёт.

Алиса внимательно смотрела на него, и он повторил:

– Иди, вымой руки и будем обедать.

Пока Алиса копошилась в ванной, Эркин уже полностью накрыл на стол, нарезал огурец, уже солёный, свежие теперь только во «Флоре» и дорогие.

Алиса вошла в кухню и от порога продемонстрировала Эркину руки.

– Вот, я вымыла.

Эркин кивнул, снял и повесил на крючок фартук.

– Давай обедать.

За едой Алиса уgomонилась. И потому, что устала, и потому, что Эрик баловства за едой не любит. Суп, котлеты – Женя сделала их заранее, и Эркин только разогревал – с картошкой и яблочный компот. Чинно выгребая ложечкой из чашки яблочную мякоть, Алиса поинтересовалась:

– Ты сейчас уроки делать будешь?

– Да, – улыбнулся Эркин.

– Я читать буду. У тебя. Можно?

– Хорошо, – согласился Эркин и встал, собирая посуду.

Пока он мыл и расставлял посуду, протирал и накрывал скатертью стол, Алиса ему помогала и рассказывала о школьных и дворовых новостях.

Убрав в кухне, Эркин пошёл в маленькую комнату и сел за стол. Разложил учебники, тетради. Завтра что? Химия, английский, обществоведение, биология и шауни. Допоздна работы. И писать, и читать, и по шауни узоры рисовать и надписывать.

Почти неслышно вошла Алиса и устроилась с книжкой на диване.

– Эрик, я тебе не мешаю?

– Нет, – ответил он, не оборачиваясь, и, помолчав, добавил: – Свет себе включи.

– Ага, – щёлкнула выключателем торшера Алиса.

Верхний свет Эркин не включил и штор не задёрнул, но

уже темнеет. Ничего, допишет английский и задёрнет, а небо за окном ещё синее. Интересно, когда Женю отпустят? Сегодня она к его обеду пришла в столовую...

...Увидев Женю, он остановился и растерянно заморгал.

– Женя? У тебя тоже обед?

– Нет. Здравствуйте, – Женя улыбнулась проходившим мимо них Медведеву и остальным из бригады. – Нет, Эркин, у меня работа... срочная и, может, на ночь придётся остаться. Вы без меня сегодня управляйтесь. Хорошо?

– Женя... – он попытался втиснуться в её скороговорку, но она продолжала:

– На обед я всё приготовила, как знала, ты только разогрей и компот свари, Алису из школы заберёшь, и пусть до обеда гуляет, и вымой её вечером, хорошо, Эркин, ладно?

Женя поправила ему воротник рубашки, быстро, словно украдкой, погладила по плечу и убежала...

...Эркин перечитал упражнение и отложил тетрадь. Теперь текст. Прочитать, ответить на вопросы в конце и подготовить устный перевод. Несложно, но много... странных, скажем так, слов. Джинни говорила, что это уже староанглийский поучается. Ну, ладно, раз надо – сделаем. Оливер Твист. Странное имя. Ну, так что там с ним приключилось? Почитаем.

И Эркин стал вгрызаться в неподатливый текст.

Время шло незаметно. Только шелест страниц, иногда шум ветра, хихикает или вздыхает над книгой Алиса, и Эр-

кин, не оглядываясь и даже не отрываясь от своего, улыбается её вздохам.

Закончив с английским, взялся за химию, а дочитав параграф, поднял голову и увидел в окне отражение комнаты, лампы на столе и торшера, себя и даже Алису. Он встал, потянулся, расправляя плечи и спину, и подошёл к окну задёрнуть торы.

– Я помогу, – вскочила Алиса. – Эрик, а ты уже всё?

– Нет, – вздохнул Эркин, расправляя штору. – Мне ещё... три предмета.

– Как у тебя уроков много, – посочувствовала Алиса.

– Устала? – улыбнулся Эркин.

– Ну-у... – замялась Алиса.

– Тогда иди поиграй.

– А ты? Эрик, ну, не хочешь играть, так давай... давай потянемся.

– Ладно, – согласился Эркин.

Он тоже устал от сидения.

Они перешли в большую комнату. Эркин сразу расправил шторы, а Алиса включила свет.

– Беги, переоденься.

– А чего, Эрик? Я здесь.

Она решительно расстегнула пуговицы на груди и потянула через голову платье. Эркин вздохнул, но не стал спорить. Он уже носил дома свой домашний костюм и ограничился тем, что снял рубашку и разулся.

Тянулись немного и, разумеется, не полным комплексом. Разогнав наваливающееся оцепенение, Эркин натянул рубашку, нашарил ступнями шлёпанцы.

– Эрик, а теперь что?

– Я буду учить уроки.

– А я?

Эркин посмотрел на часы.

– Поиграй до ужина.

– Ладно, – согласилась Алиса. – А к ужину мама придёт, да?

Эркин вздохнул.

– Не знаю. У неё большая работа сегодня.

Они вернулись в маленькую комнату. Эркин снова сел к столу, а Алиса забрала свою книжку и ушла.

Эркин очень надеялся, что Женя придёт к ужину. После ужина предстоит мытьё Алисы. Сказать Жене: «Нет, не буду», – он не смог, оставить Алису в ванной без присмотра тоже нельзя. Значит... значит, несмотря ни на что он это делает. Раз надо сделать.

Ижорск

К удивлению Андрея, «кукушка» почти не опоздала, ну, совсем на чуть-чуть, на полчаса с небольшим. Вывалившаяся из вагонов толпа неожиданно быстро рассосалась, видно, все знали, куда идти. Да и родственники или знакомцы

у всех. Андрей поправил ремень сумки на плече и пошёл к кассе.

Зал ожидания был пуст, только в углу прямо на куче мешков и ящиков спали двое. Андрей склонился к окошку кассы.

– Не помешаю?

Кудрявая пухлая блондинка, такая яркая, что естественным цветом это быть никак не могло, оторвалась от журнала и нехотя улыбнулась.

– Чего тебе?

– Один до Царьграда.

Она отвернулась, и Андрей услышал щелчки, будто нажимали клавиши на пишущей машинке.

– На экспресс-транзит?

– Да.

– Есть только в мягком. Тридцать восемь рублей сорок копеек.

В её голосе прозвучало сомнение и, не дожидаясь его ответа, она продолжила:

– Или на прямом в понедельник, там плацкарта в общий, четырнадцать семьдесят.

– Нет уж, – комично вздохнул Андрей. – Давайте на транзит.

Теперь на него поглядели с гораздо большим интересом. Видно, такое слышали нечасто.

Ну вот, билет на руках – уже спокойнее. Теперь чем бы занять время до срока? Сейчас... Андрей сверил свои часы

с вокзальными. Ну, можно считать, что уже девять, так что у него почти три часа. Можно со вкусом спокойно поесть и... и всё, больше никаких развлечений не предвидится. Слышал и не раз, что вокзальные рестораны как раз такое место, чтоб время до поезда скоротать. Вот и проверим.

Ресторанный зал был щедро украшен лепниной, позолотой, бархатными шторами и неожиданно полон. Похоже, многие здесь сидели, ожидая несуществующего поезда. У входа к Андрею подошёл пожилой мужчина в странном пиджаке с открытой грудью, вежливо склонил голову.

– Добрый вечер, – ответно улыбнулся Андрей.

– Поесть, погулять или поезда дожждаться? – с необидной насмешкой уточнило мужчина.

– Поесть я всегда готов, – в тон ответил Андрей. – Поезда тоже дожждаться надо, а погулять уж как получится. У меня два с лишним часа. Успею?

– Вполне. Сюда пожалуйста.

И ему указали на столик в левой половине зала. Андрей прошёл к маленькому столу на двоих и сел так, чтобы видеть зал и маленькую эстраду с оркестром и пятачком для танцующих перед ней. На столе вазочка с хризантемами, массивная хрустальная пепельница и меню. Книжкой с глянцевой блестящей обложкой. На обложке летящий по мосту над равниной поезд. Андрей ещё раз оглядел зал и открыл книжку. Та-ак... цены соответственно билету, но ничего. Шиковать не будем, а побаловать себя можно. Ассорти рыбное, ассорти

мясное... возьмём рыбное... салат ижорский... тоже... жульен... фиг его знает, что за хрень, всю ночь животом маяться неохота... Первое побоку, щи он сегодня уже ел...

– В затруднении, юноша?

Андрей вскинул глаза. Осанистый, даже вальяжный – сразу вдруг выскочило когда-то слышанное слово – немолодой мужчина в дорогом костюме стоял у его стола, положив руку на спинку стула напротив.

– Свободно?

– Да, пожалуйста, – Андрей достаточно приветливо улыбнулся. – Садитесь.

Мужчина сел и с небрежной уверенностью протянул руку к меню. Андрей, решив подождать и не лезть сразу в драку, отдал с улыбкой книжку.

– Пожалуйста.

– Благодарствуйте, юноша.

Неспешные, необидно свысока рассуждения вслух. Барин – вдруг понял Андрей, не лендлорд, а именно барин. В каждом слове, каждом жесте уверенность, что иначе и быть не может, снисходит, но не высокомерен, естественен, но не прост. Интересный тип. Такой ещё не встречался, хотя всяких повидал. Андрей решил – из чистого интереса – подыграть и посмотреть, что получится.

Очень естественно «барин» представился Степаном Медардовичем, с небрежной неопределённостью упомянув о каких-то своих делах в Ижорске. Андрей привычно назвался

только именем. Степана Медардовича это устроило. И только они закончили обсуждение меню – обоим оказалось на один поезд – как подошёл официант. Но заказывал каждый отдельно. Они же не друзья и даже не приятели, угощать друг друга не собираются, а кто заказывает, тот и платит, сам за себя и сам по себе.

За ужином продолжался тот же приятно необременительный разговор. Собеседником Степан Медардович оказался интересным, знал и видел многое, говорил обо всём с той же необидно насмешливой снисходительностью и расспрашивал с живым, но неназойливым интересом. Услышав о репатриации Андрея, и удивился, и посочувствовал.

– Удивительно, как вам удалось так сохранить язык. Я уже сталкивался с репатриантами, большинство говорит с акцентом, даже смешивая языки.

Андрей улыбнулся.

– Старался держаться своих. Ну, и следил за собой, конечно.

– Да, вы правы, Андрей, держаться своих – только в этом спасение.

Андрей с улыбкой кивнул: приятно, когда с тобой соглашаются.

Еда вкусная, выпивка – Андрей заказал сто граммов водки, чтобы не выделяться, а то все столы уставлены бутылками и графинчиками – в меру, оркестр играет громко, но не шумно, и певица даже симпатичная. Словом, жизнь пре-

красна. О себе Андрей честно сказал, что репатриант – а то бы возник вопрос, почему в армии не был, на малолетку-то он уже никак не смотрится – и живёт в Загорье, рабочий, не уточняя где именно, а едет в Царьград.

– Столицу посмотреть, ну, и себя показать, – улыбался Андрей.

– Конечно, – кивнул с улыбкой Степан Медардович. – В Царьграде есть на что посмотреть.

Андрей понял непрозвучавшее: «А есть что показать?» – и невольно рассмеялся. Что ж, всё правильно, а на правду только дурак обижается. Кто он для столицы, для... ладно, не будем об этом. Пока не будем.

За ужином и разговором время пролетело незаметно. Они расплатились и вышли из зала. Андрей надел куртку и повесил на плечо сумку, Степану Медардовичу швейцар подал шляпу и элегантное пальто, а появившийся как из-под земли носильщик подхватил тёмно-коричневый кожаный чемодан.

На перроне по-ночному пусто и тихо. Большой – Андрей такого ещё не видел – поезд плавно втягивался под крышу перронного навеса. Гнусавя и подсвистывая, заговорил вокзальный репродуктор. Не слушая его, Андрей быстро пошёл вдоль поезда, отыскивая свой вагон. Ага, номер пять, вот он. К его удивлению, не спешивший Степан Медардович тоже уже подходил к этому вагону, и проводник, стоя в дверях, приветливо улыбался ему.

– Доброго здоровья вам, позвольте помочь.

– И тебе здравствовать, Арсений, спасибо.

Степан Медардович вошёл в вагон, проводник принял у носильщика его чемодан и удивлённо посмотрел на Андрея.

– А тебе чего?

Андрей молча, сдерживая себя, показал билет. Проводник медлил, и Андрей очень спокойно, угрожая этим спокойствием, спросил:

– И в чём проблема?

– Проходи-те, – наконец выдохнул проводник, отступая вглубь тамбура.

Андрей вошёл в вагон, и сразу же поезд дрогнул и двинулся, набирая ход.

На полу ковёр, на окнах белоснежные, топорщащиеся от крахмала занавески, все двери закрыты. Ну да, время позднее, все спят, здесь не какая-нибудь шушера-мушера, а господа, вроде Степана Медардовича, их беспокоить ни-ни. Вот и четвёртое купе, места семь и восемь. У него – Андрей посмотрел зажатый в пальцах билет – восьмое, и он спокойно взялся за дверь. Она не открывалась, а откатывалась вбок, и он не сразу с ней справился.

Двухместное купе было пустым. Два пухлых дивана, застенных белым, как и занавески, бельём, а одеяло даже в пододеяльнике, на маленьком, но со скатертью столике вазочка с цветами, пачка дорогого печенья, пакетики с сахаром... всё для чаепития. Ну, ладно. Андрей огляделся ещё раз, опустил сумку на пол и снял куртку. Ух ты, не только

крючки, но и плечики к ним предусмотрены, для верхнего, для пиджака и брюк отдельно. Андрей невольно нахмурился. Этого он не предусмотрел и во что переодеться не взял, потому и поехал в джинсовом, чтоб не бояться помять во сне. Ну... ладно, пока он один, то и это без проблем.

В купе заглянул проводник.

– Билет, пожалуйста.

Андрей протянул ему билет, чтобы тот убрал его в свою сумку-планшет.

– Чаю принести?

Андрей улыбнулся. Ни тебе пожалуйста, ни извольте, но ссора с проводником никак не входила в его планы, и потому ответил он нейтрально-дружелюбно.

– Спасибо, хорошо.

– Сейчас будет.

Проводник ушёл, и Андрей стал устраиваться. Выложил из сумки свёрток с бритвенным прибором, вот чёрт, сумку-то он взял, всё-таки на три дня поехал, а вот чтоб переодеться-переобуться не захватил. Но под диваном, куда он заглянул в поисках ящика для багажа, обнаружили тонкие, похоже, что разовые шлёпанцы с фирменным знаком, похожим на рельсы с крыльями, ну, ты смотри, как здорово. Андрей быстро расшнуровал ботинки и сбросил их. Шлёпанцы казались безукоризненно чистыми, и он снял и носки, засунул их в ботинки, а те поставил на место шлёпанцев. Нашлось и место для сумки. Проводник принёс ему стакан тём-

но-янтарного дымящегося чая в серебряно-блестящем под-
стаканнике с такой же эмблемой.

– На здоровье вам, – уже уверенно пожелал проводник.

– Спасибо, – Андрей кивком показал на второй диван. –
А сюда когда подсядут?

– Не могу знать. Но до Демировска можете спать спокой-
но. Если понадобится что, вот, вызовите меня.

Андрей выслушал объяснения, какая кнопка для чего
предназначена, и, поблагодарив за пожелание спокойной но-
чи, наконец остался один. Дверной замок не показался ему
особо надёжным, хоть он и нашёл блокировку, но вряд ли
поездные вору так уж внаглую будут шуровать.

Закончив обследование двери, Андрей сел к столу и рас-
печатал пачку печенья. Есть особо не хотелось, но раз поло-
жено и за всё заплачено...

Загорье

Время неумолимо двигалось к ночи. Эркин сделал уроки,
они с Алисой поужинали, а Жени всё не было, и Эркин по-
нял, что судьбы не избежать.

– Всё, Алиса, пора.

Алиса, заморожено следившая, как он моет и расставляет
посуду, послушно вылезла из-за стола.

– Иди, переодевайся и в ванную.

– Ага, – согласилась Алиса.

Эркин расправил полотенце на сушке и пошёл в ванную. И почти сразу прибежала Алиса уже в трусиках и маечке.

– Вот, Эрик, я готова.

– Ну, давай, – вздохнул Эркин, – раздевайся.

Он открыл краны и сделал, по своим ощущениям, подходящую воду, заткнул пробкой сток. Чтобы не забрызгать костюм, снял и отложил рубашку, оставшись в штанах.

– Какая пена: «Уточка» или «Ёлочка»?

– Уточка-уточка, – суетилась голая Алиса. – Две головки влей, хорошо? Чтоб пены побольше.

На флаконе написано: «Для волос и тела», – так что подойдёт.

– Готово.

Пены, в самом деле, получилось много, как бы Алиса не захлебнулась в ней, и, когда Алиса попросила его помочь ей забраться, Эркин не стал спорить, а взял её за подмышки, поднял и поставил в ванну. Алиса счастливо взвизгнула и замотала головой, рассыпая по плечам белые тонкие волосы.

Как мыла Алису Женя, Эркин ни разу не видел и поэтому, ещё раз вздохнув, взялся за дело по своему разумению.

Как мылись в питомнике до первой сортировки, он помнил плохо, а потом... обычно мелюзгу мыли старшие. Намывивали, растирали по телу мочалками и окатывали водой или загоняли под душ. Мыли его, потом и сам мыл. Так что... надо просто не обращать внимания на то, что Алиса белокожая, и мыть не как в работе, а как свою.

Алиса стояла в ванне, и пена доходила ей почти до груди. Эркин кувшином зачерпнул из-под пены воды.

– Глаза закрой.

И облил её сверху, затем набрал пены ей на голову, растеребил, втёр пену в волосы и снова окатил. Алиса восторженно визжала и прыгала на месте, расплёскивая воду и пену.

– Эрик, глаза можно открыть?

Он посмотрел на её лицо и засмеялся: на лбу Алисы торчали, как рожки, клочья пены.

– Сейчас.

Мокрой ладонью он протёр ей лицо.

– Теперь открывай.

Алиса заморгала слипшимися от воды ресницами, отвела с лица мокрые волосы.

– Ой, как здоровско!

– Ага, – согласился Эркин и показал ей губку в форме рыбы. – Твоя?

– Ага!

Эркин уже спокойно набрал на губку пены и стал мыть Алису. Она послушно поворачивалась к нему то одним, то другим боком, поднимала и опускала руки. Наконец Эркин ещё раз окатил её из кувшина.

– Всё, вылезай.

– Эрик, ну, я ещё поплескаюсь, ой, нет, поплещусь, ну, столько пены, – попросила Алиса и, видя, что он колеблется, выпалила главный довод: – Мама мне всегда позволяет.

Эркин вздохнул.

– Ну, ладно. Только давай, я тебе волосы закручу.

Он не раз видел, как это делала себе Женя, но тонкие волосы Алисы никак не закручивались, рассыпаясь и выскальзывая из узла.

– Ладно, – сдался Эркин. – Я тебе потом опять промою.

– Ага, – не стала спорить Алиса. – Эрик, ты теперь вон тутку дай, а?

Памятная ещё по Джексонвиллу помятая и облезлая целлулоидная утка, с которой Алиса всегда купалась, хранилась в шкафчике. Эркин достал её и дал Алисе. И присел на бортик ванны, глядя на неё. Алиса сидела почти по горло в воде, по которой плавали куски пены, и упоённо гоняла между ними утку, приговаривая о льдинах и островах.

– А плавучие острова разве бывают? – спросил Эркин.

– Да ну, Эрик, когда для игры надо, то всё бывает, – сразу ответила Алиса и вдруг ахнула: – Эрик, а ты тоже залезай, будем вместе играть. Вот здорово!

Эркин, улыбаясь, покачал головой.

– Эрик, ну, почему?! Она ж большая, ты влезешь. И ты всё равно уже мокрый.

Эркин посмотрел на себя, рассмеялся и встал.

– Нет, Алиса, – попробовал воду рукой. – Давай вылезай. Я тебя вытру.

– Ну-у, – затянула Алиса. – Ну, Эрик, ну, ещё немножечко.

И под это нытьё она встала. Эркин сделал слабый тёплый

душ и обмыл её от остатков пены, взял за подмышки и вынул из ванны. Закутать Алису в махровую простыню, вытереть, протереть ей ещё раз голову – всё это было уже совсем просто и нетрудно.

– Одевайся, – протянул он ей её махровый халат. – А я здесь уберу.

Алиса, сопя, затянула пояс и накинула на голову капюшон.

– Эрик, – позвала она.

– Ну? – Эркин уже выдернул пробку и смывал из душа со стенок ванны клочья пены.

– Наклонись ко мне, – попросила Алиса.

Эркин, не выключая, положил душ на дно ванны и наклонился над ней.

– Ну?

Алиса вдруг обхватила его за шею.

– Отнеси меня, ну, пожалуйста.

– Ты что? – удивился Эркин. – Сама не дойдёшь?

– Ну, Эрик, ну... – Алиса хлюпнула носом.

– Нет, – выпрямился Эркин, разрывая кольцо её рук. –

Иди, переодевайся и ложись.

– Эрик, а мама меня расчёсывает.

– Я приду, – пообещал Эркин.

Алиса вздохнула, переступила с коврика в свои шлёпанцы и ушла, а Эркин стал наводить порядок в ванной. Из опасения, что Алиса передумает и вернётся, он не стал раздевать-

ся, и намокшие штаны липли к животу и ногам.

Убрав ванную, он поглядел на себя в зеркало. Да, пожалуй, стоит переодеться. Где его совсем старые джинсы? Кажется, в кладовке.

Как только он вышел из ванной, его окликнула Алиса.

– Эрик, ты где?

– Я сейчас.

В кладовке он переоделся и вернулся в ванную. Повесил сушиться штаны и натянул рубашку. Так, ещё полотенце взять, а то наверняка голову Алисе придётся вытирать, и её расчёску, ага, вот эта, с птичками.

Алиса в пижамке сидела в кровати со Спотти и книжкой, показывая тому картинки.

– Эрик, а я Спотти читать учу.

Что ответить на подобное, Эркин не знал и потому спросил о более важном.

– Волосы высохли?

– Ну-у... – протянула Алиса.

Эркин подобрал с пола её халат и положил на стул.

– Эрик, он сам упал, – заторопилась Алиса. – Я его повесила, а он раз – и свалился, а я уже вставать не стала.

Эркин пощупал её волосы и стал вытирать ей голову. Как это делает Женя, он пару раз уже видел и потому действовал вполне уверенно. Вытер Алисе голову, положил полотенце на халат, переставил второй стул к кровати и сел.

– Давай, Алиса.

Алиса села на кровати спиной к нему, и Эркин аккуратно разобрал и расчесал её ещё чуть сырые волосы. Но это уже не страшно.

– Эрик, и косичку заплети, ладно?

– Нет, в косе они не высохнут. Всё, Алиса, – он ещё раз огладил ей волосы расчёской и встал. – Ложись и спи.

Алиса вздохнула и протянула ему Спотти и книжку.

– Ладно, Эрик, возьми, я спать буду, ты его тоже спать положи, а книжку в шкаф, ладно, а то мне вставать нельзя.

Эркин положил Спотти на «игровой» стол рядом с кроватками, в которых спали Линда и Мисс Розы – Андрей сделал, как и остальную кукольную мебель – а книгу поставил в шкаф, оглянулся. Алиса уже лежала под одеялом, зажмурившись и явно засыпая. Он подошёл и коснулся губами её щёчки, поправил ей одеяло.

– Спи, маленькая. Спокойной ночи.

– Ага-а, – выдохнула Алиса. – Спокойной ночи, Эрик.

Эркин забрал её халат и полотенце и, выходя, выключил свет.

Ну вот, он смог, справился. Теперь самому вымыться и... Жени всё ещё нет. Неужели до утра работать заставят? Женя сказала, чтоб он не ходил её встречать, ведь неизвестно, когда отпустят. Ладно. Эркин разделся, встал в душ и задёрнул за собой занавеси. Но мылся быстро и без смакования. То ли устал, то ли... хотя от чего ему уставать? Не контейнеры ворочал.

Ещё раз осмотрев ванную и кухню, Эркин погасил всюду свет и пошёл в спальню. В темноте, не включая ни люстру, ни ночника, разделся, убрал ковёр и лёг. Спальню он запереть не стал: Женя может прийти в любую минуту. И тогда... мысли путались, и неумолимо наплывало, накатывало на него прошлое...

...Надзиратели в душевую не заходят. Это они, мальцы и малявки, только-только отобранные в спальники, узнали и запомнили сразу. Почему – непонятно, но раз так, значит, так. Он берёт из одной корзины мочалку, из другой кусок коричневого мыла и встаёт перед дверью.

– Два... четыре... шесть... – отсчитывает, отвечивая подзатыльники, надзиратель. – ...десять, – и открывает дверь. – Живей, поганцы.

В просторной душевой шум воды и голосов. Из всех рожков бьют тугие, обжигающие кожу струи, даже не поймёшь: горячие или холодные.

– Эй, краснорожий, – чья-то рука ловко хватает его за волосы на макушке. – Иди сюда.

Муллат гораздо выше и старше, сопротивляться глупо – побьёт, а на скользком от мыльной пены полу драться очень тяжело.

– Давай, намыливайся.

Трёт его мулат сильно, но не щиплет и не царапает, и он выдыхает:

– Спасибо.

И тут же получает затрещину.

– Заткнись.

Его вталкивают под струю и рывком за волосы запрокидывают ему голову, так что он захлёбывается под льющейся на лицо водой.

– Помогать запрещено, понял, малец, я из-за тебя под ток не лягу.

Он начинает отбиваться, молча, сжав губы, чтобы не захлебнуться, и его отпускают со словами:

– Краснорожий, а понятливый. Вали, малец.

Он перебегает под соседний пустой рожок, отфыркивается и отплёвывается от воды, мочалку он отобрал, а мыло? Вон на полу чей-то обмылок, и нырком, между ног старших, уворачиваясь от пинков, он хватается и бежит к выходу. За дверью его осматривает надзиратель. Если заметит где пену или непромытые волосы, то вобьёт обратно, или если мочалки или мыла нет, тоже погонит за ними в душевую. Но у него всё благополучно, и его подзатыльником отправляют на сушку...

...Эркин со вздохом перекачивает по подушке голову. Всё это было, было давно, очень давно. А он помнит...

...Розовое тело в чуть зеленоватой воде. Беляшка немолода, это жена надзирателя, и он должен её вымыть. Вообще-то он уже знает, как надо это делать, но вот никогда не знаешь, что беляшке в голову взбрѣдет, так что работаем осторожно. Пока она, вроде, довольна. Он наливает немного душистого

мыла на губку, мнёт её в руках, чтобы вспухла пена, и осторожно водит губкой по телу женщины, лаская не руками, а губкой.

– Жалко, если тебя сделают джи, – смеётся беляшка. – У тебя хорошие руки, краснорожий.

– Спасибо, миледи.

Она насмешливо смотрит на него.

– А почему ты не улыбаешься?

Он испуганно растягивает губы в улыбке, и она звучно щёлкает его по лбу.

– То-то! Это нельзя делать серьёзно. Понял, краснорожий?

– Да, миледи, – весело отвечает он.

– Тогда благодари.

Она поднимает к его лицу руку, и он целует её, ощущая горький вкус мыла. Странно, пахнет хорошо, а на вкус – гадость...

...Эркин, не открывая глаз, облизал губы. Было и это. Ему было всё равно, кем его сделают, элом или джи. Он ничего не мог изменить в решениях беляков, не пытался угадать и потому не подлаживался. Не нарывался, конечно, он не дурак и не хотел умереть, но... нет, нафиг, нет. Он рывком сел и потряс головой. Чёрт, вот лезет эта пакость в голову и всё и тут. Жени ещё нет, а время уже за полночь перевалило. Проверая себя, Эркин взял с тумбочки часы и посмотрел на светящиеся стрелки. Да, полвторого. Надо спать, а то будет

на уроках носом клевать всем на потеху, а ему и за себя, и за Андрея слушать.

Эркин лёг уже набок, подsunул угол одеяла под щёку, как это делают Женя и Алиса. Когда вот так, то уже никакая гадость сниться не будет. Надо спать. Всё в порядке, прошлого нет, он в безопасности...

Поезд-экспресс Петрополь – Царьград

...Выпив чаю, Андрей решил укладываться спать. Уже догадываясь, что убирать посуду – дело проводника, а не его, Андрей взял полотенце и пошёл в уборную.

Туалет в мягком вагоне оказался таким же, как и в плацкартном, разве только мыло лежит хорошее, туалетная бумага получше и бумажные полотенца есть тоже в рулоне.

Умывшись, Андрей посмотрел на себя в зеркало и провёл ладонью по щеке. Щетина ощутима, но не видна, и бритьё можно отложить до утра.

Как он и предполагал, стакан из-под чая уже убрали. Всё, закрыть дверь и завалиться. До семи – проверяя себя он посмотрел на лежащий на столе листок расписания – правильно, Демировск в семь ноль три, стоянка три минуты, можно спать спокойно. Андрей достал и сунул – на всякий случай – под подушку кошелёк, снял и повесил рубашку и джинсы, оставшись в трусах и майке, откинул одеяло и лёг. А, чёрт, свет забыл! Щёлкнул выключателем и прислушался.

Перестук колёс под полом, неясный шум за окном. Диван мягко пружинит, приятно покачивая, а не тряся. Ну что, Колобок, не лежится тебе на подоконнике? А не к лисе ли на нос ты катишься? Да нет, к лису, матёрому да хитрому, что не таких, как ты, на один зуб брал. Без десяти восемь вечера приедем, приём до девяти, адрес известен, взять такси, чтобы не плутать лишнего? Посмотрим по обстоятельствам. Доберёшься, войдёшь в кабинет и... я от лагеря ушёл, я от Найфа ушёл, я от Империи ушёл, а от тебя... да нет, сам к тебе качусь, вот тут Колобка ам – и съели. Эх, Колобок, румяный бок, выжить ты выжил, а ума не нажил. Ладно, дело сделано, раз шагнул – так и иди, боишься – не делай, делаешь – не бойся, не делаешь – сам в гроб ложись и крышкой прикройся. Спи, Андрей Фёдорович, больше тебе пока делать нечего.

Он лежал, улыбаясь, но улыбка была злой и напряжённой.

Поезд шёл ровно, без остановок, и редкие гудки не будили пассажиров мягкого вагона. Постепенно расслабился и Андрей, лицо его стало мягким и по-детски безмятежным.

И так он разоспался, что проснулся только когда из-за двери донеслось звонкое:

– Бутерброды, молоко, кефир, яички варёные...

Андрей зевнул, потянулся и замер, не услышав, а ощутив рядом чьё-то дыхание. И уже осторожно открыл глаза и повернулся набок. На соседнем диване сладко спали, повернувшись лицом к стене. Из-под одеяла виднелись тёмные с

сильной проседью коротко стриженные волосы. Значит, в Демировске подсели, а он и не чухнулся. Хреново. Но поправимо. Андрей под одеялом бесшумно перебрался в конец дивана и сдёрнул с вешалки свою рубашку. Ноги у него меньше пострадали. Надев рубашку, он уже спокойно откинул одеяло и натянул джинсы, нашарил ступнями шлёпанцы и встал. Достал из-под подушки и сунул в карман джинсов кошелёк. Всё, кажется, не разбудил.

Андрей неслышно откатил дверь и выглянул в коридор. Полная женщина в белых халате и шапочке катила перед собой двухъярусный столик на колёсиках, певуче приговаривая:

– А вот булочки, бутерброды, молоко, кефирчик кому.

Увидев Андрея, она улыбнулась:

– С добрым утром, чего на завтрак желаете? А то и заказать можно.

Андрей взял молока, бутерброд с колбасой и булочку с изюмом. Всё ж таки деньгами особо сорить не стоит, кто знает, что и как там в Царьграде будет. Молоко было в высоком картонном стакане, запечатанном бумажной крышкой, а булочка и бутерброд на тоже картонных тарелочках с гофрированными краями. И за всё полтинник. Терпимо. Андрей поставил покупки на столик со своей стороны, расправил аккуратно одеяло и, захватив полотенце и бритвенный набор, вышел из купе.

По дороге в туалет разминулся с проводником.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – ответно улыбнулся Андрей.

– Спать больше не будете? Постель можно убрать?

– Пожалуйста, – согласился Андрей.

И когда он, уже умытый, выбритый, в заправленной в джинсы рубашке, вернулся в купе, его диван был уже убран, а постель... куда-то же её спрятали или проводник к себе унёс? Но... ладно. Андрей повесил полотенце, положил бритвенный прибор в закрытый шкафчик – вчера проводник показал – и сел к столу. Отодвинул со своей стороны шторку. За окном стремительно летел назад золотой белоствольный лес. Солнца нет, но светло. Андрей посмотрел на часы. Почти восемь. Что ж, неплохого храпака даванул. Он сорвал со стакана бумажную крышечку, отпил. Молоко в меру холодное, сладковатое. Вот и отлично.

Из-за двери донеслось:

– Газеты, журналы...

Андрей встал и выглянул в коридор.

– Газетку не желаете? – весело обратился к нему молодой, едва ли старше него, вихрастый парень в форменной куртке.

– А свежие?

– Только со станка, горяченькие ещё.

Андрей охотно рассмеялся и купил «Столичный досуг». Теперь он завтракал со всеми удобствами.

Завозился, вздыхая и ворочаясь, сосед. Андрей вежливо продолжал читать газету и опустил её, только услышав:

– Ну, доброго утра всем.

– И вам доброго утра, – улыбнулся Андрей и снова укрылся за газетой, давая попутчику возможность спокойно одеться и привести себя в порядок.

Но попутчик ещё покряхтел и, заявив, что утро доброе, но раннее, снова заснул.

Андрей, не спеша, со вкусом позавтракал, сбросил стаканчик и тарелки в ящик под столиком и спокойно дочитал газету.

В отличие от плацкартного вагона мягкий вставать не спешил. Андрей снова взял расписание. Следующая остановка – Лугино, в двенадцать тринадцать и двадцать минут стоим, как раз выйти ноги размять, а пока... смотри в окно, любуйся на Россию. Книга в сумке, да неохота за ней лезть, к тому же... не стоит при чужом человеке, как бы тот крепко ни спал, вещи ворошить и показывать где у тебя что лежит. Сам себя береги – не забывай, ты смотри себе в окно, смотри. Тогда он ехал весной, а сейчас осень. У них, в Загорье, уже листопад вовсю, а здесь смотри-ка – листва жёлтая, а держится. Золотая осень? Похоже, она самая.

Иногда лес расступался, открывая равнину, усеянную маленькими городками, пологими холмами, с извилами рек и дорог. И лес уже похоже не сплошняком, а полосой вдоль дороги, ну да, Ижорский Пояс они уже давно покинули, пошла центральная, срединная Россия, Исконная Русь. Со свистом пролетел мимо какой-то городок, может, и побольше Заго-

рья, а они сквозь него... здоровско всё-таки вот так сидеть и смотреть, мимо глаз пропускать.

Снова захряхтел сосед. Андрей посмотрел на висящую на плечиках тёмно-синюю, похоже, морскую форму и подумал, что не стоит сидеть вот так. Мало ли чего человек смущается. Может – он мысленно усмехнулся – ему протез пристегнуть надо. Ну, решил – делай. Он взял сигареты и вышел в коридор, хотя на столе была пепельница. Другого-то предложения у него нет.

В коридоре он с трудом разминулся с весьма осанистой дамой в фиолетовом халате с жёлтыми драконами и пунцовыми цветами. Дама окатила его испытывающе заинтересованным взглядом. Андрей вежливо улыбнулся ей, про себя охарактеризовав слышанным от Эркина. Было у них как-то на перегоне... У костров шныряли девки-дешёвки, цветных они игнорировали, да и те от них предусмотрительно шаркались. А к их костру одна подкатилась, Эркин как раз у стада был. Фредди шлюху шуганул, а тут и Эркин подошёл, и та сразу умоталась. А у них зашёл разговор о шлюхах, стервах и дурах. Это по Фредди. У Эркина классификация оказалась куда побогаче и поинтереснее. Они животики надорвали, Фредди чуть шляпу в костёр не уронил.

В тамбуре ощутимо тянуло холодом по ногам, будто он опять... босиком на снегу. Андрей быстро выкурил сигарету, выкинул окурочек в щель под колёса и вернулся в вагон. Да, похоже, все проснулись. Дамы в халатах, мужчины в... да,

правильно, пижамах, и все такие сытые да холёные, точно говорят, что кому война – это тётка зла, а таким война – так и мать родна. Бегал проводник, разнося чай и убирая постели. Андрей прошёл к своему купе, на секунду запнулся: стучать или нет, и вошёл, не постучав.

Сосед, в синем мундире без погон и с орденскими колодами на полгруди, сидел за столом, аппетитно прихлёбывая чай и читая газету. Увидев входящего Андрея, поинтересовался:

– Не возражаешь?

– Пожалуйста, – пожал плечами Андрей, проходя и садясь на своё место.

За окном всё та же равнина, каждое мгновение другая, но неизменная.

– И далеко едешь?

Андрей вздрогнул и оторвался от окна.

– До Царьграда.

Сосед удовлетворённо кивнул.

– По делу или так, прошвырнуться?

Уверенность, с которой его спрашивали, не понравилась Андрею, но он позволил себе только чуть прищуриться и отвечал спокойно и простодушно.

– Столицу посмотреть охота.

– Ну, и погулять заодно? – сосед подмигнул ему, по-свойски щёлкнув себя по кадыку.

– А где и гульнуть, как не в столице, – подыграл Андрей.

Сосед – Андрей про себя назвал его Моряком – не представился, и Андрей предпочёл остаться безымянным. Моряк пустился в рассказы о чудесах и развесёлых местах Царьграда. Андрей охотно ахал, восторгался и расспрашивал. Он чувствовал, что трёп не простой, а его ведут. Интересно, куда, а главное – зачем. Ну, когда дойдём до конца, будем знать больше, чем в начале. На правой руке Моряка между большим и указательным пальцами татуировка – якорь. Как у Кольки... нет, другой якорь. И что-то когда-то он об этих якорях слышал. Становится совсем интересно.

Дверь Андрей, когда входил, не задвинул до конца, и были видны проходившие по коридору люди. Замелькали костюмы и платья. Значит, утро закончилось – сообразил Андрей. Ну-ну, так что дальше? А разговор уже добрался до казино и игорных домов.

– Бывал когда-нибудь?

– Откуда? – хмыкнул Андрей.

Весёлая злость, желание разыграть этого каталу, что посчитал его за лоха-малолетку, студента-желторотика, подталкивала, и он в открытую полез в западню.

– Играть-то играл, конечно. А вот так, в казино, ни разу.

Он ждал предложения сыграть, но, видимо, его сочли ещё недостаточно разогретым, и Моряк стал рассказывать о казино и его порядках.

Мимо купе прошёл вертлявый худой парень в кожаной куртке, шаря по сторонам ищущим взглядом. Андрей заме-

тил, что Моряк и Вертлявый перемигнулись, и понял: значит, не один, бригада. Поездные каталы, ему ещё в спецприёмнике об этом рассказывали, втроём работают, да, значит, здесь бригада и будут полную игру собирать, три на три, чтобы не так заметно, и чтоб времени до Царьграда хватило. Ну, ладно, у него школа покруче, а играть – только в «очко». «Двадцать одно» им по вкусу будет: и азартно, и передёрнуть не проблема, а со своей колодой и вовсе по problem, ухватятся. Так, расклады... Моряк его держит, пока вся кодла не соберётся. В себе и своём мастерстве Андрей был уверен. Пока что это только забавляло его. Игралось в охотку, легко. И чем в окно пялиться, да перебирать варианты будущего разговора с профессором, лучше уж так... позабудем, повеселимся, ох, и обломаю я вас, мне – на веселье, вам – на память.

Загорье

Женя пришла утром, когда Эркин и Алиса уже встали, привели себя и комнаты в порядок, позавтракали и собирались на занятия. Услышав, как поворачивается ключ в замке, Алиса пулей вылетела в прихожую.

– Мама! Эрик, мама пришла!

Пытаясь помочь открыть дверь, она едва не спустила «собачку», хорошо Эркин вовремя подошёл, и Женя, войдя в квартиру, сразу попала в их объятия.

– Ну, как вы тут без меня? – целовала их Женя.

– Хорошо! – выпалила Алиса и тут же добавила: – А с тобой лучше!

– Женя, ты как?

– Всё хорошо, Эркин. Вы поели?

– Да, Женя...

Но Женя уже захлопотала, раздеваясь, проверяя, как они собрались, всё ли взяли, переплетая Алисе косичку, поправляя Эркину воротник рубашки, и среди этого...

– А Андрей? Уже ушёл? Или у себя?

Эркин сглотнул вдруг вставший поперёк горла комок.

– Он... он уехал. Погулять, – и заторопился, поясняя: – Он сказал, что вернётся, Женя, в понедельник, ты не беспокойся.

Женя остановилась, положив руки на его плечи и внимательно глядя ему в глаза. И уже не он, а она успокаивала.

– Конечно, он вернётся. Он... куда он поехал, Эркин?

Эркин виновато отвёл глаза. Но Женя догадалась.

– В Царьград, да? – и поцеловала Эркина в щёку. – Но ведь это хорошо, Эркин. И конечно же, он вернётся.

Она ещё раз поцеловала его.

– Ну же, Эркин, улыбнись. Всё будет хорошо.

Сопrotивляться Жене Эркин не мог. Он улыбнулся, взял свой портфель и сумку с вещами Алисы.

– Да, Женя. Нам пора идти. Алиса, идём.

– Ага-ага, – уцепилась за его другую руку Алиса. – Мама,

мы пошли. Ты без нас не скучай.

– Не буду, – рассмеялась Женя. – Идите, идите.

– Женя, ты ляг, отдохни.

– Спасибо, милый. Идите, а то опоздаете.

И когда за ними захлопнулась дверь, перевела дыхание. Значит, Андрей всё-таки поехал. Помирится с отцом и... и вернётся. Конечно, Андрей вернётся, Эркин зря беспокоится.

И решив так, уже больше не думала об этом. Эркин оставил в спальне кровать застеленной, но без покрывала и угол одеяла с её стороны откинут, а шторы на окне задёрнуты. Так что, часок она отдохнёт, а потом займётся обедом.

И, вытягиваясь под приятно прохладным пухлым одеялом, Женя ещё раз сказала самой себе: «Всё будет хорошо. Просто иначе быть не может», – и успокоенно заснула.

Поезд-экспресс Петрополь – Царьград

В конце концов всё утряслось, но несколько неожиданным для Андрея образом. «Катал» было, как он и высчитал, трое. Моряк, Вертлявый и Очкарик, благообразный, в костюме-тройке при галстукe, этакая крыска канцелярская, а лохами – он сам, бородатый купец из какой-то глухомани, сам сказал: «наше дело торговое», ну, как из учебника по истории выскочил, и... Степан Медардович – Барин. И расположились всей компанией в купе-люкс у него. Купе одно-

местное, но просторное, места всем хватило.

Андрей озирался с таким непосредственным интересом, что вызвал у Степана Медардовича даже не снисходительную, а покровительственную улыбку, а «катал» откровенно насмешил. И его смущённое:

– Я только в «двадцать одно» умею, – не оттолкнуло партнёров.

Степан Медардович вызвал проводника и попросил принести карты.

– И всё остальное там, Арсений, что нужно.

– Сделаем, Степан Медардович, не извольте беспокоиться.

Ну, колоду, понятно, чтобы всё по-честному, а остальное? Что это? И как это «каталы» на чужую колоду согласны?

Но всё быстро разъяснилось. Остальным оказался сервировочный столик с выпивкой и закуской, а колода... краплённой. И «каталы» проводника знают. И крап на колоде – тоже. Ну, рвань, портяночники, с крапом работают, да таких в лагере бы, да что там, уже в спецприюте сделали бы в момент. И это пренебрежение, наглая уверенность в своём превосходстве разозлили его уже всерьёз. Он этих гадов сделает, провезёт фейсом по тейблу, нет, по шиту их, мордами навтыкает, ну... и сам себя остановил: не спеши. До Царьграда времени навалом. Да и Купца с Бариним посмотреть надо. Человек себя в игре до доньшка раскрывает. И ты не забудь, что без стрёмщика, с голой спиной сидишь. А вот выпить и

закусить можно.

Начал игру Моряк. Стасовал, дал Вертлявому срезать. Всё, как положено. Андрей выложил десятку, как и остальные, но Купец шлёпнул полусотенную. Круто берёт. Ну, посмотрим, на сколько его хватит.

Степан Медардович играть любил. Знал себя, что в азарте теряет контроль, и ничего не мог с собой поделать. В их роду игра – наследственная страсть, а спорить с врождённым – глупо, и единственное, что он себе позволяет, так это небольшие меры предосторожности. Например, получив гонорар за публикацию, консультацию или экспертизу, половину сразу отправить переводом Лизаньке. А сколько он привезёт домой из своей половины, ну, так на то воля Божья. Компания, как обычно в поезде, подобралась разношёрстная, но интересная. И игра под стать. «Двадцать одно» – игра, можно сказать, простонародная, но достаточно азартная, чтобы приятно отдохнуть. Выигрыш, проигрыш – это всё пустяки, главное – сама игра, дрожь не в руках, а в сердце, когда берёшь карты и медлишь сдвинуть, посмотреть, что легло. Метать жребий, испытывать судьбу – Бога гневить. Так что это не игра, а поединок, его поединок с Богом. Вот его противник, а люди, сидящие рядом и напротив, только люди. Смешной мальчик из небогатой приличной семьи, трогательный своей провинциальной наивностью. Основательный, тяжеловесный тугодум, воистину бессмертна кондовая Русь, неистребим русский купчина, безудержный и в скупости, и в разгу-

ле. Морской офицер, фронтовик, груб, никакого лоска, забубённая голова, играет, как под обстрелом на палубе стоит, офицер пулям не кланяется, и ставку повышает, не поглядев в карты, а в этом самый смак, самая сладость игры. Молодец! И удача наградой за молодечество. Суетливый паренёк, весь какой-то неопределённый, смесь угодливости и хамства, задирается и тут же сам пугается своего задора, вертится, гримасничает, пытаюсь улыбаться, а улыбка злая, завистливая. Бледный невзрачный чиновник, нервничает, поправляет очки, каждую купюру тщательно расправляет и медленно нерешительно кладёт на стол. Видно, что хочет остановиться и не может. Ну, пусть и ему – коллеге по азарту – повезёт...

Что от Купца толку не будет, Андрей понял быстро. Ни хрена, кроме жадности и азарта, нет. Поманили его грошовым выигрышем, и всё, наобум пошёл. Какая там стратегия, тактика рядом не пробегала. Думать то ли не умеет, то ли ленится, ни разу, видно, жизнь на кону не держал. Разденут его... ну и хрен с ним, дураков учить надо. А Барин-то чего? Не дурак ведь, и карты видит, хорошо просчитывает, честному с ним и не справиться, неужели не видит, что троица свою игру ведёт? В наглую ведь. Неужто Барин купился, поверил, что незнакомы, просто попутчики. Жаль, вдвоём бы, конечно, легче, а так одному придётся. Ну, что ж, каждый сам за себя, только бог за всех, а его-то и нетути.

Очкарик сгрёб банк и стал тасовать колоду. Вертлявый вздохнул и выложил рублёвую замызганную бумажку.

– Это ещё что?! – рявкнул Купец.

– Нету, – развёл руками Вертлявый. – Одолжи, а? Отыграюсь, отдам. Ну, под крест, а? – и потащил из-за ворота серебряный крестик.

– И не проси, – мотнул бородой Купец.

– Парень, а? – Вертлявый теперь смотрел на Андрея. – Ну, подо что хочешь, а?

У Андрея на языке вертелось: «Петухом спой, тогда дам», – но сдержал себя: ещё не время, и кинул на стол две десятки.

– И за него.

– Пожалуйста-пожалуйста, – суетливо кивал Очкарик.

Под выпивку и закуску и разговоры про Царьград и войну, про женщин и лошадей – Купец ещё и на бегах играет – время летело незаметно. Остановки в Лугино никто и не заметил. Что заглянувший в купе проводник потом привёл официанта обновить выпивку и закуски – тоже.

Работала тройка в наглую, но достаточно умело, давая понемногу выиграть и лохам. Чтоб не остыли – понял Андрей. И чтоб раньше времени из игры не выпали, а то собирай тогда новую компанию. Его самого всерьёз не принимали и на большую ставку не подкручивали, он не для добычи, а для массы и маскировки взят. Тридцать ему, сорок от него, двадцать ему, пятьдесят от него. Качели, на качелях катают. Ну, ладно, к-каталы...

– Следующая остановка Воложин, – объявил заглянувший

проводник. – Прибываем в шестнадцать пятьдесят.

– Спасибо, Арсений, – рассеянно кивнул Степан Медардович, разглядывая свои карты.

– Эх! – Купец кинул на стол сотенную. – Хоть час, да мой! Ну, кто на меня?

«Каталы» чуть ли не в открытую переглянулись.

– Куда спешить? – взял карты Моряк.

– Дело у меня в Воложине, – Купец жадно, как воду в жару, плеснул себе в рот водки. – Давай, не тяни кота, фронтовик, сколько успеем.

– Успеем, – пообещал Моряк, сдавая карты.

Значит, до Воложина будут раздевать Купца, а у него передышка. Отлично. Андрей незаметно скосил глаза на руку Вертлявого. Ногти грязные, а часы золотые. На свои смотреть не хотел: вдруг ненароком кто номер заметит. Так, до Воложина ещё почти два часа. После Воложина... Скопин, восемнадцать двадцать семь. А там уже Царьград. Купец свалит, останутся вчетвером, к Скопину их надо сделать, чтобы в Царьград чистым приехать. Замётано.

– Берёшь карту, парень?

– А чего ж нет? – весело ответил Андрей. – Гулять так гулять.

– Ну-ну, – хмыкнул Моряк.

А Вертлявый пропел:

– Цвет зелёный, майский цвет, полюбил я с ранних лет.

Андрей охотно рассмеялся вместе со всеми. Он хоть и не

малолетка, но самый молодой в компании. Лопух зелёный. Ладно, его это устраивает. Ну, поехали. Хорошо, он деньги на десятки поменял и раньше времени из игры не вылетит. Да и подкормят его сейчас. И Барина тоже. Им Купца сделать надо, а сразу всех троих раздевать не хотят. Выигрыш по кругу пускают, чтоб не так в глаза кидался. «Ну, каталы, давайте. Полколоды я уже просчитал и запомнил. Сейчас на Купце остальное вычислю».

Купец разошёлся по-настоящему. Сопя и сверкая глазами, рыча и беспрерывно вливая в себя вперемешку водку и коньяк, он, не считая, кидал деньги. Андрей играл сосредоточенно и внимательно. Его уже определили в «лопухи» и не следят. Сколько у него в запасе? Успевает. Так, стоп... это... правильно, десятка пик, дальше должен быть туз, Очкарику скинули, Вертлявому... там очков пятнадцать, не больше, Барину сейчас... перебор? Нет, Купцу перебор делают. Есть! Вся колода на глазах. Подождём, спешить некуда.

Загорье

В субботу на уроки приходят все, независимо от рабочей смены. Не было ещё такого, чтобы кто-то субботние уроки пропустил. И когда Эркин вошёл в класс и сел на своё место рядом с Артёмом, все ждали, что следом войдёт Андрей. А того нет и нет.

– Мороз, а Андрюха где? – не выдержал Трофимов.

– Загулял, – кратко ответил Эркин, выкладывая на стол учебники.

– Фью-ю-ю! – присвистнул Аржанов. – Нашёл время.

В самом деле, не святки или масленица, и первая неделя, а зарплата у всех во вторую и четвёртую. Но лицо Эркина исключало любые вопросы, а что Морозы брат за брата стоят, тоже знали, и это удержало от замечаний. Да и звонок зазвенел.

Работал Эркин сосредоточенно и более напряжённо, чем обычно. Ведь если он что напутает или упустит, то Андрею узнать будет не у кого. Химия давалась туго. Что с чем смешать и что получится – это он запоминал быстро, а вот почему именно так получается, а не по-другому? Непонятно. И это не те беляцкие штуки, которые он всегда запоминал, даже не пытаясь понять, нет, здесь он сам пришёл, пришёл учиться.

С химии не один Эркин, а все выходили в прилипших к спинам рубашках. С английским было проще. Хоть все слова понятны. И училка симпатичная. То-то за ней этот индей и ухлёстывает.

– Округлит она его как делать нечего.

– А тебя завидки, что ль, берут?

– Это чтоб и дома учили?! – притворно ужаснулся Андреев.

И все дружно заржали. Засмеялся и Эркин, хотя думал совсем о другом. Что ему до Джинни и кутойса, там всё и без

него или кого другого уладится. А тут... он ничем не может помочь Андрею. Ни посоветовать, ни прикрыть, ничего... он примет любое решение брата, но Андрей обещал вернуться. А если Бурлаков запретит? Пойдёт ли Андрей против... против отца? Пойдёт. А вот справится ли?

Снова звонок, и Эркин тряхнул головой, отбрасывая всё ненужное, мешающее сейчас. Он на уроке и должен думать только об этом.

Тим в своём углу даже не обратил внимания на отсутствие Андрея. Он мучительно хотел спать. Уже две недели он работал на такси. Конечно, заработок выше, и ещё чаевые, и возможность в любой удобный момент завернуть домой, но и уставал он больше. Полная смена за рулём, а потом привести машину в порядок и готовность... конечно, ему бы помогли, и дело не в деньгах, а просто он должен доверять машине, а для этого нужно самому руки приложить. А дома... дома дети. Дим, Катя и Машенька. Зине сейчас не до старших, малышкой занимается. Он никогда не догадывался, даже не задумывался, сколько может быть хлопот из-за младенца. Зина целыми днями то кормит, то стирает, то гладит, то... ещё что-нибудь. Вчера он как раз домой приехал, а Машеньку купали. Он сунулся помочь, но Зина сказала, что не нужно, и он просто стоял и смотрел, а потом, когда Машеньку уже вытерли и запеленали, ему дали её подержать. И Машенька – он чем угодно поклянётся – смотрела на него и улыбалась ему.

– Она меня знает, – сказал он вслух.

– А как же не знать, – сразу откликнулась Зина. – Она у нас умница. Сестра тут приходила, патронажная наша, Варенька, так всё глазки у Машеньки хвалила, что умненькие. А в кого ей глупенькой быть. У нас дураков в семье не было, чтоб на двойки учились. Папка наш вон на одни пятёрки учится, не ловит ворон на уроках.

Он посмотрел на покрасневшего набычившегося Дима.

– Что случилось?

Дим молчал, и тут зачастила Катя.

– Он нечаянно, он в окошко посмотрел, машина ехала, он исправит всё, и пять получит, и одни пятёрки будут...

– Заступница! – рассмеялась Зина, беря у него Машеньку. – А теперь мы спатушки ляжем...

...Тим с силой потёр лицо ладонями и стал заново читать текст. Но всё равно в ушах вдруг зазвучал голос Чолли: «Ребёнок на руках – это прочувствовать надо». Он думал, что знает, ведь сколько он Дима той зимой на руках таскал, а Машеньку подержал и понял, нет, именно почувствовал. У хозяев, где до Грина был, рабыни рожали редко, и не касался он этого никогда, а уж хозяйские дети и вовсе... домашним он был мало, а дворовому работяге ни до чего, пожрать бы, поспать лишнего, а уж если удастся курева где стянуть, то большего счастья и не бывает, хотя нет, самое большое счастье – выпивка, но это уж вовсе недостижимо. Тьфу, чёрт, опять эта гадость в голове. О чём думал? А, ребёнок на руках, да,

его ребёнок, говорят: «Плоть и кровь, кровиночка», – да, его кровь, он любит и Дима, и Катю, всё для них сделает, но их держал – сердце так не рвалось, а его кровь... Так что, правы беляки, когда про голос крови треплют?

– Тим, пожалуйста, внимательнее, – ворвался голос Джинни.

Тим почувствовал, как к щекам горячо прилила кровь.

– Прошу прощения, мэ, – выдохнул он и тут же поправился: – Мисс Джинни, что я должен делать?

Как ни занят был своим Эркин, но он невольно обернулся посмотреть, что это с Тимом. Никогда же такого не было, чтоб Тим на уроках зевал. И тут же сам получил:

– Мороз, не отвлекайся.

По имени его звали только Женя и Андрей, а остальные – Морозом, да ещё детвора из их дома дядей Эриком, у Алисы переняли. Эркин уже понял, что остальные считают его фамилию простым переводом на русский с индейского, потому не обижался и, разумеется, никого не поправлял. Раз им так удобнее, то пускай. Ничего обидного в его фамилии нет. Но у Джинни иногда вместо Мороз проскакивало похожее на давнишнее *morose*, и тогда по спине тянуло неприятным холодком.

Джинни старалась и видела, что её ученики тоже стараются изо всех сил, но подравнять класс никак не могла. Уровень Тима настолько выше, что ему только отдельные задания, Мороз и Артём ближе всех к нему, но тоже разрыв очень

большой, а остальные... и тексты, и упражнения всем разные. Пожалуй, наравне с Тимом, ну, почти наравне только Андрей может работать, но его сегодня нет. Она ещё раз оглядела класс. Что-то сегодня и Мороз, и Тим какие-то расшеянные. Надо будет на втором уроке их расшевелить. Дать сочинение... нет, устроить дискуссию, а дома они пусть напишут на эту тему сочинение. Только вот какую тему подобрать? Чтобы и интересно, и чтобы не задеть. Просто удивительно, насколько эти взрослые люди обидчивы.

Поезд-экспресс Петрополь – Царьград

В Воложине Купец, проигравшись вчистую, сошёл, и они остались впятером. Поезд, казалось, даже не останавливался, а только дрогнул. Андрей не спеша собрал лежавшие на столе карты в стопку, подровнял ладонью. «Каталы» переглянулись.

– Никак сдавать собрался? – удивился Очкарик.

– Больно зелен ты банк держать, – заржал Вертлявый. – Ты ж лопух, до лоха не дорос.

– Не груби незнакомому, – ласково посоветовал ему Андрей.

Степан Медардович покачал головой, но промолчал. Что мальчик, говоря по-современному «завёлся» и хочет взять игру на себя, понятно и по-человечески извинительно, но... в самом деле держать банк в «двадцать одно» требует силы и

выдержки, которые даются только опытом, а откуда у мальчика опыт?

Андрей, успев за предыдущие коны незаметно для остальных размять пальцы и кисти, развернул колоду веером, сложил, тягучей лентой перебрал с ладони на ладонь, проверяя руки и крап, и стал тасовать.

Степан Медардович смотрел на руки Андрея, большие костистые кисти, ставшие вдруг такими ловкими, потом поднял глаза на его лицо и не узнал. Хищный, по-волчьи жестокий оскал вместо улыбки, повзрослевшее на добрый десяток лет лицо, и даже светлые волосы вдруг блеснули сединой.

– Ну, – Андрей оглядел троицу, протянул колоду Степану Медардовичу, – срежьте, прошу вас, благодарю, а теперь с вами. Играйте.

– Я выхожу, – глухо сказал Моряк.

Вертлявый и Очкарик кивнули.

– К-куда?! – Андрей прибавил в голосе не громкости, а угрозы. – Что старшим велено, исполнять надо.

– А ты что, крутой? – не выдержал Очкарик.

– А ты, – Андрей твёрдо посмотрел ему в глаза, отчего тот заморгал и заёрзал. – Ты, шестёрка, место своё забыл? Так напомнить недолго. По банку, я велю. Хрусты на стол.

Помедлив, Моряк достал и кармана и положил на стол деньги. За ним Вертлявый и Очкарик. Вместе набрался банк, и Андрей сдал им по две карты, последнему себе. Степана Медардовича он проигнорировал, но этого будто никто и не

заметил.

Вертлявый быстро посмотрел свои карты, вдруг ахнул и заёрзал, метнул глазом на Моряка и Очкарика. Андрей кивнул.

– Верно. Каждый за себя, – и разрешил: – Валяй.

Вертлявый полез в карман и шлёпнул на стол мятую полусотню. Моряк задышал, засопел, но промолчал.

– Ещё, – вдруг сказал Очкарик, кладя на стол десятку.

Андрей сбросил ему карту, тот удовлетворённо улыбнулся. Андрей насмешливо посмотрел на Моряка. И тот сдался, положил к общей куче десятку и протянул руку.

– Дай.

– Держи, – дал ему карту Андрей.

– Себе, – потребовал Вертлявый.

– Мне хватит, – Андрей улыбнулся. – Открывайте.

– Как знаешь, – пожал плечами Моряк.

Степан Медардович подался вперёд. Но... но так не бывает! Трижды двадцать и... двадцать одно!

– Ты...! – выдохнул Моряк. – Ты...

– И кто я? – поинтересовался Андрей, подгребая к себе денежную кучу.

– Болдох зелёны ноги?

Андрей насмешливо хмыкнул.

– Куму доклад готовишь? – и, тасуя колоду, тоном приятного воспоминания: – Один знакомый покойник тоже любил спрашивать, – и опять жёстко: – Хрусты на стол, сявки, я иг-

раю.

К удивлению Степана Медардовича, все трое покорно выложили на стол деньги. Быстрая сдача, требование денег, ещё по одной карте всем, и... три перебора и двадцать одно!

Дёрнулся и что-то пискнул Очкарик.

– Очкиними, – посоветовал Андрей, собирая карты и деньги. – Раз мешают.

Тот покраснел и уже покорно выполнял все приказы Андрея.

И ещё кон, и ещё, и неизменные двадцать одно у Андрея. Уже все трое жадно, не закусывая пили водку. Андрей покосился на столик, и Вертлявый сорвался с места, налил и угодливо подал Андрею стакан. Тот милостиво кивнул, выпил, как и остальные, залпом и не закусывая, и велел начинать новый кон. Но и теперь Вертлявого не пощадил, дал ему всего пятнадцать, Очкарику и Моряку по восемнадцати и себе двадцать одно.

– Если у тебя дело к кому... – начал Моряк.

– Об мелочёвку не мараюсь.

– Мокрушник, что ли?

– Моя масть выше, – хохотнул Андрей. – Играйте, ну. Ты, клади сотенную, Слепыш, ну! И ты, фронтовик деланный, – Моряк засопел, и Андрей безжалостно добил: – Колодки на базаре купил, так не выпендривайся.

После ещё двух конов, выигранных Андреем так же безжалостно, не выдержал Вертлявый.

– Да что ж ты так дёргаешь?

– Тебе, петушок, клюв заткнуть или как? – холодно поинтересовался Андрей.

Вертялый побелел, икнул, дёрнулся и замер. На ладони Андрея лежал нож, холодно блестя заточенным лезвием.

– Рассмотрел? То-то, – неуловимым движением кисти Андрей убрал нож в рукав и взял карты. – До Скопина ещё кон пройдем. Хрусты на стол, живо.

– На дорогу оставь, – попросил Моряк.

– Пешком дойдёшь, злая рота. Деньги, ну! Теперь ты. Выгребай заначку. Я и сам из тебя достать могу. Бо-бо будет.

Он заставил их выложить всё, до рублёвой мелочи. Знал, что впустую тратит приберегаемый для Бурлакова запал, и не мог остановиться. Да, он – блатарь, битый, ломаный, всего повидал, что, профессор, не по нутру тебе, получи блатаря.

Рассчитал он точно. Кон закончился очередным неизбежным проигрышем троицы, а поезд плавно замедлял ход. Они покорно ждали его разрешения уйти.

– Валите, сявки, пока я добрый.

Выходя из купе, Моряк оглянулся.

– Кликуху хоть назови.

Андрей прищурился.

– Сам догадайся.

Они ушли. В коридоре неразборчивый разговор, топот ног. Андрей встал и подошёл к двери, откатил её и встал в проёме, чтобы видеть коридор, дверь в тамбур и перрон за

окном. Постоял так, пока поезд не отошёл от ярко освещённого перрона, на котором стояла троица, и там, похоже, шла уже своя разборка. И только тогда Андрей вернулся к столу, плотно прикрыв за собой дверь. На столе карты и ворох денег. Андрей стал собирать, разглаживать и складывать купюры по номиналу. И Степан Медардович заворуженно следил за его движениями, и как опять меняется его лицо, оставаясь взрослым, но теряя хищность и жёсткость.

– Меня когда-то учили, – Степан Медардович вздрогнул, но Андрей сделал вид, что не заметил этого, и продолжил: – С сильным не дерись, с богатым не судись, а с шулером не садись.

– Как вы поняли, – Степан Медардович сам не ожидал, что сможет говорить так спокойно, – что они шулеры?

– Это видно, – Андрей усмехнулся. – Поездные всегда втроём работают, да и по мелочам. Очки, а стёкла простые, не линзы, форма морская, а якорь на руке не морской, а у этого... у него на губе татуировка, точка под носом, – искоса посмотрел на Степана Медардовича и удержался, сказал по-другому. – Тоже знак. Ну, а как я колоду увидел... она же краплёная. Вот, смотрите, – он собрал карты и протянул их Степану Медардовичу. – На рубашках. Где точки, где чёрточки, и цвет по-нужному, по мастям подобран.

И пока тот рассматривал карты, Андрей закончил разбор денег. Отделил проигрыш Степана Медардовича, свой – сколько своих вложил в игру, а оставшиеся поделил попо-

лам.

– Но ведь колоду принёс Арсений.

– Проводник с каталами всегда в доле, – как о само собой разумеющемся ответил Андрей. – Он же и наводку даёт, кто с деньгами в каком купе едет, – и усмехнувшись: – Только недоказуемо это. А колоду вы себе оставьте, на память. Ну вот, держите, Степан Медардович, это ваши деньги.

– Но...

– Это ваш проигрыш, а это... – Андрей улыбнулся широкой простодушной улыбкой. – Это компенсация. За моральный ущерб.

Он подвинул пачки Степану Медардовичу, убрал свои в карманы и встал. Встал и Степан Медардович.

– Спасибо, Андрей, я ваш должник.

– Нет, – резко ответил Андрей. – Счётов между нами нет.

– Хорошо, – не стал спорить Степан Медардович. – Но при следующей встрече...

– Ладно, – согласился Андрей. – До встречи, – и улыбнулся. – Тогда сыграем по-новому. И по-честному.

– Отлично, – улыбнулся Степан Медардович. – Честная игра – высшее удовольствие.

Они обменялись рукопожатием, Степан Медардович вручил Андрею свою визитную карточку, слова прощания, и Андрей ушёл.

Войдя в своё купе, Андрей устало сел на свой диван и откинулся на спинку. Надо же, как всё повернулось. Хорошо,

что, когда стали собирать игру, он задержался, переобуваясь, и Моряк ушёл без него, а ему удалось заложить нож в рукав. Удачно прошло. И деньги, две с лишним тысячи, хорошо он катал почистил, деньги лишними не бывают, мало ли что и как обернётся. Он прикрыл глаза и как провалился в чёрную пустоту забытья: так вымотала его игра.

Ижорский Пояс

Загорье

Учебный день благополучно катился к концу. Обычно после шестого урока Эркин ходил помочь Алисе собрать вещи, и она дожидалась его, играя на улице, но сегодня шёл дождь, и Эркин отвёл её в библиотеку.

– Посиди здесь, хорошо?

– Ладно, – согласилась Алиса.

Агаша, дежурившая сегодня в читальном зале, дала Алисе пачку цветных детских журналов, и Эркин спокойно ушёл. Сумку Алисы он отдал на вешалку и побежал в класс шауни.

Тим уже сидел в своём углу: Дима и Катю по субботам забирала с занятий кто-нибудь из соседок, ему же ещё за покупками надо. Эркин сел на своё место, достал букварь, прописи, тетрадь. Маленький Филин сразу спросил:

– А брат твой где?

– Загулял, – ответил Эркин по-русски.

Все пятеро переглянулись.

– Что, «огненная вода» и бледнолицых с ног валит? – насмешливо спросил Одинокый Волк на шауни. – Голова слабая?

Эркин не так понял, как догадался о смысле, развернулся к насмешнику, но ответить не успел, так как вошёл Громовой Камень, и они все встали, приветствуя учителя.

С первой же большой зарплаты в сентябре Громовой Камень купил себе костюм, самый дешёвый из приличных, не «тройку», но зато хватило на галстук и две рубашки. Трат предстояло, конечно, ещё много, но всё же он ходил теперь на работу не в форме, а, как и положено учителю, в костюме. И, глядя на него, подтягивались остальные. Все пятеро стали носить рубашки и вообще больше следить за собой. Он с удовольствием оглядел своих учеников. Странно, конечно, что нет младшего Мороза, но будем надеяться – ничего страшного.

– Я вас вижу.

– Мы видим тебя, кутойс.

Но только Громовой Камень проверил у них домашнее задание, как в дверь постучали. Все удивлённо повернулись на стук.

– Войдите, – сказал Громовой Камень по-русски.

Дверь приоткрылась, и щели возникла мордашка Алисы.

– Алиса?! – ахнул Эркин. – Что случилось:

Алиса вошла и чинно поздоровалась на шауни.

– Я вас вижу, – стрельнула глазами по сторонам, улыбнулась Громовому Камню и спросила, старательно выговаривая сложные придыхания. – Можно, я с Эриком буду сидеть?

Громовой Камень улыбнулся: сложная фраза и ни одной ошибки. Ну, как откажешь?

– Можно.

Алиса чинно села рядом с Эркином, положила руки на стол и изобразила такую примерную ученицу, что Громовой Камень рассмеялся. Улыбнулся и Эркин.

Чем занять Алису он не знал и даже не думал об этом. Но Алиса сидела тихо, внимательно наблюдая за уроком. Вообще-то всё было, как и в её классе, так же читали, писали, разговаривали на двух языках. А вон те трое и ещё двое, да, настоящие индейцы, с длинными волосами, но без перьев, и одеты как в книжке. Из-за Эркина Алиса украдкой следила за ними. Интересно и немного страшно. Но с Эриком она ничего не боится, он такой большой и сильный, сильнее всех. А они не страшные, не очень страшные.

Её взгляд тревожил и немного... подхлестывал остальных. Все чувствовали себя напряжённо, неловко. Пожалуй, только Эркин сидел спокойно, привычный к тому, что Алиса рядом, хотя и ощущал общее напряжение. А Тима вообще ничто не могло вывести из равновесия.

Когда прозвенел звонок и Громовой Камень разрешил

выйти на перемену, Эркин посмотрел на окно.

– Дождь кончился. Пойди погуляй.

– Ну-у, ну, Эрик...

– Иди, – твёрдо сказал Эркин.

Алиса вздохнула и посмотрела Громогого Камня. Тот улыбнулся ей, но она поняла, что надо уйти. И в самом деле, дождя уже нет, а просто так сидеть на уроке скучно. Она вежливо попрощалась на шауни и пошла к двери. Эркин встал и вышел следом.

Вдвоём они спустились в вестибюль, и Эркин помог ей справиться с ботиками, проверил, как она застегнула курточку и поправил шапочку.

– Если замёрзнешь, подожди меня здесь, ладно?

– Ладно, – вздохнула Алиса. – Эрик, а почему мне с тобой нельзя? Я тебе мешаю?

Эркин улыбнулся своей «настоящей» улыбкой.

– Мне нет.

И Алиса улыбнулась в ответ.

Когда он возвращался в класс, все пятеро индейцев курили в коридоре. Одинокий Волк насмешливо скривил губы.

– Как дела, нянька?

Спросил он по-русски, и Эркин, твёрдо помня услышанное когда-то от Жени, что отвечать надо на том языке, на котором спросили, ответил по-русски.

– Дурак. Это моя дочь.

– Видно, кто-то сильно бледнолицый постарался и на тебя

скинул.

Это было сказано уже на смеси русского и шауни, но Эркин понял. Такого он не то что в лагере или здесь, да в Джексонвилле, в Цветном квартале ему тогда не заикнулись, не намекнули. Он быстро шагнул вперёд.

– Н-ну! – угрожающе выдохнул Эркин.

– Идите в класс, – остановил его голос Громового Камня.

Звонка ещё не было, но курильщики тут же загасили сигареты и подчинились приказу.

Эркин и Одинокий Волк остались стоять: каждый не хотел первым повернуться спиной. Громовой Камень закрыл за вошедшими дверь и подошёл к ним.

– В чём дело?

Не подчиниться было нельзя и на второй вопрос Громового Камня:

– Кто прав?

Одинокий Волк опустил голову и ответил:

– Он.

Громовой Камень кивнул.

– Уг. Идите в класс.

На этот раз они подчинились.

Обычно на втором уроке беседовали, рассказывали и переводили легенды, разные истории, и тут, конечно, Тиму и Эркину с Андреем приходилось непросто из-за множества новых слов, но сегодня Громовой Камень заставил их снова писать прописи. Нудная, требующая внимания работа. Ра-

ботали, не поднимая голов и уже ни о чём постороннем не думая.

И когда прозвенел звонок, их ещё задержали, объясняя домашнее задание. Едва Громовой Камень закончил, Тим вскочил, и на ходу закладывая книги и тетради в сумку, попрощался и вышел. А остальные чего-то медлили.

– Перо Орла, – вдруг сказал Громовой Камень, – рядом с вами живут семинолы, так?

– Да, кутойс, – недоумевающе кивнул Перо Орла.

– И ты знаешь их язык?

– Да, кутойс.

– Как на языке семинолов сказать, – и по-русски: – Сирота, остаться сиротой?

– Не знаю, кутойс.

Двукрылый кивнул, а Маленький Филин смущённо покраснел и сказал:

– Мы с семинолами в одном стойбище живём, и ещё сиу, две семьи. У них тоже... нет такого слова.

Громовой Камень перевёл взгляд на Медвежонка. Тот кивнул.

– Да, кутойс, я знаю апачи и кри, у них нет такого слова.

Одинокий Волк стал даже не красного, а тёмно-багрового, почти бурого цвета, а Громовой Камень безжалостно добивал его.

– Ни в одном нашем языке нет такого слова. Могут погибнуть родители, другие родственники, но сирот нет.

Он посмотрел на Эркина, проверяя, всё ли тот понял: разговор шёл на шауни, только «сирота» по-русски. Эркин кивнул, показывая, что понял. И сказанное, и оставшееся непроизнесённым.

– А теперь идите.

– Ты остаёшься, я уйду, – попрощались они положенной фразой и ушли.

В вестибюль они спустились молча, и индейцы сразу ушли – они своих кожаных курток-рубашек не снимали – спрятав книги и тетради от дождя за пазуху, а Эркин забрал с вешалки свою непромокаемую куртку и сумку с вещами Алисы. Та так увлеклась игрой в щелбаны с внуком гардеробщицы, что её пришлось чуть ли не выковыривать из-за стойки.

– Алиса, пошли.

– Ну, Эрик, мне ещё чуть-чуть до сотни осталось.

– Тебе или ему? – улыбнулся Эркин. – Запомни счёт, потом доиграете.

– Понял? – строго спросила Алиса у белобрысого мальчишки. – В понедельник доиграем.

Гардеробщица уже принимала плащи и пальто у пришедших в кино на дневной сеанс, и ей было не до детей. Эркин проверил, как Алиса одета, ещё раз поправил ей шапочку, и они вышли.

Дождя не было, но в воздухе стояла водяная пыль, и опавшая листва не шуршала, а чмокала и чавкала под ногами. Серое низкое небо и кружащиеся, опадающие на землю ли-

стья. Как ни крутится, а всё равно упадёт Ярко-жёлтый листок зацепился за меховой воротник курточки Алисы. Эркин отцепил его и дал Алисе.

– Какой красивый! – обрадовалась она. – Давай маме отнесём.

– Давай, – согласился Эркин.

– И ещё наберём.

– Хорошо.

Они шли не спеша, и Алиса ловила кружащиеся в воздухе листья. Не с земли же подбирать, они там мокрые и затоптанные, а эти можно высушить, им Нина Викторовна говорила, как это правильно сделать, и будет красивый букет.

Эркин охотно с этим согласился и предложил сделать крюк и пройти через берёзовую рощу. Сами листья и букеты его мало интересовали, но вот чем позже они придут, тем больше времени у Жени для отдыха.

Царьград

Андрей вздрогнул и очнулся. Судя по часам, вырубился он минут на семь, не больше, но и этого ему вполне хватило. Так, теперь что? Моряка, понятно, что и след простыл, ну да, вещей у того, тоже понятно, что не было, а вот его... всё на месте. Андрей достал сумку и стал собираться. Побриться он уже не успеет, да вроде и незачем, не так уж быстро он обрастает, это у Фредди щёки к вечеру синели, а наутро

уже щетина сильно заметна. Так что, укладываем всё. Деньги? Ага, от газеты листок оторвём и свёртком на дно, между вещей, чтоб в любой давке не прощупали. Ну вот, остальное – казённое, вот пусть и лежит, как лежало.

В коридоре уже знакомо зашелестели колёсики. Андрей выглянул из купе и купил бутылку минералки, пару бутербродов и пакет орешков, чтобы забить выпитое, всё же он напоследок стакан водки без закуси шарахнул. Взять его не взяло, но забить надо, ему в Царьграде голова чистая нужна. И чтоб запаха не было. Не к Барину же ему идти, а ресторан наверняка уже сворачивается.

Он курил, пил приятно горчившую воду, бросал в рот орешки, бездумно глядя в окно на своё отражение. Проплывали россыпи огней городов, какие-то непонятные чёрные громады... Ну, что ж, сделано – так сделано, никогда не жалей о сделанном. Что эта... мелкота сявочная его где подсечёт, можно не бояться. Из поезда они свалили, он в окно всю тройку на перроне видел, если только в последний вагон не вскочили, но... вряд ли, побоятся они, эта шваль только со слабым храбра. А в Царьграде они его не найдут. Не успеют. Завтра в шесть вечера он уедет. Домой. Надо будет выкроить время, купить домой всем гостинца столичного, деньги шальные, их потратить надо. Но нож, конечно, лучше под рукой держать.

Заглянул проводник, предложив чаю. Андрей кивнул, соглашаясь. Интересно, что ему та троица напела, ишь как ле-

безит, не сравнить со вчерашним. Ну да чёрт с ним.

Когда проводник принёс чай, Андрей твёрдо посмотрел ему в глаза и понял: не трепыхнётся, будет молчать, чтоб за гнилую наводку не получить. А за окном всё больше огней, высокие дома, освещённые улицы. Подъезжаем? Похоже, да. Он залпом допил чай, бросил в рот два последних орешка. Снова зашёл проводник: нужен ли билет?

– Да.

Андрей взял свой билет и, пряча его в кошелёк, достал десятку, протянул проводнику.

– За чай и постель. Достаточно?

– Спасибо вам, – проводник даже что-то вроде полупоклона изобразил. – Такси вызвать прикажете?

– Спасибо за заботу, любезный, – усмехнулся Андрей и по вдруг метнувшимся глазам проводника понял, что угадал кликуху. – Меня встречают.

– Как скажете.

Проводник забрал стакан и ушёл. Андрей ещё раз огляделся, проверяя, не забыл ли чего, и снял с вешалки свою куртку.

Поезд замедлял ход, ощутившее стали толчки и слышнее лязганье на стрелках, в коридоре голоса, шум выносимых вещей. Андрей повесил сумку на плечо и откатил дверь. Где проводник? Ага, помогает какой-то фифе в шубе с её чемоданом, проход к ближнему тамбуру свободен.

Ловко лавируя между выходящими из купе и стоящими в

коридоре людьми и чемоданами, Андрей, не привлекая ничего внимания, прошёл к тамбуру, мимоходом заглянув в купе проводника и туалет. Там было пусто. В тамбуре... пусто. Дверь на себя, захлопнуть, под ногами лязгнуло железосцепки, дверь от себя, захлопнуть. А здесь уже толпились люди с чемоданами рюкзаками: следующий вагон был общей плацкартой, публика заметно попроще, и Андрей прошёл сквозь вагон, ничем и никак не выделяясь. А в этом тамбуре народу ещё больше, со всех сторон сдавило, и дальше продираться – это наоборот – привлечь внимание, и потому Андрей остался стоять. Наконец поезд остановился, пожилой проводник открыл дверь, и Андрея в общей толпе вынесло на ярко освещённый перрон.

Суэта встреч, объятий, носильщики со своими тележками... Андрей шёл со всеми, не обгоняя и не сторонясь идущих рядом, стараясь не глазеть по сторонам: лохов всюду вылавливают.

Вокзал большой, многозальный и многоэтажный, с подземными и навесными переходами, но указатели чёткие, и Андрей всё нашёл, никого и ни о чём не спрашивая. В туалете ещё раз привёл себя в порядок, умывшись и прополоскав рот, в справочной ему объяснили, что до Боброва перелук две остановки на третьем автобусе и пешком немного. Справка обошлась в гривенник.

Выйдя уже на площадь, Андрей огляделся в поисках нужной остановки. Увидел садившегося в такси Степана Медар-

довича, ещё раз огляделся. Нет, тех рож не видно. А автобусы вроде вон там. Ему нужен третий маршрут.

Толпа на остановке клубилась солидная, но и маршрутов много. Автобусы подходили один за другим, втягивали в себя людей, чемоданы, ящики, корзины и отъезжали, а на остановку уже набегала новая толпа.

Третий номер подошёл не сразу, и народу набралось много. Андрея опять сдавило, приподняло и внесло внутрь.

– Следующая остановка маршала... – конец фразы исчез в скрипе и писках. – ... не забывайте оплатить проезд, – объявил водитель.

Просто удивительно, как ухитрялась в этой толпе маленькая толстая кондукторша протискиваться из одного конца автобуса в другой, собирая деньги и выдавая билеты и сдачу. Билет стоил пятак.

– А Бобров переулочек? – спросил Андрей, отдавая деньги.

– Через одну, держи, – последовал быстрый ответ. – А ну кто ещё без билета?

Несколько раз автобус останавливался, но двери не открывались. Светофоры – догадался Андрей. Повернули, ещё раз. Ну и перегоны здесь, если это, как ему сказали, рядышком, то сколько ж до дальнего конца было бы? В рот лезли длинные волоски пуха от чьей-то вязаной шапочки, сбоку натужно сопели и дышали перегаром, спрессовали как... в карцере, и всем ничего, будто так и положено. Ну, ладно, перетерпим, бывало и похуже.

– Маршала Бондаренко, следующая Бобров, – объявил водитель, открывая двери.

Вывалилась треть автобуса, но и влезло не меньше, а то и больше.

– На Боброва сходите? – пискнуло сзади и внизу.

– Да, – ответил, не оборачиваясь, Андрей и полез к ближней двери.

Эх, Эркина бы сюда, умеет братик, а ему напролом приходится, ох, тётя, с гиппопотамом, что ли соревнуется, в три обхвата, и у самой двери, а не выходит, ну, не обогнуть и не отодвинуть.

Но тут объявили:

– Бобров, следующая Переменная...

Сзади нажали, и Андрей оказался на тротуаре, сам не понимая, как это у него получилось. Несколько ошарашенно огляделся.

Прямо перед ним сверкающая витрина, уставленная искрящимися хрустальными вазами, чашами и рюмками, вокруг снующие, торопящиеся, толкающие друг друга люди. «И куда это их всех несёт? – беззлобно усмехнулся Андрей, поправляя на плече ремень сумки, – ну, я-то по делу, а они чего?»

Первая же остановленная им девушка, сказала, что Бобров переулок – это недалеко, в арку и второй поворот налево. Показала рукой направление поисков арки и убежала, будто её ветром унесло от Андрея.

Длинный дом тянулся рядом витрин и призывно хлопающих дверей. В жизни он такого многолюдья не видел. Всем до себя и никому до него. Даже в Колумбии такого не было, хотя... кто знает, каково здесь в дождливую полночь.

Широкая, чуть закруглённая в верхних углах арка в два этажа казалась чёрной распахнутой пастью. Андрей поглубже засунул руки в карманы куртки и шагнул в темноту. Но та оказалась вполне прилично освещённым то ли двором, то ли проходом между домами. Витрин здесь не было, зато светились окна жёлтыми, оранжевыми и красными уютными огнями. У одного из подъездов стояли и разговаривали две женщины с сумками. На Андрея они посмотрели, но разговора не прервали.

Проход плавно перешёл в улицу жилых домов и маленьких, похожих на загорские магазинов. Хлеб, табачная лавка, трактир, продуктовый, ещё булочная... Народу поменьше, но тоже все бегут, толкаясь и извиняясь на бегу. Деревья вдоль тротуара в решетчатых кольцах. Длинный дощатый забор с узким наружным навесом. Стройка, что ли? Ещё дома... Ему второй поворот налево, а это первый. Подбельская улица. Названия улиц и номера домов с подсветкой, толково сделано. Ну, вот и Бобров. Смотри, как толково дорогу объяснила, а ведь девчонка. Ему нужен дом семнадцать. А это... девятый, следующий... ну, до чего ж девятка длинная... чёрт, седьмой.

Андрей чертыхнулся и повернул обратно. Как бы ему не

опоздать к концу приёма. А то ещё получится, что впустую съездил, не будет же он профессора искать и домой к тому переться. Много чести. Да и нарываться неохота. Одно дело – дома, там от души шугануть можно, а в Комитете... какой он ни есть профессор, а там он председатель и должен себя в рамках держать.

Неожиданно из ряда домов на тротуар выдвинулась каменная ограда, увенчанная фигурной решёткой. За оградой высилась тёмная громада церкви. Номера на ограде не было, но на следующем доме... ага, пятнадцатый. Вот и отлично, всего ничего осталось.

Комитет размещался в трёхэтажном богато украшенном лепниной доме. Глухая дверь, рядом аккуратно-строгая табличка. «Общество бывших узников и жертв Империи».

Андрей перевёл дыхание и толкнул дверь.

Старый проспект

Дом князей Краснохолмских

Возвращение домой, как бы ни был привычен и определён ритуал, всегда неожиданность и радость. А сегодня... сегодня всё по-другому. Да, он, как обычно, дал проводнику сотенную, чтобы с рестораном уже сам рассчитался, и тот, рас-

сыпавшись в благодарностях, подхватил и донёс до перрона его чемодан. А там уже наготове знакомый носильщик.

– На такси прикажете? – и, не дожидаясь ответа. – Сюда пожалуйста.

Ещё в вагоне и на перроне Степан Медардович оглядывался в поисках удивительного попутчика, но того нигде видно не было. Похоже, разминулись в вокзальной толчее. Жаль, весьма интересный молодой человек. Хотя, возможно, это и к лучшему. На такси, тоже как всегда, очередь, но ждать пришлось недолго, машины подкатывали одна за другой. Рубль носильщику – сколько мест, столько и рублей, этой таксе уже лет сто, если не больше, в войну, правда, по-другому было, ну, так на то и война. И просто удивительно, как стремительно восстановилась довоенная жизнь.

– Дом князей Краснохолмских, пожалуйста.

– «Муравейник»:

– Нет, – улыбнулся Степан Медардович. – На Старом проспекте.

– А, «Однозубый», – кивнул шофёр. – Знаю, – и рванул с места на открывшийся створ выезда.

Улыбнулся и Степан Медардович, но улыбка была невесёлой. В наблюдательности цареградским таксистам не откажешь, и как ни обидно это звучит, но так и есть. Всё правое крыло с башней было разрушено, разбито в щебень ещё в первые бомбёжки, и пропорции оказались непоправимо нарушены. И до сих пор неясно, что делать с руинами. Обидно.

В революцию дом уцелел, хотя и обгорел, а сейчас... Однозубый. Ох, прилепится это прозвище к Краснохолмским не на одно поколение.

Ехали быстро, умело объезжая забитые машинами перекрёстки по боковым, пусть узким, но уже по-ночному пустынным улицам. Мелькнула искусно подсвеченная Крепость на холме, грохотнул под колёсами старинным настилом Старый мост через Светлую, убежала вбок Большая набережная – неизобретательны были предки в названиях, но им тогда было не до топонимических изысков, – и вот он, Старый проспект во всю свою выверенную когда-то царским циркулем ширь. Царский указ, и прятавшиеся в садах дворцы сразу оказались на фасадной линии. Краснохолмским тогда повезло: их земля располагалась длинным узким перпендикуляром и пострадала меньше, что и позволило без особых потерь и усилий перестроить дворец и перепланировать сад за домом. С тех пор... и до этой войны.

– Нет, к подъезду пожалуйста.

– Как скажете, – шофёр притёр машину к бордюру точно напротив двери.

Степан Медардович, бросив короткий взгляд на счётчик, достал пятёрку.

– Благодарю.

Шофёр сделал движение за сдачей, но Степан Медардович отмахнулся необидным жестом. Когда у Краснохолмских нет денег на чаевые, они едут на автобусе или идут пеш-

ком. Но не скопидомничают.

Шофёр вышел следом за ним и достал из багажника его чемодан.

– Куда прикажете?

– Вот сюда пожалуйста. Ещё раз благодарю, – и отпускающий шофёра жест.

Шофёр поставил чемодан у двери, сел в машину и уехал. Степан Медардович полез в карман за ключами, но дверь сама распахнулась перед ним.

– Ну, наконец-то! Здравствуй.

– Лизанька?! – радостно удивился он, входя в дом. – Здравствуй, свет мой, ты уже сквозь стены видишь?

– Нет, – засмеялась она, обнимая и целуя его. – Просто знание расписания и расчёт, а как услышала, что ты ключами звенишь...

– Ну и слух у вас, княгинюшка, – смеялся Степан Медардович, целуя её в щёку, в руки и опять в щёки. – Такси я отпустил, всё в порядке.

– Рада слышать, а то я трёшку наготове держу.

– Можете убрать свою трёшку. Я сегодня, – Степан Медардович подмигнул, – в выигрыше.

– Выигрыш на копейку, а радости на сотню. Раздевайся, я отпустила Мефодия, у него что-то дома, ужин на столе.

– Лишь бы не наоборот, Лизанька, но выигрыш посерьёзнее копейки. И я сейчас лучше ванну приму, отдохну, а там и поужинаем. И позвони Ярославу.

За всем этим он разделся, повесив пальто и шляпу в старинный из тёмного дуба шкаф, переобулся и с удовольствием оглядел освещённую только угловым торшером у лестницы прихожую. Шкафы в тон стенным панелям, дубовая лавка-диван с выдвигаемыми ящиками для обуви вдоль стены, закрытая дверь в нижнюю парадную анфиладу, неизносимый дубовый паркет и пухлые коврики у двери и вдоль галошницы.

– Конечно, Стёпа, отдохни. Что-то случилось?

– Только приятное. Очень интересное маленькое приключение, Лизанька, но хочу поделиться с Ярославом. Как вы тут?

– О, у нас всё в порядке.

И, как в подтверждение её слов, наверху хлопнула дверь, по лестнице двумя клубками белой шерсти с лаем скатились два шпица, по древней традиции именовавшиеся Кадошкой и Фиделькой, завизжал детский голос:

– Дедушка приехал!

И сбежал вниз в расстёгнутом по-домашнему кителе Захар.

– С приездом, отец.

Степан Медардович обнял сына.

– Ну, как ты?

– Всё в порядке. Приняли к исполнению, с понедельника приступаем к реализации.

– Отлично.

Захар подхватил чемодан, и они, все вместе в сопровождении прыгающих и лающих шпицев поднялись по лестнице. Идущий последним, Захар мимоходом выключил торшер.

В верхнем коридоре Степана Медардовича обступили и дети, и взрослые.

– Да приласкай ты их, папа, иначе они не замолчат, – предложила, улыбаясь, жена Захара.

– Это ты о ком, Зоренька? – рассмеялся Степан Медардович, обнимая сыновей, целуя внуков и невесток и глядя шпицев.

Вообще-то жену Захара звали Анной, но, учитывая, что Анн у Краснохолмских много во всех поколениях и ветвях, её – среди своих – называли по мужу Зорей или Зоренькой, и ей, румяной и всегда ласково весёлой, это имя подходило, по общему убеждению, лучше крестильного.

Захар отнёс чемодан в родительскую спальню, переглянулся с женой и матерью и скомандовал «по-ефрейторски»:

– Рядовой необученный Краснохолмский, отбой! Выполнять!

Румяный, очень похожий на мать, пятилетний Степан вздохнул.

– Дедушка, ты мне завтра всё расскажешь?

– А как же, – Степан Медардович потрепал его кудрявые, как у Захара в детстве, волосы. – И на карте всё отметим.

Степан вёл летопись путешествий деда.

– Ну, княжичи, княжны, – Степан Медардович ещё раз

поцеловал внуков, – всем спокойной ночи. Завтра я в полном вашем распоряжении.

Зоренька и Лариса – жена младшего сына, Романа – увели детей, Захар и Роман сказали, что подождут ужина в библиотеке, и наконец Степан Медардович остался вдвоём с женой.

– Лизанька, давай сначала дело.

– Хорошо, – согласилась она, внимательно глядя на него. – Что случилось, Стёпа?

– Ничего сверхъестественного, я выиграл там, где не играл. Держи, Лизанька, – он достал из бумажника пачку купюр. – Здесь двести пятьдесят, вторая половина.

– Хорошо, – Елизавета Гермогеновна взяла у него деньги. – Но может, оставишь себе, на игру? И ты сказал, что не играл, тебе было плохо?

– Нет, Лизанька. Я играл, в поезде, как всегда, и проиграл, как всегда. Но проигрыш мне вернули. И дали ещё, – он достал уже прямо из кармана вторую пачку, заметно толще первой. – Лизанька, мне сказали, что это компенсация за моральный ущерб. Возьми, пожалуйста, а всё остальное потом.

Она не растерянно, а как-то задумчиво кивнула и взяла деньги.

– Раздевайся, я сейчас сделаю ванну.

Она положила обе пачки на комод и пошла в ванную, а Степан Медардович стал раздеваться с блаженным чувством исполненного долга. Родовая страсть князей Краснохолмских к игре – по одной из семейных легенд царский венец в

чёт-нечет проиграли – вынудила их выработать жёсткие правила. Деньгами распоряжались женщины. Они – жёны, матери, тётки, бабушки, старшие сёстры, а, случалось, и дочери – вели хозяйство и решали, сколько выделить своему князю или княжичу на игру. Превысить женский кредит было безусловно бесчестным. Сами княгини и княжны тоже играли, но только в семейном кругу, чтобы деньги не уходили из семьи. Пожалуй, именно это и сочетание открытости семьи, а Краснохолмские не чуждались никакой честной работы и роднились по сердцу, а не знатности, с семейной поддержкой во всём, – всё это и позволило семье выжить, пережить и царские опалы, и революционный террор, и даже сохранить многое из родового, накопленного за восемьсот с лишним лет существования рода, могучей разветвлённой семьи.

Бобров переулочек 17 Общество бывших узников и жертв Империи

Дежурная в застеклённой будочке у входа пускать его не хотела.

– Время приёма заканчивается, придёте на следующей неделе.

Андрей ещё вполне миролюбиво облокотился об узкий прилавок у её окошка.

– Мне сегодня нужно. Дело у меня... неотложное.

– Нет, – она сердито шлёпнула ладонью по разграфлённой

тетради.

Андрей зло сощурил глаза.

– Тётя, давай по-доброму. Я и по-другому могу.

– Я... я милицию вызову.

– Зря грозишь, тётя, я нервный. Пока они приедут, я много чего успею сделать, – и он издевательски подмигнул.

– Ты что несёшь, я в матери тебе гожусь!

– Вот своих щенков, сука, сучья твоя порода, и воспитывай.

Она застыла, и Андрей, чувствуя, что всё сейчас сорвётся, сам протянул руку в окошко и взял у неё со стола белый квадратик пропуска.

– Спасибо, тётя, живи и не кашляй.

Она не шевелилась, будто после его фразы о щенках ничего уже не видела и не слышала.

Дежуривший у входа на лестницу седой мужчина неопределённого возраста, удачно не слышал их разговора: говорили они тихо, а вестибюль большой – и спокойно принял у Андрея пропуск.

– К Бурлакову? Это на втором этаже, двадцать седьмой кабинет.

– Спасибо, – улыбнулся Андрей, быстро взбегая по лестнице.

Теперь надо успеть добраться до Бурлакова прежде, чем эта... забазарит и шухер поднимет. Но в то же время он чувствовал, что нет, не забазарит, слишком сильным был его

удар. Что-то там у неё было с детьми или из-за детей, нет, будет молчать.

Длинный коридор, закрытые двери, с номерами, но без табличек, повороты, а вот и двадцать седьмой. Напротив двери пять стульев и сидят трое.

– К председателю кто последний? – спросил Андрей.

– Я с краю, – нехотя ответил мужчина в новом, но мятом, будто он в нём спал, костюме.

– Ну, так я за тобой, – сказал Андрей, усаживаясь рядом.

Сидевшие с другого краю мужчина и женщина, похоже, вместе, так что не трое, а двое перед ним. Ну, что ж, может, он и успеет. Или... ладно, не будем загадывать.

Из кабинета вышел молодой, не больше шестнадцати парнишка и стал изучать какой-то листок.

– Следующий, пожалуйста, – сказали из-за двери.

Как и предполагал Андрей, сидевшие слева зашли парой. Парнишка бережно спрятал листок во внутренний карман и ушёл. Андрей расстегнул куртку, пристроил на соседний стул сумку и приготовился ждать. Заняться абсолютно нечем, только потолок разглядывать, но и не хотелось чем-то заниматься. Даже думать. Не о чём ему сейчас думать.

Время текло неошутимо и неотвратимо. Вышла пара и вошёл Мятый. Андрей не шевельнулся. По коридору прошла, внимательно поглядев на него, женщина в тёмно-сером платье. Он не обратил на неё внимания. В коридоре, да и во всём здании тихо. Будто он остался один, будто все ушли, а

его заперли.

Вышел Мятый, злой, что-то бурчащий себе под нос, оставил дверь открытой и ушёл по коридору. Андрей оттолкнулся от стула и встал, в один шаг пересёк коридор и вошёл в кабинет.

Яркий плоский плафон на потолке, напротив двери два уже тёмных окна, между ними за письменным столом человек. Седой, в тёмном костюме, с галстуком, что-то быстро раздражённо пишет. Андрей прикрыл дверь и встал, прислонясь к косяку. Ну, профессор-председатель, и когда ты соизволишь меня заметить?

Бурлаков поставил точку и перечитал написанное. Резковато, пожалуй, но так и надо. А то ишь, повадились. Врут, не краснея. Ни во что он свою ссуду не вкладывал, вернее, в кабак вложил, пропил по сути дела, а теперь... «Вспомоществование» ему. Обойдётся. Да, при переезде и устройстве на месте всем поровну, по ртам и головам, беспроцентно и безвозвратно, а дальше извольте своим умом жить, по уму и жизнь будет. Всё ещё сердито он отложил проект решения в папку на печать и поднял голову. Ещё один? Бесконечный приём сегодня.

Высокий белокурый парень в расстёгнутой ярко-зелёной куртке небрежно привалился плечом к дверному косяку, насмешливо сверху вниз рассматривая его. Но... но ведь это... чёрт, только позавчера он получил письмо от Жени. «Андрюша успокоился, повеселел, и теперь я начну ему капать

на мозги...» И уже... уже приехал?!

– Привет, – с блатной хрипотцой сказал парень. – Наше вам с кисточкой.

– Здравствуй, – онемевшими губами сказал Бурлаков. – Проходи, садись.

Досадуя на себя, на внезапно севший голос, на холодно-казённую вежливость Бурлакова, Андрей подошёл и сел на один из стульев, стоявших боком перед столом, закинул ногу за ногу, небрежно опустив сумку на пол.

– Ну как: – Андрей старался говорить спокойно, но получилось придушенно-неуверенно. – Поговорим?

– Весь к твоим услугам, – попытался пошутить Бурлаков.

Как ответить на эту насмешку Андрей не смог сразу сообразить и растерялся. И от растерянности сказал совсем не то, что готовил, а уж совсем несообразное, но вот вдруг само выскочило:

– А бабочка где?

– Что? – изумился Бурлаков. – Какая бабочка? Ты о чём?

– Здесь, – Андрей похлопал себя по горлу под воротником. – Красным на сгибах отливала.

– Серёжа, ты помнишь?! – вырвалось у Бурлакова. – Я же её только на учёный совет, на торжества...

– Я Андрей, – тихо и как-то угрюмо поправил его Андрей. – Андрей Фёдорович Мороз.

Разговор не получался, надо прощаться и уходить. Он подтянул к себе сумку, готовясь встать, но медлил.

И тут без стука открылась дверь и в кабинет вошла та самая женщина в тёмно-сером платье.

– Приём закончен, – жёстко сказала она, глядя в упор на Андрея. – Оставьте заявление, мы его рассмотрим и сообщим вам о решении.

Андрей улыбнулся, оскалив зубы, и встал. Женщина стояла, засунув руки в накладные карманы на юбке, и там явно обрисовывались под тканью пистолеты. Стрелять сквозь ткань будет – ежу понятно.

– Извиняйте за беспокойство, значитца...

– Стой! – приказал ему Бурлаков. – Валерия Леонтьевна, уходите.

– Что? – теперь она смотрела на Бурлакова. – Игорь Александрович...

– Зекс! – резко как выстрел бросил ей Бурлаков.

Она тут же повернулась и вышла, а Андрей изумлённо уставился на него.

– Ты... ты это откуда знаешь? Ты ж срока не мотал.

– Я ещё много чего знаю, – отмахнулся Бурлаков, вставая. – Здесь поговорить не дадут, пошли.

Андрей молча кивнул, глядя, как Бурлаков быстро кидает в свой портфель какие-то бумаги со стола, достаёт из шкафа и надевает пальто и шляпу.

– Пошли, – повторил Бурлаков, оглядывая опустевший стол и явно проверяя, не забыл ли чего.

Молча они вышли в коридор, Бурлаков запер дверь и

спрятал ключи в карман, молча прошли по коридору и спустились в вестибюль. Там уже были выключены верхние плафоны, и светилась только стеклянная будочка у входа. В ней сидели обе – дежурная и в тёмно-сером. Дежурная плакала, и Валерия Леонтьевна успокаивала её. Бурлаков быстро прошёл мимо них, ограничившись молчаливым кивком. И так же молча, напряжённо улыбаясь, проследовал вплотную за ним Андрей.

На улице, вдохнув холодный, пахнувший палой листвой воздух, Бурлаков почувствовал, как разжимается сдавившее грудь кольцо. Рядом шагал его сын...

Андрей перевёл дыхание. Что ж, первую схватку он не выиграл, но и не проиграл. Ладно, пойдём на второй заход. Ходить не с чего, ходи с бубей. Бубей нет, ходи пешком.

– Куда идём?

– А куда ты хочешь? – ответил вопросом, не в силах придумать сейчас что-то получше, Бурлаков.

Андрей миролюбиво пожал плечами.

– Посидеть надо, разговор есть, – Бурлаков молчал, и поневоле пришлось продолжать. – Ну, в ресторане каком, или трактир если хороший. Ну, в пивной.

– Нет, – наконец справился с собой и с голосом Бурлаков. – Никаких пивных и трактиров, не выдумывай. Идём домой.

– К тебе?

– Домой, – повторил Бурлаков.

У Андрея завертелось на языке, не боится ли профессор шпану уголовную в дом пускать, но ограничился кратким:
– Тебе виднее.

Обычно Бурлаков ездил домой на автобусе, но сейчас ему это и в голову не пришло. Он идёт по родному городу, и рядом с ним идёт его сын. И разрушить это блаженство ожиданием на остановке, толкотнёй в автобусе? Да ни за что!

Шли быстро и молча. Улицы, переулки, проходные дворы... Андрей изредка косился на Бурлакова. Силён, однако, профессор, темп задал... ну, меня ты не умогаешь, не прошлая зима, если я тогда голышом по снегу не задохал, то сейчас-то... И куда же это так спешим? А дорогу запомним. На всякий случай. Они, случаи, ой, какие разные бывают.

Дошли до обидного быстро. Бурлаков открыл дверь квартиры и только тут впрямую посмотрел на Андрея.

– Заходи.

Войдя, включил свет, поставил у вешалки портфель и стал раздеваться. Андрей захлопнул входную дверь и, подумав, повернул задвижку замка. Огляделся.

Прихожая как прихожая, может, чуть больше, чем у него, но как у Эркина. Паркет, вешалка, зеркало... двери... – всё, как обычно, ничего особенного и ничего из того... памятного.

Пронзительно зазвенел в кабинете телефон. Бурлаков чертыхнулся и пошёл в кабинет, бросив на ходу:

– Раздевайся, я сейчас.

Расстёгивая и снимая куртку, Андрей внимательно слушал: дверь в комнату с телефоном осталась открытой, и напрыгаться не надо.

– Да... да, я... нет, всё в порядке... нет, я занят... позволю, когда смогу... нет, я сам позвоню... и тебе... и тебя... всё... всё, я занят.

И щелчок положенной на рычаг трубки. Андрей усмехнулся: надо же, умеет профессор.

Бурлаков положил трубку и немного постоял, привыкая к мысли, что он не один, что Серёжа здесь, рядом. Да, мальчик с дороги, надо его накормить, всё остальное потом.

Он быстро вышел в прихожую и улыбнулся настороженно озирающемуся Андрею.

– Идём на кухню. Поужинаем и чаю выпьем.

Кухня напомнила Андрею его собственную и Эркина, только здесь, кроме всего прочего, стоял ещё белый закрытый шкафчик непривычного вида.

– Я сейчас.

Бурлаков поставил на огонь чайник и достал из холодильника отбивные. Как же здорово, что он купил сразу шесть штук. Да, масло ещё.

Белый странный шкаф оказался тем самым холодильником, о котором Андрей столько думал, но это всё побоку, надо решать то, ради чего он и затеял эту поездку, и решать сейчас.

Андрей откашлялся, прочищая горло.

– Постой, подожди хлопотать.

Бурлаков обернулся к нему от плиты.

– А в чём дело?

– Подожди, – Андрей заставил себя улыбнуться. – Поговорить надо. Пока не пожрали вместе.

Помедлив, Бурлаков кивнул. Выключил огонь под сковородкой, уменьшил под чайником и кивком показал на стол.

– Садись. Поговорим.

Андрей, как и в комитете, оттолкнулся от дверного косяка и подошёл к столу.

Они сели друг напротив друга, одновременно достали сигареты и закурили.

– Ну, я слушаю.

– Слушай, – кивнул Андрей. – Так ты говоришь, что я тебе сын, так?

Бурлаков кивнул.

– Но...

– Не спеши. Как там на самом деле, не об этом речь. Я тебя сейчас спрошу. Кое о чём. Так ты отвечать не спеши, подумай сперва. Обратного хода не будет.

– Давай, – усмехнулся Бурлаков.

– Слушай, – Андрей пыхнул дымом. – Я Андрей Фёдорович Мороз. И им останусь. Согласен?

– Да, – сразу ответил Бурлаков.

– Быстро отвечаешь, – покачал головой Андрей. – Ну, тебе решать. Теперь. Живу в Загорье и никуда оттуда не уеду.

– Раз тебе там хорошо, – пожал плечами Бурлаков, – пожалуйста.

– Так. Ладно. Теперь дальше. Ты профессор, доктор наук и так далее. А я – работяга в цеху, и выше шофёра мне не прыгнуть. Ничего это тебе?

– Ничего.

– Запомни. Сам сказал, я тебя за язык не дёргал. Дальше. Ты – председатель, весь на виду и вообще. А я – блатарь. Битый, ломаный. Не пахан, – Андрей усмехнулся, – но авторитет свой я всегда подтвердить смогу и своё уважение буду иметь. Это тебе как?

Глаза Бурлакова насмешливо блеснули.

– А никак. Это твоё прошлое. А что в будущем... поживём – увидим.

Андрей испытующе смотрел на него.

– Ну, смотри. Теперь ещё. У меня есть брат. Это как?

– Так же. Я же сразу сказал. Твой брат – мне сын. Что тут непонятного?

– А что он индеец? Тоже тебе ништяк? А если подначивать будут, ну, дескать, когда это в резервации побывать-потрахаться успел, да как оно там было? – насмешливо кривил губы Андрей.

– Хотел бы я посмотреть, кто рискнёт меня об этом спросить, – в тон ответил Бурлаков.

– А что грузчик он?

– Ты же рабочий. Ну и что?

– А что рабом был? Номер на руке носит?

– Был, – подчеркнул голосом Бурлаков.

Он уже не соглашался, а спорил, и с каждым опровержением очередного довода Андрея чувствовал себя всё увереннее.

– А что спальник он? Тоже тебе по хрену?

– Ты ж сам сказал, что Эркин грузчиком работает, – насмешливо удивился Бурлаков.

И Андрей досадливо согласился.

– Подловил. Но ведь тебе этим тоже глаза колоть станут.

– Пусть попробуют. Ваше прошлое – оно прошлое, я уже говорил. Что у каждого за спиной висит...

– А у тебя что есть? – перебил его Андрей.

– Любопытной Варваре что с носом сделали? – тут же отпарировал Бурлаков и сам ответил: – То-то.

– Меньше знаешь, дольше живёшь, – кивнул Андрей и по-английски: – Резонно, – и опять по-русски: – Своё при себе и держи, это ты правильно. Но вот у Эркина семья. Жена, дочь.

– Женя мне невестка, Алиса – внучка, – уже совсем спокойно ответил Бурлаков и улыбнулся. – Кто ж от такого добра отказывается.

– Слушай, – ухмыльнулся Андрей. – А чего это ты со всем согласен? Так мы тебе уж и нужны?

– Нужны, – стал серьёзным Бурлаков.

– Зачем?

– Детей не зачем-то рожают, а просто, чтобы были. И дружат не зачем-то, а просто дружат. И любят так же.

Андрей задумчиво кивнул, но упрямо продолжил:

– Это ж тебе обуза лишняя.

– Любовь обузой не бывает.

– А ты что, уже полюбил меня?

– Не уже, я всегда тебя любил.

Бурлаков встал и повернулся к плите. Снова зажёг огонь под сковородкой, положил масло. Андрей, выложив на стол сжатые кулаки, молча следил за ним.

– Эркина, – он прокашлялся, – его ты тоже... любишь? А его когда успел?

– Когда узнал, что он твой брат, – ответил, не оборачиваясь, Бурлаков.

Андрей улыбнулся.

– Здоровско отбиваешься.

Бурлаков пожал плечами.

– Это правда. Гарнира у меня нет, вернее, его долго делать. Хотя, постой...

– Я сижу, – придурочно поправил его Андрей.

Бурлаков усмехнулся и достал из холодильника кастрюльку.

– Когда поджарятся, разогрею кашу. Будешь с кашей?

– Чего не съешь из вежливости, – ответил Андрей.

Бурлаков весело хмыкнул. Ну всё, главное они друг другу сказали, а это уже так... пузырьки-пузырьки для куража. Пере-

вернув отбивные, он сдвинул их на край сковородки и выложил в кипящее масло кашу, перемешал. Конечно, отбивные хороши с луком и картошкой, но возиться с этим некогда. Чайник уже закипел, надо заварить свежего чаю.

Андрей сидел и молча следил за его хлопотами. Как тогда в Загорье – мелькнуло вдруг в памяти. Женя хлопотала у плиты, а он сидел в халате Эркина и молча смотрел на неё. Ладно, это он сделал. Правда, ещё кое-что надо уточнить, но то уже так, мелочёвка.

Бурлаков заварил чай и оставил его настаиваться. Достал тарелки.

– Тебе помочь? – решил всё-таки предложить Андрей.

– Нет, сиди, я сам.

Он накрыл на стол, нарезал хлеб.

– Водку пьёшь?

– Я всеядный, – усмехнулся Андрей. – Отчего и нет, когда компания подходящая.

Бурлаков поставил на стол маленькие стопки и достал из холодильника сразу запотевшую початую бутылку. Нашлись и маринованные огурцы.

Выпили, не чокаясь и без тоста, залпом. Закусили огурцами и чёрным хлебом, и Андрей накинулся на еду.

– Ты обедал сегодня?

– А что? – поднял глаза от тарелки Андрей. – Заметно? – и улыбнулся. – Так, перехватил кое-чего. Не до того было.

Бурлаков кивнул.

– Пьёшь много?

– Не больше других и меньше многих, – усмехнулся Андрей и пояснил: – Меня редко берёт.

– В деда, – одобрительно кивнул Бурлаков.

Андрей неопределённо хмыкнул, но промолчал.

Вторую отбивную он доедал уже спокойно. Сам не ждал, что так проголодался, даже вкуса сначала не почувствовал. От еды и выпитого он раздумячился, глаза блестели уже не зло или насмешливо, а весело.

– А теперь что?

– Чай будем пить.

– Годится, – улыбнулся Андрей. – Сейчас ещё одно дело решим, и баста, освобожу тебя.

– Сначала решим, а там посмотрим, – спокойно ответил Бурлаков, убирая тарелки и расставляя чашки. – Сахар сам себе клади.

– Ага, – согласился Андрей.

Бурлаков сел и налил себе чаю, отхлебнул.

– Ну, так что за дело?

Андрей ухмыльнулся.

– Семейное. У Эркина двадцать первого свадьба.

– Как?!

– А просто. Годовщина у него с Женей. Так что хотим отметить, собраться, – Андрей снова ухмыльнулся, – по-семейному. Ну как, приедешь?

– Обязательно, – сразу ответил Бурлаков. – Тем более по

такому случаю. О подарках ты уже подумал?

– А что положено дарить? – с искренним интересом спросил Андрей.

Бурлаков задумчиво кивнул.

– Обычно, что-нибудь в хозяйство. Посуду или бельё.

– Какое? Ну, нательное?

– Это слишком интимный подарок, – улыбнулся Бурлаков. – Столовое или постельное.

– Аг-га! – Андрей отхлебнул чаю. – Ну, посуды много, скатертей тоже, простыней...

– Бельё лишним не бывает. Сколько смен должно быть?

– Три, – сразу ответил Андрей. – В ходу, в стирке и запасная. Ну и сверх как получится.

– Бельё всегда считали дюжинами.

– Двенадцать смен?! – изумился Андрей. – Ни хрена себе!

Бурлаков рассмеялся его изумлению.

– Полдюжина-то у тебя наберётся?

– Не обо мне речь, – отмахнулся Андрей. – Ладно, давай белья. Красивого. Я видел, с кружевами там, с прошвами. Как раз свадебное.

– Хорошо, – согласился Бурлаков. – Если хочешь ещё, сам наливавай.

Андрей покачал головой.

– Ладно, спасибо, что накормил. Теперь что ещё?

– Спешишь куда? – спокойно поинтересовался Бурлаков.

– Тебя ж там ждут, – Андрей кивком показал куда-то на

стену. – Я слышал, ты сказал, что позвонишь. Так что я пойду, пожалуй.

– Никуда ты не пойдёшь.

Андрей прищурился.

– Свяжешь или запрёшь? Или всё вместе?

– Или ты дурить не будешь, – в тон ему ответил Бурлаков. – Куда ты сейчас пойдёшь, сам подумай. И зачем? – и повторил: – Не дури.

Андрей настороженно оглядел его и, помедлив, кивнул.

– Допустим, останусь, дальше что?

– Ничего особого, – Бурлаков улыбнулся. – Ляжем спать, с утра позавтракаем.

– А дальше? – и сам, не дожидаясь вопросов: – Поезд у меня в шесть.

Бурлаков кивнул.

– Посмотрим город, по магазинам пройдемся. Устраивает?

– Отчего ж нет, – пожал плечами Андрей и посмотрел на свои часы. – Ну что, на боковую?

Бурлаков встал.

– Иди, приводи себя в порядок, в ванной всё есть. Я тебе в кабинете постелю.

– Ладно, – встал и Андрей.

Он ощущал подкатывающую, придавливающую его усталость и не хотел, чтобы Бурлаков это заметил. Потому и не спорил. Да и глупо спорить с очевидным. Куда, в самом деле,

он бы подался ночью в чужом городе. На вокзале ночевать, что ли?

Старый проспект

Дом князей Краснохолмских

Ярослав сказал, что приедет обязательно, но не раньше двадцати трёх.

– Хорошо, Ярик, – согласилась Елизавета Гермогеновна. Мы тебя ждём. До свидания.

Положила трубку и пошла в спальню. Степан Медардович лежал под пледом на диване. Кадошка и Фиделька, свернувшиеся клубочками на своём законном месте в его ногах, подняли головы и завиляли хвостами.

– Ярик будет в одиннадцать.

– Спасибо, Лизанька, я отдохну пока, а вы ужинайте, не ждите меня.

– Не выдумывай, – улыбнулась Елизавета Гермогеновна. – Мальчики жаждут услышать рассказ. Отдыхай спокойно, я зайду за тобой.

Она вышла, прикрыв за собой дверь, и закрутилась в неизбежных домашних хлопотах.

Без пяти одиннадцать зазвенел звонок, и Кадошка с Фи-

делькой бросились вниз обляять и приветствовать гостя. По верхнему коридору они пробежали молча и залаяли только на лестнице. Степан Медардович встал и сменил халат на домашнюю куртку. В спальню заглянула Елизавета Гермогеновна.

– Как ты?

– Всё в порядке, Лизанька. Ярослав приехал?

– Да. Сядем по-семейному.

– Разумеется, Лизанька.

Ярослав приходился Степану Медардовичу племянником по родству, так как братьями были их прапрадедушки, и по возрасту, будучи ровесником Захара, бывал у них часто, и потому можно спокойно ужинать на кухне. Тем более, что совсем недавно, в войну, кухня слишком часто бывала единственным тёплым местом в огромном доме, а в одну из зим даже спали здесь же.

– Добрый вечер, дядя, – улыбнулся Ярослав входящему в кухню Степану Медардовичу. – Как съездили?

– Добрый вечер, Ярик. Отлично. В провинциальных сокровищницах всё ещё попадаются настоящие бриллианты. Основная экспертиза будет после реставрации, но уже ясно, что подлинный Мартелли. Двести лет считался безвестно утерянным. Будет о чём поговорить с итальянцами. И у тебя, гляжу, дела в гору, уже майор милиции. Поздравляю.

– Спасибо, дядя, – Ярослав немного смущённо повёл плечами с новыми погонами.

Лариса и Зоренька уже поздоровались с гостем и ушли к детям, хозяйничала за столом Елизавета Гермогеновна.

– Ты прямо со службы, Ярик?

– И на службу, тётя, – улыбнулся Ярослав, садясь к столу. – Так что случилось?

Степан Медардович принял у жены стакан с чаем, со вкусом отхлебнул.

– Спасибо, Лизанька, очень хорошо. У меня в дороге было небольшое приключение.

Ярослав стал серьёзным.

– Нужна моя помощь?

– Скорее консультация. Закончилось всё благополучно, я жив, здоров, и даже с деньгами.

Рука Елизаветы Гермогеновны, раскладывающей по тарелкам ломтики холодного варёного мяса, на мгновение замерла.

– Даже так? – сурово спросил Роман.

– Ende gut – alles gut, – ответил старинным присловьем Степан Медардович.

– И всё же, отец, – Захар покрутил ложечку. – Ведь думали... Лучше бы я поехал с тобой.

– И кто бы улаживал в ГАУ и на заводе? Нет, Заря, я ни о чём не жалею, но за заботу спасибо.

Ярослав слушал внешне спокойно, и голос его был спокоен, но не безмятежен.

– Так что же случилось, дядя?

Степан Медардович кивнул.

– У меня был очень интересный попутчик. Познакомились в вокзальном ресторане.

– Сразу, дядя, – извинился улыбкой Ярослав. – Кто к кому подсел?

– Я к нему. Фактически единственный свободный от гуляк столик на двоих. Указал метрдотель, я посмотрел и согласился. Милый провинциальный мальчик из приличной семьи растерянно изучает меню.

Ярослав понимающе кивнул.

– Представляю. И что этот мальчик?

– Кое-что показалось мне несколько... противоречивым ещё в ресторане, но я не обратил на это внимания. А нам оказалось на один поезд и даже в один вагон, купе, правда, разные. Ну, ночь как обычно, а сегодня с утра началась игра.

– Тоже, как обычно, – вставила Елизавета Гермогеновна, стараясь немного разрядить обстановку.

– Совершенно верно, тётя, – кивнул Ярослав, оставаясь серьёзным.

– Да, Лизанька. Шесть человек. Этакий кондовый купчина, моряк-фронтвик, мелкий чиновник, молодой... – Степан Медардович на секунду запнулся, подбирая определение, – человек неопределённых занятий, я и этот мальчик. Играем в «двадцать одно».

– Кто предложил? – вежливо, но жёстко спросил Ярослав.

– Именно этот мальчик. Назвался он, кстати, ещё в ресто-

ране Андреем. Ну, а в поездной игре представляться, ты знаешь, не принято.

– А что, Яр? – спросил Захар. – Узнал кого-то?

– Ещё не уверен. Продолжайте, дядя.

Степан Медардович кивнул.

– Благодарю. Ну, играю с переменным успехом. В проигрыше, но разумном. А купец разошёлся. Вожжа под хвост, и всё к этому полагающееся. К Воложину купец проигрался вчистую и сошёл. Мы остались впятером. И тут, – Степан Медардович с ухваткой опытного рассказчика обвёл взглядом слушателей. – Я никогда такого не видел. До этого момента я всё понимал. А дальше... и вот тут, Яррик, ты знаешь, меня... фольклором расейским не удивить, но этих слов не знаю, не встречал.

– А именно?

– Болдох зелёны ноги. Кого так называют, Яррик?

– Беглого каторжника, – по-прежнему очень спокойно ответил Ярослав. – Термин старинный, применяется редко и по очень серьёзным основаниям. И кто кого так назвал?

– Фронтовик Андрея. А тот ответил странным вопросом. Куму доклад готовишь?

– Правильно ответил, – кивнул Ярослав. – Как и положено. Кум – это начальник оперчасти в тюрьме и на каторге. Тоже по старинке, сейчас в ходу другой термин.

– Интересно, – протянул Роман. – И что, отец?

– Из участника меня сделали наблюдателем, и Андрей иг-

рал только с этими тремя. Забрал карты и не просто держал банк, а заставил их играть на своих условиях. Сам назначал им ставки и...

– Выигрывал? – не выдержал Роман.

– Не то слово. Пятнадцать конов и пятнадцать раз подряд у него двадцать одно, а у них то перебор, то недобор.

– И они не сопротивлялись? – спросил Ярослав.

– Стоило им хотя бы чуть-чуть слегка намекнуть на сопротивление, и он давил их... Даже нож показал. Прятал в рукаве, выпустил на ладонь и снова убрал, – Степан Медардович вдруг улыбнулся. – Ах, какой нож, Ярик. Рукоятка самая обычная, явно рабочая, но лезвие... заточка... полировка... Я еле удержался, чтобы не спросить о мастере. Привёл бы нашу коллекцию в порядок.

– Хорошо, что не спросили, дядя, – улыбнулся Ярослав. – Такая любознательность слишком дорого обходится.

– Да, этот... Андрей так и сказал, что один его знакомый покойник тоже много спрашивал.

Ярослав кивнул.

– Ещё о чём-нибудь говорили?

– Его спросили, не «мокрушник» ли он.

– И что ответил?

– Что его масть выше.

– Выше «мокрушника» только «мочила», – Ярослав отпил чая, оглядел сидящих за столом и продолжил академически спокойно: – «Мокрушник» убивает, но по делу, грабя, воруя

или насилуя. Убийство – не цель, а средство, или побочный продукт. «Мочила» – только убийца и, как правило, по заказу. На той стороне их откровенно и почти официально называют киллерами. Эти трое – шулеры или, на этом языке, «каталы». Что он их задавил и отобрал у них деньги, правильно. По воровской иерархии он несравнимо выше. Но как вы уцелели, дядя?

Степан Медардович кивнул и продолжил.

– Я сидел молча и смотрел. Если честно, любовался виртуозной работой. К Скопину он их обыграл вчистую, мелочь медную из карманов заставил выгрести и выгнал. А потом рассортировал все деньги. Отделил и забрал, что проиграл вначале, отделил и отдал мне мой проигрыш, а остальное поделил пополам и половину отдал мне, – Степан Медардович усмехнулся. – Как компенсацию за моральный ущерб. И немного просветил. Что эти трое шулеры, а колода с крапом... Кстати, колоду он мне отдал на память. Лизанька, у меня в пиджаке, в кармане.

– Я сейчас принесу, – встала Елизавета Гермогеновна и вышла.

Когда за ней закрылась дверь, Степан Медардович быстро спросил, понизив голос.

– Татуировка, точка на верхней губе под носом, что это за знак?

– У кого он был?

– У Молодого. Андрей называл его петушком. Когда, судя

по тону, оскорблял.

– Это и есть оскорбление. Это название... пассивного гомосексуалиста. И точка на губе... оказывает любые услуги, в том числе и сексуальные.

– Понятно, – кивнул Степан Медардович.

Захар брезгливо поморщился, а Роман передёрнул, как от озноба, плечами, но оба промолчали.

Вошла Елизавета Гермогеновна и положила на стол колоду.

– Вот.

Ярослав быстро, тасуя, просмотрел её и передал Захару и Роману.

– Профессионально сделано. У кого из трёх она была?

– Принёс проводник. Я его давно знаю, Арсений, и Андрей мне сказал, что проводник всегда заодно с шулерами и даже указывает им потенциальные жертвы.

– Так и сказал? – улыбнулся Ярослав.

– Нет, он сказал: в доле и даёт наводку. На это моих знаний хватило. И вот кстати, Ярик, ещё в ресторане, я говорил о странностях, скорее, несовпадениях. Сказал, что репатриант, угнали ребёнком, а говорит совершенно чисто, без малейшего акцента. Представился рабочим в цеху, а речь вполне интеллигентная, словарный запас опять же скорее студенческий. Столичного гонора, правда, нет, но для провинциального института вполне приемлемо. И одет. Во всём джинсовом. Рубашка и брюки, новенькие, от Страуса, знаешь эту

фирму?

– Конечно, – кивнул Ярослав. – Да, для репатрианта не характерно. А ещё что интересного вы заметили?

Степан Медардович немного смущённо улыбнулся и кивнул.

– Меня поразили его превращения. Наивный провинциал, неопытный, растерянный, даже трогательный, и вдруг... волк, настоящий матёрый волк, даже улыбка оскалом, а потом опять, но не мальчик, а опытный поживший мужчина, и в голосе... покровительство, как у наставника. И мгновенность переходов. Что это было, Ярик?

Ярослав задумчиво прикусил на мгновение губу.

– А как он... выглядел? Внешне?

– Ну, полный словесный портрет я не осилю, – усмехнулся Степан Медардович. – А в общем. Лет двадцать, не больше. Во всех обликах. Высокий белокурый, очень светлые, чуть золотистые кудри, аккуратная стрижка, без выкрутасов и наворотов... Про одежду я сказал. Тип... скорее смешана Коренная Русь с северо-западом. Если знаешь, был века три назад такой художник, Герхард Васильцев, ездил по России и писал только портреты, художественно малоценные, но этнографически точные. Вот у него я видел похожий тип. И... да, не само Поморье или Печера, а ещё западнее.

Ярослав кивнул.

– Первая нестыковка. Возраст и облик. Должно было... Лет сорок – сорок пять, малоподвижное лицо, очень блед-

ное или красно-бурое, северного загара, хриплый сорванный голос, матерная ругань и блатной жаргон вместо речи, волосы очень короткие или вообще брит наголо, и татуировка – кольцо на пальце. Возможно и не одно.

– Ничего даже близко не было, – твёрдо ответил Степан Медардович.

– Вот. И второе. Поведение. В лучшем бы случае он бы обобрал вас вместе с шулерами, а устроив при вас разборку...

– Убил?! – ахнула Елизавета Гермогеновна.

– Тётя, я понимаю, но такие не оставляют свидетелей. Как вы расстались, дядя?

– Что когда-нибудь встретимся и сыграем по-честному, – улыбнулся Степан Медардович.

– И только?

– Ещё сказал, что между нами нет счётов. Это я попытался его поблагодарить.

Захар положил на стол колоду.

– Заметить трудно, но возможно.

– Но в игре, конечно, не до этого, – вздохнул Роман. – Отец, может, и в самом деле, мы с Зарей будем ездить с тобой? По очереди. Мама?

– Пустяки, – отмахнулся Степан Медардович. – Обходилось раньше, обойдётся и впредь. Я просто подумал, Ярик, что тебе будет интересно.

– Спасибо, дядя, это и в самом деле, очень интересно. Ра-

зумеется, он – не Андрей, не репатриант и не рабочий. И где вы познакомились? В Ижорске? – Степан Медардович кивнул. – Ну, и не оттуда.

– Ложный аэродром? – усмехнулся Роман.

– Вот именно, – кивнул Ярослав. – Ложная засветка. Чтобы искали там, где ни его, ни его следов заведомо не будет. А колоду... я заберу её, хорошо?

– А я думал поместить её в наш музей, – засмеялся Степан Медардович. – В назидание потомкам.

– Я хочу показать её кое-кому в научно-техническом отделе, а потом верну.

– Конечно, Ярик, – вмешалась Елизавета Гермогеновна. – Раз нужно для дела, конечно, бери.

– Спасибо, тётя, – Ярослав посмотрел на часы. – Дядя, мне пора на службу. Если вспомните ещё что интересное, позвоните, хорошо? Спасибо за ужин, тётя, очень вкусно. Заря, проводишь меня?

– Конечно, – встал Захар.

Ярослав попрощался со всеми и вышел.

Уже внизу Захар тихо спросил:

– Это опасно?

– Для дяди вряд ли. Но что такой зверь в Царьграде, конечно, неприятно. Эту тройку мы знаем, и, если их рискнули раздеть... большие разборки грянут. Есть о чём подумать.

Ярослав надел шинель, пояс с португеей и кобурой.

– Заря, ты во фронтовое очко играл?

– Ещё бы!

– Так что, как говорят в южных портах, не бери в голову. Дважды по одному месту не попадает.

– А это по залповому весу глядя. Счастливо, Яр.

– Счастливо.

Захар закрыл за Ярославом дверь, проверил засов. Сюда всё же, конечно, вряд ли полезут, но... и оружие лучше держать под рукой, благо, разрешение есть.

Наверху Степан Медардович весело, но твёрдо отбивался от жены и младшего сына, настаивавших на сопровождении в поездках.

– Нет, Лизанька, я – не король и не царь, ни лейб-гвардия, ни рынды мне не нужны. Кстати, как правило, именно личная охрана и оказывается самой опасной. Масса примеров в истории.

– Папа...

– Нет, Рома. И хватит об этом.

Захар вошёл в кухню и сел на своё место.

– Уехал. Я думаю, папа, ты прав. Дважды такое не бывает.

– Такое, а если... – Елизавета Гермогеновна не стала договаривать.

Степан Медардович с улыбкой оглядел сыновей и жену и повторил:

– Обходилось раньше, обойдётся и теперь.

Захар улыбнулся.

– Тоже игра, отец, так?

– Верно, – кивнул Степан Медардович.

– Дёргать смерть за усы, а бога за бороду, – улыбнулся и Роман. – Игра княжеская, согласен.

Елизавета Гермогеновна вздохнула.

– Ну, раз это игра, то я молчу.

– Спасибо, княгиня, – Степан Медардович с чувством поцеловал ей руку.

Захар и Роман рассмеялись.

Новоболотинская улица, дом 6, квартира 56

Бурлаков постелил сыну на диване в кабинете. И, как ни устал Андрей, но войдя в кабинет и увидев книжные полки по стенам, не удержался от завистливого:

– И это ты всё прочитал?

Бурлаков горько улыбнулся: жалкие остатки и попытки хоть частично восстановить утраченное, правда, кое-что сданное тогда на хранение в университетскую библиотеку, сохранилось, но как же это далеко от былого... Но ответил весело.

– У тебя ещё всё впереди.

– С собой же не возьмёшь, – сразу ответил Андрей, чтобы профессор не подумал, что он остаться решил. А вот это да, лучше прямо сейчас и решить. – Вот ещё что. Как мне тебя называть? Не папочкой же? А на пахана ты не тянешь. Кликуха хоть есть, или там, – он ткнул пальцем в пол, намекая

на подполье, – не заработал?

– Не умножай свою печаль излишними знаниями, – сразу и очень серьёзно ответил Бурлаков. – Кому надо, те знают, а тебе незачем.

– Ага-а, – задумчиво согласился Андрей. – Ясно-понятно. Ну, а мне как?

– Как хочешь, – пожал плечами Бурлаков.

Но Андрей его равнодушию не поверил.

– На... батю согласен?

– Да, – сразу и даже, к удивлению Андрея, с радостью согласился Бурлаков.

– Замётано, – кивнул Андрей.

На этом они и расстались на ночь.

Бурлаков ушёл в спальню, разобрал постель и прислушался. Вроде хлопнула дверь ванной, Серёжа сказал, что бритва у него с собой, хотя вряд ли он будет бриться, да и что там брить, он же мальчик совсем, ну вот, вот оно и наступило, снова дверь ванной, кабинета, мальчик лёг. Мучительно хотелось пойти посмотреть, удобно ли ему, но понимал, что делать этого нельзя, реакция непредсказуема, нет, надо ложиться и спать, господи, какой был день...

Андрей разделся до трусов, откинул одеяло и лёг, укрылся, нашарил выключатель настенной лампы – всплыло вдруг в памяти смешное слово «бра» – и щёлкнул им. Темнота оказалась светлее, чем дома, фонарь, что ли, за окном, и не такой тихой, что-то где-то булькало и переливалось. Ну, что

же, это он сделал, смог, переломил себя. И неплохо, в общем-то, получилось. На все его условия согласились, он ничем не поступился и Эркина не обделил. А на свадьбу он устроит, всех соберёт, то-то у профессора глаза на лоб полезут. Об игре в поезде Андрей уже не думал. Мало ли что бывает, было, да и прошло. И спал он спокойно. Без снов.

Бурлаков лежал без сна, в каком-то странном забытии. Не было ни мыслей, ни чувств, пустота, но тёплая, нестрашная и очень приятная пустота покоя. Какие же слова нашла Женя, что мальчик понял и приехал. Да за одно это... это неважно, всё неважно, здесь, совсем рядом, за стеной спит его сын, чудо всё-таки есть. Выжил, сохранил память и рассудок, и... чудо, и ещё раз чудо, и ещё раз. Он засыпал и просыпался от страха, что ничего не было, и прислушивался, пытаюсь уловить за стеной дыхание.

Когда в очередной раз Бурлаков открыл глаза, окно – он вечером забыл задёрнуть штору – было серым. Значит, утро. Он откинул одеяло и сел. На часах уже начало восьмого. Мальчик пусть спит, конечно, но чайник надо поставить, и что-нибудь из еды, чтобы, когда проснётся, всё было готово.

Бесшумно двигаясь, он навёл порядок в спальне и пошёл на кухню. В кабинет он не заглянул: мальчику это может не понравиться, ещё подумает, что за ним следят. Обычно утром Бурлаков ограничивался чаем с бутербродами, но сегодня не простое воскресенье, да, где-то у него было сало, яичница с салом – это то, что нужно молодому голодному

парню.

Андрей, проснувшись, не сразу сообразил, где он и почему вокруг так много книг. В библиотеке ему ещё не приходилось ночевать. А сообразив, тихо засмеялся и сел, спустив ноги на пол. Тот показался приятно прохладным, и Андрей, не обуваясь, как был, в одних трусах, встал и пошлёпал на кухню, где упоительно пахла и трещала на огне яичница.

– А чего, утро уже?

Бурлаков вздрогнул и обернулся. Его сын. Взлохмаченный, полуголый, стоя в дверях кухни, по-детски протирал кулаками глаза. Как... как когда-то, теми же детскими движениями. Но белая кожа, туго обтягивающая костлявое худое тело, испещрена, исполосована шрамами и рубцами, торчат шары коленных суставов, шишки сросшихся переломов на рёбрах... У Бурлакова вдруг ослабли руки, и тарелка звонко ударилась о край стола, отскочила, раскалываясь на две половинки, и уже на полу разбилась на мелкие осколки.

– Ты чего? – удивился Андрей.

Он наконец протёр глаза и удивлённо смотрел на Бурлакова, на его побледневшее застывшее лицо.

– Ничего, – глухо ответил Бурлаков, отворачиваясь к плите, чтобы не броситься обнять и прижать к себе этого изломанного, изорванного беспощадной вражеской силой мальчика. – Иди, умывайся. Завтракать будем.

– Пожрать я всегда, – согласился Андрей, поддёргивая сползающие трусы, и, уже повернувшись уходить, сообра-

зил: – А-а, так ты этого, – он похлопал себя по груди, – испугался? Ништяк, зажило уже всё.

Он изобразил залихватский блатной плевок и вышел из кухни.

Собирая осколки, Бурлаков слышал, как он, насвистывая, возился в ванной, ходил то в прихожую за своей сумкой, то в кабинет. И наконец Андрей вошёл в кухню уже в джинсах и аккуратно заправленной и застёгнутой на все пуговицы рубашке, свежевывбритый, со сверкающими в кудрях надо лбом каплями воды.

– А вот и я! Пожрать ещё есть что?

– Садись, – улыбнулся Бурлаков. – Кофе хочешь?

– А ну его к богу в рай, – весело отмахнулся Андрей, усаживаясь к столу. – Чай не в пример лучше.

И, уже начав есть, быстро вскинул на Бурлакова глаза.

– А чего ты испугался так? Я уже о-го-го, ты б меня прошлой весной увидел, вот это было, да-а!

Бурлаков сглотнул вставший в горле комок.

– Сейчас... всё в порядке?

– В абсолютном!

Андре даже подмигнул ему и снова набросился на яичницу. В самом деле она была такой вкусной, или это он так проголодался? А профессор тоже ничего, наворачивает – будь здоров.

– Поезд у меня в шесть.

– Я помню, – кивнул Бурлаков. – Пройдёмся по центру,

Гостиный Двор в воскресенье работает.

– Дело, – улыбнулся Андрей. – А то из столицы без гостинцев нельзя.

– Да, конечно, – поддержал Бурлаков и внезапно, сам не ждал, что сорвётся, спросил: – Как ты выжил?

Андрей отодвинул опустевшую тарелку, отхлебнул чаю.

– Ты про что? Про лагерь, заваруху или Хэллоуин? Или про всё сразу? Жить хотел, вот и выжил. Ну и... помогали мне, конечно.

О Фёдоре Морозе Бурлаков не спросил, удержался. А Андрей вдруг со злой насмешкой улыбнулся и спросил:

– А ты что, засомневался? На, – он рывком расстегнул манжету и отодвинул рукав. – Смотри, вот он. Несводимый.

На белой коже цепочка синих цифр. Бурлаков смотрел, не различая их, и не в силах отвести глаза. Скрипнув зубами, Андрей справился с собой и опустил рукав, застегнул манжету.

– Всё! – отхлебнул чаю, обжёгся, крепко выругался и покосился на Бурлакова.

– Умеешь, – спокойно оценил Бурлаков.

Андрей ухмыльнулся.

– Хорошие учителя были. Да и я ученик не из последних.

– У нас в роду иначе и не бывает, – улыбнулся Бурлаков.

Закончили завтрак они уже в согласии, хотя бы внешнем.

Пока ели, за окном посветлело, в серой облачной пелене показались прожилки голубого по-осеннему неба, проглянуло

солнце. И, хотя не тянули и не копались, а из дома вышли уже после десяти.

Было прохладно, но сухо, дворники убрали опавшую за ночь листву. Андрей вертел головой, разглядывая витрины и прохожих.

– Ну город, – наконец выдохнул он. – Себя потеряешь и не заметишь ни хрена.

Бурлаков улыбнулся и кивнул своим мыслям. Да, если утренний полусонный и пустынный Царьград кажется мальчику слишком шумным и многолюдным, то, конечно, в Загорье ему будет лучше. А впереди долгие, блаженные, бесконечные семь часов, которые он проведёт с сыном, господи, неужели это правда?!

Ижорский Пояс

Загорье

Только Эркин с Алисой пришли домой, как потемнело и повалил мокрый снег.

– Ну, как вы вовремя успели! – радовалась Женя, помогая Алисе вылезти из курточки. – И листья очень красивые, потом засушим и сделаем букет.

Дома тепло, из кухни, как всегда когда Женя дома, упои-

тельные запахи, всё хорошо.

– Как ты? – Эркин пытливо посмотрел на Женю.

– Всё в порядке, – Женя поцеловала его в щёку. – Переодевайся, и будем обедать.

– Да, Женя, хорошо.

В спальне он разделся, натянул домашний костюм – осень уже, опять как раз, и хорошо, что штаны успели высохнуть, а то он будто купался в них. Он вешал джинсы в шкаф, когда в спальню вбежала Алиса.

– Эрик, а обед уже готов.

– Иду, – улыбнулся ей Эркин.

За столом говорили о школе и о том, что Жене за такую переработку должны были дать отгул, но работы так много, что просто оплатят сверхурочные и в двойном размере. Эркин слушал и кивал. Конечно, лучше бы отгул, чтобы отдохнуть, но раз так получилось, то что уж тут поделаешь. Чем именно занималась Женя на своей работе, он не спрашивал, как и не рассказывал о своей работе, ведь Женя тоже ему вопросов не задаёт. Это и раньше, в Джексонвилле, было неважно, а здесь-то... работа – она работа и есть, да и слова Саныча о военной тайне засели в голове.

После обеда Алиса отправилась спать. Эркин озабоченно посмотрел на Женю.

– Ты устала, Женя, тебе надо выспаться.

– А я уже спала, – возразила Женя. – Пока вы учились. Вчера всё нормально было? Как Алиска себя вела?

– Хорошо, – убеждённо ответил Эркин.

Ему хотелось похвастаться, как он сумел пересилить себя, не видеть Алискиной белизны, но решил воздержаться: слишком многое ему бы пришлось объяснять и неизвестно, как ещё Женя это поймёт. И – вдруг он подумал – можно ли это вообще понять? Так что не стоит трепыхаться, обошлось и ладно. И когда Женя поставила последнюю тарелку на сушку, он легко подхватил её на руки и понёс в спальню.

За окном снег стал дождём, небо оставалось низким и тёмно-серым. Эркин опустил Женю на кровать и стал раздевать мягкими усыпляющими движениями.

– Но я не хочу спать, – тихо засмеялась Женя, обнимая его за шею. – Я тебя хочу.

– Да-а? – радостно удивился Эркин. – Я тогда сейчас дверь запру.

Он оторвал себя от Жени, в два шага пересёк спальню и щёлкнул задвижкой. И от двери посмотрел Женю. Она перекатилась на живот и лукаво смотрела на него, из-под рассыпавшихся и упавших на лицо волос. Эркин тихо счастливо засмеялся, стаскивая через голову рубашку, и мягким прыжком оказался рядом с Женей.

– А вот и я!

– Ага, – согласилась Женя, обнимая его. – Как же я соскучилась по тебе, я тебя целые сутки не видела.

– И я, – вздохнул Эркин. – Так долго, мм, какая ты вкусная, Женя, – он даже причмокнул, целуя её.

Женя засмеялась, сладко ёжась и потягиваясь в его объятиях. Эркин целовал её, мягко тёрся о неё, её телом раздевая себя.

– Как это у тебя получается? – удивилась Женя.

– А тебе нравится?

– Очень! Какой ты красивый, Эркин, – мягко отстранившись, она разглядывала его, гладила взглядом.

За окном и в спальне стремительно темнело, и в уже не голубом, а синем сумраке тело Эркина словно тяжелело, сливаясь с темнотой, и только блеском молнии иногда мелькала его улыбка, и ещё его глаза, чёрные и блестящие этой чернотой. Женя потянулась поцеловать их, и Эркин крепче обнял её, пряча в кольце своих рук, накрывая своим телом.

– Я иду, Женя.

– Я встречаю. Входи, Эркин.

Волна была рядом, но Эркин давно не боялся её: она ни разу не помешала ему, даже накрытый, закрученный ею, потеряв в ней себя, он ни разу не ошибся, не сделал Жене больно или неприятно. Он помнил о Джексонвилле, но это было уже слишком давно, и Женя простила его, и ему просто хорошо в горячей, сразу и обжигающей, и леденящей волне. Тело Жени, её кожа, запах её волос... он то качался плавно и широко на всю длину, то бил сильными, но не резкими толчками, то замирал и мягко ворочался в Жене, давая ей передохнуть.

И наконец волна отхлынула, оставив его лежащим рядом с

Женей, мокрого от пота, опустошённого и бесконечно счастливого.

Женя вздохнула и погладила его по груди. Эркин ответил ей таким же блаженным вздохом и чуть подвинулся, чтобы ей было удобнее.

– Тебе нравится?

– Ага.

– Всего погладить?

– Аг-г-га-а, – протянул Эркин.

Руки Жени блуждали по его телу, трогали, гладили, пощипывали соски, перебирали волосы на лобке. Эркин тихо, полуприкрыв глаза, покряхтывал от удовольствия. Стало уже совсем темно, скоро проснётся Алиса, а они всё не могли оторваться друг от друга.

Впереди субботний вечер, и ночь, и воскресный день, такой долгий с утра и так неожиданно быстро заканчивающийся вечером.

– Мне так хорошо с тобой, Эркин.

Он молча потёрся телом о её руку, говорить не хотелось, и двигаться, и вообще что-то делать.

– Мам, Эрик! – зазвенел под дверью голосок Алисы. – Вы спите, что ли? А гулять не пойдём?

– Какие прогулки, такой дождь, – отозвалась Женя, поцеловала Эркина, включила лампу на тумбочке и встала. – И темно уже как.

– Ну, тогда играть давайте, – предложила Алиса, дёргая и

крутя дверную ручку.

– Успеешь, – Женя не спеша надела трусики, накинула и запахнула халатик, завязала поясок. – Ты постель убрала?

– Ну, мам... – вздохнула Алиса.

И они услышали, как она зашлёпала к себе.

Эркин тихо засмеялся. Он лежал на кровати, раскинув руки и ноги в блаженной истоме. Женя, наклонившись, ещё раз поцеловала его.

– Вставай, милый. Ночью продолжим, да?

– Обязательно, – радостно пообещал Эркин, рывком скидывая себя с кровати.

Когда Женя вышла, он надел домашний костюм, встряхнул и заново постелил ковёр, задёрнул и расправил шторы. Хризантемы он уже выставил из кладовки на окно, и там выглянули новые зелёные ростки. Баба Фима сказала, что к рождеству расцветут, вот будет здоровско!

Эркин ещё раз оглядел спальню, чуть подвинул лампу, чтобы зеркальный коридор смотрелся получше и вышел.

– Э-эрик! – радостно ткнулась ему в ноги Алиса. – Пошли играть.

– Пошли, – согласился Эркин. – А во что?

Он знал уже много игр, не то что в прошлом году с единственным «ласточкиным хвостиком».

– Давайте в лото, – предложил, выходя из кухни, Женя. – И я с вами.

– Ура-а-а! – завопила Алиса, но тут же решила уточнить: –

А на что? На конфеты?

Женя засмеялась.

– На орехи.

– Ладно, – согласилась Алиса. – Эрик, наколешь орехи?

– А как же, – улыбнулся Эркин.

Устроились в большой комнате, разложили карточки, орехи, цветные кружочки закрывать цифры, блюдечки для скорлупы и ядрышек. И всё было хорошо, и весело, и интересно, а что нет Андрея с его шуточками и подначками, так и раньше бывало, что он в гости уходил, а гостевание у Андрюхи на весь вечер, а то и на ночь, это все знают. И потом, когда ужинали и ложились спать, об Андрее не говорили. Он обещал вернуться в понедельник вечером, а сегодня ещё только суббота.

– До вторника можно не беспокоиться.

Женя, сидя перед трюмо, расчёсывала волосы, и Эркин, лёжа на кровати, любовался ею сразу во всех зеркалах.

– Да, Женя, – он сразу понял, о ком она говорит. – Да, Женя, он вырвется, даже если его... если ему запретят.

– Ну, Эркин, не выдумывай. Кто ему может запретить?

Эркин вздохнул.

– Бурлаков. Он – отец, Женя, у него все права.

– Не выдумывай, – повторила Женя, но сама чувствовала, что получалось неубедительно.

Она отбросила на спину волосы и встала.

– Всё будет хорошо, Эркин. Ты мне веришь?

– Верю, – улыбнулся Эркин и потянулся, выгибаясь на арку, чтобы одеяло как бы само по себе сползло с него.

Женя засмеялась и встала на кровать. Она была в длинной и широкой ночной рубашке, и Эркин, мгновенно повернувшись на живот, поднырнул под подол и стал там медленно подниматься, натягивая собой ткань. Прижимаясь к Жене, глядя и обнимая её, он мягко втянул её руки внутрь рубашки, на мгновение запутался в её волосах и кружевах выреза, но тут же сообразил и вдёрнул Женю внутрь.

– Мы как в палатке, – засмеялась Женя, обнимая его.

– Ага, – согласился Эркин.

Тонкая ткань рубашки просвечивала, окружая их розовым туманом, под ногами мягко пружинила кровать, и Эркин, прижав Женю к себе, попробовал покачаться вверх-вниз. Женя хихикнула, и он качнулся сильнее, и ещё раз. И, поймав ритм, приподнял и посадил Женю на себя, войдя сразу и точно. Женя ахнула и засмеялась.

– Тебе нравится? – обрадовался Эркин, усиливая размах и силу удара.

Руки Жени обвились вокруг его шеи. Под рубашкой становилось душно, и Эркин, одной рукой прижимая Женю к себе и продолжая качаться, другой рукой начал собирать рубашку и подталкивать её кверху.

– Как это у тебя здорово получается, – смеялась Женя.

– Мм-м, – согласился Эркин.

Волна была рядом, но он старался удержать её. Наконец

ему удалось справиться с тонкой, но непослушной тканью.

– Так лучше, Женя, да?

– Ага, спасибо.

Осторожно, чтобы не разорвать замок, Эркин вместе с Женей опустился на постель.

– А так?

– И так, – согласилась Женя. – И этак... и по-всякому.

– Понял, – Эркин перевёл дыхание, слегка подвинулся, чтобы Жене было удобнее. – Значит, по-всякому. Сделаем, – и, по-прежнему прижимая Женю к себе и не разрывая замка, перекатился по кровати к одному краю, потом к другому.

Женя смеялась, целуя его в щёки и губы, её волосы метались вокруг их голов. Эркин выгнулся на арку, подбросил Женю сильным толчком и снова перекатился, навис над ней, упираясь локтями в кровать, чтобы только касаться, чтоб грудь о грудь, но не придавить, и ударил ещё раз, уже в полную силу и на всю длину, и ещё... Женя ахнула, потянула его на себя, и Эркин ударил ещё сильнее. Чёрно-красная волна ударила ему в спину, прижимая к Жене.

– Женя... – ахнул он.

– Эркин, я здесь, Эркин...

Волна била его по спине и затылку, и он, прикрывая Женю собой, уже не помнил и не понимал ничего, кроме одного: Женя с ним, здесь и сейчас...

...Обычно Женя засыпала первой, но сегодня, когда волна отпустила его, Эркин не то что заснул, а отключился. При-

поднявшись на локте, Женя рассматривала его. Будто впервые видела. Как тогда, в самый первый раз. И свет, как тогда, розовый, и... и всё другое, а Эркин... какой он красивый, сильный... чёрные блестящие волосы прядью на лбу, красивые свободно раскинувшиеся брови, от густых ресниц тень на щеке, шрам белой полоской совсем не портит, красивые мягко сомкнутые губы... она знала, как легко он просыпается от её взгляда, но не могла оторваться... сладкая усталость во всём теле, блаженный покой... кожа Эркина влажно блестит...

Эркин вздохнул и потянулся, перекатились, вздуваясь и опадая, мышцы на его груди и животе, улыбнулся, не открывая глаз. Женя кончиками пальцев погладила его по лицу, обводя контур скулы и подбородка. Эркин из-под ресниц лукаво посмотрел на неё, качнул головой, чтобы её палец коснулся его рта, и губами поймал его.

– Подловил? – рассмеялась Женя.

– Ага, – согласился с очевидным Эркин, правда, для этого, ему пришлось отпустить её палец. – А теперь скажи, что я провокатор и придуши меня.

– Ты мазохист.

Эркин кивнул.

– Ты меня уже так называла. И что это?

– Ну-у, – Женя, к удивлению Эркина, вдруг заговорила по-английски. – В колледже на курсе психологии нам говорили, что это человек, который любит, чтобы его мучили.

– Такое бывает? – удивился Эркин.

– Он от этого получает сексуальное удовольствие.

Эркин уже открыл рот, чтобы сказать, что такого быть не может, вот сами мучить любители есть, это да, и у него однажды такое было, так в него ногти засадила, что он не выдержал и заорал, а она ещё укусить его успела, хорошо, что не до крови, и надзиратель пришёл, сказал, что если миледи такое нужно, то пусть в О-Палас идёт, а здесь материал не портит, словом, обошлось, но не Жене о таком слушать.

Женя погладила его по груди и животу, тронула пальцем его губы.

– Конечно, нет, Эркин, никакой ты не мазохист, – и поцеловала его. – Ты здоровый, и сильный, и красивый, и умный...

– И как это всё во мне помещается? – вздохнул Эркин так серьёзно, что Женя залилась смехом и долго не могла успокоиться.

Было уже совсем поздно, за полночь перевалило, когда они наконец улеглись спать, укутав друг друга и обнявшись. И вроде только-только закрыли глаза, как в дверь забарабанила Алиса.

– Мама, Эрик, утро уже, ну, вы что, весь день спать будете?!

– Алиска, отстань, – Женя зевнула и потянулась. – Иди, сама поиграй.

– Ну, мам, ну, воскресенье, ну, Эрик... Эрик, пойдём тя-

нуться.

Эркин повернулся на живот, потом встал на четвереньки и потряс головой, просыпаясь.

– Сейчас.

– Ага! – обрадовалась Алиса. – Эрик, апусти меня, я покувыркаюсь.

Эркин встал и зашлёпал к комоду, привычными, почти машинальными движениями достал чистые трусы и оделся. Женя ещё лежала. Он подошёл к двери и открыл её. Алиса влетела в спальню и с ходу запрыгнула на кровать, кувыркнулась, налетела на Женю и удивилась.

– Ой, мама! А Эрик где?

– Я здесь, – засмеялся Эркин, раздвигая шторы.

За окном шёл дождь, всё было серым и мокрым.

– Гулять, значит, не пойдём, – глубокомысленно заключила Алиса, сидя на кровати. – В кино тоже, да? – и сама ответила: – Ну да, чего мокнуть. А чего тогда делать будем? Андрюху ждать?

– Сегодня он не придёт, – спокойно ответила Женя. – Ты же тянуться хотела, ну, так иди, переоденься.

– Ага!

Алиса спрыгнула с кровати и убежала, а Женя встала и подошла к Эркину.

Он стоял у окна, где его застали слова Алисы об Андрее, и глядел на улицу, хотя любоваться там было нечем. Женя сзади обняла его, коснулась щекой его спины между лопат-

ками.

– Всё будет хорошо, Эркин.

Он кивнул.

– Спасибо, Женя, – откашлялся, прочищая горло. – Ты ложись, поспи ещё.

– Нет, – Женя, привстав на цыпочки, поцеловала его в шею, в корни волос на затылке. – Утро так утро.

В спальню опять влетела Алиса, уже в трусиках и маечке.

– Эрик, я уже! Пошли!

– И я уже, – засмеялся Эркин. – Женя, мы пошли.

Алиса уцепилась за его руку, и они ушли в большую комнату. Женя оделась и захлопотала, наводя порядок в спальне.

За окном по-прежнему шёл дождь. Конечно, никуда они сегодня не пойдут, проведут воскресенье дома. А вечером, может, в гости к кому-нибудь в доме пойдут, или к ним придут, или ещё что-нибудь придумают. А придумать надо, а то Эркин ведь изведётся от ожидания.

Как обычно, быстро всё сделав, Женя пришла в большую комнату к Эркину и Алисе, немного позанималась с ними и увела Алису, чтобы Эркин мог спокойно в одиночестве закончить свою гимнастику.

Потом завтракали, а впереди было ещё всё воскресенье.

Царьград

Гостиный Двор потряс Андрея. Таких толкотни, много-

людыя, обилия товаров и высоких цен он ещё нигде и никогда не видел.

– Цены здесь...

– Столичные, – улыбнулся Бурлаков.

Они сидели в маленьком кафе на галерее второго этажа, за столиком у самых перил.

– И это всегда здесь такое?

– В будни народу больше.

– Надо же, – покрутил головой Андрей и повторил: – Себя потеряешь и не заметишь, когда.

Бурлаков кивнул.

– Да, но можно привыкнуть. Человек ко всему привыкает.

Лицо Андрея помрачнело.

– Это ты точно сказал, ко всему, – зло вскинул глаза. – А я привыкать не собираюсь. Из Загорья не уеду, понял, нет?

– Мы об этом уже говорили, – внешне спокойно ответил

Бурлаков. – Раз тебе там нравится...

– Там моя семья, запомни, – перебил его Андрей.

– Да, я знаю. Но это теперь и моя семья. Тоже запомни.

Андрей усмехнулся.

– Хорошо отбиваешься. Ладно. Так что, может, ты к нам переедешь?

– Здесь у меня университет, лекции, ещё семинар буду вести, комитет.

– Это понятно, и всё? – глаза у Андрея насмешливо блестя. – Больше ничего и никого?

Бурлаков пожал плечами.

– Есть друзья, есть сотрудники.

– И всё? – Андрей нахально подмигнул. – Я ж помню, – и пропищал: – Горя, не волнуйся. – И своим голосом с подчёркнутой деловитостью: – Ты всё ещё с ней или заменил?

– Это тебя не касается, – твёрдо ответил Бурлаков. – Не твоё дело. Запомни.

Андрей зло сощурил глаза, но промолчал и наконец при-
нуждённо улыбнулся.

– Ладно, бери себе это сокровище, не претендую.

– В это не лезь, – глухо сказал Бурлаков. – Больше предупредить не буду.

– Понял, не глухой, – буркнул Андрей.

Под ними море голов, шарканье ног по полу и гул голо-
сов, в котором неразличимы слова. Андрей смотрел на эту
суету, явно думая о своём, лицо его стало усталым и даже не
взрослым, а старым. Бурлаков также молча смотрел на него.
Если бы он мог...

– Ладно, – Андрей тряхнул головой. – Ладно, замнём для
ясности. Так, когда тебя ждать?

– Недели через две. Сегодня седьмое...

– Ещё две недели, и как раз двадцать первое. Впритык
хочешь:

– Постараюсь пораньше. Я дам телеграмму.

– Замётано, – кивнул Андрей и посмотрел на часы.

– Успеешь, – заметил его движение Бурлаков.

– Да, успею. Слушай, а вот бельё, сразу полудюжину брать не дорого? Ну, не чересчур это тебе?

– Есть у меня деньги, – успокоил его Бурлаков. – А у тебя...

– У меня ссуда за спиной, – усмехнулся Андрей. – На обзаведение. И зарабатываю я прилично.

– Это рабочим в цеху?

– Ну, – Андрей широко ухмыльнулся, – если с умом трахать. А то вот ещё если на дороге валяется, то не грех и подобрать.

Бурлаков невольно напрягся.

– И всё, что лежит, хватаешь?

Лицо Андрея стало демонстративно простодушным до идиотской наивности.

– Мина если, так пусть себе и лежит, дурака ждёт.

Бурлаков чувствовал, что Андрей чего-то недоговаривает, но настаивать не рискнул. И, боже мой, о каких незначущих глупостях они говорят, но о главном... язык не поворачивается. Да и что сейчас самое главное?

Андрей допил свой чай, улыбнулся уже по-другому.

– Давай теперь на вокзал. Мне ещё билет брать.

Бурлаков невольно вздохнул. Время не остановить. А они и не поговорили толком. И вот... уже пора.

– Да, пойдём.

Бурлаков подозвал официанта и расплатился. Андрей взял свою потяжелевшую сумку, ещё раз сверху вниз огля-

дел суетящуюся внизу толпу и встал.

Они, не спеша, неся на руке – Андрей свою куртку, а Бурлаков пальто – прошли между столиками к выходу и дальше по галерее.

– Тебе хватит на дорогу?

– Вполне, – Андрей насмешливо хмыкнул. – Я ж тебе сказал, что кой-чего на дороге подобрал. Так что на всё хватит и ещё останется. Не бойсь, всё нормально будет.

Бурлаков кивнул так спокойно, будто все эти выпады и закидоны совсем не смущали его. И Андрей решил попробовать добавить.

– Могу и тебе подкинуть.

И услышал насмешливое:

– Я и сам неплохо зарабатываю.

Андрей посмотрел на него с насмешливым удивлением.

– Ты чего, псих? Кто ж от денег отказывается. Или, – он зло сощурил глаза, – брезгуешь?

– Не дури.

– Я от тебя со вчера только это и слышу, – огрызнулся Андрей. – Ничего другого придумать не можешь?

– А ты веди себя по-другому, – немедленно отпарировал Бурлаков.

Андрей хмыкнул, но промолчал. У лестницы они оделись и спустились вниз.

– Ещё что-нибудь посмотришь?

– Нет, лучше пройдемся. До вокзала пешком можно?

– Да, вполне.

После Гостиного Двора на улице было просторно и даже вроде тише. Андрей с удовольствием огляделся.

– Жалко, Крепость не успел посмотреть.

– Ничего страшного, в другой раз туда пойдём, – очень спокойно, даже небрежно ответил Бурлаков.

Андрей покосился на него и улыбнулся.

– Замётано. В другой раз сразу туда.

Улыбнулся и Бурлаков.

До Северного вокзала дошли до обидного быстро. Вокзальная площадь, как и положено, забита автобусами и людьми, лавируют, покрикивая короткими резкими гудками, юркие машины такси, кричат, проталкиваясь в толпе, разносчики, толчая, суматоха... похлеще, чем в Гостином.

Но у касс дальнего следования стало заметно свободнее. На Ижорск билеты были.

– Купейный или общий?

Андрей залихватски тряхнул шевелюрой.

– Где наша не пропадала! Давайте общий.

– Чего ж не в мягком? – попробовал пошутить Бурлаков.

Андрей улыбнулся, но ответил серьёзно.

– В мягком я сюда ехал. Не мой класс, выделяюсь сильно.

Моя плацкарта общая.

– Нижний боковой возьмёте?

– Да, – сразу, не задумываясь, ответил Андрей.

– Четырнадцать семьдесят.

Андрей расплатился и спрятал билет в бумажник. Поглядел на часы.

– Полчаса осталось. Пошли, закину сумку, и попрощаемся.

Бурлаков кивнул.

Поезд уже стоял у перрона, и вдоль него тянулась цепочка прощающихся. Вот и двенадцатый вагон, проводник у двери посмотрел билет Андрея и пропустил их внутрь. Вагон полупустой. Андрей нашёл своё место, засунул сумку под сиденье, снял и повесил на крючок куртку. Верхняя полка поднята.

– Посидим или как?

Сели напротив друг друга. Андрей вытащил из кармана и бросил на столик пачку сигарет.

– До свадьбы я уже не выберусь, не хочу школу пропускать.

– Да, конечно, – Бурлаков сглотнул шершавый комок в горле. – Ты можешь звонить, вечером я дома.

– Вечером это во сколько?

– После девяти. Вот телефон.

Андрей усмехнулся, разглядывая визитку. Хотел сказать, что эта у него уже третья, так и коллекция наберётся, но промолчал. Говорить о Фредди рано, а о Степане Медардовиче неохота.

– Ладно. Замётано. Так ты приедешь?

– А как же, – Бурлаков старался улыбаться. – Я же обещал.

– Тогда ты тоже обещал, – совсем по-детски вырвалось вдруг у Андрея. – Что всё будет хорошо, что будет, как раньше, а получилось...

– Это война, пойми...

– А что же ещё, ладно, знаю, – Андрей досадливо дёрнул плечом и резко сменил тему. – Рожки не потаят?

– Упаковка надёжная, не беспокойся. От окна будет дуть.

– Ништяк, не бери в голову.

Бурлаков кивнул.

По вагону прошёл проводник.

– До отправления пять минут.

Бурлаков и Андрей одновременно встали.

– Не выходи, ещё отстанешь.

– Ништяк – тупо повторил Андрей.

Они прошли к выходу, и уже в тамбуре Бурлаков, мягко надавив ладонью, остановил Андрея.

– Нет, не выходи.

У Андрея дрогнули губы.

– Ладно.

В вагон влезала нагруженная чемоданами и сумками пара, Андрея и Бурлакова толкнуло, притиснуло друг к другу, и объятие вышло вынужденным.

– Провожающие, выйдите на перрон, отправляемся.

Бурлаков отпустил Андрея.

– До свидания, я приеду, как договорились.

– Ага, – хрипло выдохнул Андрей.

– Прошу, – голос проводника вежливо настойчив.

Пропустив Бурлакова на перрон, он остался стоять в дверях. Из-за его спины Андрей, прикусив изнутри губу, смотрел на Бурлакова. Поезд дрогнул и медленно двинулся. Бурлаков быстро пошёл, стараясь держаться вровень с вагоном. Андрей медленно, как через силу, поднял руку, то ли прощаясь, то ли останавливая. На его лице влажно блестели две дорожки на щеках, и это было последним, что увидел Бурлаков, не сразу поняв, что Серёжа плачет. Поезд набрал ход, и, уже не поспевая за ним, Бурлаков остановился. Зачем-то снял шляпу и взмахнул ею, хотя видеть его Серёжа уже никак не мог. И так, с обнажённой головой, и стоял на перроне, пока не скрылся из виду хвостовой вагон.

Поезд Царьград – Ижорск

Проводник закрыл дверь и запер её свои ключом.

– Я покурю здесь, – сдавленно, перехваченным горлом сказал Андрей.

– На здоровье, – с вежливым равнодушием ответил проводник и ушёл в вагон.

Андрей похлопал себя по карманам в поисках сигарет, вспомнил, что оставил пачку на столике в вагоне, и выругался. Обычно ругань помогала успокоиться, но сейчас почему-то не сработало. Разревелся, как мальчишка, будто и впрямь... ладно, авось профессор не заметил, а то ещё во-

образит себе невесть что. Он ещё постоял в тамбуре, пока не почувствовал, что щёки высохли, и тогда открыл дверь вагона.

Койка над его местом оставалась поднятой, а на столике пачка сигарет лежала, как он её оставил. Андрей сел по ходу, чтобы смотреть вперёд, а не назад, и закурил. Вокруг суетились, укладывая и размещая вещи, проводник собирал билеты. Отдавая свой, Андрей спросил о чае.

– Как управлюсь, подходи со своей посудой, – ответил проводник.

Ну, правильно, это тебе не мягкий вагон со всякими барскими штучками. Андрей вытащил из-под скамейки сумку, достал кружку, коробку с бритвенным прибором. Хорошо, что ещё там, в магазине, возясь с покупками, переложил всё нужное в дороге наверх. Так, а жилет тоже лучше наверх, едет-то на север, вот так, покупки все вниз, а между ними свёрток с «подобранными» деньгами, а что, ведь не соврал, шальные же деньги, как скажи с неба упали, три сотни он вынул и переложил в бумажник утром, вот на всё и хватило, и осталось, в Ижорске будет в два с минутами, так что там зайти и купить себе зимнего, там, говорили, военным торгуют, нет, армейским, война-то тю-тю, когда уже кончилась, и лёгчицкую куртку можно задёшево взять, ну, посмотрим, как получится.

Он убрал сумку обратно, сел и уже спокойно огляделся. Да, эта публика ему под стать, здесь он на месте, в общей –

усмехнулся – шеренге. В отсеке напротив то ли семья, то ли просто компания дружно сооружает общий стол из всякой немудрёной снеди, по проходу пробежал, переваливаясь, ребёнок, толстый от купленного явно на вырост пальто, и женский голос раздражённо прикрикнул на него, кто-то взалёб смачно ржал, тяжело стукнул об пол упавший чемодан, и его обругали зло, но незатейливо, ругателю тут же предложили заткнуться, а то и женщины вокруг, и дети... Словом, обычная жизнь обычных людей.

За окном бесконечные пригороды, заводы, жилые кварталы, деревья... Стремительно темнело, и Андрей разглядывал уже своё отражение.

– А вот пирожки, куры копчёные, колбаса... – выпедала женщина в белой куртке, толкавшая перед собой по проходу двухэтажный столик на колёсиках.

Андрей достал бумажник. Особо есть не хотелось, но чем-то же надо занять себя, да и психанул он, а псих лучше всего заедать. Он купил курицу и булку, уже нарезанную ломтями, сходил к проводнику за чаем. Сахар и печенье здесь, как в мягком, на столах не лежали, тоже у проводника брать надо. Взяв пакетик сахара на два куса и маленькую пачку печенья, Андрей вернулся к себе и стал устраиваться уже основательно. Каждый сам за себя, один бог за всех, а его-то и нетути. Промасленная бумага от курицы вместо скатерти, столовый нож – ещё в Атланте в лагере покупал в дорогу, есть хлеб – заедать курицу и руки вытирать, дымящийся чай

в кружке. Андрей ел не спеша, разглядывая темноту за окном. Рядом уже шумно чокались и рассказывали друг другу какие-то длинные непонятные истории. Вагон шумел ровным, сытым гулом. И Андрей чувствовал, как его отпускает страшное напряжение этих дней. Да, он всё сделал и сделал правильно, и ни о чём не жалеет. И помирился, и себя отстоял, и Эркина не подставил. Теперь, если что, то профессору придётся Эркина защищать, никуда председатель не денется. А случиться может что угодно. Потеряет вот так голову и спечётся, сгорит синим огнём, а Эркин тогда ведь за него тоже на всё пойдёт... ладно, выстрела не слышал, так о пуле не думай. Всё тип-топ, век воли не видать, едет домой не прожившись, а нажившись. И гостинцев полна сумка, и подарков...

...Одуряюще сладкие запахи, многоцветье коробочек на витрине.

– А это что такое?

– Рожки цареградские, – смеётся продавщица. – Сколько возьмёте?

– Каждого по дюжине, – сразу отвечает он.

И перед ним громоздятся коробочки, наполненные светло-жёлтыми, изогнутыми действительно как бычьи рога, тестяными конусами с изюмом, с орехами, с разными кремами, с кокосовой стружкой, и ровно по двенадцать в каждой коробочке, десять рублей коробка. Такого в Загорье и не видели, и не едали, это он точно знает...

...Пёстрая россыпь обложек книжного развала. Глаза разбегаются, всего бы набрал, и того, и другого, и третьего. Алисе – сказки, Жене... кулинарную энциклопедию, Эркину, чёрт, надо же такого, чтобы брату по душе пришлось, чтоб... о, Шекспир, сонеты, и на русском, вот это то, что надо, Эркин любит стихи, а вот он ещё антологию возьмёт, вот эту, да, «Русская поэзия, слово сквозь века». И себе... историю искусств, живопись, больно картинки хороши...

...Андрей улыбнулся воспоминанию. Сам себя за шиворот из магазина вытащил. И всё равно, уже в самом конце с лотка купил ещё о Царьграде большую книгу, с массой фотографий и рисунков. А потом ещё всякой мелочёвки: на стол поставить, на стенку повесить, Алиске ещё ленты узорчатые, уже в банты собраны с резинкой и заколкой, чтоб за волосы цеплять, Эркину перчатки, кожаные тёплые, ну, и себе такие же, а Жене шарф на шею, в загогулинах, как на том, памятном с детства, ковре...

...Он небрежно, скрывая нахлынувшее, спрашивает:

– Это называется как-то? Ну, узор, не знаешь?

И спокойное:

– Знаю. Индийские огурцы...

...Всё-то профессор знает, и спокойный, как удав, хорошо удар держит. Ни во что не вмешивается, советует только, когда спросят, а вот смотрит, не отрываясь. Вот тут чудом не сорвался. Но... сам пришёл, так что и претензии предъявлять некому. Ладно, обошлось и ладно. Курица какая мя-

систая, с жирком, и чай хороший, так чего ещё для жизни надо? Пожрал – поспал, поспал – пожрал. И в могилу лёг. Сытым брюхом и чистой совестью.

Съев курицу, Андрей вытер жирные пальцы о хлеб, съел и его и допил чай. Свернул бумагу вместе с костями в аккуратный свёрток и пошёл в уборную. Вагон уже затихал, готовясь ко сну, и на обратном пути Андрей зашёл к проводнику за постелью. Тюфяк, подушка и одеяло. И аж две простыни с полотенцем, а подушка уже в наволочке. Не мягкий, но лучше, чем в тех, весенних поездах, когда он ехал от Рубежина в Загорье. Он опустил столик и развернул постель. Бриться на ночь он не будет: нечего выпендриваться, да и устал. Несмотря на простыни решил не раздеваться, чтоб опять же не показать себя кому-то излишне глазастому да наблюдательному. Профессора вон как от его шрамов шарахнуло, аж тарелку разбил. Андрей разулся, вытянул рубашку из джинсов, расстегнул её, расстегнул джинсы и залез под одеяло, вытянулся на спине. Ну, вот день и закончился, а до чего ж длинный, стервец, выдался.

Царьград

Проводив поезд, Бурлаков повернулся и медленно, всё ещё неся шляпу в руке, пошёл к выходу. Вокруг обычная вокзальная суета, подошёл пригородный поезд, и на перрон хлынули вернувшиеся с дач и пикников, нагруженные сум-

ками, рюкзаками, удочками и детьми, но его всё это никак не касалось и не задевало. Так же машинально, ничего и никого не замечая, он прошёл через вокзал на площадь и влился в обычную цареградскую толчею. Его обогнала женщина, тащившая за руку мальчика в «ну, совсем как настоящем» морском бушлате. Из-под шапочки-бескозырки выбивались на лоб светлые кудряшки. Малыш загляделся на Бурлакова и чуть не упал. Бурлаков улыбнулся ему. Ну, до чего похож на Серёжу, даже щербинка во рту такая же. И странно. Ведь два дня назад это бы не то что обидело, а... раздражило. Бурлаков улыбнулся своему удивлению и прибавил шагу.

Он шёл легко и уверенно, будто и не было этих сумасшедших, невероятных суток. Ни вспоминать, ни даже думать он не мог и не хотел. Просто идти, дышать осенним горьковатым от запаха палой листвы холодным воздухом... Бурлаков вдруг сообразил, что всё ещё несёт шляпу в руке и надел её.

Шёл вроде бы наугад, не глядя и не думая, а пришёл к дому. Закинув голову, Бурлаков нашёл окна Маши. Синичка дома. Отлично. Он, игнорируя лифт, по-молодому быстро взбежал по лестнице на её этаж, даже не поглядев на свою дверь и нашаривая в кармане ключи.

Но его ждали. И, как только он вставил ключ в скважину, замок открыли изнутри.

– Наконец-то!

– Здравствуй, Маша.

Она обняла его, вдёрнув в квартиру. Бурлаков ударом каб-

лука прихлопнул дверь, поцеловал в щёку возле уха.

– Ну, как ты?

– А ты как? Я так волновалась, Гаря, что это было?

– Маша, Машенька, – шептал он, уткнувшись лицом в её волосы. – Только не спрашивай меня, не могу я, ни о чём не спрашивай, всё хорошо, но не могу...

– Хорошо, Гаря, хорошо, как ты скажешь...

Она ещё раз поцеловала его, улыбнулась, смаргивая выступившие слёзы, и слегка отстранилась.

– Ты наверняка голодный, раздевайся, сейчас чай будем пить, и у меня пирог в духовке.

– Я обедал, – Бурлаков расстегнул пальто и стал раздеваться. – Но от твоего пирога никогда не отказывался и не откажусь.

Он был уверен в ней. Зинька всё понимает и держит слово. Конечно, он расскажет, но не сейчас, а... после свадьбы. Да, именно так, вот съездит в Загорье, отпразднует свадьбу... своего старшего, кажется, индеец старше Серёжи, да, правильно, Эркин, надо приучить себя называть его по имени даже в мыслях, наладит там отношения, и тогда всё расскажет. Но не всем, а только кому можно и – правильно! – нужно. А сейчас даже и нечего рассказывать, всё так зыбко, неустойчиво.

– Гаря!

– Иду.

Он стряхнул с рук капли воды, вытер лицо и руки, повесил

и аккуратно расправил полотенце.

– Машенька, ты волшебница, от одних запахов голова кругом.

Она счастливо и смущённо засмеялась. Цену своим кулинарным талантам она знала, но он всегда так хвалит её стряпню... поневоле согласишься, что и впрямь хорошая хозяйка.

Бурлаков ел, восторгаясь каждым куском. Таким беззаботным Мария Петровна его ещё не видела. Даже в Победу. Ну, и отлично. От добра добра не ищут. И она так же беззаботно болтала о всяких житейских мелочах. Да, конечно, он расскажет ей, как обещал, потом, он всегда выполняет свои обещания. Даже невыполнимые.

Загорье

Несмотря на плохую погоду воскресенье и без прогулки шло очень весело. Они даже в гости ходили.

Обычно Женя ходила к Норме одна, но сегодня – воскресенье и вообще... Эркин, разумеется, спорить не стал, а Алису не спрашивали. Эркин переделался в хорошие брюки, полуботинки и белую рубашку.

– Вот так. И джемпер ещё. И всё прекрасно, – Женя поправила ему воротничок, погладила прядь на лбу и поцеловала в щёку. – Чудно выглядишь.

– Иди чудно? – попробовал пошутить Эркин, осторожно обнимая Женю.

Женя фыркнула и ещё раз поцеловала его.

– Чудно! Алиса, ты готова:

– Давно уже, – мрачно ответила Алиса.

Перспектива идти в гости к учительнице её мало радовала. Нет, мисс Джинни – училка что надо, и по английскому одни пятёрки, но она её в школе каждый день видит, и это ж как себя вести хорошо придётся, ну, никакого удовольствия от гостевания не получишь.

К радости Алисы и тайному облегчению Эркина, Джинни дома не было. Пошла к подруге – объяснила Норма, искренне обрадовавшаяся гостям. Женя вручила баночку «своего» клубничного варенья. Норма рассыпалась в благодарностях. Чай у неё уже был готов, место у камина нашлось всем. И всё было очень мило и прилично.

Стеклянный шкаф-горка с фарфоровыми и стеклянными фигурками давно притягивал Алису. Женя кивнула, и Норма с улыбкой согласилась с ней.

– Конечно, Элис, посмотри.

Алиса поставила свою чашку на столик и встала. Пока она рассматривала коллекцию Джинни, за столом шёл тот же милый разговор о всяких загорских и домовых новостях. Среди прочего Норма спросила об Андрее.

– Он поехал в Царьград, – спокойно ответила Женя.

Норма кивнула, и разговор пошёл дальше. Эркин чинно пил чай и больше слушал, чем говорил. Всё-таки Норма хоть и соседка, а леди, и её английский не давал ему забыть об

этом и почувствовать себя свободно. Но раз Женя довольна... разговор его никак не задевал, чай был вкусным, бисквиты тоже, хотя у Жени печенье лучше.

Рассмотрев зверюшек, Алиса отошла к пианино. Здесь тоже стояли всякие интересные вещицы.

– Ты умеешь играть, Элис?

– Нет, мэм, – вежливо ответила Алиса. – Но я учусь петь.

– И какую песню ты выучила?

Норма встала и подошла к пианино, открыла крышку и села.

– Ну-ка, спой, Элис, я подыграю тебе.

– Вы умеете играть? – удивилась Женя.

– Когда-то училась, – Норма перебирала клавиши мягкими гладящими прикосновениями. – Потом подбирала по слуху. Ну, Элис, – Норма подбадривающе улыбнулась стоящей рядом белокурой синеглазой девочке в платье из красно-синей шотландки, словно сошедшей со страниц старинной детской книжки.

Алиса посмотрела на Женю и Эркина, вздохнула и запела. Из уважения к Норме и памятуя о главном правиле вежливости: говорить на том языке, на котором к тебе обратились – по-английски. Песенку про медвежонка, что хотел съесть луну и спрашивал у мамы-медведицы, из чего на сделана.

Когда песня закончилась, все ей похлопали, и она поклонилась, как на сцене.

– Очень хорошо, Элис, – Норма ещё раз хлопнула в ладо-

ши. – Очень хорошо поёшь.

– А Эрик ещё лучше поёт, – вдруг выпалила Алиса.

– Оу?! – удивилась Норма. – Вы поёте?

Эркин смущённо кивнул.

– Спой Шекспира, Эркин, – попросила Женя.

И это решило дело.

Норма была настолько поражена его голосом и пением, что даже растерялась и только почти машинально поддерживала аккордами. А Эркин никак не ждал, что её удивление и восторг будут настолько приятны. Он пел, а Алиса, стоя рядом и прислонясь к его плечу, тоненько подтягивала. Женя, подперев кулачком подбородок, влюблённо смотрела на них.

Спев с десятков сонетов, Эркин решил передохнуть. Норма с сожалением опустила крышку и вернулась к столу.

– Чай остыл. Я сейчас подогрею.

– Нет, спасибо, – улыбнулся ей Эркин, пение успокоило его, позволив избавиться от напряжения. – Так даже лучше.

– Давайте, я ещё вам налью, – потянулась к его чашке Норма. – Вы учились петь?

– Да нет, спасибо, – Эркин принял чашку и отпил. – Так, запоминал с голоса, и всё.

– У вас прекрасный голос, – убеждённо сказала Норма. – И слух хороший. Вам надо учиться петь. По-настоящему, понимаете?

– Мне моей школы хватает, – рассмеялся Эркин.

Поболтали ещё немного, и Женя стала прощаться.

Дома Женя сразу поцеловала дочку.

– Я себя хорошо вела? – сразу уточнила Алиса.

– Да.

– И что мне за это будет?

Женя рассмеялась.

– А если за просто так?

– Задаром одни неприятности, – серьёзно ответила Алиса.

Эркин невольно фыркнул, но Женя так же серьёзно сказала:

– Кто просит, тот получит.

И на том все разговоры о плате за хорошее поведение закончились. А воскресный вечер – это не субботний. Впереди не выходной, а рабочая неделя, и всё уже соответственно. Конечно, они и поужинали, и поиграли немного, и всё было хорошо и как положено.

Наконец, Алиса уложила кукол, собрала на завтра свой рюкзачок, совершила все вечерние умывальные ритуалы и легла.

– Целуйте меня, – распорядилась она уже с закрытыми глазами. – Я спать буду.

Женя тихонько рассмеялась, целуя её в щёку.

– Спокойной ночи, маленькая.

За Женей наклонился над ней Эркин.

– Спи, маленькая. Спокойной ночи.

– И всем спокойной ночи, – совсем сонно ответила Алиса.

Когда они вышли из комнаты Алисы, погасив ей свет и за-

крыв за собой дверь, Женя внимательно посмотрела на Эркина.

– Всё будет хорошо, Эркин.

– Да, Женя, я знаю, – он старательно улыбнулся ей.

За вечерней «разговорной» чашкой говорили об обычных хозяйственных хлопотах, и что Эркину нужно купить себе новую шапку-ушанку, а прошлогоднюю сделать рабочей.

– Женя, а тебе?

– У меня всё есть.

– А валенки?

– Они мне не нужны. На работе тепло, а по городу ходить сапоги и удобнее, и, – Женя улыбнулась, – и красивее.

– Хорошо, – не стал спорить Эркин. – В большую комнату будем камин покупать?

– Знаешь, я думаю, не стоит. Красивый буфет, горку... так нам туда и ставить пока нечего. Диван если только, с креслами и маленький столик, – рассуждала Женя. – И под проигрыватель тумбу.

Эркин согласно кивал.

– Пойдём в отпуск и займёмся, так?

– Конечно. Всего неделя осталась, это же не к спеху.

– Ну да, Женя.

Эркин отхлебнул чаю. Обычный разговор, обычный вечер. Всё хорошо, и, если бы не тревога за Андрея... Андрей обещал вернуться. И сдержит слово, он знает Андрея, но если там обернётся всерьёз, а Андрей удержу не знает, зарыва-

ется, заигрывается, а какие игры у мышки с кошкой известно...

Но вслух об Андрее они не говорили, допили чай и легли спать. Обычный вечер, конец одной недели и начало следующей.

Поезд Царьград-Ижорск

Поезд шёл быстро, подрагивая на рельсовых стыках и слегка раскачиваясь. Андрей лёг ногами по ходу движения: плевал он на приметы, а вот, если тормозить будут, то лучше ногами пружинить, а не головой биться. Спал он крепко, без снов, но и сквозь сон чувствуя чьи-то шаги и голоса. Его это не касалось, и он не просыпался. А когда наконец открыл глаза, то было уже светло. Но свет серо-голубой, предутренний, и шум ещё ночной.

Полка над ним была опущена, и оттуда слышался храп. Значит, ночью останавливались и подсаживались. А он и не проснулся. «Крепко спать стали, Андрей Фёдорович», — упрекнул он себя, но не всерьёз. Предчувствие опасности никогда не подводило его, а сейчас молчит. Значит, безопасно, и нечего трепыхаться. Он зевнул, аккуратно, чтобы ничем ни обо что не стукнуться, потянулся и посмотрел на часы. Полвосьмого. А за окном что?

Андрей сел и отодвинул занавеску. В сером мареве тёмный еловый лес, серо-бурые лоскуты полей. Смотри-ка, за

два дня уже как всё облетело. Вставать не хотелось. Хотя... хотя нет, сейчас начнут вставать и ходить, а лежать на пути, у всех под ногами, не-ет, это мы знаем и этого нам никак не надо. Андрей откинул одеяло и сел, спустив ноги. Нашарил под полкой свои ботинки – рядом стояли ещё чьи-то, наверное, спящего наверху, а под другим концом полки то ли чемодан, то ли обтянутый брезентом ящик – и обулся. Ну вот, можно теперь и красоту наводить.

Андрей взял коробку с бритвенным набором, полотенце и пошёл в уборную.

Угадал он точно. К его возвращению вагон уже просыпался, а проводник бросил на ходу:

– Если спать больше не будешь, постель занеси.

– Ладно, – не стал спорить Андрей.

А из тамбура уже врывалась тётка в белой куртке со столиком на колёсах.

– Молоко, булочки, бутербродов кому...

Точно, утро. Андрей поднял и закрепил столик, взял себе молока и пару бутербродов. Мимо ходили заспанные то весёлые, то озабоченные люди. Постель он скатал и отнёс проводнику. А когда вернулся, верхняя полка уже опустела. Андрей удобно расположился за столом опять по ходу поезда и приступил к завтраку, разглядывая уже совсем облетевший, тёмный от множества елей лес за окном. Ел он, не спеша, правда, и без особого смакованья. Но после вчерашнего столичного разгула смаковать-то и нечего. Обедали в дорогом,

как он сразу понял, трактире, и чего только не было на столе, и рыбное, и мясное, и солянка сборная, и закуска всякая, и каша не абы какая, а «царская» – сладкая манная каша с вареньем, цукатами и сливками – напоследок. И вкусно всё до обалдения, и порции – дай боже. Хлёбова – так до краёв, поджарка мясная горкой, да всего от пуза. А потом ещё в Гостином Дворе чаем баловались. С пикантными и деликатесными эклерами. Вот этих, жаль, не купил, но их не довезёшь. На месте делают, и больше десяти часов они не лежат, а ему только до Ижорска двадцать часов ехать. Дорогие, стервы, конечно, но и вкусны! Да-а, вогнал он профессора в расходы, что и говорить, ну, авось тот не обеднеет, холодильник набит, так что в магазин пару дней не сходит, перебыётся и войдёт в норму.

Доев, Андрей достал сигареты и закурил, стряхивая пепел в картонный стаканчик из-под молока. За окном шёл дождь, и стекло быстро стало мутным от капель и струек, и всё тот же лес то вплотную к дороге, то отступает, открывая поля, серые мокрые крыши над серыми домами.

– А смотреть-то и не на что!

Немолодой краснолицый мужчина грузно сел напротив Андрея.

– А чего ещё делать? – холодно улыбаясь, ответил Андрей.

– Давай знакомиться, попутчик, – мужчина протянул над столом короткопалую широкую ладонь. – Геннадий Вадимыч, а можно и Дядя Гена.

– Андрей.

Руку ему пожали крепко, явно проверяя, и Андрей ответил в полную силу.

– Могёшь, – удовлетворённо кивнул Геннадий Вадимыч. – Где вкальываешь?

– В цеху, – усмехнулся Андрей, не вдаваясь в детали.

– А я на своём деле, но тоже, – попутчик потряс над столом руками, – всё сам и своими, наёмных не держу.

– Невыгодно или не доверяешь?

Тот кивнул и достал сигареты.

– И то, и другое, и всё сразу. У меня вон, пятеро по лавкам, надо им кое-чего оставить, чтоб не с нуля, как я, когда с войны пришёл, начинали. Логично?

– Вполне, – кивнул Андрей.

Мимо них прошла женщина, бережно неся дымящуюся кружку с чаем.

– В ресторан пойдёшь? – предложил Геннадий Вадимыч.

Андрей мотнул головой, отказываясь. Хватит с него ресторанов и знакомств. Попутчик не обиделся и не обрадовался, по крайней мере, внешне. А молча надел свой пиджак и ушёл, а Андрей снова уставился в окно.

Поезд выехал из-под дождя, встречный ветер высушил стёкла, но вид всё равно заплаканный. Андрей посмотрел на часы. Десять, одиннадцатый... Книжку, что ли, достать? Так неохота лезть в сумку, он её на самое дно засунул, чтоб коробки с рожками не подавила.

Он сидел, неспешно, но и без особого вкуса курил, разглядывая лес, поля, маленькие города и совсем крохотные деревни. И даже мыслей особых не было. Пустота... не страшная, лёгкая пустота. Андрей и не думал ни о чём, просто смотрел и даже не чувствовал ничего. Шум шагов и голосов его не касался, оставаясь чем-то внешним и ненужным. И под стук колёс и летящий за окном лес неощутимо шло время. Светлело и хмурилось небо, начинался и отставал от поезда дождь.

Остановились в каком-то городе. Андрей вместе со многими вышел, накинув куртку, на перрон размяться, купил в киоске газету, потом сидел у окна и читал её. Но никогда потом не мог вспомнить названий ни города, ни газеты, ни о чём читал. Всё мимо, ни до чего ему.

Вернулся из ресторана раскрасневшийся с масляно блестящими глазами Геннадий Вадимыч. Но на этот раз ни с вопросами, ни с рассказами не полез, а взял газету Андрея и углубился в чтение. Андрей совершенно искренне не заметил этого, занятый своим.

Он старался всё-таки разрушить эту странную пустоту или хотя бы наполнить её мыслями о доме, школе, всяких прочих мелочах, даже продумал, что и как расскажет Жене и Эркину, а что только Эркину, но и это так... пузыри на воде. А если всерьёз... Но всерьёз о совершившемся он думать не мог. Слишком глубоко и долго приходилось это прятать. Отец... он ведь и Эркина приплёл, чтобы не остаться

один на один с отцом. И с памятью. Мама, Аня, Милочка, дом на Песчаной и совсем смутно другие, как он теперь понимает, цареградские комнаты, что-то помнится ярко, что-то как сквозь туман, обрывки без конца и начала, нет, без Эркина он с этим не справится, слетит с катушек и вразнос пойдёт. Старший брат, опора во всём, старший брат в отца место, нет, он не пустит Бурлакова, не совсем пустит, не даст тому потеснить Эркина. И Фредди. Без них у него спина открыта, и он опять голым на снегу, мишенью ходячей, нет, Эркин его тогда прикрыл, на ножи за него встал, и потом... сколько всего и всякого у них было. Эркину он о себе такое сказал, чего никто не знает и никому знать не надо. Вот только... прости, брат, но это уже не моя, не только моя тайна, а в остальном... Нет, Эркин, если вдруг выбирать придётся, я тебя выберу. Всегда.

На стекло налипли белые растрёпанные хлопья мокрого снега, и их тут же смыло дождём. Андрей посмотрел на часы. Смотри-ка, а всего ничего осталось. И попугчик куда-то исчез, то ли опять в ресторан, то ли сошёл уже, да были ещё две короткие остановки, ну и хрен с ним, а ему собираться пора. Чтоб спокойно, без спешки и с расстановкой. Он встал и вытащил из-под сиденья свою сумку, достал и бросил на столик жилет, заложил коробку с бритвенными и прочими причинами и, копаясь с ними, незаметно вытащил из свёртка с деньгами и засунул в кармашек джинсов ещё пять сотенных. Больше откладывать покупку зимнего нельзя.

Убрав сумку, Андрей надел жилет и снова сел к окну. Там теснились домишки пригорода, бурые пустые огороды и сады. После Царьграда всё такое мелкое, жалкое...

Загорье

С утра сыпал мелкий дождь, такой холодный, что больше походил на подтаявший снег. Эркин взял с собой узел с зимней робой, натянул поверх шапки капюшон куртки.

– Женя...

– У меня зонтик, не беспокойся. Счастливо, Эркин.

Быстрый поцелуй в щёку, и Эркин ушёл. Женя захлопнула за ним дверь и заметалась в утренних хлопотах. Собрать и одеть Алиску, приготовить всё к обеду, одеться самой.

– Алиса, ты готова?

– Мам, ну, не надо плаща.

– Надо. Застегнись.

Прозрачный плащик-пелерина с капюшоном был последним её приобретением. Алисе он не нравился, так как драться в нём было очень неудобно. И для других не менее интересных дел он никак не подходил. Но спорить с мамой ещё неудобнее.

Женя помогла Алисе натянуть поверх курточки и рюкзака плащ.

– Вот так. И не спорь.

– Я не спорю, – вздохнула Алиса.

Женя взяла сумочку, зонтик, и они вышли.

На улице было так мокро и противно, что Алисе её плащ даже понравился: под ним оказалось сухо и тепло.

Отведя Алису, Женя побежала на работу. Дождь стал жёстким и колючим, ветер обрывал последнюю листву. Неужели уже зима? Вот и отлично, кончится эта слякоть, ляжет белый чистый снег, как хорошо! Лишь бы Андрюша не задержался в Царьграде, а то Эркин совсем изведётся...

...Не один Эркин принёс сегодня зимнюю робу. Правда, для валенок ещё сыро, но пусть в шкафчике лежат и есть не просят. Под эти разговоры Эркин вместе со всеми переоделся уже в зимнее, только вместо валенок сапоги на двойной носок.

– Всё, мужики. Айда, – встаёт у двери Медведев.

Осенняя страда до Покрова, то один в отпуске, то другой, так что крутись, старшой на расстановке.

– Мороз, ты, что ль, с той недели в отпуске?

Эркин кивает и спокойно отвечает на непрозвучавший вопрос.

– В пятницу отвальная.

– Дело! – хихикает Ряха. – Вождь угощает!

– Халявщику всё в радость, – осаживает его Геныч.

А Петря заканчивает:

– Да не впрок.

– Молод ты мне указывать, – огрызается Ряха. – Молоко с губ утри.

Но и Петря не уступает.

– Своё пил, стыдиться нечего.

Конца перепалки Эркин уже не слышит: ему с Серёней и Лютычем сегодня работать, вон уже дурынды серые стоят, их дожидаются. А платформа где? На грузовик если, то туда другие грузятся.

– Вон на ту, – машет рукавицей Медведев. – На двойной крепёж.

Эркин понимающе кивает и, натягивая рукавицы, идёт к контейнерам. Лютыч на крепеже, Серёня на подхвате, не впервой, сделаем в лучшем виде.

Работал он как всегда, тщательно и сосредоточенно. Да и чего дёргаться и по сторонам глазеть, когда надзирателя нет. Это там приходилось, только успевай оглядываться, чтобы под плеть или дубинку токовую не попасть, а здесь-то...

– Крепи.

– Подвинь его. Ага, хорош.

– Серёня, паз очисти, повылазило тебе.

Рычит Лютыч, огрызается Серёня... но всё это так, без злобы, без настоящей злобы.

К обеду с контейнерами управились. И как раз: только паровоз подцепил платформу, как им на обед зазвонили.

– Айда лопать! – радостно хлопает себя по бокам Серёня.

– А то перетрудился, – хмыкает Лютыч.

Эркин смеётся и шутливо натягивает Серёне шапку на нос.

И в столовой всё, как всегда. Эркин набрал себе обед, расплатился и сел за стол с Санычем и Миняем – Колька догуливал свой отпуск. Ели не спеша, солидно. И разговор был такой же, о всяких хозяйственных делах.

Время до звонка ещё оставалось, и во двор они выходили тоже не спеша, да и куда спешить-то? Под дождь что ли? И, как обычно, на выходе они столкнулись с сеньчинской бригадой. Эркин кивнул Перу Орла и Маленькому Филину. Они ответили такими же сдержанно-приветливыми кивками. Не увидев Двукрылого, Эркин подошёл к ним.

– Хей. А Двукрылый где?

– Лежит, – хмуро ответил Перо Орла.

А Маленький Филин отвернулся. Эркин понял, и лицо его потемнело.

– Кто его?

Перо Орла твёрдо посмотрел ему в глаза.

– Перебрал и сам задрался, – ответил он, перемешивая русский и шауни.

Но Эркин продолжал смотреть, требуя ответа. Остановились поодаль, то ли поджидая его, то ли... на всякий случай и Саныч с Миняем. Эркин, на мгновение полуобернувшись, улыбнулся им. Перо Орла заметил и усмехнулся, но сказал на шауни, нарочито медленно, явно, чтобы Эркин понял.

– Это не опасно. Спасибо.

Эркин, помедлив, кивнул, и они разошлись.

Во дворе уже дребезжал звонок начала смены. Снова сы-

пал мелкий дождь, колючий, как подтаявшая снежная крупа. Эркин похлопал себя по бокам, глубже насаживая рукавицы. Контейнеры они сделали, теперь что?

Теперь были ящики, большие, неудобные, но без всяких предостерегающих надписей, только пометки верха и низа. Так что... не проблема.

Но он с Миняем только-только втянулись и выложили контур штабеля, как пришёл Медведев.

– Мороз!

– Чего? – обернулся Эркин.

– Пойдёшь сейчас на второй рабочий, – Медведев говорил как-то смущённо и недовольно. – Подмогнёшь там.

Эркин внимательно посмотрел на бригадира и кивнул. Недоволен Медведев, похоже даже злится, но на себя. Причину бригадирского недовольства и смущения Эркин не понимал, но привычно не стал спорить. К тому же летом в страду тоже такое бывало, может и сегодня что. Заболел, скажем, кто, вот и зашиваются. Ну да, Двукрылый же, ну, вот и понятно всё, а Медведеву тоже не с руки человека отпускать, в своей бригаде некомплект, Кольки же нет. Эркин кивнул Миняю и без спешки, но и не мешкая, пошёл на второй рабочий двор.

Сеньчин ждал его посреди двора, а в трёх шагах от него плечом к плечу стояли Перо Орла и Маленький Филин, и по их напряжённым позам Эркин понял, что не в чьей-то болезни или отпуске дело, и что не от балды, как говорится,

Медведев именно его сдёрнул. Он шёл по-прежнему ровно и внешне спокойно, но лицо его стало отчуждённо напряжённым.

Остановившись в шаге от Сеньчина и невольным движением заложив руки за спину, Эркин молча ждал распоряжений. И от обычной рабской стойки его поза отличалась только поднятой головой и взглядом прямо в лицо Сеньчина.

– Аг-га, – выдохнул Сеньчин. – По-русски хорошо знаешь?

Эркин по-прежнему молча кивнул. Тон Сеньчина ему не понравился.

– Ну, так объясни этим краснюкам, – Сеньчин крепко выругался, – недоумкам краснозадым, что работать надо, а не... – последовало ругательство ещё крепче.

Эркин на мгновение стиснул зубы так, что вздулись желваки, опустил ресницы и снова вскинул глаза.

– А пошёл ты... – на этот раз он выдал Андрееву формулу целиком.

Сеньчин так удивился, что не ответил. А Эркин, решив, что осадки достаточно, повернулся к Перу Орла и Маленькому Филину.

– Чего тут? – спросил он по-русски.

Перо Орла, помедлив и чуть заметно, но одобрительно усмехнувшись, кивком показал на груды контейнеров. Эркин понимающе кивнул.

– И куда их?

Маленький Филин пожал плечами.

– Нам без разницы, – сказал он по-русски совсем чисто.

А Перо Орла взмахом руки показал на две платформы в другом конце двора. Эркин проследил глазами путь и досадливо выругался: и рельсы, и лужи по дороге, и колдобины вон, замаешься. Но делать нечего. Теперь понятно, чего его послали; вдвоём с такой грудой не справиться, а так... один крепит, а двое таскают. Разгрёбём.

– Пошли, – повёл он новых напарников к платформам.

Показал Маленькому Филину, как готовить пазы, крепить и сходни передвигать, и сказал Перу Орла.

– А мы таскать будем. Айда.

Что Маленький Филин и Перо Орла сразу молча подчинились ему, это понятно, но что Сеньчин как заглох от его ответа, так больше и не возникал – это уже удивительно. И остальные из Сеньчинской бригады поглядывали на них издали, но не подходили и не вмешивались ни с помощью, ни с советами. Хотя... им-то какое дело, каждый своим занят. Две платформы, двадцать четыре контейнера, до чего ж тяжелы стервы, да ещё и неповоротливы, ладно, бывало и похуже.

Они возились уже со второй платформой, когда к ним подошёл Медведев.

– Мороз!

– Угу, – ответил, не поднимая головы, Эркин, как раз помогавший Маленькому Филину закрепить растяжки. – Чего,

старшой?

– Управишься здесь и пошабашишь.

– Понял, – кивнул Эркин.

Когда Медведев ушёл, Перо Орла пытливо посмотрел на Эркина.

– Как ты с ним?

– Нормально, – Эркин улыбнулся. – Старшой – мужик с понятием.

– Повезло тебе, – хмыкнул Перо Орла.

– А я вообще везучий, – по-прежнему по-русски весело ответил Эркин. – Пошли, совсем ничего осталось.

Когда зазвенел звонок, они волокли последний контейнер. Эркин привычно не заметил его: работу надо закончить, а что там звенит и грохочет – по хрену. Перо Орла и Маленький Филин не стали спорить и так же внешне не обратили на звонок внимания.

Они уже вставили контейнер в паз и крепили его, когда подошёл Сеньчин и остановился в шаге, глубоко засунув руки в карманы не робы, а кожаной с меховым воротником куртки. Эркин, не подчёркнуто, а естественно не замечая его, прошёлся по платформе, проверяя растяжки и повёрнуты ли контейнеры номерами и метками наружу, чтобы там, где их скатывать будут, не колупались лишнего.

– Лады, – сказал немолодой мужчина в робе грузчика, незаметно подошедший к платформам. – Сами накроём, валите, мужики.

И по властной уверенности жеста, которым тот направил ещё четверых к лежащим вдоль дальних сторон платформ длинным валикам брезента, Эркин понял, что это бригадир второй смены.

– Всё, – сказал Эркин Перу Орла и Маленькому Филину. – Мы своё сделали.

– Уг, – улыбнулся Маленький Филин, спрыгивая с платформы.

Сеньчин зло дёрнул углом рта, но промолчал и, резко повернувшись, ушёл.

Бригадир второй смены внимательно посмотрел на Эркина и протянул ему руку.

– Я Крюков Василий Васильевич, а ты? Мороз?

– Мороз, – кивнул Эркин, отвечая на рукопожатие.

– Могёшь, – кивнул Крюков. – Слышал о тебе. У Медведева?

– Да.

– Понятно. Ладно, бывай.

– Удачи, – ответил Эркин, кивком попрощался с Пером Орла и Маленьким Филином и ушёл на свой двор.

На первом дворе тоже уже работала вторая смена, а в их бытовке было пусто. Все уже переоделись и ушли. Эркин открыл свой шкафчик и стал переодеваться. Разделся до белья, снял рубашку и оставшись в трусах – для исподнего ещё не так холодно – и в сапогах на босу ногу, пошёл к крану обтереться. Обычно толкотня, смех, беззлая ругань, а сего-

дня... даже странно как-то.

И, уже одевшись, приготовив тючок с летней робой и закрыв шкафчик, Эркин, проверяя себя, поглядел на часы. Ого! Припозднился он нынче, надо за Алисой бежать, а то и с обедом не успеет. Женя придёт... и Андрей с дороги наверняка голодный...

На обеих проходных одинаково удивились, чего он так запоздал, вся ж его бригада ещё когда ушла. А на улице снова сыпал то ли тающий на лету снег, то ли замерзающий тоже на лету дождь. Эркин натянул на голову поверх шапки капюшон и прибавил шагу. Так, сейчас за Алисой и сразу домой. До чего погода пакостная, ну, совсем, как зимой там, в Алабаме, будь она трижды проклята. Об Андрее он старался не думать. Прохожих совсем мало, и что? Сумерки уже? Или просто тучи такие? Он шёл быстро, почти бежал, разбрызгивая лужи.

Школьный двор был тоже пуст и на крыльце никого, но окна в двух классах светились. Эркин взбежал по широким ступеням и толкнул дверь. В вестибюле никого и раздевалка уже закрыта, но Эркин знал, что после прогулки раздеваются уже в классе для послеурочных занятий, спокойно откинул капюшон, расстегнул куртку, передёрнул, стряхивая воду, плечами, тщательно вытер ноги о жёсткий щетинистый коврик у двери и уже тогда пошёл к лестнице.

На втором этаже ярко светилась открытая дверь класса, и оттуда слышались детские голоса. Эркин подошёл к двери

и заглянул внутрь. За учительским столом сидел Громовой Камень и рисовал, а вокруг него толпились дети. Их было немного, но они так спорили за лучшее место и отталкивали друг друга, что их казалось очень много. Эркина они не замечали, и он немного постоял, глядя на них.

Но тут Громовой Камень поднял голову и улыбнулся ему.

– Я вижу вас, – поздоровался Эркин на шауни, входя в класс.

– Я вижу тебя, – ответил Громовой Камень, а за ним вразнобой, но тоже на шауни повторили приветствие и дети.

А Алиса радостно взвизгнула:

– Эрик! Я тебя вижу! – и по-русски: – Всем до завтра, я домой!

Эркин взглядом спросил у Громового Камня, может ли он забрать дочь, и, увидев его кивок, улыбнулся Алисе.

– Собирайся.

Громовой Камень встал и подошёл к нему. И, пока Алиса собирала своё в рюкзачок и одевалась, он рассказывал Эркину, уже по-русски, как у Алисы с учёбой и поведением. Всё было хорошо, и Эркин даже сам чувствовал, какая у него самодовольная улыбка.

Наконец, Алиса оделась, ещё раз со всеми попрощалась, Эркин помог ей надеть рюкзачок и плащ поверх всего, и они ушли.

На улице было темно, горели фонари и сыпал всё тот же полуснег-полудождь. Алиса чинно шла рядом с Эркином,

держась за его руку: погода к баловству не располагала.

– Эрик, – вдруг сказала Алиса.

– Да, – сразу откликнулся он.

– А Андрюха уже вернулся?

Эркин невольно вздохнул и сразу ощутил, как холодно, мокро и противно вокруг, а намокший узел с летней робой оттягивает руку.

– Не знаю.

Алиса тоже вздохнула.

– Царьград далеко-о. Я сегодня по карте смотрела. По самой большой. От Загорья до Царьграда, знаешь, сколько?

– Сколько? – заинтересовался Эркин.

– Я на стуле стояла, так Царьград мне здесь, почти у коленок, а до Загорья я еле дотянулась. Вот сколько.

Эркин кивнул. Он знал эту большую, во всю стену, карту России. На других, поменьше, их Загорье даже не указано, только Ижорск, ну, ещё города, и даже Сосняки есть, а Загорья нет. Может, карты старые, когда Загорье ещё селом числилось, а может – подумалось ему вдруг – из-за завода, завод-то не простой, секретный. Алиса уже болтала о другом, и он охотно вступил в разговор, чтобы не думать об Андрее. А вдруг тот уже приехал? Вот придут они домой, а Андрей уже там. И Эркин невольно ускорил шаг, так что Алисе пришлось почти бежать рядом с ним.

Но дома было пусто.

Ижорск

Выйдя из трактира, Андрей оглядел, сыто отдуваясь, мокрую и неприглядную площадь гораздо благодуще, чем до обеда. Хорошо поесть – великое дело. А теперь за зимним. Вон как крупа сыплет.

Армейскую или, как многие её упорно называли, военную распродажу ему указал первый же встречный. Товара там было много, а покупателей – не очень, и Андрей вволю поболтал и побалагурил с продавщицами, подбирая себе бельё и меряя одежду. Куртку, кожаную, с меховой съёмной подстёжкой, скрытым в воротнике капюшоном, обилием карманов, молний и пряжек. Сапоги, тоже кожаные, с меховыми вкладышами и, что особенно восхитило Андрея, специальными ремешками на голенищах, чтобы кинжал пристёгивать. Две вязаных тёплых фуфайки, четыре тельняшки, ещё тёплого – девчонки называли его егерским – белья. Так что тюк получился... что надо! И денег тоже ушло... как надо. И всё же, выйдя из магазина, он отправился не на вокзал за оставленной в камере хранения сумкой, а на рынок и там на развале купил мохнатую рыжую шапку-ушанку, ещё тёплые вязаные носки и – когда везёт, то во всём удача! – уже на выходе увидел легковушку со знакомым номером.

– Привет, – весело поздоровался Андрей, подходя к машине со стороны шофёра.

– А, Андрюха, – сразу узнали его. – Привет. Гуляешь?

– Да так, по маленькой, – с напускной скромностью ответил Андрей. – Ты когда домой?

– А как машину наберу.

– Считай, Макарыч, что набрал.

Макарыч насмешливо хмыкнул.

– Разбогател, что ли, в одиночку салон оплачивать? Сваливай своё в багажник и садись. Сейчас карасей наловим и рванём.

Андрей засунул свой тюк в багажник и сел рядом с Макарычем. Шофёрил Макарыч давно и потому перед Андреем не заносился, это кто недавно сел за баранку выпендриваются и фасон дают, а Макарычу уже незачем.

– Здесь не получится, на вокзал смотаемся, там в шесть пятнадцать скорый с Печеры транзит скидывает.

– Идёт, – кивнул Андрей. – У меня там сумка в хранении.

– Ну, так поехали, – кивнул Макарыч. – Здесь глухо.

Андрей улыбнулся и сел поудобнее.

На вокзале, пока Макарыч ловил клиентов, он сбегал в камеру хранения за сумкой, а, когда вернулся, в машине уже сидели на заднем сиденье трое – двое рослых мужчин, а между ними женщина, маленькая и худенькая, как подросток. Андрей засунул сумку в забитый чемоданами багажник и сел рядом с Макарычем.

– Всё, поехали, – стронул машину Макарыч.

– Так это тебя ждали? – весело удивилась женщина.

– А что? – сразу ответил Андрей. – Разве не видно, какой я особенный?

Мужчины засмеялись, а Макарыч насмешливо хмыкнул.

Но общим разговор не стал. Пассажиры тихо говорили о чём-то своём, Макарыч глядел на дорогу, а Андрей на его работу. Учёба вприглядку – всё равно учёба. Вёл Макарыч машину легко, немного рисуясь, но совсем немного. Стало уже совсем темно, и дорога в мокрой подмерзающей корке, но скорости Макарыч не снижал.

– Рассадино, – сказал он, не оборачиваясь, когда показались светящиеся окна деревни.

– Четвёртый слева, – ответил один из мужчин.

Макарыч мягко притормозил у высоких дощатых ворот. Пассажиры, теснясь, выбирались из машины. Вышли и Андрей с Макарычем помочь с багажом. Гостей, видимо, ждали, и из боковой калитки вышла высокая старуха в накинутой на плечи тёмной шали, а за ней двое высоких, как она, подростков. Пока старуха обнимала и целовала приехавших, мальчишки споро разобрали выгруженные из багажника чемоданы и поволокли их внутрь. Андрей захлопнул багажник и вернулся в машину, а минуту спустя сел на своё место Макарыч, захлопнул дверцу и рванул с места. По его довольной ухмылке, Андрей понял, что чаевые были щедрыми.

– Ну, – вздохнул Макарыч, выруливая на большую дорогу. – С богом и домой. Хорошо погулял-то, Андрюха?

– Лучше всех, – весело ответил Андрей.

– За каким таким ездил-то? Неужто, ближе Царьграда шмоток не нашёл?

– Проведать надо было человека одного, – Андрей усмехнулся. – С до войны не виделись.

– Война ж тебя старше, – удивился Макарыч.

– Мы в Пограничье жили, – объяснил Андрей. – Как под Империю попали, так для меня война и началась.

– Ну, тогда понятно, – кивнул Макарыч. – Хлебнул, значит.

– Досыта, – серьёзно ответил Андрей.

– Слышал я про угон. Говорят, страшное творилось. Сколько семей порушилось.

Он говорил не спеша, пересказывая слышанное и читанное, а Андрей соглашался и поддакивал. Спорить не о чем, а что Макарыч и десятой доли не знает, как оно там было, так ему и не надо всего знать, крепче спать будет. Когда всё знаешь и помнишь, жить тяжело.

– Тебе в «Холостяжник»?

– Нет, на «Корабль».

– К брату, значит, – кивнул Макарыч и свернул в проулок. – Отсюда ловчее. И правильно, семья всегда дороже всего, – и, лукаво покосившись: – Старший брат в отца место.

– Точно, Макарыч, – охотно согласился Андрей.

«Корабль» сверкал всеми окнами.

– Ага-ага, – закивал Андрей. – Ну, спасибо, Макарыч, с

меня...

– Завтра колымагу мою отмоешь, – закончил за него Макарыч. – Понял?

– No problem! – весело ответил по-английски Андрей, выволакивая наружу свои вещи.

Он захлопнул крышку багажника, и машина сорвалась с места, как будто его хлопок и стронул её. Андрей взвалил на плечо тюк, подхватил сумку и пошёл к подъезду. Под ногами хрустела корка смёрзшейся воды, дождь кончился и заметно похолодало. Вовремя он прибарахлился.

В коридоре уже пусто: детвору спать укладывают. Остановившись у знакомой двери, Андрей пошаркал подошвами по коврику, сбросил на пол тюк и полез за ключами.

Загорье

Когда пришла Женя, обед у Эркина был уже готов. Они пообедали, Алису уложили спать, а Эркин пошёл в дальнюю комнату готовить на завтра уроки.

Писал, читал и вроде даже правильно получалось, а в голове одно: Андрей. Неужели его отберут? У Бурлакова все права на Андрея, и у них одна кровь, а он Андрею записанный, а что бумажка против крови? Бумага. Скомкал и выбросил, а если сжёт, то как и не было.

Закончив с русским, он отложил тетрадь – Женя потом проверит – и взялся за физику. Всё бы ничего, если бы не

формулы: буквы как в английском, а называются по-другому. Мирон Трофимович сказал, что это по латыни. Сколько же языков на свете? Интересно, есть ли хоть один человек, который бы все языки знал?

Решив задачи, Эркин тряхнул головой и стал перечитывать параграф. В общем, физика ему нравилась. Как и остальные предметы.

Пока он делал физику, проснулась Алиса. Он слышал, как Женя разговаривает с ней, и улыбнулся, не отрываясь от учебника.

Заглянула Женя.

– Эркин, чаю хочешь?

Эркин поднял голову и смущённо улыбнулся ей.

– Физику только закончу, ладно?

– Хорошо, – улыбнулась Женя и ушла.

Эркин снова уткнулся в учебник.

В кухне Женя накрыла на стол.

– Алиса, руки мыть.

– Ну, мам, я же не гуляла, а спала. Я лучше за Эриком схожу.

– Без всяких «ну», – отрезала Женя. – И Эркина не беспокой, он уроки делает.

Алиса вздохнула, надула губы и побрела в ванную. То уроки, то стирка, то ещё что-нибудь эти взрослые выдумают, лишь бы от неё отвязаться. И Андрюхи нет, он хоть и приставучий, и дразнится, а без него совсем тихо и скучно. Она

долго и тщательно мыла руки, потом вытирала их, палец за пальцем. А мама почему-то совсем не торопила её.

Эркин дочитал параграф, закрыл книгу и встал. Потянулся, сцепив пальцы на затылке, выгнулся на арку и выпрямился. Почему-то всякий раз после чтения или письма ему хотелось двигаться, гонять по телу волну, тянуться в полный размах, до хруста в суставах. Но его ждала Женя, и он ограничился ещё одной аркой.

– Эрик, – заглянула в комнату Алиса, – ты идёшь?

– Иду, – улыбнулся ей Эркин.

Когда они пришли на кухню, Женя с улыбкой покачала головой.

– Всё-таки пошла. Алиса, я же просила.

– Я уже сам встал, – заступился Эркин, усаживаясь на своё место.

– Всё сделал? – спросила Женя, подавая ему тарелку с оладьями.

– Биология осталась. И география. Но там только читать. Как вкусно, Женя.

– Вот и хорошо, на здоровье. Ты больше сметаны бери. Алиса, не вози по тарелке.

– Андрюха возит, ты ему ничего не говоришь, – возмутилась Алиса.

– Он взрослый, – ответила железным аргументом Женя.

– Эрик, ну, почему взрослым всё можно?!

Эркин пожал плечами, не зная, как ответить.

– Взрослым тоже не всё можно, – усмехнулась Женя.

– Да, – кивнул Эркин и тоже усмехнулся. – Это так.

Алиса недоверчиво посмотрела на него, на Женю и вдруг соскочила со стула.

– Андрюха!

И тут они тоже услышали, как поворачивается в замке ключ. Эркин сорвался с места и бросился в прихожую. И, когда Женя с Алисой вбежали туда, входная дверь была распахнута настежь, на полу у двери валялись какой-то тюк и сумка, а посередине стояли Эркин и Андрей, обхватив друг друга.

Женя, плача и смеясь одновременно, обнимала их обоих, прыгала вокруг и упоённо визжала Алиса.

– Я вернулся, брат, – по-камерному тихо сказал Андрей, ткнувшись лбом в плечо Эркина.

– Господи, Андрюша, наконец-то, – Женя неожиданно легко втиснулась в их объятия, поцеловала Андрея в щёку и захлопотала. – Алиса, замолчи, перепугаешь всех. Андрюша, олады есть, сейчас поужинаешь...

Она попыталась оттащить загораживающий дверь тюк, и тогда Эркин как очнулся и отпустил Андрея.

– Женя, не надо, я сам.

Суета, смех, поцелуи и объятия, вопросы без ответов... Он вернулся, он дома!

– Это я себе зимнего в Ижорске купил, Женя, это потом, пошли гостинцы столичные смотреть, нет, Женя, есть не хо-

чу, чаю бы, да, я такого к чаю привёз...

И ни слова о главном, ради чего и ездил в Царьград. Это за столом. Да и главное – совсем другое, главное – он вернулся.

Андрей снял и повесил куртку, переобулся и подмигнул Алисе.

– Пошли подарки смотреть.

На кухне Женя с самой деятельной помощью Алисы убрала со стола, и Андрей стал выкладывать подарки. Коробки с цареградскими рожками, книги, перчатки, шарфик, ленты... и ещё... и ещё... и ещё...

– Господи, Андрюша...

– А что, Женя, на стенку повесить, знаешь, как смотреться будет.

– Мам, а это чего?

– Это для перца и соли, да, Андрюша?

– Ага, и вот к ним, для уксуса и масла. А себе я такой взял. А это для торта, Женя, и лопатка специальная. Правда, здоровско?

– А если он не круглый?

– Ай да племяшка! А углы срезаешь и мне в добавку. А вот, это дощечка. Это фарфор, Женя, это сыр там нарезать или колбасу, я и себе взял, – и неожиданно вырвавшееся: – У нас дома такая была, я помню.

И спокойный ответ Жени:

– У нас тоже была. С папоротником.

– Сколько же ты потратил? Андрей?

– Да не бери в голову, братик. Не дороже денег.

Андрей лукаво подмигивает Эркину, стол завален коробками и свёртками, и всё так хорошо, как... как и должно быть.

Наконец всё разобрали, книги и вещи отнесли на положенные им места, осмотрели и одобрили обновки Андрея, и Женя заново накрыла на стол.

– Цареградские рожки? – Женя разглядывала коробочки. – Слышала, но не ела, даже не видела. Андрюша, ты разных взял?

– Ну да, по коробке каждого. С каких начнём?

– Со всех! – сразу предложила Алиса.

Эркина и Андрея этот вариант устраивал, но Женя вмешалась и своей властью навела порядок. Двенадцать штук в коробке? Значит, по три каждому. И начнут с кокосовых.

– Как скажешь, Женя, – подчёркнуто покорно подчинился Андрей, вызвав общий смех.

Рожки оказались настолько необыкновенно вкусными и маленькими, что Женя, налив всем ещё по одной чашке, открыла коробочку с кремовыми, а то вдруг испортятся, будет совсем обидно.

Андрей рассказывал о цареградских чудесах, о поездке... Эркин и Женя чувствовали, что он недоговаривает, и понимали причину: не хочет при Алисе.

После чая Эркин и Андрей ушли в дальнюю комнату готовить уроки, а Женя осталась на кухне. Эркин задержался

было, но Женя замахала ему.

– Нет-нет, иди, Эркин, я сама, а у вас уроки.

Эркин кивнул и ушёл.

Войдя в комнату, Андрей стянул через голову свой жилет, бросил его на свободный стул и с блаженным стоном повалился на диван.

– Уф-ф, хорошо-то как!

Эркин остановился над ним, глядя с мягкой ласково-насмешливой улыбкой.

– Про уроки забыл уже?

– Да не в жисть, братик.

Андрей легко вскочил, словно подбросил себя и, мимоходом хлопнув Эркина по плечу, подошёл к столу.

– Что у нас завтра? Ты письменные сделал?

– Да.

– Ну, тогда я пишу, а ты учи.

Так они обычно и делали, и обсуждать здесь нечего, обычно они и не говорили об этом, но сегодня – не совсем обычный вечер, а потому и всё хоть немного, но по-другому.

Эркин взял учебники по географии и биологии и сел на диван, а Андрей устроился за столом, разложив свои тетради. И вроде стало как всегда: спокойная тишина и шелест страниц.

– Всё хорошо, брат, – сказал вдруг, не отрываясь от письма, Андрей.

– Хорошо, – как эхом откликнулся Эркин, так же не пре-

рывающая чтения.

И снова тишина.

Заглянула Женя.

– Эркин, иди, поцелуй её на ночь.

– Да, Женя, – сразу отложил он книгу и встал.

Алиса уже лежала в постели, зажмурившись и обхватив обеими руками подушку.

Эркин наклонился и осторожно коснулся губами её щёчки.

– Спи, маленькая, спокойной ночи.

– Ага-а, – сонно протянула Алиса. – Спокойной ночи, Эрик. Идите, я спать буду.

Женя, улыбнувшись, выключила свет и уже в прихожей обняла Эркина. Они немного постояли, обнявшись, и Эркин вернулся к урокам.

Обычно Андрей заканчивал раньше, но сегодня у Эркина была солидная фора. И закончили они одновременно, вернее, Андрею осталась одна география, но её он и после чая сделает.

Вечерний «разговорный» чай. Алиса спит, и можно говорить по делу.

– Ну, – Андрей с удовольствием отхлебнул чая, – поговорил я с профессором и всё уладил.

– Вы помирились? – живо спросила Женя.

– Женя, – Андрей с ласковой укоризной покачал головой, – я же сказал, что всё уладил. Никуда он меня отсюда

не стронет.

Эркин счастливо улыбнулся. Андрей это заметил, подмигнул и продолжил:

– А он к нам приедет. На свадьбу.

Женя ужаснулась, и стали уже обсуждать подготовку к свадьбе, что купить, да что сделать, а вот расспрашивать о Царьграде и поездке стало как-то недосуг. Нет, конечно, Андрей понимал, что все расспросы впереди, да и самому хотелось рассказать, не всё опять же, но вот будут эти расспросы и рассказы уже потом и выборочности не заметят и не поймут.

– С субботы мы в отпуске, – мечтательно улыбалась Женя. – А там целая неделя. Всё успеем, да, Эркин?

– Конечно, Женя, – ответно улыбался Эркин.

– Ну, и ладушки, – Андрей допил чай и встал. – Мне ещё географию учить, – подошёл к окну и, отогнув штору, выглянул на улицу. – Смешно. Уезжал, осень была, а приехал – уже зима. За два дня всё переменялось. Смешно, правда.

– Да, – как-то удивлённо согласилась Женя, – за два дня. В субботу как повалило, так и до сих пор.

– Так что вовремя я прибарахлился, – самодовольно ухмыльнулся Андрей и отошёл от окна. – Ну, всё. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша.

– Спокойной ночи, – улыбнулся Эркин.

Проходя мимо него, Андрей на несколько секунд опёрся

ладонью на его плечо.

Когда закрылась дверь дальней комнаты, Женя улыбнулась Эркину.

– Ну вот, а ты волновался.

Эркин вздохнул и тут же улыбнулся.

– Да, Женя. Но ведь всё хорошо, да?

– Конечно, да, Эркин.

Андрей заставил себя дочитать географию и прислушался. Да, все легли. Ну, и ему пора, завтра с утра перечитает и лады. Хорошо, что он тогда занёс портфель сюда. Ну, всё, за полночь уже, надо выспаться.

Он быстро постелил себе и пошёл в ванную. А что, у профессора куда как не лучше, хоть и столица. Андрей с удовольствием, но быстро вымылся и пошёл к себе, погладив по дороге воротник своей новой куртки.

Сквозь сон Эркин услышал, как прошёл к себе Андрей, и, вздохнув, обмяк, окончательно засыпая.

Тетрадь семьдесят седьмая

122 год

Осень

Американская Федерация

Колумбия

Вторую неделю шли дожди, уже совсем по-осеннему холодные и неприятные. Ларри с Марком укрывали на зиму клумбы и альпийскую горку, с крыльца убрали качели и летние кресла. Эстер озабоченно проверяла зимнюю одежду. Рут за лето из всего выросла, а у Марка и Ларри вообще ничего приличного на зиму нет. Ну, и себе тоже надо. Но главное – дети и Ларри.

– Мама, – заглянул в кладовку Марк. – Мы пойдём к Джоку, хорошо?

– Хорошо, – ответила Эстер, разглядывая зимнее пальто Рут. – Папа знает?

– Да, он сказал, что можно, – влезла из-под руки Марка Рут. – Так мы пойдём, да?

– Да, идите, – кивнула Эстер, откладывая пальто к пред-

назначенным в церковь – пальто вполне прилично для пожертвования – вещам.

Марк и Рут убежали, она слышала, как простучали по лестнице их шаги, а потом хлопнула задняя дверь. Конечно, пусть поиграют до ужина. Джока она знает, как и его семью, как и все семьи на их улице. Эстер оглядела аккуратные стопки вещей и решила, что на сегодня достаточно. Она вышла из кладовки, щёлкнув по дороге выключателем, и прислушалась. Кажется, Ларри в гостиной. Эстер лёгким движением поправила волосы и пошла вниз.

Ларри уже развёл огонь в камине и устроился в кресле с газетой. Эстер села в другое кресло и достала из корзинки вязание. Ларри поверх газеты посмотрел на неё и улыбнулся.

– Устала, Эсти?

– Нет, что ты, – ответно улыбнулась Эстер. – Как прошёл день?

– Очень хорошо. Взял три заказа.

Он никогда не говорил ей о заказчиках, только о заказах. Конечно, проверяя его книги, она читала фамилии заказавших и получивших, но никогда не показывала, что кого-то узнала. Её это не касается. И Ларри тоже. Человек может назваться любым именем. В бумагах номер, наименование, граммы и караты, коды и итоговые суммы, а имена... это не существенно.

– Что-нибудь интересное, Ларри?

– Да, одно. Я хочу попробовать, – лицо его стало хит-

рым, – кое-что новенькое.

– Конечно, Ларри, это будет сногшибательно, я уверена, – горячо поддержала его Эстер.

– Как и твой пуловер.

– Не ехидничай, милый, узор очень интересный, вот увидишь, когда я закончу.

– Надеюсь, на День Матери будет достаточно прохладно, чтобы его обновить.

Эстер охотно поддержала игру, изобразив обиду. Они немного посмеялись, и Ларри вернулся к газете, а Эстер к вязанию.

Ларри дочитал газету и сложил её, поглядел на часы.

– Да, – сразу кивнула Эстер и стала складывать вязание. – Уже пора.

Она порывисто встала, чтобы уже идти за детьми, но тут открылась задняя дверь и весёлый голос Марка позвал их.

– Пап, мама, мы пришли, вы где?

– Здесь, – ответил Ларри.

Марк и Рут вбежали в гостиную и наперебой затараторили, как они с Джоком играли в «фишки-догонялки», а папа Джока сегодня в патруле, а то бы, и он с ними поиграл. Ларри выслушал, покивал, похвалил, и они пошли на кухню, где Эстер накрывала на стол.

– Рути, вымой руки и помоги мне.

– Ага, – без особого восторга согласилась Рут.

Сидя за столом, Ларри с удовольствием оглядывал свою

семью. Он никогда не мечтал о таком и, может, поэтому не сравнивал, не думал: лучше у него или хуже, чем у других, а просто был счастлив. У него всё так, как надо, как должно быть. После ужина дети уйдут к себе, а они с Эстер ещё посидят у камина и потом поднимутся в спальню, зайдя по дороге посмотреть на спящих детей. И будет ночь, и новый день завтра. И он не хочет, чтобы было по-другому.

Россия

Цареградская область

Алабино

Они никогда специально не договаривались, но ни разу такого не случилось, чтобы он пришёл, а её не оказалось дома, хотя у обоих и работа, и школа, и дела всякие хозяйственные.

Мария с Егоровной сумерничали на кухне под неспешные, как дождь за окном, рассказы Егоровны и такую же заувывную штопку чулок. Рассказывала Егоровна – Мария это понимала – о самом обычном, но слушала с удовольствием: столько тишины и спокойствия было в старческом певучем голосе.

И, как обычно, только Егоровна вздохнула, прервав рассказ, и попросила Марию зажечь свет, как послышались шаги, негромкий, но отчётливый стук в дверь и знакомый голос спросил:

– Можно?

– А вот и Миша, – приветливо отозвалась Егоровна. – Конечно же можно, заходи, Миша, добрый вечер тебе.

– Добрый вечер вам, – ответил Майкл, входя и стряхивая на коврик у двери воду с кожаной кепки.

Мария сунула недоштопанный чулок в корзинку и встала накрыть на стол. Русский обычай сразу кормить пришедшего был ей хорошо известен ещё по жизни со Степаном.

Майкл снял и пристроил на вешалке свою куртку, разулся, поставив мокрые ботинки на коврик, и в одних носках вошёл в кухню, положил на стол кулёк.

– Вот, купил к чаю, это шоколадные, – и улыбнулся Егоровне. – Самые вкусные.

Из всех покупных сладостей Егоровна признавала только пряники, и Майкл каждый раз приносил новый сорт.

– Они же дорогие, Миша, – польщённо ахнула Егоровна.

– А не дороже денег, – весело ответил Майкл. – Главное, что на здоровье.

– Ну, спасибо, Миша, уважил. Да ты что ж босиком, не лето же. Маша, дай ему. Сама же купила, так чего стесняешься.

Мария быстро ушла в свою комнату, тут же вернулась с новенькими мужскими тапочками и, покраснев, протянула

их Майклу. У него невольно дрогнули губы в произнесённом слове, и Егоровна понимающе улыбнулась.

Вечерний чай всегда и ужин, а гость прямо с работы, как же не накормить. Майкл уплетал всё подкладываемое ему Егоровной и Марией и нахваливал.

Обычно после ужина убирали со стола и играли в лото: карт Егоровна не любила, а в лото на копейчку – не в грех, а в удовольствие. Но сегодня Егоровна сказала, что чего-то ей неможется, и, подмигнув Марии, ушла к себе, а они остались вдвоём.

Майкл засмеялся негромким горловым смехом, как смеялись в камерах, не разжимая губ, чтоб не заметили. Мария, понимающе улыбаясь, кивнула и громко сказала:

– Пойдём, у меня посидим.

Майкл готовно встал.

– Пошли.

Комната Марии так же мала, как и весь дом Егоровны. Майкл уже бывал здесь, но каждый раз как заново оглядывал неширокую, застеленную пёстрым стёганым одеялом кровать, комод и шкаф, столик у окна и два стула рядом. На столе кружевная салфетка-самовяз и маленькая корзинка с букетиком розовых искусственных цветов. В прошлый раз её не было.

– Красиво, – восхитился Майкл. – Где купила?

– А мне подарили, – засмеялась Мария.

– Кто? – спросил Майкл.

– А ты и вправду ревнивый, – весело удивилась Мария. – Да нет, это у Егоровны подруга для магазина мастерит, я ей с руками и шеей чуток помогла, по дружбе, ну, без денег, вот она и подарила мне.

Майкл кивнул. Ему уже было неловко. Они-то о его ревности придумали, чтоб к Марии никто не лез, а он всерьёз... Но вот как дёрнули его за язык.

– Знаешь, – Мария зачем-то поправила салфетку, – ты... ты останешься? Ну, на ночь.

– Могу, – кивнул Майкл. – Я завтра во вторую. А... зачем?

– Да, вот ты в прошлый раз рано ушёл.

– Это под полночь рано? – удивился Майкл.

– Так ночевать не остался, а Егоровна решила, что мы поссорились. Вот и ушла, чтоб не мешать.

Майкл пожал плечами и улыбнулся.

– Это-то я понял, ну, чего она ушла. Ладно, раз надо, останусь.

Обычно они сидели у стола, но шум дождя за окном не вызывал такого желания.

– Ещё чаю хочешь?

Майкл как-то задумчиво покачал головой.

– Да нет вроде.

Мария тихо, почти по-камерному, рассмеялась и показала на кровать.

– Тогда садись, посидим у печки.

Белая кафельная печь стояла в центре дома, кухня и ком-

наты теснились вокруг неё, чтоб тепло не пропадало. Мария налепила на кафель сводных картинок, и на обработочную камеру эта стена никак теперь не походила, да и это ж не стена целиком, а только кусок, и если сидеть спиной к ней, то совсем хорошо. Майкл сел на кровать и прислонился спиной и плечами к приятно горячей стене. Мария устроилась в рядом, поджав ноги.

– Ну, как?

– Хорошо, – улыбнулся Майкл. – Слушай, а как она, ничего? Не ругалась, что ты картинок налепила?

– Нет, – тихо засмеялась Мария. – Сказала, что это теперь как изразцы. Ну, узорчатый кафель такой.

– Ага, понял. Из-раз-цы, – повторил он по слогам. – Надо запомнить. А на работе у тебя как? Не лезет никто?

– Да кому ко мне лезть, – фыркнула Мария. – Бабы одни. А здесь этих штук, ну, чтоб бабе с бабой баловаться, и не знает никто, что ты, – и лукаво посмотрела искоса. – А что, хотелось бы?

– Чего? – дрогнувшим голосом спросил Майкл.

– А чтоб полез кто. А ты б его отметелил, – она снова фыркнула, – по полному праву.

– И зачем это мне? Чтоб менты загребли, что ли?

– А то у тебя руки на беляков не чешутся? – спросила она по-английски.

Майкл задумался, пожал плечами и ответил тоже по-английски.

– Да нет. Там, – он кивком показал куда-то за стены, но Мария сразу поняла, что он о покинутой, как им кажется и хочется, навсегда Империи – да, там я и в город из-за этого мало ходил. Чтоб не сорваться. А здесь, – с твёрдой убеждённостью, – нет. А у тебя чешутся?

– Да тоже нет. Так, я просто думала... – она снова стала перемешивать русские и английские слова. – Ну, мужики ведь все такие, им лишь бы подраться, кулаками помахать.

Майкл усмехнулся.

– Я своё уже отмахал. Не с кем мне здесь драться. Да не из-за чего.

Мария кивнула.

Они сидели рядом, соприкасаясь плечами. Майкл искося, не поворачивая головы, смотрел на Марию и, наконец решившись, осторожно поднял руку и завёл её за спину Марии, мягко положил ей на плечи, не обнимая, а намекая на объятие. Мария, к его радости, не отстранилась, не спросила ни о чём, и он рискнул чуть-чуть прижать Марию к себе. Она улыбнулась и уже открыто посмотрела на него.

– Играем, что ли?

Майкл улыбнулся и кивнул, еле заметно вздохнув. Пару раз они уже играли: обнимались и громко, с чмоканьем целовались, раскачиваясь на позвякивающей кровати, чтобы у спящей за стеной Егоровны никаких сомнений не возникало. Но признаться Марии, что «игра» ему и сама по себе понравилась, что у него всё там дёргаться вдруг начало, и что

он потом до утра шатался по городу, пока не успокоилось, нет, сказать об этом он почему-то не решался.

Мария вздохнула и теснее прижалась к нему.

– Тебе холодно?

– Нет, – она опустила ресницы, затеняя глаза, и повторила: – Нет, не холодно. И... да на фиг нам игры эти. Тебе... хорошо вот так... как мы сейчас?

– Да, – твёрдо ответил Майкл. – А... тебе?

– И мне... хорошо.

Они говорили, перемешивая русские и английские слова, как всегда наедине, как говорили между собой все парни.

Майкл уже уверенно обнял Марию и привлёк к себе. Мария обняла его за шею, поцеловала в углы губ. Майкл глубоко вздохнул и запрокинул голову, подставляя её губам своё горло. Мария скользила губами по его шее, растёгивая на нём рубашку, поцеловала в ямку между ключицами. Майкл вздохнул, как всхлипнул, потянул с её плеч домашнее платье. Мария мягко остановила его.

– Порвёшь, я сама.

Майкл потрянул головой, словно просыпаясь.

– Да, я тоже сам.

Они встали и, не глядя друг на друга, разделись. Мария откинула одеяло и оглянулась на Майкла.

– Давай?

– Да, – кивнул Майкл.

– Ложись, я свет выключу.

Майкл прошёл мимо неё к кровати и лёг, вытянулся на спине, закинув руки за голову. Мария, мягко шлёпая босыми ногами, подошла к двери и щёлкнула выключателем. В наступившей темноте сразу стал слышнее шум дождя за окном. Мария вернулась к кровати и мягко толкнула Майкла.

– Подвинься.

– Нет, – ответил он. – Я с краю.

– Как хочешь, – тихо засмеялась Мария. – У печки теплее.

Она ловко перелезла через него и легла рядом.

– Укроемся?

– Не знаю, – помедлив, ответил Майкл. – Как хочешь.

Мария так же лежала, закинув руки за голову. Поза, которую запоминают в первый же год учёбы и помнят всю жизнь. Лежали долго, и наконец Майкл осторожно плавно повернулся набок лицом к Марии и кончиками пальцев коснулся её шеи, погладил шею, плечо, повёл пальцами вниз к груди, коснулся соска, погладил ложбинку между грудями. Мария лежала молча и, когда он убрал руку, так же погладила его по шее и груди.

– Так? – тихо спросила она.

– Да, так, – выдохнул Майкл.

Теперь она гладила его по лицу, а он губами ловил её пальцы. Потом они обнялись, прижавшись друг к другу вытянутыми напряжёнными телами, осторожно, будто только что сами это придумали, тёрлись друг о друга.

Майкл замер так внезапно, что Мария даже встревожи-

лась.

– Что с тобой? Больно?

– Ничего, – глухо ответил Майкл и повторил: – Ничего. Просто... подожди, я сейчас, только... отдохну.

Мария приподнялась на локте, вглядываясь в его лицо, неразлично чёрное, только влажным блеском отличавшееся от окутывающей их темноты. Майкл откинулся на спину, частыми всхлипами переводя дыхание. Он никак не мог расслабить, распуścić сведённые в тугой комок мышцы. Он никак не ждал такого, ну, дёргалось, ну... ведь вразнобой, как у мальчика от первой растравки, и вдруг... а у Марии сухо всё, ему нельзя входить, он же ей там обдерёт всё. Ладонь Марии легла ему на живот, мягко скользнула к лобку.

– Светло, да? Давай я руками, полегчает. А хочешь, ртом?

– Нет, – выдохнул он. – Не надо. Я сам.

– Ну, чего ты застеснялся? – тихо засмеялась Мария. – Мне нетрудно. И приятно.

– Да? – удивился он. – Тебе нравится? Не противно?

– С тобой нет, – очень серьёзно ответила Мария.

Майкл порывисто повернулся к ней.

– Давай, и я тебя, я аккуратно, руками, я умею, не бойся.

– А чего мне бояться? – фыркнула Мария. – Давай, конечно, – и неуверенно: – Тебе... приятно? Ну, трогать меня. А то я зашершавела.

– Мм, – невразумительно промычал Майкл, целуя её.

Мария вздрогнула, когда пальцы Майкла скользнули меж-

ду её ног, прошлись по краям щели, и она ощутила... но... но ведь этого не может быть, нет!

– Нет! – выдохнула она.

– Что? – удивился Майкл. – Я же легко.

– Нет, не ты, нет, я же перегорела, у меня там сухо всё, выжжено.

– А сейчас так и очень даже мокро, – тихо засмеялся Майкл. – Я же тоже перегорел, а с тобой во! Войти могу.

– Так входи, – сквозь слёзы засмеялась Мария.

– Смотри-и, – с шутливой угрозой сказал Майкл, мягко наваливаясь на неё.

Он сказал в шутку, ну, просто так, и никак не ждал, что и в самом деле получится, что сможет войти и ударить. Мария охнула и обхватила его, прижимая к себе, запрокидываясь и выгибаясь встречным движением.

Они молча иступлённо бились друг о друга, уже ничего не помня и не осознавая, потому что обоих несла, швыряла и била чёрно-красная обжигающе горячая ледяная волна. И когда она отхлынула, они остались лежать рядом, мокрые и обессиленные. И время снова остановилось.

Мария частыми всхлипами перевела дыхание, нащарила руку Майкла и переплела свои пальцы с его.

– Да, – почти беззвучно ответил он на непроизвучавший, но понятный обоим вопрос. – Это была она.

– Да, – выдохнула Мария. – Я поняла. Я... я думала, это болтовня...

– Она есть, – Майкл сглотнул, облизал губы. – Это правда, она есть. И... и у нас была волна, понимаешь, волна?

Повернувшись набок, Мария свободной рукой коснулась его губ.

– Нет, не надо об этом, мы же знаем, не надо, ты понял?

– Да, – шевельнул губами под её пальцами Майкл. – Хорошо.

Мария мягко погладила его губы и вытянулась рядом с ним. Было тихо, только шумел за окном дождь. Впервые Майкл не мог понять, который час, сколько времени до утра. Он снова облизал пересохшие губы. Мария не могла его видеть, но сразу сказала:

– Я сейчас попить принесу. Хочешь чаю? Без сахара, холодного.

– Ага, – согласился Майкл.

Мария легко перелезла через него и пошла к двери. Майкл слышал, как она открыла дверь и вышла. Свет она не включала, хорошо, как все спальники, ориентируясь в темноте. Майкл лежал и слушал. Вот она взяла из буфета чашку, наливает заварку, воду из самовара, идёт обратно.

– Вот, попей.

– Ага, – он сел и взял у неё чашку, глотнул приятно горьковатую, чуть тёплую жидкость. – А сама?

– Оставь глотнуть.

Майкл протянул ей чашку, она отпила и вернула. Так, поочерёдно, они допили чай.

– Ещё?

– Нет, хватит.

Мария пошла было к двери, но остановилась, постояла задумчиво и вернулась обратно.

– Вроде проснулась, она иногда встаёт ночью. Утром по-мою.

Она отнесла чашку к столику, поставила там и вернулась к кровати. Перелезла через Майкла, погладив его своим телом, и снова легла рядом. Он сел, нашарил в ногах валик одеяла и лёг, натягивая его на их тела.

– Вот так. А то ты замёрзла.

– А то меня и согреть некому, – тихо засмеялась Мария, прижимаясь к нему.

Засмеялся и Майкл. Они обнялись и немного опять потёрлись, погладили друг друга.

– Ещё или спим?

Майкл прислушался к себе.

– Ну... могу, наверное. Мне во вторую, отосплюсь. А тебе?

– В первую, – вздохнула Мария. – Поздно уже, давай спать.

– Ладно, – согласился Майкл. – Спим.

Мария уткнулась лицом в его шею, снова вздохнула и повторила:

– Спим.

Майкл слегка подвинулся, укладываясь поудобнее, чтобы

не затекли руки, и закрыл глаза. Всё случилось и так, и не так. А чего он ждал? Он знал, что это будет, с первой минуты, как её увидел, и всё потом было и так, и не так... так и не так... странно, ведь не от чего уставать, он бы мог всю ночь, а устал, глаза сами закрываются. А Мария уже спит, он это чувствует. Вокруг тихо, и за стеной так тихо, когда не спят, а слушают. Ну... ну и пусть. Если Мария захочет, они поженятся, можно и в церкви обвенчаться, а не захочет... он будет просто приходить, разве им этого недостаточно?

Мария, не открывая глаз, улыбнулась, потёрлась щекой о его плечо и снова заснула.

Они давно спали, когда дождь наконец закончился.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Эркин шёл домой по пустынным тёмным улицам. Обычно вечер пятницы – гулевой, но сегодня холодный ветер и мелкий колючий снег разогнали гуляк. Да и припозднился он сегодня, а ему ещё уроки на завтра делать, но нельзя было

не выставить бригаде по кружке: в отпуск уходит! Первый в его жизни отпуск, хотя... нет, зимой на Рождество он же уже гулял, просто не знал тогда, что это так называется. Здорово было! И в этот раз будет здорово. Интересно, а почему, то здорово, то здорово? А ещё здоровско. Ладно, это неважно. А вот в следующее воскресенье свадьба, и Андрей сказал, что Бурлаков приедет. Ну, что ж, раз это нужно, чтобы Андрей остался здесь и не уезжал, то, конечно, он не станет спорить, всё вытерпит, и ни хрена ему не станется. Он же сам говорил, что за Женю, за Андрея на всё пойдёт. И на это тоже. Раз надо, чтобы он Бурлакова отцом назвал, хоть и зря Андрей это придумал, ну, да ладно, язык не отвалится, назовёт.

Пьяным он себя не чувствовал, хотя выпил сегодня и пива, и водки, но сразу заел, а на холоде и трезветь начал. Под ногами хрустит смёрзшийся наст. В самом деле, в один день зима пришла, а только октябрь в середине. Но все говорят, что так и положено, что на Покров снег уже прочно, аж до весны ложится, а Покров – это четырнадцатого, в воскресенье. Зима – это хорошо. Когда сыт и тепло одет. Эркин улыбнулся, с удовольствием оглядывая пустую улицу. Зачем-то он пошёл домой кружным путём, по Цветочной, через рощу и овраг.

Берёзовая роща была светлой от белых стволов и проглянувшей луны, да и дорогу он знал хорошо, и вон уже окна «Корабля» светятся.

Ступеньки обледенели, и Эркин, недолго думая, заскользил по ним, как по горке, едва не оступился в воду, но на другой склон поднялся вполне благополучно. Подходя к дому, он привычно нашёл взглядом свои окна. Кухня, комната Алисы и спальня. Его ждут. Как всегда.

Он весело поздоровался с разметавшим площадку перед домом Конычем.

– Никак гуляешь, Мороз?

– В отпуск иду, – улыбнулся Эркин. – Отвальную бригаде ставил. По обычаю.

– Обычай соблюдать надо, – кивнул Коныч. – Не нами заведено, не нам и ломать.

– Ага, – охотно согласился Эркин, открывая дверь своего подъезда.

На площадке между первым и вторым этажами, куда с холодами перебрались из беседки любители трёпа под курево, пусто. И в коридоре пусто. Так поздно разве? В замочную скважину он попал сразу, но вошёл в квартиру уже не столь уверенно.

– Эрик! – радостно ткнулась ему в ноги Алиса. – Эрик пришёл. Мама! Эрик вернулся!

Из кухни выглянула улыбающаяся Женя.

– Ну, молодец, мой руки и будем ужинать.

– Мм, – согласился Эркин, целуя её в щёку. – Иду, Женя.

В ванной он тщательно вымыл руки, прополоскал рот. Нет, не такой он уж пьяный. Жалко, Андрей во вторую, сей-

час бы вместе за уроки сели.

На кухне тепло и светло, подпрыгивает крышка на кипящем чайнике, на столе уже всё готово, будто Женя точно знала, когда он придёт. Эркин сел на своё место, пододвинул тарелку и с удовольствием вдохнул запах.

– Как вкусно.

– Ты же ещё не ел, – удивилась Алиса, усаживаясь на свой стул. – А говоришь.

– Я по запаху чувствую, – засмеялся Эркин.

Засмеялась и Женя.

После ужина Эркин ушёл в дальнюю комнату и сел за учебники. Андрей сделал свои уроки утром, и его портфель, уже собранный, стоял у стола. Значит, с работы он придёт сюда ночевать, а то бы взял его с собой. Ну, и отлично. Эркин раскрыл учебник химии и начал читать параграф.

Время текло неощутимо. Почему-то за уроками или чтением он терял своё чутьё спального времени. Только, когда за ним пришла Женя, чтобы он поцеловал на ночь Алису, он понял, что уже поздно. А он только химию сделал, а английский еле-еле начать успел.

Эркин поцеловал Алису и, как всегда, немного постоял над ней, потом вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– Женя, – заглянул он на кухню, где Женя колдовала над завтрашним обедом.

– Да, милый, – обернулась она к нему.

– Я буду ещё долго заниматься, ты ложись, не жди меня.

– Хорошо, – не стала спорить Женя.

Но по её улыбке Эркин понял, что она всё равно сделает по-своему. Он виновато вздохнул и ушёл. Английский, обществоведение, биология... шелест страниц, ровные строчки. Он читал и писал, уже не удивляясь, будто всегда это умел, а может, и в самом деле, привык. Привычка – великое дело. Правда, думать о своём за чтением и письмом, как за другой работой, он не мог, ну, так всему остальному давным-давно выучился, даже не помнит, когда именно, а этому совсем недавно, так что... привыкнет.

– Всё, шабаш, – хлопнул Андрея по плечу Василий.

– Ага, – выдохнул Андрей. – Щас я её, стерву, воткну, и готово.

Вытирая руки ветошью, Василий молча смотрел, как он заканчивает работу, и, когда Андрей выпрямился, довольно усмехнулся.

– Не купился, молодец.

Андрей понял, что прошёл ещё одну проверку, и самодовольно ухмыльнулся.

Обычно во вторую смену в бытовке не задерживались. Пришли, переоделись и нет никого. А уж в пятницу-то...

– Андрюха, в «Холостяжник»?

– Нет, к брату. Бывайте.

– Бывай.

На улице редкие фонари, ясное звёздное небо – к морозу

– и хруст снежной корки под ногами. Но, когда сыт и одежда тёплая, то и мороз в радость. Андрей сбил на затылок ушанку и шумно выдохнул, по-детски залюбовавшись залюбившимся паром. Здорово всё-таки. Всё у него тип-топ, лучше не бывает и не надо...

...До дома он добрался только во вторник, после работы. И уже взялся за ручку двери, как его окликнул комендант.

– Хорошо погулял, Мороз?

– Лучше всех, начальник, – весело ответил он. – А чего?

– Да тебя с субботы почта ждёт.

Вот тут он удивился. Своего адреса он никому не давал, от профессора так быстро ничего не могло дойти, да и не знал его адреса профессор в субботу. Что за чертовщина?! Но спорить, разумеется, не стал, молча прошёл за комендантом в его контору и забрал из ячейки со своим номером конверт. Небрежно, даже не поглядев, сунул в карман.

– Спасибо, начальник. Ещё что было?

– Ступай, отдыхай, – усмехнулся комендант.

Он попрощался и пошёл к себе. Через силу не достал конверт ещё на лестнице. Но выдержал характер. Открыл дверь, вошёл в прихожую, включил свет, захлопнул дверь и стал раздеваться. Ушанку и куртку на вешалку, сапоги вниз. Пошёл на кухню, поставил чайник и уже тогда вернулся в прихожую, достал из кармана куртки конверт. Повертел в руках, разглядывая. Адрес его, почерк незнакомый, не девчонок – это точно, да и не станут они ему писать, не с чего. Штем-

пель... Аровск? Это где? Ладно, потом посмотрим по карте. Он достал нож и аккуратно, кончиком лезвия, вскрыл конверт. Открытка? Пустая? Да, ни слова на обороте. Обычная видовая открытка, пейзаж, такие обычно для туристов делают, видел в киосках ещё там, да и здесь, ну да. И тиснённая золотом надпись по-английски: «*Hello from Alabama*». «Привет из Алабамы»? Это как понимать? Письмо из Аровска, а привет из Алабамы?! Он разорвал конверт и придирчиво осмотрел изнанку. Пусто. Да что же это такое? И вдруг сообразил. И от кого открытка, и почему из Алабамы. А сообразив, хохотал так, что, не устояв на ногах, сел на пол. Отсмеявшись, пошёл на кухню к уже клокотавшему чайнику. Дальше всё было просто. Он пил чай с цареградскими рожками – Женья утром сунула ему в портфель с книгами сборную коробочку – и рассматривал открытку. Ну, Фредди, ну, ловкач! Значит, сделал. И сделал чисто. И, наверняка, не сам через границу ехал, кто-то привёз и бросил в ящик, «в тёмную» сработал. Наверняка так оно и было. Ну, и подыграем. Допив чай, он сжёг в пепельнице открытку и конверт, пепел размял и спустил в унитаз, пепельницу вымыл и, наскоро выкурив две сигареты, оставил окурки в пепельнице, чтобы пахло табачным дымом, а не бумажным...

... «Корабль» встречал редкими из-за позднего времени светящимися окнами. Андрей нашёл взглядом свои. Да свет в спальне и в дальней комнате. Значит, Эркин учит уроки, а Женья его ждёт. Чего это братик так засиделся? Вроде ничего

особо сложного не задавали.

Вошёл он бесшумно, но Женя услышала и вышла из спальни.

– Андрюша? Добрый вечер, я сейчас чай поставлю.

– Да не беспокойся, Женя. Добрый вечер.

Андрей снял и повесил куртку, засунул шарф в рукав. Услышав их голоса, пришёл Эркин.

– О, здорово!

– Здорово, братик. Женя, а к чаю ещё чего-нибудь не найдётся?

– Конечно, найдётся, – засмеялась Женя. – Я же знаю, что ты всегда голодный.

– Это я ещё расту, – очень серьёзно ответил Андрей, проходя на кухню.

Уминая яичницу с колбасой и луком, Андрей сообщил, что на работе у него полный порядок, а вот послезавтра, в воскресенье, стоит съездить в Сосняки, прикупить кое-чего к празднику, ну, чего здесь не найдёшь.

– Конечно, езжайте, – одобрила Женя.

– Женя, а ты? – чуть не поперхнулся чаем Эркин.

– А мы с Алисой тоже по магазинам пройдемся. Так будет лучше, Эркин.

Эркин вздохнул и кивнул. Спорить с Женей он никогда не мог. Андрей доел яичницу и сделал себе трёхслойный бутерброд, сразу чтоб и с сыром, и с колбасой, а масло не в счёт, оно в бутерброд по определению входит. Его объясне-

ние никаких возражений у сотрапезников не вызвало. Эркин отсмеялся, допил чай и встал.

– Женя, мне ещё шауни учить, я пойду.

– Конечно, Эркин, – улыбнулась Женя.

И он сразу улыбнулся в ответ.

Когда Андрей вошёл в комнату, Эркин сидел за столом над книгой. Андрей подошёл к нему и встал сзади, легко опёршись ладонями на его плечи.

– Устал? – не поднимая головы, спросил Эркин.

– Есть малость, – усмехнулся Андрей. – Меня сегодня в самостоятельную на целый узел поставили.

– Здоровско! – искренне восхитился Эркин.

– Ты учи, – оттолкнулся от его плеч Андрей. – Я почитаю пока.

Книг заметно прибавилось, но до профессорских полок, конечно, далеко, чего уж говорить о совсем смутных воспоминаниях о набитых книгами шкафах по всем стенам и до потолка. Андрей взял памятный по перегону томик Шекспира и лёг на диван, включил торшер. Читать по-английски ему было всё-таки чуть-чуть, но сложнее, чем по-русски, особенно стихи. Особенно эти. Потому что смотрит он на строчки, а слышит тихий хриплый голос Старика. Тот читал им, малолеткам лагерным, Шекспира. Чтобы английский не только от охранюг и слышали. А вот купила Женя Алиске книгу, тоже стихи, Чуковского. Он взял посмотреть, так открыл и закрыл сразу, отнёс к Алисе и в шкаф поставил. Потому что

Милочку услышал. «...неужели в самом деле все сгорели карусели...» И Аню. Не может он Чуковского читать. А Шекспира ничего... да и от Эркина он их все ещё там слышал. А Фредди судил. С того суда все и стали звать Фредди его вырвавшимся; «Грамотный и не сволочь». Андрей улыбнулся воспоминанию и перевернул страницу.

Наконец Эркин выдохнул, будто сбрасывая тяжесть и закрыл книгу.

– Уф, всё!

Встал и потянулся, выгибаясь на арку. Андрей опустил книгу на грудь и молча с улыбкой смотрел, как разминается Эркин.

– Знаешь, я в Царьграде книги искал на шауни. Нету.

Эркин выпрямился.

– Но где-то же они есть. Надо у кутойса спросить.

– Спросим, – кивнул Андрей и тоже встал, положив книгу на диван. – Слушай, ты как-то говорил, – он перешёл на английский, – что вот, вы на пару тянулись, как это?

Эркин растерянно улыбнулся.

– Тебе хочется?

– Ну да. – энергично кивнул Андрей.

– Ну, давай, – неуверенно согласился Эркин. – Только...

Тесно здесь, пошли в большую.

– Ага, – не стал спорить Андрей.

Они перешли в большую комнату, Эркин снял и бросил на стулья рубашку и джинсы, оставшись в трусах. Андрей

тоже разделся.

– Так, становись. Вот, ступня к ступне, а руки давай сюда. Выгибайся, я держу, сильнее, – негромко командовал по-английски Эркин. – Голову запрокинь, чтоб спина натянулась. И выпрямляйся. Хорош. Теперь я. Держись. Так. Руку перехвати. Во-во, пошёл.

Они старались не шуметь, но Женя услышала и пришла посмотреть. Стоя в дверях, она молча любовалась ими.

Эркин, почувствовав её взгляд, оглянулся и едва не уронил Андрея. Андрей, заметив переглядку, закатил глаза и подчёркнуто обвис на руках Эркина. Женя засмеялась, и сразу облегчённо засмеялся Эркин. Андрей удовлетворённо выпрямился.

– Ну как, Женя, смотримся?

– Очень, – искренне ответила Женя.

– То-то! – победно провозгласил Андрей.

Эркин рассмеялся и мягким тычком оттолкнул его от себя.

– Всё, а то в школу проспим.

– Да ты чего?! – ужаснулся Андрей.

Они ещё немного посмеялись и решили, что время и в самом деле позднее.

– Ну, я баиньки. Эркин, ты в душ?

– Идите оба, – распорядилась Женя. – А то ты, Андрюша, опять зачитаешься.

– Есть такое, – тряхнул шевелюрой Андрей. – У кого за-

пой, а у меня зачит.

Вымылись они быстро, вдвоём навели порядок в ванной и разошлись.

Когда Эркин вошёл в спальню, Женя уже лежала и даже свет был погашен. Привычно щёлкнув задвижкой, Эркин пересёк в два шага спальню, сбросил халат на пуф и нырнул под одеяло. Руки Жени сразу обняли его за шею и плечи и притянули к себе. Эркин счастливо вздохнул, зарываясь лицом в её волосы.

– Спи, милый, всё хорошо, да?

– Лучше не бывает, – убеждённо ответил Эркин.

Женя наощупь нашла его голову, взъерошила и пригладила волосы, пропуская между пальцами пряди. Эркин ещё раз вздохнул, мягко погладил Женю по спине.

– Спим?

– Да, милый.

Эркин потёрся лицом о её волосы и уже во сне лёг так, чтобы ей было удобно обнимать его.

Страда закончилась, кладовка и подпол набиты банками, кадушками и мешками. Картошки, правда, маловато, с новогодья прикупать придётся, ну, да это не так уж страшно. Дед помог соседу заколоть боровка и плату взял мясом. Со своим же не подсуетились вовремя, на Рождество покупать придётся.

Артём, отдуваясь, пил чай с мёдом. Мелюзга уже из-за

стола вылезла, так что сидели втроём, ведя неспешный хозяйский разговор. Говорил, в основном, дед, а бабушка и Артём поддакивали.

– Ну, – дед отёр концом висевшего на шее полотенца пот на лбу, – год, слава богу, прошёл.

– Да уж, – бабушка суетливо подлила Артёму чаю, – не сгладить бы ненароком, теперь лишь бы здоровье было.

– Здоровье первой всего, – важно кивнул дед.

Кивнул и Артём. Допив свой чай, он перевернул чашку вверх дном на блюде и встал, перекрестившись на икону.

– Пойду уроки делать.

– С богом, – напутствовал его дед.

В горнице Лилька и Санька уже сидели за столом со своими учебниками, а сбоку пристроился Ларька со «Светлячком». Артём подошёл к комоду, отобрал нужные на завтра книги и тетради и сел на своё место. Строго посмотрел на мелюзгу, чтоб не вздумали лезть и мешать, и раскрыл учебник английского.

Учиться он не то, чтоб не любил, а... ну, без души это для него. Надо иметь аттестат, ну, раз надо, он и пыхтит. А рваться из жил, чтобы первым быть, зачем? Да и без пользы ему эта учёба. Ну, читать-писать – понятно, а считать он и раньше умел. И английский ему нафиг не нужен. Химия, физика, биология... напридумывали беляки, а ему теперь отдуваться. И на какого чёрта Мороз себе ещё индейский повесил...

Но все эти соображения Артём благоразумно держал при

себе. И не настолько учёба была ему тяжела или противна, чтоб трепыхаться. Да и дедово: «Савельцевы никогда последними не были» задевало. В самом же деле, не глупее же он остальных. Все пахнут изо всех сил, так что и ему надо, чтоб не хуже остальных.

Санька рисовал на промокашке чёртика, а Лилька смотрела, как у него получается, и тихо упоённо хихикала. Не отрываясь от книги, Артём ловко дотянулся и отвесил каждому по лёгкому подзатыльнику.

– Дело! – сразу отозвался из кухни дед. – Не баловать обое! А то я добавлю.

Санька молча потёр затылок, Лилька не всерьёз хныкнула, и они вернулись к урокам. Злорадной ухмылки Ларьки никто не заметил.

Закончив с английским, Артём взялся за физику. Лилька и Санька закончили свои уроки, но дед их из-за стола не отпустил.

– Другое читайте. Или рисуйте там. Но чтоб тихо было.

Рисовать, читать, картинки смотреть... нудьга, конечно, но лучше, чем деду с бабкой помогать. Лилька увидела, что бабка садится за прялку, и уткнулась в книжку. Но не помогло.

– Чем впустую пялиться, иди прясть учись.

– Ну, Тём...

– Я же вижу, что не листаешь.

Лилька вздохнула и полезла из-за стола. Санька стал как

раз войну рисовать, и Ларька к нему пересел, а ей...

– Давай-давай, – подбодрил её дед. – Иди знай, что в жизни понадобится. Всё надо уметь.

– И свет хороший, – поддержала бабка. – Вот я, бывалоча, керосин дорог, так при лучине училась. А тебе на сиделки когда идти, так уметь надо, чтоб не срамиться.

– Всё, и не тараторьте, – повёл на них бородой дед, берясь за Санькины ботинки.

Устные предметы шли у Артёма быстрее: два раза, ну, три, прочитал и запомнил. И всё. А если не задумываться, то как само в память укладывается.

Дочитав до последней из нужных страниц, Артём собрал и переложил на комод книги и тетради.

– Санька свои убери. И Лилькины.

– Я рисую ещё.

– Убери и рисуй, – легонько щёлкнул его по макушке Артём.

Санька потёр макушку и встал. Артём сел рядом с дедом и взял второй ботинок. Обувь на Саньке так и горела, а для валенок ещё сыро, и новое покупать, так не напасёшься.

– И какой футбол по слякоти, – ворчал дед.

– А у школы асфальт, – Санька сунул Ларьке законченный рисунок. – Мы там играем. Деда, а если резиной? Ну, как валенки.

– И верёвкой подвязать, – кивнул дед. – Ежели я её прошью, она ж воду держать не будет.

– А чего с ней делают? – спросил Артём.

– Клеят. Клей нужен. Особый.

Артём кивнул, протыкая кожу.

– На той неделе я во вторую. И в воскресенье работаю.

– Угу, – кивнул дед. – За воскресенье двойную платят?

– А как же.

– Тогда давай.

Артём улыбнулся. Будто это он сам смены выбирает, график-то управляющий составляет, на квартал вперёд. Но деду он ничего не сказал: пусть думает, что по его слову всё делается. Деду приятно, а ему нетрудно.

После Санькиных ботинок дед придирчиво осмотрел Лилькины.

– Сгодятся пока.

– В школе велели сменку приносить, – сказала Лилька.

– Ну, так что, взять нечего? – дед сердито повёл бородой. – Раз велели, значит, надо. Санька, слышал?

– Я что, девчонка, сменку таскать?! – возмутился Санька.

– Цыц, я сказал. Надо, значит, надо!

Санька покосился на Артёма и кивнул.

– Ладно.

Такие перепалки бывали часто, и последнее слово всегда оставалось за дедом. Как и положено.

Утро пасмурное, но ни дождя, ни снега с неба не сыплется, и ветра совсем нет. Как всегда по субботам они шли втроем:

Эркин, Андрей и Алиса.

– Эрик, так уже зима или ещё осень?

– Предзимье, – ответил за Эркина Андрей.

Выпавший в начале недели снег стаял, и Андрей оделся, как и Эркин: резиновые сапоги с тёплыми вкладышами и осенняя куртка с подстёжкой. Кожаные обновки он решил до серьёзного снега не трогать. О завтрашней поездке не говорили: по покупкам всё решили, так что нечего впустую болтать.

Алиса подпрыгивала на ходу, повисая на руке Эркина, крутилась, выглядывая знакомых, и, увидев впереди Дима и Катю, радостно завопила:

– Димка-а-а!

Дим, Катя и Тим обернулись. И, как обычно, после минутной суеты и обмена приветствиями дети пошли впереди, а взрослые сзади.

– Ну, как малышка? – весело спросил Андрей.

Тим невольно расплылся в блаженной улыбке.

– Она меня узнаёт уже!

Андрей и Эркин дружно восхитились. И Тим не смог удержаться от рассказа.

Потом заговорили о погоде, что по приметам Бабы Фимы, да и другие, кто здесь давно, подтверждают, выходит похолодание, а если, как тоже все говорят, снег на сухое ляжет, то уже прочно, до весны.

Так, под разговор, дошли до Культурного Центра, разде-

лись, отправили детей на занятия и поднялись в свой класс.

По субботам всегда в классе тесно и шумно. Кто что сделал, чего у кого списать... Эркин сел рядом с Артёмом, достал из портфеля учебник и тетрадь.

– Задачи сделал?

– А то! – залихватски ответил Артём. – А ты?

Эркин кивнул.

– Сделал, – и, хмыкнув, тихо по-английски: – Бывало и хуже.

– Бывало, – так же тихо и тоже по-английски согласился Артём.

Зазвенел звонок и вошла Леонида Георгиевна, а за ней дежурные на этой неделе Трофимов и Карпов несли ящики с пузырьками, пробирками и прочим.

– Оу! – обрадовался Павлов, и его чёрная лоснящаяся физиономия расплылась в улыбке.

– Точно, лабораторка, – радостно поддержал его Андрей.

Обрадовались и остальные. Руками все любили работать, как-то это лучше получается.

– Вот, Леонида Георгиевна, – Аржанов встал и положил на учительский стол стопку стёкол размером с треть стола. – Я сделал и края загладил.

– Большое спасибо, разложи по столам, хорошо?

– Это, – догадался Эркин, – чтобы пролитое стол не разъело, так?

– Да, Мороз, правильно.

Эркин самодовольно улыбнулся, а Артём уважительно посмотрел на него.

Леонида Георгиевна строго оглядела класс.

– Откройте тетрадь для лабораторных работ. Сегодняшняя дата. Работа номер три. Тема...

Леонида Георгиевна повернулась к доске написать тему, но тут открылась дверь, и в класс вошёл Мирон Трофимович. Все, недоумевая, встали.

– Здравствуйте, – кивнул Мирон Трофимович. – Садитесь, – и посмотрел на дверь.

И все повернулись туда же. В дверях стояла... с первого взгляда и не поймёшь какого возраста – женщина. Вся в чёрном, голова окутана чёрным платком, и лицо бледное до голубоватой белизны.

– Смелее, – улыбнулся ей Мирон Трофимович. – Входите.

Она потупилась и вошла, колыхнув длинной чёрной юбкой, из-под которой виднелись только носки чёрных резиновых сапожек. Мирон Трофимович повернулся к классу.

– Это Манефа Леснова, будет учиться в вашем классе. Прошу любить и жаловать.

Андрей расплылся в улыбке и чуть шевельнулся, показывая, что стул рядом с ним свободен. Мирон Трофимович строго посмотрел на него, а потом оглядел класс. Свободных мест два. Рядом с младшим Морозом и в дальнем углу рядом с Черновым. Остальные столы заняты. Пересаживать... лишняя сумятица... нет, пусть выбирает сама... И повернул-

ся к ней.

– Садитесь.

Она помедлила и подошла к столу Андрея. Видимо, Тим ей показался страшнее. Мирон Трофимович кивнул.

– Хорошо. Леонида Георгиевна, извините, что помешал.

– Ничего, – улыбнулась та. – Мы нагоним.

Все встали, провожая директора, и снова сели, когда за ним закрылась дверь. Леонида Георгиевна написала на доске тему и стала диктовать задание. Андрей писал быстро, искоса рассматривая неожиданную соседку. Руки тоже белые, пальцы тонкие, не расплющены ни дойкой, ни другой тяжёлой работой, кожа гладкая, не морщит после стирок в холодной воде. И белизна... знакомая, тюремная белизна. Совсем интересно. Но задание уже записано, пора работать. Набор у каждого свой, да и Леонида Георгиевна подошла к новенькой и тихо заговорила с ней. Андрей ещё успел подумать о чудном имени и углубился в работу.

Работа, как всегда у Леониды Георгиевны рассчитана точно даже не до минуты, а по секундам, и чтобы нагнать упущенное в начале урока и уложиться до звонка, пришлось вкалывать, не отвлекаясь. И что там у Манефы получалось или не получалось, Андрей не знал.

Прозвенел звонок.

– Соберите реактивы. Тетради мне на стол, пожалуйста.

Встала положить свою тетрадь и Манефа, но тут же вернулась на место и села, потупившись. Подступить к ней с

вопросами никто не решился. Все вышли в коридор, а она осталась сидеть и сидела, неподвижно, глядя на свои лежащие на столе руки и беззвучно шевеля губами.

Докурив сигарету, Андрей вернулся в класс и сел на своё место.

– Давай знакомиться, соседка, – весело сказал он. – Я Андрей Мороз, честь имею, а тебя, я слышал, Манефой зовут, так?

Она не ответила, только чуть-чуть, еле заметно кивнула. Звонок на урок не дал Андрею продолжить.

Писала Манефа медленно, явно не успевая за всеми, какими-то странными буквами. Андрей слегка подвинул свою тетрадь так, чтобы ей было удобнее списывать. И получил еле слышное:

– Спасибо.

Андрей склонился над тетрадью, пряча самодовольную ухмылку: главное – начать, а дальше само пойдёт. И когда прозвенел звонок на перемену, она сама искоса быстро посмотрела на него и повторила:

– Спасибо.

– Не за что, – тихо и весело ответил Андрей, убирая учебник и тетрадь.

И на этой перемене она осталась сидеть за столом, но быстро исподлобья поглядывала на входящих и выходящих одноклассников. Заметили это только Эркин и Артём: сами так умели, но, правда, получше.

На английском Андрей быстро понял, что языка Манефа совсем не знает. Они-то все говорили с детства, а учились только читать и писать, а она и слов не знает, не понимает ничего. Джинни, видимо, предупредили, не лезет к ней с вопросами и замечаниями, улыбается ей, но толку-то... И Андрей шёпотом предложил:

– Помочь?

Она молча замотала головой. Андрей пожал плечами, но повторять предложение не стал. В конце концов это её проблемы. Остальные тоже занимались каждый своим.

Оглядываться назад Манефа не рисковала, смотреть на учительницу было страшно: такая та молодая и нарядная, и не боится ничего, стоит перед парнями и мужиками, коленки из-под юбки видны, а не боится, учительница, ей никто не скажет... Манефа покосилась на соседа. Ишь как в рот ей смотрит, им, кобелям, одно надо, а у училки и грудь в объёмку, и... она тихонько вздохнула и потупилась.

Следующие уроки настроения ей не улучшили, хотя говорили уже по-русски, и учительница была почти старая и не такая красивая, а последним вообще был учитель, седой и строгий, а глаза добрые. Но она всё равно мало что понимала и даже не слушала толком. А этот... Андрей – ловкий, об чём его ни спросят, всё знает.

Прошлую субботу Андрей пропустил, и, хоть все тетради Эркина и заданные на дом параграфы прочитал, но отвлекаться нельзя, о необычной соседке он и думать забыл. По-

надобится ей, так сама заговорит, а у него и без неё полно хлопот.

Последний звонок, и все дружно срываются с мест. Всё, по домам! В вестибюле уже шумят дети. Тим прощается с Димом и Катей, благодарит соседку по башне, что отводит их домой, Эркин помогает Алисе одеться – сегодня погода хорошая, пусть погуляет, пока он на шауни – у каждого своих забот полно. На Манефу если и смотрели, то мельком, и когда и куда она ушла, никто и не заметил.

К удивлению Эркина, Артём вниз со всеми не пошёл.

– Ты чего, малец? – спросил он мимоходом.

И услышал в ответ неопределённое:

– Дело у меня тут ещё.

Эркин кивнул и тут же забыл об этом.

Убедившись, что все ушли вниз, Артём быстро пробежал по коридору к другой лестнице, поднялся на третий этаж, снова по коридору, по запасной лестнице спустился к комнатам за сценой и уже оттуда вошёл в зал.

Здесь было тихо и пусто. Артём огляделся и подошёл к роялю. Во вторник, когда он пришёл на обычные занятия, его остановила в вестибюле эта... Алевтина Алексеевна и сказала, чтобы он пришёл в субботу после уроков в зал, и она его послушает. А сказать «нет» он не смог: привычка к послушанию, тем более белой леди, не позволила.

Артём снова огляделся и, убедившись, что никого нет, бросил свою сумку на пол, открыл клавиатуру и осторожно

коснулся клавиши, соседней... Мороз говорил как-то, что шесть лет гитары не держал, а руки всё помнили. А у него самого как? Артём несколько раз растопырил и сжал пальцы в кулак, и рискнул взять аккорд. Верно! Помнят, сами по себе помнят и ложатся. А вот это? Сесть он не решился и играл, стоя, согнувшись пополам.

Алевтина Алексеевна не любила, когда без её ведома, кто-то садился к роялю, и начиналось неумелое брэнчание и подбор по слуху, поэтому, подходя к залу и услышав осторожные спотыкающиеся звуки, нахмурилась, но, уже взявшись за ручку двери, остановилась, вслушиваясь. Там не подбирали, а... вспоминали. Да, играть умеют, вернее, умели и теперь восстанавливают. Как и она сама, когда... нет, не будем вспоминать то, что мешает жить. Играют мягко, но почему не упражнение, а пьеса? Мелодия интересная, игривая, даже фривольная... Не слышала раньше. Кто же это?

Алевтина Алексеевна осторожно открыла дверь и вошла. И еле сдержалась. У рояля стоял Артём Савельцев. Ей говорили, что он хорошо поёт, в церкви хору подтягивает чисто-чистенько и у берёз... Она потому и настояла, чтобы он пришёл на прослушивание, самородок можно обработать только в молодости, даже в детстве, потом голос заострится и останется для вечеринок и обихода. А раз он играет, то, значит, его уже учили?

Артём так увлёкся – «О, моя любовь» вышла полностью и «Моя сексуальная штучка» тоже, а вот «Пушистый котёнок

с длинным хвостом» застревает, тут мякнуть надо, чёрт, не вытягиваются пальцы, у него, правда, этот пассаж и раньше плохо получался, на этом месте уже всегда лапают и играть мешают, и не слушают ни хрена, как ни сфальшивишь, так всё сойдёт, а если так попробовать и с левой зайти – что ничего не замечал и вдруг ощутил рядом чьё-то дыхание. Он поднял глаза и, ойкнув, отскочил от рояля, пряча руки за спину.

Алевтина Алексеевна улыбнулась.

– Ну и чего ты испугался? У тебя очень хорошо получается.

– Спасибо, мэ, – автоматически пробормотал Артём по-английски.

– Ты учился играть? – спросила Алевтина Алексеевна. – Или сам подбирал? По слуху?

Артём замаялся, не зная, как лучше соврать. Правду говорить он вовсе не хотел. Но, к его облегчению, Алевтина Алексеевна не стала расспрашивать, а села к роялю.

– Ну-ка, повтори, – и дала ему тон.

Артём подавил вздох и запел.

Алевтина Алексеевна сразу услышала чистоту и верность голоса, спокойно проверила диапазон, чувство ритма и всё остальное. Очень приятно, и, похоже, азы уже пройдены, голосом мальчик владеет.

– А теперь спой, что ты играл. Без слов, только мелодию. Сказала и удивилась его радости. Ведь обычно петь без

слов не любят, не понимают цели этого, для всех, ну, для большинства слова в песне важнее мелодии, неужели мальчик настолько музыкален?

Петь без слов – это хорошо, даже здорово, а то в «сексуальной штучке» такие слова, что если она знает по-английски, то влепят ему за приставание к белой на всю катушку. А без слов – попробуй, придержи. И Артём запел уже свободно, играя голосом.

Как обычно Эркин провозился с Алисой и вошёл в класс шауни последним, перед самым звонком. Все уже были на месте. И Двукрылый здесь, глаз ему здорово подбили. Эркин сел рядом с Андреем, достал тетради, букварь, прописи. Вошёл, прихрамывая сильнее обычного Громовой Камень, и все они встали по уже прочно усвоенной школьной привычке.

– Мы видим тебя, кутойс.

– Я вижу вас, – заставил себя улыбнуться Громовой Камень, проходя к столу. – Садитесь.

Ну вот, все в сборе. И младший Мороз пришёл. И Двукрылый. А сильно ему досталось. Жаль, но от «огненной воды» это не помогает.

– Задание все сделали?

Урок как урок. И если бы не боль в раненой ноге... чёрт, как сырость, так крутит, хоть ором кричи. Но он привычным усилием загнал боль внутрь, подальше. Поправить произношение у Андрея, Чернов ошибся в числе, но сам тут же ис-

правил, а Перо Орла решил неправильно, кто поправит? Мороз? Двукрылый?

Эркин учился, как и работал, сосредоточенно и внимательно, но заметил, что кутойсу не по себе. Болеет, что ли? Через боль говорит. Остальные будто не видят. Хотя чужую боль замечать – надзирателя накликают.

Заметил и Андрей. И тоже не подал виду.

Урок закончился, и все встали. Размяться, покурить, да мало ли чем можно на перемене заняться. Громовой Камень остался сидеть, но такое и раньше случалось. Оставшись один, он закрыл глаза и так сидел, перемогая боль, пока не зазвенел звонок.

– Садитесь, продолжим.

Второй урок – беседа. Сегодня Медвежонок рассказывал, как в его стойбище мальчишки доказывают свою... взрослость, ну, что уже могут получить имя. Остальные учились переводить этот рассказ на русский, а для Морозов и Чернова – это ещё и информация сама по себе, и лексика.

– Это называется инициацией, да? – спросил вдруг по-русски Андрей, когда всё было переведено, выяснено и уточнено.

Ответить Громовой Камень не успел.

– Ты сам-то хоть что умеешь? – насмешливо спросил Одинокый Волк, почему-то обидевшись на незнакомое слово.

– Я много чего умею, – многозначительно ответил Андрей.

Эркин круто развернулся лицом к Одинокому Волку, открыл рот, но над его ухом свистнул, разрезая воздух, нож. Одинокий Волк опустил глаза. Нож Андрей воткнулся в стол рядом с его запястьем, пригвоздив рукав к столешнице. Молча одобрительно кивнул Тим, оценив силу и быстроту броска. В классе стало очень тихо. И в этой тишине Громовой Камень встал и подошёл к Одинокому Волку, неожиданно легко выдернул нож и повернулся к Андрею, держа нож на раскрытой ладони.

– Хороший нож, – медленно сказал он по-русски. – Хороший удар, всё хорошо. Но ты забыл главное, – и перешёл на шауни. – Оружие нужно, когда не умеют пользоваться словами.

Андрей медленно кивнул.

– Я понял, кутойс, – ответил он на шауни.

Громовой Камень движением ладони повернул нож рукояткой вперёд и мягко стряхнул его в ладонь Андрея.

– Возьми и без крайней нужды не доставай.

– Крайняя нужда? – переспросил Эркин.

Громовой Камень перевёл свои слова на русский. Эркин кивнул и шевельнул губами, повторяя про себя новые слова. Андрей убрал нож и встретился глазами с Одиноким Волком. Секунды три они молча смотрели друг на друга и одновременно отвернулись.

Громовой Камень вернулся к учительскому столу и сел. До звонка ещё десять минут, поработаем над лексикой. Пе-

рекрёстным переводом. Обычно эта работа шла со смехом, вышучиванием ошибок, и класс становился единым, но сегодня работали сосредоточенно и серьёзно. Правда – усмехнулся про себя Громовой Камень – и ошибок гораздо меньше. Что и правильно: раз слово – оружие, то цена и шутки, и ошибки совсем другая. Но где же Андрей так ножу выучился? Не видел такого у русских, хорошо ножи мечут горные племена, лесные предпочитают томагавки. Интересно. И заточка явно другая, и балансировка, и рукоятка точно под определённую ладонь сделана. Но спрашивать не стоит. Такие расспросы добром никогда не кончаются. И у горных всё равно по-другому, и мало их, очень мало, они не то, что с Равнины, на Равнину редко спускаются, никак не мог Андрей настолько с ними законтрачить. И нож у него, хоть и с особенностями, но русский...

Звонок прекратил урок и его размышления. Все встали, прощаясь. Первым, как всегда, ушёл Тим, на ходу укладывая и застёгивая сумку. За ним ушли индейцы, а Андрей промешкал, укладывая книги в портфель.

– Я вот спросить хотел, – заговорил он по-русски.

– Спрашивай, – тоже по-русски ответил Громовой Камень.

Эркин о становился в дверях, ожидая Андрея и готовясь вмешаться, если тот опять заиграется.

– Я в Царьград ездил, на прошлой субботе, книжные развалы там смотрел, на шауни нет книг. Где-то же их можно

купить? Где, кутойс?

Эркин незаметно перевёл дыхание, а Громовой Камень вздохнул.

– В Царьграде есть наше представительство. При нём магазин. Ну, и в Эртиле, конечно.

Андрей кивнул.

– Понятно. Ну, Эртиль далеко, а в Царьграде посмотрим. Спасибо, кутойс.

Громовой Камень улыбнулся.

– До Эртиля надо ещё чтобы через границу пропустили.

– А?! – Андрей энергично кивнул. – Да, вспомнил. Значит, в Царьграде, – и на шауни: – Спасибо, кутойс. Ты остаёшься, мы уходим, – попрощался он за себя и за Эркина.

Когда за ними закрылась дверь, Громовой Камень собрал свои тетради и встал. Ну, надо же какой... взрывной парень. Мороз намного выдержаннее. Хотя и про него... рассказывают. Ну, обошлось и ладно. А вот Одинокий Волк нарвётся обязательно. В прошлую субботу к Морозу прицепился, сегодня к Андрею. Не уймётся, пока со скальпом не распрощается.

Набегавшаяся раскрасневшаяся Алиса ждала их в вестибюле. Эркин забрал из гардероба свою куртку и её сумку, оделся.

– Алиса, готова?

– Ага, – она уцепилась за его руку. – Андрюха, а ты чего, идём, да?

– Нет, племяшка, – улыбнулся Андрей. – Я к себе пойду.

Эркин, завтра на вокзале?

– Идёт, – кивнул Эркин. – Кто первым придёт, билеты купит.

– Дело. Как тогда, да? Ну, замечано, я пошёл.

Алиса взглядом проводила его до дверей и снизу вверх посмотрела на Эркина.

– Эрик, а чего это он, а?

Эркин неопределённо пожал плечами. В конце концов, Андрей уже сам всё соображает и в няньках не нуждается.

– Пошли домой, Алиса, мама уже ждёт.

– Ага, – согласилась Алиса.

На улице заметно похолодало, но снега не было. Листва давно облетела, и улицы стали пустынными и прозрачными.

– Эрик, а давай через рощу пойдём, – попросила Алиса.

– Давай, – не стал спорить Эркин.

Алиса шла рядом с ним, изредка поддевая носком сапожка смёрзшиеся подушки листвы, и была чего-то такой тихой... Эркин сверху вниз посмотрел на неё.

– Алиса, что-то случилось?

Она совсем по-взрослому вздохнула и помотала головой.

– Не-а.

– Что? – повторил Эркин. – Я же вижу.

Алиса снова вздохнула.

– Эрик, ты... ты обижаешься на меня? Да?

– Что?! – изумился Эркин. – Из-за чего я обижаться на

тебя буду?

– Ну, что я тебя не папой, а по имени зову. Тебе это обидно, да?

– Да нет, – растерянно пожал плечами Эркин. – Почему это обидно?

– Не знаю, – честно ответила Алиса. – Меня вот спрашивают. И... и дразнят, что ты чужой мне. Это же неправда? – закончила она неуверенным вопросом.

– Да, – медленно кивнул Эркин. – Ты мне не чужая.

– Ну вот! – обрадовалась Алиса. – Я всегда знала, что ты родной! Ты же поэтому тогда пришёл. Я помню, раненый. Ты же нас поэтому нашёл. Ну, в самый первый раз.

– Да, – уже твёрдо ответил Эркин. – Поэтому.

Алиса потянулась к нему, и он, бросив сумку и портфель на землю, взял её на руки. Алиса, обхватив его за шею, прижалась к нему так, что он через одежду чувствовал, как стучит её сердце.

– Эрик, ты же всё равно Эрик, да?

– Да, – понял он её невнятицу. – Только так.

Не отпуская её, он присел, подобрал сумку и портфель и выпрямился.

– Да, Алиса, а теперь идём домой.

Он шёл по тропе, неся Алису. Она уже успокоилась и весело оглядывала мир с высоты его роста.

Эркин не спешил, но роща всё равно кончилась слишком быстро. На краю оврага Эркин остановился и поставил Али-

су на землю.

– Дальше сама.

– Ага, – согласилась она со вздохом.

Они спустились к ручью по побелевшим от инея и тонкого льда ступенькам, перешли ручей и поднялись наверх. Было ещё совсем светло, и потому все окна «Беженского Корабля» оставались тёмными. Алиса пошарила по ним взглядом.

– Эрик, а мама дома? Ты не видишь?

Эркин пожал плечами.

– Дома, наверное.

Действительно, где ещё может быть Женя.

На лестнице Алиса побежала вперёд, и, когда Эркин пошёл к их квартире, дверь была уже открыта и Женя раздевала Алису.

– Вот и молодцы, вот и умники. Мойте руки и за стол, у меня всё готово, Эркин...

– Андрей к себе пошёл, – понял недосказанное Эркин. – Мы завтра на вокзале встретимся.

– Ну и хорошо.

За обедом Алиса доложила о всех своих подвигах и победах, Эркин ограничился тем, что у него и Андрея тоже всё в порядке, одни пятёрки. Об инциденте на уроке шауни, как и о разговоре с Алисой об именах, он решил Жене не рассказывать. Пока та впрямую не спросит. Женя видела, что Эркин о чём-то не договаривает, но спрашивать – может, он при Алисе не хочет говорить, мало ли что там могла быть

– не стала.

После обеда Алиса отправилась спать, а Женя быстро, как всё делала, мыла и расставляла на сушке посуду. Эркин, сидя за столом, молча любовался ею.

– Эркин.

– Да, – он вздрогнул и будто очнулся. – Что, Женя?

Женя, улыбаясь, стояла перед ним.

– Устал?

– Нет, – удивлённо ответил он. – Мне не с чего уставать, что ты, Женя.

Она ласково покачала головой.

– Я же вижу. Пойди, отдохни.

– Слушаюсь, мэм.

Эркин тяжело, словно поднимая на себе невероятную тяжесть, встал, шатнулся. Женя подалась к нему, чтобы удержать, подхватить, но вдруг оказалась у него на руках.

– Ах ты...! – задохнулась она сразу от возмущения и смеха.

– Провокатор, я знаю, – очень серьёзно закончил за неё Эркин, выходя из кухни с Женей на руках. – В спальне тебе будет удобней меня придушить, правильно? – и сам ответил: – Правильно. Пятёрка мне. За правильное решение.

– Да-а? – Женя, болтая ногами, плотнее обхватила его за шею. – А пятёрка чего?

– Всего, – тихо рассмеялся Эркин и уточнил. – Чего захочешь.

– Тебе пятёрка того, что я захочу, – задумалась Женя.

– Ага, – согласился Эркин, разворачиваясь в дверях спальни, чтобы ненароком не задеть косяк. – Вот так. Сейчас я закрою дверь, и ты мне скажешь.

– А если не скажу?

– Сам догадаюсь.

Эркин положил Женю на кровать и, целуя, стал раздевать. Женя так смеялась, что не раздевала его, а только теребила на нём одежду. Раздев Женю, Эркин выпрямился и улыбнулся своей «настоящей» улыбкой.

– Я угадал?

– Ещё одно правильное решение, – смеялась Женя, – ещё одна пятёрка? Да?

– Ага, – готовно согласился Эркин, стаскивая с себя рубашку.

– Какой ты красивый, Эркин, – мечтательно вздохнула, любуясь им, Женя.

Эркин понимающе кивнул и, шагнув в сторону, встал в зеркальный коридор.

– Женя, тебе видно? Подвинься тогда.

– Ага-ага, – Женя подсунула себе под спину подушку. – Вот так. Мне отлично видно.

Эркин негромко запел и, плавно изгибаясь, стал раздеваться. Женя, любуясь им, захлопала в ладоши, отбивая ритм.

Придя домой, Андрей поставил у вешалки портфель, быстро разделся и пошёл на кухню. Конечно, хорошо прийти к готовому обеду и прочим семейным радостям, но быть единственным полновластным хозяином ещё лучше. Что хочешь, то и ворочу. Дверь закрыл, на два оборота ключ повернул, и хрен меня кто возьмёт, не подсмострит, не подслушает.

Андрей сразу поставил чайник на огонь и уже спокойно принялся готовить себе обед. Удобная всё-таки штука – полуфабрикаты, консервы и прочая дребедень. Сварить картошку – не проблема, вот она, холодная, в мундире, почи-тим и в кипяток её, ну, и луку туда, и прочего, а потом бухнуть туда же банку рыбных консервов, и суп получается – пальчики оближешь. А на второе... мяса поджарим. И кашу, что с – неважно с какого – осталась, на той же сковородке прогреем. По-профессорски. И конфеты на сладкое у него всегда в запасе есть. А на закуску капусты квашеной возьмём. Вот так. И готов потрясный обед из четырёх блюд. А чтоб слюной не изойти, пока готовишь, сделаем себе чаю и будем потихоньку прихлёбывать. Когда чай несладкий, аппетит не отбивается. Хотя – Андрей усмехнулся – его аппетит ничем не отбить.

Приготовив обед, Андрей пошёл за газетой. Читать и есть – два удовольствия сразу, незачем себе в этом отказывать.

Ел он без спешки и оглядки: дверь закрыта, сзади никто не подойдёт, да и он уже не малолетка, не всякий рискнёт сунуться.

«Загорская искра» и обед закончились одновременно. Андрей отложил газету и встал убрать со стола. Посвистывая, он вымыл и расставил на сушке тарелки, чашку, ложки и вилки, кастрюлю и сковородку, вытер руки кухонным полотенцем, повесил его и аккуратно расправил. Вот так, чтоб не хуже, чем у братика. Эркин – хозяйственный, основательный, так что и ему не след распускаться, надо фамильную – он весело хмыкнул – честь блюсти. А газету в пачку, разовая штука – газета, прочитал и на обёртку, то ли дело книга. Хотя и там встречаются... однодневки.

Мебель в комнату он так ещё и не купил. Хотелось то так сделать, то по-другому, что стояло в магазине казалось не тем, а делать самому – некогда, да и не такой уж он в этом мастер, тут краснодеревщиком надо быть, а он... строгала, нахватался верхушек.

Обычно, когда выпадало такое «пустое» время, он заваливался с книгой на постель. Курить он больше в постели не рисковал – о жутком случае, как в Ровеньках целый дом сгорел из-за такого курильщика, и газета писала, и говорили много. Андрей поправил подушку, чтобы затылком в стену не упираться и раскрыл книгу.

Но прочитав пару страниц, отложил. Темнеет уже, а вставать и свет включать да шторы задёргивать – неохота. Вот так лежать и смотреть, как синее, наливается темнотой комната, растворяются в темноте углы, теряются за окном, сливаясь с небом, верхушки берёз. Сумерки, сумерничать...

...— Будем сумерничать?

— У нас просто нет керосина, Серёжа. Вот и сумерничаем...

...Эркин говорил, что профессор ему фотки показывал. И там мамина была. Так что надо будет попросить, может быть и даст переснять. А комнату всё-таки будет делать кабинетом. Полки по стене во всю стену, стол хороший, полки он сам сделает, а стол купит, и кровать, нет, диван или тахту. А это слово откуда выскочило? А оттуда же, из прошлого. Он и с профессором тогда на этом прокололся, на словах. Теперь-то что, назад не отыграешь. Но он своё возьмёт, сведёт их, столкнёт лбами всю четвёрку. И выйдет всё по его. Они ему все нужны, и метаться между ними он не хочет и не будет. Свёл же Фредди с Эркином, и как всё ладненько вышло. А уж профессору с Фредди и Джонатаном делить точно нечего. Так что всё будет преотлично.

Что он в мыслях называет отца профессором, Андрей не то, что не замечал, а... не беспокоился об этом. Отец остался в той, домашней, дотюремной жизни. Нынешний похож на тогдашнего, да только он сам другой, на того он снизу вверх смотрел, а с этим они вровень, а кое в чём он профессору и фору даст.

Андрей тряхнул головой и поднялся. Завтра по будильнику вставать, да и то ли устал, то ли ещё чего. Сейчас перекусит по-быстрому и завалится. Сна, как и еды, много не бывает.

Полужинав чаем с бутербродами, Андрей наскоро проверил, чего и сколько у него в запасе, не надо ли уже подкупать, и пошёл в ванную. Мелкая ежедневная постирушка привычна и не в тягость, а для большой стирки есть прачечная, хорошая, Женя наводку дала. Когда много смен, то и проблем нет. А полудюжина у него уже есть! Четыре здесь и две у Эркина, надо будет до дюжины довести. Интересно, почему всё по десяткам считают, а простыни и ложки дюжинами? И спросить не у кого, этого наверняка и профессор не знает.

Убрав и развесив всё по местам, Андрей пошёл в комнату, выключая по дороге свет. Не спеша, но и не мешкая, разобрал постель, завёл будильник, выключил свет и лёг.

Ну вот, завтра в Сосняки, там купить всяких деликатесов, заглянуть в магазины: книжный, мебельный, да, и в джинсовый за поясом. И подарок... Здесь не купил, хотелось чего-то особенного, а там Эркина отвлекать придётся. И главное – позвонить. В Царьград и Колумбию. Чёрт, тарифов он не знает, сколько же взять: Тысячу? Тогда уж точно на всё хватит.

За этими мыслями Андрей и сам не заметил, как заснул.

Американская Федерация

Алабама

Деревья вдоль дороги сплошь жёлтые и красные, зелёных листьев почти не осталось, а трава яркая, как летом, и небо чистое. Не погода, а подарок. Чак гнал машину, опустив стекло, чтобы продувало осенним прохладным ветром, и курил, наслаждаясь пахучим дымом дорогой сигареты. А что, может себе позволить! Не прежнее время. Сейчас были бы деньги и голова на плечах, чтобы знать край, и можешь себе позволить, если не всё, то очень многое и куда больше, чем раньше. Всё у него прекрасно и ва-аще! Он лихо вписал машину в поворот, искоса посмотрел на карту и, проверяя себя, на часы. Всё точно. На ленч ему по маршруту полчаса, а он ещё шестнадцать минут выгадал. По хорошей дороге и умеючи... всё можно!

Из-за деревьев мелькнула сверкающая новой кровлей крыша, и он повёл машину к стоянке.

Машин было немного, и левая терраса, где сидели цветные, пуста, хотя... наверняка внутри все: осень всё-таки, прохладно. Чак вышел из машины, снисходительно кивнул подбежавшим к нему мальчишкам с ведрами и тряпками –

да, пусть помогут – и без особой спешки, независимо вскинув голову, пошёл к террасе, поднялся по выложенным шероховатой плиткой ступеням.

Терраса пуста, столы без скатертей и даже стулья не отодвинуты, а так и стоят на передних ножках, прислонившись спинками к столешницам. Чак пересёк террасу и открыл дверь. А вот здесь всё, как и положено:людно, весело и шумно. У стойки не протолкаться, гремит музыка из автомата в углу, суетятся Пегги и Гвен, весело отругиваясь от шлёпающих их по крутым задикам шофёров, блестит потная коричневая лысина бармена Тедди.

– Ленч? – бросила на бегу Чаку Пегги.

– Точно, – подшлёпнул он её. – И побыстрее.

– Успеешь! – увернулась она.

Чак подошёл к стойке и втиснулся между молодым мулатом в новеньком ярко-красном пиджаке и седым негром в старой рабской куртке. Те покосились на него и подвинулись, давая место. Тедди кивнул ему с привычной улыбкой.

– Привет, парень, как обычно?

– Привет, Тедди, а как же ещё.

Тедди поставил перед ним стакан с пузырящейся содовой, отпустил подходящее замечание насчёт погоды и, что сегодня баранина у них особенно хороша.

– Давай, – кивнул Чак, припадая губами к стакану.

Не так уж сегодня жарко и пыльно, но спиртного ему нельзя: за рулём, а содовая – это не обычное дешёвое пойло для

цветных, а рангом повыше.

Чей-то взгляд ощутимо лёг ему на затылок. Чак проглотил сразу ставшую безвкусной воду и небрежно обернулся, быстро оглядел зал, готовясь поймать прячущееся движение. Но от него и не думали прятаться.

В углу, откуда просматривался весь зал, дверь и через окно стоянка, удобно расположился со стаканом виски с содовой Гэб.

– Давай, Тедди, – повторил зачем-то Чак и, оттолкнувшись от стойки, пошёл к Гэбу.

Коротко кивнув, Чак сел за стол, не напротив, а сбоку, чтобы прикрыть спину и заставить противника поворачиваться для удара.

– Привет, – равнодушно сказал Гэб.

– Привет, – так же ответил Чак.

Гэб покосился на его стакан и понимающе хмыкнул.

– За рулём?

Чак кивнул.

– А ты?

Гэб самодовольно ухмыльнулся.

– Когда деньги есть, самому баранку крутить незачем.

Теперь изобразил понимание Чак.

– Ссуду, значит, проедаешь. Ну-ну.

– Лучше на беляка ишачить, как ты?

Подошла Пегги с подносом, и Чак промолчал. И пока она расставляла тарелки, быстро думал. Гэб – жадина и вот так

шиковать без выгоды не будет. Значит, что? Только одно. Либо подсадка, либо слезка. И, когда Пегги, пожелав приятно-го аппетита, упорхнула, спросил с небрежной насмешкой.

– На полицию работаешь?

– Стану мараться! – рявкнул Гэб. И всё-таки не утерпел, похвастался: – В частном агентстве, понял?

– Один хрен, – ответил Чак, разрезая отбивную.

Гэб, к его удивлению, не стал заводится, а спокойно отпил из своего стакана, вернее, поднёс к губам, наклонил и дёрнул кадыком, будто глотает, а содержимое стакана, как заметил Чак, не уменьшилось. Совсем интересно. Раньше Гэб такого не умел. Заглатывал всё сразу, и ещё пайковый кусок в глотке стоит, а он уже по чужим мискам шарит. Смотри, как выучился. Грин тогда так и бросил тупаря, не стал доламывать, а новый хозяин, значит, довёл... до нужной кондиции.

– Много пороли, пока блефу научился?

– Шофёришь? – ответил вопросом Гэб.

– И автомехаником, – уточнил Чак. – А ты топтуном или подсадкой?

Гэб покосился на него, оглядел зал и миролюбиво – с чего бы это? – ответил:

– Как для дела нужно, так и работаю.

– Такой ты трудяга? – удивился Чак. – С чего это у тебя?

– Получаю сдельно, – исчерпывающе ответил Гэб.

Чак понимающе кивнул.

– А ты? – снова изобразив глоток, спросил Гэб.

– Я на окладе. Ну, и сверхурочные, премию на конец года обещали.

– Ну, раз обещали, то жди, – насмешливо ответил Гэб.

Ни ругать, ни, тем более, хвалить хозяев Чак не хотел и пренебрежительно промолчал, занятый едой. Из-за стены смутно донёлся шум: похоже в «белом» зале драка, но никто и головы не повернул. У белых свои дела, а у нас свои. Чак доел баранину и овощи и сыто откинулся на спинку стула.

– Всем доволен, значит?

– Живу, как хочу, – кивнул Гэб.

У Чака вертелся на языке вопрос о руках, работают ли у Гэба руки, но удержался. А то самому придётся на такой же отвечать. А этого совсем не хочется. Он посмотрел на Гэба, натолкнулся на внимательный настороженный взгляд и понял: у Гэба всё так же. Как и у него. А значит, и говорить не о чем. Чак молча допил свой стакан и встал.

– Ну, бывай.

– Бывай, – кивнул Гэб.

Чак подошёл к стойке, расплатился за ленч и вышел.

Гэб в окно видел, как он прошёл к машине, заплатил мальчишкам-мойщикам, сел, уехал... всё! Гэб перевёл дыхание и отхлебнул всерьёз. Пронесло. Сволочь Чак редкостная, хуже любого беляка, вот кого бы пришил с радостью и в полное удовольствие, так ведь этот дьявол всегда быстрее всех на стрельбе был. Машина у него шикарная, на кого же Чак ра-

ботаает? Номера колумбийские, а там... чего и кого там только нет. Хуже Колумбии только Атланта. Там Он... Несмотря ни на что, Гэб и про себя не рисковал называть ненавистное запретное имя. Мало ли что доктор наболтал. Беляк – он всегда беляк, и верить ему себе дороже. А Чак... Просто шофёр отбивные на ленч не жрёт и рубашек таких не носит. Значит... так платят за стрельбу, ну, и за всякое прочее, значит у Чака всё восстановилось, везёт сволочам, а ты... ладно, пока обходилось и дальше обойдётся. Та-ак, ну вот и дичь, пришлёпал паскуда, никуда не делся, эту заезжаловку никто не минует.

Гэб прищурился, будто задремал от выпитого, зорко рассматривая в щёлку между веками подошедшего к стойке высокого негра в «разовом» костюме. Такие, с виду дорогие «белые», но дешёвые и расползающиеся под первым дождём и просто от недельной носки, обычно покупают те, кто хочет наскоро пофрантить или не хочет засвечивать свою обычную одежду. В левом ухе поблескивает маленькое колечко под золото – новомодный прикол. Дурак: шмотки сменил, а примету оставил. Ну, подождём и посмотрим, может, кое-что и увидим.

Чак гнал машину по шоссе, хотя в график укладывался и спешить было некуда и незачем. Частное агентство... та же полиция, только без формы. Ну, и хрен с ним, и с деньгами его. Но если Гэб теперь так и будет там сидеть, то придётся

другой привал искать. Жаль, хорошая еда. Была. С кем другим из их десятка он бы, может, и поладил. Но не с Гэбом, сволочь тот, гнусняк, всегда устраивался лучше всех, все вкалывали, а он жрал первым.

Чак выплюнул в окно окурок и резким выдохом перевёл дыхание. Ладно, восстановилось у Гэба вряд ли, а то бы был с оружием, сам он именно поэтому ни ножа, ни пистолета не носил, хотя достать – не проблема, и полиция к нему ни разу не привязывалась, даже с весны больше не допрашивала. Видно, нашли того лагерника. Или шлёпнули на месте. Лучше бы шлёпнули. Страшнее лагерника никого нет, хуже зверей, хуже... беляков, хорошо, что их всех кончили. Вообще, чем меньше беляков, тем лучше, а уж когда они сами друг дружку мочат...

Чак уже спокойно закурил и сверился с картой. Всё в порядке, впереди всё равно полицейский пост, и скорость лучше сбросить заранее.

Россия

Ижорский Пояс

Как всегда, Эркин проснулся до звонка будильника. Осторожно высвободился из объятий Жени и вылез из-под оде-

яла.

Шторы задёрнуты, и в спальне темно, но он всё здесь знает. Где, что и как. Эркин натянул трусы, джинсы и, захватив халат, вышел из спальни. На кухне он сразу поставил на огонь чайник и пошёл в ванную.

Эркин был уверен, что шума не наделал и никого не разбудил, но, вернувшись на кухню, удивлённо заморгал, увидев Женю, уверенно сооружавшую завтрак.

– Женя!.. – потрясённо выдохнул он.

– Я сама проснулась, – улыбнулась ему Женя. – Садись, поешь.

– Угу, – Эркин судорожно проглотил уже запиханный рот кусок яичницы. – Спасибо, Женя.

– Ешь спокойно, ты успеешь.

Эркин благодарно улыбнулся ей. Что надо купить, они уже обсуждали, обсудили и решили, а потому сейчас об этом речи не зашло. Что Эркин что-то забудет или перепутает... ну, об этом и подумать нельзя.

– Подденешь джемпер?

– Нет, Женя, куртка тёплая, и я в джинсе поеду.

– Сегодня Покров, может и снег пойти.

– Ну, – улыбнулся Эркин, – первый снег куртка выдержит, – и встал из-за стола. – Всё будет в порядке, Женя, не беспокойся.

Снег уже несколько раз выпадал и стаивал, и большинство ходило пока по-осеннему – в резиновых сапогах и непромо-

каемых куртках, а выделяться Эркин никогда не любил и по возможности избегал.

Женя вышла проводить его в прихожую и молча с улыбкой смотрела, как он одевается, проверяет деньги в бумажнике...

Эркин вскинул на плечо армейский рюкзак и выпрямился.

– Я пойду, Женя, да?

Она подошла, обняла его, поцеловала в щёку. Эркин благодарно коснулся губами её виска.

– До свиданья. К вечеру я вернусь.

– До свиданья, – она снова поцеловала его.

И, когда за Эркином закрылась дверь, вздохнула. Ну, затеял Андрей, ну... Конечно, хорошо, что он и с отцом помирился, и в Загорье состался, и праздник – хорошо, тем более, что у них отпуск, но звать на их, действительно, семейный праздник Бурлакова... нет, формально, Андрей прав. Они с Эркином – братья, и всё же... И что за намёки на ещё каких-то гостей? Женя снова вздохнула. Ох, Андрей, морда хитрая, глаза блестят...

...– Готовь побольше, Женя, вдруг ещё кто придёт...

Ну, что ты с ним поделаешь? И Эркина накрутил. Эркин ведь точно знает, но молчит. Значит, слово дал. Ну, мальчишки, и всё тут!

– Алиса, утро уже! – крикнула она в дверь детской, проходя на кухню.

– Ну, ма-ам, – сонно отозвалась Алиса и вдруг ошарашенно села на кровати. – А что, не воскресенье сегодня?!

– Воскресенье, – засмеялась Женя.

Алиса слезла с кровати и босиком зашлёпала на кухню.

– А чего ты раньше меня встала? – подозрительно спросила она. – И Эрик где?

– В Сосняки поехал.

– А Андрюха?

– Алиса! Сколько раз повторять, чтобы не бегала так!

– Где Андрюха? – упрямо повторила Алиса.

– Тоже в Сосняки поехал.

Алиса задумалась, насупив брови и внимательно глядя на мать, потом вздохнула и сочувственно сказала:

– Мам, ты не расстраивайся, они чего-нибудь вкусенького привезут.

Женя засмеялась.

– Иди, одевайся, умывайся, и вообще утро делаем, поняла?

– Ага, – согласилась Алиса и, выходя из кухни, сама себе сказала: – Тянуться без Эрика не будем.

И Женя кивнула, соглашаясь.

На улице было ясно и холодно, под ногами похрустывал ночной ледок. Небо только посинело – поздно как солнце встаёт теперь – горят редкие фонари, и улицы пусты: все ещё спят. На пустой привокзальной площади у автобуса ждал Ан-

дрей, одетый тоже по-осеннему, с чёрной кожаной сумкой на плечевом ремне.

– Крепко спишь, братик, – встретил он Эркина.

– Главное – проснуться вовремя, – ответно улыбнулся Эркин и посмотрел на часы.

Андрей кивнул.

– Ещё десять минут. Похоже, одни поедем.

– И чем это тебе мешает? – хмыкнул Эркин.

– Чтоб рейс не отменили, – помрачнел Андрей.

– А что? – сразу стал серьёзным Эркин. – Бывает такое?

Андрей неопределённо пожал плечами, и они стали молча ждать. Было тихо, и в безветрие холод даже радовал. Андрей сбил на затылок свою вязаную шапку, а потом и вовсе её снял и засунул в карман.

– Смотри, мозги застудишь, – предостерег его Эркин.

Но ответил за Андрея подошедший к автобусу водитель.

– Не бойсь, ему студить нечего. Здорово, Мороз.

– Здорово, – рассмеялся Эркин.

– Ну, – изобразил негодование Андрей. – Ну, спасибо, Семёнов.

– Кушай на здоровье, – ответил Семёнов, влезая в кабину со своей стороны.

Мягко чмокнув, открылись двери.

Эркин и Андрей вошли в салон и сели, как и тогда, примерно в серёдке, Эркин у окна, а Андрей рядом, у прохода. Следом за ними вошли ещё пятеро. Закутанные в платки уже

по-зимнему две женщины и трое мужчин в таких же, как у Эркина и Андрея, осенних куртках, только коричневых. Их лица показались Эркину знакомыми, но он уже полгорода в лицо знает. Обменялись молчаливыми, но улыбчивыми кивками, расселись. Торопливо подбежал – вернее, он думал, что бежит – худой старик в армейской зимней куртке и вытертой ушанке, влез в автобус и сел спереди. Вышел из кабины в салон Семёнов проверить у пассажиров билеты.

– Всё, отправляемся, – вернулся он к себе в кабину.

Эркин уже привычно устроился поудобнее и повернулся к окну. Улицы Загорья, бурые поля, голые деревья, тусклое серо-голубое, будто так толком и не рассвело, низкое небо. Неприглядно, а смотреть почему-то приятно. Но он не задумывался над этим, а просто смотрел. Сквозной, но всё равно сумрачный лес, убегающая вбок размытая дорога, пустынный луг... Почему ему это нравится? В декабре Алабама такая же, да нет, совсем это не Алабама, там было всё чужое, и он был чужим, а здесь... да, он и в ту поездку об этом думал, так что, у него всё-таки есть Родина, родное место, родная земля?

Въезжая на очередной холм, автобус натужно ревел мотором, и Андрей невольно сдвигал брови и напрягался, подаваясь вперёд, будто этим мог помочь преодолеть подъём. Эркин покосился на него и снова отвернулся к окну. Но Андрей заметил и откинулся на спинку сиденья. Улыбнулся.

– Всё в порядке, брат.

– Я знаю, – серьёзно кивнул Эркин.

Андрей глубоко вздохнул и озорно улыбнулся.

– Слушай, может, к нам перейдёшь, тоже на шофёра выучишься, будем вдвоём ездить, а?

Эркин медленно покачал головой.

– Спасибо, брат, но... нет.

Андрей понимающе кивнул.

– Не хочешь надолго уезжать, я понимаю.

Эркин улыбнулся.

– Да.

Они говорили тихо, по-камерному, хотя автобус полупустой и рядом с ними никто не сидит.

– А я поезжу, – упрямо сказал Андрей. – Хочу Россию посмотреть, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Эркин. – Только... накатывался я. Вот если всем вместе...

– И так можно, – сразу подхватил Андрей. – Называется, тур, ну, по разным местам, купим путёвку и в отпуск, а?

– Давай, – согласился Эркин.

О путёвках он читал в газете, так что...

– Это ещё... экскурсия? Так тоже называется, да? – решил он уточнить.

– Ну да, – тряхнул шевелюрой Андрей.

– Опять ты оброс, – улыбнулся Эркин.

– К воскресенью подстригусь, – согласился Андрей. – Скиссорс хорошо стриг, помнишь его?

– Помню, – ответил невольно по-английски Эркин. – Убили его.

Андрей, помрачнев, кивнул.

– Жаль, хороший был мужик, – теперь он тоже говорил по-английски. – Слушай, как... всё-таки было?

– Бои были, – вздохнул Эркин. – Мы завал сделали, а свора лезла. Ну, от пуль мы за завалом прятались, а близко подойдут, в ножи брали.

Андрей кивнул.

– Понятно. А меня прижали, лопухнулся я, в тупик загнали, а там... – Андрей заставил себя остановиться. – Там меня и шандарахнуло.

Они впервые заговорили об этом, и обоим хотелось о многом умолчать, но и вовсе, чтоб ни слова, будто и не было, тоже уже не вмоготу.

– Кто ещё погиб?

– Проныра.

– Чёрт, – Андрей досадливо стукнул кулаком по колену. – А ещё?

Эркин называл имена и прозвища, Андрей кивал, переспрашивал о ком-то, уточнял.

– А потом?

– Потом русские пришли, – Эркин улыбнулся. – Всё-таки успели. Нет, что в тюрьму меня со всеми упекли, это понятно, им тоже разобраться надо было. А вот с гада этого меня сняли, не дали додавить, об этом жалею. Но и я дурак, ду-

шить стал. Мне б его сразу заломать, а я...

– Не жалей, – посочувствовал Андрей. – Всех не замочишь, да и вся жизнь впереди, может, и встретитесь.

– Да нет, мы здесь, а он там, – возразил Эркин.

– Кто знает, как оно ещё повернётся, – философски заметил Андрей.

Эркин тихо рассмеялся горловым смехом.

– Разве что так.

За разговором незаметно доехали до Ровенек. Автобус сразу заполнился, стало шумно и даже, вроде, теплее. Кто с товаром, кто за покупками, а кому и то, и другое, так что разговор о ценах стал общим. Эркин не вмешивался, но слушал с интересом. Конечно, за картошкой или, скажем, селёдкой ему в Торжище на ярмарку ездить не с руки, но знать, сколько он на этом теряет, тоже надо. Выяснилось, что немного, чуть больше цены билета до Торжища и обратно, он же не воз покупает, а мешок. Андрей, поглядев на его сосредоточенно удовлетворённое лицо, улыбнулся.

– За морем телушка по полушке, да рубль перевоз. Так, брат?

– Полушка – это полкопейки? – уточнил Эркин и кивнул. – Тогда точно.

Как и тогда, в Торжище автобус почти опустел, до Сосняков ехали немногие: уж больно там всё дорого. Посветлело, но небо по-прежнему серое и низкое, поля и луга пустынные, облетевший, просвечивающий насквозь березняк и сумрач-

ный тёмный ельник. В Шаврово сели двое: похоже, муж с женой, и тоже за покупками. Андрей продолжал следить за дорогой, Эркин смотрел в окно. Оказывается, он помнил дорогу! Вон – ещё в тот раз заметил – изба с высокой двускатной крышей и резным коньком, а вон колодец у самой дороги. И этот мостик он помнит. Надо же, никогда раньше он дороги не запоминал. Разве только на выпасе и перегоне прошлым летом, а раньше... нет.

Показался аэродром, и снова Андрей, наваливаясь на его плечо, жадно рассматривал светлые, огромные даже на расстоянии машины.

Как и в тот раз, они от автовокзала пошли по Торговой улице, выглядывая нужные магазины.

– Ну и народу здесь, – покрутил головой Эркин.

– Это ты Царьграда не видел, – рассмеялся Андрей.

Улыбнулся и Эркин.

– Ещё посмотрю.

– А как же, – согласился Андрей.

Купить предстояло многое, и ещё всякие дела намечены.

– Начнём с винного?

– А чего ж нет. Вон они, «Российские вина», айда?

Эркин кивнул. Конечно, вино можно купить и у них, но здесь и выбор побольше, и получше, и ещё одно... чего он в Загорье покупать не хотел. На всякий случай, чтоб разговоров лишних не пошло.

В просторном, отделанном дубом магазине было нелюд-

но. Продавец, окинувший их вначале недоверчиво насмешливым взглядом, выслушав заказ, улыбнулся.

– Званный ужин?

– Точно, – улыбнулся Андрей. – Хороших людей и угостить хорошо надо.

Пока Андрей обсуждал с продавцом меню ужина и вина к нему, Эркин отошёл к витринам. Ага, вот и оно. Набор из бутылки коньяка и шести рюмок. Он так и думал. Был же набор, что он на Новый год купил, шампанское, два бокала и роза, Женя её до сих пор на комодке держит, значит, и другие должны быть. Но вот хороший ли коньяк в наборе? Надо выяснить.

Эркин вернулся к продавцу.

– Вот, брат, – повернулся к нему Андрей. – Смотри. К мясу, рыбе, а под сладкое будем брать? А водки здесь нет.

– Водка не вино, понятно, – кивнул Эркин. – Под сладкое одной бутылки хватит, я думаю.

– Сколько дам за столом будет? – вмешался продавец.

– Дам? – переспросил Эркин и улыбнулся. – Одна.

– Тогда хватит. Вот это берите.

Андрей полез за деньгами. Эркин без спора дал ему расплатиться и, пока Андрей убирал бутылки в рюкзак, спросил у продавца:

– Тот коньяк, ну, в наборе, хороший?

Продавец внимательно посмотрел на него.

– Можно и перекомпоновать.

Эркин кивнул.

– Нужен коньяк. Одна бутылка, но самый хороший. И всё к нему.

Ещё один внимательный взгляд.

– Всё есть, но дорого будет.

– Это не проблема, – отмахнулся Эркин.

Андрей упаковал бутылки с вином и молча смотрел, как Эркину пакуют коробку: бутылку, шесть рюмок, две больших плитки горького шоколада, большая пачка сухих бисквитов...

– Лимон?

– Нет, спасибо, а кофе есть?

– Кофе у Шмица лучший, это налево и через два дома.

– Спасибо.

Набор оказался чуть ли не дороже всего вина.

– А водку у Смирнова берите, если хорошая нужна, – посоветовал им на прощание продавец.

– Спасибо, отец, – весело ответил Андрей. – Так и сделаем.

На улице Эркин спросил:

– Слушай, а что это такое – удельное? Ну, он говорил, что удельные вина лучшие. Они же виноградные, ну, из винограда. При чём здесь удел?

– Не знаю, – пожал плечами Андрей. – Про князей удельных знаю, а вина...

– Про князей и я знаю, – отмахнулся Эркин. – Целый па-

раграф в учебнике есть.

– У профессора спросим, – решил Андрей. – Слушай, а не жирно его таким коньяком поить?

– Я брал не для него, – нехотя ответил Эркин.

Андрей на секунду замер и расплылся в широченной блаженной до глупости улыбке.

– Веришь, что придут, да?! Ты и про кофе для этого спрашивал?

Эркин кивнул.

У Шмица торговали только кофе. Маленький магазин казался тёмным от густого, пропитавшего стены и прилавков, горьковатого запаха и множества банок и баночек с тёмными, коричневыми и чёрными зёрнами и порошками. Продавщица – седая женщина в ослепительно-белых чепце и фартуке поверх коричневого под цвет кофе с молоком платья, ну, совсем как в книге сказок Андерсена – выслушав Эркина, что ему нужен хороший кофе, который пьют с коньяком, расцвела и засыпала их рассказами о провинциях Южного материка, о сортах, там выращиваемых, способах сбора и сушки, особенностях доставки, хранения и жарки, что для каждого сорта свои, а потому и вкус, и запах различаются. А в подтверждение своих слов выложила массу коробочек с образцами, предлагая понюхать и убедиться. Говорила она со странным акцентом, но понятно. После долгих разговоров и обсуждений Эркин купил холщовый мешочек зёрен со смешным названием «африканер», маленькую мельницу-бо-

чонок и бесплатно получил длинное подробное наставление о помоле и варке.

На улице Андрей, отдуваясь, спросил:

– Теперь за чашками пойдём?

– Я кофейных не видел, – озабоченно ответил Эркин. – Думаю, и наши сойдут. Теперь за водкой, чтоб с этим уже всё.

Они так и решали, что сразу закупят спиртное, как самое дорогое и громоздкое, а что бутылки тяжёлые, так и они не слабаки.

У Смирнова после столь же долгого и обстоятельного обсуждения они купили бутылку можжевеловой и бутылку двойной чистой.

– С этим всё, – решительно сказал на улице Эркин.

– Да, под завязку, – согласился Андрей. – Теперь...

– Теперь в джинсовый.

Андрей чуть смущённо кивнул.

Но пока дошли до джинсового, заглянули ещё по дороге в парфюмерный, где Эркин, уже ни с кем не советуясь и ничего не объясняя, купил небольшой, но очень дорогой флакон.

– Жене, – кратко сказал он уже на улице.

– Понятное дело, – горячо поддержал его Андрей. – Духи всегда хорошо.

А про себя чуть не выругался: он-то сам думал купить Жене духи, с таким подарком никогда не прогадаешь, а теперь надо что-то другое придумывать. Ну, вот чего бы им пода-

ритель?

Но всё это вылетело у него из головы, потому что в створе боковой улицы показался серый дом явно недавней постройки. Главпочтамт, телеграф, телефон.

– О! То, что надо, пошли, брат.

Эркин внимательно посмотрел на него и, ни о чём не спрашивая, пошёл следом.

В просторном зале междугороднего телефона Андрей сразу подошёл к стойке и обаятельно улыбнулся.

– Здравствуйте. А в Колумбию можно позвонить?

Видимо, просьба не показалась необычной, потому что женщина с пёстрыми от плохо покрашенной седины кудряшками в синем форменном жакете ответила с вежливым равнодушием:

– Десять рублей вызов и пять минута.

– Три минуты, пожалуйста, – после секундной паузы ответил Андрей и полез за деньгами.

– Номер? – по-прежнему равнодушно спросила женщина.

Номер Андрей знал наизусть, но всё же достал из кармашка в бумажнике визитку, что дал тогда Фредди, и назвал номер. Женщина заполнила и отдала ему квитанцию, взяла деньги.

– Ждите. Соединение в течение часа.

– Спасибо, – всё же улыбнулся ей Андрей и повернулся к Эркину. – Ждём?

– А куда деваться? – ответил вопросом Эркин.

Они перешли к стоящим у стены обтянутым тёмно-синей – как и форма – кожей скамьям-диванам и сели, сложив сумку и мешки на сиденье. Народу немного, свободные места есть, так что никому они не мешают.

В зале было тихо. Люди, большей частью явно незнакомые друг с другом, занимались каждый своим, а если кто и говорил с соседом, то вполголоса. Только голос дежурной, усиленный микрофоном, нарушал тишину.

– Царьград, пять-ноль-ноль-два-восемь-семь, пятая кабина... Корчев, три-семнадцать, седьмая... Лосево, обрыв на линии, пройдите за деньгами... Царьград, одиннадцать-семь-шесть-ноль-три, третья кабина... Очажки, семнадцать, двенадцатая кабина...

И тогда кто-то из ожидающих вскакивал и бежал к стойке или к одной из узких деревянных дверей, что сплошным рядом закрывали стену напротив скамей. В каждой двери узкая полоса стекла почти во всю высоту и крупный белый номер наверху. Свет включался, когда входили, и тогда сквозь стекло был виден разговаривающий.

В углу у входа располагался маленький прилавок, пёстрый от газет и журналов. Эркин подошёл к нему. Андрей молча бездумно следил, как он о чём-то разговаривает с молоденькой продавщицей в синем обтягивающем грудь мундирчике, расплачивается и идёт обратно.

– Держи, – Эркин положил ему на колени глянцево блестящий журнал. – Займись и не психуй.

– «Автомир», – прочитал заголовок Андрей и вскинул на Эркина глаза. – Ну, брат, ну...

– Я же знаю, что тебе нужно, – негромко засмеялся Эркин, усаживаясь рядом.

– А себе что взял?

– Вот, «Всеобщее обозрение», мне всё интересно. А это Жене, видишь?

Андрей кивнул. Конечно, Жене про моды, молодец Эркин.

– А Алиске?

Эркин вздохнул.

– У них из детских только «Светлячок», а этот номер я уже купил.

«Модный журнал» Эркин аккуратно убрал в свой рюкзак, и теперь они сидели и читали, как многие в этом зале.

И наконец:

– Колумбия, семь-три-семь-один-шесть, десятая кабина...

Голос дежурной звучал как-то неуверенно, но Андрей уже сорвался с места, небрежно бросив журнал на диван.

Пока Эркин собирал их вещи и шёл к кабине, он слышал, как Андрей кричит в трубку:

– Алло... Джонни... Джонатана Бредли, пожалуйста...

Андрей не сразу понял, что вежливый до безучастности женский голос в трубке не слышит его и говорит своё:

– ... «Октава» благодарит вас и готова к сотрудничеству,

оставьте ваше сообщение, и мы свяжемся с вами, говорите после третьего гудка, спасибо... – в трубке трижды пискнуло и наступила тишина.

Андрей ещё дважды попросил позвать Джонатана Бредли, шмякнул трубку на рычаг и повернулся к Эркину.

– Вот дура, заладила своё и ни хрена не слушает.

– Сегодня же воскресенье, – сказал Эркин. – Может, она дежурная и не знает ничего, ну, велели ей так отвечать.

Андрей озадаченно посмотрел на него.

– Слушай, а точно, совсем из головы вылетело.

– А другого номера нет? – спросил Эркин.

Андрей достал визитку Фредди, перечитал её и покачал головой.

– Нет. Ладно, тогда так, – и, высунувшись из кабины, звонко крикнул дежурной: – Повторите вызов, я доплачу.

– Слышу, – недовольно ответила она. – И нечего кричать.

Повторяю, ждите.

На этот раз соединили быстро. Андрей терпеливо переждал вступительный текст и после третьего гудка заговорил по-английски с изысканно язвительной вежливостью.

– Будьте так любезны, мисс, передать мистеру Бредли, что звонил Эндрю, и что я буду звонить ему по этому номеру... в среду вечером. Вы поняли?

В трубке молчали, и Эркин – он стоял вплотную и всё слышал – посоветовал:

– Ты всё-таки сейчас скажи. А то вдруг не дозвонишься

или ещё что. До среды-то...

– Точно, брат, – кивнул, не отрываясь от трубки, Андрей и снова обратился к молчанию. – И ещё передайте, мисс, что мы, я и брат, ждём обоих в воскресенье. У брата годовщина свадьбы, и мы празднуем по-семейному, в узком кругу. Передайте точно, мисс, мы очень ждём, – и помолчав, сорвавшись с изысканного на простецкий тон: – А в среду я всё равно позвоню, гадом буду. До свидания, мисс.

Ему не ответили и, немного подождав, Андрей повесил трубку.

– Вот вредина, – по-детски пожаловался он Эркину. – Так и не ответила. Где они такую гримзу нашли?

– Плюнь, – утешил Эркин. – По голосу, так старуха, на хрен она тебе сдалась.

Расплатившись за разговор с Колумбией, Андрей заказал вызов в Царьград.

– Ну, если и его нету... – пробурчал он угрожающе.

– То, что ты тогда ему сделаешь? – поинтересовался Эркин. – Да, а чего ты сказал, что будешь в среду звонить?

– В среду Томка дежурит, она мне по служебному телефону всё сделает.

– А у вас и на ту сторону линия есть? – удивился Эркин.

– Томка сделает, – убеждённо повторил Андрей.

Царьград

Новоболотинская улица дом 6 кв.56

Самое неприятное – это звонок, когда ты занят делом. И сначала Бурлаков притворился, что не слышит, продолжая писать. Но телефон не унимался, дребезжа частыми звонками.

– Да! – наконец сорвал он трубку.

Женский голос протараторил его номер и закончил со всем неожиданным:

– Ответьте Соснякам.

Несколько секунд обычного телефонного треска, неясных шумов и мучительно знакомый голос:

– Алло, ты меня слышишь? Это я.

– Да, я слышу, – Бурлаков перевёл дыхание. – Здравствуй.

– Ни от чего такого не оторвал? – ехидно поинтересовался голос.

– Нет, – Бурлаков откашлялся, прочищая горло, и продолжил уже своим нормальным голосом: – Рад тебя слышать, как ты?

– У меня всегда всё нормально. Так как, приедешь? Ждать тебя, или ты занят?

- Я же сказал, что приеду обязательно. Буду в субботу.
 - Ага. Тут Эркин рядом, ты поговори с ним.
- Пауза и красивый чуть отчуждённый голос.
- Здравствуйте. Мы будем рады вас видеть.
- Бурлакову снова пришлось откашляться.
- Здравствуй, Эркин, как ты? Как Женя, Алиса?
 - Спасибо, у нас всё хорошо. Мы вас ждём.

Ижорский Пояс

Сосняки

Не зная, что ещё сказать, Эркин сунул трубку Андрею.

Царьград

Новоболотинская улица дом 6 кв.56

И снова звонкий, родной, до боли в сердце, голос.

– Понял? Мы тебя ждём. Так что, смотри. Ладно, у меня время всё, будь здоров. Да, чёрт, ты как, подготовился? Ну... купил, о чём говорили?

– Да, – улыбнулся Бурлаков. – Как и договаривались. Рад,

что у тебя всё хорошо.

– У меня иначе не бывает! Ну, всё, пока!

И гудки.

Бурлаков осторожно положил трубку, закрыл глаза и так посидел, пока не почувствовал, что сердце успокоилось. Интересно, почему мальчики звонили из Сосняков? Неужели в Загорье нет междугороднего телефона? Жаль, если так. Но пока это не столь важно. Он специально подгадал так, чтобы приехать в субботу, а уехать в понедельник, благо – университет в среду, и ни лекции, ни семинар отменять не пришлось. Подарки он купил, получилось и увесисто, и объёмно, но носильщик – не проблема. Чёрт, скорее бы пятница.

Ижорский Пояс

Сосняки

Повесив трубку, Андрей победно посмотрел на Эркина.

– Во как надо!

– Ну да, – согласился Эркин. – Доплачивать не надо?

– Нет, уложился.

– Тогда пошли.

На улице Андрей внимательно посмотрел на сосредоточенное лицо Эркина. Недоволен? Чем? Всё же хорошо. Но

спрашивать не стал.

По-прежнему не спеша, но и без задержек они дошли до площади с обелиском и неизменным фотографом, миновали её и пошли дальше к магазину с ковбоем на витрине.

Увидев входящих в зал индейца и белокурого парня, Юл, широко улыбаясь, пошёл им навстречу.

– Привет, парни.

– Привет, – улыбнулся Андрей. – Ну, как?

– Получили Как раз настоящие ковбойские.

Улыбнулся и Эркин: ну вот, а то Андрей из-за того призового пояса переживает, теперь успокоится.

Рита занималась немолодой женщиной с долговязым подростком, объясняя преимущества джинсы перед «чёртовой кожей», а Юл выложил перед Андреем на прилавок целую связку поясов, и они пустились в долгие обстоятельные выяснения преимуществ и недостатков каждой модели.

Эркин спокойно ждал. Ну, не может Андрей не потрепать-ся, так на здоровье ему. Вреда никакого, а брату удовольствие. Андрей ему брат и всегда братом будет, что бы там ни случилось. Даже если... Эркин тряхнул головой и рассеянно оглядел зал. Покупать он ничего не собирался, свадьба и так в копеечку влетит, а деньги только начни тратить. А главные расходы впереди. Алиса растёт, школа бесплатная, а трат всё равно... продлёнка, завтраки и обеды, ещё витаминная профилактика, учебники, тетради, мелочевка всякая, всё для занятий в Центре... И все говорят, что трат будет ещё больше,

как это? А, да, так: дети быстро растут, а расходы на детей ещё быстрее.

Наконец Андрей выбрал себе пояс, расплатился и тут же вдел его в джинсы.

– Во! То, что надо, брат. Будешь себе что брать?

– В другой раз, – улыбнулся Эркин.

На улице Андрей вздохнул.

– А жаль того. Призовой всё-таки. И нож был...

Эркин кивнул, но возразил:

– Здесь нож на виду всё равно никто не носит.

Андрей нехотя согласился.

– Так-то оно так, а всё равно, жалко, – и тряхнул головой. –

Ладно, брат, переживу.

– Никакие шмотки жизни не стоят, – ответил по-английски Эркин. – Помнишь?

– Ещё бы, – тоже по-английски согласился Андрей. – Только... это правильно, когда ты одетый, а голым, да на снегу... тогда шмотье с жизнью наравне.

Помолчав, Эркин кивнул.

– Да, бывает и так.

Но вспоминать им сейчас не хотелось: уж слишком хорошо кругом. И, пройдя немного молча, заговорили о другом, более важном: что ещё надо купить.

– В игрушечный зайдёшь?

– А что?

– А я тогда сюда загляну, – Андрей неопределённо пока-

зал сразу на три витрины.

Эркин внимательно посмотрел на него и улыбнулся.

– Идёт. Тогда у обелиска встретимся.

– Точно! – обрадовался Андрей. – Это ты здоровско придумал.

Действительно, чего им вместе ходить, и подарок он теперь спокойно выберет. И Андрей радостно нырнул в первый же магазин.

Оставшись в одиночестве, Эркин зашёл в магазин игрушек, походил, посмотрел... но если в книгах он теперь хоть немного разбирался, то в игрушках... Нет, без Жени, ему тут делать нечего.

Выйдя из антикварного магазина, Андрей ещё постоял перед витриной, чтобы прийти в себя. Нет, он знал, что антиквариат – это очень, ну, слишком и даже очень дорого, даже не помнит, когда и от кого это узнал, но чтоб настолько...! Это ж какую денгу зашибать нужно, чтоб такое покупать. А сама мысль хорошая, вот чего бы попроще да подешевле найти, но чтоб и смотрелось. А картина эта, где озеро под луной, хороша. Но всей его ссуды уже на неё не хватит. А зайдём-ка тогда... а вот сюда, и, может, современное искусство окажется по деньгам.

К обелиску они пришли почти одновременно с ещё более отяжелевшими сумками и облегчёнными бумажниками. На скамейках никто не сидел: холодно уже для посиделок, но прохожих много, у обелиска топтался фотограф, сновали

разносчики, но уже не с пивом, а с пирогами и сбитнем. Эркин и Андрей свалили ношу на скамейку.

– Ну, что? – победно улыбнулся Андрей и продолжил по-английски: – Кофе с устатку?

– А чего, в шашлычную не пойдём? – очень удивился Эркин, доставая из кармана мелочь.

Общего капитала хватило на два стаканчика сбитня и три пирожка.

– Совсем без копья? – поинтересовался Андрей, дожёывая пирожок.

– Ну, кое-что мало ли на что, – улыбнулся Эркин. – А у тебя?

– Так же. И времени уже тоже под завязку.

– Доедим и пойдём, – решил Эркин. – Всё, вроде, сделали.

Вытряхнув в рот последние сладкие капли, сбросили стаканчики в урну, разобрали по плечам мешки, а по рукам сумки и свёртки и вперёд, к автовокзалу.

Как-то быстро потемнело, и посыпал мелкий, нетающий под ногами снег. Пришлось выпростать из воротников и натянуть поверх вязаных шапок капюшоны.

– Всё-таки, смотри, как точно. На Покров снег землю кроет.

– Угу, – согласился с очевидным Эркин. – Слушай, а почему деньги называют копьями. Ну, ты сказал, что ни копья. И от других такое слышал. Даже ещё там, в лагере.

Андрей пожал плечами.

– Не знаю. Говорят так, вот и всё.

– У Полины Степановны спросим?

– Давай, – кивнул Андрей. – А лучше, конечно, у... – он хотел сказать «профессора», но с ходу поправил себя: – Калерии Витальевны, она же историю ведёт. И, в самом деле, интересно.

Шли не спеша, поглядывая на витрины, хотя всё, вроде, и купили, но... нет, в самом деле, всё, что планировали и даже больше, и нельзя хапать всё, на что глаз лёг, и так...

Снег сыпал и сыпал, улица белела на глазах, и, хотя небо затягивали низкие серые тучи, заметно посветлело и стало как-то тише, хотя народу по-прежнему много.

– Зима, – улыбнулся Эркин.

– Точно, брат, – сразу откликнулся Андрей. – Зима пришла.

Их автобус уже был на месте, и, хотя до отправления ещё чуть больше получаса, Семёнов пустил их в салон.

– Грейтесь, а то, смотри, как всерьёз заворачивает.

Они уложили мешки, сумки и свёртки, чтоб при толчках не побило бутылки, и Андрей вызвался сбегать купить чего-нибудь пожрать.

– И мне возьми, – протянул ему Семёнов рубливку. – Только жратвы, понял? У меня чай в термосе.

– Чего ж непонятного, – ухмыльнулся Андрей и убежал.

Вернулся он быстро с тремя ещё горячими большими калачами и двумя фунтами тоже горячей жареной колбасы в

промасленном пакете.

– Подстелить есть что? – деловито спросил Эркин. – А то сиденье замаслим.

– Сейчас газету принесу, – встал Семёнов. – У меня сменщик книгочей, во, пачка в кабине накопилась. И на переднем давайте, там удобнее.

– Тебе виднее, – согласился Эркин.

Расположились и впрямь удобно. Во всяком случае сидя вокруг термоса и газеты с едой. Стаканчик у термоса один, и потому пили по очереди.

Эркин невольно вспомнил алабамское прошлое и хмуро улыбнулся воспоминанию. За общим разговором и едой этого не заметили.

За окном всё валил и валил снег, уже не крупой, а хлопьями. Семёнов встал и, пройдя в кабину, включил дворники.

– Ладно, мужики, пять минут осталось, собираются уже.

– Понял, – Андрей запихнул в рот остаток калача и собрал промасленную бумагу и газету.

Семёнов забрал свой термос и, когда Эркин с Андреем ушли на свои места, открыл дверь. Беззлобно ругаясь и кляня погоду, в автобус полезли засыпанные снегом люди.

– Слушай, – тихо спросил Эркина Андрей, когда автобус уже тронулся, – а откуда он тебя знает? И ты его?

– А со «стенки» ещё вроде, – улыбнулся Эркин. – Да и город-то наш невелик, я уже не по имени, а в лицо почти всех знаю. Ну, и они меня, конечно.

– Да-а, – задумчиво кивнул Андрей. – У нас не потеряешься.

Ехали медленно, или так только казалось из-за белой, сделавшей всё одинаковым снежной пелены. Но Эркин смотрело в окно с прежним интересом.

Андрей поёрзал, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза. Да и остальные пассажиры затихали, утомлённые большим шумным городом, а, может, это снег за окном навевал сон. Незаметно для себя задремал и Эркин.

А когда он, вздрогнув, открыл глаза, в салоне горел свет, а за окном всё было синим. Эркин сел прямо и потёр лицо ладонями, посмотрел на Андрея. Спит? Ну, и пусть себе спит. Что ж, всё он сделал. Если Фредди и Джонатан не приедут, это ничего не изменит, отпразднуют, а если и Бурлакова не будет, то отпразднуют втроём, что совсем хорошо и даже отлично. Но зачем Андрею так нужно, чтобы они все... собрались? Ну, Бурлаков – понятно, отец всё-таки, уезжать Андрей не хочет, вот и думает сюда того перетащить, но это он зря старается, чего профессору в нашей глуши делать, да и мы ему зачем, ему Андрей нужен, а мы остальные так, терпит ради Андрея, но это всё понятно, а вот Фредди с Джонатаном Андрею зачем? Не хочет Андрей с той стороны рвать, будто оставил там кого, а, может, и впрямь оставил, и Фредди ему как связник нужен, но... опять же зря это Андрей крутит, охранюге, конечно, верить нельзя, но, они ещё на перегоне стали понимать, кто такой Фредди, а в Бифпите им уже

до капельки всё объяснили. Зачем это Андрею? Система-то эта липкая, коснёшься и не отмоешься потом, вон Фёдку вспомнить, еле оторвался мужик, и ещё... в лагерной курилке и об этом трепали, со знанием и по делу. Но против Андрея он не пойдёт.

Эркин глядел в окно, уже не замечая, что видит только своё отражение и что Андрей уже не спит, а искоса следит за ним.

Ничего, братик – улыбнулся Андрей – всё будет тип-топ, гульнём, чтоб небо загорелось. Конечно, Джонатан, может, и не нашей компании, но вот только Фредди без него не придет. Гадом буду, дозвонюсь, выковыряю. Фредди не откажет, придет, а там...

Эркин, наконец, почувствовал на себе взгляд Андрея и повернулся к нему.

– Выспался?

– Ага. Слушай, а ты чего лимоны не взял? Ну, к коньяку.

– Завянут к воскресенью. Да и есть они у нас. В субботу в Кривича куплю.

Андрей кивнул. Он тоже знал фруктовый магазин Кривича в Торговых Рядах.

– Не дорого?

– Не дороже, чем здесь, – усмехнулся Эркин. – Я смотрел. Да и на дорогу тратиться не придётся.

– Резонно, – хмыкнул по-английски Андрей. – Знаешь, я с мебелью тоже решил с Сосняками не связываться, у нас

куплю. Уж больно перевозка кусается, а вещи-то такие же.

– Конечно, – согласился Эркин.

Небо за окном из тёмно-синего стало уже почти чёрным, и снова пошёл снег. В автобусе завязывался общий неспешный разговор.

– Теперь надолго...

– Да, на Покров точно...

– На сухом снег прочно лежит...

– Сыплет и сыплет...

– Зима со снегом, так и лето с травой, а осень с урожаем...

– Теперь и морозца можно...

– Да уж, не вымерзнет...

– Не скажи, ещё и оттепель будет...

– Не, если на Покров по сухой земле легло, то примета верная...

Автобус вдруг остановился, и Семёнов обернулся в салон.

– Эй, Морозы, вон «Корабль» ваш.

Только тут Эркин и Андрей сообразили, что огни, подсвечивающие снеговую сетку – это окна «Беженского корабля».

– Ох, чёрт, верно!

Быстро, чтоб не задерживать автобус – остановка же не по расписанию, и, похоже, крюк от маршрута для них дали, они схватили свои мешки, сумки и свёртки и вывалились наружу.

– Спасибо, – успел крикнуть Эркин, скатываясь по ступенькам.

– Счастлив... – конец пожелания обрезала закрывающаяся дверь.

Автобум качнулся и уже через два метра исчез за густо падающим снегом.

– Это что, крюк для нас дали? – уточнил всё-таки Эркин, затянув капюшон и взваливая на плечи свой рюкзак.

– Семёнов – человек! – веско ответил Андрей. – Помочь?

– Своё не растеряй. Пошли.

Ветра почти не было, но снег такой густой, что стало трудно дышать, да им ещё вверх по склону, а тропку уже занесло. Оба уже сообразили, что их высадили с тыльной, подгорной стороны.

Эркин помнил, что склон здесь сухой и почти ровный, без ям и промоин, и потому пошёл напрямик. Андрей сначала пошёл рядом, но потом как-то оказался сзади, и Эркин слышал его напряжённое дыхание. А наверху, у дома, вдруг оказалось ветрено, но зато и под ногами уже твёрдый, разметённый ветром асфальт. Против ветра они обогнули башню и, когда ветер ударил им в спины, перевели дыхание.

– Слушай, а здесь метель.

– Угу, давай, Андрей, поздно уже.

Андрей понял недоговоренное: «Женя беспокоится», – и молча улыбнулся.

Войдя в подъезд и захлопнув за собой дверь, они долго стряхивали с вещей и себя снег, Андрею даже под капюшон набилось. И наконец, снова взвалив на плечи мешки и разо-

брав сумки и свёртки, пошли наверх.

На лестнице и в коридоре уже пусто? И погода не под прогулки, и время позднее, а всем завтра на работу. Придерживая мешок, Эркин полез за ключами, обтирая подошвы о коврик, но дверь тут же – словно Женя стояла за ней и ждала только этого звука – распахнулась.

– Наконец-то... входите, замёрзли? Сейчас чаю, горячего!

– Женя... – выдохнул Эркин, опускаясь в облако её волос, голоса и объятий, и тут же мягко, чтобы не обидеть, отстранился. – Женя, мы с мороза, осторожней.

– Раздевайтесь, сейчас чаю горячего...

– Горячего попить в самый раз, то, что надо, – согласился Андрей, стряхивая с куртки остатки растаявшего снега. – Алиска, иди сюда, я куртку об тебя вытру.

– Фигушки, – увернулась от него Алиса. – Эрик, а ты вкусенького привёз?

– Алиса, прекрати!

– Ну, мам...

– Да, Женя, вот, возьми, остальное на воскресенье.

– Давай, брат, в кладовку пока.

– Да, обсохнет и наверх уберём.

– Всё потом, вам надо согреться!

И когда они, уже умытые и в домашних шлёпанцах, сидели за столом, Андрей прикончил свою яичницу и получил добавку, а Эркин положил себе ещё картошки, только тогда Женя облегчённо перевела дыхание. Всё закончилось благо-

получно: автобус не застрял и не перевернулся, а то такая метель, даже страшно было, но всё кончилось, всё хорошо...

– Так как вы съездили?

– Отлично, Женя. С профессором я поговорил. Он сказал, что будет в субботу.

– Да, Женя, всё хорошо. Всего накупили. Я потом разберу.

– Хорошо. Андрюша...

– Я налью, не беспокойся.

Андрей налил себе ещё чашку чая и благодушно откинулся на спинку стула, заставив Алису насторожиться.

– Андрюша, а варенье?

– Спасибо, Женя, не надо. А то распарюсь сейчас, а мне ещё до «Холостяжника» добираться.

– Не заночуешь?

– Нет, брат, у меня всё зимнее там, – деловито объяснил Андрей и отхлебнул чаю. – А ведь зима-то настоящая уже.

– Да, – кивнула Женя. – Мы сегодня в Ряды ходили, и все говорят, что с Покрова зима настоящая, уже без оттепелей.

– Спорая зима нынче, – солидно подала голос Алиса. – За неделю встала.

– Во! – восхитился Андрей. – Голос старожила!

– Чего-о?! – растерялась Алиса.

– Того и этого самого, – весело ответил Андрей, вставая. – Всё, Женя, спасибо, напоила, накормила, теперь я, как на крылышках, долечу. До завтра, брат.

Встал и Эркин.

– Идём, разберём наскоро.

– Дело, брат, – согласился Андрей.

Женя, поняв, что им надо побыть вдвоём, удержала соскочившую было со стула Алису.

– Не мешай.

– Ну, мам, я Эрика целый день не видела.

– Нет, – твёрдо сказала Женя, и Алиса поняла, что спорить не только бесполезно, но и не безопасно.

В кладовке Эркин и Андрей быстро разобрали мешки, уложив бутылки, коробки и кое-какие свёртки на верхних, недоступных Алисе полках стеллажа.

– Это я с собой возьму.

– Хорошо.

– Стоп, Эркин, ты что, ушанку себе купил?

Эркин немного смущённо кивнул.

– А ну, покажись! – потребовал Андрей.

Ушанку Эркин покупал без него, и потому было вдвойне интересно.

– Сейчас. Так, ага, журнал свой возьми.

– Ага, спасибо.

Разобравшись с вещами, вышли в прихожую, и Андрей звонко позвал:

– Женя, иди, посмотри, с какой Эркин обновой.

Женя с Алисой выбежали в прихожую и начались ахи и восторги. Наконец, Андрей оделся и ушёл, Женя погнала Алису в ванную, а Эркин отправился на кухню наводить по-

рядок к их вечерней «разговорной» чашке. Он дома, всё хорошо, всё спокойно, и, если... да что бы там ни было, у него всё равно полный порядок.

На улице ветер и снег с новой силой ударили его в лицо. Андрей рассмеялся, затягивая потуже капюшон. А ни хрена! Теперь его ничем не испугаешь, не такое видали. Он сыт, согрелся и дошагает теперь к себе запросто. А в среду дозвонится до Фредди, и всё путём. Фредди тогда говорил, что им всегда передадут, так что в среду они оба на месте будут. А если в имение умотали... И тут же отбросил эту мысль: ну, незачем им там в это время сидеть, работы все кончены, так что наверняка оба в Колумбии. О других вариантах думать просто не хотелось. Он и не думал.

Ветер гулял только у «Беженского Корабля», дальше снег падал ровной частой сеткой. Андрей шёл быстро, с удовольствием проминая ребристыми подошвами сапог чуть поскрипывающий снег. Улицы пусты и были бы темны, если бы не снег. Белое сияние снега окутывало его, и, может, от этого было так легко идти.

Дошёл он неожиданно быстро, одним духом взлетел по лестнице и открыл свою дверь. Ну, что? А и то! Он дома, понятно? Пришёл домой. И уже не спеша захлопнул и запер дверь, включил свет и стал раздеваться.

Куртка действительно оказалась непромокаемой, а вот джинсы... от куртки и до сапог насквозь. И Андрей решил

начать с горячего душа. А чай и разборку вещей на потом.

В ванной он повесил на сушку джинсы, содрал и бросил бельё в ящик для грязного, шагнул в душевую загородку, тщательно задёрнул занавеси и пустил воду, блаженно охнув под тугой горячей струёй.

Мылся Андрей долго, даже не так мылся, как грелся под душем, горячей водой выгоняя набившийся внутрь холод. Всё-таки после той зимы, даже зим, холода он боялся. Простудиться легче простого, а потом к тебе всякая зараза липнуть начнёт, чихнуть не успеешь, как в доходягах окажешься.

Из душа он вышел красным и распаренным, долго, старательно растирался насухо полотенцем, вытирал, отфыркиваясь, сушил волосы уже другим полотенцем и наконец, ощутив себя согревшимся и сухим, надел халат и занялся делами. Разобрал сумку, достал и повесил на вешалку на завтра лётчицкую куртку и ушанку, поставил зимние сапоги. А эти... достать и вывернуть вкладыши – отпотели, пусть сохнут, – а сами сапоги набить газетой для этого же, шапочку... на сушку? Нет, пусть так сохнет, а завтра в кладовку уберёт, непромокаемую куртку туда же. А пока подстёжку отстегнём и развесим. Для проветривания.

Оглядев завешенную вещами прихожую, Андрей негромко рассмеялся. Шмотья у него теперь... ой-ё-ёй! А что? Всё нужное, всё по делу.

Теперь портфель, завтра он с работы к Эркину пойдёт,

уроки готовить. Ну, это совсем минутное дело. А мебель... в среду тогда? Чёрт, в среду ему звонить, тогда... тогда кое-что завтра, скажем, письменный стол и... ну, допустим, диван, а остальное... в пятницу? Или всё уж завтра? Чёрт, затянул он с обзаведением. Ну, кто ж думал, что в Сосняках всё то же самое, только дороже, а самое стоящее, антиквариат этот, ему вовсе не по деньгам. А ушанку себе Эркин классную отхватил, с первого взгляда невидная, серая, а надел, так совсем по-другому смотрится, как специально на заказ шитая. Ну – Андрей невольно вздохнул с уважительной завистью – на Эркине всё сидит как для него сшито, уж на что рабские штаны или куртка страшны, а ему и они идут. Не то, что, ну, тот же Митроха, видел он его в праздничном. Напялил костюм, и как седло на корове.

Закончив с вещами, Андрей пошёл на кухню выключить давно закипевший чайник. Вообще-то Женя его накормила... как всегда и от пуза, и вкусно, так что сейчас только чаю горячего попить и завалиться. Кончен бал, погасли свечи, спит принцесса в уголке... Ну, принцесса на фиг не нужна, та же баба, только мороки больше, а остальное... а всё остальное у него есть.

Андрей допил чай, убрал на кухне – совсем минутное дело, где не грязнили – и пошёл спать. Денёк выдался... что надо!

Когда Эркин в халате вошёл в спальню, Женя уже лежала,

но не спала, а листала новый журнал мод и так увлеклась, что даже не заметила, как Эркин привычно запер дверь, сбросил на пуф халат и лёг. И только когда он вытянулся с блаженным вздохом, она отложила журнал.

– Спасибо, милый. Спим?

– Мг-м, – согласился Эркин, целуя её. – А тебе понравился? Ну, журнал?

– Конечно, – Женя вздохнула, обнимая его. – Конечно, понравился. А себе ты что-то купил?

– Ага, – улыбнулся Эркин. – И даже о-го-го.

Женя тихо засмеялась, потёрлась лицом о его плечо.

– Ну и молодец.

Эркин вздохнул, поворачиваясь к Жене так, чтобы её рука, скользя по его телу, как бы сама по себе обняла его, и, уткнувшись лицом в её волосы, глубоко вдохнул её запах.

– Знаешь, Женя, я так за день соскучился по тебе. И Алисе.

– Мы тоже скучали.

Эркин мягко прижал Женю к себе, погладил по спине.

– Какая ты...

– Какая? – по-прежнему тихо засмеялась Женя.

– Самая, – не очень вразумительно, но вполне понятно ответил Эркин, целуя её.

Тёплая спокойная темнота окутывала их, и Эркин словно растворялся в этой темноте, потому что Женя была всюду, и он не мог понять: это она в его объятиях или он в ней, он

даже забыл, что тяжёл и должен беречь Женю, и волна уже несла его и Женю, они же неразделимы теперь...

Когда он заснул, Женя осторожно высвободила руку и погладила его по голове и шее. Эркин вздохнул, не открывая глаз. Женя поцеловала его в угол рта.

– Спи, милый, спи, родной мой, хороший мой.

Эркин уже спал и только беззвучно шевельнул губами в ответ.

Тетрадь семьдесят восьмая

122 год

Осень

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Осенняя горячка в имени закончилась, и Джонатан рассчитывал провести месяц в Колумбии и разъездах. Да и выборы в Федеральное Собрание оказались интересной и весьма перспективной игрой. Во всяком случае, в Экономическом клубе о них говорили. Так что...

– Только не увязни.

Джонатан удивлённо посмотрел на Фредди.

– Ты чего это осторожничаешь?

– Не люблю политики, – усмехнулся Фредди.

– Ты ж ею не занимался.

– Угу. А она мной? – и уже серьёзно: – Когда работаешь втёмную, то выигрыш всегда не твой.

Джонатан пожал плечами, но спорить не стал. Определённый резон, конечно, у Фредди есть, но оставаться настолько в стороне им теперь невыгодно. Больших ставок делать не надо, но сесть в стороне – это упустить игру.

Поезд шёл плавно, покачивая, а не трясая пассажиров, особенно первого класса. Фредди дремал, сдвинув шляпу на лоб. Октябрь и начало ноября в разъездах, потом месяц в имении, а там Рождество и святочные игры. На Хэллоуин вряд ли что будет, некому трепыхаться и русские ещё здесь. Интересно они уходят, все комендатуры на месте. Но это не наши проблемы. Что в Колумбии? «Октава», Ларри, Слайдеры, Дэннис, ещё точки... вроде всё в порядке, но надо проверить. На всё про всё недели полторы. Ансамбль ещё Луизиану переваривает. Заступаться за Гаммена и Рича никто не собирается, Рич, к тому же, уже без паёв остался, а бардак в Атланте давнишний и постоянный. Так что это побоку. Что ещё?

Джонатан рассеянно смотрел в окно, но видел своё отражение: темно ещё совсем. В Колумбии они будут рано утром. Сразу с вокзала в «Октаву», определиться и уже тогда спокойно по маршруту. Выборы мэра Колумбии – здесь уже всё давно отработано и вклиниться никак не получится, вернее, слишком дорого обойдётся, выгода не окупит расходов, хотя участие Цветного квартала может изменить расклад, но

не существенно. И за этой игрой слишком внимательно при-
сматривают русские. Что Фредди не любит политику, понят-
но, но стоит покрутиться, чтобы она нас полюбила. Или хотя
бы не мешала. Но для этого опять же надо крутиться и – как
минимум – не стоять в стороне.

Они ехали в первом классе, и ни попутчики, ни провод-
ник их не беспокоили. До Колумбии можно спокойно дре-
мать. Чем оба и занялись.

А в Колумбии сыпал мелкий, по-осеннему холодный
дождь, и всё было мокрым и скользким. Фредди тихо, но от
души выругался по-ковбойски, идя к стоянке такси. Джона-
тан кивнул, соглашаясь.

В «Октаве» тихо, светло, благопристойно и Джулия Ро-
бертс на своём месте.

– Доброе утро, мисс Робертс, – улыбнулся ей Джонатан,
проходя в свой кабинет.

– Доброе утро, мистер Бредли, – ответил ровный, как у
автомата, голос.

С тем же вежливым равнодушием она ответила и на при-
ветствие Фредди.

А на столе Джонатана список звонков, отсортированные
по срокам, смыслу и значимости письма, кассеты автоответ-
чика... Автоответчик они поставили недавно, штука ока-
залась весьма дорогой, но очень удобной. Когда можешь в
дополнение к тексту услышать голос, то это весьма и даже
очень.

В четыре руки они разобрали письма и разговоры.

– Начнём с воскресенья?

– Смотри сам, я проверю будничные.

Фредди кивнул и взял сколотые отдельно полупустые листы: в воскресенье мало кто звонит, основная информация, конечно, по рабочим дням. Но когда это Грымза – как он про себя называл секретаршу – успела вчерашнее прослушать и распечатать? Они же в пять минут десятого вошли, а текст уже был готов. Хотя и звонков всего три. С ними успеется, начнём по порядку. На предыдущих субботних и воскресных листах записей тоже немного, и все... в основном, пометки, что перезвонили на неделе. А вчера?... «Мистера Бредли, пожалуйста... Джонни...» Фредди невольно ухмыльнулся: звонивший явно не понимал, что говорит с магнитофоном. Стоп, это международный, звонили... из России?! Кто и зачем? Два звонка с одинаковым кодом, первый... не понял, что автоответчик... и снова звонок с этого же кода, по времени... сразу же... Фредди перечитал текст и очень спокойно попросил:

– Джонни, поставь вчерашнюю кассету.

Джонатан, сосредоточенно делавший пометки на листах, пожал плечами, но вставил нужную кассету и нажал воспроизведение. Сухой голос секретарши, назвавший пятничную дату. Ну, правильно, это она включила, уходя в пятницу, так что придётся слушать весь текст.

Продолжая читать, Джонатан при каждом новом голосе

вскидывал на Фредди глаза, но, видя его ожидающее спокойствие, снова углублялся в чтение.

Фредди вдруг резко подался вперёд.

– ...ни, мистера Бредли, пожалуйста, мисс, позовите мистера Бредли...

Джонатан круто развернулся к магнитофону. Тишина, только шелест перематываемой плёнки, щелчок окончания и новый сигнал. На этот раз голос полон язвительной вежливости. Конечно, запись искажает, но узнать можно. Чёткий текст, тишина, глухо зазвучал ещё один голос, советующий всё-таки объяснить, в чём дело.

– ... позвоню, гадом буду! – и щелчок окончания разговора.

Джонатан выключил магнитофон и посмотрел на Фредди.

– Надо о подарке подумать, – улыбнулся Фредди и по-ковбойски: – Гульнём, чтоб небо загорелось.

Джонатан пожал плечами.

– Думаешь, это нам надо?

Помолчав, Фредди встал.

– Запроси у Грымзы маршруты, чтоб нам за воскресенье уложиться. И про среду не забудь.

Когда он вышел, Джонатан покачал головой и вернулся к бумагам. Забрало ковбоя, так что ехать придётся. А с другой стороны... почему бы и нет? Будет ли польза, конечно, пока неизвестно, но и вреда... не просматривается.

Джонатан ещё раз просмотрел бумаги и вызвал Джулию

Робертс. И, когда она с неизменным блокнотом в руках встала перед его столом, начал распоряжаться.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Неделя выдалась суматошной. Ещё никогда ему так не хватало времени, как сейчас. Да что там, уж чего-чего, а времени всегда было навалом. А сейчас... школа, работа, магазины... Квартиру же надо всё-таки сделать.

К удивлению Андрея, он успевал если не всё, то почти всё. Купил диван, большой трёхстворчатый шкаф, книжные полки – некогда ему возиться и самому мастерить – и даже на пару с Эркином их повесил, книги, правда, расставил кое-как, без системы, ещё купил письменный стол, тоже двухтумбовый и к нему кресло, да не простое, а вращающееся, чтоб не двигать, сел и развернулся куда нужно. К дивану торшер, чтоб лёжа читать, и тоже не простой, а со столиком-подставкой для всяких мелочей, и на письменный стол лампу. А на стену повесил – купил в Сосняках, ну, положим, не картина,

а картинка, чёрно-белая, со смешным названием «гравюра», свободная минута выпадет, проверит по энциклопедии, что это за хренотень, но красиво: равнина с реками, деревьями, облака, и птицы летят, будто стоишь на обрыве и смотришь. И в целом получилось очень и даже весьма.

И со звонком в Колумбию всё прошло благополучно. Он в первую смену, так что, уходя, перемигнулся с заступавшей на дежурство Томкой, посочувствовал, что ей до ночи сидеть, побежал домой, как раз Эркин пришёл полки вешать, а потом Эркин ушёл к себе на Цветочную, а он опять бегом в диспетчерскую, к Томке. Время позднее, так что должно сладиться.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

– Когда в России начинается вечер?

Фредди пожал плечами.

– Обедают они в ленч или чуть позже, но это ещё день. А вечер? – и снова пожал плечами.

Они пришли в «Октаву» к трём часам. И уже пятый час ждали звонка. Одни не только в своей конторе, но и, похоже, во всём здании. Все конторы закрываются в шесть. Уборщицы приходят в семь утра. Тринадцать часов безлюдья и тишины... Правда, есть охрана, но их это не волнует.

Джонатан за столом разобрал все бумаги и задумчиво листал «Экономический вестник», Фредди устроился в кресле, поставил стакан с виски на широкий подлокотник и погрузился в неподвижность ожидания.

Джонатан знал, что Фредди может так сидеть часами, и лучше в такое время и в таком состоянии его не трогать.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Рассчитал Андрей точно. Десять вечера – глухое время для диспетчерской. На маршрут никого не высылают, и с маршрутов возвращаются позже. Напарницей у Томки сегодня не Зойка-Заюшка, а Матвеевна. Только за сорок бабе, а смотрится старухой, и нрав старушечий: сидит и дремлет, а

то и на диванчик приляжет. Так что не помешает.

И вошёл он с улыбкой, но тихо.

– Привет, цветочек аленький, вот и я.

Томка фыркнула.

– Без тебя, как без рук, плюнуть не на что.

– Это за что ж меня так? – удивился Андрей, стряхивая с ушанки снег и расстёгивая куртку.

– Присловье такое – объяснила Томка. – Зачем пришёл?

– С тобой поскучать.

Томка покосилась на спящую на диванчике Матвеевну. Андрей тоже посмотрел на могучее, накрытое большим тёмно-серым платком тело – Матвеевна спала лицом к стене – и, подмигнув Томке бесшумно переставил стул и сел рядом, свободно закинул руку на спинку её стула.

– Ну, и чего тебе? – повторила Томка, но уже другим тоном. – Я ж вас, кобелей, знаю, ничего за так не делаете.

– Обижаешь, – подпустил блатной слезы Андрей, – ой, обижаешь меня, Томушка, и вовсе зазря.

– Да ну тебя. Что я, не знаю, что ли, – Томка повела плечами и откинулась на спинку стула, словно ненароком оперлась на руку Андрея. – Ты ж котяра известный.

– От правды не отказываюсь, – шёпотом ответил Андрей, касаясь губами её уха. – Быль молодцу не в укор.

Томка тихо засмеялась, колыхнув выпяченной грудью. Андрей изобразил мучительный вздох.

– Ох, Томка, с ума ты меня сведёшь.

– Ладно тебе. Говори, зачем пришёл. И не ври, а то выго-
ню.

Андрей снова картинно вздохнул, но ответил серьёзно.

– Позвонить мне надо.

– Зазнобе в Царьград? – фыркнула Томка. – Никак соску-
чился?

– Подальше, Томушка. В Колумбию.

Томка изумлённо повернулась к нему, и Андрей решил
слегка поднажать.

– А не слабо тебе будет, а?

– Ты на слабо девок своих лови, – чуть сердито сказала
Томка. – Ладно, попробую, – и потянулась к пульту.

Андрей молча следил, как она, надев наушники с дрожа-
щей, вынесенной ко рту веточкой микрофона, щёлкает пе-
реключателями, разговаривая со знакомыми телефонистка-
ми. Вот ниточка связи дотянулась до границы, перепрыгну-
ла через неё... Он думал, что Томка просто подключится, а
она... через комендатуры, значит. Ну, ладно, речь, конечно,
малость подкорректируем, чтоб никого не подставить.

– Есть Колумбия, – обернулась к нему Томка. – Какой но-
мер?

Андрей вздрогнул и выпалил семизначный номер. Томка
повторила его в микрофон и кивнула.

– Ага, поняла, – и Андрею: – Вон ту трубку возьми, да нет
же, левую, и в темпе, пока не застукали.

Андрей вытянул утопленную в пульте трубку – не зная, и

не заметишь – и прижал к уху. Длинный гудок, ещё один, и щелчок... есть!

– Алло, – Андрей откашлялся: почему-то запершило в горле, и по-английски: – Мистера Бредли, пожалуйста.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Они ждали, но, когда телефон взорвался звонком, оба вздрогнули. Дождавшись второго звонка – вдруг просто ошиблись номером, Джонатан снял трубку.

– Алло?

– Алло... – молодой мужской голос. – Алло, мистера Бредли, пожалуйста.

Фредди встал и взял отводную трубку.

– Я слушаю, – спокойно сказал Джонатан.

– Джонатан, ты?! – обрадованно заорал Андрей. – А где...?

– Я здесь, – перебил его Фредди. – И не ори так, отлично слышно.

– Ага, понял, – сбавил тон Андрей. – У меня времени в обрез, так как, будете?

– Будем, – твёрдо ответил Фредди. – Джонни, как с рейсом?

– Будем у вас к семи, – сказал Джонатан.

– Утра? – радостно изумился Андрей.

Джонатан невольно рассмеялся.

– Нет, вечера.

– Ага, ага, вас встретить?

– Нет, – ответил Фредди. – Сами доберёмся. Всё?

– Да. До встречи. А, чёрт, чуть не забыл. У нас уже зима, снег лежит.

– Понял, – ответил Фредди. – До встречи.

– До встречи, – попрощался Джонатан.

В трубке наступила гулкая тишина, очень далеко что-то щёлкнуло, ещё раз и включился длинный гудок свободной линии. Джонатан и Фредди одновременно опустили трубки, и Фредди наконец улыбнулся. Джонатан взял лежащий перед ним лист рейсов до Царьграда и Сосняков, перечитал и вскинул глаза на стоящего у стола Фредди.

– Слушай, парень сильно загнул насчёт зимы? Октябрь в середине, какая зима?

– Скорее всего русская, – флегматично ответил Фредди. – Снег у них уже лежит, ты же слышал. А в чём проблема?

– Плащ с подстёжкой?

– А почему нет? Пошли, Джонни, поздно уже.

– Пошли, – Джонатан убрал лист с маршрутами и встал.

Вдвоём они вышли из конторы, погасив за собой свет.

Джонатан включил сигнализацию и дважды повернул ключ в замке. Охранник внизу у входа с привычной лёгкостью щёлкнул каблуками и открыл дверь.

– До свидания, мистер Бредли.

– До свидания, – ответил, выходя, Джонатан.

Фредди, выходя следом, обменялся с охранником молчаливым улыбочивым кивком.

На улице снова моросило, и Джонатан махнул рукой, подзывая такси. Фредди подождал, пока он сядет, и, когда такси отъехало, спокойно остановил следующее. У каждого планы на ночь свои.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Положив на место трубку, Андрей победно посмотрел на Томку.

– Уложился? Ай да я! Спасибо, Томушка, выручила,

должник на всю жизнь.

– Трепач, – улыбнулась Томка и подставила ему щёку. – Целуй и выметайся, сейчас сменяться будут.

– Как скажешь, Томушка, – Андрей чмокнул её в щёку и встал. – За мной не заржавеет.

– Иди уж, – засмеялась Томка. – Мне работать надо.

Когда Андрей вышел, неподвижно лежавшая Матвеевна совсем не сонно сказала:

– А смотри, как он по-ихнему ловко чешет. Шпана шпаной, а язык знает.

– В угоне был, – пожалала плечами Томка. – Там и нахватался.

Матвеевна со вздохом встала и села к пульту со своей стороны. Пол-одиннадцатого – сейчас поедут со второй смены. А на ночную сколько выпускать? Ну, меньше десяти – это по-божески.

На улице Андрей с наслаждением, всей грудью вдохнул холодный воздух, победно вскинул и поймал ушанку.

– Чему радуешься? – окликнули его из кабины разворачивающегося у въездных ворот грузовика.

– Жить хорошо, Никодимыч! – весело отозвался Андрей, сворачивая в проулок.

Вот теперь, в самом деле, всё! Он всё сделал. Кроме уроков на завтра. А учебники... дома у него учебники, так что бегом и не оглядываясь. Чаю крепкого заварить и до полу-

ночи... ну, как успеет, так успеет. Одну ночь не поспать... вполне возможно!

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Безработной Женя бывала, а отпускницей ни разу. Чтоб не работать и деньги получать. С ума сойти! Но хлопот оказалось столько, что они с Эркином день-деньской крутились и всё время не успевали.

В понедельник встали по будильнику. Женя подняла Алису, они втроём позавтракали, и Женя повела дочь в школу, а Эркин взялся за большую уборку. Раз они мебель в большую комнату собираются покупать, то надо пол хорошо натереть, чтобы потом сразу поставить и больше не двигать. Он переделся в рабские штаны, закатал штанины до колен и взялся за дело.

Привычные, давно нетрудные движения и спокойные мысли. Эркин, моя и натирая полы, отдраивая до блеска ванную и уборную, давно не вспоминал ни питомники, ни Пала-

сы. Всё это ушло в такое прошлое, что не было уже ни обиды, ни ненависти, и, работая, он думал о покупках, о школе, о том, что ещё нужно сделать к воскресенью, и думал по-русски, русскими словами.

Мягкий ласковый взгляд погладил его по спине, и Эркин, оборачиваясь, улыбнулся. Женя, в распахнутом пальто и сбитом на плечи платке, стояла в дверях, упираясь ладонями в косяки, и, улыбаясь, смотрела на него. Эркин встал и, не шлёпая, а мягко скользя босыми ступнями по полу, подошёл к ней. От Жени вкусно пахло морозом и свежим снегом, русским запахом, и Эркин окунулся в этот запах, обняв Женю прямо поверх пальто.

– Эркин, ты с ума сошёл, я с мороза...

– Мг-м, – согласился сразу со всем Эркин, целуя её в висок и возле уха, чтобы не мешать ей говорить.

Женя тихо засмеялась.

– Ой, Эркин, ну да, я разденусь сейчас...

– Ага, – кивнул Эркин, помогая Жене сбросить на пол платок и пальто.

Его ладони скользили по телу Жени, отстёгивая, развязывая, распахивая и сбрасывая на пол. Сам он был только в рабских штанах, поэтому мимоходом дёрнул конец шнурка, распустив узел, и, качнув бёдрами, спустил штаны. А Женя всё смеялась и смеялась, пока они не оказались совсем голыми среди разбросанной по полу одежды.

– Мы сумасшедшие, да? – Женя обеими руками обняла

его за шею.

Эркин вместо ответа мягко поднял её на руки и, перешагнув через одёжный ворох, вышел в прихожую.

– А теперь куда? – спросила Женя.

– А куда хочешь, – весело ответил Эркин. – Квартира большая. Мне с тобой везде хорошо.

– Мне тоже, – Женя поцеловала его в щёку и стала рассуждать: – К Алиске не стоит.

– Угу, – кивнул Эркин.

– В кухне неудобно, – продолжала Женя. – На лоджии холодно.

– Давай в ванную, – предложил Эркин.

Женя засмеялась.

– Нет, я тогда до вечера не просохну.

– А в маленькой? – спросил Эркин. – Андрей не обидится, и там диван щекотный.

– Какой диван? – удивилась Женя.

– Ну, с ворсом, – объяснил Эркин, уже входя в большую комнату, залитую белым снежным светом.

– А ему и говорить не надо, – сказала Женя. – Мы же потом всё уберём.

– Ага, конечно, Женя, – Эркин коленом толкнул дверь, входя в маленькую комнату.

Вчера, думая, что Андрей заночует у них, Женя задёрнула шторы, и в комнате было полутемно. И Эркин, положив Женю на диван, подошёл к окну. Решительным, даже резким

рывком раздвинул шторы и обернулся.

Женя сидела на диване с ногами боком к нему и вынимала из узла шпильки.

– Да? – лукаво улыбнулась она. – Тебе так больше нравится?

– Да, – кивнул Эркин. – Да, Женя.

Он подошёл к дивану и гибко опустился на колени. Женя порывисто наклонилась к нему, и её волосы накрыли их. Эркин счастливо засмеялся, целуя Женю. Он целовал её, дышал её телом, и Женя то откидывалась назад, отбрасывая волосы, то снова наклонялась к нему, накрывая волосами, и его обдавало то светом, то тьмой.

Женя легла на диван, И Эркин одним плавным движением подбросил себя и навис над Женей, удерживая себя на выпрямленных руках и упираясь ладонями в диван у плеч Жени.

– Щекотно? Ну, от дивана.

– Ага, – засмеялась Женя.

– А я сверху... пощекочу.

И всем телом легко касаясь тела Жени, заскользил по ней, глядя, щекоча её собой. Женя вскинула руки, обхватив его за шею.

– Ах, ты та-ак?

– И даже этак, – засмеялся Эркин.

Женя вдруг выгнулась навстречу ему, словно пытаюсь поймать. И Эркин поддался ей, войдя точным и сильным

ударом. Женя охнула и засмеялась.

– И ага!

– И ага! – радостно подхватил Эркин.

Он качался в Жене то длинными плавными, то частыми резкими толчками, и Женя отзывалась ему, ловила его встречными движениями, отталкиваясь от пружинящего под ними дивана.

И наконец волна, которую он так долго сдерживал, с силой ударила его между лопаток и по затылку, бросив на Женю.

– Х-г-ха, – гортанно, не слыханным раньше горловым звуком выдохнул Эркин, падая в бешеный чёрно-красный водоворот, последним усилием сознания обхватывая и прижимая к себе Женю, чтобы волна не разделила их.

Руки и ноги Жени оплели его плечи и бёдра, её волосы, как сами по себе, метались вокруг них, хлеща его по затылку и спине. И волна не разделила их – успел счастливо подумать Эркин, прежде чем исчезнуть в чёрно-красном водовороте...

Когда Женя, всхлипнув в последний раз, расслабилась и обмякла, Эркин осторожно отделился от неё и сел на край дивана, перевёл дыхание. Ровный снежно-белый не режущий глаза свет заливал комнату, было тихо и очень спокойно. Осторожно, чтобы не потревожить Женю, он чуть повернул голову и искоса посмотрел на неё. Женя лежала на спине, прикрыв глаза локтем, и улыбалась. За лето она загорела, и её груди казались совсем белыми, как снег.

Женя глубоко вздохнула и потянулась. Эркин повернулся к ней и, вытянув руку, кончиками пальцев погладил её по шее и груди. Женя, не открывая глаз, тихо засмеялась. Эркин подвинулся и, наклонившись, поцеловал её в закрытые глаза.

– Как хорошо, – вздохнула Женя.

– Ага, – согласился Эркин.

– А времени сколько? – вздохом спросила Женя.

– Не знаю, – ответил Эркин. – Женя, а зачем? Мы же в отпуске.

– Обед надо делать, – счастливо вздыхала Женя, – за Алиской идти, а за мебелью тогда завтра.

Эркин кивал, продолжая гладить, ласкать Женю кончиками пальцев.

Женя подняла руку и тоже погладила его по груди, нажав пальцем на сосок, как на кнопку звонка.

– Кто там? – охотно подхватил шутку Эркин. – Входите.

– А я думала, это будильник, – засмеялась Женя. – Что пора вставать.

– Так ты же его выключила, – тут же переключился Эркин. – Он теперь до-олго не зазвонит.

– И как долго? – лукаво спросила Женя.

– А пока не надоест, – залихватски, но с замирающим сердцем ответил Эркин.

– Мне никогда не надоест, – серьёзно ответила Женя.

– Да? – обрадовался Эркин. – Тебе хорошо? Нравится?

– Ну, конечно, Эркин, – Женя снова погладила его по груди и животу.

И Эркин подвинулся поближе, чтобы ей было удобнее.

– Ты очень хороший, Эркин, ты... ты такой красивый, и сильный, и умный. Я не знаю, как сказать, я думаю, я бы не смогла жить без тебя.

Эркин уже не слушал, вернее, не слышал слов Жени, ещё вернее, не пытался понимать. Потому что рука Жени гладила и ласкала его, и внутри всё дрожало и мучительно сладко дёргалось. Он ещё подвинулся и откинулся назад, лёг на диван, уронив голову на колени лежавшей навзничь Жени. Женя гладила его, любуясь им, его большим и сильным телом, мягко поддающимися, вздувающимися и опадающими от её прикосновений мышцами, его гладкой красновато-коричневой кожей, невыразимо приятно скользящей под её пальцами. Тело Эркина напряглось, выгибаясь, так резко, что Женя испугалась и отдёрнула руку.

– Нет! – хрипло выдохнул Эркин. – Ещё... Женя, ещё...!

Женя понимала, что с ним, знала, что должно произойти – не девочка давно уже, и читала, и видала – но судорога, потрясая Эркина, даже немного испугала её, а ещё больше, когда он после всего обмяк и замер, побледневший до желтизны, с закушенной губой, весь мокрый от пота, на её глазах покрывшего его лицо и тело крупными каплями.

Переведя дыхание несколькими всхлипами, Эркин открыл глаза и увидел лицо Жени. Она сидела, вытянув ноги

и коленями поддерживая его голову, и смотрела на него. Эркин виновато улыбнулся.

– Я... испугал тебя?

– Нет, – улыбнулась Женя. – Всё хорошо, Эркин.

– Тебе тяжело, – Эркин заставил себя сесть. – Прости, Женя, я... я как забыл обо всём.

Женя обняла его и поцеловала.

– Тебе было хорошо?

Вместо ответа Эркин обнял её, зарылся лицом в её волосы, плечи его вздрагивали, как от плача, и Женя гладила их, приговаривая что-то неразборчиво ласковое, пока не почувствовала, что он успокоился.

Наконец Эркин оторвался от Жени и встал, вытер ладонями мокрое от пота и слёз лицо.

– Я сейчас всё здесь уберу Женя, и закончу большую комнату.

– Хорошо, – улыбнулась Женя. – Ты в душ?

– Да, – чуть смущённо кивнул Эркин. – Женя, а... а пошли вместе? Честное слово, помоемся и всё.

– Знаю я тебя, провокатора, – Женя поцеловала его в щёку и выбежала так быстро, что он не успел её удержать. Даже если бы попытался.

Эркин вздохнул и огляделся. Так, сначала... да, сначала диван. И быстро, пока пятна не засохли. Он сорвался с места и выбежал из комнаты.

Женя, уже в халатике, хлопотала на кухне, и вещей её на

полу в большой комнате не было. Когда это только убраться успела?

Эркин тщательно дважды протёр обивку дивана и, убедившись, что все следы убраны, побежал в ванную обмыться. А ещё большую комнату надо закончить, он же всё так и бросил.

Эркин быстро вымылся в душе, дополнительно умылся холодной водой, чтоб всю дурь из головы выгнать, а то совсем без ума стал, потерял себя, никогда раньше, даже в волну, с ним такого не было.

Ещё раз проверив диван, Эркин снова взялся за пол в большой комнате. Он тщательно, даже яростно тёр паркет, когда Женя окликнула его.

– Эркин, я за Алиской.

– Что? – вскинул он голову. – Уже?!

– Ну да, – засмеялась Женя. – Ты в окно посмотри.

Эркин обернулся к окну и увидел, что белизна снежного дня еле заметно поголубела предвестием сумерек.

– Так поздно? – удивился он.

– Ещё не очень, но я хочу в магазин заглянуть, я там на маленьком огне оставила, – говорила Женя, быстро одеваясь.

– Я пригляжу, – кивнул Эркин, выйдя за ней в прихожую. – Мне чуть-чуть осталось.

– Ага, милый.

Женя быстро чмокнула его в щёку и убежала.

Оставшись в одиночестве, Эркин зачем-то потрогал двер-

ной замок, повернул шпенёк на два оборота и, вздохнув, поплёлся доделывать пол. Такого с ним ещё никогда не было. Чтоб даже время перестал ощущать, ну... ну, надо же такому. И будто устал он чего-то.

Он всё-таки закончил возню с паркетом, отнёс в кладовку мастику, щётки, суконку, снял и сунул на место рабские штаны и, пользуясь тем, что оказался один, а дверь заперта, немного пошлялся нагишом по квартире по всяким хозяйственным мелочам. Потом оделся уже в домашний костюм и пошёл на кухню.

За окном уже сумерки – рано как темнеть стало. Эркин задёрнул шторы и включил свет. На плите тихо успокоительно булькал суп, смутно, даже не слышались, а ощущались такие же домашние спокойные шумы из-за стен, или это сипела вода в трубах. Эркин подошёл к окну и встал за шторами. Лоджия уже покрыта снегом, цветочные ящики с землёй они ещё в сентябре сняли и поставили на пол, чтобы не сорвались от снега, шкафчик для продуктов тоже в снегу, надо будет выйти, обмести, а снег всё идёт, редкий, но падает и падает... как же с ним такое случилось, не было такого, чтоб кончил и залил всё, с... да нет, один раз ещё мальцом видел, как отлупцевали одного, годом старше, да, их только-только стали растравкой накачивать и тот не совладал с собой, так... так ему увиденного на всю оставшуюся жизнь хватило, даже в волну с ним такого не бывало, себя терял, а это помнил, а сегодня... Женя, наверное, обиделась, струя же горячая,

липкая и коркой засыхает, но... но как же он себя настолько потерял... стыдоба, хуже мальчика... Это его самого как-то в учебке беляку дали, их ещё на джи и элов не поделили, со всеми работали, и беляк залил себя, а его заставил эту корку слизывать, и сейчас, как вспомнишь, с души воротит, а он и Женю, и диван... что же теперь делать?

– Эй, Эркин, – сказали вдруг за его спиной. – Ты где?

Эркин вздрогнул и стал выпутываться из шторы.

– Андрей, ты?

– Ну да, – Андрей помог ему высвободиться. – Как дела, отпускник?

– Хорошо, – помедлив, ответил Эркин. – А Женя за Алисой пошла.

Андрей пытливо посмотрел на него.

– Случилось что? Брат?

– Да нет, – пожал плечами Эркин. – Всё в порядке. А ты чего так поздно?

Андрей ухмыльнулся.

– В мебельный ходил, купил кой-чего, ну, и завёз.

– И чего купил?

– Всего, – весело ответил Андрей, но глаза его оставались серьёзными.

Андрей чувствовал, что с Эркином неладно, но не знал, как подступиться. А тут ещё и Женя с Алиской пришли. Стразу стало шумно, весело и хлопотливо. А после обеда Эркин с Андреем сели за уроки, и тут уж не до разговоров.

За обедом Эркин убедился, что Женя на него не обиделась, и успокоился. Ну, случилось, ну, виноват, но Женя поняла, что он не нарочно, и всё, можно забыть и не думать. Да и уроки стали намного сложнее и требовали больше внимания, чем раньше.

Работали как всегда: сосредоточенно и, хоть каждый делал своё, слаженно, помогая уже тем, что были рядом и каждый уверен в помощи другого...

Эркин встал из-за стола и потянулся, сцепив пальцы на затылке. Лежавший на диване Андрей опустил на грудь учебник и с улыбкой посмотрел на него.

– Сделал?

– Письменные. Давай, освободи место.

– Ага!

Андрей легко встал и тоже потянулся.

– Давай, Эркин.

Они поменялись местами, и снова тишина шелеста страниц и поскрипывания пера по бумаге.

Прибежала Алиса звать их ужинать.

– Через пять минут, – ответил, не поднимая головы, Андрей.

И, посмотрев на часы, кивнул Эркин.

– Да, через пять минут.

Алиса постояла, глядя на них, и убежала.

...Эркин резко захлопнул учебник и сел на диване, и практически одновременно отложил ручку Андрей.

– Уф-ф, свалил! Ты как?

– Порядок, – ответил Эркин. – Пошли ужинать.

– Пожрать я всегда готов, – ухмыльнулся Андрей.

И Эркин охотно засмеялся в ответ.

На кухне светло, тепло, стол накрыт, Алиса сидит на своём месте, весело крутится и гримасничает. И Женя разливает по чашкам чай.

– Всё сделали? Ну, молодцы, садитесь.

Эркин сел на своё привычное место и с удовольствием вдохнул ароматный пар.

– Как вкусно, Женя.

– Ты же ещё не ел, – удивилась Алиса.

– Запахи вкусные, – объяснил Эркин.

– Ага-а?! – догадалась Алиса. Нарочито шумно втянула в себя воздух и согласилась: – Ага!

Диалог этот повторялся у них почти каждый вечер и не надоедал обоим. Женя покачала головой, но ничего не сказала. Андрей шумно восторгался и уверял, что в жизни такой вкусноты не ел, сыто жмурился на свет Эркин, Алиса в меру безобразничала... Женя наслаждалась миром и весельем в доме, но неизменно заходил разговор о воскресеньях и тогда снова: заботы, хлопоты, непонятные намёки Андрея и виноватое смущение Эркина...

Уже в постели, когда Женя расчесала волосы, заплела на ночь косу, легла и выключила лампу, Эркин тихонько спросил:

– Женя, ты... ты очень на меня обиделась?

– Не выдумывай, – Женя обняла его и поцеловала в висок. – Не за что мне на тебя обижаться.

Эркин успокоенно вздохнул, приваливаясь головой к её плечу. Всё в порядке, можно спать.

А во вторник с утра Андрей ушёл на работу, Женя повела Алису в школу, условившись встретиться с Эркином у мебельного магазина.

Оставшись в одиночестве, Эркин убрал на кухне и в спальне, придирчиво оглядел большую комнату – не упустил ли он чего вчера – достал и положил в бумажник деньги и стал одеваться. Снегопад не прекращался, и Женя ещё вчера убрала всю осеннюю одежду в кладовку и вывесила зимнее. Эркин надел тёплое бельё, джинсы, ковбойку. Портянок наматывать не стал: не на работу же, так что, носки, бурки, совсем за лето не слежались, Женя их ловко газетами набивает, шарф, новая ушанка, а старую на работу отнесёт и будет в шкафчике держать, полушубок... охлопав себя и убедившись, что бумажник, ключи и варежки на своих местах, он ещё сложил и сунул в карман матерчатую сумку, а вдруг что по мелочи купить придётся, и наконец вышел, плотно закрыв и тщательно заперев дверь.

В коридоре, на лестнице и во дворе было тихо и пусто. Взрослые на работе, ребятня в школе, малышня сама по себе не гуляет. Коньч с утра всё размёл и пошёл передохнуть.

В магазине Мани и Ньюры приветливо светится окно-витрина, и женщина в серой шубе и такой же меховой шапочке открывает дверь. Это миссис Норма – интересно, а как звали её отца, ну, чтобы совсем по-русски обращаться, надо будет спросить при случае – пошла за ежедневными покупками. Под ногами поскрипывает свежий чистый снег, воздух приятно холодит лицо. Эркин шёл быстро, но без спешки, весело оглядывая витрины. Когда сыт и тепло одет, то зима даже в удовольствие, и это русская зима, а не алабамская тоскливая слякоть.

Мебельный магазин Сторогова, где он прошлой зимой купал спальню, ещё не открылся, и Эркин прошёл дальше к угловому магазинчику мелочей и безделушек. Они с Женей ещё тогда говорили, что в гостиную нужен красивый шкаф для всяких... красотостей, как у Нормы. Ну, шкаф они купят, это не проблема, а что поставить туда? Пустой шкаф совсем не смотрится.

У этой витрины его и нашла Женя.

– И что выбрал? – взяла она его под руку.

Эркин вздрогнул и повернулся к ней.

– Женя? Я... я думаю для шкафа, ну, в гостиную...

– Для горки?

– Да, Женя. Как тебе это?

Женя осмотрела большую, свёрнутую причудливой спиралью розовую раковину и кивнула.

– По-моему, ничего.

– Она тебе нравится? – обрадовался Эркин.

Женя вздохнула.

– Дорого уж очень.

Вздохнул и Эркин: они же сразу решили не тратить ссуду на пустяки, и платить триста с лишним рублей за такую фиговину... нет, не стоит она таких денег.

Что именно купить, они решили давно, но всё же походили по магазину, рассматривая, прицениваясь и обсуждая. Продавец им не мешал и подошёл точно в тот момент, когда Женя решила перейти от экскурсии к закупкам. Большой мягкий диван с бордовой, но не яркой, а как бы матовой, приглушенной обивкой с тиснёным узором того же цвета и два таких же кресла, затем узкий и высокий шкаф, застеклённый с трёх сторон и четвёртой зеркальной стенкой, и маленький столик к дивану...

– Женя, давай ещё вот этот, на колёсиках, возьмём.

– Да, и... нет, ну, это потом.

– Хорошо, – согласился Эркин и полез за деньгами.

Рядом с продавцом уже стояли два магазинных грузчика, шофёр открывал дверь на обе створки, и Эркин ещё расплачивался, а грузчики уже тащили диван к выходу. Эркин расплатился за мебель и пошёл к машине. Женя села в кабину к шофёру, а он в кузов с грузчиками.

Доехали и внесли мебель быстро, Эркин рассчитался с бригадой, и они с Женей стали расставлять мебель. Шкаф сразу нашёл своё место, а вот диван и кресла...

– Эркин, а тебе не будет мешать?

Эркин огляделся.

– Если большой стол не выдвигать, нормально, Женя. А маленький я буду переставлять.

– Хорошо, милый, – Женя чмокнула его в щёку. – А в шкаф пока поставим вазочку.

– Которую? – решил уточнить Эркин.

Вазочек у них было две: одну, фарфоровую, расписанную цветочками, Женя привезла из Джексонвилла, а вторую – хрустальный искристый шар – им подарили на новоселье.

– Обе, – сразу ответила Женя. – И сухарницу, что мне девочки на именины подарили.

– Ага, понял. И лебедя? Ну, из спальни.

– Нет, – улыбнулась Женя. – Я люблю на него смотреть.

Эркин невольно расплылся в блаженной улыбке: этого лебедя он подарил Жене на Новый год, и раз он ей так нравится...

Конечно, две вазочки и плетёная из «золотой» проволоки ажурная корзинка-сухарница – этого слишком мало, но всё-таки шкаф не пустой, и главное – начать, а там видно будет и само пойдёт.

Только управились с мебелью, как надо готовить обед, Эркину же в школу, а она забыла обо всём. Женя заметалась в кухне с такой скоростью, что Эркину там места уже не нашлось. Он пошёл в кладовку и оглядел верхние полки с видневшимися свёртками и пакетами. Да, это он не сообразил,

а ведь Женя ему ещё когда о шкафе для гостиной говорила, что нужен обязательно, надо было побеспокоиться. Но вся эта красота такая дорогая, а они и так выше маковки потрапились. Ну, мебель всё рано нужно, а это... не зря же по-русски безделушками называется.

С этим Эркин пошёл на кухню, где Женя уже заканчивала готовку обеда.

– Ага, хорошо, – встретила она Эркина. – Садись, сейчас пообедаем наскоро.

– Мм, – согласился, уже набив рот салатом, Эркин. – Женя, а огурцы ещё есть?

– Под окном, – ответила Женя, сосредоточенно разливая по тарелкам суп.

Эркин достал туюсок с огурцами, выложил на тарелку один большой и два маленьких, а огурцов-то мало осталось, докупать надо.

– Женя, огурцов совсем нет, я схожу завтра на рынок?

– Нет, Эркин, давай я лучше одну из своих банок открою, попробуем. Ну, если не получилось, тогда купим.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Но у тебя всегда хорошо получается.

– Спасибо, милый, – засмеялась Женя, и Эркин самодовольно ухмыльнулся.

Они пообедали, Эркин переоделся, взял портфель – как уже привык, собрал его ещё с вечера.

– Женя, я в школу, – крикнул он из прихожей, наматывая

шарф.

– Да, милый, – Женя выбежала из кухни и быстро, с прищипчивой лаской оглядела его: достаточно ли тепло он оделся.

Эркин поцеловал её и вышел.

На улице снова шёл снег, и он в который раз весело подумал, что как же это сразу началась зима. В субботу же ещё осень был, всего, ну да, два дня прошло, третий день сегодня.

На ступеньках Культурного Центра, как обычно, курило несколько великовозрастных «школьников», и среди них Андрей в своём новом зимнем наряде. Что на работе, что здесь его куртку, сапоги и ушанку оглядели и обсудили со всем вниманием. Увидев Эркина, он улыбнулся, плевком погасил окурок и ловким щелчком отправил его в урну. Улыбнулся и Эркин, взбегая на крыльцо.

– Здорово!

– Здорово, во смотришься! – Эркин показал Андрею оттопыренный большой палец.

Андрей самодовольно ухмыльнулся, открыл рот, но тут же закрыл и преувеличенно вежливо поздоровался, склонив голову и незаметно подтолкнув Эркина. Мимо них, потупившись, чёрной тенью проскользнула Манефа, никак не ответив на приветствие и даже словно, не заметив никого из стоявших и посторонившихся перед ней. Андрей громко вздохнул ей вслед. Все засмеялись.

– Зря стараешься, Андрюха, – насмешливо хмыкнул

немолодой Алёшин из десятого класса. – С ней, как с нашими, не пройдёт, она из этих.

– Это каких? – поинтересовался Андрей.

– Из скитских, – Алёшин пыхнул дымом. – Богова пообету.

– Монашка, что ли?

– Не, те нормальные, в войну в госпиталях работали, некоторые даже на фронт шли, наравне с санитарями раненых вытаскивали, и на фабриках, ну, где ручная работа тонкая нужна, прямо за станками молились, – стоявшие рядом кивками подтверждали его рассказ, что, дескать, тоже об этом слышали. – А эти... всяко о них болтают, – и резко оборвал себя: – Ладно, мужики, пора.

– Пора так пора, – пробормотал Андрей.

Когда они вошли в свой класс, Манефа сидела на своём месте, положив руки на стол и склонив голову.

Сядясь рядом – место его, законное – Андрей улыбнулся.

– И всё равно, здравствуй.

Туго обвязанная чёрным платком голова Манефы чуть заметно дрогнула, обозначив поклон, и беззвучно шевельнулись бледные губы. Андрей счёл это достаточным для первого раза, и стал устраиваться, раскладывая книги, тетради, ручку, карандаш и прочую мелочёвку в удобном для себя порядке.

Артёма не было, и Эркин сидел один, и вообще народу немного, а перед самым звонком, буквально на шаг опере-

див Полину Степановну, вошёл Тим. Андрей заметил, как Манефа пугливо покосилась на Тима, и покровительственно шепнул:

– Не бойся, я рядом, – и отвернулся, вставая навстречу Полине Степановне.

– Здравствуйте, здравствуйте, – улыбнулась Полина Степановна. – Садитесь и начнём работать.

Андрей раскрыл тетрадь и изобразил такое внимание, что Полина Степановна покачала головой, но ничего не сказала.

Проводив Эркина, Женя побежала в кладовку проверить свои банки. Варенья, соленья, маринады. Так, эти огурцы на кухню и... кабачки? Нет, кабачков у неё только две банки, а впереди ещё столько праздников: День Победы, день Свободы, Рождество, Новый год, у Эркина день рождения... это только то, что она с ходу вспомнила, а если вдруг гости? Нет, огурцы и всё.

Господи, оглянуться не успела, а уже за Алиской бежать. Женя торопливо оделась, схватила сумочку и сумку и выбежала из квартиры.

В коридоре, на лестнице, на улице встречные и попутные, знакомые, соседи, сослуживцы... господи, да она уже весь город знает, не то что, в Джексонвилле. Там... Элма Маури, мисс Милли и мисс Лилли, Розы, миссис Стоун, девочки из обеих контор и... и всё, кое-кого ещё помнит в лицо, а по имени так и не узнала, господи, доктор Айзек, вот кого жал-

ко, что за человек был, а миссис Стоун со странностями, ну да бог с ней, да и со всей той жизнью. Вон и школа.

Сегодня с детьми занималась Валерия Иннокентьевна, и Женя с удовольствием подробно обсудила с ней Алискины успехи в пении и танцах, и не стоит ли учить её музыке, скажем...

– Я на гитаре хочу, – вмешалась Алиса.

Уж если на неё сваливаются ещё уроки, так хоть чтоб было по её выбору. А на гитаре Эрик играет, она как Эрик будет. Но её и слушать не стали. Вот взрослые всегда так. Ну, ничего, она сама с Эриком поговорит, он с мамой, правда, не спорит и тоже заодно, но он всё понимает, и, если захочет, то мама по его сделает, уж она-то...

– Спасибо, Валерия Иннокентьевна, – встала Женя. – Алиса, готова?

– Давно уже, – мрачно ответила Алиса.

На улице наступил уже совсем вечер, небо и снег стали одинаково синими. Алиса шла рядом с Женей, держась за её руку и рассказывала последние школьные новости. Большого холода нет, и Женя ей не мешала. Зашли по дороге в пару магазинов за обычными будничными покупками и к дому подошли в полной темноте.

– Мам, а Эрик где? – спросила Алиса, когда они поднялись по лестнице.

– Ты же знаешь, сегодня вторник, он в школе, лучше поддержи, – Женя дала ей сумку и достала ключи.

– Я знаю, – вздохнула Алиса. – Мам, у него же отпуск, а его всё равно нет, это же несправедливо.

Женя открыла двери, и их встретила тихая пустая и тёмная квартира.

Пока Алиса, сопя, стаскивала с себя шубку, сапожки и шапочку, Женя разделась, отнесла покупки на кухню, сбегала в спальню и переоделась в халатик.

– Алиса, не копайся, рюкзачок к себе отнеси, не бросай где попало.

– Ладно, мам, я знаю, – Алиса поволокла рюкзачок к себе.

– И переоденься быстренько, – крикнула ей вслед Женя и побежала на кухню.

Сунув рюкзачок на его место между книжным шкафом и рабочим столом, Алиса решила проверить, что там в большой комнате. Обычно дверь открыта, а сейчас нет. К Андрюхе она, конечно, не пойдёт, у неё своих книжек полно, а большая комната – общая, туда всегда можно.

Услышав её восторженный визг, Женя прибежала из кухни. Увидев, как Алиса упоённо прыгает на новом диване, Женя настолько возмутилась, что даже задохнулась и не сразу нашла слова.

– Ну, мам, – сразу начала Алиса. – Ну, он же новый, ну, я чуть-чуть.

– Никаких чуть-чуть! – наконец выдохнула Женя. – И...

Она не успела договорить, какие ещё наказания ждут Алису, как та уже спрыгнула с дивана, подхватила свои тапочки

и улепетнула. И как ни была сердита Женя, но не смогла не рассмеяться. Ну, что за девчонка!

На кухне что-то зашипело, и Женя бросилась туда.

Алиса сидела у себя в комнате, пока мама не крикнула:

– Алиса! Ужинать!

И тогда явилась на кухню как ни в чём не бывало. Женя грозно посмотрела на дочку, но Алиса изобразила такую «святую невинность», что Женя опять рассмеялась. Но сказала:

– Чтоб больше этого не было.

– Ага, – горячо согласилась Алиса. – Ну, что ты, мам, я же всё понимаю.

– Тем более, – внушительно подвела итог Женя.

Алиса кивнула и углубилась в еду.

Обычно Алиса говорила, что будет ждать из школы Эрика и Андрюху, и немного спорила об этом с мамой, но сегодня, хотя вроде мама уже не сердится, решила, что лучше не рисковать, и без звука отправилась к себе укладываться спать.

Женю её послушание и кротость насторожили, но не настолько, чтобы забыть об остальных делах. Дел выше головы, а...

А среда оказалась ещё суматошнее. С утра, отправив Алису в школу, Женя пошла в Старый город на рынок, а тот и затянул. Он, конечно, хоть и будничный, маленький, но знакомых-то сколько, и со всеми надо поговорить, так что до-

мой она вернулась только к обеду. А Эркин ещё утром ушёл к Андрею, чтобы приготовить всё, и как только Андрей с работы придёт, они сразу там поедят и за полки возьмутся. И хотя обедать предстояло вдвоём с Алисой, готовила Женя на четверых: Эркин придёт голодный, Андрюша – тот всегда есть хочет, сам говорит, что ещё растёт, нет, даже лучше на пятерых, Андрюше надо побольше. Огурцы в банке оказались вполне съедобными, так что надо заново запасы в кладовке пересмотреть, отобрать, чем она блеснёт, и всё-таки своё дешевле, чем покупать, хоть немного, да сэкономить...

Но Эркин пришёл один. Усталый, но весёлый и будто чем-то смущённый.

– А где Андрюха? – сразу врезалась в него Алиса. – Он в гости пошёл?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – У него другие дела, – и в ответ на взгляд Жени уточнил: – Он позвонить пошёл.

– В Царьград? – живо спросила Женя.

– Д-да, – неуверенно ответил Эркин и добавил спасительное: – Наверное.

Женя вздохнула и решила не настаивать. И потом... ну, что такого, что Андрей решил ещё раз поговорить с Бурлаковым – больше-то ему звонить некому – ведь отец всё-таки. Конечно, Андрею его не хватает.

После обеда Эркин сел за уроки. Алиса возмутилась, что у них отпуск, а с ней всё равно никто не играет, и, взяв книжку, уселась на диван в маленькой комнате.

– Я с Эриком читать буду.

– Читать можно, – вынужденно согласилась Женя.

Эркин улыбнулся ей.

– Всё хорошо, Женя.

– Ну, ладно, – окончательно сдалась Женя и ушла из комнаты по своим делам.

Но, наведя в кухне, ванной и спальне порядок, заглянув и проверив комнату Алисы, Женя почувствовала, что ей чего-то скучно и одиноко, и снова пошла в маленькую комнату. Они все так до сих пор и путались, называя её то маленькой, то дальней, то Андрюшиной, а вот «кабинет» так и не привилось.

Здесь царил сосредоточенная тишина, вдруг напомнившая Жене библиотеку в колледже. И, погрозив Алисе пальцем, чтобы та не вздумала шуметь, она тихо взяла из шкафа библиотечный затрёпанный томик «Жаркого сердца» – библиотекарша хвалила, говорила, что сердечно и увлекательно, она сама тоже записалась в библиотеку: не таскать же Андрюше книги и ей, и себе, и Эркину, а дают всего по две книги на две недели, а каждому ведь своё интересно – и, сев на диван, тоже углубилась в чтение.

Эркин даже не оглянулся, головы от тетради не поднял, но улыбнулся, а потом и читал, и писал, улыбаясь. Будто это и в самом деле... приятно. Обычно устные уроки он учил, сидя на диване, меняясь с Андреем местами, но сегодня остался за столом. Было немного непривычно и, может, от этого

он устал больше обычного и, встав из-за стола, сразу выпрямился, сцепив пальцы на затылке, потянулся, выгибаясь на полуарку.

– Эрик! – соскочила с дивана Алиса. – Давай потянемся, ну, Эрик, ну, давай, а?!

Эркин посмотрел на Женю. Та с улыбкой покачала головой.

– Я не буду, а вы – пожалуйста.

– Ура-а! – завопила Алиса, выскакивая в большую комнату и на ходу стаскивая с себя домашнее платье.

Эркин улыбнулся Жене и вышел следом за Алисой. Оглядев преобразившуюся комнату, он отодвинул маленький столик к стене и оба кресла туда же, снова огляделся, проверяя, хватит ли места, и снял рубашку. Штаны снимать не стал. И из-за Алисы, и потому, что не всерьёз, не полным комплектом, а так, немного размяться после долгого сидения за столом.

Алиса старательно копировала его движения, и у неё даже кое-что получалось.

А когда Алису всё-таки уложили спать, Женя и Эркин сели, как всегда, на кухне за вечерней «разговорной» чашкой.

Ещё раз обсудили праздничное меню.

– Эркин, так сколько народу будет: – Женя пододвинула к нему варенье. – Бери больше, это клубничное.

– Мм, как вкусно, спасибо, Женя. Ну... ну, я не знаю, может, десять.

– Десять? – удивилась Женя. – Откуда столько? Андрей кого-то пригласил? Кого?

Эркин, покраснев до тёмно-бурого цвета, уткнулся в чашку, будто хотел спрятаться в ней от Жени и её вопросов.

– Ну, нас четверо, – безжалостно рассуждала Женя. – Бурлаков пятый, а ещё? Эркин, ещё десять, или всего десять?

– Всего, – несчастным голосом пробормотал Эркин.

Женя удовлетворённо кивнула.

– Ну, это ещё не страшно. А это мужчины или женщины?

Ей вдруг подумалось, что Андрей вполне мог пригласить свою... избранницу и её родственников, дескать, у брата свадьба, а у меня помолвка.

– Ну-у, – промямлил Эркин, проклиная про себя втравившего его в такую передрагу Андрея.

Просто молчать, как молчал всю жизнь перед надзирателями, он не мог, врать, отругиваться и отшучиваться – тоже. Это же Женя!

– Ну, Женя, ну, я обещал, – наконец чуть ли не со слезами на глазах выдавил он.

– Ну, я же не имена спрашиваю, – Женя с лукавой насмешкой глядела на него. – Понимаешь, если будут женщины, то надо больше сладкого.

– Сладкое и мы любим, – вдруг сообразил, как вывернуться, Эркин, чтобы и не соврать, и не проговориться. – Женя, ты всего побольше приготовь, а что останется, мы с Андреем доедим.

Женя ахнула и рассмеялась.

– Ну, Эркин, ну...

Эркин довольно улыбнулся: и Женю не обидел, и Андрея не подвёл. Удачно вывернулся.

Женя потрепала его по волосам – как всегда он ловко перехватил и поцеловал её руку – и стала убирать посуду.

В четверг на работе Андрей ещё держался, хотя спать почти не пришлось: с уроками сильно за полночь управился. Но проморгался, продышался, и смену отпахал нормально. А пообедал, сел в классе за стол и... весь первый урок Андрей мучительно боролся со сном. Глаза сами собой закрывались, а вдруг отяжелевшая голова клонилась на грудь и так и норовила лечь щекой на раскрытую тетрадь и выключиться.

У Эркина с математикой особых проблем не было, хотя вместо нормальной арифметики придурочная алгебра – и тут беляцкие выдумки неизвестно зачем, но раз надо, то чего ж трепыхаться – и он успевал искоса следить за Андреем.

С трудом досидев до звонка, Андрей сорвался с места, побежал в уборную и там долго умывался холодной водой, прогоняя сон. За спиной кто-то остановился, и Андрей, не оборачиваясь, сказал почему-то по-английски:

– Я в порядке.

– Вижу, – так же по-английски ответил Эркин. – Что случилось?

– Дозвонился я, – Андрей плеснул себе в лицо ещё пригоршню холодной воды, завернул кран и, выпрямившись, повернулся к Эркину. – Всё в порядке, будут в воскресенье к семи.

Эркин молча смотрел на него, и Андрей заторопился:

– Точно будут, Фредди сказал, он слово держит.

Андрей потряс головой, стряхивая с волос надо лбом остатки воды, и улыбнулся.

– Всё, я в норме.

Эркин шагнул к нему и мягко взял его обеими руками за шею так, чтобы пальцы сзади сомкнулись.

– Стой спокойно.

Андрей, недоумевая, подчинился. Пальцы Эркина глубоко зарылись в его волосы на затылке, будто что-то отыскивали.

– Чёрт, – пробормотал Эркин совсем тихо, – неужели забыл?

– Чего? – так же тихо спросил Андрей.

– Есть! – вдруг радостно улыбнулся Эркин.

Андрей ощутил резкую, но короткую, как от укола, боль, на мгновение потемнело в глазах, и его шатнуло.

– Есть, – повторил Эркин и отпустил брата. – Пошли, сейчас звонок будет.

Всё вместе это не заняло и минуты, и в общей суматохе на них, похоже, никто особого внимания не обратил. Андрей шёл за Эркином по коридору и ничего не понимал: всё стало

таким ярким и чётким, и сна ни в одном глазу, и усталости никакой... что же это такое?

– Что это, Эркин.

– До конца продержишься? – ответил вопросом Эркин и, не ожидая ответа, кивнул: – Ну, и ладушки.

Они вошли в класс, и почти сразу прозвенел звонок. Андрей сел на своё место, посмотрел по сторонам. Чёрт, что же это такое: всё будто вымытое, аж блестит, или это глаза ему прочистило? И уши заодно? Краем глаза он поймал испуганный взгляд Манефы и улыбнулся ей, тут же об этом забыв. Не до неё ему. И вообще ни до чего.

Урок за уроком странное ощущение необычной яркости и чёткости цветов и звуков не проходило. И... и словно это не он, а кто-то другой, а он только смотрит со стороны с холодным любопытством. Он читал, писал, отвечал на вопросы, трепался на переменах, но... но всё это не он, а кто-то... кто?

Очнулся Андрей уже по дороге к «Беженскому Кораблю». Эркин шёл рядом, под ногами поскрипывал снег, горели по-ночному редкие – через один – фонари.

– Что это было? Эркин?

Эркин искоса посмотрел на него, вздохнул и ответил по-английски:

– Ну, мы иногда делали так, друг другу. Когда смена тяжёлая. Или двойная.

– Понял, – кивнул Андрей. – Спасибо, брат.

Эркин снова посмотрел на него и ответил уже по-русски:

– Спасибо будет, когда до дома дойдём.

– А чего? – удивился Андрей. – Какие проблемы?

Эркин нехотя ответил:

– Всяко бывало. Я-то... не мастер. И не делал давно... – и оборвал себя. – Ладно, пошли.

Андрей кивнул, и они пошли дальше уже молча. И квартала не миновали, как Андрей стал горбиться и волочить ноги, будто какая-то сила пригибала его к земле. Эркин молча отобрал у него портфель, закинул его руку себе на плечи и сам охватил его за спину.

– Эркин...

– Молчи, дышалку собьёшь. Идём.

С каждым шагом Андрей всё тяжелее наваливался на Эркина, и тот уже почти нёс его на себе. Тяжело дыша, Андрей пытался идти сам, но не мог и, пытаясь оттолкнуться от Эркина, повисал на нём.

Так, в обнимку, они добрались до «Беженского Корабля» и взобрались по лестнице. Вроде кто-то им встретился по пути, но ни Эркин, ни – тем более – Андрей не обратили на это внимания. Ну, примут за пьяных, ну и что?

Вот и их дверь. Эркин поставил оба портфеля на пол и нашарил в кармане ключи. Удерживая на себе Андрея, он с третьего захода попал ключом в скважину. Дверь наконец распахнулась, и огни ввалились в квартиру.

– Господи! – ахнула Женя. – Андрюша, Эркин...

– Женя, – Эркин уронил на пол портфели. – Я потом объ-

ясню, я сейчас...

Андрей тяжело поднял голову, попытался улыбнуться Жене, но только скривил губы.

– Алиса спит? – спросил Эркин, ловко сбрасывая прямо на пол полушубок и одновременно раздевая Андрея. – Женя, ей не надо его видеть.

– И тебе тоже, – прохрипел Андрей. – Женя, не надо...

– Да, Женя, – Эркин наконец вынул Андрея из куртки и сапог. – Ты иди в спальню, я сам.

И Женя подчинилась его не приказному, но твёрдому голосу.

Когда она ушла, Эркин перевёл дыхание и стал спокойнее.

– Сейчас обмоешься и ляжешь.

– Эркин... – попытался высвободиться Андрей. – Я сам.

– Закрой глаза и спи, – неожиданно ответил Эркин. – Я всё сделаю.

Возразить Андрей не смог.

Всё уже делалось без него и помимо него. Его раздели, отвели в уборную, потом в ванную и поставили под душ. Обмыли, вытерли и отвели в его комнату.

Вот тут удивился Эркин: пока он мыл Андрея, Женя прошла в маленькую комнату, приготовила постель и вернулась в спальню.

Эркин уложил Андрея, накрыл одеялом и постоял над ним. Андрей был бледен, но губы розовые, и спит спокойно. Так что обойдётся, к утру будет в норме. Он выключил свет

и вышел, неплотно прикрыв за собой дверь так, чтобы услышать, если что вдруг.

Женя ждала его на кухне. Эркин сел к столу, взял свою чашку и только на третьем глотке сообразил, что сидит голым. Виновато поднял на Женю глаза.

– Ничего, – сразу успокоила его Женя. – Что с Андрюшей?

– Всё хорошо, Женя. Он спит.

Женя кивнула.

– Хорошо. А что с ним было?

– Он, – Эркин замялся, подбирая слова. – Он устал, не выспался, наверное, ну, я его, – он перешёл на английский: – Взбодрил по-нашему, и... школу он выдержал, а по пути вот... я давно никому не делал, ну, и ошибся, не рассчитал время, – странно, но говорилось ему легко, хотя раньше он никогда не говорил Жене о таком, но Женя ни о чём его и не спрашивала, а просто слушала, будто... будто знала всё, о чём он не договаривал. – Сейчас выспится, и всё будет нормально.

Женя протянула руку погладить его по голове, и он, как всегда, перехватил её ладонь и поцеловал.

– Иди спать, Эркин, ты тоже устал.

Он кивнул и тяжело, опираясь о стол кулаками, встал.

– Иди, Эркин, – повторила Женя. – Я сама уберу.

Спорить с Женей Эркин никогда не мог, а сейчас и не хотел.

И, когда Женя вошла в спальню, он уже спал.

Утром Андрей проснулся как ни в чём не бывало. Вчерашнее помнилось смутно, как путаный невнятный сон. Но расспросов Жени он всё-таки опасался и надеялся на Эркина, что тот сам всё Жене объяснит.

Видно, так и случилось. Потому и Женя ни о чём его не спросила. И Эркин не поминал вчерашнего. Разговор шёл о покупках на воскресенье. Женя решила, что раз такой большой званый обед, то надо обновить приборы. А то их ложки-вилки ещё джексонвиллские, разномастные, разнокалиберные и старые. И из одежды нужно прикупить и Алисе, и...

– И тебе, Женя, – твёрдо сказал Эркин.

– Конечно, – горячо поддержал его Андрей. – Женя, званый ужин это не хухры-мухры, надо, чтоб всё на уровне.

– Как ужин? – растерялась Женя. – Эркин?

Эркин немедленно покраснел и уткнулся в свою чашку.

– А просто! – с залихватской небрежностью ответил Андрей. – К семи соберёмся, в восемь сядем, и на всю ночь, чтоб небо загорелось, – закончил он по-английски и вскочил на ноги. – Всё, Женя, спасибо, вкусно до обалдения, я побежал.

И нет его.

Женя беспомощно посмотрела на Эркина и побежала будить Алису: в будни её хоть краном из постели вытаскивай. Эркин перевёл дыхание и пошёл убирать в спальне.

Заглянул он и в комнату Андрея. Будто и впрямь могли

остаться какие-то следы от вчерашнего. Ну, обошлось – так значит, обошлось. Эркин растопырил пальцы и осмотрел их. Да, голова забудет, а тело всё помнит, он хотел помочь Андрею и помог, а что дорога оказалась лишней... да, так и было, от смены до камеры, чтоб лечь и заснуть, как раз полдороги до дома.

– Эркин, – позвала его из прихожей Женя. – Мы пошли.

– Да, Женя, – откликнулся он, но, когда вышел в прихожую, там уже никого не было.

В квартире стояла белая зимняя тишина. Эркин вздохнул, огляделся, прикидывая, что ещё сделать. Сегодня пятница, а завтра уже приедет профессор, так что всё надо успеть сегодня. Полы он везде натёр, в большой комнате теперь тоже... приятно, цветы... а если в большую комнату купить... он пошёл в гостиную прикинуть, насколько его идея не мешает всему остальному.

Здесь и застала его Женя.

– Эркин, ты что?

Эркин, на корточках вымерявший ладонями угол, обернулся.

– Женя, смотри, давай купим для цветов, ну, на ножке, как столик, только маленький и высокий.

– Жардиньерку? – решила уточнить Женя.

– А, так это так называется? – удивился Эркин и повторил по слогам: – Жар-динь... – и запнулся.

– Жардиньерка, – повторила Женя и заторопила его: – Да-

вай, Эркин, нам ещё в кучу мест надо успеть.

– Конечно, – встрепенулся Эркин. – Я быстро.

И впрямь Женя в кухне и повернуться не успела, как он был уже одет, обут и готов к выходу. Женя торопливо обулась, надела пальто и повязала платок.

– Эркин, деньги взял?

– Тысячи хватит?

– Ты с ума сошёл, такие деньжищи, двести рублей за глаза.

– Двести мало, – сказал Эркин, не споря, но так, что Женя поняла: он что-то задумал и решения не изменит.

Уже давно привычными движениями Эркин проверил на себе бумажник, ключи и сумку в карманах полушубка, Женя взяла сумочку и неизменную сумку для покупок.

В коридоре и возле дома, как всегда в будничное утро, пустынно, но в городе попадались прохожие, а на площади у Торговых Рядов было ужелюдно и даже толчея, конечно, не как в выходной или под праздник, но всё-таки... зазывалы, разносчики, крики, гомон... Эркин шёл рядом с Женей, поглядывая по сторонам с благодушным интересом. Мелькали знакомые и полужнакомые лица, все выкрики понятны, его не задевают, а о Жене и речи нет. Он уже давно понял, что, хотя и сказал тогда старшой, чтоб не звонили, но о его драке с Ряхой знают, и о том, за что он Ряху чуть насмерть не придавил, тоже знают. Но в глаза никто ничего не говорил, и сам он благоразумно не поминал об этом. Хоть и помнил.

Сначала зашли в ювелирный. Женя поахала, повосхища-

лась серебряными ложечками, вилками и стопочками, но решительно сказала:

– Дорого. Лучше возьмём мельхиоровых, но полный комплект.

Продавец, бледный, будто он и жил здесь среди чёрного бархата и холодного блеска, уточнил:

– Простую полдюжину набрать прикажете?

– Нет, – сразу ответил Эркин. – Полную дюжину. И... Женя, как тебе? – он показал на большую важно раскрытую тёмно-красную коробку, наполненную ложками трёх размеров и вилками.

Продавец с интересом проследил за его жестом и повернулся к Жене.

– Ну-у, – с сомнением сказала Женя. – Это столовый только, а я хочу, и чайный, и десертный чтоб были.

– Подберём, – бодро ответил продавец, с неожиданной ловкостью переставляя на прилавок явно тяжёлую уже тёмно-синюю большую коробку. – Это, извольте видеть, Учановского завода, у них всегда цветы в гирлянды собраны.

Действительно, ручки ножей, вилок и ложек украшали гирлянды металлических цветов. Эркин взял нож, попробовал, как ложится в ладонь, тронул большим пальцем лезвие.

– Учанов сталь ставит, – заверил продавец. – Умеючи заточить, так на век хватит.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Так, а рыбный набор тоже отдельно?

К удивлению Жени и ещё большему продавца, Эркин, оказывается, хорошо разобрался в сервировке. Коробку убрали и уже с заметным трудом выложили другую, тёмно-зелёную и вдвое больше, где вилки, ножи и ложки лежали в два этажа, и было уже всё и для закуски, и для обеда, и для чая. И всего по дюжине. Эркин согласился и спросил ложки к кофе. Нашёлся и кофейно-десертный набор. Потом стали подбирать всевозможные лопатки, щипцы, раздаточные и разливные ложки и вилички... гряда получалась внушительная. И цена тоже. Эркин достал бумажник и расплатился. Коробки перевязали, уложили аккуратным бруском и ещё раз перевязали.

Когда они вышли из магазина, Женя вздохнула.

– Эркин, я сейчас подумала, посуда ведь тоже нужна.

– Ну, так давай купим, – удивлённо посмотрел на неё Эркин. – В чём проблема, Женя? Денег хватит.

– Тебе тяжело столько нести.

– Вот уж нет, – улыбнулся Эркин. – Женя, что ты. К Кузнецову, – о нём и его фарфоровом заводе говорила Калерия Витальевна, рассказывая о переходе от мануфактурного к промышленному производству, – за посудой пойдём?

– Ты что, – рассмеялась Женя. – Там одна тарелочка две сотни стоит, а нам всего по дюжине надо, раз уж мы полностью берём.

Эркин подчёркнуто вздохнул.

– Ну, раз так, обойдёмся без Кузнецова.

Посудный магазин был недалеко, в том же ряду и всего-то через два магазина, где торговали всяким вышитым и расшитым. Туда зашли только за большой скатертью с дюжиной салфеток и ещё полдюжиной хороших с тканым узором кухонных полотенец. Всё это поместилось в сумку Жени. И пошли за посудой.

Долго ходили, рассматривая витрины и прилавки.

– Чайный сервиз у нас хороший, – Женя задумчиво рассматривала яркий и пёстрый, как петушиный хвост, большой фарфоровый чайник. – И как раз на двенадцать человек.

Эркин кивнул. Сервиз им подарили на беженском новоселье, белый, в цветочных гирляндах и букетах.

– Столовый такой же будем подбирать?

– Хватило б денег, – вздохнула Женя.

– Хватит, – твёрдо ответил Эркин. – И ещё, Женя, мы же не на раз покупаем.

Женя кивнула и легонько сжала его локоть.

В конце концов они нашли почти такой же и даже не сервиз, а отдельными тарелками и прочим. И Женя стала набирать. Глубокие, мелкие, закусочные и пирожковые тарелки, их по двенадцать, салатники, маленьких двенадцать, средних четыре, больших три, блюда круглые и овальные, и тоже не по одному, большие и очень большие, ещё одну фарфоровую дощечку, чуть побольше той, что Андрей им из Царьграда привёз, и...

– Женя, я пойду рюмки посмотрю.

– Да, Эркин, а то у нас только шесть рюмок. Надо для вина, воды...

– И водки, – закончил Эркин. – Я знаю, Женя.

Он отошёл к прилавку с хрусталём. Таких, как им подарили на новоселье, не было, и Эркин набрал три дюжины других, но, чтобы походили друг на друга и смотрелись рядом с коньячными. Тех, правда, он взял всего шесть, но и пить коньяк Женя не будет, так что всё удачно.

Нагрузившись коробками с хрусталём – их ему тоже связали вместе в один брусок – Эркин вернулся к Жене. Ей покупки укладывали в большую коробку.

– Эркин, как мы это дотащим? – повернулась к нему Женя.

– Да не извольте беспокоиться, – продавец кивком показал на подошедшего к ним мужчину в военной куртке без погон, но с двумя жёлтыми и одной красной нашивками – Эркин уже знал, что это знаки ранений.

– В момент домчим, – заверил мужчина. – Не тряхнём нигде, и такса обычная.

«Обычную» таксу Эркин знал ещё по первым покупкам у Филиппыча – десятая доля от купленного. Но покупали-то они в трёх магазинах, и чего скатерть с салфетками и полотенцами считать, их бы и сами донесли, нет, только от фарфора доля.

Договорились на семидесяти рублях. Фарфор всё-таки, и с приборами коробки, и с хрусталём... нет, груз приличный,

хоть и не объёмный. Но и машина невелика. Так, коробка с мотором на колёсах. А доехали и впрямь быстро и плавно, и донести до самой квартиры помогли.

Когда они остались вдвоём в прихожей возле груды коробок, Женя вздохнула, огляделась, словно просыпаясь, и... вдруг, бросившись на шею Эркина, стала его целовать. В первый момент он даже растерялся, но тут же обхватил Женю и прижал её к себе, подставив своё лицо её губам.

– Эркин, ты понимаешь? – целовала его Женя. – Ты понимаешь?

– Ага... ага... – так же между поцелуями соглашался он. – А... ага, Женя... – и, когда на секунду она остановилась перевести дыхание, спросил: – А что я понимаю?

Женя оторопело посмотрела на него и тут же, рассмеявшись, снова стала его целовать.

– Это же наша свадьба, Эркин! Понимаешь, у нас будет настоящая свадьба!

– А-а, – понимающе протянул Эркин. – Женя, и венчаться будем?

– Не-а, – совсем как Алиса, мотнула головой Женя. – Клятву мы уже друг другу дали? Дали.

– Ага, – сразу горячо согласился Эркин.

– А больше церковь ни для чего и не нужна.

Эркин согласился и с этим.

Они ещё раз поцеловались и стали разбирать покупки. И опять сразу множество дел: готовить обед, перемыть, разло-

жить и расставить купленное, а ещё же Жене надо себе и Алисе чего-нибудь новенького и нарядного купить, а Эркин ещё на завтра уроки делать...

– Так, – решила Женя. – Сейчас перекусим, и я пойду за Алисой, оттуда по магазинам.

– А я здесь закончу, – подхватил Эркин. – Андрей придёт, поможет.

– Да, – продолжила Женя. – А уроки Алиска тогда вечером сделает.

И Женя быстро, как всё, что делала, оделась и убежала. Эркин еле успел сунуть ей в сумочку оставшиеся от покупок полторы сотни.

Оставшись в одиночестве, Эркин озабоченно оглядел кухню и пошёл в кладовку. И там достал из тайника и тщательно пересчитал деньги. Давно, ещё весной, когда малец ему проболтался, как это они с дедом здорово решили с деньгами, он, никому ничего не говоря, отделил и перепрятал в другой тайник долю Алисы, а потом тоже положил на книжку в сберкассе, на её имя, называется «вклад на совершеннолетие», а книжку спрятал в тайник к деньгам. И всё как-то собирался отдать книжку Жене, или просто положить к их остальным документам, но почему-то не делал этого, будто... да нет, ничего он не боится, всё нормально. Эркин тряхнул головой, снова пересчитал и спрятал деньги. Конечно, они много, очень много потратили, но осталось... нет, они вполне могут себе ещё много чего позволить.

Эркин вернулся на кухню и взялся за обед.

Он уже заканчивал, когда в прихожей открылась дверь, и затопал, оббивая снег с сапог, Андрей.

– Эгей, Эркин, Женя, кто дома?

– Я, – ответил Эркин. – Иди сюда. Ну, как?

– Здоровско! – ответил Андрей, входя в кухню. – Всё тип-топ и разлиולי-малина. А Женя где?

– За Алисой пошла. Ещё по магазинам пройдётся, – Эркин улыбнулся. – За нарядненьким. Когда придут, пообедаем.

– А как же иначе, – ухмыляясь, но плаксивым тоном ответил Андрей.

Эркин рассмеялся.

– После вчерашнего как?

– Сказал же, всё тип-топ. А... а всё-таки, что это было? Ну, взбодрил ты меня, я помню, ты говорил. А потом-то я чего вырубился?

– Точки эти, – нехотя ответил Эркин, невольно переходя на английский. – Понимаешь, они... ну, чуть не так нажал или неточно, ну, рядом, и всё. А бодрости этой... её надолго не хватает. Только чтоб смену доработать, обмыться и до камеры дойти. Я как-то не подумал даже, ну, что нам ещё до дома идти, это ж дальше, чем до камеры. Да и... я ж не головой, пальцами тебя бодрил, а тут... как сами по себе делают, – и угрюмо закончил: – Голова забывает, а тело всё помнит.

– Это да, – медленно кивнул Андрей и повторил: – Да, тело помнит. Да, Эркин, а что, и убить так можно? Ну, точкой?

– Да это запросто, – отмахнулся, как от пустяка, Эркин. – Нажал сильнее, и всё. Ну, и специально для этого есть. И так... болевую, скажем, нажал как следует, так кто боль не держит, сразу вырубается, сердце заходится, понимаешь?

– А то я такого не видел. Одного измочалят в хлам, так отлежится и пойдёт, а другого чуть задели, он – брык и отрубился, по кумполу такому и врезали-то разок, а он и помер. Охранюги спорить любили, кто с одного удара наповал уложит. На доходягах у них лихо получалось. А у вас?

Эркин усмехнулся.

– Мы ж ценность, надзирателю тоже вычет не нужен. Ну, а за неповиновение смерть медленная положена, тут ты одним ударом не отделаешься. А просроченных, ну, или кого ещё почему, выбраковали, кто сортировку не прошёл, как таких кончали, я не видел.

Андрей покачал головой.

– У нас всё напоказ было. И быстро, и медленно, и по-всякому. По гроб жизни насмотрелся, – и перешёл на русский: – Ладно. Купили чего сегодня?

– Посуду, – радостно перешёл на другую тему Эркин. – Столовый сервиз и приборы. Ну, ножи, вилки, ложки всякие.

– Серебряные? – живо спросил Андрей.

– Нет, – и с небольшой заминкой, но не по слогам, а целым словом: – Мельхиоровые.

– Тоже хорошо, – одобрил Андрей. – Так что, – и подмигнул Эркину: – не хуже королевского стол будет. Так, брат?

Эркин улыбнулся в ответ, но вздохнул.

– Да нет, куда мне королевский стол. Там серебро было и хрусталь настоящий, да и я... не король, а грузчик, так что...

– Для профессора сойдёт, – перебил его Андрей. – И ковбой в обиде не будет, а лендлорд не трепыхнётся, слово даю, гадам буду.

– Угу, – не стал спорить Эркин.

Меньше всего он думал о Джонатане, с Фредди – дело другое, охотно бы посидел, а лендлорд ему на фиг не нужен, но без него Фредди не приедет, значит, надо терпеть. А вот если профессору не понравится... он же тогда заберёт Андрея. Как в кино как раз показывали, «Родная кровь» называется, как в войну подобрали, спасали, растили, а потом родители нашлись и всё, увезли. А Андрей совсем об этом не думает. Значит... значит, думать ему, он старший, и делать всё, чтоб профессор доволен остался.

Андрей искоса посмотрел на брата и не стал продолжать. Ничего, с Фредди он Эркина помирил, помирит и с Джонни. И чего Эркин так от Джонатана... топорщится? Нормальный тот мужик, ну и что, что лендлорд, родителей не выбирают, и хлебнул Джонни тоже, своего и досыта. Ничего, само не утрясётся, так утрясём.

Эркин оглядел кухню, вытер руки, повесил и расправил полотенце.

– Пошли, уроки пока начнём.

– Давай, – охотно согласился Андрей.

Школу-то им никто не отменит, ни под какой праздник.

– Знаешь, давай и на вторник заодно приготовим, в воскресенье-то некогда будет.

– Да, – сразу понял Эркин.

Конечно, если приедут в семь, сядем за стол в восемь и до утра, то он-то отоспится, а Андрею на работу. Конечно, надо сегодня всё сделать.

В маленькой комнате они устроились, как всегда: Андрей на диване, Эркин за столом. И как всегда за уроками время полетело совершенно незаметно.

– Эрик! Андрюха! – влетела в комнату Алиса. – А это мы!!!

Эркин вздрогнул и поднял голову. Алиса?! Как же он так зачитался, что даже не услышал, как Женя пришла. Он вскочил и побежал в прихожую. Андрей, отбросив учебник, ловко поймал Алису.

– Аг-г-га-аа! Попалась, племяшка!

– Пусти, Андрюха! – отбивалась Алиса и от безвыходности прибегла к безотказному аргументу: – Сейчас обедать будем.

– Ла-адно, – отпустил её Андрей. – Обед – дело святое.

Отойдя на безопасное расстояние, Алиса одёрнула юбку и «взрослым» голосом назидательно сказала:

– Ни в чём ты, Андрюха, меры не знаешь. Это тебя и по-

губит.

И пулей вылетела за дверь.

– Ещё ты меня воспитывать будешь! – взревел Андрей, бросаясь в погоню.

Но, влетев за Алисой в кухню, он сразу оказался в объятиях Эркина, а Женя весело скомандовала:

– Мойте руки и за стол.

– Я уже, – быстро заявила Алиса.

Женя ей не поверила и отправила в ванную вместе со всеми. Но рядом с Эриком Алиса никого не боялась.

За обедом обговорили завтрашний день. С утра как всегда на занятия, а потом...

– Я с утра схожу ещё в Старый город и на рынок, сделаю обед и на воскресенье готовить начну.

– Да, – кивнул Эркин. – Я тогда из школы за фруктами пойду.

– Старый город? – переспросил Андрей. – Это к Панфиловне за загорышами:

– Ну да, – кивнула Женя. – Закажу четыре десятка. А вы в воскресенье за ними ходите.

– Конечно.

– Женя, а хватит сорока? – лукаво спросил Андрей.

– Ты ж сказал, что десять человек будет, – немедленно ответила Женя. – По четыре штуки на человека. Вполне хватит.

– Женя, они ж на один зуб!

– Я большие закажу. И всего остального много будет.

– Ну, если так, – подчёркнуто вынужденно согласился Андрей.

Эркин молча улыбался, слушая их перепалку.

После обеда Алиса отправилась спать, Эркин и Андрей вернулись к урокам, а Женя занялась покупками. Она специально ничего не говорила и всячески уводила разговор от обновок, чтобы в воскресенье поразить... и профессора, и Андрея, и Эркина, и – самое главное – тех неведомых, кого пригласил Андрей. И потом – это же её свадьба. Перед свадьбой жениху и невесте положено не встречаться, но раз это невыполнимо, то сделаем хотя бы сюрприз. Алиса – молодец: не проболталась.

Женя повесила новое платье в самый дальний угол шкафа, за свои летние платья и сарафанчики, сюда Эркин точно даже случайно не заглянет, и пошла к Алисе убрать её обновки и проверить, всё ли там в порядке, а то за всеми хлопотами она совсем не следит за ней, и на кухне ещё надо посмотреть, и куда это Эркин новый сервиз поставил, и рюмки с фужерами... ну, правильно, всё в горке, да, хоть и прессованный хрусталь, но смотрится очень красиво, да, кладовку надо ещё раз проверить...

Она управилась со всеми делами, успела проснуться и пополдничать Алиса, за окнами стало совсем темно, а они как сели за уроки, так и не вставали. И Жене пришлось возиться с Алисой в её комнате, чтобы та вдруг не полезла к ним и

не помешала.

– Мам, а чего это будет?

– Я же объясняла. Праздник, – Женя невольно улыбнулась.

– Ага-а, – многозначительно протянула Алиса. – Вроде Нового года, да?

– Как Нового года? – удивилась Женя, но тут же сообразила, что Алиса, разумеется, слышала разговоры об ужине на всю ночь, и кивнула: – Да, но только вроде.

– И всю ночь можно не спать? – деловито уточнила Алиса.

– Сколько выдержишь, – ответила Женя, тут же спохватилась, но...

– Чур-чура, назад нельзя! – радостно завопила Алиса. – Ну, мам, ну, ты сказала!

– Сказала, – вздохнула Женя.

– Что за шум, а драки нет? – распахнул дверь Андрей.

– Андрюха! – радостно кинулась к нему Алиса. – Я с вами всю ночь буду! Как на Новый год, вот!

– Думаешь, осчастливила? – ловко дёрнул её за косичку Андрей. – Женя, мы всё и на завтра, и на вторник сделали.

– Какие вы молодцы, – восхитилась Женя.

– Женя, я чайник поставил, – вошёл к ним Эркин.

– Эрик, – обрадовалась Алиса. – А я с вами всю ночь буду, мама разрешила, вот, я уже чур-чура сказала.

– Да-а? – Эркин посмотрел на Женю и улыбнулся. – Ну и хорошо.

– Во! – Алиса взяла Эркина за руку и победно посмотрела на Андрея. – Эрик, пойдём чай пить?

– Пойдём, – кивнул Эркин. – Женя, потом проверишь меня?

– Конечно, – улыбнулась Женя. – Но я знаю, что у тебя без ошибок. И у Андрюши тоже.

– Спасибо, Женя, – расплылся в улыбке Андрей. – Но проверь. Бог только бережёного бережёт.

– А не бережёного конвой стережёт, – вдруг выпалила Алиса.

Андрей оторопело посмотрел на Женю, на Эркина, на Алису...

– Т-ты... ты это откуда взяла?

– А я всегда это знала, – гордо ответила Алиса и покосилась на Женю. – Ну... ну, мам, я это в лагере слышала, там все говорили, Андрюха не при чём.

– Хоть на этом спасибо, – буркнул Андрей.

А Алиса зачастила:

– Мам, ну, ты чего, здесь все слова чистые.

С этим пришлось согласиться. Женя решительно встала.

– Чтоб больше этого не было, поняла?

– Ага! – охотно согласилась Алиса.

Рука Эркина оставалась тёплой и мягкой, значит, он не сердится, хоть и молчит, и вообще со взрослыми лучше не ссориться.

И пока пили чай, Алиса благоразумно помалкивала, ста-

ралась не нарываться на замечания и вообще... а то мама рассердится и запретит ей праздновать со всеми, и Эрик не заступится.

Вечерний чай прошёл вполне спокойно, и Алиса без звука отправилась спать, даже не напомнив о ритуале поцелуя на сон грядущий.

Но Эркин помнил и пришёл.

– Э-эрик, – сонно вздохнула Алиса. – Это ты?

– Я, маленькая, – улыбнулся Эркин, как всегда, легко коснувшись сжатыми губами её щёчки. – Спи.

– Ага, – согласилась Алиса.

Она хотела ещё что-то сказать, но уже спала. Эркин, как обычно, намного постоял, глядя на неё, и бесшумно вышел, погасив свет и плотно без стука прикрыв за собой дверь.

На кухне Женя улыбнулась ему, пододвинула варенье.

– Спит?

– Да, – кивнул Эркин, усаживаясь на своё место. – Спасибо, Женя.

Вроде всё уже обговорено, переговорено и не по разу. Так что сидели молча, но молчание не тяготило. Андрей удовлетворённо жмурился, как сытый кот, думая о чём-то своём и явно очень приятном. Эркин просто наслаждался чаем, вареньем и приятной тишиной. А Женя так же спокойно любовалась ими обоими.

Андрей допил чай и встал.

– Ну, кто куда, а я баиньки.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

– Всем спокойной ночи, – Андрей быстро вымыл и пристроил на сушку свои чашку, блюдце и ложку и вышел из кухни.

Женя протянула руку и погладила Эркина по плечу, и он, как всегда, перехватил её руку и поцеловал в ладонь и в запястье.

– Всё будет хорошо, Женя.

– Спасибо, милый.

Всё ещё держа её за руку, он наклонился и потёрся лицом о её пальцы и ладонь. Женя другой рукой погладила его по голове, взъерошила и снова пригладила ему волосы.

Эркин медленно поднял голову, глаза его влажно блестели, но губы улыбались.

– Ты устала, Женя, иди ложись, я сам уберу.

Женя улыбнулась и повторила:

– Спасибо, милый.

И ушла.

Обычный вечер, каких было уже не счесть, а будет... Эркин счастливо вздохнул, сваливая посуду в мойку. А вот если никто не приедет... вот будет здорово, по-настоящему хорошо, посидят вместе, отпразднуют, как Андрей и говорил, по-семейному.

Эркин расставил посуду на сушке, вытер руки и оглядел убранную кухню. Всё в порядке, можно идти спать.

В спальне было тихо и темно, но Женя не спала. Эркин это сразу почувствовал, и нырнул под одеяло так, чтобы не помешать ей обнять его.

– Попался? – грозным шёпотом спросила Женя.

– Ага, – счастливо согласился Эркин, зарываясь лицом в её волосы.

Но, хотя Женя и тискала, и тузила его, он чувствовал, что тело её уже засыпает, и потому только гладил её, помогая заснуть. А когда Женя заснула, обнимая его и лёжа щекой на его плече, Эркин мягко расслабился, распустил мышцы, проваливаясь в сон.

Россия

Царьград

Удача – это благоприятное стечение обстоятельств, причём не зависящих от тебя. Командировку выписывал не он, и сроки определял тоже не он, но позавчера Синичка упорхнула в Ополье и вернётся только в следующую пятницу. Маша, конечно, всё поймёт, но как хорошо, что ему не надо ни объяснять, ни умалчивать, ни попросту врать. Удача!

Бурлаков собирался в дорогу обстоятельно и со вкусом. Ведь главное – не время и место пребывания, а обстоятель-

ства оного. Да, он едет на... ну, в Загорье он будет завтра вечером, уедет в понедельник утром, это... дорога, отдых, утро, праздник, снова отдых и обратная дорога. Парадный костюм, пижама, смена белья, даже лучше две, полный несессер... так, ну, ещё всякие мелочи и самое важное – подарки. Не тюк, не коробка, а вполне объёмный и тяжёлый контейнер, без носильщика нигде не обойтись. Но это всё пустяки. Итак, портфель, портплед с парадным костюмом и контейнер с подарками. Такси... – он посмотрел на часы, – будет через пять минут, присядем на дорожку, как раз до звонка в дверь. И помолимся тому, кого нет и в кого никогда не верил ни по семейным традициям, ни по зрелому размышлению, помолимся без слов, если он есть, то и так поймёт, бог должен владеть телепатией...

В дверь позвонили, и Бурлаков быстро встал.

– Открыто, входите.

Всё, дорога началась!

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Ковбою когда приспичит... У Джонатана вертелось на языке спросить у Фредди, с чего тот так завёлся с этой свадьбой, но благоразумно помалкивал и подыгрывал. Купил подарок, проверил визу, позаботился об одежде, хорошо, хоть смокинг не нужен, рассчитал маршрут. Корчев... Скопин... Сосняки... и такси до Загорья. Не самый сложный расчёт и общее обоснование: на свадьбу к... кому, а? Кем ему приходится Эркин, что он бросает все дела и, не считаясь с затратами, мчится на празднование даже не свадьбы, а её годовщины. Год семейной жизни... даже если как на войне год считать за три, дата – всё равно – не круглая. Повод для вечеринки, мальчишника в стриптиз-баре, но не для таких безумств. И если прицепятся... И про остальные дела нельзя забывать. И вылет... в четыре пятнадцать утра. Для полноты счастья.

– Две ночи не спать.

– С чего это ты так ослабел, Джонни?

Джонатан оставил выпад без ответа. Фредди закончил бриться и стал мыть бритву.

– Встретимся в аэропорту, Джонни, захватишь мою коробку.

– Идёшь в загул, ковбой, – понимающе усмехнулся Джонатан. – Не рано начал?

– Вечер пятницы – законное время, лендлорд, по трудовому законодательству, кстати, тоже. Так что, – Фредди перешёл на ковбойский: – Не встречавай, понял, а?

– Вали отсюда, – ответил так же Джонатан. – Смотри, рейс не просп.

– А пошёл ты... – беззлобно, но весьма витиевато отругнулся Фредди и вышел из ванной.

Последнее слово, как всегда, осталось за ним.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Нет, разумеется, Андрей не ждал, что профессор прие-

дет в семь утра. И утро прошло обычным субботним порядком. Завтрак, сборы в школу и на занятия, прощание и напутствия в прихожей.

– Женя, что-нибудь купить?

– Ты за фруктами хотел.

– Нет, я помню, а ещё чего?

– Ничего не надо. Алиса, веди себя хорошо, слышишь?

– Ну, мам, а Андрюхе ты чего так не говоришь?

– Он взрослый.

– Так ему всё можно?! – возмутилась Алиса. – Вот вырасту...

– Тогда и поговорим, – прекратила спор Женя.

– Поняла? – скорчил «страшную» рожу Андрей. – Так вот, племяшка.

– Женя, мы пошли.

И наконец дверь захлопнулась, разделив их.

На улице светло от выпавшего ночью снега, лёгкий, почти не ощутимый мороз, и ветра нет. Алиса шла рядом с Эркином, подпрыгивая на ходу и крепко держась за его руку. Как всегда, их вскоре нагнал Тим с Димом и Катей, и стало совсем весело.

Андрей шутил и балагурил, как обычно, но Эркин чувствовал его напряжение, а при Тиме не скажешь ничего: дело-то и впрямь семейное, только их касается и никого больше, остальным и знать незачем, и потому ограничился кратким, хоть и не к месту:

– Всё будет в порядке.

– А как же, брат, – сразу подхватил Андрей. – Иначе у нас и не бывает.

Тим не обратил на их слова внимания. Или вид сделал. Но ни о чём не спросил.

Уроки шли своим чередом. Эркин работал как всегда: сосредоточенно и внимательно. Андрей – тоже, но успевал ещё и шуточки отпускать. Тоже, как всегда. На его шутки фыркали, посмеивались, даже Манефа пару раз, ну, почти улыбнулась. И Андрей, заметив это, самодовольно ухмыльнулся. Ничего, всё будет тип-топ, по доброму согласию и в общее удовольствие.

Учителя Манефу не спрашивали, сама она отвечать и не пыталась, так что никто пока голоса её не слышал. И не подкатывался к ней никто: чего на пустом пары разводить, да и странная она, вроде психической, а от психов лучше подальше. Трофимов, правда, в перемену сказал Андрею:

– Зря пыхтишь, Андрюха, не обломится.

– Тебе, что ли, дорогу перебежал? – поинтересовался Андрей.

– На хрена она мне!

– Тогда не засти.

– Не раскрутишь ты её, – пыхнул сигаретным дымом Павлов.

Кивнул, поддерживая его, Никонов.

– Да, тут тебе не отломится.

– Спорим? – азартно возразил Денисов. – Против Андрюхи ни одна не устоит.

До этого разговор шёл вяло, так, обычный трёп, чтоб время занять, а тут все сразу оживились, заспорили. Андрей и слова сказать не успел, да его и не спрашивали. И в класс после звонка ввалились возбуждённые, всё ещё споря о сроках и ставках. Андрей краем глаза поймал хмурое лицо Эркина и вздохнул, усаживаясь на своё место. В самом деле, нехорошо чего-то. И заднего хода не дашь, засмеют, скажут, что сдрейфил, и вообще...

К середине урока он успокоился, вернее, как-то забыл об этом. Да и ещё два урока осталось, а на шауни Манефа не ходит, хоть там от неё отдохнёт.

Урок за уроком, вопросы, ответы, оценки... и Андрей уже снова работал как обычно, будто ничего и не было.

Как всегда, после шестого урока суета и толкотня. Незаметно чёрной тенью исчезает Манефа, скрывается в путанице внутренних переходов и лестниц Артём – прознают, что он как совсем дитё на пение ходит, так засмеют ведь, шумной толпой расходятся дети и взрослые, Эркин одевает и отправляет Алису гулять.

До звонка ещё целая минута, и в коридоре курит вся пятёрка индейцев. Эркин здоровается уже привычным:

– Я вижу вас.

– Мы видим тебя, – отвечает за всех Перо Орла.

– Хей, – весело здоровается Андрей, но не задерживается

покурить, а вместе с Эркином заходит в класс.

Тим в своём углу уже достал букварь, прописи и тетрадь. Эркин и Андрей заняли свои места, приготовились к уроку. И почти сразу вошли, и расселись в привычном порядке индейцы. А вот и звучат сквозь звонок тяжёлые неровные шаги кутойса.

Оставшись в одиночестве, Женя поглядела на часы и захлопотала. Вряд ли Бурлаков приедет так рано, но порядок надо навести. И обед с расчётом на пятерых сделать. И ей ещё в Старый город к Панфиловне бежать.

Ахая и ужасаясь, что она не успеет, Женя заметалась по квартире. И наконец, оставив почти готовый обед спокойно стоять на плите, вылетела в коридор, уже в пальто и платке. Сумочка... сумка... деньги... ключи... теперь бегом в Старый город.

Суббота – день закупок, готовки, уборки, бани и начала гульбы. Улицы многолюдны и веселы. Женя то и дело здоровалась на ходу с соседями, знакомыми, сослуживцами, приятельницами...

Где живёт Панфиловна – известная на всё Загорье стряпуха – Женя знала, это ей очень толково ещё давно объяснили и девочки из машбюро, и бабушки из их дома, и потому дошла быстро.

Крепкий, аккуратно приземистый, разросшийся различными пристройками не в высоту, а вширь бревенчатый дом

встретил её заботливо укрытыми еловым лапником цветочными грядками в палисаднике и разметённой, а не протоптанной дорожкой от калитки к крыльцу. Женя, как и положено в Старом городе, сначала постучалась в угловое рядом с калиткой окно, а уж затем открыла калитку и вошла, быстро взбежала на крыльцо и, уже не стучась, толкнула дверь. В сенях потопала, не так стряхивая снег с сапожек, как извещая о приходе, и уже тогда вошла в жаркую, полную вкусных запахов кухню.

Панфиловна пила чай, сидя у маленького углового столика, и встретила Женю приглашением присоединиться.

– Спасибо, – улыбнулась Женя. – Чай вам да сахар, на здоровье. Я по делу к вам.

– А с бездельем ко мне и не ходят, – с достоинством ответила Панфиловна. – Знают, что я пустых разговоров не люблю.

Она допила чашку и поставила её вверх дном на блюде, перекрестилась на висящую над столом икону и встала.

– Ну, с богом, молодка, что за дело?

Женя улыбнулась.

– Я загорышей хочу заказать на завтра. И кулебяку.

– Понятно, – кивнула Панфиловна. – Ты распахнись, чего зазря париться, – и, когда Женя расстегнула пальто и сдвинула с головы на плечи платок, продолжила: – Праздник какой? Для именин каравай положен, а на день рождения так пирог есть, особый.

Женя улыбнулась ещё радостней, но и немного смущённо.

– Годовщина свадьбы у нас.

– Ух ты! – удивлённо восхитилась Панфиловна и с необидной насмешкой поинтересовалась: – И сколько ж лет празднуете?

– Целый год! – торжественно ответила Женя.

– Ну, совет вам да любовь, и чтоб серебряную, да золотую отпраздновать.

– И к столу тогда всё у вас заказывать будем, – очень серьёзно сказала Женя.

Панфиловна покатила со смеху, рассмеялась и Женя. И, отсмеявшись, стали обсуждать: чего, сколько и какого.

– Сорок загорышей?

– Да, больших. Всего десять человек будет.

– Больших хватит тогда. А мелочь на россыпь не возмёшь? Или без хлёбова будете? К ухе такие – первое дело.

– Я знаю, но не обед, а ужин будет.

– Тогда, конечно. Кулебяку на сколько углов заводить?

– На шесть, – решительно сказала Женя.

Панфиловна задумалась.

– Ну, если к ужину... К трём пополудни успеет... Во сколько за стол-то сядете?

– Не раньше восьми вечера.

Панфиловна решительно кивнула.

– В фольге в духовке разогреешь. Сделаю на шесть, – и зорко посмотрела на Женю. – На сотню заказала. Сдюжишь?

– Да, – Женя полезла в сумочку.

– Вперёд денег не беру, – остановила её Панфиловна. – Завтра забирать будешь, тогда и рассчитаешься. В три приходи.

– Муж придёт.

– Знаю его, – кивнула Панфиловна. – Вот и ладно будет. А теперь ступай, я тесто заводить буду. Ступай с богом.

– Спасибо, – попрощалась Женя.

На улице она посмотрела на часы и побежала на рынок. Вроде-то, да, всё есть, но вдруг углядит что-нибудь особенное. Скажем...

Субботный рынок, как обычно, многолюднее и богаче воскресного. Женя задумчиво побродила по рядам с моченьями, соленьями и прочим. Яблоки, огурцы, капуста... Всё это у неё уже есть, своё или купленное. Взять мочёной брусники? На гарнир к мясу? Но она читала, что брусника к дичи... Нет, и так много денег ушло, нельзя же на одном празднике всю ссуду проесть.

Женя опять поглядела на часы, ойкнула и побежала домой. Вдруг Бурлаков уже приехал и стоит под дверью? Стыда ж не оберёшься!

Но её записка: «Ушла на рынок, скоро вернусь. Женя», – была нетронута. Она достала её из дверной ручки, открыла дверь и вошла. Так, теперь обед, а то её ученики скоро вернуться, но главное – она успела: ведь Бурлаков может появиться в любую минуту.

На этот раз урок шауни прошёл спокойно. Никто никого не цеплял и не заводил. Написали диктант с переводом, поговорили о временах года, погодных приметах и связанных с ними различных заклинаниях, и Громовой Камень отпустил своих учеников.

Внизу Эркина уже ждала румяная и умеренно заснеженная Алиса.

– Это мы в снежки играли, – объяснила она Эркину.

Гардеробщица дала Эркину маленький веник, и он обмёл и даже слегка выбил шубку прямо на Алисе. Андрей стоял рядом и канючил:

– Ну, дай мне, а? Ну, давай я её почищу.

– Фигушки тебе, – отвечала Алиса, крутясь под руками смеющегося Эркина. – Фигули на рогули.

– Ах ты, бесстыда, – смеялась и гардеробщица. – Ты что ж это дядьке родному так грубишь?

Алиса исподлобья посмотрела на Андрея, на Эркина и промолчала. А Андрей сказал:

– Ладно, племяшка, дома сквитаемся.

Эркин вернул гардеробщице веник – её внук предусмотрительно спрятался от обметания в дальнем углу, хоть и знал, что за него всё равно возьмутся, как руки дойдут – и взял свой портфель и сумку Алисы.

– Всё, пошли.

– Ага, – ухватила за его другую руку Алиса. – До свиданья.

ня. Андрюха, ты с нами?

– С вами, с вами, – подмигнул ей Андрей.

На улице Эркин внимательно посмотрел на него.

– Мы за фруктами пойдём. Ты как?

Андрей пожал было плечами, но тут же передумал.

– А... а давай я Алиску домой отведу, чего её в центр тащить, устала небось.

– Фигушки! – возмутилась Алиса. – Эрик, я с тобой.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Пойдём вместе. Андрей, отнеси тогда сумки, лады?

– Давай, – согласился Андрей, забирая у него портфель и сумку. – А покупки в чём понесёшь?

– Кривич кульки даёт.

– Тогда лады. Я домой.

За разговором они как раз дошли до развилки, когда, если домой – то направо, а к Торговым Рядам – прямо. Андрей дёрнул на прощание Алису за капюшон – сегодня не холодно, и его поверх шапочки не натягивали – и повернул направо. А Эркин с Алисой пошли прямо.

Андрей шёл быстро, слегка помахивая в такт шагам портфелями и сумкой. Так, купить, что ли, чего к обеду, вон кондитерская, там пряники всегда хорошие, или... нет, пряники к чаю, всякой всячины накуплено уже, если чего и не хватит, то завтра с утра можно сбегать. Или к Махмету за курабье и шербетом завернуть? Да нет, не стоит. И до «Корабля» всего

ничего осталось.

Площадь перед домом разметена старательным Конычем. Если кто и приехал, то следов не оставил. Андрей весело поздоровался с Лёлькой-Лулу, гордо катившей перед собой новенькую коляску. Вот и его подъезд, на площадке-курилке никого, только запах табака, коридор, родная дверь... Андрей остановился, перевёл дыхание и достал ключи.

В квартире тихо и светло. Из кухни в прихожую вышла Женья в новом домашнем платье и новом фартуке.

– Андрюша? Как хорошо, а...

– Они за фруктами пошли, – перебил её Андрей.

На вешалке пальто Жени и... всё. Не приехал, значит. Ну... ну, ладно, ещё не вечер.

Андрей отдал Жене сумку Алисы, разделся и переобулся, и отнёс оба портфеля – свой и Эркина – в свою комнату. Надо разложить книги с тетрадями и... и чем бы заняться? Уроки на вторник сделаны, в комнате убрано, ну... инструмент, что ли, подточить и направить? Читать он сейчас всё равно не сможет. О! Эркин же ножи купил, вот он сейчас и доведёт их до ума.

Фруктовый магазин Кривича в Торговых Рядах считался лучшим в Загорье. Говорили, что и в Ижорске такого выбора нет. И всё свежее, как сейчас с ветки сорвано.

После заснеженной холодной улицы здесь было особенно тепло и пахло совсем необыкновенно. На полках и прилавке

в коробках и корзинах громоздились яблоки, груши, апельсины, сливы и... Алиса вертела головой, разглядывая все эти вкусности.

Она так задумалась над важнейшим вопросом о том, чего бы ей выбрать, ведь если она попросит что-то одно, то Эрик ей обязательно это купит, но одно, а здесь столько всего разного, что очнулась только, когда позвали:

– Алиса, идём.

– Ой, – удивилась Алиса. – Эрик, уже всё?

– Да, – рассмеялся Эркин и... протянул ей апельсин. – держи.

Апельсин был маленький и оранжево-красный, как зимнее солнце. Алиса таких ещё не видела.

– Это королёк, – сказал продавец, такой же загорелый и черноусый, как и восседавший в углу за высокой конторкой сам Кривич. – На здоровье.

– Спасибо, – с машинальной вежливостью сказала Алиса, разглядывая апельсин, и подняла на Эркина глаза. – До дома, да? Но я его сама понесу.

– Неси, – кивнул Эркин.

И на улице Алиса, против обыкновения, не держалась за его руку, а шла рядом, шёпотом разговаривая с апельсином.

Эркин бережно нёс рогожный с верёвочными ручками пакет, куда ему уложили кульки и коробочки с покупками. Специально укладывали так, что если до завтрашнего вечера не раскрывать и держать в тепле, но не возле плиты, то, когда

достанешь, будут, как свежесорванные. Дорого, конечно, но будет не хуже, чем тогда, в Бифпите, на королевском ужине.

Шли не спеша, и к дому подошли уже в сумерках. Приветливо светились цветные от штор или абажуров окна, снег разметён в ещё маленькие даже не холмики, а бугорки будущих сугробов. Прохожих нет, скамеечки у берёз пусты: не лето и не праздник. Эркин открыл дверь, и они вошли в светлый и тёплый подъезд, поднялись на свой этаж. В коридоре зазывали по домам последних играющих, и похвастаться необыкновенным апельсином Алисе не пришлось.

Эркин достал ключи и открыл дверь. Домашние обычные запахи и звуки, и – Эркин быстро поглядел на вешалку: чужого пальто нет, а куртка Андрея на месте – и весело крикнул:

– А вот и мы!

Из кухни вышла Женя, а из кладовки – Андрей.

– Эркин, как хорошо, Алиса...

– Мам, это королёк...

– Женя, до завтра пускай так в комнате и стоит...

– Ага, ну, племяшка...

– Сейчас обедать...

Всё сразу, всё вперемешку, и вот всё убрано, руки вымыты, стол накрыт, и все за столом. Женя с нескрываемым гордым удовольствием оглядела стол и едоков.

– Андрюша, ещё салата возьми.

– Мг-м. Спасибо, Женя, обалдеть, как вкусно.

Женя улыбнулась: ну, Андрею всё всегда по вкусу, но и Эркин ест с удовольствием, и Алиса.

Эркин встал за кастрюлей с супом.

– Андрей, глубокие поставь.

– В момент. Племяшка, тебе самую большую.

– Фигушки! – возмутилась Алиса. – Себе бери, у тебя рот больше и глотка глубже!

Андрей покраснел и набычился, но Эркин мягко коснулся его плеча, ставя на стол кастрюлю, а Алисе сказал:

– Все тарелки одинаковые. Я тебе сам налью.

– Ага, ага! – обрадовалась Алиса.

Эрик ей всегда так наливает, что ничего не остаётся и больше не хочется. Она это уже и маме объясняла, и сейчас повторила.

– Ну, тогда и мне налей, – заставил себя улыбнуться Андрей.

Эркин посмотрел на Женю.

– Всем налью, да?

– Конечно, Эркин, – улыбнулась Женя. – Раз это у тебя так хорошо получается.

Эркин разлил суп по тарелкам и убрал кастрюлю на плиту. Ещё на одну тарелку точно хватит. Андрей покосился на него, на кастрюлю и промолчал.

На второе было тушёное мясо с картошкой. Раскладывала Женя, но и Эркин, и Андрей заметили, что она оставила ещё на одну порцию. Оба поняли для кого это, и оба промолчали.

Против обыкновения добавки сегодня не предлагали. И не спрашивали.

После компота Алиса, рассказавшая уже о всех своих сегодняшних подвигах и достижениях на занятиях, спросила:

– Мам, а ещё конфету можно?

– Слишком жирно компот с конфетой, – ответил за Женю Андрей и встал. – Женя, спасибо, очень вкусно, я к себе.

– В «Холостяжник» или в гости? – спросила Алиса, протягивая Эркину апельсин. – Эрик, очисти мне.

– А тебе какое дело?! – совсем неожиданно огрызнулся Андрей, выходя из кухни.

Алиса удивлённо посмотрела ему вслед, потом на Эркина и Женю.

– Мам, Эрик, чего это он?

– А ты не задавай глупых вопросов, – Женя стала собирать со стола посуду.

Эркин очистил апельсин и отдал его Алисе.

– На дольки сама разбирай.

– Ага.

Алиса осторожно, стараясь не порвать тоненькую плёнку, разделила апельсин на дольки и стала их считать. Эркин встал помочь Жене. Чего Андрей дёргается – понятно: вечер уже, темно, а Бурлакова всё ещё нет. И что это только к лучшему, тоже не скажешь, Андрею-то Бурлаков родной, даже кровный, отец. И Алисе ничего не объяснишь.

Алиса наконец закончила подсчёты и решительно слезла

со стула.

– Мама, Эрик, вот вам по две дольки, а мне и Андрюхе по три, я мириться пошла.

И вышла из кухни.

Женя рассмеялась, и сразу улыбнулся Эркин.

Прежде, чем войти к Андрею, Алиса постучалась. На всякий случай.

– И чего? – спросил из-за двери хмурый, но не сердитый голос.

Алиса толкнула дверь и вошла.

– Андрюха, это я. Давай мириться, я апельсин принесла, это королёк.

Лежавший на диване навзничь, Андрей с интересом посмотрел на Алису и сел.

– Ну, раз так, давай.

Алиса села рядом с ним, они сцепились мизинцами и сказали формулу примирения, не уточняя, на что же Андрей обиделся. Чему тот был в душе рад: ну, не объяснять же малявке, что за шутки про глубокую глотку самое малое – это кровью умыться, рано ей ещё про такое слушать. И про остальное, хоть и не такое страшное, тоже говорить неохота.

К удивлению Алисы, Андрей съел только одну дольку, а от остальных отказался.

– Тебе не вкусно?

– Давай, племяшка, наворачивай, раз пофартило.

– Фарт – дело ненадёжное, – кивнула Алиса, засовывая в

рот дольку.

– А ты откуда знаешь? – поинтересовался Андрей.

– Все говорят, – пожалала плечами Алиса.

Андрей кивнул, явно думая о своём. Алиса доела апельсин и молча сидела рядом.

– Андрюха, а почему? – вдруг спросила она.

– Что? – вздрогнул Андрей. – Ты о чём?

– Ну, фарт. Почему он ненадёжен?

– А! – Андрей усмехнулся. – Кончается он быстро. Вот он есть, и нет его. Как ветром сдуло.

– Ага, – кивнула Алиса, – понятно. Андрюха, а во что играть будем? Ну, мы же помирились, давай играть.

Андрей тряхнул шевелюрой.

– Ладно, уговорила. Давай в лото.

– Ура-а! – завопила Алиса, срываясь с места и вылетая из комнаты. – Эрик, мама, давайте в лото играть!

Женя с Эркином как раз закончили ревизию закупленного и заготовленного на завтра и обсуждение завтрака и обеда: праздник начнётся вечером, а утром и днём тоже есть надо. И предложение сыграть в лото оказалось вовремя.

Сели в большой комнате. А то сделать, обставить и не пользоваться – совсем глупо. Алиса принесла коробку с картами, мешочком с цифровыми бочонками и разноцветными закрывашками. Играть решили на конфеты, и Женя выдала каждому по десятку карамелек. Как все проиграешь, так и вылетаешь, кто останется последним – тот и чемпион!

– Карта по конфете, – уточнила Алиса, усаживаясь за стол.

– Уследишь за тремя? – спросила Женя, раздавая карты.

Алиса задумалась. Играть на три карты – это и риск проиграть сразу три конфеты, но и выиграешь скорее, одна-то из трёх точно быстрее закроется.

– Давай, племяшка, – рассмеялся Андрей. – рискуй. Фарт рискованных любит.

Алиса с сомнением посмотрела на него, на Эркина и покачала головой.

– Играть наверняка надо, – сказала она очень серьёзно. – Две карты, мам.

– Держи, – улыбнулась Женя.

Раздавали карты и вытаскивали номера по очереди. Время шло весело и неощутимо. У Жени осталась всего одна карамелька, и Эркин, чтобы она смогла продолжать игру, незаметно подсунул ей три своих, Андрей попытался стащить у Алисы конфеты, но был застукан и оштрафован на две карамельки: одну пострадавшей и одну в общий банк... Мешочек с бочонками дважды обошёл стол, и Алиса стала путать цифры, когда Женя посмотрела на часы, ахнула и побежала ставить чайник, крикнув:

– Заканчивайте сами!

– Мам! – ахнула Алиса. – У тебя две «квартиры», а ты...

– Я за неё сыграю, – успокоил Алису Эркин. – Кричи, Андрей.

– Ага, – Андрей вытащил очередной бочонок. – Три-ноль.

– Это же тридцать, – возмутилась Алиса. – Не жухай!

Но закончился кон мирно. Выиграл Андрей. Он сгрёб свой выигрыш и подмигнул Алисе.

– Айда, племяшка. Пропьём, прогуляем...

– Опять наиграем, – подхватила Алиса, прыгивая со стула. – Айда.

Эркин молча собирал разбросанные по столу карты и закрывашки. И Алиса уже от двери оглянулась и вернулась к нему, чтобы помочь. Андрей хмыкнул и присоединился к ним.

Когда всё сложили, и Алиса бегом унесла коробку с лото к себе, встал и Эркин, взяв свои и Женины карамельки.

– Пошли чай пить.

– Угу, – кивнул Андрей. – Думаешь... – и оборвал себя, не дал вырваться этим страшным словам: «не приедет».

Эркин мягко коснулся его плеча и повторил:

– Пошли.

– Да, – Андрей тряхнул шевелюрой и встал. – Пошли, брат.

Они вышли из комнаты, не выключив свет.

На кухне их ожидал уже накрытый для чаепития стол, и Алиса вертелась на своём стуле, выясняя, а нельзя ли и конфет, и печенья, и чтоб его ещё вареньем помазали.

– Может, тебе ещё и пряников?! – возмутилась наконец Женья.

– И берёзовой каши на десерт, – подхватил Андрей.

Алиса обиделась, но ничего сказать не успела, потому что чай ей уже налили, а Андрей стал делить выигрыш, и обижаться стало невыгодно.

Спокойно выпили первую чашку, и Женя уже поглядывала на Алису: не пора ли её укладывать спать. Андрей сидел спокойно и даже улыбался, но и Эркин, и Женя видели, что это так, поверху, и понимали, из-за чего он нервничает. И ничем не показывали своего понимания. Обычный субботний вечер, обычное чаепитие. Завтра праздник, а сегодня – предпраздничный отдых.

Как Бурлаков и планировал, в Ижорск он приехал уже в сумерках, как раз к последнему автобусу, который описывал большой неправильный круг по окрестным деревням, городкам и посёлкам и возвращался в Ижорск. Ни точного маршрута, ни графика. Как набрался народ, так и поехали. А куда? А по народу глядя.

Носильщик дотащил его коробку до автобуса, получил полтинник – обычная такса в провинции гривенник, но Бурлаков набавил за тяжесть и аккуратность – и, подмигнув водителю, поджидавшему пассажиров у открытой двери, исчез в сумерках.

– И далеко вам? – спросил водитель.

– В Загорье, – ответил Бурлаков.

– А там?

– На Цветочную улицу в «Беженский Корабль». Знаете?

– Наслышан, – кивнул шофёр. – Три рубля, и к самому дому подкину.

– Хорошо, – улыбнулся Бурлаков, доставая деньги.

Ну, когда за обычную «дребезжалку» со всеми остановками платят, как за экспресс, то и остальное соответствует: помогают с багажом и подвозят к дверям.

Водитель помог затащить и поставить коробку – багажного отделения не было, вещи распихивали и притыкали между сидениями – и оглядел салон.

– Ещё два места есть. Ждём?

– Давай, поехали... – загомонили вразнобой пассажиры. – С походом платим, окупишь ты эти два... Давай, шеф, крути баранку... Пятачок за скорость накинём...

– Ну, как знаете, – водитель сел на своё место и закрыл дверь. – Я вас за язык не дёргал. Поехали. Сейчас в Репейку, оттуда в Токмаковку, там Загорье и Матрёнин Омут.

– Шеф, а Жуковка?

– Будет тебе Жуковка. Поехали.

Несколько толчков и рывков на месте, будто автобус отдирал примёрзшие колёса, и наконец поехали. Освещённые вокзальная площадь и центральная улица, редкие фонари окраины и уже по-ночному синие снега пригородных лугов и огородов.

Большинство пассажиров знали друг друга или познакомились в ожидании отправки и на Бурлакова посматривали с интересом, сразу определив в нём «столичную штучку», но

разговор не заводили и на знакомство не набивались. Бурлакова это, в общем, устраивало.

В салоне был включён свет, и, глядя в окно, окружающее он различал смутно, скорее угадывал, а своё отражение видел чётко. Автобус шёл медленно, вздрагивая и подпрыгивая на ухабах. Но никто не спешил, и общая атмосфера полусонного благодушия захватила и Бурлакова. Он даже задремал. Автобус останавливался, открывались и закрывались двери, и снова тряска езды по просёлочной дороге, одной из тех, что для проходимости должна либо просохнуть, либо промёрзнуть...

– Загорье, «Беженский Корабль».

Бурлаков вздрогнул и открыл глаза.

– А... спасибо.

Ему помогли вытащить коробку, и автобус уехал, оставив его перед домом в десяти метрах и чуть левее от нужного подъезда. Ну, так сам виноват, надо было точнее договариваться.

И вот тут Бурлаков понял, что самое трудное впереди. Дотащить коробку до подъезда, нет, тащить по заснеженному асфальту картон – это непоправимо испортить упаковку, так что, будьте точны, Игорь Александрович, донести до подъезда, поднять на второй этаж, и там по коридору. Носильщика нет, просить помощи не у кого: субботним зимним вечером случайных прохожих и возвращающихся с работы нет. Ну-с, воззовём к духу прадеда, тот на спор лошадь на себе подни-

мал, и примемся за работу. Больше вам ничего не остаётся.

Коробка не такая уж тяжёлая, но не слишком удобна, да ещё портфель и портплед, а рук всего две. Правда, бывало и хуже, и вообще... всяко бывало. А если вот так ухватить... и главное – не волоком, рискуешь прорвать дно.

Добравшись до нужного подъезда, он перевёл дыхание и приступил к затаскиванию коробки внутрь. Здесь основным препятствием были высокие пороги. Хорошо, хоть в дверной проём коробка впритык, но прошла.

Теперь вверх, на второй этаж. А если... проигрыш во времени и расстоянии, а выигрыш в чём? Вот именно! Коробку оставим и отнесём наверх портфель и портплед – время позднее, никто не тронет – и спустимся за коробкой. Не сказать, что легче, но намного удобнее. Считаем решение правильным. Раз другого не нашлось.

Преодоление двери на этаж прошло легче: и порог ниже, и навык появился. А уж до заветной двери совсем просто: по прямому и ровному и той же методой. Коридор пуст и светел, если где и гуляют, то тихо, и, похоже, не от страха перед милицией, а от радости возможного уединения в своём доме, ведь большинство, даже нет, практически все здешние жильцы – репатрианты, бывшие угнанные или рабы, и что такое барак, ночлег вповалку на общих нарах и жизнь на чужих глазах, знают не понаслышке.

Под эти мысли переноска прошла как-то незаметно. Бурлаков выпрямился и снял шляпу, вынул носовой платок и

вытер мокрое от пота лицо, перевёл дыхание и прислушался. За дверью было тихо. А вдруг они уже легли спать? Да нет, для сна ещё рано. Он ещё раз перевёл дыхание и нажал кнопку.

За дверью задрезжал звонок.

Женя уже несколько раз выразительно смотрела на Алису, но та старательно не замечала и не понимала, разглаживая и сортируя фантики. Андрей вдруг пустился в длинные рассуждения о футболе, рассказывая Эркину о правилах и прочем. Статью о чемпионате России, что армейцы опять всех обставили, Эркин тоже читал, не всё, правда, понял и теперь охотно просвещался. Женя ещё раз грозно посмотрела на Алису и махнула рукой: пусть сидит, завтра всё равно воскресенье, так может, если поздно ляжет, то даст утром поспать и не будет ломиться в спальню.

Звонок в дверь был таким неожиданным, что они все даже как-то не сразу обратили на него внимание. И первой сорвалась со стула и побежала в прихожую Алиса, за ней Женя, встал и вышел Эркин, а Андрей остался сидеть. А... а вдруг это кто из соседей... так, на огонёк заглянул.

Обычно Алисе не разрешали самой открывать дверь, и обычно она слушалась, но сегодня... здесь и мама, и Эрик, и ждут гостей, так что... она в своём праве. И Алиса уверенно взялась за замок.

Эркин и Женя не успели вмешаться, как она поверну-

ла шпенёк и после двойного щелчка распахнула дверь. За дверью стояли большая картонная коробка, кожаный, вдвое больше Андрюхиного, портфель с двумя замками, большая странная сумка и высокий старик в тёмном пальто и в странной – Алиса таких ещё не видела – тёмной шляпе.

– Ой, – сказала Алиса. – Здравствуйте.

– Здравствуй, – улыбнулся ей старик.

– Ой! – ахнула Женя. – Игорь Александрович! Здравствуйте! Как доехали? Заходите, Алиса, не мешай, Андрюша, Игорь Александрович, вы с дороги, сейчас я поставлю, разогрею, Эркин, да, сюда поставь, вы раздевайтесь, ой, я мигом...

Эркин, Андрей, Алиса, Бурлаков – их всех завертело и закружило в этом вихре. Женя никому не давала ни опомниться, ни сообразить. Коробку затащили в кладовку, портфель и портплед отнесли в маленькую комнату, Бурлакова усадили в кухне за стол и стали кормить обедом и поить чаем. Андрею не удалось и слова вставить, Эркин сам молчал, Алиса суетилась, счастливая, что о её сне точно забыли.

– Большое спасибо, Женечка. Очень вкусно.

– Давайте, я вам ещё налью.

– Налей ему, Женя, оголодал он в дороге, – наконец сумел вклиниться Андрей.

И тут же получил под столом пинок от Эркина. Андрей покосился на него, сглотнул невысказанное и спросил уже другим тоном.

– Ну, чего ты так поздно? Обещал же, в субботу.

– А я и приехал в субботу, – Бурлаков подмигнул Алисе. – Двенадцати ещё нет.

– Ага, Андрюха, – тут же воспользовалась моментом Алиса. – Получил?!

– С тобой, племяшка, весь расчёт впереди, – пообещал Андрей.

– Алиса, сейчас спать пойдёшь, – Женя поставила перед Бурлаковым тарелку с картошкой и мясом. – Игорь Александрович, и огурцов, да? Алиса, достань.

Алиса радостно нырнула под окно.

Эркин молча, с вежливой улыбкой, наблюдал за Бурлаковым и хлопотавшей вокруг него Женей. Что ж, если Жене это нравится, и если это сохранит Андрея, то он, конечно, подыграет и сделает всё, чтобы Бурлаков остался доволен. Зря Андрей дёргается и трепыхается, сам же зазвал и...

Чай пили уже все, даже Алисе налили. И дали «кусальных» конфет, чтобы занялась своим и не мешала.

– Как хорошо, что вы приехали, – Женя улыбнулась Бурлакову.

– Я тоже рад, – ответно улыбнулся Бурлаков.

Только сейчас он почувствовал, что здорово промёрз в автобусе и устал, и сейчас холод и усталость выходят из него. Уютная кухня, дружная весёлая семья, горячий чай... что ещё нужно для счастья?

Андрей недоверчиво следил за Бурлаковым. В самом де-

ле рад? Или так... приличия соблюдает? Ладно, раскрутим, разматаем, сделаем... по-нашему будет, как мы решили.

Алиса сосредоточенно занималась своими конфетами, разложив их вокруг чашки и откусывая то от одной, то от другой.

Эркин посмотрел на Женю, и, когда она улыбнулась ему, его лицо немного смягчилось. И, заметив это, успокоился и Андрей. Теперь надо, чтобы и Эркин признал профессора, а то братик с характером, в любой момент взбрыкнёт, и упрямый, если решит чего, то своротить его – ой-ё-ёй как повкалывать и покрутиться придётся.

Тишина и спокойствие, и уютное бульканье кипящего на маленьком огне чайника, ветер и снег за стёклами, а здесь весёлые в цветах и колосьях занавески, и бабочки на абажуре – здесь лето. Бурлаков допил и поставил чашку.

– Спасибо, Женечка, но больше не надо.

Эркин быстро искоса посмотрел на Женю: как ей такое обращение – и, увидев её улыбку, тоже улыбнулся.

– На здоровье, Игорь Александрович, – Женя ещё раз улыбнулась и посмотрела на дочь: – Алиса, тебе спать не пора?

– Я ещё не закончила, – ответила Алиса, не отрываясь от конфет.

Андрей негромко коротко рассмеялся, словно прочищая горло.

– Как добирался? На перекладных?

– Да, – кивнул Бурлаков. – пришлось кружным путём с пересадками, – но тон его был весёлым, исключаящим сочувствие, будто сложность и утомительность дороги доставляли ему удовольствие.

– А что, самолётом нельзя? – помедлив, спросил Эркин. – Ну, до Сосняков.

– Прямого рейса на Сосняки из Царьграда нет, – объяснил Бурлаков. – Вышло бы только дольше.

– И чего говорят, что авиация самый быстрый транспорт, – хмыкнул Андрей.

– Летит он быстро, – кивнул Бурлаков, – да нужного рейса долго ждать. Особенно, когда его нет.

– Это, – Эркин свёл брови, припоминая, и вдруг перешёл на английский. – Это как чёрная кошка в тёмной комнате? Так?

– Так, – ответил тоже по-английски Бурлаков.

А Андрей недоумевающе спросил на английском?

– Чего? Я не понял, ты о чём?

Эркин хмуро улыбнулся.

– Слышал когда-то. Трудно найти чёрную кошку в тёмной комнате, когда её там нет.

– Здоровско! – засмеялся Андрей.

– Это очень древнее изречение, – улыбнулся Бурлаков. – А где ты это слышал?

Эркин опустил ресницы, пряча взгляд, но лицо его оставалось спокойным, а голос ровным.

– Давно. Я мальчишкой совсем был, – и замолчал, явно оборвав себя.

Андрей открыл было рот, но тут же сообразил и густо покраснел. Недоумевающе посмотрела на Эркина Женя. Нахмурился, догадываясь, Бурлаков. Наступило неловкое молчание.

Разрядила его Алиса. Она уже управилась с конфетами и, лёжа щекой на столе, снизу вверх рассматривала абажур, стараясь не заснуть.

– А чего вы все по-английски? – спросила она. – Сегодня русский день.

– Да, – сразу ответил по-русски Эркин и встал. – Давай спать, Алиса, поздно уже.

– Ой, – спохватилась Женя. – В самом деле. Алиса...

– Иду, – вздохнула Алиса, сползая со стула, и у двери обернулась: – Дедушка, а ты завтра будешь?

– Буду, – улыбнулся ей Бурлаков.

– Значит, подарки завтра, – глубокомысленно кивнула Алиса и вышла.

Женя покачала головой, а Андрей рассмеялся. Улыбнулся и Бурлаков. Эркин подошёл к плите и взял чайник.

– Кому горячего? Андрей?

– Давай, – кивнул Андрей, залпом допивая чай.

– А... вам? – обратился Эркин к Бурлакову.

– Спасибо, конечно, – кивнул Бурлаков.

Женя вышла посмотреть, как справилась с вечерними ри-

туалами и улеглась Алиса, а Эркин налил всем свежего чая, налил и Жене. И, глядя на Андрея, вдруг тихо сказал по-английски:

– Это в питомнике надзиратели об уме индейском говорили.

– Я понял, – кивнул Андрей и тут же поправил себя: – Догадался.

Бурлаков молча и очень внимательно смотрел на них. Эркин прислушался к чему-то и улыбнулся.

– Я сейчас, – сказал он по-русски и вышел из кухни.

Андрей посмотрел на Бурлакова, неопределённо хмыкнул. Бурлаков с улыбкой ждал продолжения, но Андрей молчал, разглядывая свою чашку.

Вошла Женя, а секунды две спустя Эркин.

– Угомонилась? – усмехнулся Андрей.

– Да, – Женя села на своё место, взяла чашку. – Спасибо, Эркин. Игорь Александрович, вы с дороги, устали... Андрюша вам сказал, что... праздновать будем вечером?

– И на всю ночь, – подхватил Андрей и закончил по-английски: – Чтоб небо загорелось.

Эркин мягко улыбнулся и кивнул.

– Согласен, – весело сказал Бурлаков.

– Андрюша, – Женя смотрела на него с лукавой требовательностью. – Так сколько народу будет?

– Готовь на десятерых, Женя, – Андрей ловко подмигнул сразу всем, залпом допил чай и встал. – Если что лишнее

останется, я доем. Давайте на боковую. Я себе в гостиной постелю. Женя, согласна?

– Да, конечно, Андрюша, – Женя порывисто вскочила. – Сейчас всё сделаем. Эркин...

И снова вихрь дел, распоряжений, бесшумной, чтобы не разбудить Алису, беготни по квартире.

Оказавшись в маленькой комнате перед уже застеленном на ночь диваном, Бурлаков перевёл дыхание и огляделся. Вот... вот оно, здесь живёт Серёжа. Большой письменный стол с двумя тумбами, рядом стоят два портфеля, больше школьных, «студенческие», традиционная «стенка» шкафов, в книжном... да, книг немного, но явно стоят не для красоты, а читаются, у изголовья торшер, несколько стульев, на стене над диваном небольшая литография – весенний пейзаж, у дивана на полу узкий коврик... да, надо ложиться спать, завтра – большой день, хотя сегодня был не меньший.

Бурлаков открыл шкаф... да, вещей у мальчика, мягко говоря, немного... или держит всё на своей квартире... или просто освободили ему, как гостю, место... Ну, что ж, последнее больше всего похоже на правду, иначе зачем оставлены пустые плечики, вернее, приготовлены. Он открыл портплед и повесил парадный костюм. Совсем не помялся, всё-таки портплед – гениальное изобретение, если им умело пользоваться, но пусть отвисится. Рубашки... на бельевых полках... явно переключивали, освобождая... да, для него. Бурлаков сглотнул комок, раскладывая рубашки и бельё.

Когда он, уже в пижаме, пошёл в ванную, в квартире было по-ночному темно и тихо. Зная, что в гостиной спят, он не стал включать свет, а просто оставлял за собой приоткрытые двери. И этих щелей ему хватило, чтоб ни на что не наткнуться и не зашуметь.

И вернулся он так же тихо, уже закрывая двери и невероятным усилием заставив себя пройти, проскользнуть мимо неясной, закутанной в одеяло фигуры на диване в гостиной. Не остановился посмотреть на мальчика, послушать его дыхание. И – слава богу – не разбудил.

От постельного белья еле ощутимо и очень приятно пахло морозной свежестью. Бурлаков лёг и натянул одеяло на плечи. Ну, всё, день окончен, он добрался, всё благополучно и не просто хорошо, а даже отлично.

Сквозь сон Андрей слышал, как Бурлаков дважды прошёл мимо него, но не шевелился и даже не просыпался толком. Всё, что в его силах было, он сделал, теперь... теперь лишь бы Фредди и Джонатан приехали. А Эркин чего-то недоволен, чуть не сорвался, а с чего? Если он профессора боится, то зря, ни хрена им профессор не сделает. Да и... незачем профессору трепыхаться, незачем... мысли путались, уплывали, и он уже спал, сразу и улыбаясь, и хмурясь во сне.

Женя очень надеялась, что Алиса всё-таки проснётся попозже, но надежды не оправдались.

В квартире было тихо и темно, когда Алиса разлепила гла-

за и стала думать: дедушка ей приснился или был на самом деле. Спать совсем не хотелось. Она вылезла из кровати и подошла к окну. Андрюха во всех комнатах такие хитрые шнуры сделал: как потянешь, так штора сама отползает.

Солнца нет, но свет включать не надо, и так всё видно, значит, уже утро. Алиса оглядела свой стол, спящих в кроватках и коробочках кукол и решила разбудить их потом, а пока она пройдёт по дому и проверит, кто что делает.

В прихожей тихо и темно, все двери закрыты. Алиса тронула ручку двери маминей спальни... заперто, ну, мама с Эриком всегда запираются и спят, спят... и чего в воскресные спать, когда ни в школу, ни на работу не нужно, а можно весь день играть и гулять, а они спят. Дверь большой комнаты поддалась легко, но её и раньше никогда не запирали. Шторы задёрнуты, но видно, что на диване кто-то спит. А у Андрюхи? Тот тоже запирается, а сегодня... сегодня дверь открылась. И здесь тоже спали на диване. Один – это Андрюха, значит, другой – дедушка, и он ей не приснившийся, а всамделишный. Интересно, а кто где? Андрюху разбудить, так тот начнёт дразниться или ещё чего выдумает, а вот дедушка... во всех книжках дедушки добрые и... и лучше разбудить его.

Алиса ещё раз посмотрела на светлые серебрено блестящие волосы спящего на диване – опять Андрюха с головой завернулся, вот смеху будет, когда задохнётся – и решительно вернулась в большую комнату.

Дедушка спал, тоже завернувшись в одеяло, даже ещё больше, только чуть макушка видна, ну да, он же старенький, мёрзнет. Алиса осторожно тронула одеяло, где, по её расчётам, было дедушкино плечо.

– Дедушка, – позвала она. – Дедушка, уже утро.

Ей ответило невнятное мычание, ну, совсем, как у Андрюхи, и она потрясла сильнее. Андрюху она бы дёрнула за видневшиеся из-под одеяла волосы, и тот сразу бы проснулся, но с дедушкой так, наверное, нельзя, надо вежливо, и поэтому Алиса стала отворачивать одеяло, открывая спящему лицо и повторяя:

– Дедушка, уже утро, дедушка...

Вдруг одеяло взметнулось вверх, так что Алиса с визгом отпрыгнула и, наступив на подол своей ночной рубашки, с размаху села на пол. С дивана на неё ошалело и сердито смотрел Андрей.

– Ой! – сказала Алиса. – Андрюха, ты чего здесь, а не там?

– Я тебе сейчас и здесь, и тама так покажу, что по гроб жизни запомнишь, как рабочего человека в выходной день будить, – зловеще пообещал Андрей, под одеялом влезая в брюки.

Алиса вскочила на ноги и, подобрав повыше, чтобы не мешала, рубашку и потеряв тапочки, бросилась в маленькую комнату с воплем:

– Дедушка! Меня Андрюха доводит!

Когда Бурлаков, разбуженный криком, а не словами – об-

ращение было настолько непривычным, что не осознавалось – сел на диване, Андрей уже сгрёб Алису в охапку.

– А стучать западло, стукачей мочат, вот я тебя сейчас и замочу.

– Это бельё замачивают, – отбивалась Алиса. – Дедушка...!

Бурлаков уже начал понимать, что зовут именно его, оправил пижаму и встал, когда в комнату вбежала разбуженная шумом Женя.

– Алиса! Прекрати!

Словом, началось нормальное воскресное утро. Алису отправили умываться и приводить в порядок себя и свою комнату.

– Эрик, – Алиса по пути заглянула в спальню, где Эркин быстро застилал кровать. – А мы тянуться будем?

– Нет, – ответил Эркин, не оборачиваясь.

Он ничего не объяснял и не приказывал, но это было настоящим «нет», и Алиса молча побрела к себе. Ну, почему всё так как-то не так получается, и Эрик сердится, а чего? Его же она не будила.

Женя сначала чуть не расплакалась от обиды: суета, неразбериха, что о ней подумают, но плакать и переживать было некогда. Готовить завтрак, убирать, наводить чистоту и порядок, успокоить Эркина, что всё не так страшно, извиниться перед Бурлаковым, поторопить Алиску, а Андрею... господи, это же начинка, не смей, не надо его пробовать, это

изюм, он набухнуть должен, и всё сразу, и всё на ней!

Бурлаков от души наслаждался шумом, суетой и неразберихой, хлопанием дверей и беготнёй по квартире. Он в семье, и это семейный беспорядок, как когда-то, совсем давно, до всего...

Наконец постели убрали, все умылись, побрились, переоделись и собрались за завтраком. Бурлаков, без пиджака и галстука, так счастливо улыбался, сидя за столом, что Женя, ну, почти совсем успокоилась, а, глядя на неё, повеселел и Эркин.

За завтраком и решили, что раз всё веселье будет вечером, то...

– А подарки когда? – вмешалась Алиса. – Тоже вечером?

– Алиса! – ахнула Женя.

– Ну, мам, – искренне возмутилась Алиса. – Я же для тебя стараюсь! И Эрика. У вас же праздник.

– А что? – Андрей подмигнул Эркину и по-английски: – Резонно.

Эркин с улыбкой пожал плечами.

– А что? – поддержал Андрея Бурлаков. – Вполне логично. Радость откладывать не стоит.

– Ну... – Женя растерянно переводила взгляд с одного на другого. – Ну... ну, если так...

– Так, так! – завопила Алиса, срываясь со стула. – Ну, пошлите, ну, давайте...

– Не пошлите, а пошли, – поправила её Женя, вставая. –

Я думаю, в большой комнате будет удобнее.

– Ага, ага! – прыгала Алиса. – Дедушка, а ты чего привёз, оно так в кладовке и стоит.

– Да, – встал и Эркин. – Пошли в кладовку, Андрей, перенесём всё.

И опять суета и беготня. В большую комнату перетащили привезённую Бурлаковым коробку, принесли всякие свёртки и коробочки.

– Ну вот, – удовлетворённо выдохнула Алиса. – Вот, мам, видишь, сколько всего. А с чего начнём?

– С тебя, – сразу сказал Андрей. – А то забыла, небось, и на других теперь переводишь.

– А вот и фигурки тебе! – гордо ответила Алиса. – Вот, мама, Эрик, это я сама нарисовала!

Рисунок – цветы вокруг слова «Поздравляю», всё яркое, разноцветное и без единой ошибки – рассмотрели, восхитились, расцеловали Алису.

– Вот! – Алиса посмотрела на Андрея. – Я ничего не забыла. Это ты забыл!

– Фигурки тебе! – тряхнул шевелюрой Андрей. – Эркин, Женя, я вас поздравляю, желаю всего, сразу и надолго, и чтоб жизнь у вас была долгая, согласная и счастливая, и вот вам от меня.

И развернул... большую шкатулку, блестящую чёрным лаком и красно-золотым узором: жар-птицы среди ветвей с ягодами и цветами.

– Ой! – ахнула Женя. – Какая прелесть, Андрюша, спасибо.

– Ты её открой, Женя, – Андрей хитро подмигивал всем сразу двумя глазами.

Женя послушно открыла и завизжала, как Алиса, даже ещё громче. Внутри шкатулка была разгорожена на ячейки: для бус, для колец, для брошек и... и мало ли что ещё можно туда положить.

Насладившись общим восторгом, Андрей взялся за следующий свёрток.

– И вот ещё.

– Книга? – удивился Эркин.

Но это был альбом для фотографий в кожаной тёмно-красной с золотым тиснением обложке.

– И ещё! – Андрей торжественно развернул свой главный – как он считал – подарок: картину.

Букет полевых цветов в кувшине. Нежные, приглушенные краски, бумага словно просвечивала сквозь них. Эркин смотрел и не мог понять. Это же просто цветы, просто... рисунок, почему же ему так... хорошо. Он с трудом отвёл взгляд, увидел встревоженные глаза Андрея и улыбнулся своей «настоящей» улыбкой. Андрей немедленно расплылся в ответной улыбке, и Эркин, бережно положив картину на стол, шагнул к нему и обнял.

– Спасибо, спасибо, брат.

– Ну... ну, ты того, – Андрей вдруг растерял все заготов-

ленные слова.

Эта картина ему сразу глянулась, и он, не раздумывая, выложил за неё полторы сотни, но боялся: понравится ли Эркину. Понравилось!

Потом Андрея целовала Женя.

– Дедушка, – Алиса дёрнула Бурлакова за рукав. – А твои подарки когда?

– Тсс, – шёпотом ответил он ей. – Не мешай.

– А, – понимающе кивнула Алиса. – Сейчас они друг друга дарить будут.

Так и было. Флакон духов и большая нарядная коробочка маникюрного набора, белая шёлковая рубашка с застроченными складками на груди, яркий блестящий галстук и вязаный, как у Андрея, но не пёстрый, а гладко-серый жилет на пуговицах.

Когда Эркин и Женя расцеловались, Алиса не выдержала.

– Дедушка, ну, теперь-то да?

– Теперь, да! – улыбнулся Бурлаков.

Он достал из кармана складной нож на пружине, раскрыл его, нажав кнопку, и одним точным движением вспорол картонную крышку большой коробки.

– Однако, могёшь, – пробормотал Андрей.

Алиса затаила дыхание.

Сверху ровным слоем лежали уже знакомые коробочки с цареградскими рожками всех сортов.

– Ой! – ахнула Женя. – Игорь Александрович...!

– Праздник должен быть каким? – Бурлаков, ну, совсем как Андрей, подмигнул Алисе.

– Праздничным! – завопила Алиса, пробиваясь к коробке. – Андрюха, не засти!

– Отзынь, малявка, – посторонился Андрей.

Под коробочками с рожками таким же слоем лежали другие, но похожие, красные с золотом.

– А это что? – спросил Эркин с не меньшим, чем у Алисы, интересом рассматривающий всё это.

– Это бутылочки, – объяснил Бурлаков. – Шоколадные конфеты с коньяком и ликёрами.

– Ух ты-и! – восхитился Андрей.

Рожки и бутылочки выложили грудой на стол, и из коробки появились две бутылки водки. И тоже необычные. Одна квадратная со стеклянной пробкой-шаром и... зелёная?!

– Эт-то что? – оторопело спросил Андрей.

– Боярская водка, – веско ответил Бурлаков. – На черносмородиновых почках. А это «Башня».

Эта бутылка была и впрямь как крепостная башня, ну, совсем как настоящая, и в белой стеклянной крошке, будто в инее.

– Ну... ну в жизни такого не видел. Даже не слышал, – покрути л головой Андрей. – Эркин, а ты?

Эркин с улыбкой покачал головой.

– Нет, откуда.

Насладившись произведённым эффектом, Бурлаков скло-

нился над коробкой, достал блестящий целлофановый пакет и протянул его Алисе.

– А это тебе.

– Мне?! – ахнула Алиса.

Женя помогла ей открыть пакет. Там красовался большой кружевной воротник с атласными лентами-завязками. Но сосредоточиться на подарке не удалось. Потому что из коробки – у неё что, как в сказке, дна нету?! – появились главные подарки: большой, почти во всю коробку толстый пакет и пёстрая яркая коробка.

– Женя, Эркин, я вас поздравляю, желаю отметить и серебряную, и золотую, и бриллиантовую свадьбы.

– Спасибо, – улыбнулся Эркин.

А Женя, поблагодарив, сказала:

– Только вместе с вами будем отмечать.

– Ваши слова, Женечка, да богу в уши, – рассмеялся Бурлаков.

Расцеловались и стали смотреть, что же там, под обёртками.

В пакете было шесть комплектов постельного белья. В каждом пододеяльник, две наволочки и простыня, белые, в кружевах, прошвах и вышивке, и ещё атласной лентой перевязан.

– Ой, – вздохнула Женя. – Ой, Игорь Александрович, это... как же это?

– Просто, – рассмеялся Бурлаков. – Всё очень просто. А

это...

А это был самовар! Блестящий, с ручками, краном...

– А он настоящий? – влезла Алиса. – А верёвка зачем?

– Это не верёвка, а шнур, – стал объяснять ей Бурлаков. –

Он электрический.

Женя даже онемела от восторга. Стол и стулья были завалены подарками и вкусностями, и она уже совсем не знала, что ей говорить и что делать.

Растерялся и Эркин. Столько подарков, и все такие дорогие. Почему? Нет, зачем? Зачем это Бурлакову? И вдруг догадался, понял, а, поняв, похолодел от страха. Это же отступное, Бурлаков откупает Андрея. Что же делать? Отказаться взять нельзя. Так сделано, что не откажешься. А принять – это согласиться. Что же делать?

Андрей покосился на Эркина и, словно догадавшись о его мыслях, переступил и встал рядом с ним, словно невзначай коснулся своим плечом его плеча. Никто ничего не заметил. Эркин судорожно, еле удержав всхлип, перевёл дыхание и улыбнулся.

– Мам, я эту себе возьму, ладно? – Алиса потянула к себе одну из коробочек с бутылочками. – А остальные потом.

И Женя очнулась.

– Алиса, не смей! Игорь Александрович, спасибо.

Она обняла и расцеловала Бурлакова, оглянулась на Эркина, и тот понял, что теперь ему предстоит это же. Поблагодарить надо, конечно, но с мужчинами он не целовался с

питомника, как его в элы определили, и подошёл к Бурлакову с замирающим сердцем. Но, к его облегчению, обошлось рукопожатием и объятиями, и ничего... мм-м, неприятного не произошло.

А потом началась опять суматоха. Бельё отнесли в спальню, заодно показав её Бурлакову, рисунок Алисы поставили на комод, альбом положили на столик в гостиной и там же нашли место для картины, и Эркин с Андреем стали её вешать, духи и маникюрный набор... в спальню, и шкатулку для украшений туда же, а на комод уже тесно, а остальное на кухню, и всё на вечер...

– Всё, всё?! – ужаснулась Алиса.

– Что, племяшка? – ухмыльнулся Андрей. – Водки захотелось? С утра надрызгаться хочешь?

Алиса задохнулась от негодования и набросилась на него с кулаками. Андрей, хохоча, уворачивался, потом схватил Алису поперёк туловища и бросил на диван так, что пружины загудели. И на этот гул отозвался голос Жени из кухни. Слова неразборчивы, но Алиса поняла.

– Вот, меня мама зовёт, – она вывернулась у Андрея из-под рук и улепетнула на кухню.

– Алиса, воротничок к себе отнеси, вечером наденешь, – встретила её Женя.

– Ага, – согласилась с очевидным Алиса и побежала за воротничком.

Самовар решили немедленно обновить, и к чаю Женя от-

крыла две коробочки: с рожками и бутылочками, каждому по две шутки, а всего...

– Всего четыре, – сразу сказала Алиса, уже восседавшая на своём стуле.

– Много шоколада вредно, – сказал Андрей, подмигивая Бурлакову.

Но, к его удивлению, Бурлаков явно не понял намёка и ответил серьёзно.

– Ничего, столько можно.

Почему? Он что, не помнит, забыл? Или не знает? Но тогда... нет, надо проверить.

Но его отвлекла Алиса.

– Вот! А если тебе лишнее, то отдай мне.

– Жратва лишней не бывает, – машинально огрызнулся Андрей, погружённый в свои мысли.

Но чай был таким ароматным, а рожки и конфеты вкусными, да и Эркина его психи беспокоят, а брат и так переживает чего-то, и Андрей всё отбросил, выкинул из головы и стал опять прежним.

После чая Женя посмотрела на часы и ахнула. Уже двенадцать?! Ну, почти двенадцать, но всё равно. Нужно делать обед и на вечер всё готовить, и в Старый Город идти за кулебякой, и...

И стали решать. Алиса пойдёт гулять...

– Я с дедушкой! – сразу заявила Алиса, предвкушая своё торжество: в их доме дедушек ни у кого нет, а у неё есть!

– А-ли-са, – раздельно сказала Женя.

Но Бурлаков подмигнул Алисе.

– А почему же и нет, охотно прогуляюсь.

– Тогда все идите гулять. Эркин, и за кулебякой зайдёте.

– Это в три, Женя, – спокойно сказал Эркин.

Ну да, тут же сообразила Женя: три часа гулять, пообедуют тогда в четыре, а там надо и к вечеру готовиться, и отдохнуть, нет, надо по-другому. А как?

И после недолгих споров и размышлений решили: Эркин и Андрей занесут с лоджии мясо и сделают ещё кой-какую тяжёлую работу, а Алиса покажет Бурлакову свою комнату – Бурлаков сразу согласился – а потом... вчетвером сходят к Андрею и в Старый город за кулебякой и загорышами, потом пообедают и станут готовиться. И вроде все согласны, вот только...

– Вам не будет холодно? – спросил Эркин у Бурлакова.

– Я дедушке свой шарфик дам, – ответила Алиса, беря Бурлакова за руку, чтобы вести в свою комнату.

Андрей коротко фыркнул, а Женя озабоченно посмотрела на Эркина. И тот спокойно, но очень твёрдо сказал:

– Андрей, у тебя всё здесь? – И, увидев его кивок, продолжил: – Ну, так чего трепыхаться, Женя, я с Алисой за загорышами схожу, – и с еле заметной заминкой: – Чего человека по морозу гонять.

– Я с тобой, брат, – так же твёрдо сказал Андрей.

– Нет, – Эркин быстро убирал со стола. – Поможешь Же-

не.

Он не сказал, что это к Андрею приехали и поэтому Андрей должен быть здесь, с ним, но и Женя, и Андрей поняли несказанное и не стали спорить. Женя потому, что согласилась, а Андрей потому, что... ну, зачем спорить, когда всё равно по-своему сделаешь. Как Фредди говорил? Ковбой не спорит? Ага, вот и мы так же.

Занести и разрубить на куски мясо, начистить картошки и луку, это натереть, это – через мясорубку, а орехи? В ступке и в крошку? No problem, Женя! Что, и не пробовать?! Ну, как скажешь, Женя.

Кухонная суматоха смутно доносилась до комнаты Алисы и не мешала ей знакомить Бурлакова со всем своим хозяйством: куклами, игрушками, книгами и прочим, а Бурлакову вникать.

Он с наслаждением слушал бойкую на двух языках – с Мисс Розы Алиса знакомила его по-английски, как и с английскими книгами – болтовню белокурой синеглазой девочки, так мучительно похожей сразу и на Анечку, и на Милочку.

– А это кто, Алечка?

– А это Дрыгалка, его мне Эрик купил, ещё там, – она махнула рукой куда-то за стену. – Мы там в лесу гуляли.

Дедушка называл её почему-то не Алисой и не Алиской, как все и даже не Элис, а Алей, Алечкой, но Алиса как-то сразу согласилась с этим, и ей было даже почему-то приятно.

Книжки на двух, нет, даже на трёх языках, развивающие игры... да, Алечка получает всё необходимое, надо признать, для провинции уровень весьма и даже очень достойный, и о школе Алечка говорит весело и охотно, в дневнике одни пятёрки, так что и здесь благополучно. Он никак не ждал, не думал, что настолько увлечётся детской болтовнёй, что так забудет обо всём.

Занятая хлопотами по кухне, Женя и думать забыла об Алисе и даже о Бурлакове, чем он там занят, доволен ли, не чувствует ли себя покинутым и забытым. Ей было не до того. Она растирала, смешивала, взбивала, засовывала в духовку, выносила на холод и ставила на огонь, вдохновенно командуя Эркином и Андреем.

Андрей с наслаждением выполнял все её указания и даже без приказа не дегустировал. Лучше уж здесь, среди еды, рядом с Эркином и Женей, чем профессора разговорами занимать, ожидая с каждым словом насмешки за ошибку или оговорку, он же помнит, как его шпыняли, высмеивая и поправляя, нет уж, на фиг ему этот геморрой, чёрт, забыл, что это за хренотень, надо будет в энциклопедии посмотреть, но всё равно не нужен, а вот когда приедут и все за стол сядем, тогда другое дело, там найдётся, кому профессора осадить, и шпынять его при всех профессор не посмеет. Так что всё будет тип-топ. И Эркин повеселел, а то на взводе, как мина снаряжённая, он-то уж своего брата знает, это для других по Эркину ничего не заметно, а он всё видит.

Женя счастлива – он это и видит, и чувствует, Андрей доволен, так что всё хорошо и всё как надо. Эркин даже как забыл обо всём, счастливый уже тем, что счастливы вокруг него.

Когда вся «черновая» работа была, по мнению Жени, сделана, а на плите поспевал простенький «промежуточный» обед, Андрея и Эркина отправили передохнуть и вообще...

– Ва-аще, так ва-аще, Женя, – согласился Андрей.

Эркин рассмеялся, мягким шлепком по спине выпроваживая брата из кухни и выходя следом.

Из комнаты Алисы доносилось такое веселье, что Эркин с Андреем, разумеется, заглянули к ней.

Там вовсю шла игра в слова. Ну, как из одного длинного слова сделать много-много маленьких, и чтобы буквы такие же, и у кого больше получится, и чтоб ни имён, ни...

– И на что играете? – перебил её скороговорку Андрей.

– На интерес, – улыбнулся Бурлаков.

– Я ещё учусь, – объяснила Алиса. – Дедушка, а цирка у тебя нет.

– Хорошее слово, – одобрил Бурлаков. – Молодчина.

Конечно, Андрей не утерпел.

– А ну-ка и мы с вами.

– Ага-ага, – обрадовалась Алиса – Эрик, ты сюда садись.

Алиса соскочила со стула, подбежала к Эркину и, взяв того за руку, потащила к столу.

– Ну, Эрик, ну, давай.

– А меня, значит, не зовёшь, – хмыкнул Андрей, отодвигая от стены стол, чтобы все смогли уместиться, не теснясь.

– А ты везде первым пролезешь, – отпарировала Алиса, усаживаясь рядом с Эркином. – Тебя Баба Шура пострелом зовёт.

– Кем-кем? – весело удивился Бурлаков.

– Ну, пострел, он везде поспел, – объяснила Алиса.

Покрасневший Андрей хмуро спросил:

– Мы играем, или как?

Эркину играть с профессором, да ещё в такую игру – он про неё впервые слышит, а тот, понятное дело, дока, профессор ведь, не работяга – не хотелось, но благовидного предложения, чтобы отказаться, не мог найти. Он вздохнул и пододвинул к себе один из разбросанных по столу чистых тетрадных листков в линейку, взял карандаш.

Бурлаков, улыбаясь, оглядел приготовившихся игроков и назвал слово. Празднование. Андрей сосредоточенно прикусил губу, свёл брови Эркин, высунула от напряжения кончик языка Алиса.

Бурлаков быстро исписал свой лист и теперь смотрел, как пишут они. Эркин и Алечка старательно выписывают, Эркин даже скорее вырисовывает буквы, а Серёжа со свободной быстротой.

– Во! – Алиса гордо выпрямилась. – Я всё!

– И я всё, – Андрей быстро дописал последнее слово.

Эркин молча положил карандаш. Стали сверять получив-

шиеся слова. Бурлаков читал своё, а они все вычёркивали совпадающие. А потом Андрей и Алиса сверили свои списки. И у Андрея осталось одно своё слово, а у Алисы два.

В комнату заглянула Женя, и Алиса встретила её радостным воплем:

– Мам! Я Андрюху обыграла! На целое слово, вот!

Женя быстро поглядела на Эркина и улыбнулась.

– А у меня обед готов, вот!

– Пожрать я завсегда готов, – встал Андрей. – Ничего, пляшка, я ещё отыграюсь.

Встал и Эркин, незаметно скомкав и сунув в карман свой листок: ему пришлось все свои слова вычеркнуть. Хотя и на интерес играли, а проигрывать всё равно обидно.

На кухне уже всё было готово. Дружно расселись за столом, и Женя с гордым удовольствием оглядев свою семью, разложила по тарелкам салат, самый простенький, просто овощи из банок с подсолнечным маслом.

Все проголодались и ели с аппетитом. И бульон с фрикадельками – из остатков фарша для пирожков, и тушёная с тем же фаршем картошка, и компот – яблочный, из своей банки – всё понравилось, всё прошло на ура. И Женя облегчённо перевела дыхание. Все сыты – всё хорошо.

Доев компот, Эркин посмотрел на часы.

– Женя, спасибо, пора.

– Конечно, – Женя улыбнулась ему. – Алиса...

– Я с Эриком! – Алиса, едва не облившись, допила компот

и полезла из-за стола. – Ну, мам, ну, не хочу я спать, я с Эриком пойду.

Эркин кивнул и встал.

– Иди, одевайся.

Андрей вытряс в рот остаток компота.

– Спасибо, Женя, обалденно вкусно, – и небрежно: – Я тут прошвырнусь кой-куда.

Помедлив секунду, Женя кивнула.

– Хорошо, Андрюша. Игорь Александрович, вы отдохните пока.

– Спасибо, Женечка, – улыбнулся Бурлаков. – Не смею отказываться.

Словом, всё уладилось, и все остались довольны.

Когда Эркин, Андрей и Алиса ушли, в квартире сразу стало тихо и пусто. Бурлаков ушёл в маленькую комнату и прилёг на диван. Не раздеваясь, только слегка распустив ремень на брюках. Закрыв глаза. Да, он устал, но усталость праздничная, приятная. Сквозь закрытые веки мягко пробивается по-зимнему белый свет.

Неслышно ступая, вошла Женя с тонким шерстяным одеялом в руках и осторожно укрыла Бурлакова.

– Спасибо, Женечка, – поблагодарил он, не открывая глаз.

Аккуратно укутывая ему ноги, Женя сказала:

– Пледа у нас нет, извините, – и совсем тихо: – А папа, я помню, тоже так любил...

Её последние слова Бурлаков не так услышал, как почув-

ствовал, их горечь скользнула по его сознанию, не разбудила, но отпечаталась в памяти.

Женя вышла, мягко без стука прикрыв за собой дверь, оглядела большую комнату. Да, ну вот, это действительно гостиная и столовая сразу, а не вместилище мебели, очень симпатично получилось. Теперь только выдвинуть и развернуть стол, и накрыть его. Это уже не так сложно. Нужно и ей пойти прилечь, а то ещё зевать за столом будет, вот только... да, это нужно сделать сейчас. И Женя побежала на кухню.

На улице Андрей попрощался.

– Сбегаю сейчас кой-куда наскоро, – и смущённо пояснил: – Забыл я совсем, ну, про галстук.

Эркин кивнул.

– Давай, конечно.

– И к себе за жилетом сметаюсь, чтоб, – Андрей лукаво усмехнулся, – не хуже жениха быть, а то невеста на такого дружку обидится.

– Дружку? – переспросил Эркин и, тут же вспомнил, что им как-то ещё в том году Калерия Витальевна про свадьбу по всем старым правилам рассказывала, и рассмеялся: – Валяй, конечно.

Андрей убежал, а он с Алисой без особой спешки, но и не мешкая, пошли в Старый город. Алиса шла рядом с Эркином, держась за его руку, припрыгивая на ходу и весело болтая сразу обо всём, и всё было хорошо, как вдруг:

– Эрик, а дедушка с нами теперь будет жить, да?

Эркин вздрогнул и резко ответил:

– Нет, – и чуть мягче: Алиса-то тут совсем не при чём. –

Завтра он уедет.

– Ну, почему? – огорчилась Алиса. – У нас комнат много.

Эрик, ну, пусть он с нами останется.

Эркин помолчал, обдумывая ответ, чтоб не врать – врать ему не хотелось – и не говорить правду, и, наконец, нашёл:

– У него работа в Царьграде.

– Тогда да, – солидно вздохнула Алиса. – Работу бросать нельзя.

Эркин улыбнулся её серьёзному тону.

Воскресное послеобеденное время, да ещё зимой, в Старом городе – глухое время, даже собаки не лают, а взбрехиывают, не вылезая из будок. Начал сыпать мелкий снег, и Эркин остановился поднять и натянуть на голову Алисы капюшон шубки.

– Эрик, мне душно.

– Зато задувать не будет.

Эркин поправил ей шарфик, и они пошли дальше.

У Панфиловны их уже ждали уложенные в фольговый пакет, а поверх ещё укутанные мешковиной загорыши и пухлая высокая кулебяка под полотенцем. Её тоже укутали и завернули. Эркин выслушал подробные наставления, как разогреть, чтоб как из печи с пылу с жару были, и достал деньги. Сто рублей за кулебяку и загорыши, и десятка за обёртки и

деревянные поддоны. Расплатился, поблагодарил, и они пошли обратно. Тоже не спеша и аккуратно, чтобы не раскачать ношу.

Когда Бурлаков очнулся, то не сразу понял, где он и сколько прошло времени. Тишина и спокойствие, белый свет за окном... Он посмотрел на часы и улыбнулся: меньше часа спал, а отдохнул... Бурлаков откинул одеяло и легко пружинисто встал, с наслаждением потянулся и подошёл к окну. Белое с чуть заметной голубизной зимнее небо, заснеженные деревья и площадь перед домом, редкие прохожие. Мужчина в полушубке и серой ушанке идёт, осторожно неся два узла, похоже, не тяжёлые, а хрупкие, а рядом бежит вприпрыжку девочка в шубке с капюшоном. Но это... А Серёжа где? Они же все вместе ушли! Он подался вперёд, и тут же стекло запотело от его дыхания. Выругавшись, он торопливо протёр его ладонью и увидел, как через площадь бежит ещё один мужчина, нет, парень, в лётчицкой куртке и мохнатой рыжей ушанке, да, все вместе, да, это они. Остановились и смотрят вверх, на него? Да, Алечка прыгает, размахивая руками. Он улыбнулся и помахал им, всё ещё не надеясь, что они смотрят именно на него, а не, скажем, на Женю в соседнем окне. Улыбается и машет рукой Серёжа, улыбается и кивает Эркин. Будем считать, что ему.

В дверь осторожно постучали.

– Игорь Александрович, – негромко позвала Женя. – Вы

спите?

– Нет, Женечка, – оторвался он от окна. – Входите. Женя заглянула.

– Они уже скоро придут, Игорь Александрович.

– Да, Женечка, спасибо, я их в окно видел.

– Да? – удивилась Женя. – Уже пришли?

Так... так она не видела, и всё это предназначалось действительно только ему?! Бурлаков даже задохнулся от этой мысли, но сказать ничего не успел. Потому что зазвенел звонок, хлопнула входная дверь, и голосок Алисы возвестил:

– Мама, дедушка, а мы пришли!

И сразу стало шумно, весело и суматошно.

Румяная, вкусно пахнущая снегом, Алиса носилась по квартире, всем помогая и попадаясь всем под ноги и под руки. Андрей и Эркин выдвинули и развернули стол, Женя достала новую большую скатерть.

– Ну вот, сейчас расставим что можно заранее и...

– Тебе надо отдохнуть, Женя.

– Нет, Эркин, я уже отдыхала, а вот вам с Андреем и Алиске...

– Я спать не хочу!

– А тебя не спрашивают.

– А ты не лезь. Эрик, а чего он встречается!

– Алиса, не ябедничай. Нет, Эркин, это в середину. Андрей, тарелку подвинь.

– Жень, не тесно будет?

– Да нет, как раз десять мест. Ага, и вот сюда.

– Куда десять? – искренне удивился Андрей. – Нас же пятеро, да их двое. Семь всего.

Женя как-то оторопело посмотрела на него, будто не понимая. Потом поставила на стол маленькую тарелочку и накинулась на Андрея с кулаками.

– Ты мне сколько сказал?! Я на десятерых всё готовила, а ты... ты...

После недолгой, но шумной погони Андрей заперся в уборной и из-за двери сказал:

– Женя, клянусь, лишнее я съем, честное слово!

Женя даже расплакалась, и Эркин увёл её в спальню успокоиться и отдохнуть.

Отсмеявшись, Бурлаков постучал в дверь уборной.

– Вылезай, балабол.

– А его прихватило, – немедленно влезла Алиса. – Медвежья болезнь называется.

Дверь уборной распахнулась, стукнув об стену. Алиса с визгом улепетнула к себе, и было слышно, как она изнутри припирает стулом дверь, а Бурлаков перехватил красного от ярости Андрея.

– Ну, ты чего? Шуток не понимаешь?

Андрей рванулся.

– Малолетка всякая вякать ещё будет! Я ей так сейчас пошучу... Соплячка дерьмовая...

Но Бурлаков удержал его рывок, и Андрей, нехотя успо-

каиваясь, перевёл дыхание.

Из спальни появился и подошёл к ним Эркин.

– Слушай, Андрей, может, уже можно сказать? А то Женя обижается.

Андрей посмотрел на него и заставил себя улыбнуться.

– Нет, брат, сюрприз он до конца сюрприз, – и Бурлакову. – Пусти уж, чего ты меня... – и, не договорив, дёрнул плечом, высвобождаясь.

Улыбнувшись, Бурлаков отпустил его. Андрей ещё раз перевёл дыхание, посмотрел на дверь Алисиной комнаты.

– Ну, племяшка, я ещё до тебя доберусь.

– Да? – сказала из-за двери Алиса. – Так ты по-всякому обзываешься и меня доводишь, и язык тебе ни разу не мыли.

– Чего-чего? – удивился Андрей.

– За грязные слова язык мылом моют, – Алиса рискнула приоткрыть дверь на щёлочку. – Вот.

– И кто тебе мыл? – развеселился Андрей.

Эркин покраснел, а Алиса уже бесстрашно – ситуация явно переменялась в её пользу – вышла в прихожую.

– Эрик, конечно. Он и тебе вымоет. Эрик, ты и ему язык вымой, он, знаешь, как меня обозвал.

Положение Эркина было безвыходным, но из спальни вышла Женя.

– Это всё потом, – распорядилась она. – Уже пять часов, всего два часа осталось. Андрей, так сколько ещё народу будет? Уже честно.

– Двое, Женя, они к семи обещали.

– И кто они? – со спокойной требовательностью спросила Женя.

– Женя, – Андрей даже руку к сердцу приложил, – клянись, они тебе понравятся. Ну... ну, это сюрприз, Женя. Ну, Женечка, ну, подожди, вот увидишь их, это... – он на мгновение запнулся, подбирая слова. – Это такие люди, Женя, всё будет хорошо, Жень, ну, поверь на слово.

– Ладно, – наконец улыбнулась Женя, не в силах противостоять его улыбке. – Поверю.

Эркин перевёл дыхание и улыбнулся: обошлось.

Всего два часа осталось, надо доделать стол, кухню и себя в порядок привести, времени в обрез. И Алиса чтоб хоть часок поспала, а то будет за столом зевать.

– Алиса, или сейчас поспишь, или как хочешь, но тогда в девять в постель.

– Сейчас, – вздохнула Алиса.

И Женя снова начала распоряжаться и командовать.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Вылет в четыре пятнадцать. Ну, почему нужный рейс всегда в самое неудобное время? А если рейс через границу, то ещё паспортный контроль, таможня и прочие прелести. Вот, в самом деле, пожалеешь, что Россия ограничилась капитуляцией и контрибуцией, не проведя присоединения, стали бы тогда все маршруты внутренними, без идиотских и мешающих заморочек. А ковбой обещал прийти прямо к самолёту, так что всё на нём, и... Джонатан, чертыхаясь про себя, вежливо попрощался с таможенником, проводил взглядом уплывающие по багажному транспортёру коробки с их подарками и пошёл к выходу на поле. И уже в трёх – не более – футах от дверей он услышал за спиной знакомые шаги и обернулся.

Его нагонял Фредди, в тёмном, стянутом поясом плаще, фетровая шляпа «полуковбойского» фасона, в руке чемоданчик-кейс, с каким он обычно ездит в Россию. Значит, всё-

таки заезжал на квартиру, в пятницу ушёл без него. Ну... ну...

– Не надуйся, лопнешь, – тихо посоветовал Фредди, поравнявшись с ним.

– Я это тебе ещё припомню, – так же тихо ответил Джонатан.

– Я подожду, – покладисто согласился Фредди.

Самолёт был русским, и всё, включая комплекцию стюардесс, радовало основательностью. Джонатан сел поудобнее и посмотрел на часы.

– Четыре часа летим, – ответил Фредди. – Можешь спать.

– Сволочь ты, ковбой.

– Грамотная, – уточнил Фредди и повторил: – Спи, Джонни, на завтрак я тебя разбужу.

– Иди к чёрту, – закрыл глаза Джонатан.

Фредди откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Если он ни в чём не лопухнулся, то обоснование у них будет железное и с далёкой перспективой. Даже если и есть накладки, то это не страшно. Их джексонвиллская беготня тоже сработает. Полиция любит мозаики складывать, вот и подкинем ей камушков, чтобы картинка по нашему вкусу получилась. Вылет полиция отследила, все топтуны по местам торчали, багаж наверняка и просветили, и пронюхали, и на зуб попробовали. Пускай. Записей нет, кассеты прослушаны и стёрты, тексты уничтожены. Так что парень не засветился, если только их телефон не на постоянной прослушке. Но это вряд ли.

Не того они полёта птицы, чтоб так вокруг них суетились. Джонни вес набирает чисто, а к Экономическому клубу полиция всегда была с полным уважением. Нет, должно получиться здоровско. А пока можно расслабиться и вздремнуть.

Что-то ковбой задумал, уж больно морда у него хитрая. И одна отговорка: «Не бери в голову». А про обоснование заикнулся, так стервец ржал похлеще табунного жеребца. Нет, что-то у ковбоя заготовлено. Ну, посмотрим. До Korchevo – ну, до чего у русских названия заковыристые – можно спать спокойно.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Работа на такси была непростой, и к тому же, как догадывался Тим, его на такси неспроста отправили, но она, пожалуй, самая доходная из возможных, и потому он не спорил. Теперь у него бывали и субботние, и воскресные, и ночные смены – всё, как и положено. Сегодня он с пятнадцати и до двадцати трёх. Может, и дольше, если подвернётся выгодный

рейс, такое уже бывало. Выручку всё равно сдавать в восемь утра. Километры по спидометру умножаем на таксу, а что сверх, то твоё. Да ещё зарплата. Правда, и машину за свой счёт обихаживаешь, но это если что сверх нормы ставишь или делаешь. Как и положено. Не нами заведено, не нам и ломать. Нет, Тим ни на кого в обиде не был.

Воскресное утро, возня с детьми, домашние хлопоты – Тим никогда не думал, как это может быть приятно. Как всегда, в воскресенье его разбудили дети. После рождения Машеньки он всё ещё спал в гостиной на диване – пришлось купить ещё тумбу для белья, а то диван без нижнего ящика – и дверь на ночь не запирает. Так что Дим с Катей врываются к нему утром беспрепятственно. И сегодня он проснулся, когда Дим по своему обыкновению начал прежде, чем войти, крутить и дёргать дверную ручку.

Тим проснулся, но лежал с закрытыми глазами и, молча улыбаясь, слушал знакомые шорохи и позвякивания.

– Пап, ты спишь? – спросил голос Дима.

– Нет, – улыбнулся Тим и открыл глаза. – Входите.

Дим в пижаме и Катя в длинной ночной рубашке вбежали в гостиную и с хода полезли к нему на диван. Началась весёлая возня, прыжки и кувыркания. Наконец, Дим уселся верхом ему на грудь, а Катя свернулась клубком у него под боком, и начался разговор о великих воскресных планах. Правда, полувеликих, потому что с обеда Тим уйдёт на работу, но до обеда... их время!

В разгар обсуждения пришла Зина и погнала Дима с Катей умываться и вообще нечего в ночном бегать, а когда малыши убежали, села на край дивана рядом с Тимом.

– Разбудили они тебя?

– Нет, – Тим блаженно потянулся, закинув руки за голову. – Как Маша?

– Спит, – улыбнулась Зина. – Покушала хорошо и спит. Она у нас умница.

Тим кивнул. Умна Маша или нет, он не знал – слишком мало её видел, да и какой ум у такой... даже не малявки, у таких, что у груди, даже кличек не бывало, малявка – это уже с года, мелюзга питомничная, да и те ещё дураки... – но с Зиной охотно соглашался. И... это же его дочка, отчего ж ей не быть умницей. Он потянулся ещё раз и сел, поцеловал Зину в щёку. Она смущённо покраснела и вздохнула.

– Ох, Тимочка, до трёх месяцев нельзя, ты уж потерпи, ладно?

– Ладно, – кивнул Тим и прислушался к детским голосам за дверью. – Пора.

– Пора, пора, – закивала Зина и встала.

Началось утро, началась круговерть мелких, обычных, а потому и нетрудных дел. Хозяйственные хлопоты, прогулка с детьми – это его дом и это его жизнь. Тим уже не думал и не вспоминал, а просто жил. И поминал добрым словом Старого Сержа.

На улице было тихо, иногда сыпал мелкий снег, но не вет-

рено. Для санок ещё рано, маловато снега, да и ручей в овраге ещё не промёрз, как раз со склона в воду влетишь, но они и так погуляли по свежим тропинкам. Гуляли многие из их дома, и, пока детвора с визгом гонялась друг за другом, мужчины постояли и покурили под солидный неспешный разговор о политике. Футбол-то уже кончился, а хоккей – о нём тоже в газете писали – никто не видел, а говорят, что вроде футбола, только по льду, ну да ладно, а ты вот о другом скажи...

Тим с удовольствием поговорил и об этом. Как все, приехавшие до Нового года, он мог голосовать, на выборах в городскую Управу уж точно, и отказываться не собирался. Не то, чтобы уж очень интересовался этим, но ему же и детям его здесь жить, так что, кто в Управе сядет, так на твоей же шкуре и скажется.

Дома их ждал воскресный обед. Может, и рановато, но Тиму на работу сегодня. Хочешь в три выехать, так в два на месте будь, а чем раньше выедешь, тем больше заработаешь.

После обеда, пока Зина убирала со стола, он посидел в спальне возле кровати, разглядывая спящую Машеньку. От неё смешно и непривычно пахло молоком и Зиной, и спала она смешно, причмокивая во сне пухлыми губками. Наверное, она и вправду красивая, ему так все говорят, и Зина, и Лариса Иннокентьевна – патронажная сестра, что раз в неделю приходит к ним, он уже пару раз сталкивался с ней, а уж она-то много детей повидала, и Баба Фима... Не могут же все

вот так, не сговариваясь, врать, просто он мало младенцев видел, вот и не различает. И что она на него похожа... Ну, он-то сам не такой уж красавец, а то бы не в телохранители, а в спальники – упаси господи – отобрали бы, так, нормальный негр... А Машенька смуглая, но светлее него, и носик пуговкой... Стоя в дверях спальни, Зина умиленно вздохнула, потом тихо подошла и села рядом с Тимом. Не отводя от кровати глаз, Тим завёл руку ей за спину и обнял за плечи. Зина, снова вздохнув, прислонилась к нему, положив голову на твёрдое тёплое плечо мужа.

Машенька громко причмокнула и закричала, вздрогнула и подняла голову Зина, Тим посмотрел на часы и встал.

– Мне пора.

– Ага-ага, – Зина встала и наклонилась над кроватью. – Опять мокрая? Сейчас сделаем, а папка наш на работу пойдёт, денежку заработает.

Под её воркующий ласковый говор Тим вышел из спальни.

Собирался он как всегда быстро и продуманно: тёплое армейское бельё, фланелевая рубашка – для свитера ещё не настолько холодно, джинсы, бурки, полушубок, ушанка – снег уже плотно лежит, так что нужно по-зимнему, бумажник, ключи, кастет и нож – всякое может случиться и лучше без штанов, чем без оружия.

Зина вышла в прихожую, когда он был уже готов на выход.

– Пошёл?

– Да. Смена до полуночи, не жди меня.

Как всегда, перед работой он говорил отрывисто и резко, но Зина не обижалась: понятно же, что не на гулянку собирается, работа на машине нервная. Тим кивнул ей и вышел.

На улице лёгкий морозец, под бурками чуть поскрипывает свежий снежок. Прохожих мало: время-то для всех обеденное. Шагалось весело, в охотку, и до комбината он дошёл быстро. В киоске у ворот купил пачку сигарет и галеты, чтобы пожевать в дороге, если что непредвиденное.

В проходной, сидя, дремлет Тимофеич и, похоже, не открывая глаз, кивает в ответ на приветствие Тима, но эта дремота обманет только незнающего. У них в десятке это – спать, но при этом всё видеть и слышать – лучше всех получалось у Гэба, но и он сам такое умел, всех учили.

Во дворе и в цехах пустынно, редкие встречные уважительно и весело здороваются с ним, он отвечает так же. В бытовке переодеться, полушубок, бурки и джинсы убрать в шкафчик, надеть старые брюки – уж очень карманы там удобные, да и привычней ему за рулём в них – старые ботинки и куртку.

– Здорово, Дмитрич, – окликнул его от своего шкафчика рыжеусый Родион. – В рейсе сегодня?

– Да, – кивнул Тим, привычно хлопывая на себе куртку и проверяя, всё ли на своих местах. – А ты?

– Пошабашил уже. Ну, счастливой работы.

– А тебе хорошего отдыха, – ответно улыбнулся Тим.

Хотя он теперь и на машине, но из старой бытовки не ухо-

дил: свыкся уже с соседями, приспособился, да и в цеху ему тоже случается работать, и вообще всегда лучше со своими.

Его ярко-жёлтая с боковой полосой в чёрную шашечку «пегашка» стояла в своём боксе. Тим похлопал, здороваясь, её по капоту и начал предрейсовый осмотр.

Всё было в порядке, и без семи три Тим подъехал к воротам и пошёл в диспетчерскую за маршрутным листом.

– Привет, – весело поздоровался он с Зоей. – Заказы есть?

– Привет, – улыбнулась она в ответ. – Сегодня свободный, держи. Сколько намотаешь – всё твоё.

– Понял, – Тим взял лист, свернул и вложил во внутренний карман куртки.

– В Ижорск к поезду рванёшь?

Тим покачал головой.

– Не те рейсы, в Сосняки поеду.

– Ни пуха, ни пера тебе.

– К чёрту, – весело ответил Тим, выходя из диспетчерской.

Ворота уже раскрывались, Тим сел в машину и мягко стронул её с места.

На всякий случай он поехал широким кругом по городу: вдруг кого куда подкинуть надо. В Старый город заворачивать нет смысла: там такие поездки заранее планируют и тогда оставляют заказ с точным временем и маршрутом, а если что вдруг наскоро, то предпочитают лошадь, да и неудобно «пегашке» на узких проулках между заборами, а вот сюда...

сюда заглянуть стоит.

За городом с другой стороны потихоньку рос и разрастался ещё один квартал. Не избы, а дома, с водопроводом, канализацией и паровым или водяным отоплением, а сады не для урожая, а для удовольствия. Здесь жило заводское начальство и прочие... с деньгами и претензиями. Тим знал, что зовут этот квартал «Дворянским Гнездом», но почему... говорят, есть книга с таким названием, но на чтение не по школе времени совсем не остаётся. Да и какое ему дело до названия, а вот то, что здесь вполне мог найтись желающий проехать на такси, скажем, в Торговые Ряды за покупками – вот это уже и важно, и значимо.

Тим не спеша, выжидая ехал по улице между красивыми фигурными заборчиками палисадников. Дома – где деревянные, где кирпичные, где под камень оштукатурены – все красивые и одни похожи на картинки из учебника истории – Тим даже вспомнил название: терем, а другие – на знакомые по Алабаме коттеджи.

И он угадал! С тротуара ему призывно махнула рукой женщина в чёрной каракулевой шубе и такой же шапочке, а рядом с ней стояло два чемодана, и Тим с трудом удержался от радостной улыбки: не иначе как на вокзал, а сейчас поездов нет, так что до Ижорска наверняка.

Но оказалось ещё лучше.

– В Сосняки, в аэропорт, – сказала женщина, едва он прилёг машину к бордюру рядом с ней.

– Хорошо, – кивнул Тим и вышел уложить чемоданы в багажник.

Он уже захлопнул багажник, когда распахнулась дверь дома, и к ним по заснеженной дорожке подбежал молодой, но с заметным брюшком мужчина в белой мятой рубашке со съевшим набок галстуком и в лакированных полуботинках.

От него сильно пахло спиртным.

– Слушай, не дури, ну, какого рожна тебе надо, – быстро затараторил он ещё на бегу. – Ну, нашла из-за чего... Из-за какой-то шлюхи...

Женщина словно не слышала его, а уж Тиму, тем более, безразлично. Он распахнул перед женщиной заднюю дверцу, а когда она села, занял своё место и стронул машину.

– Ты ещё пожалеешь! – крикнул им вслед мужчина, зябко охватывая себя за плечи. – На коленях приползёшь, не приему!

– Не дождёшься, – тихо ответила женщина, достала из сумочки носовой платок и заплакала, уткнувшись в него лицом.

Тим вёл машину легко, с привычной сосредоточенностью. Дорога только припорошена снегом, а шины «пегашке» он ещё когда сменил на зимние, так что не идёт, а поёт машина. Русские машины вообще ему нравились своей надёжностью, кузов и салон, конечно, не «линкор», но... любой «линкор», кроме «тревела», пожалуй, на здешних дорогах сдохнет в момент, ну, так «тревел» на то и внедорожник экстра-клас-

са, по проходимости только армейским, да и то не всем уступит. Ему говорили, да и в книгах по автоделу попадалось о машинах с «другой» стороны, из-за «дальней» границы: английских, немецких и французских, но пока ни одной в натуре он не видел, а картинки... они, конечно, о многом расскажут, но пока руками не пощупаешь – одна трепотня.

Городки, деревни, посёлки... всё мимо, он не рейсовик, сам себе маршрут прокладывает. Карта на колене, бегущая навстречу дорога, ощущение скорости в лежащих на руле ладонях, а к снежной белизне он уже привык, совсем она не мешает.

Женщина перестала плакать, вытерла лицо и убрала платок, откашлялась, прочищая горло.

– Долго ещё?

– Не очень, – ответил Тим и, бросив короткий взгляд на карту, уточнил: – Меньше, чем проехали.

– Хорошо. В аэропорт, пожалуйста.

Тим молча кивнул: про аэропорт она уже говорила, так что могла и не повторять.

С этой стороны заезжать к Соснякам удобнее: как раз через аэропорт. Вот уже и поле видно, и самолёты. Женщина снова открыла свою сумочку и завозила в ней. Она что, деньги ищет? Хреново, если так, но будем надеяться на лучшее.

Тим подрулил к самому входу и мягко затормозил.

– Приехали.

– Да, спасибо, – перегнувшись через спинку переднего сиденья, она протянула ему деньги. – Сдачи не надо.

– Спасибо.

Тим взял деньги, щёлкнул выключателем замка багажника и вышел достать чемоданы. У машины уже стоял наготове со своей тележкой носильщик. Тим достал из багажника чемоданы, захлопнул крышку и снова сел за руль. Его работа закончена, и эта женщина с её проблемами его никак и никаким боком не касается. Он отъехал к стоянке междугороднего такси.

Машин здесь было немного. Две из Ижорска и одна местная, Тим оказался четвёртым. Подошёл диспетчер в лётчицкой куртке и армейской фуражке с кокардой гражданской авиации.

– А, Чернов. Как доехал?

– Привет, Капитан, – Тим уже хорошо знал, что этот на прозвище откликается охотней, чем на имя. – Караси есть?

– Через полчаса рейс из Печенги, может и подгребут.

– Из Печенги не караси, – хохотнул подошедший к ним ижорец. – Белорыбица северная в полтонны весом.

Тим вышел из машины и охотно поддержал шутку.

– Лишь бы рессоры выдержали, а белорыбицу не упустим.

Подошли и остальные шофёры. Одного из ижорцев – рыжеусого Максима – Тим встречал и раньше, у них явно совпадали смены. Второго ижорца звали Романом, а местного – пожилого, если не сказать старого – Иванычем.

– Загорье? – переспросил он, когда Тим назвался. – Знаю, возил туда, не ах дорога.

Тим кивнул, но возразил:

– На Чернушку хуже.

– Сравнил! – хмыкнул Роман. – То вообще просёлок, пока не промёрзнет, не проедешь.

Не спеша, всей компанией подошли городские – человек десять. Разговор стал общим. Тим держался со спокойной уверенностью. В первый раз он приехал в Сосняки с Анисычем. Анисыч работал на такси уже десятый год, знал всё и всех, за его спиной Тим и вошёл в круг. Покосились, конечно: ещё один водила – на одного клиента меньше, но промолчали, он же не сам по себе, не городской фраер на подработке, а от хозяина, а хозяйство загорское на всю округу знаменито, оценили и его умение молча слушать, и знание машины – это-то сразу видно, как подъехал и на стоянку зарулил, так свой класс и показал.

Футбол, политика, погода, всякие местные происшествия... Тим охотно поддерживал общий разговор: он читал те же газеты, что и все, ходил, как все, в кино, да и всё у него, как у всех, как и положено.

Рейс из Печенги белорыбицу не привёз, но караси были. Хватило и городским, и двум первым на их стоянке: Иванычу и Роману. Максим, а за ним Тим сдвинули свои машины, сейчас начнут подъезжать к рейсу на Белогорск и можно будет перехватить обратку. И как в воду смотрели! К крыль-

цу дружно подкатило сразу пять машин. Но двое – не такси, привезли своих и пошли внутрь провожать. Из такси один тут же уехал, видно, смена уже вышла, ещё один подрулил к городским, а пятый...

– Чайник? – угрожающе спросил Максим.

Помедлив, Тим кивнул. Да, «чайник» – ни патента, ни лицензии, ни по найму, сам по себе перехватывает по маленькой, цену сбивает. Шакал! Тим, а за ним Максим молча вышли и встали рядом перед своими машинами. Так же сделали и остальные. И «чайник» понял, что здесь не отломится, а схлопотать вполне можно, и тихо, словно крадучись, уехал.

Тим удовлетворённо кивнул и посмотрел на часы. Скоро рейс из Скопина, может, и пофартит.

Женя перевела дыхание, оглядела стол и скомандовала:

– Всё, теперь одеваться. Эркин, я тебе всё приготовила, Андрей...

– Слышу, Женя, – Андрей был сама кротость. – Уже иду.

В спальне на половине кровати Эркина лежали его нарядные брюки, новые рубашка, жилет и галстук, носки, на полу стояли его полуботинки. Эркин оглянулся на дверь спальни, но решил, что Женя как раз сейчас Алису переодевает, так что можно и не запирается. Он быстро расстегнул и скинул ковбойку и джинсы, после секундного размышления передел и трусы. Рубашка, носки, брюки, полуботинки, теперь повязать галстук и уже тогда заправить рубашку в брюки –

вроде, его когда-то учили именно в такой последовательности одевать беляков и беляшек, что под мужчин выделяются, но это было очень давно. С галстуком он справился легко: малец толково показал и научил. Так, теперь жилет...

Стукнув костяшками по косяку, в спальню вошёл Андрей, одетый по-праздничному: хорошие брюки и блестящие ботинки, белая рубашка и нарядный полосатый жилет, – в руках пакет с галстуком.

– Слушай, – Андрей смущённо улыбнулся. – Ты знаешь, как с этой хренотенью обращаться?

– Давай, – взял у него пакет Эркин. – Голову подними.

Андрей послушно задрал подбородок. Эркин поднял ему воротник рубашки, достал из пакета галстук и взялся за работу.

Дверь Андрей оставил открытой, и Бурлаков, как раз шедший из ванной – он решил ещё раз побриться – остановился в коридоре и молча смотрел, как стоит навытяжку, высоко подняв, даже чуть запрокинув голову, Серёжа и Эркин завязывает ему галстук. Володька тогда собирался на выпускной, галстуки не признавал, но Римма настаивала, и после небольшой перепалки Володька сдался, и он пришёл как раз к концу, когда Римма завязывала Володьке галстук, а тот терпел с видом несправедливо приговорённого.

Андрей почувствовал его взгляд и повернул голову. Бурлаков вздрогнул и отошёл, а Эркин сердито – он не был уверен, что делает всё правильно – сказал по-английски:

– Не трепыхайся.

В спальню вбежала Женя.

– Эркин, Андрюша, вы готовы? Тогда идите, я сейчас.

– Да, Женя, – Эркин опустил руки и оглядел Андрея. –

Ты как?

Андрей сглотнул.

– Дышу пока. Я думал, ты меня совсем удушишь.

– Идите-идите, – почти вытолкала их Женя. – Мне переодеться надо.

– Как скажешь, Женя, – склонился в полупоклоне Андрей. – Пошли, брат.

Эркин кивнул.

– Мы будем в гостиной, Женя.

– Хорошо, идите-идите, – нетерпеливо отмахнулась Женя.

И когда они вышли, заперла за ними дверь.

В гостиной на диване сидела Алиса в новом ярко-голубом – под цвет глаз – платье. Увидев Эркина, она соскочила на пол.

– Эрик, посмотри, я красивая, да?

И закрутилась перед ним, демонстрируя пышную юбочку, белый кружевной воротник во все плечи, локоны с белыми бантами у висков, лаковые белые туфельки, а на рукавах манжеты с блестящими пуговками, а локоны мама завила, вот так, называется спиральками.

– Я красивая, Эрик?

– Красивая, – улыбнулся Эркин.

– Ты тоже красивый, правда-правда.

– Спасибо, – улыбаясь, но очень серьёзно поблагодарил

Эркин.

– А мне показаться не хочешь? – ухмыльнулся Андрей.

– Ты дразниться станешь, – ответила Алиса и круто повернулась на месте, раздув юбочку. – Дедушка, я красивая?

– Лучше всех, – ответил, входя в гостиную, Бурлаков.

Увидев его, Андрей так и замер с открытым ртом: вместо обычного галстука бабочка, тёмная, почти чёрная, блестящая с яркими тёмно-красными, рубиновыми – вдруг вспомнилось, словно само по себе всплыло в памяти нужное слово – отблесками. Эркин удивлённо переводил взгляд с него на Бурлакова и обратно. Замолчала и Алиса, тоже ничего не понимая.

– Это что? – наконец смог выговорить Андрей. – Та самая?!

– Что ты, – грустно удивился Бурлаков. – Откуда? Это я сейчас купил, перед поездкой, – успокаивающе улыбнулся Алисе. – Чтобы быть при полном параде.

– Правильно, – согласилась Алиса, разряжая обстановку.

И уже Бурлаков оглядел Алису, Андрея и Эркина, выразив полное удовлетворение их видом и даже восторг.

Что делать, теперь никто не знал, и они просто сели на диван и стали ждать Женю.

На скопинский рейс Тим особо не рассчитывал, ну, не больше, чем на любой другой. И, когда увидел бегущего к ним через площадь диспетчера, подмигнул Максиму.

– Кажись, таки-да, – пробормотал Максим и уже распахнул свою дверцу, но...

– Чернов! – выдохнул диспетчер. – Давай...!

– Чего?! – возмутился Максим. – Мой черёд!

– С той стороны, – диспетчер перевёл дыхание. – По-нашему ни бум-бум. И на Загорье им.

– Тогда понятно, – согласился Максим. – А что, Капитан, хороши караси?

– Акулы цельные, – отмахнулся диспетчер.

– Садись, – распахнул перед ним дверцу Тим. – Подброшу. Да, а акулы – это кто?

– Давай-давай, мне вон завал разгрести, – и Капитан пошёл к спорящим с городскими таксистами трём мужчинам в полушубках и лисьих ушанках, бросив через плечо: – Рыбы такие, человека пополам перекусывают.

Разворачиваясь и подъезжая к дверям аэропорта, Тим всё пытался вспомнить, как эти... эта... *akula* зовутся по-английски, вроде читал про них, но из дверей уже вышли двое, одетых явно не по-здешнему, а носильщик вывез на своей тележке две упакованные по-магазинному коробки. Ну, всё побоку, работаем.

Все аэропорты, как и вокзалы, одинаковы. В принципе,

полёт проходил нормально, немного смешила и раздражала уверенность ковбоя, но тот и в самом деле уже проехался по этому маршруту, и не раз, так что всё понятно и оправданно.

В Скопине они привели себя в порядок – Фредди сказал, что потом времени на это уже не будет – и Джонатан вынужденно, но с невольным удовлетворением признал, что всё идёт по плану без отклонений от графика. Фредди кивнул, но не съязвил, а продолжал помалкивать, улыбаясь с насмешливым благодушием.

Кофе в буфете аэропорта напоминал нормальный только своим названием, да ещё – очень отдалённо – цветом.

– Как ты можешь это пить?

– Костровое под конец перегона ещё хуже, а ты можешь взять себе чай, – благодушно огрызнулся Фредди.

Джонатан подозрительно оглядел блестящее сооружение в углу стойки с экзотическим названием: samovar – Фредди его уже просветил – и покачал головой.

– Обойдусь.

– Как?! – удивился Фредди и перешёл на ковбойский говор: – Лорды, они ж без чаю никуда, каждый день с пяти часов наливаются.

Не меняя голоса и улыбки, Джонатан так же по-ковбойски ответил, куда Фредди может засунуть лордов с их пятичасовым чаепитием.

– А-а, – понимающе протянул Фредди. – Так ты не лорд, а подпасок. Тогда лопай, что дают, и не вякай.

Пришлось проглотить вместе с кофе: ковбой любит, чтоб последнее слово было за ним, так не будем ему противоречить в таком пустяке.

Последний перелёт был совсем коротким – по местным масштабам – и неустойчивым. Облака поредели, открыв белую равнину.

– Здесь и впрямь зима, Фредди.

– Ну, нас же предупреждали.

Джонатан кивнул. Предупреждён – уже вооружён. Это он ещё от деда – светлая ему память – слышал, и потом не раз убеждался в правоте старой мудрости. Подготовились они согласно предупреждению и, значит, вооружены.

Посадка, выгрузка, объяснения с диспетчером по поводу такси – объяснялся Фредди, и, к изумлению Джонатана, его, похоже, понимали.

Холодный злой ветер ударил им в лицо, как только они вышли из дверей аэропорта на просторную и, не сказать, чтобы забитую людьми и машинами, площадь.

– Здесь всегда так?

– По-всякому, – ответил Фредди. – Ага, это к нам.

Перед ними развернулась и застыла, припечатавшись к заснеженному асфальту, ярко-жёлтая машина с полосой в чёрную шашечку вдоль борта. Щёлкнул замок багажника, и из машины вышел высокий... негр. В меховой русской шапке, но... куртка, ботинки, брюки... как у Чака, полная форма. Совсем интересно. Их ждали, или случайное совпадение?

Ковбой явно не в курсе.

Что перед ним и в самом деле... зубастые рыбы, Тим понял сразу, даже нужное слово выскочило в памяти: sharks – и картинка соответствующая. И дело не в одежде, хоть она и дорогая, а... а в них самих, в их хозяйской, господской уверенности, особенно у того, что стоит впереди, а за ним... телохранитель? Белый телохранитель?! Это ж какие деньги надо иметь, чтоб так шикавать? Багажник уже открыт, и носильщик укладывает коробки. Тим вежливо улыбнулся.

– Добрый день, джентльмены, прошу вас, – и распахнул обе дверцы.

Если их и ждали... отказываться нет повода, вещи уже в багажнике, Фредди расплачивается с носильщиком, отступить поздно. Джонатан сел сзади, а Фредди впереди.

Тим захлопнул дверцы, быстро обежал машину и сел на своё место, положил руки на руль, ожидая приказа.

– Загорье, – сказал Фредди и после недолгой паузы, так как негр не двигался, продолжил: – Цветочная, тридцать один.

– Загорье, Цветочная, тридцать один, – рефлекторно повторил Тим, с трудом осознавая адрес. За ним? Старый Хозяин нашёл его и прислал... этих... зачем? Ну... ну... – А какая квартира, сэр?

– Это имеет значение? – с мягкой насмешкой спросил Джонатан.

Тим, стараясь сохранить спокойствие, судорожно приду-

мывал правдоподобный ответ.

– Там несколько подъездов, сэр.

Фредди кивнул: ему ещё тогда парни говорили, что дом большой, за что и прозван «Кораблём» – и ответил:

– Семьдесят седьмая.

Тим незаметно перевёл дыхание: не к нему, уже легче – и повторил:

– Да, сэр, семьдесят седьмая, – и стронул машину.

Мягкий плавный ход машины поставил всё на место, что так оно и есть, и Джонатан рискнул начать игру.

– Гриновский?

Если откажется, значит – ловушка, они вляпались и надо соображать, во что, и как выбираться, а если подтвердит...

Но ответили вопросом:

– Это имеет значение, сэр?

К удивлению Тима, сидевший рядом с ним телохранитель негромко, рассмеялся, а задний улыбнулся и ответил совсем неожиданно:

– У нас работает один такой. Из последней десятки, – Джонатан сделал паузу, ожидая вопроса, но негр молчал, а в зеркальце он видел его напряжённо ожидающие глаза и поэтому сделал следующий шаг, назвав имя: – Чак.

Лицо негра оставалось спокойным, но Фредди чувствовал, что разговор берёт парня за живое, и подыграл мягким, почти добродушным:

– Помнишь его?

– И кем он работает, сэр? – напряжённо спросил Тим.

– Шофёр и автомеханик, – ответил Джонатан.

– Чак согласился на шофёра?! – вырвалось у Тима.

И опять пассажиры удивили его.

Джонатан с удовольствием рассмеялся: такое изумление было в голосе водителя, а Фредди, усмехнувшись, ответил:

– Ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться.

Фраза показалась Тиму знакомой, но где он её слышал или даже читал... не вспомнишь вот так с ходу.

За разговором они выехали из города, и теперь их окружала заснеженная, чуть голубеющая в ранних сумерках равнина.

Фредди с интересом рассматривал распахивающийся за лобовым окном пейзаж: столько снега он ещё не видел. Нет, и в Аризоне снег бывает, да только не лежит дольше двух-трёх дней, а здесь... осень ещё, октябрь, а как в январе.

– Совсем зима, – сказал Джонатан, так же смотревший в окно.

И Тим, почувствовавший, что можно, откликнулся:

– Немного запоздало, сэр, но снег прочно лёг.

– Езде не мешает? – спросил Фредди.

– Есть резина специальная, ещё цепи, навески разные...

Нормально, сэр, – с такой же спокойной деловитостью ответил Тим.

– Понятно, – кивнул Фредди.

В машине тепло, и Джонатан распахнул плащ, открыв меховую подкладку. Он совсем успокоился, что ловушки нет, простое совпадение, редко, но бывает. Станет ли оно удачным... посмотрим по обстоятельствам. Но до чего же живучи гриновские, ведь устроился, в чужой стране, и, судя по его виду, неплохо устроился, надо же, таксист, это значит, не только карту, но и язык знает.

Фредди невольно прислушивался к ровному, но какому-то непривычному гулу мотора. Что ж, похоже, для России русская машина неплохо и даже хорошо, или это класс водительский? Очень мягкий ход, а скорость приличная.

Что в дороге языки развязываются и с шофёром легко болтают, Тим знал ещё по прежней, даже до Грина жизни, а здесь убедился, что русские – такие же люди, и охотно поддерживал любой разговор, считая это своей профессиональной обязанностью. И сейчас он спокойно и в меру доброжелательно отвечал на вопросы об особенностях русских дорог и машин, привычно вставляя «сэр», но без излишней почтительности. Они ему не хозяева, а пассажиры. Но фраза Капитана о рыбах, что человека перекусывают, сидела в памяти, и с каждой минутой он всё больше убеждался в правоте диспетчера. И хотя всё спокойно и как надо, как положено, но внимания терять нельзя.

Маленькие, то ли городки, то ли посёлки стремительно пролетали мимо, или это машина пролетала сквозь них, и тогда становилась заметной скорость, и опять снежная рав-

нина, сливающаяся на горизонте с небом.

Джонатан вдруг скомандовал:

– Разворачивайся!

Тим еле заметно пожал плечами и стал плавно тормозить для разворота, а то по снегу на такой скорости так занесёт, что и перевернуться недолго.

Фредди круто обернулся назад.

– Сбрендил?

– Цветы забыли, – словно не заметил угрозы в его голосе

Джонатан.

– Чёрт, – вынужденно согласился Фредди и поглядел на часы. – Подожди, парень, по дороге есть магазин?

Тим уже почти закончил разворот, но остановился и ответил:

– Есть хозяйство, где выращивают цветы на продажу, «Флора», там можно купить.

– Давай в темпе, – распорядился Фредди.

– Да, сэр, – кивнул Тим и стал возвращаться на прежний курс.

Всякое он повидал, но, чтобы телохранитель командовал хозяином... хвост собакой не вертит. Так что, всё – игра? Кто же здесь главный? До сих пор всё было понятно, но теперь... как-то на уроке шауни говорили о кочевье, и кутойс сказал: «Не важно, кто едет впереди, важно – кто командует: стой». Похоже, здесь так же. Неважно, кто сидит на господском месте, важно, кто командует маршрутом. Но здорово

они его разыграли, почти поверил, или... да к чёрту беляков этих с их вывертами, его какое дело, кто у них главный. Не пропустить поворот на «Флору» – вот о чём думать надо.

Скорость увеличилась, и машину стало слегка и даже приятно покачивать, но мотор гудел по-прежнему ровно и ненапряжённо.

– Сам регулируешь?

– Конечно, сэр.

Фредди усмехнулся.

– Коня сам корми, чтоб знал тебя, а не конюха, – сказал он по-ковбойски.

И Тим невольно улыбнулся, чувствуя, что не может не подхватить игру.

– Завсегда такое, масса, – ответил он нарочито рабским говором.

И оба с удовольствием захохотали.

Рассмеялся и Джонатан. До чего же ловок ковбой, две фразы – и есть контакт. Вон уже совсем по-свойски болтают, а гриновского приручить – это высший пилотаж.

– Машину арендуешь или кредит взял?

– Нет, сэр, – покачал головой Тим, но без малейших признаков сожаления. – Я в хозяйстве работаю. На автокомбинате.

– Ага, – понимающе кивнул Фредди. – Зарплата и чаевые, так?

– Точненько, масса.

– Неплохо.

– Не жалуюсь, сэр.

– И давно здесь?

– С Нового года, сэр.

Фредди понимающе кивнул: значит, тоже от Хэллоуина сбежал, да, наворотили тогда, но об этом лучше не спрашивать, мину из любопытства не ковыряют, но интересно: в Колумбии тогда Чак, судя по всему, в одиночку орудовал, а этот где тогда отрывался и счёты сводил? Но пока это не нужно, а, значит, и не важно.

Снег уже не голубой, а синий, и небо тёмное. Тим включил фары.

Джонатан озадаченно посмотрел на свои часы.

– Почему так темно? По часам ещё...

– Шестой час, сэр, – ответил Тим. – Уже вечер, – и пояснил: – В декабре в три уже темно.

– Однако, – неопределённо сказал Джонатан.

Тим почувствовал себя задетым, а тут ещё Фредди добавил:

– Нашёл место для жилья, только мигнул и дня нет.

И Тим решился ответить.

– Длинная ночь очень удобна, сэр, всё успеваешь.

Насчёт того, чем в зимнюю ночь заниматься, чтоб хоть и темно, да не холодно, балагурили и в бытовке, и в мужской курилке много, вот он и не сдержался.

Джонатан и Фредди с удовольствием расхохотались.

– И много успел? – спросил сквозь смех Фредди.

Тим самодовольно усмехнулся.

– Троиш, сэр.

– Ух ты, чтоб тебя...! – восхитился по-ковбойски Фредди. – Это с Нового года и троих отковал?! Ну, кузнец!

– Двоих с собой привезли, – всё ещё улыбаясь, объяснил Тим. – А третья уже здесь родилась, – и с гордостью: – Коренная гражданка.

Фредди даже присвистнул: о таком обороте он не знал и не думал, это стоит обмозговать, потому как придётся учить.

Поворот, ещё поворот, разъезженная грузовиками колея, призрачные силуэты теплиц за сетчатым забором вдоль дороги, а с другой стороны... похоже, сады.

– Большое хозяйство, – задумчиво сказал Джонатан.

– «Флора» на всё Ижорье знаменита, сэр – серьёзно сказал Тим. – Говорят, и в Царьграде свой магазин держит. Ну, и ещё по городам, а север – весь её.

– Большое хозяйство, – повторил Джонатан.

И Фредди кивнул, показывая, что всё понял.

Рядом с большими, чтобы свободно могли разминуться два грузовика, фигурнойковки воротами одноэтажный, развёрнутый торцом к подъездной площадке длинный дом. У его крыльца Тим и остановил машину.

– «Флора», сэр.

Воскресные смены, особенно вечером, самые спокойные. Всё сделано, полито, обрезано и взрыхлено, лампы ещё горят, но уже в полночь, растения отдыхают, и нечего их по пустякам беспокоить. Можно собраться в бытовке за магазином, пить вскладчину чай из пузатого самовара и неспешно, без злости и страха, болтать, сплетничать о начальстве и городских придурках, что в земле ни уха, ни рыла.

Артём с удовольствием участвовал в этих посиделках. В складчину он на равных, и в разговоре – тоже. А если завернут покупатели, будет совсем хорошо. С оптовиками он, конечно, дела не имел, с теми управляющий все разговоры ведёт, а его если и зовут, то на погрузке помочь, а вот розничная... началось это под Пасху, приезжали за цветами из церкви со всей округи, народу не хватало, и его послали помогать подтаскивать ящики с гортензиями – их больше всего для церкви берут, удобные они для украшения. И он – как-то само собой получилось – подошёл к одному старику помочь составить букет, а то лысый дурак набрал дорогих срезков, а веник веником, ну и... раскрутился старик на двадцатку, и пошло, и пошло... а на Троицу он уже всю вкалывал на продаже, раскручивая церковных старост и богомолков на гирлянды и букеты. И с каждой продажи ему и законный процент, и чаевые. Так и повелось, у него теперь даже свой халат продавца, зелёный и с эмблемой «Флоры» на нагрудном кармане.

Трифон предложил перекинуться в картишки, в «подкид-

ного», даже не по маленькой, а на чистый интерес, но Арнольдич строго покачал головой.

– Никаких карт. Nein.

Таисия Ефимовна согласно закивала.

– Ну, чего тебе не сидится, Триша, чего ты в этих картах нашёл, ведь грех один.

– Да ну тебя, Ефимовна, – Трифон ещё раз стасовал и убрал колоду в карман. – У тебя всё грех. Выпить – грех, закурить – грех, в картишки перекинуться – грех, девку...

– Тьфу на тебя, – не дала ему договорить Таисия Ефимовна и рассмеялась вместе со всеми.

– Ох, Ефимовна, – покачал головой Трифон. – Не нагрешешь, так и каяться не в чем будет, а без покаяния в рай не пустят.

– А зачем тебе в рай? – спросил Артём. – Там ни карт, ни выпивки...

– Ни девок, – закончил за него Трифон и засмеялся первым.

Отсмеявшись, взялись снова за чай, когда за окном зашумел, приближаясь, мотор. Трифон подошёл к окну, чуть отогнул сбоку занавеску, вглядываясь.

– Такси. Никак караси приплыли. Глянь, Арнольдич.

Арнольдич встал, одёрнул жилет, снял со спинки стула и надел тёмно-зелёный пиджак с эмблемой «Флоры» на нагрудном кармане, поправил галстук и стал Францем Арнольдовичем, справедливым и строгим управляющим ноч-

ной смены.

– Савельцев...

– Иду, Франц Арнольдович.

Артём залпом допил свою чашку и встал. На ходу надевая свой халат, он следом за Францем Арнольдовичем вышел в приёмную, заставленную образцами товара.

Почти сразу, едва они вошли, распахнулась дверь наружного тамбура и вошли двое, явно нездешние, в шляпах и плащах на меховой подкладке. У Артёма потянуло по спине холодком: хозяева, настоящие, как тогда. Он оцепенел от страха, но следом за ними вошёл Тим, а тот, как ни крути, почти свой, и Артём смог перевести дыхание.

– Добрый вечер, – поздоровался Франц Арнольдович. – Was wollen Sie?

Джонатан удивлённо посмотрел на осанистого представителя продавца. Вот уж действительно, Россия – страна неожиданностей, откуда здесь... да, правильно, немец? Но это уже не его проблема, русский тот должен знать, переводчик есть.

– Добрый вечер, – Джонатан тронул шляпу приветственным жестом. – Мы едем на свадьбу, и нам нужны цветы.

Тим перевёл на русский, и Франц Арнольдович посмотрел на Артёма так выразительно, что тот понял: отступить нельзя. Артём набрал полную грудь воздуха и шагнул вперёд.

– Добрый вечер, джентльмены, – он заставил себя обаятельно улыбнуться. – Вы оказали нам честь своим посеще-

нием.

Вообще-то Тима позвали как переводчика, и, увидев, Артёма, он сначала хотел вернуться в машину, но тут же передумал и остался посмотреть: похоже, намечался спектакль, и стало интересно. Акул за карасей приняли и раскручивать начнут, ну-ка, поглядим, как малец справится. Ну, и подстрахуем в крайнем случае.

Заговорив, Артём словно забыл о страхе, он же на работе, и, если что, то и Арнольдич, и Трифон за него будут, и Тим, хоть и сволочь палаческая, но тоже не сдаст его, Мороза побоится, тот просроченный, да ещё эл, любому накостыляет запросто. И он бойко повёл неожиданных покупателей к стеллажам, показывая им цветы и сыпля звучными названиями.

– Это «Шарм-де-Прованс», а это «Леди Гамильтон», старинный сорт, личный подарок английской королевы российскому престолу на свадьбу дочери с наследником.

– У королевы был хороший вкус, – давясь от смеха, серьёзно заметил Джонатан.

Фредди от души наслаждался разыгрывавшимся спектаклем. А мальчишка – мастак, не заискивает, не суетится, а устоять невозможно. И похоже... да, того же табуна жеребёнок, что и младший Слайдер, ну, ты смотри, как розу берёт, ну, та прямо как сама к его ладони жмётся, да ещё и глазом на Джонни поигрывает, хорошо, что Джонни по бабам ходок и таким никогда не баловался, а то бы... и до скандала неда-

леко, а это на хрен никак не нужно.

– А эти? – Джонатан кивком показал на розы с длинными, не меньше трёх футов, прямыми стеблями, стоявшие в отдельном вазоне и словно особняком от остальных.

– Эти? – Артём очень правдоподобно изобразил удивление и даже смущение, хотя именно к ним вёл по периметру покупателя. – О, сэр, прошу прощения, но они приготовлены к отправке, высокий, – он показал глазами на потолок, – заказ, сэр.

– И насколько высокий? – поддержал игру Джонатан.

– Для большого приёма, сэр, – Артём почтительно понизил голос до почти шёпота. – Приём послов, сэр.

Джонатан ещё раз оглядел гордых красавиц и уже по-настоящему серьёзно спросил:

– А ещё такие есть?

Артём потупился и вздохнул.

– В розницу они по пять рублей, сэр.

– Нет проблем, – отмахнулся Джонатан.

– Тогда прошу вас, сэр.

Артём распахнул дверь, возле которой они стояли, и Джонатан увидел небольшую оранжерею.

– Окажите честь своим выбором, сэр.

Джонатан запахнул плащ, чтобы не задеть полами цветы, и пошёл по центральному проходу между гордо вздымавшимися розами. Артём достал из кармана халата секатор и пошёл следом.

– Вот эту, – Джонатан указал на белую с чуть заметным розовым как бы отблеском на лепестках.

– Да, сэр. – Артём ловко отхватил стебель.

– И эту...

– Да, сэр.

– И эту...

К удивлению Джонатана, его распоряжение не выполнили так же мгновенно, как предыдущие.

– В чём дело? – резко спросил он.

– Сэр, – Артём с искренним смущением повертел секатором. – Вы сказали, что цветы нужны на свадьбу, сэр, а жёлтый... Это цвет измены, сэр.

– Понятно, – кивнул, мгновенно успокоившись, Джонатан. – А красный? Это годовщина свадьбы.

– Пожалуйста, сэр.

– Тогда давай эту, и эту... и ещё...

Выбрав десять роз, Джонатан повернул к выходу, но Артём опять остановил его.

– Прошу прощения, сэр, но чётное число к покойнику.

– А тринадцать? – подал голос Фредди, следивший за ними от дверей. – Здесь это как?

– Как везде, сэр, – улыбнулся ему Артём. – Чёртова дюжина.

– Тогда ещё одну по твоему усмотрению, – распорядился Фредди. – И пошли.

Артём выразительно покосился на Джонатана и, не увидев

его протеста, срезал тёмно-бордовую, как запёкшаяся кровь, и словно бархатную на взгляд розу. И Джонатан невольно кивнул: букет стал законченным.

– Хорошо.

– Да, сэр, прошу, сэр.

Они вернулись в прохладный после оранжереи магазин, и Артём, уложив розы на упаковочный стол, стал готовить букет. Добавил воздушной, оттеняющей цветы зелени, взял красивую прозрачную с кружевной каймой бумагу и ленту для банта.

– Это бесплатно, сэр.

– Не имеет значения, – отмахнулся Джонатан.

Фредди, с интересом оглядывая магазин, остановился перед стеллажом с плетёными из полосок коры коробочками.

– А это что?

Артём ловко вывязал пышный, похожий на ещё одну розу, атласный бант у букета и подошёл к нему.

– Это к столу, сэр. Шампиньоны, помидоры, огурцы, зелень, клубника.

Рассказывая и сыпля опять названиями сортов, он быстро снимал и открывал коробочки, показывая товар.

Внутри коробочки были поделены на ячейки, выложенные жатой бумагой, и там гордо красовались тугие помидоры, гладкие блестящие огурцы, красная клубника, топорщились пучки кудрявой и гладкой столовой зелени. Шампиньоны, правда, навалом, по весу, но тоже чистенькие, один к

одному. Овощи и грибы не вызвали у Джонатана и Фредди особенного интереса, но на клубнике их взгляды немного задержались.

– Это «Царская радость», сэр, – сразу уловил их внимание Артём. – Большая коробка пятнадцать рублей, сэр, – и, видя, что Фредди взглядом пересчитывает ягоды, уточнил: – Ровно дюжина, сэр.

– Бери три коробки, Джонни, – решил Фредди. – Что за свадьба без сладкого.

Джонатан улыбнулся и кивнул.

– Да, сэр, три большие коробки, – Артём бережно снял со стеллажа одну за другой три продолговатых коробочки, каждую открыл, показал уложенные там ягоды и перенёс их на упаковочный стол.

– Что-нибудь ещё, сэр?

– Хватит, – улыбнулся Джонатан, доставая бумажник.

Франц Арнольдович звонко защёлкал клавишами и кнопками кассы.

– С вас сто рублей.

– Сто рублей, сэр, – эхом перевёл Артём, ловко упаковывая коробочки с клубникой в термобумагу. – Так не замёрзнут, сэр.

Джонатан отдал деньги главному, как он понял, по магазину, получил красивый с фирменным знаком чек и рекламный буклет, подошёл к столу, где Артём уже закончил заворачивать в термобумагу розы, и достал десятирублёвку.

– А это тебе на чай, спасибо за работу.

– Благодарю, сэр, – улыбнулся Артём, принимая деньги. – Вы оказали нам большую честь своим посещением, всегда рады вас видеть, сэр.

– А это от меня, – подошедший к столу Фредди положил ещё одну десятирублёвую купюру и, забирая коробочки с клубникой, подмигнул. – На конфеты тебе. Любишь ведь сладкое.

Двадцать рублей чаевых?! Артём даже задохнулся на мгновение, и смысл усмешки Фредди дошёл до него, когда удивительные покупатели уже вышли. Он растерянно улыбнулся им вслед и полез под халат прятать деньги. В магазин вышли и следившие за действием из бытовки Таисия Ефимовна и Трифон.

– Gut, sehr gut, junge, – кивнул Франц Арнольдович.

– Ну, ты хват, – хлопнул Артёма по плечу Трифон. – Классно сделано, магарыч с тебя, Тёмка. А, Арнольдыч, гульнём, а?

Франц Арнольдович, закрывая кассу, посмотрел на него, и Трифон заторопился:

– После смены, само собой.

Ефимовна, мимоходом, погладив Артёма по спине, озабоченно спросила:

– Арнольдыч, из Ижорска за зеленью когда приедут? Успеем запаковать?

Франц Арнольдович расстегнул пиджак, достал из жилет-

ного кармана старинные серебряные часы и щёлкнул крышкой.

– Через сорок семь минут. У нас есть семь минут, – и, посмотрев на Артёма, стал опять Арнольдичем. – Молодец, Артём. Чисто сделано.

Артём смущённо кивнул. Чтоб на сотню случайного покупателя, не оптовика раскрутить, это и в самом деле... Но эти двое и сами шикануть хотели. А что раскрыли его, ну, здесь это не страшно, да и впрямую ничего сказано не было.

Розы и клубнику уложили на заднее сиденье, Джонатан и Фредди заняли свои места, Тим захлопнул дверцы и, обежав машину, сел за руль. Фредди посмотрел на часы.

– Без четверти, к семи успеем?

– Постараюсь, сэр, – ответил Тим, срывая машину с места.

– Опоздание на двадцать минут в рамках приличия, – спокойно ответил Джонатан и добавил по-ковбойски: – Не трепыхайся.

Фредди посмотрел на него в зеркальце над лобовым стеклом и промолчал. Да, на клубнику он купился. У одного ранчера была клубника, он помнит, охраняли её... похлеще пленного табуна. И проволока колючая с банками-дребезжалками, и сторожа с оружием, и собаки. Чтоб человека собаками травить – не бывало такого в Аризоне, а тут за ягоды... так ему тогда и не довелось попробовать, не добрался, а потом тоже то недосуг, то ещё что... ягода дорогая, в самый

раз для свадьбы.

Было уже совсем темно, и фонарей как-то не по-городскому мало, но ехали быстро. В машине теперь пахло по-новому, и Тим подумал, что этот запах – роз и клубники – будет долго держаться, он уже замечал, что такие тонкие нежные запахи порой держатся дольше густых и даже пробиваются из-под них. А запах приятный, и он не будет от него избавляться.

В Загорье он въезжал со стороны Старого города – так от «Флоры» ближе, а что там улицы не чищены, так его «пегашка» пройдёт.

Свет фар выхватывал маленькие заснеженные домики за заборами, деревья... Фредди с интересом рассматривал этот... город? Да нет, скорее зажиточный, но посёлок.

– И что это?

– Старый город, сэр, – ответил Тим и пояснил: – Здесь своим хозяйством живут.

– От земли? – спросил Джонатан.

– Да, сэр. Ну и ещё подрабатывают.

– Понятно, – кивнул Джонатан.

Женя ещё раз оглядела себя в зеркальном коридоре. Конечно, белое платье через год после свадьбы, да ещё с дочерью-школьницей просто глупо. И претенциозно. А нежно-кремовое из тонкого крепа с изящной драпировкой на юбке и перламутровыми пуговками – это то, что надо, и

нигде не мешает, она же не гостья, а хозяйка, и нарядно. Туфли почти в тон, из украшений маленькие серёжки и обрубальное колечко, парчовой розы у горла вполне достаточно, очень удачно она её углядела. Ну всё, пора, а то её уже заждались, даже неприлично.

И уже подойдя к двери, она, ойкнув, метнулась обратно к комоду и достала маленькую коробочку. Ну вот, теперь всё в порядке.

Её действительно заждались. И, когда она появилась в дверях гостиной, Алиса, взвизгнув, сорвалась с места, восторженно ахнул Бурлаков, восхищённо присвистнул Андрей, а Эркин... Эркин мгновенно оказался рядом, и его губы нежно коснулись её виска.

– Какая ты красивая, Женя, – услышала она его шёпот и повернулась к нему, встретившись губы в губы.

– Всё правильно, – авторитетно заявила Алиса. – Жених и невеста всегда целуются.

– Ты-то откуда знаешь? – Андрей сделал вид, что хочет дёрнуть её за локон.

– Отстань, – Алиса спряталась за Бурлакова и уже оттуда, считая себя в безопасности, добила противника: – А ежели ты невежа, то иди ты в баню!

– Алиса! – немедленно возмутилась Женя, оторвавшись от Эркина. – Будешь так себя вести, немедленно спать пойдёшь.

– А пусть он меня не доводит.

– Ладно, племяшка, сквитаемся. Женя, во как хорошо!

– Да?! – радостно удивилась Женя. – Вам нравится?

– Очень, – искренне сказал Бурлаков. – Женечка, вы сами чудо и выглядите чудесно.

Когда все всем и всеми восхитились и полюбовались, Женя посмотрела на часы. Без пяти семь. Андрей заметил её движение.

– Подождём чуток, Женя, а?

– Хорошо, – улыбнулась ему Женя. – Конечно, подождём. Да, Эркин, я забыла совсем, вот возьми.

– Что это, Женя? – удивился Эркин, рассматривая маленькую красную коробочку и почему-то медля её открывать.

– Это кольцо, – просто объяснила Женя. – Я хочу, чтобы ты сегодня тоже был с кольцом.

– Конечно, – поддержал её Бурлаков.

Эркин открыл было коробочку, но Андрей остановил его.

– Нет, давайте по правилам. Женя, давай своё кольцо, Алиска, держи, вот так... а вы рядом встаньте, батя, ты наденешь?

Он сейчас был готов что угодно превратить в церемонию, лишь бы потянуть время.

– Нет, – улыбнулся Бурлаков. – Если по правилам, то Эркин наденет Жене, а Женя Эркину.

– А попом кто будет? – спросила Алиса. – Ну, если мы в церкву играем, то поп нужен.

– Ну, ты даёшь, племяшка, не лезь, куда не просят.

– Дедушка, меня опять доводят, – известила Бурлакова Алиса о возможном развитии событий.

– Алиса, прекрати, – сказала Женя, глядя на Эркина. – Эркин, а нам нужны ещё слова?

– Нет, – сразу ответил Эркин, так же неотрывно глядя на Женю. – Я уже дал клятву.

Он взял из коробочки кольцо Жени и надел ей на палец, а потом Женя так же взяла кольцо и надела ему. И так стояли, молча глядя глаза в глаза и держась за руки. Даже Алиса притихла, внимательно и очень серьёзно глядя на них. Щурился, как он сильного света, Бурлаков, прикусил губу Андрей.

Эркин поднёс к лицу их переплетённые пальцы, прижался к ним на мгновение губами и отпустил, улыбнулся своей «настоящей» улыбкой.

– Поздравляю вас, Женечка, Эркин, – обнял их Бурлаков.

Потом Андрей обнимал Эркина и чмокал Женю в щёку. И в разгар этой весёлой суматохи раздался звонок.

– Есть! – выдохнул Андрей. – Я ж говорил, что приедут! – и метнулся в прихожую.

Алиса со всех ног кинулась следом.

Только подрулив к «Беженскому Кораблю» и остановившись у нужного подъезда, Тим сообразил, что семьдесят седьмая – это же... так эти «акулы» к Морозу?! Ну, ну...! Но

думать было уже некогда: надо выгружать коробки, а такие господа сами таскать ничего не могут, и о какой же свадьбе шла речь, неужто Андрей жениться надумал, а этих в гости позвал, ну, у лагерника знакомства и похлеще могут быть, это-то понятно, но почему тогда этот... Джонни о годовщине не говорил, совсем всё на хрен запуталось.

Большой трёхбашенный дом произвёл на Джонатана и Фредди весьма сильное впечатление.

– В самом деле... корабль, – сказал Джонатан.

– Да, сэр, – откликнулся Тим. – Его все здесь зовут «Безенским Кораблём».

– Угу, – кивнул Фредди и вдруг: – В этом же крыле живёшь?

– В башне, сэр, – ответил Тим, направляясь к подъезду.

Подъезд и лестница не роскошные, как сразу отметил Джонатан, но чистые, все двери с войлочными прокладками, видимо для тепла, на площадке между маршами заметно пахнет табаком, дешёвыми сигаретами, но окурков нет, и перегарного запаха тоже. Ещё одна дверь, длинный, похожий на гостиничный, коридор. Перед дверями разноцветные коврики, но ни картин на стенах, ни ковровой дорожки, хотя... может, это здесь и не нужно. А вот и семьдесят седьмая. Джонатан высвободил руку – он нёс букет, оказавшийся почти в половину его роста – и позвонил.

Секунды напряжённой тишины... и шумно распахивается дверь.

– Во! Я же говорил, что приедут!

Выбежав вслед за Андреем и Алисой в прихожую, Женя увидела двух мужчин с какими-то свёртками, а следом вошёл Тим, с явным напряжением неся две коробки.

– Во! Наконец-то! Я же говорил! – шумно ликовал по-английски Андрей.

– Привет, Фредди, здравствуйте, сэр, – радуясь, что наконец-то кончилось это ожидание, здоровался Эркин.

Упоённо визжала, прыгая вокруг, довольная суетой и шумом, Алиса.

Тим поставил коробки – дальше не его дело – и выпрямился.

– Спасибо, – повернулся к нему Джонатан и протянул пятьдесят рублей. – У нас самолёт в шесть ноль семь.

– Да, сэр, – кивнул Тим, принимая деньги. – Машина будет в четыре пятьдесят.

От Сосняков до Загорья как раз с чаевыми двадцать пять и два рейса... всё сходится. И он уже повернулся было уходить, как Алиса остановила его.

– Ой, – и по-русски: – Дядя Тим, здравствуйте, и вы пришли, а Дим?

– Здравствуй, Алиса, – улыбнулся ей Тим, отвечая так же по-русски, и всё поставил на место. – Я на работе.

Джонатан обернулся на русскую речь, и, уже уходя, Тим поймал взглядом одновременно его лицо и мордашку Алисы.

Надеясь, что никто ничего не заметил, он потихоньку ушёл, исчез, бесшумно закрыв за собой дверь.

Фредди еле заметно усмехнулся, снимая и вешая шляпу и плащ: всё сошлось, на заказ так не сойдётся, шальная удача, выигрыш без козырей. Он оглядел клубящуюся суматоху и – на этот раз искренне – удивился.

– Профессор? Вот не ждал!

– Я тоже, – ответно улыбнулся Бурлаков, протягивая ему руку. – Здравствуйте, Фредди.

– Вы что?! – оторопел Андрей. – Знаете друг друга?! Ну...! – и подавился непроизнесённым ругательством.

– Женя, – сразу вмешался Эркин, чтобы отвлечь внимание от покрасневшего и непонятно на что обидевшегося Андрея. – Это...

– Подожди, – остановил его Бурлаков. – Если по правилам...

– Правильно, профессор, – сразу поддержал его Фредди. – Делаем всё по правилам.

Он протянул крутившейся между взрослыми девочке в синем платье с белым воротником-пелериной коробочки с клубникой.

– Отнеси на кухню и поставь на стол. Только аккуратно. И сразу сюда.

И, пока говорил, рассмотрел её. Точно, как отштампована в Джонни, ну, теперь пойдёт потеха, если только и впрямь не Джонни сработал, а то Эркин ревнивый, иди, знай, куда

его повернёт и вывернет, но не похоже, тогда бы Джонни по-другому встречали.

– Джонни, в темпе и шкуру с букета сдери.

– Не лезь, куда не просят, ковбой, – огрызнулся шёпотом Джонатан.

В этой суматохе он успел не только снять и повесить плащ и шляпу, но и с ловкостью фокусника сменить тёплые ботинки на лёгкие лаковые «букингемы». И, пока Фредди переобувался, снял с букета обёртку.

Женя ахнула и всплеснула руками, взвизгнула и тут же затихла Алиса. Потому что Бурлаков, ставший очень серьёзным и даже чуть строгим, поставил Женю и Эркина напротив Джонатана, Андрея и Алису за ними, и торжественно заговорил:

– Женя, позволь представить тебе моих, наших хороших друзей. Джонатана Бредли...

– Женя, – она, улыбаясь, протянула Джонатану руку. – Очень приятно. Можно, Джен.

– Очень приятно, – Джонатан вместо рукопожатия поцеловал её руку. – Джонатан, можно Джонни.

Он уже открыл рот для поздравления, но Бурлаков взглядом остановил его и продолжил представление.

– Фредерик Трейси.

– Только Фредди, – шагнул тот вперёд, но ограничился рукопожатием.

– Очень приятно, – улыбалась Женя. – Рада познакомиться-

ся. Эркин и Андрей столько рассказывали о вас.

– Надеюсь, только хорошее? – улыбался Джонатан.

Он кивнул Бурлакову в знак, что теперь его очередь, и начал:

– Джен, Эркин, мы поздравляем вас с годовщиной свадьбы и желаем вам долгих лет счастливой жизни.

Обычно желают ещё детей и внуков, но, к облегчению Фредди, Джонни остановился вовремя и вручил Жене букет.

– Какая прелесть! – выдохнула Женья.

А Джонатан уже поздравлял и жал руку Эркину.

Наступила очередь Фредди. Он также сказал всё полагающееся в таких случаях, пожал руку Эркину и чмокнул в щёку Женью: он – ковбой, ковбою это можно и даже положено.

– А это вам от нас, – широким жестом Фредди показал на коробки. – Это от Джонни, кофе пить, а это от меня.

– Ой, что это? – прижимая к себе огромный букет, Женья присела, разглядывая коробки.

– Кухонный комбайн, – гордо сказал Фредди. – Режет, мелет, растирает.

– Во! – обрадовался уже пришедший в себя Андрей. – Я об эту ступку, ну, орехи толкли, все руки стёр.

– Орехи-то остались? – мимоходом спросил Фредди, и все рассмеялись.

Коробки дружно отнесли на кухню, но сейчас решили не распаковывать: всё и так заставлено приготовленными блюдами и прочим. И тут Женья увидела незнакомый свёрток на

столе.

– А это что? Откуда?

– А это мне Фредди дал, – сразу ответила Алиса. – И велел на стол поставить. Вот!

– Алиса! Какой он тебе Фредди?! – машинально возмутилась Женя, нетерпеливо разворачивая плотную и даже какою-то пухлую бумагу. – К взрослым так не обращаются!

– Значит, ты дядя Фредди? – повернулась к нему Алису.

– Не буду спорить, – пожал тот плечами.

– Замётано, – серьёзно кивнула Алиса.

– Алиса!! – резко обернулась Женя.

Алиса быстренько перебежала поближе к Эркину и оттуда ангельским голосом ответила:

– Да, мамочка.

Джонатан и Бурлаков так рассмеялись, а Женя наконец увидела содержимое таинственного свёртка и так ахнула, что инцидент не получил продолжения.

И как-то само собой начался осмотр квартиры. Гостям показали кухню, на лоджию выводить не стали, но, включив там свет, продемонстрировали через окно всякие полезные приспособления. А когда вышли из кухни в прихожую, Алиса вдруг заявила:

– А меня не представили, а я сама. Я Алиса, можно Элис, вот!

– Приятно познакомиться, мисс, – протянул ей руку Фредди.

Отвечая на его рукопожатие, Алиса сделала что-то вроде книксена, а пока она так же здоровалась с Джонатаном, Фредди подошёл к вешалке и достал из кармана своего плаща маленького клоуна из деревянных шариков, соединённых крючками.

– Ой! – ахнула Алиса. – Это мне?!

– Думаешь, мне?! – фыркнул Андрей.

– Ты большой, тебе не положено, – быстренько огрызнулась Алиса и взяла Фредди за руку. – Большое спасибо, идёмте, я вам своих кукол покажу.

К удивлению Алисы, мама поддержала её.

Женя хотела выиграть время, чтобы придумать, что делать с цветами. Такие розы, а ей и поставить их некуда, её вазочки малы, даже ведро мало, не резать же... И тут она вспомнила, что на последнем чаепитии Норма показывала ей только что купленную большую напольную вазу.

– Игорь Александрович, – тронула она за локоть Бурлакова.

– Да, Женечка, – сразу обернулся он к ней.

– Займите гостей, пожалуйста, я к соседям за вазой сбегаяю.

– Конечно-конечно.

Женя метнулась к двери, и сразу рядом с ней оказался Эркин.

– Эркин, я к Норме, за вазой, иди к гостям.

– Да, Женя, – кивнул Эркин.

Женя быстро чмокнула его в щёку и выскочила за дверь. Эркин вздохнул и вернулся к остальным.

Алиса показывала Джонатану и Фредди свои книги, куклы и игры, отбиваясь от то и дело язвившего Андрея. Бурлаков стоял в дверях, как бы ненароком загораживая выход и явно наслаждаясь происходящим. Эркин посмотрел на Андрея. И чего тот заводится? Всё ведь вышло, как он задумал, все, кого пригласил, приехали, подарков вон целую кучу навезли, всё вроде хорошо, и какая муха его укусила? И – на всякий случай – Эркин встал рядом с Андреем. Андрей покосился на него и еле заметно вздохнул.

В коридор Женя выбежала, даже не накинув платка, ей же из двери в дверь, на пять минут. И после домашнего шума и веселья здесь было так тихо и пустынно... Она позвонила в дверь Нормы. Обычно открывали сразу, но сегодня почему-то медлили, и Женя позвонила ещё раз.

Сегодня последний день показывали «Одинокого всадника» с Кларком Гейблом, и Норма собиралась в кино.

– Мама, ты же говорила, что видела его ещё когда в колледже училась.

– Да, – Норма слегка подкрасила губы бледно-розовой гигиенической помадой «от обморожения». – И что из этого? Был закрытый, практически подпольный сеанс, сидели друг у друга на коленках, треск, шум, плёнка рвётся, и вот-вот «полиция нравов» нагрянет.

– Да, я помню, кино – это жидовская выдумка, – фыркнула Джинни.

– Джинни, не повторяй эти глупости, а тем более гадости. А сейчас я посмотрю, нормально, сидя в удобном кресле, в хорошем качестве.

– И с субтитрами.

– Тем более. Буду слушать его подлинный голос. Великий артист.

– Я не спорю, – пожалала плечами Джинни. – Но мы его в прошлое воскресенье смотрели. И дважды: сначала по-русски, с... да, дубляжем, а потом ещё ходили на этот же сеанс, с субтитрами.

– Ну и что? – Норма оглядела себя в зеркале и стала одеваться. – Ты же любишь перечитывать книги. Я иду в кино, а ты не хочешь, не иди, найди, чем заняться.

Джинни покраснела.

– Я говорила, мама, сегодня придёт Гриша... Громовой Камень.

– Я помню, – кивнула Норма. – Думаю, ты вполне справишься с приёмом сама. Две серии, к десяти я буду дома, ну, в четверть одиннадцатого. Времени вполне достаточно.

Джинни стала совсем пунцовой.

– Мама...

Норма надела шубу и, ещё раз поглядев в зеркало, поправила шапочку, верхний платок решила не надевать, всё-таки зима только началась и главные морозы ещё впереди, нечего

кутаться заранее, поцеловала Джинни в щёку.

– Ты уже большая девочка, Джинни, я всё понимаю. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, мама.

Джинни закрыла за ней дверь и посмотрела на часы. Без двадцати шесть, а Громовой Камень сказал, что придёт в полседьмого, так что они – он и мама – никак не столкнутся, да, мама всё понимает, но всё равно так лучше, и у неё почти час, чтобы подготовиться. Переодеться, подкраситься, сделать причёску, сделать на завтра уроки и... и на всё у неё только один час, даже меньше часа...

...Она успела почти всё, даже к урокам подготовилась, почти подготовилась. А всё остальное успела.

Странно, и чего она так волнуется? Громовой Камень уже бывал у неё, они сидели в гостиной, втроём с мамой, а потом как-то в Культурном Центре в её кабинете и тоже пили чай, и на вечеринках встречались, и каждый день на работе, и в кино ходили, всё-таки это гениальное изобретение, и... и на Купалу ходили! А она... будто впервые. Конечно, что мама пошла в кино посмотреть своего любимца Гейбла, а на её взгляд он несколько слащав и старомоден, Болотников в «Пушки, к бою!» намного эффектнее, все девчонки влюбились, нет, это хорошо, прямо удивительно, как мама всё понимает, но... но чего-то страшно, и хочется, чтобы мама была дома, тогда точно ничего не случится, и не по её вине, а мама была дома, при маме же нельзя, а так... Нет, она – не

девочка, и понимает, что водить парня на верёвочке, манить и не давать, в колледже говорили: «динамить», опасно, парни от такого на стенку лезут и сбегают, и рискуешь вовсе ни с чем остаться, а Громовой Камень ей нравится, он совсем не похож на глупых и злобных дикарей из детских книжек и тем более на тех, памятных ещё по имению, да она там и не отличала их от остальных рабов... даже... странно, но она не помнит Мороза, почему? Он такой красивый, должен был кидаться в глаза, а она его ну, никак не может вспомнить. Ну, ладно, об этом она подумает потом, невежливо ждать одного, а думать о другом...

...Громовой Камень пришёл, как и обещал, в полседьмого. Он чувствовал, что сегодня будет что-то решено, и отступить не собирался. Джинни ему нравится, а что она не русская... а сам он кто? Брать девчонку с Равнины, из стойбища? А что та здесь будет делать? Стойбищной скво нужен охотник, а эргильским... Так это когда ещё он выберется на Равнину, чтобы приглядеть, сговориться с её роднёй, да и тоже... ошибёшься, так не переделаешь, только если вторую брать, а это уж слишком дорогое удовольствие. А здесь развод – дело если не обычное, то вполне терпимое и для обеих сторон не обидное. Так что отступить просто незачем. И снег лёг, стало легче, а то в дожди ногу так крутило и дёргало, еле на работу ходил, хоть криком кричи, а сухой мороз стал – и всё нормально. И вообще всё хорошо. Костюм он себе купил, недорогой, но приличный, а с пальто успеется, эту зиму он

и в шинели проходит, и ботинки под костюм, чтобы не мять брючины в голенищах, даже две пары, для улицы тёплые на меху и лёгкие, носить на работе, правда, и от двух полных зарплат за сентябрь и октябрь у него остался, как это, а, правильно, жизненный минимум, но это всё пустяки, не такое пережили, переживём и это.

Когда позвонили в дверь, Джинни метнулась в последний раз к зеркалу и побежала в прихожую.

– Оу, здравствуй!

– Здравствуй, Джинни, – улыбнулся Громовой Камень, переступая порог.

Он разделся, повесив шинель и ушанку на вешалку, и, заметив новые кожаные шлёпанцы, нагнулся и стал расшнуровывать ботинки. Всё нормально, не тащить же снег на подошвах по всему дому, переобуваться, приходя с улицы, его приучили ещё в эртильском интернате. Шлёпанцы оказались впору. Интересно: это покупали специально для него или просто для гостей? Других тапочек не видно, так что, надо полагать, это для него. Факт... многозначительный.

Переобувшись, Громовой Камень выпрямился и оглядел себя в зеркале. Что ж, костюм, рубашка, даже галстук – всё вполне на уровне, и, пожалуй, на следующей неделе стоит сходить подстричься. В зеркале он увидел стоящую в дверях гостиной Джинни и с улыбкой обернулся к ней.

– Я готов.

– Я тоже, – ответно улыбнулась Джинни. – Проходи.

В гостиной уже включён камин, а на столике выставлено всё для чаепития. Громовой Камень, разумеется, знал, что огонь не настоящий, но сел так, чтобы видеть его: очень уж хорошая имитация, а почему чашек две?

– Мама пошла в кино, – ответила на непрозвучавший вопрос Джинни.

Громовой Камень молча кивнул, не зная, что сказать. Джинни разлила по чашкам чай, пододвинула ближе к нему сахарницу и тарелочку с ломтиками лимона. Горячий крепкий чай с сахаром и лимоном – что может быть лучше?! Только свежеобжаренные оленьи рёбра и... нет, раз недоступно, то и не сравнивай. Громовой Камень с наслаждением отпил и радостно улыбнулся.

– Отличный чай.

– Да? – обрадовалась Джинни. – Это «золотой слон».

Громовой Камень понимающе кивнул. Он тоже знал эту марку, ещё по Равнине. Там маленькая коробочка с золотым выпуклым слоном на крышке менялась на пять пулевых патронов, или на две, а то и три большие пачки «питьевого» чая, и чистым «золотого слона» не заваривали, а подмешивали по щепотке в «питьевой».

– Кексы мама пекла, – Джинни чувствовала себя неуверенно в русских тонкостях с «ты» и «вы» и потому избегала обращений. – А я печенье.

– Очень вкусно.

Джинни польщённо улыбнулась.

– Бери ещё. А... а твоя мама тоже пекла?

Спросила и испугалась своего вопроса: она же не знает, может, у индейцев неприлично об этом спрашивать, ведь Громовой Камень никогда не говорил о своих родителях. Но, к её облегчению, он улыбнулся.

– Пекла. Лепёшки с мёдом. И ягодами, – и, помолчав, чувствуя, что иначе обидит Джинни, продолжил: – Она рано умерла. А отец... ушёл на небо, к ней, когда я учился в школе, за две зимы до посвящения. И тоже от туберкулёза. Это я сейчас понимаю. А тогда... кровавой кашель. От него многие умирают. Я думаю, отец и отправил меня из стойбища в Эртиль, в школу, чтобы уберечь.

Он говорил по-русски, медленно, и Джинни не переспрашивала, хотя не всё понимала, вернее, не понимая отдельных слов, понимала всё.

– Мама была из другого рода, дальнего и не дружественного. Её родня не простила, и отца многие осуждали, нарушителей законов нигде не любят, может, поэтому меня и отпустили легко. И в школу, и на войну, и в Россию. Близкой родни у меня совсем не осталось. С войны вернулся, род свой, а жить в чужой семье пришлось, даже не у родни.

Громовой Камень замолчал, пристально разглядывая рдеющие поленья в камине. И Джинни смотрела на него, не смея нарушить молчание.

Громовой Камень сглотнул, заставил себя допить остывший чай, поднял на Джинни глаза и улыбнулся.

– Я... расстроил тебя?

– Нет, – ответила Джинни и тут же покраснела, сообразив, что сказала не то. – Извини, я не хотела, я...

– Ничего, – Громовой Камень протянул ей чашку. – Налей ещё, очень хороший чай.

И Джинни радостно захлопотала.

Отпив чая, уже Громовой Камень решил рискнуть.

– А у тебя? Остались родные? Там?

– Нет, – покачала головой Джинни. – Папа... умер, мне и года не было, я его совсем не помню, – и тоже, решив быть предельно откровенной, уточнила: – Он погиб, на войне.

Громовой Камень сдержанно кивнул, мысленно быстро подсчитав и сопоставив, что они никак не могли пересечься. Джинни не то тоже подсчитала, не то догадалась, но перевела дыхание и зачем-то заговорила о шестом классе, таком шумном и озорном. Дети хорошие, но рты не закрывают.

– Да, – засмеялся Громовой Камень. – Как воробьи весной.

Джинни не сразу поняла, и Громовой Камень с удовольствием и очень похоже изобразил воробьиную перепалку. Джинни так смеялась, что едва не перевернула свою чашку. Поговорили о школе и учениках, и даже о последних методических указаниях из Ижорска.

Всё выходило хорошо и как-то, само собой. Недопитый чай остывал на столике, верхнюю люстру выключили, так что гостиную освещал только камин, а Джинни и Громовой Ка-

мень пересели на диван, устроившись рядом и почти вплотную. Разговор о методике преподавания языков продолжался, но был уже не важен и не нужен.

– А... а вот говорят, что индейцы целоваться не умеют! – вдруг, неожиданно для самой себя выпалила Джинни.

– Проверим? – предложил, несколько не удивившись, Громовой Камень.

Он решительно, но не грубо обнял Джинни, привлекая её к себе.

– Проверим, – повторил он, уже не спрашивая.

Губы у Джинни были мягкими и тёплыми. Смешно, но целоваться, тем более, в губы, у шеванезов действительно не принято, но ещё в школе его этому научила рыжая Лизка-Лиса, ей было уже шестнадцать, десятиклассница, а он – семиклассник, по школьной терминологии «малёк», и обучение та разбитная девчонка начала почти теми же словами: «Индейцы целоваться не умеют». А потом... всякое потом было. Он многому научился. И целоваться тоже.

Почувствовав, что Джинни задыхается, он отпустил её.

– Ну как? Умею?

– Оу, – тихо вздохнула Джинни, опуская голову на его плечо.

– Не понял, – негромко засмеялся Громовой Камень. – А ну-ка, ещё раз.

В последний раз Джинни целовалась в колледже и даже уже не помнила имени тощего вихрастого парнишки, с кото-

рым танцевала на вечеринке у Синди, да, та как раз купила потрясающее обалденно-офигительное платье и устроила по этому поводу столь же офигительную вечеринку. А потом... потом было имение и... и всё остальное, о чём вспоминать совсем не хочется, тем более сейчас. Губы Громого Камня показались шершавыми, но это было так приятно и... волнующе, так необыкновенно, что она уже ни о чём не думала, бесстрашно обнимая Громого Камня за плечи и шею.

Звонок заставил их вздрогнуть и отпрянуть друг от друга.

– Кто это? – Джинни удивлённо смотрела на Громого Камня.

Он пожал плечами, и Джинни уже готовилась сказать, что это, наверное, просто ошиблись дверью или дети шалят, но тут позвонили вторично. Это уже быть ошибкой не могло, и Джинни побежала в прихожую. Громовай Камень поправил съехавший почему-то набок галстук и сел прямо. Прислушался к голосам.

– Оу! – удивилась Джинни. – Привет, Джен.

– Привет, – улыбнулась Женя, входя в прихожую. – Джинни, выручишь?

– Конечно, – сразу согласилась Джинни. – А что случилось? – и тут же: – Оу, какая ты нарядная. Как невеста.

– А я и есть невеста, – засмеялась Женя и, увидев изумление Джинни, объяснила: – Мы годовщину свадьбы отмечаем. Мне такие цветы подарили, Джинни, мечта, во, с Алиску, ни в одну вазу не влезают, а резать жалко, я у вас вазу

видела, большую, напольную, не одолжишь?

– Ну, конечно! И много гостей, Джен? Прелесть какое платье!

Громовой Камень слушал доносящийся из прихожей девичий стрёкот и щебет, в котором не только слов не разобрать, но и непонятно, на каком языке стрекочут, и улыбался: все девчонки одинаковы.

– Да, Джен, конечно! – Джинни вбежала в гостиную, щёлкнув по пути выключателем.

Громовой Камень на мгновение зажмурился от слишком яркого света, но тут же открыл глаза.

– Здравствуйте.

– Ой, здравствуйте, – улыбнулась Женя.

Но ни удивляться, ни думать о том, что означает присутствие здесь Громового Камня, было уже некогда. Джинни стояла рядом с большой и действительно очень высокой керамической вазой кирпичного цвета. Джинни решительно вынула из неё сухие декоративные цветы: белые плоские кругляши и ярко-оранжевые пухлые бубенчики. Женя такие уже видела на рынке в Старом городе и даже подумывала о покупке, но тогда не стала: слишком большие для её двух вазочек.

– Подойдёт?

– Да, конечно. Большое спасибо.

Воды в вазе не было, и Женя с Джинни попробовали её приподнять. Громовой Камень решительно оттолкнулся от

дивана и встал. Теперь лишь бы нога не подвела.

– Я за Эркином схожу, – выпрямилась Женя. – Оставь, Джинни.

Когда она назвала Эркина, Громовой Камень узнал её. Это мать Алисы Мороз из первого класса, жена Эркина, вот не думал, что она с Джинни подруги. Хотя, почему и нет? Живут рядом.

– Ну-ка, – раздвинул он их плечами и взялся за вазу.

Сам не ждал, что получится. Не только её поднять – увесистая, конечно, но терпимо, но и шагнуть к двери, и ещё раз... Ахнув в два голоса, Женя и Джинни побежали перед ним, раскрывая двери.

До коридора добрались вполне благополучно. Нога, конечно, болела, но Громовой Камень привычно не обращал на боль внимания и старался ступать твёрдо.

Женя распахнула дверь своей квартиры, Громовой Камень шагнул, преодолевая боль, и вдруг стало легко: чьи-то сильные руки подхватили и с мягкой властью отобрали вазу.

– Я возьму, кутойс.

Эркин? Да он, однако... при полном параде, похоже, здесь праздник.

Прихожая наполнилась людьми. Его и Джинни познакомили и представляли, но всё сейчас проскакивало как-то мимо сознания, потому что один из гостей – высокий голубоглазый блондин – настолько походил на Алису, что тут и сомне-

ний быть не могло. И ещё он понял, что гости с той стороны. Разговор большей частью шёл по-английски, хотя старик, которого называли Игорем Александровичем и профессором, был явно русским. Громовой Камень обменялся со всеми рукопожатием, поздравил Эркина, и они с Джинни ушли.

Когда они вернулись в гостиную, Джинни тихонько вздохнула и предложила:

– Ещё чаю?

– Да, – кивнул Громовой Камень. – От чая отказаться не могу.

И пока Джинни суетилась и хлопотала, ставя на огонь чайник и убирая куда-то сухоцветы, Громовой Камень сидел на диване и, сосредоточенно глядя на рдеющие в камине поленья, думал. За Алисой приехал её отец с той стороны. Чем помочь Морозу? Эта, как её, Женя – мать, и её слово решающее, это на сына отец имеет все права, а у дочери кровь матери. Если Женя согласится отдать Алису, то... то всё, ни по каким законам и обычаям у Эркина прав на Алису нет.

– Гриша, – Джинни осторожно коснулась его плеча.

– Да, – Громовой Камень вздрогнул и вскинул на неё глаза. – Да, Джинни.

– Чай готов.

– Да, – он взял чашку. – Спасибо, Джинни.

Джинни села рядом с ним и тоже взяла чашку, отпила.

– Ты... ты заметил?

– Да, – сразу понял её Громовой Камень и пожал плеча-

ми. – Трудно не заметить.

– Думаешь, он её заберёт?

– Если мать отдаст, – Громовой Камень усмехнулся и сказал на шауни: – У дочери кровь матери, – и тут же сам перевёл сказанное на русский.

Джинни кивнула.

Когда ваза и розы заняли своё место, гостиная, по мнению Жени, преобразилась.

– Как хорошо! – вздохнула она.

– Да, – сразу кивнул, стоя рядом, Эркин и тихо, что услышала только Женя; – Завтра же схожу, такую куплю.

– Ага, – согласилась Женя.

На мгновение они словно ослепли и оглохли, ничего не замечая вокруг.

А вокруг клубилась та же весёлая суматоха. Андрей добивался у Фредди, откуда он и Джонатан знают Бурлакова. Фредди, возясь со странной чёрной коробкой чуть побольше обычного фотоаппарата, которую мимоходом достал из своего явно бездонного кейса, беззлобно отругивался.

– Да отстань ты. Ну, клад он нам активировал. Ну, чего тебе до этого?

– А ему до всего, – влезла Алиса. – Дядя Фредди, ты ему лучше скажи, а то он не отстанет.

– Отстанет, – пообещал ей Фредди, приспособивая к коробке ещё две поменьше и щёлкая всякими рычажками. –

Ну вот. И вы, мисс, отстаньте.

– Я мисс? – удивилась Алиса.

– Нет, так будешь, – коробка в его руках превратилась в фотоаппарат, но какой-то странный и громоздкий. – Ну, вот и готово. Эркин, Джен, обернитесь.

Эркин и Женя одновременно обернулись к нему, и тут Фредди поднёс странный фотоаппарат к лицу, чем-то щёлкнул, полыхнула голубая молния. Все изумлённо замолчали, глядя на него. В фотоаппарате что-то заурчало и опять щёлкнуло. Фредди с невозмутимым видом ковбоя, отстрелившего в баре горлышко с пробкой у приглянувшейся бутылки, выдернул вылезший из щели листок и протянул его Эркину.

– Подержи минуту на свету.

Эркин, недоумевая, взял листок за уголок, как и подавал Фредди, и только, пожав плечами, хотел спросить, и что же это такое, как листок стал темнеть, и на нём проступили пятна. Они быстро разрастались, наливались цветом, и вот уже это не листок плотной бумаги, а настоящая фотография. Это же он, и Женя рядом, и её рука на его плече.

– Вот это да! – восхищённо выдохнул Андрей.

– Слышал, но вижу впервые, – кивнул Бурлаков.

– Пришлось поискать, – скромно заметил Фредди. – Так, профессор, давайте теперь вас.

Бурлаков встал рядом с Андреем. Андрей покосился на него и спросил:

– Фредди, а трое влезут?

– Отчего ж нет.

– Эркин, становись.

Спорить Эркин не стал, и Бурлакова сфотографировали, как Андрей и хотел: между ним и Эркином. Бурлаков был явно не против.

Джонатана настолько потрясло появление фотоаппарата, да ещё такого – он прикинул, сколько может стоить эта игрушка, да ещё во сколько обошёлся выход на продавца, ковбой что, счёт свой оголил?! – что буквально онемел. Но ненадолго. И, пока Бурлаков, Эркин, Андрей и Женя рассматривали и обсуждали фотографии, Джонатан встал рядом с Фредди и тихо спросил:

– К Харрингтону собрался, ковбой?

Психиатрическая лечебница Харрингтона с филиалами в каждом штате была всем известна, а её аризонское заведение пугало даже не верящих ни во что, кроме меткой пули, ковбоев и к ночи не поминалось. Чтоб не накликать.

– Отзынь, недоумок, – так же тихо ответил Фредди и загадочно добавил: – Для тебя же стараюсь.

– Не понял, – искренно, но с лёгкой угрозой ответил Джонатан.

– Недоумок потому что. Лучше у профессора выясни, чего он сюда затесался.

– Выяснил. Он – отец.

– Чей?! – изумился Фредди.

– Эркина и Эндрю. Причём родной.

Насладившись видом отвисшей челюсти Фредди, Джонатан почувствовал себя отомщённым.

Справившись с изумлением и признав тот факт, что бывает и два джокера в одной взятке, Фредди развил бешеную деятельность, фотографируя присутствующих во всевозможных комбинациях, по двое, по трое, всех вместе, с Джонатаном и без него. И в этом калейдоскопе фотографирование Алисы на коленях у Джонатана прошло незамеченным: игра – так для всех игра. И для него самого, конечно, тоже. Аппарат оказался на удивление простым: сюда смотри, а здесь нажимай – и все снимали всех.

Потом мужчины уселись на диван, рассматривая получившиеся снимки, а Женя хлопотала со столом: девятый час уже.

Загадочная фраза Фредди, что он старается для него, не давала Джонатану покоя, но сейчас не место и не время для выяснения. От фотографий перешли к самому аппарату.

– Хорошая штука, – Андрей ещё раз бережно повертел в руках фотоаппарат и передал его Эркину. – Даже не слышал раньше.

– У нас на заводе, в отделе кадров, – сказал по-русски Эркин и покраснел, сообразив, что Фредди и Джонатан его не понимают, а как это по-английски он что-то забыл.

Но Бурлаков быстро перевёл, и Эркин благодарно кивнув ему, продолжил:

– Тоже такое есть. Но там целая будка, – и, извинившись

улыбкой, встал и ушёл помогать Жене.

– Эх, купить бы такой! – вздохнул Андрей. – Фредди, они продаются?

– А где, думаешь, я его взял? – хмыкнул Фредди.

– Дарить ему никто не будет, – заверил Джонатан. – Да и дорог такой подарок. Сколько отвалил?

Фредди небрежно, но с невольнo проскользнувшим само-довольством человека, могущего себе такое позволить, назвал цифру. Андрей присвистнул.

– Однако!

– А что? – спросил Джонатан с мягкой насмешкой. – За-рабатываешь мало?

– А сколько ни зарабатывай, – вмешалась Алиса. – Если по-глупому тратить, то денег никогда не будет.

– Да-а? – удивился Джонатан. – Ты смотри, какие слож-ности.

– Это почему ж так? – с интересом глядя на Алису, спро-сил Фредди.

Андрей сидел красный, как рак, Бурлаков хохотал так, что не мог говорить, и Алиса бесстрашно продолжала, польщён-ная вниманием Джонатана и Фредди.

– А дырявую ванну никакой кран не наполнит, вот!

Теперь захохотал и Джонатан. Женя и Эркин как раз внес-ли и расставляли на столе блюда с заливным, когда Фредди, изо всех сил оставаясь серьёзным, спросил:

– Ну, а мама-то как, хорошо деньги тратит?

Алиса доверчиво вздохнула.

– Тоже нет.

– Что?! – резко выпрямилась Женя. – Алиса!

– Да! – решила отстоять себя Алиса. – Дядя Фредди, вот сам скажи. Вот если каждый день вот такую кастрюлю, – она развела руки как можно шире, – каши варить, разве на шоколад останется?!

Забыв о своей обиде, смачно ржал Андрей. Женя решительно направилась к Алисе, но Бурлаков, всё ещё смеясь, обнял Алису, посадив к себе на колени, и Женя растерянно остановилась. Вытерев выступившие от смеха слёзы, Фредди серьёзно продолжил:

– Ваша правда, мисс. Вот у нас лендлорд трижды в день кашу заказывает.

– Он её ещё и ест, – хмыкнул Джонатан.

– Попробовал бы не есть, – мимоходом огрызнулся Фредди. – Так вот я и говорю, каждый день каша, а выпить надо, так в баре...

– Один коньяк, – закончил за него Андрей.

И все снова засмеялись. Сидя на коленях у Бурлакова, Алиса очень серьёзно смотрела на сокрушённое лицо Фредди, потом потихоньку слезла и подошла к нему.

– Дядя Фредди, этот коньяк, он что, очень невкусный? Фредди озадаченно посмотрел на неё и пожал плечами.

– Да как тебе сказать...

– Он жжётся сильно, – вмешался Эркин, встав рядом с

Женей.

– Да-а? – на мгновение обернулась на его голос Алиса и тут же опять к Фредди. – Дядя Фредди, когда вас опять заставят коньяк пить, – Фредди изумлённо приподнял брови, Джонатан жестом призвал всех к молчанию, и Алиса, ободрённая общим вниманием, продолжила: – Вы тогда вот что сделайте. Ну, дают вам стакан, – Алиса стала сопровождать инструкцию пантомимой, – берёте, спорь – не спорь, всё равно заставят, набираете полный рот, чтоб всё за раз, и делаете глаза, будто увидели что-то, они оглянутся посмотреть, а вы раз! И выплюнули всё, и ногой растёрли, чтоб не заметили, – и видя, что все молча смотрят на неё, победно закончила: – Мы все так в школе делаем, когда нам витаминку вливают. Такая гадость!

– Что?! – взорвалась Женя. – Я такие деньги за витаминную профилактику плачу, а ты ею плюёшься?!

– Ой! Мама! – взвизгнула Алиса. Прятаться за бабушку не с руки, там Эрик стоит, а он с мамой всегда заодно, да ещё Андрюха сидит, а от него любой пакости ждать можно, и, мгновенно рассчитав, с криком: – Мне в уборную! – Алиса вылетела из комнаты, ловко увернувшись от чьей-то, вроде Андрюхиной, руки.

Красная от смущения и негодования, Женя стояла посреди гостиной. Так... такое поведение... что о ней подумают?! Но все так смеялись, Андрей даже взвизгивал совсем по-детски, даже Эркин смеялся, а Бурлаков с трудом выговорил:

– Всё в порядке, Женечка, всё хорошо.

– Огонь-девка, – одобрительно сказал по-ковбойски Фредди.

– Да, ковбой, – Джонатан строго посмотрел на него. – Это я должен видеть.

– Что «это»? – повернулся к нему Фредди.

– А как ты коньяком плюёшься.

– С какой стати я буду плевать? Мне-то он не жжётся.

– Забыл, что ли? – голос Джонатана подчёркнуто строг. – Слово леди – закон для ковбоя.

– Леди, говоришь? – задумчиво переспросил Фредди и твёрдо улыбнулся. – Ладно, лендлорд, налей и увидишь.

– Так, – кивнул Джонатан. – Значит, нужен коньяк. Запомни.

– Будет коньяк, – сказал Эркин и мягко тронул Женю за локоть. – Женя, грибы под окном...

– Ой, да... – спохватилась Женя.

– Я помогу, – вскочил на ноги Андрей.

После такого смеха ему надо было чем-то заняться. По дороге он мимоходом постучал в дверь уборной.

– Вылазь, племяшка. А то всю вкуснятину без тебя съедят.

– Фигушки тебе, – ответила из-за двери Алиса. – Я сейчас.

Она осторожно приоткрыла дверь и прислушалась. В большой комнате вроде опять смеются, мама на кухне командует Андрюхой. Голос не сердитый, можно выходить.

Стол был уже накрыт, и для каждой новой тарелки или

мисочки место находилось с трудом. Наконец, Эркин и Андрей водрузили принесённые с кухонной лоджии и мгновенно запотевшие в тепле бутылки с водкой, купленные в Сосняках и привезённые Бурлаковым. Женя оглядела искрящийся многоцветный плотно заставленный стол и весело провозгласила сначала по-русски и тут же по-английски:

– Дорогие гости, пожалуйста к столу.

Рассаживал всех за столом Бурлаков. Женя, разумеется, рядом с Эркином, напротив них Джонатан и Фредди, рядом с Эркином Андрей, сам он рядом с Джонатаном, а Алиса на торце. Алиса бы выбрала другой конец, подальше от мамы и рядом с дедушкой, но тогда она окажется и рядом с Андрюхой... нетушки, лучше уж здесь: мама только воспитывает, а Андрюха дразнится и доводит. Когда все расселись, Бурлаков ещё раз оглядел стол и... чёрт, а шампанское где? Сюрпризом появится? Нет, похоже, просто забыли или даже не знают, ладно, возьмём в свои руки и сделаем так, чтобы все остались довольны. Итак, что у нас? Можжевеловая, двойная, «боярская» и «башня».

– Женечка, вы – чудо, настоящий русский стол.

Женя смущённо заулыбалась, и сразу улыбнулся Эркин, а Бурлаков уверенно продолжил:

– Джонатан, Фредди, вы с русской кухней знакомы?

– Чисто теоретически, – засмеялся Джонатан.

Улыбнулся и Фредди.

– Я практически, но явно недостаточно.

– Тогда беру руководство на себя. Был когда-то писатель Горбунов, он советовал начинать в рифму: vodka – seljedka, – и сразу сам себя перевёл на английский. – К селёдке лучше можжевеловой, – и сделал паузу, чтобы все себе положили и налили.

И он уже готовил тост, когда прозвенел голосок Алисы.

– А мне чего?

Эркин, мягко коснувшись плеча Жени, встал.

– Я сейчас морса принесу.

Вышел и быстро вернулся с большим стеклянным кувшином, наполненным тёмно-красной жидкостью.

– Клюквенный! – обрадовалась по-русски Алиса.

– Да, – кивнул Эркин и перевёл: – Из клюквы, – и налил Алисе, как всем, в маленькую водочную стопку.

– Правильно, – кивнул Бурлаков.

А Фредди подмигнул Жене.

– Пусть учится в приличной компании.

– Собираешься уйти? – удивился Джонатан.

– Нет, просто ты не в счёт, – сразу ответил Фредди.

– Сама кувшин не бери, уронишь, – сказал Алисе Эркин и сел на своё место.

Он как-то вдруг и сразу успокоился, почувствовав, что всё сказанное и сделанное им будет правильно. Эркин взял свою стопку, посмотрел на Бурлакова и встал.

– Спасибо вам, что приехали к нам, – он смотрел на Фредди и Джонатана, – на наш семейный праздник. Это большая

честь и радость для нас всех. Я понимаю, что годовщина свадьбы – не самый большой день, но мы собрались, все вместе, это и есть наш праздник, его и празднуем, – и улыбнулся, показывая, что закончил речь.

– Во, брат! – восхитился Андрей. – Хорошо сказал. За это и выпьем!

Чоканье было для Джонатана и Фредди такой же экзотикой, как и большинство блюд на столе, но выполнили они этот обряд с удовольствием. Выпили, закусили, выразили удовольствие. Бурлаков властно, но ни для кого необидно вёл стол, раскрывая гостям секреты русского застолья и объясняя, какая водка под какую закуску. Стопки выпивались по-русски, одним глотком, чтобы разные водки не смешивались, а наливали почти доверху, но и стопки крошечные, по сравнению с коктейльными стаканами, как раз на глоток. «Боярская» и запахом, и вкусом, и цветом привела в восторг Джонатана и Фредди. А «башня» поразила неожиданно тонким вкусом при значительной, большей, чем у других водок, крепости.

– Второй вычет тебе, ковбой.

– И за что столько? – спокойно спросил Фредди, уплетая заливную осетрину.

– Что «Флору» пропустил, раз.

– Допустим, – кивнул Фредди. – Да, Джен, рыба чудо как хороша.

– Я вам ещё положу, – привстала Женя.

– Не откажусь, – подставил свою тарелку Фредди.

– И вот ещё возьмите, это rjarushka, местная рыба.

– Ага, спасибо, Джен.

– Ублажился, ковбой? А второй вычет тебе за водку. Полгода в Россию мотаешься, и ни одной бутылки в нашем баре.

– Я их впервые вижу. Не трепыхайся, Джонни. Будут обе.

– Вряд ли, – улыбнулся Бурлаков.

– А что? – удивлённо посмотрел на него Джонатан. – Такие дорогие?

– Ну, не дороже ж денег, – хмыкнул Фредди.

– Дело не в цене, – рассмеялся Бурлаков и стал объяснять: – В открытой продаже их не бывает. Водку эту делают в монастыре. Staropimenovskij монастырь. Делают штучно, по заказу.

– Монахи? – удивился Андрей. – Им же спиртного ни-ни, на дух нельзя.

– По закону много чего нельзя, – Бурлаков, совсем как Андрей, ловко подмигнул сразу всем сидящим за столом. – И закон – одно, а жизнь – другое.

– Точно, профессор, – тоном знатока согласился Фредди и захохотал первым.

– И они ж её не пьют, а делают, – отсмеявшись, закончил свою мысль Бурлаков.

Можжевеловая и двойная также понравились, и Эркин, уже начавший беспокоиться, что не лопухнулся ли он с выбором, успокоился.

Заканчивали закуску горячие, прямо из духовки, загорыши. Сначала Женя и Эркин быстро собрали и унесли опустевшие тарелки, расчистив место, а потом внесли и поставили два блюда с румяными пухлыми шарами загорышей. Как и обещала Панфиловна, разогретые в духовке в фольге, они, казалось, ещё потрескивали и доходили на глазах.

– Это загорыши, – объявила Женя, раскладывая их по тарелкам.

– Горячие? – Бурлаков принял решение: – Загорыши под «башню» пойдут.

Алисе клала и наливала Женя. Понемногу, чтобы всего попробовала и на тарелке ничего не оставляла, а в остальном её не трогала: не первый раз за столом, не маленькая. Алиса, гордая таким доверием, старалась изо всех сил.

– Женечка, это вы тоже сами пекли? – спросил Бурлаков.

– Нет, что вы, – засмеялась Женя. – Это в Старом городе, Панфиловна, она стряпуха, на всю округу славится, у неё заказывали.

– Очень вкусно, Джен, никогда такого не ел. Это грибы, так?

– Да, и картофель, а всех тонкостей я не знаю.

– Секрет фирмы, – понимающе кивнул Фредди.

Женя, покрасневшись от вина – от водки она отказалась, ограничившись самой первой символической стопкой и ту только пригубила – и радостно улыбаясь, продолжила объяснение.

– Это местное, ну, Загорье, вот и загорыши. Я ещё так не умею. Андрюша, ты себе ещё положи.

– Угу, спасибо, Женя.

– А теперь кулебяка?

– Да, Эркин.

– Мы принесём. Андрей, пошли.

Пышную высокую кулебяку Эркин и Андрей внесли вдвоём. Кулебяка дымилась и так пахла, что Алиса взвизгнула и захлопала в ладоши, а Фредди вскочил помочь Жене расчистить под неё место.

– Игорь Александрович, разрежьте, пожалуйста.

– Разумеется, Женечка. Нож острый?

– Обижает, начальник. Сам точил.

– А что, – спросил Фредди, – эта штука такая жёсткая?

Женя вспыхнула, но ответить не успела. За неё это сделал Бурлаков.

– Наоборот, Фредди. Тупой нож только помнёт её, а... сколько здесь слоёв, Женечка?

– Шесть, – ответила Женя дрожащим от незаслуженной обиды голосом.

– Ну вот, Фредди, тупой нож сомнёт и перемешает слои, – «академическим» тоном продолжил Бурлаков, нарезая кулебяку на толстые, в три пальца шириной, ломти.

Вид сочащейся жиром разноцветной начинки произвёл надлежащее впечатление, и Женя успокоилась. Да и Алисе пришлось показать, как вилкой доставать начинку из слоёв,

как из ячеек.

– Поняла?

– Ага, – кивнула, потряхнув локонами, Алиса и пояснила смотревшему на неё Фредди. – А то у меня рота на весь кусок не хватает.

– Рта, – машинально поправила её Женя.

– Потрясающе вкусно, Джен, как это называется?

– Ку-ле-бя-ка, – по слогам отчеканила Женя.

– Нет, мне этого в жизни не запомнить, – сокрушённо вздохнул Джонатан. – Фредди, ты уже такое ел?

– Нет. Джонни, а не всё ли равно, как оно, – Фредди даже причмокнул, – называется. Это же тоже, как я понимаю, штучный товар.

– Да, – улыбнулась Женя. – Также Панфиловне заказывали, – и не удержалась: – а огурцы мои, я сама солила.

– Точно, – подтвердил Андрей. – Всё лето банки закручивали.

– Ну, ты, небось, больше дегустировал, – хмыкнул Фредди.

– Ага, – оторвалась от кулебяки Алиса. – Мама его потом из кухни выгоняла, а то он то огурцы, то чеснок, то ещё что-нибудь съест.

– Укус стаканом пить не пробовал? – поинтересовался сквозь смех Фредди.

– Ну, племяшка, – Андрей угрожающе подвигал выпяченной нижней челюстью. – Ты у меня дождёшься.

– А на правду только дурак обижается, – отпарировала Алиса.

Всё равно Андрюха до неё через стол не дотянется.

Женя строго посмотрела на Алису, чтобы та не забывалась, но ограничилась взглядом.

Бурлаков по-прежнему держал стол на лёгкой занимательной, но не обременительной болтовне. Говорили сразу обо всём, сравнивая русскую кухню с французской и американской и восхищаясь кулинарным искусством Жени. Эркин наслаждался миром и спокойствием за столом больше, чем вкусной едой. И Андрей успокоился, и профессор доволен, и Фредди, и даже Джонатан. Так что всё хорошо, Женя – молодец, русский стол – то, что нужно, королевский ужин им бы всё равно не перешибить, кишка тонка, а это и для Фредди, и для Джонатана в диковинку, так что, если и есть какие ошибки, то даже и не заметят. Он искоса посмотрел на Женю и под столом коснулся коленом её ноги. Женя улыбнулась ему, быстро посмотрела, как там Алиска, и снова стала угощать гостей, «потчевать» вспомнил Эркин нужное слово.

И странно: стол был забит едой, ели понемногу, а тарелки пустеют. Ну, и отлично. Женя с удовольствием убедилась, что различия между её стряпнёй и покупными деликатесами гости не делают.

– Это мочёные яблоки, Джонни, попробуйте их вот так, они с мясом хороши.

– О-о, действительно, спасибо Джен. И, разумеется, тоже

вы сами, не так ли?

– О, нет. Чтобы они получились как следует, нужны дубовые бочки, свежая ржаная солома и хороший погреб.

– Погреб... не проблема, – задумчиво сказал Фредди. – Дубовая бочка... проблема, но решаемая.

– А свежая ржаная солома, ковбой? Ты подумал, во сколько одна перевозка влетит?

– Да, – кивнул Бурлаков. – Кроме того, и не каждый сорт годится. Проще купить сами готовые яблоки.

– Понял, ковбой? И запомни.

– Угу, – благодущие Фредди сегодня было неисчерпаемым.

– Слушай, – Андрей подцепил вилкой и шмякнул к себе на тарелку горстку грибов, – а откуда ты всё так знаешь? За что ни возмись, судить берёшься.

– Так на то и профессор, – ответил за Бурлакова Джонатан.

Алиса закончила кулебяку, допила морс и посмотрела на мать.

– Конечно, – кивнула Женя. – Справишься сама?

– Я не маленькая, – с достоинством ответила Алиса и слезла со стула. – Спасибо, очень вкусно, я ещё приду, – и вышла из комнаты.

Все рассмеялись.

– Она уже ходит в школу, Джен? – вежливо спросил Джонатан.

– Да, в первый класс.

Женя знала, конечно, что материнское хвастовство не всегда уместно, но удержаться не смогла.

– У нас хорошая новая школа, три языка.

– А третий какой? – удивился Фредди.

– Шауни, – ответил Эркин. – Язык шеванезов.

– Индейский? – приподнял брови Джонатан.

– Индейского языка нет, сэр, – улыбнулся Эркин. – Племян много, у каждого свой язык. А шеванезы – самое большое племя, их язык основной на Равнине.

Фредди помнил, что с индейцами из резервации Эркин не ладил, а сейчас... Ну, что ж, своё всегда возьмёт верх.

– И сам учишь? – проверил себя Фредди.

– Да, – ответил за Эркина Андрей. – По субботам ходим. Да, кутойс, ну, учитель, заходил, вы его видели, вазу принёс.

Джонатан и Фредди кивнули. Хромого молодого индейца в дешёвом «приличном» костюме они видели мельком, но запомнили. Как запоминали всех, с кем так или иначе сталкивались. Ведь никогда не знаешь заранее, кто тебе понадобится в качестве свидетеля или наоборот, окажется лишним.

– А девушка?

– Джинни? Она английский преподаёт в школе, а живёт с матерью в квартире напротив, – ответила Женя и в ответ на взгляд Бурлакова кивнула: – Да, репатрианты, после Хэллоуина уехали. И самое смешное, мы, оказывается, там в одном городе жили. А встретились здесь.

– Действительно, смешно, – согласился Бурлаков.

– И сколько вам лет учиться? – спросил Фредди.

– Три года – охотно ответил Эркин. – И получим аттестат за среднюю школу.

– А потом? – спросил Джонатан.

– Там видно будет, – залихватски ответил Андрей. – За три года придумаем. У меня уже права будут... – он мечтательно закатил глаза и присвистнул. – И ва-аще...

– Всё впереди, – закончил за него Эркин.

Бурлаков кивнул. Конечно, у мальчиков всё впереди. Закончить школу, получить права... господа, да, конечно, сами решат, чем потом заниматься, главное, Серёжа не зациклен на работе в цеху.

– Джен, Элис ходит только в школу?

– Нет, ещё на занятия в Культурный Центр, пение, танцы, рисование... – Женя засмеялась. – Ещё всего понемногу. Называется: курс эстетического развития.

– Ещё французский наверняка, – улыбнулся Джонатан.

– Французский и немецкий в школе, факультативами с пятого класса. Конечно, будет ходить.

– А меня французским с пяти лет мучили, – сокрушённо вздохнул Джонатан.

– И как? – поинтересовался Андрей.

– Кое-что помню, – улыбнулся Джонатан.

– Да не, я про училку. Она-то как, жива осталась? Ну, после занятий с тобой.

– А бог её знает, – пожал плечами Джонатан. – Потом... эта катавасия началась, не до французского стало.

– А... ну да, – кивнул Андрей. – Извини, не подумал.

– С ним это бывает, – Эркин привстал, передавая Фредди огурцы. – Попробуй эти, они острее.

– М-м. Джен, чудо. Банковский сейф можно подрывать.

Все дружно рассмеялись. После жирной сочной кулебяки все с новым энтузиазмом налегли на острые, солёные и маринованные овощи, нахваливая и их, и водку.

Эркин оглядел опустевший стол и стал собирать посуду.

– Антракт, – понимающе кивнул Бурлаков и успокаивающе улыбнулся Жене. – Покурим, отдохнём...

– А там по новой, – закончил за него Андрей. – Женя, мы поможем. А курить у меня можно.

– Так вкусно, – встал и Фредди, – что надо передохнуть.

И Женя сдалась. Да и ей самой так удобнее, она-то придумывала под каким предлогом уйти на кухню заняться следующей переменной, и в первую очередь мясом, а теперь всё удачно складывается, и она весело улыбнулась всем, вставая.

– Конечно-конечно.

В маленькой комнате показалось сначала даже прохладно. Джонатан с удовольствием расстегнул пиджак и сел на диван. Фредди тоже расстегнулся и подошёл к шкафу, рассматривая книги. Большинство на русском – сразу отметил он и усмехнулся: интересно, а на индейском языке книги существуют? Вряд ли, не слышал никогда о таком. И спраши-

вать об этом не стоит. Во избежание осложнений.

Бурлаков снял пиджак, аккуратно повесив его на спинку стула, и закурил. Андрей, стоя у дверей и улыбаясь, оглядывал их напряжённо сощуренными глазами.

– Хорошо устроился, парень, – отвернулся от шкафа Фредди.

– Не жалуясь, – улыбнулся Андрей.

Он ждал, ждал того главного разговора, для которого и затевал всю эту свадьбу, но сам не знал, что это будет за разговор и как его начать. Все заготовки полетели к чертям свиных чьим: первая встреча профессора с Джонатаном и Фредди прошла, оказывается, ещё раньше, без него, и он о ней ничего не знал, а с середины кона влезать в игру рискованно и опасно. Но и отступать нельзя. Чёрт, ему сдавать, а карты закрыты. Можно струсить и удрать помогать Эркину и Жене, но... нет, он не отступит.

– Фредди, а вы часто ездите в Россию? – спросил Бурлаков.

– Как придётся, – с неизбежной уклончивостью ответил Фредди.

– Помаленьку раскручиваемся, – поддержал его Джонатан. – У нас небольшая фирма и налаживаем связи.

– «Октава» не торговец, а посредник, – хмыкнул Фредди.

– И куртаж с каждой стороны, – понимающе кивнул Бурлаков.

Все рассмеялись. Андрей подошёл к столу, взял себе си-

гарету из брошенной Бурлаковым пачки и закурил.

– Мало имения, Джонни, да?

Джонатан усмехнулся.

– Не складывая всех яиц в одну корзину. Слышал такое?

– Да, – кивнул Андрей, переставил стул и сел верхом, опираясь локтями на спинку. – Я бы тоже не против, да яиц у меня маловато, – и усмехнулся, подумав, как это прозвучит и как поймётся по-русски, а, краем глаза поймав улыбку Бурлакова, понял, что и до того дошло. Но оба промолчали, не став вдаваться в лингвистические тонкости.

– А ссуда? – сверху вниз посмотрел на него Фредди. – Или всю проесь решил?

– Пусть лежит. Своё дело я пока всё равно не потяну, – Андрей пыхнул дымом. – Да и не решил я ещё, какое оно, моё дело. А с землёй вязаться совсем неохота. Не земляной я.

Разговор шёл совсем куда-то не туда, но шёл, и прерываться не стоило.

По дороге на кухню Женя заглянула к Алисе. Та спала на неразобранной кровати, свесив ноги в тифельках и прижимая к себе Спотти. Присела, видно, и заснула. Женя улыбнулась и вошла, неплотно прикрыв за собой дверь. Надо уложить как следует. Но когда она начала раздевать дочку, Алиса, не открывая глаз, запротестовала:

– Мам, ну, ещё не поздно, ну, ещё чуточку, я ещё чаю не пила.

– Хорошо-хорошо, – не стала спорить Женя. Она уже решила, что завтра Алиса школу пропустит, в конце концов свадьба, а у них настоящая свадьба, не каждый день и даже не каждый год бывает. – Только платье снимем и воротничок. А к сладкому я тебя разбужу.

– Ага-а, – согласилась Алиса, вытягиваясь на кровати.

Женя укрыла её краем покрывала, погасила свет и пошла на кухню.

Эркин, закатав рукава рубашки, в её фартуке мыл посуду.

– Женя, я рыбу достал и прикрыл, а горшочки в духовку поставил.

– Ага, спасибо, Эркин. Как ты думаешь, им понравилось?

– Ещё бы! – очень убеждённо ответил Эркин. – Не сравнить с королевским.

– Ну что ты, там же французская кухня была, – попробовала возразить Женя. – Из дорогого ресторана, профессионалы делали. Ты же сам рассказывал.

– Русская кухня куда лучше. И вкусно, и много всего.

Эркин поставил на стол стопку вымытых тарелок и взял полотенце.

– Сейчас перетру.

– А мне что делать?

– А ты отдохни.

Эркин немного захмелел – решила Женя, потому что таким командным тоном он с ней ещё никогда не разговаривал. Спорить она не стала, а взяла второе полотенце. В че-

тыре руки куда быстрее. Но тут они столкнулись, взявшись сразу за одну тарелку и почему-то стали целоваться.

Фредди, проходя в ванную, краем глаза увидел их в открытую дверь и, вернувшись в маленькую комнату, решительно пресёк попытку Андрея пойти помочь по хозяйству.

– Сиди. Им и без тебя весело.

Джонатан с удовольствием захохотал. Рассмеялся Бурлаков, и невольно улыбнулся Андрей.

Оглядев уже готовый к следующему действию стол, Женя отправила Эркина к гостям.

– А то нехорошо. Я тоже сейчас приду.

– Ладно, – Эркин быстро поцеловал её в щёку и пошёл в маленькую комнату.

– О, вот и хозяин, – встретил его Фредди.

Эркин изумлённо посмотрел на него.

– Как ты меня назвал?

– Хозяином, – удивился его удивлению Фредди. – А что?

– Нет, ничего, – Эркин смущённо улыбнулся.

К русскому «хозяин» он привык давно, здесь все так называли мужей, старших в доме, и с рабством это никак не связывалось. А вот по-английски... его так назвали впервые. И Фредди явно имел в виду именно, что он муж, а не что-то другое.

– Ничего, – повторил он уже уверенно.

– Алиса где? – спросил Андрей. – Что-то давно не слышно.

– Заснула, – улыбнулся Эркин. – К чаю разбудим.

Улыбнулся и Бурлаков, с ласковой насмешкой хмыкнул Андрей. Фредди невольно поёжился: если эти трое решат, что у Джонни серьёзные претензии на девчонку, то могут возникнуть очень серьёзные и совершенно не нужные осложнения. Да, чёрт, этот вариант он не предусмотрел, но обратного хода уже нет, и крыша такая, что на много лет их российские дела обеспечит.

– И что сейчас будет? – спросил Джонатан.

– Рыба будет, – охотно ответил Эркин.

– Э нет, – остановил его Бурлаков. – Кто же о сюрпризе заранее рассказывает.

– Да? – удивился Эркин. – Тогда молчу.

– Главное он уже услышал, – успокоил его Джонатан.

– Люблю рыбу, – кивнул Фредди.

– Вот и отлично, – вошла в комнату Женя.

Андрей помахал рукой, разгоняя дым.

– Накурили мы тут.

– Ничего-ничего, – успокоила его Женя и встала рядом с сидящим Эркином, мягком нажимом на его плечо предотвратив попытку встать и уступить ей место.

И так осталась стоять рядом с ним, опираясь на его плечо и оглядывая присутствующих сияющими счастливыми глазами.

– А я тебя помню, Джен, – вдруг сказал Фредди.

– Да?! – радостно удивилась Женя. – Откуда?

– А мы привезли тогда Эркина, – стал рассказывать Фредди. – И ждали на улице. Ну, чтоб он сигнал подал, что всё в порядке. Мало ли что за лето могло случиться. А ты как раз в окно выглянула.

– Ой, да! – согласилась Женя и смущённо улыбнулась. – Но я вас не помню.

– А мы такие все из себя... неприметные, – хмыкнул поковбойски Джонатан.

– Когда вам это нужно, – понимающе кивнул Бурлаков.

– Неприметным быть всегда лучше, – серьёзно сказал Фредди.

– Да, – сразу согласился Эркин.

– Хуже нет, когда из шеренги выбиваешься, – поддержал его Андрей.

Бурлаков быстро искоса посмотрел на него и отвёл глаза. Эркин, закинув голову, снизу вверх посмотрел на Женю. Она ответила ему улыбкой, погладила по плечу и весело сказала:

– Всё готово, прошу к столу.

Мужчины дружно загасили сигареты и встали.

– Когда женщина приказывает, все повинуются, – весело сказал Джонатан, предлагая Жене руку.

Игру, которую затеял и упрямо вёл Фредди, он так и не понимал, но по мере сил подыгрывал. И по привычке не спорить с ковбоем, когда тому шлея под хвост попала, и потому, что игра в целом не претила ему, и просто... почему бы и не расслабиться. Русская кухня в домашнем варианте ока-

залась вполне приемлемой и даже интересной, возобновить знакомство с профессором и перевести его в такое своё, дружеское русло тоже неплохо и даже перспективно, так что всё хорошо и можно не мешать естественному ходу событий. А с ковбоем он и дома разберётся.

Нужный Андрею разговор так и не состоялся, но и ночь ещё не кончена, и без Алиски за столом намного свободнее, а то эта пигалица всё запоминает и потом выдаёт в самый неподходящий момент. И ведь умеет так сделать, что и не прижучишь её.

Стол сверкал и искрился фарфором и стеклом и поражал не так изысканностью сервировки, как изобилием. Центр стола занимало большое овальное блюдо с кусками запечённой рыбы. Вокруг теснились салатники со всевозможными приправами и гарнирами. Увидев приготовленное вино, Бурлаков удовлетворённо кивнул.

– Молодцы, всё правильно.

– Эркин подбирал, – сказал, усаживаясь на своё место, Андрей. – Спасибо, Женя.

Женя разложила по тарелкам рыбу, Эркин и Бурлаков разлили вино. Наступила невольная пауза, и тогда решительно встал Андрей, оглядел сидящих за столом.

– Год назад, – начал он, – ну, на месяц больше, мы праздновали на королевском ужине свою победу. Что мы выжили, а, значит, победили. А раз выжили, то и проживём. Выжить можно и в одиночку, трудно, но можно, а жить в одиночку

нельзя. В одиночку человек ни черта не может. А вместе... Так вот, выпьем за то, чтоб мы жили и не теряли друг друга, чтоб вместе... – он остановился, вдруг растеряв все слова.

– Я понял, – сказал Эркин. – Согласен, брат.

– Согласен, – поднял свою рюмку Бурлаков.

Кивнув, повторили его жест Джонатан и Фредди. Улыбнувшись, присоединилась ко всем Женя.

Выпили и принялись за рыбу.

Фредди осторожно подцепил вилкой золотистую корочку, открывая снежно-белое, нежное даже на взгляд мясо, вдохнул запах.

– Оу! И что это, Джен?

– Севрюга, – улыбнулась Женя.

– Царь-рыба, – столь же вразумительно сказал по-русски Андрей.

– Сев... – попытался повторить Джонатан и рассмеялся над своей попыткой. – Джен, это просто волшебство.

– Согласен, – оторвался от своего куска Фредди. – Даже не представлял, что такое возможно.

– Лучше форели? – поддел его Андрей.

– Форель само собой, а это само собой, – Фредди улыбнулся и закончил по-ковбойски: – Вороная хороша, так и гнедой не хуже.

– Резонно, – согласился Джонатан. – А это что?

– Это хрен, – сказала Женя по-русски, на мгновение забыв английское название, и придвинула соусник.

Фредди быстро и удивлённо вскинул на неё глаза: настолько он русский язык знал, и содержимое соусника никак не походило на то, что называлось хреном в разговорах. Заметил Бурлаков его взгляд или нет, но сразу как бы невзначай перевёл на английский и стал рассказывать о традиционных русских приправах и учить гостей обращению с ними. Джонатан и Фредди согласились, что сочетание вкусов необыкновенно и весьма приятно.

Добавка понадобилась всем, и блюдо с рыбой очистили полностью. Эркин встал, собирая посуду.

– Андрей, помоги.

– Ага, мигом.

На кухне Андрей тихо спросил:

– Алиске-то оставили?

– А то! – улыбнулся Эркин. – В два кулака кусман. Это чистые, неси, расставь. А вилки с ножами заberi и сюда, под мясо другие идут.

– Замётано, – энергично кивнул Андрей.

Прибежала Женя, одобрила их действия и бросилась к духовке: горшочки нельзя переставать.

– Вы идите, там всё подготовьте и сразу сюда.

– Женя, я достану.

– Иди-иди, а то ставить будет некуда.

Но, когда Эркин и Андрей ушли, она вместо того, чтобы доставать горшочки с мясом и овощами, просто осталась стоять посреди кухни, будто забыла, зачем она сюда пришла

и вообще, что здесь делает.

Увидев стопку чистых тарелок, Фредди изобразил восторженный ужас.

– Ещё есть будем?!

– Будем! – весело ответил Андрей. – И пить будем! Гуляй душа, Фредди!

Главное он сказал, против никто не вякнул и даже не поморщился, так что всё тип-топ и разлили-малина.

Вошёл Эркин с бутылками вина, быстро расставил их, поправил неровно лежащие вилки и улыбнулся всем.

– Мы сейчас. Андрей, пошли!

– Ага!

Андрей ловко подмигнул сразу обоими глазами и вышел следом.

Джонатан рассмеялся.

– Приём по высшему разряду. Ну, профессор, что Эндрю любит пыль в глаза пустить, мы знали, но от Эркина такого разгула не ждал.

– Расслабься, Джонни, – с ленивым благодушием ответил за Бурлакова Фредди, с интересом рассматривая картины на стене: сентиментальный пейзаж-олеографию и неброскую, но очень неплохую акварель – букет цветов.

Бурлаков улыбнулся.

– А почему и нет, Джонатан? Если есть повод для праздника, грех им не воспользоваться.

– Согласен на все сто, – кивнул Фредди.

– Не смею спорить с такими авторитетами, – улыбнулся Джонатан.

На этих словах в комнату вошла целая процессия. Впереди шла Женя, вооружённая блестящими ложками и черпачками, а за ней Эркин и Андрей несли большой поднос с коричневыми, блестящими от глазури литровыми горшочками. Из-под крышек выбивались струйки ароматного пара. Фредди восторженно присвистнул и открыл рот.

– Считаю, что высказался, ковбой, – остановил его Джонатан. – И что это, Джен?

– Мясо и овощи, – дружно ответили все трое.

Женя ещё раз оглядела стол и принялась раскладывать содержимое горшочков по тарелкам.

Посередине горкой кусочки мяса, а вокруг них тоже горками горошек, морковь с яблоками, репа, картошка со сметаной и гречневая каша с грибами.

Эркин разлил по рюмкам красное и словно тягучее на глаз вино.

И теперь Джонатан встал с ответным тостом за себя и за Фредди.

– Для нас большая честь присутствовать на вашем торжестве, мы благодарны за оказанное нам доверие...

– И чтоб не в последний раз, – вклинился в образовавшуюся паузу Фредди.

Джонатан недовольно обернулся к нему, а Фредди, словно не замечая его недовольства, встал и, протягивая к Эркину

свою рюмку для чоканья, закончил в рифму:

– И уже у нас.

– Присоединяюсь и поддерживаю, – не стал заводиться Джонатан. – В «Лесной поляне» продолжим.

Чокнулись, выпили и приступили к мясу. Причмокивания, восхищённые вздохи и высказывания. Женя с неудержимо счастливой улыбкой слушала эти похвалы и восторги. Кулебяку и загорыши делал профессионал, в рыбе сама рыба сыграла, севрюга недаром царь-рыба, а вот обычное мясо и овощи сделать... нет, она всё-таки молодец!

– Джен, просто чудесно.

– Давайте, я вам ещё положу.

– Женечка, каша великолепна.

– Мг-м, Эркин, дай вон тот, с горошком.

– Держи.

– А себе?

– Я репы возьму.

– Джен, божественно! Это картошка?

– Да, со сметаной.

– Ох, хорошо-о!

Андрей с блаженным вздохом запил последний кусок вином и повертел рюмку, любуясь искрами на гранях. Дав всем доесть, Бурлаков решительно провозгласил:

– Большой антракт!

– Верно, – кивнул Андрей и встал. – Пойду чайник поставлю.

– Успеешь с чайником, – встал и Эркин. – Сначала посуду.

Женя, ты тоже отдохни, мы сами.

– Конечно, – поддержал его Бурлаков.

Женя улыбнулась, но не сказала ни «да», ни «нет».

Конечно, какой отдых, когда надо всё убрать, освежить стол, и самой... и гостей без внимания не оставишь, и... да мало ли дел у хозяйки на празднике.

После такого пиршества всем хотелось немного размяться, и желающих помочь по хозяйству хватало с избытком. И потому возникли неизбежные толкотня и суматоха. Убедившись, что Эркин и Андрей плотно заняли мойку и стол для чистой посуды, Фредди отправился бродить по квартире. Эндрию тогда обмолвился, что спальню Эркин сделал – обалденную. Ванную он уже посмотрел. В самом деле, классно сделано. И удобно, и... для всего удобно. Посмотрим теперь спальню.

В спальне было темно. Фредди щёлкнул выключателем и огляделся. И что тут такого особенного? Большая – десять футов с каждой стороны – кровать, покрытая знакомым по Бифпиту ковром-покрывалом, по тумбочке у изголовья, на левой лампа с традиционно розовым шёлковым абажуром, комод, на комодe всякая женская белиберда, шкаф для одежды с центральной зеркальной створкой и трюмо-трельяж с той же неизменной женской мелочевкой. Неплохо, даже уютно, но что тут необычного? Может, что вместо стульев – пуфы? Так это тоже сплошь и рядом, где спальня отдельно от

остального. Он шагнул вперёд, уже рассеянно оглядываясь по сторонам, ещё шаг, ещё... и вздрогнул. Потому что увидел себя. Сразу со всех сторон.

В первый момент он даже растерялся. Куда ни посмотри, везде он сам, со всех боков и во всех видах. На чёрта это Эркину?

– Эй, – позвали его.

Фредди повернулся, и все его бесчисленные зеркальные двойники так завертели головами, что аж в глазах зарябило.

– Эркин?

– Ну да.

Эркин вошёл в спальню и гордо улыбнулся.

– Ну, как тебе?

– Впервые такое вижу, – честно ответил Фредди. И не удержался: – Зачем тебе это?

Эркин покраснел.

– Ну... ну, со всех сторон тогда видно.

– И часто ты себя рассматриваешь?

Эркин покраснел ещё гуще, но решил объяснить.

– Да нет, Фредди, ты... ты вот что...

Он быстро подошёл к Фредди и чуть подвинул створку у трюмо, затем другую. Множество отражений исчезло.

– Ты иди, сядь.

– И куда? – заинтересованно спросил Фредди.

– А куда хочешь.

Фредди огляделся и сел на один из пуфов. Эркин снова

покачал створками, поочерёдно, а потом одновременно.

– А теперь смотри. Не на меня, а в зеркало.

– В какое?

– А в любое.

И Фредди с изумлением увидел множество отражений Эркина.

– Ого! – вырвалось у него.

– Вот, – гордо сказал Эркин. – Ты себя видишь? Ну, в зеркале?

– Нет.

– Ну вот. А меня со всех сторон, – и, выходя из зеркального коридора, исчерпывающе закончил: – Когда танцуешь, здоровско смотрится.

Фредди задумчиво кивнул. Ясно, что Эркин знает эту штуку ещё с тех времён и, значит, о чертежах спрашивать бесполезно, но... стоп, есть вариант!

– Эркин, а это все... ваши знают?

Эркин пожал плечами.

– Наверное. Должны вообще-то.

– А Слайдеры?

– Наверное, – повторил Эркин и с интересом посмотрел на него. – Фредди, а тебе это зачем?

– Есть идея, – туманно ответил Фредди и встал. – Ты не трогай ничебго, ладно? Я за Джонни схожу.

У Эркина вертелось на языке, для какой спальни нужен Фредди зеркальный коридор и зачем к этому Джонатан, ведь

в Бифпите они вдвоём ни к одной не ходили, разные у них милашки, а теперь чего? Но промолчал и стал ждать развития событий.

Джонатана Фредди нашёл в маленькой комнате за оживлённой беседой с Бурлаковым о достоинствах различных вин и водок.

– Извините, профессор, – Фредди с ходу вклинился в разговор, – я заберу его на пару минут. Джонни, пошли, покажу тебе кое-что.

Джонатан подозрительно посмотрел на него и встал.

– А на этот раз ты что выдумал?

– Не я, но тебе будет интересно.

После такого заявления Бурлаков не смог не пойти с ними, а в прихожей к ним присоединился Андрей, так что Эркину пришлось давать пояснения совершенно неожиданной толпе зрителей.

– Н-ну? – Фредди победоносно посмотрел на Джонатана, будто это он сам придумал и устроил.

– Интересно, – кивнул Джонатан. – Стоит попробовать.

– Где? – влез Андрей.

– У Ларри, – ответил Фредди.

– А зачем на огороде зеркала? – удивился Андрей.

– Ларри давно в Колумбии, – задумчиво ответил Джонатан. – У него ювелирный салон.

– Да, – кивнул Бурлаков. – В ювелирном салоне безусловно необходимо.

– А что, Ларри это дело знает? – не унимался Андрей. – Чего ж он тогда огородничал?

– Значит, так надо было, – усмехнулся Бурлаков.

– Точно, профессор, – кивнул Фредди. – Чем надо, тем и занимаемся. Джонни, налюбовался на себя?

– Ты знаешь, как это сделать?

– Я знаю тех, кто знает, – ответил Фредди, подмигивая Эркину. – Этого достаточно.

– Думаешь? – изобразил сомнение Джонатан.

Все рассмеялись. Эркин как бы невзначай покачал створками, и вдруг все сразу оказались в зеркальном даже не коридоре, а зале, окружённые своими бесчисленными отражениями.

Первым пришёл в себя Андрей.

– А что? Смотримся!

– М-да, – вынужденно согласился Фредди.

Он пытался достать несуществующий пистолет и убеждался, что скрытого движения не получается.

– Не старайся, ковбой, – фыркнул Джонатан. – Штука стоящая.

Эркин самодовольно улыбался. Он никак не ждал, что зеркальный коридор так всем понравится.

– Отлично сделано, – ещё раз огляделся Джонатан. – И часто вы здесь развлекаетесь?

– Ну-у, – неопределённо протянул Эркин. – Ну, как получится. Не каждый день, конечно.

– Каждую ночь? – с невинным выражением уточнил Фредди.

Эркин несколько оторопело посмотрел на него и вдруг быстро вышел из зеркального зала, выключил верхний свет и включил лампу на тумбочке. В розовом мерцающем сумраке с фиолетовыми тенями всё стало иным, призрачным и одновременно волнующе телесным.

– Фу, чёрт, – разрушил общее оцепенение Андрей. – Ну, ты даёшь, братик.

Эркин включил верхний свет и наконец ответил на вопрос Фредди.

– Каждую ночь не получается. На работу рано вставать.

– Ну, когда только в этом проблема... – комично вздохнул Бурлаков.

Эркин уже привык к подобным «мужским» разговорам и потому спокойно рассмеялся вместе со всеми.

Ещё раз оглядевшись и восхитившись тем, как всё хорошо и с умом устроено, мужчины покинули спальню. Выходя последним, Эркин выключил свет и, когда все перешли в гостиную, а оттуда к Андрею, продолжая балагурить о ночных забавах и развлечениях, снова заглянул в комнату Алисы. Женя спала рядом с Алисой, как он их и оставил перед тем, как зайти в спальню, где Фредди изучал зеркальный коридор. Туфли с Жени он тогда снял, а платье не стал: креп не мнётся, да и вдруг кто заглянет, Жене потом неловко будет. Убедившись, что они спят, он тихо прикрыл дверь и пошёл

к остальным.

В комнате Андрея было шумно и весело. Разговор шёл о женщинах.

– Женщины ни в чём меры не знают, – усмехнулся Фредди.

– Точно, – горячо поддержал Андрей. – Уж если умна, то во! А если дура, то... Ну, в жизни мужик до такой дурости не дойдёт. Вот секретаршу вашу взять...

– Кого? – удивился Джонатан.

– Ну, кто у вас по выходным на телефоне сидит.

Джонатан и Фредди быстро переглянулись.

– И когда ты с ней познакомился? – вздрагивающим от сдерживаемого смеха голосом спросил Фредди.

– А когда звонил вам. Она что, не передала?

– Передала, передала, – нетерпеливо кивнул Джонатан.

– Ну, так я и говорю, дура она. Заладила одно и то же, и, чего ей говорят, ни хрена не слушает.

Начал он весело, но потом в его голосе зазвенели нотки настоящей обиды. Эркин молча стоял в дверях и слушал, невольно хмурия брови. Ну чего Андрей завёлся, девушка на работе, делала, что велели, чего он... ну, как есть, малец. Он уже открыл рот, чтобы вмешаться, но не успел. Потому что Фредди и Джонатан больше не могли сдерживаться и захохотали. Андрей на полуслове замолчал, недоумевающе глядя на них. И не удержался: сам фыркнул и стал смеяться вместе с ними.

– Ох, Эндрю, – простонал, вытирая глаза, Фредди, – ох, уморил. Ты хоть знаешь, с кем ты говорил?

– С этой, секретаршей вашей.

– Ну да, но это только голос её был, это автоответчик.

– Что-что? – заинтересовался Бурлаков.

Джонатан стал объяснять устройство автоответчика. Андрей слушал, по-детски приоткрыв рот и удивляясь не столько техническому прогрессу и собственной лопушистости, сколько тому, как свободно разбирается в технических проблемах Бурлаков.

– Интересно, – кивнул, выслушав Джонатана, Бурлаков. – Интересно и даже заманчиво. Чья, говорите, разработка?

– Вот этого не знаю, но, скорее всего, из Англии. Как она оттуда и сюда попала... – Джонатан усмехнулся, – не в моей компетенции, да я особо и не интересовался. Удовольствие, конечно, дорогое, но полезное.

– Заманчиво, – повторил Бурлаков. – Для университета... Хоть по одному аппарату на факультет...

Джонатан достал свою визитку.

– «Октава» не торговец, а посредник. Обсудим на неделе?

– Хорошо. Вам позвонят.

– Отлично.

– Однако, – покрутил головой Андрей. – быстро вы...

И не договорил, остановленный очень серьёзным взглядом Фредди.

Проснувшись, Женя не сразу сообразила, почему она одета и рядом спит Алиса, а, вспомнив, тихонько рассмеялась и встала. Удивительно, но туфли стояли так, что она сразу, едва спустив ноги, попала в них. Ну, это только Эркин мог. Она огладила себя ладонями, на ощупь проверяя, не сильно ли помялось платье, и бесшумно вышла из детской. Из дальней комнаты донёлся взрыв мужского хохота, и Женя, очень довольная тем, что её отсутствие, кажется, прошло незамеченным, юркнула в спальню, чтобы быстренько привести себя в порядок.

К счастью, всё оказалось не так страшно, как думалось просонья. Женя быстренько заново переколола волосы, ещё раз оглядела себя в зеркальном коридоре и побежала на кухню.

За разговорами и смехом Эркин расслышал быстрые и лёгкие шаги и незаметно вышел из комнаты.

– Мы тебя разбудили?

– Нет, что ты. Давай на чай накрывать.

– Чайник уже кипел. И самовар готов.

– Ой, ну, ты молодец. Сейчас накроем, и я Алиску подниму. На сладкое. А не проснётся, так пусть спит, уложу тогда по-настоящему.

– Да, Женя, я вот подумал, что кофе...

– Какой кофе, Эркин, откуда?

Эркин покраснел и признался:

– Я купил. Ну, в Сосняках. И всё к нему, что положено.

Женя...

Но Женя, восхищённо тихонько взвизгнув, уже упоённо целовала его.

– Эркин, ты гений, какой же ты молодец, я даже не подумала, конечно, возьмём новый сервиз, ну, как же здорово...

Ой, Эркин, а вина хватит?

– К кофе коньяк, Женя, я взял.

– Ой, ну, какой ты молодец.

Они ещё раз поцеловались, и Эркин понёс в столовую поднос с самоваром, а Женя стала раскутывать из-под груди полотенец сладкие пирожки.

Вышел из маленькой комнаты Андрей, критически оглядел уже почти накрытый стол и авторитетно высказался:

– Классно, братик! Люкс-экстра!

– Угу, – кивнул Эркин. – Удлинитель принеси.

– Сей-секунд, в момент налажу.

Оставив Андрея налаживать бесперебойную работу самовара, Эркин пошёл на кухню.

– Женя...

– Ага-ага, Эркин, я за Алиской, ты тут...

– Тут-тут, – он быстро чмокнул её в висок. – Всё хорошо,

Женя.

Женя убежала, а он уже спокойно оглядел пирожковую гору. Конечно, для переноса лучше бы несколько поменьше, но не такая уж и сложность, сделаем.

Его появление с блюдом пирожков вызвало восторженный

воплъ Андрея и появление остальных.

– Ого! – восхитился Фредди. – Это я понимаю. Как это ты не разронял?

– А я ж грузчик, – рассмеялся Эркин. – Мне чего ни дай, до места донесу.

– Пирожки и я донесу, – сразу влез Андрей.

– Ну да, в животе, – закончил Фредди. – И не разроняешь.

– А что? – принял вызов Андрей. – Самый надёжный транспорт.

– Кто спорит, – улыбнулся Эркин.

Вошла Женя, ведя за руку Алису, заново причёсанную, румяную от умывания холодной водой. Их появление вызвало новый град восторгов и комплиментов.

Наконец расселись за столом и приступили к ритуалу чаепития. Бурлаков опять разъяснял, объяснял и рассказывал. Шоколадные бутылочки, рожки, конфеты, фрукты, клубника, пирожки, варенье и чай... горячий, ароматный, прямо из самовара.

– Никогда такого не пил! – выдохнул Андрей.

Бурлаков молча кивнул: конечно, Серёжа был слишком мал и не может помнить, да и вообще «академические» чаепития кончились ещё в начале войны.

Женя гордо оглядывала стол. Конец – делу венец. Завершение вполне достойное.

Глядя, с каким удовольствием Эркин пьёт чай, Фредди еле заметно улыбнулся: совсем парень русским стал. Хотя...

лучше, чем здесь, ему нигде не будет, а где живёшь, живи как все. А чай, и в самом деле, неплохой, кофе, конечно, привычнее, но здорово нам нос утёрли, никак такого не ожидал.

Алисе Женья положила по одной конфете из каждой коробочки, и рожков, и по пирожку с грецкими орехами и изюмом, и с яблочным вареньем, и клубники, целых две большие ягоды, так что жаловаться не на что, и Андрюха далеко сидит, не дотянется, так что она спокойно и вдумчиво занялась своим богатством.

– Джен, пирожки чудесные.

– Спасибо, берите ещё. Фредди, ещё чаю?

– Спасибо.

– Так это и есть samovar?

– Да, чай из самовара – русская национальная традиция.

– Неплохо, очень даже неплохо, спасибо, Джен.

– Рада, что вам понравилось, – счастливо улыбалась Женья.

Как всё-таки хорошо, что она предусмотрительно отказалась от торта, так даже лучше получилось. Нет, ничего нет лучше чаепития, настоящего, по всем правилам, из самовара.

Как-то очень незаметно Эркин вышел из-за стола и сходил на кухню за чайником, чтобы долить самовар.

– Джонни, ещё?

– Значит, чай по-русски – это вот так, из самовара? – на этот раз у него совсем чисто получилось.

– Да. Вам нравится?

– Очень. Больше, чем по-английски.

– Это пятичасовой? – уточнил Фредди и высказался: –

Нудьга страшная.

– Ну, это смотря по компании, – возразил Джонатан. –

Хотя, в основном, согласен.

– Английский чай существует в двух традиционных вариантах, – вступил Бурлаков. – Пятичасовой, или чай по-джентельменски, и чай по-фермерски. Тот и в другое время, и часто заменяет ужин, и стол совсем по-другому накрывают.

– А по-ковбойски чай пьют? – спросил Андрей.

– Нет, – в один голос ответили Джонатан и Фредди и рассмеялись.

– Только кофе, – отсмеялся Фредди. – Ну, и грог ещё. И любое спиртное, какое найдётся.

– А просто воду? – спросил Эркин.

– Когда больше нечего, – фыркнул Фредди.

– Но никогда в этом не признаются, – засмеялся Джонатан.

Женя поглядела на Алису и кивнула ей.

Алиса вздохнула и подчинилась, хотя на её тарелке ещё конфеты есть и от пирожков кончики, но и спать чего-то хочется. Она ещё раз вздохнула и посмотрела на Эркина.

Эркин поймал её взгляд и, всё сразу поняв, улыбнулся и кивнул.

Алиса, успокоившись, что Эрик сохранит её остатки на

завтра, слезла со стула.

– Большое спасибо, очень вкусно, спокойной ночи, – и, выслушав ответные пожелания, вышла из комнаты.

Выждав несколько минут, Женя извинилась улыбкой и пошла проверить, как Алиса справилась с вечерним ритуалом. На её уход внимания не обратили: так интересно рассказывал Бурлаков, что чай в Европу пришёл с Восточного материка, там многовековые традиции и возделывания, и потребления, и практически одновременно, ну, по историческим меркам, но в Англию из Индии, а в Россию из Китая, чем во многом объясняются различия и в сервировке, и в сортах, и в заедках.

Убедившись, что всё в порядке и поцеловав уже спящую Алису, Женя вернулась в большую комнату, но не села за стол, а подошла к маленькому столику у дивана и стала перебирать лежавшие там фотографии.

Фредди, продолжая, как ни в чём ни бывало, поддерживать общий разговор, искоса следил за ней.

И всё-таки её возглас прозвучал для него неожиданно.

– Ой, Джонни! – Женя удивлённо смотрела на Джонатана, держа в руках несколько фотографий. – Как же вы похожи на Алису!

Наступила мгновенная тишина.

– Что и требовалось доказать, – совсем тихо выдохнул Фредди.

Но его услышали, хотя никак это не показали.

Андрей встал и подошёл к Жене, взял у неё фотографии, быстро, тасуя, как карточную колоду, просмотрел и явно вынужденно согласился:

– Точно, на одно лицо.

Джонатан метнул на Фредди бешеный взгляд, но теперь тот сделал вид, что не заметил. Сейчас ему важнее Эркин. Как он поймёт? Если всерьёз и приревнует Джонни, то придётся гасить в самом начале.

Эркин тоже встал и подошёл к Жене и Андрею, взял у них фотографии, внимательно просмотрел.

– Да, очень похожи.

Андрей оторопело переводил взгляд с него на Женю и обратно. Эркин посмотрел на Женю. Она улыбнулась ему, и, как всегда, её улыбка сразу отразилась на его лице. Он положил фотографии на столик.

– Да, в самом деле.

Фредди незаметно перевёл дыхание: он опасался худшего, но, кажется, обошлось.

Чаепитие закончилось вполне благодушно в общем согласии и удовольствии. Сходство Алисы и Джонатана не обсуждалось, и о нём даже не вспоминали, но Джонатан, сталкиваясь взглядом с Эркином, понимал, что объясняться придётся. Вот втравил его ковбой. И непонятно – зачем? Столкнуть его с Эркином? Зачем?! Бессмыслица какая-то. Ковбой он, конечно, ковбой, но дураком никогда не был. Ну, сходство, сходством их ещё тогда в Джексовилле тыкали, так если по

делу, то надо на тормозах спускаться, а ковбой прямо из штанов выпрыгивает, чтоб все заметили. «Что и требовалось доказать». Кому? И опять же – зачем?

Допив чай, встали из-за стола. Началась уже обычная суета с уборкой. Решив, что раз будет кофе, Женя оставила фрукты, вино и конфеты, убрав чашки, самовар и варенье с пирожками: к кофе они никак не идут. Как-то незаметно ушёл в маленькую комнату Андрей, и, заглянув туда и увидев его спящим на диване, Эркин тихо прикрыл дверь. Никто вроде не обратил внимания, но все остались в гостиной. Общий разговор шёл легко и весело. Фотографии по-прежнему лежали на столике, и, перебирая их, Женя вспомнила и рассказала, как они в первый раз сфотографировались, в Гатрингсе, в комендатуре.

– И свадьба была?

– Почти, – рассмеялась Женя. – Погуляли в каком-то заброшенном парке и поехали домой порознь.

– Парке? – удивился Джонатан. – Я не помню парка в Гатрингсе.

– Ну, это не совсем парк, – стал объяснять Эркин. – Мне просто сказали, что туда никто не ходит, а вокруг забор, но есть проломы, я и решил, что мы там сможем погулять.

– Чтоб нас никто не увидел, – подхватила Женя. – Эркин купил сэндвичи, шоколад и яблоко, и у нас был свадебный пир прямо в лесу.

– Лес? – удивился теперь Фредди. – Так парк или лес,

Джен?

– В городе и за забором, значит, парк, – засмеялся Эркин. – Но ни людей, ни дорог, ни скамеек, значит, лес.

На мгновение он помрачнел, вспомнив ту сволочь, Рассела, что выследил их тогда, и как он лопухнулся, не придавив гниду, но тут же улыбнулся. Его заминку если и заметили, то не обратили на неё внимания.

– У нас и кольца были, – смеялась Женя. – Из шоколадной фольги.

– Правильно, – одобрил Фредди. – Всё в дело, а то лежит и пользы не приносит.

Джонатан так хохотал, что и остальные, не понимая, правда, в чём тут соль и смысл, смеялись вместе с ним. Фредди скромно улыбался, как человек, отмочивший особо удачную шутку.

Отсмеявшись, Джонатан вытер глаза.

– Всё правильно.

Эркин, улыбаясь, кивнул.

– Да, иногда и не знаешь, как оно пригодится.

Кивнул и Бурлаков.

– Беспольных знаний нет.

– Да, – Эркин охотно поддержал разговор, в котором чувствовал себя уверенно. – Нам так по истории учительница всё время говорит.

– Хорошо учишься? – с мягкой, еле заметной и необидной насмешкой спросил Фредди.

– На одни пятёрки, – гордо ответила Женя. – Они с Андриюшей первые в классе.

– А потом что? – спросил Фредди. – В колледж пойдёшь?

– В России нет колледжей, – мягко объяснил Бурлаков. – Техникумы и институты. Среднее специальное и высшее образование.

– А университет? – с интересом спросил Джонатан.

– Тоже высшее, но намного престижнее. И сложнее.

– Так что, Эркин? – подмигнул Фредди. – В университет? Эркин с улыбкой покачал головой.

– Не потяну. Да и сначала школу надо закончить. А там... видно будет, – и, отвечая явно не на вопрос, а на свои мысли, закончил: – Не один год впереди, успею решить.

Фредди вспомнил, как Эркин говорил о двадцати пяти годах жизни, данных рабу хозяином, и тоже кивнул. Да, у Эркина теперь много времени в запасе, а что намного вперёд не планирует, так тоже правильно: кто знает, что и как в жизни повернётся. Ведь никак не думал, что Эркин именно к заводу прибьётся, вкалывать от звонка до звонка по чужой команде... Сам бы он такого в жизни не выдержал бы. Ковбой у стада сам себе хозяин. А всё же из Эркина ладный бы ковбой вышел, скотину он чувствует, с лошадьми ладит и с людьми по-глупому не задирается.

– Никак не думал, что ты к заводу прилепишься, – сказал он вслух. – На перегоне ты здорово держался.

– В деревне для Жени работы нет, – серьёзно ответил Эр-

кин. – А мне батраком столько не заработать.

– Зачем же батраком? – спросил Джонатан. – С такими деньгами мог и своё хозяйство завести.

Эркин несколько смущённо улыбнулся.

– Ну, тогда мы про ссуды, ну, что такие деньги дадут, – он улыбнулся Бурлакову, – не верили, да и школу Алисе выбрали, а в городе школы же лучше.

– И кем вы работаете, Джен? – спросил Джонатан.

– Я тоже на заводе, – улыбнулась Женя. – Машинистка и чертёжница.

– Да, – согласился Джонатан. – Специальность не для деревни. Не тяжело, Джен?

– Мне нравится, – засмеялась Женя.

Бурлаков, устроившись в кресле так, чтобы видеть сидящих на диване Эркина, Женю, Фредди и, устроившегося в другом кресле, Джонатана, искренне наслаждался, любуясь молодожёнами, весёлыми, нарядными и откровенно влюблёнными друг в друга.

Время за весёлой болтовнёй шло незаметно. Когда Женя в первый раз упомянула о Джексонвилле, Эркин напрягся, но, увидев её улыбку, успокоился. И ведь не только Хэллоуин – будь он проклят – был в Джексонвилле, и с Андреем он там встретился, и плохо ему там не было, нет, об этом можно говорить.

Оказалось, что Джонатан тоже учился в Крейгеровском колледже, и они с Женей пустились в воспоминания о нравах

и порядках студенческого городка. Фредди слушал со снисходительной, но не обидной усмешкой, подкидывая реплики о ковбойской школе в Аризоне, Бурлаков также охотно поддержал тему воспоминаниями о цареградском студенчестве, а Эркин молча слушал, наслаждаясь оживлением и весельем Жени. Так хорошо ему ещё никогда не было. А что ему про свою учёбу вспоминать не хочется, так и по Фредди заметно, что о многом умалчивает, у каждого своё, и мало никому не было. И, пожалуй, пора кофе готовить.

Он мягко убрал руку, свободно лежавшую за Женей на спинке дивана, и встал.

– Пойду кофе делать.

– Да, – встрепенулась Женя. – Ой, давай новый сервиз, это же кофейный, да?

– Да, – улыбаясь, кивнул Джонатан.

Конечно, ведь даже не раскрыли коробку, не посмотрели, и не из пренебрежения, а ставить было некуда, зато теперь совсем другое дело. И комбайн заодно достать и посмотреть, там же кофемолка есть. Есть? Ну вот! И для сливок взбивалка. Миксер? Ой, здорово как!

Женя быстро чмокнула Фредди в щёку и убежала следом за Эркином на кухню. Джонатан негромко рассмеялся.

– Что, ковбой, перепало?

– Не завидуй, Джонни, – спокойно ответил Фредди. – Ты своё уже взял и получил.

Джонатан открыл рот и промолчал, остановленный преду-

преждающим взглядом Фредди. От него требовали продолжать игру. Не будь рядом профессора, он бы потребовал ясности, нельзя играть втёмную, проигрыш обеспечен, какого чёрта?!

Бурлаков вежливо не заметил мгновенного поединка. Хотя... хотя, похоже, что Фредди работает именно на него, на свидетеля. Зачем? Так напоказ... легенда? Да, скорее всего отцовство Джонатана – легенда, Женечка явно видит его впервые, у Эркина ни малейших признаков ревности... Да, легенда. Но зачем? Что или кого должна прикрывать эта легенда?

Фредди перехватил понимающий взгляд Бурлакова, максимально обаятельно улыбнулся и пружинисто встал.

– Пойдём, Джонни, поможем с техникой разобраться.

Помедлив с секунду, Джонатан кивнул.

В принципе, на кухне управились бы и без них: инструкция к комбайну была рассчитана на домохозяйек без технического образования и почти целиком состояла из картинок, а с сервисом и подавно никаких проблем быть не могло. Но Фредди и Джонатану обрадовались.

– Как хорошо! Фредди, мы всё правильно сделали? Джонни, большое спасибо, – и он тут же получил поцелуй в щёку. – Я такой красоты никогда не видела.

– Рад, что доставил удовольствие, – Джонатан с чуть-чуть преувеличенной галантностью, чтобы со стороны смотрелось шуткой, но и в то же время достаточно серьёзно поце-

ловал Жене руку и стал распоряжаться.

Легко, без малейшего нажима он нагрузил Женю и Фредди посудой и отправил их накрывать на стол, оставшись наедине с Эркином. Надо расставить всё по местам, ковбою за игру без предупреждения он вломит полной мерой, но уже дома, и не в Колумбии, а в имении, а с Эркином надо решать сейчас. Индейцы вообще чувством юмора никогда не отличались, а насколько серьёзно Эркин относится к Джен видно сразу, Ему только разборок с ревнивым мужем не хватает, да ещё и на пустом месте.

– Эркин...

Эркин оглядел собранную наконец кофемолку и обернулся к Джонатану.

– Да?

– Я... – Джонатан вдруг растерялся. – Я... если ты думаешь, что у нас, меня и... Джен, что-то было... ну, тогда... и что я отец Элис...

– Я знаю, что это не ты, – перебил его Эркин и улыбнулся. – Женя говорила, тот был сволочь, охранюга, – и замолчал, считая объяснение законченным.

Джонатан перевёл дыхание.

– Спасибо, – но решил закончить. – Зачем это Фредди? – и сделал выразительную паузу: вдруг ковбой как-то предупредил парня.

Но Эркин озадаченно покачал головой.

– Не знаю, – улыбнулся. – А вы и в самом деле здорово

похожи, – и философском тоне поставил точку в теме: – Бывает.

Джонатан согласно кивнул. Большого он от Эркина не получит, но большего ему и не надо. Теперь ковбой может изгаляться как хочет, но этой проблемы уже нет. Об Эркине всякое можно сказать, но слово парень всегда держал, и не в индейских правилах крутить и перекручивать каждую минуту.

Эркин принёс из кладовки пакеты с кофе, коньяком, бисквитами и шоколадом, достал и поставил рядом с комбайном мельничку для кофе, маленькую и не особо броскую, но... ему тогда так хорошо объяснили, как засыпать и молотить, нет, лучше он вручную...

– А варить в чём будешь? – спросил Джонатан, с интересом наблюдая за его манипуляциями.

– А вот, – Эркин показал небольшую кастрюлю с длинной ручкой, вздохнул и пояснил: – Я не видел здесь кофейников. А потом в фарфоровый, из сервиза, перелью, ну, чтоб на стол поставить.

Джонатан хотел заметить, что при таком способе пропадёт гуща, но промолчал.

В кухне тонко, но ощутимо запахло свежемолотым кофе. И будто на этот запах вошёл Фредди. Повёл носом, внимательно оглядывая их: занятого варкой Эркина и наблюдающего за процессом Джонатана. Так, личико у подпасака чистое, не навесил ему Эркин, значит, обошлось, ну, Джонни

и не из таких передраг высказывал, вот и отлично.

– И впрямь кофе, – нейтрально, но чуть-чуть удивлённо заметил Фредди.

– И коньяк, – улыбнулся Эркин. – И всё остальное.

– Толково, – кивнул Фредди. – Что нести? – и сам ответил: – Джонни, я – коньяк, ты – всё остальное.

Конечно, у Джонни хватит ума не вмешиваться, но лучше из кухни его убрать, пусть Эркин спокойно готовит. Что сварит, то и выпьем.

Если Джонатан и догадался о причине, по которой его выгоняют из кухни, то промолчал.

Эркин сосредоточился на варке и даже не заметил их ухода, а тут к тому же прибежала Женя.

– Эркин, ну как? Ой, пахнет... просто чудесно. Ты вручную молот? Прелесть-мельничка.

Она попробовала оттеснить его от плиты, но Эркин не уступил.

– Нет, Женя, это я умею.

– Откуда? – удивилась Женя.

Эркин улыбнулся.

– В питомнике выучили.

Ладонь Жени мягко легла на его плечо, и он, склонив набок голову, прижался к ней щекой. И постоял так, пока кофе не вскипел пышной пеной. Эркин оторвался от Жени, быстро поднял кастрюлю и подержал на весу. Пена опала, и он вернул кастрюльку на огонь.

– Сейчас будет готов.

– Да, – кивнула Женя.

Но не ушла, а осталась стоять рядом с ним.

Когда кофе вскипел в третий раз, Эркин выключил огонь и перелил кипящий чёрный напиток в новенький кофейник из сервиза.

– А на гуще новую порцию сварим, – сказала Женя.

Эркин неуверенно кивнул, поставил кофейник на поднос, когда-то подаренный им Филиппычем, и понёс в гостиную.

Его появление встретили негромким, но весёлым и очень искренним восторгом. Эркин поставил кофейник на стол и внимательно осмотрел получившуюся картину. Конечно, коньячные рюмки смотрятся слишком просто, но это сервиз такой, что рядом с ним... мало что смотреться будет. Но... ладно. Что сделано, то сделано, и переделывать не будем.

Бурлаков с удовольствием оглядел стол. Не хуже чайного. И дело не только в сервизе. Шоколад, бисквиты, лимон, коньяк... нет, всё на уровне. И коньяк... что за марка? Ого! Со знанием дела подобрано. Как говаривал дед Егор – концептуально. И оставшиеся от чайного стола сласти и фрукты концепцию не портят.

Как-то само собой получилось, что командовать столом стал Эркин. Открыл и разлил по рюмкам коньяк, налил всем кофе.

Джонатан бережно обхватив рюмку, чтобы тёмно-янтарная жидкость согревалась ладонью, поднёс её к лицу и вдох-

нул запах.

– Однако! – вырвалось у него. – Что за марка, Эркин?

– Не знаю, – улыбнулся Эркин. – Я не смог прочитать.

– Как же покупал? – спросил Фредди, разглядывая этикетку. Н-да, странно. Картинка – орёл, распростёрший крылья над горными вершинами, и рамка из виноградных гроздьев – понятна, а вместо букв какие-то странно-смешные закорючки. Он повторил движение Джонатана и с таким же удовольствием вдохнул запах.

– Попросил самый лучший, – рассмеялся Эркин.

Бурлаков отпил и удовлетворённо кивнул.

– «Орлиное гнездо». И выдержка хорошая. Отлично, Эркин.

Эркин признательно улыбнулся и посмотрел на Женю. Она с улыбкой покачала головой, отказываясь от коньяка. Фредди, насладившись запахом, поднёс рюмку к губам и замер, остановленный пристальным, в упор взглядом Джонатана.

– И в чём проблема? – очень спокойно спросил Фредди.

– Не хочу упустить зрелища, – так же спокойно и очень серьёзно ответил Джонатан.

И, так как все удивлённо смотрели на него, пояснил:

– Ну, как ты коньяком плевать будешь, – и предупреждая возможные возражения: – Слово леди – закон для ковбоя.

Звонко ахнув, всплеснула руками Женя, засмеялся Бур-

лаков.

– Ну, Фредди, – слегка поддразнил он его, – есть проблема?

– У ковбоя проблем не бывает, – ответил Фредди по-ковбойски. – Бывает мало патронов.

Словно не замечая общего внимания, он, продолжая держать в одной руке рюмку с коньяком, взял чашечку с кофе, отпил, похвалил кофе, отпил ещё, побольше, ополовинив чашку, поднёс ко рту рюмку, почти коснувшись её губами, и вдруг неуловимо быстрым движением выплеснул коньяк в чашку, торжественно поставил пустую рюмку на стол, с явным смаком выпил кофе и победно посмотрел на Джонатана.

– А кофе плевать я не обещал!

Женя взвизгнула и захлопала в ладоши. Джонатан комично развёл руками.

– Умыл так умыл, – сказал он по-ковбойски.

Его замечание вызвало новый взрыв общего смеха. И они ещё смеялись, когда прозвучало по-детски обиженное:

– Меня, значит, спать, а сами шоколад трескают?!

В дверях маленькой комнаты стоял Андрей, взлохмаченный, без жилета и галстука, в рубашке навыпуск с расстёгнутыми и свободно болтающимися вокруг кистей манжетами.

Какое-то время все молча смотрели на него. Нарушил молчание Эркин.

– Иди умойся. Я сейчас тебе налью.

Андрей по-детски протёр кулаками глаза и улыбнулся.

– Замётано, брат.

Он оттолкнулся от косяка, пересёк, ни на кого не глядя, комнату и вышел.

Накрывая на стол, Эркин поставил прибор и для Андрея, так что никаких лишних хлопот не оказалось. И, когда Андрей вернулся, его уже ждали и кофе, и коньяк.

– Во! – обрадовался Андрей, садясь за стол. – Совсем другое дело. Спасибо, брат. За что пьём?

– За всё хорошее, – улыбнулся Бурлаков.

– Согласен! – кивнул Андрей и взял рюмку. – Ну...

– Залпом не пей, – предостерег его Эркин. – Закосеешь.

– Не бойсь, – тряхнул шевелюрой Андрей. – Помню, – и неожиданно уверенно повторил движение Джонатана, обхватив рюмку снизу, так что она почти утонула в его костистой ладони, поднёс к губам, глотнул. И причмокнул с видом знатока. – Отлично, брат. Во коньяк!

– В который раз пьёшь, что оценить можешь, – насмешливо хмыкнул Фредди.

– В четвёртый, – честно ответил Андрей. – На выпасе, на ковбойском ужине, на королевском и вот сейчас, – он с шутиливой старательностью загибал пальцы. – Да, Фредди, тут и разбираться нечего, всё ж ясно.

– Тебе всё всегда ясно, – Фредди допил чашку и кивком поблагодарил потянувшуюся к кофейнику Женю. – Спасибо. Впервые в России такой кофе пью. Где покупали, здесь?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – В Сосняках. Магазин Шмица. И мельничку там же. Ну, а как молотить и варить именно этот сорт мне бесплатно объяснили.

Лёгкий свободный разговор, вкусная еда... Женя, не особенно вслушиваясь в мужскую болтовню о винах, лакомясь то одним, то другим, то третьим, благо на столе всего навалом, но лучше всего, конечно, клубника, и как хорошо, что у неё нашлись сливки, жирные, на холоде постояли и прямо отлично взбились. Женя брала клубничку за черешок, окунала во взбитые сливки и отправляла в рот. Странно, но летом клубника не была такой вкусной.

Перехватив взгляд Фредди, Женя улыбнулась ему и слегка пододвинула фарфоровый салатник со сливками. Фредди кивнул и, протянув руку, взял, как и она, за черешок клубничку. Но окунать в сливки не стал. Он давно хотел попробовать её саму по себе. А вторую обмакнул. Да, в самом деле, весьма и даже очень. Стоит своих денег.

Остальные съели по паре ягод и словно забыли о них, даже Андрей, хотя тот больше налегал на шоколад и, может, поэтому предоставил клубнику полностью в распоряжение Жене и Фредди.

От общего благодушия никто не обратил внимания, как в глубине квартиры открылась дверь, и появление Алисы застало всех врасплох.

– А где торт?!

Все замолчали и обернулись к двери. Алиса, в длинной до

пят белой ночной рубашке в голубых незабудках, румяная и растрёпанная, стояла в дверном проёме, как в раме. Все молча смотрели на неё, а она требовательно продолжила:

– Андрюха! Это ты его опять съел!

– Опять, – хмыкнул Андрей, засовывая в рот очередной кусок шоколада. – И было-то всего... – он стал демонстративно загибать пальцы, якобы считая.

– Отдай! – потребовала Алиса. – У меня самый большой кусок был. С розой! Розу отдай!

– Из себя выну? – хладнокровно поинтересовался Андрей.

Говорили они по-английски, и Джонатан с Фредди улыбались всё шире, явно наслаждаясь этой перепалкой. Растерянная и возмущённая Женья – что о ней подумают?! Девчонка совершенно не воспитана! – молчала от переполнявших её чувств. Эркин спокойно ждал продолжения, он к таким маленьким и весёлым скандальчикам давно привык: Алиса вечно из-за чего-нибудь «вкусенького» цапалась с Андреем, и знал, что это не всерьёз, еды всегда всем хватает, но вот чего она про торт говорит, торт Женья не пекла и не покупала. А Бурлаков смотрел на Алису так, словно не мог поверить своим глазам: настолько эта девочка была сейчас похожа на ту, из его собственного детства, когда у них в Царьграде гостили какие-то дальние родственники, и он – семилетний шкет – влюбился в шестилетнюю гостью, и они, возмущённые тем, что взрослые отправили их спать, а сами ве-

селятся, пошли к ёлке, да, правильно, как раз в новогоднюю ночь, за конфетами и мандаринками прямо с веток, как бы-ли, в пижамках...

– Какой торт? – спросил Эркин. – Не было никакого торта.

– Был! – упрямо возразила Алиса. – Я его только что во сне видела! Андрюха, отдай немедленно!

Первым не выдержал и захохотал Фредди, за ним рассмеялся и Джонатан. Засмеялся и Эркин. И под этот смех Бурлаков протянул к ней руки.

– Иди сюда, Алечка. Мы сейчас кое-что и получше торта найдём.

Алиса, не колеблясь и путаясь в длинном подоле, пошла к нему.

Бурлаков посадил её к себе на колени, и, оглядев открывшееся перед ней великолепие, Алиса восторженно завопила:

– Бутылочки!!

И, едва не перевернув чашку и рюмку Бурлакова, легла грудью на стол, запустив обе руки в блюдо с шоколадными бутылочками, которое ещё раньше Андрей переставил поближе к себе, когда Женя с Фредди занялись клубникой.

– Алиса!!! – ахнула Женя.

– Ай да племяшка! – радостно заржал Андрей и немедленно накрыл обеими растопыренными пятернями бутылочки. – А вот и не дам! Ишь губы раскатала!

– Отдай, Андрюха! – Алиса тщетно старалась оттолкнуть его руки. – Жадина! Я все твои тайники Эрику покажу!

– А стучать западло!

– А ты... ты...

Джонатан упоённо хохотал, запрокидывая голову. Фредди – и когда только успел достать и настроить – с ухватками заправского репортёра щёлкал затвором фотоаппарата, торопясь запечатлеть все нюансы драки. Хохотал не в силах говорить Бурлаков. Смеялся и Эркин, обнимая и прижимая к себе смеющуюся разгневанную Женю.

Но тут Алиса, возмущённая Андрюхиной вредностью, лапами его загребущими и общим смехом, пустила в ход усвоенный в лагере запас сразу на двух языках, создавая невероятные для понимающего человека конструкции. И Фредди отложил фотоаппарат, чтобы от смеха не стукнуть его случайно.

– Ну, племяшка, ну, ты даёшь, – хохотал Андрей, ловко отбивая все её попытки завладеть конфетами.

После очередной Алискиной тирады Эркин решил, что пора этот бой заканчивать, и, отпустив Женю, решительно накрыл их переплетённые в борьбе пальцы своей ладонью.

– Уймись, Андрей, – сказал он по-русски и продолжил уже по-английски: – И чего ссориться, на всех хватит.

Высвободив из-под их рук блюдо, он стал раздавать конфеты сидящим за столом, читая вслух и тут же переводя надписи.

– С водкой... Фредди, тебе... Шерри? А, знаю, Женя, это сладкое... С коньяком... Держи, Джонни... С ликёром...

– Мне вот эту, большую, – попросила Алиса.

Эркин кивнул.

– Тогда её одну.

– Ла-адно, – согласилась Алиса с такой характерно-алабамской оттяжкой в голосе, что Фредди заржал в полном упоении.

Раздав всем так, чтобы у каждого получился практически полный комплект из бутылочек с разными напитками, Эркин – он всё-таки немного, но захмелел – поставил блюдо с остатками рядом со своей чашкой и объяснил:

– А мне двойная пайка, потому что я хороший.

И сам себя погладил по голове. Взвизгнув от восторга, Женья обняла его и поцеловала в щёку.

– Вот это правильно, – одобрил Фредди.

Алиса, сосредоточенно надув губы и забыв обо всём, разворачивала конфету. И Бурлаков так же внимательно следил за ней.

– Аккуратней, Алечка, не облейся, – тихо сказал он по-русски.

Алиса кивнула, старательно засунула бутылочку целиком в рот и даже ладошками зажала губы, чтобы не брызнуло наружу. И, увидев её раздутые щёки и строго насупленные брови, все опять рассмеялись. Справившись наконец с конфетой, Алиса вздохнула и прислонилась головой к плечу Бурлакова. Глаза у неё как сами собой закрылись. Она по-кошачьи облизнула испачканные шоколадом губы и объявила в

пространство:

– А я уже пьяная, вот.

И заснула.

Женя привстала, но Бурлаков покачал головой.

– Нет, Женечка, не беспокойтесь, я сам её уложу.

И вышел из гостиной, неся на руках... да, конечно же, внучку. Странно, но ему совсем не тяжело, хотя худенькой Алечку не назовёшь, нормальный здоровый ребёнок.

В детской он уложил свою... спящую красавицу в постель, укрыл одеялом и немного постоял над ней. Как когда-то... нет! То не повторится, никогда! Войны не будет, не может быть! Алечке ничего не грозит, она будет расти, учиться в школе, потом в университете, выйдет замуж, а если вдруг, не дай бог, то Загорье слишком далеко от любых границ, ни бомбёжек, ни оккупации...

Бурлаков сглотнул, справляясь с взявшимся откуда-то шершавым комком в горле, поправил Алисе одеяло и вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

В гостиной Фредди демонстрировал свои достижения в фоторепортаже. Кое-что вышло весьма наглядно.

Снова перешли к маленькому столику у дивана, перебирали и рассматривали фотографии. Не привлекая особого внимания, но и не прячась, Фредди отобрал несколько снимков и убрал их во внутренний карман пиджака.

Ночь незаметно, но неизбежно катилась к концу. И не только Эркин, с его чутьём спальника, но и остальные ощу-

щали это. Завершение праздника не менее важно, чем начало. И невольно зашла речь о новых встречах. Когда ещё выпадет собраться вот так, всем вместе.

– На Рождество никак не получится?

– Нет, Эндрю, – покачал головой Джонатан.

– Дела, – немного комично вздохнул Фредди.

У Андрея завертелось на языке, что какие могут быть дела в праздник, Рождество – оно везде Рождество, но всё-таки промолчал, увидев серьёзные глаза Фредди, и ограничился кратким и искренним:

– Жаль.

– Да, – кивнула Женя. – Очень жаль.

– А что, Джен, – вдруг предложил Фредди. – Может, приедете к нам летом.

Женя рассмеялась, явно посчитав приглашение шуткой. И Фредди не стал ни опровергать, ни настаивать. Это надо как следует подготовить, дело не одного дня, но идею он подкинул, и потом можно будет к ней вернуться уже всерьёз. А пока не будем нажимать.

Не стал говорить о Рождестве и Бурлаков. Просто потому, что никакой проблемы для него тут нет. Разумеется, он приедет. Иного варианта и быть не может.

На часы никто не смотрел, но как-то само собой получилось, что все встали и перешли в прихожую. Джонатан и Фредди стали одеваться, решительно отказавшись от провожатых, и, когда в дверь позвонили, они были уже готовы.

Эркин открыл дверь и вошёл Тим. Джонатан приветствовал его улыбочивым кивком и повернулся к Жене. Прощальные церемонно-дружеские слова, поцелуй руки, рукопожатия с мужчинами. Фредди повторил церемонию, заменяя поцелуй руки поцелуем в щёку. Одновременно надеты шляпы. Стук закрывшейся двери. И внезапно затихшая и даже как-то опустевшая квартира.

– Классные мужики, а? – нарушил молчание Андрей, сразу перейдя на русский.

Эркин кивнул и озабоченно посмотрел на Женю.

– Ты устала, Женя...

– Нет, – перебила она его и обняла. – Ой, Эркин, я такая счастливая!

Бурлаков мягко тронул Андрея за плечо. Тот вздрогнул и отвёл глаза от застывших в объятии Жени и Эркина.

– Да, – тихо ответил он. – Идём.

И, когда они вернулись в гостиную, посмотрел на Бурлакова.

– Устал?

– От счастья не устают, – так же тихо и серьёзно ответил Бурлаков.

Андрей кивнул и подошёл к столу, рассеянно оглядел остатки пиршества. Бурлаков с мягкой улыбкой наблюдал за ним. На языке вертелось; «Глазами бы съел, да утроба мала», – но промолчал.

Вошёл Эркин, уже в домашнем костюме, и озабоченно

сказал Бурлакову:

– Вы ложитесь, мы сами уберём. Андрей, очнись.

– А?! – вздрогнул Андрей. – Да, давай.

Вдвоём они быстро стали убирать со стола. Вынося стопку тарелок, Андрей бросил через плечо:

– А ты ложись. Мы сами.

Бурлаков кивнул. Да, по-студенчески: ночь напролёт и с утра на лекции – уже не получится. Против времени не попрёшь. Хотя от счастья и не устают.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье – Сосняки

От снега светло, и луна, хоть и узкий серпик, а подсвечивает. Дорога укатана, шины зимние. Ни встречных, ни поперечных, ни вдогон – глухое время. И Тим легко, играючи гнал машину, со свистом пролетая сквозь деревни так, что местные собаки не то что гавкнуть, проснуться не успевали.

Удовольствие от быстрой плавной езды захватило и Джонатана с Фредди.

– Хорошо идёт.

– Да, сэр, – сразу откликнулся на замечание Фредди Тим и решил воспользоваться моментом, хотя сначала откладывал разговор до аэропорта, но раз они сейчас такие... в полном благодушии, то стоит попробовать.

– Могу ли я попросить вас, сэр?

– О чём? – удивился Джонатан.

– Давай, – сразу заинтересовался Фредди.

– Вы сказали, что у вас работает Чак, – Тим говорил спокойно, глядя перед собой, будто его этот разговор особо не задевает и не волнует, так, дорожная болтовня, не больше.

– Ну да, – согласился Фредди.

– Не могли бы вы, если это вас не затруднит, сэр, передать ему письмо?

Этого они не ждали. А Тим, спокойно придерживая руль левой рукой, правой потянулся к бардачку, достал простой белый конверт и положил его на сиденье между собой и Фредди. Промедлив с секунду, не больше, Фредди взял конверт. Адреса не было, внутри прощупывалась плотная картонка. Конверт вежливо не заклеен.

– Обратный адрес указал?

– Внутри, сэр.

– Увижу, передам, – Фредди убрал конверт во внутренний карман.

– Благодарю вас, сэр.

Джонатан кивнул. Всё правильно, отказ неразумен, а в бу-

душем могут возникнуть весьма интересные комбинации.

О письме Тим сначала не думал: слишком ошеломило его то, что Чак выжил, на свободе и работает шофёром. Кое-что о «Колумбийском палаче» он слышал, майор намекнул, ну... и понял, и догадался. И не дружили они с Чаком, а... а просто отъехал от «Корабля», его окликнули, на Ижорск, к поезду, понёсся на всех парах, успел, получил по счётчику и щедро на чай, и... и зашёл на почту, на вокзале она кругло-суточно. И написал. Всё же... всё же их всего двое и осталось. Из всей десятки. А начинали двадцать три. И Грин хвалил их десятку, что мало отходов. Погибших больше, чем выживших, а он... для белого цветной, что тряпка под ногами, вытер подошвы и дальше пошёл. Только... только на иной тряпке и поскользнуться недолго. Чак потому, видно, и любил убивать. Крепко ж его прижало, что в шофёры пошёл. Хотя... у таких акул шофёром... пожалуй, не многое у Чака изменилось.

До Сосняков доехали быстро. Площадь пуста: прилётов нет, так что, кого надо подвезли, высадили и до свиданья, ждать да ловить пока нечего. Тим шикарным разворотом притёр машину точно у входа.

– Приехали, сэр.

Он был уверен, что тогда, у Морозов, с ним расплатились за оба конца, и растерянно заморгал, увидев пятидесятирублёвую купюру.

– Держи, парень, – улыбнулся Фредди. – Отлично довёз.

– Благодарю вас, сэр, – пришёл в себя Тим и вышел распахнуть перед такими пассажирами дверцы. Ну, пофартило, так пофартило, и какие же у них деньги, если так шикуют. Полина Степановна им рассказывала о купеческих загулах, когда они пьесы Островского разбирали, но то давно было, не то что до войны, а до революции, а эти...

Но все мысли и соображения он благоразумно держал при себе, а на его лице ничего не было, кроме вежливой – не больше – улыбки.

– Приятной дороги, джентльмены, – пожелал он им уже в спины, захлопывая дверцы и садясь на своё место.

– Благодарю, – бросил, не оборачиваясь, Джонатан.

Слова без веса, просто так положено, ни к чему не обязывают и никого не обижают.

Тим сорвал машину с места, глянул на часы. Есть смысл заглянуть на местный вокзал. Фарт фартом, а работать надо, смена до восьми, так что не халтурь, а вперёд...

Джонатан думал, что Фредди достанет письмо сразу, как отъедет машина, но тот словно забыл о нём. Билеты, регистрация, то да сё, спешить некуда и мешкать незачем.

– Выдержанный ты, ковбой, – усмехнулся Джонатан, когда они уже сидели в самолёте.

– А чего трепыхаться, – отозвался по-ковбойски Фредди.

– Отдашь, не читая? – удивился Джонатан.

– Не держи за фраера. Как думаешь, от себя или по службе?

Джонатан задумчиво пожал плечами.

– На погонника не похож, но я местных жаб не знаю.

– Тут их, – усмехнулся Фредди, – ментами зовут.

– Так что тебе виднее. И не дураки же русские, чтобы такое добро лежало и пользы не приносило. Но подставой это не было.

– Случайное совпадение, – задумчиво кивнул Фредди и закончил ковбойским выдохом: – Бывает.

– Бывает, – согласился Джонатан.

Соседние кресла оказались пустыми, и говорили они хоть и тихо, но не опасаясь.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Эркин оглядел кухню, вытер руки кухонным полотенцем и повесил его на место. Ну вот, можно и спать. Андрея он погнал сразу, как они перенесли посуду, это ему можно дрыхнуть до упора, а Андрею на работу, хорошо хоть, что во вторую смену.

В квартире тихо особой сонной тишиной, все спят, и Эркин, невольно подчиняясь этой тишине, в ванной вместо душа просто обтёрся мокрым полотенцем, повесил его на сушилку и пошёл в спальню.

Женя спала. Привычно закрыв дверь на задвижку, Эркин быстро разделся и нырнул под одеяло, на прохладные простыни в тёплую темноту. Женя вздохнула и, не просыпаясь, обняла его. Эркин счастливо вытянулся, чуть подвинулся, чтобы Жене было удобнее, и наконец заснул. А то до утра совсем немного осталось.

...Алиса твёрдо помнила, что вчера было воскресенье, а, значит, сегодня надо идти в школу, и потому совсем не спешила просыпаться. В школу всегда разбудят. Но сон почему-то тускнел и рассыпался. Она старалась снова заснуть, лежала, зажмурившись, а сна уже совсем не было. Ну, ни в одном глазу, ни в правом, ни в левом. Алиса горестно вздохнула, открыла глаза и села.

Шторы задёрнуты, но и настоящей темноты уже нет. Так что, в самом деле, утро? Алиса вылезла из кровати и пошла к окну. Дёрнув за шнур, отодвинула штору. Утро! А как же школа?!

Алиса недоумевающе поглядела на сидевших и лежавших на столе кукол: вчера она их так спать и не уложила – и взяла в руки новенький будильник, который ей подарили на первое сентября, убедилась, что точно девять часов пятнадцать минут, и вздохнула: первый урок закончился. Она поставила

будильник на место и пошла посмотреть, где и что делается.

К её возмущению, на кухне дедушка и Андрюха пили чай. С конфетами! И шоколадом! А её не позвали, не разбудили!

Её возмущение и обида были настолько велики, что она даже заплакать не могла. Стояла в дверях кухни и молча смотрела на них.

Бурлаков и Андрей не замечали её. Почему-то они проснулись одновременно и столкнулись в ванной.

– Ты чего так рано вскочил? – поинтересовался брившийся Андрей, заметив в зеркале вошедшего Бурлакова.

Тот неопределённо повёл плечом в ответ, но Андрей понимающе кивнул. Вроде и легли поздно, а сна – ну, ни в одном глазу. И он молча подвинулся, освобождая Бурлакову место у зеркала. Удивительно, но они не мешали друг другу, стоя рядом и бреясь. И так же молча пошли потом на кухню сооружать себе ранний чай из остатков вчерашнего пиршества.

– Кофе хочешь? Осталось ещё.

– Нет, чаю.

– Тебе крепче?

– Хорош...

Самые обычные отрывистые слова. Будто это каждый день так. Ели молча, изредка спокойно поглядывая друг на друга.

Первым почувствовал на себе взгляд Алисы Андрей и обернулся.

– Алиска? Ты чего? А мы уже всё съели.

Глаза Алисы наполнились слезами, губы дрожали, не в силах выговорить ни слова.

– А... а меня не разбудили... – наконец прорыдала она.

Андрей уже открыл рот для надлежащей отповеди, что кто жратву проспал, то так тому и надо, и Бурлаков на мгновение нахмурился, догадываясь о характере очередной шуточки, но Андрей, даже не заметив его неудовольствия, вдруг сорвался со стула и подхватил Алису на руки.

– Да ты что, племяшка? Столько вкусноты, а ты реветь вздумала. А, ну-ка, налетай.

Он сел к столу, по-прежнему держа Алису на руках.

– Ну же, смотри, ветчина вот, конфеты, и рожков навалом.

Всё ещё всхлипывая, Алиса послушно жевала всё, что ей подсовывал Андрей, пила из его чашки и постепенно успокаивалась.

– А... а мама? – прожевав очередную конфету, спросила Алиса. – И Эрик...?

– Они ещё спят, – улыбнулся Бурлаков.

– У них свадебная ночь, да? – очень серьёзно уточнила Алиса и вздохнула. – Тогда мешать нельзя.

И тут Андрей заржал уже по-настоящему.

– Это уж точно!

Рассмеялся и Бурлаков: слава богу, всё обошлось.

Отсмеявшись, Андрей ссадил Алису с колен.

– Ну, племяшка, школа накрылась, что будешь делать?

– Ну-у... – задумчиво протянула Алиса, покосилась на

Бурлакова и честно призналась: – Не знаю.

И тут в кухню вошла Женя, совсем по-простому, в халатике, а не в купленном специально к этим дням домашнем платье.

– Мама?! – удивилась Алиса. – А Эрик где?

– Спит, – улыбнулась Женя. – А ты чего в одной ночнушке бегаешь, а ну быстренько одевайся.

– Я к Эрику!

Алиса ловко вывернулась из рук Андрея и выбежала из кухни.

– Женя, чаю, – вскочил Андрей.

– Ага, спасибо, доброе утро, а чего вы всухомятку, Игорь Александрович, давайте яичницу, я сейчас... – заторопилась Женя.

– Доброе утро, Женечка, – вклинился в её скороговорку Бурлаков. – Всё отлично. Садитесь, выпейте чаю.

– Точно, Женя, – Андрей «под локоток» провёл Женю к её стулу. – Разрешите за вами поухаживать. С лимоном прикажете? Винца могу предложить.

Женя и Бурлаков с удовольствием хохотали над его ухватками заправского полового.

В разгар веселья в дверях появился Эркин. Рядом, держась за его руку, вертелась уже совсем успокоившаяся весёлая Алиса.

– Так, – очень спокойно, только глаза смеялись, сказал Эркин. – Значит, пока я спал, тут вон что делалось, – и, что-

бы Женя не подумала, чего, улыбнулся своей «настоящей» улыбкой.

Завтрак продолжался в общем веселье. И уже под конец, когда Алису удалось всё-таки отправить приводить себя, свою комнату и кукол в порядок, разговор стал серьёзнее. Праздник – праздником, но ведь как ни крути, а время не остановишь. Андрею на работу, Бурлакову в Царьград...

– Вместе и пойдём, посажу тебя на попутку до Ижорска. Ты же через Ижорск?

– Да, – кивнул Бурлаков. – Спасибо.

Кивнул и Эркин. Конечно, всё так, и, что Андрею хочется побыть... с отцом, тоже понятно.

– На Рождество когда приедешь?

Бурлаков задумался, прикидывая числа.

– Двадцать четвёртого точно, а раньше... не знаю. Как сессия пройдёт.

Эркин быстро удивлённо посмотрел на Женю, она ответила ему успокаивающим, но не слишком уверенным взглядом. Заметил Бурлаков эту переглядку или нет, но он спокойно, будто продолжая фразу, объяснил.

– Расписания экзаменов раньше начала декабря не будет.

– У тебя экзамены? – удивился Андрей.

– Целых три, – рассмеялся Бурлаков. – Только я экзаменатор.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Ну, и на все святки, замётано?

– Конечно, – энергично кивнул Бурлаков.

Уладит он это, ну, возьмёт за свой счёт, тут и сомнений никаких быть не может.

Кивнула и Женя.

– Конечно, на святки на заводе всем дают отпуск. Десять дней.

– Да, – кивнул Эркин. – С двадцать четвёртого и до третьего. Андрей, а у тебя как?

– В цеху говорили, что так же, – улыбнулся Андрей и повторил: – Замётано.

– Вот и отлично, – улыбнулась Женя. – Игорь Александрович, я вам загорышей заверну, и пирожков. Приедете, в фольге в духовке разогреете, будут, как только что.

И вскочила, захлопотала с такой энергией, что Бурлакова и Андрея вынесло из кухни в маленькую комнату.

Бурлаков не спеша собирал и укладывал вещи, а Андрей сидел верхом на стуле и курил, молча наблюдая за ним. Заглядывали и уходили Эркин с Алисой, забежала и тут же исчезла Женя с криком:

– Алиса! Не смей!

Но вся эта суета шала как-то мимо них, в стороне.

– Слушай, – Андрей откашлялся, словно поперхнувшись дымом, – Эркин говорил, у тебя фотки есть, старые.

– Да, – кивнул Бурлаков так сосредоточенно укладывая в портплед пиджак, будто это было сейчас самым важным делом.

– И... мамина? – с трудом натужно выговорил Андрей.

Бурлаков молча кивнул.

– Привези на Рождество.

– Хорошо.

Андрей удовлетворённо кивнул. Праздник праздником, но он найдёт, кто ему переснимет. На стенку вешать не станет, вложит в альбом. В гостиной на столике альбом с фотографиями, шик-блеск, прима-класс! Фредди же отобрал себе, тоже наверняка понимает в этом.

– Да, а вчерашние... ну, чего наснимали, возьмёшь чего с собой?

– Конечно, – даже удивился его вопросу Бурлаков. – Сейчас уложу всё, и посмотрим.

– Ладно.

Бурлаков кивнул. Так, портплед он собрал, теперь... да, лучше заняться фотографиями прямо сейчас. Он оставил портплед и выпрямился.

– Пошли, посмотрим.

– Ага, – легко встал Андрей, мимоходом загасив в пепельнице окурок.

Они вышли в гостиную, и Андрей громко позвал:

– Эркин, Женя, где вы?

– А чего?! – влетела в комнату Алиса. – Ты чего, Андрюха?

– А твой номер восемь, – весело ответил Андрей.

Продолжения фразы не последовало, так как вошли Женя

и Эркин.

Фотографии с ночи так и лежали на столике у дивана. Расселись вокруг и стали перебирать жёсткие блестящие картонки, заново рассматривая и уже решая, какие Бурлаков возьмёт себе, а какие останутся у Эркина и Жени в их альбоме. Снова смеялись над снимками с дракой, но для альбома они, по мнению Жени, совсем не годились, и их все забрал Бурлаков со словами:

– А мне нравятся.

Так что пачка вышла внушительной. Но и осталось немало.

Пока посмотрели, обсудили, посмеялись, незаметно подошло время обеда. Ойкнув, Женя побежала на кухню.

Россия

Сосняки – Скопин – Корчев

До Скопина Джонатан и Фредди спали, хотя пьяными не были. В Скопине на пересадку пятнадцать минут, не то что разгуляться, даже проснуться некогда. И, едва оказавшись в креслах, они снова заснули, да и перегон здесь небольшой, а вот в Корчеве у них полтора часа перерыв и четыре часа лёта до Колумбии, там всё и утрясётся.

На подлёте к Корчеву Фредди проснулся окончательно, попросил у стюардессы горячего чая: вряд ли кофе в самолёте будет как у Эркина, и, получив чашку и пакетик сахара, покосился на спящего Джонатана.

– Хлебай, ковбой, – сказал тот, не открывая глаз.

Фредди спокойно допил чай и полез во внутренний карман пиджака. Сначала письмо. Ну-ка, что один гриновский пишет другому?

В конверте открытка: зимний русский пейзаж: заснеженные ели и дорога среди сугробов. А на обороте... чёткие, почти каллиграфические строки. «Чак. Узнал, что ты выжил. Я в России, работаю шофёром и автомехаником. У меня жена, трое детей. Если хочешь, напиши. Тим.» И внизу после подписи адрес на двух языках.

Прочитав текст, Фредди усмехнулся и вложил открытку обратно в конверт.

– Не жадничай, – по-прежнему не открывая глаз, Джонатан требовательно протянул руку.

Продолжая улыбаться, Фредди отдал ему конверт. Джонатан открыл глаза и сел поудобнее. Достал открытку. Быстро, одним взглядом охватил текст, а затем перечитал уже медленно, вдумываясь в каждое слово. Усмехнувшись, покачал головой.

– Краткость – сестра таланта.

Фредди кивнул.

– Всё ясно, и придраться не к чему.

– Отдашь?

– А почему нет?

– Думаешь повторить визит? – хмыкнул Джонатан.

– А что? – равнодушно спросил Фредди. – Здешние точки ликвидируем?

Джонатан озадаченно посмотрел на него.

– Резонно.

Фредди удовлетворённо кивнул, забрал у Джонатана конверт и убрал на прежнее место.

– Подлетаем, Джонни. Остальное на последнем перегоне.

Джонатан подозрительно посмотрел на него и кивнул. Явно у ковбоя что-то ещё в заседельной сумке, мало ему, ну, что ж, ждать уже недолго, не будем портить ему игру.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Всё собрано, упаковано, уложено. И время... как раз неспешно дойти до автокомбината. Андрей, уже одетый, в сбитой на затылок и чуть набекрень шапке, стоя у дверей,

смотрел, как Бурлаков целуется с Женей и Алисой и обменивается рукопожатием с Эркином.

– И пишите, Женечка, обязательно.

– Ну, конечно, Игорь Александрович, и вы нам.

– До свидания.

– До свиданья. Дедушка, а...

– Всё, Алиса, успокойся. До свидания.

И наконец Бурлаков и Андрей вышли в коридор. Андрей молча отобрал портплед и понёс.

На улице светило по-зимнему холодное солнце, под ногами скрипел снег. Бурлаков, не замечая щипавшего за уши мороза, с наслаждением дышал чистым холодным воздухом. Андрей искоса поглядывал на него. Смотри-ка, и мороз ни-почём. Мёрзнет, а фасон давит.

До комбината дошли до обидного быстро. И такси как раз из ворот выезжает. Ну, вот и всё.

– Ну, вот и всё, – повторил Андрей вслух и, шагнув вперёд, взмахом руки остановил машину.

– И куда тебе перед сменой приспичило? – вышел из машины шофёр.

– Привет, Анисыч, – улыбнулся Андрей. – Вот, – кивком головы показал Бурлакова, – подбрось до Ижорска. На поезд человеку надо.

– За так? – хмыкнул Анисыч.

– Почему же за так, – подошёл к ним Бурлаков и улыбнулся. – За спасибо.

Анисыч кивнул.

– Ну, тогда другое дело. Багаж есть?

Пока он укладывал в багажник портплед и раздутый до шарообразности портфель, Бурлаков обнял Андрея. Дрогнув, Андрей ответил на объятие.

– Всё, я поехал.

– Да, на Рождество, да?

– Конечно. Звони. И пиши.

– Ладно.

Первым разжал объятия Бурлаков. Анисыч уже ждал за рулём. Бурлаков сел рядом, захлопнул дверцу, и машина тронулась с места. Андрей сорвал с головы ушанку и махнул ею вслед машине.

– Ну что, Андрюха, проводил родича?

Андрей, словно только проснувшись, обернулся к Максимычу и кивнул.

– Да, Максимыч.

– Ну, и с богом, на смену беги, без пяти уже.

– Хорошему совету грех не последовать, – рассмеялся Андрей.

Максимыч удовлетворённо кивнул, пропуская его в ворота.

Когда Бурлаков и Андрей ушли, Женя невольно облегчённо вздохнула и обняла Эркина.

– Вот и всё, да?

– Да, – кивнул Эркин, обнимая её и целуя в висок.

В квартире было тихо и пусто. И хорошо.

– Всё хорошо, Женя?

– Ну, конечно, милый.

Женя поцеловала его в щёку и мягко высвободилась. Эркин понимающе кивнул. Конечно, надо наводить порядок, всё разобрать, разложить...

– Мам, а я гулять пойду?

– Ой, да, – встрепенулась Женя.

Конечно, мороз небольшой, пусть погуляет, а уроки на завтра... Она быстро посмотрела на часы.

– Алиса, одевайся, пойдём к Черновым, спишешь задание на завтра.

– Ладно, – без особого энтузиазма согласилась Алиса.

Женя быстро собрала коробочку из разных конфет, рожков и бутылочек, добавила яблок и апельсинов. И в этот момент позвонили в дверь. Алиса успела раньше всех и открыла дверь.

– Ой, тётя Зина! Здравствуйте!

Женя побежала в прихожую. Как удачно! Зина пришла с Димом и Катей. Дим сразу приступил к делу.

– А чего тебя в школе не было?

– У нас свадьба была, – веско ответила Алиса.

Зина ойкнула, а Женя рассмеялась.

– Мы с Эркином годовщину отмечали, легли поздно, ну и...

– Ну да, ну да, – закивала Зина. – А мне Дима сказал, я уж думала, не заболела ли, упаси, господи...

Вышел поздороваться с Зиной Эркин. Дима отправили к Алисе, чтобы он растолковал ей, что сегодня на завтра задали. И, судя по его торжествующему виду – не часто он мог командовать при полной поддержке взрослых, – Алиса получит полное, а то и увеличенное задание. Алиса тоже это понимала, но для протеста ситуация была явно неподходящей, и, скрыв вздох – а то Димка совсем загордится, – она повела его в свою комнату. А Зина с Катей пошли смотреть подарки.

Зина только ахала и восхищалась. Это ж надо ж! Сколько всего! И вещи-то все какие дорогие. Подаренная Андреем картина ей не очень глянулась: ну, нарисовано, ну, цветы, но бледное какое-то, бумага аж просвечивает, но она и её похвалила. А вот комбайн её на самом деле потряс. Она о таком и не слышала никогда, чтоб одна машина и столько делала! А удобно-то как. Розы, конечно, тоже, и угощение, клубника в октябре, шутка ли, каких денег стоит, и сервис богатейший, и самовар, и бельё постельное, но комбайн... правда, о клубнике и розах, она уже знала. От Тима...

...Она ждала его к полуночи. Смена до одиннадцати, ну, пока выручку сдаст, машину обиходит, ну, в полпервого-то уж точно будет, да так и заснула, не дождавшись. И утром она и Димочку в школу проводила, и с Машенькой управилась, и только в магазин собралась, как Тимочка пришёл. И ка-

кой уж тут магазин. Катю она быстренько играть отравила и бросилась мужа кормить-ублажать. Шутка ли, двойную смену отпахал. И зачем? Всех денег всё равно не заработаешь, а здоровье загубишь если... Но Тимочка был хоть и усталым, но весёлым. Вымылся в душе, зашёл к спящей Машеньке и сел за стол. И, когда он доел щи, она положила ему жаркого и спросила:

– Чего так долго, Тимочка?

– Заказы шли, – весело ответил он. – Один за другим. И чаевые хорошие.

– Ну, и слава богу.

Тим вдруг попросил неожиданного.

– Сходи сегодня к Морозам.

– Зачем? – удивилась она.

Тим помолчал, сосредоточенно доедая жаркое. Она ждала, ничего не понимая. И наконец он объяснил.

– У них вчера праздник был. Гости были. Двоих я привёз, из Сосняков, прямо с самолёта. Богатеи, во «Флору» заехали, так цветов и клубники на сотню закупили.

Она ахнула, и Тим кивнул.

– И ещё в двух коробках подарки. Еле дотащил им, – опять помолчал. – С той стороны гости. Так что, сходи.

Тимочка спать лёг, а она закрутилась было, и тут Димочку соседка привела – они договорились детей забирать из школы по очереди. И от сына услышала, что Алиски в школе не было. Лучше предлога и не найти, а то всё-таки как-то

неловко ни с того, ни с сего заявиться, ещё подумают чего, это ж не то, чтоб они рядом жили и по-соседски каждый день за солью забегали. Она быстренько накормила детей, перепеленала Машеньку и пошла...

... Чай решили пить в гостиной, а пока Зина смотрела фотографии, ахала и спрашивала.

– Ой, а это кто ж такой?

– Это Джонатан с Алисой. А вот мы все вместе. Это Фредди снимал, – объясняла Женя.

Зина то и дело путалась, и Женя снова и снова, не замечая этого, повторяла, что это Джонни, Джонатан, лендлорд, Эркин с Андрюшей у него летом работали, бычков пасли, а это Фредди, старший ковбой, он тоже у Джонатана работает по контракту, но они и дружат, а это Игорь Александрович, отец Андрюши, а Алиска так и заявила, что раз Андрюша ей дядя, то он ей дедушка.

– Ой, и он чего?

– Смеётся, – рассмеялась Женя. – Говорит, что всегда мечтал о такой внучке.

– Ага-ага, – закивала Зина и, будто только сейчас узнав, ахнула: – Ой, Жень, а в лагере-то у нас выступал тогда...

– Он и есть, – кивнула Женя. – Председатель Комитета. А так он профессор, доктор наук.

Зина понимающе кивала, перебирая фотографии. Снова взяла ту, где смеющаяся Алиса сидит на коленях у Джонатана.

– И до чего же похожи, – вздохнула она.

– Алиска и Джонни? Да, – кивнула с улыбкой Женя. – Все заметили.

Зина быстро искоса посмотрела на сидящего рядом с Женей Эркина и воздержалась от дальнейших вопросов.

К тому же пришли Дим с Алисой, что они всё сделали, и чайник как раз вскипел. Так что все сели пить чай с необыкновенными цареградскими вкусностями.

Россия Корчев – Американская Федерация Колумбия

Как Фредди и рассчитывал, в Корчеве они привели себя в порядок, перекусили в буфете и в самолёт сели уже не в послепраздничном, а предрабочем состоянии. И опять удачно: соседние кресла пусты. Видимо, уик-энд в России ещё не вошёл в моду.

Удобно устроившись, Фредди опять полез во внутренний карман и на этот раз вытащил фотографии. Еле слышно напевая старинную песенку про ковбоя, у которого на каждом водопое по милашке, а на перегоне по две, он перебирал фотографии. Джонатан спокойно, но готовясь к любому повороту событий, ждал. Наконец, Фредди закончил сортировку и протянул ему три фотографии.

– Держи, Джонни. Эту будешь носить в бумажнике, эту поставишь в рамочке на стол в офисе, а эту вложишь в аль-

бом.

– Какой ещё альбом?!

– Семейный, – голос Фредди исполнен «учительского» терпения. – Каждый законопослушный налогоплательщик имеет альбом с семейными фотографиями. Каждый носит в кармане и держит перед глазами фотографии своих близких. Тех, для кого он зашибает деньгу, – закончил Фредди поковбойски.

Джонатан ошарашенно смотрел на него.

– Ну же, Джонни. Включи мозги. Айртон показывал тебе своих внуков?

– Каждый раз в Экономическом Клубе.

– А что стояло на столе у той жабы, помнишь, ну, был у Ночного Ездока на подкормке. Любил ещё, чтобы ему кон-вертик на стол клали.

– Помню, – кивнул Джонатан. – Две фотографии. Его жена и дети, двое, вроде у ёлки.

– Молодец, Джонни, – кивнул Фредди. – Памятливый. Но непонятливый.

Джонатан перевёл взгляд на фотографии. Смеющаяся голубоглазая белокурая девочка в синем платье с большим кружевным воротником-пелериной и белыми бантами у висков. Немного старомодно, но очень трогательно. Она же у него на коленях. Чёрт, а ведь и в самом деле... как отштамповано. И опять они вдвоём. Чёртов ковбой, это же...

– Крыша, – закончил он вслух.

– Обоснование, – поправил его Фредди. – Всем нашим русским точкам, счетам и поездкам. И не на год, а на десяток лет вперед.

– Но ездись-то ты!

– По твоим поручениям, – Фредди флегматично вздохнул. – Я ж на контракте.

– Так, это резонно, – согласился Джонатан. – А почему в России?

– В лоб не спросят, а так... – Фредди пожал плечами.

– Так уж получилось, – понимающе кивнул Джонатан. – Отличная работа, ковбой, но одних фоток для обоснования мало.

Фредди кивнул.

– Живой погляд надёжнее. Вот летом на недельку и привезёшь её в имение. На свежий воздух и фрукты с дерева. А дальше трёп сам пойдёт.

– Резонно, – повторил Джонатан. – Но одну её не отпустят.

– Само собой.

– Значит, ещё Джен и Эркин, – Джонатан ненадолго задумался и решительно кивнул. – Да, больше никто не нужен. И Эндрю лучше не соваться, у Бульдога ещё слюна с клыков капает.

– Резонно, – передразнил его Фредди.

– Детали обсудим, но с Эркином и Джен объясняться будешь ты. Понял, ковбой?

– Ладно уж, прикрою тебя. Папашу новоиспечённого.

– Заткнись, – Джонатан убрал фотографии и с интересом посмотрел на оставшиеся у Фредди карточки. – А эти куда?

– В другой альбом, – фыркнул Фредди. – Неофициальный. Запасная пуля карман не дырявит.

Джонатан откинулся на спинку кресла. Чёртов ковбой, ведь переиграл его на этот раз вчистую. Но обоснование железное, и профессор им ещё пригодится. Да хотя бы с этими автоответчиками. Заказ такой плывёт, что процент с него многое из их запасов прикроет.

– О профессоре ты тоже знал?

– Нет, – покачал головой Фредди. – Эндрю мне говорил тогда, что родня отыскалась, но чтоб так колода сошлась... Не ждал, Джонни. Удача – великое дело.

– Заткнись, пока не сглазил.

– Понял, – покладисто согласился Фредди. – Значит, вычетов два, а премий сколько?

– Одна и по итогам года. Если память слабая, контракт перечитай.

– А вычеты, значит, сразу?

– А ты как думал?

Фредди шёпотом обругал по-ковбойски жлобов-лендлордов, что за стёртый цент человека голыми руками удавят, лишь бы на патронах сэкономить. Джонатан самодовольно ухмыльнулся и ответил не менее забористо про работников-лодырей, что впустую тратят своё время и деньги лендлорда. И оба негромко рассмеялись.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

К возвращению Зины Тим не только выспался, но и напился чаю и устроился в спальне рядом с кроваткой Машеньки с учебником географии. Уроки учить всё равно надо, а если малышка заплачет или проснётся, так он рядом. А что надо будет сделать... так он и на специальные лекции в Культурном Центре ходил, и за Зиной не раз наблюдал, так что справится. Машенька спала крепко, иногда причмокивая во сне. Видно, сны съедобные – усмехнулся, не отрываясь от учебника, Тим. О диковинных пассажирах он не забыл, но сейчас не думал. Послушаем, что Морозы Зине наврут, и тогда будем думать дальше. Акулы они, конечно, акулы и есть, и, если повадятся сюда ездить... лучше быть наготове. А пока займёмся тропическим океаном. Интересно, как это смотрится, когда вода до горизонта и берега не видно...

Машенька не просыпалась, и Тим так зачитался, что чуть не пропустил возвращения Зины с детьми. После шумного

и бестолкового рассказа Дима и Кати, какими вкусами их угощали, Дима отправили готовить уроки, Катю играть в свою комнату, а Зина в спальне рассказывала Тиму о последних новостях.

Тим терпеливо выслушал описания комбайна, сервиза, самовара и белья.

– А фоток наснимали... Не знаю, что за аппарат такой, говорили, что карточка сразу вылезает, готовая. Разве такое бывает?

– Бывает, – кивнул Тим. – Видел я такое. А про гостей что говорили?

– Завралась Женька, – фыркнула Зина. – И чего врать поглупому? Сразу ж видно, а она... – и стала передразнивать Женю. – Это Джонни, Эркин с Андрюшей у него летом бычков пасли... – и уже своим голосом. – Ага, так ей и поверили, чтоб это лендлорд к пастуху на свадьбу, да ещё с такими подарками. Ты вот, не пастухом, шофёром был, много к тебе твои хозяева ездят?

– Не дай бог, – очень серьёзно ответил Тим. – А второй?

– Фредди? – Зина пожала плечами. – Сказали, что старший ковбой, на контракте у этого... Джонатана работает. Только ежели он работник, то с какой стати такие подарки делает? Комбайн-то он подарил, а машина не дешевле сервиза будет. Что-то здесь нечисто, Тимочка.

Тим согласно кивнул.

– И дочке никаких подарков не привёз, – продолжала рас-

суждать Зина. – Фредди так куклу деревянную подарил, клоуна, а он, отец, ведь, и ничего.

– А... третий? – Тим помнил, что в прихожей видел ещё человека, но как-то не разглядел его.

– Ой, Тимочка, главное-то я и забыла. К ним Бурлаков, ну, председатель Комитету, помнишь, в лагере у нас выступал, – Тим настороженно кивнул. – Так он к ним приехал. Женька говорит, – Зина округлила глаза и заговорщицки понизила голос. – Он Андрею отец.

Тим даже присвистнул от удивления, и Машенька закричала и заворочалась. Зина вскочила её перепеленать, а Тим погрузился в раздумья. Эта информация меняла весь расклад с Морозами. То за Андреем стоял только Эркин, сила физическая, но в принципе они равны, а теперь... теперь всё получается иначе. Если это правда, то Андрей должен уехать к отцу. Это хорошо. Русские говорят: с глаз долой, из сердца вон. Всё так. Чего не видишь, о том и не думаешь. И если с Андреем уедет и Эркин, будет совсем хорошо. Ну, а если нет?

Уложив Машеньку, Зина села на кровать рядом с Тимом и вздохнула.

– Бывает же такое.

– Бывает, – кивнул Тим.

– Интересно, Андрей-то к нему теперь, наверное, уедет.

– Вполне возможно, – согласился Тим.

– Ну, Эркина-то он не заберёт, – рассуждала Зина. – Бра-

тья-то они по записи, а Андрею-то он родной отец. Знаешь, они похожи как. Ну, не так, как Алиска со своим, те так совсем на одно лицо, но тоже видно, что родные.

Тим слушал внимательно, кивал, где надо, но думал уже о своём. Что ж, посмотрим. Если будет, как Зина говорит: Андрея заберут, а Эркина оставят, то, значит, кровь выше записи. И тогда... тогда хорошо, что ни у Дима, ни у Кати кровных не осталось, можно спать спокойно. А у остальных... ну, остальные пусть сами и думают.

Только ушла Зина с детьми, как опять раздался звонок. На этот раз... Норма! Женя решила, что она пришла за вазой, и смутилась. Ведь переставить розы не во что. Но не менее смущённой была и Норма...

...Вчера, когда пришла из кино, Джинни встретила её ошеломляющим известием:

– Мамочка что тут было!

В первый момент она испугалась, что Громовой Камень, ведь индеец же... но Джинни уже выпалила следующую фразу, и у неё отлегло от сердца.

– За Элис приехал отец!

Она сначала даже не поняла, но, когда Джинни наконец рассказала всё по порядку, согласилась с дочерью. Да, вполне возможно. Но ведь такое в один день не сделаешь. Собрать вещи, оформить документы... на это нужно время. Так они с Джинни и решили. Джинни была настолько встревожена бу-

душим Элис, что ничего не рассказала ей о Громовом Камне, но она и не расспрашивала. Её девочка достаточно большая, чтобы иметь личную жизнь, а Громовой Камень... не самый худший – скажем так – вариант из возможных. И заснула она совсем успокоенной. И утро прошло как обычно. Джинни убежала на работу, а её ждали всевозможные домашние дела. И всё шло заведённым порядком. Пока не вернулась с работы Джинни. И не сказала, что Элис не было в школе. Джинни была так взволнована, что она решительно сказала:

– Садись и ешь. А я пойду и всё узнаю.

Конечно, неприлично вторгаться в чужую жизнь, да ещё с такими... неделикатными вопросами, но здоровье Джинни важнее любых приличий...

...Справившись со смущением, Женя пригласила Норму.

– Ой, здравствуйте, заходите. Вы за вазой, да?

– Здравствуйте, – совсем растерялась Норма.

Нет, отсутствие вазы она заметила, и Джинни ей что-то вроде сказала, но... но это же предлог. Как удачно!

– Нет, что вы, я... она вам подошла?

– Да, большое спасибо, – просияла Женя. – Идёмте, я покажу.

Тут в прихожей появилась Алиса, и Норма перевела дыхание: ну, теперь всё в порядке. И она уже спокойно пошла с Женей в гостиную, где восхитилась букетом, и, конечно, пусть ваза остаётся, сколько нужно, о чём тут говорить, и... боже, какой сервиз!

Женя быстро усадила Норму смотреть фотографии и шепнула Эркину:

– Пойди, пригласи Джинни. А я поставлю кофе.

Эркин кивнул.

– Хорошо.

Алиса тут же уцепилась за его руку.

– Я с Эриком.

– Идите-идите, – махнула рукой Женя и побежала на кухню.

Норма ещё не досмотрела фотографии, как пришла Джинни.

И снова начались восторги, демонстрация подарков и фотографий. Потом пили кофе с цареградскими деликатесами. Ни Норма, ни Джинни, рассматривая фотографии, ни словом не обмолвились о сходстве Джонатана и Алисы.

Тетрадь семьдесят девятая
122 год
Осень

Россия

Царегородская область

Алабино

Центральный военный госпиталь

Русская осень своими холодными дождями и ветром неприятно напоминала алабамскую зиму. Но парни заставляли себя об этом не думать. Да и всё остальное совсем другое: одежда, язык, да... да всё. Уроки в школе, работа, тренажёрный и массажный залы, и ещё... так что времени на то, чтобы думать, вспоминать и переживать, не было.

Каждый находил, чем забить себе голову. И Ден не был

исключением. Его спасением стал Царьград. В каждый выходной он с утра уезжал туда и часами без усталости ходил, прочёсывая квартал за кварталом. Будто искал кого-то. Или что-то. Хотя искать ему нечего, некого и незачем. Но... но ведь, а вдруг... а может... Майкл тоже вот так ездил, шлялся и глазел. И выглядел ведь, к Рождеству он и Мария точно поженятся. И станет Майкл как все. И чем он хуже? Он-то такой же и тоже джи. К сожалению, Ден знал, что не такой, не совсем такой. И иногда, да что там, часто жалел, что ухитрился сохранить память, не всю, обрывками, но смог притвориться и спрятать то, что и отличало его от других. Тогда это помогало выжить, ненависть – она силу даёт, чтоб выжить, найти и отомстить той женщине, никогда даже в мыслях он её матерью с того дня не назвал, что ради денег продала его ублюдку, гадине, и уже тот, чтоб не прижучили за педофильство сдал его в питомник, выдав за цветного, за раба-то ничего не будет, гад, сволочь, до него бы тоже добратся, тогда в заваруху удалось посчитаться с... беляками и беляшками, ну да, раз он им раб, цветной, то они ему кто, вот то-то, немного, до кого смог дотянуться, но... от души. Никто об этом не знает, даже от доктора Вани удалось скрыть, а теперь... Выжил как все и дальше живи... как все. А сейчас... Женщин он и сейчас ненавидит, почти всех, но... старается не выделяться, быть как все. Царьград велик... вдруг даст ему шанс.

Сегодня как раз воскресенье, а у него рабочая смена, и завтра тоже, а во вторник выходной, но там школа, тоже не

поедешь. Ладно, значит в следующее воскресенье. А то, за чем он ездит, от него не уйдёт.

Дежурство спокойное, ничего такого не предвидится, тяжёлых в его отсеке нет, все спят, так что можно сидеть в дежурке и читать. К школе или так, для себя.

В дежурке уютно булькает кипящий чайник, на диване, свернувшись калачиком, спит Веруня, Вера Андреевна, дежурный врач, в кресле у стола с чаем вяжет, шёпотом считая петли, медсестра, Ангелина Степановна.

– Всё в порядке? – спросила она, не отрываясь от вязания. – Как в пятой?

– Заснули, – Ден подошёл к столу и налил себе чаю.

– Ну, и слава богу. Подогрел бы, чего холодный хлебать.

– Сойдёт, – беззаботно отмахнулся Ден, усаживаясь за стол. – И что это будет Ангелина Степановна?

– Это? – она перевернула вязание на другую сторону. – Свитер будет, меньшенькому. Зимой-то как хорошо. Себе-то купил тёплого?

Ден кивнул.

– Да. А зимой очень холодно?

– Да по-всякому, всё ж таки Царьград, не Петрополь. Там и холоднее, и ночи длинные. А уж Поморье... там зимой и солнца-то не всегда увидишь. Нет уж, здесь куда лучше, – она ублаготворённо вздохнула и снова углубилась в счёт петель.

Ден откинулся на спинку стула, держа обеими руками чашку. Отхлебнул. Да, остывший чай совсем другой на вкус,

но тоже... приятный. И его можно пить без сахара и вообще без всего, а от горячего часто потом саднит язык и нёбо.

Вздыхнула, не просыпаясь, Веруня, повернулась на другой бок и снова затихла.

– Умаялась, – сочувственно качнула головой Ангелина Степановна. – Ну, разве это дело по две смены пахать, не война же.

Ден кивнул, соглашаясь, хотя если бы не школа, он бы тоже двойные смены брал: когда работаешь, то всякая дрянь в голову не лезет. Он допил чай и встал. Не спеша тщательно вымыл свою чашку и поставил её на чайный столик. Теперь что? Только читать. Книга у него с собой. Так же не спеша он достал томик рассказов и сел поближе к лампе. По литературе задавали прочитать Чехова, любой рассказ по своему выбору. Обычно выбирают, какой покороче, чтоб на страничку, ну, на две, и попроще, попонятнее. Хотя редко бывает, чтоб так совпало: коротко и понятно. Скажем, вот этот: «Письмо к учёному соседу». Вроде все слова по словарю проверил и вроде всё понял, а что же тут смешного? Что глупостей много? Ден старательно перечитал рассказ, уже запоминая, а следующий – «Что чаще всего встречается в романах» – пропустил, там совсем ни хрена не понятно, и углубился в «Хамелеона», может, про ящерицу – видел её в учебнике биологии – полегче будет.

Не отрываясь от вязания, Ангелина Степановна поглядела на него. До чего ж старается парень, ни минуты без дела не

сидит. А ведь самое ему время гулять, а не над книгой глаза портить. Ну... ах ты, господи, опять сдвоенную пропустила, придётся распускать. Ну, дай бог, чтоб ночь спокойной выдалась, она тогда хоть до проймы довяжет.

Россия

Царьград

Столица встретила его весьма противным дождём, таким холодным, что грозил превратиться в ледяную крупу. Похоже, зима всё-таки и сюда добралась. Бурлаков с наслаждением вдохнул запахи бензина, мокрого асфальта, мокрой шерсти от пальто и шинелей клубящейся вокруг толпы. Хорошо, отличная погода! Как там у него с деньгами? На такси хватит. Закончим праздник, как и положено, с шиком и блеском.

Всё ему нравилось, всё было отлично: и дорога до Ижорска, и хоть убей – не помнит, о чём говорил с шофёром, но отличный мужик, и попутчики до Царьграда тоже не остались в памяти, но люди великолепные.

И в квартиру свою он вошёл в том же блаженно восторженном состоянии. В университет завтра, в комитет... тоже, так что весь день в его полном распоряжении. Жалко, Маша будет только в пятницу, но ничего, радостью поделиться

никогда не поздно. Это горем делишься и его убывает, а радость только прибавляется.

Бурлаков разделся, повесив пальто и шляпу, и уже спокойно стал распаковывать вещи. Свёртки с загорышами и пирожками на кухню, да, Женечка говорила, что загорыши можно прямо в фольге в духовке разогреть, и пирожки тоже, так и сделаем, ну, вот так, а фотографии в кабинет на письменный стол, остальное... костюм в спальню, в шкаф, рубашки и бельё в грязное, да, и чайник сразу же на огонь, и устроим себе продолжение...

Дверной звонок остановил его на полпути к кухне. Бурлаков застыл, недоумевающе глядя на дверь. Он никого не ждал, некому заявляться вот так без приглашения и предупреждения. Ворохнулась былая готовность, но он заставил себя выждать несколько секунд: может ошиблись? Но звонок не просто повторился, а проиграл памятную с далёкого, чуть ли не дошкольного детства мелодию сбора. И, ещё не зная, кого именно из знающих этот сигнал – их осталось-то только пятеро – он увидит, Бурлаков без тени колебания распахнул дверь.

– Ты?!

– А кто ж ещё! – Михаил Аркадьевич шагнул вперёд, заставив Бурлакова отступить. – Ну, здорово, Гошка.

– Здорово, Мишка.

Они обнялись, и Бурлаков, счастливо улыбаясь, сказал:

– Давай, раздевайся. Сейчас будем чай пить, – и уточнил: –

Со всякими вкусоностями.

– Ух ты! – удивился Михаил Аркадьевич, вешая шинель и привычным движением оправляя китель. – Не иначе, как медведь сдох. У тебя ж без Маши хоть шаром покати.

– Будешь язвить, ни хрена не получишь.

– Аргумент серьёзный, – кивнул Михаил Аркадьевич и, уже шагнув было к кухне, вдруг резко развернулся к Бурлакову. – А ну, раскальвайся!

– Что?! – изумился Бурлаков. – Мишка...

– А то самое. Посвежел, поздоровел, угощаешь. А ну, признавайся, старый козёл, в каком огороде молодильную капусту щипал?

– А пошёл ты... Вместе со своей капустой! – Бурлаков хлопком по плечу развернул друга к кухне. – Айда лопать.

– Грубиян, – вздохнул Михаил Аркадьевич.

В кухне Бурлаков поставил на огонь чайник и стал накрывать на стол. Михаил Аркадьевич расстегнул китель и развалился на стуле в вальяжной позе трактирного завсегдатая.

– А, кроме чая, что-нибудь будет? – поинтересовался он.

– Когда заработаешь.

– И что мне для этого сделать?

– Для начала заткнуться.

– Понял, – кивнул Михаил Аркадьевич, но выполнять явно не собирался. – Так куда ты ездил?

– На кудыкину гору, – весело ответил Бурлаков.

– Тогда зачем такая секретность? – пожал плечами Миха-

ил Аркадьевич. – Адрес известный, место многолюдное.

– Ну, так кудыкина гора место известное, да не простое, сам знаешь – хохотнул Бурлаков. – Идёшь за одним, а получаешь... совсем другое.

– Бывает, – согласился Михаил Аркадьевич и демонстративно принял. – Вроде, горит у тебя.

– Не выдумывай, – Бурлаков открыл духовку. – Нечему тут гореть. Но достать можно.

Он выложил на стол два блестящих свёртка и выключил духовку. Взялся за фольгу, обжёгся и, выругавшись, стал через полотенце разворачивать загнутые углы, стараясь не разорвать ставшую от нагрева хрупкой обёртку. Михаил Аркадьевич с интересом, но не вмешиваясь, наблюдал за его трудами и, когда из образовавшихся отверстий вырвались струйки ароматного пара, восхищённо крикнул:

– Однако!

– То-то! – ответил Бурлаков с такой гордостью, будто он сам лично приготовил все эти аппетитные пухлые поджаристые шары и пирожки. – Не хватай, сейчас переложу. Это загорыши, они с грибами. А пирожки сладкие. С изюмом и орехами.

– Загорыши? – удивился Михаил Аркадьевич.

– Да, местная экзотика.

– Говоришь, они с грибами, и под чай?!

– Чёрт с тобой, – Бурлаков достал из холодильника бутылку водки, а из посудного шкафчика две стопки. – Разливай.

– Угу. И за что пьём?

– За чудо! – убеждённо ответил Бурлаков.

– Согласен, – кивнул Михаил Аркадьевич.

Казалось, его ничто не интересует, кроме водки и закуски, а вопросы он задаёт просто так, чтоб застолье всё-таки получалось, а не пьянка. Всё эти игры были давно знакомы Бурлакову, но он слишком счастлив, чтобы сопротивляться, да и... зачем? Но подразнить Мишку можно и нужно.

Откусив ползагорыша, Михаил Аркадьевич изобразил удивление, а, прожевав, восторг.

– Однако мастерица твоя козочка.

– Спасибо, но по правде, загорыши профессионал делал.

Есть там такая местная знаменитость, стряпуха Панфиловна.

– Понятно, – кивнул Михаил Аркадьевич. – А пирожки?

– Пирожки Женечка пекла. Они к чаю.

– Попробуем, попробуем.

Михаил Аркадьевич потянулся к лежавшим на развёрнутой фольге пирожкам и вдруг будто только что заметил.

– А это чьё копытце отпечталось?

– Где?! – искренне удивился Бурлаков.

– А вот, – Михаил Аркадьевич указал на плоский пирожок с разорванным боком и проломленной верхней корочкой. Вмятинки чётко обрисовывали маленькую ладошку с растопыренными пальчиками.

– Это? – Бурлаков взял пирожок, повертел, разглядывая. И захохотал: – Ай да девчонка! Всё-таки успела, залезла!

Михаил Аркадьевич кивнул. Итак, она – Женя, у неё девочка, живёт где-то... на севере, Гошка уезжал как раз с Северного вокзала, но это не Поморье, и не Печера. Поморскую экзотику он знает, там традиционная кухня совсем другая, а в Печере не пекут пирожков с изюмом и орехами, это юг, значит... репатрианты, в Печеру репатрианты не едут, их северная граница – Ижорский пояс, тогда... загорыши... а «телегу» на Золотарёва Гошка с Асей сочинял, а Ася... да, сейчас она как раз в Ижорском Поясе, точнее... точнее... Загорье! Загорье – загорыши. Всё сходится.

– О чём задумался, Мишка?

– Едой наслаждаюсь. Так, как там в Загорье? Уже зима?

Бурлаков улыбнулся.

– Молодец, соображаешь. А зима? Как положено, с Покрова.

– Понятно. И чего тебя туда понесло?

Бурлаков сделал таинственное лицо и с наслаждением откусил от загорыша. Михаил Аркадьевич кивнул, принимая игру. А почему бы и нет? Судя по счастливой физиономии Гошки, поездка пошла ему на пользу, и, если эта Женя, кем бы она Гошке ни приходилась, вернёт его к жизни... то ветер им в паруса, Синичку, конечно, жаль, но Гошка – вояка опытный, ему не впервой на два и более фронтов, справится. Девочка... вряд ли Гошкино произведение, но... проверим.

– В школу-то копытце уже ходит?

– А как же, в первый класс! – гордо ответил Бурлаков. –

Одни пятёрки.

– Ты прямо с отцовской гордостью говоришь, – рискнул сделать следующий шаг Михаил Аркадьевич.

– Дедовской, – поправил его Бурлаков. – А в остальном всё правильно.

– Ты дед?! – искренне удивился Михаил Аркадьевич. – Откуда?! Девочки... – и осёкся.

– Да, Миша, – кивнул Бурлаков, – ни Анечки, ни Милочки нет, – быстрым движением он выплеснул себе в рот остаток водки из стопки и явно заставил себя улыбнуться, вернуться к самому себе прежнему. – И всё-таки я – дед, Мишка. И внучка у меня чудесная.

– Рад за тебя.

– Только рад, а не счастлив?! Свинья ты, Мишка, после этого.

– А со свиньёй только свинья и дружит, – облегчённо огрызнулся Михаил Аркадьевич.

– Я козёл, – строго поправил его Бурлаков. – Самому себе противоречишь.

– Люблю поспорить с умным человеком, – улыбнулся Михаил Аркадьевич.

– Плюрализм в одной голове – уже шизофрения. Учти. А внуку я тебе, так и быть, покажу, – и легко встал из-за стола. – Сейчас принесу.

– Всё подряд тащи, – крикнул ему вслед Михаил Аркадьевич.

В кабинете Бурлаков взял со стола, не разворачивая, газетный свёрток с фотографиями и вернулся на кухню.

– Сейчас найду, покажу тебе.

– Я сам, – забрал у него свёрток Михаил Аркадьевич.

Он быстро ловко развернул газету и удовлетворённо кивнул, увидев заголовок. «Загорская искра». Значит, точно, Загорье. Так... поляроид? И откуда у Гошки такая роскошь? Но это потом, а пока... народу-то, народу... но... но... но этих двух он знает. Они-то как сюда затесались?

– И в честь чего такой сбор? – небрежно спросил Михаил Аркадьевич, раскладывая фотографии сложным и малопонятным со стороны пасьянсом.

– Свадьба, вернее, годовщина свадьбы, – ответил Бурлаков, прихлёбывая чай.

Интересно: когда Мишка сообразит и разложит всё по полочкам. Реакция у друга всегда была отменной.

– Вот это она и есть? – Михаил Аркадьевич показал ему карточку.

– Да, – кивнул Бурлаков. – Алечка.

– Ага. А полностью? Александра? Алла?

– Алиса.

– Редкое имя, – кивнул Михаил Аркадьевич, помещая фотографию в пасьянс. – А это... Женя?

– Угадал, – согласился Бурлаков.

– А это? Молодожёны, надо понимать?

– Они самые.

– Угу. Ясенько. Красивый парень.

– Не спорю, – улыбнулся Бурлаков.

– Ещё бы ты спорил с очевидным. Так... и вот так... и что же у нас получается?

– Ну-ну.

– Интересно получается, – Михаил Аркадьевич оглядел разложенные на столе фотографии, собрал не вошедшие в расклад карточки и отложил их в сторону. – С этими потом. А здесь... Мне непонятны два пункта. Объяснишь?

– Отчего и нет, – улыбнулся, пожимая плечами, Бурлаков.

– Начнём с расклада. Это молодожёны, это их дочка.

– Соображаешь, – одобрительно кивнул Бурлаков.

– А это, – Михаил Аркадьевич указал на фотографию Джонатана с Алисой, – это подлинный отец.

– Допустимо.

– Не допустимо, а очевидно. Разуй глаза, историк. – Это, – указующий перст Михаила Аркадьевича переместился на фотографию Фредди, – его, скажем так, компаньон. Оба личности примечательные и широко известные в узких криминальных кругах.

– Возможно, – не высказал особого удивления Бурлаков.

– Информация точная, не сомневайся. Здесь всё ясно. Как ты сюда затесался, тоже.

– И как? – с интересом спросил Бурлаков.

– Ну, молодожёны – явные репатрианты, а тебя пригласили как председателя. Для официального прикрытия.

– Мимо.

– Не мимо, а точно. Вляпался, так не чирикай.

Вопреки ожиданиям Михаила Аркадьевича Бурлаков не взорвался, а продолжал благодушествовать, к тому же вполне искренне. Михаил Аркадьевич снова внимательно оглядел получившийся расклад, отыскивая промашку. Нет, всё сходится, и благодушие Гошкино... ладно, посмотрим ещё раз.

– Ясно... ясненько... – приговаривал он, рассматривая и перемещая фотографии.

– Всё-то тебе ясно, – наконец не выдержал Бурлаков.

– Не всё. Первое. Почему ты дед? Не знал, что Джонатан Бредли, знаменитый шулер, твой сын, – Михаил Аркадьевич позволил себе максимум сарказма.

– Другого варианта ты не рассматриваешь? – с не меньшим сарказмом ответил вопросом Бурлаков.

– Ты отец Жени?! – удивился Михаил Аркадьевич. – Что, старые грехи? Подожди, сколько ей лет? Ты тогда...

– Не трудись. Женечка мне сноха.

– Что?!

– То, что слышишь, – откровенно наслаждался Бурлаков.

– Этот... индеец – твой сын? Гошка, не ври! Почему?

– Потому, что они – братья, – Бурлаков протянул руку и положил перед Михаилом Аркадьевичем снимок, где они втроём. – Понял? Они братья, а мне – сыновья.

– Значит, так?

– Именно так!

Михаил Аркадьевич взял фотографию, на которой стоят в ряд красивый индеец, Бурлаков и высокий белокурый парень, всмотрелся. Все трое нарядные, улыбаются... индеец чуть смущённо, парень вызывающе, а Гошка... Гошка просто счастлив.

– Вот он, – Михаил Аркадьевич указал на парня. – Это вторая неясность. Он откуда здесь взялся? Кто он, Гошка?

– Мой сын, – твёрдо ответил Бурлаков.

Михаил Аркадьевич даже вздрогнул и потрясённо уставился на него. Бурлаков молча ждал, пока старый друг переварит услышанное.

– Ты... – наконец выдохнул Михаил Аркадьевич. – Ты это серьёзно?

– Вполне, – кивнул Бурлаков.

Михаил Аркадьевич озадаченно выругался. Бурлаков расхохотался и встал поставить чайник – за разговором выпили весь и не заметили. А пока он возился с плитой и чайником, Михаил Аркадьевич быстро соображал.

...Два тандема... квадрат... аристократ и белая рвань, спальник и лагерник... в Хэллоуин лагерника убили... квадрат разрушен... Гошка в январе ездил в Загорье, вернулся как не свой... парень приклатнённый, нет, блатарёныш... Бредли орудует с камнями и антиквариатом... музейные ценности... в бывшей Империи ещё много плавает... Гошка им для консультации... что у него в лагере погиб сын, зна-

ют? Вполне вероятно. Так значит... да, нашли молодого блатаря из угнанных и подсунули, восстановив тандем. Индеец на это пошёл. Зачем? Попробовал бы не согласиться, жить-то хочется. Это элементарно. А Гошка... поверил и принял. Как память о Серёже. И теперь эти двое будут его использовать. Ах, чёрт, до чего же хитры, на сколько ходов вперёд просчитывают.

– Сейчас закипит, – вернулся к столу Бурлаков. – Так, два загорыша я уберу, пирожки... тоже по два. Думаю, до пятницы они в холодильнике долежат.

Михаил Аркадьевич задумчиво кивал, разглядывая фотографии.

– Ну, и до чего додумался? – сел на своё место Бурлаков.

– До многого. Этот парень... Как его зовут? – и удовлетворённо кивнул, увидев смущение, даже растерянность Бурлакова. – Ладно, отложим пока. А какой у парня тюремный стаж, ты знаешь?

– Восемь лет, – ответил уже справившийся с собой Бурлаков. – И не тюремный, а лагерный. Ты спросил об имени. Он называет себя Андреем.

– Андрей? Да, точно. У Бредли и Трейси были два пастуха. Индеец и белый. Спальник и лагерник. Так?

Бурлаков кивнул, с искренним интересом наблюдая за другом.

– Лагерника убили в Хэллоуин, а спальник эмигрировал. Душераздирающую историю о сожжении заживо мы получи-

ли по нескольким независимым каналам. Так? Так, Гошка, ты сам его тогда разыскивал и сам же мне рассказывал.

– Я помню.

– Так, примем смерть лагерника за истину. Тогда это, – Михаил Аркадьевич постучал пальцем по фотографии Андрея, – это подстава. Отыскали подходящего по возрасту и внешним данным, поднатаскали и подсунули. А ты купился, как...

– Как последний лох, – закончил за него фразу Бурлаков. – Это ты ещё не всё знаешь, Мишка.

– Расскажи, буду знать.

– В январе, – со вкусом начал Бурлаков, – я съездил в Загорье, поговорил с Эркином и выяснил, что его названный брат, лагерник Андрей... Ничего не путаю?

Михаил Аркадьевич напряжённо кивнул, Бурлаков выдержал интригующую паузу и закончил:

– Это мой Серёжа.

К его удивлению, Михаил Аркадьевич не выдал никакой реакции, только кивнул, принимая к сведению. Бурлаков почувствовал себя задетым.

– Не интересуешься, как?

– Расскажи, – очень спокойно ответил Михаил Аркадьевич.

– Я взял фотографии, все, что получил из архива, ну, ещё набрал, кое-что из сданного на хранение перед эвакуацией уцелело, и попросил Эркина отобрать те, что похожи. На его

брата. Смотрели Эркин, Женечка, даже Алечка. И отобрали. Мои студенческие, деда, Риммину последнюю, Володьку...

– Кого? – сразу остановил перечисление Михаил Аркадьевич. – Это кто?

– Володька. Младший брат Риммы. Задира, весёлый нахал. Римма считала его талантливым. Только, – Бурлаков невесело усмехнулся, – выяснить, в чём именно его талант, никто не успел. Погиб. Ушёл добровольцем сразу после выпускного и в первом же бою. Как раз похоронку на него получили перед самым отъездом.

– Эти фотографии у тебя?

– Конечно, – Бурлаков легко встал. – Сейчас принесу. Чайник выключи.

Михаил Аркадьевич встал, выключил огонь под чайником, заглянул в заварочный. Ещё на пару чашек хватит, а там заварим свежего... Жаль... самая прочная иллюзия, которую придумываешь сам. Гошка не просто принял чужое враньё и поверил в него, а, похоже, сам его и создал. С того мозгового штурма, Сашка рассказывал, когда предположили, что второй пастух – русский лагерник, Гошка сразу вцепился в гипотезу и решил для себя и окончательно, что это его Серёжа, и дальше уже не думал, а искал подтверждения. Жаль. Жаль Гошку, и, если бы не Бредли с Трейси можно было бы оставить ему эту иллюзию, но... но слишком высоки ставки, чтоб отдать игру шулеру. Игра-то далеко не кончена, новый кон уже всю пошёл, да, игроки, некоторые,

сменились, а Гошка и его комитет ещё нужны, и долго будут нужны.

Вошёл Бурлаков и положил на стол несколько фотографий.

– Заварил?

– Там ещё на две чашки, – ответил Михаил Аркадьевич, садясь на своё место. – Ну, давай, я посмотрю.

– Смотри-смотри.

Бурлаков налил себе и Михаилу Аркадьевичу чаю, сел за стол и молча, изредка прихлёбывая обжигающе горячий несладкий чай, смотрел, как в многоцветный яркий пасьянс вкладываются старые, когда-то чёрно-белые, а теперь пожелтевшие и потускневшие фотографии.

– Действительно, – наконец вынужденно признался Михаил Аркадьевич. – Можно увидеть. И что дальше?

– Дальше? Дальше я жил. Весной, когда ездил по нашим лагерям, завернул в Джексонвилл, нашёл церковь для цветных, постоял у могилы. Всё чин чинарём. Могильная плита, знаешь, как там ставят в изголовье, надпись. Эндрю Белёсий, двадцать один год. Ну, вернулся, – об инциденте в лагере Атланты он вспоминать не любил и потому умолчал. – Получил письмо от Женечки, что она ходила к какой-то знаменитой гадалке, и та сказала, что Андрей, для них-то он Андрей, так вот, что Андрей жив и придёт с весенней травой.

Бурлаков ждал смеха или подходящей реплики: Мишка всегда относился к гаданиям, приметам и гадалкам крайне

скептически и не упустил случая поиздеваться над чужим легковерием. Но сейчас он только молча серьёзно кивнул, и Бурлаков продолжил:

– Ну, я ответил что-то вежливое и уехал на всё лето в поле. Ну, у тебя там были свои планы и соображения, а мне... Вспомнить молодость и забыть обо всём остальном. Вернулся к первому сентября и стал разбирать почту. Маша мне всё на стол складывала. Смотрю, читаю, между прочим нашёл Сашкино письмо, и смотрю: Загорье, почерк Женечки. Его ни с чьим не спутаешь. Читаю и глазам не верю. Андрюша вернулся, живой, здоровый, был только ранен, словом... Я сорвался и туда. Как доехал, не помню.

– А как встретили? – разжал губы Михаил Аркадьевич.

– Умеешь ты, Мишка, по самому больному вдарить, – кивнул Бурлаков. – Я-то его узнал, не сразу, но узнал. А он... он не захотел. И не узнавать, а признавать. Понимаешь, он...

– Стоп! – жёстко перебил его Михаил Аркадьевич. – Гошка, ты когда Серёжку в последний раз видел? Ему сколько было? Восемь?

– Восьмой, – кивнул Игорь Александрович. – Я понимаю, о чём ты. Да, был мальчик, стал мужчина. Но, это он, Миша. Подставы, да-да, знаю я тебя, ты раз решил, то тебя не своротить, опыт – великая вещь, только когда опыт становится стереотипом, он мешать начинает. Нет там подставы. Он знает то, что мог знать только Серёжа. Он... он чашку с чаем по-бурлаковски держит. Ну, а тогда... Я проглотил, утёрся

и уехал.

– Не спеши. Хорошо, ты его узнал. Допустим. А он?

– Я же сказал. Узнал, но не признал. Мишка, – тон Игоря Александровича стал жалобным. – Ну, не могу я об этом. Как вспомню, так сердце заходится.

– Хорошо. Тогда о другом. Все знали, что он погиб. Кто пустил дезу?

– Это не деза, Мишка. Я уже думал. Как в любой резне, кто-то что-то увидел, обознался, ну, и пошло... Эркину Алечка рассказала, что видела... Ну, сам подумай, пять лет девочке, и тут гонятся, бьют, сжигают заживо... конечно, ребёнок в шоке. Ну, и решили, что это она об... Андрее рассказывает, тем более, что того нигде нет, а трупы, обугленные, есть. А его только ранило, кто-то, он и сейчас не хочет их называть, подобрал раненого и спрятал. Понимаешь расклад?

Михаил Аркадьевич кивнул.

– Примем как версию. Дальше. Вернулся ты в Царьград...

– Да, и решил жить дальше. Никому ничего я не говорил.

– И Маше?

– Она только про январь и Джексонвилл знает.

– Теперь-то расскажешь, надеюсь?

– А как же! Радостью не делиться – грех великий. Ну, месяц прошёл, и, – голос Бурлакова стал торжественным. – И Серёжа приехал. Сам. Представляешь, веду приём, зову следующего, и входит... Серёжа!

– Так уголовник, что твою Церберуню до истерики довёл...

– Всё-то ты, Мишка, знаешь. Особенно, что тебя никак не касается. Да, он, – Бурлаков одновременно и вздохнул, и улыбнулся. – Ну, сам подумай, Миша. Восемь лет лагеря, а до этого спецприют, тюрьма...

– Да, – кивнул Михаил Аркадьевич. – При такой биографии поведение соответствующее. Ну и...

– Ну, вот. И Серёжа пригласил меня на годовщину свадьбы Эркина. Ну... ну, вот и всё, Миша.

– Вот и всё, – повторил Михаил Аркадьевич. – Но это... Это же чудо, Гошка.

– А я о чём говорю!

Михаил Аркадьевич встал и прошёлся по кухне, успокаиваясь движением. Невероятно, невозможно, но... но существует. Как говорят в Поморье: «Кажин знат, как всяко бывает». А в Луизиане: «И не такое бывает». Бывает. Бать может вообще всё, что угодно. А то, что они сами, их пятёрка, выжила, тоже невероятно. Но всё же такая концентрация чудес на отдельном человеке... хотя... если, к примеру, взять Никласа... и... ещё... да, бывает и не такое. Но... но есть ещё один аспект. И, похоже, о нём Гошка пока не думает.

– И всё-таки я прав.

– Интересно, в чём? – ехидно осведомился Бурлаков.

– Что ты вляпался и сам этого не понимаешь.

– Ага. Это ты про Джонатана и Фредди?

– Да нет, здесь даже, если посоображать, можно и на пользу повернуть.

– С богатым не судись, а с сильным не дерись, – хмыкнул Бурлаков.

– А с шулером не играй, – не менее ехидно закончил Михаил Аркадьевич. – Но... – и сам себя остановил. – Стоп. Гошка, уже?

– А ты думал! – Бурлаков достал из нагрудного кармана визитку Джонатана и протянул её Михаилу Аркадьевичу. – Читай.

– Та-ак, – протянул Михаил Аркадьевич, не читая, а фотографируя взглядом внешне незамысловатый текст. – Интересно. И зачем?

– А затем! Ты знаешь, что такое автоответчик?

– Ну, знаю, конечно.

– А почему их у нас нет, тоже знаешь?

– Так...

– Вот именно! А некий Джонатан Бредли имеет это устройство в своей конторе, и, судя по открытости пользования, вполне законно. И согласен поставить энное количество вышеозначенных аппаратов Цареградскому Университету. Об условиях будет созваниваться ректорат. Завхоз у нас – тётка ушлая, справится. Мишка, не лезь, у меня есть кому отследить каналы, а твои помешают.

– Так ты свою сетку...

– Своих не сдаём, понял? А с результатами ознакомим.

– Так эта «Октава»...

– Как заявляет сам Бредли и даже на визитке зафиксировал: не торговец, а посредник. А производителя ты знаешь, и почему его продукции у нас нет, тоже.

Михаил Аркадьевич перечитал визитку, задумчиво повертел её в пальцах и повторил:

– Не торговец, а посредник. Не слишком грамотно, но... удобно.

– То-то и оно.

Михаил Аркадьевич со вздохом вернул визитку.

– Жук ты, Гошка. Даже жучара.

– Я, позволю себе напомнить тебе твои же слова, старый козёл. А ты весьма немолодой не будем уточнять кто. Сам подберёшь себе определение. Но вернёмся немного назад и уточним. Так во что я, по твоим словам, вляпался? Об чём спич?

– О ком, – поправил его Михаил Аркадьевич и передвинул фотографии. – Вот о нём. Ты знаешь, что он – спальник?

– Ну и что?

– Какие у него отношения с Серёжкой?

– Братские! Мишка, за такие намёки морду бьют.

– Ну да. И даже, да ну? И его приёмная дочка тебе внучка?

– Да!

– И жена его тебе сноха?

– Да!!

– А он тебе?

– Да пошёл ты...! – не сдержался Бурлаков. – Я ж тебе, дураку золотопогонному, лампаснику, сразу сказал. Они с Серёжей записались братьями. Так что Эркин мне сын! Понял, наконец?

– Тебе он сын. А ты ему? Молчи, Гошка, я на спальников в госпитале нагляделся. И до этого брал информацию. Мой тебе совет: забирай оттуда Сергея.

Бурлаков грустно кивнул.

– Я уже думал об этом, Миша. К сожалению, это невозможно. Серёжа не хочет. Считает, что там ему хорошо.

– И насколько он понимает, от чего отказывается? Что там у него?

– Школа, работа, друзья, родные, – в голосе Бурлакова прорвалась горечь, – люди, новая своя собственная квартира. А здесь... здесь только я. И воспоминания, которых у него нет. Я ж его совсем маленького в Пограничье увёз. Дёрнуло меня, дурака! Поверил в умные расклады и рассуждения.

– Да, – кивнул Михаил Аркадьевич. – С Пограничем нас переиграли тогда вчистую. Генерал Петерс оказался умнее всего нашего Генштаба.

– И ихнего тоже.

– Да, потому и удалось его убрать через тамошних конкурентов. Но ты и сам в этом поучаствовал консультантом, так что не отвлекайся.

Бурлаков кивнул.

– Да. А теперь... Там ему лучше. После всего и цареградская суета... знаешь, мы в воскресенье, ну, когда он приезжал, утром пошли прогуляться. По цареградским меркам, сонное царство, пустыня южная, а Серёжа удивляется, ему многолюдно, шумно. Знаешь, у меня с Фредди интересный разговор был. Как раз об этом. Он ведь психолог, и неплохой, хотя явно этому не учился. Помнишь, я тебе рассказывал, как он об Эркине отозвался. Ну, что парень гордый и денег не возьмёт, – Михаил Аркадьевич кивнул. – И точно попал, в яблочко. Недаром, – Бурлаков подмигнул, – знаменитый стрелок.

– Киллер, – «академическим» тоном поправил его Михаил Аркадьевич. – Но умён, отрицать нельзя. Так что он сказал?

– Понимаешь, был антракт, Серёжа пошёл в свою комнату отдохнуть, Женечка тоже прилегла, Эркин на кухне возился, а мы в гостиной сидели. Джонатан тоже куда-то вышел...

...Светлые до прозрачности глаза Фредди смотрят внимательно, и даже... то ли сочувственно, то ли настороженно.

– Ничего, профессор, отлежится, – внезапно говорит Фредди без всякой связи с предыдущей темой.

И он, сразу поняв, что Фредди говорит о Серёже, кивает.

– Главное, в тишине отлежаться, – продолжает Фредди. – Я после, ну, не как у него, но тоже хлебанул выше маковки, месяца два лежал. В полной отключке. Надо бы больше, но не получилось. И потом, – Фредди усмехается, – вроде от-

пуска себе устраивал, ковбоем при стаде. Ему сейчас надо как следует на дне полежать...

...Бурлаков отхлебнул остывающего чая.

– Вот так, Миша.

– Это он про Уорринг вспомнил?

– Может быть, – равнодушно пожал плечами Бурлаков. –

Он ведь ещё сказал...

...И снова пристальный немигающий взгляд.

– Когда такое за спиной... В Мышеловку тогда собак привезли, чтоб мины искали. Так он их увидел и... я думал, всё, кранты, не вернём крышу. Эркин его вытащил. Оттуда. Он туда ушёл, понимаете?

Он кивает и осторожно спрашивает:

– А почему собаки?

И простой, страшный в своей простоте ответ Фредди.

– Травили его ими, – и убеждённо: – Нельзя его дёргать сейчас. Пусть, как хочет, живёт. А Эркин приглядит, чтоб не сорвался по дурасти...

...Бурлаков перевёл дыхание.

– Вот такой разговор, Миша...

– Да-а, ты смотри, и психоаналитик, и психотерапевт сразу. И ты ему веришь?

– В этом? Полностью! – Бурлаков заставил себя усмехнуться. – Личный опыт – великая штука.

Михаил Аркадьевич кивнул.

– Что ж, может, на полгода, а то и год, думаю...

– На сколько он сам решит! – перебил его Бурлаков. – Сам! Силой тут ничего не добьёшься. Ты деда Егора вспомни. Много на него давить удавалось? Убедить, так ещё туда-сюда. Выпросить? Ну, так под какую руку попадёшь. А приказать... То-то! А Серёжа в него пошёл.

– Ладно, – тряхнул головой Михаил Аркадьевич. – Будем считать, что убедил. Давай, Гошка, обмоем твоё... приобретение.

– Тебе лишь бы надрызгаться, – встал Бурлаков. – Сейчас коньяк принесу.

– У тебя что, водки больше нет?

– А я откуда знал, что ты припрёшься, – весело огрызнулся Бурлаков, выходя из кухни.

Михаил Аркадьевич встал и прошёлся по кухне. Остановился у стола и с высоты роста ещё раз оглядел разложенные на столе фотографии и стал их собирать. Вошёл Бурлаков и поставил на освободившееся место початую бутылку коньяка и две рюмки.

– А «поляроид» чей? – спросил Михаил Аркадьевич.

– Фредди. Такой, понимаешь ли, простенький в использовании, прямо-таки походный аппарат. Слышал о нём, но сам увидел впервые. И снимал, в основном, он, ну а потом все попробовали.

– Так. Ну, где он его взял, я догадываюсь, и какие тут перспективы, тоже.

– Да, – кивнул Бурлаков, – в ту же копилку. Но, повторю,

не лезь. Пока не лезь.

– Это я понял и даже согласен. А вот зачем ему эта «летопись»?

– Не знаю, Миша, – искренне ответил Бурлаков. – Себе он три или четыре снимка забрал, остальные мы уже без него поделили.

– Какие он взял?

– Алечку с Джонатаном.

– Понятно, – сразу кивнул Михаил Аркадьевич и сел. – Ну, за тебя, Гошка, и за всех твоих.

– Спасибо, – у Бурлакова на мгновение растроганно сорвался голос.

Выпили, не чокаясь, и посидели молча.

– Ну что, Гошка, – Михаил Аркадьевич задумчиво крутил за ножку пустую рюмку. – Синичка когда прилетает?

– К пятнице обещала. Да, Миш, ей я расскажу, всё, как и тебе, а больше... не хочу трезвона. Впрямую спросят, отвечу, а сам... не хочу.

– А спрашивать никто не будет, – понимающе хмыкнул Михаил Аркадьевич. – Ладно. Это твоя семья, тебе и решать. Только... вот ещё что. Ты понимаешь, что он – свидетель, единственный свидетель.

– Мишка! Вот потому и надо его беречь. И ему там спокойнее, и мне за него. А сроки... так для истории срока давности нет.

– Спасибо, утешил, – Михаил Аркадьевич насмешливо

подмигнул. – Как она, твоя история, судит и пересуживает, давно известно. Да не фыркай ты. Никто его не тронет. По основным каналам он считается мёртвым или вообще не существующим, дело на двойном разрыве в архиве. Когда до него ещё историки доберутся... Когда он приедет? На Рождество?

– На Рождество я туда поеду. Ну, и святки там проведу.

– Один поедешь?

Бурлаков вздохнул.

– Да. Он... он помнит... и вообще... считает... ну, что я тебе говорю. У тебя же та же проблема была.

Теперь вздохнул Михаил Аркадьевич.

– К сожалению, и была, и есть.

– Так и не поладили?

– Аня с Маринкой? Нет, – покачал головой Михаил Аркадьевич. – Правда, Маринка теперь хоть заходит. Всё вежливо, культурно, как в лучших домах Лондона и Парижу.

– И то хоть что-то, – утешил его Бурлаков. – Время всё лечит.

– Только глупость неизлечима, – закончил старинное при-
словье Михаил Аркадьевич.

Бурлаков критически оглядел бутылку и решительно разлил по рюмкам остатки коньяка.

– Слушай, Мишка, есть у меня к тебе... – и запнулся, подбирая слово.

– Дело? – подсказал Михаил Аркадьевич.

– Нет, – решительно мотнул головой Бурлаков. – Нет, Миша, просьба.

– Даже так? – улыбнулся Михаил Аркадьевич.

– Даже и очень. Проверь по своим каналам одного человека.

Михаил Аркадьевич стал серьёзным.

– Давай координаты.

– Фёдор Мороз. Возраст... предположительно от сорока и старше.

– И всё?

– Всё.

– Негусто. Зачем он тебе?

– Серёжа назвался Андреем Фёдоровичем Морозом. Сам понимаешь, от балды такого не делают. Так, кто он, Миша? – Михаил Аркадьевич слушал очень внимательно, и Бурлаков продолжил: – Если он там как-то прикрыл Серёжу, помог ему... я хочу о нём знать. Вряд ли он жив, Серёжа бы его пригласил, он собирал близких, а... если он взял его фамилию, а его имя своим отчеством, понимаешь...

– Понимаю, Гоша, – остановил его Михаил Аркадьевич. – Скоро не обещаю, слишком мало данных, но пошарю. Мороз... может быть и кличкой.

– Всё может быть, Миша. Спрашивать Серёжу я не хочу, а, если честно, боюсь.

– И не спрашивай, – согласился Михаил Аркадьевич и повторил: – Пошарю.

Незаметно, почти неощутимо темнел, наливался синевой воздух за окном и в кухне. А они сидели и молчали.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Суматошный послепраздничный день заканчивался обыденной вечерней рутинной.

Женя сидела у трюмо, расчёсывая на ночь волосы, а Эркин лежал в кровати, закинув руки за голову, и любовался сразу и ею, и её отражениями в зеркальном коридоре.

– Ты завтра как в школе? – спросила, не оборачиваясь, Женя.

– С утра, – вздрогнув, ответил Эркин. – Андрей же во вторую работает.

– Да, конечно, – Женя положила щётку и тряхнула головой, рассыпая волосы по плечам и спине. – Устал, милый?

– Не-а! – ответил Эркин с таким недвусмысленным энтузиазмом, что Женя рассмеялась.

Эркин ответно засмеялся и приглашающе потянулся, за-

ставив одеяло сползти с себя.

Смеясь, Женя подошла к кровати и наклонилась над ним.

– Значит, та-ак?

– Ага, – согласился Эркин, обнимая её и мягко привлекая к себе.

Они немного побарахтались, перекатываясь по кровати, так что одеяло оказалось на полу, а Женя без рубашки.

– Ах, та-ак?!

– И даже этак, – смеялся Эркин.

Вчера они как легли, так сразу заснули, даже обняться не успели, зато сегодня... конечно, тоже суматоха, гости, беспорядок, но со вчерашним не сравнить. И они будто впервые, да нет, без будто, в самом деле впервые одни, и завтра не надо на работу, а школа... ну, это же не к семи на смену, успеем выспаться. Пальцы и губы Жени на его теле, её запах вокруг... Эркин дышал им, хватая его жадно открытым ртом, прикивал губами к коже Жени. Волна несла его, то закручивая до хруста в позвонках, то ровным быстрым потоком. И, прижимая к себе Женю, он не понимал, а чувствовал, что она не просто рядом, а в той же горячей, обжигающе ледяной волне.

Наконец волна отхлынула, оставив их лежащими рядом, в поту и с бешено колотящимися сердцами. Эркин кожей чувствовал, как бьётся сердце Жени, и, мягко изогнувшись, он поцеловал её в грудь, прямо в сердце. Женя засмеялась, взъерошила ему волосы на затылке.

– Ох, Эркин...

– Ага, – согласился Эркин, снова целуя её уже в ложбинку между грудями. – Какая ты сладкая, Женя.

– Так бы и съел, да? – смеялась Женя, прижимая к себе его голову. – Пойдём, поедим...

– Ты голодная? – сразу встревожился Эркин.

– Да ну тебя, – Женя даже рассердилась. – Ты что, шуток не понимаешь?

Эркин виновато вздохнул.

– Не всегда.

Женя успокаивающе погладила его по голове, и Эркин, поддаваясь этому ласковому нажиму, потёрся лицом о её грудь. Потом мягко отделился от неё и встал.

– Сейчас одеяло подниму.

– Ага, – согласилась Женя. – Уже очень поздно?

– Наверное, – пожал плечами Эркин, укрывая Женю и подныривая под одеяло со своей стороны. – Тебе удобно?

– Да, – Женя потянулась, проверяя, укрыл ли он спину, погладила по спине. – Спим, да?

– Да, – Эркин мягко потёрся о неё всем телом, укладывая её так, чтобы ей было удобно и легко обнимать его.

Женя уже спала, и время за полночь перевалило. Эркин снова потёрся о Женю и закрыл глаза. Удивительно, как всё хорошо получилось: и праздник настоящий, и профессор довольный уехал, и Андрей остался. Андрей – молодец, и продумал всё, и сделал по-задуманному...

Еле слышно стукнула входная дверь, и Эркин, не открывая глаз, улыбнулся: Андрей пришёл. Ну, теперь-то точно всё в порядке.

Перед школой Андрей всегда ночевал у Эркина. Как-то успокаивает. И портфель с тетрадями и книгами у него здесь.

Братнина квартира встретила его сонной тёплой тишиной. Он бесшумно разделся и, не зажигая света, чтобы даже щелчком выключателя не нарушить тишину, пробрался к себе. Вышло удачно: ни на что не налетел.

В его комнате уже ничего не напоминало о празднике, всё, как обычно. Даже – он распахнул дверцы шкафа и удовлетворённо кивнул – да, даже в шкафу все его вещи разложены и развешаны как раньше. Будто и не было... профессора.

Андрей быстро приготовил всё на завтра, постелил себе – бельё Женя тоже сменила – и пошёл в ванную.

Как всегда, чисто, убрано и еле заметно пахнет лосьоном Эркина. Андрей быстро, стараясь не шуметь, вымылся в душе и перед тем, как одеться, оглядел себя в зеркале. И чего профессор тогда психанул? Нормально всё, а вот поглядел бы на то, как оно той зимой было, так что? В обморок бы грохнулся? Не иначе! Андрей запахнул халат, подмигнув своему отражению и вышел из ванной, щёлкнув выключателем.

Не зажигая света, прошёл к себе, сбросил на стул халат и лёг. Блаженно потянулся под одеялом. До чего же хорошо.

Всё хорошо! И на работе, и... и везде! Что хотел, то и сделал, получилось не совсем по-задуманному, а может и совсем не то, но здоровско вышло. Теперь всё, со всех сторон он прикрыт, не голым на ветру и не в шеренге. И им он... ну, если и не подмога, то никак не помеха, это уж точно. А Томка – ничего девчонка. Правда, вот так, по-скорому, не отходя от пульта, даже наушников не сняла, во даёт, не впервой, видно, ей так, но зато без претензий и последствий... Мысли путались, уплывали, и Андрей, не стараясь удержаться на кромке сна и бодрствования, позволил себе расслабиться и уснуть. Не о чем ему теперь беспокоиться.

Спал Андрей крепко и без снов, так что Эркину пришлось его потрясти и пообещать облить холодной водой, чтобы проснулся. Андрей наконец разлепил глаза и сел на диване.

– Чего, утро уже?

– В школу опоздаешь, – ответил Эркин, отодвигая штору.

Андрей шумно, с подвывом зевнул и окончательно проснулся.

– Понял, брат. Женя встала уже?

– Чай делает, – Эркин улыбнулся, прислушиваясь. – Пошла Алиску будить.

Андрей ещё раз зевнул и встал.

– Всё, готов.

Эркин кивнул и ушёл.

Обычное, уже будничное утро. Обычные и такие прият-

ные своей обыденностью хлопоты. И вот всё убрано, собрано, готово, и Женя целует, выставляя за дверь, Эркина и Андрея.

– Сейчас и мы пойдём.

– Ага, – без особого энтузиазма согласилась с неизбежностью Алиса.

Женя рассмеялась, быстро заматывая платок и проверяя сумку и сумочку – всё ли на месте.

На улице уже заметно посветлело, но до дня ещё далеко. Андрей шумно, всей грудью вдохнул и выдохнул холодный воздух. Эркин покосился на него и улыбнулся.

– Доволен?

– Ещё бы, брат. Скажи, как всё здоровско получилось.

Эркин согласно кивнул. Кое-какие сомнения у него были, но он даже самому себе не признавался в них. Он ещё не понял, в чём дело, что мешает ему полностью согласиться с Андреем, а пока сам не понял, никому другому ни знать, ни догадываться не стоит. Это его проблема, ему и решать.

– Интересно, сколько нас будет?

– Тим, вроде, во вторую сегодня, – Андрей нахмурился, соображая. – чёрт, у него график непостоянный теперь. Олег... тоже в первую, точно. Остальные...

– А Манефа? – невинным тоном спросил Эркин.

Андрей самодовольно хохотнул.

– Там всё впереди.

– Смотри, не заиграйся.

– Не бойсь, всё будет в порядке, – ответил Андрей по-английски и весело заржал.

Рассмеялся и Эркин. Вообще-то ему этот охмурёж на спор не нравился, что-то здесь не то, но что... ну, Андрей и не в таких переделках бывал, разберётся как-нибудь. А если и что, так он рядом. Если понадобится, переключит на себя. Не самое сложное.

На ступеньках Культурного Центра с весьма независимым видом курил Артём. Увидев Морозов, он сдержанно, повзрослому, кивнул.

– Привет, малец, – легко взбежал по ступенькам Эркин.

– Привет, – улыбнулся Андрей.

Втроём они разделись и пошли в класс. Уже на лестнице их нагнал Тим и быстро, но очень внимательно оглядел искоса. Эркин невольно насторожился, но ни вопросов, ни высказываний не последовало.

Когда прозвенел звонок, Андрей незаметно и облегчённо перевёл дыхание: Манефы не было. Эркину этот спор не нравится, ему самому тоже чего-то не по себе, но и отступить нельзя – засмеют. А так... отсрочка, время подумать и определиться.

Россия

Царьград

Возвращение домой всегда приятно. Великое дело – свой дом, а у неё их целых два. Нет, конечно, она правильно сделала, что не стала делать их дом общим. Всё-таки... мало ли что, мало ли как, надо иметь свой угол, своё гнездо.

Мария Петровна невольно улыбнулась. Поезд замедлял ход, плавно останавливаясь у перрона. В проходе уже толпились самые нетерпеливые, толкая друг друга сумками и чемоданами. А ей спешить незачем. Крот раньше десяти из библиотеки не вылезет, сам над собой смеётся, что у кого запой, а у него зачит, дорвался до книг, как пьяница до водки. Так что она успеет и у себя вещи разложить, и у него прибраться, а то мужчина есть мужчина, как ни старается, а он к тому же особо и не старается, и пирог-скороспелку испечь. И в Комитет только в понедельник, так что... два дня у них, у Крота в эту субботу приёма нет, два полных дня. И три ночи...

Мария Петровна шла и улыбалась. И ни толкотня и суета Вокзальной площади, ни давка в автобусе, правда, вполне обычная для Царьграда, ни холодный противный дождь –

ничто на неё сейчас не действовало. Счастье предвкушения больше счастья обладания.

Квартира была пустой и тихой. Как нежилая. Мария Петровна разделась и захлопотала, приводя квартиру, а затем и себя в надлежащее состояние...

...Поставив тесто, она спустилась вниз, к Гарю.

Его квартира так же пуста и тиха, но живой тишиной. В спальне, кабинете и на кухне чисто, убрано, ну, вполне прилично для мужчины, словом, как всегда... хотя... хотя нет, кое-что не так. Что? Чего нет? Или... или добавилось? Ну-ка, Синичка, смотри, да приглядывайся.

В кухне... вроде... вроде... проверяя себя, она открыла холодильник. Обычный набор, расхожий запас, только... два явно самодельных пакета из фольги с прилепленной на них запиской: «Нас надо сначала в духовку». Ох, Крот, ну, заботливый... Ага, вот оно. Мария Петровна достала блюдце с засохшим и каким-то корявым пирожком, повертела, разглядывая. И почему Гаря вздумал его хранить? Давно пора выкинуть, ему уже неделя, если не больше. И... и начинку кто-то сбоку выковырял, ну... ну, это уже ни в какие ворота не лезет!

Она уже сделала шаг к шкафчику под раковиной, где стояло мусорное ведро, но остановилась. Зачем-то же Гаря хранит... это, ведь не на столе среди объедков нашла, а в холодильнике. Конечно, времена другие, и как пароль еда никогда не использовалась, но всё-таки... Ладно, поставим этот

«шедевр кулинарии» на место и проверим всё остальное.

В спальне на тумбочке у изголовья кровати стояла фотография в самой простой, явно купленной не глядя рамке. Смеющийся белобрысый парень в белой рубашке и пёстром жилете сидит верхом на стуле. Снимок не студийный, а явно любительский, за спиной парня угол празднично накрытого стола. Кто это? Где-то она его видела. И встреча была... неприятной.

Невольно нахмурившись, она поставила фотографию на место и, проверяя догадку, легла поверх покрывала. Да, точно, как откроешь глаза, так сразу натыкаешься на снимок.

Что ещё?

В кабинете... всё по-прежнему? Нет, на столе тоже появились фотографии. Тот же парень, и интересно, как поймали: рот смеётся, а глаза серьёзные, и здесь он даже чем-то на Крота смахивает, каким тот в подполье был. Видимо, поэтому и показалось, что раньше видела. Родственник? Но Гаря говорил, что никого и ничего не уцелело. Значит, просто похож. Бывает. И фотография девочки, лет семи, не больше, беловолосой и синеглазой, в синем платье с большим кружевным воротником-пелериной. И совсем не похожа ни на парня, ни на Гарю. Совсем всё непонятно. Хотя... хотя что тут непонятного, вот это и называется: «греться у чужого огня». Они ещё нестарые, не настолько старые, но... но «нету чудес и мечтать о них нечего». Она поставила фотографию на место и вышла из кабинета. В кабинете она никогда ни-

чего не трогала: «мужское место», отец тоже не терпел, когда мать или тётка лезли в его мастерскую. Ей позволялось заходить и даже сидеть в уголке при одном условии: ничего не трогать, пока не велели, и молчать, пока не спросили. И больше пяти минут она не выдерживала.

Мария Петровна улыбнулась воспоминаниям с горькой насмешкой над собой тогдашней.

В хлопотах и беготне из квартиры в квартиру время прошло незаметно. А тут ещё Бурлаков позвонил и сказал, что постарается не задерживаться.

Мария Петровна отнеслась к этому спокойно: постарается не задерживаться – слишком неопределённо для закопавшегося в книги Крота, но, к её удивлению, Бурлаков и впрямь сумел выйти из библиотеки до её закрытия, и без пяти семь он вошёл в квартиру.

Услышав, как в замке проворачивается ключ, Мария Петровна выбежала в прихожую и сразу оказалась в его объятиях.

– Как долетела, Синичка?

– Господи, Крот, живой!

– Ну что ты, Синичка. Что могло со мной случиться?

Она оторвалась от него.

– Многое, Горя, многое.

Но от голодного мужика толку не будет – давно известно, так что она захлопотала со столом. Всё у неё готово, что надо в холодильнике, что надо – в духовке и на плите.

– Машенька, божественно. А почему ты загорыши не поставила?

– Это то, что в фольге?

– Ну да.

– Хорошо, сейчас.

Она встала из-за стола и подошла к холодильнику, достала пакет из фольги и обернулась.

– Этот?

– Наверное, Маша. Там во втором должны быть пирожки с изюмом и орехами, но в котором... – он с улыбкой пожал плечами. – Разогрей оба.

– Хорошо, – кивнула она и достала второй пакет.

Засунув оба пакета в духовку и включив малый огонь, Мария Петровна вернулась к холодильнику и достала блюдо.

– Горя, а это что за историческая реликвия?

Бурлаков с удовольствием расхохотался.

– Точно, Машенька, точно. Конечно, реликвия. Я знал, что ты всё поймёшь.

– Всё не всё, – она улыбнулась, скрывая горечь. – Но ты ничего не хочешь мне объяснить?

– А что объяснять, Маша?

– Хотя бы, – она поставила блюдо на стол. – Эту реликвию. И фотографии. В спальне и в кабинете. Что-то случилось, Горя?

– Случилось, Маша, – кивнул Бурлаков. – Но... но это радость, Маша. Даже счастье.

– Так поделись, – она постаралась улыбнуться. – Не жадничай.

– Ну что ты! Я, – он вдруг улыбнулся так непривычно смущённо, что она встревожилась. – Я просто не знаю, с чего начать.

– Либо с начала и доказывай последовательно, либо с конца и доказывай от противного.

– Хм, – Бурлаков изобразил глубокую задумчивость. – Заманчиво, соблазнительно... Честное слово, Маша, теряюсь.

– Вот и начни тогда с этого, – она передвинула блюдо с расковыранным пирожком в центр стола. – С реликвии.

– Идёт! – обрадовался Бурлаков. – Это пирожок.

– Неужели?! – изумилась Мария Петровна. – Никогда бы не подумала.

– Будешь перебивать, не стану рассказывать, – внушительно изрёк Бурлаков. – Так вот. Женя напекла гору пирожков на свадьбу и что осталось дала мне с собой. А пока она их упаковывала, Алечка выбрала сбоку начинку, а, чтобы не заметили, сверху прижала. Видишь, ладошка отпечаталась?

– Вижу, – кротко кивнула Мария Петровна. – С ним всё ясно. А кто такие Женя и Алечка?

Бурлаков вздохнул.

– Нет, видимо, придётся с другого конца.

– Давай.

– Ты... ты помнишь, я весной ездил в Джексонвилл? На могилу.

– Да, – сразу насторожилась Мария Петровна. – Ты мне говорил.

– Так вот, Маша. Вышла... ошибка, понимаешь?

– Это... был не он?

– И да, и нет, Маша. Что Андрей Мороз, он же Эндрю Белёсый и есть мой Серёжа, это да, а вот похоронили под его именем другого. Он выжил, Маша, представляешь?!

Она молча смотрела на него, будто не понимая, и он порывисто вскочил на ноги.

– Сейчас, сейчас я принесу, – и, уже выбегая из кухни, крикнул: – Достань из духовки, слышишь, горят.

Как автомат, она бездумно выполнила распоряжение, выключив духовку и поставив на стол оба фольговых свёртка. Но развернуть их не успела. Потому что в кухню быстро даже не вошёл, а ворвался Бурлаков с охапкой фотографий и двумя конвертами, торжественно вывалил всю грудку на стол.

– Вот, Маша, смотри, это Женя написала в марте... а это... пришло в мае, а я был в поле, представляешь?! В сентябре приехал и нашёл...

Она кивала, читая, вернее, проглядывая письма, привычно выхватывая из текста ключевые главные слова и фразы.

– Тебя не было. Я как прочитал, так и сорвался туда. Ну и... – он почти свободно улыбнулся. – Получил классическое атанде.

– Ну да, – кивнула она. – Написали в мае, а ты приехал в сентябре, конечно, обиделись, – и быстро вскинула на него

глаза. – Так это я виновата? Мне надо было сразу сообщить, телеграммой? Это моя вина, да?!

– Ну, что ты, Маша? – растерялся Бурлаков. – Я и секунды так не думал. Ты... что ты, ты ни в чём не виновата. Клянусь.

– Утешил, – ей удалось сдержать слёзы. И вдруг догадалась: – Так тогда, в лагере, в Атланте тот уголовник...

– Да, Маша, он самый.

– Господи, – она всплеснула руками. – А ты его так отшил...

Бурлаков усмехнулся.

– Отплатил он мне полной мерой. Приложил, повозил и выкинул.

Мария Петровна сочувственно вздохнула.

– Ну, я утёрся и уехал.

– А мне ни слова?!

– Ну, Маша, ну, как я мог об этом рассказывать? Что родной сын не хочет меня признавать? Что я его не узнал тогда?

– А... подожди, так этот парень, что к тебе на приём через Церберуню прорвался...

– Точно, Машенька! – голос Бурлакова зазвенел торжеством. – Точно! Приехал. Сам. И пригласил на свадьбу к Эркину. Понимаешь, они же как братья, даже документы оформили.

– А мне опять ни слова?!

– Машенька, клянусь, я хотел, я решил: съезжу и расскажу, я... я сглазить боялся.

– Ври больше, – совсем по-кошачьи фыркнула Мария Петровна.

– Не вру, чистая правда! Вот, смотри, вот это Женя, а это Алечка...

– А это отец Алечки. Кто он, Гаря?

Бурлаков вздохнул.

– Это Джонатан Бредли. Мм... делец. Весьма... разносторонний.

– Представляю. А это?

– Фредди. Его... мм, компаньон, пожалуй, скорее даже партнёр. Во всех делах.

– У него глаза убийцы, Гаря. Вот здесь, посмотри...

– А он и есть убийца, самый знаменитый киллер Империи. Да и сейчас... промашек не делает.

– Гаря, я серьёзно.

– Я тоже. А вот Серёжа. А это мы все вместе.

– Это... Эркин. Правильно?

– Да.

Она кивала, перебирая фотографии.

– А это что за безобразие?

– Это? – Бурлаков с удовольствием расхохотался. – Это Алечка с Серёжей из-за конфет дерутся. Представляешь, её уже спать уложили, сидим, пьём коньяк, ну, и всё, как положено, и вдруг Алечка входит. Ей торт приснился, и она пришла. Где её кусок с самой большой розой. А Серёжа стал её дразнить, что съел и из себя не вынет. Я её взял на руки, она

увидела бутылочки и обеими руками в вазу, а Серёжа как раз напротив, ну и... смотри сама.

– Ужас кошмарный! – смеялась Мария Петровна. – Ты, конечно, не вмешался. Тебе лишь бы скандал погромче получился.

– Без скандала – не гульба, – согласился Бурлаков.

– Кошмар! И кто же прекратил?

– Эркин. Ну, Алечка съела одну бутылочку и заснула, я её отнёс, уложил... чудная девочка.

– Да. А кто снимал?

– Фредди, Он привёз «поляроид», карманную версию, и вот снимал.

Мария Петровна кивнула.

– Понятно. А зачем ему это?

Бурлаков вздохнул.

– Не знаю. Я уже думал. Понимаешь, Синичка, есть в этом какая-то... странность. Так легенду делают. Прикрытие. Женечка Джонатана явно впервые увидела, подарка Алечке он не привёз, и вообще... Они, Джонни и Алечка, действительно очень похожи, но Фредди это так подчёркивал, прямо навязывал. Зачем это ему? Не знаю. Пока не знаю.

– Но... но он же не увезёт девочку? – с надеждой спросила Мария Петровна.

– Джонатан? Нет, конечно, у него этого и в мыслях нет. Его самого старания Фредди удивили. Правда, при нас он разборку устраивать не стал, нет, предварительной догово-

рѐнности у них не было. И в планы Фредди, похоже, не входит. Нет, тут, я думаю, можно не беспокоиться.

– Ну, хорошо, – кивнула Мария Петровна. – Допустим. Но если что...

– Если что, всех задействуем, – голос Бурлакова стал угрожающе спокойным.

Мария Петровна хорошо помнила, что означают эти интонации, и успокоилась.

– Да, а загорыши? – спохватился Бурлаков. – Они же остынут.

– Разогреем, – отмахнулась Мария Петровна не в силах оторваться от фотографий.

– В третий раз?! – подчѐркнуто ужаснулся Бурлаков, разворачивая пакет.

– А второй с кем был? – невинным тоном уточнила Мария Петровна.

– С Удавом.

– Он знал?

– Нет. Я только вошёл, даже раздеться не успел, как он заявился. Ну и...

– Дальше понятно. И под водку с коньяком ты ему всё рассказал.

– Машенька, честное слово, я хотел тебе первой, но так сложилось.

– Ладно тебе. Значит, теперь он всё знает.

– И ты. И больше никто. Хорошо?

– Хорошо. Но почему?

Бурлаков вздохнул.

– Я сам ещё это не понимаю. Просто чувствую, что так будет лучше.

Мария Петровна неуверенно кивнула.

– Ну... ну раз ты так считаешь.

Загорыши, даже и такими, оказались очень вкусными. И пирожки.

– Женя хорошо готовит?

– Да. Загорыши, правда, она заказывала у местной знаменитой стряпухи. И кулебяку. Потрясающая кулебяка, в шесть слоёв начинка, – и быстро: – Но у тебя ещё вкуснее.

Мария Петровна рассмеялась.

– Да ну тебя! Расскажи лучше, чем ещё тебя угощали. Да, а что ты в подарок привёз?

– Целую коробку, – Бурлаков даже руки раскинул во всю длину, показывая размер.

И он принялся со вкусом подробно описывать бельё, самовар, водки, всякие вкусности, воротничок...

– Господи, Горя, это же сумасшедшие деньги.

– Ну-у, – протянул он неопределённо.

– Залез в долги?

– Самую малость.

– Хоть что-то осталось?

– Ни копейки! – ответил он с такой счастливой улыбкой, будто именно это и было целью всего мероприятия.

Мария Петровна с ласковой укоризной покачала головой.

– Проживём и наживём! – весело ответил Бурлаков. – Уйма времени впереди!

Мария Петровна понимающе закивала. Конечно, у них всё впереди. Она снова перебрала фотографии.

– Надо купить альбом.

– Разумеется, – горячо и в то же время смущённо согласился Бурлаков.

Мария Петровна улыбнулась: ну да, с деньгами-то... полный швах.

– Ничего, Гаря, перекрутимся.

Бурлаков комично вздохнул. Мария Петровна рассмеялась и потянулась к безнадежно остывшим пирожкам и загорышам.

– Ну, давай доедим. Ещё одного разогрева они не выдержат.

– Горячие они были бесподобны.

– Верю. Они и такие неплохи. А вот эту фотографию я возьму себе.

– Маша...

– Да-да. И не спорь, жадина, эгоист.

– Так меня, так! – счастливо улыбнулся Бурлаков.

– Да. Кстати, а почему у тебя только Серёжа и Алечка? А Эркин?

Бурлаков открыл было рот и вдруг густо покраснел.

– Чёрт! Как же я лопухнулся. Ты молодец, Синичка. Се-

рѣжа бы приехал и не увидел Эркина... было бы мне за это. Понимаешь, он очень следит, чтобы Эркина ничем не обидели, – и усмехнулся. – как же, брат, старший.

– Понятно, – кивнула Мария Петровна. – Возьми тогда и поставь эти. Где Эркин с Женей. Будет полный комплект.

– Умничка ты у меня, – поцеловал он её в висок и встал. – Сейчас уберу только, чтобы не запачкать.

– Конечно, только мою не заначь.

– Обижает, начальник.

Бурлаков унёс фотографии, и, пока он возился в кабинете, Мария Петровна заново накрыла на стол. «Реликвию» она убрала с глаз, но выбрасывать не стала. Пока. Ну вот, всё разъяснилось, всё хорошо, лучше любого другого. Так что же... нет, всё хорошо, всё хорошо... уговаривала она саму себя. Это семья Крота, а, значит, и её семья. Она должна их любить, иначе они отнимут его, значит, полюбит. Женю с её пирожками, Серёжу, Эркина, Алису... Алечка-то уж точно не при чём. Чудная девочка.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Мать Моны приехала в Колумбию в середине сентября, когда по расчётам Моны до родов оставалась неделя, но наступил октябрь, а всё ещё ничего... Найджел бы совсем потерял голову, если бы не Айрин.

– А как же папа? – спросила Мона, услышав от матери, что уж рождения внука она не пропустит, ну, и ещё неделька-другая, и вообще там видно будет.

– Я договорилась с Мери Сайлз, – спокойно ответила Айрин.

Мона кивнула. Она хорошо помнила добродушную старую деву, истово ухаживающую за больными, одинокими и всеми, кто – по её мнению – нуждался в помощи, иногда даже назойливой, но всегда искренней. Мери – белая, но всегда твердила, что все люди – божьи дети, и лечила даже рабов, но, разумеется, с позволения хозяев, и к ней, как к местной безобидной достопримечательности, ни местная поли-

ция, ни СБ не цеплялись. А уж теперь-то... Так что отец будет и присмотрен, и ухожен.

И потянулись друг за другом почти безмятежные дни...

...В маленькой уютной – потому что она своя собственная – гостиной чисто и спокойно.

– Как ты думаешь, мама? – Мона погладила себя по животу. – Ещё долго?

– Ему там хорошо и удобно, – Айрин была полностью занята вязанием и говорила, не поднимая головы. – Вот он и не торопится.

– Найдж так волнуется...

– Мужчине положено, – Айрин снова пересчитала петли. – Главное, чтобы ты была спокойна.

– Угу, – согласилась Мона, разглядывая своё вязание. – Мама, не велика?

– Ну, так будет на вырост.

Спокойствие матери иногда раздражало Мону, но... без мамы она сама, конечно, ни с чем бы не справилась.

Айрин посмотрела на часы – гордо красовавшийся на каминной полке подарок Кена, Митча и Дика на новоселье – и собрала свою корзинку для рукоделия.

– Пора накрывать, Мона. Вот-вот Найджел придёт.

Мона кивнула и отложила вязание на столик.

– Мама...

– Убери в корзинку, а не бросай, где попало.

Мона только собралась заявить, что она – не маленькая

девочка, а взрослая женщина, как вошёл Найджел.

– Привет! Ну, как...?

– Привет, – улыбнулась Айрин. – У нас всё в порядке. Сейчас будем обедать.

– Да, спасибо, – рассеянно ответил Найджел, подходя к Моне.

Она храбро улыбнулась ему.

– Ты сегодня рано, ничего не случилось?

– Нет, всё в порядке. Как ты?

– Так же, – она невольно вздохнула.

Найджел осторожно обнял её за плечи, коснулся губами виска.

– Всё будет хорошо, Мона. Я знаю.

– Откуда?

– Знаю, и всё, – он осторожно, кончиками пальцев поднял за подбородок её лицо. – Посмотри на меня. Я – твой муж, и я говорю, что всё будет хорошо. Ты должна мне верить.

– Верю, – улыбнулась Мона.

И за обедом благодаря Айрин всё было спокойно и буднично. Как в любой другой день...

...И так день за днём, неделя за неделей. Айрин уже перезнакомилась со всей Новой улицей, и даже Найджел перестал волноваться, когда всё началось.

Найджел как всегда утром поцеловал Мону, попросил её быть осторожной, заверил, что всё будет хорошо, и ушёл на работу. Мона помахала ему вслед с крыльца и пошла на кух-

ню.

– Я помогу, мама?

Айрин с улыбкой посмотрела на неё.

– Хорошо.

Мона потянулась к полотенцу, чтобы вытереть уже вымытые тарелки, и вдруг замерла с протянутой рукой. Айрин посмотрела на неё и, бросив в раковину губку, быстро вытерла руки о передник.

– Идём, ляжешь.

– Мама, – наконец выдохнула Мона. – Это оно?

– Идём, – повторила Айрин. – В любом случае тебе лучше лечь.

– Да-да... мама... мама...

– Всё в порядке, Мона, вот так, сюда...

Она довела Мону до спальни, уложила... да, надо послать за Тётушкой Кики, все говорили, что у неё лёгкая рука... и за врачом... мой Бог, Моне надо переодеться... мой Бог...

Кто известил Тётушку Кики, славившуюся на весь Цветной квартал своей «лёгкой рукой», так и осталось неизвестным. Та просто вдруг появилась в спальне и, не теряя ни секунды, всё привела в порядок, и роды пошли... как им и положено, когда мать и ребёнок здоровы, повитуха знает своё дело, и никто не путается под ногами и не лезет с непрошенными советами. Айрин, соседки, помощница Тётушки Кики, даже Мона, – все её слушались, делали, что она говорила, и мальчишка вышел... прямо на загляденье. Крепенький, гор-

ластый, в мамкину родню цветом, и крупный, в отца с дядьями, те тоже не мелкие, и красивый, вот подрастёт, так девки табуном за ним бегать будут. Племянник Тётушки Кики, или кем он там ей приходится, тоже вовремя оказался под рукой, и его послали известить Найджела.

И когда Найджел влетел в дом, всё было уже в полном порядке. Айрин, Тётушка Кики, Эстер и ещё две соседки пили кофе в гостиной и встретили Найджела дружным хором:

– А вот и папочка!

Стоя в дверях, Найджел умоляюще смотрел на них, задыхаясь от бега и не в силах что-либо сказать.

– Вот все они так, – засмеялась Тётушка Кики. – Всё в порядке, парень. Сынок у тебя что надо.

– Мона...? – наконец выдохнул Найджел.

– Она в порядке, – улыбнулась Айрин.

– Я... где она?

– Идём, – встала Айрин. – Берите ещё печенья, – предложила она гостям.

– Конечно... конечно...

Эстер с улыбкой кивнула и потянулась к кофейнику, чтобы налить всем остальным ещё кофе.

Мона дремала, но, когда Найджел вошёл, открыла глаза и улыбнулась ему.

– Привет, Найдж.

– Мона...

В два шага он подошёл к кровати и опустился на колени

у её изголовья.

– Ну, что ты, Найдж, – Мона погладила его по голове. – Всё в порядке. Малыш просто чудо. Хочешь посмотреть на него?

– Да... Конечно... Где он?

– Да вот же.

И только после её жеста Найджел увидел корзинку-колыбель. Откуда она?

– Это нам подарили. Правда, красивая?

– Да... Но малыш лучше.

Мона рассмеялась.

– Ты же не видел его.

– Почему? – нагнувшись, Найджел рассматривал крохотное личико. – Вижу. Он чудо, Мона. Но... он такой маленький...

– А Тётушка Кики сказала, что настоящий великан. Десять фунтов без малого. Дай мне его, Найдж.

Найджел растерянно обернулся к ней.

– А... а как?

Айрин, всё это время стоявшая в дверях и с невольными слезами умиления смотревшая на них, быстро подошла.

– Смотри, это делается так.

С её помощью Найджел достал из корзинки ребёнка.

Снизу доносились голоса, и Айрин поспешила туда, оставив их наедине. Мона протянула руки, но Найджел медлил, держа на руках ребёнка и рассматривая его.

Так их и застали Роберт и Метьюз, осторожно войдя в спальню.

– Привет, – улыбнулась им Мона и сразу ответила на ещё не прозвучавший вопрос: – Я в порядке.

– Видим, – улыбнулся Роберт. – Ты молодец, Мона.

– Отлично выглядишь, – подхватил Метьюз.

– Спасибо.

– Ну-ка, Найдж, покажи, – Метьюз неожиданно ловко взял у Найджела ребёнка. – Смотри, Роб, какой парень, а?

– Да! – согласился Роберт. – Мет, аккуратней.

Услышав за дверью шаги, Метьюз восхищённо сказал:

– Найдж, Мона, вы молодчаги. Отличного парня сработали.

– Посмотрели? – в спальню решительно вошла Тётушка Кики. – А теперь вон отсюда живо. И папаша, и дядья. Успеете и налюбоваться, и наиграться.

Спорить с ней было невозможно, да и незачем. Метьюз отдал ребёнка Найджелу, и тот хотел отдать его Моне, но Тётушка Кики велела положить малыша в колыбель и выметаться.

– Спит и пусть спит.

– А он... не голоден? – рискнул спросить уже от двери Найджел.

Тётушка Кики фыркнула.

– Как проголодается, так сразу услышишь! И дверь за собой закрой.

За дверью Найджел ошалело посмотрел на братьев. Метьюз ободряюще похлопал его по плечу, а Роберт сказал:

– Завтра тогда не выходи. Как-нибудь мы перекрутимся.

Найджел перевёл дыхание, тряхнул головой и улыбнулся.

– Спасибо, Роб, но завтра у меня постоянных навалом.

Помедлив, Роберт кивнул.

– Ладно, Найдж. Но если что...

Они спустились вниз. Соседок уже не было, ушла и помощница Тётушки Кики. Найджел указал братьям на маленький бар рядом с камином.

– Возьмите себе сами.

И пошёл на кухню, где Айрин мыла посуду после кофе и доваривала обед.

– Айрин...

– Всё в порядке, Найдж. Телеграмму я уже отправила.

– Да, спасибо. Я о другом... ну... – он вдруг забыл, о чём хотел спросить.

Айрин ободряюще улыбнулась ему.

– Всё уладится. Я ещё недельки две у вас поживу.

– Спасибо, – обрадовался Найджел. – А то я совсем ничего не знаю.

– В первый раз всегда так, – рассмеялась Айрин. – После третьего всё пойдёт как по маслу. У вас всё впереди.

Она стояла спиной к Найджелу и не видела скользнувшей по его лицу тени.

– Да, – очень спокойно сказал Найджел и даже улыбнул-

ся. – У нас всё впереди.

Может, надо было ещё что-нибудь сказать, но у него уже не хватило на это сил. Он вернулся в гостиную, где Метьюз сразу протянул ему стакан.

– На, выпей.

Он глотнул, не чувствуя вкуса.

Сверху спустилась Тётушка Кики, оглядела их с лёгким неодобрением, велела Мону пока не беспокоить, заглянула ненадолго к Айрин на кухню и ушла.

– Идите обедать, – позвала Айрин.

Но Роберт и Метьюз отказались от обеда, сказав, что пойдут к себе, они же так пришли, просто узнать, на них же не готовили, спасибо, конечно, но... попрощались и ушли.

Айрин удивлённо посмотрела на Найджела, тот молча пожал плечами в ответ. Айрин на секунду задумалась и улыбнулась своим мыслям.

– Иди, поешь.

– А... а Мона?

– Ей надо отдохнуть. Потом я, – и тут же поправилась, – ты ей отнесёшь.

Найджел кивнул и сел за стол. От еды он отказаться не мог. Ни при каких обстоятельствах.

Он ел механически, думая о своём, и Айрин невольно любовалась им, его красивыми уверенными движениями. Неудивительно, что Мона так влюбилась, удивительно, что Роберт и Метьюз ещё холостяки. Хотя... кое-что она слыша-

ла, и, похоже, там тоже дела на мази.

– Очень вкусно, Айрин, спасибо, – встал из-за стола Найджел. – Я наверх.

– Конечно-конечно. Я потом тоже поднимусь.

И, когда Найджел убежал, занялась неизбежной домашней рутинной.

Когда Найджел вошёл в спальню, Мона полулежала на подушках и кормила малыша грудью.

– Ты вставала? Разве можно...?

– Пустяки, Найдж. Я в полном порядке. Посмотри, он прелесть, правда?

– Конечно, – согласился Найджел, усаживаясь на край кровати.

– Как мы назовём его, Найдж?

– Мы же уже говорили. Что мальчика Чарльзом. Как твоего отца, – Найджел улыбнулся. – Ему будет приятно. И Айрин тоже.

– А тебе?

– Конечно. Чарльз – красивое имя. И... мне нравится твой отец. Если малыш станет таким, будет очень хорошо.

Мона благодарно улыбнулась ему, но возразила:

– Он будет таким, как ты.

– Но, Мона...

На этих словах в спальню вошла Айрин.

– Из-за чего вы спорите? Вы же помешаете малышу.

– Мама, мы решили назвать его Чарльзом.

– Отлично, – Айрин была согласна с любым вариантом. –

Но мы об этом уже говорили. О чём вы спорите?

– Ни о чём, – улыбнулся Найджел. – Мона, тебе надо по-есть.

– Потом. Ой, вы только посмотрите, Найдж, мама, он жмурится, сладкий мой, конфетка моя, – упоённо заворковала Мона.

И Айрин невольно подумала, что, неужели и она была такой тогда... И Чарльз так же любовался ими... Странно, но она не помнит... многого...

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Всё кончается. И праздники, и выходные, и отпуск. Жалко, конечно, что он с этой суматохой и не распробовал толком такую интересную штуку – отпуск, но... но и хорошо, что всё кончилось, что снова пойдёт день за днём привычно и легко. Работа, школа, дом, уроки, в воскресенье на рынок купить картошки, в большой комнате, чтобы натереть пол,

теперь надо мебель двигать, а розы ещё стоят... Вазу он всё-таки купил. Такие деньги уже вбабахали, что ещё полусотня птичкой улетела. А в гостиной стало красиво. Он думал, что в спальне будут стоять, а получилось по-другому, но всё равно – хорошо!

Эркин шёл домой, благодушно поглядывая по сторонам. Как же здорово всё получилось, что они уехали именно сюда, в самый лучший город в России. И ему, что он индеец, совсем не мешает теперь, вот тоже здорово! А что Ряха треплет про вождей и томагавки, так всё равно трепача никто не слушает. Чёрт, всё время забывает спросить у кутойса про томагавк. И про скальп. Узелок, что ли, на память завязать? Или нет, лучше записать и прямо в тетради, и завтра на уроке спросить.

На лестничной площадке между этажами обычная вечерняя компания курильщиков.

– Привет, Мороз.

– Привет.

– Чего так со смены припозднился?

Эркин рассмеялся.

– Пятница сегодня.

– Святое дело, – сразу согласились с ним.

Пятничное пиво у заводских как субботняя баня в Старом городе. И церковь в воскресенье там же. Но туда заводские мало ходят, так что он и здесь не выбивается. Вот на крестины когда зовут – другое дело. Вдвоём с Женей он уже два ра-

за так ходил. Оказалось, не интереснее, чем в Джексоновилле. Только стоишь всё время и слова непонятные. Вроде и по-русски и не по-русски сразу.

– Это по-церковному, – объяснили ему.

Он понимающе кивнул и сразу забыл об этом.

Эркин легко взбежал на свой этаж и вошёл в коридор. Темнеет теперь рано, и детвора вечерами опять носилась по коридору.

Из гомонящей и визжащей толпы вывернулась и ткнулась ему в ноги Алиса.

– Эрик! Ты пришёл!

– Пришёл, – согласился, улыбаясь, Эркин.

– Всем до завтра, я домой! – звонко крикнула Алиса, беря Эркина за руку.

Вдвоём они подошли к своей двери, и Алиса, подпрыгнув, шлёпнула ладонью по звонку, а Эркин достал ключи и открыл дверь.

В прихожей их встретила Женя своим неизменным:

– Ну, молодцы, у меня всё готово, мойте руки.

– Я за уроки, – попробовал перебить её Эркин.

– Поешь сначала, – безапелляционно изрекла Женя и позвала: – Андрюша, есть будешь?

– А как же! – вышел в прихожую Андрей. – Привет, брат, заждались тебя, больно долго пиво пьёшь.

– Сколько надо, столько и пьёт, – сразу вклинилась Алиса.

– А тебя не спрашивают, – ловко дёрнул её за косичку

Андрей.

– А ну хватит, – грозно скомандовала Женя. – Всем руки мыть.

В ванной Алиса сосредоточенно и очень серьёзно вымыла руки и отошла от раковины, исподлобья следя за Андреем. Обычно она с визгом отскакивала и уворачивалась от его брызг, но сегодня молча отодвинулась подальше. А, когда Эркин и Андрей вымыли и вытерли руки и уже выходили, Алиса сзади ухватила Андрея за рубашку.

– Чего тебе? – обернулся Андрей.

Алиса молча удерживала его, пока Эркин не вышел, а потом захлопнула дверь и, приперев её собой, уставилась на Андрея ярко-синими холодными глазами.

– Эрика не трожь, – тихо и очень серьёзно сказала она. – За Эрика зоб вырву.

– Чего? – опешил Андрей.

– Зуб на крест кладу, – Алиса укусила себя за ноготь большого пальца.

Андрей оглядел её сверху вниз и присел на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне.

– Ты это серьёзно, Алиска? Таким словом не кидаются.

– А ты меня за шушеру не держи. За Эрика...

– Я тоже, – серьёзно перебил её Андрей и протянул ей руку. – Мир, племяшка. Мы своих никому не выдадим.

– А своего и не замай, – так же серьёзно ответила Алиса, отвечая на рукопожатие.

Из ванной они вышли, держась за руки. Женя пытливо оглядела их, но ничего не сказала. И Эркин будто ничего не заметил.

Быстро поев, Эркин так же быстро поцеловал Женю в висок и ушёл в маленькую комнату делать уроки. На столе лежали тетради Андрея, значит, он письменные не закончил, и поэтому Эркин сел на диван учить обществоведение. Но вошедший через минуту Андрей сказал:

– Давай ты лучше письменные, а я поучу.

Эркин поднял на него глаза и улыбнулся.

– Ничего, справлюсь. Не столько я выпил.

Андрей покраснел.

– Ты того...

– Того-того, – Эркин наклонился к учебнику и, уже читая, закончил присловье: – И даже этого.

Андрей кивнул и сел за стол.

Тишина шелеста страниц и шуршания пера по бумаге, незаметно текущее время. Сочинение на английском оказалось сложнее, чем предполагал Андрей, и теперь, то и дело чертыхаясь шёпотом, он рылся в словаре и в учебнике. И закончил как раз, когда Эркин отложил учебник и встал потянуться.

– Уф-ф!

– Написал?

– Ага. Почитаешь?

– Давай. Ну, ты и накатал, – Эркин уважительно покрутил

головой.

Андрей самодовольно ухмыльнулся.

Прочитав сочинение Андрея, Эркин внимательно посмотрел на него.

– Слушай, Джинни по-другому говорила. Не боишься впоперёк писать?

– Это ж сочинение, а не пересказ. Мысли мои, я за них и отвечаю. А ты не согласен?

– С чем? – Эркин пожал плечами. – А не всё ли тебе равно, как оно там по правде было? Да и, может, ничего такого и не было, а этот... Диккенс всё придумал.

– Ну и что? Она думает так, а я иначе.

Эркин усмехнулся.

– Спорим, Тим напишет, как она говорила.

Андрей рассмеялся.

– Тут и спорить нечего. Либо по её слову, либо по учебнику. Тим поперёк не пойдёт. Ладно, давай ты теперь пиши.

– У меня изложение, – уточнил Эркин, садясь к столу. – Мне ни с кем спорить не надо.

Андрей вытянулся на диване с учебником обществоведения и углубился в чтение. Обществоведение и история давались ему легко, но он этой лёгкости не доверял и потому вчитывался особо внимательно. Эркин работал с привычной сосредоточенностью, и уже тоже привычно не замечая времени. И потому вздрогнул, когда вошла Женя.

– Эркин, иди, поцелуй её на ночь.

– Уже так поздно? – вскочил он на ноги. – Иду, Женя.

Андрея не звали, и он остался лежать, ограничившись тем, что подмигнул им обоим сразу двумя глазами.

Алиса мужественно боролась со сном, дожидаясь Эркина. И, когда он склонился над ней, удовлетворённо вздохнула.

– Э-эрик. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, маленькая.

Он коснулся её щёчки сжатыми губами и выпрямился. Как обычно, постоял несколько секунд и вышел. Заглянул на кухню, где Женя возилась, проверяя банки с запасами круп и макарон.

– Женя, – голос у него был виноватым. – Я ещё не закончил. Я... посижу ещё.

– Конечно-конечно, – Женя была целиком занята очередной банкой. – Учи спокойно.

Эркин вздохнул и вышел. Если бы не пивная, он бы давно уже управился с уроками и помог бы Жене. Но и ломать компанию нельзя. Он же как все.

Американская Федерация

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Как решили, так и сделали. Поляроидные фотографии нестойкие, два-три года – и тускнеют, а им они и потом понадобятся, и Джонатан переснял их в хорошей студии. Так что теперь действительно всё по правилам: в бумажнике, на столе в офисе и в альбоме. Куда дел свои фотографии Фредди, Джонатан не спрашивал. Придумано было классно и выполнено неплохо. Даже не ждал такого от ковбоя.

Но долго размышлять об этом было некогда. Водоворот дел по точкам, имению и играм всё сильнее затягивал и закручивал их.

Из Колумбии поехали в имение, но не прямо, а круглым путём, навещая нужные точки и прокручивая неизбежно накапливающуюся мелочёвку, среди которой попадались

и весьма перспективные дела. В Атланте был прежний бардак, но их это не касалось. Свои границы они блюли, а расширять территорию имеет смысл, когда выгода больше расходов. С Атлантой всё наоборот. Пока. Когда изменится... Тогда и будем думать.

А сейчас они встретились на подъезде к Краунвиллю. Войдя в купе первого класса, где Джонатан в приятном одиночестве наслаждался чтением газеты, Фредди бросил свой кейс в сетку и сел в кресло напротив. Джонатан опустил газету.

– Чистая мистика.

– И не говори, – хмыкнул Фредди. – Порядок?

– А ты как думал. У тебя?

– Так же.

Джонатан удовлетворённо кивнул.

– Полежим с месяц.

– Весь ноябрь? – удивился Фредди. – Хотя... можно. Тогда недели две в декабре, Рождество дома и на святки в Колумбию.

Джонатан счастливо улыбнулся: имение стало домом и для Фредди.

– Вполне резонно. Да, письмо отдал?

– А как же.

– Ну?!

Фредди мечтательно улыбнулся воспоминанию.

– Малость прибалдел, – ответил он по-ковбойски.

– Представляю. Напишет?

– Его дело.

Джонатан кивнул.

Мерное покачивание вагона, осенний пейзаж за окном. И странно уже вспоминать, как они ездили в третьем классе или ещё хуже...

Фредди посмотрел на благодушно обзирающего окрестности за окном Джонатана. Чем бы сбить с него спесь? Или пусть расслабляется?

– Расслабься, ковбой.

– За стадом младшие приглядят, – согласился Фредди.

И Джонатан невольно рассмеялся.

А в имени... въехали-то они на такси, городскими щёголями, и сразу как завертелось всё...

Переодевшись, Фредди прошёлся по конюшне, оглядел лошадей, обсудил с Роландом накопившиеся за его отсутствие проблемы и пошёл к Стефу. Возле котельной крутился младший сынишка Эйба. Увидев Фредди, он нырнул в кусты.

Фредди усмехнулся и толкнул дверь. Стеф оглянулся на стук двери.

– А! Привет.

– Привет, – кивнул Фредди, усаживаясь за столик в углу и быстро оглядывая котельную. – Как дела?

– Как и положено, – хмыкнул, щёлкая регуляторами, Стеф. – Трубы воют, проводка искрит, масло льётся. Чего

ещё?

– И этого хватит, – рассмеялся Фредди. – Тебе привет.

– От Ларри?

– Ну да.

– Как он там?

– Нормально. Пишет он тебе?

– А как же, – улыбнулся Стеф. – Не заносится, что городской теперь. Больше-то ему писать некому. Да и мне тоже. А письмо написать да получить... человеку это нужно.

Фредди задумчиво кивнул. Что жена Стефа умерла, пока он в тюрьме сидел, Стеф упоминал и иначе, как покойницей, её не называл. А о детях молчал вмертвую. Не обмолвился ни разу. Как и об остальной родне. Ну, у каждого своё, конечно. Статья-то у Стефа была страшная, и, чтоб за пособничество и попустительство не притянули, отречёшься и забудешь. Сейчас-то дело другое, но видно так по живому пришлось, что не срастается. Сам он о родне не тосковал – одинокий волк добычливее, и делиться не надо, и под пулю никого не подведёшь, а Стефа, видно, всё-таки царапает. Тяжело одному. Хотя и жена у него теперь, и дети растут, и дом почти что свой, и в посёлке ему почёт и уважение, а всё-таки...

Они ещё поговорили о топливе и маслах, хватит ли напора, чтоб на скотной воду не в вёдрах таскать, а кран поставить.

– Лить без счёта будут, – с сомнением покачал головой

Стеф. – Колодца может и не хватить. Вот если артезианскую поставить и ветряк...

– Видел такое, – кивнул Фредди.

В Аризоне на этом все водопои держатся, но здесь... Странно, но в Алабаме он почти не видел их. Ветряки иногда попадались, но с артезианской... Почему? Надо прокачать.

– Хорошая идея, Стеф. Но, надо думать.

– Не подумавши, не делай, – улыбнулся Стеф. – А то переделывать придётся.

Рассмеялся и Фредди.

– Делать дорого, а переделывать дороже. Это Эйба младший тут крутится?

– Толковый пацанёнок, – кивнул Стеф. – Но... там видно будет.

– Посмотрим, – согласился Фредди и встал.

Здесь всё в порядке, но он и не думал, что у Стефа могут быть какие-то проколы или огрехи. Что на него можно положиться, они с Джонни сразу ещё тогда увидели...

...Провести электричество, наладить душевую и всё остальное, это тебе не приبلудную тёлку проклеить, за час не справишься. Но и мыться по очереди в лохани, которая на всё про всё, тоже надоело. Хозяйство разрастается, народу много стало, и вообще...

– Жить надо по-человечески.

– Согласен. Но ты представляешь, какая это махина.

Джонни хмуро кивает, разглядывая блестящий от свежей

краски, но явно потрёпанный мотор.

– Хорошо, хоть строить не надо. Коробки целы.

Да, и душевая, и котельная целы, вернее, есть целые пустые коробки под них, но всё равно работы там непочатый край.

– Джонни, из дерьма делать, так дерьмо и получится.

Смотри, его ж только покрасили сверху.

– А этот?

– Слабачок. Всё наше хозяйство он не потянет.

– А для этого станина нужна!

– Станина не проблема, – прозвучало сзади.

Они дёрнулись, оборачиваясь и хватаясь за колыты. Но немолодой мужчина в рабской куртке поверх тюремного комбинезона не испугался и не отступил.

– И что? – спросил Джонатан.

– Работу ищу, – ответил мужчина.

– Какую?

– Механик, электрик, машинист.

– Какая статья? – спросил он.

Мужчина усмехнулся.

– Политический. Сто семнадцатая без примечаний.

Вот почему рабская куртка! Потерял расу, но, похоже, о потере особо не тоскует. Что ж...

– До лагеря не дошёл, – мужчина бесстрашно улыбался. –

Срок не досидел.

– Родные есть?

– С такой статьёй родных не бывает.

– Месяц испытательного срока, и, если подойдём друг другу, контракт до Рождества. Жильё в бывшем бараке, стол общий.

– Идёт, – кивнул мужчина и протянул Джонатану руку. – Стефен Уордсворт, Стеф.

– Джонатан Бредли.

– Фредди.

– Ну, – сразу приступил к делу Джонатан. – Какой братъ?

– Здесь никакой. Лучше поискать армейский, – Стеф усмехнулся. – Пока русские всё не забрали. Если пошарить в бункере, можно английский найти.

– Дело, – сразу согласился Джонатан. – Бункер далеко?

– Если зайти с тыла, то не очень.

– Пошли...

...Интересно, а почему Стеф выбрал их? Ведь наверняка тоже искал и приглядывался. А получилось удачно. И для Стефа, и для них. А то, как Стеф уцелел при ликвидации тюрем, покрыто мраком неизвестности, ну, так этого им и тогда узнавать не хотелось, а сейчас и вовсе не нужно.

Ночной холод подсушил землю, но лужи не замёрзли. Хотя только ноябрь в начале, до зимы ещё месяца полтора, не меньше. И чего парни так на север забились? Хотя, это их проблема. Может, и резонно. Устроились хорошо, значит, резонно. А их проблема вон бегаёт, хвосты торчком, уши вразлёт.

Когда они с Джонни вернулись в имение, их ждало письмо от мисс Элизабет Кармайкл, владелицы питомника «Королевский Рыцарь» с напоминанием о выставке и обещанием приехать, привезти документы и «привести собак в порядок». И приехать она должна сегодня – Фредди посмотрел на часы: интересно, насколько опоздает – в полдень.

Она приехала в пять минут первого. Забрызганный грязью до крыши, маленький автофургончик, фыркая, треща и стреляя мотором, вполз на середину двора и остановился в двух футах от самой большой лужи, словно испугался завязнуть. Атаковавшие с отчаянным лаем его колёса, Вьюн и Лохматка выжидающе остановились. Из кабины фургона вылезла женщина неопределённого возраста в застиранных до белизны джинсах от Страуса и ковбойке с закатанными рукавами. Вьюн и Лохматка неуверенно завиляли хвостами, а стоявший в дверях конюшни Роланд расплылся в улыбке.

– Мистер Бредли? – безошибочно обратилась она к подошедшему Джонатану. – Я Бетси Кармайкл. Ну, как тут мои? Справляются? – поглядела на подошедшего следом Фредди и кивнула ему. – Кто активнее? Кобель? – увидела Роланда. – Ага, ты здесь, хорошо. Когда купал? – оглядела двор. – Помещение есть? Если нет, придётся в фургоне, – каким-то образом Вьюн оказался у неё на руках. – Ну-ка, зубы, мальчик, покажи зубы...

Распоряжения, приказы и вопросы сыпались градом, но под эту трескотню открылась задняя дверь фургончика, где

уже были приготовлены столик для стрижки, лампа и всё остальное. Даже длиннющий провод-переноска, чтобы подключиться к движку, если он есть.

– А если бы его не было? – ухитрился вставить слово Фредди.

– У меня аккумуляторы, – мимоходом бросила Бетси, поворачивая уже пристёгнутого Вьюна. – Хвост, детка, где у терьера хвост? Разумеется, Джонатан, – в её руках затрещала машинка и защёлкали ножницы, – в открытом классе победит Корноух, там крови Принца-Альберта и Дьявола-из-Лоха, кровь хорошая, кто спорит, уши легковаты, но лучшего кобеля сейчас просто нет. Я рассчитывала на помёт Третьей-Ведьмы, но растеряла их. С этой чёртовой заварухой пропала уйма поголовья. Лапу, мальчик, хорошие мышцы, сразу чувствуется вольный выгул, профессионального хендлера сейчас не найдёшь, кто будет водить, Рол?

– Как скажете, мисси, – улыбнулся Роланд.

– И к своре приучи. Джонатан, выставите их на парный ринг. Рол, где в течку отдерживал?

– В конюшне загородку сделал, мисси, и на верёвке, ну, водилку сделал и по загону обоих.

Она пренебрежительно фыркнула.

– Ни ошейников, ни поводков? Я так и думала, что забудешь. Я привезла ринговки. Две недели осталось. Успеешь высворить?

– Придётся успеть, – спокойно сказал Фредди, с интере-

сом наблюдая, как из мохнатого кома, в который превратился расчѐсанный Вьюн, вылупляется изящная, похожая на статуэтку собака.

– Сделаем, мисси, – сразу сказал Роланд, разворачивая Вьюна мордой к Бетси.

– Хорошие шансы у Малютки-Дейзи, вашим она придется двоюродной тёткой, это перспективная линия. Возможно, Айртон привезёт её помёт, посмотрите.

– Айртон занимается и собаками? – удивился Джонатан.

– По-дилетантски, – отрезала Бетси. – Много любви, заботы и мало знаний. Но он хотя бы не портит материал и слушается советов. И наверняка будет травля. Маулдер выставит своих Дикаря и Вампира. В прошлый раз взял приличный куш и хочет повторить.

– И большие шансы? – безразлично вежливым тоном спросил Джонатан.

Фредди на секунду сжал губы, скрывая улыбку.

– Это если Стервы не будет, мисси, – вдруг вмешался Роланд.

– Выжила?! – обрадовалась Бетси. – У кого она теперь?

– Так... у одного в тамошнем посёлке, мисси, он её, значитца, себе взял, она-то не кровавая собака, дельная.

– Деньги у него на дорогу есть? – деловито сказала Бетси. – За участие я заплачу. И сам её подправь, я уже не успеваю.

– Сделаю, мисси. Так-то она подтянулась.

– Он её вязал? С кем?

– У массы Шуллера кобель.

– А! Помню. Костяк там хороший, с окрасом могут быть проблемы. Шуллер знает?

Роланд замялся, и Бетси понимающе кивнула.

– Он всегда был психом. Сам не женится, и кобелю жизни не даёт. Помёт не потеряли? Пусть тоже привезёт, я посмотрю. Ну вот, мальчик, теперь то, что надо. На юниорах будет удачно смотреться.

Джонатан и Фредди оглядели словно сошедшего с картинки в каталоге – узнав о выставке, Джонатан купил пару старых каталогов, и они их полистали, чтобы не оказаться совсем уж лохами – и казавшегося незнакомым Вьюна.

– Класс! – вполне искренне сказал Джонатан.

Бетси улыбнулась.

– Кровь, конечно, важна, но выращен он, признаю, образцово. Давайте девку.

Роб, стоявший всё время у двери в фургончик, обхватил Лохматку поперёк живота – до этого он подкармливал её обрывками лепёшки, чтоб потом не гоняться – и влез в фургончик. Роланд отстегнул удерживавшие Вьюна ремни, тот мгновенно сам спрыгнул со стола и вылетел наружу. Роланд взял у сына Лохматку и поставил её на стол.

– Ага! Чуть длинновата, но для суки даже полезно. Пристёгивай. Зубы, детка. Отлично. Прикус, комплект, хоть одну крысу взяла?

– Да, мисси. Двух я сам видел, а так-то они вдвоём, мисси.

– Джонатан, на травлю их пока не выставляйте. Молоды. И время просрочат, и всякие осложнения могут быть. Ещё одну течку пропустите, и я ей подберу подходящего. Кобеля тоже через год проверим. А потом можем и в паре их посмотреть.

«Ого! – мысленно восхитился Фредди, – Тоже не на ход, а на игру вперёд смотрит. Вот это бабец! Ещё б ей кольт, и Энди Лайтнин отдыхает». И тут же, перехватив улыбочивый взгляд Джонатана, понял, что тот тоже вспомнил легендарную знаменитость Аризоны, женщину-ковбоя, что ни шерифу, ни чёрту спуску не давала.

Джонатан продолжал расспрашивать и слушать, а Фредди незаметно ушёл предупредить Мамми, что гостью будут угощать, от кофе со сливками и свежими лепёшками она точно не откажется, и приготовить всё в их домике для беседы уже за столом.

Сделав Лохматку и убрав в фургончике – всю состриженную шерсть Роб заботливо собрал и куда-то унёс, – Бетси согласилась выпить кофе. А то ей ещё ехать и ехать. Ещё трёх собак надо сегодня сделать. Но сначала документы.

– Щенячки у вас?

Все документы, включая родословную Монти, а, значит, и карточки Вьюна и Лохматки со сложными заумными именами хранились у Джонатана в сейфе. Заранее их достать они как-то не сообразили, и Фредди занимал Бетси их каталогами, пока Джонатан доставал документы. Бланки родослов-

ных были у неё с собой, и всё оформили быстро и чётко.

– Держите. Всё в порядке.

– Благодарю. Кофе?

Она улыбнулась.

– Да, две чашечки, и я поеду.

За столом продолжился тот же разговор. К удивлению Фредди, Бетси разбиралась и в лошадях. Не так уж чтобы и очень, но и не по-женски, а всерьёз.

– Держу для тренинга, – объяснила Бетси. – У меня ещё фоксхаунды, четыре своры, спроса на них сейчас нет, но я не теряю надежды. Тем более, говорят, что видели оленей. Не у вас, севернее.

Джонатан и Фредди невольно переглянулись, и Фредди кивнул. Конечно, надо ставить соляную подкормку и, пожалуй, пару брикетов сена. И прикупить северный клин, пока это федеральные земли.

Выпив ровно две чашки и похвалив сливки, Бетси Кармайкл попрощалась и уехала. Вьюн и Лохматка с лаем проводили её до поворота.

Россия

Цареградская область

Алабино

Дожди всё чаще перемежались мокрым снегом, было холодно и ветрено. Парни запасались тёплой одеждой, с невольной тревогой ожидая приближения русской зимы, о которой столько слышали и читали. Пока было терпимо и похоже на привычную зиму в Алабаме, но ведь только октябрь заканчивается, а самые морозы ещё впереди. Работа, школа, всякие бытовые мелочи, устоявшаяся или, как говорит Пафнутьич, а за ним повторяют Джо с Джимом, устоявшаяся жизнь. И беды, и горести теперь у каждого свои, и радости тоже. Нет, общая, одна на всех радость, что выжили и уехали, это – да. Но это уже было, это прошлое, а надо дальше жить.

Школа оказалась сложной, но Андрей боялся худшего. Пока он не только справлялся, но даже время на Райтера оставалось. У Колюни понемногу восстанавливались функ-

ции, он уже сам пересаживался из кровати в кресло и обратно и даже грозился обогнать Серёгу из третьей палаты. Андрей подозревал, что о тайных гонках в креслах по ночным коридорам, которые устраивали те, кто покрепче из спинальников, врачи знают, Иван-то Дормидонтович точно, но помалкивал, помогая Колюне освоить маршрут, чтоб тот мог ездить сам, не налетая на стены. Маманя Колюни ахала, что он поубивается и покалечится, но не мешала и тоже никому не говорила.

Майкл и Мария решили пожениться. А что, с лета он к ней ходит, часто остаётся на ночь, всё у них хорошо. Отчего ж и нет. И Егоровна успокоится, а то всё переживает, что упустит Мария своё счастье. Не девчонка до войны, чтоб ждать да перебирать. Это тогда парней да мужиков в избытке было, а сейчас-то, после такой войны... И Михаил чем плох? При деле, заработки неплохие, не пьёт, не гуляет. Да и под масть они друг другу. Об этом тоже хочешь, не хочешь, а думать надо.

– Ну, как ты? – Мария потёрлась подбородком о плечо Майкла.

Они лежали рядом, отдыхая и слушая шум ветра за окном.

– Хорошо, – вздохнул Майкл, потягиваясь так, чтобы проехаться боком по груди и животу Марии. – Или ты о чём? О свадьбе?

Мария тихонько засмеялась.

– И об этом тоже.

– Давай, – легко согласился Майкл. – А чего ж нет?

– А жить мы где будем?

– А что, – удивился Майкл, – здесь нельзя? Ну, так снимем. Вон как Крис, тьфу, Кир с Люсей.

– Почему нельзя, – Мария говорила шёпотом, касаясь губами уха Майкла. – Егоровна не сгонит. Не тесно нам будет?

– Кровать поменяем, конечно, – сразу решил Майкл. – Да в чём проблема? В свадьбе? Так когда Крис женился, всем госпиталем гуляли. А здесь-то... трактир снимем. Или в Царьград поедем, в ресторан какой получше. Денег хватит.

– Прожрать да пропить любые деньги можно, – возразила Мария. – А потом как жить? И венчаться будем?

– А как хочешь, – у Майкла всё получалось легко и просто. – Госпитальный поп и обвенчает. Он и крестил нас всех.

– А я некрещёная, – вздохнула Мария.

– А мы об этом и говорить никому не будем. Отец Александр не придирчивый.

– Всё-то у тебя легко, – засмеялась Мария.

– А чего ж нет? – Майкл повернулся набок лицом к ней, чуть звякнув пружинами. – Ты-то как? Хочешь за меня?

– Хочу, – выдохнула Мария.

– И я хочу. Уживёмся.

– Уживёмся, – согласилась Мария, целуя его в угол рта и возле уха, губами ущипнула за мочку.

Майкл тихо, не разжимая губ, рассмеялся и мягким нажимом сдвинул её под себя.

– Так уживёмся? – повторил он с весёлой угрозой.

– А чего ж нет, – с той же интонацией ответила Мария, впуская его.

Эд застал у своей вдовушки её прежнего хахалю, набил обоим морды, аккуратно, конечно, чтобы ни синяков, ни прочих доказательств, забрал свои вещи и переселился к парням в трактирные номера. Вдовушка потом то у госпитальных ворот, то у школы его ловила, поговорить хотела, но Эд держал характер и пальцем её не тронул, но говорить наотрез отказался.

Крис закончил все работы в саду и теперь в любую минуту, свободную от школьных заданий и работы по дому, изучал анатомический атлас. Аристов давно ещё как-то сказал, что без латыни медика нет, и он теперь старательно зубрил латинские названия костей, мышц и органов. Люся даже ходила к Жарикову узнать, не надорвётся ли Кирочка от такой гонки. В школе два языка да другие предметы, а тут ещё и латынь. Иван Дормидонтович успокоил её, что всё будет в порядке, и научил, как помогать. Теперь по вечерам Люся проверяла Крису, как он выучил. За ошибки и удачи расплачивались, целуя друг друга. Иногда к ним «на огонёк» заходил кто-то из парней, но это учёбе не мешало. И всему

остальному тоже.

Поездки в Царьград отнимали время, но приносили успокоение, и Ден не жалел ни времени, ни денег. Кружение по улицам, разглядывание витрин и прохожих... пока поиски оставались безуспешными, но... но находит только тот, кто ищет. Главное – не отступать. И не терять надежду. Ему удалось выжить там, где выжить нельзя, он не помнит, попытки вспомнить вызывают боль и обморок, он и не пытается, незачем, главное он знает. Да, до всего, раньше, даже мальцом не был, ещё раньше, да, была другая жизнь, да, его предал, продал, самый близкий человек, женщина... а конкретно... нет, не надо, а то опять боли до обморока. Но он выжил, победил тогда, победит и сейчас. Ему нечего ни стыдиться, ни скрывать. А вот это уже брехня – остановил он сам себя. Себе-то не ври. Есть, есть ещё что-то, он не знает, нет, опять брехня, знает, но боится вспомнить. Это одно. То, что надо скрывать. А второе – то, чего надо стыдиться. Это он знает и помнит. Но избавиться не может. Пока он себя держит, но на сколько его хватит? И что тогда? Хорошо элам, им всегда хорошо, они... норма. И джи, которые сделаны, как Майкл. Джи как джи, а встретил Марию и не хуже любого эла оказался. И Джо с Джимом вовсю крутят с местными девчонками, ходят на танцы. А он... а ему видеть эти бабские рожи противно. Мужики, правда, не лучше. Ни одного симпатичного. Смотреть можно, даже разговаривать, но, чтобы серд-

це захватило... такого ни одного не встретил. И чего Андрей к доктору Ване, Ивану Дормидонтовичу, липнет? Неужели не видит, что ни хрена не отломится, что доктор – не гей, не би и даже не интересуется. Безответная любовь, х-ха! Не можешь добиться, так отвали и не засти. А этот придурок втюрился по уши. Нет, любви не надо, так, симпатию, чтоб противно не было.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Письмо Бурлакова было вполне обычным «семейным» письмом. Даже Андрей, внимательно выслушавший чтение Жени, а потом сам дважды перечитавший его, не нашёл, к чему придраться. Письмо было обращено ко всем сразу, и ответ писали тоже совместно. И подписались все. И всё хорошо. А Эркин почему-то третий день ходит какой-то... слишком сосредоточенный.

– Эркин, – Женя пододвинула к нему вазочку с конфетами. – Что-то случилось?

Он угрюмо молчал, глядя в чашку.

– Ну же, ёжик, убери колючки.

Она протянула руку и погладила его по плечу. Он, как всегда, перехватил её руку, поцеловал в ладонь, но лицо его оставалось хмурым.

– Я... я сам ещё не понимаю, Женя. Но... но что-то здесь не так.

– Где? На работе?

– Да нет, Женя, – он даже досадливо мотнул головой. – Там всё нормально.

– А в школе?

Он невольно улыбнулся.

– Там всё хорошо. Нет, Женя.

– Тогда что? – и догадалась. – Это ты из-за письма? А что такого, Эркин? Нормальное письмо.

Эркин тоскливо вздохнул в ответ и уткнулся в чашку с чаем. Женя с улыбкой ещё раз погладила его по плечу и встала, собирая посуду. Эркин залпом допил свой чай, отдал чашку Жене и ушёл в ванную.

И уже когда они лежали в постели и Женя, как всегда, обнимала его, она шепнула:

– Всё будет хорошо.

– Да, – вздохнул он, прижимая к себе её ладонь. – Прости, Женя.

– За что, ёжик мой? – она поцеловала его возле уха. – Спи, милый.

Он послушно расслабил мышцы. Но засыпая, он уже знал, что придётся ехать в Царьград к Бурлакову. И откладывать нельзя. А это отпрашиваться надо. Неловко, конечно, только из отпуска и отгул. А если не отпустит старшой, тогда что? Ох, тогда совсем плохо.

Но его отпустили. Выслушав его просьбу и не слишком внятные объяснения, Медведев внимательно оглядел его и вдруг спросил:

– А в Царьграде куда?

– В Комитет, – нехотя ответил Эркин, не желая до последнего называть Бурлакова.

– Правильно, – кивнул слушавший их разговор Саныч. – Это ты верно придумал. Бумаги все только захвати. А копии и там сделать сможешь.

Эркин недоумевающе посмотрел на него и кивнул. Сейчас он ни с кем и ни о чём не спорил, лишь бы отпустили. А что слово Саныча имеет вес, он давно заметил.

Но... обошлось. И дальше Эркин действовал уже уверенно.

Вечером, как всегда перед школой, пришёл Андрей, на этой неделе их смены совпадали. Он тоже заметил, что с Эркином что-то не то, но ни о чём не спрашивал. Сидели, учили на завтра уроки, ужинали, снова учили. Всё, как всегда. И только когда они втроём – Алиса уже спала – сели за вечерний чай, Эркин счёл момент подходящим.

– Женя, Андрей, – прервал он начавшийся было о ка-

ких-то хозяйственных пустяках разговор, – я еду в Царьград.

Женя удивлённо ойкнула, а Андрей очень спокойно и деловито спросил:

– И когда?

– В пятницу. С понедельника я отпросился, а во вторник во вторую, как раз успею.

Андрей кивнул.

– Две школы пропустишь?

– Зачем, только субботу, – Эркин твёрдо смотрел ему в глаза. – Ты же успел.

– Логично, – согласился Андрей и закончил по-английски: – И даже резонно.

Женя улыбнулась, но глаза её оставались серьёзными и даже встревоженными.

– Прямо с работы поедешь?

– «Кукушка» в пять, – ответил Эркин. – Я даже Алису из школы заберу.

– Нет, – сразу решила Женя. – Не надо. Придёшь, спокойно поешь и поедешь.

– Я тебе адреса напишу, – по-прежнему спокойно сказал Андрей. – И как проехать, чтоб не плутать лишнего.

– Спасибо, – Эркин допил чай и встал. – Я пойду, Женя, на вторник всё сделаю. Ты не жди меня, ложись, – и вышел, мимоходом хлопнув Андрея по плечу.

Когда вдалеке хлопнула дверь маленькой комнаты, Андрей вопросительно посмотрел на Женю.

– С чего это ему понадобилось?

– Ты в Царьград ездил, – неожиданно для самой себя сердито спросила Женя, – у кого-нибудь спрашивался?! Ну, а он что? Не свободный, что ли?

– Опять резонно, – пробормотал по-английски Андрей и встал. – Ладно. Спокойной ночи, Женя.

– Спокойной ночи, Андрюша, – ответила Женя, уже жалея о своей вспышке.

Конечно, Андрей переживает за Эркина, но... но если Эркин что решил, то его уже не своротить. И не скажет ничего, пока сам не решит сказать. Она вздохнула и взялась за посуду.

Когда Андрей вошёл в комнату, Эркин сидел за столом, сосредоточенно разбираясь в упражнениях по русскому.

– Не мешаю тебе? – спросил он, не оборачиваясь.

– Учи, я читать буду, – ответил Андрей и подошёл к книжному шкафу.

Пополняется потихоньку – отметил он с удовлетворением – уже и выбор есть. И на той квартире собирается. Что ж, возьмём библиотечную. «Отверженные». Он её уже дважды прослушал. По-английски от Старика и от Вальки-Валета по-русски. Неплохие «романы тискали» в бараках, хотя и дряни, понятно, что, как и везде, хватало. А теперь и почитаем. И посмотри кто, чего и как переврал при пересказе.

Андрей включил торшер и лёг на диван, раскрыл толстую умеренно затрёпанную и оттого пухлую книгу на заложен-

ном месте. Но, читая, думал о своём. Упрям братик, ведь в самом деле поедет. Нет, запрещать – и в голове такого нет, но зачем? Что к профессору, это понятно, но какие-такие дела у Эркина с профессором? И ведь не скажет. И впрямую не спросишь. Сам тогда сказал; «Не спрашивай», – и Эркин не спрашивает, ни о чём. Значит, и ему надо молчать.

Эркин чувствовал напряжённое молчание Андрея, понимал его обиду, ему-то Бурлаков родной, но также уверенно знал, что ничего ни говорить, ни объяснять он не должен. И не может. Вот вернётся, тогда и поговорим. Но это, как у него разговор с Бурлаковым пойдёт. Вот чёрт, сам толком не знает, чего ему добиваться. Обижать Бурлакова не хочется, тот же не виноват, что так сложилось. Но и ему халявного отцовства через силу и презрение не надо. А чего надо? Чтоб Андрей в Загорье остался. Во! Пообещает Бурлаков не забирать Андрея, и всё, и больше ему ничего от профессора и не надо. Это он Бурлакову и объяснит. А вот что ему Бурлаков ответит... это уже совсем другое дело. Но это не ему решать, а, значит, и думать об этом нечего. Эркин перечитал упражнение, закрыл тетрадь и обернулся.

Андрей опустил книгу на грудь, улыбнулся.

– Написать адреса?

– Да, давай сейчас, а то потом недосуг будет.

Андрей легко встал и подошёл к столу. В принципе, адреса и Комитета, и домашний Бурлакова Эркин знал, но он молча смотрел, как Андрей пишет и даже схему рисует.

– А от Комитета к нему домой пешком шли, – Андрей смущённо взъерошил себе волосы на затылке. – Дворами, да ещё темно было, не запомнил. Ничего?

– Ничего, – кивнул Эркин. – До Комитета доберусь, а там уже неважно.

– Домой он тебя сам отведёт, – уверенно заявил Андрей. Эркин в этом был далеко не уверен, но промолчал. Испитый Андреем лист он бережно убрал и снова сел за уроки. Андрей посмотрел на его склонённую над книжкой голову и вернулся к дивану.

Так, в сосредоточенном молчании они досидели до полуночи.

Когда Эркин вошёл в спальню, Женя, лёжа в кровати, ли- стала журнал мод. Эркин привычно сбросил халат на пуф и лёг. Женя отложила журнал и повернулась к нему.

– Устал, милый? Спим?

– Д-да, – как-то неуверенно ответил он.

Женя обняла его.

– Всё будет хорошо, Эркин. Ну, что с тобой? Ты замеча- тельно придумал. Конечно, поезжай. Увидишь Царьград... и вообще.

– Мг-м, – согласился Эркин, успокоенный не столько её словами, как тоном, и... раз Женя сказала, что всё правильно, значит, так оно и есть.

Он вздохнул, засыпая и уже во сне мягко прижимаясь к Жене. Тут так тепло, мягко, безопасно, ну, чего его несёт,

как говорят, искать приключений на свою задницу. Но ведь надо, надо, надо...

И весь четверг в нём жило то же «надо». Может, поэтому и работа, и школа шли как-то мимо него, хотя он всё видел, слышал и понимал, и ошибок не делал. И даже заметил, что Манефа то и дело поглядывает на Андрея и даже почти улыбается.

И невольно улыбнулся сам. Ловок Андрей, по-мастерски уже работает: вроде ничего такого, а девка оттаивает, глядишь, и в самом деле всё у него получится. Если б только это не на спор было, а всерьёз... Но Андрей взрослый, пусть сам думает.

После школы Андрей пошёл к себе, Тим был в другой смене, и Эркин шёл домой один. Под бурками скрипел снег, мелкие редкие снежинки кружились в воздухе, и слегка пощипывало холодом щёки. Но Эркин то ли уже привык, то ли помнил, каково бывает в настоящие холода, и ему даже нравилось. А самое хорошее – это то, что Хэллоуин прошёл, никто и не заметил. Сам сообразил, только увидев на календаре дату: первое ноября. Сообразил и промолчал. Раз Женя забыла, то не ему напоминать. И если бы не Бурлаков, всё было бы хорошо и даже отлично. Но ничего. Съездит, уладит... чем бы не кончилось, всё лучше этой неопределённости. Ну, какой он Бурлакову сын? Грузчик, индеец, раб, да ещё и спальник. Только позорит. Так что, всё он решил правильно и теперь только надо сделать как решено.

А в пятницу снегопад усилился, рабочий двор не успевали чистить, контейнеры застревали в быстро растущих сугробах, а эти чёртовы дурынды опять не тряхни, не толкни и под снегом не держи. К обеду все вымотались, охрипли от ругани и на обед шли злые как никогда. И когда Ряха чего-то там вякнул, его заткнули с небывалой яростью. Так что Эркин про себя порадовался, что успел договориться с бригадиром раньше, сегодня могли бы и не отпустить.

После обеда продолжалась та же «непруха», но Эркин то ли привык, то ли думал уже о другом и уже ни на что не обращал внимания. Да и... хуже приходилось, чего уж там.

Когда затрещал звонок, Медведев устало кивнул: «Шабашим, мужики». Эркин всё-таки докатил и впихнул в вагон свой контейнер, где его взялась крепить уже другая бригада, и пошёл в бытовку.

Он решил не обтираться: лучше дома вымоется в душе, и, быстро переодевшись, ушёл. Остальные ещё уже вяло, без прежнего запала, переругиваясь, собирали вещи, а Эркин уже попрощался и дверь за собой закрыл. Его проводили шутками и подначками насчёт цареградской гульбы со столичными «щучками».

Снегопад прекратился, но небо затягивали низкие тёмно-серые тучи, и Эркин, проверяя себя, посмотрел на часы. Нет, всё правильно, он успевает, просто темнеет теперь рано, зима уже.

Дома он быстро вымылся и переоделся. Андрей ему столь-

ко раз рассказывал о своей поездке, что Эркин хорошо, как ему казалось, представлял, что понадобится в поезде и в Царьграде. Женя выложила всё необходимое на кровать, и Эркин уложил в портфель спортивный костюм, три смены трусов, пакетик с мылом и полотенцем. Женя, оказывается, мыльницу ему купила, специальную дорожную, коробочкой. Ещё носки. Стирать негде и некогда будет, так что тоже три пары. Всё, пожалуй.

Закрыв портфель, он вынес его в прихожую и поставил у вешалки. Теперь пообедать.

Ел он быстро и сосредоточенно, особенно не вдаваясь во вкус. Не до того. Поев, вымыл и убрал посуду, взял и заложил в портфель приготовленный Женей свёрток с едой в дорогу, оделся и, уже стоя в дверях, огляделся, будто прощаясь. Глуposti, конечно, он вернётся, и всё пойдёт по-прежнему... нет, не всё. Но он должен это сделать. Значит, сделает.

Андрею хотелось проводить Эркина, но – как назло – под самый конец смены подвалила работа, и, если сегодня не сделать, то придётся выходить в субботу. Ну и... всё ясно-понятно, и не трепыхнёшься. Чертыхнувшись, Андрей побегал в инструменталку.

– В темпе давай, – крикнул ему в спину Василий.

А уж если Василий подгонять стал, значит, дело серьёзной некуда. Так что проводы накрылись медным тазом. И за Алиской он, похоже, тоже не успеет. Вот непруха-невезуха!

Но о чём же Эркин собрался с профессором разговаривать? Какие-такие дела у них? Брат у него с характером, пока сам не скажет, ни хрена ты из него не вытащишь. Пробовали, знаем. Так ведь и отец... тоже помним. Вот кремень с кремнем и столкнутся, ох, и полетят искры во все стороны. Ругаться-то им, вроде, не из-за чего, он тогда отцу всё объяснил, должен был понять, профессор всё-таки. И на свадьбе всё прошло лучше и не надо. Чтобы Эркин решил чего-то попросить... так это и в письме можно, или до Святков подождать, нет ничего срочного.

Все эти мысли и рассуждения не мешали ему работать, внимательно наблюдая за Василием и другими мастерами. Учёба вприглядку – тоже учёба.

Закончили поздно. Чуть ли не двойную смену отпахали.

– Старшой, сверхурочные будут?

– Будут, когда сделаем.

– Так сделали же уже.

– Дурак, пока наряд не закрыли, не считается.

– А ч-чёрт! Андрюха, держи.

– Митроха, мать твою, не мельтеши!

Усталость уже ощутимо давала себя знать, но Андрей пока держался. Даже побалагурил в бытовке, пока переодевались. А на улице понял, что до дома он ещё добредёт, а на разговор сил не хватит. А завтра школа, хорошо, что уроки сделаны, или нет? Чёрт, в голове всё путается.

Он ещё думал, а ноги, как сами по себе, несли его по нуж-

ному маршруту. Перед школой он ночует у Эркина. И никак иначе.

– Здравствуй, – сказал ему кто-то.

– Здравствуй, – машинально ответил он, бездумно разминувшись с чёрной словно бесплотной фигурой.

И только через несколько шагов сообразил, что поздоровалась с ним... Манефа?! Андрей даже остановился и оглянулся. Но в снегопаде уже ничего не разобрать. Но и не почувдилось же ему.

Дальше Андрей шёл уже бодрее и улыбаясь. Надо же, поздоровалась. А чего её сюда занесло? Она же в Старом городе квартирует. Совсем интересно.

И как до «Беженского корабля» дошёл, даже и не заметил.

Как всегда, на площадке между первым и вторым этажами толпились курильщики, обсуждая новости, дела и не стоит ли хоть лавки сбить и поставить, ага, и бочку с водой, нет, с песком, как... Андрей постоял со всеми, потрепался, стряхнул с шапки остатки растаявшего снега и пошёл домой.

Всё равно дом Эркина – его дом. Что бы там у Эркина с профессором ни вышло, Эркин – его брат, он от брата не откажется. И Эркин от него тоже.

На стук двери выбежала в прихожую Алиса и вышла из ванной, вытирая руки, Женя.

– Андрюша, как хорошо! Сейчас покормлю тебя.

– От такого никогда не отказываюсь, – почти без усилия улыбнулся Андрей.

– Андрюха, а ты с работы?

– А откуда ж ещё!

Андрей дёрнул Алису за косичку и пошёл в ванную. Умылся холодной водой, прогоняя усталость и ненужные сейчас мысли.

На кухне его ждал накрытый стол. Андрей сел на своё место, огляделся и с искренним удивлением сказал:

– Женя, ну, как ты угадываешь, ну, всё моё самое любимое!

Женя засмеялась.

– А это просто, Андрюша. У тебя же всё любимое.

Андрей демонстративно задумался, углублённо поедая котлеты, и, наконец, кивнул.

– А ведь верно, Женя. Так оно и есть.

– А я конфеты люблю, – задумчиво сказала Алиса. – И остальное тоже.

– Правильно, племяшка, – кивнул Андрей. – Еду любить надо. Без неё не проживёшь. Спасибо, Женя, я за уроки.

– Конечно, на здоровье, Андрюша. Алиса, не вози по тарелке. А что ты так поздно?

– Сверхурочно работали, – Андрей встал из-за стола, собрал и сложил в мойку свои тарелки и чашку. – Женя, ты ложись, я себе, если что, сам возьму.

– Хорошо, – не стала спорить Женя, но тут же предложила: – Давай я тебе кофе сварю.

– О! Это дело! Спасибо, Женя, – восхитился Андрей и тут

же перешёл на английский. – Оно самое и есть с устатку.

– Ой, – удивилась Алиса. – Андрюха, это как?

– А вот так! – Андрей подмигнул им обеим сразу и вышел.

У себя в комнате Андрей с силой растёр лицо ладонями и сел за стол. Не шевелится только мёртвый, а он живой, и школу ему никто не отменял, и дураком себя на уроках показать нельзя. А Эркин вернётся. Никуда он от Жени и Алисы не денется. Так что, не психуйте, Андрей Фёдорович, а делом займитесь.

Загорье – Ижорск – Царьград

Дойти до вокзала, взять билет до Ижорска, сесть в вагон. Нигде ему ничего не угрожало и не могло угрожать, и потому Эркин был спокоен, уверенный, что ничего не случится, а если даже что-то и пойдёт не так, то сумеет и отбиться, и выкрутиться. И по рассказам Андрея так и выходило.

Вагон битком, но ему удалось сесть в углу, где и не душно, и ветер от окна в другую сторону. Портфель он поставил под лавку и прижал его ногами. А то про поездных шустряков он в бытовке наслушался. А так, если и задремлет, то, чтобы у него вытащить чего-то, трогать придётся, и проснуться он успеет. О давнем – ещё в алабамскую заваруху – случае, когда у него спящего портянки прямо с ног смотали, Эркин вспоминать не любил и потому честно не помнил.

Ругань, детский плач, чей-то гогот, заунывные распевы

проходящих через вагон нищих, неумолчные разговоры, сизый дым под потолком, стук колёс под полом, дребезжание плохо закреплённой оконной рамы, и стремительно темнеющая синева за окном. Эркин спокойно сидел в своём углу, равнодушно слушая и не слыша. Знакомых не видно, курить неохота, а взять с собой книгу или хотя бы газету ему и в голову не пришло. Бездумное оцепенение привычно овладело им. Да и не он один такой, что едут сами по себе, занятые своими мыслями, а до остальных им и дела нет. Ну, и остальным до них. Каждый сам за себя, не нами придумано, не нам и ломать.

К Ижорску подъехали уже в полной темноте. Эркин дождался, пока встанут соседи, вытащил из-под лавки портфель и в общей толпе пошёл к выходу.

Перрон был покрыт белым, похоже, только что выпавшим снегом, и Эркин, с хрустом впечатывая подошвы бурок, пошёл к кассе. Андрей говорил, что в плацкартный не было билетов, пришлось ехать в мягком, самом дорогом. Да и публика там, надо полагать, не простая, Андрей чего-то не договаривает, темнит. Ну, будем надеяться, что повезёт.

Ему повезло. Билеты в плацкартный были. Расплатившись, Эркин посмотрел на стенные часы, сверил со своими. Теперь надо как-то провести время. В ресторан? Но есть не хочется, а просто сидеть и тратить деньги – совсем глупо. Гулять тоже не пойдёшь: ни погода, ни время для прогулок неподходящие. Эркин оглядел полупустой зал с дремлющи-

ми и спящими в ожидании своих поездов людьми, без особого труда нашёл свободную скамейку, устроился так, чтобы ни портфель, ни шапку у него незаметно не выдернули, и снова погрузился в оцепенение спокойного ожидания.

Время от времени под потолком щёлкало, и гнусавый, как-то по-особенному противный голос что-то объявлял. Но Эркин знал, что его эти объявления не касаются, и даже не вслушивался. Заходили в зал разносчики, предлагавшие сигареты, пиво, сбитень и какую-то снедь, проходили, стуча костылями, и проползали на гроыхающих низких тележках нищие, пару раз прошёлся, зорко оглядывая сидящих и лежащих на скамейках, милиционер. Эркин всё видел, слышал, но всё это оставалось в стороне, помимо него. Он не думал ни о чём, не вспоминал, просто сидел и ждал. И время шло неудержимо и неощутимо.

Эркин вздрогнул и посмотрел на часы. Да, чутьё спальника, не обмануло – пора. На какой путь? Он встал и подошёл к расписанию. Да, первый путь, первая платформа. Интересно, а почему, то платформа, то перрон? У кого бы спросить?

Перрон был пуст и опять засыпан снегом, хотя его явно только что почистили. Похоже, надолго зарядило. Медленно подошёл большой, так не похожий на «зяблика» или «кукушку» длинный поезд. Увидев номер головного вагона, Эркин быстро пошёл, а затем побежал вдоль поезда к своему двенадцатому. Всего три минуты стоянка, и ждать нерасторопного никто не будет.

Он успел и не ошибся в подсчёте. Поезд и он остановились одновременно, и прямо перед Эркином оказалась дверь двенадцатого вагона. Видимо, проводник заметил его из тамбура, потому что дверь как сама собой сразу отворилась. Эркин протянул билет.

– Заходи, – сказал проводник. – Там разберёмся.

Они ещё стояли в тамбуре, когда поезд тронулся.

Посмотрев билет Эркина, проводник кивнул.

– Здесь это. Пошли.

Время позднее, и шум в вагоне был приглушённым, напомним Эркину ночной барак Центральном лагере.

Место Эркина оказалось занято. Кто-то спал, закрывшись с головой и отвернувшись к стене. Спали и на соседних полках.

– Женщина в возрасте, – несколько смущённо сказал проводник. – Ну и... а её верхнее, вот как раз. Может... поменяешься?

– Ладно, – не стал спорить Эркин.

– Чайку на ночь, – обрадованно предложил проводник.

– Нет, спасибо, – отказался Эркин.

Проводник забрал его билет и ушёл, а Эркин стал устраиваться. Снег с шапки и бурок он отряхнул ещё в тамбуре и теперь раздевался, не боясь потревожить спящих соседей. Удачно, что плацкарта: расположение крючков, полочек и прочих приспособлений он помнил ещё по той прошлогодней поездке, и потому действовал спокойно и уверенно. По-

весил полушубок и шапку, закинул в верхнюю сетку портфель, развернул уже лежавшую на полке постель. Ишь ты, и простыни, и полотенце, и даже подушка в наволочке. Отлично, и стоит переодеться. Подтянувшись, он сел на полку и достал из портфеля спортивный костюм и мыльницу. А шлёпанцы, пожалуй, не стоит: пол и холодный, и грязный. Он не так прыгнул, как соскользнул вниз и пошёл в уборную.

Вагон засыпал. Немногие, ещё сидевшие за столиками пассажиры провожали его равнодушно любопытными взглядами или даже голов не поворачивали, занятые своим. Ничего похожего на тот, пьяно-весёлый вагон. Но Эркин уже понимал, что там возвращались домой выжившие, а здесь едут по делам и веселиться особо не с чего.

В уборной он переоделся, заодно обтёршись до пояса холодной водой, и натянул на горящую от воды и жёсткого полотенца кожу шерстяную рубашку. Нет, всё будет хорошо, ну, нормально. Эркин ещё раз оглядел себя в зеркале и пошёл спать.

Вернувшись, он легко забрался на свою полку, оставив бурки внизу, но так, чтоб не утянули из прохода, всё-таки мало ли кто ночью по вагону шляется. Сложив джинсы и рубашку в сетку и переставив портфель ещё выше, на третью полку, он наконец вытянулся под одеялом. Закинул было руки за голову, но стало неудобно: ноги вылезли в проход. И Эркин повернулся набок, чуть поёрзал, закутываясь, и закрыл глаза. Ничего, всё будет в порядке. Знакомое по-

драгивание полки, смутное ощущение движения, но нет дыхания Жени и Алисы, к которым он тогда прислушивался. Они остались дома, в безопасности. И там Андрей, если что – поможет, прикроет. Так что можно не беспокоиться. Мысли путались и уплывали. Угрозы или опасности не чувствовалось, и Эркин наконец заснул.

Ижорский Пояс

Загорье

Работы было много, но Громовой Камень не только не тяготился, а даже упивался ею. Ведь это то, о чём он мечтал, за чем он бежал с Равнины, да нет, не бежал, а шёл, как охотник за добычей. Открытые внимательные глаза, склонённые над тетрадами головы, старательный хор голосов, повторяющих за ним слова древних сказаний и названия предметов. И, может, именно поэтому заметно меньше болит нога, нет головокружений, даже рубцы не ноют. И никаких проблем. Ни с жильём, ни с одеждой, ни с... Джинни.

Нельзя сказать, чтобы он уж так много думал о Джинни или мучился сомнениями. Как раз сомнений у него и не было. Джинни его устраивает во всём. Он её... судя по её поведению, тоже. Но... но вот как им сказать об этом друг дру-

гу? И остальным? Бродить вечерами вокруг её дома, наигрывая традиционный мотив на свирели из птичьих костей, он не станет. Никто этого не поймёт. Ни она, ни её мать, ни соседи. Устроить, как делают сиу, скачки с погоней... коня у него нет, ездит ли Джинни верхом, он не знает, и опять же – не поймут. Согласия на похищение Джинни не давала, но он, правда, и не спрашивал. А если бы согласилась... Громовой Камень представил, как он ночью прокрадывается в дом Джинни, заворачивает её в одеяло и уносит, взвалив на плечо... нет, не получится, нога не выдержит. Ну, тогда тащит за волосы. Она плачет, а её мать – больше родни у Джинни нет – с криком и проклятиями преследует их. Всё как положено. Русские любят говорить: «Не нами заведено, не нам и ломать». Так что традиции он не ломает. И это все поймут. И соседи тоже. И вызовут милицию. И те тоже всё поймут. Интересно, какой срок и по какой статье он получит? И потом... Джинни никак не показала ему, что согласна на... гм, переход от маленьких развлечений к постоянным отношениям. Да, они целовались и всё было как опять же положено, но для бледнолицых это не доказательство, вернее, недостаточное доказательство.

Все эти размышления никак не мешали ему работать, проверять тетради, болтать в учительской и за общим столом в пансионе. И, кстати, вот ещё, как говорят местные, закавыка. Своего дома у него нет. Даже если Джинни согласится на семью, куда он её приведёт? Придётся уйти из пансиона и

снимать квартиру, уже семейное жильё. Потому что мужчина, переселяющийся к жене, с самого начала ставит себя в подчинённое положение. А «семейка» куда дороже пансиона для одиночки. А он отправил пятьдесят рублей в племя. Как раз: мука, сахар, чай, табак, патроны, новые капканы, одеяла... Пятьдесят рублей – большие деньги, мужчины соберутся у вождя и решат, на что потратить. Решать будут долго, спорить, передавая по кругу трубки и чашки с крепким до черноты чаем. Жалко, что он не услышит рассуждений на тему, как и где хромой может столько добыть, но... но представить приятно.

Как всегда, вечер пятницы посвящался бане. Конечно, в пансионе есть душ и даже о ванне можно договориться, но баня, вернее, парилка – это не так мытьё, как времяпровождение, как пивная или трактир. В субботу баня только с утра, в воскресенье закрыта, значит – вечер пятницы.

Бань в Загорье было две. Одна в Старом городе, но маленькая, старая и тесная, а другая в Новом, уже по-городскому, с буфетом, душевым залом и семейными номерами. Сманил Громового Камня в баню ещё летом один из соседей по пансиону. Сосед этот быстро нашёл себе женщину и съехал, а Громовой Камень приохотился и даже пристрастился, так что теперь каждую пятницу он с работы шёл домой, обедал, немного отдыхал и отправлялся в баню. Его уже знали и старик, продававший веники у входа, и банщик. И компания уже подобралась подходящая: любители хорошего пара

и разговоров. По-разному, кто больше, кто меньше, но все воевали и сейчас налаживали свою жизнь тоже по-разному. И ему с ними легко и просто. Понятны шутки и намёки, общие воспоминания и сходные планы на будущее. И хотя после бани он не всегда успевал к ужину, самовар с плюшками или с иным шедевром Ефимовны его ждал. Чай после бани – святое дело.

И сегодня всё было, как обычно. Парная, разговоры, неспешный отдых с лёгкой выпивкой и закуской каждому по своему вкусу и снова в парилку. После третьего захода Громовой Камень стал прощаться. У них завтра выходной, а у него работа.

На улице ясно и морозно. Снегопад кончился, и в разрывы между неотличимыми от чёрного неба тучами проблескивают звёзды. Громовой Камень шёл, с удовольствием дыша холодным, но ещё приятным, не режущим горло воздухом, и слушал скрип снега под ногами. Недаром пар считают лекарством от всех болезней, и устраивали парильные шатры и шалаши задолго до знакомства с русскими и их баней. Нога совсем не болит, а голова с лета не беспокоит. Нет, всё хорошо, а будет... ещё лучше. А следующую полусотню он пойдёт в племя весной. Весна – трудное время, самое голодное.

Утро было обычным субботним утром, было бы если бы... Никто не говорил об Эркине, но что его нет, что неизвестно

ни что там, ни как там...

Андрей вёл Алису за руку. Впереди маячила спина Тима, а Катя и Дим, видимо, как всегда ушли вперёд. Андрей чуть замедлил шаг: говорить с Тимом ему сейчас совсем не хотелось. Алиса удивлённо посмотрела на него, дёрнула руку. Андрей чуть крепче сжал её ладошку, но тут же отпустил.

– Беги. Ладно уж.

Алиса ещё раз посмотрела на него и пошла рядом. Так молча они дошли до Культурного Центра.

В вестибюле обычные толкотня и шум. Андрей помог Алисе привести себя в порядок, сдал на вешалку её шубку и свои куртку с ушанкой и пошёл в класс.

Обычно Манефа входила в класс перед самым звонком, но сегодня последним оказался Андрей.

– Привет, – поздоровался он, входя.

Ему ответили дружелюбной разноголосицей и удивлёнными взглядами, потому что за ним никто не вошёл.

– Андрюха, а брат где? – не выдержал кто-то.

– А я что, сторож ему? – огрызнулся Андрей.

Маленькая сухая и неожиданно жёсткая ладонь хлёстко ударила его по лицу. Андрей отшатнулся, перехватил занесённую для второй пощёчины руку.

– Ты чего?! Сдурела?!

– Ты... ты... не смей, слышишь, не смей! – кричала, захлёбываясь словами, Манефа.

Повскакали с мест остальные, оказавшийся ближе всех

Трофимов попытался перехватить руки Манефы сзади, зазвучала удивлённая и раздражённая ругань на двух языках.

– Что здесь происходит?

Все замерли, замолчав на полуслове. В дверях стояла Леонида Георгиевна.

– Андрей! Что это такое?!

Воспользовавшись паузой, Андрей сгрёб Манефу и встал.

– Извините, мы сейчас.

И вышел из класса, волоча её за собой, вернее, вынес мимо ошеломлённой Леониды Георгиевны, плотно закрыв за собой дверь.

В коридоре было пусто и тихо: значит, звонок уже был и начались уроки.

Поставив Манефу перед собой и плотно держа её за руки повыше локтей, Андрей сильно, но не зло встряхнул её и повторил:

– Сдурела?

Она молча смотрела на него светлыми стеклянно-блестящими от слёз глазами.

– Ты чего? – повторил Андрей уже мягче.

– Не смей, – тихо сказала Манефа. – Не смей так говорить про себя.

– А что я такого сказал? – удивился Андрей.

– Ты не Каин. Это Бог Каина спросил: «Где брат твой?», – а Каин ответил: «Я не сторож брату своему». А это он Авеля убил, брата своего, а ты не Каин, нельзя так говорить, не

смея...

– Каин, Авель, ты чего несёшь? Кто такие?

Она уже стояла спокойно, и Андрей не держал её, а только как бы придерживал.

– Ты? – изумилась Манефа. – Ты не знаешь?! Это... это же Библия, святая книга!

– Фью-ю! – присвистнул Андрей. – Ну, ты даешь!

– Ты не читал?!

– Библию? – уточнил Андрей и разжал пальцы. – Нет, конечно, не читал.

– Как не читал?! Ты же грамотный!

– Ну, и что? – Андрей улыбнулся. – И без неё книг полно.

– Ты... ты что? Она же святая!

Андрея так и подмывало высказаться насчёт святости этой... книги, которую он действительно не читал, но прослушал ещё в барачных пересказах – были среди сидельцев и такие знатоки – и проповедях джексонвиллского священника для цветных, но воздержался: одну оплеуху он уже из-за Библии получил, с него хватит.

– Ладно, – буркнул он. – Пошли на урок.

Манефа вздохнула, словно просыпаясь, и опустила голову.

– Да, – почти беззвучно шевельнула она губами. – Пошли.

Андрей пригладил волосы и осторожно приоткрыл дверь. Все в классе сразу повернулись к нему.

– Леонида Георгиевна, – Андрей улыбнулся с максималь-

ным обаянием, – можно?

Леонида Георгиевна кивнула, скрывая улыбку.

– Можно.

Андрей вошёл и сел на своё место. За ним чёрной безмолвной тенью проскользнула Манефа.

Андрей спиной, затылком чувствовал общий невысказанный вопрос: «Ты её тиснул или трахнул?», – но игнорируя его, демонстративно раскрыл тетрадь и стал списывать с доски формулы. А вообще-то эту чёртову Библию надо будет почитать. Слышать, конечно, слышал и многое, и разное, но надо и самому, а то вот такое случится, а он дурак дураком и отбрехаться не может. На Манефу он не смотрел и даже, вроде, не думал о ней, но... а вот на ощупь она, оказывается, ничего, не такая уж... бестелесная. А... да нет, может, оно и к лучшему, что так получается.

На перемене все, как обычно, вышли покурить, а Манефа – тоже как обычно – осталась сидеть в классе.

– Ну?! – сразу приступили к Андрею. – Выкладывай!

– А чего? – притворился непонимающим Андрей. – Чего такого? – и серьёзно: – Не было ничего.

– А по морде она чего тебе съездила?

– Дура потому что.

Андрей использовал общепринятую характеристику и объяснение всех женских чудачеств и, когда все согласно закивали, уточнил:

– Библии начиталась.

– А-а, – протянул круглолицый, веснушчатый круглый год Андреев. – Тогда да.

– Я тоже слышал, – кивнул Иванов. – Кто Библию прочитал, то всё, улетела крыша.

– И я слышал, – согласился Аржанов.

– Помню, – Павлов перешёл на английский, – у хозяев, я-то мальцом домашним был, всякого навидался, так, говорю, у них Библия эта в каждой комнате лежала, но читать её никто не читал.

– Не дураки же они.

– Ну да, сволочи, они умные.

– Понятное дело.

– А эта, значит, начиталась.

– Бабы и так дуры, а уж коли Библию прочитала...

– То всё, кранты.

– Ладно, Андрюха. Как мужики, простим ему спор, а? Чего ему с психой пары зазря разводиться?

К искреннему огорчению Андрея, прозвенел звонок, и вопрос о пари остался нерешённым.

Уроки шли один за другим. Больше Манефа с ним не заговаривала, и всё было, как обычно. И про Эркина не спрашивали, тоже как-то забылось.

После уроков Андрей побежал в вестибюль, где быстро одел Алису и выставил её играть на улице с обещанием:

– Вываляешься, я тебя веником почищу.

Алиса подозрительно посмотрела на него, но высказаться

не успела: Андрей уже убежал наверх.

К его облегчению, на шауни его никто ни о чём не спросил.

Ижорск – Царьград

Сквозь сон Эркин почувствовал приближение утра. Вагон ещё спал, но чьи-то шаги и редкие негромкие разговоры были уже не сонными. Эркин осторожно потянулся и открыл глаза. Памятный ещё с того поезда белый от снега за окном свет. И всё же... всё же лучше встать.

Эркин взглядом нашёл свои бурки. Всё в порядке. На соседних полках ещё спали, и он мягко не спрыгнул, а соскользнул вниз. Обувшись, взял мыльницу и полотенце предусмотрительно оставленные им так, чтобы легко достать, не залезая обратно на полку, и вышел из отсека никого не разбудив.

Поезд плавно замедлял ход, останавливаясь. Эркин как раз был в тамбуре и прочёл название на краснокирпичном здании: «Демировск». Рядом с окном в рамочке расписание маршрута, и, проверяя себя, Эркин посмотрел на часы. Точно: семь ноль три. Стоянка две минуты. Ещё по той поездке он помнил, что на остановках туалет не работает, и теперь спокойно смотрел в окно, хотя смотреть особо не на что.

– Дай пройти, – его легонько толкнули в плечо.

Эркин подвинулся ближе к окну, рассеянно проводив

взглядом щуплого вертялого парня в кожаной куртке. Его вихлястость заставила Эркина нахмуриться: шпаны он никогда не любил, но парень вышел из вагона, и Эркин мгновенно забыл о нём. Поезд тронулся, и Эркин вошёл в уборную. А когда, приведя себя в порядок, умывшись и обтёршись до пояса, вышел, в тамбуре уже образовалась очередь из женщины с мальчиком на руках и пожилого мужчины. А по дороге к своему отсеку он разминулся с девушкой, бережно несущей кружку с горячим чаем. Чай – это хорошо, но если в его отсеке ещё спят, то пить придётся стоя или сидя на своей полке. Тоже не слишком удобно.

Он вошёл в свой отсек, закинул мыльницу в сетку и потянулся повесить полотенце.

– Уже Демировск?

Эркин посмотрел на голос. Женщина, немолодая, спутанные полуседые волосы падают на лицо и из-под них блестят тёмные глаза.

– Только что проехали, – ответил Эркин.

– Да, – вздохнула она. – Пора. Я заняла ваше место? Извините.

– Ничего, – улыбнулся Эркин. – Пожалуйста.

Она повозилась под одеялом, откинула его и встала, одетая в такой же, как у него, спортивный костюм. Эркин отступил на шаг, чтобы не мешать ей. Она очень быстро и ловко скатала свою постель в рулон и заткнула его в угол, взяла из сетки полотенце и мыльницу.

Эркин посторонился, пропуская её, и стал убирать свою полку. Спать он уже точно не будет, а просто полежать и так можно. Достал кружку и приготовленный Женей свёрток. Оставив его на углу столика, где громоздились явные остатки вчерашнего пиршества, он с кружкой пошёл за чаем.

В отличие от того зимнего поезда, у проводника был не только чай, но и маленькие пакетики с сахаром и печеньем. Но Эркин знал, что и сахару, и сладких пирожков Женя ему положила, так что от пакетиков он отказался.

– Ну, как знаешь, – сказал проводник. – И, если спать не будешь, постель принеси. Тюфяк с подушкой оставь, а бельё и одеяло сюда.

– Ладно, – кивнул Эркин, поудобнее перехватывая горячую кружку.

В вагоне становилось всё оживлённее, и, пожалуй, если бы не его ловкость, он бы по дороге и расплескал, и обжёгся. Но всё обошлось благополучно.

Женщины ещё не было. Эркин поставил кружку и развернул свёрток. Достал сахар, сэндвич – они так и решили, что в дороге сэндвичи удобнее бутербродов и пирожки, а ты смотри-ка, в фольге и впрямь ещё тёплые. Женя говорила: круглые с мясом, а длинные с изюмом. Вот по одному возьмём и приступим.

Зашевелился, закричал кто-то на верхней полке. Как скажи, еду учуял – усмехнулся Эркин. Садиться он медлил, ожидая возвращения попутчицы, и решил пока собрать по-

стель. Ну, раз просили, то почему бы и нет. Одеяло, простыни, наволочка с подушки... и полотенце? А как же... ладно, своё достанет. Приготовив стопку белья, он закатал подушку в тюфяк и уложил его в изголовье полки.

Вернулась женщина, и Эркин посторонился, пропуская её.

– Спасибо, я помешала вам? Да вы садитесь, ешьте, я за чаем пойду, – говорила она, быстро расправляя на вешалке полотенце и пряча мыльницу в сетку.

– Мам, мне с сахаром, – вдруг раздался бас из-под одеяла на нижней полке.

Эркин даже вздрогнул от неожиданности, а женщина спокойно ответила:

– Я знаю, – достала три кружки из-за свёртков и банок и ушла.

Так они все вместе, что ли? Ну, не его это дело. Эркин сел и принялся за еду, вежливо глядя в окно, пока на полках сопели, кряхтели и ворочались. За окном снежная равнина и лес, какие-то маленькие городки... Наконец тот же бас сказал:

– Ну, с добрым утром.

И Эркин посмотрел на попутчиков. Оба молодые, вряд ли старше него, светловолосые, светлоглазые, с пухлыми какими-то детскими губами, в военной форме без погон и петлиц, но с нашивками. О смысле нашивок Эркин догадался, вспомнив гимнастёрку кутойса, да и у Кольки такие же, да,

ему же сам Колька как-то и объяснял, что жёлтые за лёгкие ранения, а красные за тяжёлые.

– И вам доброго утра, – сдержанно улыбнулся Эркин.

У спавшего на нижней полке нет левой ноги, а у того, что на верхней всё, вроде, на месте, но нашивок много, и через всю голову между короткими волосами извивается длинный красный шрам. Смотрели оба на Эркина почему-то не слишком дружелюбно, и он невольно насторожился.

– И откуда ты взялся? – спросил «верхний».

– Сел в Ижорске, – очень спокойно ответил Эркин.

– А по-русски хорошо знаешь? – поинтересовался «нижний».

Эркин посчитал вопрос глупым: они, что, не слышат? И потому ответил чуть резче.

– Мне хватает.

Вошла женщина с дымящимися кружками, поставила их на стол и скомандовала:

– Раз проснулись, вставайте и умывайтесь, – и Эркину: – Да вы к окну подвиньтесь, и вам, и мне удобнее будет.

– Во, маманя у нас, – хохотнул «верхний», беря полотенце. – Она и с тараканом на вы. Айда, Мишаня.

– Иначе мы не могём, – согласился «нижний», пристёгивая протез и вытаскивая из-под стола палку. – Антеллехенция, понимаешь.

– Марш! – коротко приказала женщина.

И, когда оба парня ушли, улыбнулась Эркину.

– Не обращайтесь внимания. Молодые ещё.

Помедлив, Эркин кивнул. В самом деле, впрямую ему ничего не сказали, завестись, конечно, можно, но вот нужно ли? Нужен ему скандал? Нет. Ну, так и промолчим, не в первый раз ему, и не такое глотал и утирался.

Женщина насыпала в одну кружку сахару из двух пакетиков, размешала и стала делать бутерброды.

Эркин снова отвернулся к окну, чтобы она не подумала, будто он на угощение напрашивается. Ел он своё, ел спокойно, не спеша, но вкуса прежнего уже не было. Конечно, разговоры про тараканов, что поползли на Россию, он слышал, но почему-то не ждал, что вот так столкнётся с этим в лобовую. Да ещё от фронтовика.

– А вот бутерброды, булочки, молоко, кефир, – нараспев приговаривала полная женщина в белой куртке, пробираясь по проходу со столиком на колёсах.

Эркин искоса посмотрел на неё и снова уставился в окно. Еды у него достаточно, прикупать незачем.

Вернулись оба фронтовика. Умытые и даже побритые.

– Мам, готово? – спросил «нижний», усаживаясь к окну точно напротив Эркина. – А чай остыл.

– Долго умывались, – спокойно ответила женщина, пододвигая к ним кружки и надевая бутербродами.

– Так там очередь, – сказал «верхний». – И зря ты, Мишка, не так уж остыл, пить можно.

– Я горячий люблю, – возразил «нижний».

– Кипятком нутро только сожжёшь.

– Ешьте, – сказала женщина. – Потом dospорите.

Эркин чувствовал, что они оба рассматривают его, явно решая, что им делать дальше, но упорно смотрел в окно, не желая заводиться ни на скандал, ни на знакомство.

– Ладно тебе, – вдруг сказал «верхний» и протянул над столом руку к Эркину. – Герман.

Проигнорировать прямое обращение трудно, да и незачем, и Эркин ответил на рукопожатие, назвав себя привычным:

– Эркин Мороз.

И услышал тоже уже привычное:

– Мороз пойдёт.

– Ага, – кивнул «нижний». – А я Михаил.

Эркин и с ним обменялся рукопожатием.

– Из Ижорска ты, значит? – продолжил разговор Герман.

Эркин ещё сдержанно, но улыбнулся.

– Из Загорья. Город такой за Ижорском.

– Далеко тебя занесло, – качнул головой Михаил.

Эркин кивнул, соглашаясь с очевидным. Хоть от одной границы, хоть от другой – далеко.

– Чего так? – спросил Герман.

В их интересе не чувствовалось подвоха, и Эркин ответил серьёзно.

– Искал место поспокойнее.

За разговором их мать совершенно естественным движе-

нием пододвинула ближе к Эркину бутерброды, а он столь же естественно выдвинул на середину столика свой свёрток с сэндвичами и пирожками.

– А что, на Равнине беспокойно разве? – удивился Герман.

– Я не с Равнины, – невольно помрачнел Эркин. – С той стороны.

Герман и Михаил переглянулись.

– Вон оно что, – хмыкнул Герман.

А Михаил спросил:

– А туда как попал?

Эркин невесело усмехнулся.

– Родился там. В Алабаме.

Они снова переглянулись, явно решая, какой вопрос задать. Но спросила их мать.

– Не страшно было на чужбину ехать?

Эркин покачал головой.

– Там так было... я уже ничего не боялся. И... и жена у меня русская.

– Там поженились? – живо спросила женщина.

Эркин кивнул.

– Да, – и, решив всё поставить на место, добавил: – Потому и уехали.

– А...? Ну да, – кивнул Михаил.

А Герман спросил:

– А чего так? Уже ж война кончилась, мы ж ту сволочь так придавили, чтоб этого не было.

– А недобитки остались, – жёстко ответил Эркин. – Ну, и стали в обратную крутить втихаря. А на Хэллоуин и прорвало их, такое началось... – он перевёл дыхание и уже внешне спокойно, даже с улыбкой закончил: – Сам не знаю, как живыми выскочили.

– Слышали об этом, – кивнул Герман.

– И в газетах писали, – поддержал брата Михаил и улыбнулся. – Так что, знаешь, как возле уха свистит?

Эркин, глядя ему в глаза, кивнул.

– Слышная пуля уже не твоя, – сказал он по-английски слышанное ещё от Фредди, когда тот готовил их к перегону, и хотел перевести, но его остановил Герман.

– Это мы понимаем.

И, встав, вытянул из-под своей подушки армейскую флягу. Женщина укоризненно покачала головой, но промолчала. Михаил, а за ним и Эркин допили свой чай и подставили кружки. Наливал Герман понемногу, явно сдерживая себя.

– Мать, будешь? – обратился он к женщине, налив Эркину, себе и брату.

Она молча отказалась коротким отталкивающим жестом.

– Ладно тебе, мам, – улыбнулся Михаил. – Ну, глотнём по маленькой, ну...

– Ладно, – оборвал его Герман и потянулся к Эркину. – Давай.

– Давай, – согласился Эркин, чокаясь с братьями.

Он уже знал, что пить можно под любое слово. Налито

немного, на один хороший глоток, заесть его легко, а от второго он откажется.

Выпили дружно одним глотком и также дружно заели. К облегчению Эркина, Герман сразу убрал флягу под свою подушку. Женщина стала собирать кружки, и он легко встал.

– Давайте, схожу.

– Я с тобой, – встал и Герман.

Вагон уже давно проснулся, по всем отсекам и на боковых полках завтракали, чаёвничали, вели нескончаемые дорожные разговоры. У купе проводника толкались жаждущие. Немного: человек пять, не больше.

– И кто с краю? – весело спросил Герман.

– Ты и будешь, – ответила, не оборачиваясь, девушка в лыжных брюках и мужской рубашке навыпуск.

Герман обескураженно посмотрел на Эркина, и тот, невольно улыбнувшись, успокаивающе подмигнул. Помедлив секунду, Герман кивнул: дескать, дура, сама своё счастье упустила.

– Мальчики, – промурлыкал за ними женский голос. – Вы за чаем? Так я за вами.

Эркин по-питомничьи покосился назад. Ну и страшна! А намазана-то с утра... и туда же... Герман тоже полуобернулся на секунду и, что-то невнятно буркнув, отвернулся.

Двигалась очередь быстро, и вскоре проводник налил им чаю, приговаривая:

– Вот чаехлёбы собрались. Как скажи, все поморские.

– Не, – ответил Герман, забирая кружки. – Мы печерские.

– Поспорили хрен с редькой, кто слаще, – беззлобно хмыкнул проводник.

Обратная дорога прошла вполне благополучно.

– А вот и чай! – весело провозгласил Герман, бережно ставя на стол кружки. – Мишка, весь сахар слопал?

– Ты ж голый всегда пьёшь! – возмутился Михаил.

– А это по настроению, – огрызнулся Герман. – Ишь, малолетка, шнурок...

– А ты лоб дубовый, – сразу ответил Михаил.

Эркин не выдержал и негромко рассмеялся. Михаил и Герман, занятые перепалкой, не обратили на него внимания, а их мать кивнула с такой понимающей улыбкой, что Эркин сказал:

– У меня дочка и брат мой так же... цапаются.

– Большая дочка? – заинтересовалась женщина.

– В первый класс ходит, – гордо ответил Эркин.

– Как так? – удивился Михаил, оторвавшись от спора с братом, в котором явно проигрывал. – Когда ж ты женился? Война ж ещё была.

– С ребёнком, что ли, взял? – сразу догадался Герман. – Так это ты...

У Эркина заметно потемнело и отяжелело лицо, сжались кулаки, но ни сказать, ни шевельнуться он не успел. Его опередила женщина.

– А ну, оба заткнулись, раз мозгов нет.

Братья быстро переглянулись и кивнули. Эркин заставил себя разжать кулаки и взять свою кружку.

– Попробуйте пирожки, – обратился он к женщине. – Домашние.

– Ваша жена пекла? – женщина взяла продолговатый, с изюмом, и откусила. – Очень вкусно.

И Эркин не смог не улыбнуться.

Его улыбка сняла возникшее напряжение. Герман и Михаил тоже взяли по пирожку и похвалили. Их похвалы прозвучали достаточно искренно, и Эркин совсем успокоился.

Завтрак грозил плавно перейти в обед, но женщина решительно завернула остатки бутербродов.

– Хватит с вас. На потом оставьте.

Эркин хотел сказать, что скоро... да, Лугино, десять минут стоянка, наверняка можно будет прикупить, но тут же сообразил, что с деньгами у попутчиков может, как у Кольки, впритык, и не ему в это лезть.

– Ладно, – кивнул Герман. – Потерпим до потом.

А Михаил спросил:

– Ну, а курить можно?

– В тамбур идите, – ответила женщина.

– Пошли? – предложил Герман Эркину.

Эркин кивнул и достал из кармана полушубка сигареты.

Многие курили прямо в вагоне, но если просят выйти, то отчего же и нет. Тогда, прошлой зимой он тоже ходил курить в тамбур вместе с Владимиром, интересно, как у того там

наладилось? Должно быть всё хорошо и как положено. Как увели тогда с двух сторон под руки, так, надо думать, и оже-нили сразу. Ну, и удачи ему.

В тамбуре было прохладно, и после вагонной духоты даже приятно. Дружно закурили.

– А работаешь где? – спросил, словно продолжая разговор, Герман.

– На заводе грузчиком, – спокойно ответил Эркин и столь же естественно спросил: – А вы?

– Перебиваемся, – вздохнул Михаил.

– Чего умеем, того не нужно, – хмуро улыбнулся Герман. – А чего нужно, так не умеем. Я-то прямо со школы, добровольцем. И он следом. Вот и остались при пиковом интересе.

Эркин понимающе кивнул. Подобных разговоров он слышал много. И Колька так же объяснял, чего он в грузчики пошёл. Но у Кольки руки-ноги на месте, а у них...

– А там ты кем был? – спросил Михаил.

– На мужской подёнке крутился, дрова там попилить-поколоть, забор поставить, – братья кивнули. – А летом бычков пасти и гонять нанимался.

– А до...

– До Свободы? – уточнил по-английски Эркин. – Рабом был, – и смущённо улыбнулся. – Я не знаю, как это по-русски называется.

Вообще-то о рабстве им рассказывала на уроках Всеобщей истории Калерия Витальевна, и в учебнике читал, и в

Энциклопедии, так что само слово он знал. Но то Древние Эллада и Рома, так, когда это было, сейчас даже названия у стран другие. Да, ещё холопы и смерды, тоже из истории, но уже России, и крепостные, но ведь совсем другое, даже по названиям.

Герман и Михаил на его слова переглянулись, и Герман кивнул.

– Слышали мы об этом. Было, значит, за что счёты сводить?

– Было, – твёрдо ответил Эркин.

– И свёл? – спросил Михаил.

Он улыбался, и Эркин улыбнулся в ответ, но ответил серьёзно.

– До кого смог дотянуться, все мои.

– А до кого не успел? – не отставал Михаил.

Эркин пожал плечами.

– Жизнь велика, может, и встречу. А там видно будет.

– Верно, – кивнул Герман. – Главное, что выжили.

– Значит, и проживём, – закончил за него Эркин.

Они дружно загасили и выкинули в щель под дверью окурки и вернулись в вагон.

Пока они ходили курить, женщина – своего имени она так и не сказала, и Эркин про себя стал её называть, как и Герман с Михаилом, Матерью – навела порядок в их отсеке.

– Проводник за бельём заходил, я и ваше сдала, – встретила она Эркина.

– Спасибо, – поблагодарил он, усаживаясь на своё место к окну.

Уже не утро, а день, но серые низкие тучи затянули небо, и то ли туман, то ли изморось, сквозь которую смутно мелькают силуэты деревьев и редких домов, и снег какой-то серый, возле колеи просвечивают лужи.

– А у нас зима уже, – вздохнул Герман.

– У нас тоже, – кивнул Эркин. – Мы... на юг едем, так?

– Точно, – кивнул Михаил. – К теплу, да в сырость. Веришь, я там – он кивком показал куда-то в сторону, – на войне, а о зиме тосковал.

– Верю, – кивнул Эркин. – В Алабаме нет зимы, – и уточнил: – Настоящей.

– Одна гниль, – согласился Герман. – А как тебе наша? Не мёрзнешь?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Мне нравится. И, когда сыт и одежда хорошая, то и мороз в радость.

– Это ты точно сказал, – оживился Михаил. – А если ещё и тяпнуть...

Мать посмотрела на него, и он, густо покраснев, буркнул:

– Да ладно, мам, я ж к слову только.

– Нельзя нам почасту тяпать, – вздохнул Герман. – Контузии, понимаешь. А ты как? – он щёлкнул себя по горлу.

Эркин понял и мягко улыбнулся.

– А я не люблю.

– Это ты зря, – возразил Герман. – В хорошей компании

да под нужную закусь...

– Не заводись, – строго сказала Мать.

– Так точно! Есть отставить! – негромко гаркнул Герман и улыбнулся. – Ладно, мать, не будем. Только про баб при тебе нельзя, а больше в дороге и говорить не про что.

– Такие вы тёмные да неграмотные, – насмешливо улыбнулась Мать.

– А ты? – Михаил тоже насмешливо посмотрел на Эркина. – Ну, на заводе работаешь, а ещё?

Эркин твёрдо выдержал его взгляд.

– А ещё я учусь.

– В школе?

– Да. Там, – мотнув головой, он, как до этого Михаил, кивком показал куда-то за окно, не сомневаясь в понимании собеседников, – мне нельзя было, теперь навёрстываю.

– И за какой класс? – продолжал насмешничать Михаил. – За первый? Или второй начал?

– Мишка, не заводись, – остановил его Герман.

Но Эркин чувствовал себя уверенно и ответил с плохо скрытой гордостью.

– Ну, за начальную я ещё весной сдал. Сейчас в средней.

– А потом? – спросила Мать.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Ещё не думал.

– И зачем тебе эта морока? – спросил Михаил. – Надеешься, зарплату прибавят?

Эркин рассмеялся.

– Ну, этого нет. А зачем? Тебе учиться запрещали? – и, не дожидаясь ответа, уверенный в нём, продолжил, всё чаще пересыпая речь английскими словами: – А за то, что на книгу посмотрел, не били? А за песню не пороли? Ну так...

– За какую песню? – глухо спросил Герман.

– А за любую, – отмахнулся Эркин. – Если без хозяйского приказа... – и замолчал, оборвав себя.

– А по приказу песня не та, – кивнул, соглашаясь, Герман. – Только песня-то чем мешала?

Эркин пожал плечами, заставляя себя успокоиться. Он сам не ждал, что это, потаённое, так вырвется наружу.

– Ну... ну, так мы и воевали за это, – как-то неуверенно, словно спрашивая, сказал Михаил.

Эркин удивлённо посмотрел на него и переспросил:

– За что за это?

– Ну, чтоб всего такого не было.

– А, – Эркин на мгновение сдвинул брови, соображая. – Чтоб не было, значит... значит, против, так?

– Угу, – кивнул Герман. – За, чтоб было, а против, чтоб не было. Ты, Мишка, в словах не путайся, по черепушке мне заехало, так мне и можно, а тебе ни фига. Понял?

Он говорил шутливо, явно сбивая назревавший накал.

– Отстань, – отгрызнулся Михаил. – За что, из-за чего... Словоблудие одно. Вот за что? За что я без ноги, а ты с мозгами набекрень остался? Что ты с войны этой грёбаной, ладно, мать, её и не так обозвать надо, что мы с неё получили?

Ордена с медалями? Пенсию грошовую и за пивом, если с орденами придёшь, без очереди...

Он говорил тихо, но с нарастающей яростью, и Мать уже подалась вперёд, чтобы остановить его, но её опередил Эркин.

– Стоп! – тоже тихо, но внушительно сказал он. – За что ты воевал, я не знаю, а вот против чего, я тебе сейчас объясню. А то я год скоро здесь и понял. Ни хрена вы про рабство не знаете. Хоть и воевали... ладно. Вот раб... откуда рабы берутся, знаешь?

– А как все, – попытался пошутить Герман. – Или их по-другому рожают?

– Рожают, рабыни, может, и обычно, а начинают, – он быстро покосился на застывшее лицо Матери и сказал иначе, чем рвалось наружу. – Начинают по приказу. По хозяйскому приказу. От кого он прикажет. И до года младенец при ней, пока грудью кормит. А потом ребёнка отбирают, клеймят, – он сдвинул рукав рубашки, показывая номер, – и продают.

– Почему?

– А затем. Чтоб ни матери... никого у раба чтоб не было, только хозяин и слово его.

– И... и ты...? – невнятно спросил Михаил.

Но Эркин понял и зло, оскалом, усмехнулся.

– Номер видишь? Так я питомничный, – он давно уже говорил по-английски, не заботясь о том, насколько его понимают, но видимо понимали, потому что слушали, уже не пе-

ребивая и не переспрашивая.

– А в питомнике сразу отбирают. Я мать свою не видел, ни разу, понятно? Может, она ещё рожала, до меня, после меня, так я этого не знаю, и узнать мне об этом негде и не у кого. Пожгли питомники перед самой капитуляцией, вместе со всеми, кто там был, и с документами. Нет ничего, будто и не было. А об отце и речи нет. Ни один раб отца своего в жизни не видел. И вся жизнь по хозяйскому слову. Делай что велено, ешь что кинули, носи что бросили. Ни жены, ни детей, ни друзей, ничего тебе не положено. И благодари за всё, руки и сапоги хозяйские целуй, на коленях ползай. А состаришься или заболеешь, так на Пустырь отвезут. Место такое. За забором. Бросят там голого, ни воды, ни еды, и лежи, смерти жди. Хорошо, если зимой, замёрзнешь быстро, такая смерть тихая, говорят. А летом долго умирали. А помрёшь, в Овраг свалят и извёсткой присыплут. Видел Овраги?

– Я видел, – сказал по-русски Герман. – Мишаню раньше ранило. А меня уже в самом конце зацепило. Страшные вещи рассказываешь.

– Это ещё не весь страх, – ответил тоже уже по-русски Эркин. – Так, краешек самый. Так если бы... если бы вы Империю к ногтю не взяли, мне бы ещё той зимой – и снова по-английски, потому что сказать это по-русски он не мог: – либо на Пустырь, либо прямо в Овраг, – и, успокаиваясь, закончил по-русски: – Вот против чего ты воевал. И что этого нет больше и не будет, вот это вы сделали, – он тряхнул головой,

отбрасывая упавшую на лоб прядь, откинулся назад, так как до этого сидел, подавшись вперёд и навалившись грудью на стол, посмотрел в окно и спросил по-русски: – Подъезжаем?

– Да, – тоже посмотрел в окно Михаил. – Лугино. Десять минут стоим.

– Одевайся, Мишаня, – встал Герман. – Пройдёмся, – и посмотрел на Эркина. – Ты как?

– Пройдусь, – кивнул Эркин.

Переодеваться он не стал, надев полушубок прямо поверх спортивного костюма. Герман и Михаил надели шинели. Мать выходить отказалась, и они пошли втроем.

Сыпал мелкий снег, но сразу таял, и перрон был усеян мелкими обширными лужами. Желающих прогуляться в такую погоду нашлось немного, даже разносчики прятались под вокзальным навесом. Но Эркин с наслаждением вдохнул холодный, ещё не режущий горло воздух и улыбнулся. Герман посмотрел на него хмыкнул:

– Хорошо?

– Хорошо! – искренне ответил Эркин.

Он не жалел о вспышке. Да и... надоели ему эти разговоры, что, дескать, воевали ни за что. Что свободу ему и остальным выжившим дали – спасибо, конечно, но он и своего вот так нахлебался, а рабу выжить, да ещё не сподличать, это, как он понимал, не легче, а то и потруднее было. У него своя война шла.

Пройдясь вдоль поезда, они вернулись к себе. Вагон по-

казался даже жарким и душным.

– Ну, как там? – встретила их Мать.

– Сыплет и тает, – ответил Герман, снимая шинель. – Молодец, что не пошла.

– А это чего? – спросил Михаил, заметив на столе свёрток в промасленной бумаге.

– В обед увидишь, – строго ответила Мать.

Михаил так обиженно надул губы, пролезая к окну, что Эркин, сразу вспомнив Андрея, улыбнулся. Рассмеялся и Герман.

Пока усаживались, поезд тронулся. Замелькали дома, голые деревья, бурые, чуть присыпанные снегом поля, редкий, просвечивающий лес.

– У нас, в Печере, леса-а, – вздохнул Герман, – не сравнить. Это ж разве лес, – продолжил он, заметив заинтересованный взгляд Эркина. – Щётка зубная старая.

– А в Алабаме тогда что? – спросил Эркин, уже догадываясь об ответе, но, чтобы поддержать разговор.

– Прутики натыканы, – охотно ответил Герман. – Промеж стволов на грузовике проехать можно.

Михаил рассмеялся.

– Да ну тебя, Герка, повихнутый ты на лесе.

Улыбнулся и Эркин, вспомнив виденное на выпасе и перегоне. Да, в Загорье лес куда гуще. Интересно, а почему так? Ведь в Алабаме теплее, там всё лучше расти должно. Надо будет, когда вернётся, у Агнессы Семёновны или Аристарха

Владимировича спросить.

Ровный перестук колёс под полом, ровный шум разговоров, ощущение спокойствия и безопасности. Герман рассказывал о печерских лесах с таким вкусом, что Эркин не смог удержаться на простом поддакивании.

– Так ведь можно этим, как его, да, лесником работать.

– Можно, – вздохнул Герман. – Я бы с радостью, да видишь, как меня осколком приласкало. То всё хорошо, то в словах путаюсь, то голова закружится и вырубаюсь. В городе ничего, ну, за пьяного посчитают, это ладно, а в лесу если... – покосился на мать и замолчал.

– Вот, – кивнул Михаил, – и едем в Царьград, в Центральный госпиталь. А ты? По делу или столицу посмотреть?

– По делу, – кивнул Эркин. – В Комитет.

– Что за комитет?

Эркин свёл брови, вспоминая полное официальное название.

– Комитет защиты бывших узников и жертв Империи.

– А! – кивнул Герман. – Бурлаковский. Слышали. Говорят, они ссуды дают.

– Офигенные, – вмешался Михаил. – За год не пропьёшь.

Эркин усмехнулся.

– Пропить да проесть любую ссуду можно.

– Это уж точно, – вздохнула Мать.

– За ней и едешь?

– Нет, – мотнул головой Эркин. – Мне... с одним челове-

ком поговорить надо, а он там.

– В Комитете?

– Ну да. А ссуда... её не сразу дают, а как на место приедешь, осядешь, с работой и жильём определишься.

– Ага.

– Понятно.

Михаил и Герман одновременно кивнули.

– А едешь, куда хочешь? – спросил Герман.

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Месяц визу ждёшь, и тебя проверяют, ну, нет ли чего за тобой такого-всякого, – снова понимающие кивки. – Потом проходишь врачей, психологов, и уже когда они разрешат, то идёшь в отдел занятости, ну, там говоришь, чего бы хотел, а они смотрят, есть ли на такое заявки. Вот по заявке и едешь. Если сошлось всё, то тогда уже оформляешься. И едешь не сам по себе, а по маршрутке, ну, в лагере же тебе всё распишут, как ехать, где пайки получать, где пересадки какие.

– Ты смотри, – удивился Михаил. – Как в армии.

– А такие, что сами по себе поехали, есть? – спросил Герман.

– Есть, – кивнул Эркин. – Бывают, но редко. Таким ссуды не дают и места не готовят.

– Месяц проверяют, – задумчиво повторил Герман. – А что, бывает, что заворачивают?

– Бывает, – Эркин сразу и нахмурился, и улыбнулся воспоминаниям. – Ну, за драку, выпивку или на руку нечист, за

это сразу визу отбирали и из лагеря выгоняли, а с проверками... Одного, я помню, у меня на глазах комендант с особистом, ну, это...

– Особый отдел, – кивнул Михаил. – Это мы знаем. Ну...

– Ну, пришли за ним в барак, велели вещи взять и всё. Увели и больше и не слышали о нём и не видели. И ещё слышал. И о таких, и, если полиция местная запросила.

– Выдавали ей?

– Без звука.

– И правильно, – сказала Мать, внимательно слушавшая его рассказ. – Шпаны и своей хватает.

За разговором время шло незаметно, но неумолимо. По вагону снова забегали со стаканами и кружками, зашуршали обёртками, со скрежетом и звяканьем вскрывались консервные банки... Время-то обеденное уже. Мать стала накрывать. Эркин встал, достал из портфеля и выложил на стол остаток пирожков и сэндвичей, сгрёб кружки.

– Пойду, чаю принесу.

– Дело, – согласился Герман и тоже встал. – Я с тобой. Мать, сахар брать?

– Два возьми, – озабоченно ответила она, разворачивая свёрток с большой копчёной курицей. – Миша, нож дай.

– Давай, мам, я сам разделаю, – отобрал у неё курицу Михаил.

– Ровнее дели, – бросил через плечо, выходя из отсека, Герман.

– Не учи, – огрызнулся им вслед Михаил.

На этот раз Эркин взял сахару и печенья: пирожков-то всего ничего осталось. Герман взял только сахар.

Когда они вернулись, стол уже был накрыт и если не лопился от еды, то выглядел весьма обильно.

– Во! – восхитился Герман. – Ну, мать, молодец. Мишка, много сожрал, пока делил?

– Вот и лопай что осталось, – ответил Михаил, отбирая у Германа свою кружку и сахар.

Эркин улыбнулся, усаживаясь на своё место к окну. Он сразу заметил, что его сэндвичи и пирожки аккуратно и очень ловко разрезали на четыре части каждый и включили в общий стол.

За окном сыпал снег попеременно с дождём, по стеклу текли струйки, а в вагоне тепло, светло, и еды много, и чай горячий, и разговор уже совсем свойский и приятный, так что... жизнь прекрасна! И даже о том, зачем он едет в Царьград и какой непростой разговор ему предстоит, Эркин и думать забыл.

Ижорский Пояс

Загорье

Урок шауни прошёл для Андрея вполне благополучно. Об Эркине его, во всяком случае, не спрашивали, а остальное... остальное у него всегда в порядке. Всё выучено, что надо – записано, что надо – нарисовано. Говорит он, правда, хуже, чем пишет, сам слышит, что у него не так звучит. У Эркина куда лучше получается. Ну, так это, как там в книге, да, память крови, нет, генетическая память, у Джека Лондона повесть об этом занятная, надо будет пока не сдавать книгу, перечитать.

Эти и всякие другие мысли, и соображения не мешали Андрею читать, писать, отвечать на вопросы и спрашивать самому. Всё как всегда и как обычно.

Когда урок закончился и Андрей, едва не опередив Тима, сбежал вниз, Алиса уже ожидала его, чинно сидя на банкетке у гардероба в расстёгнутой, чтобы не вспотеть, шубке. Придаться, по её мнению, было не к чему.

Оглядев её, Андрей удовлетворённо кивнул.

– Молодцом, племяшка.

– Ну да, – выжидающе согласилась Алиса.

– Будет за мной, – пообещал Андрей, забирая у гардеробщицы свою куртку, шапку и сумку с Алисиными вещами.

– А чего будет? – решила уточнить Алиса и лицемерно вздохнула: – Мороженого зимой нельзя.

Андрей с интересом посмотрел на неё.

– А берёзовой каши всегда можно, – пообещал он. – Давай, застегнуть тебя?

– Я сама, – с достоинством ответила Алиса, игнорируя его слова о берёзовой каше: первое слово важнее, а что Андрюха ерепенится, то это он так просто дразнится, и с этим она справится.

На улице шёл крупный редкий снег. Алиса шла, держась за руку Андрея и разглядывая кружащиеся в воздухе хлопья. Как всегда, во время снегопада было очень тихо. Андрей сверху вниз посмотрел на Алису и улыбнулся.

– Сейчас зайдём, лукума купим, – как бы невзначай сказал он. – Или пахлавы. Чего больше хочешь?

И засмеялся, увидев её просиявшую мордашку.

– А всё сразу можно? – с надеждой спросила Алиса.

– Сразу нет.

– Значит, съедим не сразу, а купим всего, Замётано! – быстро сказала Алиса.

Андрей хохотал от души. И, когда они пришли в лавку, он, как и обещал – вот жох-пацанка, своего не упустит и бесхозного прихватит – купил и пахлавы, и лукума разных сортов, и жареных в сахаре орехов, и плиток со смешным названи-

ем «козинаки», и маленьких пухлых очень сладких лепёшек. Правда, всего понемногу, но всего, и пакет получился увесистый.

– Теперь домой, племяшка, – весело сказал Андрей, когда они вышли из сладкой духоты магазинчика на морозную свежесть улицы.

– Не на улице же есть, – солидно согласилась Алиса, снова беря Андрея за руку.

Пока они дошли до дома, потемнело и снегопад усилился. В подъезде Андрей снял и отряхнул ушанку, перчаткой оббил снег с Алисы. Стоявшим в углу общественным веником обмели ноги, чтоб не таскать снег на лестницу и по коридорам.

– Ну вот, пошли домой, племяшка.

– Ага, – согласилась Алиса и вдруг спросила: – А Эрик вернулся?

Андрей медленно покачал головой.

– Нет, Алиса, он в понедельник приедет.

– Тогда, – Алиса вздохнула и погладила пакет. – Это на понедельник оставим, да?

Андрей взял её за руку и повёл к лестнице.

– Это ты здорово придумала, – задумчиво сказал он. – Но, знаешь, мы ещё можем купить. Я в первую смену в понедельник, зайду по дороге и куплю. Как раз свежее всё будет.

– Ну да, – согласилась Алиса. – А то засохнет.

– Правильно, – кивнул Андрей.

Надо же, как она к Эркину... Ну, так и понятно: ей-то он – отец.

Додумать Андрей не успел, так как они уже пришли.

Женя встретила их обычным возгласом, что они молодцы, а у неё всё готово и давайте быстренько раздевайтесь, мойте руки и за стол.

Андрей отдал Жене пакет со сладостями, отнёс в свою комнату портфель и пошёл в ванную. Алиса его опередила, и случая подёргать её за косичку и обрызгать водой не представилось. Ну ничего, он ещё своё возьмёт.

За столом всё было как обычно. Только Эркина нет. Женя, забывшись, чуть даже тарелки ему не поставила. И, когда поели, Алиса убежала к себе, а Женя взялась за посуду, Андрей предложил:

– Давай я сегодня у вас заночую. Ну... мало ли что.

Женя удивлённо посмотрела на него.

– Это же твой дом, Андрюша, ты чего? И что может случиться? Спасибо, конечно, но у тебя свои планы были, да?

Андрей неопределённо повёл плечами, но ответить не успел, потому что в кухню вернулась Алиса и немедленно влезла со своим предложением.

– Андрюха, ты в гости не идёшь? Тогда пошли играть. Мам, ты домой всё и тоже приходи.

И Андрей захохотал.

Алиса взяла его за руку и повела к себе, где на стол была уже выложена новая, только на этой неделе купленная игра,

где надо бросать кубик с точками и передвигать фишки.

– Вот, – сказала Алиса. – Давай. Тебе какой цвет? Чур, мой красный.

Андрей выбрал синий, они сделали по ходу и пришла Женя. Ей достались зелёные фишки.

– Мы по ходу всего сделали, мам, ты догонишь, – утешала её Алиса. – Лишь бы Андрюха не жухал.

– А за это, племяшка, я тебе ещё ввалю, – пообещал Андрей, выбрасывая на стол кубик. – Шесть моих.

До чего же вязкая штука – игра. Даже такая. Ведь ни ума, ни ловкости не надо, и ставок никаких, а затягивает. И Женя развеселилась. Кон за коном с шутками, прибаутками, подначками. Ну, и не без плутовства, конечно.

Царьград

Ровный безостановочный стук колёс под полом, ровный спокойный разговор под бесщётное количество стаканов чая, и так же неспешно густеющая темнота за окном. И вот уже на мелькающих мимо перронах горят фонари, искорками пролетают окна домов, и снег уже густо синий. Незаметно изменился и шум в вагоне: хлопают полки, вытаскивают чемоданы и узлы, снимают с верхних полок сумки.

Эркин взял джинсы и рубашку и пошёл в уборную переодеваться. Удалось успеть до основного наплыва. Возвращаясь, зашёл к проводнику расплатиться за постель и чай с са-

харом и печеньем. Ну, и чаевые, конечно. Десятка набралась, как нечего делать. Когда он вернулся в отсек, стол был уже убран и даже опущен, чтобы не мешал собираться.

Эркин убрал костюм и мыльницу с полотенцем в портфель и, чтобы не мешать Матери и Герману, ушёл с Михаилом курить в тамбур.

– Знаешь, – Михаил как-то удивлённо смотрел на Эркина. – А ты ведь первый индеец, ну, с кем говорил. Вы все такие?

Эркин пожал плечами.

– Не знаю. Разные, наверное.

– Ну да, – кивнул Михаил. – Люди, они разные, конечно, а всё-таки...

– Не знаю, – повторил Эркин и усмехнулся. – Я ведь не жил... в племени, даже языка не знал, только в этом году начал учить. И знаешь, кутойс, ну, учитель, он воевал, в пехоте.

– Индеец? – удивился Михаил.

– Да. Он говорил как-то, что добровольцем, так? – и сам себе ответил: – Так. И ещё я видел, ещё... там, в Алабаме, индейцы, в форме, с орденами.

– Слышал о таких, – согласился Михаил. – Но сам не видел.

Они докурили, выбросили окурки в щель под колёса и вернулись в вагон.

– Подъезжаем, – встретила их Мать. – Давай, как следует, ремень твой где?

Герман, уже в подпоясанной гимнастёрке сидел у окна, насмешливо глядя на брата. Эркин тоже сел к окну, но смотреть было уже не на что. Вернее, россыпи огней ни о чём ему не говорили. Хотя... ну да, похоже, уже по городу едем. Огни подступают, становясь окнами и фонарями, промелькнуло снизу шоссе с машинами, в проходе толпятся уже одетые для улицы люди с чемоданами и узлами. Мать, Герман и Михаил тоже оделись, поезд стал замедлять ход. Эркин встал, надел ушанку, полушубок, застегнулся. Поезд остановился, и стоявших в проходе качнуло.

– Ну, – Герман протянул Эркину руку. – Спасибо за компанию. Бывай.

– До встречи, – улыбнулся Михаил.

– Бывайте, до встречи, – попрощался с ними рукопожатием Эркин.

– До свидания, удачи тебе, – попрощалась Мать.

– До свидания, и вам удачи, – ответил Эркин.

Из вагона он вышел чуть ли не последним, но спешить ему особо некуда. Андрей всё так объяснил и рассказал, что ни расспрашивать, ни разыскивать не надо.

Он шёл в общей толпе, с интересом разглядывая окружающее, но ни в его походке, ни в лице не было растерянности. И это, а, может, и угадываемая опытным глазом сила удержали вокзальных попрошаек и карманников на расстоянии.

Посадка на автобус так же прошла вполне благополучно. Как и предупреждал Андрей, народу было... не продохнуть.

Эркин, когда его со всех сторон стиснуло и прижало, невольно вспомнил тесноту камер распределителей. Правда, угрозы в этой тесноте он не чувствовал, но всё равно – неприятно. Да и если сейчас по карманам шарить начнут, то не убежишься. И, вывалившись на своей остановке, он первым делом проверил карманы и портфель. Но всё было в порядке, и Эркин отправился на поиски арки-прохода. Хотя и искать-то особо не надо: вот она.

Останавливаться у витрин он не стал, оглядел на ходу, но внимательно. Красиво, богато, но... но ничего такого им не нужно. Сервиз у них, который Джонатан подарил, будет и подороже, и покрасивее всего, что выставлено.

Проход, улица, светящиеся окна домов и плотно закрытые двери подъездов. Снега нет, но холодно, что хорошо: лужи замёрзли, и бурки не испачкаются, а то он уже в дороге вспомнил, что Царьград на юге, а, значит, там ещё осень, и пожалел, что поехал не в сапогах. Сапоги-то отмыть куда легче, чем бурки отчистить. Ошибся, значит, а хорошо. Иногда и промашка на пользу. А вот и третий угол, теперь направо, мимо ограды и церкви. Ага, вот и она. Ты смотри, какая громада. Прохожих немного, вернее, он их не то что не замечает, а не обращает внимания. Вот и дом. Как и описывал Андрей: три этажа, весь украшен, как... как торт, а рядом с дверью табличка.

Эркин посторонился, пропуская вышедших из дома трёх мужчин, зачем-то внимательно прочитал табличку и, прове-

ря себя, посмотрел на часы. Успел. Он толкнул дверь и вошёл. Как тогда в комендатуру.

Но вместо стола стеклянная будочка у входа, вместо военного немолодая женщина с настороженно злыми глазами, и главное – его сразу, он даже поздороваться не успел, встретили отказом.

– Приём закончен.

Эркин растерялся.

– Но мне к Бурлакову. Он принимает до восьми, ещё есть время, – попытался он объяснить.

– Приём закрыт, – громко почти криком повторила она.

Из глубины вестибюля, привлечённый, видимо, её голосом, направился к ним мужчина. И Эркин сделал ещё попытку.

– Но Бурлаков здесь?

Она не ответила, а повторила:

– Приём закрыт.

– Ты что, – высокий мужчина в кителе без погон встал так, что Эркин, чтобы не оказаться спиной к нему, был вынужден отступить на шаг к двери. – по-русски не понимаешь?

– Понимаю, – хмуро ответил Эркин.

Его выгоняли, чего тут непонятного. Он повернулся к ним спиной и взялся за ручку двери.

– В понедельник приходи, – сказал ему в спину мужчина. – Разберёмся с тобой.

Эркин, не ответив, вышел.

На улице он перевёл дыхание и озадаченно выругался по-английски. Ну, надо же какое невезение. Как это Андрей через них прорвался? И что теперь? Стоять под дверью и ждать? А если Бурлакова и впрямь нет? Мало ли что могло перемениться. Ладно. Адрес он помнит, доберётся.

Эркин через плечо покосился на дверь Комитета: ему вдруг показалось, что за ним оттуда следят. Он переложил портфель из руки в руку и решительно зашагал обратно. Как это на конверте было написано? Новоболотинская улица, дом шесть, квартира пятьдесят шесть. Найдёт.

Первый же встречный объяснил ему, что если свернуть у булочной и пройти к аптеке, то там остановка автобуса. Эркин поблагодарил и отправился в указанном направлении.

Комитет Защиты бывших узников и жертв Империи

Сегодня приём закончился раньше обычного. Без двенадцати восемь закрылась дверь за очередным посетителем, а следующий не вошёл. Бурлаков выждал ещё две минуты: вдруг кто-то всё-таки там волнуется, не решаясь войти, – и взялся за сортировку скопившихся за день бумаг.

– Ты надолго?

Бурлаков поднял голову и улыбнулся незаметно вошедшей Марье Петровне.

– А что, Синичка?

– У Котика дата сегодня. Мы у Селёдыча собрались.

– Иду, – сразу захлопнул папку Бурлаков. – По сколько скидываемся?

– По трёшке, Энжи отдашь.

– Идёт, – Бурлаков улыбнулся. – Наш Ангел, как всегда, на казначействе.

Клички вместо имён – значит, они опять в своём узком кругу всё переживших и выживших назло всему, кругу, где ничего никому не надо объяснять.

В кабинете Селёдыча, и так, мягко говоря, непросторном, тесно от сдвинутых столов и стульев, разнокалиберных и разномастных тарелок, чашек и стаканов, суеты и бестолковой, но очень дружественной толкотни. Какую дату отмечаем, никто не уточняет, да и не всё ли равно, а хоть пули, что мимо просвистела, а что, чем не дата? Конечно, в трактире или ресторане красивее, вкуснее, но не душевнее, да и дороже намного. Это тоже приходится учитывать.

Бурлакова встретили традиционным:

– Начальство не опаздывает, начальство задерживается!

Бурлаков высказал милостивое удовлетворение, поцеловал Котика в лобик, щёчки и ручки под залихватские комментарии окружающих и призывы беречь глаза от Синичкиного гнева.

– Поступило редкое по оригинальности предложение, – перекрыл общий гомон Селёдыч. – Выпить!

– А также тяпнуть...

- Вздогнуть...
- Клюкнуть...
- Глотнуть...
- Дёрнуть...
- И дерябнуть...
- И так далее со всеми...
- Втекающими...

Дешёвые вино и водка, лимонад, немудрящая закуска, дешёвая колбаса, конфеты, консервы прямо из банок, чтобы свести мытьё посуды к минимуму, тянущиеся над столом во всех направлениях и сталкивающиеся руки со стаканами и вилками. И главное – смех, дружеские подначки и блаженное чувство безопасности, к которому и за столько месяцев ещё так и не привыкли. Разумянившиеся лица, блестящие глаза... Даже Церберуня смеётся совсем открыто и по-доброму.

- Сегодня всё нормально? – спросил Бурлаков.
- Да, – Церберуня вдруг хихикнула. – Индеец даже был.
- Индеец? – удивился Селёдыч. – Ему-то к нам зачем?
- Не скандалил?
- Да нет. Повернулся и ушёл.
- Ага, как Крошку-Жердя увидел, так и развернулся.
- Ну да, я только руку в карман сунул, так и подействовало.
- Вот и ладно.
- У них где постпредство? – спросила Котик.
- На Маканина, за троллейбусным депо.

– Ну и надо было его туда направить, – сказал Бурлаков и тут же забыл об этом.

К ним часто забредали путавшие их то с Ветеранским Комитетом, то с Министерством Социальной Защиты, а теперь, значит, и с постпредством Союза Племян. Ну, бывает, ничего экстраординарного не случилось.

– Поступило новое предложение, – провозгласил Селёдыч. – Оригинальное и своевременное. Выпить!

Ему ответили дружный смех и чоканье кружками, стаканами и чашками.

Потом Котику вручили подарок: две кастрюли, сковородку и чайник. Чтобы своё хозяйство наполнилось и росло. Котик от полноты чувств – она ждала очереди на муниципальную квартиру и пока жила в мебелирашках – расплакалась, и её стали утешать и успокаивать. Кухня в мебелирашках общая, одна на коридор, готовят чуть ли не по очереди, а посуда такая нарядная, как вынесет она её на кухню, так все соседки от зависти поумирают, перестанут шпынять Котика за бедность и бесхозяйственность и уважают её со страшной силой.

– За такое надо выпить! – предложил Селёдыч, наливая себе минералки.

Эту бутылку он открыл заранее и взболтал, чтобы газ вышел и чтоб по виду от водки не отличалась. Свою норму он ещё первым тостом на полглотка перекрыл. Это Кроту хорошо: ничего не отбито, нигде не порезано, ничем по голове не

стукнуто, вот и пьёт, не хмелея. А ему нельзя, от спиртного сразу «в голове кружение и в членах недержание». Но тем и хороши такие застолья, что все о всех всё знают и понимают, а виду не подают и подыгрывают.

Царьград

Новоболотинская улица дом 6

До нужного дома удалось добраться без особых проблем. Большой девятиэтажный дом, второй подъезд. Эркин мягко распахнул тяжёлую деревянную дверь и вошёл. Пол выложен серыми в чёрных прожилках квадратными плитами. «Мрамор» – вспомнил он, да, на природоведении в началке им даже образцы тогда показывали, белый, розовый и серый мрамор. А это что за дверь без номера? Ладно, посмотрим. Ступени были тоже мраморными. Эркин снял шапку и стал медленно подниматься, ведя рукой по тёмному гладкому дереву перил.

На втором этаже четыре двери с номерами и одна опять без номера. Странно. Он даже постоял перед ней в раздумьях, но решил, что это потом выяснит, а, может, здесь на каждом этаже комендант или дежурный и это его комната, а он вломится... И вообще, чего он время тянет? Уже при-

ехал, такие деньги потратил, школу пропустил. И ведь всё сам, никто его не дёргал и не толкал, так чего тянуть? Ещё этаж. Ещё. Ну, вот и пятый этаж, пятьдесят шестая квартира. Эркин перевёл дыхание, пошаркал подошвами бурок по чёрному щетинистому коврику перед дверью и нажал кнопку звонка.

Дверь ему не открыли. Там была тишина, тишина пустой квартиры. Вот влип! Что же теперь делать? От растерянности даже длинно выругался вполголоса сразу на двух языках.

Веселье ещё продолжалось, но уже начали потихоньку расходиться. Одной из первых ушла Львёнок.

– Гуля одна дома, – объяснила она.

– Конечно-конечно, – закивала Котик. – Ты ей вот, конфеток захвати. И яблоко.

– Спасибо, но...

– Бери-бери, ей расти надо.

– И учиться, – вмешался Крючник. – Для мозгов сахар нужен. Крот, подтверди!

– Точно, – авторитетно изрёк Бурлаков.

– Уговорили, – рассмеялась Валерия Леонтьевна, делая кулёк из салфетки и укладывая туда три карамельки и красное, блестящее, будто лакированное яблоко. – Котик, я тебя ещё раз поздравляю, всем привет, я пошла.

– Счастливо.

– Львёнок, Гульке привет.

– Удачи, Львёнок.

На улице Валерия Леонтьевна озабоченно поглядела на часы. Надо же, уже почти десять. Как время в застолье летит – ужас прямо. Конечно, Гуля не маленькая, четырнадцатый пошёл, но всё же... ребёнок есть ребёнок. Уроки она, конечно, не сделала, и суп не разогрела опять же наверняка, так холодным и пообедала. Говоришь ей, говоришь, что это вредно, что горячая еда для пищеварения полезна, и как об стенку горох. Ведь не отнимет никто, так подогрей, налей в тарелку, сядь за стол и поешь нормально, так нет, наверняка опять прямо из кастрюли холодного нахлебалась. Ох, Гуля, Гуля... И темно уже как. Говорила ей не гулять в темноте: город большой, мало ли что может случиться. И никакой опыт не поможет. Что бы там ни было, а она – девочка, слабая, наивная, доверчивая, а все её словечки и ужимки, нахватанные в угоне по спецприёмникам, распределителям и ещё бог знает где, обманывают только учителей в школе. «Трудная девочка». Конечно, трудная. С её-то судьбой. Но опытного негодяя... Нет, будем надеяться на лучшее.

Как Валерия Леонтьевна ни спешила, но зашла в магазин. Хлеб, молоко и, конечно, макароны. Сварить их Гуля сама может, а сырыми есть нельзя. Хоть так заставить её есть горячее. Да, ещё масла взять. И сметаны...

Вроде всего понемногу, но сумка отяжелела, а денег совсем не осталось, но до зарплаты продуктов должно хватить, и больших трат не предвидится, так что перекрутимся. А вот

и дом уже виден. Что-то холодает, завтра Гуле с утра в школу, надо чтобы тёплое бельё поддела. Рано как зима пришла, до декабря ещё о-го-го сколько, а, похоже, вот-вот снег и выпадет, и ляжет.

Эркин успел сходить на угол к киоску за газетой, рядом в булочной купил себе маленький калач и теперь ждал Бурлакова со всеми удобствами: сидя на подоконнике, читая «Вечерние огни» и жуя калач. А что ещё делать? Ждать надо. Когда-нибудь, но придёт же председатель домой. Правда – вдруг пришло ему в голову – если тот, как Фредди, по «милашкам» отправился, то ждать придётся долго. Но эту мысль он тут же отбросил. Профессор всё же, не ковбой. Андрей же, где б ни ночевал, а утром всегда возвращался домой. И опять же профессору бегать по девкам незачем, может и к себе водить. Так что дождёмся, поговорим, пройдемся по магазинам за гостинцами и домой – уговаривал себя Эркин, равнодушно читая о премьере в театре оперетты. Хрень, конечно, какая-то непонятная, но коли взялся, то не бросай, не закончив.

Калач кончился раньше газеты. Но идти покупать ещё чего-то не хотелось, и Эркин продолжил чтение. Театры, кино, всякие новости, незнакомые адреса, неизвестные люди, но чем-то «Вечерние огни» напомнили ему «Загорскую искру», только там он понимал всё, а здесь... Хотя, стоп, вот этот фильм он видел, им тогда всем понравилось, а здесь ругают.

«Плоско и примитивно». Ну, на каждого не угодишь. И как это понимать: «Плоско»? Кино ведь плоское, на экране как на фотографии, и невольно улыбнулся воспоминанию, как он тогда осадил этого дурака, помощника шерифа, хорошо получилось!

Снова хлопнула дверь без номера, и двое – мужчина и женщина – прошли в квартиру рядом с профессорской. Оттуда вышли, сюда зашли. Так что там? Становилось совсем интересно.

Эркин решительно свернул и засунул за борт полушубка газету, взял портфель и спустился на площадку. Со своего наблюдательного пункта – он сидел на подоконнике между этажами и потому видел обе площадки – Эркин убедился, что по лестнице не ходят, а входят и выходят через эти безномерные двери. Похоже... похоже... надо проверить. Слышал он о таком, называется... по-английски elevator, а по-русски... да, кажется, лифт. И Андрей, вроде бы упоминал, о нём, когда рассказывал о своей поездке.

Рядом с ручкой круглая кнопка. Подражая виденному, Эркин нажал её, и она засветилась красным светом, а за дверью заурчало, защёлкало и залязгало. Когда замолчало, а кнопка погасла, Эркин попробовал открыть дверь. Крохотная комната без окон, чуть больше... воспоминание оказалось настолько болезненным, что он приглушенно охнул и отступил на шаг. И тут же, зло тряхнув головой и стиснув зубы, шагнул вперёд и сам захлопнул за собой дверь. А от-

крыть её сможет? Да, вон ручка. Уже легче. На стене табличка. Девять кнопок с номерами. Пятая светится. Ага, он как раз на пятом этаже. Понятно. Попробуем. Вряд ли его ударит током, как тогда... стоп, не думать об этом, ещё тогда понял: вспоминаешь это – вспоминаешь боль. Так, хорошо, пробуем нажать вот эту, с единичкой. Он сам не ожидал, что сможет так легко дотронуться и нажать кнопку. Она ушла вглубь и осталась там. Дрогнул под ногами пол, на мгновение подкатило к горлу. Зажглась и погасла четвёртая кнопка, третья, вторая, первая... со щелчком вышла и погасла, а пол будто ударил в подошвы. Эркин попробовал открыть дверь. Получилось! Он вышел и огляделся. Да, первый этаж, вон дверь на улицу. Он может уйти, он свободен. Эркин перевёл дыхание и решительно вошёл обратно. Он эту штуку доконает, по всем этажам прокатится, чтобы уже никак не дёргало.

Войдя в подъезд, Валерия Леонтьевна сразу подошла к лифту. Но, несмотря на позднее время, тот оказался занят. Придётся ждать. А красный свет на мгновение гас и тут же зажигался. Мальчишки, что ли, катаются? Но в их подъезде вроде бы нет детей такого возраста, да и поздно уже для детских игр. Но, похоже, не переждать и придётся идти пешком. Вполголоса чертыхнувшись – подъезд пуст, так что её репутация не пострадает – Валерия Леонтьевна перехватила поудобнее сумку и пошла к лестнице. Ну, вперёд, Львёнок,

приходилось гораздо хуже.

Проехавшись до девятого этажа и обратно и убедившись, что входу и – главное – выходу нигде ничего не мешает, Эркин уже спокойно нажал пятую кнопку. Может, пока он ездил, Бурлаков уже пришёл. А если нет... ждёт до двенадцати и отправляется на поиски ночлега, вроде, когда ходил за газетой, видел вывеску гостиницы, утром опять заходит, и, если опять сорвётся, то делать нечего, поедет домой, а разговор... разговор тогда до святок, вот чёрт, неужели зря проездил.

Валерия Леонтьевна была уже на четвёртом этаже, когда лифт наконец освободился, но осталось всего два этажа, четыре пролёта, так что дойдёт. И вроде... ну да, лифт на пятом стоит. Если она сейчас увидит этого... шутника, то развлекаловку ему устроит... по первому разряду!

Подойдя к двери профессора, Эркин нажал кнопку звонка, подождал, слушая тишину, и нажал ещё раз. Опять тишина. Где же всё-таки носит председателя профессорского? Неужели и впрямь... по девкам пошёл? Как Андрей. А тогда уж точно до утра не появится, Фредди тоже в Бифпите на всю ночь закатывался.

Поднявшись на пятый этаж, Валерия Леонтьевна вместо ожидаемых мальчишек увидела высокого мужчину в полушубке и ушанке топтавшегося у двери Крота. Полушубок, бурки... откуда-то с севера?

– Вы к Бурлакову?

Эркин вздрогнул и обернулся. Немолодая женщина в тёмном пальто и с сумкой... Лицо её показалось ему знакомым, и тут же вспомнил – она была тогда в лагере, в Атланте, с другими комитетскими. Вот это удачно! Он сдёрнул шапку и улыбнулся ей своей «настоящей» улыбкой.

– Здравствуйте. Да. Вы не знаете, он здесь? Ну, в Царьграде? – ему вдруг пришло в голову, что Бурлаков ведь мог, как и летом, куда-то надолго уехать.

Валерия Леонтьевна не смогла не улыбнуться в ответ, так преобразила это строгое смуглое лицо улыбка.

– Здравствуйте, он в Царьграде. А почему вы не пришли в комитет?

– Мне сказали, что приём уже закончен. Ну и... – он улыбнулся чуть смущённо. – Вот, жду.

– А в понедельник...

– Я завтра уезжаю, – перебил он её, смягчая невежливость улыбкой.

Наверху стукнула, открываясь, дверь, и звонкий голос позвал:

– Мам, ты чего?

Эркин и Валерия Леонтьевна одновременно повернулись на голос. Перевесившись через перила, на них сверху вниз смотрела девчонка в ситцевом пёстром халатике и тапочках на босу ногу.

– Гуля, – строго сказала Валерия Леонтьевна, – иди домой, простудишься.

Но та, словно не услышав, продолжала рассматривать их круглыми, по-птичьи блестящими глазами.

– Так, – решительно сказала Валерия Леонтьевна. – Идёмте. Нечего вам на лестнице сидеть. Попьёте чаю и вообще... Идёмте.

Девчонка удивлённо округлила рот. Эркин растерянно попробовал было отказаться, но Валерия Леонтьевна сразу пресекла возможные возражения.

– Я тоже работаю в Комитете.

– Да, – кивнул Эркин. – Я вас помню, вы приезжали к нам в лагерь в Атланте, – и улыбнулся. – Фрукты нам организовывали.

– Ну вот, – сочла это вполне достаточным аргументом Валерия Леонтьевна. – Идёмте.

– Я вам помогу, – взял у неё сумку Эркин.

Свободной рукой он нахлобучил ушанку и подхватил с пола свой портфель.

– Гуля, – строго повторила, глядя вверх, Валерия Леонтьевна.

Но девчонка уже убежала.

И, когда они вошли в прихожую, Гуля их встретила уже в платье, чулках и туфлях. Валерия Леонтьевна улыбнулась и одобрительно кивнула ей.

– Моя дочь, Гуля. А меня зовут Валерия Леонтьевна.

– Здравствуйте, – церемонно сказала Гуля.

– Здравствуйте, – улыбнулся Эркин. – Эркин Мороз.

Очень приятно.

– Взаимно, – рассмеялась Валерия Леонтьевна. – Гуля, сумку на кухню отнеси. Раздевайтесь, сейчас чай будем пить. Гуля...

– Поставила уже, – откликнулась Гуля из глубины квартиры. – Мам, я в комнате, ну, гостиной, накрою, да?

Эркин помог Валерии Леонтьевне снять пальто, расстегнул и снял полушубок, ушанку. И решительно взялся за бурки.

– Ничего-ничего, – остановила его Валерия Леонтьевна. – Проходите так.

– Наслежу...

– Пустяки...

– У нас тапочек больших нет, – вышла в прихожую Гуля. –

Но я сегодня подметала.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Эркин и разулся, оставшись в носках.

Что-то в этом высоком индейце, в том, как он говорил, улыбался, как мимолётным движением оправил рубашку, как мимоходом глянул в зеркало и положил на подзеркальник газету, было такое, что вызывало ответные улыбки. Даже Гуля, такая всегда колючая, ершистая, волчонком огрызающаяся на любого входящего в дом, улыбалась ему и старательно играла радушную хозяйку.

Просторная от минимальной мебелировки, вернее почти её отсутствия, комната, круглый стол с цветастой скатертью

посередине под лампой с оранжевым тканевым абажуром, чай, сахар, бутерброды...

– Так вы прямо с поезда?

– Да, – Эркин с удовольствием отхлебнул чаю и несколько смущённо улыбнулся. – Приехал, а приём закончился. Ну и...

– Было без пяти?

– Нет, без четверти.

Валерия Леонтьевна невольно нахмурилась. Это уже Церберуня через крайхватила. Надо будет вообще-то это обсудить, всё-таки не дело так заворачивать приезжих.

– И это вы с восьми здесь ждёте?

– Ну да, – кивнул Эркин.

– Вот, – Гуля пододвинула к нему маслёнку. – Это масло, берите пожалуйста.

– Спасибо, – улыбнулся ей Эркин.

Он пил чай и, с неожиданным для себя удовольствием, отвечал на вопросы. Что работает на заводе и учится в школе при Культурном Центре, что жена тоже на заводе работает, а дочка учится в первом классе с тремя языками, да, английский и шауни, а брат работает на автокомбинате и тоже учится. Когда он упомянул, что они с братом за три месяца прошли курс начальной школы и сдали экзамены, Гуля невольно покраснела. Но тут же задиристо вздёрнула голову.

– И на что эта учёба нужна?

Эркин удивлённо посмотрел на неё. В Загорье необходи-

мость учиться никем не оспаривалась, разве только Ряха язвил, но кто же алкаша и шакала слушает, а здесь... и в поезде, и вот сейчас... странно.

– Как это на что? – ответил он вопросом. – Что же, так и жить неграмотным?

– Ну, грамота, это ладно, – вынужденно согласилась Гуля. – А остальное...

– И остальное, – убеждённо ответил Эркин.

– А вот зачем? – настаивала девочка.

– Гуля, – строго сказала Валерия Леонтьевна. – Перестань.

– Ну, мам, мне интересно.

– Вот, – сразу обрадованно подхватил Эркин. – Правильно. Мне интересно.

Гуля вздохнула: с этим, конечно, не поспоришь, интерес – он у каждого свой, и за свой интерес... это уж да.

Валерия Леонтьевна улыбнулась. Нежданный гость всё больше нравился ей. И речь чистая, и одет... неброско, но не просто прилично или хорошо, а красиво. И ест тоже... красиво. Но... надо позвонить Кроту, всё-таки человек из такой дали приехал не для чаепития с ней и Гулей.

– Сейчас позвоню, узнаю, может, он и пришёл.

Она встала из-за стола и подошла к столику у стены с телефоном. Быстро, привычно загоразживая собой аппарат, набрала номер. Но телефон Бурлакова молчал. Странно, пора бы ему прийти.

– Мам, а ты Машеньке-Синичке позвони, – сказала Гуля и пояснила гостю. – Игорь Александрович у неё под выходные ночует.

Валерия Леонтьевна покраснела.

– Гуля, – укоризненно сказала она и набрала новый номер.

Эркин не ожидал, что его предположения о, как это называл Фредди, «милашках», так подтвердятся, и невольно смутился, отвёл глаза, напряжённо вслушиваясь.

Здесь трубку взяли после третьего гудка.

– Синичка? Это я... – говорила Валерия Леонтьевна. – Нет, всё в порядке. Крот у тебя? Позови... Крот? Тут такое дело, приём сможешь продлить? Человек издалека приехал, а Церберуня его не пустила, ждал тебя под дверью, сейчас у меня чай пьёт. Да... из Ижорского Пояса... Мороз... Нет, не ошиблась... Минутку, – и вдруг, обернувшись, протянула трубку Эркину. – Вот, он с вами хочет поговорить.

Эркин быстро подошёл и осторожно взял трубку.

– Здравствуйте.

– Серёжа?! – спросил его похожий на Андрея, но чуть другой и всё же знакомый голос.

– Нет, это я.

Он не успел назвать себя, его уже узнали.

– Эркин? Здравствуй. Что случилось? С Алечкой?

– Нет, всё в порядке. Мне... мне поговорить с вами надо.

Вы извините...

– Так, – перебили его. – Через десять, нет, пять минут,

спускайся, понял?

– Да, спасибо, но...

Но в трубке уже повторились частые гудки.

Увидев его растерянное лицо, Валерия Леонтьевна подошла и взяла у него трубку, послушала и положила на телефон.

– Что вам сказали?

– Чтобы через пять минут я спускался, – Эркин недоумевающе повёл плечами. – Разве он успеет так быстро?

Гуля фыркнула.

– Да она над нами живёт, на седьмом этаже.

– Кто? Синичка? – уточнил Эркин.

– Ну да, Марья Петровна, – Гуля снова фыркнула, но под строгим взглядом матери удержалась от дальнейших комментариев.

Эркин кивнул ей, благодаря улыбкой за объяснение, и стал вслух благодарить и прощаться.

– Вы заходите ещё, – пригласила его Гуля.

– Спасибо, – улыбнулся ей Эркин. – И вы, как будете у нас в Загорье, заходите обязательно. Адрес...

– А вы скажите, я запомню, – отчаянно кокетничала Гуля.

– Цветочная улица, дом тридцать один, квартира семьдесят семь.

– Спасибо, обязательно, – сказала Валерия Леонтьевна, взглядом останавливая Гулю.

И, когда за гостем закрылась дверь, укоризненно сказала

дочери.

– Ну, всё хорошо, а под конец сорвалась.

– Да ладно, мам, – вздохнула Гуля. – Он красивый, правда?

– Правда, – кивнула Валерия Леонтьевна. – Но так навязываться нельзя. И незачем было всё про Си... Марию Петровну выкладывать. И кличку назвала, и где живёт. Нехорошо.

– Ну, мам, война же уже кончилась.

– Всё равно.

Гуля вздохнула и замолчала: на эту тему – кому что можно и нельзя говорить – спорить не только нельзя, но и опасно. Она помнит, что за лишнюю болтовню бывает.

Красная кнопка на двери лифта светилась, и потому Эркин пошёл вниз по лестнице. И одновременно он подошёл к нужной двери и открылась дверь лифта. На площадку вышел Бурлаков в явно накинутом впопыхах нараспашку пальто, неся в одной руке шляпу, а в другой портфель.

– Ну, здравствуй, – выдохнул он, ставя портфель на пол и порывисто обнимая Эркина.

– Здравствуйте, – немного ошарашенно сказал Эркин, всё же отвечая на объятие из вежливости.

– Молодец, что приехал, – Бурлаков отпустил его и достал ключи. – Извини, что так получилось. Как Алечка, Женя?

– Всё в порядке, спасибо, – отвечал Эркин, глядя, как Бур-

лаков открывает дверь.

Всё получалось не так, и то, что он сорвал Бурлакова, ведь понятно, что человеку нужно отдохнуть, и что эта... Машенька-Синичка не на раз и не на два, а наверняка это серьёзно. Может, и впрямь не стоило дёргаться, подождал бы святок.

– Заходи, – распахнул дверь Бурлаков. – Раздевайся.

– Вы извините, – начал прямо в прихожей Эркин, – я понимаю, вам надо отдохнуть, я тогда скажу вам и пойду.

– Сейчас чайник поставлю, – Бурлаков быстро разделся, повесил пальто и шляпу, переобулся. – И разувайся, вон тапочки, пусть ноги отдыхают, поужинаем и уж тогда обо всём поговорим.

Эркин послушно снял и повесил полушубок и ушанку, снял бурки и взял из тумбочки тапочки. Одну из двух новеньких, явно совсем недавно купленных пар. Невольно ворохнулась мысль, что это специально для них: Андрею и ему. И стало совсем нехорошо на душе.

На кухне Бурлаков поставил на огонь чайник и открыл холодильник. Что у него есть? Котлеты и... ага, вот это, овощные консервы из стратегических запасов, вот и опробуем, спасибо Синичке, натаскала ему всякого-разного, что и быстро, и достаточно сытно. Да, всё правильно, запас должен быть всегда под рукой. Еды, денег и патронов много не бывает. Вскроем банку и вывалим содержимое к котлетам, и масла плеснём. Сковородку на огонь, овощи разровнять...

Эркин несмело вошёл в кухню и огляделся с живым интересом.

– Садись, – улыбнулся ему Бурлаков. – Сейчас ужинать будем.

– Я сыт, – ответно улыбнулся Эркин и уточнил: – Меня чаем напоили. С бутербродами.

– Ну, какая это еда, – отмахнулся Бурлаков. – Так, перекус небольшой. А сейчас поедем.

– Да, спасибо. Но я помешал вам, я понимаю...

– Ничему ты не помешал, – максимально убедительно сказал Бурлаков.

Похоже, Львёнок слишком много рассказала о Синичке. Хотя... нет, наверняка не Львёнок, а её Гулька, но что с девочки взять. А объяснить придётся.

Эркин сел к столу и снова огляделся. Кухня похожа на Андрееву, ну... ну да, понятно, у них же одна кровь.

– Я понимаю, – сказал он вслух, невольно переходя на английский, потому что говорить об этом по-русски не мог. – Кровь выше записи.

– Что-что? – обернулся к нему на мгновение Бурлаков. – Ты о чём?

– У вас с Андреем кровь, а я ему записанный. Кровь важнее, я понимаю.

Так, это совсем интересно. Действительно, не соскучишься. Но всё равно, пусть сначала поест. А там и с этой ахинеей о крови и записи разберёмся.

Молчание Бурлакова убедило Эркина в своей правоте, и он продолжил. А что профессор стоит спиной к нему, так даже удобнее: сказать такое в глаза он бы не рискнул, не посмел.

– Андрей просто ещё не понял этого. Он тогда один был и не помнил ничего, ну, кто он, откуда, знал только, что русский и что лагерник, и ему любой – враг. Опознают и всё, пуля на месте. Или забьют, затопчут. Вот он и придумал. Чтобы не быть одному, чтоб спину прикрыть. Ну и я так же, поэтому. А вы... я же понимаю, что вы ради Андрея согласились, чтобы его не потерять, а так-то... Я – индеец, раб, да ещё и спальник, погань рабская, вы и терпите меня ради Андрея. Только... это обидно для вас, расу сейчас, правда, не теряют, но всё равно. Андрей всё равно ваш, у вас кровь одна. А вот отцовство, что он придумал... это... это обидно. А я не хочу вас обижать, я знаю, каково это, когда вот так, в насмешку дают тебе, что это сын твой, меня так давали, старику негру, так ему деваться некуда было, ну, куда рабу из хозяйской воли, только в Овраг, так туда всё равно сволокут, как умрёшь, а вы же свободный человек. Вам этого нельзя. Не надо так. Нельзя.

Бурлаков перевернул котлеты, перемешал овощи, чтобы равномерно прогревались и обжаривались, достал и поставил на стол тарелки. Да, хлеб ещё. На сковородке затрещало, и он попросил:

– Нарезь хлеба.

Эркин удивлённо посмотрел на него. Он что, ничего не слышал? Но Бурлаков уже снова колдовал у плиты, и Эркин встал выполнить просьбу. Нож... ага, вот он, и тарелка, чтобы ломти разложить. А нож не ах, лучше уж своим. Он достал и раскрыл свой нож. Ломти надо поаккуратнее, всё-таки...

– Готово! – провозгласил Бурлаков, выключая огонь.

Он быстро разложил по тарелкам котлеты и овощи, кивком отметил красиво выложенный веер хлебных ломтей.

– Водку будешь?

– А... надо? – ответил вопросом тоже по-русски Эркин.

Бурлакова настолько явно ошеломили его слова, что Эркин решил объяснить.

– Ну, я же всех правил не знаю. Если пить обязательно, то буду, а так... не хочу. Не люблю я пить.

Бурлаков улыбнулся.

– Не хочешь, значит, не надо.

– А... вам? – рискнул спросить Эркин.

Бурлаков пожал плечами.

– Когда как, но не сегодня.

И, когда уже сели за стол и начали есть, Эркин сказал:

– Если вы из-за меня... отказались, то не надо.

– Не решай за других, – Бурлаков улыбкой смягчил резкость слов.

Эркин опустил ресницы, его лицо стало вежливо отчуждённым, но Бурлаков продолжил:

– Да-да. Я тебя выслушал, теперь ты послушай. Кровь, запись... это всё неважно. Важно, кем люди себя чувствуют. Отец ты, или муж, или брат – это ты сам решаешь, а по крови или по документам... дело десятое. Алечка тебе кто?

– Алечка? – тупо переспросил Эркин, но тут же догадался. – Алиса, да? Дочка.

– Правильно. А почему?

– Ну... ну, Женя мне жена, – Эркин говорил медленно, рассуждая. – Алиса ей дочь, значит, и мне. Мы так ещё там решили, когда документы оформляли, на выезд.

Бурлаков кивнул.

– А до оформления она тебе кем была?

– До оформления? – растерялся Эркин. – Я не думал об этом.

– Так, допустим. А она тебя кем считает?

– Н-не знаю, – затруднённо ответил Эркин.

Разговор шёл не туда, он не понимал смысла вопросов, а думать мешала еда. И, словно почувствовав это, Бурлаков сказал.

– Ешь, потом договорим.

Эркин кивнул и углубился в еду. Бурлаков невольно залюбовался его красивыми ловкими и в то же время сдержанными движениями. И видно, что не старается произвести впечатление, что думает о своём, совсем далёком от еды и не слишком весёлом, а получается... Эркин вдруг вскинул на него глаза, и Бурлаков невольно смутился, чуть ли не покрас-

нел. Но Эркин понял его по-своему.

– Я... обидел вас?

Бурлаков тряхнул головой. И вышло это у него так... по-Андреевски, что у Эркина на мгновение перехватило дыхание, будто он впрямь... водки целый стакан залпом шаркнул. И не сразу сосредоточился на словах Бурлакова.

– И да, и нет. Ты отказываешься от меня, это – да, обидно, очень обидно. Но я понимаю, почти понимаю причину, ты это делаешь, заботаешь обо мне же, так? – и, не дожидаясь ответа Эркина, продолжил: – Так. А на заботу не обижаются. И ты прав, и не прав сразу. Что я согласился ради... – вовремя вспомнил, что для Эркина Серёжа только Андрей, – ради Андрея, да. Но о том, что вы братья, я знал ещё до всего, даже до января. И для меня ты с самого начала был братом... моего сына, а, значит, и сыном.

– Но, – Эркин напряжённо свёл брови. – Разве так можно... ну, так решить и...

– А ты? Когда ты решил, что Алечка твоя дочь?

Эркин задумался и удивлённо пожал плечами.

– Не знаю, как-то само... ну, когда документы оформляли... нет... А! В лагере, в первом, нет, когда я это сам сказал, нет, помню, – он вдруг улыбнулся. – А на Хэллоуин как раз, – он стал перемешивать английские и русские слова. – Мы оборону в Цветном держали, и она ко мне пришла. И я тогда, я сам всем сказал, что это моя дочка.

– Кто-нибудь удивился? Возразил? Ну, что она беленькая,

а ты индеец.

Бурлаков отлично понимал, насколько рискован такой вопрос, но не отступил. И, к его облегчению, Эркин не вспылал, не сорвался, а ответил вполне здраво.

– Нет. Я же сам это сказал. В Цветном это просто. Как сказал, так и есть.

– Понятно, – кивнул Бурлаков.

– Я... я сам это сказал, – Эркин быстро вскинул на него глаза и тут же опустил ресницы. – Без приказа. Мне Женя даже не говорила, что, дескать, Алиса теперь тебе дочь, я сам сказал.

– И я сам. Только не вслух и кому-то, а себе, а потом... я просто согласился, не стал ни возражать, ни расспрашивать. Понимаешь?

Эркин не очень уверенно кивнул.

– Да, но... но зачем? Зачем это?

– А зачем вообще человеку семья?

Эркин снова растерялся.

– Ну... не знаю, ну, у всех же есть, значит, зачем-то нужно, – Бурлаков молча ждал, и он вынужденно продолжил: – Ну... Ну, чтоб не быть одному. Наверное.

– Правильно. И я так же.

– Но...

– Нет. Послушай. До войны у нас была большая семья. И вот в войну один за другим, один за другим... И кончилась война, стал я справки наводить и искать, и... – Бурлаков во-

время перестроил фразу. – Нашёл вас. Тебя, Женю, Алечку...

– А потом и Андрей объявился, – кивнул, закончив за него, Эркин.

– Да, – подхватил Бурлаков, – и если... даже если бы тогда... Андрей ничего мне не говорил, никаких условий не ставил, я бы сказал то же самое. Ты мне сын, твоя жена мне невестка, твоя дочь мне внучка. Понимаешь?

– Д-да, – неуверенно кивнул Эркин.

Бурлаков если и кривил душой, то совсем чуть-чуть, и сомневаться в его искренности Эркин не мог.

– Но... но Женя, Алиса... это понятно, да, Андрей ещё там, в Джексонвилле, Алису племяншкой, это племянница, правильно? Да, так назвал. Мы же в Бифпите записались, а в Джексонвилл уже братьями приехали, только не говорили никому, чтобы, ну... понятно же, только Женя знала, а для всех мы напарниками считались, – рассуждал Эркин.

Бурлаков кивал, внимательно слушая, только на секунду отвернулся, чтобы выключить огонь под чайником, на котором уже дребезжала крышка.

– Но... я... я же позор для вас. Я же – и опять по-английски: – Спальник. Погань рабская.

– Нет! – резко ответил Бурлаков. – Это всё прошлое, раз. Ты не сам выбрал себе эту судьбу, два, – он говорил по-русски, специально, чтобы подчеркнуть суть сказанного. – И три. Детей любят, какими бы они ни были. Больных, здоро-

вых, красивых, некрасивых, умных, глупых, хороших, плохих... любых. Понимаешь, любят не за что-то, а просто любят. Ты вот Алечку... Алису любишь? – Эркин кивнул, и Бурлаков продолжил: – Не за то, что она, да, красивая, умная, хорошая девочка, а если бы было по-другому, ты что, не любил бы её?

– Алиса красивая? – удивился Эркин. – Я не думал об этом.

Бурлаков невольно рассмеялся.

– Вот оно и есть. И что ты... кем ты был, нет, мне не всё равно, мне тоже больно, за тебя, что тебе так плохо было, а я не помог, не защитил, это и боль, и вина моя.

– А что вы могли сделать? Вы же и не знали про меня тогда.

– Всё равно. Это неважно.

– А что важно?

– Важно, что мы нашли друг друга, что живы, что будем жить, защищать друг друга, поддерживать во всём, что мы вместе. Понял?

Эркин кивнул.

– Это... семья? – спросил он, явно проверяя какие-то свои мысли.

– Да, – твёрдо ответил Бурлаков. – Это семья. А кровь или запись... Да даже если нет ничего, просто люди знают, что они – семья. И всё.

– Да, я понял. Значит, – Эркин вдруг опять перешёл на

английский. – Значит, Зибо, ну, которому меня в сыновья давали, вправду так считал? Он... он, когда меня били, прощения у меня потом просил, и он не подставил меня, ни разу, я же ничего в дворовой работе не знал, значит... значит, поэтому, что ему за меня больно, да?

– Да, – ответил Бурлаков так же по-английски и осторожно спросил: – Где он сейчас?

– В Овраге, – ответил Эркин. – Он зимы за две до Свободы умер, я его сам в Овраг и свёз, закопал там, – он сильно потёр лицо ладонями. – Я... я плохим сыном был, меня даже надзиратели за это били, и я даже отцом его ни разу не назвал. Я... – и заговорил уже по-русски: – Я не умею быть сыном, не знаю ничего. Я не хочу вас обижать, а вот... обидел.

– Ничего, – улыбнулся Бурлаков и встал, пощупал чайник. – Горячий ещё, сейчас чаю налью, попьём.

И, разливая чай, продолжал говорить.

– Муж ты хороший, и отец, и брат, так что плохим сыном ты не будешь. Ведь главное не что сказано, а что чувствуешь. Понимаешь?

– Д-да, – с заминкой согласился Эркин и тут же повторил уже уверенно: – Да, это так. Да, я всё понял. Только... вы мне скажете, что я должен делать? Ну, как сын. Чтобы всё правильно было.

– Скажу. Но ты и сам парень умный, – улыбнулся Бурлаков. – Сам сообразишь. Сахар клади.

– Да, спасибо.

Эркин послушно бросил в чашку два куска, как обычно, размешал, глотнул, не замечая вкуса.

Бурлаков перевёл дыхание. Кажется, он выиграл. Но надо же, как повернулось. Никак не ждал, что здесь будет проблема. И такая. Но каков Эркин, а?! Ну, что за золотой парень! До всего ему нужно докопаться, ничего с кондачка не решается, никаких «пусть будет, как будет», и никакой халявы, ни в чём, даже в этом. Повезло Серёже с таким... братом.

Эркин пил чай, не поднимая глаз, и напряжение явно не отпускало его.

– Мне, – наконец заговорил он. – Как мне вас называть? Как Андрей? Батей, да?

– Как тебе удобно, – сразу ответил Бурлаков. – Язык сам по-нужному повернётся.

– Да? – удивился Эркин и тут же кивнул. – Ну да, так и бывает. И... и вот ещё. По-русски вежливо на «вы» говорят, это мне Андрей ещё там, в Джексонвилле, объяснил, но... но я смотрю, нет, слышу, в семье на «ты» говорят, так? Но... Женя вам на «вы» говорит, а Андрей на «ты». А мне...

Он не договорил, но Бурлаков понял и кивнул.

– Так же, как язык повернётся.

– А... обиды тут нет?

– Никакой обиды. Опять же не слова важны, а чувства.

– Да, – согласился Эркин и улыбнулся уже совсем свободно. – Спасибо. Я всё понял. Я тогда пойду сейчас.

– Вот это придумал! Куда?!

– Ну... – Эркин даже растерялся от прорвавшейся в голову Бурлакова обиды. – Ну, вас же ждут, наверняка. Эта... – и смущённо: – Синичка. Марья Петровна.

– Вот болтушка чёртова, – буркнул, остывая, Бурлаков. – Вот сейчас ты и обидел меня. Для меня ты сейчас важен, и никуда я тебя не отпущу. А с... Синичкой я без тебя разберусь. Кстати, привет тебе от неё.

– Она знает меня? – изумился Эркин.

Бурлаков улыбнулся.

– Знает.

– А... – и тут же оборвал себя: – Понятно.

Бурлаков не стал уточнять, что именно понятно, и продолжил своё:

– Так что никуда ты не пойдёшь.

Эркин не очень уверенно кивнул.

– Хорошо. И... и что теперь?

Бурлаков чуть было не вспылил, но тут же сообразил, что Эркин просто спрашивает, без подвоха, и он сам же обещал, что будет помогать ему... быть сыном.

– А теперь рассказывай, как там у вас. Как Женя, Алечка?

– Всё хорошо, – улыбнулся Эркин. – У Алисы в школе одни пятёрки, и не дерётся больше.

– А с кем дралась? – заинтересовался Бурлаков.

Эркин рассмеялся.

– Мальчишки из другого класса цеплялись, не к ней, а к другим из её класса, ну, она и навтыкала им. Теперь не лезут.

– Это она тебе рассказала?

Эркин мотнул головой.

– Нет, я пришёл за ней, ну, учительница и похвалила, что стала умницей и больше не дерётся. Я так и узнал.

– Так всегда и бывает, – кивнул Бурлаков. – Поругал её?

– За что? – удивился Эркин.

– Тоже правильно, – согласился Бурлаков. – Надо уметь защищаться. А у тебя как в школе?

– Хорошо, – улыбнулся Эркин и, чувствуя искренний интерес Бурлакова, стал рассказывать: – Труднее, чем в начальной, но я справляюсь. И... и мне интересно. Я никогда не думал, что учиться так интересно, – и вдруг, неожиданно для самого себя, сказал по-английски. – И не больно. Я-то боялся сначала, что как тогда в учебном Паласе будет.

Бурлаков с трудом удержал лицо и, как будто ничего особого и сказано не было, вернул Эркина в настоящее.

– И что самое интересное? Какой предмет?

– Да всё интересно, – Эркин чуть смущённо пожал плечами. – По истории много непонятного, каждый раз новые слова, а в учебнике не все есть. Ну, по словарю смотрю И Энциклопедии.

– Молодец, – искренне похвалил его Бурлаков.

И Эркин улыбнулся в ответ уже совсем свободно, своей «настоящей» улыбкой. И, понимая, что Андрей Бурлакову куда интереснее, чем он, заговорил о том, что Андрей – первый ученик в классе, по английскому вровень с Тимом идёт,

а по всем остальным... его самого не догонишь. А литература с историей у Андрея вообще от зубов отлетают.

Бурлаков счастливо улыбался.

– А читаешь?

– Что в школе велят, – легко ответил Эркин. – Ну, и ещё... с Алисой, её книжки. Энциклопедию. И... стихи. Андрей тогда привёз. Шекспира и ещё.

– Любишь стихи?

– Люблю, – кивнул Эркин. – Там хорошо, даже если слова незнакомые, то всё равно понятно. И... Жене нравится, как я вслух читаю. А... а вы как?

– Нормально, – подхватил Бурлаков. – Работаю в комитете, в Университете читаю лекции, веду семинар.

– А семинар – это что? – заинтересовался Эркин.

В первый момент Бурлаков даже растерялся: как объяснить привычное, знакомое с детства, сколько себя помнит. Но надо. Эркин смотрит с доверчивой, почти детской открытостью. И отшутиться или, не дай бог, удивиться незнанию – это потерять всё. И второй попытки уже не дадут.

Выслушав его объяснение, Эркин кивнул.

– Понятно, – и улыбнулся. – На урок похоже, – и про себя вспомнил, что кутойс тоже так любит учить, надо будет ему сказать, что это семинаром называется.

– Да, – согласился Бурлаков.

Эркину хотелось спросить, ну, прямо язык чесался, про Синичку-Машеньку, но он удержался. Да и чего спрашивать,

и так же всё ясно. А о чём ещё говорить, он не знал. И потому молча пил уже остывший чай. О сказанном и услышанном он не думал, это всё на потом, слишком странным это было. И ещё... чего-то он устал. Скрывая зевок, он опустил голову, но Бурлаков заметил.

– Время позднее, ты с дороги, давай ложиться.

– Да, – кивнул Эркин, допивая чай.

Усталость всё сильнее и ощутимее придавливала его. И, преодолевая её, он, оттолкнувшись от стола, встал.

– Давайте, я посуду помою.

Удивление Бурлакова длилось полсекунды, не больше.

– Хорошо, спасибо. А я пока постелю тебе. Спать будешь в кабинете.

– Да, Андрей рассказывал.

Обычная вечерняя суета, нет, необычная и для Бурлакова, и для Эркина. Но оба, не сговариваясь, старались, чтобы всё было как... как обычно. Будто ничего особенного не происходит. И даже обилие книг в кабинете не вызвало у Эркина никакой реакции, во всяком случае, внешней. Нет, он, конечно, и заметил, и удивился, хотя Андрей и расписывал ему цареградские чудеса и профессорское жильё, но слишком устал, чтобы ещё о чём-то думать. Лечь, закрыть глаза и чтоб уже ничего не было. И, понимая это, потому что самого так же вымотал этот разговор, Бурлаков уже ни о чём серьёзном не заговаривал, только самые необходимые и самые житейские слова.

И вот всё убрано, всюду погашен свет, сонная тишина в квартире. День закончен.

Эркин вздохнул, потянулся под одеялом, уже засыпая, и распустил мышцы. Ну вот, всё он сделал и, похоже, сделал правильно. А дальше... дальше посмотрим, каково это – иметь отца. Зибо... Зибо не в счёт, он его никогда отцом не считал, ни минуты. Был бы Зибо индейцем, ну, хотя бы метисом или полунегром, ещё бы могло по-другому повернуться, а так... сволочь он, конечно, и чурбан бесчувственный, не подыграл старику, но... дело уже прошлое, а сейчас... сейчас всё по-другому. И не по приказу, а сам решил, так, значит, назад не крути. Он вытянулся на спине и закинул руки за голову. И, уже совсем засыпая, подумал, что вроде на столе стоят фотографии из тех, свадебных, надо будет посмотреть утром, и зачем это профессору?

Ижорский Пояс

Загорье

Конечно, никуда Андрей не пошёл, играл с Алисой, возился в кладовке, заново поточил и поправил все ножи, потом – Алиса уже спала – пил вдвоём с Женей чай на кухне.
– Всё будет хорошо, Женя.

– Я знаю, – кивнула Женя. – Спасибо, Андрюша.

– Он... он так и не сказал тебе, зачем поехал? – рискнул Андрей.

Женя покачала головой.

– Нет. Ты же знаешь Эркина, Он если решит что...

– Знаю, – кивнул Андрей. – Братик у меня... С характером.

Женя вздохнула и улыбнулась.

– Он гордый. И горячий. Знаешь, когда мы ехали сюда, он в поезде сцепился с одним, ну, я на боковой нижней с Алиской, – Андрей понимающе кивнул. – А тот мимо шёл, ну, и споткнулся, чуть не упал на нас, Так Эркин спрыгнул, за грудки его взял, я даже испугалась, что прямо убьёт.

Андрей живо представил это себе и хмыкнул:

– Мог и убить.

– Андрюша! – Женя укоризненно прокачала головой.

– Шучу, Женя, шучу. А если всерьёз... за тебя и Алиску... – Андрей покрутил головой. – Эркин всё может, на всё пойдёт.

Женя невольно кивнула.

– Да, я знаю. И за тебя. Эркин так переживал, ну, когда мы думали, что тебя убили. Он себя винил. Ну, что послал тебя, и ты... погиб. Всё говорил, что лучше бы его.

– Ну, это он зря. Ладно, Женя, прошло и бог с ним, – Андрей залихватски отмахнулся и стал серьёзным. – Либо жить, Женя, либо помнить.

Женя задумчиво кивнула.

– Так, Андрюша. Но ведь и хорошее было.

– Было, – согласился Андрей. – А это надо помнить. Чтобы выжить. Памятью с умом надо пользоваться. Как... оружием.

Андрей отхлебнул чаю, улыбнулся какому-то воспоминанию и тряхнул головой, отгоняя его.

– Всё нормально, Женя. Раз выжили, то и проживём.

Женя понимающе улыбнулась.

– Ты ведь другое хотел сказать, так?

Андрей вскинул руки ладонями вперёд.

– Сдаюсь, Женя, поймала так поймала.

– Ну, так говори.

Андрей вздохнул. Женя, улыбаясь, смотрела на него, и он сдался.

– Женя, ты помнишь своих? Ну, родителей.

Женя кивнула, продолжая улыбаться.

– Помню. Мне уже десять лет было, когда я уехала в школу. А папу убили, мне уже... да, восемь или даже девять было.

– Убили? – переспросил Андрей.

– Да. Слышал такое, – и по-английски: – White Death.

Андрей вздрогнул, и лицо его стало таким злым, что Женя даже испугалась.

– Андрюша?! Что с тобой?

Скрипнув зубами, Андрей пересилил себя.

– Ничего, Женя. Значит, и тебя он...

– Кто «он»? Андрюша? Белая Смерть, – назвала она по-русски чтобы хоть этим немного успокоить Андрея. – Это не один человек, их было много, целая... организация, да, так.

– А сколько б ни было... Ладно. А...? – он остановился, не договорив, не в силах выговорить.

– Мама? – пришла к нему на помощь Женя и вздохнула. – Её тоже. И те же. Так мне соседка и написала. Взяла Белая Смерть.

– Ты...

– Нет, Андрюша. Надо жить. И помнить. Знаешь, я иногда думаю, представляю, что, если бы... как было бы тогда. Как папа дружил бы с Эркином. И тобой. И мама...

– Женя, – перебил её Андрей, – ты одна была? Ну, ни брата, ни сестры там? А ещё какая родня?

– Никого, Андрюша. Я была одна. Потом появилась Алиска, Эркин, нет, Эркин раньше, первым, Эркин, Алиска, ты, Игорь Александрович... Нас уже вон сколько. А потом ты женишься, и у Алиски будет тётя и двоюродные братья и сёстры, кузины и кузены... – голос у неё вдруг прервался.

И Андрей, сообразив, что родных братьев и сестёр у Алисы не будет, Эркин же ему рассказывал, отвёл было глаза, но тут же забалагурил.

– Да ещё батя женится, во фокус будет!

– А почему бы и нет? – заставила себя улыбнуться Женя, поняв его намерения.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – вдруг помрачнел Андрей.

– А почему нет? – повторила Женя уже другим тоном. –

Ты же сам говоришь, что было, так то прошло.

– А ты говоришь, что надо помнить, – возразил Андрей. –

Что до всего было, я помню. Маму, сестрёнок... Эх, Женя, были бы они... были бы одной семьёй... Ладно, проехали.

Что-то не туда едем, – Андрей улыбнулся. – Мы есть?

– Есть, – кивнула с улыбкой Женя.

– Значит, и будем.

Андрей обеими ладонями прихлопнул по столу сказанное и встал.

– Пойду почитаю.

– Конечно, Андрюша, – встала и Женя, собирая посуду. –

Иди, иди, я уберу.

Андрей задержался в дверях.

– Спокойной ночи...

Прозвучало это вопросом, и Женя ответила:

– Спокойной ночи, Андрюша.

У себя в комнате Андрей взял из шкафа наугад какую-то книгу и лёг на диван. Бездумно заскользил по строчкам глазами. Вот, значит, оно как. И тут Белая Смерть. Как Женя сказала? Их много... ну, это ясно, кликуха одна, а под ней многие разные ходят. Хитро, конечно, обычно у одного несколько кликух для разных случаев, но и такое бывает, доводилось как-то слышать. Ну... ладно, дело прошлое. А молодец Женька, держится – позавидовать можно. А говорили,

что женщины крепче мужиков бывают. И круче. Болтали об этом. Но что это она сказала, что Эркин до Алисы появился? Алиске семь лет, а Свободе – два, нестыковка тут у Женьки. Ну, да ладно. Это неважно уже. Значит, никого у Жени. И смотри, выжила, а одной, да ещё с ребёнком... хреново. Но как Белая Смерть не добралась до неё? Упустила... хотя... и это бывает, видно... нет, это всё в прошлом. Но вот и понятно, чего сюда забрались, подальше от границы, от Белой Смерти, а раз это целая кодла, то наверняка кто-то да уцелел, сволочи – они живучие, а если... в бараках болтали, что если прицепятся, то уж до конца... Видно, и там из-за этого Женька в такую глухомань забилась, а если сюда потянут... Ну, мы с Эркином, кто ещё, Тим, батя со своим Комитетом, а на крайний случай Фредди, у него, конечно, свои счёты, но за Белую Смерть он не встанет, за нас будет, и ещё Джонатан в тылу, ни хрена, отобьёмся!

Андрей улыбнулся, захлопнул книгу и встал. Время, конечно, не детское, а, скажем... гулевое, но раз не читается, то спится всегда. А завтра... ну, бог даёт день, даёт и на день. Или это про детей говорится? Да, бог даёт детей, даёт и на детей. И так, и так слышал. Ну, так и не будем трепыхаться попусту.

Под эти мысли он быстро постелил себе, сходил в ванную. В квартире было тихо и темно. Возвращаясь к себе, Андрей проверил замки на входной двери. И спать он лёг, совсем успокоившись.

Царьград

Бурлаков понимал, что надо бы позвонить Синичке и успокоить, но телефон в кабинете, а он как-то закрутился и вспомнил об этом, когда Эркин уже лёг. Ну, и ладно, пусть спит спокойно, а с Синичкой уладим, она – умница, всё поймёт. И надо, конечно, поставить в спальню спарку, но это когда с деньгами полегче станет. Свадьба, конечно, все его суеки подмела, но зато отношения наладились.

Как и тогда, с Серёжей, он лежал в постели без сна и, казалось, слышал ровное дыхание за стеной. И снова блаженная пустота. Сын, да, там спит его сын. И говоря с ним, он ни в чём, ни в слове, ни в мысли не покривил душой. И не всё ли равно, что и как было когда-то, не та мать, что родила... а если так, что и не родил, и не воспитал, а... принял, да, так. И, конечно, будет разное и всякое, и характер у Эркина не самый лёгкий, но поладить с ним можно. Так что, чудо продолжается?

Мысли ровно цеплялись друг за друга, не изнуряя, а даже помогая отдыху. Он сам потом не мог толком понять, спал или нет, но вдруг увидел просвечивающую штору на окне и ощутил себя свежим и полным сил.

Бурлаков откинул одеяло и встал. Прислушался. В квартире предутренняя тёплая тишина. Эркин спит. Ну и пусть спит. День у парня был вчера нелёгким. Смотри-ка, прямо

стихами заговорил на старости лет. Стараясь не шуметь, он привёл спальню и себя в порядок, поставил на огонь чайник и занялся ревизией холодильника, пытаясь придумать на завтрак что-нибудь, кроме яичницы.

Эркин разбудил не так шум в квартире, как чувство времени. Утро, но ещё можно полежать. Ночью что-то снилось, но снов он не помнил. А вчера... вчера всё закончилось хорошо. Он даже не ждал, что так обойдётся. И что, у него теперь есть отец? Получается, что так. Вот уж чего не ждал. Ну, раз так, то, значит, так. Дома надо будет с Женей поговорить, о её отце. Она говорила тогда, что его убили. И значит, то, что он признал своим отцом Бурлакова, а не её отца, Женю не обидит. Значит, так тому и быть. А Зибо... Зибо мёртв и не в обиде на него. Обиделся бы, так уж пришёл. Эркин прислушался и потянулся, выгнувшись на арку, так что одеяло само свалилось с него.

Возясь на кухне, Бурлаков слышал, как открывались и закрывались двери кабинета, уборной, ванной. И на кухню Эркин пришёл уже одетый в джинсы и такую же рубашку, только в шлёпанцах.

– Доброе утро, – улыбнулся он с порога.

– Доброе утро, – ответно улыбнулся Бурлаков. – Садись, завтракать будем.

– Да, спасибо.

Эркин сел на вчерашнее место, огляделся с живым интересом. Вчера он был слишком занят разговором, чтобы гла-

зеть по сторонам. Вот этот белый шкаф... Андрей говорил ему... а называется он...

– Это... холодильник? – спросил он Бурлакова.

– Да, – кивнул тот.

– Я... посмотрю. Можно?

– Конечно, – даже удивился вопросу Бурлаков. – А что, не сталкивался раньше?

– Нет, – мотнул головой Эркин. – Читал только. В газете у нас писали, а в продаже не видел, ни в одном магазине.

Он встал из-за стола, подошёл к холодильнику, оглядел его со всех сторон, осторожно взялся за ручку. Бурлаков с улыбкой наблюдал за ним.

Закончив осмотр, Эркин обернулся к Бурлакову.

– Спасибо. А... они продаются?

– Конечно.

Эркин кивнул и сел к столу.

– Удобная штука.

Бурлаков разложил по тарелкам яичницу, налил чаю. Принялись за еду, и опять он невольно залюбовался ловкими красивыми движениями сына.

Эркин совсем успокоился, вчерашние страхи ушли, не исчезли, правда, но он уже о них не думал и не вспоминал, расспрашивая Бурлакова о магазинах. Надо же домой гостинцев столичных привезти. И подарков.

– А на шауни книги где-нибудь есть? А то ни в Загорье, ни в Сосняках нет, – Эркин смущённо улыбнулся. – Кроме

букваря, и читать нечего.

– Понятно, – кивнул Бурлаков. – Это надо в «Дом Книги» или в магазин при постпредстве.

– А это что? – сразу спросил Эркин и пояснил: – Меня и в Комитете вчера туда послали.

– Постпредство – это постоянное представительство Союза Племян, – ответил Бурлаков.

Он ожидал новых вопросов, но Эркин только кивнул. Про Союз Племян он слышал от кутойса и достаточно ясно представлял, о чём речь.

– Сейчас я в «Дом Книги» позвоню, узнаю, – встал из-за стола Бурлаков.

– А я посуду помою, – сразу решил Эркин.

В центральном и главном магазине книг на шауни не оказалось, там даже удивились вопросу, но сказали, что книги об индейцах есть на русском.

– А он далеко? – сразу спросил Эркин. – Успеем до поезда?

– Конечно, – бодро ответил Бурлаков. – Заодно и по центру походим.

– А в... постпредство, – с небольшой натугой выговорил Эркин, – в другой раз.

– Хорошо, – согласился Бурлаков.

Эркин оглядел убранную кухню, вытер руки кухонным полотенцем и повесил его, аккуратно расправив. Ну вот, всё в порядке и всё отлично. Он вышел из кухни и отправился

собираться. Потому что сюда уже не вернётся: незачем, да и времени не так уж много и осталось.

День походил на вчерашний: сухой, холодный, но пасмурный. Они шли рядом, и Бурлаков, искоса поглядывая на Эркина, замечал, к своему удивлению, что они – Эркин и Серёжа – и впрямь похожи. Такой же жадный и в то же время доброжелательный интерес к окружающему. Эркин, правда, несколько сдержаннее, но это, видно, в силу возраста.

Эркина так же поразило многолюдье Царьграда. Андрей рассказывал ему, конечно, но одно дело услышать, а другое – увидеть самому, телом ощутить эту толкотню и удивиться, как с привычной ловкостью лавирует в этой толчее Бурлаков.

Магазины, трактир, где они пообедали, улицы, торговые ряды... Серьёзное и, можно сказать, вдумчивое отношение Эркина к покупкам даже умилило Бурлакова. Никакой бесшабашности, да, копейку поставить ребром может, но сделает это тогда и так, когда и как посчитает наилучшим вариантом. Интересно, это национальная или индивидуальная черта? Приедет Миклуха, надо будет поговорить с ним, тот как раз сейчас индейцами всерьёз занялся, вылезает с Равнины только на ежегодную конференцию, когда она там в секторе этнографии и этнологии, надо будет уточнить, ну, и самому, конечно, почитать, порыться в библиотеке.

Эркин всё время чувствовал на себе внимательный взгляд Бурлакова, но он почему-то не беспокоил и не обижал. Будто... будто и впрямь они свои: он Бурлакову и Бурлаков ему.

И на вокзал он пришёл не только успокоившись, но и удивившись в правильности своего поступка.

Как и рассказывал ему Андрей, он купил в кассе билет до Ижорска, взяв боковое нижнее место.

Зашли в вагон. Эркин деловито разложил вещи, повесил полушубок и ушанку. И снова Бурлакова поразила красота его движений. Не вымученная, не напоказ, а естественная, чувствовалось, что Эркин не думает об этом, тем более не старается произвести впечатление.

– Я приеду на Рождество, – сказал Бурлаков, когда они сели за маленький вагонный столик.

– Да, – кивнул Эркин и вдруг спросил: – С ней?

Бурлаков даже не сразу понял о ком, а поняв, невольно вздохнул. Если бы Серёжа относился к этому так же, с такой же естественной простотой, но... но Серёжа помнит мать, для него Римма жива.

– Нет, – ответил Бурлаков и, видя внимательные, ждущие объяснений глаза Эркина, добавил: – Сер... Андрею будет тяжело, он... он помнит... маму.

Эркин задумчиво кивнул и неожиданно предложил:

– Поговорить с ним? Ну, чтоб он не обижался.

– Нет, – сразу решил Бурлаков. – Здесь должно время пройти. Понимаешь, раз он недавно всё вспомнил, то это всё для него живо. Вот ты... – он не договорил, испугавшись, что обидел Эркина намёком на то, что тот забыл свою мать.

– Мне нечего помнить, – ответил Эркин по-английски. –

Я питомничный, нас сразу после рождения забирают. Ни мы их, ни они нас не видели. А выкармливают совсем другие, до года, а потом забирают и тоже... Я себя таким маленьким совсем не помню.

Он говорил об этом очень просто и спокойно, не жалуясь и не негодуя, а объясняя незнающему. И то, что Бурлаков ничего не знает о питомниках, не обижало Эркина. Откуда тому знать, если даже там, в Алабаме, кто в питомниках не работал, тот ни хрена о них не знал. Того же Фредди взять, к примеру.

– Отправление через три минуты. Провожающие, выйдите на перрон, – крикнул из тамбура проводник.

Бурлаков и Эркин одновременно встали и пошли к выходу. В тамбуре и на перроне перед вагоном толпились и что-то кричали люди, разделённые фигурой проводника. Эркин и Бурлакова сразу оттеснили друг от друга, и им пришлось не так перекрикиваться, как... просто помахать друг другу, потому что поезд дрогнул и медленно тронулся. Пройдя несколько шагов вровень, Бурлаков отстал.

Эркин, уже не видя его и подражая увиденному у других, помахал рукой, на всякий случай ещё раз и вернулся в вагон.

Ну вот, что хотел, то и сделал. Съездил, поговорил, как это, да, правильно, объяснился. Что ж, раз профессору не обидно, что сын – грузчик, индеец, раб, был спальником, и раз это сохраняет ему Андрея братом, то, опять же как говорят, за ради бога. Ему и не к такому приходилось приспособ-

сабливаться. И ничего сверхсложного, и особого от него не требуется. Просто... жить, как все, как само собой получается. А теперь... теперь до Ижорска, а там на такси или автобусе домой. Нет, как же всё-таки здорово, что у него есть дом, и он едет домой... к родным. Жена, дочь, брат, а ездил в Царьград к отцу. Эркин с новым, неиспытанным ещё удовольствием проговаривал про себя эти слова. Он как-то заново ощутил их, хотя знал уже давно и считал, что привык называть Женю женой, Алису дочкой, а Андрея братом. А теперь ещё и отец... новое слово, но он привыкнет.

Верхним соседом оказался молодой, но с сильной проседью мужчина в военной форме без погон и со споротыми петлицами и нашивками. Молча, не глядя на Эркина, опустил свою полку, забросил туда потёртый чемодан, армейскую куртку и ушёл.

Есть Эркин не хотел, пить тем более. Он сидел и смотрел в окно, спокойно отдыхая от пережитого за эти сутки, а, чтобы не выделяться, сходил к проводнику за чаем. Всё хорошо, всё спокойно, всё правильно.

Прямо с вокзала, как и в прошлый раз, Бурлаков поехал к Синичке. Но если тогда, проводив Серёжу, он просил ни о чём его не спрашивать, боясь спугнуть неожиданное чудо, то сейчас его настолько переполняла радость, что неудержимо хотелось рассказать, поделиться радостью. Поэтому что Эркин, что-то решив, уже решений не меняет. Есть

в нём, чувствуется такая основательность, внутренняя сила, не только физическая, разумеется. Как же повезло Серёже встретиться и побрататься именно с таким парнем.

У Синички сидела Львёнок, и они встретили Бурлакова как когда-то: радостно, но не расспрашивая ни о чём. Но он понимал, что рассказать придётся. Ну, Синичка знает, а Львёнок...

– Тебе привет.

– Спасибо, – улыбнулась Марья Петровна. – Бери печенье.

– Всё удачно? – улыбнулась и Валерия Леонтьевна.

– Да, понимаешь, Львёнок, – Бурлаков отхлебнул чаю, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. – Так сложилось, но... но Эркин мой сын.

Он ждал чего угодно, но не того, что Львёнок останется спокойной. По крайней мере, внешне. Она спокойно ждала дальнейших объяснений, и это спокойствие означало уверенность, что объяснения последуют. Но она и раньше была такой: пока что-то неясно, ничего не предпринимать, действовать только наверняка, просчитав все варианты, а это возможно только при максимально полной информации.

– Понимаешь, Львёнок, я думал, что все мои погибли. И по документам так выходило. А оказалось... Серёжа, мой сын, выжил.

– Как те двое? – повела головой, указывая куда-то за стену, Валерия Леонтьевна.

– Почти, – кивнул Бурлаков. – Только к нашим тогда не

попал, выживал в заваруху, – последнее слово он произнёс по-английски, и обе женщины понимающе кивнули. – А там... очаговая амнезия, и всё сопутствующее. Ну и... повстречался с Эркином, тот был рабом и тоже... выживал. Они побратались.

Валерия Леонтьевна улыбалась, а в глазах у неё стояли слёзы.

– Как я узнавал и как искал, история долгая, местами грустная и сейчас уже совсем не важная, как-нибудь потом расскажу. А результат... Теперь у меня два сына. А ещё невестка и внучка. Женя и Алечка.

– Я показала фотографии, – сказала Мария Петровна. – И зачем приезжал Эркин?

– Поговорить, – Бурлаков одновременно и вздохнул, и улыбнулся. – Выяснить отношения.

Мария Петровна облегчённо улыбнулась.

– Я уж испугалась, что... случилось. То самое.

– Нет, там, – Бурлаков неопределённо повёл головой, – всё в порядке.

– Там, это в Загорье, – невинно уточнила Валерия Львовна. – На Цветочной улице, дом тридцать один, квартира семьдесят семь, – и рассмеялась над изумлённо-возмущённой физиономией Бурлакова. – Спокойно, Крот, он сам назвал мне адрес и пригласил в гости. И меня, и Гулю.

– Только её там не хватает! – возмущённо фыркнул Бурлаков. – И небось, уже всех обзвонили, всем и всё растрепали.

ли...

– Что ты сквалыга и эгоист, все и так знают, – спокойно перебила его Валерия Леонтьевна. – Такой праздник зажить... это надо уметь.

– Ну, так он у нас весь такой, необыкновенный, – вступила Мария Петровна. – И скрытный. Роемся там себе тихонько под землёй, исторические ходы прокладывает.

– От вас скроешься, как же, – хмыкнул Бурлаков и стал серьёзным. – Нет, девчата, не хочу я звона. Сам ещё полностью не осознал причин, а... не хочу.

Валерия Леонтьевна задумчиво кивнула.

– Кажется, я понимаю. Не хочешь возбуждать зависть, раз, и...

– И необоснованные надежды, два, – подхватила Мария Петровна. – Так, Гаря?

– Да, – кивнул Бурлаков. – Это вы, девочки отлично сформулировали, спасибо. И навели на главное. И денежный вопрос, три.

Женщины переглянулись, и он продолжил.

– Как семья члена Комитета они теряют право на ссуду. Вспомните, сами же за это голосовали, что работа в Комитете никаких, – он голосом выделили это слово, – преимуществ и привилегий не даёт. Нас причислили к воевавшим, фронтовикам, мы получили свои официальные «дембельские», по медпоказаниям, кому положено, пенсии по инвалидности, и всё, дальше работаем и зарабатываем сами. Кто где может.

Работа в Комитете общественная. А ссуды только для репартиантов.

– Но... – в один голос начали обе.

– Да, прецедентов не было, – перебил их Бурлаков, – и я не хочу быть первым. Они все Морозы, а я Бурлаков. Ума и гордости не лезть и не просить чего-то сверх уже полученного там вполне хватит. Так что, вы уже знаете, вам можно, а больше никому и незачем.

– А Змей? – спросила Мария Петровна.

– Это моя проблема, – спокойно и твёрдо ответил Бурлаков. – Сам и решу. Всё, девочки, спасибо за наводку, что бы я без вас делал, – и резко меняя интонацию и тему: – Львёнок, а Гуля где? Гуляет?

– Как же! – фыркнула Валерия Леонтьевна. – Втюрилась по уши, сидит теперь над природоведением и мечтает о красавце-индейце, – и сама мечтательно вздохнула. – Но красив он у тебя... обалденно.

– Тоже втюрилась, – констатировала Мария Петровна. И вздохнула.

И они втроем долго захлёб хохотали.

Ижорский Пояс

Загорье

Дорога до Загорья потом вспоминалась Эркину смутно. Нет, он всё видел, слышал, сознавал, делал всё, как положено, но всё равно это было вне его, помимо него. А главным было никогда не испытанное им ранее спокойствие, сознание правоты и правильности сделанного. И... и чего-то ещё, пока непонятного, но тоже хорошего.

В Ижорске, в отличие от Андрея, он, никуда не заходя, сразу пошёл к автобусам. Если повезёт, то будет дома засветло. И нужный автобус сразу нашёлся, свой, загорский, и даже шофёр знакомый.

Эркин занял удобное место, пристроил заметно отяжелевший и раздувшийся от цареградских покупок портфель и стал ждать, пока наберётся достаточно пассажиров: не повезут же его одного, как лендлорда или фон-барона. Интересно, а кто это такой – «фон-барон», и он выше или ниже лендлорда? Чёрт, ведь мог у профессора спросить, да забыл. Так и поважнее проблемы были. Но теперь-то... теперь-то всё хорошо. И будет у него – Эркин улыбнулся – настоящая семья, как в книжках пишут и в кино показывают. Правда,

там почему-то всегда есть мать, а нет отца, а у него наоборот. Но это не страшно, совсем не страшно. Жена, дочь, брат, отец... а Андрей женится, его жена ему невестка, вроде так, а он ей? Деверь или шурин? Ладно, это он дома посмотрит. А будут у Андрея дети, так он им – дядя, а они ему – племянники и племянницы. Большая семья, целый род. Он не один, и Алиса... она тоже никогда уже не будет одна. Кутойс им рассказывал, что такое род, и что когда индейцы бежали из Империи на Равнину, то зачастую от всего племени оставалось двое-трое, а то и один, и с этого одного начинался новый род. И имя родоначальника становилось именем рода. А Полина Степановна говорила, что «хоть горшком назови, только в печку не ставь», это когда зашла речь об именах, откуда они взялись и что значат, так что и имя – не главное. Захочет Андрей имя переменить, стать снова Сергеем Бурлаковым, так и пускай, всё равно Андрей – его брат, с любым именем. А сам он ничего менять не будет, останется Морозом. Эркин Фёдорович Мороз.

Мысли были спокойными, уверенными и неспешными. Автобус тем временем заполнился, и теперь за окномплыли белые поля и заснеженные деревья. Белёсым, как будто и его присыпало снегом, было и небо. «А насколько лучше алабамской слякоти!» – весело подумал Эркин. Нет, как здорово, что они уехали именно сюда, что вообще уехали из Алабамы, из Империи, будь она трижды и четырежды проклята. Говорят, правда, что теперь это Федерация, а не один

хрен?! Люди-то те же, и нелюди тоже. Фредди обмолвился тогда, что «ты совсем русским стал». И остальные ему это говорили. Ну, так и пусть. Да, он – индеец, был им всегда, и будет. А теперь он и говорит на шауни, и пишет, а профессор обещал поискать книг и прислать, будет что почитать, и ему с Андреем, и Алисе, а «Сказки Равнины» на русском он уже купил, дорогушая книга, но толстая, с картинками, а... а можно будет и попытаться обратный перевод сделать, как им Джинни на английском задаёт, кутойс не откажется помочь. Нет, всё так, он не отказывается, но его Родина теперь здесь. И родные у него все русские, жена, брат... отец. Да, а Алиса? Русская или раз она его дочь, то индианка? Интересно. Надо будет подумать.

– Загорье, – бросил через плечо шофёр.

Эркин очнулся и встал, подхватив свой портфель.

– Тебе на «Корабль»? – спросил шофёр, когда он подошёл к кабине.

Эркин кивнул, счастливо улыбаясь. Он – дома!

2000–2020